

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2018. 49(3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США

Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.09.2018 г.

Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 54.

Тел.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2018. 49(3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTOWN, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.09.2018

Order № 54.

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@su-tr.ru
Website: <http://ejournal52.com>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

CONTENTS

ARTICLES AND STATEMENTS

Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources) L.A. Bobrov, A.A. Sheykhumerov, A.V. Salnikov	884
Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars R.A. Martyushov, Y.V. Shirin	915
The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture O.N. Naumenko, E.A. Naumenko	931
The War as “Challenge” of Socio-demographic Modernization in Russia during the 18 th – the early 20 th century K.V. Samokhin	940
Material Support of the Clergy of the Tobolsk North in the XVIII – early XX centuries Olga P. Tsys’	949
Sacheverell Case as a Clash of Religious and Political Interpretations of the Glorious Revolution in England in the early XVIII century L.V. Sidorenko	959
The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842) S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy	970
Activity of V.N. Tatishchev on the Arrangement of the Kalmyks when he was a Governor of Astrakhan and the Head of the Kalmyk Commission (1741-1745) B.K. Salaev, D.A. Suseeva, T.S. Esenova	980
Birch Bark Tobacco Boxes of the XVIII-XIX centuries of Turkic People in the Taiga Region of Chulym (the South of Western Siberia) O.B. Belikova	992
Topography of the Ruthenian Population in Slovakia in the 18 th century through the first half of the 20 th century P. Tišliar, B. Šprocha	1009
The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774–1857) V.G. Ivantsov, Yu.N. Makarov, L.G. Zimovets, N.A. Shevchenko	1019
Reasons for Leaving the Church Service by Clergy in the second half of the XVIII – early XIX centuries (on the Example of the Tobolsk diocese) A.V. Spichak	1028
General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus I.A. Ermachkov, L.A. Koroleva, N.V. Svechnikova, J. Gut	1037
«Petersburg Historical School» XVIII – early XX century: Historiographical Context and Research Methods A.Yu. Dvornichenko, E.A. Rostovtsev, D.A. Barinov	1046
State Youth Policy in Pre-Revolutionary Russia: from Social Stratification of Society to Full Social Regulation P.A. Merkulov, A.L. Eliseev, D.V. Aronov	1061

Confessional State Policy of Alexander I V.S. Khizhnyak, M.A. Lipchanskay, M.N. Laydasheva-Ilicheva	1074
The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX century: the Geopolitical Interests of the Parties E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, S.I. Natalevich	1084
To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year D.V. Ovsjannikov	1092
Crown Gypsies of Bessarabia and Russia's State Policy (1828–1836) V.N. Shaidurov	1101
Features of Wedding Traditions and Rituals in the Territory Siberian Region in the XIX – Early XX Centuries Yu.V. Putilina, O.V. Ustinova, O.V. Natolochnaya	1111
The Plague in the Caucasus, 1835–1839: Features of Detection and Counteraction G. Rajović, D.O. Ezhevski, A.G. Vazero, M. Trailovic	1119
«The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East T.I. Troshina, N.S. Avdonina, M.Yu. Zadorin	1125
Financial Support of Gendarmerie Supervision over the Gold Mining Industry in Siberia in the Middle of the 19th Century P.P. Rummyantsev	1140
Features of the Land Policy of the Tsarist Administration in Semirech'ye in the second half of XIX century L.A. Bissebayeva, B.S. Aimbetov, B.T. Zhubanyshov, B.K. Omarova	1149
From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries V.B. Karataev, P.Yu. Grosheva, L.V. Shkvaryia	1159
"The Case of the Loss of the Russian Peasant Settlers in the Steppe Region of Religious and Moral and National Character": the Position of the Russian Orthodox Church (end of XIX – beginning of XX centuries) Yu.A. Lysenko	1166
Russia and Austria-Hungary: Non-Political Dialogue of Two Empires in the last third of the XIXth – the beginning of the XXth century I.V. Kryuchkov, N.D. Kryuchkova	1175
Agriculture in the North Caucasus in late 19 th – early 20 th century: Evolutional Challenges V.N. Ratushnyak, T.V. Ratushnyak	1186
Salary as a Source of Material Security of Parish Clergy of the Central Black Earth in the second half of the XIX century – early XX century S.A. Ikonnikov	1195
Reconstruction of the Order's Numbers of the Votkinsk Plant's Shipbuilding Workshop on 1865-1902 N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, D.V. Matveev	1203
Coverage of the Siberian Theme on the Pages of Historical Magazines of the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the magazine " Russian Antiquity») I.V. Pivovarov, Yu.V. Putilina, Y.V. Zubareva, A.M. Mamadaliev	1216
Persian-Citizen Population of the Terek region in the Socio-Economic and Cultural Processes of the second half of XIX – early XX centuries S.A. Khubulova, L.Ch. Khablieva, Z.E. Dzotsoeva, S.S. Magamadov	1224

Volga Germans: Famous and Influential People in the Saratov Region of the early XX century I.N. Litvinova, O.A. Karagodina	1237
Musical and Educational Activity of E.G. Gorodetskaya in Irkutsk in the Context of Development of the National System of Musical Education (1901–1917) I.A. Kolokolnikov, Y.A. Petrushin	1248
"We Have Not Done Anything": The First Stage of Work on the Official History of the Don Cossacks (1902-1908) A.Y. Peretyatko	1258
The Russian Intelligentsia's Search for New Forms of Creative Expression during the Inter-Revolutionary Period (1905-1917) T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, D.N. Gergilev, L.F. Malyutina	1270
Development of Out-of-school Education in Western Siberia at the beginning of the XX century Elena M. Redkina, A.B. Khramtsov	1278
«Little Speransky» of Siberia: on the Activities of Yakutsk, Yenisei Governor Ivan Kraft from 1906 to 1914 T.G. Karchaeva, E.N. Garin, M.D. Severyanov	1287
Enlightening Activities of the Tsarist Government in Semirechye in the early XXth century (According to the Documents from the Fund of the Head of the Semirechye Region's Resettlement Administration) O.H. Mukhatova, G.B. Tleubekova, N.N. Kurmanalina	1296
Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, S.I. Adinyaev	1307
Milan Štefanik and Formation of Czech and Slovak Legions in the USA B.V. Kolesnikov, O.Yu. Redkina	1321

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 884-914. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.884
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES AND STATEMENTS

Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources)

Leonid A. Bobrov ^{a, *}, Amet-han A. Sheykhumerov ^b, Alexey V. Salnikov ^c

^aNovosibirsk State University, Russian Federation

^bTaurida Academy in V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

^cArmavir Socio-Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of european, russian, ottoman and crimean-tatar written sources of 15th – mid-17th centuries containing information about spears and javelins of crimean tatars and nogai. In the texts written in Latin language this weapon is referred as "hasta", in English – as "lance" or "horseman's staff", in Italian – as "lanza", in Russian – as "kopye" i.e. spear, etc. The term "kopie" is usually used in the works of Polish authors of 16 – first half of 17 centuries as well, as later the Kalmyk term "dzid" is.

It is known that the Crimean Tatars used various types of stabbing long-shafted pole weapons for close and distant combat. There are no descriptions of Tatar spears in the most part of written sources. Only Giles Fletcher draws the attention of readers to the similarity of Tatar spears (horseman's staff) with the bear spear "with which they hunt bears". Thus, some Tatar spears could have a wide-bladed spearheads. Important changes in the warfare of the East European nomads occurred in 15-16 centuries due to various reasons – military and political as well as economic ones. Comparing to the warfare of the Golden Horde of 14th century, the importance of mounted armored spearmen significantly decreased in the warfare of the Crimean Khanate of 16th century. So many contemporary authors did not consider it necessary to include spears in the list of the main weapons of Crimean Tatars (Paolo Giovio, Marcin Bielski, Andrzej Taranowski etc.), and some of them even directly denied that Turkic nomads of the region possessed the spears (Siegmond Freiherr von Herberstein, Michalon Lituanus, Blaise de Vigenère). Although spears were still in use by Tatars throughout the whole period mentioned, they were not used widely (in some periods one might say even insignificantly). In general, the stabbing long-shafted pole weapons were significantly inferior in popularity to bows, sabers and, possibly, crushing weapons (maces, clubs, basalyk, «maslak» etc.).

The most part of spearmen in the troops of the Crimean Khanate of 16th century consisted of wealthy Tatar warriors and some militiamen. There is no information regarding the special detachments of spearmen in the Crimean-Tatar troops. Even now there is no reason to consider not numerous spearmen to be the significant factor of the hit-and-run tactics of the Crimean-Tatar cavalry of 16th century which used bows and sabers. Spears became more important in Tatar armies in the first half of 17th century by some degree but they still were not spread widely so they were not noted by many contemporaries again. Tatar-Nogai spearmen attracted some attention of contemporaries in the Battles of Berestechko (1651) and Warsaw (1656), but in the battle of Konotop (1659) they were practically invisible.

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), amet.sheykhumerov@mail.ru (A.A. Sheykhumerov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

Important changes in the weaponry of the Crimean Khanate started in the early 1660s. Judging from the materials of written sources, Tatars started to adopt spears en masse as the result of centralized state policy as it was necessary to withstand the Kalmyk (Oirat) cavalry, whose warriors used stabbing long-shafted pole weapons widely.

Keywords: Crimean Tatars, Nogai, weapons of the Crimean Tatars, long-arms weapons, Tatar spears.

1. Введение

Колющее длиннодревковое оружие, предназначенное для ближнего и (или) дистанционного боя, относится к числу древнейших видов оружия оседло-земледельческого и кочевого населения Евразии (Горелик, 1993: 61–64, 282–293). Метательные копья (дротики) широко применялись легкой конницей номадов еще в эпоху Древности. Несколько иначе обстояло дело с ударными копьями и пиками, предназначенными для ведения ближнего боя в конном строю.

При поверхностном взгляде может показаться, что копья и пики (как массовый вид оружия) присутствовали в арсенале номадов всегда. Однако детальное знакомство с источниками наглядно демонстрирует, что эволюция длиннодревкового оружия кочевников Великой степи была достаточно сложным и противоречивым процессом. Времена расцвета «копейного боя» сменялись периодами упадка этого воинского искусства и сокращением числа копейщиков в войсках номадов. Все эти изменения были тесно связаны с особенностями эволюции других видов оружия дистанционного и ближнего боя, защитного вооружения, военной организации, тактики ведения сражения и т.д. Так, например, в комплексе вооружения хуннов III в. до н.э. – II в. н.э., отдававших приоритет лучной перестрелке на дальней дистанции, копья не играли сколько-нибудь существенной роли. Рост популярности ударных копий пришелся на Сяньбийскую эпоху и достиг пика в период существования Тюркских каганатов, когда номады Центральной Азии и Южной Сибири массово освоили тяжелый ламеллярный доспех для всадника и его боевого коня, новый тип твердого седла и стремена. Это, в свою очередь, привело к изменению тактики ведения боя, в которой большую роль начала играть атака копейной тяжеловооруженной конницы, наносившей удар по противнику под прикрытием масс конных лучников (Худяков, 1986: 156–163, 166–169; Горбунов, 2003: 95–98; Горбунов, 2006: 46–56, 95–97; Горбунов, 2013: 396–415; Бобров, 2017: 85–96). В IX–XII вв. в силу различных причин популярность длиннодревкового оружия и копейного боя в армиях кочевников некоторых районов Великой степи начала постепенно снижаться. Место тяжеловооруженных копейщиков, действующих в плотном строю, начали постепенно занимать воины, вооруженные саадаками и саблями, одетые в более легкие и подвижные панцири, сидящие на непокрытых броней конях и эффективно использующие разреженные построения (Худяков, 1986: 190–196, 203, 204, 219–222; Кочкаров, 2008: 61, 62, 86–89; Бобров, Кушкumbaев, 2018). В монгольских войсках эпохи Великих завоеваний XIII в. копья и пики также имели ограниченное распространение и, согласно сообщениям китайских современников, уступали по популярности длинноклиновому оружию (Золотая Орда..., 2009: 61, 62). В XIV–XVI вв. на большей части степной территории бывшей Монгольской империи копья и пики продолжали оставаться в основном оружием отборных панцирных воинов, в то время как легковооруженные кочевники использовали их лишь эпизодически (Бобров, 2013: 244; Бобров, 2016: 221–238).

Определенным своеобразием отличалась эволюция колющего длиннодревкового оружия и копейного боя тюркских кочевников западной части Великой степи эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Отдельные аспекты данной темы были рассмотрены ранее С.В. Дмитриевым, В.В. Пенским и одним из авторов настоящей статьи в рамках работ, посвященных военной организации и тактике номадов региона, соответственно (Дмитриев, 2003: 215; Пенский, 2010: 59, 60, 62, 63; Бобров, 2016: 221–235). Однако проблема эволюции колющего длиннодревкового оружия и копейного боя крымских татар и ногаев XV–XVIII вв. еще не становилась объектом специального научного исследования. Целью настоящей статьи является уточнение роли колющего длиннодревкового оружия в оружейном комплексе крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг., а также определение места копейного боя в военной практике тюркских номадов Восточной Европы указанного исторического периода.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена формированием Крымского ханства (1441–1783) и началом становления его вооруженных сил. Верхняя граница, локализована военными преобразованиями 60-х гг. XVII в., оказавшими значительное влияние на эволюцию длиннодревкового оружия и копейного боя тюркских номадов Восточной Европы (Бобров, 2016: 279–281).

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению вооружения народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу отдельные элементы и комплексы вооружения изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из

согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников (Бобров, 2011: 6–8).

К сожалению, работа по систематизации и типологическому анализу вещественных материалов по длиннодревковому оружию крымских татар и ногаев рассматриваемого исторического периода еще не завершена. По данной причине основой источниковой базы настоящего исследования являются письменные материалы. Последние представлены сообщениями татарских, русских, османских, польских, литовских, германских, английских, французских, итальянских дипломатов, путешественников, торговцев и военных XV–середины XVII вв.

Необходимо отметить, что некоторые из авторов интересующих нас сообщений (П. Тайфур, М. Литвин, М. Броневский, Д. Лукка, Э. Челеби и др.) лично посещали Крым. М. Литвин и А. Тарановский наблюдали внешний вид татарских войск, выступавших в поход или, напротив, возвращавшихся из военной экспедиции. М. Броневский уточнял собственные впечатления о крымской армии, беседуя со «многими достойными веры христианами, которые часто следовали за ханом в его походах, а также ... пленными и нашими дворянами, нередко видевшими его войска» (Броневский, 1867: 364, 365). Г.Л. Боплан долгое время служил на Украине, будучи офицером польской армии, имел возможность детально ознакомиться с военным делом татар в ходе бесед со своими сослуживцами. Османский путешественник Эвлия Челеби сопровождал армию крымского хана во время похода. Англичане Т. Бэннистер, Д. Дэкет, Д. Смит, литовский князь Б. Радзивилл, а также некоторые польские авторы лично участвовали в боевых столкновениях с ногаями и татарами. Что касается С. Герберштейна, Д. Флетчера, Ж. Маржерета, П. Петрея, то они, хотя и не видели крымских татар в ходе военных действий, но, по всей видимости, подробно расспрашивали о них своих русских и польских информаторов, что позволило им собрать и систематизировать весьма ценные сведения о вооружении и тактике кочевников (Герберштейн, 2007: 34, 267; Московское государство..., 2000: 85).

Тем не менее, несмотря на высокую значимость указанных материалов, их научная ценность далеко не равнозначна, а сообщаемые сведения требуют внимательного и всестороннего критического анализа. В данной связи особый интерес для нашей темы представляют материалы служебной документации, фиксирующие виды ранений, полученных русскими, литовскими и польскими воинами в столкновениях с татарами и ногаями.

Также отметим, что опубликованные русские переводы XIX–начала XXI вв. далеко не всегда точно передают содержание латинских, английских, немецких, итальянских, французских текстов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Многие важные нюансы, связанные с особенностями конструкции оружия, доспехов и их применения, присутствующие в изначальном тексте, в силу различных причин игнорировались или неверно интерпретировались переводчиками. По данной причине мы, по возможности, старались сличать имеющиеся русские переводы с оригинальными европейскими изданиями XVI–XVII вв. Подобный подход позволил уточнить многие вопросы, связанные с вооружением крымских татар и ногаев интересующего нас периода. Авторы настоящей работы выражают благодарность А.Ю. Борисенко, О.И. Холиной, Д.Б. Шахназарян за содействие в переводе рассмотренных в настоящей статье европейских письменных источников XVI–XVII вв.

В исследованиях военно-исторического характера сведения, полученные при анализе письменных источников, по возможности дополняются и уточняются с помощью изобразительных и вещественных материалов.

Изобразительные источники по теме исследования представлены османскими и европейскими материалами XVI – середины XVII вв. (книжные миниатюры, гравюры, картины, барельефы и др.). К сожалению, объем статьи не позволяет проанализировать письменные и изобразительные источники в рамках одной публикации. По данной причине изображения татарских и ногайских копейщиков будут рассмотрены нами в отдельной работе.

Для обозначения различных видов и типов длиннодревкового оружия, а также их элементов в данной статье применяются термины, используемые в современном отечественном оружейоведении.

Под колющим длиннодревковым оружием мы понимаем особый вид оружия дистанционного и ближнего боя, предназначенный, в первую очередь, для нанесения колющих ударов и уколов на дистанции, превышающей дальность действия клинкового (рубящего, рубяще-режущего, колющего и др.) и древкового (ударно-рубящего, ударно-дробящего) оружия. Классический вариант колющего длиннодревкового оружия состоит из наконечника с одним прямым пером (поражающая часть) и

древка (несущая часть).¹ Главными элементами втульчатого наконечника является боевой проникающий перо и втулка, с помощью которой наконечник насаживается на древко. Место соединения пера и втулки традиционно именуется «шейкой». Последняя могла снабжаться специальным утолщением – «яблоком», как правило, округлой формы. Выпуклое «яблоко» усиливало «шейку» наконечника и одновременно играло роль ограничителя, не позволявшего перу погружаться в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение в ходе динамичного конного боя.

На основании размеров, пропорций и системы оформления наконечника из общего массива колющего длиннодревкового оружия ближнего боя археологами, военными историками и оружейниками традиционно выделяются пики, копья и рогатины. Отличительной особенностью пики являлось длинное и узкое, в большинстве случаев граненое, перо. При этом ширина боевого проникающего пики была, как правило, меньше или равна диаметру ее втулки. Рогатины снабжались массивным наконечником с широким уплощенным или граненым пером листовидной формы и втулкой большого диаметра. Ширина пера рогатины обычно превышала диаметр втулки ее наконечника. Что касается копий, то они по своим размерам и пропорциям занимали промежуточное положение между пиками и рогатинами.

Особой разновидностью длиннодревкового оружия являются дротики – легкие копья, предназначенные преимущественно для метания в противника. Их отличительными особенностями является более короткое (по сравнению с копьями и пиками), а также (часто) более тонкое древко и наконечник с пером небольшого размера.

3. Обсуждение и результаты

Прежде чем перейти к анализу данных 40-х гг. XV – 50-х гг. XVII вв., кратко остановимся на колющем длиннодревковом оружии кочевников Восточной Европы предшествующего исторического периода.

В военном деле кочевых народов, проживавших на территории западной части Улуса Джучи в XIV в., длиннодревковое оружие (как метательное, так и предназначенное для ближнего боя) играло весьма заметную роль, хотя и уступало по популярности длинноклиновому оружию и садам. Копья и дротики татар неоднократно упомянуты в русских, европейских и азиатских письменных источниках. Так, например, согласно русскому летописцу, золотоордынцы использовали длиннодревковое оружие в битве на р. Воже в 1378 г. Символом поражения войск Бегича по итогам рукопашной схватки стали именно брошенные копья: «Татарове переехаша на сю сторону и удариша в кони свои и скочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими и поидоша на грунах, и тъкнуша на наших, и удари на них с одну сторону Тимофеи околничіи, а с другою сторону князь Данилеи Пронскы, а князь великий удари в лице. Татарове же в том часе *повергоша копіа своя* (здесь и далее курсив наш – Авт.) и побегоша...» (Селиверстов, 2015: 263). Золотоордынские воины, вооруженные копьями и дротиками, неоднократно упоминаются мусульманскими историками Западной и Средней Азии конца XIV – первой трети XV вв. Шихабеддин Ахмед ибн Мухаммед (Ибн Арабшах), характеризуя воинов хана Тохтамыша, описывает их, как «...вооруженных мечами и стрелами, надвигающихся и отступающих, отражающих и поражающих острым мечом и *копьем*» (Золотая Орда..., 2003: 209). О применении золотоордынцами колющего длиннодревкового оружия (в том числе метательного) сообщают и тимуридские историографы Шараф ад-Дин Али Йазди и Низам-ад-дин Шахи. Так, например, во время Кондурчинской битвы 1391 г. отборные всадники Тохтамыша («большое число эмиров и храбрецов», «...всех, у кого было имя и честь») атаковали отряды сулдузов «мечами» и «метательными копьями». «Храбрецы» Тохтамыша истощены, «ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и *метательными копьями*, повторяли свои атаки»; «[Тохтамыш] пошел на Шейх-Тимур-бахадур и тысячи сулдузские и в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов своего войска вступил в бой. Сколько Шейх-Тимур-бахадур и его туман не осыпали противника стрелами, но те самоотверженно, ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и *метательными копьями*, повторяли свои атаки, наконец, одержали верх, умертвили много людей сулдузских, прошли через середину их...» (Золотая Орда..., 2003: 299, 349, 371). Схожим образом татарские всадники действовали и во время сражения у р. Терек в 1395 г. Во время повторяющихся атак на спешенных воинов корпуса Ходжи Сейф ад-Дина они «...делали нападения *копьями*, мечами и *метательными копьями*» (Золотая Орда, 2003: 355, 356; Йазди, 2008: 197). О «блистающем» длиннодревковом оружии отборных золотоордынских всадников писал и Абд-ар-раззак Самарканди. В битве Каджулай-бахадур с эмиром Едигеем воины последнего атаковали противника «сверкающими мечами и *блистающими копьями*» (Золотая Орда, 2003: 376) и т.д.

Сведения письменных источников подтверждаются вещественными и изобразительными материалами. Так, в частности, подлинные образцы наконечников копий, пик и дротиков

¹ Необходимо отметить, что наряду с классическими образцами длиннодревкового оружия кочевниками Великой степи на протяжении рассматриваемого периода применялись и заостренные цельнодеревянные пики.

золотоордынского времени обнаружены в археологических памятниках Волжско-Уральского региона, Поволжья, Предкавказья и др. (Кочкаров, 2008: 45–62, 89; Чхаидзе, Дружинина, 2014: 173; Харламов, 2015: 580–584; Сальников, 2015: 49–52). Многочисленные «татарские воины» с дротиками и копьями изображены на миниатюрах «Hedwigs-codex» (1353 г.), иллюстрирующих различные эпизоды битвы под Легницей (Рис. 1).

Рис. 1. Фрагменты миниатюр из «Hedwigs-codex», изображающих легковооруженных и панцирных татарских воинов с дротиками и копьями, 1353 г.

Известные письменные и изобразительные материалы позволяют предположить, что метательные копья (дротики) в золотоордынских войсках XIV в. могли применять как конные панцирники, так и легковооруженные воины. При этом длиннодревковое оружие, предназначенное для ведения ближнего боя, использовалось преимущественно одоспешными всадниками (Рис. 1; 2). Среди легковооруженных кочевников Улуса Джучи копья и пики имели ограниченное распространение.

Рис. 2. Татарские панцирники с длиннодревковым оружием. «Hedwigs-codex», 1353 г.

Масштабный военно-политический и экономический кризис XV в., вызванный разрушительными вторжениями Амира Тимура, ожесточенными междоусобными войнами, распадом Золотой Орды на несколько враждующих между собой ханств, разрывом традиционных торговых связей, привел к ухудшению оснащения войск кочевников Восточной Европы оружием и доспехами, что стало одной из важных причин снижения роли панцирной конницы и связанного с ней ближнего копейного боя (Бобров, 2016: 233). Другим фактором, оказавшим значительное влияние на дальнейшую эволюцию военного искусства тюркских номадов Восточной Европы, стало стремительное развитие огнестрельного оружия и изменение геополитической ситуации в регионе. Наступающая эпоха «пороховой революции» в значительной степени преобразила традиционные оружейные комплексы и привычные схемы ведения боя народов Евразии и резко усилила военный потенциал оседло-земледельческих государств. Преодолевая сопротивление феодальной оппозиции, правители Восточной Европы проводили последовательные военные преобразования, дополняя и усиливая кавалерийские отряды подразделениями огнестрельной пехоты и полевой артиллерии. Менялась и сама конница: ее численность возрастала, вооружение, снаряжение, а также тактика в значительной степени «ориентализировались», приспосабливаясь к маневренной войне на степной сцене боевых действий. Многочисленная, подвижная и при этом хорошо вооруженная московская, литовская и польская кавалерия становилась для кочевников все более и более опасным противником. Чтобы сохранить конкурентоспособность, военное искусство тюркских номадов должно было также трансформироваться, приспособиться к меняющимся военно-политическим реалиям региона (Бобров, 2016: 234–238, 346–348). В этих новых условиях необходимость наличия в войсках кочевников массовой панцирной копейной конницы была отнюдь не очевидна. Данные факторы следует учитывать при оценке специфики развития длиннодревкового оружия и искусства копейного боя населения Крымского ханства, а также Большой и Малой Ногайской орды рассматриваемого исторического периода.

Приступая к изучению интересующей нас темы, нельзя обойти вниманием такой важный вопрос, как источники поступления вооружения в войска номадов Восточной Европы и Волго-Уральского междуречья периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Задача обеспечения крымско-татарских войск оружием дистанционного и ближнего боя, а также доспехами в XV – середине XVII вв. решалась за счет комплексного подхода, в рамках которого продукция местного производства дополнялась массовым импортом. Часть вооружения (в первую очередь, саадный набор – луки, стрелы, налучи, колчаны и др.) изготовлялась

непосредственно на территории Крыма, другая ввозилась на полуостров и причерноморские степи извне. Основными поставщиками вооружения в Крым на протяжении указанного периода являлась Османская Турция и народы Северного Кавказа. Некоторое количество оружия и доспехов также поступало из Ирана и других стран (Smit, 1884: 864; Бобров, 2016: 222; 284, 285; Сальников, 2014: 70–72). Итальянский ученый Павел Иовий (1483–1552), описавший вооружение татар первой трети XVI в., на основе данных русского информатора Дмитрия Герасимова, отмечал, что защитное вооружение и сабли закупались татарами в Персии: «...врага отражают они, полагаясь на одни только стрелы. Впрочем, всякий раз как они решают, что им следует сделать набег на Европу, их государи покупают в наше время у Персов железные шлемы, брони и сабли (*gladius falcatos*)» (Барон Сигизмунд..., 1908: 259). В русской дипломатической документации второй половины XVI в. содержатся сведения о присылке в Крым вооружения из Османской Турции. Так, например, 1 мая 1569 г. были получены данные о том, что «приехали деи от Турского ко царю Маамет-чауш з грамотою. А привез деи от Турского ко царю тритцать тысяч золотых да тысячу кафтанов да тысячу сапогов да тысячу сабель да триста портищ бархатов и камок и отласовзолотных на тегилiai» (Посольская книга..., 2016: 228).¹ Позднее, 21 мая 1569 стало известно, что «приехал деи от Турского ко царю чеуш Костров з грамотою. А привез деи от Турского ко царю...семдесят доспехов да семдесят шоломов...» (Посольская книга..., 230). Качественные луки «турецкой работы», находившиеся на вооружении крымцев, упоминает польский дипломат Мартин Броневский (Broniowski, 1595: 23). О присылке татарам османского оружия (в том числе огнестрельного) неоднократно сообщается и в других письменных материалах интересующего нас периода (Бобров, 2016: 284, 285). Во время конфликтов с османами крымцы пытались закупать ружейные боеприпасы у подданных Речи Посполитой (Бобров, 2016: 284, 285).

Важным источником поступления иностранного оружия и доспехов в войска Крымского ханства были также военные трофеи, добываемые в ходе набегов на территорию Литвы, Польши, Московии, Венгрии, Ирана, Северного Кавказа и др. (Броневский, 1867: 364–367; Кырымлы, 1998: 42; Бобров, 2016: 222; Сальников 2015: 39–44). До нашего времени дошло значительное количество подлинных образцов наступательного и защитного вооружения крымских татар периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Многие из них могут быть атрибутированы, как изделия мастеров Северного Кавказа, Ирана, Османской Турции, Польши и других стран (Бобров, Сальников, 2016: 323–334; Бобров, Сальников, 2018: 16–20).

Что касается ногаев², то они традиционно покупали вооружение у своих ближних и дальних оседлых соседей – народов Северного Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др. Так, например, автор книги «О двух Сарматиях» (1517 г.) Матвей Меховский (1457–1523) сообщает, что в начале XVI в. «заволжские татары... приобретали оружие» у «пятигорских чиркасов» (*Pietihorscij czyrkaczy*).³ К середине 30-х гг. XVI в. относится свидетельство о том, что правитель Бухары запретил ногайским купцам, прибывшим в город вместе с посланниками Сейид-Ахмеда, покупать у местных ремесленников «ни луков, ни сабель и всякого железа» (Зайцев, 2004: 123, 124). Можно полагать, что другие визиты ногайских торговцев в Мавераннахр могли завершаться более успешно. Весьма вероятно, что еще одним поставщиком вооружений в «Орду самовольную» была Астрахань. В начале XVI в. «тугие луки» и «стрелы из белой березы», привезенные из «Хаджжи-Тархана», были хорошо известны за пределами Поволжья и экспортировались не только в Восточный Дашт-и Кипчак, но даже в далекий Сыгнак (История Казахстана..., 2007: 171). Через некоторое время после установления российского контроля над Астраханью новые власти внедрили практику передачи вооружения лояльным ногаям во временное пользование для защиты от нападений калмыков (Бобров, 2016: 223). Кроме того, ногайская знать неоднократно обращалась с просьбой о присылке оружия и доспехов непосредственно к правителям Московского государства и нередко получала запрашиваемое (Зайцев, 2010: 126, 127).

Среди предметов вооружения, изготавливаемых самими крымскими татарами, в большинстве случаев упоминаются луки, стрелы, а также саадная амуниция. Среди предметов импорта встречаются сабли, шлемы, панцири, огнестрельное оружие и др. Что касается сообщений о производстве колющего длиннодревкового оружия в Крыму, впрочем, как и свидетельств о его

¹ Ранее были получены сведения об обращении крымского хана в Кафу с требованием «...прислати 1000 тегилiaев, да три тысячи кафтанов, да три тысячи сапогов – давати крымским татаром от Турского жалованье» (Посольская книга..., 2016: 225).

² Которые, по данным В.В. Трепавлова «...видимо, абсолютно не знали металлургии» (Трепавлов, 2013: 157)

³ «К югу, по направлению к Каспийскому морю лежат горы Иберии и Альбании, которые у русских называются по имени народа Пятигорские Чиркасы (*Pietihorscij czyrkaczy*), то есть приблизительно Чиркасы пяти гор (*Quinquemontani*). Среди этих же гор зовут газарские племена... Газары и до сих пор следуют греческой вере и обрядности. Это – воинственные люди, имеющие связи по всей Азии и в Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В наше время греки называют эти племена абгазарцы и абгазели. По соседству с ними находятся племена черкесов (*Circassi*) и менгреллов (*Mengrelli*)» (Меховский, 1936: 62, 63).

ввозе на территорию ханства, то подобные сведения в письменных источниках XV – первой половины XVII вв. встречаются крайне редко. К числу немногочисленных исключений относится, например, сообщение англичанина Джона Смита, побывавшего в татарском и османском плену в начале XVII в. При описании вооружения крымцев Смит, между прочим, сообщает: «Обычный татарский воин редко может похвастаться панцирем, а чтобы изготовить копье, он прикрепляет на конец жерди¹ острый металлический наконечник» (Калашников, 2013: 28).²

Из письменных материалов 60–70-х гг. XVII в. известно, что в случае необходимости копыя могли массово заказываться и закупаться у оружейников Северо-Западного Кавказа, ввозиться с территории Турции, а также изготавливаться непосредственно на территории Крыма, в частности во владениях Перекопского бея (Бобров, 2016: 280; Wagner, 2012: 72). Есть основания полагать, что и в более ранний период колющее длиннодревковое оружие в татарские войска могло поступать из тех же источников, пусть и в значительно меньших объемах. Кроме того, некоторое количество железных наконечников копий, пик, рогатин и дротиков, возможно, изготавливалось ремесленниками городских центров полуострова.

Применительно к теме данного исследования письменные материалы о вооружении и военном деле крымских татар и ногаев можно разделить на три основные группы. К первой – относятся письменные свидетельства, прямо или косвенно подтверждающие факты применения воинами Крыма 40-х гг. XV в. – 50-х гг. XVII в. колющего длиннодревкового оружия. Ко второй группе отнесены сообщения авторов, описывающих военное искусство тюркских кочевников Восточной Европы рассматриваемого периода, но при этом в силу различных причин не упоминающих среди прочих предметов вооружения копыя, пики, рогатины и дротики. Наконец, в составе третьей группы локализованы сообщения современников, которые прямо отрицали сколько-нибудь широкое распространение среди крымских татар и ногаев длиннодревкового оружия и искусства конного копейного боя. Рассмотрим письменные источники по теме исследования более подробно.

Наиболее ранние сведения о применении татарскими воинами в Крыму длиннодревкового оружия относятся к первой половине XV в. В ходе сражения при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 г. генуэзская армия, состоявшая из отрядов, прибывших из Италии и набранных среди жителей Кафы, была разгромлена войсками татар. Согласно документу неизвестного автора (современника, а возможно, и участника описываемых событий)³, после битвы среди выживших генуэзцев «очень мало было таких, которые не получили менее трех ран, кто от стрел (piu), кто от сабли (freze), кто от копыя (lanza)» (Колли, 1913: 114, 115; Селиверстов, 2011: 196). Таким образом, некоторая часть татар в Солхатском сражении могла использовать длиннодревковое оружие. Однако решающую роль в победе крымцев сыграли отнюдь не копья, а фактор внезапности, беспечность генуэзских войск, а также эффективные действия мобильной татарской конницы, использующей луки, а при преследовании – длинноклиновое оружие (Колли, 1913: 114, 115; Селиверстов, 2011: 196). Характерно в данной связи, что раны, нанесенные генуэзцам татарскими копьями, упомянуты в документе после ранений, нанесенных стрелами и саблями.

О том, что некоторые отборные крымско-татарские воины конца XV в. сохранили навыки обращения с длиннодревковым оружием, свидетельствуют материалы посольства хана Менгли Гирея (1467, 1469–1475, 1478–1515) к великому князю Московскому Ивану III (1462–1505). В ходе приема 9 января 1493 г. татарские послы передали письмо крымского правителя, в котором Менгли Гирей, помимо прочего, просил московского «брата» оказать содействие в освобождении сына своего «богатыря», попавшего в плен к мецкерским казакам. Сам «богатырь» характеризовался Менгли Гиреем, как выдающийся воин «к сабле и к копыю пригожей», то есть обученный искусству сабельного и копейного боя: «Мегли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. И к сабле и к копыю пригожей, Темер-шейком зовут, Багатыря моего, Хазы Марданем зовут, сын его в Орду ездил да Мецкерским казаком попал к тебе, с сем ярлыком поехал с Мерет-шейком зовут паробком, как опятыв доискавшись прислал» (Памятники..., 1884: 174, 175).

О наличии в крымских войсках начала XVI в. колющего длиннодревкового оружия свидетельствуют и некоторые косвенные данные. Так, например, в сообщении «Хроники Быховца» о битве под Клецком в 1506 г. указано, что после сражения «татары ... захватили писаря пана Забрезинского Коптя и, отрубив ему голову, ругаясь, носили на копье» (Хроника Быховца, 1966: 123).

В битве под Судбищами (1555 г.), в которой отборная московская конница сошлась в бою с войсками крымского хана, воевода Степан Сидоров был ранен копьем: «Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену, а на бою его копием ранили» (Полное собрание..., 1904: 258).

Редкое для XVI в. свидетельство о применении длиннодревкового оружия ногаями датируется 1568 г. В этом году в окрестностях Астрахани нападению кочевников подвергся англо-русский отряд

¹ В тексте Д. Смита – «pole unshaven», то есть необтесанное древко (Smit, 1884: 864).

² Оригинальный английский текст: «...the ordinary sort have little armor, some a plaine young pole unshaven, headed with a peece of iron for a lance» (Smit, 1884: 864).

³ В современной историографии упомянутый текст, повествующий о походе 1434 г., именуется «документом Гатари», по имени падуанского хрониста XV в., в дневнике которого он был обнаружен (Селиверстов, 2011: 183).

(около 40 чел.), в составе которого находились агенты «Московской компании» Томас Бэннистер и Джефри Джек. Вооруженные луками, саблями и копьями ногаи атаковали торговый караван с помощью настоящей речной «флотилии», состоявшей из 18 лодок. Решающую роль в победе над нападающими, согласно сообщению англичан, сыграло умелое обращение их спутников с огнестрельным оружием: «...когда они были в 40 милях от Астрахани, случилось, что на них напали ногайские татары на 18 лодках, вооруженные кто мечами, кто *копьями*, иные луками и стрелами: их общее число достигало, по оценке наших, до 300 человек.... Завязалась страшно жестокая битва, жарко продолжавшаяся в течение двух часов, во время которой наши люди так хорошо поиграли своими мушкетами, что заставили татар обратиться в бегство с потерей 120 человек...» ([Английские путешественники..., 1937: 250](#)).

Значительный интерес для темы нашего исследования представляет описание вооружения татар, выполненное польским дипломатом Мартином Броневским, посетившем Крым в 1578 г.: «татары употребляют на войне оружие, известное с древнейших времен, именно: *копье*, кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, короткий и широкий из отличного железа, или дорогой турецкой работы; длинные и быстрые стрелы, колчан, *а иногда короткое копье*. Они надевают также панцыри, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу... Очень многие в татарском войске вовсе не имеют оружия и не употребляют для боевой службы» ([Броневский, 1867: 364–367](#)).

Данный текст как будто бы свидетельствует в пользу достаточно широкого применения состоятельными крымско-татарскими воинами¹ второй половины XVI в. колющего длиннодревкового оружия, в том числе как классических копий (которые упомянуты первыми в списке вооружения), так и их «коротких» аналогов. Однако сопоставление русского перевода 1867 г. с оригинальным латинским текстом книги М. Броневского (1595 г.), показало, что перевод XIX в. требует определенных уточнений. Так, в частности, первым в списке татарского вооружения посланник Речи Посполитой упоминает не абстрактное копье, а «фрамею» (*framea*). Если во времена Тацита под этим термином, действительно, понимали легкое копье, то в период позднего Средневековья его стали все чаще применять в качестве синонима слова «сабля».² В данной связи весьма вероятно, что в первой фразе приведенной цитаты говорится не о копье-«фрамее», а о «фрамее»-сабле. Кроме того, в издании 1595 г. отсутствует упоминание о кинжале (*puçione*), который неожиданно появляется в русском переводе 1867 г. В свою очередь, описание татарских луков по неясной причине было проигнорировано уже российским переводчиком.

Интересующий нас фрагмент книги М. Броневского может быть переведен следующим образом: «старинное (древнейшее) оружие сабля (*framea*), или (иначе) татарский удлинённый изогнутый качественный стальной меч (*gladio*) турецкой или персидской хорошей работы³; повсеместно распространен татарский качественный мощный широкий лук (*arcu*), нередко турецкой работы; убийственные длинные стрелы (*sagitta longa*), колчан (*pharetra*) *и иногда короткое копье* (*nonnunquam hasta*), этим татары пользуются традиционно с давних времен. [Используют] воинскую одежду (*Loricati*)⁴, шлемы (*galeati*) и оружие (*armis*), персидское или московское, ставшее богатой добычей в конфликтах с христианами.... Большинство (множество) людей в армии татар полностью безоружны и ведут с собой на войну большое число лошадей...» ([Bronioui, 1595: 23](#)).⁵

К сожалению, не очень понятно, что М. Броневский подразумевал под термином «короткое копье», которое «иногда» могло применяться татарами (*nonnunquam hasta*). Под ним может скрываться как собственно ударное копье на коротком (по сравнению с польскими аналогами) древке, так и легкое колющее оружие, предназначенное в том числе для метания. Однако в любом случае данные М. Броневского отнюдь не указывают на широкое распространение колющего длиннодревкового оружия в крымско-татарских войсках второй половины XVI в., как иногда полагают.

Не менее показательны данные о вооружении воинов Крымского ханства, собранные английским посланником Джайлсом Флетчером, посетившим Русское государство в 1588–1589 гг.: «они [татары]... все выезжают на конях и не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. *Некоторые, кроме другого оружия, берут с собой пик* (*horseman's staff*), *похожие на*

¹ Ранее мы уже отмечали, что М. Броневским перечислено вооружение именно зажиточных знатных татар. В противном случае пришлось бы предположить, что «дорогими» османскими и иранскими клинками «из отличного железа», а также трофейными доспехами были массово оснащены рядовые татарские ополченцы, что представляется невероятным и противоречит всем другим известным письменным и изобразительным материалам ([Бобров, 2016: 227](#)).

² См., например, латинское и немецкое издание книги С. Герберштейна 1556 и 1557 гг. соответственно ([Herberstein, 1556: 89; Herberstein, 1557: 99](#)).

³ Дословно «...из обширных мест (краев) турецких или персидских».

⁴ В данном контексте «*Loricati*», вероятно, может обозначать «броню», «корпусный доспех».

⁵ Перевод О.И. Холиной. Авторы выражают благодарность к.с.н. О.И. Холиной за содействие в переводе указанного латинского текста.

рогатины, с которыми ходят на медведей. Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении... Главное занятие их состоит в стрельбе, к которой они приучают детей с малолетства, не давая им есть до тех пор, пока не попадут в цель, намеченную на каком-нибудь обрубке... Эта крепость [гуляй-город] представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Упомянутые Флетчером кавалерийские копыя (horseman's staff) являлись оружием легкой английской кавалерии и могли достигать в длину более 3,5 м. Что касается сравнения татарских копий с рогатинами, «с которыми ходят на медведей», то, возможно, основанием для подобного сравнения послужила необычная для европейца форма боевого проникателя крымского копья. Отличительной особенностью рогатины был тяжелый массивный наконечник с широким листовидным пером удлинненно-ромбической, удлинненно-треугольной или каплевидной формы. При этом ширина пера рогатины, как правило, превышала диаметр втулки наконечника. Таким образом, упомянутое Флетчером татарское копьё, которое брали в поход «некоторые» крымские воины, могло представлять собой колющее оружие на достаточно длинном деревянном древке, увенчанном наконечником с широким пером.¹ Также стоит обратить внимание, что копьё у татар, согласно Флетчеру, не замещает, а дополняет оружейный комплекс крымского воина: «некоторые, кроме другого оружия, берут с собой пики...» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Учитывая, что перед этим английский автор описывает саадак и «кривую саблю на манер турецкой», возможно, именно этот традиционный комплекс вооружения состоятельных татар и мог дополняться копьем. При этом копыя, по всей видимости, имели в крымских войсках весьма ограниченное распространение. Во всяком случае, тот же Флетчер в своем дальнейшем повествовании уже не упоминает их среди основного оружия крымцев, которые «...не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел» (Флетчер, 1991: 91, 109, 110).

Известный интерес для темы нашего исследования представляют сведения о вооружении и тактике крымских татар, собранные английским путешественником и наемником Джоном Смитом (1580–1631). В ходе сражения при Турну-Рошу 18 ноября 1602 г. между отрядом графа Модруша и татарско-османской армией Д. Смит попал в плен и был отправлен в Константинополь, а затем в Приазовье. Считается, что сведения о крымских татарах в сочинении Смита представляют собой компиляцию материалов предшественников с его собственными впечатлениями (Храпунов, Храпунова, 2015: 155, 162–163). При описании военного искусства крымцев Смит особо подчеркивает исключительную подвижность ханской конницы и массовое применение татарами саадаков, т.к. крымские «...лошади прекрасны, а лучники очень опыты» (Храпунов, Храпунова, 2015: 162, 163).

К сожалению, русский перевод работы Д. Смита, выполненный в 2013 г., не слишком точен, что уже отмечалось исследователями (Храпунов, Храпунова, 2015: 156, 157). Поэтому приведем его с некоторыми важными дополнениями и уточнениями: «Татарские панцири (bothbrest-plates)², сабли (swords)³, топоры (semiteres)⁴, шлемы (helmets) существенно отличаются от христианского и персидского оружия.⁵ Лук и стрелы (bowes and arrowes) каждый татарин изготавливает сам для себя.⁶ Седла и уздечки тоже кустарной выделки. При этом они сработаны весьма небрежно. Однако вся татарская старшина, как и турецкая, имеет оружие превосходного качества, и чем более громкая слава этих людей, тем лучше выглядит их вооружение.⁷ Обычный татарский воин редко может похвастаться

¹ Отметим, что копыя и рогатины с широким пером применялись и кочевниками других регионов Великой степи. Так, например, на протяжении периода позднего Средневековья и раннего Нового времени их использовали номады Южной Сибири и Центральной Азии (Бобров, Худяков, 2008: 299, 301, 309; Бобров, Худяков, 2010: 174–181)

² Здесь и далее в скобках указаны названия предметов вооружения из английского текста Д. Смита (Smit, 1884: 864). В данном случае речь, вероятно, идет о пластинчатых нагрудниках (both brest-plates).

³ Дословно – «мечи». В широком значении слова – длинноклинковое оружие.

⁴ Возможно, что «semiteres» – это искаженное scimitars (англ.), «semitarras» (ит.), то есть восточное оружие с изогнутым клинком. В данном контексте термин употреблен, по всей видимости, в значении «восточные сабли».

⁵ Вероятно, ошибка перевода. В английском тексте Д. Смит, наоборот, указывает, что татары используют вооружение, полученное от «христиан или персов»: «Their Armes are such as they have surprised or got from the Christi/ans or Persians, both brest-plates, swords, semiteres, and helmets...» (Smit, 1884: 864). О том, что крымцы применяют персидское и московское вооружение (в частности, доспехи и шлемы), ранее писал М. Броневский (Broniouii, 1595: 23). Не исключено, что данная информация была заимствована Д. Смитом из труда польского автора.

⁶ «...bowes and arrowes they make most themselves...» (Smit, 1884: 864).

⁷ В английском тексте несколько иначе: «...but the nobility are very handsome, and well armed like the Turkes, in whom consisteth their greatest glory» (Smit, 1884: 864).

панцирем (little armor)¹, а чтобы изготовить копье, он прикрепляет на конец жерди² острый металлический наконечник (head with a piece of iron for a lance). Опытные татарские всадники сражаются копьями, подобно христианским или турецким воинам» (Калашников, 2013: 28).³

Учитывая, что в начале XVII в. в большинстве армий Западной Европы кавалерийское длиннодревковое оружие уже сколько-нибудь широко не применялось, под «христианами», практикующими конный копейный бой, Джон Смит, вероятно, понимал конницу народов Восточной Европы и Балкан. Также стоит обратить внимание на то, что в данном случае потенциальными владельцами копья названы «обычные» татарские воины, которые «имеют мало успехов». То есть, возможно, речь идет о наличии в крымско-татарских войсках начала XVII в. некоторого количества всадников, снабженных колющим длиннодревковым оружием, но не имеющих защитного вооружения. Однако насколько массовым было подобное явление Джон Смит не сообщает. Также не ясно, являются ли упомянутые «самодельные» копья «обычных» татар ударным оружием ближнего боя или дротиками, предназначенными преимущественно для метания. Оговорка о том, что лишь «некоторые» (в переводе В.М. Калашникова «опытные») крымцы сражаются копьями, подобно христианским или турецким воинам, свидетельствует, скорее, в пользу не слишком широкой прослойки бойцов-ветеранов, обученных искусству ближнего копейного боя.

Определенное значение для темы нашего исследования имеют также сообщения польских и литовских авторов, датированные серединой XVII в., то есть временем масштабных военных конфликтов Речи Посполитой с Крымским ханством.

Хорунжий надворной хоругви польского короля Яна II Казимира Якуб Михаловский в своем «Диариуше Зборовской экспедиции», повествуя о битве под Зборовом (1649 г.), отмечает, что крымские татары, обстреливая надворную хоругвь из луков, все ближе и ближе приближались к полякам и, «... когда уже так близко наступали, пан хорунжий, чтобы под копья (kopie) не попали, двинулся с хоругвью на несколько сажень к ним, тогда татары сразу же отошли назад» (Nagielski, 1998: 192).⁴ Данная фраза позволяет предположить, что, как минимум, некоторая часть атакующих татарских лучников могла быть дополнительно снабжена длиннодревковым оружием.⁵ Однако подобная трактовка не является единственно возможной. Упомянутые Михайловским «kopie» могли означать не ударные пики, предназначенные для ближнего боя, а метательные копья, то есть дротики. Таким образом, не исключено, что фразу хорунжего стоит понимать так, что татары приблизились настолько близко, что практически вышли на дистанцию метания дротиков, которые могли быть более опасны для поляков, чем пущенные издали стрелы. Кроме того, фраза «...aby pod kopie nie podpadli» («...чтобы под копья не попали») может являться простым устойчивым выражением, используемым для обозначения опасности неожиданной атаки противника на короткой дистанции. В последнем случае совершенно не обязательно, что во время потенциальной атаки татарских воинов под Зборовом последние должны были быть вооружены именно копьями.

Значительно более определенно о применении воинами Крымского ханства длиннодревкового оружия высказался польский автор диариуша битвы под Берестечком (1651 г.): «Татары лук со стрелами и обычное оружие имеют, копья (dzid) при этом используют, другие – арабские джерида (arabskichdziryty), саблей (szablą) так же, как поляки, настигая, рубят» (Polskahistoria..., 1928: 115, 116).⁶ Данное сообщение интересно по нескольким причинам. Во-первых, его автор четко разделяет колющее длиннодревковое оружие на копья, предназначенные для ближнего боя, и метательные дротики, которые он называет «арабскими джеридами» (тур. dzirid, араб. dzarit). Во-вторых, пожалуй впервые, копья и дротики упомянуты в числе «обычного» массового оружия крымцев, наряду с луками, стрелами и саблями. Наконец, в-третьих, если ранее в европейских (в том числе польских текстах) татарские ударные копья ближнего боя обычно обозначались «kopie», «ozsczer» и др., то в

¹ В английском тексте: «...the ordinary sort have little armor», то есть простые татары «имеют мало успехов».

² «pole unshaven», то есть необтесанное древо.

³ «...some a plaine young pole unshaven, headed with a peece of iron for a lance; some an old Christian pike, or a Turks cavaltine» (Smit, 1884: 864). То есть речь идет о некоторых (some) татарах, которые сражаются на копьях, так же, как христиане на пиках, а турки – на «cavaltine» (разновидность длиннодревкового оружия).

⁴ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Gde tedy tak już bisko nacierali, pan chorąży [Jakub Michałowski] obawiając się, aby pod kopie nie podpadli, pomknął się na kilka sążni z chorągwią do nich, gdzie Tatarowie zaraz wzdą» (Nagielski, 1998: 192).

⁵ Сам по себе факт попеременного использования конным воином лука и копья не является чем-то необычным. Во время дистанционного боя пика могла находиться за правым плечом лучника, зафиксированная парой кожаных темляков на правом плече и щиколотке соответственно. Перед началом копейной атаки лук вкладывался в налуч, а пику доставали из-за плеча.

⁶ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Tatarowie luk ze strzałami i broń pospolitą mają, dzid przy tym używają, drudzy arabskich dziryty, szablą także jak Polacy dojeżdżając ścinają» (Polska historia..., 1928: 115, 116).

данном случае использован термин «*dzid*» (от монг. «*жад*», калм. «*жид*»), который в дальнейшем будет все чаще встречаться на страницах польских документов.

Во второй день битвы под Варшавой 19 (29) июля 1656 г. некоторые воины Крымского ханства из состава корпуса перекопского бея Субхан Гази-аги (основу корпуса составляли буджакские ногаи) также использовали колющее длиннодревковое оружие. Так, например, один из крымских воинов¹ атаковал самого шведского короля Карла X Густава, пытаясь поразить его копьем. Этот эпизод Варшавской битвы неоднократно привлекал внимание европейских художников второй половины XVII в. К сожалению, оценить, насколько широко татарские и ногайские воины использовали колющее длиннодревковое оружие в указанном сражении, не представляется возможным.

В некоторых случаях в качестве колющего длиннодревкового оружия татары использовали бунчуки и знамена, снабженные заостренным наконечником. Так, например, в сражении под Простками 8 октября 1656 г. раненый Богуслав Радзивилл был атакован татарским «хорунжим» (сыном упомянутого выше командующего крымско-татарским корпусом Субхан Гази-аги), который попытался проткнуть новоявленного шведского фельдмаршала «длинным и острым» наконечником знамени. Уже лежа на земле, Богуслав сумел перехватить древко и отломить наконечник: «...меня, в голову сильно раненного, уже на земле лежавшего, знаменосец, сын татарина Гази-аги, наконечником своего знамени, весьма длинным и острым, к земле приколоть хотел, но вовремя схватился рукой за наконечник, и так Бог дал, что, от древка отломив, в моей руке остался» (Radziwiłł, 1841: 32–33).²

Важное значение для темы нашего исследования имеют данные о видах ранений русских воинов в боях с татарской конницей.

Анализ профильных материалов позволяет сделать вывод, что среди описаний ранений в боях с татарами даже в 50-х гг. XVII в. тотально преобладают раны, нанесенные стрелами и саблями (Бабулин, 2009: 22, 23; Куц, 2014: 76, 77, 428; Бабулин, 2015: 342–344). При этом раны от ударов татарских копий в этот период крайне редки.

В данной связи весьма характерен пример сражения под Конотопом 28 июня (8 июля) 1659 г., в котором татарско-казачья армия крымского хана Мехмеда IV Гирея и гетмана И. Выговского нанесла поражение авангарду московских войск под командованием князя С.Р. Пожарского. Главным содержанием боя 28 июня 1659 г. была ожесточенная рукопашная схватка, в которой приняли участие отборные подразделения русской и крымско-татарской конницы. И.Б. Бабулиным были собраны интересные сведения, касающиеся ранений русских воинов в этом сражении (Бабулин, 2015: 342–344). Анализ данных материалов позволил уточнить процент боевых ранений, нанесенных различными видами крымско-татарского оружия дистанционного и ближнего боя.

По итогам сражения 28 июня 1659 г. в Большом полку кн. А.Н. Трубецкого насчитывалось 508 раненых, получивших 529 ранений. Из них 267 ранений были нанесены саблями (50,47 %), 214 – стрелами (40,45 %), 23 – пулями «из пищалей/мушкетов» (4,35 %), ударами чекана/обуха – 15 (2,83 %)³, «бунчуком» – 3 (0,58 %), «знаменем» – 1 (0,19 %), «маслами» (то есть маслом) – 1 (0,19 %)⁴, «неизвестно чем» – 5 (0,94 %).

По итогам того же боевого столкновения в полку кн. Ф.Ф. Куракина насчитали 129 раненых, получивших 141 ранение. Из них 63 – стрелами (44,68%), 54 – саблями (38,29%), 15 – пулями «из пищалей/мушкетов» (10,64 %), чеканами/обухом – 5 (3,55 %), ядрами пушек – 2 (1,42 %), «поколоты знаменем» – 1 (0,71 %), «выбита рука» – 1 (0,71 %).

Таким образом, в совокупности русские отряды потеряли в сражении 28 июня 1659 г. 637 чел. ранеными, которые получили 670 ранений. Абсолютное большинство ран было нанесено саблями – 321 (47,91 %) и стрелами – 277 (41,34 %). На третьем месте, с огромным отставанием, огнестрельные ранения – 38 (5,67 %). На четвертом – раны, нанесенные чеканом/обухом, – 20 (2,98 %). Замыкают пятерку раны, полученные от ударов «знамен» и бунчуков – 5 (0,75 %). Кроме того, ранены «неизвестно чем» – 5 (0,75 %), пушечными ядрами – 2 (0,3 %), ранены маслом – 1 (0,15 %), у одного воина была «выбита рука» (0,15 %).

Сражение под Конотопом возобновилось 1 июля 1659 г., а 2–4 июля русская армия подвергалась атакам противника во время отступления к Путивлю. Подчеркнем, что характер боя в эти дни

¹ По другой версии это был *пахлик* Якоб Ковалевский (PamiętnikiLosia ..., 1858: 19; Записки Якуба Лося, 2007: 15).

² Перевод А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «mnie w głowę bardzo ranionego, na ziemi już leżącego, chorąży, syn Tatarzyna Gazyagi, grotem przy chorągwi swej bardzo długim i ostrym, do zeimi przyspilić chciał, alem porwał wczasręką zagrot, itakBógdał, że się od drzewa urwawszy, w ręku mnie został» (Radziwiłł, 1841: 32, 33).

³ Разновидности ударно-рубящего и ударно-дробящего оружия. Учитывая контекст, в данную группу могли быть занесены раны, нанесенные топором с узким лезвием (рус. «чекан», польск. «czekan»), а также, вероятно, клевцом с остроугольным (польск. «nadziak», татарск. «кулюк-балта») или загнутым ударником («обух»).

⁴ Маслак – разновидность ударно-дробящего оружия, состоящего из деревянной рукояти и ударника, выполненного из кости лошади.

существенно изменился, так как теперь вместо кавалерийского сражения татарские и казацкие отряды атаковали русский табор. Если главную роль в битве 28 июня играла крымско-татарская конница, то во время июльских столкновений возросла активность казацких полков Выговского, а также поляков. Союзники не только насакивали на табор с холодным оружием, но и обстреливали его из ружей и пушек (Бабулин, 2015: 251–263). Соответственно увеличилась пропорция русских воинов, получивших ранения в дистанционном бою в целом, и от огнестрельного оружия в частности. Так, например, в воеводском полку кн. А.Н. Трубецкого в боях 1, 2–4 июля среди раненых числилось 92 чел., которые получили 95 ран. На первом месте оказались раны, нанесенные ручным огнестрельным оружием – 43 (45,26 %), на втором – раны от стрел – 30 (31,58 %), замкнули тройку раны от пушечных ядер – 15 (15,79 %). Кроме того, 7 чел. (7,37 %) были ранены саблями. Среди раненых также фиксируются воины, пораженные ударным оружием: «...из полка Куракина... в бою 4 июля были ранены 1 сотенный из лука и чеканом, второй из лука» (Бабулин, 2015: 257). Таким образом, мы наблюдаем примерно тот же оружейный набор, что и в сражении 28 июня 1659 г. – саадаки, сабли, «чеканы», ружья, пушки.

Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенном перечне совершенно отсутствуют ранения, нанесенные копьями, пиками и дротиками. Означает ли это, что крымско-татарские воины времен Конотопской битвы совершенно не использовали длиннодревковое оружие? На наш взгляд, нет. Не исключено, что колющие раны замаскированы под удары бунчуков и знамен (0,75 % от общего числа ранений в кавалерийском бою 28 июня 1659 г.). Материалы изобразительных источников свидетельствуют, что некоторые разновидности бунчуков, знамен и значков крымско-татарских отрядов могли снабжаться копейными наконечниками, предназначенными для нанесения колющего удара (Бобров, 2016: 331). В пользу данной версии свидетельствует фраза о том, что воин поместной конницы был «поколот знаменем» (Бабулин, 2015: 344), то есть получил колющий, а не, например, ударно-дробящий удар.¹ Можно предложить и другие объяснения факту отсутствия в перечне ран, нанесенных татарским длиннодревковым оружием. Так, например, немногочисленные крымские копейщики могли «преломить» свои копья в ходе первого боевого столкновения, после чего продолжить сражение, используя сабли, чеканы и «обухи». В этом случае раненые копьями московские воины могли не вырваться из кольца окружения и погибнуть на начальном этапе сражения.

В пользу возможности использования некоторыми татарскими воинами длиннодревкового оружия в Конотопской битве свидетельствуют отдельные письменные и фольклорные источники. Так, в частности, в турецкой реляции о Конотопском сражении (составленной на основе донесения крымского хана)² среди прочего оружия крымцев упомянуты и копья: «Отважные татары обагрили кровью поле боя своими четырехлопастными стрелами, *разрывающими грудь копьями*, раскалывающими черепа железными палицами..., тех, кто бежал, гнали мечом по поясницам...» (Бабулин, 2015: 390, 391). Русский автор «Новгородского хронографа» (вторая половина XVII в.) сообщает о том, что в ходе сражения часть рейтар под командованием некоего полковника была убита ударами не только клинкового, но и длиннодревкового оружия: «Отоиде мало с своими райтары и укрепися, и учени с ними, тотары, бой великий по три дни, но невозмогша его тотарове жива взятии... татарове нападаша крепце на них, овех посекаше, *а инех копий избодше*, не един же тех свободися смерти, но вси мечем умроша» (Бабулин, 2009: 93, 94).³

Упоминания о татарских копейщиках сохранились в русском фольклоре, посвященном Конотопской битве. Так, например, в «Песне о гибели Семена Пожарского» описывается поединок вооруженного саблей С.Р. Пожарского с неким татаринком, который «...держит в руках копье вострое». Во время схватки Пожарский «...своей саблей вострою он отводил востро копье татарское и срубил ему голову, что татарину наезднику» (Бабулин, 2009: 156). К сожалению, затруднительно определить, отображает ли образ татарского копейщика в «Песне...» реалии Конотопской битвы 1659 г. или вооружение татар 60-х гг. XVII в. и более позднего периода, когда копья, действительно, превратились в массовый вид оружия тюркских кочевников Восточной Европы (см. ниже).

Таким образом, собранные сведения позволяют предположить, что некоторые крымско-татарские воины, участвовавшие в Конотопской битве, теоретически могли использовать

¹ Ср. с рассмотренным выше эпизодом битвы под Простками в 1656 г. (за три года до Конотопского сражения), в котором татарский «хорунжий» пытался поразить Богуслава Радзивилла «длинным и острым» наконечником знамени (Radziwiłł, 1841: 32–33).

² По предположению И.Б. Бабулина, документ представляет собой «почти дословный пересказ подлинной ханской реляции» (Бабулин, 2015: 32).

³ Однако необходимо отметить, что достоверность данного сообщения может быть поставлена под сомнение, т.к., например, сведения о трехдневной обороне рейтарского отряда признаются специалистами недостоверными (Бабулин, 2009: 94). Кроме того, не очень понятно, как автору «Новгородского хронографа» стал известен характер смертельных ран, нанесенных татарами, если весь рейтарский отряд был истреблен, а русская армия покинула поле боя задолго до завершения героической обороны рейтар.

длиннодревковое оружие. Однако нет оснований полагать, что копья и пики имели в крымско-татарских войсках образца 1659 г. столь же широкое распространение, как сабли и тем более саадаки.

Как мы уже отмечали выше, далеко не все современники упоминали колющее длиннодревковое оружие в составе комплекса вооружения крымских татар и ногаев 40-х гг. XV – 50-х гг. XVII вв. Так, например, испанский путешественник Перо Тайфур, посетивший Крым в 1438 г., «не заметил» копья и пики местных кочевников: «оружие их – сабли (*semitarras*), лук (*arco*), стрелы (*frechas*) и дубина (*porras*)» (Тайфур, 2006: 130). Итальянский ученый Павел Йовий (1483–1552), описавший вооружение крымцев первой трети XVI в. на основе данных русского информатора Дмитрия Герасимова, зафиксировал стрелы, импортные персидские «железные шлемы, брони и сабли», но опять же ничего не сообщил о татарском длиннодревковом оружии (Барон Сигизмунд..., 1908: 259).

В подавляющем большинстве сообщений польских авторов XVI в., описывавших боевые столкновения с татарами, копья и пики крымцев не упоминаются вовсе, а в качестве главного оружия воинов ханства названы саадак и сабля. Это подтверждается и видами ранений польских и литовских воинов, нанесенных в основном татарскими стрелами и клинковым оружием (Стрийковский, 2011: 833; Bielski, 1856: 920; Гваньіні, 2007: 369, 371; Вирський, 2016: 65, 69, 70, 98, 99, 132). В некоторых случаях польские и литовские всадники, снабженные копьями и рогатинами, прямо противопоставляются татарам, не имеющим колющего длиннодревкового оружия. Так, например, знаменитый польский хронист и участник боевых действий Марцин Бельский (ок. 1495–1575) писал, что наиболее эффективным способом противодействия татарской коннице, вооруженной луками и саблями, была стремительная атака польских кавалеристов, вооруженных копьями (Wójcicki, 1856: 329–331). Бартош Папроцкий (1543–1614) также отмечал, что успех польских воинов в схватках с крымцами определялся преимущественно копьем, в то время как татарин обычно начинал бой метанием стрел, а затем рубил саблей (Вирський, 2016: 65, 69, 70).

Описание воинов Крымского ханства времен похода на Астрахань 1569 г. оставил польский посланник Анджей Тарановский. Дипломат отметил плохую оснащенность крымцев не только доспехами, но даже луками, которыми якобы были обеспечены лишь около половины татар. В ближнем бою, по данным Тарановского, степняки могли сражаться неким ударно-дробящим оружием с костяным наконечником-ударником, вероятно, кистенем или маслаком: «...люд есть велми худейший и едва пол их есть ежебы луки имели, пансырей же, ниже збруи коея не вопрошай, токмо в шерстяных одеяниях таскаются и в шубах вывороченных, яко же диви мужие; кийже оружия не имать, той кость кобылью увяжет на ремни вместо оружия, и тако с тем и ездит, ничим же иным стоять, токо прут кистию своею» (История о приходе турецкого..., 1872: 484). Тот же текст в хронике М. Бельского: «Народ весьма негодный и едва ли половина имеет луки. Кольчуг и доспехов никаких не имея, лишь в сермягах бродят, кто не имеет оружия, кобылью кость к палке привязывает вместо оружия и так ездит». (Bielski, 1856: 1187, 1188).¹

Отметим, что Анджей Тарановский не упомянул не только татарского колющего длиннодревкового оружия (что, как видим, не было редкостью для авторов XVI в.), но даже сабель, которые, согласно сообщениям других современников, имели известное распространение в крымско-татарских войсках данного периода. Обращает на себя внимание и дефицит саадаков – традиционно главного оружия кочевников. Последний факт позволяет предположить, что польский дипломат несколько преувеличил сложности снабжения крымских войск оружием дистанционного и ближнего боя. В противном случае наличие значительных масс плохо вооруженных всадников в войсках ханства, возможно, объясняется тем, что Тарановский описал не только собственное ударное боевое части крымских татар, но и некомбатантов, следовавших вместе с основной армией.

Французский наемник на российской и польской службе Жак Маржерет, дважды посещавший Русское государство в начале XVII в. (1600–1606, 1608–1611 гг.), сообщал своим читателям, что крымцы якобы были вообще не знакомы с другим оружием, кроме сабли и саадака: «Эти наездники [крымские татары] столь искусны, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; кроме лука, стрел и сабли, другого оружия не знают, стреляют крепче и вернее на бегу, нежели стоя неподвижно...» (Московское государство..., 2000: 85, 234–236).

Ничего не пишет о татарских копьях и шведский посланник в России в начале XVII в. Петр Петрей. В качестве главного оружия ханских воинов названы все те же саадаки и сабли: «Воюют всегда верхом на бойких, легких и быстрых конях с толстыми хвостами. Седла и стремяна у них все деревянные, кроме только князей, которые получают их из Турции и России. Оружие – луки, стрелы и кривые сабли. Ездят на укороченной узде, в седлах сидят, избоченясь. Когда обратятся в бегство, а неприятель погонится за ними, они бросают все, что только есть с ними, кроме сабель, которыми и рубят во все стороны, сколько хватит силы. Когда дают сражение неприятелю, распределяют своих людей по отрядам, помещая в каждый отряд по три или по четыре тысячи человек после того, как первый пустит свои стрелы, едет другой и третий отряды; так и стреляют из луков поочередно, в

¹ Перевод А.А. Шейхумерова: "Lud jest barzo nikczemny i ledwie połowica ich jest, coby łuki mieli. Pancierzów ani zbroje żadney nie mają, jedno w siermięgach się włóczą; a który broni nie ma, tedy kość kobyłą uwiąże u kija miasto broniej, a tak z tym jeżdżą. Niczem inszem nie stoją, jedno prędkością swą".

каком порядке поставлены; когда же все выстрелят, отступают назад и потом вместе нападают на неприятеля с большим шумом, гамом и криками: «Гола, гола, гола!» Разбитые и обращенные в бегство, они защищаются также стрельбой из луков до последней возможности; стреляют вперед и назад так живо и ловко, что и в бегстве наносят такой же вред, как и в сражении, и никогда не отдаются в плен по доброй воле, пока еще могут обороняться. Заметив, что для них одно спасение – бегство, они скорее позволят убить себя, нежели отдадутся в плен. Они не употребляют ни пороха, ни дроби, не умеют обращаться ни с полевыми, ни с большими пушками, редко осаждают города и крепости; но если бы привелось захватить город или крепость врасплох, хитростью и обманом, они уж не пропустят этого случая. Когда это удастся, они тотчас же жгут и разоряют взятый город до основания, грабят и берут все, что могут увезти» (Петрей, 1997: 207, 208).

В качестве доказательства массового использования ногами колющего длиннодревкового оружия в первой трети XVII в. иногда приводится фраза, приписываемая монаху Доминиканского ордена Джованни да Лукка, лично посетившего Крым в середине 20-х гг. XVII в.¹: «...Когда ногойцу случается спать в поле, то он *втыкает в землю копье, к которому уздечкой привязывает свою лошадь; спит, опираясь головой на руки и упомянутое копье для того, чтобы в случае нападения быстрее вспрыгнуть на коня*» (Описание..., 1879: 486). Из этого делается вывод, что в момент путешествия итальянца по землям ханства копия будто бы являлись обычным оружием ногаев. Однако при ознакомлении с оригинальным итальянским текстом выясняется, что данная фраза в нем отсутствует. Перечисляя вооружение крымских татар, наблюдательный доминиканец отметил лук, саблю, нож, а также закрывающий лицо «кольчужный шлем» и «кольчатую рубаху», которую использовали богатые воины ханства. Среди элементов снаряжения и походной одежды Джованни да Лукка были зафиксированы «малый барабанчик, который возят на луке седла» (у десятников), свирель («чтобы собраться при случае»), епанча («*iampruncii*»), кнут, ремешки, шило с веревочкой и даже нитки (Relatione..., 1834: 54, 55). Как легко заметить, в этом пространном перечне совершенно отсутствует длиннодревковое оружие, которое, благодаря внушительным размерам, вряд ли могло ускользнуть от внимания пытливого иностранного путешественника. Характерно в данной связи, что, совершенно игнорируя копия у татар и ногаев, Джованни да Лукка отметил их наличие у северокавказских соседей крымцев. Так, в частности, копия («*lance*») упомянуты на вооружении черкесов. Они же, согласно итальянцу, применяли некие «*spuntoni*», которые традиционно переводятся русскими исследователями, как «дротики» (Relatione..., 1834: 54, 55; Описание..., 1879: 490.; Адыги..., 1974: 71).² Вставка про длиннодревковое оружие у ногаев впервые появляется лишь во французском издании Джованни да Лукка (1664 г.). Причем французский переводчик, добавивший данную информацию в виде специальной сноски, особо оговаривает, что эти сведения он получил от некоего «*Le Gentilhomme Polonois*», то есть польского дворянина (Relations, 1664: 19). Таким образом, сведения об использовании ногами пик (во фр. изд. «*piquet*») в качестве крепления уздечки коня, относится не к первой трети, а к середине XVII в., когда традиционный комплекс вооружения тюркских кочевников Восточной Европы, действительно, претерпел существенные изменения (см. ниже). Что же касается оригинального сообщения Джованни да Лукка, то оно не только не подтверждает факт широкого распространения копий среди воинов Крымского ханства начала XVII в., но и, скорее, свидетельствует об обратном.

Весьма схожий с перечнем Джованни да Лукка набор вооружения и снаряжения крымских татар первой половины XVII в. приводит и французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Боплан. Подробно описав одежду крымцев, перечислив основное оружие (сабли, саадаки, ножи), отметив кольчатые панцири богатых кочевников, не забыв упомянуть огниво, шило и веревки для связывания пленных, он при этом совершенно игнорирует татарские копия и пики: «Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь. Вид их в такой одежде при неожиданной встрече в поле приводит в ужас, ибо их можно принять за белых медведей, оседлавших лошадей. Во время холодов и зимой они выворачивают свои тулупы шерстью внутрь, то же делают и с шапкой, сделанной из такого же материала. Вооружены они саблями, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож, огнивом для высекания огня, шилом и 5–6 саженьями веревок, чтобы связывать пленников, которых они могут захватить во время похода... Только самые богатые носят кольчуги, остальные же за неимением таковых отправляются на войну [считай] голыми» (Боплан, 2004: 219, 221).

Ничего не сообщает о татарских копиях и анонимный товарищ казацкой хоругви, попавший в плен под Князьими Байраками в 1648 г. и давший уничижительную характеристику ханской конницы: «Орда многочисленная и трусливая и неказисто выглядящая в кожухах и сермяжках без сабель, без луков; самое большое с маслаками, то есть костью, посаженной на гибкое дерево, что хуже, чем сабля» (Nagielski, 1998: 103).³

¹ Согласно другой версии – в начале 30-х гг. XVII в.

² Отметим, что подобный перевод термина «*spuntoni*» не является единственно возможным.

³ Перевод А.А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «*Orda licha i nieśmiała i niepozorna w kozuchach i w siermiężkach bez szabel, bez łuków; najwięcej z masłakami, to jest kość wsadzona na gibkie drzewo, co jest gorszego niżli szablą*».

Отмечая факты отсутствия сведений о татарских копейщиках во многих европейских письменных источниках, необходимо заметить, что собственно мусульманские авторы также упоминают их крайне редко. Крымский хронист Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи (1651 г.) при описании сражений с участием татарских всадников отмечает на вооружении кочевников лишь сабли (Кырымлы, 1998: 15, 16). Перечисляя трофейное оружие, захваченное в 1649 г. в польской крепости и распределенное между татарскими «богатырями», беками, агами, капыкулы и «людьми из свиты (калга) султана», Мехмед Сенаи упоминает «...сабли, и стрелы, и кольчуги, и латы, и шлемы», но ничего не сообщает о копьях, рогатинах и пиках, которые, как известно, достаточно активно применялись войсками Речи Посполитой (Кырымлы, 1998: 42). В материалах османского путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби на вооружении воинов Крымского ханства и ногайцев отмечены сабли (qilic), саадаки (sadak), луки (yau), стрелы (ok), ружья (miltik), защитное вооружение (savat, kobe, zirh), ударно-дробящее оружие и даже плети-«нагайки», но только не копья и пики (Бобров, 2016: 223–225). В известных нам документах, фиксирующих имущество крымских татар первой половины XVII в., указаны разнообразные сабли (qilic, turanqilic), луки (yau ile), колчаны со стрелами (sadaqoq, «тиркеш»), ружья (Биарсланов, 1898: 42; Рустемов, 2016: 823–827). Однако упоминаний о колющем длиннодревковом оружии, даже в составе имущества состоятельных татар указанного периода, пока не обнаружено.

В завершении обзора письменных источников необходимо хотя бы кратко остановиться на сообщениях тех авторов, которые прямо отрицают сколько-нибудь широкое распространение колющего длиннодревкового оружия среди крымско-татарских воинов. Подобные материалы не многочисленны, однако в их число входят такие классические труды, как «Известия о делах Московитских» («*Regum moscoviti carum commentarii*»)¹ Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), а также трактат «О нравах татар, литовцев и московитян» («*Demoribus Tartarorum, Lituorum et Moschorum*») Михалона Литвина.²

Австрийский посол в Московии в 1517 и 1526 гг. Сигизмунд Герберштейн называет в качестве основного оружия татар саадак (луки и стрелы) и отмечает, что в первой четверти XVI в. даже сабли среди крымских воинов встречались не слишком часто: «Их оружие – лук и стрелы (*arcus & sagitta*; Pogen/Bogen unnd pfeil)³; сабля (*framea*; Säbln/Säbel) у них редка» (Герберштейн, 2007: 267, 268).⁴ Продолжая рассказ о военном деле «перекопских» татар, имперский дипломат особо подчеркивает слабость ханской конницы в ближнем бою, которая, по его мнению, была обусловлена отсутствием у кочевников необходимых элементов защитного вооружения (в частности, шлемов и щитов), а также копий: «Если дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они быстро бывают разбиты, так как не имеют ни щитов (*clypeo*; Tartschen), ни копий (*lancea*; Spieß), ни клинков, ни шлемов (*galea*)⁵, чтобы противостоять врагу в правильной битве» (Герберштейн, 2007: 267, 268). Отметим, что в эпоху Герберштейна конные латники Западной Европы уже давно отказались от широкого использования щитов в кавалерийском бою. Если рассматривать указанные предметы вооружения (копье, щит «тарч») не как отдельные элементы, а как оружейный комплекс, то нельзя не заметить, что в первой четверти XVI в. он был весьма характерен для ранних гусар Балкан, Венгрии, Польши и Литвы, а также некоторых категорий османских кавалеристов. Возможно, что, отмечая отсутствие копий и щитов у кочевников, Герберштейн тем самым подчеркивал различие военного дела татар Крымского ханства с их южными, западными и северными соседями.⁶

¹ В отечественной историографии данное произведение также известно под названиями «Записки о Московии» или «Московия» (Герберштейн, 2007: 8)

² Михалон Литвин – псевдоним, под которым историки склонны видеть посланца короля Сигизмунда I в Крымское ханство Михаила Тишковича или участника посольства в Крым в 1542–1543, 1554 гг. Венцеслава Миколаевича (ок. 1490–1560) (Литвин, 1890: 4, 5; Михалон Литвин, 1994: 15; Московское государство..., 2000: 226).

³ В скобках указаны термины, обозначающие соответствующие предметы вооружения в Базельском (латинском) издании 1556 г. и Венском (немецком) издании 1557 г.

⁴ В Базельском (латинском) издании 1556 г.: «Porro arma illorum sunt, arcus & sagitta: framea apud eos rara» (Herberstein, 1556: 89).

⁵ В Базельском (латинском) издании 1556 г.: «...quoniam nec clypeo, nec lancea, nec galea muniti sunt...» (Herberstein, 1556: 90). В Венском (немецком) издании 1557 г.: «...gegen denen die Spieß unnd Tartschen (т.е. щиты типа «тарч» – Авт.) auch seitten wehr haben...» (Herberstein, 1557: 99).

⁶ Характерно в данной связи, что при описании литовцев и русских С. Герберштейн не забывает упомянуть их длиннодревковое оружие: «Обыкновенное их [московитов] оружие – лук, стрелы, топор, копье и палка, наподобие римского цеста, которая по-русски называется кистень, а по-польски – бассалык... Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов; оно может задержать обычную стрелу; употребляют они и копья (*lanceis*, Spieß)»; «Этот народ [литовский] носит длинное платье; вооружены они луками, как татары, и копьем со щитом, а также саблей, как венгры» (Герберштейн, 2007: 173, 174, 185, 300).

Подробное описание крымско-татарской армии середины XVI в. оставил литовский дипломат Михалон Литвин¹: «Когда в моем присутствии царь (т.е. крымский хан – Авт.) отправлял с своим сыном половину войска в помощь туркам в Венгрию, его насчитали 15 000; хотя в поход выступали отборные татары, но снарядились они обыкновенным образом, т.е. были почти безоружны; едва десятый или двадцатый из них был вооружен саблею (*framea*)² или колчаном (*pharetra*,) панцири (*lorica*) же встречались еще реже; одни имели только палки костяные или деревянные (*scipionibus saltem muniti osseis, alii ligneis*)³, другие были препоясаны пустыми ножами без оружия (*alii vacuistolorum accincti vaginis*).⁴ *Щитов, копий и другого оружия подобного рода они совсем не знают (Clupeorum autem & hastarum, vel huiusmodi armorum generis, expertes penitus)*... Татары носят длинные туники без складок и сборок, легкие и удобные для верховой езды и сражений; колпаки у них белые, остроконечные, сделаны не для парада; во время битвы от их высоты и блеска татары имеют более представительный и грозный для врагов вид, хотя и не имеют обыкновения надевать шлемы (*galeati*)⁵» (Литвин, 1890: 11, 12, 24).⁶ Таким образом, М. Литвин, как и С. Герберштейн, отрицает наличие у татар щитов и копий, а следовательно, и наличие в крымских войсках всадников, вооруженных по «раннегусарскому» образцу.⁷ В отличие от А. Тарановского Литвин объясняет наличие в татарских войсках многочисленных безоружных всадников: «Ведь настолько выросла численность татар в Таврике, что они выставляют на войну почти тридцатитысячное войско, но собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи, и не владеющие оружием» (Михалон Литвин, 1994: 65, 66). По данным литовского дипломата, в задачи конников, «не владеющих оружием», входил захват пленных: «...никто из них не отправляется без множества свежих ремней, особенно когда им предстоит совершить набег на наши земли. Ибо тогда их более заботят путы, чтобы вязать конечности наши, чем доспехи для своей защиты» (Михалон Литвин, 1994: 66).

Еще одной работой, автор которой категорично отрицает использование крымскими татарами колющего длиннодревкового оружия, является записка французского дипломата Блеза де Виженера (1523–1596) «*Ladescriptiondu Royaume de Pologne...*» (1573 г.). Данное произведение представляет собой компилятивный труд, адресованный Генриху Валуа, избранному польским королем,

¹ Согласно одной из версий, М. Литвин в своем произведении описывает выступление крымско-татарских войск в поход на Венгрию в 1543 г. (Михалон Литвин, 1994: 15).

² Здесь и далее в скобках указаны термины, обозначающие соответствующие предметы вооружения в Базельском (латинском) издании 1615 г. (Litvin, 1615: 5, 6).

³ Вероятно, имеются в виду деревянные дубины, а также кистени или «маслаки», снабженные костяным ударником.

⁴ Возможно, за «пустые ножны» М. Литвин принял колчаны для дротиков («джирид»), которые внешне, действительно, могли напоминать широкие «пустые ножны».

⁵ «*Tartari tunicas habent absque plicis & rugis longas, equitanti dimi cantique commodas, leues & pileos albos acutos non ad fastum paratos, quorum eminentia atque nitore in agminibus, licet minime galeati esse soleant, apparent illustriores, & hostibus formidandi*» (Litvin, 1615: 15).

⁶ Перевод В.И. Матузовой: «Поскольку, когда я был там и когда царь послал половину их и сына своего на помощь туркам, ходившим недавно на Венгрию, то их насчитывалось тогда пятнадцать тысяч. Хотя и ходили избранные, однако снаряженные по обычаю своему, а именно – многие безоружные, и едва ли у десятого или двадцатого из них был при себе колчан или дротик, а в панцирях было их еще меньше; но одни по крайней мере были вооружены костяными, другие – деревянными палками, третьи – с пустыми ножами на поясе. *Щитов и копий и прочего подобного оружия они и вовсе не ведают...* У татар длинные туники без складок и сборок, удобные, легкие для верховой езды и сражения; их белые остроконечные войлочные шапки сделаны не для красоты; их высота и блеск придают толпам [татар] грозный вид и устрашают врагов, хотя почти никто из них не носит шлемов» (Михалон Литвин, 1994: 66, 75).

⁷ М. Литвин преподнес свой трактат польскому королю и Великому князю литовскому Сигизмунду II Августу в 1550 г. (Михалон Литвин, 1994: 6). Первое издание книги Герберштейна датируется 1549 г. (Герберштейн, 2007: 6, 699). То есть литовский автор, теоретически, мог заимствовать данную информацию у своего германского коллеги. Однако, не менее вероятно, что Герберштейн и Литвин воспроизводят распространенный в Восточной и Центральной Европе взгляд на татарских воинов как легких всадников, не умеющих сражаться «по-гусарски» при помощи копий и щитов-«тарчей». Характерно в данной связи, что если для обозначения щитов оба автора указывают одинаковые латинские термины «*clupeo*», «*Clupeorum*», то копье у Герберштейна фигурирует под названием «*lancea*», а у Литвина – «*hastarum*», т.е. «*hasta*» (Herberstein, 1556: 90; Litvin, 1615: 5). Однако в любом случае данный пассаж литовского автора представляет для нашего исследования значительную ценность. Даже если Литвин действительно заимствовал указанные сведения у Герберштейна, то он расценивал их как правдивые. Крайне маловероятно, чтобы опытный литовский дипломат стал бы включать в текст трактата, адресованного правящему монарху, информацию, которую полагал заведомо недостоверной.

призванный познакомить монарха с его королевством. Одна из глав посвящена татарам: «Действительно, вооружение (*armes*)¹ их весьма несложно и состоит по большей части из одного лука (*arc*) и стрел (*fleches*), иногда с прибавкою кинжала или меча (*aues quelques cimeterres ou coltellats*).² Они никогда не употребляют копий (*lances*), потому не встречаются неприятеля лицом к лицу, сомкнутым строем и в боевом порядке, и только беспрерывно нападают и отступают»³ (Мемуары, относящиеся к истории..., 1890: 81). Не исключено, что данные сведения были позаимствованы Б. Вижинером из упомянутого выше труда С. Герберштейна или сообщений польских авторов. Однако, даже если это действительно так, то сам факт включения сведений об отсутствии у татар копий в документ, адресованный королю, представляет значительный интерес. Это, в частности, позволяет предположить, что французский дипломат воспринимал указанные данные как достоверные и отражающие реальные особенности оружейного комплекса крымцев середины XVI в. Также стоит упомянуть, что, в отличие от Герберштейна и Литвина, Вижинер подчеркивает отсутствие у татар только копий, но не щитов.

Подводя итог обзору письменных источников по теме настоящего исследования, необходимо отметить следующие моменты.

Собранные и проанализированные материалы позволяют сделать вывод, что в крымско-татарских войсках конца XV – первой половины XVII вв. колющее длиннодревковое оружие имело весьма ограниченное распространение. Оно значительно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, ударно-дробящему оружию.⁴

Письменные свидетельства о татарских копейщиках середины XV в. слишком малочисленны, чтобы составить целостную картину особенностей развития колющего длиннодревкового оружия в войсках населения Крыма данного периода. Можно лишь предполагать, что одним из важных трендов эволюции военного дела тюркских кочевников Восточной Европы в XV в. (по сравнению с концом XIV в.) было постепенное сокращение удельной численности и тактической значимости панцирных всадников, оснащенных длиннодревковым оружием. В пользу данной версии, помимо прочего, свидетельствуют сообщения современников, датированные первой четвертью следующего столетия.

В XVI в. значение конного копейного боя в крымско-татарской боевой практике снизилось настолько сильно, что многие европейские авторы не посчитали нужным включить копьё и пики в перечень основного вооружения воинов ханства (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали само наличие колющего длиннодревкового оружия и соответствующих приемов конного копейного боя у тюркских номадов региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер).

Тем не менее, известные материалы позволяют сделать вывод, что колющее длиннодревковое оружие все же применялось в войсках Крымского ханства XVI в., хотя и в относительно небольших количествах. Основными потребителями ударных копий и пик являлись состоятельные крымско-татарские воины, «к сабле и копьё пригожие», то есть обученные искусству конного боя с применением клинкового и древкового оружия. По некоторым данным, даже в конце XVI – начале XVII вв. некоторые «опытные татарские всадники» могли сражаться «...копьями, подобно христианским или турецким воинам» (Калашников, 2013: 28). При этом, судя по информации Д. Флетчера, копьё у зажиточных татар не замещали, а дополняли традиционный оружейный комплекс, состоящий из сабли и лука со стрелами. Весьма вероятно, что длиннодревковым оружием могли оснащаться некоторые представители командного состава крымско-татарской армии, например, командиры отрядов-«болюков». В последнем случае к древку крепился специальный значок, представлявший собой флажок или небольшой бунчук. Во время боя воины подразделения двигались за своим командиром, ориентируясь на полотнище или волосяную кисть его значка. Польский автор «Виршованной хроники» сообщал по этому поводу: «Без шеренг ордынец мчит, идет куда захочет, смотря больше на то, куда повернет значок, туда и он направляется» (Мицик, 2005: 88). Согласно информации англичанина Д. Смита, наряду с панцирниками, длиннодревковое оружие могли применять и отдельные татарские воины, не имеющие доспехов (Smit, 1884: 864; Калашников, 2013: 28). К сожалению, англичанин не уточняет, идет ли речь об оружии ближнего боя или метательных дротиках.

¹ Здесь и далее в скобках указаны оригинальные термины и фразы из труда Б. Вижинера, изданного в Париже в 1573 г. (Vigenere, 1573: LXVII).

² Более вероятно, что под «*cimeterres*» (то есть скимитарами) подразумевался не «меч», а «сабля».

³ De lances ils nesen aydent point, aussi ne cobattent ils pas de piedferme, ny par escadrons ragez & ordonnez en bataille, mais a charges & recharges seulement (Vigenere, 1573: LXVII).

⁴ Под ударно-дробящим оружием мы понимаем как цельнодеревянные дубины, так и древковое оружие с костяным (маслак) или металлическим ударником (булавы, перначи, кистени и т.д.). Если последние применялись состоятельными татарами, то дубины и маслаки широко использовались многочисленными бедными ополченцами и нонкомбатантами (Bielski, 1856: 1187, 1188; Литвин, 1890: 11, 12; Nagielski, 1998: 103).

Открытым остается вопрос о возможности сведения татарских копейщиков XVI в. в отдельные подразделения. В османской книжной миниатюре данного периода зафиксировано изображение отряда конных панцирников из состава войск Крымского ханства, вооруженных длиннодревковым оружием (Зайцев, 2003: 89; Бобров, 2016: 232). Однако в собранных и проанализированных письменных материалах подобные сведения отсутствуют.

В целом, нет оснований полагать, что немногочисленные копейщики оказывали сколько-нибудь существенного влияния на тактику крымско-татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного лучного и сабельного боя (Бобров, 2016: 233–237, 352). Вооруженные копьями и дротиками татарские всадники могли участвовать как в дистанционном бою (Nagielski, 1998: 192)¹, так и в последующей атаке с холодным оружием (в качестве поддержки конных сабельщиков и воинов с булавами, дубинами, топорами и маслаками). «Преломив копья», состоятельные крымцы имели возможность продолжить бой, используя саадак и клинковое оружие.

Некоторый рост значения колющего длиннодревкового оружия фиксируется в первой половине XVII в. (сообщение Д. Смита, сражения под Зборовом в 1649 г., Берестечком в 1651 г., Варшавой в 1656 г. и др.). Однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками (сообщения Ж. Маржерета, П. Петрея, Д. Лукка, Г. Боплана, М. Сенаи и др.). Весьма вероятно, что в первой половине XVII в. идея довооружения всадников колющим длиннодревковым оружием была усвоена лишь отдельными степными (в первую очередь ногайскими) командирами, оценившими преимущества калмыцкого «копийного напуска».² Распространение практики использования ударных копий и пик шло в армии Крымского ханства весьма неравномерно. Характерно в данной связи, что, если под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание современников, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны. Из 670 ранений, нанесенных русским воинам в преимущественно кавалерийском сражении 29 июня 1659 г., нет ни одной раны, нанесенной копьем или пикой. С некоторой долей осторожности к ранениям колющим длиннодревковым оружием можно отнести удары «бунчуком» и «знаменем», которые составляют лишь 0,75 % от общего числа ранений русских воинов в данном сражении (см. выше).

В латинских текстах длиннодревковое оружие татар фигурирует под названием: «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копья». Польские авторы XVI – первой половины XVII вв. обычно использовали термин «kopie». Однако позднее, во второй половине XVII в., общеупотребительным названием длиннодревкового оружия тюрко- и монголоязычных номадов в письменных источниках Речи Посполитой становится калмыцкий термин «dzid».

Известные материалы позволяют сделать вывод, что крымскими татарами XVI – начала XVII вв. использовались различные виды колющего длиннодревкового оружия, предназначенные для ближнего боя (копья, пики и, возможно, рогатины), а также метательные дротики. К сожалению, большинство авторов не оставили сколько-нибудь подробного описания татарского длиннодревкового оружия. К числу немногочисленных исключений можно отнести сообщение Д. Флетчера, который сравнил татарское оружие с копьями английских кавалеристов второй половины XVI в. («horseman's staff») и одновременно с рогатиной, с которой ходят на медведя (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Это позволяет предположить, что описанные Флетчером татарские копья могли иметь наконечник с широким листовидным пером, который насаживался на достаточно длинное деревянное древко.

Резкий рост значения колющего длиннодревкового оружия и конного копейного боя в крымско-татарских войсках произошел в 60-х гг. XVII в. На наш взгляд, централизованная политика стремительного и массового оснащения (довооружения) татар копьями и пиками в данный период

¹ В ходе лучной перестрелки копье традиционно размещалось за спиной воина. Вертикальное положение древку обеспечивали пара кожаных петель на древке, в которые продевались рука и лодыжка всадника.

² С отдельными отрядами калмыков ногаи столкнулись еще во второй половине XVI в. В первые десятилетия XVII в. отдельные стычки переросли в масштабную войну, которая закончилась поражением ногаев и уничтожением Большой Ногайской орды (Тепкеев, 2012: 21–26, 30–36, 41–55; Трепавлов, 2013: 101, 132, 139–145). Военное дело калмыков произвело сильное впечатление на тюркских кочевников Дашт-и Кипчак, что не укрылось от внимания современников: «...нагайским людям они, калмыцкие люди, страшны гораздо и против них не стаивали они, нигде и биться с ними не умеют» (Бобров, Рюмшин, 2015: 372). Часть ногаев подчинилась ойратам, а другая откочевала на территорию Крымского ханства. По данным В.В. Трепавлова, «к концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев» (Трепавлов, 2013: 203). Весьма вероятно, что именно откочевавшие на запад ногаи и выступили в первой половине XVII в. основными ретрансляторами ойратской боевой практики конного копейного боя в Крымском ханстве. Характерно в данной связи, что основу корпуса Субхан Гази-аги (в составе которого действовали степные копейщики) формировали воины Буджакской орды, основу которой составляли именно ногаи (Трепавлов, 2013: 148).

была обусловлена, в первую очередь, необходимостью противодействия «копийной» коннице восточных степных соседей – калмыков (Бобров, 2016: 245, 246, 280, 356).¹

В отличие от тюркских номадов Восточной Европы, ойраты и монголы конца XVI – начала XVII вв. применяли колющее длиннодревковое оружие исключительно широко. Стремясь повысить атакующую мощь своих конных армий, центральноазиатские полководцы начали массово снабжать копьями и пиками не только латников, но и бездоспешных лучников. В конечном счете это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных эффективно сражаться как в дистанционном, так и в ближнем бою (Бобров, Худяков, 2008: 538, 567; Бобров и др., 2010: 126–129, 166; Бобров, Рюмшин, 2015: 369–374). По всей видимости, эксперимент был признан удачным, так как новая оружейная практика получила широкое распространение. Число копейщиков в ойратских войсках в XVII в. неуклонно росло. Некоторые центральноазиатские правители стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками, конец которых был заострен и обожжен на огне (Бобров, Худяков, 2008: 295, 577, 578; Бобров, Рюмшин, 2015: 369).²

В начале 50-х гг. XVII в. военные трофеи крымских татар и калмыков носили эпизодический характер (Тепкеев, 2012: 212–215). Однако в начале 60-х гг. XVII в. частота боевых столкновений резко возрастает, а калмыки начинают угрожать непосредственно Крыму. Только за сентябрь–декабрь 1661 г. татарские улусы были последовательно атакованы отрядами Зан-Кашки (1 100 чел.), тайши Дугара (200 чел.), Будан-Церена, двумя дербетскими отрядами неизвестного ойратского военачальника и Умар-хошучи (1000 и 800 чел. соответственно), подразделениями тайши Мончака (700 чел.) и др. В ходе нападений были захвачены многочисленные пленные, а также огромные табуны лошадей. В числе крымцев, погибших в схватках с калмыками, был и знаменитый Сары-мирза, который, благодаря своим стремительным набегам, много лет являлся «головной болью» российских властей. Наибольших успехов в ходе осенней кампании 1661 г. добился отряд Будан-Церена. Астраханский воевода Г.С. Черкасский сообщал в Москву: «Калмыцкого Мончака тайши ратные люди Будан и Черен, да Серен с товарищами убили под Крымом крымского Сары-мирзу, который хаживал в твои в.г., украинные города войною с многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним и с Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч и многие улусы в полон поимали и животные стада отбили» (Бобров, 2014: 240, 241).

По всей видимости, калмыцкие копейщики во время данных набегов произвели впечатление на крымское командование, т.к. уже в декабре 1661 г. хан Мухаммед-Гирей лично инициирует размещение масштабного заказа на 4 500 копий у «горских черкесов». Интересно, что северокавказским оружейникам был отправлен специальный образец, по которому следовало выполнить все остальные наконечники.³ Заявленного количества копий, по всей видимости, показалось недостаточно, поэтому массовое производство длиннодревкового оружия было развернуто во владениях перекопского бей. Назначение программы перевооружения не являлось секретом для современников: «...а биться им с копы против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» (Бобров, 2016: 280). В дальнейшем программа перевооружения татарской и ногайской конницы была продолжена, в результате чего в войсках Крымского ханства появились собственные контингенты легких копейщиков, что сразу же получило отражение в сообщениях современников и служебной документации. Однако вопрос о колющем длиннодревковом оружии и копейном бое армии Крымского ханства 60-х XVII – начала 80-х гг. XVIII вв. выходит за хронологические рамки настоящей статьи и будет рассмотрен в специальной работе.

Сведения письменных источников по колющему длиннодревковому оружию крымских татар и ногаев XV – первой половины XVII вв. могли бы быть существенно дополнены благодаря анализу вещественных, фольклорных и изобразительных материалов. К сожалению, далеко не все указанные виды источников отличаются массовостью и высокой степенью информативности.

С территории Крымского ханства происходят не менее двух десятков наконечников копий, пик, рогатин и дротиков. Однако ни один из них не может быть в настоящее время уверенно датирован рассматриваемым историческим периодом и соотнесен с комплексом вооружения крымско-татарских

¹ В числе других причин можно назвать стремление крымских военачальников повысить устойчивость своих кавалерийских подразделений в боях с русскими и поляками.

² Эвлия Челеби, живописуя вооружение волжских калмыков 60-х гг. XVII в., отмечал: «...наконечники копий – из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копы пронзают кремь» (Челеби, 1979: 171). Цельнодеревянные пики джунгарских воинов упомянуты российскими авторами (Бобров, Худяков, 2008: 296). У казахов копы также могли не иметь металлического наконечника, а конец древка просто заострялся и обжигался на конце (Кушкumbaев, 2001: 59).

³ В.Т. Тепкеев, на наш взгляд, совершенно справедливо предположил, что присланный ханом образец представлял собой трофейную калмыцкую пикку (Тепкеев, 2012: 321).

и ногайских воинов XV – первой половины XVII вв. В 1913 г. выдающимся российским и советским археологом В.А. Городцовым был изучен «наконечник железного копья, купленный в Крыму, на торгу» (Городцов, 1913: 4). На основании анализа надписи на втулке ученый пришел к выводу, что оружие принадлежало султану Тохтамышу Гирею – сыну Менгли Гирея, который «...царствовал в 1466 по 1515 год» (Городцов, 1913: 4). Однако, спустя почти сто лет с момента публикации работы В.А. Городцова, предложенная им атрибуция крымско-татарского наконечника была оспорена российским исследователем И.В. Зайцевым. Проанализировав материалы письменных источников, он пришел к выводу, что «...владелец копья не мог быть сыном Менгли-Гирея I» (Зайцев, 2008: 148). Согласно реконструкции И.В. Зайцева, владельцем копья являлся султан Тохтамыш Гирей – сын хана Менгли Гирея II, «...а значит, сам предмет нужно датировать 20–40 гг. XVIII в.» (Зайцев, 2008: 148).

В ногайском эпосе на вооружении степных богатырей упоминаются различные виды копий («найза») и пик («сунги») (Сикалиев, 1994: 123, 124). Однако данные материалы не позволяют сделать вывод о широте распространения колющего длиннодревкового оружия среди ногаев. Кроме того, в большинстве случаев невозможно достоверно установить время появления соответствующих «копейных» сюжетов в эпических произведениях, сформированных из разновременных вставок.

Значительно более информативны изобразительные материалы, представленные османскими книжными миниатюрами, а также европейскими гравюрами, графическими и цветными рисунками, живописью. Как показал первичный анализ, изобразительные источники хорошо коррелируются с рассмотренными в настоящей статье письменными свидетельствами современников. В работах художников XVI – первой половины XVII вв. копейщики Крымского ханства встречаются крайне редко. Из более чем 200 репрезентативных изображений татарских и ногайских воинов копьями снабжены менее 9 % степняков (Бобров, 2016: 227, 228).¹ В качестве основного оружия татар в большинстве случаев показаны луки и стрелы. Этот факт выглядит тем более впечатляющим, если учитывать, что на многих картинах и миниатюрах приведены изображения не рядовых ополченцев, а аристократов и их дружинников, то есть тех категорий степных воинов, которые в более ранние исторические периоды относительно активно применяли длиннодревковое оружие (Бобров, 2016: 221, 226, 228–231, 234, 241, 263, 287, 336). Более подробно изобразительные материалы по крымско-татарскому и ногайскому колющему длиннодревковому оружию XVI – первой половины XVII вв. будут проанализированы в специальной работе.

4. Заключение

На основании анализа собранных материалов установлено, что сведения о колющем длиннодревковом оружии и копейном бое крымских татар и ногаев XV – середины XVII вв. содержатся в различных европейских, русских, османских и крымско-татарских письменных источниках указанного периода. В латинских текстах длиннодревковое оружие тюркских кочевников Восточной Европы фигурирует под названием «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копье» и т.д. В произведениях польских авторов XVI – первой половины XVII вв. обычно используется термин «kopie», а позднее общеупотребительным становится калмыцкий термин «dzid».

Известные материалы позволяют сделать вывод о том, что крымскими татарами XVI – середины XVII вв. применялись различные виды колющего длиннодревкового оружия, предназначенные для ближнего и дистанционного боя. Подробные описания татарских копий и дротиков в большинстве письменных источников отсутствуют. Лишь Д. Флетчер обращает внимание читателя на схожесть татарских ударных копий (horseman's staff) с рогатинами, «с которыми ходят на медведей», что дает основание полагать, что некоторые образцы крымского длиннодревкового оружия могли иметь наконечник с широким листовидным пером. Кроме того, упоминания в текстах «коротких копий» («hasta») позволяет предположить наличие у воинов ханства колющего оружия с укороченным (в сравнении с европейскими аналогами) древком. Англичанин Д. Смит также отмечает плохую обработку древков копий простых татарских воинов.

По сравнению с золотоордынским военным искусством конца XIV в. значение панцирной копейной конницы в боевой практике Крымского ханства XVI в. в силу различных причин существенно снизилось. В результате многие современники не посчитали нужным включить копья и пики в перечень основного оружия крымских татар (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали само наличие ударных копий и пик, а также соответствующих приемов конного копейного боя у тюркских кочевников региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер). И хотя колющее длиннодревковое оружие продолжало применяться татарами и ногаями на протяжении всего рассматриваемого времени, оно имело весьма ограниченное (в отдельные периоды – незначительное) распространение. В целом, колющее длиннодревковое оружие ближнего боя существенно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, различным видам ударно-дробящего оружия.

¹Для сравнения, панцири на изображениях имеются у менее 14 %, а сабли – у менее 50 % татарских и ногайских воинов (Бобров, 2016: 227, 228).

Основными потребителями копий и пик в войсках Крымского ханства XVI в. являлись состоятельные татарские воины, а также отдельные легковооруженные ополченцы. Данные о существовании в крымских войсках ударных отрядов конных копейщиков в проанализированных письменных материалах отсутствуют. В настоящее время нет оснований полагать, что немногочисленные воины с длиннодревковым оружием оказывали сколько-нибудь существенное влияние на тактику крымско-татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного лучного и сабельного боя. Вооруженные копьями и дротиками татарские всадники могли участвовать как в дистанционном бою, так и в последующей атаке с холодным оружием (в качестве поддержки конных сабельщиков и воинов с булавами, дубинами, топорами и маслаками). Для повышения устойчивости кавалерийских подразделений в ближнем бою лучше вооруженные всадники, оснащенные копьями и панцирями, могли сражаться в первых рядах атакующих крымско-татарских отрядов. «Преломив копье», они имели возможность продолжить бой, используя саадик и саблю.

Некоторый рост значения колющего длиннодревкового оружия фиксируется в первой половине XVII в., однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками. По всей видимости, в первой половине XVII в. идея довооружения всадников кавалерийскими копьями была усвоена лишь отдельными степными (в первую очередь ногайскими) командирами, оценившими преимущества калмыцкого «копийного напуска». Распространение практики использования ударных копий и пик шло в армии Крымского ханства весьма неравномерно. Характерно в данной связи, что если под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание участников сражений, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны.

Свидетельства современников об относительно слабом распространении колющего длиннодревкового оружия среди крымских татар рассматриваемого периода подтверждаются видами ранений русских, польских и литовских воинов в боях с татарами. Так, например, в упомянутом сражении под Конотопом 28 июня 1659 г. абсолютное большинство ран было нанесено саблями – 321 (47,91 %) и стрелами – 277 (41,34 %). Оставшиеся 10,75 % ранений являлись следствием воздействия огнестрельного, ударно-дробящего и др. оружия. Характерно, что из 670 ранений нет ни одного нанесенного татарским копьём или пикой. Даже если отнести к категории колющих, пять ран, полученных русскими служилыми от ударов «знамен» и «бунчуков», то они составляют лишь 0,75 % от общего числа ранений московских воинов в данном сражении.

Важные изменения в оружейном комплексе Крымского ханства начали происходить с начала 60-х гг. XVII в. Судя по материалам письменных источников, централизованная политика массового оснащения (довооружения) татар копьями и пиками в данный период была обусловлена, в первую очередь, необходимостью противодействия калмыцкой коннице, воины которой широко применяли колющее длиннодревковое оружие.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Литература

[Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974](#) – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 635 с.

[Английские путешественники, 1937](#) – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: «Печатный двор», 1937. 308 с.

[Бабулин, 2009a](#) – *Бабулин И.Б.* Битва под Конотопом 28 июня 1659 года. М.: Издательство «Цейхгауз», 2009. 48 с.

[Бабулин, 2009b](#) – *Бабулин И.Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

[Бабулин, 2015](#) – *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. 400 с.

[Герберштейн, 1908](#) – *Барон Сигизмунд Герберштейн.* Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб.: типография А.С. Суворина, 1908. 382 с.

[Биарсланов, 1889](#) – *Биарсланов М.-Б.* Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 г. хиджры (1608 (9) – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // *Известия таврической ученой архивной комиссии.* № 8. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1889. С. 41–51.

[Бобров, 2012](#) – *Бобров Л. А.* Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* Ч. I. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012. С. 105–135.

[Бобров, 2013](#) – *Бобров Л.А.* Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История.* № 3, 2013. С. 216–221.

- Бобров, 2014** – Бобров Л.А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2014. № 6. С. 239–249.
- Бобров, 2016** – Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (28.03.2016).
- Бобров, 2017** – Бобров Л.А. Тактическое искусство древних тюрков VI – первой половины VIII вв. // *Материалы II форума гуманитарных наук «Великая степь»*. Астана: «Гылым», 2017. С. 85–96.
- Бобров и др., 2010** – Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров, Рюмшин, 2015** – Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*, 2015, № 8. С. 357–378.
- Бобров, Худяков, 2002** – Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // *Военное дело nomadov Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 106–168.
- Бобров, Худяков, 2010** – Бобров Л. А., Худяков Ю.С. Копья с завитками-отрожками как пример взаимовлияния русских, тюркских и монгольских военно-культурных традиций на территории Южной Сибири XVII–XVIII вв. // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2010. Т. 9. Вып. 3. С. 174–181.
- Бобров, Худяков, 2008** – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Боплан, 2004** – Боплан Г. Описание Украины. М.: «Древлехранилище», 2004. 576 с.
- Броневский, 1867** – Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса. 1867. Т. 6. С. 333–367.
- Введенский, 2003** – Введенский Г.Э. Янычары. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант», 2003. 176 с.
- Вирський, 2016** – Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). Киев: Інститут історії України НАН України, 2016. 299 с.
- Гайворонский, 2010** – Гайворонский О. Повелители двух материков. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. Том. 1. 400 с.
- Гваньїні, 2007** – Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. Киев.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. 1006 с.
- Горбунов, 2003** – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. 1. 174 с.
- Горбунов, 2006** – Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов, 2013** – Горбунов В.В. Комплекс вооружения и тактика тюркской конницы // *Война и оружие. Новые исследования и материалы*. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. I. С. 396–415.
- Горелик, 1993** – Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие –IV в. до н.э.). М.: «Наука», 1993. 349 с.
- Городцов, 1913** – Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея // *Труды Исторического музея*. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.
- Дмитриев, 2003** – Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // *Тюркологический сборник. Россия и тюркский мир*. М.: «Восточная литература», 2003. С. 210–228.
- Зайцев, 2003** – Зайцев И.В. Крымские ханы: портреты и сюжеты // *Восточная коллекция*, 2003, № 2 (13). С. 86–93.
- Зайцев, 2004** – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2004. 303 с.
- Зайцев, 2008** – Зайцев И.В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // *Эпиграфика Востока*. М., 2008. № XXVII. С. 147–155.
- Зайцев, 2010** – Зайцев И.В. «Бектерь сыдавной» // *Батыр*, 2010, № 1. С. 126–127.
- Записки. 2007** – Записки Якуба Лося // *Армии и битвы*, 2007, № 8. С. 10–21.
- Золотая Орда, 2003** – Золотая Орда в источниках. М.: Наука, 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. 448 с.
- Золотая Орда, 2009** – Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т. 3. М.: Наука, 2009. 336 с.
- История Казахстана, 2007** – История Казахстана в персидских источниках. Извлечение из сочинений XIII–XIX вв.: в 5 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5. 476 с.

- История, 1872** – История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в лето от Р.Х. 1677 // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 8, 1872. С. 479–488.
- Шараф ад-Дин, 2008** – *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Ташкент: «SANAT», 2008. 486 с.
- Калашников, 2013** – *Калашников В.М.* Прародитель американской литературы и летописания Джон Смит о Крымском ханстве начала XVII столетия // *Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой половины XIX столетий)*. Днепропетровск, 2013. С. 7–39.
- Квитковский, 2002** – *Квитковский Ю.В.* Великолепные латники // *Армии и битвы*. 2002. № 1. С. 34–44.
- Колли, 1913** – *Колли Л.П.* Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // *Известия Таврической учетной архивной комиссии*. Симферополь, 1913. Том 50. С. 99–139.
- Кондараки, 1875** – *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб, 1875. Ч. 10. С. 30
- Кочкаров, 2008** – *Кочкаров У.Ю.* Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: «ТАУС», 2008. 176 с.
- Куц, 2014** – *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 596 с.
- Кушкумбаев, 2001** – *Кушкумбаев А.К.* Военное дело казахов XVII– XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Кырымлы Хаджи, 1998** – *Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи*. Книга побед. Симферополь: «Крымучпедгиз», 1998. 72 с.
- Литвин, 1890** – *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. I. (XVI ст.). С. 6–58.
- Литвин, 1994** – *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151 с.
- Мемуары, 1890** – Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890. 136 с.
- Меховский, 1936** – *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 301 с.
- Мицик, 2002** – *Мицик Ю.А.* Умань козацька і гайдамацька. К.: Видавничий дім «КМ Академія», 2002. 186 с.
- Мицик, 2005** – *Мицик Ю.* Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // *Архіви України*. 2005. № 4. С. 76–103.
- Московское государство, 2000** – *Московское государство XV–XVII вв.* по сказаниям современных иностранцев. М.: «Крафт+», 2000. 248 с.
- Муфтийзаде, 1899** – *Муфтийзаде И.М.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 годы (по архивным материалам) // *Известия Таврической ученой комиссии*. Симферополь, 1899. № 51. С. 1–24.
- Николле, 2004** – *Николле Д.* Янычары. М., 2004. 72 с.
- Олеарий, 2003** – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. 480 с.
- Описание, 1879** – Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1879. Т. XI. С. 473–493.
- Памятники, 1884** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том 1. С 1474 по 1505 годы, эпоха свержения монгольского ига в России (Сборник императорского русского исторического общества, Том 41). СПб. 1884. 538 с.
- Пенской, 2010** – *Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // *Восток (Oriens)*. 2010, № 2. С. 56–66.
- Петрей, 1997** – *Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М.: «Фонд Сергея Дубова», 1997. 560 с.
- Полное собрание, 1904** – Полное собрание русских летописей. СПб, 1904. Т. 13. 302 с.
- Посольская книга, 2016** – *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг.* М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
- Путешествие, 2006** – Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т.д. // *Историческое наследие Крыма*, 2006. № 12–13. С. 184–207.
- Рустемов, 2016** – *Рустемов О.Д.* Судебные реестры бахчисарайского кадылыка XVII–XIX вв.: язык и структура документов «Кысмет-и Меварис» («Доля наследников») // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4. № 4. С. 814–831.
- Сальников, 2014** – *Сальников А.В.* Иранские образцы вооружения в комплексе вооружения народов Северного Кавказа рубежа XIII – XIV столетия // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 5. С. 70–72.

- [Сальников, 2014](#) – Сальников А.В. Золотоордынский аспект влияния на вооружение народов Северного Кавказа XIII–XV вв. // *Глобальный научный потенциал*. 2014. № 11. С. 70–72.
- [Сальников, 2015](#) – Сальников А.В. К вопросу о распространении на территории Северного Кавказа булата и иностранного вооружения в период позднего Средневековья – Нового времени // *Научно-информационный журнал «Армия и общество»*. 2015. № 5 (48). С. 39–44.
- [Сальников, 2015](#) – Сальников А.В. О путях распространения золотоордынского и центральноазиатского вооружения среди народов Северного Кавказа XIII–XV вв. // *Перспективы науки*. 2015. № 5 (68). С. 49–52.
- [Селиверстов, 2011](#) – Селиверстов Д.А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 183–198.
- [Селиверстов, 2015](#) – Селиверстов Д.А. Войны и войско Дмитрия Донского // *Золотоордынская цивилизация*. Казань, 2015. № 8. С. 222–284.
- [Сикалиев, 1994](#) – Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.
- [Скальковский, 1846](#) – Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846. 294 с.
- [Стрийковський, 2011](#) – Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. 1091 с.
- [Перо, 2006](#) – Тафур Перо. Странствия и путешествия. М.: Индрик, 2006. 326 с.
- [Тепкеев, 2012](#) – Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012. 376 с.
- [Трепавлов, 2013](#) – Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- [Флетчер, 1991](#) – Флетчер Д. О государстве русском // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 25–138.
- [Харламов, 2015](#) – Харламов П.В. Древковое вооружение кочевников Волго-Уральского региона в X–XIV вв. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. № 3. С. 576–585.
- [Храпунов, Храпунова, 2015](#) – Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // *Золотоордынское обозрение*, 2015, № 4. С. 151–168.
- [Храпунов, Храпунова, 1986](#) – Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Известие о Крыме у Франческо Альгаротти // *Золотоордынское обозрение*, 2017. Т. 5. № 3. С. 612–628.
- [Худяков, 1986](#) – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Н.: Наука, 1986. 269 с.
- [Челеби, 1979](#) – Челеби Э. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 288 с.
- [Чхаидзе, Дружинина, 2014](#) – Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // *Поволжская археология*. № 2. 2014. С. 171–178.
- [Bobrov, Salnikov, 2016](#) – Bobrov L.A., Salnikov A.V. North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4: 323–334.
- [Bobrov, Salnikov, 2018](#) – Bobrov L.A., Salnikov A.V. "Circassian" Helmets with Plated Mailaventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times // *Bylye Gody*. 2018. 47(1). С. 5–33.
- [Bielski, 1856](#) – Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 2. Sanok, 1856. 1222 p.
- [Broniouii, 1595](#) – Broniouii M. Tartariae descriptio. Coloniae, 1595. 75 p.
- [Herberstein, 1556](#) – Herberstein S. Rerum moscovitarum commentarii. Basiliae, 1556. 227 p.
- [Herberstein, 1557](#) – Herberstein S. Moscovia, der Hauptstat in Reissen. Wien, 1557. 184 p.
- [Inalcik, 1979-1980](#) – Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4, 1979-80. pp. 445–466.
- [Kubala, 1910](#) – Kubala L. Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656-1657, Lwów Ossolineum 1910. 524 p.
- [Litvin, 1605](#) – Litvin M. De moribus Tartarorum, Litanorum et Moschorum. Basiliae, 1605. 64 p.
- [Nagielski, 1998](#) – Nagielski M. Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648–1651). Warszawa, 1998. 430 s.
- [Pamiętniki, 1858](#) – Pamiętniki Losia, towarzysza choragvi pancерnej Władysława Margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667. Krakow, 1858. 119 p.
- [Polska historia, 1928](#) – Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. Warszakwa, 1928. 314 p.
- [Radziwiłł, 1841](#) – Radziwiłł B. Żywot xięcia Bogusława Radziwiłła, przez niego samego napisany. Poznań, 1841. 53 p.

Relatione Fatta, 1834 – Relatione Fatta da me Frà Giovanni dá Lucca Domenicano circa il modo di vivere colle particolarità de' costumi delli Tartari Percopiti, Nogai, Circassi, Abbazzà etc. Mangrilli e Giorgiani // *Bibliographia Critica delle Antiche Reciproche Corrispondenze*. T. II. Firenze, 1834. pp. 53–62.

Relations de divers, 1664 – Relations de divers voyages curieux, qui nont point este publiees. Paris, 1664. 1248 p.

Stauffer, 2007 – *Stauffer H.* Sigmund von Birken (1626–1681). Morpologie seines Werks. Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. Band I. 1285 p.

Vigenere, 1573 – *Vigenere B.* La description dy Royaume de Pologne. Paris, 1573.

Wagner, 2012 – *Wagner M.* Kawaleria koronna w dobie panowania Jana III Sobieskiego. Lata 1683–1696 // *Do szarży marsz, marsz... Studia z dziejów kawalerii*. Tom 3. Pod red. Aleksandra Smolińskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. pp. 67–112.

Wójcicki, 1856 – *Wójcicki K.W.* Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopisów i dzieł najrzadszych. Warszawa, 1856. 578 p.

References

Adygs, Balkarians and Karachais, 1974 – Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries]. Nalchik: "Elbrus". 635 p. [in Russian]

English travelers, 1937 – Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English travelers in the Moscow state in the 16th century]. L.: "Printing Yard". 308 p. [in Russian]

Babulin, 2009a – *Babulin I.B.* (2009). Bitva pod Konotopom 28 iyunya 1659 goda [The Battle of Konotop on June 28, 1659]. M.: Publishing House "Zeikhhaus". 48 p. [in Russian]

Babulin, 2009b – *Babulin I.B.* (2009). Knyaz' Semen Pozharskij i Konotopskaya bitva [Prince Semyon Pozharsky and the Battle of Konotop]. St. Petersburg: Society of the Memory of the Abbess of Taisia. 168 p. [in Russian]

Babulin, 2015 – *Babulin I.B.* (2015). Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.) [The struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658-1659 gg.)]. Moscow: The Russian Knights Foundation. 400 p. [in Russian]

Herberstein, 1908 – *Baron Sigismund Herberstein* (1908). Zapiski o moskovitskikh delah. Pavel Iovij Novokomskij. Kniga o moskovitskom posol'stve [Notes on Muscovite affairs. Pavel Iovius of Novokomsky. The book is about the Muscovite embassy]. SPb.: printing house AS. Suvorin. 382 p. [in Russian]

Biarslanov, 1889 – *Biarslanov M.-B.* (1889). Vypisi iz kadiaskerskago sakka (knigi) 1017–1022 g. hidzhry (1608(9) – 1613 g. hr.let.), hranyashchagosya v arhive Tavricheskogo gubernskogo pravleniya [The extracts from the kadiasker Sakka (books) of 1017-1022 AH (1608 (9) – 1613 BC), kept in the archives of the Tavrichesky provincial government]. *News of the Taurida Academic Archival Commission*. № 8. Simferopol: Printing house of the newspaper "Crimea". pp. 41-51. [in Russian]

Bobrov, 2012 – *Bobrov L.A.* (2012). Kazahskaya taktika vedeniya boya v peshem stroyu v poslednej treti XVI – seredine XIX vv. [The Kazakh tactics of conducting combat in the foot in the last third of the XVI – the middle of the XIX centuries]. War and weapons. New research and materials. C.I. SPb: "VIMAIViVS". pp. 105-135. [in Russian]

Bobrov, 2013 – *Bobrov L.A.* (2013). Tekhnika konnogo kopejnogo boya kochevnikov Central'noj i Srednej Azii XVII – serediny XIX v. [Technique of equestrian kopey fight of nomads of Central and Middle Asia XVII-middle of XIX century]. *Bulletin of Tomsk State University. History*. No. 3. pp. 216-221. [in Russian]

Bobrov, 2014 – *Bobrov L.A.* (2014). «Voron'ya staya» nad Krymom. Tatarsko-kalmyckoe protivoborstvo v stepyah Severnogo Prichernomor'ya (sentyabr' 1661 – yanvar' 1663 gg.) ["Crow crow" over the Crimea. Tatar-Kalmyk confrontation in the steppes of the Northern Black Sea (September 1661 – January 1663)]. *Medieval Turkic-Tatar states*. Kazan. № 6. pp. 239-249. [in Russian]

Bobrov, 2016 – *Bobrov L.A.* (2016). Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev konca XV – serediny XVII vv. [Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the end of the XV – the middle of the XVII centuries]. *History of military affairs: research and sources*. Special issue G. Standing on the river Ugra 1480-2015. Part II. pp. 210-388. [Electronic resource]. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (28.03.2016). [in Russian]

Bobrov, 2017 – *Bobrov L.A.* (2017). Takticheskoe iskusstvo drevnih tyurkov VI – pervoj poloviny VIII vv. [Tactical art of the ancient Türks of the VI – first half of the VIII cc.]. *Proceedings of the II forum of the humanities "Great Steppe"*. Astana: Gylym. pp. 85-96.

Bobrov i dr., 2010 – *Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S.* (2010). Vzaimodejstvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya [The interaction of the Turkic and Mongolian peoples with the Russians in the late Middle Ages and New time]. Novosibirsk: Izd-vo NSU. 288 p. [in Russian]

- Bobrov, Ryumshin, 2015** – Bobrov L.A., Ryumshin M.A. (2015). [«...I protiv nih ne staivali oni nigde i bit'sya s nimi ne umeyut». Oruzhejnyj i voenno-takticheskij aspekt kalmycko-nogajskih i kalmycko-tatarskih vojn pervoj poloviny – serediny XVII v.] ["... And they did not get stuck with them anywhere and they do not know how to fight with them." The weapons and military-tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars of the first half – the middle of the XVII century]. *Goldordin civilization*. №8. pp. 357-378. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2002** – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2002). Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voyna perioda pozdnego Srednevekov'ya [Protective armament of the Middle Asian warrior of the late Middle Ages]. Military Affairs of the nomads of North and Central Asia. Novosibirsk: NSU. pp. 106-168. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2010** – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2010). Kop'ya s zavitkami-otrozhkami, kak primer vzaimovliyaniya russkih, tyurkskih i mongol'skih voenno-kul'turnyh tradicij na territorii YUzhnoj Sibiri XVII–XVIII vv. [Spears with curls-sprouts, as an example of the mutual influence of Russian, Turkic and Mongolian military-cultural traditions in the territory of Southern Siberia XVII-XVIII centuries]. *Bulletin of NSU. Ser.: History, philology*. T. 9. Is. 3. pp. 174-181. [in Russian]
- Bobrov, Khudyakov, 2008** – Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i YUzhnoj Sibiri v ehphu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and tactics of nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Middle Ages and early Modern times (XV – first half of the XVIII century)]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 776 p. [in Russian]
- Boplan, 2004** – Boplan G. (2004). Opisanie Ukrainy [Description of Ukraine]. Moscow: "Drevleshranilishche". 576 p. [in Russian]
- Broniewski, 1867** – Broniewski M. (1867). Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo [Description of the Crimean (Tartariae Descriptio) by Martin Bronevsky]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa. T. 6. pp. 333-367. [in Russian]
- Vvedensky, 2003** – Vvedensky G.E. (2003). Yanychary [Janissaries]. SPb.: OOO "TPG Atlant". 176 p. [in Russian]
- Virsky, 2016** – Virsky D. (2016). Vijni ukrainni: hroniki tatar'skogo prikordonnya Ukraini (XVI–seredina XVII st.) [Warriors: Chronicles of the Tatars border of Ukraine (XVI - middle of the XVII century)]. Kiev: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. 299 p. [in Ukrainian]
- Gaivoronsky, 2010** – Gaivoronsky O. (2010). Poveliteli dvuh materikov. Krymskie hany XV–XVI stoletij i bor'ba za nasledstvo Velikoj Ordy [The Lords of Two Continents. Crimean khans of the XV–XVI centuries and the struggle for the inheritance of the Great Horde]. Bakhchisarai: Bakhchisarai Historical and Cultural Reserve, Vol. 1. 400 p. [in Russian]
- Gwangini, 2007** – Gwangin O. (2007). Hronika evropejs'koï Sarmatii [Chronicle of European Sarmatia]. Kiev.: View. House "Kyiv-Mohyla Academy". 1006 p. [in Ukrainian]
- Gorbunov, 2003** – Gorbunov V.V. (2003). Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Oboronitel'noe vooruzhenie (dospek) [The military business of the Altai population in the III–XIV centuries. Defensive weapons (armor)]. Barnaul: Publishing house Alt. state. Un-ta. Part 1. 174 p. [in Russian]
- Gorbunov, 2006** – Gorbunov V.V. (2006). Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [The military business of the Altai population in the III–XIV centuries]. Part II. Offensive weapons (weapons). Barnaul: Publishing house Alt. University. 232 p. [in Russian]
- Gorbunov, 2013** – Gorbunov V.V. (2013). Kompleks vooruzheniya i taktika tyurkskoj konnicy [Armament complex and tactics of the Turkic cavalry]. War and weapons. New research and materials. SPb.: VIMAIviVS. Part I. I. pp. 396-415. [in Russian]
- Gorelik, 1993** – Gorelik M.V. (1993). Oruzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV v. do n.eh.) [Weapons of the ancient East (IV millennium–IV century BC)]. Moscow: Nauka. 349 p. [in Russian]
- Gorodtsov, 1913** – Gorodtsov V.A. (1913). Opisanie holodnogo oruzhiya Istoricheskogo muzeya [Description of the Cold Steel of the Historical Museum]. Proceedings of the Historical Museum. Moscow: Synodal Printing House. 38 p. [in Russian]
- Dmitriev, 2003** – Dmitriev S.V. (2003). Krymskoe hanstvo v voennom otnoshenii (XVI–XVIII vv. [Crimean Khanate in the Military Relation (XVI–XVIII centuries)]. *Türkological Collection. Russia and the Turkic world*. M.: "Eastern Literature". pp. 210-228. [in Russian]
- Zaitsev, 2003** – Zaitsev I.V. (2003). Krymskie hany: portrety i syuzhety [Crimean khans: portraits and plots]. *East collection*. № 2 (13). pp. 86-93. [in Russian]
- Zaitsev, 2004** – Zaitsev I.V. (2004). Astrahanskoe hanstvo [The Astrakhan Khanate]. M.: Publishing firm "Eastern Literature". 303 p. [in Russian]
- Zaitsev, 2008** – Zaitsev I.V. (2008). Tri zametki k ehpiigrafike krymskih Gireev [Three notes to the epigraphy of the Crimean Gireys]. Epigraphy of the East. M. No. XXVII. pp. 147-155. [in Russian]
- Zaitsev, 2010** – Zaitsev I.V. (2010). «Bekter' sydavnoj» ["Bekter syvdavnoy"]. *Batyr*. No. 1. pp. 126-127. [in Russian]
- Notes, 2007** – Zapiski Yakuba Losya [Notes of Yakub Losya]. *The Army and the Battle*. No. 8. pp. 10-21. [in Russian]

- Golden Horde, 2003** – Zolotaya Orda v istochnikah [The Golden Horde in the Sources]. M.: Nauka. T. 1. Arabian and Persian writings. 448 p. [in Russian]
- The Golden Horde, 2009** – Zolotaya Orda v istochnikah [The Golden Horde in the Sources]. Chinese and Mongolian sources. T.3. M.: Nauka. 336 p. [in Russian]
- History of Kazakhstan, 2007** – Istoriya Kazakhstana v persidskih istochnikah [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Extract from the works of the XIII-XIX centuries: in 5 tons Almaty: Dyke-Press. T. 5. 476 p. [in Russian]
- History, 1872** – Istoriya o prihode tureckogo i tatarskogo voynstva pod Astrahan' v leto ot R.H. 1677 [The story of the arrival of the Turkish and Tatar army to Astrakhan in the summer of R.Kh. 1677]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. T. 8. pp. 479-488. [in Russian]
- Sharaf al-Din, 2008** – Yazdi Sharaf al-Din Ali (2008). Zafar-name [Zafar-name]. Tashkent: "SANAT". 486 p. [in Russian]
- Kalashnikov, 2013** – Kalashnikov V.M. (2013). Praroditel' amerikanskoj literatury i letopisaniya Dzhon Smit o Krymskom hanstve nachala XVII stoletiya [Progenitor of American literature and the chronicles of John Smith about the Crimean Khanate of the beginning of the XVII century]. British view of the Crimea (chronicles, memoirs, diaries XVII – the first half of the XIX century). Dnepropetrovsk. pp. 7-39. [in Russian]
- Kvitkovsky, 2002** – Kvitkovsky Yu.V. (2002). Velikolepnye latniki [Excellent armies]. *The army and the battle*. No. 1. pp. 34-44. [in Russian]
- Collie, 1913** – Collie L.P. (1913). Hadzhi-Girej han i ego politika (po genuzhskim istochnikam). Vzglyad na politicheskie snosheniya Kafy s tatarami v XV veke [Khadzhi-Girey Khan and his policy (according to Genoese sources). A look at the political relations of Kafa with the Tatars in the 15th century]. [News of the Tauride Accounting Archive Commission. Simferopol. Volume 50. pp. 99-139. [in Russian]
- Kondaraki, 1875** – Kondaraki V.Kh. (1875). Universal'noe opisanie Kryma [Universal description of the Crimea]. St. Petersburg. Part 10. P. 30. [in Russian]
- Kochkarov, 2008** – Kochkarov U.Yu. (2008). Vooruzhenie voynov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Armament of the soldiers of the North-Western Ciscaucasia of the VIII-XIV centuries. (melee weapons)]. Moscow: "TAUS". 176 p. [in Russian]
- Kuts, 2014** – Kuts O.Yu. (2014). Donskoe kazachestvo vremeni Azovskoj ehpopoi i 40-h gg. XVII v.: politicheskaya i voennaya istoriya [The Don Cossacks of the time of the Azov epic and the 40's. XVII century: political and military history]. M.: Open Company "Old Basmanaya". 596 p. [in Russian]
- Kushkumbaev, 2001** – Kushkumbaev A.K. (2001). Voennoe delo kazahov XVII–XVIII vv. [The military work of Kazakhs of the XVII–XVIII centuries]. Almaty: Dyke-Press. 172 p. [in Russian]
- Kırımly Haji, 1998** – Kırımly Haji Mehmed Senai (1998). Kniga pobed [The Book of Victories]. Simferopol: "Krymuchpedgiz". 72 p. [in Russian]
- Litvin, 1890** – Litvin M. (1890). O nravah tatar, litovcev i moskovityan [On the mores of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Memoirs relating to the history of Southern Russia. Kiev, 1890. Is. I. (XVI century). pp. 6-58. [in Russian]
- Memoirs, 1890** – Memuary, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoj Rusi [Memoirs relating to the history of Southern Russia]. Is. I (XVI century). Kiev. 136 p. [in Russian]
- Mekhovsky, 1936** – Mehovsky M. (1936). Traktat o dvuh Sarmatiyah [A Treatise on Two Sarmatians]. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 301 p. [in Russian]
- Litvin, 1994** – Mikhallon Litvin (1994). Mihalon Litvin: O nravah tatar, litovcev i moskovityan [On the customs of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Moscow: Publisher MSU. 151 p. [in Russian]
- Mytsyk, 2002** – Mytsyk Yu.A. (2002). Uman' kozac'ka i gajdamac'ka [Uman is a Cossack and Haydamak]. K.: Publishing House "KM Academy". 186 p. [in Ukrainian]
- Mytsyk, 2005** – Mytsyk Y. (2005). Chudnivs'ka ta Slobodishchens'ka bitvi 1660 r. na storinkah «Virshovanoï hroniki» [Chudnovskaya and Slobodyshe battle of 1660 on the pages of "The Chronicle of Victims"]. *Archives of Ukraine*. №4. pp. 76-103. [in Ukrainian]
- Moscow State, 2000** – Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennykh inostrancev [Moscow State of the XV-XVII centuries according to the tales of modern foreigners]. Moscow: Kraft +. 248 p. [in Russian]
- Muftizade, 1899** – Mufti Zade I.M. (1899). Oчерк voennoj sluzhby krymskih tatar s 1783 po 1899 god (po arhivnym materialam) [An outline of the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899 (according to archival materials)]. *Izvestia of the Tavrichesky Academic Commission*. Simferopol. № 51. pp. 1-24. [in Russian]
- Nicholl, 2004** – Nicholl D. (2004). Janychary [Yanychary]. M. 72 p. [in Russian]
- Olearii, 2003** – Oleary A. (2003). Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the trip to Muscovy]. Smolensk. 480 p. [in Russian]
- Description, 1879** – Opisanie perekopskih i nogajskih tatar, cherkesov, mingrel'ov i gruzin Zhana de Lyuka, monaha Dominikanskogo ordena. 1625 [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians Jean de Luke, monk of the Dominican Order. 1625]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa. T. XI. pp. 473-493. [in Russian]

- Monuments, 1884** – Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nagajskoyu ordami i s Turciej [Monuments of diplomatic relations of the Moscow State with the Crimean and Nagay hordes and with Turkey]. Volume 1. From 1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia. (Collection of the Imperial Russian Historical Society, Vol. 41). St. Petersburg. 538 p. [in Russian]
- Penskoy, 2010** – Penskoy V.V. (2010). Voennyj potencial Krymskogo hanstva v konce XV– nachale XVII v. [Military potential of the Crimean Khanate in the late XV-early XVII century]. *Orient (Oriens)*. №2. pp. 56-66. [in Russian]
- Petrey, 1997** – Petrey P. (1997). O nachale vojn i smut v Moskovii [About the beginning of wars and trouble in Muscovy]. M.: "Sergei Dubov Foundation". 560 p.
- Complete Collection, 1904** – Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg. T. 13. 302 p. [in Russian]
- Posolskaya book, 2016** – Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg. [The ambassador's book on the relations of the Moscow state with the Crimea. 1567-1572 years]. M.: Fund "Russian Knights". 400 p. [in Russian]
- Travel, 2006** – Puteshestvie g-na O.de lya Motre po Evrope; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovaniya v Italii, Grecii, Turcii, v Tartarii (Krymu) i t.d. [Travel of Mr. O. de la Motre to Europe; geographical, historical and political studies in Italy, Greece, Turkey, Tartarus (Crimea), etc.]. *Historical heritage of the Crimea*. № 12-13. pp. 184-207. [in Russian]
- Rustemov, 2016** – Rustemov O.D. (2016). Sudebnye reestry bahchisarajskogo kadylyka XVII-XIX vv.: yazyk i struktura dokumentov «Kysmet-i Mevaris» («Dolya naslednikov») [Judicial registers of the Bakhchisaray kadylyk of the 17th-19th centuries: the language and structure of the documents "Kysmet-i Mevaris" ("The Share of Successors")]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 4, No. 4. pp. 814-831. [in Russian]
- Salnikov, 2014** – Salnikov A.V. (2014). Iranskie obrazcy vooruzheniya v komplekse vooruzheniya narodov Severnogo Kavkaza rubezha XIII-XIV stoletiya [Iranian models of weapons in the armament complex of the North Caucasus peoples at the turn of the 13th-14th century]. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. №5. pp. 70-72. [in Russian]
- Salnikov, 2014** – Salnikov A.V. (2014). Zolotoordynskij aspekt vliyaniya na vooruzhenie narodov Severnogo Kavkaza XIII-XV vv. [The Golden Horde aspect of the influence on the armament of the peoples of the North Caucasus XIII-XV centuries]. *Global scientific potential*. №11. pp. 70-72. [in Russian]
- Salnikov, 2015** – Salnikov A.V. (2015). K voprosu o rasprostranenii na territorii Severnogo Kavkaza bulata i inostrannogo vooruzheniya v period pozdnego srednevekov'ya – novogo vremeni [On the issue of the proliferation of bulat and foreign weapons in the North Caucasus during the late Middle Ages – the New Era]. *Scientific and Information Journal Army and Society*. No. 5 (48). pp. 39-44. [in Russian]
- Salnikov, 2015** – Salnikov A.V. (2015). O putyah rasprostraneniya zolotoordynskogo i central'noaziatskogo vooruzheniya sredi narodov Cevernogo Kavkaza XIII-XV vv. [On the ways of distribution of the Golden Horde and Central Asian armaments among the peoples of the North Caucasus XIII-XV centuries]. *Perspectives of science*. № 5 (68). pp. 49-52. [in Russian]
- Seliverstov, 2011** – Seliverstov D.A. (2011). Srazhenie pri Solhate (Kastadzone) 22 iyunya 1434 goda [The Battle of Solkhat (Castadzon) June 22, 1434]. Military of the Golden Horde: problems and prospects for studying. Kazan: LLC "Foliant", Institute of History. Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. pp. 183-198. [in Russian]
- Seliverstov, 2015** – Seliverstov D.A. (2015). Vojny i vojsko Dmitriya Donskogo [The wars and army of Dmitry Donskoy]. *Zoltoorda civilization*. Kazan. № 8. pp. 222-284. [in Russian]
- Sikaliev, 1994** – Sikaliev A.I. (1994). Nogajskij geroicheskij ehpos [Nogai heroic epic]. Cherkessk. 328 p. [in Russian]
- Skalkovsky, 1846** – Skalkovsky A. (1846). Istoriya Novoj Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo [The history of the New Sich or the last Kosha of Zaporozhye]. Part III. Odessa. 294 p. [in Russian]
- Strykovsky, 2011** – Strykovsky M. (2011). Litopis pol's'kij, litovs'kij, zhmuds'kij i vsieĭ Rusi [Chronicles of Polish, Lithuanian, Commute and All Russia]. Lviv. 1091 p. [in Ukrainian]
- Perot, 2006** – Tafur Perot (2006). Stranstviya i puteshestviya [Wanderings and travel]. M.: Indrik. 326 p. [in Russian]
- Tepkeev, 2012** – Tepkeyev V.T. (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroj treĭi XVII veka [Kalmyks in the Northern Caspian region in the second third of the XVII century]. Elista. 376 p. [in Russian]
- Trepavlov, 2013** – Trepaŭlov V.V. (2013). «Orda samovol'naya»: kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv. ["Horde unauthorized": a nomadic empire of the Nogais XV-XVII centuries]. Moscow: Kvadriga. 224 p. [in Russian]
- Fletcher, 1991** – Fletcher D. (1991). O gosudarstve russkom [About the state of Russian]. Passing through Muscovy. M.: International Relations. pp. 25-138. [in Russian]
- Kharlamov, 2015** – Kharlamov P.V. (2015). Drevkovoe vooruzhenie kochevnikov Volgo-Ural'skogo regiona v X–XIV vv. [Pole armory of nomads of the Volga-Ural region in the 10th-14th centuries]. *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. T. 17. № 3. pp. 576-585. [in Russian]
- Khrapunov, Khrapunova, 2015** – Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. (2015). Zapiski Dzhona Smita kak istochnik po istorii Krymskogo hanstva v nachale XVII v. [Notes of John Smith as a source on the history of

the Crimean Khanate in the beginning of the XVII century]. *Zolotoordynskoye Obozreniye*. No. 4. pp. 151-168. [in Russian]

[Khrapunov, Khrapunova, 1986](#) – *Khrapunov N.I., Khrapunova S.N.* (1986). Izvestie o Kryme u Franchesko Al'garotti [News of the Crimea by Francesco Algarotti]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Vol. 5, No. 3. pp. 612-628. [in Russian]

[Khudyakov, 1986](#) – *Khudyakov Yu.S.* (1986). Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Arms of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. N.: Nauka. 269 p. [in Russian]

[Chelebi, 1979](#) – *Celebi E.* (1979). Kniga puteshestviya (Izvlechenie iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII v.). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya [The book of travel (Extract from the work of a Turkish traveler of the XVII century.). The lands of the North Caucasus, the Volga and the Don region]. Is. 2. M.: The main edition of the eastern literature of the publishing house "Nauka". 288 p. [in Russian]

[Chkhaidze, Druzhinina, 2014](#) – *Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A.* (2014). Otrazhenie social'noj stratifikatsii v pogrebal'noj obryadnosti kochevnikov stepnogo Predkavkaz'ya zolotoordynskogo vremeni: prodolzhenie diskussii [Reflection of social stratification in funeral rites of nomads of the steppe Ciscaucasia of the Golden Horde time: continuation of the discussion]. *Volga archeology*. No. 2. pp. 171-178. [in Russian]

[Bobrov, Salnikov, 2016](#) – *Bobrov L. A., Salnikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use. *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2. pp. 323-334. [in Russian]

[Bobrov, Salnikov, 2018](#) – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2018). "Circassian" Helmets with Plated Mailavetails of the Late Middle Ages and Early Modern Times. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 5-33. [in Russian]

[Bielski, 1856](#) – *Bielski M.* (1856). Kronika polska Marcina Bielskiego. T. 2. Sanok. 1222 p. [in Polish]

[Broniouii, 1595](#) – *Broniouii M.* (1595). Tartariae descriptio. Coloniae. 75 p. [in Latin]

[Herberstein, 1556](#) – *Herberstein S.* (1556). Rerum moscoviticarum commentarii. Basiliae. 227 p. [in Latin]

[Herberstein, 1557](#) – *Herberstein S.* (1557). Moscovia, der Hauptstat in Reissen. Wien. 184 p. [in German]

[Inalcik, 1979-1980](#) – *Inalcik H.* (1979-1980). The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3-4, 1979-80. pp. 445-466. [in English]

[Kubala, 1910](#) – *Kubala L.* (1910). Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656-1657, Lwów Ossolineum. 524 p. [in Polish]

[Litvin, 1605](#) – *Litvin M.* (1605). De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum. Basiliae. 64 p. [in Latin]

[Nagielski, 1998](#) – *Nagielski M.* (1998). Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648-1651). Warszawa. 430 p. [in Polish]

[Pamietniki, 1858](#) – *Pamietniki Losia, towarzysza choragvi pancernerj Wladyslawa Margrabi Myszkowskiego, wojewody krakowskiego, obejmujace wydarzenia od r. 1646 do 1667.* Krakow, 1858. 119 p. [in Polish]

[Polska historia, 1928](#) – *Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych*, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. Warszakwa, 1928. 314 p. [in Polish]

[Radziwill, 1841](#) – *Radziwill B.* (1841). Żywot xięcia Bogusława Radziwilla, przez niego samego napisany. Poznań. 53 p. [in Polish]

[Relatione Fatta, 1834](#) – *Relatione Fatta da me Frà Giovanni dá Lucca Domenicano circa il modo di vivere colle particolarità de' costumi delli Tartari Percopiti, Nogai, Circassi, Abbazzà etc.* Mangrilli e Giorgiani. *Bibliographia Critica delle Antiche Reciproche Corrispondenze*. T. II. Firenze, 1834. pp. 53-62. [in Italian]

[Relations de divers, 1664](#) – *Relations de divers voyages curieux, qui nont point este publiees.* Paris, 1664. 1248 p. [in French]

[Stauffer, 2007](#) – *Stauffer H.* (2007). Sigmund von Birken (1626-1681). Morpologie seines Werks. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. Band I. 1285 p. [in German]

[Vigenere, 1573](#) – *Vigenere B.* (1573). La description dy Royaume de Pologne. Paris. [in French]

[Wagner, 2012](#) – *Wagner M.* (2012). Kawaleria koronna w dobie panowania Jana III Sobieskiego. Lata 1683-1696. *Do szarzy marsz, marsz...* *Studia z dziejów kawalerii*. T. 3. Pod red. Aleksandra Smolińskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. pp. 67-112. [in Polish]

[Wójcicki, 1856](#) – *Wójcicki K.W.* (1856). Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopisów i dzieł najrzadszych. Warszawa. 578 p. [in Polish]

**Колющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг.
(по материалам письменных источников)**

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Амет-хан Азизович Шейхумеров ^b,
Алексей Викторович Сальников ^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Таврическая академия Крымского федерального университета, Российская Федерация

^c Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы материалы европейских, русских, османских и крымско-татарских письменных источников XV – середины XVII вв., содержащих сведения о длиннодревковом оружии крымских татар и ногаев. В латинских текстах оно фигурирует под названием «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копье» и т.д. В произведениях польских авторов XVI – первой половины XVII вв. обычно употребляется термин «kopie», а позднее – «dzid». Установлено, что крымскими татарами использовались различные виды длиннодревкового оружия, предназначенного для ведения ближнего и дистанционного боя. Описание конструкции татарских копий в большинстве письменных источников отсутствует. Только Д. Флетчер обращает внимание читателя на схожесть татарских копий с рогатинами, «с которыми ходят на медведей».

В XV–XVI вв. в военном деле кочевников Восточной Европы произошли важные изменения, вызванные различными причинами как собственно военного, так и политического и экономического характера. По сравнению с военным искусством Золотой Орды XIV в. значение панцирников-копейщиков в боевой практике Крымского ханства XVI в. существенно снизилось. В результате многие современники даже не посчитали нужным включить копьё в перечень основного оружия крымских татар (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали наличие длиннодревкового оружия у тюркских кочевников региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер). И хотя копьё продолжали применяться татарами на протяжении всего рассматриваемого периода, они имели весьма ограниченное (в отдельные периоды – незначительное) распространение. В целом, длиннодревковое оружие ближнего боя существенно уступало по популярности саадакам, саблям и, возможно, ударно-дробящему оружию.

Основными потребителями копий в войсках Крымского ханства XVI в. являлись состоятельные татарские воины, а также отдельные ополченцы. Данные о существовании в крымско-татарских войсках отрядов, целиком укомплектованных копейщиками, в письменных источниках отсутствуют. В настоящее время нет оснований полагать, что немногочисленные воины с копьями оказывали существенное влияние на тактику татарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного боя с применением саадаков и сабель.

Некоторый рост значения копий в крымских войсках наблюдается в первой половине XVII в., однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками. Если в битвах под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание участников сражений, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны.

Важные изменения в оружейном комплексе Крымского ханства фиксируются с начала 60-х гг. XVII в. Судя по материалам письменных источников, централизованная политика массового оснащения татар копьями в данный период была обусловлена необходимостью противодействия калмыцкой коннице, воины которой широко применяли колющее длиннодревковое оружие.

Ключевые слова: крымские татары, ногаи, оружие крымских татар, длиннодревковое оружие, татарские копьё.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spmsml@mail.ru (Л.А. Бобров),

amet.sheikhumerov@mail.ru (А.А. Шейхумеров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 915-930. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.915
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Ferrous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars

Roman A. Martyushov ^{a, *}, Yuriy V. Shirin ^{b, c}

^a Novokuznetsk Local Museum, Russian Federation

^b Tomsk State University, Russian Federation

^c Novokuznetsk institute (branch) of Kemerovo State University, Russian Federation

Abstract

The article shows the origins of subjectivism in assessments of metallurgy and smithcraft development level achieved by the historical ancestors of the Shors – the Kuznetsk Tatars. Based on critical analysis of the archive documents dated from the 17th to the 18th century, the statements on the lead role of the population of the Kuznetsk yasak county in supplying the Yenisei Kyrgyz, the Teleuts and the Dzungars with edged weapons and armors have been deemed unfounded.

An researching of the antiquities of the region was noted as unsatisfactory. In there does not reflecting a real situation in any sphere of economic activity of the Kuznetsk Tatars of the 17th-18th centuries. Any references to archaeological materials or absence thereof in assessment of metallurgy development level achieved by the population of the Mountain Shoria should be treated as speculations for the time being.

Suggests another interpretation has been proposed for some of well-known archaeological sources. New materials about a metallurgy of the Kuznetsk Tatars are given, accumulated for the past 30 years. Found metallurgical complexes can't be identified unequivocally without competent morphological evaluation of a slag and structures, or without special technological and chemical analyses.

Proposes hypotheses aimed at removing most of the contradictions in interpretation of all types of sources. Further focused archaeological research of this topic can shed a new light on economical adaptation of the South Siberian natives and transformation of their practices caused by contact with the Russian people.

Keywords: the Kuznetsk Tatars, smelting of iron, slag, blacksmith's craft, the New Time.

1. Введение

О высоком уровне развития черной металлургии у кузнецких татар, исторических предков одного из малочисленных народов Северного Алтая – шорцев, многократно повторялось в работах краеведов, историков, этнографов и археологов (Гмелин, 2003; Кашин, 1934; Смердов, 1947; Сергеев, 1973; Сунчугашев, 1979; Ширин, 1999; Каменецкий, 2005; Кимеев, 2013). С опорой на доступные письменные источники традиционно декларировалась ведущая роль различных социально-территориальных групп Горной Шории в снабжении кочевников – енисейских кыргызов, телеутов, а также джунгар – холодным оружием и доспехами на протяжении XVII – начала XVIII вв. Но в последние годы, в спектре существующих по данному вопросу точек зрения, начал проявляться все больший скептицизм. Иногда он доходит до полного отрицания значения черной металлургии в экономике если не всех кузнецких татар, то большей их части (Пьянзин, 2010; Овсянников, 2017). Решающим аргументом в обосновании позиции недоверия к сведениям письменных источников

* Corresponding author

E-mail addresses: martyushovromanandreevich@gmail.com (R.A. Martyushov),
shirin_a@mail.ru (Y.V. Shirin)

выступает не столько наличие в них противоречий, сколько то, что эти сведения не подкрепляются археологическими материалами региона. Среди последних отсутствуют какие-либо признаки высокоспециализированного горно-металлургического и кузнечного ремесла, а в музейных коллекциях нет вооружения, достоверно атрибутированного как изделия кузнечных татар.

Есть основания полагать, что за этим нарастающим недоверием краеведов к устоявшемуся мнению о легендарной роли древних кузнечных металлургов, скрывается определенная научная проблема.

2. Материалы и методы

Источниками данного исследования послужили актовые документы XVII–XVIII вв., отложившиеся в архивах Москвы, Омска и Томска, а также археологические материалы по металлургии кузнечных татар, накопленные за последние 30 лет.

Архивные документы рассматривались в контексте политических и культурных условий, реконструированных для Южной Сибири соответствующих периодов. Обращение к подлинным документам позволило в ряде случаев уточнить их прочтение и смысловое содержание. Архивные поиски выявили новые источники по данной теме.

Картографирование более 40 пунктов металлообработки позволило соотнести эту информацию с документированными сведениями по ясачным волостям кузнечных татар. В ходе обработки десятков археологических коллекций из нескольких музейных хранилищ Кемеровской области были систематизированы, частично реконструированы и заново атрибутированы сотни артефактов. Производилась морфологическая оценка разнотипных остатков железоделательного производства не менее чем из 20 пунктов с опорой на эталонные образцы, в том числе и полученные экспериментальными методами. Отобраны образцы для последующих естественнонаучных анализов.

3. Обсуждение

Традиция акцентирования внимания на металлургии и на кузнечестве как на важных статьях дохода коренных жителей горно-таежных ясачных волостей в окрестностях Кузнецка была заложена уже в XVII в. (Титов, 1890: 79; Крижанич, 1965: 419). Сделано это было на основе весьма скудных источников. Черная металлургия при описании населения Кузнецкого края подавалась как некая курьезная черта в их культуре, расцвечивающая текст повествования, без попытки разобраться в сути явления.

В начале XVIII в. в научных программах первых академических экспедиций, изучающих Сибирь, разнообразию экономических ресурсов регионов уже уделялось большее внимание. Знакомство Г.Ф. Миллера с актовыми документами кузнецкой воеводской канцелярии, в которых часто упоминалось железоделательное ремесло кузнечных татар, не могло не подтолкнуть его к более детальному прояснению данного вопроса. Личный опыт знакомства с металлургической практикой жителей Кузнецкого уезда в ходе поездки 1734 г. позволил Г.Ф. Миллеру дать ей весьма нетривиальную характеристику. Он писал: «Живущие здесь (у богатых месторождений руды. – Р.М., Ю.Ш.) ...татары стремятся по своим возможностям лучше использовать это данное природой богатство и плавят руду ...в маленьких ручных печах в железо. В Бешбаяковой и Елейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занимаются этим ремеслом. Они издавна, с первого завоевания этих мест, уплачивали свой ясак выплавленным ими железом, что, однако, позднее переменялось, когда в Сибири сами начали использовать железную руду. ...Калмыки, невзирая на то, что эти местности были обьясачены с русской стороны, все же не прекратили требовать с них старый ясак для себя. ...Те татары, которые плавят железо, имеют перед остальными преимущество в том, что они еще постоянно могут приносить этому народу ясак своим железом, вместо мехов. Некоторые же волости, которые не имеют поблизости железной руды или не умеют ее плавить, покупают железо у других для ясака калмыкам» (Гмелин, 2003: 78). Описание металлургической плавки, выполненной кузнечными татарами специально для членов экспедиции, удачно дополнило эту картину (Гмелин, 2003: 102–103).

В более поздних компилятивных работах XVIII–XIX вв. к этому мало что было добавлено. И.Г. Георги, посетивший Кузнецкий край в 1771 г., накануне открытия Томского железоделательного завода, еще пишет про кузнечных татар: «Не все, однако ж многие из них, упражняются в кузнечном деле, ... больше же продают невыделанного железа российским кузнецам» (Георги, 1776: 168, 169). Судя по всему, уже к рубежу XVIII–XIX вв. следует отнести почти полное угасание черной металлургии и кузнечества в структуре традиционных занятий коренного населения Горной Шории. Об этом ремесле перестают упоминать и документы, и путевые записки редких путешественников.

В начале XX в. к этой теме вновь обращаются первые советские этнографы (Дыренкова, Потапов, 1928; Потапов, 1936) и историки (Кашин, 1934; Шемелев, 1998). Именно в их работах были заложены и первые зерна скептицизма.

На рубеже 1920–1930-х гг. советскими этнографами под влиянием требования применения к своим исследованиям марксистской теории социально-экономических формаций начала разрабатываться концепция архаичности и консервативности социального и экономического укладов

таежного населения Горной Шории. В.Г. Богоразом (1927: 42), а вслед за ним и Л.П. Потаповым, тип хозяйства шорцев был описан как реликт пеших охотников и рыболовов Северной Евразии. Незначительное культурное влияние со стороны скотоводов признавалось только для некоторых родовых группы этого региона, граничащих с лесостепью. Такой подход к этнокультурной характеристике шорцев неизбежно сказывался на всем. Л.П. Потапов утверждал, что даже у местных металлургов приемы работы «были довольно первобытные» (Потапов, 1936: 101). По оценке Л.П. Потапова В.Н. Кашин неоправданно преувеличивает степень развития кузнечного дела в этом крае (Потапов: 1936: 102). Впрочем, это не мешало в более поздних работах и Л.П. Потапову утверждать, что кузнечные волости «представляли собой базу для снабжения джунгаров и киргизов военным снаряжением и холодным оружием» (Потапов: 1953: 167).

Вслед за этнографами и в работах советских историков на одной и той же странице можно было встретить такие же противоречивые тезисы, что шорцы снабжали железом другие районы Сибири и Джунгарию, что производство железа у них имело вид мелкого домашнего производства (Карпенко, 1963: 34). К этому приводило неоправданное расширение смыслового содержания источников, а также стремление встроить в нарратив разрозненные и разновременные сведения.

Разбирая условия, в которых могло произойти снижения роли металлургии в структуре хозяйственных занятий кузнечных татар, исследователи также рассуждали в контексте общетеоретических установок субъективистского характера. В качестве «причин» этого упадка назывался «колониальный гнет» (Потапов, 1936: 102) или некие «неблагоприятные экономические условия» (Сергеев, 1973: 128, 130; Каменецкий, 2005: 190). К полному исчезновению у кузнечных татар к XIX в. традиционной плавки руды малопроизводительным способом, по мнению этих авторов, привело широкое распространение русского промышленного железа. Под русским же влиянием якобы изменились и кузнечные технологии.

Другие делали больший акцент на роль административно-политических управленческих решений. Они пытались доказать, что деградация железоделательного мастерства произошла в результате целенаправленной политики русского правительства (Кашин, 1934, № 9–10: 83; Шерстова, 2010: 99, 100). Эта теория органично вплеталась в представления о существовании шорского «оружейного центра», поэтому утраченное нередко именуется через понятие «разрушенная промышленность». Более того, по утверждению Л.И. Шерстовой, русские введениями запретов на продажу кочевникам железа нарушили демографическую и «этнополитическую стабильность» в регионе (Шерстова, 1999: 81). С этим выводом перекликается высказанное Б.О. Долгих предположение о зависимости густой заселенности края от занятия шорцев металлургическим производством (Долгих, 1960: 104).

Судя по всему, именно аффермативные тезисы подобных теорий, не обремененные доказательной базой, стали своеобразным катализатором для постепенного оформления радикального скептического направления в историографии данной проблемы.

Перечисленные свойства рассмотренных этапов в историографии в значительной мере вызваны тем, что использованные архивные документы не подвергались критическому анализу. Сведения из мемуарных источников, обладающих низким эвристическим потенциалом, рассматривались на одном уровне с актовыми документами, которые чаще всего привлекались в качестве своеобразных иллюстраций.

4. Документальные и археологические свидетельства

Нам неизвестны многие из начальных условий взаимодействия кузнечных татар с русской администрацией, кроме того, что «в Томской-де вершине живут 200 человек кузнецов, а делают доспехи и железца стрельные и котлы выкавывают» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 479–489). Нет ранних достоверных сведений о распределении варки железа и кузнечества по волостям. Неизвестны навыки кузнецов и качество их продукции.

В ранних документах бросается в глаза удивительно разнообразный состав оружия и доспехов в перечне возможных изделий кузнечных татар: панцири, бехтерцы, куяки, шлемы, копья, рогатины, сабли, наконечники стрел. Большинство из этих типов вооружения в ясачных сборах пока никем не отмечено, несмотря на прямую рекомендацию царской администрации все это брать в зачет государева ясака (ОР РГБ. Сборник грамот. №202. Л. 1–7). С чем это связано, пока не ясно, возможно, внимательная проработка ясачных книг ситуацию изменит. Но не исключено, что в переписке с Москвой кузнечные и томские воеводы подталкивали царскую администрацию к завышению оценки своей служебной активности, преувеличивая стратегическое значение объясачивания кузнечных татар.

Управленческие решения, направляемые в Сибирь в этой связи, были противоречивы. При этом, как справедливо заметил В.И. Шемелев, «...нигде в актах того времени мы не видим указаний на то, что царское правительство ставило своей исключительной задачей овладение кузнечной железоделательной базой. Москве прежде всего нужна была пушнина как валюта и основная часть дохода царя» (Шемелев, 1998: 54).

В 1624 г. по указу из Москвы в Кузнецком остроге была организована кузница для переделки собираемых в качестве ясака криц «в отсуочи и полосы» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 204. Л. 100–101). В связи

с попытками в 1620-х гг. наладить в Томске производство огнестрельного оружия на местном сырье возник временный спрос на кричное железо из кузнецких волостей. Только ко второй половине XVII в. крицы и дельное железо, поставляемые из Кузнецка, смогли миновать Томск и попасть на рынок других сибирских городов, в частности в Тобольск (Вилков, 1967: 58). Весьма показателен состав явленного там в 1670 г. по одной из проезжих грамот товара: 2 пуда «кришного железа» на 3 руб., 1,5 пуда «тоганого железа» на 2 руб. 8 алт. 2 ден., 1 пуд «дельного железа» на 1,5 руб. (РГАДА. Ф. 214. Кн. 540. Л. 395). Но спрос на кузнецкое железо не мог быть высок из-за завышения цены. Дело в том, что правительство требовало пересчета стоимости железа и изделий из него через стоимость соболей (АИ, 1841: 374–375). Например, рекомендовалось брать за соболя не менее 30–40 криц, что может составлять около пуда (Выписки...; Сергеев, 1973: 127).

Уже в 1631 г. воеводам Кузнецка предписывалось брать ясак железом лишь в самых крайних случаях (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 30. Л. 480). Плохой сбыт принимаемого в казну железа приводил к тому, что его «остаток» вынуждены были неоднократно передавать при смене воевод. В таком остатке из взятого в 1640 г. ясака фигурировали: одна железная шапка и 21 таган (АИ, 1841: 374). В 1687 г. «на всякие кузнецкие расходы» были оставлены 3120 криц железа, принятые в зачет ясачной пушнины (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1425. Л. 1380б.; Кн. 1352. Л. 1290б.).

Царская администрация периодически, начиная с 1623 г., настаивала на запрете торговать ясачному населению с кочевниками предметами вооружения (ОР РГБ. Собрание грамот. №202. ЛЛ. 1–11) – «куяками, шапками железными, копьями, рогатинами и никакой ратной зброуей». В ответ на очередное подобное предписание, полученное в 1641 г., кузнецкий воевода А.И. Зубов в своей отписке царю Михаилу Федоровичу в 1644 г. сообщал, что ясачные люди отказываются выполнить этот приказ, заявляя, что «...тем де мы ясачные люди и живем». При этом воевода посетовал, что «...в Кузнецкий, государь, острог твои государевы ясачные люди куюков и шапок железных и никакой ратной збруи и чёрново железа продавать не приносят» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 350–352).

К середине XVII в. ясачная нагрузка на кузнецов дальних от Кузнецка волостей возросла из-за возникающих условий «многоданничества». Документы сообщают о стремлении джунгар получить в качестве алмана с северных алтайцев как можно больше железной продукции, с упором на предметы вооружения. Джунгары могли действовать через кыргызов и телеутов, которые часть алмана собирали и в свою пользу (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 252. Л. 122–143; 181–195). В документе 1644 г., кроме прочего железа, которое приобрели джунгары во время одного из прохода через кондомские и мрасские волости «в киргизы», перечислены куюки, шлемы, стрелы и копьа (РГАДА. Ф. Зюнгорские дела, 1645 г. Д. 1. Л. 34–39).

В упомянутой выше отписке А.И. Зубова указано, что в 1644 г., по непроверенным сведениям, «...ясачные люди, кондомские и мрасские, приготовили на продажу черным и белым калмыкам больши дву тысяч куюков и шапок железных против того ж» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 352). Остается только гадать, насколько далеки от истины эти цифры, но они, несомненно, значительно завышены. Без наличия сложной кооперации в горно-металлургическом производстве в кузнечестве и в изготовлении необходимой производственной оснастки, а также в углежжении вряд ли было возможно изготовление качественной продукции в столь больших объемах. То, что документы умалчивают о наличии у различных социально-территориальных групп кузнецких татар подобного разделения труда, скорее, говорит в пользу отсутствия этих условий. Без отлаженной логистики подобное массовое производство тоже весьма затруднительно. Ведь для того чтобы кузнецкие татары могли изготовить 2000 куюков, джунгары должны были предварительно развезти по труднодоступным улусам кондомской и мрасской тайги соответствующий объем сукна и иной ткани.

Интересно, что эта же цифра – 2000 куюков – вновь всплывает в 1657 г., в отписке томского воеводы И.Н. Приемкова-Ростова в Сибирский приказ. В ней говорится, что посланники сына Алтын-хана Лоджана велели, «чтоб Кондомских волостей твои государевы ясашные люди зделали ему, Лоджану, 1000 куюков, а на Мрасе б зделали 1000 ж куюков. А будет де ясашные люди на Кондоме и на Мрасе ему, Лоджану, дву тысяч куюков не зделают, и он де хочет послать своих людей войною на кондомских и на мраских ясашных людей и велит воевать и з женами и з детьми в полон имать» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 513. Л. 130–140). В контексте документа это требование выглядит как наглый ультимативный вызов.

В 1653 г. кузнецкий воевода Ф.Е. Баскаков в ответ на грамоту Сибирского приказа писал: «И в нынешнем, государь, во 163-м [1655] году августа в 9 день послал я, холоп твой, к тебе, к государю, к Москве, тринацать шапок железных простых, на сукна не набиваны, да двести шездесят шапочных полиц, да триста девяносто гвоздья железных, чем набивать на ушки шапочные полицы, и те твои государевы шапки посланы к тебе, ко государю, к Москве, осыпаны овсяною мукою, за твоею государевою кузнецкою печатью» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 471. Л. 27). Такие ничтожные объемы при дороговизне доставки, конечно же, не способствовали интересу царской администрации к железоделательному ремеслу кузнецких татар. А это, в свою очередь, мешало его объективному отражению в источниках.

Утверждение сибирских воевод, что кузнецкие татары были единственными поставщиками вооружения для кочевников Южной Сибири, видимо, далеки от истины. Известен случай, когда в начале 1690-х гг. десяток джунгарских подданных, двое из которых были кузнецами-оружейниками,

а остальные, видимо, их подмастерьями, пришли в Кузнецк на заработки. Пользуясь большим спросом на свои услуги, они задержались там на несколько лет. Кузнецкий воевода Л.Д. Нарыков в 1699 г. даже отправил царю Петру Алексеевичу куяк, шлем и наручи работы этих мастеров. Только накануне наиболее крупного набега на Кузнецк джунгары потребовали возврата своих людей (ДАИ, 1875. С. 394. № 81. XVIII). Видимо, не случайно, что именно в эти же годы в Кузнецке отмечена покупка куяка и панциря (Каменецкий, 2005: 190; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1125. Л. 27).

Отношения джунгар и кузнецких татар строились в русле политических тенденций эпохи, которые были весьма переменчивы. С конца XVII в. джунгары иногда заставляли двоеданцев платить алман исключительно соболями, стараясь собрать его раньше, чем русские ясак. Русская администрация, выражая джунгарам свое неудовольствие, стремилась вернуть прежние формы выплат алмана, с упором на кожи и железные изделия (при этом настаивая на недопустимости оружия) (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1052. Ч. 1. Л. 223–227).

В 1713 г., в очередной период обострения отношений с Россией, джунгары потребовали по всем кондомским ясачным волостям сверх обычного алмана «с каждого улуса по 100 полиц железных, в длину и ширину по четверти, да по 100 стрельных желез, по 2 бугача по котлу, по 2 молота да по клещам» (РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 3. Л. 57–64об.). Тут важно отметить, что требование было выставлено под угрозой смерти за невыполнение. Это ясное указание на его чрезмерность. В этом же году джунгары пытались собрать железо в сопоставимых объемах и с Забийских волостей. Один из сборщиков, спасаясь от преследования казаков, оставил, помимо пушнины, «...66 котлов железных, 109 таганов, шестеры стремена, железа конские, 900 стрельных железов, 100 железниц, 2 пятна железных, 2 комзы и 60 ковшей железных» (Памятники..., 1885: 317). Впрочем, за точность этой информации ручаться нельзя, т.к. она была записана со слов участников событий через много лет.

К 1740-м гг. в связи со строительством Кузнецкой укрепленной линии джунгары столкнулись не только с возросшим противодействием со стороны сборщиков ясака, но и с угрозой потери подвластного населения Северного Алтая. Наряду с военизированными акциями по разорению региона, калмыки предприняли увод из двоеданческих волостей части людей, среди которых были и квалифицированных кузнецы. Отставной казак И. Шабалин 26 февраля 1744 г. нашел в Таутелеутской волости уведенных ясачных «со всеми кузнечными снастями», «которые делают на ... зюнгорского владельца ружье и стрельные железца, пансыри и куяки, и за ту их работу дается от Галдан Черена жалование, а прежде они имели жительство в Елейской 9 человек, Кузенской 8 человек, Шерской 4 человек, Щелкальской 5 человек, Верхкумандинской 8 человек, итого 34 человека. Всех забрали с женами и детьми. Телеуты подтвердили, что таких кузнецов человек 40» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 118. Л. 176–190). К сожалению, мы не знаем, насколько эта выборка отражает генеральную совокупность, но пока это единственный документ, позволяющий хоть как-то оценить число занятых в кузнечном производстве мастеров и их распределение по некоторым волостям.

Остается сожалеть, что при изучении уровня развития металлургии кузнецких татар до сих пор не использован в полной мере еще один вид письменных источников – ясачные книги. Б.О. Долгих, который на их основе изучал вопросы численности, родоплеменного деления и расселения сибирских народов XVII в., отмечал большой потенциал этого источника при разработке хозяйственно-экономических проблем (Долгих, 1960: 7).

В 1745 г. отмечен один из последних приходов джунгар из Канских волостей в Кумандинскую и Кондомскую Итиберскую волости «для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают». Кроме того, калмыки привезли для обмена меха, дубленые кожи и пригнали около 100 лошадей (Пространство..., 2013: 33, 72, 73). На тот же год интересные сведения содержатся в рапорте инженер-капитана Сергея Плаутина. Он указывает, что «все Кузнецкого ведомства двоеданческие волости имеют в горах железную руду, которую они сами в юртах своих по малому числу плавят и делают котлы, топоры, а тем более они платят в Зенгорию, а те, которые поблизости к Кузнецку и деревням живут, продают железо». Основной акцент сделан на Кондомо-Барсоятскую или Катунскую, а также Четтиберскую волости, про жителей которых прямо указывается, что «руды оные сами плавят и тем железом более ясак платят зенгорскому владельцу, а в Кузнецк платят зверьми и промысел имеют» (Огурцов, 2008: 164, 165).

Вскоре в Кондомские волости был отправлен указ, предписывающий двоеданцам впредь джунгарам алман давать «зверем или чем иным, кроме железных котлов и таганов, а железо якобы потребно в Кузнецк» (Пространство..., 2013: 77; ГАОО. Ф. Военно-походная канцелярия Главного командира Сибирского корпуса. Оп. 1. Д. 7. Л. 20). Этот документ ранее не раз ошибочно приводился в качестве последнего примера массового использования ясачного железа в хозяйственных нуждах Кузнецка (Потапов, 1936: 188; Каменецкий, 2005: 190), но ключевым для его понимания служит слово «якобы». Несмотря на то, что ясачных татар пытались обнадежить, что железо у них будет принято в счет уплаты ясака, на самом деле никакой особой потребности в нем не было.

Об археологических комплексах Горной Шории XVII–XVIII вв. пока известно немного. Раскопки в этом таежном регионе ведутся от случая к случаю только последние 30 лет. И лишь в единичных публикациях содержится краткая информация по объектам Горной Шории XVII–XVIII вв., связанным с металлургией железа (Юриш, 1968; Ширин, 1999). Все они выявлены

случайно. Площади раскопок были крайне незначительные. При обнаружении шлаков, те детально не фиксировались, типологически не разделялись и не взвешивались. Картографирование выявленных местонахождений XVII–XVIII вв. (Рис. 1) показывает, что памятники металлообработки распределены по кузнецким ясачным волостям в близком соответствии с известными упоминаниями в документах.

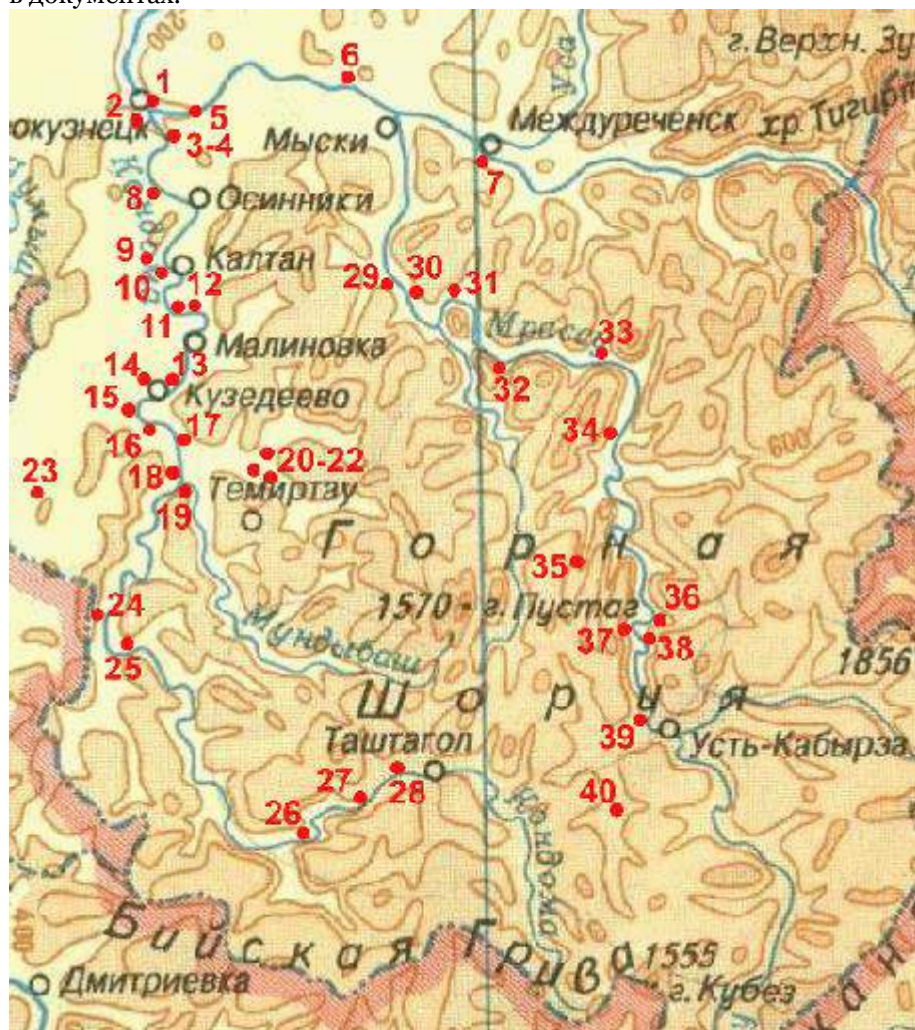

Рис. 1. Местонахождения остатков железоделательного производства XVII–XVIII вв. на территории проживания кузнецких татар (По данным на 2017 г.)

1 – Кузнецкий острог; 2 – местонахождение Старая Кондома; 3 – поселение Смирновка 1; 4 – поселение Смирновка 2; 5 – местонахождение Кешев остров; 6 – поселение Старое Жилье; 7 – поселение Междуреченск; 8 – поселение Малово 1; 9 – городище Николаевка 3; 10 – поселение Усть-Кинерка; 11 – поселение Сарбала 4; 12 – поселение Сарбала 1; 13 – поселение Аил 1; 14 – поселение Теш 5; 15 – поселение Юла; 16 – поселение Шартон; 17 – местонахождение Медная; 18 – поселение Луговушка; 19 – поселение Мундыбаш 1; 20 – местонахождение Тельбес 1; 21 – местонахождение Тельбес 2; 22 – местонахождение Тельбес 3; 23 – поселение Мунай 3; 24 – поселение Старососновское; 25 – местонахождение Широкий Луг 4; 26 – поселение Калташ; 27 – поселение Усть-Ганова; 28 – поселение Спасск; 29 – поселение Мзас 4; 30 – поселение Тоз 4; 31 – поселение Шодрова 2; 32 – поселение Земелье; 33 – поселение Тешев лог; 34 – поселение Колагас; 35 – местонахождение Усть-Шогалых; 36 – поселение Усть-Анзас; 37 – поселение Сайлынгол; 38 – поселение Комус; 39 – поселение Пызас 2; 40 – местонахождение Алзак.

Наиболее частая находка в местах железоделательного производства Горной Шории XVII–XVIII вв. – шлаки в виде выпуклых лепешек. Средний диаметр таких шлаков составляет 8–10 см. С верхней, относительно уплощенной стороны, шлаки имеют пористо-ячеистую корку, иногда блестящую. При раскалывании шлак монолитен, с видимой кристаллической структурой и железистым цветом на изломе (Рис. 2, 3–4).

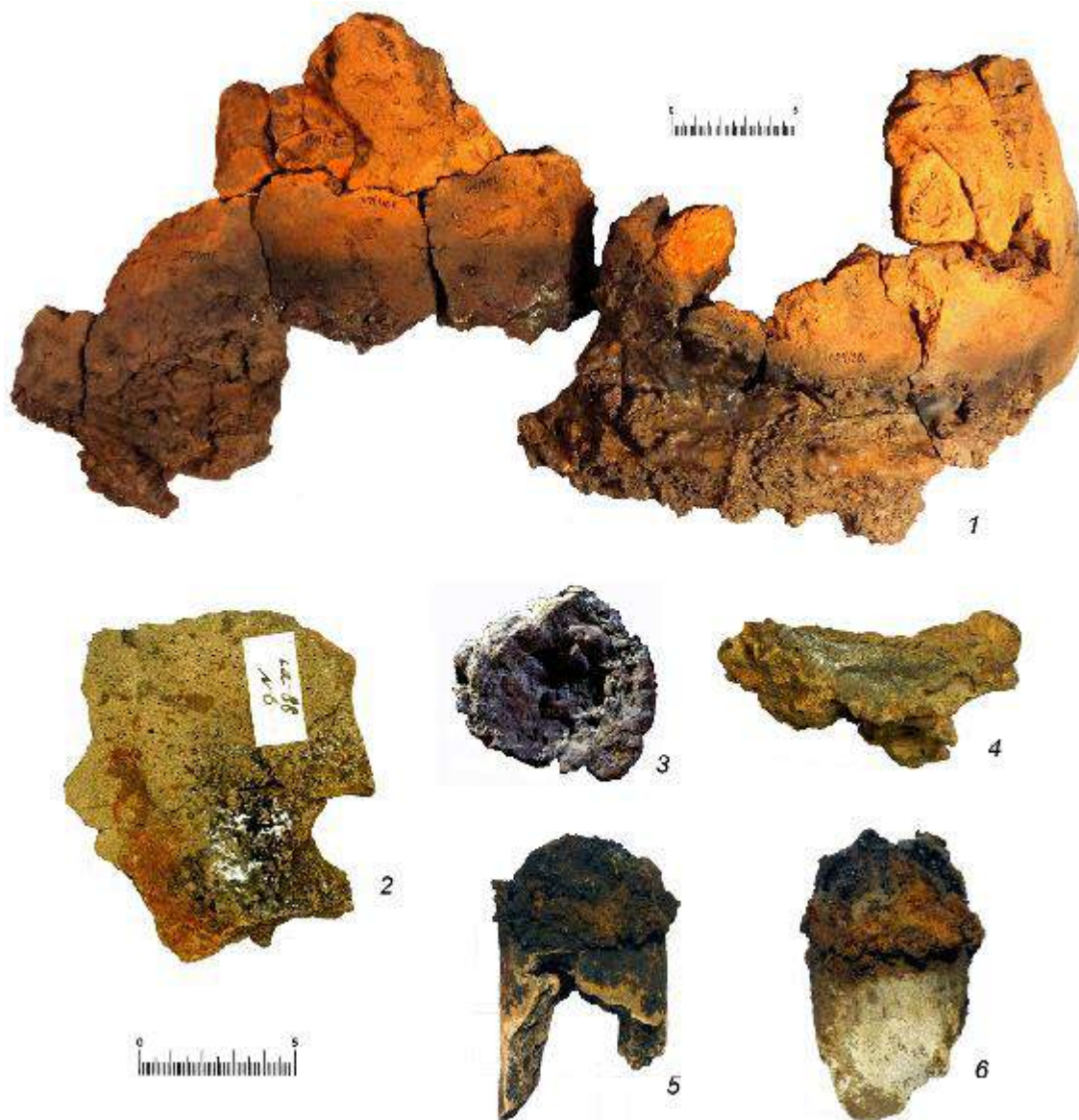

Рис. 2. Типичные находки на железоделательных памятниках Горной Шории XVII–XVIII вв. Материалы раскопок Ю.В. Ширина.

1 – внешняя сторона нижней части горна напротив воздухоудных сопел (поселение Шартон 1); 2 – оплавленная внутренняя поверхность глиняной конструкции горна, у воздухоудного отверстия (поселение Луговушка); 3, 4 – железные шлаки (местонахождение Мундыбаш 1); 5, 6 – фрагменты ошлакованных кончиков воздухоудных сопел (поселение Шартон 1).

До недавних пор практически все находки шлаков и фрагментов ошлакованных теплотехнических сооружений атрибутировали как признаки железоплавильных печей. В 1940-е гг. кузнецкий краевед К.А. Евреинов по найденным в окрестностях Кузнецка ошлакованным днищам и обломкам глиняных стенок сделал первые графические и макетные реконструкции таких печей ([НКМ. КП. № 1897](#)). Позднее эти реконструкции использовал Я.И. Сунчугашев для характеристики отличительных особенностей металлургии кузнецких татар при сравнении с железоделательными комплексами обитателей соседних Минусинских котловин ([Сунчугашев, 1979: 158, 159](#)).

Полученные Я.И. Сунчугашевым выводы явно противоречили теоретическим ожиданиям. Железная металлургия Горной Шории по уровню своего развития и технической оснащенности должна была бы быть более сходной с тем, что можно наблюдать в материалах памятников Минусинских котловин. К этому предположению склоняет преобладающий характер экономических контактов и родственных связей населения этих двух регионов Южной Сибири. Возможные сомнения по этому поводу развеивались ссылками на сведения И.Г. Гмелина ([Гмелин, 2003: 102](#)). Ведь тот лично вместе с Г.Ф. Миллером наблюдал в 1734 г. использование сходной с реконструированной К.А. Евреиновым конструкции в одной из юрт кузнецких татар, на р. Кондоме (в окрестностях современного г. Калтан). Существует и детальная графическая зарисовка этой демонстрационной плавки, сделанная тогда же И.В. Люрсениусом ([Рис. 3](#)).

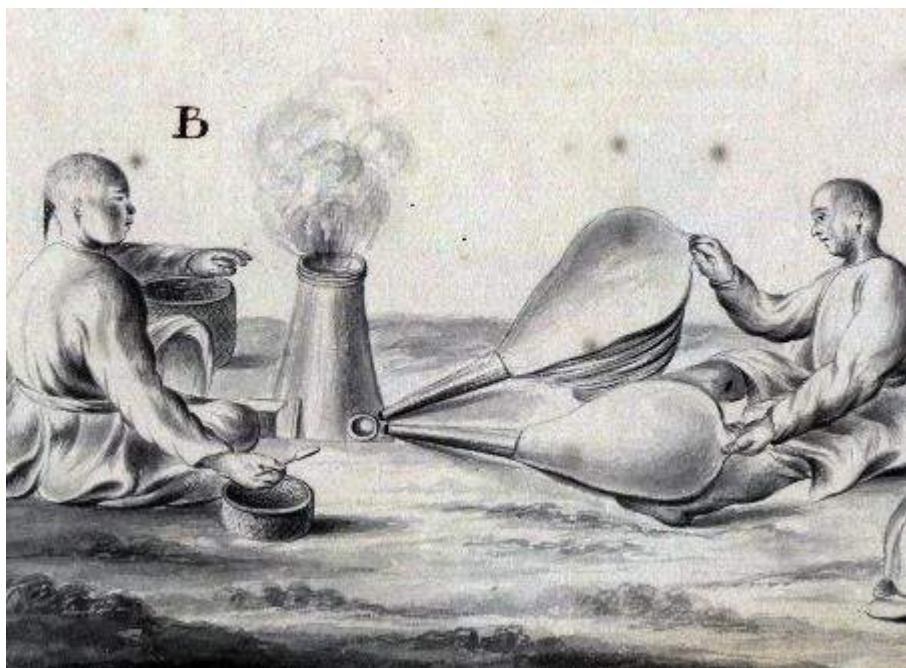

Рис. 3. Варка железа кузнецкими татарами в 1734 г.
Фрагмент рисунка И.В. Люрсениуса (по: [Водясов, 2016: рис. 1](#)).

Но описанный И.Г. Гmeliным металлургический процесс и полученный в итоге результат тоже не могут не вызывать вопросов. Так, И.Г. Гмелин пишет: «Из трех фунтов руды получают около двух фунтов железа... Все это мы наблюдали в течение полутора часов» (2003: 102, 103). При сопоставлении этих сведений с известными для XVII в. параметрами кустарного железоделательного производства в других регионах отмечено их принципиальное несоответствие ([Овсянников, 2016: 269–274](#); [Водясов, 2016: 340–341](#)). В качестве возможных объяснений этому мы выдвинули несколько гипотез, расположив их в порядке уменьшения вероятности. Можно предположить, что членам академической экспедиции кузнецкими татарами был показан не стандартный процесс варки железа, а:

- 1) – переплавка одной или нескольких криц, с подсыпкой флюсов для выведения шлаков;
- 2) – специально подготовленный процесс варки железа с идеальными условиями и предельно качественными компонентами;
- 3) – имитация процесса с заранее подложенной крицей.

По мнению Е.В. Водясова, в описании И.Г. Гмелина указан не вес конечного объема железа, а примерный вес ошлакованного конгломерата, только что извлеченного из печи ([Водясов, 2016: 340](#)).

К этому можно добавить следующие археологические наблюдения.

Развал одной из глиняных ошлакованных конструкций, сходной с описанной И.Г. Гmeliным, найден на поселении Теш 5 ([Ширин, 1999: 212–215](#)). Такая же конструкция была нами недавно восстановлена при изучении археологической коллекции, полученной при разведочных раскопках Ю.В. Ширина на поселении Шартон 1 ([Рис. 2, 1; 4, 6](#)). Керамические фрагменты от горнов близких размерных параметров найдены на поселениях Кондомы и Мрассу: Смирновка 1, Медная, Луговушка, Мундыбаш 1, Спасск, Сайлынгол, Усть-Анзас ([Рис. 4, 1, 2, 5](#)).

Исследуя фрагменты глиняных стенок горнов, мы обратили внимание на то, что они относительно тонкие, а их внутренняя поверхность прокалена неравномерно. Особенно сильно ошлакованы стенки вдоль нижней кромки. Напротив дутьевых отверстий они имеют пузырящиеся стекловидные потеки черного цвета ([Рис. 2, 1, 2](#)). Такая метаморфизация легкоплавких глин возможна уже при нагреве до 1150 град., а при контакте с окислами железа это может случиться еще раньше. В то же время, чтобы в ходе плавки довести получаемые зерна железа до сварочного состояния, температура в нижней части печи, где они скапливаются, должна быть поднята до 1300–1400 град.

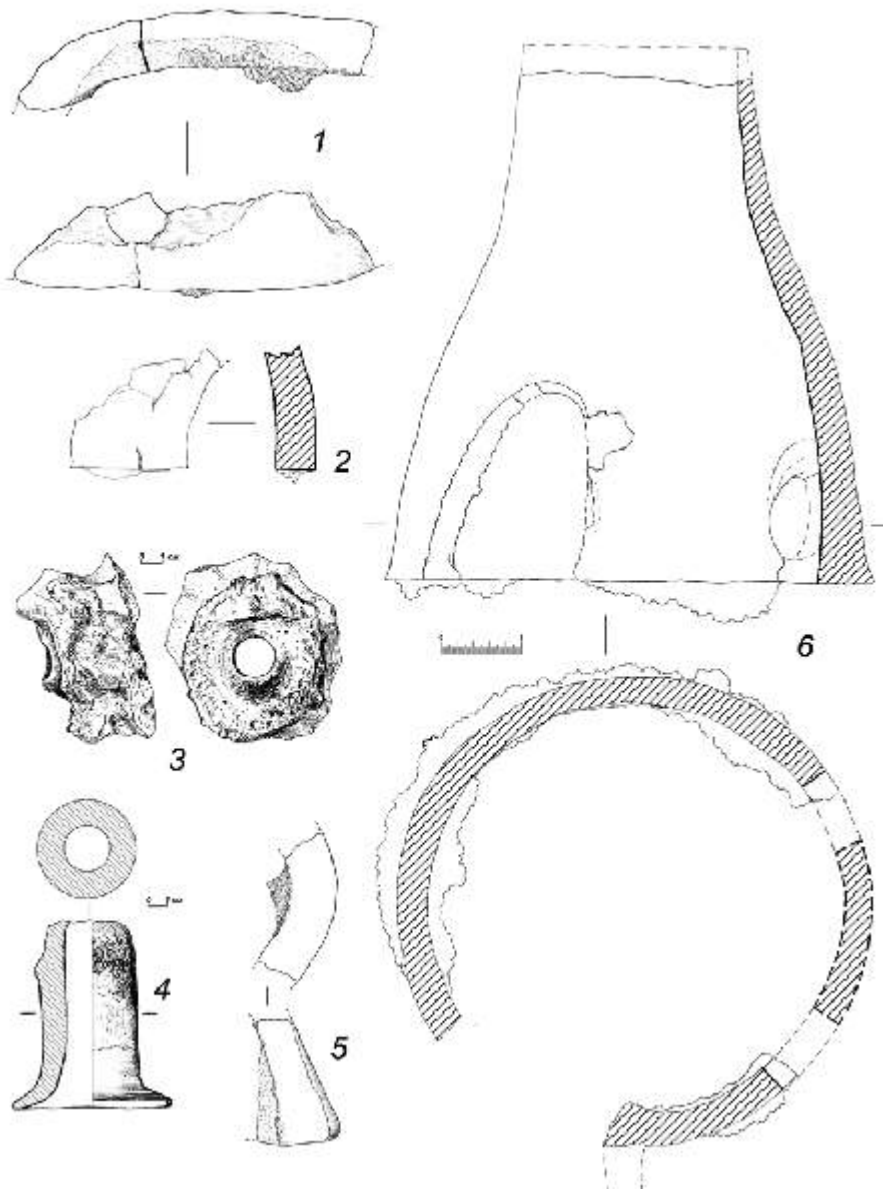

Рис. 4. Глиняные элементы железодельных горнов XVII–XVIII вв.

По материалам раскопок Ю.В. Ширина.

1, 5 – поселение Сайлынгол; 2 – поселение Мундыбаш 1; 3 – местонахождение Тельбес 1; 4 – поселение Теш 5; 6 – поселение Шартон 1.

Чтобы уменьшить шансы прогорания стенок наземных конструкций при их наличии, их делают из достаточно толстых жгутов глины либо выкладывают изнутри камнем. Чрезмерных температур в обследованных нами горнах, похоже, не достигали, а если и достигали, то прожигали стенку горна (Рис. 2, 1). Это позволяет предполагать, что рассмотренные фрагменты глиняных стенок – остатки не железоплавильных печей, а кричных или кузнечных горнов. В них, вероятнее всего, производилась доработка железных полуфабрикатов.

К этому же выводу склоняет и морфологическая оценка железных шлаков, собранных рядом с рассмотренными горнами. Подобные лепешкообразные шлаки (Рис. 2, 3, 4), сопровождаемые мелкими обломками, обычно находят в местах переплавки криц (Водясов, Зайцева, 2017: 109). Это было установлено и подтверждено сотнями экспериментов.

Таким образом, находки железных шлаков не всегда могут служить основанием для выделения железоплавильных печей. Выводы, сделанные на основе учета морфологических свойств шлаков, следует контролировать химическими анализами. Не всегда можно отличить и обломки глиняных конструкций плавильных печей от фрагментов горнов иного назначения.

Дутьевое устройство, используемое кузнецкими татарами в рассмотренном типе горнов, состояло из огнеупорных сопел и воздуховодных мехов, тип которых нам известен только по рисунку 1734 г. (Рис. 3). Длина сопла в среднем составляет 12 см, а диаметр дутьевого отверстия – 2 см. В местах соединения с мехами сопла имеют раструбы (Рис. 4, 4). Для изготовления сопел, найденных на Кондоме и на Мрассу, в XVII–XVIII вв. использовалась белая огнеупорная глина. Ее редкое, но

достаточно крупное месторождение известно на правом притоке р. Кондомы – на р. Калтан. В конце XVIII–XIX вв. здесь же ее добывали и для алтайских металлургических заводов (Слатин, 1836).

В ходе работы кончик сопла оплавлялся и нередко прикипал к стенкам печи или к донному шлаку (Рис. 2, 5, 6; 4, 3, 4). С большей вероятностью сопла могли быть повторно использованы при кузнечной работе, но не при плавке руды с иными температурными режимами.

Рудной базой для производства железа могли служить не только ныне хорошо известные Темир-Тельбесская, Казская, Тазская, Кондомская, Верхне-Кондомская, Ташелгинская и Верхне-Майзасская группы железорудных месторождений, но и многочисленные более мелкие проявления руд, в том числе гематитовых и сидеритовых. К сожалению, в Горной Шории пока не изучено ни одной древней горной выработки по добыче железной руды. Возможно, мы еще не выявили ни одной археологизированной железоплавильной печи, т.к. варка железа производилась именно на местах рудных разработок. Известно описание только одного объекта, по размеру и конструкции сопоставимого с известными в Южной Сибири железоплавильными печами. Этот объект был обнаружен геологом В.В. Юришем в окрестностях пос. Тоз на р. Мрассу. То, что было описано как часть железоплавильной печи, было сооружено из обмазанных глиной плит песчаника. В одну из стенок конструкции были вмазаны 4 воздуходушных сопла (Юриш, 1968: 6), подобных фрагменту с местонахождения Тельбес 1 (Рис. 4, 3).

Рядом с горами часто находят не только много шлаков, но и наковальни из плоских гранитных валунов (Рис. 5). На них металлурги выполняли черновую доработку железа (Юриш, 1968: 6; Ширин, 1999: 213).

Рис. 5. Гранитная наковальня для обработки железных криц (сборы Ю.В. Ширин на поселении Юла 1).

Прокованная крица в виде брусков поступала к кузнецам для дальнейшего использования. Несколько таких криц, весом от 330 до 370 г, было найдено при раскопках Кузнецкого острога в комплексах XVII–XVIII вв. (Рис. 6) (Зиняков, 2014: 84).

Рис. 6. Железные крицы из комплексов Кузнецка XVII–XVIII вв.
Раскопки Ю.В. Ширина в 1990, 2012 гг.

Кузнечное ремесло кузнецких татар практически не изучалось ([Сунчуташев, 1979: 162–163](#)). Среди кузнечных изделий XVII–XVIII вв., полученных при раскопках Кузнецка и его окрестных деревень, типологически выделены предметы, которые с высокой вероятностью могли быть изготовлены кузнецкими татарами. К ним относятся наконечники стрел, пластина куяка ([Рис. 7, 1](#)), мотыжки (абылы), наконечник корнекопалки (озуп) ([Рис. 7, 2](#)), а также крицы ([Рис. 6](#)) ([Зиняков, 2014: 82–93](#)).

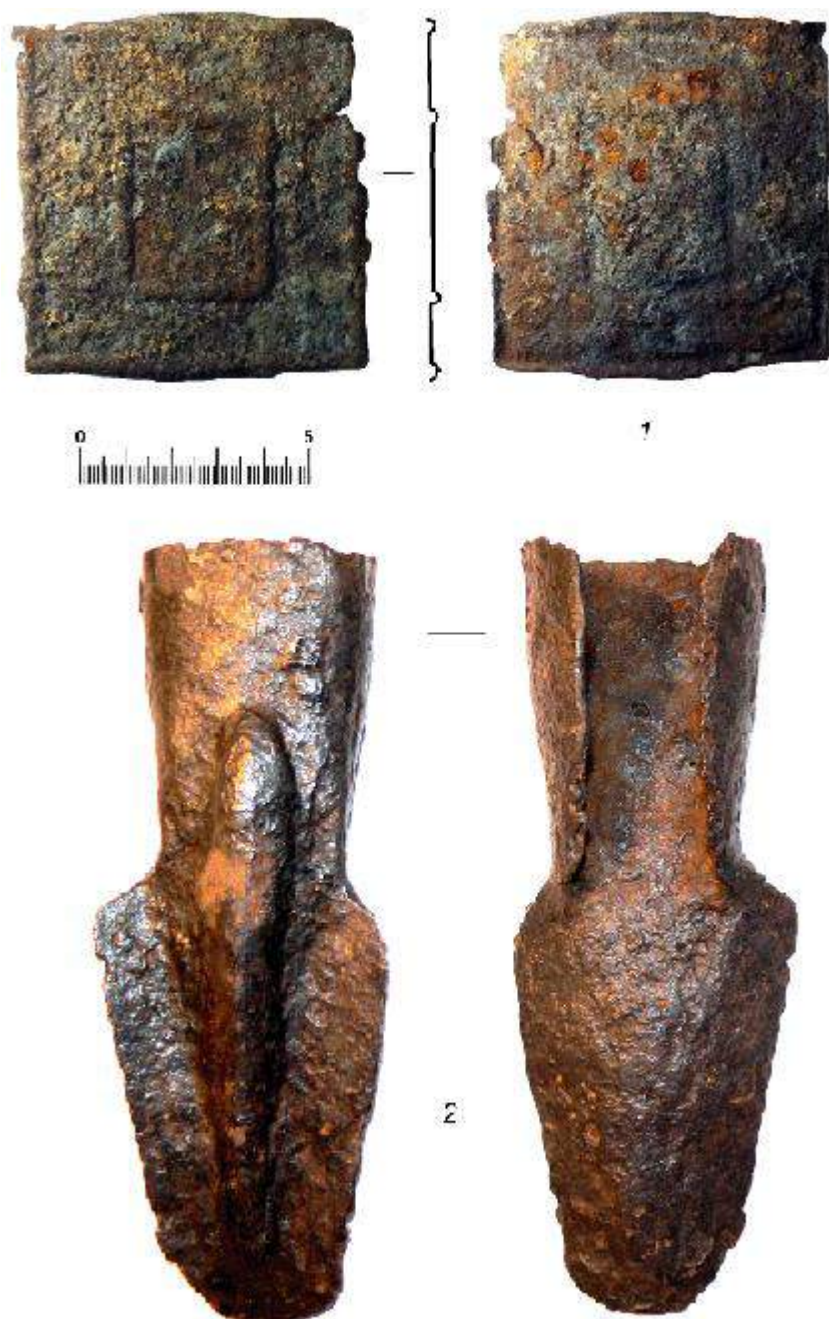

Рис. 7. Изделия из низкоуглеродистой стали из комплексов Кузнецка XVII–XVIII вв.

Раскопки Ю.В. Ширина в 2012 г.

1 – пластина куюка; 2 – насадка корнекопалки (озуп).

В исследованных местах железообработки кузнечной продукции встречено немного. Среди находок известны единичные наконечники стрел, мелкие заготовки и скобяные изделия ([Ширин, 1999: 212](#)). Отметим, что все железные инструменты, используемые в металлургическом производстве в позднем средневековье на территории Обь-Томского междуречья, были обнаружены в погребальных комплексах. Пока нам неизвестно ни одного могильника кузнечных татар.

Что касается атрибуции некоторых предметов защитного вооружения, найденных на сопредельных Кузнецкому краю территориях, в качестве вещей «шорского производства» ([Бобров, Худяков, 2008: 652](#)), то это лишь смелые гипотезы, пока ничем не подтвержденные. Вместе с тем отметим, что все ссылки скептиков на отсутствие среди археологических материалов Горной Шории чего-либо из того, что может соответствовать ожидаемому высокому уровню развития здесь в XVII–XVIII вв. металлургического и кузнечного производства, также неправомерны. Можно констатировать лишь плохую археологическую изученность региона, пока не отражающую реального положения в данной сфере хозяйственной деятельности кузнечных татар.

5. Заключение

Существующие у исследователей расхождения в оценках уровня развития металлургии и кузнечного ремесла у исторических предков шорцев могут быть преодолены на основе критического анализа архивных документов XVII–XVIII вв. Для дополнения существующей источниковой базы необходимо обратиться к анализу ясачных книг.

Дальнейшие целенаправленные археологические исследования по данной проблематике также могут значительно продвинуть нас в реконструкции условий экономической адаптации коренных жителей Южной Сибири в процессе взаимодействия с русским населением, а также к постепенному прояснению форм трансформации их хозяйственных укладов.

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.28.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- АИ, 1841** – Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841. 538 с.
- Бобров, Худяков, 2008** – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774 с.
- Богораз, 1927** – Богораз В.Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и в Америке // Сб. МАЭ. 1927. Т. VI. С. 37–62.
- Вилков, 1967** – Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Водясов, 2016** – Водясов Е.В. Сыродутный способ получения железа у кузнечных татар (по материалам Великой Северной экспедиции) // *Былые годы*. 2016. Вып. 2. С. 335–344.
- Водясов, Зайцева, 2017** – Водясов Е.В., Зайцева О.В. Что может рассказать археологу железный шлак? // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2017. № 47. С. 107–115.
- Выписки...** – Выписки из старинных столбцов Кузнечного архива, XIX в. (середина). 27 л. / Научная библиотека ТГУ. Отдел редких книг. Витр. 784.
- Георги, 1776** – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени. СПб.: Тип. К.В. Миллера, 1776. 188 с.
- Гмелин, 2003** – Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе–сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734») // *Кузнечная старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнечная крепость», 2003. Вып. 5. С. 86–107.
- ДАИ, 1875** – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1875. Т. 10. 516 с.
- Долгих, 1960** – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Дыренкова, Потапов, 1928** – Дыренкова Н.П., Потапов Л.П. Озуп и абыл – хозяйственные орудия шорцев Кузнечной тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // *Культура и письменность Востока*. Баку, 1928. Кн. III. С. 103–123.
- Зиняков, 2014** – Зиняков Н.М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнечного острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. Т. I. С. 82–93.
- Каменецкий, 2005** – Каменецкий И.П. Русское население Кузнечного уезда в XVII – начале XVIII вв.: (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: Тип. ИП Долгов Р.Н., 2005. 340 с.
- Карпенко, 1963** – Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. 215 с.
- Кашин, 1934** – Кашин В.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Кузнечного края в XVII–XVIII вв. // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.; Л., 1934. № 7–8. С. 11–31; № 9–10. С. 79–100.
- Кимеев, 2013** – Кимеев В.М. Традиционные ремесла шорцев // *Вестник КемГУ*. 2013. № 4 (56). Т. 1. С. 27–32.
- Крижанич, 1965** – Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. 736 с.
- Миллер, 2003** – Миллер Г.Ф. Описание Кузнечного уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // *Кузнечная старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнечная крепость», 2003. Вып. 5. С. 63–85.
- Об уводе..., 2013** – Об уводе кузнецов // *Из кузнечной старины*. Новокузнецк: Изд-во ООО «Полиграфист», 2013. Вып. 4. С. 144–146.
- Овсянников, 2016** – Овсянников С.Г. История Калтана и близлежащих мест. Часть I. Легенды и реальность. Калтан: Б. и., 2016. 290 с.

Огурцов, 2008 – Огурцов А.Ю. Материалы военно-инженерной разведки 1745–1746 гг. на Алтае и в Саянах как источник по экономике коренных народов Южной Сибири // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2008. Вып. 10. С. 159–165.

Памятники..., 1885 – *Памятники сибирской истории XVIII века*. СПб.: Тип. МВД, 1885. Кн. 2. XXIV, 541 с.

Потапов, 1936 – Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с.

Потапов, 1953 – Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Пространство..., 2013 – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 314 с.

Пьянзин, 2010 – Пьянзин А.А. Странные «кузнецы» / Электронный ресурс. URL: <http://palexy.livejournal.com/3516.html#cutid1> (время доступа 18.02.2018).

Сергеев, 1973 – Сергеев В.И. Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М.: Наука, 1973. С. 125–128.

Слатин, 1836 – Слатин [И.А.] Об огнеупорной Калтанской глине // *Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся*. СПб.: Тип. Имп. АН, 1836. Ч. IV. Кн. X. С. 183–195.

Смердов, 1947 – Смердов А.Н. В стране Темира. Иркутск: Обл. изд-во, 1947. 82 с.

Сунчугашев, 1979 – Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск: Наука, 1979. 191 с.

Титов, 1890 – Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 262 с.

Шемелев, 1998 – Шемелев В.Н. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. Вып. 1. 368 с.

Шерстова, 1999 – Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 1999. 434 с.

Шерстова, 2010 – Шерстова Л.И. Трансформация хозяйства аборигенного населения Южной Сибири в XVII–XIX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2010. № 1(9). С. 92–103.

Ширин, 1999 – Ширин Ю.В. Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1999. С. 209–216.

Юриш, 1968 – Юриш В.О. Следы Усчилар // *Огни Кузбасса*. Кемерово, 1968. № 2. С. 5–9.

References

AI, 1841 – Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Archeograficheskoy komissiej [Historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. T. 3: 1613–1645. SPb.: Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1841. 538 p.

Bobrov, Hudyakov, 2008 – Bobrov L.A., Hudyakov Yu.S. (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v ehposu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Arms and tactics of nomads of Central Asia and Southern Siberia during the late Middle Ages and early Modern times (XV – first half of the XVIII C.)]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 774 p. [in Russian]

Bogoraz, 1927 – Bogoraz V.G. (1927). Drevnie pereseleniya narodov v Severnoj Evrazii i v Amerike [Ancient migrations of peoples in Northern Eurasia and in America]. Sb. MAE. T. VI. pp. 37–62. [in Russian]

DAI, 1875 – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Additions to historical acts, collected and published by the Archeographic Commission]. SPb.: Tip. Eduarda Pratsa, 1875. T. 10. 516 p. [in Russian]

Dolgi, 1960 – Dolgi B.O. (1960). Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and tribal composition of peoples of Siberia in the XVII C.]. M.: Izd-vo AN SSSR. 622 p. [in Russian]

Dyrenkova, Potapov, 1928 – Dyrenkova N.P., Potapov L.P. (1928). Ozup i abyly – hozyajstvennye orudiya shorcev Kuznetskoj tajgi (iz oblasti pervobytnoj kul'tury turetskih plemen) [Ozup and abyly – instruments of Shors of Kuznetsk taiga (from area of primitive culture of Turkish tribes)]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Baku. Kn. III. pp. 103–123. [in Russian]

Georgi, 1776 – Georgi I.G. (1776). Opisanie vsekh v Rossijskom gosudarstve obitayushchih narodov, takzhe ih zhitejskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. Ch. 2: O narodah tatarskogo plemeni. [Description of the all living people in Russian State, their everyday rituals, beliefs, usages, shelter, clothing and other memorability. Part 2: About peoples Tatar tribe]. SPb.: Tip. K.V. Millera. 188 p. [in Russian]

Gmelin, 2003 – Gmelin I.G. (2003). Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste-sentyabre 1734 g. (iz knigi «Reise durch Sibirien von demahre 1733 – 1734») [A trip to the Rudny Altai in August–September 1734 (from the book «Journey through Siberia from the years 1733–1734»)]. Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 5. pp. 86–107. [in Russian]

Kamenetskij, 2005 – Kamenetskij I.P. (2005). Russkoe naselenie Kuznetskogo uezda v XVII – nachale XVIII vv.: (Opyt zhiznedeyatel'nosti v usloviyah frontira Yuzhnoj Sibiri) [Russian population of

- Kuznetsk county in the XVII – the beginning of XVIII century: (Experience of life in conditions of frontier of Southern Siberia)]. Omsk: Tip. IP Dolgov R.N. 340 p. [in Russian]
- Karpenko, 1963** — *Karpenko Z.G.* (1963). Gornaya i metallurgicheskaya promyshlennost' zapadnoj Sibiri v 1700-1860 gg. [Mining and metallurgical industry of Western Siberia in 1700-1860]. Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR. 215 p. [in Russian]
- Kashin, 1934** — *Kashin V.N.* (1934). Krest'yanskaya zhelezodelatel'naya promyshlennost' Kuznetskogo kraja v XVII – XVIII vv. [Peasant iron-making industry of Kuznetsk region in the XVII - XVIII centuries]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. M.; L., 1934. № 7–8. S. 11–31; № 9–10. pp. 79–100.
- Kimeev, 2013** — *Kimeev V.M.* (2013). Tradicionnye remyosla shorecev [Shors' Traditional Crafts]. *Vestnik KemGU*. № 4 (56). T. 1. pp. 27–32. [in Russian]
- Krizhanich, 1965** — *Krizhanich Yu.* (1965). Politika. [Policy]. M.: Nauka. 736 p. [in Russian]
- Miller, 2003** — *Miller G.F.* (2003). Opisanie Kuzneckogo uezda Tobolskoj Provincii v Sibiri v nyneshnem ego sostoyanii, v sentyabre 1734 g. [Description of Kuznetsky district of Tobolsk Province in Siberia in its present state, in September 1734]. *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 5. pp. 63–85. [in Russian]
- Ob uvode..., 2013** — Ob uvode kuznecov [On abduction of blacksmiths]. *Iz kuznetskoj stariny*. Novokuznetsk: Izd-vo OOO «Poligrafist», 2013. Vyp. 4. pp. 144–146. [in Russian]
- Ogurtsov, 2008** — *Ogurtsov A.Yu.* (2008). Materialy voenno-inzhenernoj razvedki 1745–1746 gg. na Altae i v Sayanah kak istochnik po ehkonomike korennykh narodov Yuzhnoj Sibiri [Materials on military engineer reconnaissance of 1745-1746 years in Altai and Sayan mountains as source for research economy of indigenous peoples of South Siberia]. *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk: Izd-vo «Kuznetskaya krepost'». Vyp. 10. pp. 159–165.
- Ovsyannikov, 2016** — *Ovsyannikov S.G.* (2016). Istoriya Kaltana i blizlezhashchih mest. Ch. I. Legendy i real'nost'. [History of Kaltan and nearby places. Part I. Legends and reality.]. Chast' I. Legendy i real'nost'. Kaltan: B. i. 290 p. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1885** — Pamyatniki sibirskoj istorii XVIII veka. [Evidences of Siberian history of the XVIII century]. SPb.: Tip. MVD, 1885. Kn. 2. XXIV, 541 p.
- Potapov, 1936** — *Potapov L.P.* (1936). Ocherki po istorii Shorii. [Essays on history of Shoria]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. 260 p.
- Potapov, 1953** — *Potapov L.P.* (1953). Ocherki po istorii altajcev [Essays on history of altaians]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. 444 p.
- Prostranstvo..., 2013** — Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoriicheskoj retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikacijam G.N. Potanina) [Area of Northern Kazakhstan and Siberia in historical retrospective of the XVIII C. (according to documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013. 314 p.
- Pyanzin, 2010** — *Pyanzin A.A.* (2010). Strannye «kuznetsy» [Strange «blacksmiths»]. URL: <http://palexy.livejournal.com/3516.html#cutid1> (18.02.2018).
- Sergeev, 1973** — *Sergeev V.I.* (1973). Zhelezodelatel'noe proizvodstvo v Tomske i Kuznetske v pervoj treti XVII v. [Iron-making production of Tomsk and Kuznetsk in the first third of the XVII c.]. *Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri (Period feodalizma)*. M.: Nauka. pp. 125–128.
- Shemelyov, 1998** — *Shemelyov V.N.* (1998). Istoriya Kuzbassa s drevnejshih vremen do otmeny krepostnogo prava [History of the Kuzbass from ancient times to abolition of serfdom]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Vyp. 1. 368 p.
- Sherstova, 1999** — *Sherstova L.I.* (1999). Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoj Sibiri v XVII–XIX vv. [Ethnopolitical history of Turks of Southern Siberia in the XVII–XIX centuries]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. politekh. un-ta. 434 p.
- Sherstova, 2010** — *Sherstova L.I.* (2010). Transformaciya hozyajstva aborigennogo naseleniya Yuzhnoj Sibiri v XVII–XIX vv. [Transformation of economy of aboriginal population of Southern Siberia in the XVII–XIX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 1(9). pp. 92–103. [in Russian]
- Shirin, 1999** — *Shirin Yu.V.* (1999). Metallurgiya kuzneckih tatar v XVIII veke [Metallurgy of the Kuznetsk tatars in the XVIII century]. Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, pp. 209–216. [in Russian]
- Slatin, 1836** — *Slatin [I.A.]* (1836). Ob ognepurnoj Kaltanskoj gline [About refractory Kaltan clay] // *Gornyi zhurnal ili sobranie svedenii o gornom i solyanom dele s prisovokupleniem novykh otkrytii po naukam, k semu predmetu otnosyashchimsya*. SPb.: Tip. Imp. AN. Ch. IV. Kn. X. pp. 183–195.
- Smerdov, 1947** — *Smerdov A.N.* (1947). V strane Temira. [In country of Temir]. Irkutsk: Obl. izd-vo. 82 p.
- Sunchugashev, 1979** — *Sunchugashev Ya.I.* (1979). Drevnyaya metallurgiya Hakasii (ehpoha zheleza) [Ancient metallurgy of Khakasia (Iron Age)]. Novosibirsk: Nauka. 191 p.
- Titov, 1890** — *Titov A.* (1890). Sibir' v XVII v. Sbornik starinnykh russkikh statej o Sibiri i prilozhashchih k nej zemlyah. [Siberia in the XVII century. Collection of old Russian articles about Siberia and its adjacent lands] M.: Tip. L. i A. Snegirevykh. 262 p.

- Vilkov, 1967 — Vilkov O.N. Remeslo i trgovlya Zapadnoj Sibiri v XVII v. [Craft and trade of Western Siberia in the XVII c.]. M.: Nauka, 1967. 324 p. [in Russian]
- Vodyasov, 2016 — Vodyasov E.V. (2016). Syroductnyj sposob polucheniya zheleza u kuzneckih tatar (po materialam Velikoj Severnoj ehkspedicii) [Kondoma Tatars and the Bloomery Process (source: the Great Northern Expedition)]. *Bylye gody*. Vol. 40, Is. 2, pp. 335-344. [in Russian]
- Vodyasov, Zaiceva, 2017 — Vodyasov E.V., Zaiceva O.V. (2017). Chto mozhet rasskazat' arheologu zheleznyj shlak? [What can iron slag tell an archaeologist?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 47. pp. 107-115. [in Russian]
- Vypiski... — Vypiski iz starinnyh stolbcov Kuznetskogo arhiva. [Extracts from the old columns of the Kuznetsk archives]. XIX C. (middle). 27 p. Nauchnaya biblioteka TGU. Otdel redkikh knig. Vit. 784. [in Russian]
- Yurish, 1968 — Yurish V.O. (1968). Sledy Ushchilar [Ushchilar tracks]. *Ogni Kuzbassa*. Kemerovo. № 2. pp. 5-9.
- Zinyakov, 2014 — Zinyakov N.M. (2014). K voprosu ob osobennostyah kuznechnogo proizvodstva Kuznetskogo ostroga i okrestnyh dereven' v XVII-XVIII vv.: na osnove metallograficheskikh issledovanij [On peculiarities of blacksmith's production of Kuznetsk burg and surrounding villages in the XVII-XVIII c.: on the basis of metallographic studies]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Izd-vo Magellan. T. I. pp. 82-93. [in Russian]

Проблемы интерпретации письменных и археологических источников о черной металлургии у кузнецких татар

Роман Андреевич Мартюшов ^{a, *}, Юрий Викторович Ширин ^b

^a Новокузнецкий краеведческий музей, Российская Федерация

^b Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Показаны истоки субъективизма в оценках уровня развития металлургии и кузнечного ремесла у исторических предков шорцев – кузнецких татар. На основе критического анализа архивных документов XVII–XVIII вв. признаны необоснованными утверждения о ведущей роли населения кузнецких ясачных волостей в снабжении енисейских кыргызов, телеутов и джунгар холодным оружием и железными доспехами.

Отмечена плохая археологическая изученность региона, не отражающая реального положения в какой-либо сфере хозяйственной деятельности кузнецких татар XVII–XVIII вв. При оценке уровня развития металлургии у населения Горной Шории все отсылки к археологическим материалам или к их отсутствию пока следует рассматривать как спекуляции.

Предложена иная трактовка некоторых из уже известных археологических источников, а также вводятся в научный оборот новые материалы по металлургии кузнецких татар, накопленные за последние 30 лет. Выявленные металлургические комплексы не всегда могут быть однозначно интерпретированы без компетентной морфологической оценки шлаков и конструкций, а также без проведения специальных технологических и химических анализов.

Высказаны гипотезы, направленные на снятие большинства противоречий в интерпретации источников всех типов. Целенаправленные археологические исследования по данной проблематике могут по-новому осветить тему экономической адаптации коренных жителей Южной Сибири и форм трансформации их хозяйственных укладов в процессе взаимодействия с русским населением.

Ключевые слова: кузнецкие татары, плавка железа, шлак, кузнечное ремесло, Новое время.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: martyushovromanandreevich@gmail.com (Р.А. Мартюшов), shirin_a@mail.ru (Ю.В. Ширин)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 931-939. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.931
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture

Olga N. Naumenko ^{a, *}, Evgeny A. Naumenko ^b

^a Ugra State University, Russian Federation

^b Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the process of penetration of Islam into the life of Ob Ugrians from the point of view of their cultural and historical psychology. The authors rely on the theory of "poor living environment", proving that in the most difficult climatic conditions the human resource of Ob Ugrians was spent exclusively on survival, and it did not allow them to dynamically develop the existing elements of culture and create new ones in accordance with the level of their spiritual needs. Development proceeded on the "principle of complementarity", when the components of other cultures were borrowed, assimilated and accepted as their own. The authors believe that Islam became one of such important donor cultures due to the coincidence of a number of worldview with the Ob-Ugric culture and active missionary activity of the medieval Muslim States. In the XVII – early XX centuries, the process of the spread of Islam continued through the contacts of the Ob Ugrians with the Siberian Tatars, including through the conclusion of marriages. In the context of the Christianization of the XVIII – XIX centuries, the characteristics of Islam in the culture of the Islamized groups of Ob Ugric peoples began to die out, but partially preserved to the present time. However, the centuries-old influence of Muslims was so strong that some groups of Ob Ugrians disappeared, merged with the Muslim population of the region. The authors project the historical experience on the current situation, paying attention to the numerous facts of the marriage of Khanty and Mansi with Muslims who migrate to Ugra from the CIS countries and seek to gain a foothold in a new place, using social protection and the system of benefits provided to the families of indigenous small peoples of the North. This facilitates ethnic assimilation processes and poses a threat to the Ob-Ugric culture and identity.

Keywords: Islam, the Ob Ugrians, traditional culture, Ishtyake, Ostyaks, Voguls, Siberian Tatars, historical psychology, Shamanism, paganism.

1. Введение

Вопросы сохранения культуры коренных малочисленных народов Севера¹ имеют не только гуманитарную составляющую, но и практическую направленность. Справедливость как основа социально-экономических отношений, экология природопользования, стройность системы семейных ценностей, национально-религиозная и политическая толерантность – это далеко не полный перечень характеристик, свойственных культуре обских угров и позволяющих по-новому оценить современную реальность.

Устойчивость традиционной культуры хантов и манси не означает ее абсолютной защищенности от внешнего воздействия. Если в условиях христианизации XVIII–XIX вв. обско-угорская культура «устояла», перенея преимущественно внешние формы, то результаты более ранней исламизации отдельных групп остяков и вогулов оказались иными: магометанство проникло

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko)

¹ В статье применяется термин «обские угры», включающий народы ханты (остяки) и манси (вогулы).

настолько глубоко, что приобрело внутреннее содержание, и некоторые группы (например, «иштяки» – от «остяки») исчезли, слившись с мусульманами – предками сибирских татар (Исхаков, 2016: 278). Исследователи находят в антропологии сибирских татар до 40 % угорских черт, подчеркивая общность их культур и языка (Корусенко, 1998: Онина 2010 и др.). Некоторые группы исламизированных обских угров, не отказавшись от шаманизма, сохранили следы ислама до XX в. и частично – до настоящего времени. В частности, на рубеже XIX–XX вв. у них зафиксирован обычай «левирата» (брак с вдовой младшего брата) и «сорората» (женитьба на двух сестрах) (Сподина, 2011: 7), многоженство с ограничением в 4 жены (Дранкова, 2000: 150), похороны в день смерти (Исследователь Севера, 1995: 62) и т.д. Часть этих норм замечена этнографами в 1990-х гг.: например, обычай закрывать лицо у женщин (Кулемзин и др., 1992: 19).

В настоящее время наблюдается новый этап исламизации обских угров через браки с мусульманами – мигрантами из государств СНГ и южных регионов России (Еремеева, 2018: 74). В Уральском федеральном округе, в который входит Югра, с 1989 г. по 2010 г. число мигрантов из Средней Азии выросло на 70 %, с Северного Кавказа – в 2,4 раза, из Азербайджана – в 2,1 раза, достигнув к настоящему времени 300 тысяч по официальным данным и превысив 1 миллион человек с учетом мусульман из числа татар и башкир. Югра стала лидером по приему мигрантов-мусульман, доля которых в настоящее время составляет 16 % от общей численности населения (Малашенко и др., 2015: 6). Мигранты, заключая браки с представителями коренных малочисленных народов Севера, получают широкую систему льгот и социальной поддержки: бесплатное жилье, ежемесячные пособия и др. Но так как религия запрещает мусульманам вступать в брак с язычниками, то последним приходится включаться в исламскую культуру, что создает для них угрозу потери этнической и культурной идентичности.

Цель статьи: рассмотреть влияние культурно-психологических факторов на принятие ислама хантами и манси Югорского Севера в исторической ретроспективе.

2. Материалы и методы

Источники исследования включают 2 группы:

1) Коллекции и документы музеев Тюменской области, Государственного Эрмитажа, Государственного архива Тюменской области, характеризующие предметы мусульманского искусства с шаманских святилищ и факты исламизации обских угров. Тобольско-Тюменская епархия с XVIII в. фиксировала данные об остяках и вогулах, называющих себя мусульманскими именами, что позволяет определить ареал их расселения. Анализ предметов мусульманского искусства в языческих ритуалах дает возможность понять степень проникновения ислама в традиционные верования. Отдельную группу составляют предметы мусульманского культа, отражающие шаманизм, т.к. в традиционных обществах ислам поначалу приобретает причудливые формы местной этнической среды. Одним из таких экспонатов являются мусульманские четки из 99 пальцев медведя, соответствующие 99 Прекраснейшим Именам Аллаха, но созданные в рамках главного у обских угров культа медведя (Рис. 1).

2) Данные этнографических исследований XVIII–XX вв. на Югорском Севере в их сопоставлении с нормами магометанства. Обско-угорские легенды, мифы, сказания и другие источники этнографического, эпиграфического и филологического характера, существующие на сегодняшний день, представлены носителями культуры и исследователями как основа тысячелетней традиционной культуры, т.е. без учета произошедшего мусульманского воздействия. В сочетании с архивными материалами и предметами декоративного искусства этнографические источники позволяют выявить группы исламизированных обских угров.

Методологической базой исследования является теория «обедненной жизненной среды», в противоположность понятию «обогащенной жизненной среды», обоснованной психологом Г.Ю. Айзенком (Айзенк, 2005: 460). Народы, живущие в «обогащенной жизненной среде» (например, в Средиземноморье), развиваются в условиях природно-климатического комфорта и тратят значительно меньше жизненного ресурса для своего существования. У них формируется потребность и появляется возможность не только созидать (формировать прогрессивные технологии, архитектурные объекты и высокохудожественные произведения и др.), но и «делиться» созданным с другими народами через миссионерскую деятельность, политические и торговые связи.

Рис. 1. Мусульманские четки из пальцев медведя.
Музей татарской истории и культуры с. Ембаево Тюменской области

В сложнейших природно-климатических условиях «обедненной жизненной среды» наблюдался противоположный процесс: усилия обских угров были направлены на борьбу за выживание, а не на созидание. В этих условиях исторически складывалась витальная дефицитарность, охватывающая подавляющее большинство сфер их жизненного уклада. Обские угры не могли позволить себе тратить жизненные силы на создание тех элементов культуры, которые не были напрямую связаны с выживанием. В результате у них шли процессы социокультурной ассимиляции, когда народ вынужден воспринимать, перерабатывать и включать в свою культуру (ассимилировать) готовые элементы чужих культур, принимая их как свои. Таким образом, в конфессиональном плане у обских угров реализовывался *принцип дополняемости* (Айзенк, 2005: 460), т.к. для восприятия элементов других религий всегда оставалось социокультурное пространство.

Сравнительно-исторический метод исследования позволил выявить наиболее общие черты ислама в различных группах обских угров в исторической ретроспективе; использование *метода актуализации* помогло увидеть возможную опасность для традиционной обско-угорской культуры со стороны современного исламского воздействия.

3. Обсуждение

Рассматриваемая тема пока не стала объектом интереса исследователей: в историографии отсутствуют работы не только по культурно-психологическим аспектам проблемы, но непосредственно по исламизации обских угров. В исследованиях встречается лишь упоминание данного исторического факта без какого-либо детального анализа (Ибрахимов, 1871 и др.). Однако ученым удалось обозначить приблизительный ареал расселения и возможные группы

исламизированных обских угров: это тавдинские манси, вторично принявшие ислам в XVII в. (Павловский, 1907); ханты и манси Туринского уезда (Долгих, 1960: 36), табаринские, тавдинские и отчасти кондинские манси Пелымского уезда (Главацкая, 2009: 102); также предполагается, что наиболее серьезному мусульманскому воздействию подверглись манси, жившие вдоль Туры и Тавды, и ханты бассейна Иртыша и его притоков (Главацкая, 2018). М.Ф. Косарев обращает внимание на наличие иранизмов в обско-угорских языках и трансформацию иранского бога Митры в хантыйского Мир-сусне-хум (Косарев, 1991: 194–195), что подтверждает концепцию культурных заимствований. В целом созданный научный задел позволяет говорить о реальности исторического факта исламизации хантов и манси на Югорском Севере и дает возможность обозначить культурно-психологические аспекты проблемы.

4. Результаты

Принятие обскими уграми ислама было обусловлено двумя факторами.

Прежде всего, шаманизм и ислам имеют ряд общих норм в мировоззренческих системах, что проявляется на разных уровнях культуры. Среди внешних совпадений можно отметить запрет на изображение лиц, геометрическую схожесть орнаментов, основанных на солярных знаках (Бортникова, 2017), культ жертвоприношений и др. Среди внутренних норм наблюдается общность представлений о социальной справедливости, схожесть социально-экономических отношений, отрицающих прибыль за счет банковских процентов (Науменко, 2017), и др. Совпадающие мировоззренческие представления лишь создавали условия для сближения носителей шаманской и мусульманской культур, но основополагающим фактором в восприятии ислама были особенности культурно-исторической психологии обских угров. Ориентация на выживание не позволяла поступательно развивать культуру за счет внутренних ресурсов, и появлялась объективная потребность в заимствованиях, которые также присутствовали на разных уровнях.

Прежде всего появлялись внешние заимствования, не приводящие к заметному проникновению исламского мировоззрения в духовную культуру обских угров: это использование лексики, произведений мусульманского искусства, предметов быта и монет. Примером лексической трансформации является слово «шайтан»: в переводе с арабского شيطان (shayTaан) – «Сатана, дьявол, шайтан» (Кольцова и др., 2015: 35). Шайтанами, но без негативного смысла, обские угры называли своих идолов. Идолопоклонничество – самый тяжкий грех в исламе, и при попытке исламизации одна из важнейших задач миссионеров – сформировать у язычников негативное отношение к идолам. Однако обские угры заимствовали слово «шайтан», вложив в него другой смысл, не имеющий отрицательного оттенка.

Заимствования в сфере материальной культуры были масштабнее. По территории Югры проходил древний караванный путь, который связывал Сибирь с восточными, в том числе мусульманскими, странами. Множество предметов доисламской и исламской восточных культур, найденных на капищах Югры, хранятся в крупнейших музеях мира: в Лувре, Метрополитен-музее, Британском музее и других, а также в коллекциях Эрмитажа – и относятся к его наиболее ценным фондам (Тревер и др., 1987).

Наибольшей популярностью среди хантов и манси пользовались серебряные тарелки (блюда) из Персии, Средней Азии и других регионов Востока, т.к. сюжетным образам на них придавался свой сакральный смысл. В частности, сидящий на троне царь с пышными волосами считался изображением длинноволосого бога Тэк-ики (Библийские цари, 2018). Среднеазиатский сюжет на легендарном нильдинском блюде понимался в шаманской интерпретации так: «Эта серебряная тарелка очень дорога. Очень много богов на ней есть. Тапал-торум на лошади сидит, сын его тоже на лошади сидит. С одной стороны, от него Мир-сусне-хум на лошади сидит, а сбоку от него сын Мир-сусне-хума на лошади сидит. Водяной царь старик посередине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Пятый человек тоже есть – Шахэл-торум, тоже на лошади сидит» (Бауло, 2018). Иногда изображения на блюдах дорисовывались с помощью местных способов гравировки. Например, на нильдинском блюде добавлены фигурки двух лосей (Бауло, 2018).

Два подобных предмета Тобольский губернский музей приобрел в с. Мужы на Ямале в 1897 г. (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4). Это серебряные подносы с арабскими надписями, найденные в бассейне р. Сынской (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.). По описанию музея, «...первое блюдо имеет форму четырехугольного глубокого подноса, по широкой кайме нанесена арабская надпись, означающая в переводе: "Благодать божия и господство да будет над эмиром праведным, венцом народов и светилой царства, Харезмшахом Абу Ибрахимом, преемником повелителя правоверных, да продлит Аллах жизнь его и возвысит власть его!"... На одном конце блюда пробиты два отверстия для привешивания» (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.). Второе блюдо было круглой формы, плоское, «из плохого серебра», диаметром 18 см., с изображением всадника... Изображение лошади сопровождалось богато украшенной сбруей. По мнению специалистов музея, это «работа поздняя и грубая, но по всей вероятности, исполненная... с дурно понятого образца» (ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.).

Действительно, с оригиналов подобных предметов делались копии, которые также использовались для ритуалов. В качестве примера можно привести «двойники» с мансийских

святилищ: хорошо известные исследователям легендарные аниковское и нильдинское блюда с Северной Сосьвы; первое (копия) хранится в Эрмитаже, а второе (оригинал, найденный позднее) – в музее археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. При этом существовала легенда, что одинаковых блюд было семь (Бауло, 2018). Это легко объяснимо, т.к. обские угры их понимали как иллюстрации к сюжетам шаманизма, что объективно требовало копирования и распространения.

Получалось, что культура именно исламских (или будущих исламских) стран во многом формировала эстетические представления обских угров. Отчасти такое заимствование было случайным и обуславливалось этнической принадлежностью купцов и особенностью сюжетных изображений на поступавшей посуде. Но в целом использование предметов восточного декоративно-прикладного искусства объективно создавало базу для ислама, если не для его принятия сразу, то для формирования условий, при которых новая религия не отторгалась, а с учетом «обедненной жизненной среды» принималась как дополняющий фактор.

Проникновение ислама во внутреннее содержание обско-угорской культуры – следующий уровень трансформации верований и изменения культурно-религиозных ориентиров. Вначале это происходило под воздействием миссионеров из Средней Азии и Сибирского ханства, а с конца XVI до начала XX вв. – сибирских татар. Полагаем, что первоначально обские угры воспринимали ислам не для того, чтобы стать мусульманами, а чтобы наполнить свою культуру недостающими и просто более рациональными нормами, переработав их и включив в уже сложившуюся систему мировоззренческих ценностей и традиционных установок.

Наиболее актуальным этот процесс становился при изменении образа жизни, т.к. под влиянием тюрков-мусульман обские угры переходили к земледелию, сдвигая свой ареал расселения в южном направлении. Источники сохранили внешний облик таких хантов (Рис. 2): на литографии Винкельмана (XIX в.) изображены две женщины из обдорских остяков на фоне летнего земледельческого поля и деревенского дома. Одежда и обувь напоминают тюркскую с вкраплениями хантыйских орнаментов. Изображение стоящих рядом старой и молодой женщин отражает культурную преемственность поколений (Творчество народов, 1999: 186).

Рис. 2. Обдорские остяки. XIX в. Литография Винкельмана

В новых, более благоприятных условиях появлялась возможность содержать несколько жен, строить культовые помещения – прообразы мечетей, принимать иные правила социального общежития, которые в конечном итоге меняли конфессиональную и этническую самоидентификацию. Не случайно при вооруженном противостоянии с русскими миссионерами на стороне татар воевали остяки и вогулы, называя себя «басурманами»: в XVIII столетии в Сибири так называли мусульман (Старостин, 2018).

В целом эти элементы культурно-психологического своеобразия определяли детерминанты этнического поведения, ориентировали обских угров на учет и восприятие предельно большого круга явлений окружающей действительности. Получалось, что традиционные нормы, будучи стабильными в более благоприятных природно-климатических условиях, на территории Югры были подвержены изменениям (дополнениям) с гораздо большей скоростью, конечно, с сохранением базовых архаичных представлений, определявших главное содержание северных культур. Если в Тропической Африке для формирования афро-исламской культуры, не сделавшей африканцев мусульманами, а лишь обеспечившей сближение аборигенного и арабского миров, потребовалось около тысячи лет, то на Югорском Севере подобные процессы шли динамичнее. В качестве примера можно привести факт из христианизации, когда всего за 250 лет «неизвестный ранее Нуми-Торум, сидящий на небесах и меняющий погоду» превратился «...в центральную фигуру..., в абсолютное божество, которому, как считают ханты, подчиняются все: люди, животные, духи. Под влиянием христианства он стал стражем мирового порядка» (Кулемзин и др., 1992: 100). Полагаем, что в случае исламизации эти процессы могли проходить еще быстрее в силу благоприятных предпосылок.

Третий уровень религиозной трансформации – это освобождение сибирского ислама от архаичных элементов обско-угорской культуры: кукол-иттерм, идолов, культа медведя и проч. Но в XVIII–XIX вв. данный этап не был пройден не только по причине устойчивости этих представлений, но и в силу государственной политики, ориентированной за их закрепление в сибирском исламе (Bortnikova and al., 2016). Это, в свою очередь, создавало предпосылку для дальнейшего культурного сближения сибирских мусульман и тех групп обских угров, которые ислам не принимали. Но и здесь развитие шло не прямолинейно: даже в современных смешанных браках исследователями замечены случаи обращения мусульман в шаманизм (Еремеева, 2018: 74). Такие факты не являются эксклюзивными: этнографы и раньше приводили примеры, когда сторонниками шаманизма становились не только обычные прихожане, но и священники из православной миссии Тобольско-Тюменской епархии (Косарев, 1991: 196).

5. Заключение

Процесс формирования идентичности обско-угорских народов, рассматриваемый в рамках концепции «объединенной жизненной среды», выявляет интересные и содержательные характеристики их культурно-исторической психологии, способной ассимилировать компоненты других культур. Ислам оказался обским уграм ближе, чем другие привнесенные в Югру монотеистические религии, и в результате слияния с тюркско-мусульманским населением некоторые этнические общности исчезли. Оставшиеся, известные нам как коренные малочисленные народы Севера, не успели испытать регулярное воздействие ислама в силу сложноступенных для миссионеров ареалов обитания, а также политики христианизации и атеизма. Однако в Югре начало XXI в. ознаменовалось новым этапом «мусульманского Ренессанса»¹: из-за масштабных миграционных потоков обские угры опять попадают под влияние ислама. Это может привести к двум процессам, которые уже имели место в истории: во-первых, к постепенной ассимиляции традиционных культур и, во-вторых, к смещению ряда мусульманских представлений у самих мигрантов.

Литература

- Айзенк, 2005 – Айзенк Г. Психология паранормального. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 640 с.
 Бауло, 2018 – Бауло А.В. Легендарное нильдинское блюдо [Электронный ресурс]. URL: <https://scfh.ru/papers/legendarnoe-nildinskoe-blyudo/> (дата обращения: 20.04.2018).
 Библийские цари, 2018 – Библийские цари на хантыйском святилище [Электронный ресурс]. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43457334411/Bibleyskie-tsari-na-hantiyskom-svyatilische> (дата обращения: 20.04.2018).
 Бортникова, 2017 – Бортникова Ю.А. Исламо-угорский синкретизм в оформлении "Грамоты хранителя Юрумской астана" // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017. Т. 11. № 1. С. 147–153.
 ГАТО – Государственный архив Тюменской области.
 Главацкая, 2009 – Главацкая Е.М. Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 2 (23). С. 100–108.
 Главацкая, 2018 – Главацкая Е.М. «... И Сибирскому государству никого повреждения не учинить» (Власть и миссионерство в Северо-Западной Сибири в XVII – XIX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23861/1/iurg-2004-31-07.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

¹ Термин, применяемый к периодам активного распространения мусульманской культуры.

- Долгих, 1960** – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Труды Института этнографии народов Севера. Т. 55. М., 1960. С. 36–46.
- Дранкова, 2000** – Дранкова О.О. Структурно-демографическая характеристика хантыйской семьи в конце XVIII – середине XIX вв. / Народы Севера России. М., 2000. С. 150–155.
- Еремеева, 2018** – Еремеева О.И. Религиозно-нравственное воспитание коренных народов Севера в XX в. / Академическая среда российских университетов. Тюмень: ООО «Международный институт», 2018. С. 66–76.
- Исследователь Севера, 1995** – Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. Тобольск: ТГИАМЗ, 1995. 191 с.
- Исхаков, 2016** – Исхаков Д. Иштыякская общность Приуралья в Средневековье / История татар Западного Приуралья. Т. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.
- Кольцова и др., 2015** – Кольцова Л. М., Эль-Мсафер Х.А. Слова «джинн» и «шайтан» глазами русских и арабов // Вестник Воронежского государственного университета Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 32–36.
- Корусенко, 1998** – Корусенко С.Н. Генеалогические исследования сибирских татар: итоги и перспективы / Сибирские татары. Омск: Омский государственный педагогический университет, 1998. С. 88–90.
- Косарев, 1991** – Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Кулемзин и др., 1992** – Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. 136 с.
- Малашенко и др., 2015** – Малашенко А., Старостин А. Ислам на современном Урале. М.: Московский центр Карнеги, 2015. 29 с.
- Онина, 2010** – Онина С.В. Лексико-семантические группы названий оленя (на материале сынского говора шурышкарского диалекта хантыйского языка) // Урало-алтайские исследования. 2010. № 1 (2). С. 67–78.
- Науменко, 2017** – Науменко Е.Е. Введение денежного обращения у коренных народов Югорского Севера: опыт Екатерины II // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 107–120.
- Павловский, 1907** – Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография Импер. Ун-та, 1907. 229 с.
- Старостин, 2018** – Старостин А.Н. Ханты и манси тоже когда-то были мусульманами / Исламский официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam.ru/content/history/30976> (дата обращения: 24.04.2018).
- Сподина, 2011** – Сподина В.И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов Севера: этнические категории нравственности // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 12 (227). Вып. 45. С. 5–9.
- Творчество народов, 1999** – Творчество народов Тюменской области. М.: Советский спорт, 1999. 256 с.
- Тревер и др., 1987** – Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро: Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1987. 240 с.
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A. Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region) // Bylye Gody. 2016. № 40 (2). pp. 356–362.
- Ибрахимов, 1871** – Ибрахимов Г. Дэүре Галәм, 1871. / Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p.

References

- Ajzenk, 2005** – Ajzenk G. (2005). Psikhologiya paranormal'nogo [Psychology of the paranormal]. M.: Eksmo, 2005. 640 p. [in Russian]
- Baulo, 2018** – Baulo A.V. (2018). Legendarnoe Nil'dinskoe blyudo [The Legendary During the dish]. [Electronic resource]. URL: <https://scfh.ru/papers/legendarnoe-nildinskoe-blyudo/> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Biblejskie tsari** – Biblejskie tsari na khantyjskom svyatilishe [Biblical kings at the Khanty sanctuary]. [Electronic resource]. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43457334411/Biblejskie-tsari-na-hantyjskom-svyatilishe> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Bortnikova et al., 2016** – Bortnikova Yu.A., Naumenko O.N., Naumenko E.A. (2016). Regulation of Islamic Art in Confessional Policy of Catherine II (on Materials of the Tyumen region). *Bylye Gody*. № 40 (2). pp. 356–362.
- Bortnikova, 2017** – Bortnikova Yu.A. (2017). Islamo-ugorskij sinkretizm v oformlenii "Gramoty hranitelya YUrumskoj astana" [Islam-Ugric syncretism in the design of the "Letters of the guardian of the Yurum Astana"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. Т. 11. № 1. pp. 147–153. [in Russian]
- Dolgikh, 1960** – Dolgikh B.O. (1960). Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Patrimonial and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. *Trudy Instituta etnografii narodov Severa*. Т. 55. М. pp. 36–46. [in Russian]

- Drankova, 2000** – *Drankova O.O.* (2000). Strukturno-demograficheskaya kharakteristika khantyjskoj sem'i v kontse XVIII – ceredine XIX v. [Structural and demographic characteristics of the Khanty family in the late XVIII–mid XIX century]. *Narody Severa Rossii*. M. pp. 150–155. [in Russian]
- Eremeeva, 2018** – *Eremeeva O.I.* (2018). Religiozno-nravstvennoe vospitanie korennyh narodov Severa v XX v. [Religious and moral education of the indigenous peoples of the North in the XX century]. *Academic environment of Russian universities*. Tyumen': OOO «Mezhdunarodnyi institut. pp. 66–76. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [The Public Archive of the Tyumen region]. [in Russian]
- Glavatskaya, 2009** – *Glavatskaya E.M.* (2009). Pravoslavnaya kolonizatsiya i izmenenie religioznogo landshafta Urala v XVIII v. [Orthodox colonization and changing religious landscape of the Urals in the XVIII century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. № 2 (23). pp. 100–108. [in Russian]
- Glavatskaya, 2018** – *Glavatskaya E.M.* (2018). «... I Sibirskomu gosudarstvu nikogo povrezhdeniya ne uchinit'» ["... And the Siberian state anyone not damage you inflict"]. [Electronic resource]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23861/1/iurg-2004-31-07.pdf> (date of the address: 20.04.2018). [in Russian]
- Iskhakov, 2016** – *Iskhakov D.* (2016). Ishtyaksкая obshchnost Priuralya v Srednevekovje [Ishtyak community of the Urals in the middle Ages]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*. T. 1. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. pp. 278–295. [in Russian]
- Issledovatel' Severa, 1995** – Issledovatel' Severa Aleksandr Dunin-Gorkavich. [North Explorer Aleksander Dunin-Gorkavich]. Tobolsk: THIES, 1995. 191 p. [in Russian]
- Koltsova i dr., 2015** – *Koltsova L.M., El-Msafer H.A.* (2015). Slova «dzhinn» i «shajtan» glazami russkikh i arabov [The Words "Jinn" and "Satan" in the eyes of Russian and Arabs]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. № 2. pp. 32–36. [in Russian]
- Korusenko, 1998** – *Korusenko S.N.* (1998). Genealogicheskie issledovaniya sibirskikh tatar: itogi i perspektivy. [Genealogical research of Siberian Tatars: results and prospects]. *Sibirskie tatary*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. pp. 88–90. [in Russian]
- Kosarev, 1991** – *Kosarev M.F.* (1991). Drevnyaya istoriya Zapadnoj Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda [The Ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. M.: Nauka. 302 p. [in Russian]
- Kulemzin i dr., 1992** – *Kulemzin V.M., Lukina N.V.* (1992). Znakom'tes': Khanty [Meet the hunts]. Novosibirsk: VO «Nauka». 136 p. [in Russian]
- Malashenko i dr., 2015** – *Malashenko A., Starostin A.* (2015). Islam na sovremennom Urale [Islam in the modern Urals]. M.: Moskovskii tsentr Karnegi. 29 p. [in Russian]
- Naumenko, 2017** – *Naumenko E.E.* (2017). Vvedenie denezhnogo obrascheniya u korennykh narodov Yugorskogo Severa: opyt Ekateriny II [Introduction of money circulation among the indigenous peoples of the Yugra North: the experience of Catherine II]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. T. 11. № 2. pp. 107–120. [in Russian]
- Onina, 2010** – *Onina S.V.* (2010). Leksiko-semanticheskie gruppy nazvaniy olenya (na materiale synskogo govora shuryshkarskogo dialekta khantyyskogo yazyka) [Lexico-semantic group of the names of the reindeer (on the material of sunskogo dialect Shuryshkarsky dialect of the Khanty language)]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. № 1 (2). pp. 67–78. [in Russian]
- Pavlovskij, 1907** – *Pavlovskij V.* (1907). Voguly [Voguly]. Kazan': Tipo-litografiya Imper. Un-ta. 229 p. [in Russian]
- Spodina, 2011** – *Spodina V.I.* (2011). Mnogozhenstvo kak forma brachnykh obychaev korennykh narodov Severa: ehtnicheskie kategorii нравственности [Polygamy as a form of marriage customs of indigenous peoples of the North: ethnic categories of morality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. № 12 (227). Vyp. 45. pp. 5–9. [in Russian]
- Starostin, 2018** – *Starostin A.N.* (2018). Khanty i mansi tozhe kogda-to byli musul'manami [Khanty and Mansi too was once a Muslim]. [Electronic resource]. URL: <http://www.islam.ru/content/history/30976> (date of the address: 24.04.2018). [in Russian]
- Trever i dr., 1987** – *Trever K.V., Lukonin V.G.* (1987). Sasanidskoe serebro: Sbornik Gosudarstvennogo Ehrmitazha. [Sasanian silver: collection of the state Hermitage]. M.: Iskusstvo. 240 p. [in Russian]
- Tvorchestvo narodov, 1999** – *Tvorchestvo narodov Tyumenskoi oblasti* [Creativity of the peoples of the Tyumen region]. M.: Sovetskii sport, 1999. 256 p. [in Russian]
- Ибрахимов, 1871** – *Ибрахимов Г.* Дәүре Галәм. [East Star], 1871. Китапны басмага әзерләде Ф. Әхмәтова-Урманче. Мөхәррир Б. Агишев. Төмән, 2007. 206 p. [in Tatar]

Обские угры-мусульмане: историко-психологические факторы проникновения ислама в традиционную культуру

Ольга Николаевна Науменко ^{a, *}, Евгений Александр Науменко ^b

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена процессу проникновения ислама в жизнь обских угров с точки зрения их культурно-исторической психологии. Авторы опираются на теорию «обедненной жизненной среды», доказывая, что в сложнейших климатических условиях человеческий ресурс обских угров тратился исключительно на выживание, и это не позволяло им динамично развивать уже существующие элементы культуры и создавать новые в соответствии с уровнем своих духовных потребностей. Развитие шло по «принципу дополняемости», когда компоненты других культур заимствовались, ассимилировались и принимались как свои. Авторы считают, что одной из таких важнейших культур-доноров стал ислам по причине совпадения ряда мировоззренческих установок с обско-угорской культурой и активной миссионерской деятельностью средневековых мусульманских государств. В XVII – начале XX вв. процесс распространения ислама продолжился через контакты обских угров с сибирскими татарами, в том числе через заключение браков. В условиях христианизации XVIII – XIX вв. черты магометанства в культуре исламизированных групп обских угров начали затухать, но частично сохранились до настоящего времени. Однако многовековое влияние мусульман оказалось настолько сильным, что некоторые группы обских угров исчезли, слившись с тюркским населением региона. Авторы проецируют исторический опыт на современную ситуацию, обращая внимание на многочисленные факты заключения браков хантов и манси с мусульманами, которые мигрируют в Югру из стран СНГ и стремятся закрепиться на новом месте, используя социальную защиту и систему льгот, предусмотренную семьям коренных малочисленных народов Севера. Это содействует процессам этнической ассимиляции и создает угрозу обско-угорской культуре и идентичности.

Ключевые слова: ислам, обские угры, традиционная культура, иштяки, остяки, вогулы, сибирские татары, историческая психология, шаманизм, язычество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 940-948. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.940
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The War as “Challenge” of Socio-demographic Modernization in Russia during the 18th – the early 20th century

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

Socio-demographic processes in Russia during the 18th – the early 20th century is analyzed in the paper. Modernization type of the Russian society in that period is defined as catching up, mobilization one encouraged by “challenges” of the West which consequently had a wave character. The main idea of the article is that war conflicts of the Russian State with the West civilization countries were one of basic factors which stimulated the development of the Russian society’s socio-demographic modernization development. In this case main parameters of wars were the scale of war actions and their results for the Russian side. It is proved that Russian people’s socio-demographic transition from the traditional society to the modern one was quite evident only in the middle of the 19th century. There were only requisites for socio-demographic modernization before that period. It was concluded that the Crimean war and the First World War had the great influence on the Russian society during those processes because those war conflicts had wide geographical scale of war actions and negative results for the Russian State. The Great War of 1914-1918 was such serious “challenge” to the Russian (Slavonic) civilization that socio-demographic modernization took the divergent way which was different from tendencies of the Late Empire period.

Keywords: Russian empire, socio-demographic modernization, war, “challenge”, West, civilization, linear modernization, multilinear modernization.

1. Введение

За более чем полувековой период своего существования теория модернизации прошла извилистый путь: за этапом высокой степени популярности в 50–60-е гг. прошлого столетия (момент зарождения модернизационного дискурса) последовал спад ее привлекательности в рамках исторической эпистемологии, затем наметился подъем актуальности, пришедший на завершающий период XX века, который сменился волной острой критики ее основных положений в начале нынешнего столетия (Побережников, 2014: 133–143). Во многом такой волновой характер развития определялся политической ангажированностью модернизационной парадигмы: условиями холодной войны; безуспешными попытками реализовать ее как стратегию государственного развития в странах «третьего мира»; методологическим вакуумом, возникшим в отечественной исторической науке на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия; разработкой стратегии развития РФ в начале XXI века и др.

Однако и значение самого термина «модернизация» в ходе его теоретического обоснования претерпело немало перемен. Их суть свелась к преодолению однообразного толкования исторических процессов как перехода от традиционного общества к современному, к плюралистическому пониманию их протекания, поскольку и само понятие «современное общество», ассоциировавшееся в классической трактовке с индустриальным Западом, в современных интерпретациях обладает мультилинейным характером (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016: 100–101; Sztompka, 2015: 26–27). Особую актуальность эта эволюция приобрела в отечественной историографии. Дискуссии,

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

ведущиеся по этому поводу, порождают поливариантность оценок эвристического потенциала теории модернизации: от отрицательных (Капустин, 2001; Булдаков, 2016) и скептических (Буховец, 2016: 48) до положительных (Миронов, 2015с: 671–672; Побережников, 2017: 36–46; Федотова, 2016: 118). Во многом такая поляризация связана с различными результатами применимости модернизационного дискурса к историческим процессам XVIII – начала XX вв. и современному развитию Российской Федерации.

2. Материалы и методы

На наш взгляд, обозначенная проблема может быть решена следующим образом:

1. Линейная модернизация (переход от традиционного общества к современному) имела место в истории, в первую очередь в Российской империи, а также в Советском государстве до середины прошлого столетия.

2. Мультилинейная модернизация вполне обоснована для интерпретации процессов в более позднее время.

Тип модернизационного развития, присущий Российскому государству в XVIII – начале XX вв., определяется нами как *догоняющий, мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада*, потому чаще всего *волновой*. *Догоняющая* модернизация характеризуется тем, что Россия вступила на путь модернизационного развития позже, чем Англия и скандинавские страны, в которых соответствующие изменения произошли впервые. *Мобилизация* в данном случае понимается как сверхусилия общества догоняющего типа, необходимые и обусловленные действиями управленческих элит для достижения уровня уже модернизированных стран. *Обусловленность «вызовами» Запада* определяется тем, что он как уже прошедший модернизационные преобразования и во многом сформировавший основы современного/индустриального общества толкал остальные страны, в том числе и Россию, по тому же пути развития. Одним из главных средств, использовавшихся Западом для этих целей, стали войны. В данном случае, пользуясь терминологией А.Дж. Тойнби, войны следует рассматривать как «вызовы» западной цивилизации к российской (славянской), «ответами» на которые и стали модернизационные преобразования в Российской империи, а также в Советском государстве первой половины XX века. *Волновой* характер детерминируется различной степенью интенсивности модернизационных процессов, что во многом связано с наличием периодов, характеризующихся относительно быстрыми темпами модернизационных процессов, а также этапов с их достаточно существенным замедлением. Обозначенная интенсивность во многом зависела от особенностей войн, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации. Если боевые действия приобретали континентальный или мировой масштаб, а их результативность была отрицательной для российской стороны, то темпы модернизационных преобразований стремились к своему максимуму, но если военные конфликты носили локальный характер, а их итоги являлись победными для России, то модернизационный импульс не обладал большой значимостью.

3. Обсуждение

Для начала определимся с понятием социальная модернизация. Одним из наиболее известных исследователей данного феномена является Б.Н. Миронов. Он характеризует переход от традиционного общества к современному в социальном плане следующим образом: «В целом в императорской России происходила социальная модернизация. Во-первых, люди приобретали личные и гражданские права; человек становился автономным от коллектива – будь то семья, община или другая корпорация – и самодостаточным, приобретая ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей. Во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей. В-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость и самодостаточность, все больше включались в большое общество и систему государственного управления. В-четвертых, отдельные социальные группы и корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления. В-пятых, по мере постепенного признания субъективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления – государство становилось правовым. Словом, *суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в том, что происходило зарождение и развитие личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. В ходе ее городские и сельские обыватели в юридическом, социальном и политическом отношениях превращались в граждан» (Миронов, 2015с: 600). На наш взгляд, в приведенной цитате присутствует широкая трактовка термина «социальная модернизация». Следует согласиться с тем, что главными особенностями перехода от традиционного общества к современному в социальном плане были складывание индивидуализма, который состоял, в первую очередь, в отрицании коллективистских начал, заложенных общинными порядками и долгим господством составной патриархальной семьи; малая демократическая семья, которая формировалась в ходе демографической модернизации. Такие

признаки, как гражданское общество и правовое государство, более относятся к политическим процессам, нежели к социальным.

Достаточно детально основы демографической модернизации были освещены в следующих монографиях: «Демографическая модернизация России, 1900–2000» ([Демографическая модернизация, 2006](#)) и «Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ» ([Бим-Бад, Гавров, 2010](#)). В первой отмечалось, что в ходе демографической модернизации менялось «...поведение людей в самых интимных областях человеческого бытия, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти», требовался «пересмотр ценностей моральных норм, всего мировосприятия». При этом трансформации «охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь». Сам демографический переход трактуется авторами как «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» ([Демографическая модернизация, 2006: 9](#)).

Во второй работе особенностями демографической модернизации выступали «формирование современной нуклеарной семьи, состоящей из двух поколений (родители и дети)» ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 10–11](#)), а также рост индивидуализации личности, так как последняя при ощутимой поддержке государства взяла на себя «основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья» ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 76–77](#)). Это привело к меньшей зависимости человека от семьи ([Бим-Бад, Гавров, 2010: 77](#)), что фактически повлияло на формирование такой современной реалии, как кризис семьи.

4. Результаты

С опорой на уже высказанные выше точки зрения относительно сущности социально-демографической модернизации можно заключить, что ее главными признаками являются рост социальной дифференциации; повышение уровня социальной мобильности (в первую очередь, за счет урбанизации); формирование индивидуалистического варианта деятельности человека; охват системой образования преобладающей части населения; переход от патриархальной составной семьи с традиционной моделью демографического поведения к нуклеарной паритетной семье с современной моделью.

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько соответствующие процессы в России XVIII – начала XX века отвечали этим особенностям с учетом характеристик догоняющего типа модернизации.

На наш взгляд, первые подвижки модернизационного типа вызвала Северная война. По своим особенностям этот военный конфликт следует охарактеризовать как локальный, а его итоги ознаменовались одной из самых громких побед в российской истории, потому модернизационный импульс этой войны не должен отличаться высокой степенью влияния на социально-демографические процессы.

Основным аргументом, подтверждающим высказанный тезис, является наличие в России первой четверти XVIII века крепостного права, которое было самым серьезным сдерживающим моментом для роста социальной дифференциации и социальной мобильности. Сама победа в войне со Швецией диктовала необходимость полного подчинения общества государственным интересам. Тем не менее подвижки в социальной сфере все-таки наметились. В доказательство следует привести информацию о 53 наборах в регулярную армию и флот, имевших место с 1699 по 1725 гг. и давших более 284 тыс. рекрутов ([Боханов, Горинев](#)). Определенным подтверждением является и введение в 1722 г. «Табели о рангах», когда представители податных сословий могли претендовать на получение потомственного дворянства, достигнув 14-го класса в военных чинах и 8-го класса в гражданских, а личного – дойдя до 14-го класса в гражданских чинах. Явным итогом этого преобразования стало увеличение дворянства за период 1678–1719 гг. на 146 тыс. человек, которое Б.Н. Миронов связывает, в первую очередь, с «Табелью о рангах» ([Миронов, 2015а: 443](#)). Однако приведенные цифры нельзя считать существенными, учитывая общую численность русского населения в 15,5 млн. человек (с учетом Сибири, Прибалтики и Украины) ([Павленко, 1994: 487](#)).

Одним из направлений реформ Петра I является и развитие системы образования, но здесь следует учесть, что данные преобразования коснулись преимущественно дворянства и высших городских слоев. Большая часть населения России оказалась за бортом этих реформ.

Общинный образ жизни крестьянства, патриархальная составная семья с традиционной моделью поведения, доминировавшая среди большинства сословий россиян, свидетельствуют об отсутствии существенных изменений в демографическом плане. Следует заметить, что такая ситуация будет характерной для русского общества вплоть до второй трети XIX века, когда в России проявились первые признаки демографической модернизации ([Демографическая модернизация, 2006: 14–61](#); [Миронов, 2015а: 623–625](#)), потому, избегая дальнейших повторений, будем считать этот тезис верным для российского социума XVIII – первой половины XIX столетий.

Мало изменилась ситуация в XVIII веке и при непосредственных преемниках Петра I. Северная война не имела аналогов по своей значимости для Российского государства вплоть до наполеоновских войн: две русско-шведские войны (1741–1743 и 1787–1791 гг.) были локальными и закончились

относительно легкими победами для Российской империи. В Семилетней войне, хоть и приобретшей континентальный характер, Россия не была главной участницей, да и весь победоносный ход боевых действий не предполагал необходимости для серьезных преобразований. Военные конфликты с немодернизированными странами, например с Турцией, в данном случае не стоит учитывать. Исходя из этих рассуждений, следует предположить, что ход модернизационных преобразований должен был замедлиться.

Практически все правители России, вплоть до конца XVIII века, за исключением двух внуков Петра I, демонстрировали свое желание продолжить его реформы, потому и их деятельность можно расценивать как обусловленную, пусть и относительно, Северной войной. Историки говорят об определенной коррекции движения петровских изменений. Это было связано с теми реалиями времени, с которыми были вынуждены столкнуться преемники первого российского императора, и с противоречиями созданной им системы, но «... реформы Петра в основе своей были необратимы, и необратимы именно потому, что в целом соответствовали естественному направлению развития страны» (Каменский, 2001: 212–213, 291).

Крепостное право, определявшее социальный климат в Российской империи XVIII века, характеризовалось укреплением своих позиций в отношении крестьянства. Об этом свидетельствуют новый регламент Камер-коллегии от 23 июня 1731 г., а также указы 1736, 1760 и 1765 гг. Данные документы в целом усиливали власть помещиков над крестьянами (Ключевский, 1989а: 290, 295). Однако Манифест о вольности дворянской 1762 г. и издание Екатериной II Жалованных грамот дворянству и городам в 1785 г. следует трактовать, учитывая теорию «закрепощения сословий», как финальную точку в существовании крепостного права для дворян и горожан.

Губернская реформа, проведенная в 1775 г., в целом привела к увеличению численности городского населения с 617 тыс. в 1762 г. до 1482 тыс. человек в 1795 г. (Миронов, 2015а: 444–447). Однако процесс урбанизации здесь был обусловлен не столько переселением деревенских жителей в города для пополнения числа работников на вновь образовывавшихся мануфактурах, сколько административными мерами.

Учитывая все вышесказанное, необходимо заключить, что процессы социально-демографической модернизации в XVIII веке имели очень слабое развитие. Во многом это объясняется относительно небольшим воздействием Северной войны из-за ее локальности и положительных итогов для Российской империи. Скорее, все изменения социально-демографического характера следует трактовать как подготовительные меры или предпосылки для модернизационных процессов соответствующей направленности.

Начало XIX столетия ознаменовалось для Российской империи участием в антифранцузских коалициях, русско-шведской войной 1808–1809 гг., Отечественной войной 1812 г. и Заграничным походом русской армии 1813–1814 гг. Наибольшее значение в данном случае имели две последние военные кампании, которые определялись континентальным характером, однако закончились победным исходом для Российского государства. Эти особенности дают основание утверждать, что модернизационным процессам первой половины XIX века не должны быть присущи максимальные темпы развития.

Здесь следует заметить, что для русской модернизации был свойственен асинхронный характер (Красильщиков, 1993: 46), который объясняется неравномерным вступлением различных сфер жизнедеятельности общества на модернизационный путь. Первой в данном тренде оказалась экономика, в которой в 30–40-е гг. XIX века начался промышленный переворот, ставший явным проявлением модернизации России (Миронов, 2017: 16–17). Нельзя сказать, что наполеоновские войны явились главным фактором, обусловившим переход российской экономической сферы от мануфактурного производства к фабрично-заводскому, но определенную, и даже существенную, роль они в данном случае сыграли: необходимость обеспечения армии вооружением и обмундированием, а также восстановления сельскохозяйственного и промышленного производства после 1812 г. имела в указанном случае немаловажное значение. Тем не менее победный исход этой военной кампании для России помешал началу модернизации остальных сфер общества, в том числе и социально-демографической.

Как и предыдущий период, первая половина XIX века детерминировалась гегемонией крепостного права в социальных отношениях. Однако, уступая народным чаяниям на крестьянскую реформу, сложившимся в ходе Отечественной войны 1812 г., и учитывая распространение либеральных настроений среди офицерства, участвовавшего в Заграничном походе русской армии, Александр I идет на отмену крепостного права в Прибалтике 1816–1819 гг. Этими же причинами была обусловлена и интенсивная проектная деятельность по решению крестьянского вопроса в целом на территории Российской империи. Но итоговая победа России в наполеоновских войнах ни к каким существенным изменениям в данном направлении не привела (Ключевский, 1989б: 211–214). Аналогичную оценку следует дать и реформе государственной деревни П. Киселева, начатой в 1837 г., а также указу об обязанных крестьянах 1842 г.

Уровень социальной мобильности и урбанизации в первой половине XIX века повысился, однако их темпы были очень низкими. Об этом свидетельствует увеличение доли «новых дворян», которые приобрели свой новый статус благодаря службе – до 59 % в общей численности высшего

сословия (Миронов, 2015а: 449). Число горожан также увеличилось с 1482 тыс. человек в 1795 г. до 4300 тыс. в 1858 г.: в долевого отношении к общему количеству населения Российской империи – с 4,2 % до 7,3 % соответственно (Миронов, 2015а: 444–445). Причинами обозначенной тенденции были привилегированное положение горожан согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. и, конечно, рост промышленного производства в этот период.

В целом, следует констатировать, что социально-демографическая модернизация России до середины XIX века как таковая отсутствовала, хотя предпосылки перехода от традиционного общества к современному в данном направлении появились.

Несмотря на то, что Крымскую войну еще иногда называют русско-турецкой войной 1853–1856 гг., этот конфликт получил не локальный, а региональный резонанс, поскольку помимо Османской империи в качестве соперников России выступали Великобритания и Франция, успехи которых в модернизационном плане к середине XIX века были весьма ощутимыми. Поражение российской стороны по итогам боевых действий привело к весьма существенному реформаторскому процессу, заложившему начало социальной модернизации российского социума. По поводу того, что Крымская война стала одной из главных причин отмены крепостного права, среди дореволюционных, советских и современных российских историков царит редкое единодушие (Корнилов, 1993: 192–193; Миронов, 2015b: 112; Тимошина, 2001: 129). При этом крестьянская реформа запустила цепную реакцию, заложив основы для земской и городской реформ, а также реформы среднего и начального образования. В совокупности эти преобразования существенным образом стали менять внешний облик российского общества: возросла степень социальной мобильности, когда доля городского населения за период 1856–1914 гг. выросла на 6,3 % (Миронов, 2015а: 841–843). Этот результат следует признать относительно скромным, что во многом объясняется условиями проведения реформы по отмене крепостного права: временнообязанное состояние крестьян в течение первых 9 лет, консервация крестьянской общины через взимание подушной подати по принципу круговой поруки, наличие паспортной системы и т.д. (Корнилов, 1993: 224–225).

Существенно в этот период возросла грамотность населения. По данным Б.Н. Миронова, соответствующее распространение образования присутствовало только среди дворянства и духовенства. Доля грамотных крестьян старше 9 лет за 60 лет пореформенного периода возросла среди мужчин до 54 %, среди женщин – 26 % (Миронов, 2015а: 751). Это объясняется результатами реформы начального и среднего образования, однако уровень грамотности даже при таких показателях был далек от необходимого значения.

В данный период, по мнению Б.Н. Миронова, стали более явно проявляться признаки демографического перехода, который «растянулся в России на несколько десятилетий и закончился в Европейской России только в 1950-е гг., когда окончательно завершился переход от традиционного к рациональному, или современному, типу воспроизводства населения» (Миронов, 2015а: 624–625). Но основные характеристики, присущие для традиционного общества, преобладали в русской семье вплоть до конца XIX века (Миронов, 2015а: 752–761).

Следующим военным конфликтом, давшим толчок к продолжению социально-демографической модернизации, стала русско-японская война 1904–1905 гг. Япония начала XX века встретила благодаря «реставрации Мэйдзи» уже модернизированным государством, потому военный конфликт с ней стал для России очередным «вызовом» к проведению соответствующих реформ. Указанная война определялась в большей степени локальностью, однако поражение Российской империи сыграло свою роль и стало одной из причин Первой русской революции. Нельзя сказать, что аграрные реформы П.А. Столыпина имели прямую обусловленность отрицательным итогом русско-японской войны, однако свою и даже не последнюю роль военный фактор в данном случае сыграл.

Одной из задач П.А. Столыпина стала ликвидация корпоративного вида крепостного права, проявлявшегося в сохранении крестьянской общины. Это преобразование в определенном смысле следует расценивать как преемственное с крестьянской реформой 1861 г. Однако результаты столыпинских начинаний оцениваются как более чем скромные (История России, 2006: 154).

В череде перечисленных выше военных конфликтов Первая мировая война имеет особую значимость при оценке ее влияния на модернизационные процессы. Сама за себя говорит характеристика боевых действий, которые приобрели самый масштабный характер, включив в свою орбиту небывалое до этого число участников. Но неопределенность текущих результатов для России, которая испытала в 1914–1918 гг. и достаточно серьезные успехи (явными проявлениями могут считаться Галицийская битва и Брусиловский прорыв), и масштабные неудачи (к примеру, Великое отступление русской армии в 1915 г.), вызвала громадные усилия Российской империи с целью изменить ситуацию в свою пользу. Однако условия договора в Брест-Литовске, пусть зависящие, в первую очередь, от идеологических установок, не оставляют сомнений в отрицательных итогах указанного военного конфликта для российской стороны.

Большую дискуссию среди историков вызывает непосредственная детерминированность революционных процессов в России 1917 г. Первой мировой войной, но прочная взаимосвязь Великой войны 1914–1918 гг. с Февральской и Октябрьской революциями не отрицается. Чаще всего этот конфликт трактуется как катализатор революционных событий (Россия и Первая мировая война,

1999: 531–557), что вполне коррелирует с нашей интерпретацией войн в качестве «вызова» модернизационных процессов, в частности социально-демографических. Итогом этих событий стало построение основ Советского государства, что было связано с коренными изменениями российского социума.

Советский вариант модернизации, хоть и осуществлялся быстрыми темпами и в относительно короткие сроки, но все-таки отклонил модернизационные процессы от траектории, наметившейся в дореволюционной России. Вторую мировую войну подчас нередко оценивают как логическое продолжение Первой (Дьячков, Протасов, 2000: 28), и во многом социально-демографические трансформации, начавшиеся в СССР в межвоенный период, получили свое логическое завершение в послевоенное время: традиционный тип семьи уходил в прошлое, поскольку еще больше выросла роль женщин в народном хозяйстве; грамотность населения стала всеобщей; урбанизация к 1975 г. достигла такого уровня, что городское население вдвое преобладало над сельским (Население России, 1998: 32–33); формирование индивидуалистической модели поведения по-прежнему встречало идеологическое препону.

Но здесь следует учесть мысль о том, что и сама западная цивилизация не стояла на месте весь этот период. Первая мировая война в известном смысле стала зримым свидетельством исчерпаемости внутренних возможностей для развития индустриального общества как конечной цели модернизации. Потому для современной России продолжение движения по модернизационному пути может привести к модели, созданной на Западе к концу XIX века, т.е. к образцам и стандартам жизни более чем столетней давности. Исходя из этих рассуждений, Вторую мировую войну с большим трудом можно признать «вызовом» модернизационных процессов в России, но уже холодную войну подобным образом трактовать не представляется возможным.

5. Заключение

Таким образом, процессы социально-демографической модернизации в XVIII – начале XX вв. в качестве «вызовов» имели войны, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации, уже достигшими определенных успехов на пути модернизационных преобразований. Немаловажную роль играли в этом случае такие параметры боевых действий, как масштабность и результативность для российской стороны. Северная война заложила лишь предпосылки для изменений русского общества на пути социально-демографических изменений, поскольку боевые действия определялись локальностью и закончились победой России. Наибольшее влияние на российский социум в социально-демографическом плане оказали Крымская и Первая мировая войны, поскольку характеризовались масштабными географическими рамками и закончились поражениями для российской стороны. Именно вторую половину XIX века необходимо считать началом социально-демографической модернизации в полном смысле этого слова, но советские преобразования отклонили модернизацию с ее классического пути, что во многом следует трактовать как сопротивление российской цивилизации «вызовам» Запада.

Литература

- Бим-Бад, Гавров, 2010 – Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. М., 2010. 352 с.
- Боханов, Горинов – Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/15.php (дата обращения: 06.01.2018).
- Булдаков, 2016 – Булдаков В.П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2016. № 4. С. 76–96.
- Буховец, 2016 – Буховец О. Г. «Государство-партия» в современной России // *Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сборник научных статей и материалов круглых столов* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2016. С. 34–51.
- Демографическая модернизация, 2006 – Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- Дьячков, Протасов, 2000 – Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великие войны XX века и российская государственность // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2000. №3 (19). С. 28–34.
- История России, 2006 – История России XX – начала XXI века. А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронков / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006. 960 с.
- Каменский, 2001 – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.
- Капустин, 2001 – Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 6/26.

- Ключевский, 1989a – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. 398 с.
- Ключевский, 1989b – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. 476 с.
- Корнилов, 1993 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. 446 с.
- Красильщиков, 1993 – Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 40/56.
- Миронов, 2015a – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. Т. 1. СПб., 2015. 896 с.
- Миронов, 2015b – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. Т. 2. СПб., 2015. 912 с.
- Миронов, 2015c – Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 3. СПб., 2015. 992 с.
- Миронов, 2017 – Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 16–24.
- Население России, 1998 – Население России за 100 лет (1897 В 1997): Стат. сб. М., 1998. 222 с.
- Павленко, 1994 – Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. 595 с.
- Побережников, 2017 – Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 36–46.
- Побережников, 2014 – Побережников И.В. Теории модернизации // *Теория и методология истории: Учебник для вузов* / Отв. редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 133–152.
- Россия и Первая мировая война, 1999 – Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. 564 с.
- Тимошина, 2001 – Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2001. 432 с.
- Федотова, 2016 – Федотова В.Г. Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.
- Eisenstadt, 2000 – Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus: Winter*. Vol. 129. №1. pp. 1-29.
- Huntington, 2016 – Huntington S. P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY: St. Martin's Press, 2016. pp. 99-118.
- Sztompka, 2015 – Sztompka, P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co, 2015. Pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.

References

- Bim-Bad, Gavrov, 2010 – Bim-Bad B.M., Gavrov S.N. (2010). Modernizatsiya instituta sem'i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya [Modernization of the family: sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis: Monograph]. M. 352 p. [in Russian]
- Bokhanov, Gorinov – Bokhanov A.N., Gorinov M.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX veka [The History of Russia from the ancient times till the late XX century]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/15.php (accessed 06.01.2018). [in Russian]
- Bukhovets, 2016 – Bukhovets O.G. (2016). «Gosudarstvo-partiya» v sovremennoi Rossii [“The State-Party” in modern Russia]. *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov*. Pod red. P. P. Marchenya, S.Yu. Razina. M. pp. 34-51. [in Russian]
- Buldakov, 2016 – Buldakov V.P. (2016). Modernizatsiya v Rossii: giri na nogakh progressa [Modernization in Russia: The weights on the feet of progress]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. No 4. pp. 76-96. [in Russian]
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006 – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000]. Pod red. A.G. Vishnevskogo. M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian]
- D'yachkov, Protasov, 2000 – D'yachkov V.L., Protasov L.G. (2000). Velikie voyny XX veka i rossiiskaya gosudarstvennost' [Great wars of XX century and the Russian State system]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No 3 (19). pp. 28-34. [in Russian]
- Eisenstadt, 2001 – Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus: Winter*. Vol. 129. No. 1. pp. 1-29.
- Fedotova, 2016 – Fedotova V.G. (2016). Modernizatsiya i kul'tura [Modernization and culture]. M.: Progress-Traditsiya. 336 p. [in Russian]
- Huntington, 2016 – Huntington S.P. (2016). The clash of civilizations? Culture and Politics: A Reader. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY: St. Martin's Press. pp. 99-118.

- Istoriya Rossii, 2006** – Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka [The History of Russia of XX – early XXI century]. A.S. Barsenkov, A.I. Vdovin, S.V. Voronkov. Pod red. L.V. Milova. M., 2006. 960 p. [in Russian]
- Kamenskii, 2001** – Kamenskii A.B. (2001). Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of XVIII century (methods of integral analysis)]. M. 575 p. [in Russian]
- Kapustin, 2001** – Kapustin B.G. (2001). Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletia) [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. No. 4. pp. 6-26. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989a** – Klyuchevskii V.O. (1989). Sochineniya [Works]. In 9 vol. Vol. 4. Kurs russkoi istorii. Part 4. M. 398 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989b** – Klyuchevskii V.O. (1989). Sochineniya [Works]. In 9 vol. Vol. 5. Kurs russkoi istorii. Part 5. M. 476 p. [in Russian]
- Kornilov, 1993** – Kornilov A.A. (1993). Kurs istorii Rossii XIX veka [The Course of the Russian History of XIX century]. M. 446 p. [in Russian]
- Krasil'shchikov, 1993** – Krasil'shchikov V.A. (1993). Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka [Modernization in Russia at the turn of the 21st century]. *Voprosy filosofii*. No 7. pp. 40-56 [in Russian]
- Mironov, 2015a** – Mironov B.N. (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 1. Saint Petersburg. 896 p. [in Russian]
- Mironov, 2015b** – Mironov B.N. (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 2. SPb. 912 p. [in Russian]
- Mironov, 2015c** – Mironov B.N. (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 3. Saint Petersburg. 992 p. [in Russian]
- Mironov, 2017** – Mironov B.N. (2017). Spornye voprosy imperskoi, sovetskoi i postsovetskoi modernizatsii [Argumentative issues of imperial, soviet and post-soviet modernizations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 4 (57). pp. 16-24. [in Russian]
- Naselenie Rossii, 1998** – Naselenie Rossii za 100 let (1897-1997) (1998): Stat. sb. [The Population of Russia during the hundred years (1897-1997): statistical collection]. M. 222 p. [in Russian]
- Pavlenko, 1994** – Pavlenko N.I. (1994). Petr Velikii [Peter the Great]. M. 595 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2014** – Poberezhnikov I.V. (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization] // *Teoriya i metodologiya istorii*. Edited by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. pp. 133-152. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2017** – Poberezhnikov I.V. (2017). Modernizatsii v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya [Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 4 (57). pp. 36-46. [in Russian]
- Rossiya i Pervaya mirovaya voina, 1999** – Rossiya i Pervaya mirovaya voina (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma) (1999) [Russia and the World War I (works of the international scientific colloquium)]. SPb. 564 p. [in Russian]
- Sztompka, 2015** – Sztompka P. (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co. pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.
- Timoshina, 2001** – Timoshina T.M. (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii [The Economic History of Russia]. Uchebnoe posobie M. 432 p. [in Russian]

Война как «вызов» социально-демографической модернизации в России XVIII – начала XX веков

Константин Владимирович Самохин ^{a, *}

^a Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются социально-демографические процессы в России XVIII – начала XX вв. с точки зрения теории модернизации. Тип модернизации, присущий российскому обществу указанного периода, определяется как догоняющий, мобилизационный, обусловленный «вызовами» Запада, волновой. Основным тезисом является положение о том, что войны, которые вело Российское государство со странами западной цивилизации, стали одним из главных факторов, стимулирующих развитие социально-демографической модернизации российского социума. При этом в качестве основополагающих учитываются такие характеристики военных конфликтов, как масштабность боевых действий и их результативность для российской стороны. Исходя из предложенной концепции, доказывается положение о том, что социально-демографический переход

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)

русского народа от традиционного общества к современному в очевидном варианте проявился лишь только с середины XIX века. До этого момента следует говорить лишь только о предпосылках социально-демографической модернизации. Делается вывод о том, что наибольшее влияние в исследуемом аспекте на русское общество оказали Крымская и Первая мировая войны, так как обладали широким географическим масштабом боевых действий и отрицательными итогами для Российского государства. При этом Великая война 1914–1918 гг. оказалась настолько серьезным «вызовом» российской (славянской) цивилизации, что социально-демографическая модернизация России пошла по своему отклоняющемуся пути, отличному от тенденций, наметившихся в период поздней империи.

Ключевые слова: Российская империя, социально-демографическая модернизация, война, «вызов», Запад, цивилизация, линейная модернизация, мультилинейная модернизация.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 949-958. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.949
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Material Support of the Clergy of the Tobolsk North in the XVIII – early XX centuries

Olga P. Tsys' ^{a, *}

^a Nizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The main sources of income of the parish clergy of the Tobolsk North in the XVIII – early XX centuries are considered in the article. It is pointed out that under conditions of prevalence among the parishioners of aboriginal, newly converted to Christianity, the lack of suitable land for parishes, traditional sources of financing for European Russia were closed or restricted: payment for the use or leasing of arable land and haymaking, requisitioning, donations of wealthy parishioners. The clergy had to find additional sources of existence, among which traditional trades and trade were named. The weakness of control over the state of affairs in the rural outskirts created opportunities for abuse by some of the clergy in relation to the indigenous population.

It is noted that the improvement of material security for the northern clergy was due to the gradual increase in the state funding of the parishes of foreign parishes. There is a replacement of cash payments by kind. At the same time, the attempts of the clergy to obtain ownership of their own fisheries were invariably rejected. The authorities realized the importance of the rural clergy as one of the most important links between the aborigines and the rest of the world, the bearer of traditions that ensures the integration of the local population into the Russian socio-cultural space. The clergy saw in the state's assistance the only opportunity to raise their level of prosperity in the absence of alternative sources of income.

It is concluded that by the end of the period under consideration the amount of salaries received from the treasury for the abbot was quite sufficient to sustain life at an acceptable level.

Keywords: Tobolsk and Siberian eparchy, Tobolsk North, clergy, pricht, parish, material support, religious rites, state maintenance, aborigines.

1. Введение

Неотъемлемой частью истории Русской православной церкви является материальное обеспечение ее служителей. При этом соотношение и значение различных источников доходов претерпевало определенную эволюцию, отражая роль и место духовенства в российском обществе, особенности его взаимодействия с государственной властью и различными сословными группами. От уровня благосостояния духовных лиц в значительной степени зависели и его взаимоотношения с прихожанами.

В Синодальный период содержание причта, как правило, складывалось из четырех основных источников: доходов с земли, добровольных пожертвований, оплаты за требы, казенного жалования.

В таком специфическом регионе, как Тобольский Север (Север Западной Сибири, в современных границах – Ханты-Мансийский и Ямало-ненецкий автономные округа) с преобладающим инородческим населением, сравнительно недавно обращенным в христианство, в течение XVIII – начала XX вв. видоизменялись как уровень доходов духовенства, так и значение тех или иных его источников.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsysv@rambler.ru (O.P. Tsys')

Изучение материального положения местных причтов позволит глубже понять особенности государственной политики на Тобольском Севере, включения региона в единое со всей страной экономическое и социокультурное пространство.

2. Материалы и методы

2.1. Настоящее исследование выполнено по документам Государственного архива в г. Тобольске (ГАТ), в частности клировым ведомостям, рапортам благочинных и приходских священников, переписке Тобольской духовной консистории с благочиниями и др. документам, часть из которых опубликована (См.: [Книжные..., 2003](#); [Церкви..., 2007](#) и др.), а также отчетам обер-прокуроров Св. Синода.

2.2. Основой работы служат принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Автор придерживается модернизационного подхода, то дает возможность раскрыть процессы изменения социального статуса духовенства и прихожан, особенности их взаимоотношений на территории Тобольского Севера в XVIII – начале XX вв.

Используются как общенаучные, так и традиционные для исторических исследований методы: системный, историко-сравнительный, синхронный, проблемно-исторический.

3. Обсуждение

В дореволюционный период тема материального обеспечения духовенства Тобольского Севера привлекала внимание лишь в работах обзорного характера ([Соколов, 1909](#); [Козлов, 1903: 342–347](#)) или в связи с проблемами, которые необходимо было решать: активизацией миссионерской деятельности среди язычников, открытием и финансированием церковно-приходских школ и др. ([Головин, 1894](#); [Шемановский, 2011](#)). В частности, отдельные факты оказания помощи бедным приходам края приводятся А.И. Сулоцким и М.П. Путинцевым в биографиях тобольских иерархов ([Сулоцкий, 1867: 35, 49](#); [Путинцев, 1876: 686–687](#)).

В советский период данная тема рассматривалась весьма поверхностно, преимущественно через призму эксплуатации аборигенного населения «свокорыстными» церковниками ([Огрызко, 1938: 4](#)). Среди немногих исключений следует назвать монографию Н.Д. Зольниковой ([Зольникова, 1990](#)), где впервые предпринята попытка раскрыть историю сибирского прихода в XVIII в., включая особенности взаимоотношений служителей церкви с общиной. Исследовательница отмечает стремление государства к переводу ружных церквей в приходские, т.е. перекладывание их финансирования с казны на мирян. Однако эта тенденция, на наш взгляд, материалами Тобольского Севера не подтверждается. В то же время следует согласиться с мнением Н.Д. Зольниковой о бюрократизации церкви, ее постепенном освобождении от влияния крестьянской общины.

С начала 1990-х гг. различные аспекты истории Русской православной церкви в Синодальный период, в том числе касающиеся ее финансового обеспечения, отражаются в соответствующих разделах работ, посвященных истории отдельных епархий или регионов ([Белоногова, 2010](#); [Мендюков, 2016](#) и др.).

Например, вопрос об обеспечении клириков Тобольского Севера во второй половине XVIII в. затронут в работе А.П. Николаева, отметившего, что духовенство перенимало хозяйственные навыки у прихожан, адаптируясь к жизни в аборигенной среде ([Николаев, 1996: 18](#)).

Исследуя ту же проблему на материалах Восточной Сибири, А.П. Санников и А.В. Дулов пришли к выводу о том, что в XVIII в. «приходское духовенство являлось обеспеченным сословием, имело гарантированный уровень дохода» ([Дулов, Санников, 2006](#)).

В целом же суждения на данный счет весьма разноречивы, поскольку авторы использовали сведения, почерпнутые из материалов разных регионов, существенно отличавшихся друг от друга по численности и составу населения, уровню развития экономики, степени интеграции в общеимперское политическое и социокультурное пространство.

4. Результаты

В Синодальный период Тобольский Север административно входил в состав Тобольской (до 1782 г. Сибирской) губернии. Здесь располагались Березовский и Сургутский уезды (в 1804–1895 гг. – округа), а также северная часть Тобольского, северо-восточная часть Туринского уездов.

«Низовой край», как его называли в документах того времени, являлся промысловым районом, удаленным от промышленных и культурных центров, с высокой численностью инородческого населения, для которого было характерно проживание в устойчивых ареалах этнического расселения, относительная изоляция от «русского мира».

Христианизация «ясашных вогульской и остяцкой земли» началась в первой четверти XVIII в. усилиями митрополита Филофея (Лещинского). Для вновь обращенного в христианство аборигенного населения в первой трети XVIII столетия организуется 23 прихода. Еще несколько церквей появилось в крае во второй половине XVIII – начале XIX вв. В середине XIX – начале XX вв. на Тобольском Севере открылось 9 храмов, возникших преимущественно вокруг вновь образованных русских и зырянских поселений. Всего же на Севере Западной Сибири в предреволюционный период имелось 35 приходов. В сельских малолюдных приходах преобладали коренные жители, лишь в

нескольких городских – русские. Исключением служит район низовий Иртыша, где русские переселенцы с конца XVIII в. стали постепенно вытеснять аборигенов.

Следует отметить, что жалование от казны в XVIII в. получали немногие православные приходы, преимущественно городские. Для Тобольского Севера было сделано исключение, т.к. в отличие от районов с преобладающим русскоязычным населением сельское духовенство края в массе своей не рассчитывало на прихожан-инородцев как на источник своего материального благосостояния.

Первоначально по указу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина духовенство Тобольского Севера получало в год следующее вознаграждение от казны: священник – по 10 руб. и 7 юфтей хлеба (т.е. по 7 четвертей ржи и овса); дьячок – 5 руб. и 5 юфтей хлеба, 3 пуда соли; пономарь – 3 руб., 4 юфти хлеба, 2 пуда соли (Книжные..., 2003: 409–410). Можно сказать, что в этом отношении члены причта приравнивались к служилым людям. Так, средний годовой оклад служилого человека в Сургуте в 1699 г. составлял 5,3 руб., 3,8 чет. ржи, около 2 чет. овса и 1,4 пуда соли (Первое..., 1996: 156). Ясачный оклад с одного инородца колебался в данное время с 2 руб. 40 коп. до 3 руб. 60 коп. в год, а обеспечение ученика Тобольской архиерейской школы обходилось в 8–9 руб. в год (Сулоцкий, 2000: 444).

С некоторыми поправками эти казенные выплаты сохранялись и на протяжении нескольких последующих десятилетий. Так, содержание причта Ваховской (с. Локосово, Сургутского уезда) церкви обходилось казне в 1784 г. в 17 руб. (10 руб. – священнику, 4 руб. – дьячку и 3 руб. – пономарю) и 13 чет. ржи и овса (по 7 чет. священнику, по 3 чет. дьячку и пономарю) (Сургутский..., 2006: 40–41).

С 1786 г. рута повсеместно стала денежной. Хлеб и прочие припасы были пересчитаны в рубли, в результате чего ежегодные поступления из казны составляли 39 руб. 62 коп. на весь причт в сельской местности и 56 руб. 32,5 коп. в городе (Книжные..., 2003: 435).

К приходам, организованным во второй и третьей четвертях XVIII в., применялся дифференцированный подход. Так, причту вновь построенной в 1749 г. церкви св. Василия Великого в Обдорске выделялся казенный оклад в 50 руб. и 50 чет. хлеба (Церкви..., 2005: 86–87). Часть причтов не получала ничего. В г. Сургуте и Сургутском уезде в конце XVIII в. две из семи церквей вынуждены были существовать «доброхотным подаением от прихожан». Эти различия, вероятно, связаны с особым положением Обдорска как форпоста русского влияния среди тундровых ненцев крайнего северо-запада Сибири.

По мнению многих церковных историков, плата за требы оставалась главной статьей доходов причта, «ибо она была твердой и обязательной, тогда как размеры добровольных пожертвований сильно колебались в зависимости от времени, места, обычаев и обеспеченности прихожан» (Смолич, 1996: 357).

Изначально размеры оплаты не были установлены и определялись на основе личной договоренности в каждом конкретном случае. Никаких заранее кем-то установленных расценок не существовало, что превращало соглашение в некое подобие торговой сделки.

Чтобы пресечь «домогательства» духовенства, Сенатом в 1765 г. были установлены твердые цены: крещение и погребение младенца – 3 коп.; молитва родильнице – 2 коп.; венчание и погребение взрослых – 10 коп. Строго запрещается превышать положенные нормы (ПСЗРИ, № 12378). Впрочем, указ оказался неисполнимым. Ведь на правительственную таксу сельскому духовенству существовать было невозможно, «вымогательства» продолжились, что в полной мере касалось и Тобольского Севера.

Из-за неразвитости денежного обращения в XVIII в. в качестве вознаграждения за требы здесь принималась пушнина. Как сообщал сургутский заказчик Н. Попов в феврале 1782 г., жители Ваха и Куль-егана жаловались на священника Я. Кайдалова, что он берет с них за венчание по 100 белок (Анисимкова, Кузьмина, 1999: 27). (При стоимости белки в то время в 1–2 коп. речь могла идти, таким образом, о 1–2 руб. в переводе на денежный эквивалент. Впрочем, цена белки – одной из основных денежных единиц Тобольского Севера вплоть до начала XX в. – была подвержена колебаниям из-за лесных пожаров, опустошавших кормовую базу этого зверя, с тенденцией к возрастанию: от 2–5 коп. в первые годы XIX в. до 20–40 коп. спустя столетие) (Tsyes, 2015: 595–601).

В «доношении» ларьянской приходской общины от 24 декабря 1791 г. приводится еще один случай: когда осенью 1788 г. остяк Прасин сосватал у другого «ясашного» Алексея Камина дочь, священник требовал за венчание 9 соболей, выдру и шкуру медведя, а весной следующего года дополнительно просил еще 300 белок. Далеко не все аборигены имели возможность выделить столь значительные средства. Поэтому «у прочих у кого дать нечего, те сосватавшие оставляют своих невест и уезжают без ничего, потому что он священник за венчание просит великую плату...» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а об–2). Были случаи, когда причт получал по 20, 30 или 50 белок «по собственному нашему [инородцев] желанию». Однако обычная оплата за венчание составляла в Березовском уезде в 1770-е гг. 5 белок (Книжные..., 2003: 409–410, 423).

Подобного рода дела, которые встречаются в документах фонда Тобольской духовной консистории, говорят о двойственном, в целом весьма трудном положении, в котором оказалось духовенство на Тобольском Севере. С одной стороны, оно в материальном плане находилось в зависимости от прихожан, в массе своей еще недавно принявших крещение и не готовых жертвовать

средства на церковные нужды. Необходимость содержать себя и свою семью, поддерживать в надлежащем благолепии храм объективно подталкивали причт оказывать определенное давление на прихожан. Этому благоприятствовали и удаленность края от административных центров, и юридическая неграмотность остяков. Получить оплату за венчание (а таковых в приходе в то время могло совершаться вряд ли более 5–10 в год) – едва ли не единственная в то время легальная возможность пополнить скудный бюджет.

Проблемой для духовенства являлась малочисленность прихожан. Хотя по штатам церковных мест 1778 г. на 150 дворов полагался 1 священник, а на 250–300 дворов – 2 священника (ПСЗРИ. № 17309), на Тобольском Севере в 1781 г. среднее число дворов на приход составляло 90, а в трех приходах оно было менее 50 (Книжные..., 2003: 423–429).

В 1781 г. в среднем на один приход Тобольского Севера приходилось, по нашим подсчетам, 727 душ обоего пола (Книжные..., 2003: 423–429). В дальнейшем эти цифры постепенно возрастали, все равно уступая епархиальным и общероссийским. В 1841 г. в среднем в одном северном приходе проживали 1053 чел., в 1885 г. – 1215 чел. (Подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35), в 1897 г. – 1245 чел. (Подсчитано по: Тобольский..., 1897: 214–223). В Тобольской епархии в целом аналогичный показатель был в два-три раза выше, хотя и происходило его уменьшение: 1850 г. – 2897 чел., 1860 г. – 2630 чел., 1879 г. – 2594 чел. (Подсчитано по: Извлечение..., 1851: 10–11, 28; Извлечение..., 1862: 415; Извлечение..., 1882: 4, 16–17).

В сельских приходах Березовского уезда в начале 1770-х гг. взималась оплата «с венца» (в данном случае – с каждой семейной пары) в размере 1-й белки в год (Церкви..., 2005: 106–107). При указанных выше средних числе дворов и стоимости белки поступления за счет данного источника не превышали 1–2 рублей. Поэтому возможности для получения дополнительных доходов здесь были ограничены. Священно- и церковнослужители Тобольского Севера изыскивали разные способы обеспечения себя и своих семей. Сельское духовенство занималось традиционными промыслами – оленеводством, рыболовством, охотой, точно так же, как в Европейской России их собирают – хлебопашеством. Это, в частности, подтверждает тяжба 1790 г. об убийстве пономарем ларьякской Знаменской церкви «домашнего оленя» священника, который был им принят за «полевого», т.е. дикого (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 841. Л. 1–10). В качестве орудия охоты церковнослужитель использовал лук со стрелами, как это делали и его прихожане.

Еще один источник существования – торговля с инородцами. В указе 1783 г. Сургутского духовного правления констатировалось, что священники и причетники приезжают в ясачные селения «в самое промышленное время» якобы «для научения молитв» и исполнения треб, на самом же деле собирают с остяков долги. Духовенству предписывалось «без зову ясачных» во всякое время, а в особенности в зверопромышленное, не приезжать и торгов с ними не производить (Сургутский..., 2006: 39). Это была достаточно распространенная среди северного духовенства практика, т.к. со всех приходских священников взяли подписку о том, что они не будут допускать такого рода выездов.

Другое дело посвящено обвинению ларьякского причта в торговле с инородцами. Донос был составлен кондинским комиссаром Федуловым, утверждавшим, что священник В. Вергунов по приезде в 1805 г. в Сургут накупил на наличные деньги товару на многие сотни рублей: «штофу..., гарнитуру..., немалое число лошадей и дал отцу своему годовое содержание», а также говорил местному заказчику, что до 12 тыс. шкурок белки поменял на муку у одного нарымского купца (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1152. Л. 22 об). Обвинения в торговле предъявлялись и большинству остальных причтов бывшего Сургутского уезда: Верхне- и Нижне-Лумпокольским, Селияровскому, Юганскому.

Хотя в конечном счете дело было прекращено, а причт оправдан, сам этот случай свидетельствует о том, что в заботах о материальном достатке приходское духовенство оказывалось во многом автономно и иногда вынужденно занималось операциями, не ассоциировавшимися с обычным родом занятий духовного сословия.

Отмечались случаи и откровенных вымогательств за различные «проступки» против христианской церкви и нравственности. Так, в 1754 г. протопоп Березовской Одигитриевской церкви А. Васильев, прознав, что остяки Казымской волости «приносили... по прежнему своему суеверию жертву болванам», вытребовал с них 500 белок и «лисицу седую» стоимостью в 15 рублей (Книжные..., 2003: 418–419). В 1760 г. священник А. Решиков, обнаружив, что жители Сосьвинской волости «в благодарность за удачный лосиный промысел» повязали на дереве платки и нитяные опояски, а также варили в двух котлах лосиное мясо, получил, обещав скрыть от гражданских властей данное «преступление», пушнину общей стоимостью 645 белок (Книжные..., 2003: 422).

Важно отметить, что долгое время священно- и церковнослужители являлись единственными представителями русскоязычного населения, постоянно проживающими среди инородцев, т.к. другим сословиям запрещалось селиться за пределами административных центров. Это создавало соблазн получить выгоду из своего статуса посредника между аборигенами и остальной частью «русского мира».

Однако церковные и гражданские власти старались пресекать злоупотребления по отношению к аборигенам. Из объекта эксплуатации коренное население Сибири со времен Екатерины II становится предметом опеки со стороны государства, что выразилось в учреждении хлебозапасных магазинов, смягчении религиозной политики, передаче сбора ясака «лучшим людям» из числа

местных жителей, отмене аманатства. Особое значение имело принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», в соответствии с которым вмешательство во внутренние дела коренного населения было серьезно ограничено.

Уже во второй четверти XIX в. северное духовенство беспощадно штрафовалось за «вымогательство звериных шкур». Размер штрафа доходил до 50 руб., что превышало получаемое из казны месячное содержание всего причта (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17. Л. 39).

С середины XIX в. на желающих вступить в брак можно было воздействовать только увещеванием. Поэтому многие остяки стали предпочитать венчанию сожительство. В таком случае рассчитывать на плату за требы причту уже не приходилось. Наоборот, в некоторых случаях теперь уже самому священнику следовало покупать за свой счет для пришедших в храм бедных прихожан крестики, свечи или венчики – лишь бы те не отказались от исполнения христианского обряда (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 66–68; 74–76).

Во многих православных приходах Европейской России, не находящихся на казенном содержании, основным источником обеспечения духовенства была сенокосная и пахотная земля, выделяемая в пользование причту в размере 30 дес. пашни и 3 дес. сенокоса (ПСЗРИ. № 18316).

Однако приемлемая для земледельческих районов общепотребительная практика совершенно не подходила для хозяйственной системы Тобольского Севера. Местная тундра или тайга не могла быть привлекательна для землепашества, как земля в нечерноземной полосе или хотя бы в южных уездах Тобольской губернии. По отзывам сургутского благочинного, «в здешнем крае, почти вся удобная земля для хлебопашества, которая на расчищенной земле производится», возделывается с большим трудом и едва вознаграждает затраты (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 209 об).

Другое препятствие – система инородческого землевладения, не предполагавшая частной собственности, межевания и иных характерных для «цивилизованного мира» атрибутов правильного землеустройства. Все земли находились в нераздельной собственности родовых общин. Ценность здесь представляла не земля как таковая, а рыбные промыслы, служившие важным подспорьем в хозяйстве ясачных. Поэтому в конце XVIII–XIX вв. некоторыми представителями местного духовенства неоднократно ставился вопрос о наделении его рыболовными «песками» по тому же принципу, по какому причты земледельческих районов получают пашню и сенокосы. Однако каждый раз эти инициативы отвергались.

Сохранился рапорт ваховского священника за 1814 г. с просьбой о получении «рыболовного песка Ерунин» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1128. Л. 1). Из Тобольской духовной консистории последовал отказ, мотивированный тем, что данный вопрос находится в компетенции гражданской власти. В том же 1814 г. священно- и церковнослужители с. Самарово обратились с аналогичной просьбой, которая также осталась без удовлетворения (Лопарев, 1997: 43–44).

На собрании приходской общины обдорской Петропавловской церкви в январе 1850 г. прихожане и обдорский остояцкий князь И.М. Тайшин, пользовавшийся влиянием на подчиненных ему остяков и самоедов, категорически отвергли идею о выделении каких-либо «рыбопромышленных мест» причту (Церкви..., 2007: 74–75).

В 1871 г. уже сам епархиальный преосвященный обратился к гражданскому начальству с просьбой о наделении духовенства Тобольского Севера «для улучшения положения причтов... рыболовными угодьями и пастбищами для скота» (Извлечение..., 1872: 231). Однако это пожелание не получило поддержки, т.к. его выполнение было связано с ломкой уже сложившихся традиционных форм землепользования.

Получать доходы с земельных владений духовенство Тобольского Севера не имело никакой возможности. Богатые пожертвования березовским и сургутским купечеством делались на городские церкви, относительно сельских инородческих приходов примеры подобного рода благотворительности встретить крайне сложно.

Поэтому говорить о материальном благополучии причтов не приходилось, чему способствовали малолюдность приходов, бедность коренного населения, его поверхностная христианизация, многочисленность семей духовенства, ограниченность возможностей для компенсации одних источников доходов другими.

Общий курс государственной политики в деле финансового обеспечения северного духовенства заключался в постепенном увеличении размеров казенных субсидий при одновременном ограничении возможностей получения доходов от «посторонних» занятий, не связанных с кругом обязанностей приходского духовенства.

С 1830 г. на основании Указа императора от 11 января 1828 г. (ПСЗРИ. № 3323) размер жалованья для священно- и церковнослужителей Тобольского Севера был определен в 400–500 руб. в год ассигнациями (т.е. около 114–140 руб. серебром по тогдашнему курсу) (Материалы..., 1998: 157). В оклады были включены все храмы, в том числе и те, которые ранее существовали только за счет прихожан. Для сравнения укажем, что в целом по России, по данным на 1850 г., служители менее трети церквей получали казенное содержание (Извлечение..., 1851: 14, 41).

К 1865 г. жалованье из казны было увеличено до 303 руб. 70 коп. серебром на причт (священники – по 176 руб. 40 коп., дьячки – 68 руб. 80 коп., пономари – 58 руб. 50 коп. в год). В то же время дополнительные доходы, получаемые от прихожан за исполнение треб, составляли лишь

от 5 до 10 рублей серебром в год в сельской местности и около 50 руб. в городе (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 209 об).

Важность материального обеспечения духовных лиц, выполнявших на Тобольском Севере не только задачи, связанные с окормлением новообращенных, но и являвшихся своего рода «культуртрегерами» для коренного населения, соединявших порой в одном лице обязанности педагога, медицинского работника, чиновника, требовала сделать существование священно- и церковнослужителей более или менее стабильным, не зависящим от случайностей или благосклонности прихожан.

В эпоху либеральных реформ Александра II к обсуждению этого вопроса решили привлечь само духовенство. Учрежденным по «Высочайше утвержденному предположению» от 28 июня 1862 г. Особым присутствием «для изыскания способов к большему обеспечению быта духовенства» (ПСЗРИ. № 38414) были разработаны специальные анкеты для рассылки по приходам.

Собранные сургутским благочинным В. Кайдаловым сведения послужили основой для следующих умозаключений: «В последнее время денежных поступлений по всем приходам моего благочинья почти не существует». В отчетах приходских священников отмечалось, что «по суровости климата и нехлебородности земли в здешнем крае нет ни руги, ни других хлебных и денежных сборов» (ГАТ. Ф. И-708. Оп. 1. Д. 2. Л. 93, 95 об, 98, 100 об). Благочинный пришел к выводу, что «выплачиваемый оклад в таком отдаленном и бедном крае, как Сургутский, крайне недостаточен для поддержания причтов и их семей» (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 209 об), и предложил «чтобы или прихожане были приглашены к сбору с каждой души определенного количества денег, или исходатайствовать у правительства добавочное жалование к получаемому причтами к ныне ружному содержанию» (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 210).

На заседании Совета Главного управления Западной Сибири от 10 ноября 1867 г. архиепископ Варлаам (Успенский) констатировал, что население Березовского округа «по большей части идолопоклонническое и даже лица, воспринявшие православие, не вполне укрепились в религии», кроме того, жители отличаются крайней бедностью, поэтому невозможно рассчитывать на «местные средства» (т.е. прихожан) для улучшения содержания причтов путем ведения специального сбора (ГАТО. Ф. Ф-170. Оп. 4. Д. 289. Л. 7).

Высочайшим Присутствием по делам православного духовенства решено было увеличить казенное жалование священно- и церковнослужителям. С 1 января 1873 г. в Березовском и Сургутском округах всем псаломщикам установили жалование в размере 120 руб., настоятелям – 360 руб. в год (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1345. Л. 9–36). Эта возможность появилась в связи с тем, что по новому расписанию штаты малолюдных приходов, к числу которых относились и северные, сократили до двух человек: священника и псаломщика. Следует отметить, что по финансовой смете Св. Синода ежегодно ассигновалось в распоряжение Тобольской епархии на содержание штатного духовенства в среднем по 250 руб. на причт (Подсчитано по: ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1345. Л. 2 об–36). Таким образом, выделяемое из казны содержание на одну церковь на Тобольском Севере превышало на 44 % среднестатистическое по епархии.

Тем не менее, как докладывал по результатам ревизии еще в 1882 г. протоиерей градо-Тобольской Воскресенской церкви П. Попов, «за 360 р. для священника и 120 для псаломщика казенного жалования, да от 100 до 200 р. доходов с грехом пополам должны прожить две семьи от 4 до 15 человек в стране суровой и неплодной» (О ревизии..., 2009: 199).

Уже в 1880-е гг. оплата треб мехами ушла в далекое прошлое. Вот как об этом говорилось в одном из рапортов местного причта: «Беличьих шкур в церковь приносятся столько, что об них и говорить не стоит. Может быть, они и приносились, но не ныне, а в былое время» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 78). Из источников исчезают упоминания о производстве духовенством торговых сделок, участия в охоте или других традиционных для региона промыслах.

В самом конце XIX в. содержание духовенства в инородческих приходах Тобольского Севера возросло до 600 руб. в год для священника и 200 руб. для псаломщика (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 3039. Л. 143, 145–145 об, 168). В приходах с преобладающим русским или зырянским населением обеспечение причта осталось на прежнем уровне.

Соответственно суммарное жалование причта инородческого прихода за 70 лет выросло примерно в 5,7 раз в номинальном выражении. В итоге система казенных выплат была в целом приведена к единообразию. В таком виде и штаты, и принцип распределения средств оставались неизменными вплоть до 1917 года.

5. Заключение

В XVIII – начале XIX вв. между причтом и прихожанами-инородцами господствовали во многом полуфеодальные отношения, когда слабо контролировавшиеся властью священно- и церковнослужители отдаленных районов Тобольского Севера могли действовать в том числе и в собственных материальных интересах, стараясь получить максимальную выгоду от требоисправлений, торговли, промысловой деятельности.

Тем не менее в приходах с преобладающим инородческим населением (а таковых насчитывалось большинство) сложно было рассчитывать на получение сколько-нибудь

значительного дохода, помимо жалованья. Главное, на что надеялось духовенство, – это помощь государства, которое пошло по пути увеличения причтам казенного содержания.

Хотя цены тоже менялись, тем не менее финансовое положение приходов постепенно налаживалось. В конце XIX – начале XX вв. его следует признать в целом вполне приемлемым. А.А. Дунин-Горкавич определял минимальные потребности средней инородческой семьи из шести человек (два взрослых, по два ребенка и подростка) в 265 руб. в год (Дунин-Горкавич, 1996: 52–53). Получаемых в начале XX в. 600 руб. было в целом вполне достаточно, чтобы поддерживать жизнь священника и его семьи на приемлемом уровне.

Определенную роль играл рост численности постоянно проживающих русских мещан и купцов, богатевших за счет посреднической торговли и имевших возможность часть полученных доходов жертвовать на храм, а также показывать в данном отношении пример прихожанам из числа коренного населения.

6. Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002.

Литература

- Анисимкова, Кузьмина, 1999 – Анисимкова М.К., Кузьмина А.С. «На священных берегах Ваха» (историко-этнографический трактат). Нижневартовск: Районное издательство «Приобье», 1999. 160 с.
- Белоногова, 2010 – Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 176 с.
- ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Головин, 1894 – Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // *Тобольские епархиальные ведомости* (далее – ТЕВ). 1894. № 13. С. 217–220; № 15. С. 248–255; № 18. С. 309–319; № 19. С. 337–346; № 20. С. 367–377.
- Дулов, Санников, 2006 – Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2006. Ч. I. 323 с.
- Дунин-Горкавич, 1996 – Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерия, 1996. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Приложения. С. 1–57.
- Зольникова, 1990 – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1990. 291 с.
- Извлечение..., 1851 – Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1850 год. СПб: в Синодальной типографии, 1851. 110+108+3 с.
- Извлечение..., 1862 – Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1860 год. СПб: в Синодальной типографии, 1862. 84+142 с.
- Извлечение..., 1872 – Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 год. СПб: в Синодальной типографии, 1872. 240+126 с.
- Извлечение..., 1882 – Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб: в Синодальной типографии, 1882. 206+126 с.
- Книжные..., 2003 – Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев и др. Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2003. 496 с.
- Козлов, 1903 – Козлов В. Описание прихода села Мужы Березовского уезда Тобольской епархии (до 1902 года) // ТЕВ. 1903. № 14. С. 342–347, № 16. С. 394–404.
- Лопарев, 1997 – Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень: СофтДизайн. 262 с.
- Материалы..., 1998 – Материалы по истории православных церквей Среднего Приобья // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск: ЦГБ, 1998. Вып. I. С. 157–184.
- Мендюков, 2016 – Мендюков А.В. Русская православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 168 с.
- Николаев, 1996 – Николаев А.П. Приходская община новокрещенных Северо-Западной Сибири во второй пол. XVIII века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996. 19 с.
- О ревизии..., 2009 – О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомств. Путевой журнал протоиерея Петра Попова. 1882 г. // Подорожник: Краеведческий альманах / Сост. В. Белобородов. Тюмень: Мандр и Ка, 2009. Вып. 10. С. 197–227.
- Огрызко, 1938 – Огрызко И. Грабитель в рясе: по материалам Тобольского архива // Тобольская правда. 1938. № 13 (16 января). С. 4.

- Первое..., 1996** – Первое столетие сибирских городов: XVII век / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 190 с.
- ПСЗРИ. 1-е. Т. XXV. № 18316** – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1-е. Т. XXV. № 18316.
- ПСЗРИ. 1-е. Т. XVII. № 12378** – ПСЗРИ. 1-е. Т. XVII. № 12378.
- ПСЗРИ. 1-е. Т. XXIII. № 17309** – ПСЗРИ. 1-е. Т. XXIII. № 17309.
- ПСЗРИ. 2-е. Т. IV. № 3323** – ПСЗРИ. 2-е. Т. IV. № 3323.
- ПСЗРИ. 2-е. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 38414** – ПСЗРИ. 2-е. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 38414.
- Путинцев, 1876** – Путинцев М.П. Воспоминания о высокопреосвященном Варлааме, бывшем архиепископе Тобольском и Сибирском // *Христианское чтение*. СПб., 1876. № 11–12. С. 674–692.
- Смолич, 1996** – Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1996. Кн. XVIII. Ч. I. 798 с.
- Соколов, 1909** – Соколов А. Краткая характеристика инородческого прихода в Низовом крае // *ТЕВ*. 1909. № 16. С. 427–433.
- Сулоцкий, 1867** – Сулоцкий А.И. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // *Странник*. СПб. 1867. Январь. С. 5–57.
- Сулоцкий, 2000** – Сулоцкий А.И. Тобольская архиерейская школа – предшественница Тобольской семинарии // *Сочинения*: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Т. 1. С. 412–459.
- Сургутский..., 2006** – Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К., 2006. Вып. 7. 376 с.
- Тобольский..., 1897** – Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 г. / Сост. Н. Богословский. 1897. Тобольск: Изд-во Тобольского епарх. Братства. 260 с.
- Церкви..., 2005** – Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень: Б. и., 2005. 360 с.
- Церкви..., 2007** – Церкви Обдорска: летопись в документах / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень: Б. и., 2007. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. 304.
- Шемановский, 2011** – Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // *Избранные труды* в 2 т. М.: Советский спорт, 2011. Т. 1. С. 107–291.
- Tsys, 2015** – Tsys Valery V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 37, Is. 3. P. 595–601.
- Chulos, 2003** – Chulos C.J. Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 201 p.

References

- Anisimkova, Kuz'mina, 1999** – Anisimkova M.K., Kuz'mina A.S. (1999). «Na svyashchennykh beregakh Vakha» (istoriko-etnograficheskii traktat) ["On the sacred shores of Vakh" (historical and ethnographic treatise)]. Nizhnevartovsk: Raionnoe izdatel'stvo «Priob'e». 160 p. [in Russian]
- Belonogova, 2010** – Belonogova Yu.I. (2010). Prikhodskoe dukhovenstvo i krest'yanskii mir v nachale KhKh veka (po materialam Moskovskoi eparkhii) [Parish clergy and peasant peace in the early twentieth century (based on the materials of the Moscow diocese)]. Moscow: izd-vo PSTGU. 176 p. [in Russian]
- GAT** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archives in Tomsk oblast].
- Golovin, 1894** – Golovin N. (1894). Desyatiletie tserkovnoprihodskikh shkol (13 iyunya 1884 g. – 13 iyunya 1894 g.) [The Decade of Church Parish Schools (June 13, 1884 – June 13, 1894)] *ТЕВ*, Nr 13, pp. 217–220; Nr 15, pp. 248–255; Nr 18, pp. 309–319; Nr 19, pp. 337–346; Nr 20, pp. 367–377. [in Russian]
- Dulov, Sannikov, 2006** – Dulov A.V., Sannikov A.P. (2006). Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries.]. Irkutsk: Izd-vo IGU. Dep. I. 323 p. [in Russian]
- Dunin-Gorkavich, 1996** – Dunin-Gorkavich A.A. (1996). Tobolskii Sever [Tobolsky North]: V 3 t. Moscow: Liberiya. Vol. 2: Geograficheskoe i statistiko-ekonomicheskoe opisanie strany po otдел'nym geograficheskim raionam [Geographical and statistical-economic description of the country for individual geographical areas. Applications]. Prilozheniya. pp. 1–57. [in Russian]
- Zolnikova, 1990** – Zolnikova N.D. (1990). Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII veke [Siberian parish community in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka. 291 p. [in Russian].
- Iz vlechenie..., 1851** – Iz vlechenie iz otcheta ober-prokurora Svyateishego Sinoda za 1850 god [Extract from the report of the Chief Procurator of the Holy Synod for 1850]. St. Petersburg: v Sinodalnoi tipografii, 1851. 110+108+3 p. [in Russian]
- Iz vlechenie..., 1862** – Iz vlechenie iz otcheta po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1860 god [Extract from the report on the department of the Orthodox confession for 1860]. St. Petersburg: v Sinodalnoi tipografii, 1862. 84+142 p. [in Russian]
- Iz vlechenie..., 1872** – Iz vlechenie iz vsepoddanneishego otcheta ober-prokurora svyateishego sinoda grafa D. Tolstogo po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1871 god [Extract from the all-accounted

- report of the Chief Procurator of the Holy Synod, Count D. Tolstoy, on the department of the Orthodox Confession for 1871]. St. Petersburg: v Sinodalnoi tipografii, 1872. 240+126 p. [in Russian]
- [Iz vlechenie..., 1882](#) – Iz vlechenie iz vsepoddanneishego otcheta ober-prokurora svyateishego sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1880 g. [Extract from the all-account report of the Chief Procurator of the Holy Synod K. Pobedonostsev at the Office of the Orthodox Confession in 1880] St. Petersburg: v Sinodalnoi tipografii, 1882. 206+126 p. [in Russian]
- [Knizhnye..., 2003](#) – Knizhnye sokrovishcha Yugry: Rukopisnye i staropechatnye knigi iz sobranii goroda Khanty-Mansiiska [Book treasures of Yugra: Hand-written and early printed books from the collections of the city of Khanty-Mansiysk]. Sost. S.A. Beloborodov, N.A. Mudrova, A.V. Poletaev and etc. Ekaterinburg: izd-vo «Volot», 2003. 496 p. [in Russian]
- [Kozlov, 1903](#) – Kozlov V. (1903). Opisanie prikhoda sela Muzhi Berezovskogo uезда Tobolskoi eparkhii (do 1902 goda) [Description of the arrival of the village Muzhi Berezovsky district of the Tobolsk eparchy (until 1902)] *TEV*, Nr 14, pp. 342–347, Nr 16, pp. 394–404. [in Russian]
- [Loparev, 1997](#) – Loparev Kh.M. (1997). Samarovo, selo Tobolskoi gubernii i okruga: khronika, vospominaniya i materialy o proshlom [Samarovo, the village of Tobolsk province and the district: chronicles, memories and materials about the past]. Tyumen': SoftDizain. 262 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1998](#) – Materialy po istorii pravoslavnykh tserkvei Srednego Priob'ya [Materials on the history of Orthodox churches of the Middle Ob region]. Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'. Kraevedcheskie zapiski. Nizhnevartovsk: TsGB, 1998. Dep. I, pp. 157–184 [in Russian]
- [Menduykov, 2016](#) – Menduykov A.V. (2016) Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Srednem Povolzh'e na rubezhe XIX–XX vekov [Russian Orthodox Church in the Middle Volga region at the turn of the XIX–XX centuries]. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 168 p. [in Russian]
- [Nikolaev, 1996](#) – Nikolaev A.P. (1996) Prikhodskaya obshchina novokreshchennykh Severo-Zapadnoi Sibiri vo vtoroi pol. XVIII veka [Parish community of newly baptized North-Western Siberia in the second half XVIII century]. Avtoref. diss... k.i.n. Novosibirsk. 19 p. [in Russian]
- [O revizii..., 2009](#) – O revizii tserkvei Berezovskogo i Surgutskogo vedomstva. Putevoi zhurnal protoiereya Petra Popova 1882 g. [On the revision of the churches of Berezovsky and Surgut department. Journey journal of Archpriest Peter Popov. 1882]. Podorozhnik: kraevedcheskii al'manakh. Sost. V. Beloborodov. Tyumen': Mandr i Ka, 2009. Vol. 10, pp. 197–227. [in Russian]
- [Ogryzko, 1938](#) – Ogryzko I. (1938) Grabitel' v ryase: po materialam Tobol'skogo arkhiva [The robber in a cassock: on materials of the Tobolsk archive]. *Tobolskaya Pravda*, Nr 13 (16 yanvarya). P. 4. [in Russian]
- [Pervoe..., 1996](#) – Pervoe stoletie sibirskikh gorodov: XVII vek [The first century of Siberian cities: XVII century]. Otv. red. N.N. Pokrovskii. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. 190 p. [in Russian]
- [PSZRI. 1. Vol. XXV. No 18316](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI). 1. Vol. XXV. No 18316 [in Russian]
- [PSZRI. 1. Vol. XVII. Nr 12378](#) – PSZRI. 1. Vol. XVII. Nr 12378 – PaSZRI. 1. Vol. XVII. Nr 12378 [in Russian]
- [PSZRI. 1. Vol. XXIII. Nr 17309](#) – PSZRI. 1. Vol. XXIII. Nr 17309 [in Russian]
- [PSZRI. 2. Vol. IV. Nr 3323](#) – PSZRI. 2. Vol. IV. Nr 3323 [in Russian]
- [PSZRI. 2. Vol. XXXVIII. Dep. 1. Nr 38414](#) – PSZRI. 2. Vol. XXXVIII. Dep. 1. Nr 38414 [in Russian]
- [Putintsev, 1876](#) – Putintsev M.P. (1876) Vospominaniya o vysokopreosvyashchennom Varlaame, byvshem arkhiepiskope Tobol'skom i Sibirskom [Memories of the highly eminent Varlaam, the former Archbishop of Tobolsk and Siberian]. *Khristianskoe chtenie*. St. Petersburg. Nr 11–12, pp. 674–692. [in Russian]
- [Smolich, 1996](#) – Smolich I.K. (1996). Istoriya Russkoi Tserkvi. 1700–1917 [History of the Russian Church]. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. Book XVIII. Dep. I. 798 p. [in Russian]
- [Sokolov, 1909](#) – Sokolov A. (1909). Kratkaya kharakteristika inorodcheskogo prikhoda v Nizovom krae [Brief description of the foreign parish in the Lower region]. *TEV*, Nr 16, pp. 427–433. [in Russian]
- [Sulotskii, 1867](#) – Sulotskii A.I. (1967). Zhizneopisanie Afanasiya, arkhiepiskopa Tobol'skogo i Sibirskogo [Biography of Athanasius, Archbishop of Tobolsk and Siberian]. *Strannik*. St. Petersburg. Yanvar', pp. 5–57. [in Russian]
- [Sulotskii, 2000](#) – Sulotskii A.I. (2000). Tobolska arkhieieiskaya shkola – predshestvennitsa Tobol'skoi seminarii [The Tobolsk bishop's school is the forerunner of the Tobolsk seminary]. Sochineniya: V 3 t. Pod red. V.A. Chupina. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki. Vol. 1: O tserkovnykh drevnostyakh Sibiri, pp. 412–459. [in Russian]
- [Surgutskii..., 2006](#) – Surgutskii uезд v dokumental'nykh pamyatnikakh XVIII–XIX vv.: istochniki [Surgut district in documental monuments of the XVIII–XIX centuries: sources]. Sost., avt. predisl. i komment. V.Ya. Templing. Tyumen': Mandr i K., 2006. Vol. 7. 376 p. [in Russian]
- [Tobolskii..., 1897](#) – Tobolskii eparkhial'nyi adres-kalendar' na 1897 g. [Tobolsk diocesan address-calendar for 1897]. Sost. N. Bogoslovskii. 1897. Tobolsk: Izd-vo Tobolskogo eparkh. Bratstva. 260 p. [in Russian]

Tserkvi..., 2005 – Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh. Vol. I: Vasil'evskaya tserkov' (1746–1824) [Churches of Obdorsk: the annals in documents]. Red.-sost. V.Ya. Templing. Tyumen, 2005. 360 p. [in Russian]

Tserkvi..., 2007 – Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh [Churches of Obdorsk: the annals in documents]. Red.-sost. V.Ya. Templing. Tyumen'. 2007. Vol. II: Petropavlovskaya tserkov' (1824–1894). Dep. I. 304 p. [in Russian]

Shemanovskii, 2011 – *Shemanovskii I.S.* (2011) Khronologicheskii obzor dostopamyatnykh sobytii v Berezhovskom krae Tobol'skoi gubernii (1032–1910 gg.) [Chronological review of memorable events in the Berezhovsky region of the Tobolsk province (1032–1910)]. *Izbrannye trudy v 2 t.* Moscow.: Sovetskii sport. Vol. 1, pp. 107–291. [in Russian]

Tsys, 2015 – *Tsys V.V.* (2015). Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*, Vol. 37, Is. 3, pp. 595–601 [in Russian]

Chulos, 2003 – *Chulos C.J.* (2003). Converging Words: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb: Northern Illinois University Press. 201 p.

Материальное обеспечение духовенства Тобольского Севера в XVIII – начале XX вв.

Ольга Петровна Цысь ^{a, *}

^a Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные источники доходов приходского духовенства Тобольского Севера в XVIII – начале XX вв. Выясняется, что в условиях преобладания среди прихожан аборигенного, недавно обращенного в христианство населения, отсутствия пригодных для обработки земель для причтов были закрыты или ограничены традиционные для Европейской России источники финансирования: оплата за использование или сдачу в аренду пашен и сенокосов, требоисправления, пожертвования зажиточных прихожан. Духовенству приходилось изыскивать дополнительные источники существования, среди которых указаны традиционные промыслы и торговля. Слабость контроля за положением дел в сельской глубинке создавала возможности для злоупотреблений со стороны некоторой части духовенства по отношению к коренному населению.

Отмечается, что улучшение материального обеспечения северного духовенства шло за счет постепенного увеличения государственного финансирования причтов инородческих приходов. Происходит замена натуральных выплат денежными. В то же время попытки причтов получить в собственное владение рыболовные угодья неизменно отвергались. Власть осознавала значение сельского духовенства как одного из важнейших связующих звеньев между аборигенами и остальным миром, а также носителя традиций, обеспечивающего интеграцию местного населения в российское социокультурное пространство. Само духовенство видело в помощи государства единственную возможность для повышения уровня своего благосостояния в условиях отсутствия альтернативных источников доходов.

Делается вывод, что к концу рассматриваемого периода размер получаемого из казны жалованья для настоятеля прихода был вполне достаточным для поддержания жизни на приемлемом уровне.

Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархии, Тобольский Север, духовенство, причт, приход, материальное обеспечение, требы, казенное содержание, аборигены.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsysv@rambler.ru (О.П. Цысь)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 959-969. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.959
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Sacheverell Case as a Clash of Religious and Political Interpretations of the Glorious Revolution in England in the early XVIII century

Leonid V. Sidorenko ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Glorious Revolution of 1688-1689 in England was a unique example of the exceptional unity of social and political forces, but which after a few months was replaced by ideological, political and religious controversies. Theoretical views on the principles of the revolution played an important role in the origin of this instability. In contrast to the ideas of the Whigs and the Low Church leaders about the right of resistance, the High Church clergy and the Tories defended the divine right and passive obedience doctrines. Clashes between Whigs and Tories, Low and High Church reached its climax during the trial of Dr. Henry Sacheverell in 1709-1710, prosecuted for the public insult of the Whig interpretation of the Glorious Revolution. The author analyzes the causes of this trial, examining interpretations of the Glorious Revolution, and explores the riots in London in support of the doctor caused by the growth of his popularity. The article concludes that the process over the preacher has become a discourse of the legitimacy of the English constitutional government. Despite the formal victory of the Whigs, the doctor and his doctrines were in demand by society. In the short term, this ensured the victory of the Tories in 1710 elections and their retention of power till the Hanover succession. But after 1714 the reactionary clerics like Sacheverell were out of work, while Whigs finally approved their view over the Glorious Revolution in the Kingdom and won the battle for the Church, reducing the severity of religious question.

Keywords: the Glorious Revolution, Henry Sacheverell, Whigs, Tories, High Church, Low Church, interpretation, riots, radicalism.

1. Введение

Славная революция 1688–1689 гг. стала одним из важнейших событий в английской истории и уникальным примером исключительного единства всех общественно-политических сил страны на время отстранения от престола Якова II. Тори, виги, представители протестантских деноминаций и частично даже католики в едином порыве приветствовали прибывшего из Нидерландов под лозунгом сохранения английских прав и свобод принца Оранского. Но уже спустя несколько месяцев, когда энтузиазм от победы революции иссяк, идейные, политические и религиозные разногласия разгорелись с новой силой.

Предпринятые после Славной революции шаги – от Декларации прав до Акта о престолонаследии – более не являлись отражением консенсуса в стране. Скорее наоборот, они рождались в рамках обострившегося политического и идейного конфликта, провоцируя в свою очередь новые разногласия (Livesey, 2009: 42). Нестабильность 1690–1710-х гг. свидетельствовала о том, что в стране так и не была создана благоприятная политическая атмосфера для эффективной деятельности монархии и других институтов власти (Black, 2004: 13). Огромную роль в формировании нестабильности сыграли теоретические воззрения о принципах революции, вокруг которых после 1688 г. разгорелись жаростные споры. Важными точками конфликта стали концепции божественного

* Corresponding author

E-mail addresses: l.sidorenko@spbu.ru (L.V. Sidorenko)

права королей и пассивного послушания, отстаиваемые деятелями высокой церкви и их союзниками тори (Bonomi, 2003: 190–191).

Хотя в силу единства церкви и государства на рубеже XVII–XVIII вв. религиозная и парламентская оппозиции являлись фактически одним целым, историкам следует различать церковных активистов и партийных политиков. Важнейшей составляющей оппозиции стали представители церкви, которая по итогам революции пострадала от раскола. Так, часть священнослужителей не согласилась давать клятвы верности новым монархам Вильгельму и Марии, что дало рождение движению «неприсягнувших», пользовавшихся поддержкой в церковной среде. Эта схизма отражала более глубокое разделение в церкви, одна из групп которой, выражавшая мнение большинства духовенства («хайфлаеры», или высокие церковники), поддерживала авторитарную церковь. Они были настроены враждебно диссентерам, отвергая практику случайной конфирмации. Латитудинарцы – меньшая, но влиятельная группа, имела более умеренные взгляды (Meza, 1973: 65). Священнослужители низкой церкви по религиозно-политическим вопросам смыкались с вигами, критикуя доктрины тори и «хайфлаеров», исходя из признания права на сопротивление власти. В этом они противостояли бывшим союзникам в лагере революции, считавшим, что отречение Якова от престола не повлекло изменений в конституции страны (Niggemann, 2013: 72), сохранив концепции тори в силе.

Тори разделяли доктрину божественного права королей, власть которых исходила напрямую и исключительно от бога. Они отвергали идею о том, что власть монарха может исходить от народа или парламента, а значит, в теории не допускали выборной монархии, защищая наследственный принцип. В этом они отрицали Славную революцию и ганноверское престолонаследие, смыкаясь с якобитами. Как и высокие церковники, тори верили в доктрину пассивного послушания: если власть монарха дается от бога, то народ должен подчиняться ему в любых обстоятельствах (Vickers, 2009: 62). На практике отношение тори к Славной революции выражалось в принятии смены монарха как воли бога, что не противоречило доктрине о пассивном послушании (Szechi, 2012: 120).

Противостояние лагерей активно использовали память о революции для подтверждения своих доктрин – непротавления и пассивного послушания, с одной стороны, парламентского суверенитета и сопротивления тирании – с другой. Годовщины и благодарственные службы использовались оппонентами для закрепления своей интерпретации Славной революции, причем обе партии подчеркивали, что они одобряют революцию. Таким образом, «война памяти» велась не за оправдание революции, а за ее значение. С началом правления Вильгельма III конкурирующие интерпретации столкнулись, что привело к усилению раскола уже во время правления Анны (Niggemann, 2013: 72). Хотя после 1689 г. англиканское духовенство с большой неохотой демонстрировало преданность иностранному королю-кальвинисту, к счастью для него, в течение первых его лет многие епископы были отстранены за ересь «неприсягнувших» либо скончались, что позволило кадрово переформатировать Церковь Англии под себя (Watson, 2001: 143). Однако своим поведением «король диссентеров» в долгосрочной перспективе лишь настроил церковную оппозицию на более враждебный лад. Воцарение Анны, хотя и разделявшей торийские принципы, не помешало снижению влияния тори, что усилило их беспокойство за судьбу церкви в случае прихода вигов к власти. Этому также способствовал провал законодательно запретить случайную конфирмацию. Лишившись большинства в нижней палате на выборах 1705 г., тори пытались отвечать вигам в верхней палате, где их позиции сохранялись (Jones, 1976: 759–760).

В том же году появился анонимный памфлет «Памятка о церкви Англии», в котором постулировался ставший традиционным для тори лозунг «Церковь в опасности». Однако, воспользовавшись тем, что памфлет подвергал сомнению право королевы смещать министров, виги добились привлечения произведения к суду, признавшему применительно к нему клеветническим лозунг «Церковь в опасности». Но это лишь озлобило сторонников высокой церкви, считавших, что пока защищавшие церковь работы осуждались, произведения деистов и атеистов свободно издавались в стране. Данное дело привело к активизации использования церковных кафедр как оружия пропаганды и росту оппозиции снизу под знаменем защиты церкви (Barber, 2014: 121–122).

По мере усиления вигов в правительстве оппозиция высокой церкви и тори становилась все громче, вовлекая в борьбу уличные низы. Своего апогея противостояние вигов и тори, низкой и высокой церкви достигло во время дела преподобного доктора Генри Сачеверелла в 1709–1710 гг.

Данная статья посвящена рассмотрению идеологических и политических причин процесса над преподобным доктором в контексте развития многолетних дебатов о принципах Славной революции, интерпретации которой столкнулись в ходе процесса.

2. Материалы и методы

В качестве источников были привлечены проповеди и речи самого Сачеверелла, многочисленные памфлеты сторонников и противников проповедника, стенограммы прений в суде. Исследовательская литература включала труды ведущих специалистов по проблемам истории Церкви Англии (А. Барбер, П. Бономи, К. Дадли, У. Гибсон, П. Меза, Дж. Викерс, У. Уотсон, Дж. Уигелсворт и др.), историков политической эволюции страны после Славной революции (У. Ниггеманн, М. Рэнсом, Н. Роджерс, Дж. Блэк), специализированные работы по самому делу Сачеверелла и связанным с ним

мятежам (Б. Кован, Д. Хейтон, Дж. Холмс, К. Джонс, Дж. Лукатис, Е. Николсон). Нужно особо отметить специальный выпуск (2012, т. 31) журнала «Парламентская история», посвященный источниковедческим проблемам процесса над преподобным доктором, позволившим заметно обогатить данное исследование свежими подходами и актуальными источниками.

Решение исследовательских задач статьи методологически основано на классических принципах историзма и объективности. При проведении данного исследования автор использовал традиционные в отечественной историографии сравнительно-исторический и историко-типологический методы. Например, первый метод позволил проанализировать историческую обусловленность позиций обвинения и защиты в ходе процесса в их взаимосвязи с объективными явлениями в церкви и государстве. В статье также применялись историко-описательный и политико-описательный методы, обеспечившие объяснение религиозных интерпретаций Славной революции в общественно-политической мысли Англии начала XVIII в.

3. Обсуждение

Хотя звездный час Сачеверелла пришелся на 1710 г., отстаивать принципы высокой церкви он начал сразу же после Славной революции. Уже в период заседаний Конвента в 1689 г. Сачеверелл поставил вопрос о том, не станет ли наследственная монархия выборной из-за произошедшей революции ([Some account, 1710: 13](#)). По-настоящему публично свои взгляды преподобный доктор стал выражать с начала XVIII в. Так, в мае 1702 г. Сачеверелл прочел позже опубликованную проповедь «Политический союз», где защищал неразрывный союз церкви и государства. Более известной стала произнесенная им в том же году в Оксфорде речь, вскоре опубликованная как «Характер низшего церковника, написанный в ответ на истинный характер священнослужителя» ([A Brief Chronology, 2012: 35](#)). В ней Сачеверелл обвинял низких церковников в том, что они имели «мягкое отношение к слабым братьям», то есть деистам и диссентерам. Пассивное послушание было, по мнению доктора, единственным способом обеспечить в Англии мир, иначе люди будут считать себя «судьями законности действий правителей, и каждый их промах или проступок обернется конфискацией их корон». Ведь монархи правили по воле божьей, а не прихоти тех, кем они правят ([Wigelsworth, 2009: 49](#)). В следующие годы Сачеверелл не раз выступал автором публичных проповедей, таких, как «Характер и вред предрассудков и пристрастности» (1704), «Характер, обязанность и меры совести» (1706), «Природа, вина и опасность самонадеянных грехов» (1707), имевших, однако, меньший резонанс ([A Brief Chronology, 2012: 35](#)).

Победившие в 1708 г. на выборах в парламент виги хотели использовать свое преобладание для либерализации актов о проверке и корпорациях, сделав возможным нонконформистам претендовать на получение постов гражданской службы. Многие тори опасались, что эта религиозная политика будет означать поощрение и более радикальных ересей, таких, как деизм. Очень напрягали тори и королеву Анну продолжавшиеся расходы на участие в войне за испанское наследство. По мнению тори, поддержка и финансирование популярной среди вигов войны были связаны с поддержкой диссентеров ([Wigelsworth, 2009: 109–110](#)). В консервативной части общества также наблюдалось брожение в связи со смягчением акта о натурализации, что усилило чувства ксенофобии. В этих условиях торийский лорд-мэр Лондона пригласил Генри Сачеверелла прочесть проповедь в день поминовения раскрытия порохового заговора ([Lucaites, 1993: 37–38](#)). Выбор даты, являвшейся как годовщиной заговора католиков, так и годовщиной Славной революции, был многозначным. Более того, проповедь планировалась не в провинции, а в Лондоне, в национальный праздник, перед лордом мэром и олдсменами Сити, в только что завершеном Кристофером Реном соборе Святого Павла ([Scheinman, 2014: 384](#)).

В столь торжественной обстановке 5 ноября 1709 г. Генри Сачеверелл прочел ежегодную молитву в память о пороховом заговоре. Текст проповеди был основан на втором послании к коринфянам святого апостола Павла (глава 11, стих 26) «В опасностях между лжебратиями». Начав с библейского примера «лжебратства», оратор обратился к актуальности выражения в современных ему условиях: в отношениях «лжебратий» с Богом, церковью или религией; с государством, правительством или обществом; с частными лицами. Используя библейскую аналогию, автор критиковал диссентеров по вопросам случайной конфирмации ([The Perils, 1710: 9–10](#)). Доктор осудил эту «отвратительную» практику как случайную преданность государству, постулировав мысль, что «раскольники» неизбежно должны предать правительство, которому они враги ([Bonomi, 2003: 192](#)). Этот вывод следовал из той логики, что ложь рождает измену, что происходит при случайной конфирмации. Отсюда проповедником выводилась опасность нонконформистов для конституции и государства ([The Perils, 1710: 18](#)).

Кульминацией речи доктора стало страстное одобрение им политической теории высокой церкви. Сачеверелл подтвердил обязанность всех подданных предлагать законному правительству свое «абсолютное и безоговорочное подчинение», понимая «абсолютную незаконность сопротивления». Власть, по его мнению, никогда не могла быть защищена никакими принципами, кроме как исходящими от Церкви Англии ([Bonomi, 2003: 192](#)). Сачеверелл, жалуясь, что в обществе проповедуются атеизм, деизм, тринитаризм, социнианизм, а также цареубийство и анархия, считал,

что правительство не может быть искренним, не опираясь на принципы Церкви Англии ([The Perils, 1710: 15](#)).

Из пассажиров доктора следовали далеко идущие выводы. Сачеверелл, как и многие представители тори и высокой церкви, разделял доктрину пассивного послушания, явно противоречившую революционному сопротивлению. Любое сопротивление монарху, согласно доктрине, было греховным, даже если тот правил противно законам бога. Максимум, что мог сделать подданный, – не подчиняться преступным приказам и покорно ждать наказания или милости от государя. Это, по мнению доктора, и произошло в 1688 г.: подданные отказались повиноваться, и монарх сбежал, но сопротивления не было. Для вигов же эта интерпретация казалась полным отказом от догм Славной революции, когда сопротивление имело место, хотя бы в виде войск Вильгельма Оранского ([Dudley, 2010: 47](#)). Доктор же утверждал о недопустимости неподчинения государю, сравнивая его с грехом цареубийства. Сачеверелл, намекая на Славную революцию, ставил вопрос о законности признания трона вакантным ([The Perils, 1710: 12–13](#)). Этим проповедь приравнивала Славную революцию к цареубийству, объявляя любое гражданское неповиновение богопротивным, вызвав беспокойство даже королевы Анны ([Scheinman, 2014: 384](#)).

Неудивительно, что вигские олдермены отказались вынести Сачевереллу традиционную благодарность за речь. Однако уже 25 ноября его проповедь была опубликована. В течение месяца ее тираж достиг 50 000 экземпляров (которые, по оценкам, прочли 250 000 человек), и доктор стал знаменитостью. Видя растущий общественный резонанс и поддержку тори в стране, вигские политики стали разрабатывать план по сдерживанию эффекта от проповеди. Автора «мятежных клеветнических высказываний», которые были направлены против королевы и правительства, решено было привлечь к ответственности ([Wigelsworth, 2009: 110](#)). К этому вигов и умеренных тори также подтолкнуло недовольство практикой использования священниками высокой церкви своих кафедр в политических целях в начале XVIII в. В этом плане процесс над Сачевереллом стал кульминацией борьбы вигов и тори ([Barber, 2014: 116](#)).

13 декабря 1709 г. палата общин рассмотрела жалобу на два произведения Сачеверелла – «Общение греха» и «В опасностях между лжебратиями». После ознакомления с несколькими параграфами было решено считать эти работы «злонамеренной, скандальной и крамольной клеветой на ее величество, правительство, последнюю счастливую революцию и установленное законом протестантское престолонаследие». 14 декабря 1709 г. палата заслушала самого Сачеверелла и после недолгой дискуссии решила инициировать дело об импичменте проповедника в верхней палате ([An Impartial Account, 1710: 1–2](#)).

Вигское министерство окончательно решило отстранить Сачеверелла от должности за «тяжкие преступления и проступки», намереваясь использовать процесс как своеобразный форум для пропаганды своего видения Славной революции. Хотя проповедь доктора вигам можно было игнорировать, имелось несколько обстоятельств, которые не позволяли оставить ее без внимания. Прежде всего, проповедь читалась в особо подстрекательной манере, в день национального праздника, в столице, и была опубликована большим тиражом. При этом ее печатный вариант содержал неприятные намеки на оппонентов. Во-вторых, доктор применил теорию пассивного послушания для объяснения Славной революции, что находилось в прямом противоречии с вигскими интерпретациями этого события ([Lucaites, 1993: 31, 41](#)).

Весьма показательно, что преамбула обвинительного текста начиналась с обоснования революционной традиции, заложенной Вильгельмом Оранским, который «с вооруженными силами предпринял славное предприятие для избавления этого королевства от папства и деспотичной власти, которое «умилиствило Всемогущего Бога», благодаря чему «последняя счастливая революция свершилась и была утверждена». Сачеверелла обвиняли в «порочном, злонамеренном и подрывном желании подорвать и ниспровергнуть правительство ее величества и протестантского престолонаследия...», а также в стремлении «оклеветать и заклеить последнюю счастливую революцию, опровергнуть и обвинить решения обеих палат парламента, чтобы породить подозрительность и раскол среди подданных ее величества и чтобы спровоцировать их на крамолу и восстание...» ([The Tryal, 1710: 7–8](#)).

Обвиняющая сторона тщательно готовилась к процессу. Последняя декада декабря, январь и почти весь февраль ушли на подготовительные мероприятия: формирование текста обвинения, определение порядка процесса, выбор защитника обвиняемому, оформление помещения для суда. Официально процедура импичмента началась 27 февраля. Процесс Сачеверелла был задуман как политическое шоу в полном понимании этого слова, направленное на демонстрацию силы и власти, и, безусловно, был самым ярким процессом со времен казни короля Карла I. Это шоу одновременно было обращено к разным аудиториям – властным структурам, широкой публике, образованному классу и др. ([Cowan, 2012: 31](#)) Вестминстер холл (здание суда) стараниями, в том числе Кристофера Рена, был превращен в амфитеатр на 2000 зрителей, открытый для максимально возможного количества лиц, включая иностранных дипломатов и членов семей парламентариев. Для широкой публики доступ в зал суда осуществлялся через продажу билетов ([A Description, 2012: 142–144](#)). Процесс продлился 25 дней, на три недели дольше средней продолжительности других аналогичных

дел. Толпы сторонников обоих лагерей ежедневно приезжали к зданию, даже если у них не было шансов попасть внутрь (Lucaites, 1993: 32).

В отличие от эмоциональной проповеди защитные речи Сачеверелла отличались спокойствием. Проповедник полностью отверг все предъявленные обвинения, указав, что они искажали смысл его проповеди. Сачеверелл отрицал связь своей проповеди с революцией и отказ в ней от права на сопротивление, указывая, что имел в виду исключительно религиозный контекст, не имеющий политических аналогий (The Speech, 1710: 2–4). Еще до процесса современник вспоминал высказывание Сачеверелла о том, что он стоял за «дело Господа и его церкви, что его намерения заключались только в защите королевы и правительства от фанатиков...» (Ralph Bridges' Correspondence, 2012: 260), – линия, продолжаемая доктором в суде. Проповедник отрицал, что затрагивал ее величество и правительство, утверждая, что имелись и другие основания считать церковь в опасности, вроде многочисленных произведений, содержащих ересь и угрозу для церкви, исходящей от подрывной деятельности папистских эмиссаров (The Speech, 1710: 7–8). Даже виги вынуждены были признать мастерство доктора в защите, где присутствовала показная лояльность королеве Анне, из-за чего становилось трудно заподозрить его в якобитизме (Cowan, 2012: 29–30). Сачеверелл спрашивал, как он мог обвинять королеву в плохой администрации, способствовать разделению на партии и фракции, призывать людей к восстанию, если выступал против сопротивления: «Эти вещи, милорды, кажутся несостоятельными, если о человеке думают как о мятежнике за рекомендацию лояльности; или как о бунтаре за проповедь против крамолы». Сачеверелл напоминал, что давал присягу действующему монарху, сопротивление которому он осуждал (The Speech, 1710: 9).

В целом линия защиты Сачеверелла заключалась в попытке смягчения слов доктора, формально соглашавшегося с законностью революции 1688 г. Вряд ли можно сказать, что обвинение было полностью согласно с вопросом о том, когда сопротивление власти являлось таковым, но все отвергали позицию Сачеверелла, озвученную в проповеди (Bonomi, 2003: 192). Впрочем, в палате лордов представители церкви в лице епископов, даже осуждая доктора, в целом не отказывались от доктрины пассивного послушания. Современник отмечал, что в ходе дебатов эта доктрина, казалось, допускалась обеими сторонами, за исключением лишь двух епископов, притом один из них, епископ Оксона, объяснял свою позицию нежеланием провоцировать опасные настроения этой доктриной (Resistance or Non Resistance, 2012: 141). Епископ Оксфорда считал, что она может являться христианским долгом и служением в теории, но случайной на практике, потому что иначе революция была восстанием и все, что с ней было связано, является греховным (The Bishop of Oxford, 1710: 11–13). Епископ Салисбери, следуя логике Сачеверелла в контексте событий Славной революции, пришел к выводу, что сопротивление имелось, хотя бы в факте приглашения Вильгельма Оранского подданными Якова, иначе законность революции подвергалась сомнению (The Bishop of Salisbury, 1710: 16). В таких высказываниях епископальных лордов проявлялась тяжесть их выбора между лояльностью принципам церкви и политической преданностью.

Представители нижней палаты, где преобладали виги, были настроены к идее непротivления более враждебно. Так, будущий первый премьер-министр страны Роберт Уолпол полагал, что «доктрина неограниченного, безусловного пассивного послушания была впервые придумана для поддержки произвольной и деспотической власти...». Депутат спрашивал: «...Какое тут может быть намерение проповедовать это учение сейчас, ... если закон есть единственное правило и мера власти короны и послушания народа?» (The Tryal, 1710: 93). Главный вывод Уолпола заключался в том, что, если под сомнение ставится Славная революция, значит, ставятся под сомнение действующие правительство и королева, что, безусловно, противоправно (Robert Walpole's, 2012: 212).

Оппоненты позиции Уолпола и вигов, имея ограниченные возможности использовать для пропаганды парламент, защищали доктрину пассивного послушания снизу, активизируя печатную кампанию. Примером здесь может служить небольшая брошюра, представляющая абстрактный диалог доктора и его учеников по вопросу пассивного послушания, в котором ученики излагали с комментариями суть доктрины на основе библейского первоисточника. На вопрос об обязательствах перед суверенной властью в контексте доктрины следовал ответ об абсолютном и безусловном подчинении верховной власти, при незаконности сопротивления. Пассивное подчинение, по мнению автора, являлось истинной доктриной христианской церкви, которая не должна замалчиваться, ограничиваться или искажаться (The Loyal, 1710: 4–5).

4. Результаты

Несмотря на достаточно уверенную защиту и ощутимую поддержку снизу, 20 марта 1710 г. палата лордов большинством в 17 пэров (69 к 52) признала Сачеверелла виновным во всех предъявленных обвинениях, однако приговор, принятый 21 марта и обнародованный 23 марта, оказался сравнительно мягким (отстранение от проповедования на три года и сожжение его проповеди) и означал моральную победу доктора и партии высокой церкви (Jones, 1976: 764). Но по формально-юридическому признаку победа досталась вигам, сумевшим публично закрепить свою интерпретацию Славной революции (Lucaites, 1993: 53). Впрочем, в краткосрочной перспективе виги проиграли.

Процесс над Сачевереллом запомнился не только собственно судебными баталиями, но и одними из самых известных массовых беспорядков в Лондоне за весь XVIII в., сравнимыми с народной активностью в рамках дела Уилкса. Лозунг «Сачеверелл и Высокая церковь» в мятежах 1710 г. был тождественным кричалке «Уилкс и свобода» в событиях 1768–1769 гг. Как и Уилкс, Сачеверелл оказался прирожденным демагогом и человеком больших амбиций. Еще в 1702 г. он буквально наэлектризовал Оксфорд своей яростной атакой на случайную конфирмацию (Holmes, 1976: 60–61). В 1710 г. масштаб поддержки доктора резко возрос. Первые сообщения об атаке толпы на противников Сачеверелла, вигов и диссентеров, появились 18 февраля, достигнув пика 1–2 марта. Беснующаяся толпа выкрикивала лозунги «Боже, благослови королеву», «Боже, сохрани церковь Англии и Сачеверелла», атакуя моленные дома диссентеров и объекты собственности противников доктора (An Impartial Account, 1710: 11).

В ходе мятежей Сачеверелла виги оказались неприятно удивлены тем, что народ, интересы которого они защищали, отвернулся от них, обратившись к тори (Horsley, 1975: 340). Не видя объективных оснований сверхпопулярности доктора, весьма метко названного одним из его противников «преступником-триумфатором» (The Managers, 1710: 3), апологеты вигов часто применяли иррациональные объяснения. Так, в одной работе в едкой сатирической форме описывалась процессия едущего с дьяволом Сачеверелла. Описываемая полная катавасия и чертовщина была очевидной пародией на сторонников доктора и толпу (The Banbury Apes, 1710). Автор другого памфлета указывал, что предпосылки этой ситуации сложились еще в начале правления Анны, когда высокие церковники потеряли политическое влияние и в ответ обратились к мобилизующей идее о «церкви в опасности», в то время как на самом деле ей ничего не угрожало. Автор осуждал проповедников с кафедр, которые подрывали веру в парламентские решения, апеллируя к улице. Сачеверелл продолжил эту традицию, «...предупредив состоятельных горожан не доверять этому правительству, которое должно разрушиться...» (Four letters, 1710: 4, 7).

Впрочем, основания для выступлений уже давно сложились. Мятежи Сачеверелла имели ксенофобскую подпитку за счет Акта о натурализации, негативно воспринятого церковью, и приглашения правительством около 10000 кальвинистских беженцев из Пфальца, большинство из которых расселились в Лондоне (Holmes, 1976: 62). Стоит помнить, что к 1709 г., апогею вигского правления при Анне, четыре пятых приходского духовенства Англии и Уэльса было уверено, что правящая партия при малейшем шансе предаст англиканское наследие диссентерам, если не самим врагам христианства. Это и обеспечило поддержку проповедника снизу (Holmes, 1976: 69). В начале столетия тори и высокие церковники дружно кричали: «Церковь в опасности», – считая, что диссентеры, и особенно деисты, нанесли непоправимый ущерб церкви своими призывами к терпимости, и их глас был услышан (Wigelsworth, 2009: 55).

В 1700–1750-х гг. разрушительные толпы народа часто провозглашали себя сторонниками церкви и короля, скорее представляя торийские настроения, нежели вигские. Во времена Георга I партия тори смогла капитализировать рост от союза между аристократическими и народными интересами. Способность партии эксплуатировать ее призыв к реакционным и ксенофобским чувствам лондонской толпы не до конца осознавалась вигами (Horsley, 1975: 336, 339).

На удивление, мятежи Сачеверелла оказались сравнительно безобидными в плане людских потерь. Зафиксировано лишь двое погибших, порядка 50 раненных, включая порезавшихся стеклом, среди бунтовщиков и несколько пострадавших солдат. Во многом это объяснялось малыми задействованными для их подавления силами и отсутствием акта о мятеже (Holmes, 1976: 56). Впрочем, торийские современники, вроде Чарльза Барда, вообще отрицали сколь-либо серьезные мятежные действия, отмечая, что после королевской прокламации паписты покинули город, а констебли стали искать мятежников и их подстрекателей, но никого важного не поймали (The Case, 2012: 153).

Процесс импичмента преподобного доктора внес значительный вклад в развитие радикализма XVIII в., напомнив религиозно-политические дебаты «века революции». Генри Сачеверелл стал самым известным консервативным священнослужителем, бившим тревогу под лозунгом «Церковь в опасности», который в начале XVIII в., после того как вигское правительство пошло на уступки диссентерам и принципам религиозной терпимости, возрождающиеся тори стали использовать для привлечения англиканских священнослужителей на свою сторону (Bonomi, 2003: 191). После завершения процесса пропаганда тори в борьбе с вигами обратилась к широким слоям общества.

На пике массовой истерии дела Сачеверелла обе партийные группировки сыпали в адрес друг друга необоснованными обвинениями. Тори представляли своих оппонентов как атеистов, папистов, республиканцев, даже если это было лишено логики. Виги платили тем же, обвиняя тори в якобитизме и папизме, хотя в девяти десятых случаев это было заведомой ложью (Ransome, 1941: 77–78). Виги ставили знак равенства между папистами, якобитами и сторонниками лозунга «Церковь в опасности», фактически обвиняя в кризисе якобитскую клику за рубежом, стремившуюся расшатать устои церкви и государства (The Jacobite Plot, 1710). Процесс Сачеверелла породил очень сильное возбуждение в Лондоне и провинции, и сторонники высокой церкви смогли поддержать его до выборов 1710 г. Сачеверелл оказался превосходной фигурой для пропаганды, обладавшей способностью быть идолом для толпы (Ransome, 1939: 212).

Выступление против Сачеверелла сталоотячающим обстоятельством для многих противников пастора, которые испытали трудности с избранием в ряде округов. Так, в списке из 271 депутата Англии и Уэльса, голосовавших за импичмент, переизбрано было только 126 (Ransome, 1941: 79). В течение этой избирательной кампании виги имели тот недостаток, что не были способны, как тори, апеллировать к чувствам людей. Тори смогли представить королеву и Сачеверелла как угнетаемых вигскими министрами лиц и взывали к лояльности и симпатиям избирателей. Виги лишились даже своего традиционного козыря – призыва к продолжению войны, ибо эта тема уже была непопулярна в обществе (Ransome, 1939: 221). Поэтому суд над Сачевереллом и утрата поддержки королевы стали причинами возвращения тори к власти на выборах 1710 г.

Важно отметить огромную роль столицы как места локализации процесса. До ганноверского престолонаследия Лондон оставался торийской твердыней, умеющей защищаться и наступать, что блестяще продемонстрировал процесс Сачеверелла. Вне коммерческих и диссентерских кругов столицы виги не могли подавить торийский экстремизм, соседствующий с якобитскими симпатиями лондонской толпы, которая сохранила проторийские лозунги в пользу высокой церкви даже в 1715 г. (Rogers, 1978: 70–72). А вот, рассматривая влияние дела Сачеверелла вне столицы, можно отметить относительно низкий общественный интерес. Например, в Ирландии оно нашло достаточно слабый отклик среди политически активного населения, притом в большей мере молчание прерывали скорее виги, чем тори, отметившиеся всего буквально парой упоминаний о событиях в Лондоне (Hayton, 2012: 81).

Касательно судьбы самого Сачеверелла, нужно отметить, что, безусловно, процесс на время сделал его королем общественного мнения. После завершения импичмента Роберт Ллойд, эсквайр в графстве Сэллоп, предоставил доктору проживание, в течение которого с ним обращались как с вице-королем: встречались лучшие представители джентри и фригольдеров, а люди были счастливы лишь увидеть доктора (The Case, 2012: 160). Но вскоре популярность героя стала спадать. Он еще смог отметиться яркими проповедями на грани дозволенного (например, после снятия запрета публично проповедовать в мае 1713 г. он произнес речь «Ложные представления о свободе в религии и правительстве, разрушительные для обоих», где коснулся реставрации Карла II) и даже засветился в политической борьбе 1715 г., однако в условиях победы вигов после призвания Ганноверской династии его протестный потенциал шел по нисходящей. Последние годы жизни (до 1724 г.) Сачеверелл отстранился от острой политической борьбы, находясь на периферии общественного внимания.

5. Заключение

Подводя итоги дела и мятежей Сачеверелла, необходимо признать, что процесс над преподобным доктором и реакция на него в обществе стали одним из ключевых событий XVIII столетия, легко идентифицируемым в исторической памяти англичан. Сам Сачеверелл стал символом, в который каждая из сторон вкладывала свой смысл, как в 1710 г., так и значительно позднее. Не случайно, что спустя почти полвека известный живописец Хогарт поместил портрет доктора в дом проститутки на одной из картин в рамках знаменитой серии «Карьера проститутки» (См.: Nicholson, 2012).

В проповеди 1709 г. Сачеверелл предупредил о заговоре против церкви и государства, в который были вовлечены католики, диссентеры, нижние церковники и виги. Он увидел послереволюционный сдвиг в сторону атеизма, нерелигиозности, республиканизма, атакуя таким образом революционные принципы. В ответ на обвинения виги не могли не организовать процесс для защиты революционных принципов и культуры (Knights, 2012: 5–6). В ходе процесса лучшие юридические умы Англии обсуждали тонкости доктрин сопротивления и пассивного послушания, смысл ограниченной монархии (Bonomi, 2003: 192). Специфика процесса заключалась в том, что он стал дискурсом легитимности власти английского конституционного управления как такового (Lucaites, 1993: 33). Таким образом, суд над Сачевереллом имел две цели: показательно наказать проповедника и предостеречь всех желающих использовать церковную кафедру в политических целях. Процесс также давал возможность вигам озвучить нации свою интерпретацию Славной революции (Lucaites, 1993: 53). Результаты оказались явно противоречивыми. Несмотря на формальную победу вигов в суде, благодаря мягкому приговору и очевидной поддержке лондонских низов и части духовенства Сачеверелл и его доктрины оказались востребованы обществом, имевшим основания для недовольства правящими вигами. В краткосрочной перспективе это привело к победе тори на выборах 1710 г. и сохранению ими доминирования во власти до конца правления королевы Анны. Но это была пиррова победа.

Процесс продемонстрировал непоследовательность воинственной позиции тори и высокой церкви: во время суда Сачеверелл провозгласил свою верность королеве Анне, хотя все догмы его проповеди намекали на якобитизм, что после 1714 г. стало одной из причин краха позиций высокой церкви, которая в 1710 г. всего лишь смогла поймать удачный момент, умело воспользовавшись страхами духовенства и мирян перед религиозным инакомыслием (Gibson, 2001: 80). После ганноверского престолонаследия реакционные клирики, вроде Сачеверелла, оказались не у дел, в то время как виги выиграли битву за церковь, получили возможность ее направлять в XVIII в., сведя

остроту религиозного вопроса на нет (Watson, 2001: 168). Но самое главное, вигская интерпретация Славной революции возобладала в Англии окончательно.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых, МК-3624.2017.6 («Теория и практика революции в контексте развития парламентской монархии в Великобритании XVII–XIX вв.»).

Литература

- [A Brief Chronology, 2012](#) – A Brief Chronology of the Sacheverell Controversies // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 35-41.
- [A Description, 2012](#) – ‘A Description of ye High Court of Judicature for ye Tryal of Dr Henry Sacheverell’, printed for and sold by John Morphew (1710) [Madan 951], Harvard University, Houghton Rare Books Library, p EB65 A100 B675b v.5 // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 142-144.
- [An Impartial Account, 1710](#) – An Impartial Account of What pass'd most Remarkable in the Last Session of Parliament, Relating to the Case of Dr. Henry Sacheverell. Done on such another Paper and Letter, and may therefore be bound up with the Tryal of the said Doctor. [London]: Jacob Tonson, 1710. 16 p.
- [Barber, 2014](#) – Barber A.W. Censorship, Salvation and the Preaching of Francis Higgins: A Reconsideration of High Church Politics and Theology in the Early 18th Century // *Parliamentary History*. 2014. Vol. 33. Issue 1. pp. 114-139.
- [Black, 2004](#) – Black J. Parliament and Foreign Policy in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 261 p.
- [Bonomi, 2003](#) – Bonomi P.U. Under the Cope of Heaven: Religion, Society and Politics in Colonial America. Oxford: Oxford University Press, 2003. 291 p.
- [Cowan, 2012](#) – Cowan B. The Spin Doctor: Sacheverell's Trial Speech and Political Performance in the Divided Society // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Issue 1. pp. 28-46.
- [Dudley, 2010](#) – Dudley C. The Decline of Religion in British Politics, 1710-1734 // *Britain & the World. British Scholar*. 2010. Vol. 3. Issue 1. pp. 43-60.
- [Four letters, 1710](#) – Four letters to a friend in North Britain, upon the publishing the trial of Dr. Sacheverell. London, 1710. 34 p.
- [Gibson, 2001](#) – Gibson W. The Church of England 1688-1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge, 2001. 269 p.
- [Hayton, 2012](#) – Hayton D.W. Irish Tories and Victims of Whig Persecution: Sacheverell Fever by Proxy // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Issue 1. pp. 80-98.
- [Holmes, 1976](#) – Holmes G. The Sacheverell Riots: The Crowd and the Church in Early Eighteenth-Century London // *Past & Present*. 1976. № 72. pp. 55-85.
- [Horsley, 1975](#) – Horsley L. "Vox Populi" in the Political Literature of 1710 // *Huntington Library Quarterly*. 1975. Vol. 38. № 4. P. 335-353.
- [Jones, 1976](#) – Jones C. Debates in the House of Lords on 'The Church in Danger', 1705, and on Dr Sacheverell's Impeachment, 1710 // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. № 3. pp. 759-771.
- [Knights, 2012](#) – Knights M. Introduction: The View from 1710 // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Issue 1. pp. 1-15.
- [Livesey, 2009](#) – Livesey J. Civil Society and Empire: Ireland and Scotland in the Eighteenth-Century Atlantic World. New Haven – London: Yale University Press, 2009. 294 p.
- [Lucaites, 1993](#) – Lucaites J.L. Constitutional Argument in a National Theater: The Impeachment Trial of Dr. Henry Sacheverell // *Popular Trials: Rhetoric, Mass Media, and the Law*. Ed. by Robert Hariman. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993. pp. 31-54. 257 p.
- [Meza, 1973](#) – Meza P.T. The Question of Authority in the Church of England, 1689 to 1717 // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. 1973. Vol. 42. № 1. pp. 63-86.
- [Nicholson, 2012](#) – Nicholson E.C. Sacheverell's Harlots: Non-Resistance on Paper and in Practice // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Issue 1. pp. 69-79.
- [Niggemann, 2013](#) – Niggemann U. 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your ... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' about the 'Glorious Revolution'. Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe. / Ed. by Erika Kuipers, Judith Pollmann and others. Leiden – Boston: Brill, 2013. pp. 63-75. 340 p.
- [Ralph Bridges' Correspondence, 2012](#) – Ralph Bridges' Correspondence with Sir William Trumbull Relating to Sacheverell; BL, Add. MSS 72494-5 // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 252-279.
- [Ransome, 1939](#) – Ransome M. The Press in the General Election of 1710 // *The Cambridge Historical Journal*. 1939. Vol. 6. № 2. pp. 209-221.
- [Ransome, 1941](#) – Ransome M. Church and Dissent in the Election of 1710 // *The English Historical Review*. 1941. Vol. 56. № 221. pp. 76-89.
- [Resistance or Non Resistance, 2012](#) – Resistance or Non Resistance: Or, an Account of the Debates in the H- of L-s, on the First Article of Impeachment of Dr Henry Sacheverell, with Remarks on the Bishop of

Salisbury's, and the Bishop of Oxford's Speeches, in a Letter to a Friend (1710) [Madan 281]. Available only at Indiana University, Lilly Library, shelfmark PR3404.B9 // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. P. 138-141.

[Robert Walpole's, 2012](#) – Robert Walpole's Manuscripts Relating to the Trial; Cambridge UL, MSS Ch(H) 67/4, 8–10, 13 // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 205-231.

[Rogers, 1978](#) – Rogers N. Popular Protest in Early Hanoverian London // *Past & Present*. 1978. № 79. P. 70-100.

[Scheinman, 2014](#) – *Scheinman T.* UNC Wilson MS 547 ~ “Blind Zeal or Party Enthusiasm”: A Freethought Response to Henry Sacheverell and the Stresses of 1710 // *Studies in Philology*. 2014. Vol. 111. Issue 2. pp. 375-401.

[Some account, 1710](#) – Some account of the Family of Sacheverell, from its original, to this time. London: John Morphew, 1710. 26 p.

[Szechi, 2012](#) – *Szechi D.* A Non-Resisting, Passively Obedient Revolution: Lord North and Grey and the Tory Response to the Sacheverell Impeachment // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Issue 1. pp. 118-127.

[The Banbury Apes, 1710](#) – The Banbury Apes: Or, the Monkeys Chattering to the Magpye. In a Letter to a Friend in London. The Fourth Edition, Corrected. London: R. Mawson, 1710. 8 p.

[The Bishop of Salisbury, 1710](#) – The Bishop of Salisbury; His Speech in the House of Lords, on the First Article of the Impeachment of Dr. Henry Sacheverell. London, 1710. 16 p.

[The Bishop of Oxford, 1710](#) – The Bishop of Oxford; his Speech in the House of Lords on the first article of the Impeachment of Dr. Henry Sacheverell. London, 1710. 16 p.

[The Case, 2012](#) – The ‘Case of Henry Sacheverell’, Harvard Law School Rare Trials S Folio // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 147-186.

[The Jacobite Plot, 1710](#) – The Jacobite Plot: Or, the Church of England in No Danger. To which is Annex'd Captain Tom's New Declaration to All the Gentlemen of the Broomstick and Mopstaff Regiments. Also a Short Way with St. Paul and Sacheverell. 1710. 16 p.

[The Loyal, 1710](#) – The Loyal Catechism: Wherein Every English Subject May be Truly Instructed in Their Duty to Their Prince ... In a Dialogue Between Dr. Sacheverell and a Young Pupil. London: John Morphew, 1710. 24 p.

[The Managers, 1710](#) – The Managers Pro and Con: or, an Account of what is said at Child's and Tom's Coffee-Houses For and Against Dr. Sacheverell [by sir J. St. Leger]. London: A. Baldwin, 1710. 48 p.

[The Perils, 1710](#) – The Perils of False Brethren, both in Church and State: Set forth in a sermon preach'd before the Right Honourable Lord-Mayor, Aldermen, and Citizens of London, at the Cathedral-Church of St. Paul, On the Fifth of November, 1709. London: H. Hills, 1710. 24 p.

[The Speech, 1710](#) – The Speech of Henry Sacheverell, D.D. Made in Westminster-hall, On Tuesday, March 7, 1709/10. London: J. Baker, 1710. 16 p.

[The Tryal, 1710](#) – The Tryal of Dr. Henry Sacheverell, Before the House of Peers, for High Crimes and Misdemeanors... Published by Order of the House of Peers. London: Jacob Tonson, 1710. 456 p.

[Vickers, 2009](#) – *Vickers J.E.* Wesley: A Guide for the Perplexed. London – New York: T&T Clark International, 2009. 133 p.

[Watson, 2001](#) – *Watson W.C.* Rethinking the Late Stuart Church: The Extent of Liberal Anglicanism, 1688-1715 // *Anglican and Episcopal History*. 2001. Vol. 70. № 2. pp. 143-168.

[Wigelsworth, 2009](#) – *Wigelsworth J.R.* Deism in Enlightenment England: Theology, Politics, and Newtonian Public Science. Manchester: Manchester University Press, 2009. 238 p.

References

[A Brief Chronology, 2012](#) – A Brief Chronology of the Sacheverell Controversies. *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 35-41.

[A Description, 2012](#) – ‘A Description of ye High Court of Judicature for ye Tryal of Dr Henry Sacheverell’, printed for and sold by John Morphew (1710) [Madan 951], Harvard University, Houghton Rare Books Library, p EB65 A100 B675b v.5. *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 142-144.

[An Impartial Account, 1710](#) – An Impartial Account of What pass'd most Remarkable in the Last Session of Parliament, Relating to the Case of Dr. Henry Sacheverell. Done on such another Paper and Letter, and may therefore be bound up with the Tryal of the said Doctor. [London]: Jacob Tonson, 1710. 16 p.

[Barber, 2014](#) – *Barber A.W.* (2014). Censorship, Salvation and the Preaching of Francis Higgins: A Reconsideration of High Church Politics and Theology in the Early 18th Century. *Parliamentary History*. Vol. 33. Issue 1. pp. 114-139.

[Black, 2004](#) – *Black J.* (2004). Parliament and Foreign Policy in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press. 261 p.

[Bonomi, 2003](#) – *Bonomi P.U.* (2003). Under the Cope of Heaven: Religion, Society and Politics in Colonial America. Oxford: Oxford University Press. 291 p.

[Cowan, 2012](#) – *Cowan B.* (2012). The Spin Doctor: Sacheverell's Trial Speech and Political Performance in the Divided Society. *Parliamentary History*. Vol. 31. Issue 1. pp. 28-46.

- [Dudley, 2010](#) – *Dudley C.* (2010). The Decline of Religion in British Politics, 1710-1734. *Britain & the World. British Scholar*. Vol. 3. Issue 1. pp. 43-60.
- [Four letters, 1710](#) – Four letters to a friend in North Britain, upon the publishing the trial of Dr. Sacheverell. London, 1710. 34 p.
- [Gibson, 2001](#) – *Gibson W.* (2001). The Church of England 1688-1832: Unity and Accord. London – New York: Routledge. 269 p.
- [Hayton, 2012](#) – *Hayton D.W.* (2012). Irish Tories and Victims of Whig Persecution: Sacheverell Fever by Proxy. *Parliamentary History*. Vol. 31. Issue 1. pp. 80-98.
- [Holmes, 1976](#) – *Holmes G.* (1976). The Sacheverell Riots: The Crowd and the Church in Early Eighteenth-Century London. *Past & Present*. № 72. pp. 55-85.
- [Horsley, 1975](#) – *Horsley L.* (1975). "Vox Populi" in the Political Literature of 1710. *Huntington Library Quarterly*. Vol. 38. № 4. pp. 335-353.
- [Jones, 1976](#) – *Jones C.* (1976). Debates in the House of Lords on 'The Church in Danger', 1705, and on Dr Sacheverell's Impeachment, 1710. *The Historical Journal*. Vol. 19. № 3. pp. 759-771.
- [Knights, 2012](#) – *Knights M.* (2012). Introduction: The View from 1710. *Parliamentary History*. Vol. 31. Issue 1. pp. 1-15.
- [Livesey, 2009](#) – *Livesey J.* (2009). Civil Society and Empire: Ireland and Scotland in the Eighteenth-Century Atlantic World. New Haven – London: Yale University Press, 294 p.
- [Lucaites, 1993](#) – *Lucaites J.L.* (1993). Constitutional Argument in a National Theater: The Impeachment Trial of Dr. Henry Sacheverell. *Popular Trials: Rhetoric, Mass Media, and the Law*. Ed. by Robert Hariman. Tuscaloosa: University of Alabama Press, pp. 31-54. 257 p.
- [Meza, 1973](#) – *Meza P.T.* (1973). The Question of Authority in the Church of England, 1689 to 1717. *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. Vol. 42. № 1. pp. 63-86.
- [Nicholson, 2012](#) – *Nicholson E.C.* (2012). Sacheverell's Harlots: Non-Resistance on Paper and in Practice. *Parliamentary History*. Vol. 31. Issue 1. pp. 69-79.
- [Niggemann, 2013](#) – *Niggemann U.* (2013). 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your ... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' about the 'Glorious Revolution. Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe. / Ed. by Erika Kuijpers, Judith Pollmann and others. Leiden – Boston: Brill. pp. 63-75. 340 p.
- [Ralph Bridges' Correspondence, 2012](#) – *Ralph Bridges' Correspondence with Sir William Trumbull Relating to Sacheverell; BL, Add. MSS 72494-5.* *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 252-279.
- [Ransome, 1939](#) – *Ransome M.* (1939). The Press in the General Election of 1710. *The Cambridge Historical Journal*. Vol. 6. № 2. pp. 209-221.
- [Ransome, 1941](#) – *Ransome M.* (1941). Church and Dissent in the Election of 1710. *The English Historical Review*. Vol. 56. № 221. pp. 76-89.
- [Resistance or Non Resistance, 2012](#) – Resistance or Non Resistance: Or, an Account of the Debates in the H- of L-s, on the First Article of Impeachment of Dr Henry Sacheverell, with Remarks on the Bishop of Salisbury's, and the Bishop of Oxford's Speeches, in a Letter to a Friend (1710) [Madan 281]. Available only at Indiana University, Lilly Library, shelfmark PR3404.B9. *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 138-141.
- [Robert Walpole's, 2012](#) – Robert Walpole's Manuscripts Relating to the Trial; Cambridge UL, MSS Ch(H) 67/4, 8-10, 13. *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 205-231.
- [Rogers, 1978](#) – *Rogers N.* (1978). Popular Protest in Early Hanoverian London. *Past & Present*. № 79. pp. 70-100.
- [Scheinman, 2014](#) – *Scheinman T.* (2014). UNC Wilson MS 547 ~ "Blind Zeal or Party Enthusiasm": A Freethought Response to Henry Sacheverell and the Stresses of 1710. *Studies in Philology*. Vol. 111. Issue 2. pp. 375-401.
- [Some account, 1710](#) – Some account of the Family of Sacheverell, from its original, to this time. London: John Morphew, 1710. 26 p.
- [Szechi, 2012](#) – *Szechi D.* (2012). A Non-Resisting, Passively Obedient Revolution: Lord North and Grey and the Tory Response to the Sacheverell Impeachment. *Parliamentary History*. Vol. 31. Issue 1. pp. 118-127.
- [The Banbury Apes, 1710](#) – The Banbury Apes: Or, the Monkeys Chattering to the Magpye. In a Letter to a Friend in London. The Fourth Edition, Corrected. London: R. Mawson, 1710. 8 p.
- [The Bishop of Salisbury, 1710](#) – The Bishop of Salisbury; His Speech in the House of Lords, on the First Article of the Impeachment of Dr. Henry Sacheverell. London, 1710. 16 p.
- [The Bishop of Oxford, 1710](#) – The Bishop of Oxford; his Speech in the House of Lords on the first article of the Impeachment of Dr. Henry Sacheverell. London, 1710. 16 p.
- [The Case, 2012](#) – The 'Case of Henry Sacheverell', Harvard Law School Rare Trials S Folio // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Supplement. pp. 147-186.
- [The Jacobite Plot, 1710](#) – The Jacobite Plot: Or, the Church of England in No Danger. To which is Annex'd Captain Tom's New Declaration to All the Gentlemen of the Broomstick and Mopstaff Regiments. Also a Short Way with St. Paul and Sacheverell. 1710. 16 p.

[The Loyal, 1710](#) – The Loyal Catechism: Wherein Every English Subject May be Truly Instructed in Their Duty to Their Prince ... In a Dialogue Between Dr. Sacheverell and a Young Pupil. London: John Morphew, 1710. 24 p.

[The Managers, 1710](#) – The Managers Pro and Con: or, an Account of what is said at Child's and Tom's Coffee-Houses For and Against Dr. Sacheverell [by sir J. St. Leger]. London: A. Baldwin, 1710. 48 p.

[The Perils, 1710](#) – The Perils of False Brethren, both in Church and State: Set forth in a sermon preach'd before the Right Honourable Lord-Mayor, Aldermen, and Citizens of London, at the Cathedral-Church of St. Paul, On the Fifth of November, 1709. London: H. Hills, 1710. 24 p.

[The Speech, 1710](#) – The Speech of Henry Sacheverell, D.D. Made in Westminster-hall, On Tuesday, March 7, 1709/10. London: J. Baker, 1710. 16 p.

[The Tryal, 1710](#) – The Tryal of Dr. Henry Sacheverell, Before the House of Peers, for High Crimes and Misdemeanors... Published by Order of the House of Peers. London: Jacob Tonson, 1710. 456 p.

[Vickers, 2009](#) – *Vickers J.E.* (2009). *Wesley: A Guide for the Perplexed*. London – New York: T&T Clark International. 133 p.

[Watson, 2001](#) – *Watson W.C.* (2001). *Rethinking the Late Stuart Church: The Extent of Liberal Anglicanism, 1688-1715. Anglican and Episcopal History*. Vol. 70. № 2. pp. 143-168.

[Wigelsworth, 2009](#) – *Wigelsworth J.R.* (2009). *Deism in Enlightenment England: Theology, Politics, and Newtonian Public Science*. Manchester: Manchester University Press, 238 p.

Дело Сачеверелла как столкновение религиозных и политических интерпретаций Славной революции в Англии начала XVIII в.

Леонид Владимирович Сидоренко ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Славная революция 1688–1689 гг. в Англии стала уникальным примером исключительного единства общественно-политических сил страны, но которое уже спустя несколько месяцев сменилось острыми идейными, политическими и религиозными разногласиями. Важную роль в зарождении этой нестабильности сыграли теоретические воззрения об интерпретации принципов революции. В противовес идеям вигов и деятелей низкой церкви о праве на сопротивление, участники высокой церкви и тори защищали концепции божественного права королей и пассивного послушания. Противостояние вигов и тори, низкой и высокой церкви достигло апогея во время дела преподобного доктора Генри Сачеверелла в 1709–1710 гг., привлеченного к суду за публичное опровержение вигской концепции принципов Славной революции. На основе источников и историографии автор статьи анализирует причины процесса, рассматривая столкновение интерпретаций Славной революции, а также исследует мятежи в Лондоне в поддержку доктора, вызванные ростом его популярности. В статье делается вывод, что процесс над проповедником стал дискурсом легитимности английского конституционного правления. Несмотря на формальную победу вигов, доктор и защищаемые им доктрины оказались востребованы обществом. В краткосрочной перспективе это обеспечило победу тори на выборах 1710 г. и удержание ими власти до ганноверского престолонаследия. Но после 1714 г. реакционные клирики, вроде Сачеверелла, оказались не у дел, в то время как виги окончательно утвердили в стране свое видение Славной революции и выиграли битву за церковь, сведя остроту религиозного вопроса на нет.

Ключевые слова: Славная революция, Генри Сачеверелл, виги, тори, высокая церковь, низкая церковь, интерпретация, мятежи, радикализм.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: l.sidorenko@spbu.ru (Л.В. Сидоренко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 970-979. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842)

Stepan V. Dzhundzhuzov ^{a, *}, Sergey V. Lyubichankovskiy ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The imperial policy of acculturation pursued the goal of integrating the alien population into the Russian economic and sociocultural space. In the presented research this process is considered on the example of structuring of the power elite from representatives of the feudal-tribal nobility among the Stavropol christened Kalmyks. It manifested itself both in the formation of the military-bureaucratic status of the Kalmyk managers, and in the imposition of standards for a settled way of life.

The sources for the study were materials from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow), the Russian State Military Historical Archive (Moscow), the State Archives of the Orenburg Region (Orenburg). Part of the archival materials used in the article were S.V. Dzhundzhuzovym prepared and provided for publication in the thematic collection "Volga Stavropol Kalmyks...". The information contained in them allowed us to build a canvas of historical events, in the context of the development of which the empire defined and improved the methods of its acculturation impact.

The situational approach and the historical comparative method used in the course of the research made it possible to show and compare the changes in the legal position of the feudal-serving nobility of baptized Kalmyks, depending on the political strategy used by the government in a certain period.

In our opinion, the management elite, formed from Christian-dominated owners and *zaisangs*, was used by the empire as a kind of subordinate mechanism in establishing control and management over ordinary Kalmyks. For a little more than a century of the existence of the Stavropol Kalmyk settlement, the attitude of the government to the representatives of the Kalmyk nobility has undergone drastic changes – from elevation and support to total deprivation of all special rights and privileges.

Keywords: acculturation, Power, Empire, Kalmyks, politics, management, elite.

1. Введение

Имперская политика аккультурации, проводившаяся русским правительством в отношении многочисленных представителей инородческого населения, преследовала кардинальную цель их цивилизационной адаптации и интеграции в российское экономическое и социокультурное пространство. Опыт изучения политики аккультурации XVIII – начала XX в. свидетельствует о ее многогранности и широте направлений (Любичанковский, 2017; Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017), причем сценарии решаемых властями задач в разные периоды времени конкретизировались спецификой отношений, складывавшихся между империей и ее акторами на определенной территории (Джунджузов, Любичанковский, 2017; Васильев, Любичанковский, 2018). Российская ориентация кочевых и полукочевых народов достигалась не только методами силового давления. Для империи было важно сформировать «пророссийскую партию» из представителей знати и по мере вхождения инородческого государственно-территориального образования в состав России встраивать его управленческий аппарат в свою систему органов исполнительной власти.

* Corresponding author

E-mail addresses: djund@yandex.ru (S. Dzhundzhuzov)

Как показывает опыт русско-калмыцких отношений первой половины XVIII в., с отдельными группами властной элиты одного этнического образования могли выстраиваться разные по характеру взаимоотношения. Отношениям с ханами и наместниками Калмыцкого ханства придавался официальный дипломатический статус. Согласно выдвинутой В.И. Колесником концепции, ни одно из русско-калмыцких соглашений (шертей) не содержало даже намека на инкорпорирование калмыков в состав Российского государства на условиях подданства. Их обязательства перед Россией ограничивались военной службой. Когда перед калмыками-торгоутами встал выбор адаптироваться к российской цивилизационной системе ценой утраты суверенитета или сохранить его, пожертвовав приволжскими кочевьями, хан Убаши и его окружение выбрали второй путь и в 1771 г. откочевали в Китай (Колесник, 2016).

2. Материалы и методы

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Часть использованных в статье архивных материалов была подготовлена и предоставлена С.В. Джунджузовым к публикации в тематическом сборнике «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.». Содержащиеся в них нормативные акты, делопроизводственная документация, текущая и обобщающая статистика позволили выстроить канву исторических событий, в контексте развития которых империя определяла и совершенствовала методы аккультурационного воздействия на ставропольских крещеных калмыков и управлявшую ими феодально-сословную знать.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили показать и сопоставить изменения в правовом положении феодально-служилой знати крещеных калмыков в зависимости от политической стратегии, использовавшейся правительством в определенный период.

3. Обсуждение

Властная элита ставропольских крещеных калмыков в контексте влияния на нее имперской политики аккультурации до настоящего времени не являлась объектом специального исследования. Однако в российской историографии разработан достаточно обширный исследовательский материал, характеризующий различные аспекты истории Ставропольского калмыцкого войска. Проблемы административного устройства калмыцкого поселения, участия калмыцких полков в войнах России затрагивались в трудах дореволюционных историков П.И. Рычкова (Рычков, 1887), В.Н. Витевского (Витевский, 1897), Г. Прозрителева (Прозрителев, 1912) и других авторов. Большой вклад в изучение истории участия ставропольских калмыков в пугачевском восстании 1773–1774 гг. внес советский историк Т.И. Беликов (Беликов, 1978). В их работах содержатся сведения о должностных обязанностях и деятельности чиновников Ставропольского войска. Важной источниковедческой и методологической новацией в современных исследованиях по военно-калмыцкой тематике стало использование формулярных списков офицеров Ставропольского калмыцкого полка. На их основе К.М. Максимовым, У.Б. Очировым, А.С. Ряжевым была представлена общая характеристика командного состава полка. В списках указывались сословное происхождение (принадлежность к знати или рядовым), возрастные критерии, наличие боевого опыта и стажа службы на пограничной линии, а также полученные офицером награды (Максимов, Очиров, 2012; Ряжев, 2012). Все эти сведения, представленные в хронологическом порядке, позволяют выявить изменения, происходившие при подборе и расстановке управленческих кадров со времени основания поселения крещеных калмыков и до его упразднения в 1842 г.

4. Результаты

Во второй четверти XVIII в. курс на распространение христианства среди волжских калмыков становится ведущей стратегией, направленной к умиротворению правящей элиты Калмыцкого ханства и установлению над ним российского протектората. Реализация данной стратегии строилась на склонении калмыцких владельцев к принятию христианства. Предполагалось, что их примеру последуют рядовые калмыки. 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви Санкт-Петербурга состоялся обряд крещения внука калмыцкого хана Аюки, Баксадая Доржи. Восприемником калмыцкого владельца был сам император Петр I, по милости которого Баксадая нарекли Петром Петровичем Тайшиным. Тогда же были крещены семь зайсангов, представителей менее родовой знати, из свиты П. Тайшина (Орлова, 2006). Можно сказать, это был первый шаг к формированию привилегированного сословия у крещеных калмыков. Развернутая при улусе П. Тайшина православная миссия иеромонаха Н. Ленкеевича обеспечила численный рост конфессиональной группы крещеных калмыков. По сведениям, собранным Коллегией иностранных дел, к 1736 г. в православие перешли более 5,5 тыс. калмыков (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 140. Л. 13 об.).

Однако сам П. Тайшин оставался далеким от православного вероучения. Смена исповедания им рассматривалась как возможность заручиться поддержкой сильного покровителя в предъявлении

прав на ханский престол. Не получив ее, П. Тайшин заключил союз с двоюродным братом Дондуком Омбо. Братья договорились свергнуть хана Церена Дондука, а само Ханство поделить на две части. В междоусобной войне Россия выступила на стороне законного правителя. П. Тайшин был захвачен в плен у Красного Яра генерал-поручиком И.Ф. Барятинским. После того, как русское правительство в 1735 г. признало Дондука Омбо, пользовавшегося наибольшим авторитетом среди калмыцких владельцев, наместником Калмыцкого ханства, о возвращении П. Тайшина в калмыцкие степи не могло быть и речи. В 1736 г. опальный калмыцкий владелец решил обратиться с покаянным письмом к Анне Иоанновне. Он просил выделить в пределах России территорию для поселения крещеных калмыков, вывести их всех из Калмыцкого ханства и передать под его управление. Предложение П. Тайшина устраивало все заинтересованные стороны. Дондук Омбо освобождался от пользовавшихся русским покровительством и сеявших религиозную рознь нелояльных калмыков. Россия получала людские ресурсы для заселения и хозяйственного освоения малолюдного Самарского Поволжья, а также контингент для усиления охраны пограничных линий. Петр Тайшин восстанавливал владельческое достоинство и получал в управление всех крещеных калмыков, размещенных на обособленной территории. К тому же вследствие прекращения деятельности православной миссии в Калмыцкой степи малосведущие в христианстве крещеные калмыки вновь попадали под влияние буддистского духовенства.

По замыслу правительства поселение крещеных калмыков создавалось как административно-территориальное образование с особым автономным статусом и монархической формой правления. Осуществлению этого плана не помешала даже случившаяся в 1736 г. смерть П. Тайшина. Согласно Высочайшей грамоте, подписанной 20 июня 1737 г., вдова крещеного владельца Петра Тайшина, Анна возводилась в княжеское достоинство, и в ее управление передавались все крещеные калмыки. Грамотой определялся круг лиц, на которых возлагались властные полномочия в поселении крещеных калмыков. Правление основывалось на калмыцких обычаях. Из ближнего круга княгиня Анна выделила четверых зайсангов: Ивана Шору, Кирилла Шарапа, Матвея Бату Менку, Ивана Чидара, выступавших в качестве советников и исполнителей принимаемых ею по их совету решений. За остальными зайсангами сохранялось право на управление принадлежавшими им аймаками. Они обязаны были следить за правопорядком в своих кочевьях, не допускать вражды с другими русскими подданными, а также угонов скота и лошадей из улусов некрещеных калмыков ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 55](#)).

Для надзора за калмыками вводилась должность командира и военного коменданта строившейся для калмыков крепости. Первым исполняющим эту должность был назначен полковник Андрей Иванович Змеев. Удобной и безопасной для поселения калмыков полковник Змеев счел местность внутри Закамской линии, растянувшуюся почти на двести верст в длину по впадавшим в Волгу рекам Сок и Кондурче и на сто верст в ширину – от реки Черемшан до пограничной линии, «где и никакого поселения не имеется. Места удобные, как и для пашни, и для поселения, и для кочевья» ([ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14](#)). Все свои распоряжения калмыцкая княгиня была обязана согласовывать с командиром, правительственные указы и распоряжения получать через начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева. Из секретной инструкции, данной полковнику Змееву Кабинетом министров 30 июня 1737 г., следовало, что комендант мог оказывать непосредственное воздействие на назначение и устранение состоявших при княгине Тайшиной советников. «Которой из них явиться к тому не достоин и в делах не искусен, и ежели он, полковник Змеев, о таковом усмотрит, то представлять княгине, и советом своим ею склонить, чтоб такова недостойного другим достойным переменить» ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 62](#)).

Первые калмыцкие поселенцы в числе 2104 человека прибыли к новому месту жительства осенью 1737 г. ([Витевский, 1897: 515](#)). В 1738 г. княгиня Тайшина и зайсанги переселились в построенную для них на берегу Волги, в урочище Кунья Воложка, крепость. По инициативе коменданта крепости А. Змеева ее нарекли Ставрополем, а проживавших в ее округе калмыков стали называть «ставропольскими».

С первых дней поселения в Ставрополе зайсанги становятся объектом целенаправленного аккультурационного воздействия, исходящего от русского правительства. Оно проявлялось как в формировании военно-чиновничьего статуса калмыцких управленцев, так и в навязывании им стандартов оседлого образа жизни.

18 декабря 1737 г. В.Н. Татищевым и начальником Башкирской экспедиции генерал-майором Л.Я. Саймоновым было утверждено закрепленное императорским указом представление полковника Змеева о присвоении казачьих чинов состоявшим при княгине Тайшиной зайсангам. На основе этого указа была сформирована административно-управленческая структура калмыцкого поселения со штатным расписанием и должностными окладами. Ее возглавлял полковник с окладом 50 руб. годового жалованья. Далее шли: войсковой есаул, писарь – по 40 руб., пять ротмистров, из которых три с окладами 30 руб. и два – 25 руб., десять хорунжих – 20 руб., два есаула – 10 руб., два рассыльщика – 7 руб., два толмача – 6 руб. Всего на содержание чиновников предписывалось выдавать из казны 426 рублей ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 72](#)).

Инкорпорации калмыцких чиновников в «мир русской бюрократии», по замыслу А.И. Змеева, должно было способствовать школьное образование. На открытии школы, адаптированной под

воспитание и обучение калмыцких детей, настаивала сама княгиня А. Тайшина и состоявшие при ней зайсанги. Она просила канцлера А. Остермана «для обучения малых ребят» русскому языку и письму прислать трех учителей, которые состояли еще при ее покойном муже (РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–11). Вероятно, забота зайсангов об образовании своих детей была вызвана не только давлением со стороны опекавших их чиновников. Еще в бытность пребывания с П. Тайшиным в Санкт-Петербурге и общения там с чиновниками разного ранга они могли убедиться, что для карьерного роста нужна специальная подготовка, включающая знание русского языка, грамоты, основ православного вероучения и хотя бы элементарных арифметических действий. Осилить этот груз знаний было под силу только юному поколению крещеных калмыков.

Сенатский указ о заведении школы в Ставропольской крепости «для обучения калмыцких детей русскому и калмыцким языкам» был издан 6 июля 1741 г. На ее содержание и обучение десяти калмыцких мальчиков ежегодно выделялось 200 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 138. Л. 621).

Большое значение распространению грамотности среди калмыцкой знати придавал первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев. По его инициативе к середине 1740-х гг. число учащихся увеличилось с 10-ти до 20–30-ти человек. В школу позволялось принимать только детей владельцев и самых знатных зайсангов. Получение школьного образования губернатор возвел в неперемное условие для поступления на чиновничьи должности: «Из учеников,... которые в иных чинах быть похотят, прежде других производить, чтобы к обучению имели большую охоту» (ПСЗРИ-1, 1825: 309).

Привилегированный статус представителей калмыцкой знати не ограничивался властными полномочиями и должностными окладами. Его материальной основой должно было стать избыточное по сравнению с простолюдинами обеспечение земельными угодьями и другими материальными благами. Хозяйства знатных калмыков должны были стать примером перехода к оседлости и земледелию. Собственно, и само поселение началось с размещения княгини Тайшиной и сопровождавших ее зайсангов в домах, построенных для них в Ставропольской крепости. Указ о наделении ставропольских калмыков земельными наделами последовал 26 февраля 1739 г. В соответствии с содержащимися в нем нормативами предписывалось «производить нарезку земельных участков калмыкам под пашню двадцать четвертей в поле (10 десятин – С.Д., С.Л.), а в двух по тож, санных покосов по сту копен (10 десятин сенокосных угодий – С.Д., С.Л.), гумна и огороды по тридцать сажень, а поперек по пятнадцать» (Витевский, 1897: 515). Зайсангам полагались земельные наделы в двойном размере, а Анне Тайшиной – десятикратный надел пахотной земли и прочих угодий. Если исходить из этих нормативов, то только один участок пахотной земли, без учета земельных нарезок под дворы, гумна, луга и огороды, предоставлявшийся в пользование рядовой калмыцкой семье, составлял 60 четвертей (30 десятин – С.Д., С.Л.). Следовательно, семьям зайсангов нарезалось по 60 десятин пахотной земли (Джунджузов, 2010: 27).

Принятию решения о наделении калмыков земельными наделами предшествовала переписка княгини А. Тайшиной с Коллегией иностранных дел о пожаловании ей и зайсангам деревень с крепостными крестьянами. Свою просьбу калмыцкая правительница мотивировала потерей скота и имущества, разграбленных отставшими от нее в Астрахани некрещеными калмыками. Княгиня считала, что переданные ей во владение русские крестьяне будут обучать калмыков домоводству и возделыванию пашни. Видимо, усвоив за время нахождения в России свойственную казенному ведомству «скупость», А. Тайшина не преминула заметить, что «интересы Ее Императорского Величества тем полезнее будет, нежели чем великим денежным жалованьем их снабжать» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 136. Л. 314). А.И. Змеев поддержал просьбу княгини, уточнив, что крестьян лучше давать целыми деревнями, дворцовыми или казенными (министерскими). Окончательный вердикт по этому вопросу был вынесен 28 сентября 1738 г. Правительствующим Сенатом: «Оной княгине деревень ныне не давать, понеже калмыки к содержанию деревень незаобыкновенныи, и могут оныя привести до разорения, а паче к работам на пашне завсегда их употреблять будут, а сами, надеясь на то, пахать не будут» (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 82). В качестве работников и «учителей» сенаторы распорядились направлять на пашенные работы рекрутированных из крестьян гарнизонных солдат: пять в помощь княгине и ее людям и по одному – каждому зайсангу. После уборки хлеба солдаты-работники распускались по домам (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 82).

Монархическая по сути форма правления ставропольскими крещеными калмыками после смерти в 1742 г. княгини А. Тайшиной оказалась нежизнеспособной. Дети княгини умерли еще до переезда четы Тайшиных в Россию. Супруги стремились сохранить династию за счет боковых родственных связей. За содействием А. Тайшина обращалась даже к императрице: «Покойный муж мой во время жизни своей просил Ваше Величество, чтоб ему за бездетством усыновить и учинить наследника по себе, внука своего Чиданова сына, который ныне находится у Дондук Омбы, мне к себе взять» (РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.). Просьба эта была исполнена. Петр Торгоутский появился в Ставрополе в 1743 г. В Указе губернатору И.И. Неплюеву из Коллегии иностранных дел от 16 марта 1744 г. о передаче печати и панциря князя Петра Тайшина наместнику Калмыцкого ханства Дондуку Даше Петр действительно указан как ханский внук (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 91–92). Петр Торгоутский умер через несколько месяцев после переезда в Ставрополь, так и не успев толком вступить в наследственные права.

Наметившаяся с середины 1730-х годов практика «удаления» из Калмыцкого ханства и принятия христианства знатными калмыками, враждующими с законными правителями, продолжилась в 1740-е годы. Не случайно наибольший прирост калмыков в Ставропольском поселении, превысивший 5 тыс. человек (ГАОО. Ф. 6 Оп. 11. Д. 323. Л. 98), пришелся на 1743–1747 гг. Связан он был с утверждением в 1741 г. на ханском престоле Дондука Даши и последующим поражением выступивших против него сторонников вдовы хана Дондука Омбо, ханши Джан. Сама ханша с детьми была отправлена в Петербург, где 12 декабря 1744 г. прошла обряд крещения под именем Вера. По милости императрицы Елизаветы Петровны она была пожалована княжеским титулом и стала основоположницей княжеской династии Дондуковых (Нефедьев, 1837: 62–64).

Наиболее знатными из поселенных в Ставрополе калмыков были принявшие в 1744 г. христианство братья Петр (Тундут) и Павел (Айша) Торгоутские и крещеный 24 февраля 1745 г. дербетский владделец Никита Дербетев (Чидан). Последний привел с Дона 150 кибиток, поселенных отдельным улусом возле Красноярской крепости. Никита был родным братом Анны Тайшиной. В 1750 г. его сын Иван женился на дочери княгини Дондуковой Любви (Нефедьев, 1837: 64). Династические связи с ханской фамилией имел и Павел Торгоутский: он был женат на вдове хана Черена Дондука Вере Андреевой.

Чтобы избежать распрей между владельцами и зайсангами, правительству приходилось «изобретать» новые административные должности и выделять под них оклады. После смерти Анны Тайшиной высшим должностным лицом оставался полковник Кирилл Шарап с годовым окладом 120 рублей. Далее шли братья Торгоутские. Петр, полный тезка умершего «князя», так как поселился в Ставрополе раньше брата, был назначен судьей с годовым жалованьем в 100 рублей. Под Павла была учреждена должность войскового надзирателя улусов с окладом 80 рублей. Поскольку для Никиты Дербетева штатных должностей не находилось, а принадлежность к владельческому роду дербетов ставила его достоинство на ступень выше всех ставропольских владельцев, Указом из Коллегии иностранных дел от 24 сентября 1744 г., утверждалось его первенство над полковником К. Шарапом. Материальным подтверждением его более привилегированного положения стало жалованье в 150 рублей и передача ему по наследству дома покойной княгини (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 257–259).

Сложившаяся модель формирования властной структуры, когда вновь крестившийся знатный владделец мог претендовать на более высокую должность, оттесняя старожилов, была чревата конфликтами и подрывала и без того непрочную систему калмыцкого самоуправления. Ее реформирование последовало после передачи 16 апреля 1744 г. поселения крещеных калмыков в ведение оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Им было разработано положение «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оных калмыках», которое после внесения незначительных поправок 15 февраля 1745 г. было законодательно оформлено сенатским указом (ПСЗРИ-1, 1825: 308–328).

«Правилами» задавался принципиально новый вектор развития калмыцкого поселения. Оно получало национально-казачье устройство. С 1756 г. за ним закрепилось официальное название – Ставропольское калмыцкое войско. В связи с обретением калмыками казачьего статуса существенно сокращались феодальные привилегии калмыцкой знати на внеэкономическую эксплуатацию простолюдинов. Рядовые калмыки освобождались от уплаты податей своим бывшим владельцам. За зайсангами и владельцами сохранялось право занимать административные и военно-командные должности. Но, если прежде при назначении на более высокую должность учитывалась знатность происхождения и количество зависимых людей, то теперь во главу ставилась выслуга и заслуги (ПСЗРИ-1, 1825: 315).

В качестве органа административного управления крещеными калмыками в Ставрополе был учрежден Калмыцкий суд. Образцом для его организации послужил действовавший в Калмыцком ханстве суд Зарго. Тяжбы между калмыками регулировались на основе калмыцких правовых обычаев. Предполагалось, что со временем в Калмыцком суде будет внедрена общероссийская правовая практика. Российскую власть в Калмыцком суде представлял ставропольский комендант. Ему вменялось в обязанность следить, чтобы судебные решения не противоречили имперскому законодательству (ПСЗРИ-1, 1825: 311).

В первый состав Калмыцкого суда вошли «градский командир» комендант Останков, первенствующий член, владделец Никита Тайшин (Дербетев), полковник Кирилл Шарап, войсковой судья Петр Торгоутский, войсковой писарь, надзиратель, или управитель улусов Павел Торгоутский, войсковой есаул, войсковой квартирмейстер и войсковой хорунжий. После смерти Н. Тайшина «первенствующие члены» в Калмыцкий суд больше не назначались.

Калмыцкая правовая традиция была учтена и при определении административно-территориального устройства Ставропольского калмыцкого поселения. Оно было разделено на семь рот. Через двадцать лет их число увеличилось до одиннадцати. Название «рота» явилось производным от звания управлявшего ею старшины – ротмистра. Кроме ротмистра, в штат роты входили есаул и хорунжий. За каждой ротой закреплялась ротная территория, на которой размещались входившие в роту улусы.

Употребление термина «улус» в контексте поселения, подвластного представителю феодально-родовой знати, также указывало на этнический характер Калмыцкого войска. В каждом улусе дозволялось иметь не более ста кибиток (семей). Исключение делалось только для владельцев, приводивших для крещения большее число калмыков. Как и в Калмыцком ханстве, право на владение улусами распространялось только на калмыков «белой кости» – владельцев и зайсангов. Но в Ставропольском калмыцком войске им скорее отводилась роль казачьих командиров, нежели всевластных феодальных правителей.

На улусных командиров возлагались надзорно-полицейские и административно-хозяйственные обязанности. Они следили за общественным порядком в подведомственном улусе, надзирали за перемещениями улусных калмыков. Их заботам вверялось хозяйственное благосостояние калмыцких семей. Приравнивание ставропольских калмыков к казакам означало возложение на них казацкой воинской повинности, материальные затраты на несение которой полностью ложились на самих калмыков. В этой связи ротные и улусные командиры должны были следить, чтобы «когда и куда не востребуется, в скором времени собраться и во всякой исправности, то есть, чтобы оные люди на добрых лошадях и с надлежащим по их обыкновению ружьем отправлены быть могли» (ПСЗРИ-1, 1825: 312).

«Правилами» регламентировался порядок передачи улуса по наследству. После смерти владельца улус по его воле мог передаваться только прямому наследнику. В случае отсутствия такового представители улусных калмыков могли предложить коменданту передать улус одному из родственников их покойного владельца (ПСЗРИ-1, 1825: 326).

Сообразно властной вертикали выстраивался порядок земельного обеспечения калмыцких чиновников. Согласно Указу 1745 г., величина надела пахотной земли устанавливалась в зависимости от должностного положения его владельца. Войсковому старшине полагалось 100 четвертей, ротным старшинам – по 80, зайсангам – по 40, а рядовым калмыкам – по 20 четвертей пахотной земли (Шовунов, 1992: 55). Причем в отличие от зайсангов рядовым калмыкам земельные угодья с 1749 г. отводились не посемейно, а на улус в целом и, естественно, могли перераспределяться.

Начавшиеся по инициативе И.И. Неплюева преобразования оказали непосредственное влияние на сферу общественных отношений. 19 мая 1746 г. оренбургский губернатор представил Правительствующему Сенату доклад, в котором с удовлетворением отметил, что калмыки одобрили введенный у них порядок управления. Рядовые калмыки уже вполне осознали, что власть знати над ними ограничена законом. С жалобами на зайсангов и чиновников они обращаются к коменданту или непосредственно в Калмыцкий суд. В свою очередь, знатные калмыки начали осознавать прямую зависимость их благополучия от продвижения по служебной лестнице (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 150. Л. 124–124 об.). Безусловно, губернатор преувеличивал достижения своей администрации в деле аккультурации калмыков. О злоупотреблениях войсковых чиновников свидетельствовал в 1747 г. протопоп А. Чубовский (Шовунов, 1992: 137). Да и сам И.И. Неплюев «закрывал глаза» на незаконные поборы улусных командиров с рядовых калмыков: «Ибо, ежели у владельцев сию власть отрешить, то опасно, чтобы (калмыки – С.Д., С.Л.) не развратились, а к тому ж и всем тем чиновным их людям без такой корысти определенным жалованьем содержаться не возможно» (ПСЗРИ-1, 1825: 311). Через двадцать лет, 10 октября 1768 г., в обращении к исполнявшему обязанности оренбургского военного губернатора Н.Я. Ланову зайсанги вновь подняли вопрос о своем праве на покупку русских крестьян. Необходимость дарования им помещичьих прав зайсанги мотивировали тем, что «с восприятия христианской веры... как уже служилые люди всеми услугами и податями, каковыми, будучи в Орде исполняли, от них владельцы и зайсанги уже не получают. А по природе их владельца, зайсанга, для домашних услуг без таковых людей, которые черную работу исполняли, обойтись не могут. И хотя ныне с нуждой исправляются наймом крещеных же калмык за немалую плату и большими себе убытками и при том без пользы, ибо они калмыки такой работы исправлять и земледелия производить как российские крестьяне еще не обвыкли» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 172. Л. 165–165об.).

До восстания Е. Пугачева знатность происхождения строго учитывалась при назначении на вакантные должности в Калмыцком суде и в ротах. Предпочтение отдавалось Дербетевым и Торгоутским. Как свидетельствуют формулярные списки, службу они несли пожизненно. До своей кончины 1 ноября 1752 г. должность войскового судьи исполнял Петр Торгоутский (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 1. Л. 1). Его брат Павел «за показанную во время башкирского замешания службу и при армии в прошедшую с пруссаками кампанию и на линии» 28 апреля 1759 г. был произведен в войсковые полковники (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 7. Л. 114 об.). В этой должности он успел прослужить два года. Заслуги и владельческое происхождение отца позволили его вдове В. Андреевой добиться разрешения на зачисление на войсковые должности малолетних сыновей. 15-летний Яков 18 мая 1761 г. был определен в чин войскового ротмистра. В Указе из Оренбургской губернской канцелярии решение о назначении знатного недоросля обосновывалось следующими аргументами: «за службы отца ево и за прилежность во обучении российской грамоты, дабы де он наипаче ко услугам [был], также и прочия, на то смотря, к тому же побуждены быть могли, в ротмистры произвесть можно». Младший, Иван, тогда же был направлен на обучение в войсковую школу, а в 1768 г., в 16-летнем возрасте, получил разрешение на производство в хорунжие (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 244, 246).

Успешную служебную карьеру в Ставропольском калмыцком войске сделал старший сын Никиты Дербетева, Иван Большой Дербетев. На службу он поступил в мае 1745 г., за двадцать лет прошел путь от ротмистра до высшей войсковой должности – полковника. Неоднократно командировался на пограничные линии «для содержания форпостов». В формуляре на производство в войсковые судьи были указаны следующие его достоинства: «в должности звания своего прилежен... Подчиненных своих содержит порядочно и к сему тщание имеет. Лениности ради больным не притворяется и во всем себя ведет так, как исправному старшине надлежит. И как по чину своему опрятен, так и никаких не порядков от него не происходит, и к повышению достоин» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 279–280).

В конце 1750-х годов на Среднюю Волгу переселилась последняя крупная партия калмыков. Это были бежавшие из Китая и принявшие христианство джунгарские, или, как их называли в России, зюнгорские калмыки. По неполным данным в 1757–1759 гг. к волжским крещеным калмыкам присоединилось 2013 джунгаров. Они были распределены по улусам в трех новых ротах (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 194). В Калмыцком суде для их представительства была утверждена сверхштатная должность второго хорунжего.

Политика аккультурации калмыцкой знати, направленная на ограничение ее былых феодальных привилегий, давала повод для скрытого, а под влиянием пугачевского восстания, и открытого проявления недовольства. По подсчетам Т.И. Беликова, из 45 лиц начальствующего состава на сторону Е.И. Пугачева перешли 40 человек. Около половины из них примкнули к восставшим в сентябре–октябре 1773 г., когда восстание еще только начиналось. За ними пошли практически все рядовые калмыки, застигнутые на охваченной восстанием войсковой территории (Беликов, 1978: 15–16). Сподвижниками Пугачева и предводителями мятежных калмыков стали войсковой квартирмейстер Федор Иванович Дербетев, надзиратель улусов Лавр Торгоутский и другие представители феодально-служилой знати.

После подавления восстания и восстановления порядка в калмыцком поселении произошла заметная демократизация в войсковом командном составе. На высшие должности были назначены войсковые чиновники, не примкнувшие к Пугачеву. Войсковым полковником стал Федор Иванович Болоткоев, войсковым судьей – Федор Анамба. У обоих в послужных списках имеется указание, что в 1773–1774 гг. находились в осажденном пугачевскими повстанцами Оренбурге (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 15; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 205. Ч. 13. Л. 35).

В 1780-е годы заметные позиции в войсковой администрации начинают занимать рядовые калмыки (таблица 1). Из приведенной ниже таблицы следует, что их численность достигала почти 37 % от общего состава войсковых чиновников. Причем, если в Калмыцком суде, переименованном в Войсковую канцелярию, по-прежнему заседали представители феодально-служилой знати, то уже вакансии канцелярских служащих – толмачей, писцов, сторожей – полностью были укомплектованы выходцами из простолюдинов. Из 33 ротных старшин 12 в графе «происхождение» имели помету «из рядовых калмыков», в их числе 3 ротмистра, 6 есаулов и 3 хорунжих.

Таблица 1. Социальная принадлежность чиновников Ставропольского войска (сентябрь 1781 г.) (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 205. Ч. 13. Л. 39–45)

Служебная принадлежность	Старшины и зайсанги		Из рядовых калмыков
	из волжских калмыков	из джунгарских калмыков	
войсковых старшин	5	3	-
канцелярских служащих	-	-	5
ротных старшин	15	6	12
Всего	20	9	17

Процесс нивелирования феодально-сословных прав знатных калмыков усилился в первые десятилетия XIX в. Принятое 2 ноября 1803 г. положение «Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска» уже не содержало обязательного требования выдвигать на командные должности только представителей калмыцкой знати. Оно лишь ограничивалось рекомендацией отдавать предпочтение тем, «кои свой род ведут от зайсангов» (Волжские ставропольские калмыки, 2012: 54). В 1820–1830-е годы пресекаются родословные самых знатных в Калмыцком войске фамилий – Дербетевых, Торгоутских, Барышевских, Болоткоевых, Баглюновых. В докладе полковника Н.А. Мансурова, представленного в 1835 г. по итогам ревизии Ставропольского калмыцкого войска, отмечалось, что образ жизни семей владельцев и зайсангов ничем не отличается от образа жизни рядовых калмыков. Представители знатных фамилий перестали пользоваться авторитетом. Обыденным явлением стало заключение браков между членами семей разного сословного статуса.

Окончательная потеря сословных привилегий отпрысками феодально-родовой калмыцкой знати произошла в 1842 г., когда, согласно Указу Николая I, ставропольские калмыки влились в состав Оренбургского казачьего войска и переселились в Оренбургскую губернию.

5. Заключение

Таким образом, имперская политика аккультурации, преследовавшая цель обеспечения лояльности инородческого населения посредством инкорпорации представителей феодальной знати в систему военно-административного управления фронтирными территориями, не оставалась неизменной. Правящая элита поселенных на Средней Волге крещеных калмыков формировалась из принимавших христианство владельцев и зайсангов. Как показывает проведенное нами исследование, для империи она служила придаточным механизмом в деле установления контроля и управления над рядовыми калмыками. За чуть более чем вековую историю существования Ставропольского калмыцкого поселения отношение правительства к представителям калмыцкой знати претерпело кардинальные изменения – от возвышения и поддержки до полного лишения всех особых прав и привилегий.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Литература

- Беликов, 1978 – Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев – сподвижник Е.И. Пугачева. Элиста, 1978.
- Васильев, Любичанковский, 2018 – Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С.151–165.
- Витевский, 1897 – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1897.
- Волжские ставропольские калмыки, 2011 – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. / Отв. ред. А.С. Ряжев. Ростов-на-Дону, 2011.
- Волжские ставропольские калмыки, 2012 – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. / Глав. ред. А.С. Ряжев. Элиста, 2012.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- Джунджузов, 2010 – Джунджузов С.В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII века) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 4 (26). С. 29–45.
- Джунджузов, Любичанковский, 2017 – Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3. С.172–191.
- Колесник, 2016 – Колесник О.В. Ошибка хана Убаши // *Вестник Калмыцкого университета*. 2016. № 1 (29). С. 11–20.
- Любичанковский, 2017 – Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 31–37.
- Максимов, Очиров, 2012 – Максимов А.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
- Нефедьев, 1837 – Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб., 1837.
- Орлова, 2006 – Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006.
- Прозрителев, 1912 – Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмык. Ставрополь, 1912.
- ПСЗРИ-1, 1825 – Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. XII. № 9110. СПб., 1825.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рычков, 1887 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Ряжев, 2012 – Ряжев А.С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедальной политике государства: от семилетней войны до эпохи 1812 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 2. С. 27–32.
- Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992.
- Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017 – Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 4. pp. 1010–1024.

References

- Belikov, 1978** – *Belikov T.I.* (1978). F.I. Derbetev – spodvizhnik E.I. Pugacheva [F.I. Derebetev – a Companion of E.I. Pugachev]. Elista. [in Russian]
- Vasilev, Lyubichankovskiy, 2018** – *Vasilev D.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2018). Kazahi i russkie: bytovaya akkulturiaciya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Domestic Acculturation in 19th century]. *Voprosy Istorii*. №3. pp. 151-165. [in Russian]
- Vitevskij, 1897** – *Vitevskij V.N.* (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. [I.I. Nepluev and Orenburg Region in its Former Composition up to 1758]. Vol. 2. Kazan. [in Russian]
- Volzhskie Stavropolskie kalmyki, 2011** – *Volzhskie Stavropolskie kalmyki: seredina 30-x gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy* [The Volga Stavropol Kalmyks: from the mid-1730s through the First Half of the 19th Century. Documents and materials]: v 4 t. T. 1. Stavropolskoe kalmyckoe vojsko v seredine 30-x – 60-e gg. XVIII vv. Otv. red. A.S. Ryazhev. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Volzhskie Stavropolskie kalmyki, 2012** – *Volzhskie Stavropolskie kalmyki: seredina 30-x gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy* [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials]: v 4 t. T. 3. Stavropolskoe kalmyckoe vojsko v seredine 30-x – 60-e gg. XVIII vv.. Glav. red. A.S. Ryazhev. Elista. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of Orenburg Region].
- Dzhundzhuzov, 2010** – *Dzhundzhuzov S.V.* (2010). Nadelenie zemlej i zemlepolzovanie kazakov Stavropolskogo kalmyczkogo vojska (seredina XVIII veka) [Land Allotment and Land Use of Cossacks of the Stavropol Kalmyk Troops (mid-18th century)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. № 4(26). pp. 29-45. [in Russian]
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2017). Missionerskaya deyatelnost Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725-1734 gody) [Missionary Activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725-1734)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. №3. pp. 172-191. [in Russian]
- Kolesnik, 2016** – *Kolesnik O.V.* (2016). Oshibka hana Ubashi [The Error of Khan Ubashi]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. №1 (29). pp. 11-20. [in Russian]
- Lyubichankovskiy, 2017** – *Lyubichankovskiy S.V.* (2017). Politika akkulturiacii v usloviyah razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva [The Policy of Acculturation in the Conditions of the Empire Destruction: the Casus of Cantonal Zemstvo]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. №50. pp. 31-37. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov A.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskih vojnah [Kalmyks in Wars with Napoleon]. Elista. [in Russian]
- Nefedev, 1837** – *Nefedev N.* (1837). Podrobnye svedeniya o volzhskih kalmykah, sobrannyye na meste N. Nefedevym [Detailed Information About Volga Kalmyks: a Meeting at the Place by N. Nefedev]. SPb. [in Russian]
- Orlova, 2006** – *Orlova K.V.* (2006). Istoriya hristianizacii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. [The history of Kalmyks' Christianization: the middle of the 17th – the beginning of the 20th century]. Moscow. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – *Prozritelev G.* (1912). Voennoe proshloe nashih kalmyk [The Military Past of Our Kalmyks]. Stavropol. [in Russian]
- PSZRI-1, 1825** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. Ed. 1. Vol. XII. №9110. SPb. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rychkov, 1887** – *Rychkov P.I.* (1887). Topografiya Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg Province]. Orenburg. [in Russian]
- Ryazhev, 2012** – *Ryazhev A.S.* (2012). Komandnyj sostav Stavropolskogo kalmyckogo vojska v voennoj i veroispovedalnoj politike gosudarstva: ot semiletnej vojny do epohi 1812 g. [Command Structure of Stavropol Kalmyk Troops in the Military and Religious Policy of the State: from the Seven-Year War to the Epoch of 1812]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*. №2. pp. 27-32. [in Russian]
- Shovunov, 1992** – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva [Kalmyks among Russian Cossacks]. Elista. [in Russian]
- Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2017). The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of 18th – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 4. pp. 1010-1024.

Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты у ставропольских крещеных калмыков (1737–1842 гг.)

Степан Викторович Джунджузов^{a, *}, Сергей Валентинович Любичанковский^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Имперская политика аккультурации преследовала цель интеграции инородческого населения в российское экономическое и социокультурное пространство. В представленном исследовании данный процесс рассматривается на примере структурирования властной элиты из представителей феодально-родовой знати у ставропольских крещеных калмыков. Он проявлялся как в формировании военно-чиновничьего статуса калмыцких управленцев, так и в навязывании им стандартов оседлого образа жизни.

Источниками для проведения исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург). Часть использованных в статье архивных материалов была подготовлена и предоставлена к публикации С.В. Джунджузовым в тематическом сборнике «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.». Содержащаяся в них информация позволила выстроить канву исторических событий, в контексте развития которых империя определяла и совершенствовала методы своего аккультурационного воздействия.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили показать и сопоставить изменения в правовом положении феодально-служилой знати крещеных калмыков в зависимости от политической стратегии, использовавшейся правительством в определенный период.

По мнению авторов, управленческая элита, формировавшаяся из принимавших христианство владельцев и зайсангов, использовалась империей в качестве своеобразного придаточного механизма в деле установления контроля и управления над рядовыми калмыками. За чуть более чем вековую историю существования Ставропольского калмыцкого поселения отношение правительства к представителям калмыцкой знати претерпело кардинальные изменения – от возвышения и поддержки до полного лишения всех особых прав и привилегий.

Ключевые слова: аккультурация, власть, империя, калмыки, политика, управление, элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: djund@yandex.ru (С.В. Джунджузов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 980-991. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.980
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Activity of V.N. Tatishchev on the Arrangement of the Kalmyks when he was a Governor of Astrakhan and the Head of the Kalmyk Commission (1741-1745)

Badma K. Salaev ^a, Danara A. Suseeva ^a, Tamara S. Esenova ^{a, *}

^a Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the activities of V.N. Tatishchev on the resettling of Kalmyks when he was the Astrakhan Governor and the head of the Kalmyk Commission (1741–1745). It was based on the written documents stored in the National archives of the Republic of Kalmykia, previously not introduced into scientific circulation. A number of documents providing comprehensive information about important events and people's lives in one of the regions of the Russian State in the first half of the XVIII century relates establishment activities of Tatishchev. The Kalmyks who in the XVII century joined to Russian Federation actively participated in opposing its enemies, led a nomadic life, practiced Buddhism, engaged in cultivation of the traditional four types of livestock – cattle, sheep, horses, camels. The emerging situation in the Kalmyk steppe in the first half of the XVIII century after death of Donduk Ombo Khan caused the Tsar's administration concern: there was no agreement between the representatives of the Kalmyk elite, for this reason some of them not only expressed the idea of the migration out of the Russian state, but also took certain practical actions in this direction. The great role in preserving the integrity of the Kalmyk Khanate of that period was played by V.N. Tatishchev. A short time, when V. N. Tatishchev was the head of the Kalmyk Commission, was an important period in the history of the Kalmyk people – a period of further rapprochement with the Russian and other peoples living in Russia, active participation in public-political, socio-economical and cultural events related to the development of the Russia in the first half of the XVIII century. Thanks to his skillful diplomatic activities were halted resettlement sentiments raised by representatives of the Kalmyk elites in that period.

Keywords: V. N. Tatishchev, Astrakhan province, Kalmyk khanate, Kalmyk Commission, Kalmyks, documents.

1. Введение

Вклад В.Н. Татищева, выдающегося государственного деятеля, сподвижника Петра I, в развитие исторической науки, экономической географии, картографии, этнографии нашел отражение в научной (Гагин, 2009; Громыко, 2012; Гурвич, 1956; Качин, 2014; Коваленко, 1998; Кондратов, 1983; Манин, 2014; Павленко, 1992; Платонов, 1996; Пронштейн, 1986) и научно-популярной литературе (Кузьмин, 1987; Муравьева, 2007; Наумова, 2014; Никитин, 2010; Переведенцев, 1995; Торопицын, 2016; Шмидт, 1989). Исследования ученых и писателей основаны на богатейшем письменном наследии В.Н. Татищева. Однако материалы по деятельности этого выдающегося россиянина не в полной мере введены в современный научный оборот. Актуальность статьи определяется освещением деятельности В.Н. Татищева в бытность его главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и губернатором Астраханской губернии на основе анализа архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, которые не введены в научный оборот.

* Corresponding author

E-mail addresses: rector@kalmusu.ru (B.K. Salaev), suseeva@gmail.com (D.A. Suseeva), esenova_ts@mail.ru (T.S. Esenova)

2. Материалы и методы

2.1. Материалом послужила часть официально-деловой документации, относящаяся к годам официального пребывания В.Н. Татищева в должности астраханского губернатора и главы Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.), которые отложились в Д. № 141, № 142, № 145 Фонда И-36 Национального архива Республики Калмыкия (НАРК). Предстоит изучить еще около сорока Дел Фонда И-36 НАРК, связанных с темой «В.Н. Татищев и калмыки».

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма, предполагающего взаимосвязь между эпохой, обществом, народом и языком. Содержание деловых документов рассматривается как отражение социально-исторической практики, характерной для рассматриваемого исторического периода. В ней прослеживаются зарождавшиеся принципы русского делового письма, в становлении которых важная роль принадлежит В.Н. Татищеву.

3. Обсуждение

Летом 1741 г. В.Н. Татищев возглавил Калмыцкую комиссию, занимавшуюся вопросами обустройства калмыков, добровольно вошедших в состав Российского государства в XVII в. В декабре 1741 г. В.Н. Татищев был назначен на пост губернатора Астрахани. В указанный период тревожная обстановка в Калмыцкой степи, сложившаяся после смерти хана Дондук Омбы в 1741 г., вызвала обеспокоенность царской администрации, поскольку началась ожесточенная борьба за ханский престол между двумя враждующими партиями калмыцких владельцев. Отсутствие единогласия среди калмыцкой элиты стало почвой для раскола калмыцкого общества и высказываний отдельными владельцами идеи об их откочевки за пределы Российского государства. В своей деятельности новый астраханский губернатор В.Н. Татищев использовал методы восточной дипломатии: проводил переговоры, заключал договоры между враждующими сторонами, устраивал встречи, приемы, дарил подарки и т.п. Всесторонняя деятельность В.Н. Татищева нашла отражение в его служебных документах, среди которых важное место занимает деловая переписка как с центральными органами власти (Коллежиями иностранных и военных дел, «правительствующим» Сенатом), так и органами власти на местах (командирами и комендантами волжских городов и крепостей, атаманами Войска Донского), а также с наместником Калмыцкого ханства и знатными владельцами. Анализ архивных материалов позволяет заключить, что документация этого периода систематизирована, а документооборот упорядочен: все бумаги снабжены необходимыми реквизитами, содержат информацию об именах адресантов и адресатов, дате и месте написания, отсылке документа, именах курьеров, а также дате получения документа и принятия по ним соответствующих мер. Каждый документный жанр характеризуется определенными языковыми особенностями (лексикой, фразеологией, словосочетаниями, словоформами, синтаксическими конструкциями) и структурой. В России в XVIII в. складывается определенный стандарт в оформлении деловых документов, что нашло отражение в бумагах В.Н. Татищева. Развитие русского делового языка неразрывно связано, с одной стороны, с развитием общества, с другой – развитием системы русского литературного языка. Деловой язык сороковых годов XVIII века нами рассматривается с учетом тех общественно-исторических процессов, которые происходили в данную эпоху. Основные жанры документов, относящиеся к периоду деятельности В.Н. Татищева в качестве астраханского губернатора и главы Калмыцкой комиссии, характерны, видимо, для всего делопроизводства Российского государства указанного времени, в частности такие жанры, как указы, наказы, письма, доношения (донесения), рапорты, паспорта, подорожные и др. В ходе анализа архивного материала нами выделено более 30 жанров деловых документов. Каждый жанр характеризуется набором различительных признаков. Основными жанрообразующими признаками выступают следующие: название жанра, статус адресанта и адресата, цель и содержание текста, язык и стиль документа. Особенности оформления документов позволяют судить о лексических, морфологических, словообразовательных и синтаксических особенностях делового стиля первой половины XVIII века.

4. Результаты

Документами (от латинского *documentum* – ‘свидетельство, доказательство’ (Крысин, 2012: 107)) мы называем деловые бумаги, которые использовались губернатором В.Н. Татищевым в его управленческой деятельности. Эти документы отложились в НАРК (Фонд И-36. Опись 1). Управленческие документы периода губернаторства В.Н. Татищева весьма разнообразны. Они могут быть классифицированы по признаку «первичность–вторичность» на подлинники, дубликаты и копии. На основе статуса адресата и адресанта документы классифицируются на документы: 1) центральных органов власти (от императрицы, из Коллежий, Сената): Указы Ее императорского величества, грамоты и др.; 2) местных властей и канцелярий (рапорты, наказы, деловые письма, инструкции, ассигнации и др.); 3) частных лиц (подорожная, паспорт, просительное письмо и др.). С точки зрения выполняемых ими функций деловые документы делятся на: 1) информационного содержания; 2) ходатайствующие о чем-либо; 3) распорядительного содержания. Для каждой группы документов характерны определенные жанры, структура и языковые средства.

Эпоха петровских преобразований потребовала совершенствования делового языка. Многообразные жизненные процессы и ситуации, которые требовали своего точного определения и принятия по ним решений, вызвали к жизни разные по своему функциональному назначению документы. Например, в Делах Фонда И-36 НАРК за 1742 г. встречаются такие жанры документов, как (сохраняется старая орфография): промеморія, резэстръ, репортъ, паспортъ, инструкція, подорожная, записка, прогонные, письмо, указъ, наказъ, договоръ, присяга, резолюция, асігнация и др., которые рассказывают о важных событиях в Астраханской губернии и Калмыцком ханстве – в конкретном регионе Российского государства.

Приведем для примера оригиналы нескольких промемориев, которые наиболее часто встречаются среди административно-организационных жанров. Промеморія – это название официальных бумаг, которыми обменивались равные по своему положению учреждения.

В.Н. Татищев в своей работе часто использовал этот жанр. От своего имени он посылал «промеморіи» в Астраханскую губернскую канцелярию, канцелярию Оренбургской комиссии, царицынскому коменданту и т.д. В НАРК отложились в основном оригиналы «промеморій». С них делались копии, которые затем рассылались по адресатам.

Некоторые оригиналы интересны тем, что они содержат поправки, внесенные рукой Татищева. Редактируя тексты промеморий, он зачеркивал ненужные слова, вносил уточнения с помощью синонимов, словосочетаний и предложений. После правки Татищева с этих документов писари писали чистовики, которые и рассылались по адресатам.

Промемория как особый документный жанр имеет свои реквизиты. По центру листа заполняются три строки. В первой строке всегда называется автор документа – тайный советник и астраханский губернатор В.Н. Татищев (в документах – Татисчев); во второй строке – адрес организации, куда направляется документ; в третьей строке – название документа.

Содержание документа состоит обычно из 3-х частей. В первой части сообщается о принятии определенного решения самим губернатором (или по его поручению другим официальным лицом) по результатам изучения доношения (или рапорта), полученного в его адрес; во второй части – дается задание астраханской (или калмыцкой) канцелярии оформить официально принятое им решение на основе соответствующих указов ее императорского величества; в третьей части – указывается, какого числа и с кем послан документ для исполнения. Вот как выглядят типичные документы, называемые «промеморіями». Ниже мы приводим 3 таких документа, каждый из них сопровождается транслитерацией.¹

¹ В этом фрагменте и в остальных, приведенных дальше в статье, сохраняются старая орфография и пунктуация, но надстрочные буквы возвращены в строку и переданы курсивом в словах, предлоги пишутся раздельно с существительными. Кроме того, сохраняется татищевское сч вместо щ.

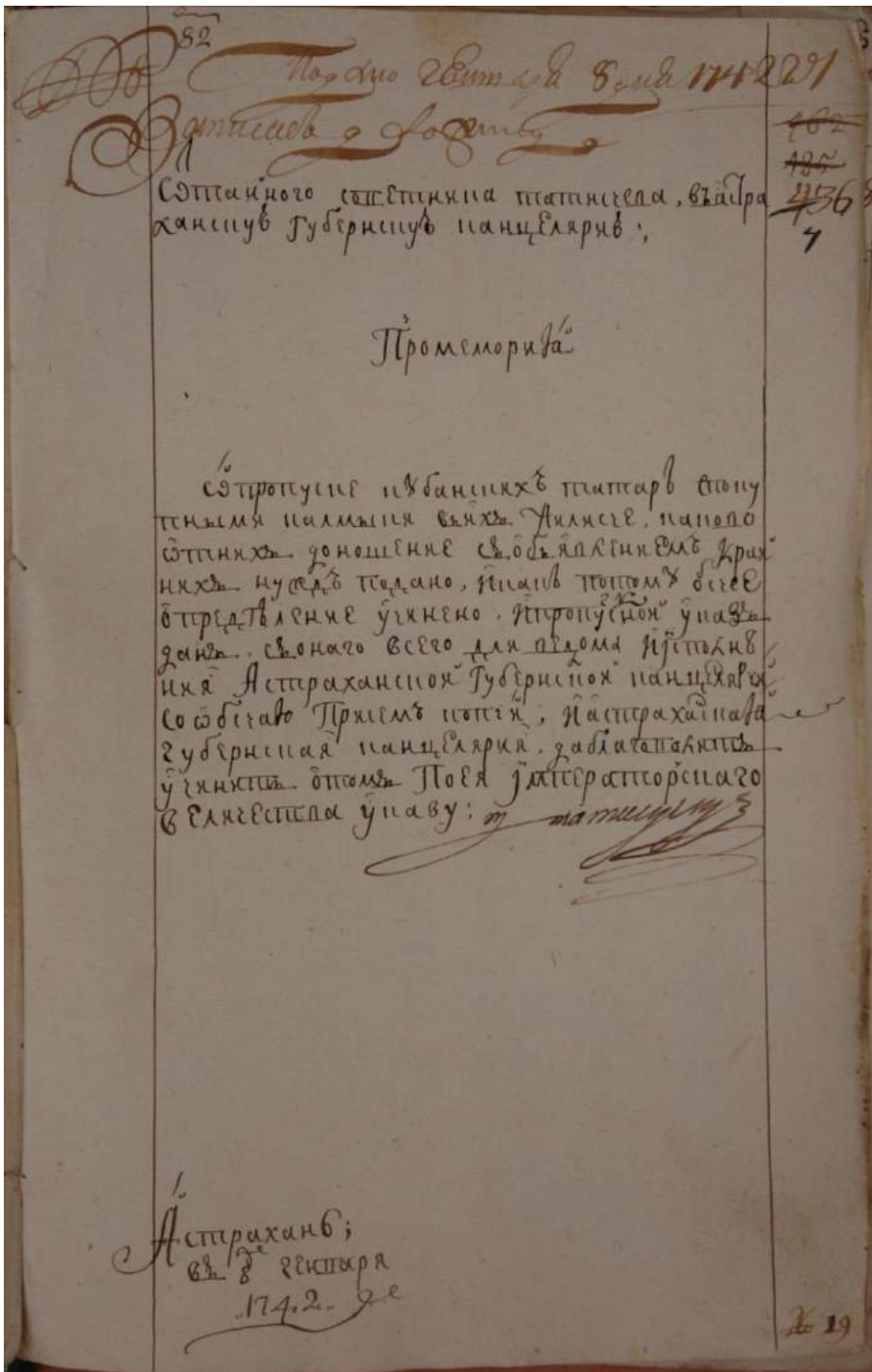

Рис. 1. Промемория – 1 (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 145. Л. 4)

Транслитерация Промемории – 1.

От тайного советника Татисчева въ Астраханскую губернскую канцелярию.

Промемория

О пропуске кубанских татаръ с покупными калмыки въ ихъ жилище, каково / от нихъ доношение съ объяснениемъ крайнихъ нуждъ подано, и какъ потому общее / определение учинено. Пропускной указъ данъ. Съ онаго всего для ведома и исполнения Астраханской губернской канцелярии / сообщая при семь копий, и Астраханская / губернская канцелярия да благоволить / учинить о томъ по ея императорскаго / величества указу:

В.Н. Татисчев (Автограф).

Астрахань,
въ 8 дне генваря 1742 г.

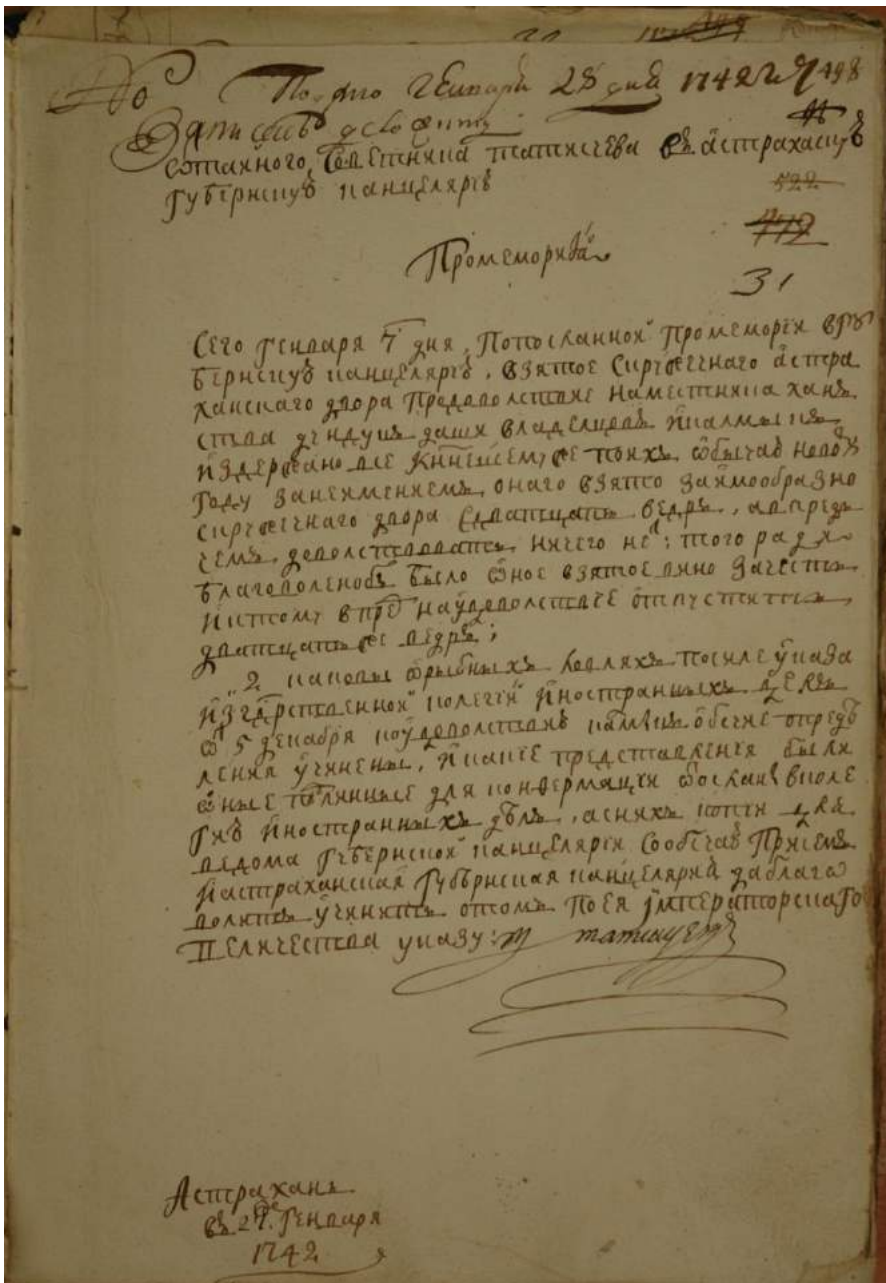

Рис. 2. Промемория – 2 (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 145. Л. 31)

Транслитерация Промемории – 2.

От тайного советника Татисчева въ Астраханскую губернскую канцелярию.

Промемория

Сего генваря 7 дня по посланной промемории въ губернскую канцелярию взятое с кружечного астраханского двора продовольствие наместника ханства Дундукъ Даши владельцев и калмыкъ / издержано все к нынешнему же по ихъ обычаю новому / году за неимениемъ онаго взято взаимнообразно / с кружечного двора с двадцать ведръ, а впредь / чѣмъ доволствовать ничего нет: того ради / благоволено бѣ было оное взятое вино зачесть / и к тому впред на удовольствие отпустить / двадцать же ведръ.

2. Какова о рыбныхъ ловляхъ. По силе указа / из Государственной коллегии иностранныхъ дѣлъ / от 5 декабря ко удовольствию калмыкъ общее определение учинено, и какие представления были оныя подлинныя для конфермации отосланы в Коллегию иностранныхъ дѣлъ, а с нихъ копии для / ведома губернской канцелярии сообщая при семь / и Астраханской губернской канцелярии даблаговолить учинить о томъ по ея императорскаго / величества указу.

В.Н. Татисчев (Автограф).

Астрахань,

въ 27 дне генваря 1742 г.

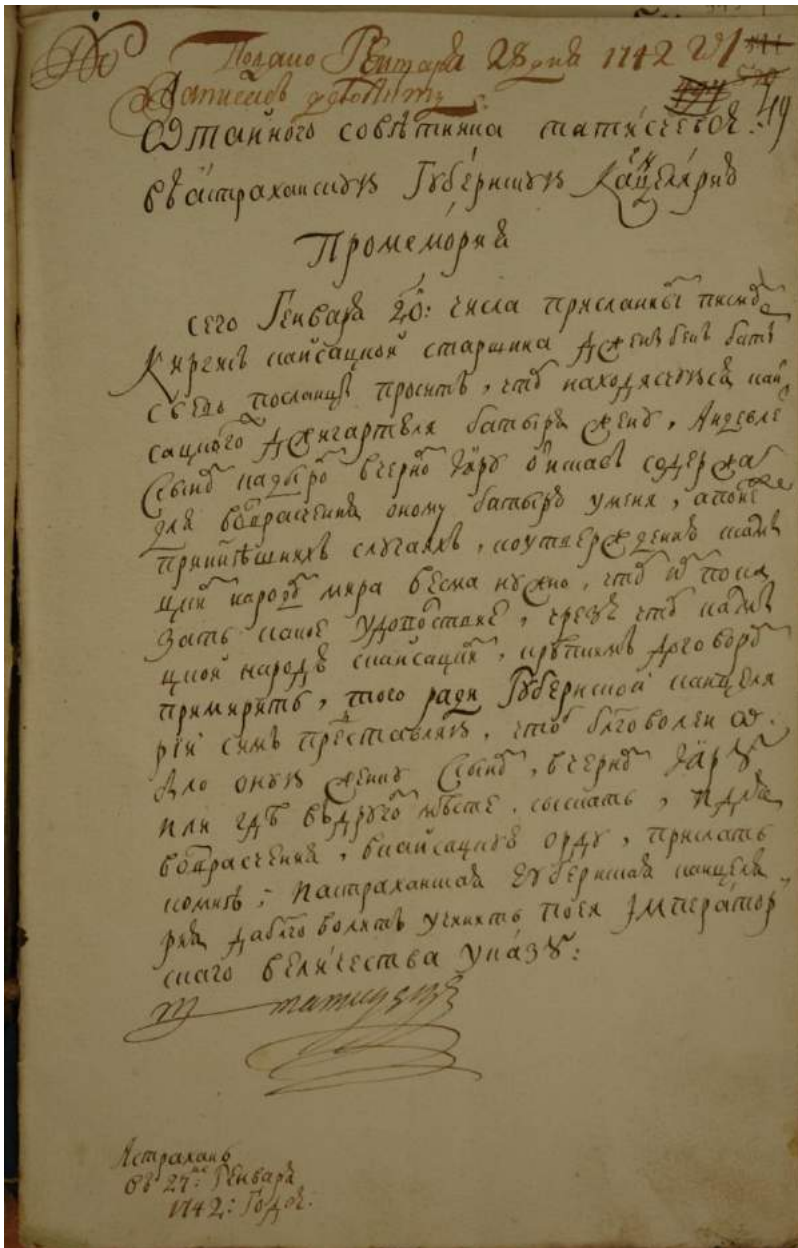

Рис. 3. Промемория – 3 (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 145. Л. 49)

Транслитерация Промемории – 3.

От тайного советника Татисчева / въ Астраханскую губернскую канцелярию.

Промемория

Сего Генвара 20 числа присланным письмом / киргизъ кайсацкой старшина Дженыбекъ Батырь / съ ево посланцы просить, чтоб находящуюся кай / сацкого ж Джигартеля Батыря жену, Андевет / съ сыном Кадыром в Черном Яру отыскавъ содержат / для возвращения оному Батырю у меня, а понеже / при нынешнихъ случаяхъ ко утверждению с калмыц / ким народом мира весьма нужно, чтоб им показать какое удовольствие чрез чтоб калмы / цкой народъ с кайсацким крепким договором / примирить, того ради губернской канцелярии симъ представляю, чтоб благоволено / было оную женку с сыном в Черном Яру / или где въ другом месте сыскать и для / возвращения в кайсацкую орду прислать ко мне, и Астраханская губернская канцелярия даблаговолитъ учинить по ея император / скаго величества указу.

В.Н. Татисчев (Автограф).

Астрахань,

въ 27 дне генвара 1742 г.

В многообразии жанров деловых бумаг, хранящихся в НАРК, отражается своеобразие общественной жизни Российского государства конкретной эпохи на конкретной территории. В связи

с этим привлекают к себе внимание деловые бумаги объемного содержания, написанные на 15–20 страницах и более, среди которых выделяются такие жанры, как дневальные, протоколы, журналы, книги и др. Так, особый интерес вызывает жанр «Дневальная» (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л.Л. 273–315; 316–543), который был использован, в частности, В.Н. Татищевым во время возглавляемого им «военного похода», организованного по решению руководства Астраханской губернии для мирного препровождения ханши Джан с ее кошем в г. Царицын и предотвращения возможных нападков на нее со стороны калмыцких владельцев, представлявших враждебную партию. На страницах «Дневальной» нашла отражение ежедневная практическая деятельность губернатора по решению им государственных задач, которые были возложены на него императрицей. В этой поездке самого В.Н. Татищева охранял военный отряд и сопровождала «походная» канцелярия с писарями, копиистами, переводчиками, курьерами и другими «служилыми» людьми, которые обеспечивали ему на весь период указанного «военного похода» руководство вверенным ему регионом, оперативную письменную связь с органами государственной власти в центре и на местах, связь с Калмыцким ханством и т.д. Жанр, использовавшийся с 1 августа по 30 октября 1742 г. во время «военного похода», представляет собой особый жанр делового документа, в котором в ежедневном режиме писарями ведется запись, фиксирующая конкретные дела В.Н. Татищева, выполненные им за день: переезд от одного пункта к другому, прием новой почты и знакомство с ней, ответы на запросы центра и местных органов власти, совещания, принятие решений и конкретных мер, его встречи и переговоры с ханшей Джан и другими калмыцкими владельцами, посланниками из Крыма, Кавказа, Казахстана и т.д., приглашение гостей и их «трактирование» (термин из «Дневальной», т.е. угощение), выезд и осмотр местности под строительство Енотаевской крепости, фиксация названий рек, озер, островов на Волге, населенных и почтовых пунктов и расстояний между ними на всем пути «военного похода» и т.д.

В «Дневальной» отражены важные факты, события, характеризующие и личность самого В.Н. Татищева как государственного деятеля, человека, обладавшего высокими духовными, моральными и эстетическими качествами, как опытного руководителя, способного влиять на обстановку и спланировать людей для выполнения государственных задач. В «Дневальной» и других письменных материалах содержится много информации, раскрывающей богатый внутренний мир В.Н. Татищева.

В.Н. Татищев возглавил Калмыцкую комиссию при Коллегии иностранных дел в трудные для калмыцкого народа времена. Калмыки, в XVII в. вошедшие в состав Российского государства, принимали активное участие в борьбе с его врагами, вели кочевой образ жизни, исповедовали буддизм, занимались разведением традиционных четырех видов скота – крупного рогатого скота, овец, лошадей, верблюдов. Российское правительство принимало меры по обустройству своих новых подданных, Калмыцкая комиссия занималась конкретно данными вопросами. Правительство благосклонно относилось к христианизации калмыков, их «обоседлению». В.Н. Татищев был проводником этих государственных планов. Как известно, еще работая в Оренбургской губернии, в 1738 г. для крещеных калмыков он основал город Ставрополь (ныне Тольятти).

О деятельности В.Н. Татищева по обустройству калмыков повествует также целый ряд деловых бумаг протокольного содержания и деловая переписка. Зима 1741–1742 гг. в Калмыцкой степи была чрезвычайно суровой, начался «цахан зуд» – белый дзут, когда скот погибает, т.к. невозможно добыть корм из-за обильного снега. Во избежание неминуемой смерти кочевников, лишившихся скота, который был для них и средством передвижения, и пропитанием, и источником для пошива одежды и обуви, В.Н. Татищев принимает государственное решение: разместить калмыцкие семьи среди русских крестьян. В феврале 1742 г. он расселил около 15 000 калмыцких кибиток для временного проживания в рыбных местах при астраханских, царицынских, гурьевских ватагах рыбопромышленников и казенных учугах, разрешив калмыкам ловить рыбу по Волге, а также в протоках и озерах от Саратова и до моря (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 116 об). В письме В.Н. Татищев посылает наместнику ханства список о расселении семей «скудных» калмыков по рыбным местам при астраханских ватагах и близ Яика (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 141. Л. 119).

Одной из важных заслуг В.Н. Татищева является то, что он смог «утихомирить» ханшу Джан, вдову калмыцкого хана Дондук Омбы, которая со своими многочисленными улусами и приближенными нойонами и духовными лицами решила откочевать за пределы Российского государства в знак протеста против назначения наместником Калмыцкого ханства Дондук Даши, а не ее сына. В.Н. Татищеву удалось предотвратить раскол калмыцкого общества, связанный с борьбой за ханский престол представителей противоборствующих групп калмыцкой элиты: с одной стороны Джан, с другой – Дондук Даши и жена легендарного хана Аюки Дарма Бала. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы Фонда И-36 Национального архива Республики Калмыкия.

В.Н. Татищев искренне заботился о повышении авторитета калмыцкого народа среди народов, соседствующих с Россией. Об этом, в частности, свидетельствует одна из многих записей, в которой говорится о том, что В.Н. Татищев настоятельно советует наместнику Дондук Даше сформировать и послать представительную делегацию Калмыцкого ханства для ее участия в мероприятиях, связанных с восшествием Елизаветы Петровны на императорский престол, чтобы главы соседних восточных народов знали, «в какой чести от россиян калмыцкий народ находится» (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142.

Л. 38). Благодаря усилиям В.Н. Татищева калмыцкая делегация в составе 17 человек приняла участие в торжествах по случаю восшествия на престол дочери Петра Первого – императрицы Елизаветы Петровны. Об этом свидетельствует, в частности, и одно из деловых писем В.Н. Татищева от 16 февраля 1742 г. (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 76).

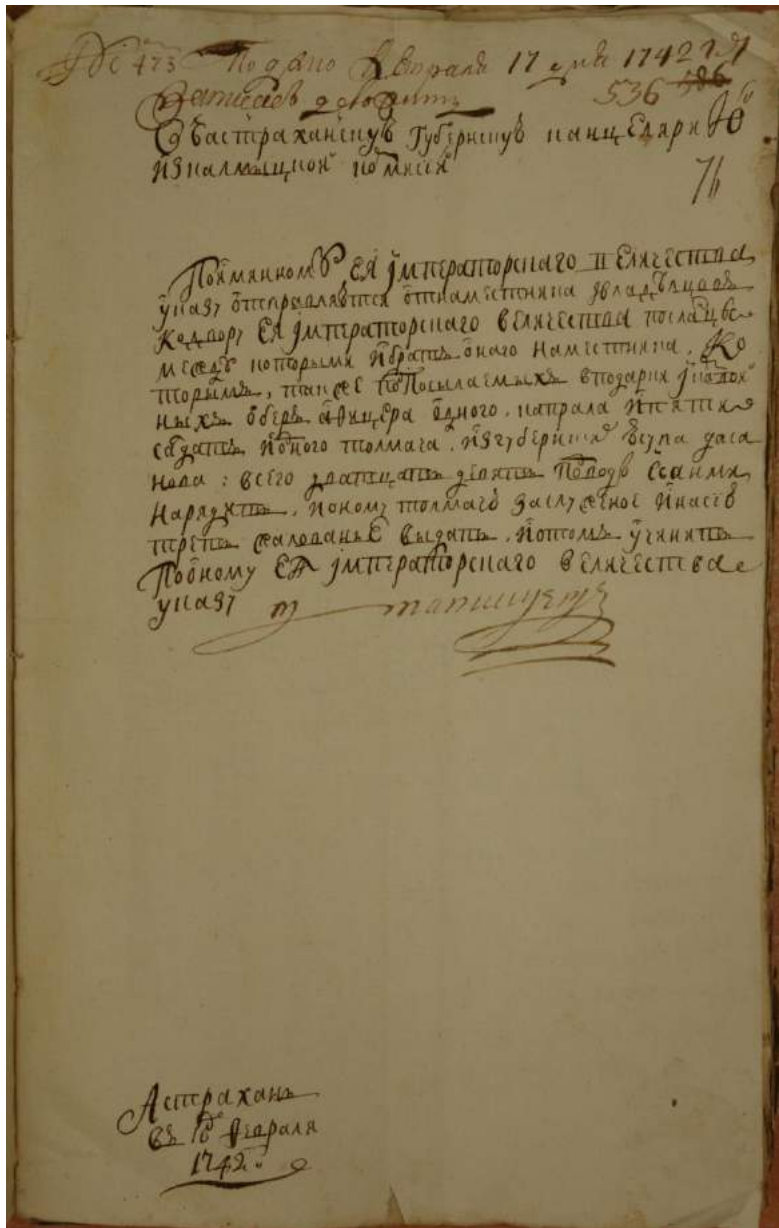

Рис. 4. Письмо В.Н. Татищева (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 76)

Транслитерация письма В.Н. Татищева

Въ Астраханскую губернскую канцелярию / изъ Калмыцкой комиссии

По имянному Ея імператорскаго величества / указу отправляются от наместника, владельцовъ / ко двору Ея імператорскаго величества посланцы / между которыми и братъ онаго наместника которымъ также под посылаемыхъ в подарки и канвойныхъ оберъафисера одного, капрала и пяти / салдаты и одного толмача изъ губернскихъ Юсупа Асанова: / всего дватцать девять подводъ с санми / нарядить, и оному толмачю заслуженное и на сию / треть жалованье выдать, и о томъ учинить по оному Ея імператорскаго величества указу.

В. Татищев (Автограф)

Астрахань

въ 16 дне февраля 1742 г.

В этом письме, как можно видеть, В.Н. Татищев сообщает Астраханской губернской канцелярии, что в соответствии со специальным Указом ко двору Ее императорского величества отправляются от наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши и калмыцких владельцев посланцы,

среди которых и брат самого наместника. Для калмыцких посланцев и посылаемых подарков определена охрана (*канвоя* – термин из письма): один обер-офицер, капрал и пять солдат, один толмач из губернской канцелярии – Есуп Асанов, двадцать девять подвод.

В вверенной ему Калмыцкой комиссии В.Н. Татищев наводил дисциплинарный порядок, чтобы «служилые люди» работали честно. Он слыл руководителем, любившим дисциплину, порядок во всем, нерадивых он наказывал. Об одном таком случае свидетельствует протокольная запись от 13 февраля 1742 г. (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 40):

«Калмыцкого языка толмачь ... сыскан / и явился здоровъ, и за тое / отговорку тайный советникъ / чтоб впред того чинить / не дерзалъ приказал высечь / батожемъ. Которой и наказан того ж / числа и велено ему при / делахъ быть безотлучно».

В.Н. Татищев ознакомился с культурой, обычаями калмыцкого народа и приобщал его к культуре русского народа. Губернатор приглашал калмыцких владельцев с их окружением на русские праздники, сам принимал приглашение и участвовал в калмыцких праздниках, для чего выезжал в калмыцкие улусы. Эти события отражены в протокольных записях 1742 г. По ним мы узнаем, что праздник Цаган Сар (празднование наступления весны по лунному календарю у калмыков) в 1742 г. был 26 февраля и что в этот день В.Н. Татищев и его приближенные были приглашены наместником Калмыцкого ханства Дондук Дашой и ханшей Дармой Балой в гости. Из одной из записей можно узнать о напитках, которые были посланы В.Н. Татищевым наместнику Дондук Даше и другим знатым калмыцким лицам в честь праздника Цаган Сар (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 24), из другой записи – о праздничном приеме В.Н. Татищева и сопровождавших его лиц в кибитке, «весьма богато убранной», у ханши Дармы Балы по поводу нового года по калмыцкому календарю, где были «трактованы» по русскому обычаю и пили за здоровье императрицы (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 24 об.-25).

Эти протокольные мероприятия по установлению добрососедских отношений в Калмыцкой степи были весьма важны. Кроме того, для установления доверительных отношений с главными персонами Калмыцкого ханства того времени – наместником Калмыцкого ханства Дондук Дашой и ханшей Дармой Балой и их приближенными – В.Н. Татищев приглашал и их к себе в гости. Так, в протоколе от 9 февраля 1742 г., в частности, зафиксировано, что тайный советник В.Н. Татищев через дворянина Черкесова пригласил к себе на обед в честь герцога Петра «Шлесвигъголтштинскаго» (слово из протокольной записи) наместника Дондук Даши, ханшу Дарму Балы, жену покойного хана Черен-Дондука с дочерьми, жену младшего сына ханши Дармы Балы и других владельцев со знатыми духовными персонами и зайсангами (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 38 обор.).

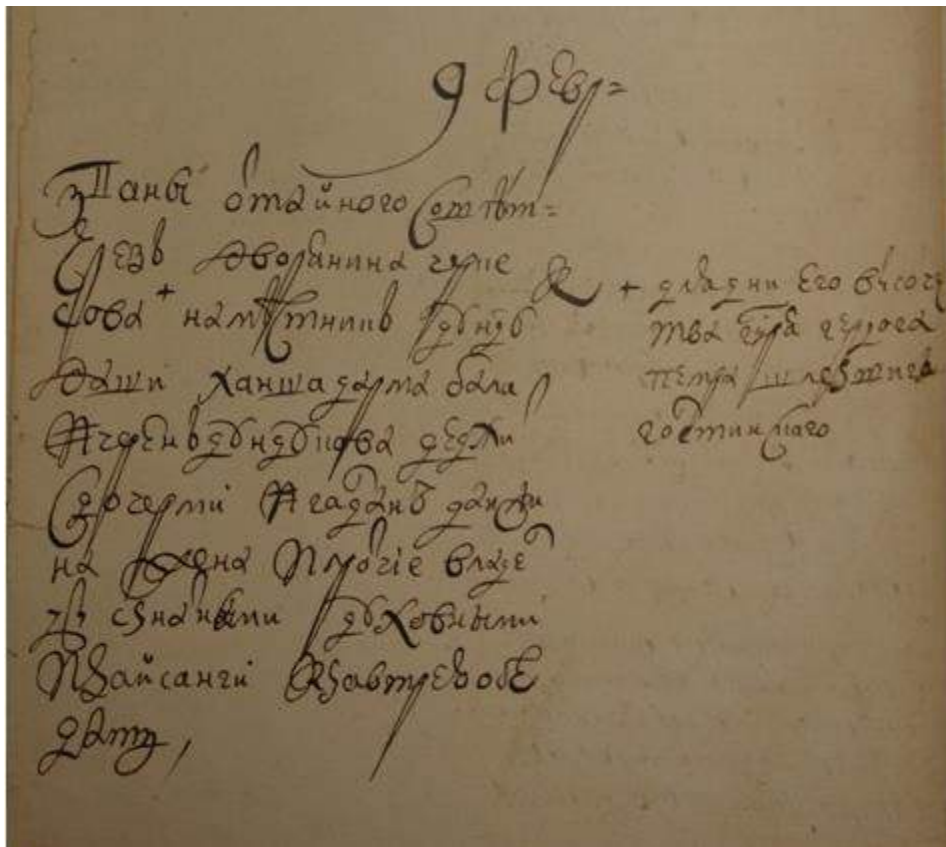

Рис. 5. Протокольная запись от 9 февраля 1742 г. (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142. Л. 38 обор.)

Транслитерация протокольной записи от 9 февраля 1742 г.

Званы от тайного советника
 чрезъ дворянина Черке
 сова* наместникъ Дундук *для дни его высочес
 Даши, ханша Дарма Бала тва гдря герцога
 Черенъдундукова Деджит Петра Шлесвиъ
 с дочерми, Галдан Данжиголстинскаго
 на жена и протчие владел
 цы с знатными духовники
 и зайсанги к завтраю обедать

В.Н. Татищев устанавливал контакты не только с авторитетными владельцами калмыцких улусов, но старался воспитывать молодых владельцев-калмыков, чтобы они не пьянствовали, не предавались беспорядочной жизни.

Об этом свидетельствует следующая протокольная запись:

«Ввечеру у тайного советника / быть владелецъ Олзыйтъ и с нимъ зайсангъ / Джамянгъ, / тайный советникъ говорит / слышно об немъ Олзыйте, что живет / непорядочно, и не слушает своих / зайсангов, а держит при себе некоторых плутов, которые ево какъ молодого / члвк приводят к непорядкамъ, к тому ж / он Олзыйтъ пьянствует, и начал продавать изъ улуса своего людей, и чтоб / техъ плутов при себе не держал, и слушал своих зайсангов, а ежели ж того / не отставит, и будет жить непорядочно, за то от ея императорскаго / величества вместо высочайшей / милости понесет гневъ; Олзыйтъ за учение тайного советника по премногу благодарил обесчался все свои непорядки отставить / тако ж и находящимся при немъ плутов при себе не держать, и быть / в послушании у своих зайсангов / и жить какъ доброму члвку надлежит, и дабы тайный советникъ / вину ему отпустил; / при том тайный советникъ / говорил зайсангу ево Джамянгу / чтоб они зайсанги ево / учили и плутовъ к нему не / запущать, а ежели жеон слушать не будет, то б они о томъ / представляли наместнику, а по / отбытии ево полковнику Бобарыкину, и о том бы он Джамянгу / сказа[л] и протчимъ своим зайсангам; / зайсангъ Джамянгъ тайного / советника попремногу благодарил / и все по приказу ево тайного советника исполнять обесчал» (НАРК. Ф.И-36. Оп.1.Д.142. Л.).

5. Заключение

Небольшой срок, когда В.Н. Татищев возглавлял Калмыцкую комиссию, был важным периодом в истории калмыцкого народа – периодом дальнейшего сближения с русским и другими народами, населявшими Россию, активного участия в общественно-политических, социально-экономических и культурных событиях, связанных с развитием Российского государства первой половины XVIII в. Архивные документы, хранящиеся в фондах НАРК, позволяют конкретизировать деятельность В.Н. Татищева на посту главы Калмыцкой комиссии, раскрыть грани его личности. Благодаря его искусной дипломатической деятельности, были приостановлены переселенческие настроения, возникавшие у представителей калмыцкой элиты в рассматриваемый период. Большую роль в сохранении целостности Калмыцкого ханства этого периода сыграл В.Н. Татищев. С сожалением можно говорить о том, что не было «своего Татищева» в роковом 1771 г., когда случился трагический исход большей части калмыков в Центральную Азию.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета.

Литература

- Гагин, 2009 – Гагин И.А. В.Н. Татищев и российская историография о походе князя Владимира на болгар в 985 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. № 1. С. 45–52.
- Громыко, 2012 – Громыко Г.Л. К 325-летию со дня рождения В.Н. Татищева // *Вопросы статистики*. 2012. № 2. С. 77–79.
- Гурвич, 1956 – Гурвич Д.М. В.Н. Татищев и русская археологическая наука // *Советская археология*. 1956. № 26. С. 153–164.
- Качин, 2014 – Качин Н.А. В.Н. Татищев – прообраз первого российского историка // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 1. С. 98–102.
- Коваленко, 1998 – Коваленко В.И. Василий Никитич Татищев // *Вестник Московского университета*. 1998. № 3. С. 53–68.
- Кондратов, 1983 – Кондратов Н.А. Лингвистические взгляды В.Н. Татищева // *Вопросы языкознания*. 1983. № 2. С. 81–89.
- Крысин, 2012 – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2012. 944 с.
- Кузьмин, 1987 – Кузьмин А. Г. Татищев. М., 1987. 366 с.

Манин, 2014 – Манин В.А. Заводской Устав В.Н. Татищева и формирование модели горного судопроизводства на Урале во второй четверти XVIII века // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2014. № 1. С. 43–48.

Муравьева, 2007 – Муравьева Л.А. Государственный деятель В.Н. Татищев // *Финансы и кредит*. 2007. № 3. С. 69–78.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Наумова, 2014 – Наумова Г.Р. Василий Никитич Татищев из рода Рюриковичей // *Философия хозяйства*. 2014. № 2 (92). С. 207–216.

Никитин, 2010 – Никитин О.В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII в. // *Русский язык в школе*. 2010. № 7. С. 86–93.

Павленко, 1992 – Павленко Н.И. Василий Никитич Татищев – зачинатель исторической науки в России // *Наука и жизнь*. 1992. № 9. С. 68–75.

Переведенцев, 1995 – Переведенцев С.В. Отец российской экономики // *Финансист*. 1995. № 29. С. 32–34.

Платонов, 1996 – Платонов Д.Н. Василий Татищев: этика и экономика // *Вестник Московского университета*. 1996. № 2. С. 38–42.

Пронштейн, 1986 – Пронштейн А.П. В.Н. Татищев и начало научного источниковедения в России // *История СССР*. 1986. № 3. С. 98–109.

Торопицын, 2016 – Торопицын И.В. Донесение В.Н. Татищева Военной коллегии по вопросам картографии России 1744 г. // *Исторический архив*. 2016. № 4. С. 191–197.

Шмидт, 1989 – Шмидт С. О. Зодчий наук // *Родина*. 1989. № 3. С. 53–54.

References

Gagin, 2009 – Gagin I.A. (2009). V.N. Tatishhev i rossijskaya istoriografiya o pokhode knyazy Vladimira na bolgar v 985 g. [V.N. Tatischev and Russian historiography of the campaign of Prince Vladimir on the Bulgarians in 985]. *Byulleten' Sankt-Peterburgskogo universiteta*. No 1. pp. 45–52. [in Russian]

Gromyko, 2012 – Gromyko G.L. (2012). K 325-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Tatishheva [To the 325th anniversary of the birth of V. N. Tatischev]. *Voprosy statistiki*. No 2. pp. 77–79. [in Russian]

Gurvich, 1956 – Gurvich D.M. (1956). V. N. Tatishhev i russkaya arkhologicheskaya nauka [V.N. Tatischev and the Russian archaeological science]. *Sovetskaya arheologiya*. No 26. pp. 153–164. [in Russian]

Kachin, 2014 – Kachin N.A. (2014). V.N. Tatishhev – proobraz pervogo rossijskogo istorika [V.N. Tatischev – the prototype of the first Russian historian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 1. pp. 98–102. [in Russian]

Kondratov, 1983 – Kondratov H.A. (1983). Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishheva [Linguistic views of B. N. Tatischev]. *Voprosy yazykoznaniya*. No 2. pp. 81–89. [in Russian]

Kovalenko, 1998 – Kovalenko V.I. (1998). Vasilij Nikitich Tatishhev [Vasily Nikitich Tatischev]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. No 3. pp. 53–68. [in Russian]

Krysin, 2012 – Krysin L.P. (2012). Tolkovyj slovar' inoyazychnykh slov [The explanatory dictionary of foreign words]. M. 944 p. [in Russian]

Kuz'min, 1987 – Kuz'min A. G. (1987). Tatishhev [Tatischev]. M. 366 p. [in Russian]

Manin, 2014 – Manin V. A. (2014). Zavodskoj Ustav V. N. Tatishheva i formirovanie modeli gornogo sudoproizvodstva na Urale vo vtoroj chetverti XVIII veka [Factory Charter V.N. Tatischev and the formation of a model of mining proceedings in the Urals in the second quarter of the XVIII century]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. No 1. pp. 43–48. [in Russian]

Murav'eva, 2007 – Murav'eva L. A. (2007). Gosudarstvennyj deyatel' V. N. Tatishhev [Statesman V.N. Tatischev]. *Finansy i kredit*. No 3. pp. 69–78. [in Russian]

Naumova, 2014 – Naumova G. R. (2014). Vasilij Nikitich Tatishhev iz roda Ryurikovichev [Vasily Nikitich Tatischev from the kind of Rurik]. *Filosofiya hozyajstva*. No 2 (92). pp. 207–216. [in Russian]

Nikitin, 2010 – Nikitin O. V. (2010). Vasilij Nikitich Tatishhev – russkij prosvetitel' XVIII v. [Vasily Nikitich Tatischev, a Russian educator of the XVIII century]. *Russkij yazyk v shkole*. No 7. pp. 86–93. [in Russian]

NARK – Natsional'nyj arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archives of the Republic of Kalmykia].

Pavlenko, 1992 – Pavlenko N.I. (1992). Vasilij Nikitich Tatishhev – zachinatel' istoricheskoy nauki v Rossii [Vasily Nikitich Tatischev – the founder of historical science in Russia]. *Nauka i zhizn'*. No 9. pp. 68–75. [in Russian]

Perevedentsev, 1995 – Perevedentsev S.V. (1995). Otets rossijskoj ehkonomiki [The father of the Russian economy]. *Finansist*. No 29. pp. 32–34. [in Russian]

Platonov, 1996 – Platonov D.N. (1996). Vasilij Tatishhev: ehtika i ehkonomika [Vasily Tatischev: Ethics and Economics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. No 2. pp. 38–42. [in Russian]

Pronshtejn, 1986 – Pronshtejn A.P. (1986). V. N. Tatishhev i nachalo nauchnogo istochnikovedeniya v Rossii [V.N. Tatischev and the beginning of a scientific study in Russia]. *Istoriya SSSR*. No 3. pp. 98–109. [in Russian]

[Shmidt, 1989](#) – *Shmidt S.O.* (1989). *Zodchij nauk* [The architect of Sciences]. *Rodina*. No 3. pp. 53-54. [in Russian]

[Toropitsyn, 2016](#) – *Toropitsyn I.V.* (2016). *Donesenie V.N. Tatishheva VoЕННОj kollegii po voprosam kartografii Rossii 1744 g.* [Report of V. N. Tatischev for military College of cartography of Russia in 1744]. *Istoricheskij arhiv*. No 4. pp. 191-197. [in Russian]

Деятельность В.Н. Татищева по обустройству калмыков в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.)

Бадма Катинович Салаев ^a, Данара Аксеновна Сусеева ^a, Тамара Саранговна Есенова^{a, *}

^a Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности В.Н. Татищева по обустройству калмыков в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии (1741–1745 гг.) на основе анализа письменных документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, ранее не введенных в научный оборот. О деятельности В.Н. Татищева по обустройству калмыков повествует целый ряд документов, которые дают всестороннюю информацию о важных событиях и жизни людей в одном из регионов Российского государства в первой половине XVIII в. Калмыки, в XVII в. вошедшие в состав Российского государства, принимали активное участие в борьбе с его врагами, вели кочевой образ жизни, исповедовали буддизм, занимались разведением традиционных четырех видов скота – крупного рогатого скота, овец, лошадей, верблюдов. Обстановка в Калмыцкой степи, складывавшаяся в первой половине XVIII в. после смерти хана Дондук Омбы, вызывала обеспокоенность царской администрации: не было согласия между представителями калмыцкой элиты из-за престолонаследия, некоторые из них по этой причине не только высказывали идею об откочевке за пределы Российского государства, но и принимали определенные практические действия в этом направлении. Большую роль в сохранении целостности Калмыцкого ханства этого периода сыграл В.Н. Татищев. Небольшой срок, когда В.Н. Татищев возглавлял Калмыцкую комиссию, был важным периодом в истории калмыцкого народа – периодом дальнейшего сближения с русским и другими народами, населявшими Россию, активного участия в общественно-политических, социально-экономических и культурных событиях, связанных с развитием Российского государства первой половины XVIII в. Благодаря его искусной дипломатической деятельности, были приостановлены переселенческие настроения, возникавшие у представителей калмыцкой элиты в рассматриваемый период.

Ключевые слова: В.Н. Татищев, Астраханская губерния, Калмыцкое ханство, Калмыцкая комиссия, калмыки, деловые документы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rector@kalmsu.ru (Б.К. Салаев), suseeva@gmail.com (Д.А. Сусеева), esenova_ts@mail.ru (Т.С. Есенова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 992-1008. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.992
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Birch Bark Tobacco Boxes of the XVIII-XIX centuries of Turkic People in the Taiga Region of Chulym (the South of Western Siberia)

Olga B. Belikova ^{a, *}

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstract

Drawing on archaeological materials, the article looks into issues associated with tobacco consumption in the south-eastern periphery of Western Siberia, more specifically, in the taiga region of Chulym (the Chulym River which is the right tributary of the River Ob). It provides an analysis of eight birch bark tobacco boxes – found on 18–19th century sites – that were used by the aboriginal population of the region, namely, the Chulym Turks. These boxes are designed for storing crushed tobacco or tobacco mixtures. Tobacco smoking known to be present in Europe since the late 16th century had become widespread in Russia by the early 17th century. According to scientific literature, the indigenous population of Siberia was largely introduced to tobacco in the 17th century (A.V. Shapovalov believes that this most probably took place in the period from the 1610s to the 1630s). The Chulym Turks are thought to have encountered tobacco and smoking accessories in the 17th century at the earliest, through the Selkups from the neighbouring Naryn Ob region. From written ethnographic evidence it is known that by the 1770s the Chulym Turks had become familiar with smoking in great numbers. From the 18th to the 19th centuries, birch bark tobacco boxes started to appear in their everyday life and ritual practices and were most definitely part of female burial rites. The study presented in the article revealed that these Chulym Turks' tobacco boxes were all executed in a much similar style as far as their shape and design are concerned. The six tobacco boxes, ornamented with symbols of agriculture and fertility, were identified to be clearly of Russian origins. Thus, this set of Western Siberian artefacts constitutes a relic of 18–19th century Russian birch bark craftsmanship. The origins of the remaining two undecorated tobacco boxes are presumably Russian as well. Russian tobacco boxes such as these acted as objects of exchange between Russian merchants and the Chulym Turks.

Keywords: tobacco consumption, tobacco boxes, 18–19th centuries, Western Siberia, taiga region of Chulym, Chulym Turks.

1. Введение

Реконструкция этнокультурных процессов на территории Сибири, происходивших после ее присоединения с конца XVI в. к Русскому государству, основана на исследовании письменных и вещественных источников. Материалы археологии в изучении ряда сюжетов истории и культуры аборигенов Сибири становятся подчас приоритетными, включая проблему о культуре потребления табака. Успех ее разработки во многом сопряжен с подробными исследованиями по отдельным сибирским ареалам, среди которых и таежное Причумылье – узловым историко-культурным регионом Западной Сибири, ее юго-восточная периферия.

Из археологических памятников XVII–XIX вв. таежного Причумылья (бассейн р. Чулым – правый приток р. Обь в ее среднем течении) происходит немногочисленная (14 экз.), но чрезвычайно информативная серия артефактов, связанных с употреблением табака: трубки и табакерки. Курительные трубки (6 экз.; см. Рис. 1, 4) из памятников XVII–XIX вв. (Балагачевский курганный

* Corresponding author

E-mail addresses: bob@mail.tsu.ru (O.B. Belikova)

могильник и Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора) проанализированы и опубликованы ранее (Беликова, Зинченко, 2012). Настоящая статья нацелена на введение в научный оборот материалов о берестяных табакерках из археологических памятников чулымских тюрков XVIII–XIX вв. (Рис. 2–9), их анализ и культурно-историческую интерпретацию.

Чулымские тюрки – один из коренных малочисленных народов Сибири, их предки проживали в бассейне Чулыма от его нижнего до верхнего течения. В качестве самоназвания чулымцы употребляли описательный термин «пестын кижилер», «бестэн кизи» и др. (буквально: «наши люди», «свои»). Русское население называло их «ясашные», иногда этим прозвищем как этническим определением пользовались и сами чулымские тюрки (Тюрки, 1991: 4–5 и др.).

2. Материалы и методы

Источниковой основой по теме статьи явилась археологическая коллекция берестяных табакерок (8 экз.; Рис. 2–9) из таежного Причулымья. Они происходят из двух могильников чулымских тюрков XVIII–XIX вв., документальные названия которых – Нижнекурьянское кладбище Ясашная Гора (сокращенно НКЯГ) и Бихтулинское кладбище «ясашных». Объекты расположены снизу вверх по руслу Чулыма, на расстоянии около 200 км. Табакерки из более ранних памятников таежного Причулымья, т.е. до XVIII в., автору данной статьи неизвестны. Коллекция табакерок сформирована по материалам экспедиционных работ томских исследователей периода 1948–1984 гг. и хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Привлечены также научные публикации по истории, археологии, этнографии и архивные документы: полевые дневники, камеральные описи коллекций и рукопись кандидатской диссертации Е.М. Пеняева о чулымских тюрках (Пеняев, 1953), незащищенной из-за его преждевременной кончины.

В коллекции Нижнекурьянского кладбища Ясашная Гора хранится 7 табакерок (Рис. 2–7), все они публикуются впервые. Этот грунтовой могильник XVIII–XIX вв. расположен на левобережье нижнего течения Чулыма в 2,5 км к северо-востоку от д. Нижняя Курья (Асиновский район Томской области) (Дульзон, 1953: рис. 5; Дульзон, 1956: 159; Ким, 1971: 43 и др.). Возможности анализа и интерпретации материалов памятника (включая табакерки) из раскопок 1948–1949 гг., проводимых под руководством антрополога ТГУ Н.С. Розова (Опись, 1948; Описи, 1949; Розов, 1956: 341), существенно обеднены из-за отсутствия полевой документации. Работы конца 1940-х гг. на данном палеоэтнографическом объекте были нацелены, прежде всего, на получение объемного остеологического материала (преимущественно краниального), и осуществлялись они без соблюдения требований при ведении археологических раскопок (Беликова, Зинченко, 2012: 95). Неясно даже, насколько полно собирался инвентарь (см. Рис. 1) из погребений. Обнаруженные тогда в могильнике табакерки (6 экз.; Рис. 2–7) и другие артефакты еще на этапе раскопок не были «привязаны» к какому-либо погребению (раскопано не менее 71 могилы). Идентифицирован только год нахождения этих табакерок: 1948 г. (2 экз.; Рис. 3–4; кол. 6710 МАЭС ТГУ) и 1949 г. (4 экз.; Рис. 2, 5–6; кол. 6714 МАЭС ТГУ), т.е. археологический контекст их обнаружения безвозвратно утерян. Он известен лишь для той табакерки из Нижнекурьянского кладбища (Рис. 7), которую позже, в 1971 г., выявил другой томский антрополог – А.Р. Ким (Ким, 1971: 42–46).

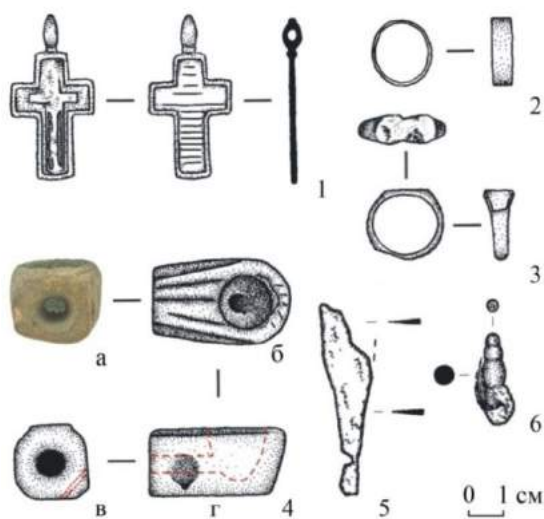

Рис. 1. Предметный комплекс Нижнекурьянского кладбища Ясашная Гора
Раскопки Н.С. Розова 1948 г.: 1 – нательный крест; 2 – кольцо; 3 – перстень; 4 – головка курительной трубки; 5 – наконечник стрелы; 6 – пронизка (?). Фонды МАЭС ТГУ, кол. 6710/456–464. 1–3, 6 – цветной металл, 4 – песчаник, 5 – железо

В Бихтулинском кладбище «ясашных» найдена 1 табакерка (Рис. 8–9). Этот грунтовый могильник чулымских тюрков XVIII–XIX вв. находится на правом берегу среднего течения Чулыма рядом с бывшей д. Бихтулино (Первомайский район Томской области). Антропологической экспедицией В.А. Дремова 1984 г. на памятнике, тогда большей частью обвалившегося в реку, раскопано 13 могил, включая могилу 1 с табакеркой (Дремов и др., 1984: 77, 81–85; Тюрки, 1991: 167).

В работе использован общий метод научного исследования – исторический, предполагающий рассмотрение всякого явления в его развитии. Применены методы археологического исследования – описательный, классификационный, сравнительно-типологический, а также семантический.

3. Обсуждение

В конце XV в. испанцы, спутники Христофора Колумба, впервые узнали о традиции потребления табака на американском континенте. Табакокурение распространилось в Европе с самого конца XVI в., а немного позже – в Азии (Волков, 1999: 226–228 и др.). Массовое потребление табака европейцами А.В. Шаповалов относит к 1570 г. (Шаповалов, 2002: 20). В России табакокурение распространяется с начала XVII в.

Проникновение табака в коренное население Сибири исследователи определяют XVII в. (Антропова, 1995: 235; Харинский, 1995: 210; Шаповалов, 2002: 6, 15, 17, 202 и др.). Как конкретизирует А.В. Шаповалов, это произошло, скорее всего, в 1610–1630-е гг., но устойчивой традиция потребления табака в Сибири становится только в XVIII в. К западносибирским аборигенам табак («китайский шар») и курительные трубки «бухарского типа» попали от бухарских купцов во второй половине XVII в. (Шаповалов, 2002: 6, 15, 17, 34, 202–203). Анализируя материалы о потреблении табака у коренных народов Северо-Восточной Сибири и Аляски (чукчи, коряки, ительмены, алеуты и др.), Ю.А. Купина считает, что «с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские» (Купина, 1995: 90).

В XVII–XVIII вв. в Сибири традиционно потребляли китайский табак (Шаповалов, 2002: 203; Георги, 2007: 253 и др.). Селькупы в XVII в. выращивали свой табак (Шаповалов, 2002: 32). В XVIII в. в Сибири также использовали местный «русский» табак, т.е. культивированный в Тобольске, Ишиме, Туринске выходцами из России (Купина, 1995: 90). С первой половины XVIII в. начинают ввозить крепкий «черкесский табак» (Шаповалов, 2002: 203). Его выращивали на юге России и «стали завозить в Сибирь по мере ее освоения русскими» (Купина, 1995: 90–91).

Вопрос о табакокурении в таежном Причумылье впервые затронул А.П. Дульзон, отметивший наличие каменных головок курительных трубок в Балагачевском курганном могильнике и Нижнекурьянском кладбище Ясашная Гора чулымских тюрков XVII–XIX вв. (Дульзон, 1953: 146). Обобщающие работы, связанные с историей потребления ими табака, отсутствуют. Одной из причин этого является, как сожалела Э.Л. Львова, вынужденное отсутствие в ее этнографических экспедициях 1969–1980 гг. к чулымским тюркам программы по сбору соответствующего материала (устное сообщение).

Сегодня археологические источники не позволяют говорить о появлении на территории таежного Причумылья табака и культуры табакокурения ранее XVII в. Самая ранняя находка головки курительной трубки (бухарский тип, каменная) выявлена здесь в Балагачевском курганном могильнике – в комплексе XVII в. (возможно, около середины XVII в.) (Беликова, Зинченко, 2012: 95, 103). Статистические данные о находках головок трубок бухарского типа в таежном Причумылье и на соседних территориях свидетельствуют о знакомстве чулымских тюрков в XVII в. с табаком и бухарскими трубками через селькупов соседнего Нарымского Приобья (Шаповалов, 2002: 56; Беликова, Зинченко, 2012: 103).

Вопрос о происхождении сибирских табакерок с высокими стенками, овальных или линзовидных в сечении (что аналогично для всей чулымской серии) дискуссионен. Ю.А. Купина предположительно связывает их с традицией ношения на поясе лаковых табакерок, зародившейся в Японии в XVIII в. Они использовались в товарообмене с народами Сахалина и северо-востока Сибири. Недостаток объема «импорта табакерок японского образца» привел к воспроизводству в культурах сибирских народов столь престижных вещей (Купина, 1995: 100–101). По мнению же А.В. Шаповалова, табакерки вместе с модой нюхания табака появились в европейской части России в XVIII в., откуда стремительно под влиянием русских распространились на большей части сибирских территорий (Шаповалов, 2007: 171–172, 175–176). Одним из первых широкое распространение в Сибири русских берестяных табакерок отметил С.В. Иванов (Иванов, 1954: 539). Берестяные табакерки чулымских тюрков ранее не являлись предметом специальных и сравнительных научных исследований, как и их берестяная утварь в целом.

4. Результаты

Собрание табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. позволяет реконструировать некоторые особенности их бытовых, обрядовых, мировоззренческих традиций, а также контактов с внешним миром. Табакерки имели, прежде всего, утилитарное значение – использовались как емкость для хранения измельченного табака или табачной смеси. Само их присутствие в памятниках XVIII–XIX вв. дополнительно аргументирует факт употребления табака в таежном Причумылье, который

ранее археологически установлен на основе находок головок курительных трубок (см. Рис. 1, 4) из могильников XVII–XIX вв. (Дульзон, 1953: 271, табл. VII, 6; Шаповалов, 2002: 56; Беликова, Зинченко, 2012). Чулымские тюрки, начав потреблять табак в XVII в. (Беликова, Зинченко, 2012: 95, 103), были приобщены ко времени не позже 1770-х гг. к табакокурению уже массово. Веские и однозначные доказательства этому содержатся в этнографических наблюдениях пределов 1772–1774 гг. И.Г. Георги, который под чулымскими тюрками понимал тюркоязычное население между Верхней Обью и Енисеем (т.е. собственно чулымских тюрков, абаканских татар, тюрков Оби): «Курительный табак употребляют все вообще» (Георги, 2007: 253).

Надо полагать, что цены на любой табак для коренного населения таежного Причулымья XVII–XIX вв. были достаточно высоки. При нехватке или даже полном отсутствии табака для курения его могли заменять порошкообразным средством из каких-либо местных растений, в том числе из корневища аира (о нем см. ниже). О достаточно обширных флористических знаниях у населения таежного Причулымья позволяют предполагать несколько надежных разновидовых источников.

К примеру, группа растений в употреблении чулымских татар второй половины XVIII в. отмечена письменным свидетельством (Георги, 2007: 252). Чрезвычайно информативен уникальный археоботанический объект рукотворного (!) происхождения из погребения Зырянского могильника конца XVI–XVII вв. Он представлен скоплением семян и растительных остатков объемом около 3 л, в котором до вида, рода, редко до семейства определено 50 растений (Беликова, 2010: 270–348). Известно, что селькупы, соседи чулымских тюрков, потребляли табак в виде его смеси с пережженной чагой (березовый гриб – нарост). Изучение вопроса о конкретном составе компонентов, которым чулымские тюрки полностью или частично подменяли табак, к сожалению, сегодня невозможно: при раскопках содержимое всех анализируемых табакерок не было взято на коллекционное хранение.

Традиция потребления табака у чулымских тюрков не ограничивалась курением. На основе отмеченных наблюдений И.Г. Георги можно предполагать и иной способ – жевание, во всяком случае, со второй половины XVIII в. Он сообщает, правда, о практике жевания не табака, а местного растения, применяя при этом его русское народное название: «Ировое коренье (Acorus Calamus, L.) жуют они так, как индийцы бетель» (Георги, 2007: 253). Приводя для сравнения бетель (вечнозеленое многолетнее растение рода «перец»), И.П. Георги, вероятно, хотел отметить его тонизирующий или наркотический эффект. Современное наименование «ирового коренья» – аир обыкновенный, или аир болотный, из семейства ароидных. Чулымским тюркам это многолетнее травянистое растение с толстым корневищем, имеющим сильный ароматный запах (напоминает запах корицы, мандарина) и пряно-горьковатый вкус, очевидно, было известно хорошо, так как таежное Причулымье входит в ареал его произрастания. Они могли жевать приготовленный соответствующим образом аир не только как самостоятельное средство, но и в качестве замены жевательному табаку при его отсутствии. О практике нюхания табака чулымскими тюрками XVII–XIX вв., а также о предпочтении определенного способа его потребления говорить не приходится из-за отсутствия конкретных данных.

Культурно-исторические выводы получены также по результатам синтаксического исследования чулымских табакерок XVII–XIX вв., нацеленного на определение их качественных и количественных характеристик. Некоторые из них из-за неудовлетворительной сохранности артефактов представлены реконструктивно. Все табакерки имеют форму овального (линзовидного) цилиндра. Внешние размеры стенок разные: длина от 6,5 до 10,5 см, ширина от 2,5 до 4,3 см, высота от 3,7 до 6,0 см (Рис. 2–9). Ширина внутреннего пространства удобна для забора табака одним-двумя пальцами. Овальные дно и крышка, несохранившиеся у всех изделий, реконструированы как деревянные, что характерно для табакерок сибирских аборигенов (ханты, манси, долганы, шорцы, забайкальские буряты) (Лукина, 1985: 245–246; Локтионова, 2017: № 91 и др.). В чулымских табакерках не сохранились и крепежные детали для соединения стенок с дном, но у шести из них по низу стенок есть круглые или удлинённые отверстия (Рис. 2–4, 7–9) – следы от металлических гвоздиков или деревянных шпенок. У двух табакерок (Рис. 5–6) такие следы не сохранились или их не было изначально (возможно, дно только вставлялось в контур распаренной берестяной стенки и ею же после высыхания удерживалось).

Отсутствие в литературе подробных сведений о табакерках чулымских тюрков XVIII–XIX вв., бесспорная индивидуальность публикуемых экземпляров, особенно узорчатых, обусловили целесообразность достаточно подробного их описания и визуализации. В двух возможных случаях показан археологический контекст обнаружения. Определения сторон табакерки как лицевой и тыльной условны – использованы для удобства описания декора. Нумерация артефактов дана по порядку перечисления памятников.

Табакерка 1 (НКЯГ: кол. 6714/1107; Рис. 2, 1). Размер (здесь и далее в аналогичных случаях приведены внешние параметры по внешней стенке): 6,5 см (длина) x 2,8 см (ширина) x 3,7 см (высота). Внешняя и внутренняя стенки (слои) разъемные. Внешняя соединяется по срединной части одной из плоских сторон замковым креплением – в виде ряда из 4–5 ед. прямоугольных скреп (флажков), присутствующих по каждому краю стенки (Рис. 2, 1б). При этом рождается технологический декор в виде зубчатой линии (аналогично для всех описанных ниже табакерок 2–8). Намеренно же орнамент не наносился.

Табакерка 2 (НКЯГ: кол. 6714/1115; Рис. 2, 2). Размер: 10,5 х 4,3 х 6,0 см. По конструкции изделие аналогично табакерке 1, только количество скреп-флажков по каждому краю стенки – 5–6 ед. Без орнамента.

Рис. 2. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: 1 – кол. 6714/1107 (табакерка 1); 2 – кол. 6714/1115 (табакерка 2)

Табакерка 3 (НКЯГ: кол. 6710/462; Рис. 3). Размер (реконструктивно): около 9,0 x 2,8 x 5,5 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая – с замковым соединением (в виде треугольных флажков, 4–5 ед. по каждому краю стенки) вдоль одной из боковых сторон (рис. 3, з).

Геометрический орнамент выполнен в технике прочерчивания (резной) и тиснения. На обеих сторонах коробки он однообразен и содержит единственный мотив – разной длины «лесенку» (резная полоса с поперечными мелкими подтреугольными оттисками). Прямоугольную лицевую (Рис. 3, в) и тыльную (Рис. 3, б, д) композиции держат диагональные «лесенки». Перекрещиваясь, они на каждой стороне создают по четыре фоновых треугольника, т.е. всего их в декоре табакерки – восемь. В лицевой композиции короткие «лесенки» соединены в две розетки (нижняя – с шестью лучами явно, верхняя – предположительно) (Рис. 3, в), напоминающие солярные знаки. «Лесенкой» выполнено и рамчатое окаймление прямоугольника обеих композиций, заполненных опять же «лесенкой» различного направления.

Прямоугольник, «заштрихованный прямыми и косыми линиями», в русской и славянской орнаментике соотносится с прямоугольным вспаханым полем (Рыбаков, 1997: 328–329). Восемь отмеченных треугольников с линейно-точечным заполнением ассоциируются уже с засеянной пашней. Единство и цельность декора табакерки 3 определяется присутствием земледельческих и, вероятно, небесных символов.

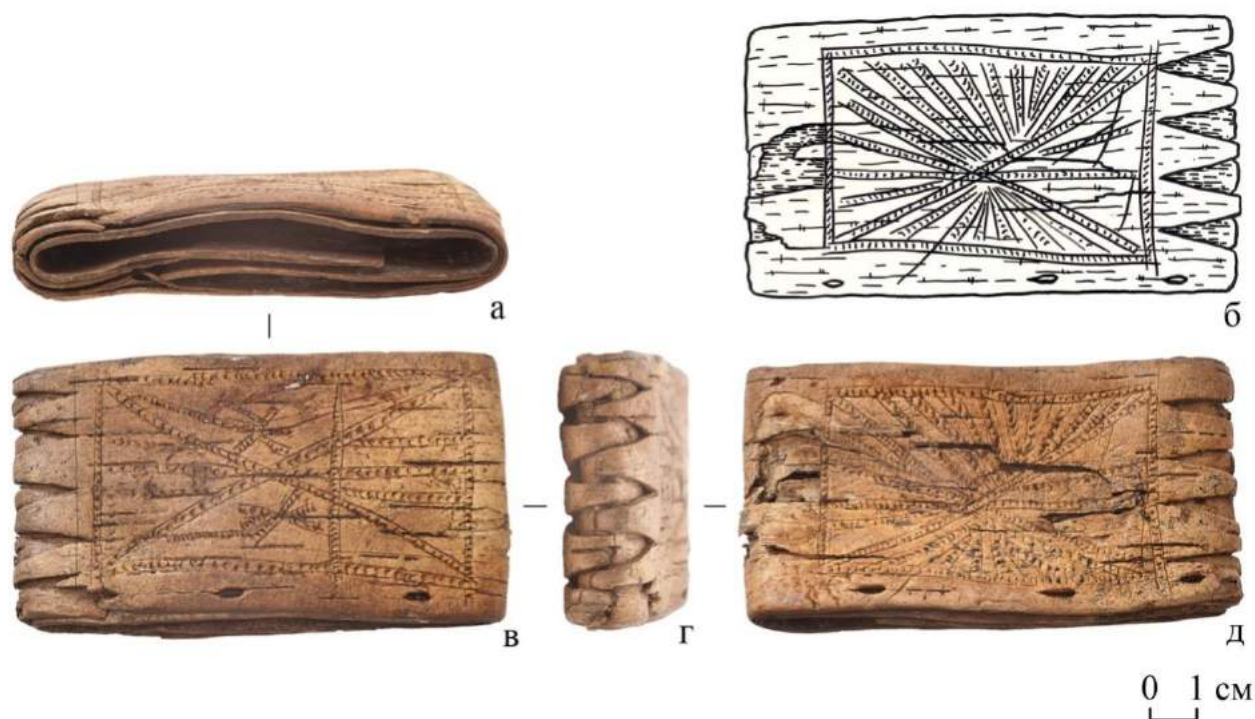

Рис. 3. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1948 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6710/462 (табакерка 3)

Табакерка 4 (НКЯГ: кол. 6710/461; Рис. 4). Верхняя часть отсутствует. Размер (реконструктивно): около 8,0 x 2,8 x 4,3 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Внешняя имеет замковое соединение (в виде изящных прямоугольных флажков, реконструктивно – приблизительно по 8–9 ед.) вдоль одного бока, а вдоль другого – лишь имитацию (!) такого крепления. Орнамент исполнен прочерчиванием и тиснением. Тематически он определяется как геометрический, растительный и, возможно, включающий изображения предметов материальной культуры.

Каркасом прямоугольной лицевой композиции (Рис. 4, а, в) являются два ромба (меньший прочерчен в большем) из «лесенки», аналогичной для табакерки 3. Меньший ромб, вероятно, перекрещивался «лесенками» по диагонали. Ею выделены и нижние углы композиции. Они и остальное поле декора (сохранившееся) заполнены изображениями удлиненных листьев с приостренным окончанием, в том числе собранных в трехлистники. Рамка этой композиции оформлена двумя параллельными линиями.

Прямоугольник тыльной композиции (Рис. 4, б) перекрещивают диагонально две полосы, образуя, как на табакерке 3, четыре фоновых треугольника. Понизу композиции «лесенкой» отображена фигура с роговидными концами (похожа на скобковидное кресало). Аналогичная располагалась, возможно, и поверху (соответствующая часть табакерки отсутствует), но уже зеркально. Вдоль правой стороны прочерчено изображение, похожее на калачевидное кресало. По всему полю композиции хаотично расположены двух- и трехлистники. А единственные два

шестилистника (солярные знаки) помещены строго справа и слева от центра, при этом левый заключен в круг. Тыльная композиция окаймлена «лесенкой».

Несмотря на физическую неполноту обеих композиций, сюжетно они оцениваются как взаимосвязанные. Декор насыщен знаками растительного мира, земледелия, плодородия, широко распространенными в русской и славянской орнаментике: листья, трехлистники, ромбы, треугольники. Изображенные с ними в комплексе два солярных знака могут символизировать небесные светила, путь Солнца по небосводу, смену дня и ночи и пр. (Рыбаков, 1997: 332 и др.).

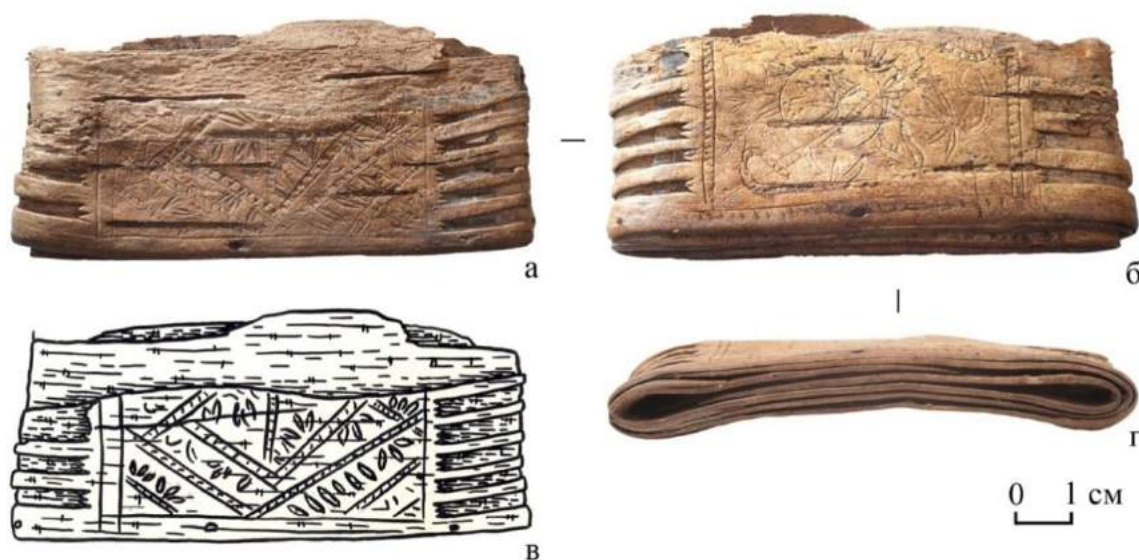

Рис. 4. Нижнекурьянское кладбище Яшная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1948 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6710/461 (табакерка 4)

Табакерка 5 (НКЯГ: кол. 6714/1108; Рис. 5). Часть этого высокохудожественного изделия отсутствует, еще часть – фрагментарна. Размер (реконструктивно): около 8,5 x 2,8 x 5,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Первая имеет по одному боку замковое соединение (в виде прямоугольных флажков, которых реконструктивно на каждом крае стенки – от 6 до 8 ед.) и по другому боку – его имитацию. Декор выполнен прочерчиванием.

На лицевой стороне коробки (Рис. 5, в) он реконструирован графически практически полностью. Композиционным центром здесь является изящное, хотя частью и условное, изображение птицы с двумя одинаковыми головами, направленными вправо и влево. Каждая – на длинной изогнутой шее, в короне, переданной зигзагом; показаны длинный уплощенный клюв, глаз (отмечен точкой), бугорчатый лоб. По головам птицы легко угадывается лебедь. Эта двуглавая царь-лебедь может символизировать и супружескую пару царственных лебедей. Распахнутые крылья орнитоморфа представлены «лунницей», заштрихованной вертикально (символика вспаханного поля в русском орнаменте).

Между лебедиными головами от шей прочерчен трехлистник. Выше их в верхних углах композиции изображено по одному полукругу (дугой вверх) с трехлистником внутри, которые в русской и славянской мифологии символизируют восходящее и заходящее Солнце (Рыбаков, 1988: 481 и др.). Их можно рассматривать как половину солярной розетки. Нижние углы композиции заполняет восьмилистник в круге (опять же знак Солнца в русской орнаментике) (Маслова, 1978: 166; Рындина, 1995: 526–527, 541–542 и др.). Слева от царь-лебеди нанесен крест, возможно, знак принадлежности к определенному хозяину (тамга), так как прорезан он иным инструментом, чем основной рисунок. Рамчатое окаймление прямоугольника лицевого декора выполнено из трех параллельных линий.

От тыльной композиции осталось, к сожалению, лишь около трети (Рис. 5, а). Пониже также изображена «лунница», но она уже заштрихована сеткой – символика пробороженного поля (Рыбаков, 1997: 65 и др.). Скорее всего, и над ней были прочерчены две лебединые головы. В нижних углах композиции размещены солярные знаки: слева – пустой круг, справа – круг с крестообразными пересечениями, символизирующие ход Солнца по небосводу (Рыбаков, 1997: 332; Рыбаков, 1988: 481–482 и др.). Фоном для обоих знаков являются полосы вертикальной штриховки (символика пашни).

Декор двух сторон табакерки 5 композиционно един и находит аналоги в славянской и русской мифологии. В ней, как и в мировой культуре, широко распространен образ лебедя, сюжеты о царственных лебедях, везущих по небу повозку, ладью или влекущих небесные светила и пр. В орнаментике русских хорошо известно изображение двуголовой птицы с растением между

головами (Маслова, 1978: 57–66, 163–164, рис. 27 и др.). Орнитоастральный код чулымской табакерки 5 дополнен знаками земледелия и плодородия.

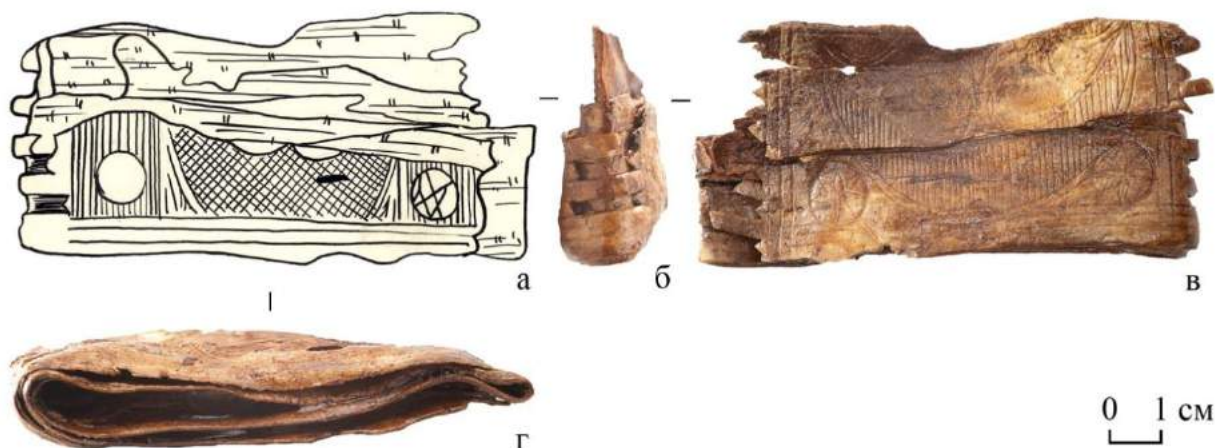

Рис. 5. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6714/1108 (табакерка 5)

Табакерка 6 (НКЯГ: кол. 6714/1110; Рис. 6). Незначительная часть низа или верха изделия отсутствует. Размер (реконструктивно): около 6,5 x 3,2 x 4,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъёмные. Первая состыковывается с помощью замкового крепления (в виде прямоугольных флажков, по 4–5 ед. вдоль краев стенки) вдоль одного бока, а вдоль другого бока оно имитировано. Орнамент исполнен прочерчиванием и тиснением. Геометрический декор на обеих сторонах коробочки однообразен и лаконичен: центральный прямоугольный участок свободен от орнамента, лишь все его углы обозначены треугольниками, возможно, так символично обозначена земля. За пределом центрального поля по периметру нанесен мотив «зигзаг» (из трех параллельных коротких линий) – символ воды (Рыбаков, 1988: 476–477; Рыбаков, 1988: 502 и др.). Композиции обеих сторон коробочки ограничиваются рамками из «лесенки» (резные полосы с поперечными мелкими подтреугольными оттисками).

Рис. 6. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора. Раскопки Н.С. Розова 1949 г. Фонды МАЭС ТГУ: кол. 6714/1110 (табакерка 6)

Табакерка 7 (НКЯГ: могила из раскопок 1971 г.; Рис. 7). Размер (реконструктивно): около 9,0 x 2,8 x 4,5 см. Внешняя и внутренняя стенки разъёмные. Первая стыкуется в замковое соединение (в виде прямоугольных флажков, по 6–7 ед.) по одному боку, по другому боку такое крепление имитировано. Декор исполнен искусной ажурной резьбой (на фоне нижнего зачерненного слоя бересты), дополненной тиснением.

Нижняя часть лицевой композиции (Рис. 7, в, г) не сохранилась. Но в ней явно доминировал решетчатый (шашечный) ромб с точечными вдавлениями, аналогичный ромбо-точечным

композициям в орнаментике русских и славян, – символика земли, засеянной пашни, плодородия (Рыбаков, 1997: 55–67; Рыбаков, 1988: рис. 99 и др.). Иллюзию дальнего плана для ромба создает заполнение верхней части композиции – вертикальные полосы, ассоциирующиеся с водой, дождем (Рыбаков, 1988: 502).

В узоре тыльной стороны (Рис. 7, а) композиционно доминируют два решетчатых (шашечных) треугольника с оттянутыми вершинами, соединяющимися перемычкой. Вся их поверхность опять же заполнена точечными элементами (символика засеянной пашни и пр.). Условный фон сверху и внизу от этих сросшихся треугольников (частично поврежден) также выполнен вертикальными полосами, аналогичными отмеченным в лицевой композиции.

Декоры обеих сторон изделия составляют единую мифологическую картину: представлена засеянная пашня, омываемая водой. Знаки земледелия, плодородия, а также мужского (ромб) и женского (треугольники) начал находят смысловые параллели в культуре русских и славян.

Для этой табакерки известен контекст нахождения (Ким, 1971: 42–46). Исследованная *in situ* могила глубиной около 1 м была ориентирована по линии юго-запад. Женщину зрелого возраста (от 40 до 55–60 лет) (Дремов, Ким, 1979: 55) захоронили в деревянно-берестяном погребальном сооружении. Его конструкция: продольные стенки из бревен уложены на берестяную подстилку (?) и в нескольких местах прибиты к ней четырехгранными большими железными гвоздями; прослежено берестяное перекрытие. Положение умершей: на спине, правая рука на груди, левая – вдоль тела, головой ориентирована на юго-запад. Инвентарь (стеклянные бусы; православный медный крест; одно кольцо, видимо, медное, обнаружено на костях правой кисти, другое – у левой ключицы (Ким, 1971: 46). Табакерка найдена у правой плечевой кости.

Рис. 7. Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора.
Раскопки А.Р. Кима 1971 г. Фонды МАЭС ТГУ (табакерка 7)

Табакерка 8 (Бихтулинское кладбище «ясашных»: могила 1, раскопки 1984 г.; Рис. 8–9). Размер (реконструктивно): около 10,0 x 2,5 x 5,0 см. Внешняя и внутренняя стенки разъемные. Внешняя соединяется замковым креплением (в виде прямоугольных флажков, из 5–6 ед. по каждому краю) по одной боковой стороне, по другой оно имитировано. Орнамент выполнен в технике прочерчивания. В анализируемой чулымской выборке он более всего насыщен различными элементами и мотивами, создающими сложную мифологическую картину.

В декоре лицевой стороны (Рис. 8, а; Рис. 9, а) присутствуют:

– по вертикальной оси – изображение колоса на фоне подовальной фигуры (напоминает раковину каури – символ женского начала, плодородия) с горизонтальной штриховкой (символ пашни);

– в верхней части, справа и слева от колоса, – два наклонных, вероятно, дерева (конфигурацией каждое изображение похоже на борону-суковатку);

– в нижней части, справа и слева от колоса, – по два трехлистника и по два изображения кукурузы (ботанические определения Н.В. Курбатской и В.И. Курбатского, сотрудников Гербария имени П.Н. Крылова ТГУ, которым я искренне благодарна), а также справа – знак в виде летящей птицы (?);

– по всем четырем угла композиции – треугольники, заштрихованные разнонаправленными параллельными линиями (символ пашни).

Лицевую композицию слева от колоса когда-то дополнили еще одним элементом – полукругом (тамга?), выполненным, как и весь декор табакерки, в технике прочерчивания, но явно иным инструментом, более тонким.

Тыльная композиция (Рис. 8, б; Рис. 9, б) включает:

– в центре – с роговидными концами две зеркальных фигуры (аналогичны изображенной на табакерке 4; Рис. 4, б), соединенные перемычкой с колосовидным орнаментом;

– по центральной вертикальной оси, снизу вверх – треугольник с сетчатой штриховкой (знак пашни) и изображение дерева, аналогичное отмеченной в лицевой композиции;

– по горизонтальной оси – вытянутые треугольники с сетчатой штриховкой (пашня);

– по правой и левой сторонам композиции, включая углы, – 6 трехлистников.

Прямоугольные композиции обеих сторон включают рамчатый абрис из трех линий. Декор взаимосвязан в единую космогоническую картину, созданную символами растительного мира, земледелия, плодородия, мужского и женского начал, мирового дерева и др.

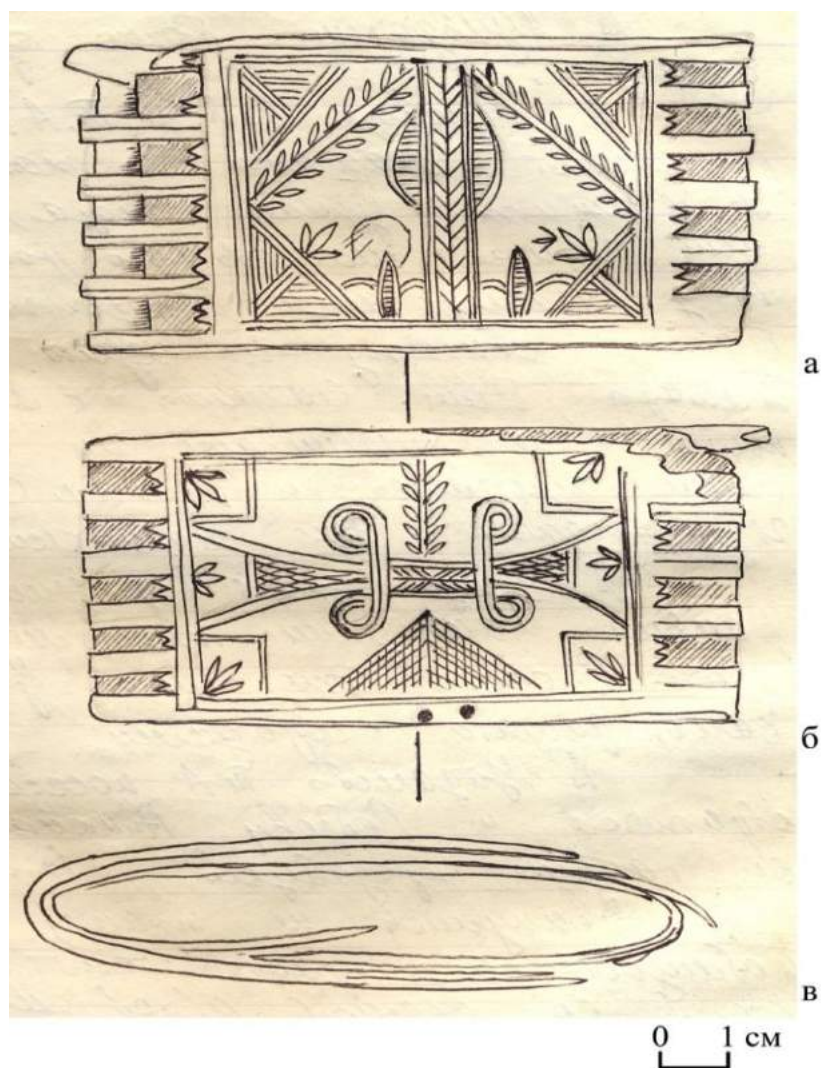

Рис. 8. Бихтулинское кладбище «ясашных».

Раскопки В.А. Дремова 1984 г.: могила 1. По: Дремов, 1984: 77 (табакерка 8)

Для табакерки 8 по данным полевого дневника В.А. Дремова воссоздан контекст обнаружения (Дремов, 1984: 81–114). В грунтовой яме могилы 1 глубиной 1,15 м располагалась деревянная колода (высота 0,3 м) с останками женщины около 30 лет (антропологическое определение М.П. Рыкун, сотрудника ТГУ). Правая рука умершей была размещена на груди, около шеи, левая – вытянута вдоль тела. В погребении обнаружено: между торцом колоды и черепом – тонкая восковая свечка; справа от черепа – табакерка (Рис. 8–9); в области шейных позвонков – «несколько бусин из стеклянной пасты – одна янтарного цвета, остальные белые»; у левой плечевой кости – скорлупа куриного яйца; в области грудной клетки – шерстяной шнурок; вдоль всего костяка – остатки шерстяной домотканной одежды (Дремов и др., 1984: 77, 81–85). В ритуале этого захоронения отчетливы элементы православной погребальной обрядности: у чулымских тюрков христианство распространяется с начала XVIII в., а первая церковь на их территории сооружена в 1725 г.

Показательно, что наблюдавший за раскопками престарелый местный житель (1911 г.р.) д. Бихтулино при обнаружении «берестяной коробки с орнаментом» уверенно определил ее как «яшашную табакерку» (Дремов и др., 1984: 82, 84). Ее музейная судьба печальна: в 1993 г. при перемещении фондов МАЭС ТГУ этот предмет похитили. Благодаря скрупулезности В.А. Дремова, оставившего в дневнике подробный рисунок табакерки (Рис. 8), и ее случайной фотосъемке (Рис. 9) сегодня можно наглядно представить великолепный образец культуры чулымских тюрков XVIII–XIX вв.

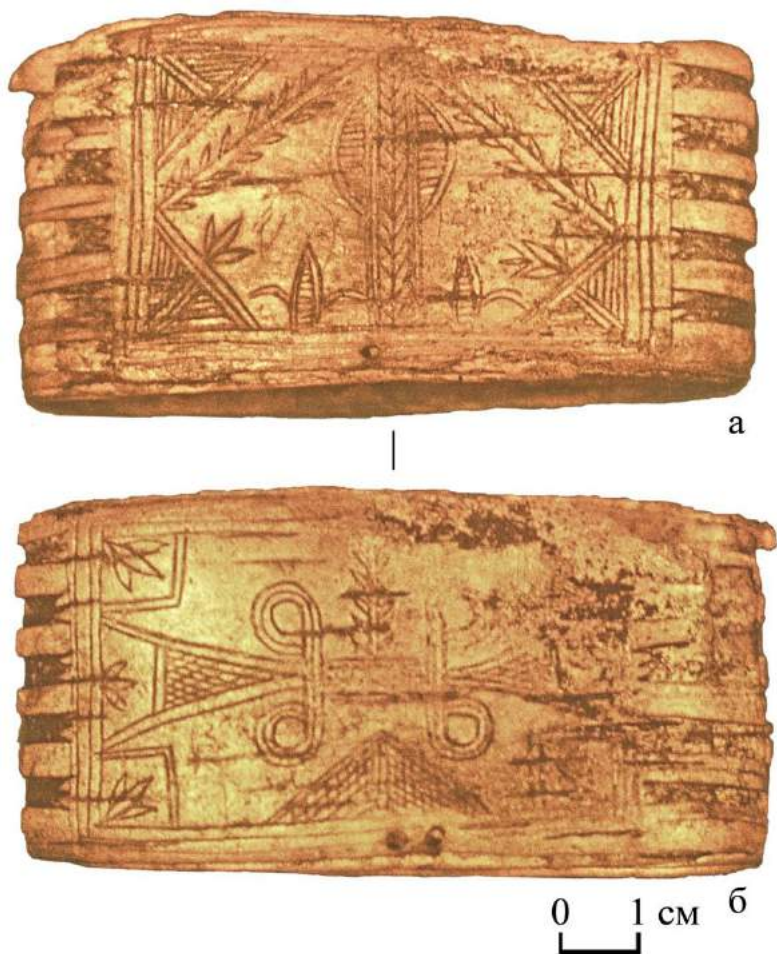

Рис. 9. Бихтулинское кладбище «яшашных». Раскопки В.А. Дремова 1984 г.: могила 1. Фотосъемка (1980-е гг.) и архив О.Б. Беликовой (табакерка 8)

Целостную характеристику и разнообразие табакерок из памятников XVIII–XIX вв. таежного Причулымья отражает их классификация на основе таких признаков: материал, форма, технологические особенности изготовления, наличие орнамента, способ его нанесения и характер.

Группа. Берестяные; 8 экз. (Рис. 2–9).

Разряд. Форма овального (линзовидного) цилиндра; 8 экз.

Раздел. Внешняя и внутренняя стенки (слои) разъёмные; 8 экз.

Отдел 1. С одним замковым креплением внешней стенки – по боковой стороне или срединной части (в виде ряда прямоугольных или треугольных флажков – от 4–5 до 5–6 ед. по краям стенки); 3 экз.

Вид 1. Неорнаментированные; 2 экз. (НКЯГ: табакерки 1–2; Рис. 2).

Вид 2. Орнаментированная; 1 экз. (НКЯГ: табакерка 3; [Рис. 3](#)). Способы нанесения орнамента – прочерчивание (резной) и тиснение. Сложная геометрическая композиция.

Отдел 2. С одним замковым креплением внешней стенки по одной боковой стороне (в виде прямоугольных флажков – от 4–5 ед. до приблизительно 8–9 ед. по краям стенки) и его имитацией по другому боку; 5 экз.

Вид 1. Орнаментированные; 5 экз. (НКЯГ: табакерки 4–7, [Рис. 4–7](#); Бихтулинское кладбище: табакерка 8, [Рис. 8–9](#)). Способы нанесения орнамента – прочерчивание, тиснение, ажурная резьба на фоне нижнего зачерненного слоя бересты. Орнаментальные композиции – от простой геометрической до сложной сюжетной.

Сравнительный анализ выявил, к примеру, что в археологических комплексах второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Тискинского курганного могильника, оставленного селькупам Нарымского Приобья (сопредельно к таежному Причудью), среди 17 проклассифицированных табакерок встречено около 5 экз. в форме достаточно высокого овального (линзовидного) цилиндра, что аналогично всем рассмотренным чулымским артефактам. Но эти селькупские изделия имеют иное крепление внешней стенки: она или сшивалась или же соединялась «в замок» лишь одним флажком-скрепой, причем только треугольным ([Боброва, 2007: 61–66, Рис. 32, 1–2](#)).

Все чулымские табакерки XVIII–XIX вв. близки и третьей группе берестяных сосудов (ее составляют только табакерки) в классификации А.А. Локтионовой этнографических материалов южных селькупов Западной Сибири. Их форма – цилиндрическая с овальным дном, конструкция – «с деревянным дном с внутренней сшивной или склеенной стенкой, с внешней с “замковым креплением”» ([Локтионова, 2017: № 91](#)). Такие табакерки у селькупов встречаются редко, но широко распространены у восточной группы хантов ([Локтионова, 2014: 113; Локтионова, Боброва, 2018: 387](#)).

Табакерки восточных хантов (салымские, сургутские, васюганско-ваховские) XIX–XX вв. выделены Н.В. Лукиной в особый, третий тип берестяной утвари, с которым связан и определенный тип орнаментации – оттиски штампом, прочерчивание кончиком ножа ([Лукина, 1985: 69, 245–246, Рис. 27, 5](#)). У хантыйских табакерок (овальной формы) второй половины XIX – первой половины XX в. края стенки крепились в «замок» флажкообразной формы ([Федорова, 1994: 86; Рындина, 2002: 189–196](#)), что аналогично для всей чулымской коллекции. Однако хантыйский «замок», в отличие от чулымского, чаще состоял из двух язычков-скреп. В декоре ([Рындина, 2002: 189–196, рис. 7–13](#) и др.) сходство отсутствует. По обобщению О.М. Рындиной, для хантыйских табакерок характерна сплошная орнаментация стенок, а в целом они «соответствуют типу, широко распространенному у других народов Сибири» ([Рындина, 2013: 68, 69, Рис. 1](#)).

Примеры сравнения археологической коллекции табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. с материалами народов Сибири можно приводить и далее, но они в целом соответствуют следующим положениям.

Основное сходство проявляется в форме табакерок (цилиндрическая овальная) и в способе крепления ее разъемной внешней стенки – в «замок» – у селькупов, хантов, манси, якутов и др. Но налицо существенное отличие конструкции: этот «замок» у анализируемых чулымских изделий выполнен из цепи (!) флажков-скреп – от 4–5 ед. до 8–9 ед. (причем в большинстве своем – прямоугольных), а не из 1–2 ед., как у большинства сравниваемых образцов. Наиболее же близкие аналоги для табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв., но только по форме и конструкции, отмечены в их этнографии середины XX в. ([Пеняев, 1953: 265–266, рис. 62, 4](#)). И, наконец, в сравнении с сибирскими материалами очевидны два отличительных признака рассматриваемых табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв.:

- только на них отмечена декоративная имитация (псевдокрепление) соединения краев внешней стенки (табакерки 4–8; отдел 2) ([Рис. 4–9](#));
- аналоги их декору ([Рис. 3–9](#)) не выявлены.

Очевидное стилистическое единство орнамента табакерок 3–8 ([Рис. 3–9](#)) проявляется в прямоугольности композиций и их рамчатом оформлении, в наличие целого комплекса элементов, мотивов и сюжетов, аналоги которых многочисленны в русской и славянской культуре. Ограниченность объема статьи не позволила подробно изложить мифологическое прочтение чулымских узорных композиций, удивительно своеобразных для Сибири. Семантически они прочитываются как наполненные знаками земледелия, растительного мира, плодородия, космоса, мирового дерева: поле (вспаханное, проборощенное, засеянное), листья, трехлистники, колосья, кукуруза, деревья, дождь-вода, знаки мужского и женского начал, солярные изображения, а также лебеди, влекущие небесное светило (повозку, ладью) и пр. Возможно, есть основание считать русским по происхождению и замковый способ скрепления внешней стенки всех восьми чулымских табакерок ([Рис. 2–9](#)). Оно исходит из мнения О.М. Рындиной относительно берестяной утвари сибиряков территории современной Томской области: «Русская традиция предполагала скрепление стенок у изделия “в замок”, при этом возникал технологический орнамент в виде волнистой или зубчатой линии» ([Рындина, 1995: 495](#)).

Табак и берестяные табакерки, в том числе с русской символикой, были включены в обрядовую практику чулымских тюрков XVIII–XIX вв. Возможности для смысловой интерпретации находок

анализируемых табакерок ограничены отсутствием для большинства из них сведений о контексте археологического обнаружения, особо значимого для реконструкции погребального обряда (его практической и мировоззренческой сторон). Он известен лишь для табакерки 7 (Рис. 7) и табакерки 8 (Рис. 8–9). Та и другая входили в погребальный инвентарь взрослых женщин (возраст соответственно 40–60 лет и около 30 лет). Коробочки во время похорон разместили справа от их тел, на уровне семантически наиболее значимой «верхней» части погребения: у плеча и у головы. Надо полагать, табакерка являлась личной вещью женщины в жизни и предназначалась ей для пользования в потустороннем мире.

Показательно, что в коллекции из могил (не менее 72 ед.) Нижнекурьинского кладбища Ясашная Гора XVIII–XIX вв. присутствует всего 12 экз. принадлежностей для потребления табака: 7 берестяных табакерок (Рис. 2–7) и 5 каменных (песчаник) головок курительных трубок (Беликова, Зинченко, 2012) (см. Рис. 1, 4). При самых грубых подсчетах, обусловленных характером археологического источника (см. выше), таким инвентарем было обеспечено 10–16 % погребенных в этом могильнике. И это без учета возможного сопровождения теми аксессуарами, которые раскопками не зафиксированы: деревянные курительные трубки, кисеты из ткани, кожи и пр. В любом случае снабжение умерших предметами, связанными с потреблением табака, включая табакерки, является существенным признаком погребального ритуала чулымских тюрков XVIII–XIX вв. Косвенно об этом свидетельствует и наблюдение И.П. Георги 1770-х гг. о всеобщности употребления чулымскими тюрками курительного табака (Георги, 2007: 253).

Обычай обеспечивать умершего принадлежностями для потребления табака сохранился у чулымских тюрков и после XIX в. А.П. Дульзон по этнографическим наблюдениям на Чулыме (от д. Балагачево в его нижнем течении до д. Костино в среднем течении) отметил в середине XX в.: «Покойнику давали в колоду – раньше всегда, а сейчас уже редко – трубку, кисет с табаком, огниво, табакерку с нюхательным табаком...» (Дульзон, 1953: 191–192 и др.).

5. Заключение

Потребление табака у тюрков таежного Причулымья (юг Западной Сибири) началось в XVII в. (возможно, около середины века). Из письменных этнографических свидетельств известно, что к 1770-м гг. чулымские тюрки к табакокурению приобщились уже массово. В XVIII–XIX вв. в их повседневной и ритуальной практике появляются берестяные табакерки-коробочки, каковых сегодня по археологическим данным известно 8 экз. (Нижнекурьинское кладбище Ясашная Гора и Бихтулинское кладбище «ясашных») (Рис. 2–9). Они определенно были включены в погребальную обрядность женщин. Помимо курения табака чулымские тюрки употребляли его, по крайней мере, со второй половины XVIII в. и способом жевания, в том числе в смеси с какими-либо растительными остатками, включая, возможно, измельченное корневище аира.

Синтаксическое исследование и классифицирование берестяных табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв. определяет их несомненное стилистическое единство. Оно выражается комплексом общих признаков: форма овально-цилиндрическая; конструкция – внешняя и внутренняя разъемная стенки, одно замковое крепление в виде ряда искусно сделанных флажков-скреп (от 4–5 до 8–9 ед.) преимущественно прямоугольной формы; символика декора.

Сравнительный анализ с материалами коренных народов Сибири выявил явное своеобразие и отсутствие аналогов к тем шести чулымским табакеркам XVIII–XIX вв., которые имеют декоративное псевдосоединение внешней стенки и совершенно оригинальные орнаментальные композиции (табакерки 3–8; отдел 1 вид 2 и отдел 2) (Рис. 3–9). Семантика элементов, мотивов, сюжетов орнамента указывает на изготовление этих табакерок русскими. Перед нами – реликт русского берестяного творчества XVIII–XIX вв., выявленный на юге Западной Сибири.

Проработанность этих табакерок в технологическом плане, стилистическое единообразие и сложность декора, а в целом – искусное исполнение изделий свидетельствует об их отлаженном производстве и богатых навыках мастеров. Один из них видел когда-то, как растет кукуруза (изображена на табакерке 8) (Рис. 8–9), т.е. был, возможно, выходцем из тех мест, где в XVIII–XIX вв. ее уже выращивали – на юге европейской России и на Украине. Полагаю, что эти русские табакерки (№ 3–8) являлись предметами товарообмена между чулымскими тюрками и русскими торговцами. Их декор, пропитанный символикой земледелия и плодородия, был созвучен с мировоззрением чулымских тюрков, в многокомпонентном комплексном хозяйстве которых присутствовало занятие земледелием. Развита культура земледелия русских крестьян была привнесена в таежное Причулымье во второй половине XVII в. на уже сложившуюся земледельческую систему (Беликова, 2010: 228–269). Две неорнаментированных табакерки 1–2 чулымских тюрков (отдел 1, вид 1) (Рис. 2), которые по исполнению стыковочного шва стенки весьма схожи с русскими табакерками 3–8, также могли быть изготовлены русскими мастерами.

Логичен вопрос: где место производства рассмотренных табакерок чулымских тюрков XVIII–XIX вв.? Ответа пока нет. Они могли быть изготовлены русскими мастерами в Сибири (в одной из конфессионально-этнографических групп русских) или на юге России и Украине. Не исключено, что появление у чулымских тюрков табакерок русского облика связано с поступлением к ним черкесского табака.

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.28.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Литература

- Антропова, 1995** – Антропова В.В. Трубки народов Сибири. Подготовка к публикации, примечания Ю.А. Купиной // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. 1995. Вып. 2–3. С. 235–251.
- Беликова, 2010** – Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Издательство Томского университета, 2010. 432 с., 91 ил.
- Беликова, Зинченко, 2012** – Беликова О.Б., Зинченко А.С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (Западная Сибирь): трубки // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2012. № 2 (17). С. 95–105.
- Боброва, 2007** – Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: Издательство Томского университета, 2007. 176 с.
- Локтионова, Боброва, 2018** – Локтионова А.А., Боброва А.И. Технологические приемы изготовления и орнаментации берестяных изделий южных (нарымских) селькупов: этно-археологические параллели / Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской научной конференции, г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. Тюмень, 2018. С. 387–389.
- Волков, 1999** – Волков И.В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы. Материальная культура Востока. М., 1999. С. 226–252.
- Георги, 2007** – Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедований и других достопамятностей. СПб.: Русская Симфония, 2007. 808 с.
- Дремов и др., 1984** – Дремов В.А., Ким А.Р., Багашев А.Н. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета летом 1984 года: Чулым, Средняя Обь, Горный Алтай: Полевые дневники. Кабинет антропологии ТГУ: архив. Дело без номера. 328 л.
- Дремов, Ким, 1979** – Дремов В.А., Ким А.Р. Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. Томск: Издательство Томского университета, 1979. 119 с.
- Дульзон, 1953** – Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.
- Дульзон, 1956** – Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // *Труды Томского областного краеведческого музея*. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Иванов, 1954** – Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 839 с.
- Ким, 1971** – Ким А.Р. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета, лето 1971 г.: Чулым, Хакасия // *Кабинет антропологии ТГУ: архив*. Дело без номера. 114 с., 26 с., 7 чертежей.
- Купина, 1995** – Купина Ю.А. Потребление табака у народов Северо-Восточной Сибири и Аляски: Этнокультурный аспект традиции // *Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура*. СПб., 1995. Вып. 2. С. 85–115.
- Локтионова, 2014** – Локтионова А.А. О способах классификации берестяной утвари народов Западной Сибири // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. № 1 (3). С. 108–114.
- Локтионова, 2017** – Локтионова А.А. Берестяная утварь южных селькупов: каталог. Томск: Д-Принт, 2017. 256 с.
- Лукина, 1985** – Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Издательство Томского университета, 1985. 365 с.
- Маслова, 1978** – Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 208 с.
- МАЭС ТГУ** – Музей археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета.
- Опись, 1948** – Опись находок к полевому дневнику археологических раскопок на Нижнем Чулыме в июне–июле 1948 г. Археолого-антропологический отряд комплексной экспедиции Томского государственного университета: [Коллекция 6710. 1948]. *МАЭС ТГУ: архив*. Дело 110-1. № 456–464. Без указания листов.
- Описи, 1949** – Описи находок археологического отряда археолого-антропологической Чулымской экспедиции Томского государственного университета 1949 г. (Смолокуровский и Стрежнинский сельсоветы Молчановского района Томской области): [Коллекция 6714. 1949]. *МАЭС ТГУ: архив*. Д. 117-2. № 1095–1117. Без указания листов.
- Пеняев, 1953** – Пеняев Е.М. Хозяйство чулымских татар (чулымцев) в XVII веке: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Томск, 1953. *МАЭС: архив*. Д. 306. Т. 1. 348 с.

- Розов, 1956** – Розов Н.С. Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // *Антропологический сборник*. № 1. 1956. С. 340–373. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Новая серия; Т. 33).
- Рыбаков, 1988** – Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988. 785 с.
- Рыбаков, 1997** – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1997. 824 с.
- Рындина, 1995** – Рындина О.М. Орнамент. Томск: Издательство Томского университета, 1995. 640 с. (Очерки культурогенеза народов Западной Сибири; Т. 3).
- Рындина, 2002** – Рындина О.М. Мир вещный и мир вечный в погребальной обрядности хантов Салымского края // *Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*. Томск: Издательство Томского университета, 2002. Т. 1. С. 165–198.
- Рындина, 2013** – Рындина О.М. Берестяные табакерки хантов как мифологический текст. *Вестник Томского университета. История*. 2013. № 1 (21). С. 67–72.
- Тюрки, 1991** – Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Р.М. Бирюкович, Г.А. Аксянова, Г.Л. Хить, А.Н. Багашев. Томск: Издательство Томского университета, 1991. 246 с.
- Федорова, 1994** – Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX вв. // *Памятники материальной культуры народов Сибири*. СПб.: Наука, 1994. С. 76–119.
- Харинский, 1995** – Харинский А.В. О появлении курительных трубок и табака в Прибайкалье // *Байкальская Сибирь в древности: Межвузовский сборник научных трудов*. Иркутск, 1995. С. 207–217.
- Шаповалов, 2002** – Шаповалов А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири: XVII – первая половина XX в. Новосибирск: Прогресс-Сервис, 2002. 257 с.

References

- Antropova, 1995** – Antropova V.V. (1995). Trubki narodov Sibiri [Pipes of the peoples of Siberia]. Podgotovka k publikatsii, primechaniya Yu.A. Kupinoy. *Kur'er Petrovskoy Kunstkamery*, Issues 2–3. pp. 235–251. [in Russian]
- Belikova, 2010** – Belikova O.B. (2010). Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI–XVII vv. tayozhnogo Prichulym'ya v svete arkheologii i arkheobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana) [The 'Zyryanskiy' burial site dating to between the late sixteenth to the seventeenth centuries of the taiga Chulym region through the prism of archaeology and archeobotany (A comprehensive study of one mound)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 432 p., 91 ill. [in Russian]
- Belikova, Zinchenko, 2012** – Belikova O.B., Zinchenko A.A. (2012). Kuritel'nye aksessuary XVII–XIX vv. tayozhnogo Prichulym'ya (Zapadnaya Sibir'): trubki [17–19th century smoking accessories of the taiga region of Chulym (Western Siberia): pipes]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (17). pp. 95–105. [in Russian]
- Bobrova, 2007** – Bobrova A.I. (2007). Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika) [The Selkups in the 18th to the 19th centuries (based on materials on the Tiskinskiy burial site)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 176 p. [in Russian]
- Loktionova, Bobrova, 2018** – Loktionova A.A., Bobrova A.I. (2018). Tehnologicheskie priyomy izgotovleniya i ornamentatsii berestyanykh izdeliy yuzhnykh (narymskikh) sel'kupov: etno-arkheologicheskie paralleli [Technologies of producing and ornamenting birch bark objects used by the southern (Narym) Selkups: ethno-archaeological parallels]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, g. Tyumen', 2–6 aprelya 2018 g. Tyumen', 2018*. pp. 387–389. [in Russian]
- Volkov, 1999** – Volkov I.V. (1999). Chastnaya kolleksiya 'Turetskikh' kuritel'nykh trubok iz Moskvy [A private collection of 'Turkish' smoking pipes from Moscow]. *Material'naya kul'tura Vostoka*. M., pp. 226–252. [in Russian]
- Georgi, 2007** – Georgi I.G. (2007). Opisanie vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey [A description of all the nationalities that inhabit the Russian State, of their rites, customs, clothing, dwellings, pastimes, beliefs, and other notable characteristics]. SPb.: Russkaya Simfoniya, 808 p. [in Russian]
- Dryomov et al., 1984** – Dryomov V.A., Kim A.R., Bagashyov A.N. (1984). Antropologicheskaya ekspeditsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1984 goda: Chulym, Srednyaya Ob, Gornyy Altay: Polevye dnevniki [An anthropological expedition of the Tomsk State University in the summer of 1984: Chulym, the Middle Ob, and Gornyy Altai: field diaries]. *Kabinet antropologii TGU: arkhiv. Delo bez nomera*. 328 sheets. [in Russian]
- Dryomov, Kim, 1979** – Dryomov V.A., Kim A.R. (1979). Kraniologicheskie kollektsii Kabineta antropologii Tomskogo universiteta [Craniological collections of the Tomsk University Anthropology Room]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 119 p. [in Russian].
- Dulson, 1953** – Dulson A.P. (1953). Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar [Late archaeological sites of Chulym and the genesis of the Chulym

- Tatars]. *Uchyonye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Tomsk, Vol. 10. pp. 127–334. [in Russian]
- Dulson, 1956** – *Dulson A.P.* (1956). Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological sites of the region of Tomsk (materials for an archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. Tomsk, Vol. 5. pp. 89–316. [in Russian]
- Ivanov, 1954** – *Ivanov S.V.* (1954). Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the art of the peoples of Siberia in the 19th to the early 20th centuries] M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 839 p. [in Russian]
- Kim, 1971** – *Kim A.R.* (1971). Antropologicheskaya ekspeditsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, leto 1971 goda: Chulyum, Khakassia [An anthropological expedition of the Tomsk State University in the summer of 1971: Chulyum, Khakassia]. *Kabinet antropologii TGU: arkhiv. Delo bez nomera*. 114 p., 26 p, 7 drawings. [in Russian]
- Kupina, 1995** – *Kupina Yu.A.* (1995). Potreblenie tabaka u narodov Severo-Vostochnoy Sibiri i Alyaski: Etnokul'turnyy aspekt traditsii [Tobacco consumption in the peoples of North-Eastern Siberia and Alaska: an ethno-cultural aspect of the tradition]. *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazi drevnikh kul'tur Sibiri i Severnoy Ameriki: Dukhovnaya kul'tura*. SPb., Issue 2. pp. 85–115. [in Russian]
- Loktionova, 2014** – *Loktionova A.A.* (2014). O sposobakh klassifikatsii berestyanoy utvari narodov Zapadnoy Sibiri [On the methods of classifying everyday birch bark items of the peoples of Western Siberia]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. No. 1 (3). pp. 108–114. [in Russian]
- Loktionova, 2017** – *Loktionova A.A.* (2017). Berestyanaya utvar' yuzhnykh sel'kupov: katalog [Everyday birch bark items of the southern Selkups: a catalogue]. Tomsk: D-Print, 2017. 256 p. [in Russian]
- Lukina, 1985** – *Lukina N.V.* (1985). Formirovanie material'noy kul'tury khantov (vostochnaya gruppa) [Formation of the material culture of the Khanty (the eastern group)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 365 p. [in Russian]
- Maslova, 1978** – *Maslova G.S.* (1978). Ornament russkoy narodnoy vyshivki kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. M.: Nauka. 208 p. [in Russian]
- MAES TGU** – Muzei arkheologii i etnografii Sibiri imeni V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia named after V.M. Florinskiy (MAES), Tomsk State University]. [in Russian]
- Opis', 1948** – *Opis' nakhodok k polevomu dnevniku arkheologicheskikh raskopok na Nizhnem Chulyume v iyune-iyule 1948 g.* Arkheologo-antropologicheskii otryad kompleksnoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: [Kollektsiya 6710. 1948] [A register of finds for a field diary of archaeological excavations on the Lower Chulyum River in June and July of 1948. The archaeology and anthropology group of the Tomsk State University integrated expedition: [Collection 6710. 1948]]. *MAES TGU: arkhiv. Delo 110-1*. No. 456–464. No sheets indicated. [in Russian]
- Opisi, 1949** – *Opisi nakhodok arkheologicheskogo otryada arkheologo-antropologicheskoy Chulymskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 1949 g.* (Smolokurovskiy i Strezhinskiy sel'sovety Molchanovskogo rayona Tomskoy oblasti): [Kollektsiya 6714. 1949] [Registers of finds found by the archeology group of the archaeological-and-anthropological Chulyum expedition of Tomsk State University in 1949 (Smolokurovskiy and Strezhinskiy village councils of Molchanovo area of the region of Tomsk)]. *MAES TGU: arkhiv. D. 117-2*. No. 1095–1117. No sheets indicated. [in Russian]
- Penyaev, 1953** – *Penyaev E.M.* (1953). Khozyaystvo chulymskikh tatar (chulymtsev) v XVII veke: Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Economic activity of the Chulyum Tatars (Chulyms) in the 17th century: a dissertation for a 'Candidate of Historical Sciences' degree]. Tomsk, 1953. *MAES: arkhiv. D. 306*. Vol. 1. 348 p. [in Russian]
- Rozov, 1956** – *Rozov N.S.* (1956). Materialy po kraniologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on the craniology of the Chulyum people and the Selkups]. *Antropologicheskii sbornik [Anthropological Collection]*. No. 1. 1956. pp. 340–373. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya AN SSSR: Novaya seriya; Vol. 33). [in Russian]
- Rybakov, 1988** – *Rybakov B.A.* (1988). Yazychestvo drevnei Rusi [Paganism of the ancient Russia]. M.: Nauka, 785 p. [in Russian]
- Rybakov, 1997** – *Rybakov B.A.* (1997). Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. M.: Nauka, 1997. 824 p. [in Russian]
- Ryndina, 1995** – *Ryndina O.M.* (1995). Ornament [Ornament]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1995. 640 p. (Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri, Vol. 3).
- Ryndina 2002** – *Ryndina, O.M.* (2002). Mir veshchnyy i mir vechnyy v pogrebal'noy obryadnosti khantov Salym'skogo kraya [A world of things and a world of eternity in the burial rite of the Khanty of the Salym region]. *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Vol. 1. pp. 165–198. [in Russian]
- Ryndina, 2013** – *Ryndina O.M.* (2013). Berestyanые табакерки хантов как мифологический текст [Birch bark tobacco boxes of the Khanty as a mythological text]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*, No. 1 (21). pp. 67–72. [in Russian]

Tyurki, 1991 – Tyurki tayozhnogo Prichulym'ya: Populyatsiya i etnos [The Turkic people of the taiga region of Chulym: a population and an ethnos]. E.L. Lvova, V.A. Dryomov, R.M. Biryukovich, G.A. Aksyanova, G.I.L. Khit, A.N. Bagashyov. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1991. 246 p. [in Russian].

Fyodorova, 1994 – *Fyodorova E.G.* (1994). Berestyanaya utvar' narodov Sibiri. Konets XIX – pervaya polovina XX v. [Everyday birch bark items of the peoples of Siberia in the late 19th to the first half of the 20th centuries]. *Pamyatniki material'noy kul'tury narodov Sibiri*. SPb.: Nauka, pp. 76–119. [in Russian]

Kharinskiy, 1995 – *Kharinskiy A.V.* (1995). O poyavlenii kuritel'nykh trubok i tabaka v Priбайkal'e [On the emergence of smoking pipes and tobacco in the Baikal region]. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Irkutsk, pp. 207–217. [in Russian]

Shapovalov, 2002 – *Shapovalov A.V.* (2002). Ocherki istorii i kul'tury potrebleniya tabaka v Sibiri: XVII – pervaya polovina XX v. [Essays on the history and culture of consuming tobacco in Siberia in the 17th to the first half of the 20th centuries]. Novosibirsk: Progress-Servis, 257 p. [in Russian]

Берестяные табакерки XVIII–XIX вв. тюрок таежного Причулымья (юг Западной Сибири)

Ольга Борисовна Беликова ^{a, *}

^aТомский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Аннотация. На основе археологического материала рассматриваются вопросы, связанные с культурой потребления табака на юго-восточной периферии Западной Сибири – в таежном Причулымье (р. Чулым – правый приток р. Обь). Анализируется одна из категорий предметов этого универсального явления мировой культуры – берестяные табакерки-коробочки (8 экз.) из памятников XVIII–XIX вв., оставленных аборигенами Чулыма – чулымскими тюрками. Они предназначались для хранения измельченного табака или табачной смеси. Табакокурение, известное в Европе с конца XVI в., широкое распространение на территории России получило к началу XVII в. В научной литературе проникновение табака в коренное население Сибири определяется в основном XVII в. (А.В. Шаповалов допускает, что это событие произошло, скорее всего, в 1610–1630-е гг.). Чулымские тюрки познакомились с табаком и курительными атрибутами не ранее XVII в. через селькупов соседнего Нарымского Приобья. Из письменных этнографических свидетельств известно, что к 1770-м гг. чулымские тюрки к табакокурению приобщились уже массово. В XVIII–XIX вв. в их повседневной и ритуальной практике появляются берестяные табакерки. Они определенно были включены в погребальную обрядность женщин. Проведенное исследование выявило несомненное стилистическое единство табакерок чулымских тюрок по форме и конструкции. Установлено явно русское происхождение шести табакерок с орнаментальными композициями, пропитанными символикой земледелия и плодородия. Эта серия западносибирских артефактов – реликт русского берестяного творчества XVIII–XIX вв. Для двух табакерок без декора русское производство предположено. Русские табакерки являлись предметами товарообмена между русскими купцами и чулымскими тюрками.

Ключевые слова: потребление табака, табакерки, XVIII–XIX вв., Западная Сибирь, таежное Причулымье, чулымские тюрки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bob@mail.tsu.ru (О.Б. Беликова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1009-1018. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1009
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Topography of the Ruthenian Population in Slovakia in the 18th century through the first half of the 20th century

Pavol Tišliar ^{a, b}, Branislav Šprocha ^{c, *}

^a Comenius University in Bratislava, Slovak Republic

^b Masaryk University in Brno, Czech Republic

^c Centre of Social and Psychological Sciences, v.v.i., Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic

Abstract

The Ruthenian population appeared on the territory of Slovakia during the so-called Wallachian colonization period, which took place from the 14th century to the 16th century. They settled in mountainous and foothill regions suitable for sheep and goat grazing. Their settlement was more distinct in the territory of eastern Slovakia and although they were exposed to the long-term assimilation of the Slovak and Hungarian language environment, they preserved their language and culture. This paper analyzes the topography of the Ruthenian population, problems related to the understanding of Ruthenian ethnicity and their development especially in the course of the 18th up to the 20th century in Slovakia.

Keywords: Ruthenians, Russians, Greek Catholics, Slovakia, 18th – 20th century.

1. Introduction

The appearance of the Ruthenian population on the territory of Slovakia is related to the early and developmental stages of the *Wallachian colonization* in the 14th to the 16th centuries, but also the Greek Catholic Church and later the Orthodox Church (Janto, 2016: 95). The Ruthenian population represented one of the most stable ethnic groups in the country with approximately 3% of the population. They mainly settled in northeast Slovakia, but in the older periods and up to the middle of the 19th century there were larger settlements in the southeast. The Ruthenian population was subject to long-term assimilation in this space. However, they preserved the elements of their own culture and their language.

The connection of the Ruthenian population with Greek Catholicism, as well as the Russians, especially in course of the second half of the 19th century and in the early 20th century and later also with the Orthodox Church, caused significant problems for the ethnic map of Slovakia and Hungary. These problems were more distinctively reflected in the statistical enhancement of the Ruthenian population especially in the 19th century.

In this paper we will focus on the topography of the Ruthenian population from the late 18th century up to the middle of the 20th century with the aim to determine not only the language prevailing in the Ruthenian communities, but also to show the aforementioned identification of this ethnic group with Greek Catholicism.

2. Materials and Methods

In terms of methodology, we combine traditional historical research and historical-demographical analysis and the cartographic designing of maps. The historical research, which is mainly based on the heuristics of archive sources, tends towards a wider interpretation of data acquired from a historical-demographic analysis of the data of a statistical nature. The cartographic section of this paper depicts

* Corresponding author

E-mail addresses: pavol.tisliar@uniba.sk (P. Tišliar), branislav.sprocha@gmail.com (B. Šprocha)

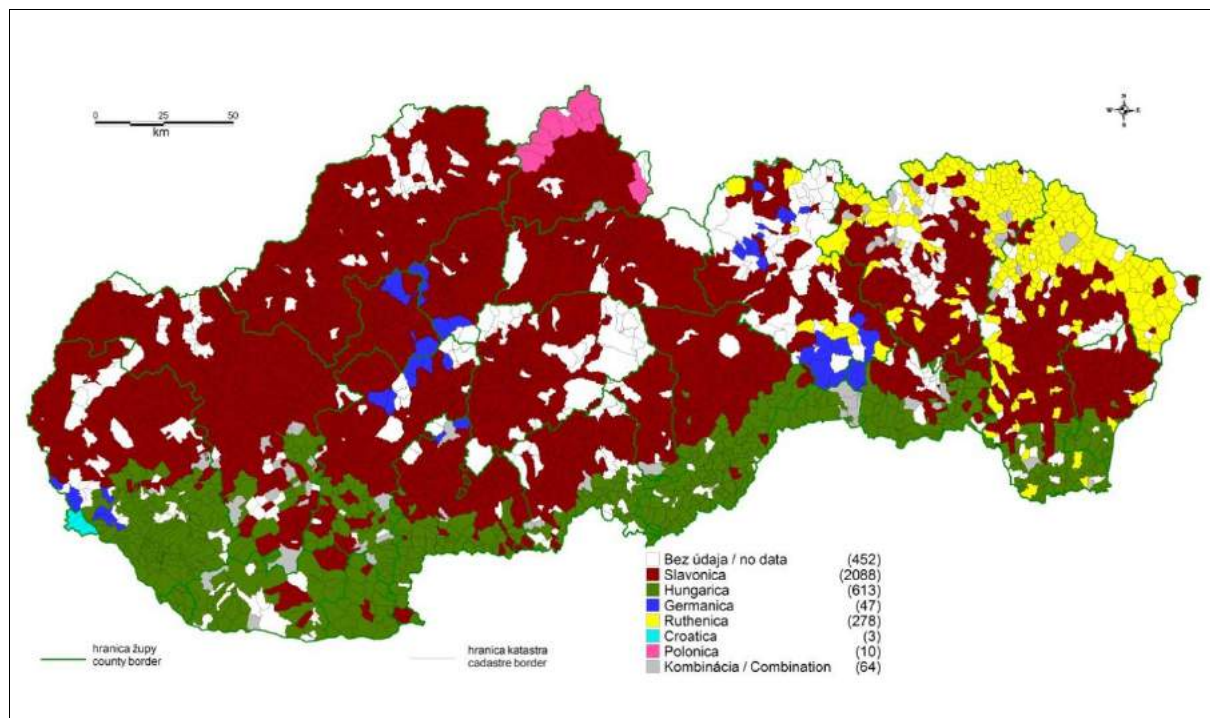
statistical data in space and time in the form of statistical cartograms. The *MapInfo professional* software was used to design maps. The basic foundation map layer was comprised by the map: “*Katastrálne územie Slovenskej republiky*” (Cadastral Territory of the Slovak Republic) in its original 1: 400,000 scale, which depicts the status of the technical cadastral territories in Slovakia in 2011. The cadastral territories of which today’s towns in Slovakia are comprised, are from a territorial extent the closest to the original residential centres and outlying areas from the period of the 18th century to the first half of the 20th century. For map designing we created a database comprised of over 3,500 present-day cadastral territories. The data section for individual towns is represented by the outcomes from the censuses from the period of 1787 to 1950, as well as the selected data of *topographical lexicons* of an official and private nature (Tišliar, 2015: 51-62).

3. Discussion and Results

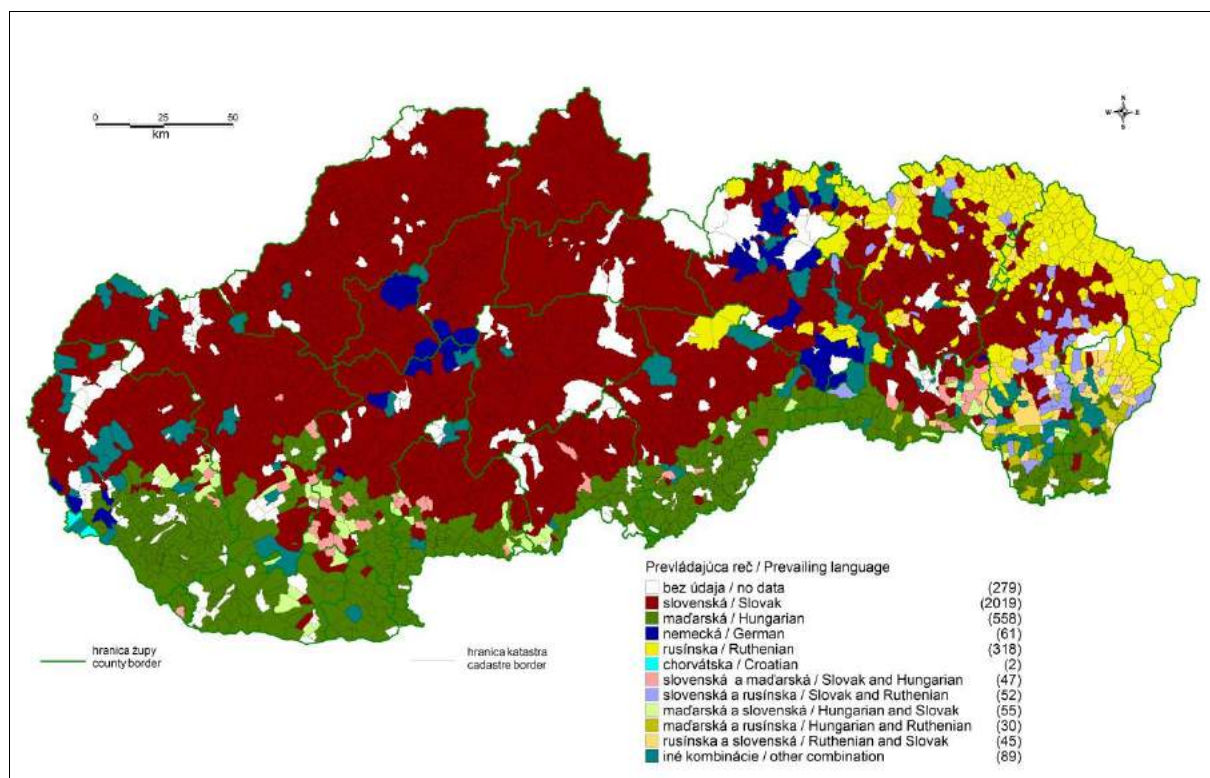
The Ruthenian (Wallachian) population arrived in the territory of Slovakia in the 1330s (Šprocha et al., 2017: 213-231). At the beginning, their origin was in the region of present-day Romania (Wallachia), but gradually also from the territory of present-day Ukraine and Poland. In terms of ethnicity, it was the Ruthenian and Ukrainian speaking population which typically settled in the mountain and foothill regions of Slovakia. As herders, they sought out suitable pastures for this sheep and goats. They also made their living from the production and sale of milk and dairy products, cheese in particular; however later they also worked as farmers (Janto, 2017: 51-59). They settled in northern and north eastern Slovakia.

Wallachian colonization was free and moved westward. At first, they settled in the *Zemplín*, *Šariš*, *Spiš* regions in the northeast; then in the 15th century the colonization moved south to the region of the *Slovenské rudohorie* mountain range in the *Gemer* and *Zvolen* regions and from there again to the northern Slovakian regions of *Liptov*, *Orava*, *Turiec*, *Trenčín* and then further to the territory of *Moravské Valašsko* (Moravian Wallachia). In Slovakia, this colonization culminated in the 16th century and slowly faded out in the course of the 17th century, when an exclusively domestic element dominated the shepherd community (Žudel, 2010: 124-127; Macůrek, 1959). In the first phase of the Wallachian colonization, settlements with Ruthenian elements were founded and the largest number of these settlements was founded in the 14th and 15th centuries in northeast Slovakia. In the 15th century, the domestic (non-Ruthenian) population also participated in the Wallachian movement, and therefore the settlements created in the 2nd half of the 15th century and in the 16th century, especially in central and western Slovakia, were of a Slovak character in terms of ethnicity.

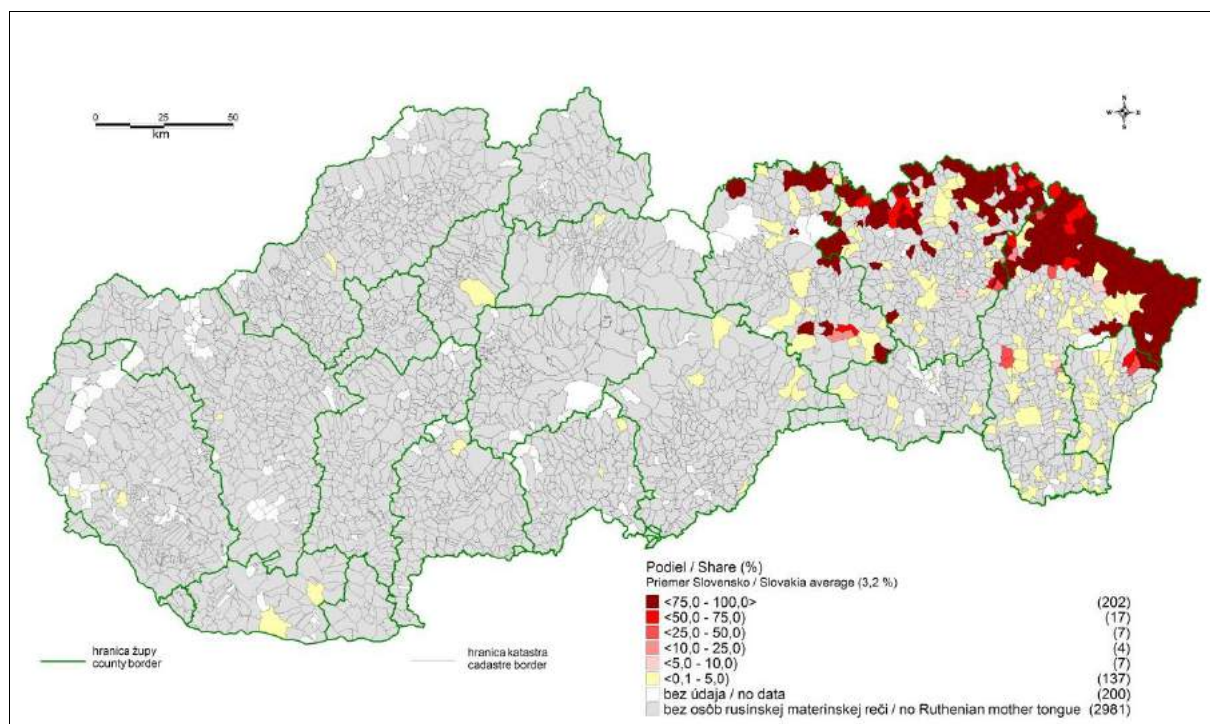
The oldest summary source, based on which the settlement of Slovakia can be defined in greater detail in terms of ethnicity at the level of settlements, is the lexicon of settlements of 1773 (Map No. 1) (Lexicon..., 1920). This official lexicon is called the “*Theresian Lexicon of Settlements*” in local Slovak historiography, since it was compiled during the reign of Maria Theresa. In addition to other characteristics, it also recorded the prevailing language of the population of individual settlements. The Ruthenian language (*Ruthenica* in Latin) prevailed in this period in 278 communities concentrated in eastern Slovakia. In another approximately 30 settlements in Eastern Slovakia a balanced linguistic combination of Ruthenian and Slovak or Ruthenian and Hungarian was documented. The highest representation of the Ruthenian language was found in the northern parts of the *Zemplín*, *Šariš* and *Spiš* regions, where this population survives to this today (Šprocha, Tišliar, 2017: 964-977). However, in the late 18th century there were also smaller language spurs along the western border of the *Zemplín* region in the vicinity of the town of *Vranov nad Topľou* and further south. The Ruthenian settlement also sporadically survived in the area of the Eastern Slovakian Lowlands, especially in the region of *Medzibodrožie*, where several Ruthenian enclaves were situated. However, this oldest source only records the prevailing language. The Ruthenian population was a minority language in many other settlements which is not recorded in the Theresian Lexicon of Settlements.

Map 1. Prevailing language of the settlement population according to the Lexicon of 1773

In broad terms, the ethnic picture of Slovakia in the late 18th century was also confirmed by a lexicon of private origin, compiled by Elek Fenyes. This source from 1851 also recorded the more compact Ruthenian settlements especially in eastern Slovakia. However, in comparison with the previous Theresian Lexicon of 1773, the Fenyes Lexicon features several differences (Map 2) (Fenyes, 1851). Certainly the most interesting is the difference of prevailing languages in the Eastern *Horehronie* region, i.e., central Slovakia, where according to Fenyes the Ruthenian language prevailed, as opposed to the older lexicon of 1773 which stated the prevalence of Slovak in those specific communities. This difference can be explained by the relatively frequent identification of the Ruthenian population with the Greek Catholic population, i.e., by mixing ethnicity and religion, which we will address later.

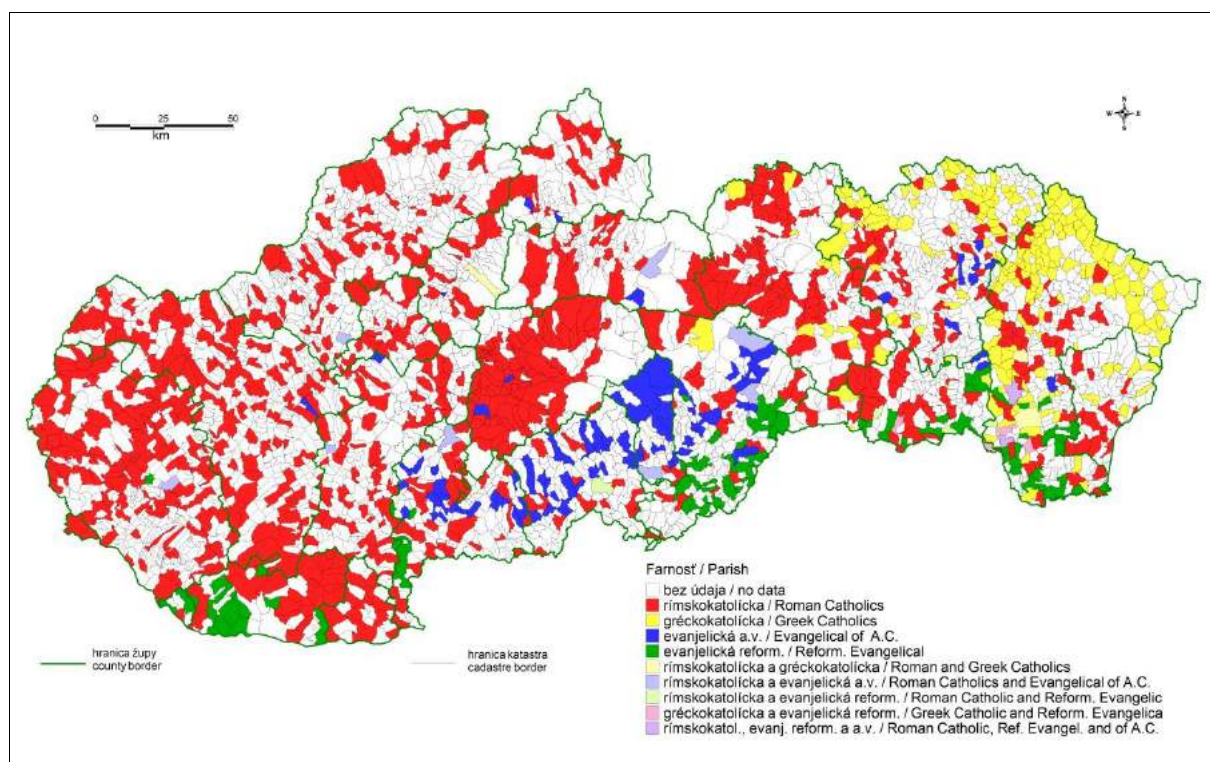
Map 2. Prevailing language of the settlement population according to the Fenyes Lexicon of 1851

Map 3. Share of persons whose mother tongue was Ruthenian according to the census of 1880

The long-term assimilation which the Ruthenian speaking population had to face, especially due to the Hungarian and Slovak language environment, became visible in the 19th century by the drop in the number of Ruthenian communities and in their complete disappearance from southeast Slovakia. This is shown by the results of the census of (Map 3) (*Népszámlálás...*, 1882). The Ruthenians in southeast Slovakia were practically assimilated under the influence of the Hungarian language environment. But they kept their language in northeast Slovakia, mainly in the regions on the borders with present-day Poland and Ukraine. The higher share of this population in the *Horehronie* region in central Slovakia was not confirmed in 1880, however the existence of a Greek Catholic parish is documented (Map 4) (*Lexicon...*, 1920).

Map 4. Parishes in the territory of Slovakia recorded in the *Theresian Lexicon of Settlements* of 1773

The frequent identification of Ruthenians with Russians (Russian in Hungarian is *orosz*, Ruthenian is *ruthén*), and with Greek Catholicism was a methodological problem which influenced statistical results to a certain extent. This *effect* which in reality applied only partially, occurred more frequently in the 19th century. The self-determination of nations and nationalities across Europe which took place in the late 17th century and 18th century and culminated in the 19th century, only slightly affected the Ruthenian population. Throughout almost all of the 19th century, this population did not resolve the question of their identity. Some considered the Carpathian Ruthenians to be Russians, a branch of a Russian ethnic group and the great Russian nation. This pro-Russian orientation was strong especially in the 19th century and early 20th century. Proponents of this pro-Russian opinion designated Ruthenians directly as Russians or specifically as Carpathian Russians or Hungarian Russians. In terms of language, they used „*jazyčie*” which was comprised of local Ruthenian dialects and Russian (“Ruthenianized Russian language”) and was still used in the middle of the 20th century. Others classified the Ruthenian population as Ukrainians. This opinion did not have many supporters in the older period. In the middle of the 19th century another opinion was raised, namely direct Ruthenian national awareness. Ethnogenesis and the ethnic identification of this population was not resolved in many aspects even in the 20th century. (Botík, 2007: 120)

Map 5. Share of individuals whose mother tongue is Ruthenian according to the census of 1910

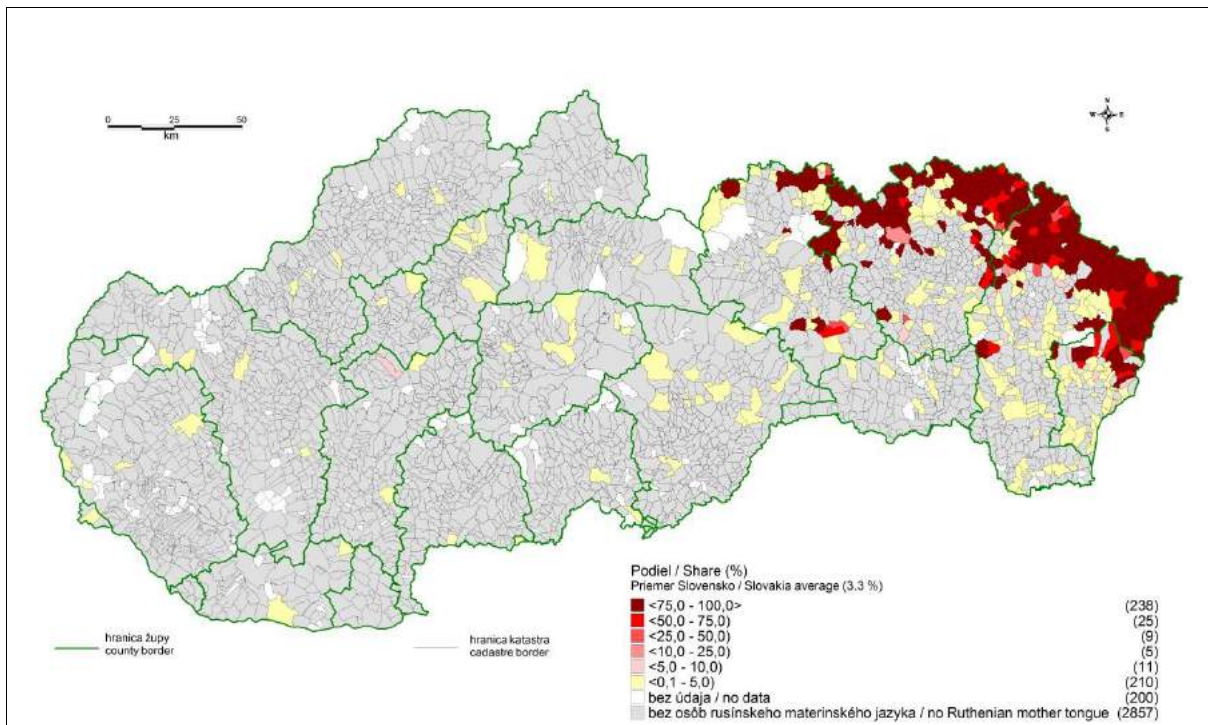

Table 1. Ruthenian population in Slovakia from 1880 to 1930 according to the official census

year	population in Slovakia*	Ruthenians**	share of Ruthenians (%)
1880	2 455 928	78 941	3,2
1890	2 587 485	87 787	3,4
1900	2 792 569	84 906	3,0
1910	2 926 833	97 014	3,3
1919	2 923 214	81 332	2,8
1921	2 955 998	85 628	2,9
1930	3 254 189	91 079	2,8

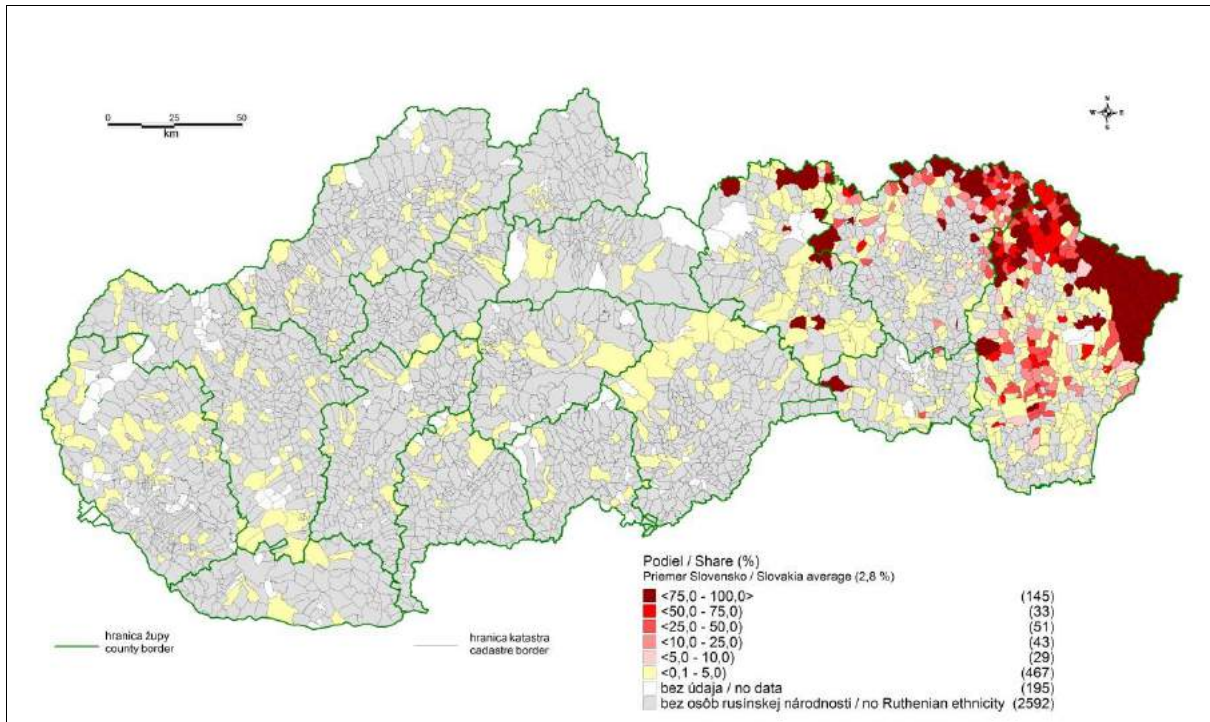
*in the period from 1880 to 1919 the number of people, 1921 and 1930 the number of Czechoslovak citizens

**in the period from 1880 to 1910 Ruthenian mother tongue, 1919 Ruthenian nationality, 1921–1930 Russian, Ukrainian and Carpathian Russian nationality together

Relating Ruthenians with Russians, as well as with Greek Catholics also marked the results of later censuses, especially the census of 1910 (Map 5) (Népszámlálás..., 1912), when the largest number of people claimed Ruthenian as their mother tongue (Table 1). This joint identification also became topical in the interwar period and again was related to religion and relating Ruthenians with Russians.

A larger Russian emigration wave arrived in Czechoslovakia after the Russian Revolution in 1917; this was complemented by wives of Czechoslovak legionnaires operating at the end of World War I and after the war in Russia. A more massive arrival of Russian emigrants took place in the mid-1920s when approximately 28,000 Russians came to Czechoslovakia. They mostly settled in Bohemia and Moravia, especially Prague and its vicinity. Their number in the interwar period in Slovakia is estimated to be 2,000 to 2,500 (Harbuľová, 2014: 131-134). The strengthening of the position of Russian emigration in Czechoslovakia thus created the precondition for a new definition of the Ruthenian nationality. Antonín Boháč, one of the founders of interwar Czechoslovak statistics, justified its change in the analytical section of the census of 1921. He stated that in the extraordinary census of the population in Slovakia in 1919, using the Ruthenian mother tongue as the basis for determining nationality was incorrectly borrowed from the Hungarian censuses (Boháč, 1924: 77). Thus, he practically supported or acknowledged the voices from the Russian emigration camp after the World War I in Czechoslovakia which did not recognize the Ruthenian nationality.

Map 6. Share of individuals with Ruthenian nationality according to the census of 1919

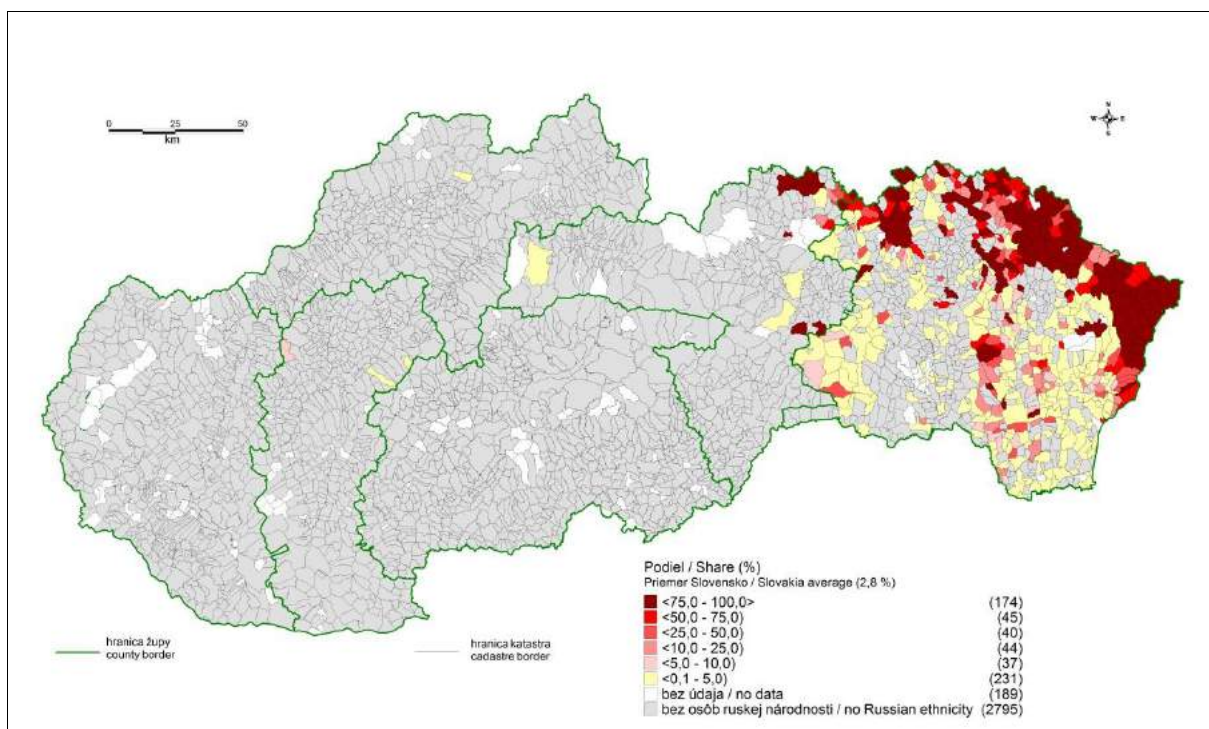
Alexei Petrov, an important Russian demographer who worked in interwar Czechoslovakia, stated that the Ruthenian nationality did not exist and in connection to the census of 1919 (Map 6) (Soznam..., 1920), he talked only about the Russian nationality (Petrov, 1923: 115-119). He tried to analyze the results acquired from the census of 1919 in eastern Slovakia and concluded that the number of individuals of Russian nationality was not correctly identified there. According to his claim, it was statistically undercounted. He based his claims on a comparison of the results from censuses of 1900 and 1910. According to his research of the previous 130 years, i.e., from the time of the compilation of the Theresian Official Lexicon of Settlements of 1773, the Slovak-Russian ethnic borders remained unchanged, and thus he clearly showed his disagreement with the results published in 1919. He was also convinced that the results of the regular census of 1921 in Czechoslovakia would be more accurate (Petrov, 1923: 240-243). However, we must add that a specific Russian nationality was stated separately in the 1919 census. But when the results were published, this nationality was included in the joint group designated as “other nationalities”. There are no doubts that he was monitoring the location of the Greek Catholic population which he considered to be Russian.

Thus, the issue of the ethnic identity of the Ruthenian population was addressed in the following interwar censuses by their inclusion in a larger and much wider group of nationalities, while their language was considered to be a dialect with small linguistic differences from the other Russian speaking population. In the 1921 census, the officially used Russian nationality represented the “*Carpathian branch of the Russian nation*”. The national group of Russians, Great Russians, Ukrainians and Carpathian-Russians was created which comprised. But if we compare the results of the Ruthenian population in the 1910 census, with an almost 3.5 % share of the Slovak population with the results from 1921 census, obviously a further reduction of the share of this population occurred. Understandably for the Ruthenian as well as Russian representatives, these results were a great disappointment. They declared the 1921 census as incorrectly organized and accused the Slovak party of disorientation and even duress (Švorc, 2003: 191-192).

The increasingly frequent identification of the Ruthenian population with Greek Catholics was the problem of the older censuses, which was frequently pointed out when Czechoslovakia was formed. For example, on February 4, 1921, Michal Slavík, the district administrator of Zemplín, published a flier in which he reacted to Ruthenian (Russian) propaganda advocating that all Greek Catholics should declare themselves to be Ruthenians. (SNA1) As he stated in his proclamation: “...it isn't true that every Greek Catholic is Russian, and even less Ruthenian, because an individual who does not speak Russian cannot be Russian, and if this individual speaks Slovak, just as his/her Roman Catholic, Calvinist or Protestant neighbour ...The truth is that their denomination is different, the Greek Catholic denomination, is also called the Russian denomination, but just because of that they would not become Russians and are not Russians, just as Roman Catholic Slovaks or Calvinists and Protestant Slovaks are not Hungarians or Germans. Each of us should stick with and declare their denomination, but all people of Zemplín who speak Slovak, let us declare ourselves bravely and proudly to be Slovaks.”

In practical terms, it meant that the Ruthenian propaganda considered almost all of eastern Slovakia to be Ruthenian (Russian) territory where people considered themselves to be Greek Catholics. (Letz, 2000: 104) However, Jan Húsek, the Czech ethnographer, who made a detailed study and marked the Slovak-Ruthenian borderline in northeast Slovakia, confirmed in his research that this identification did not apply in the 1920s. He confirmed that Greek Catholicism could not only be attributed to Ruthenians just as Roman Catholicism could not only be attributed to Slovaks in northeast Slovakia (Húsek, 1925: 87, 345). Practically speaking, the results of 1910 already showed that Greek Catholicism could not be considered as a sign of Ruthenian ethnicity. Only approximately a half of the total number of people declaring to be Orthodox listed Ruthenian as their mother tongue (see e.g. Konečný, 1999: 290). The results of interwar censuses were a great disappointment for the Ruthenian and Russian political representations, because the results of the 1930 census were similar when the nationality was changed into Russian and Little-Russian where the Ruthenian population living in eastern Slovakia was also included (Korčák, 1934: 46).

Map 7. Share of individuals with Russian, Great-Russian, Ukrainian and Carpathian-Russian nationality according to the 1921 census (Štatistický..., 1927).

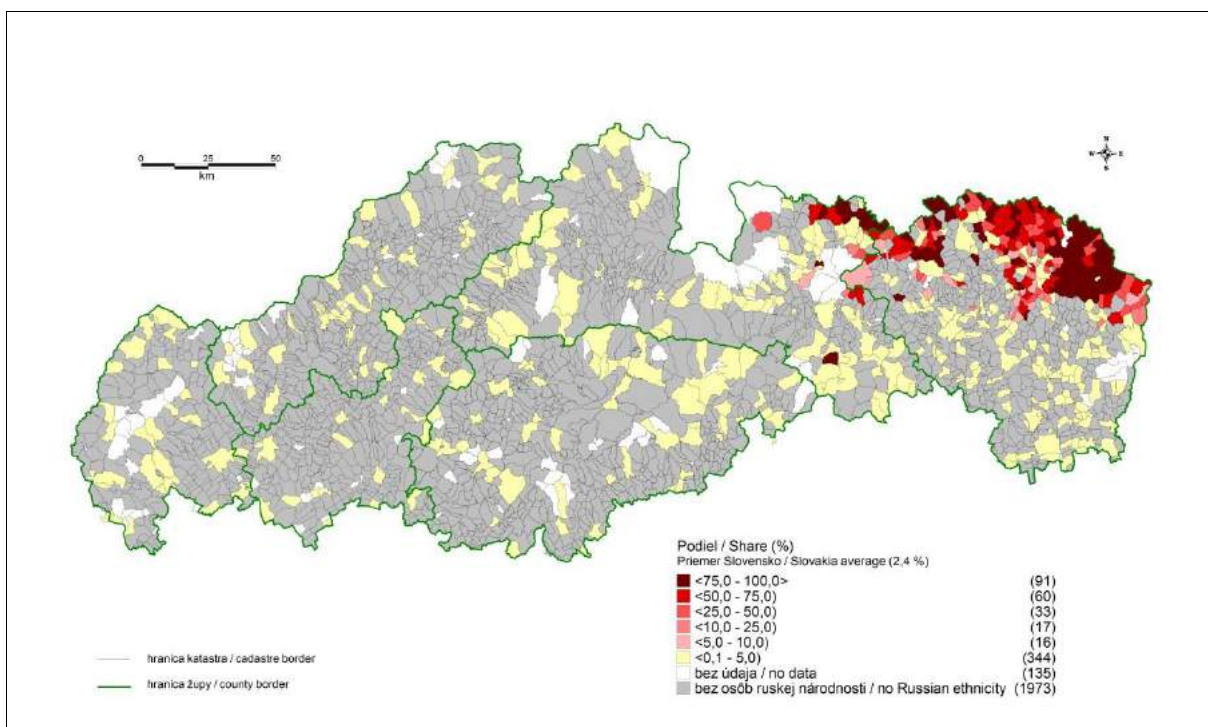

The Ruthenians were most concentrated in the districts of *Medzilaborce* and *Snina* (the northern part of the *Zemplín* region), where they represented a truly dominant nationality in the interwar period. In 1919, the share of Ruthenians in the district of *Snina* was reported to be up to 72 %, although their share there was slightly decreasing (Soznam..., 1920: 143-145).

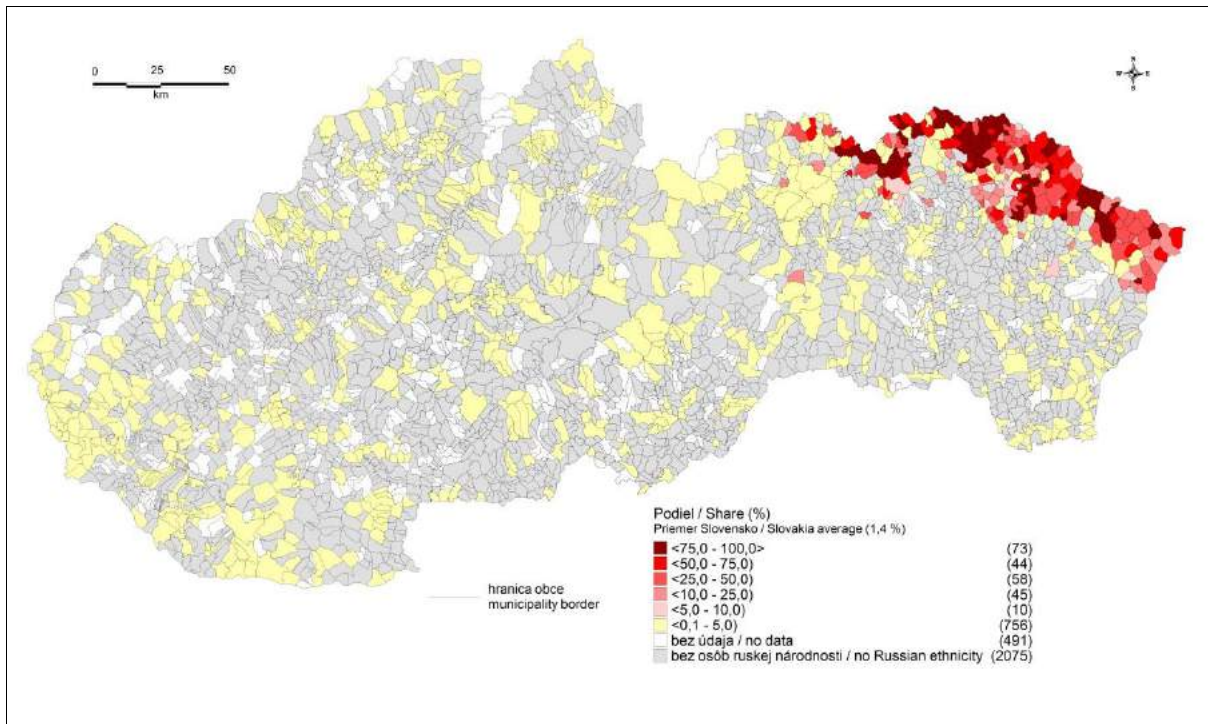
The return to the definition of Ruthenian nationality occurred in the 1938 census in Slovakia, and in the 1940 census this group was first designated as a Russian nationality, but after the census the statistical office again designated them as Ruthenians, which simply prevailed in this group (SNA2). This issue was additionally resolved during the revision of the 1940 census in 1941. The stimulus for this came from the request of the district administrator of *Šariš-Zemplín* region, where the largest group of Ruthenian population lived. Pavel Horváth, the chairman of the State Statistical Office in Bratislava, did not try to definitively resolve the nationality concept of this ethnic group in which its members designated themselves

in a local dialect as Ruthenians, but also Russians, Rusnaks, Hutsuls, Ukrainians and Little-Russians. He stated that the practice of the Czechoslovak statistics was to not directly empower any of three existing political orientations (pro-Russian, Ukrainian, Ruthenian) which the Ruthenian community was divided into at that time. *“This standpoint of the government policy of the then Czechoslovak state was also certainly affected by the fact that the eastern autonomous part of the former Czechoslovak Republic was called Subcarpathian Rus (Russia) and not Subcarpathian Ruthenia”* (SNA2). The Regional Authority in Prešov recommended addressing this problem by returning to the previous common understanding which was applied in the times of the Austro-Hungarian Monarchy. Then only individuals whose origin was directly from Russia were designated by the term *Rus* (Russian), and the local population was designated as Ruthenian. The Statistical Office had no reservations in this respect and the Ministry of Interior of the Slovak Republic proposed that the Prime Minister resolve this issue by a special government decree. This occurred on October 30, 1941, when the Government decided that *“the members of the ethnic group which is designated as ... Ruthenians or Russians, Rusnaks, Hutsuls, Little-Russians, etc. and declared themselves in the last census to be members of these aforementioned nationalities and were marked in this census as members of the Ruthenian, etc. nationality, should be designated as Ruthenians in the publications of the State Statistical Office. Those individuals born in Ukraine or in Russia... can declare themselves to be Ukrainians or Russians”* (SNA2).

Map 8. Share of individuals with Russian (Ruthenian) nationality according to the 1940 census (Tišliar, 2011)

The end of the war and the renovation of the post-war Czechoslovak Republic also markedly affected the Ruthenian population. Based on the Czechoslovak-Soviet treaties of 1945 and 1946, Czechoslovakia ceded the area known as Subcarpathian Rus to the Soviet Union. In the connection, the Russian, Ukrainian and White-Russian population had the opportunity to gain Soviet citizenship (Šmigel, Kuško, 2011: 15). Almost 12,500 Czechoslovak citizens in total participated in this resettlement (Šmigel, Kruško, 2011: 156). More than 12 000 individuals were from the resettlement regions of Bardejov, Humenné, Medzilaborce and Prešov in northeastern Slovakia (Šmigel, 2014: 506). This was also why the share of individuals of Ruthenian, Russian and Ukrainian nationality dropped in Slovakia to 1.2 % (i.e., 48,231 individuals) according to the 1950 census. Just for comparison, in 1930 over 95 000 individuals in Slovakia declared themselves to be of these nationalities (Benža et al., 2015: 41).

Map 9. Share of individuals with Russian nationality according to the 1950 census (Sčítání..., 1950)

4. Conclusion

The original homogenous Ruthenian population in Slovakia is currently divided into two groups, Ruthenians and Ukrainians, who continue to spread their culture, language and have their own cultural institutions. Their minority museums, which are part of the Slovak National Museum, the Museum of Ruthenian Culture and the Museum of Ukrainian Culture, are good examples (Kucharík, 2016: 109-116). The pro-Russian orientation in connection with the option to gain Soviet citizenship and the departure of a larger group of the population with a pro-Russian orientation after the World War II practically ceased to exist.

This relatively compact territory populated with original Ruthenian and Ukrainian populations has been preserved geographically in northeast Slovakia. Despite the fact that in the interwar period the Orthodox religion began to spread gradually among the Ruthenian population thus replacing the Greek Catholic religion in this community, this became much more obvious only after the World War II in connection with the new state ideology. In spite of this, the position of the Greek Catholic church has remained unchanged, even with the Slovak national population.

5. Acknowledgements

This work was supported by the Ministry of Education grant VEGA No. 1/0113/17 „Populačná a rodinná politika na Slovensku v 20. a 21. storočí.“

References

- Benža et al., 2015 – Benža, M., Kusendová, D., Majo, J., Tišliar, P. (2015). Národnostný atlas Slovenska. Bratislava.
- Boháč, 1924 – Boháč, A. (1924). Sčítání lidu v republice Československé ze dne 15. února 1921 : Část analytická. Československá statistika sv. 9. Praha, pp. 32*-129*.
- Botík, 2007 – Botík, J. (2007). Etnická história Slovenska : K problematike etnicity, etnickej identity, multietnického Slovenska a zahraničných Slovákov. Bratislava.
- Fenyés, 1851 – Fenyés, E. (1851). Magyarország geographiai szótára, mellyben minden város, falu és puszta, betűrendben körülményesen leíratik. Pesten.
- Harbuľová, 2014 – Harbuľová, E. (2014). Príchod emigrantov z Ruska a ich pôsobenie na území Slovenska v rokoch 1918 – 1939. *Migračné procesy Slovenska (1918 – 1948)* / Eds. M. Šmigel', P. Tišliar. Banská Bystrica, pp. 131-144.
- Húsek, 1925 – Húsek, J. (1925). Národopisná hranice mezi Slováci a Karpatorusy. Bratislava.
- Janto, 2016 – Janto, J. (2016). Salašný chov oviec v Detve a na Slovensku. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (4), pp. 95-106.
- Janto, 2016 – Janto, J. (2017). Slovenské bryndziarstvo a vagačovská výroba v Detve k 230. výročiu vzniku prvej bryndziarne. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No. 2 (5), pp. 51 – 59.

- [Konečný, 1999](#) – Konečný, S. (1999). Rusíni na Slovensku a rozpad Rakúsko-Uhorska. *Stredoeurópske národy na križovatkách novodobých dejín 1848 – 1918* / Eds. P. Švorc, E. Harbuľová. Prešov, pp. 290-299.
- [Korčák, 1934](#) – Korčák, J. (1934). Sčítání lidu v republice Československé ze dne 1. prosince 1930: část textová. *Československá statistika* sv. 98. Praha, pp. 9*-55*.
- [Kucharík, 2016](#) – Kucharík, J. (2016). Detské múzeum v SNM v Bratislave v rokoch 2010 – 2015. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No.1 (4), pp. 109-116.
- [Letz, 2000](#) – Letz, R. (2000). Postavenie gréckokatolíkov slovenskej národnosti v rokoch 1918 – 1950. *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava, pp. 101-118.
- [Lexicon..., 1920](#) – Lexicon universorum regni Hungariae locorum populorum. Budapest.
- [Macúrek, 1959](#) – Macúrek, J. (1959). Valaši v západných Karpatech v 15. – 18. století. Ostrava.
- [Népszámlálás..., 1881](#) – A Magyar korona országában Az 1881. Év Elején Végrehajtott Népszámlálás Eredményei. I. kötet.
- [Népszámlálás..., 1912](#) – A Magyar szent korona országainak 1910. évi népszámlálása. Első rész. *Magyar statisztikai közlemények*, Új sorozat I. kötet. Budapest.
- [Petrov, 1923](#) – Petrov, A. (1923). K otázce slovensko-ruské etnografické hranice. *Česká revue*, No. 5-6 (XVI), pp. 115-119, 234-243.
- [Sčítání..., 1950](#) – Sčítání lidu 1950, obecní třídění. Přítomné obyvatelstvo podle poměru k povolání a úseků objektivního povolání, podle náboženského vyznání a přistěhování do obce. Bratislava.
- [SNA1](#) – Slovak national archive in Bratislava, f. Minister ČSR s plnou mocou pre správu Slovenska, 1918 – 1928, sign. č. 2222/1921 prez.
- [SNA2](#) – Slovak national archive in Bratislava, f. Ministerstvo vnútra, 1938 – 1945, sign. č. 5668/1941.
- [Soznam..., 1920](#) – Soznam miest na Slovensku dľa popisu ľudu z roku 1919. Bratislava.
- [Šmigel', Kruško, 2011](#) – Šmigel', M., Kruško, Š. (2011). Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945 – 1947). Bratislava.
- [Šmigel', 2014](#) – Šmigel', M. (2011). Presídlenie slovenských Rusínov do ZSSR (1947) v kontexte povojnovej československo-sovietskej výmeny obyvateľstva / Eds. M. Šmigel', P. Tišliar. *Migračné procesy Slovenska (1918 – 1948)*. Banská Bystrica, pp. 471-513.
- [Šprocha et al., 2014](#) – Šprocha, B., Tišliar, P., Šmigel', M. (2014). Demographic development Ruthenians (Rusyns) in Slovakia in the interwar years (1920 – 1930). *Rusin*, No. 1 (47), pp. 213-231.
- [Šprocha, Tišliar, 2017](#) – Šprocha, B., Tišliar, P. (2017). The fertility of women in subcarpathian Russia in the second half of the Nineteenth century and the first half of the Twentieth century. *Bylye Gody*, No. 3 (45), pp. 964-977.
- [Štatistický..., 1927](#) – Štatistický lexikón obcí v republike Československej : III. diel Slovensko. Praha.
- [Švorc, 2003](#) – Švorc, P. (2003). Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou (1919 – 1939). Prešov.
- [Tišliar, 2015](#) – Tišliar, P. (2015). Cesta k prvému úradnému lexikónu sídel na Slovensku. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*, No.1 (3), pp. 51-62.
- [Tišliar, 2011](#) – Tišliar, P. (2011). Národnostný kataster Slovenska z roku 1940. Bratislava.
- [Žudel, 2010](#) – Žudel, J. (2010). Osídlenie Slovenska v neskorom stredoveku. Bratislava.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1019-1027. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1019
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Policy of the Tsarist Authorities to Involve Mingrelia in the Political and Legal Space of the Russian Empire (1774–1857)

Vladimir G. Ivantsov ^{a, *}, Yurii N. Makarov ^a, Lyudmila G. Zimovets ^a, Natal'ya A. Shevchenko ^{b, c}

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the process of involving Mingrelia in the historical and legal space of the Russian Empire on the basis of published documents and materials, which are the main sources on the topic of research, surveys and reminiscences of eyewitnesses of the events that took place, as well as materials of the scientific literature. The identification of features of this process in Mingrelia in comparison with neighboring Imeretia and Guria took an important place. The attention is drawn to the reasons for the temporary length and complexity of the transformation of the management system in Mingreliya from its administrative autonomy to its limitation and abolition.

Keywords: Mingrelia, Imereti, Guria, Georgia, the princes, the nobles, the peasants, ruler, autonomy, levies, taxes, rebellion, control.

1. Введение

В отечественной историографии проблема включения закавказских княжеств Имеретии, Мингрелии, Гурии в российское политико-правовое пространство рассматривается в ряде работ. Вместе с тем необходимость целостного представления этого долгого процесса в Мингрелии на основе широкого использования источников представляется актуальным и является объектом нашего исследования.

Задачей является исследование условий, методов, механизмов российской политики по изменению политического статуса Мингрелии и введению в ней новой системы управления.

Хронологические рамки охватывают период 1774–1857 гг. Нижняя граница обоснована заключением мирного договора между Россией и Турцией, согласно которому Грузинское царство, Имеретия, Мингрелия, Гурия были признаны не зависимыми от Порты. Верхняя граница – дата фактической ликвидации автономии Мингрелии.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования составили документы и материалы, опубликованные в «Актах Кавказской археографической комиссии», в трудах «Статистическое описание Закавказского края», «Гражданское управление Закавказьем», в томе «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность».

Методологической основой явился принцип историзма, включающий объективный анализ совокупности выявленных фактов и событий на фоне конкретной исторической обстановки. В числе специальных методов первостепенное место заняли историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический.

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.G. Ivantsov)

3. Обсуждение

До 1774 года Западная Грузия вместе с провинциями была окружена сильными и враждебными соседями: Персией, Турцией, горскими народами северо-западного Кавказа. Имеретия, Мингрелия (современная орфография – Мегрелия), Гурия, находясь в вассальной зависимости от Турции, как подданные платили дань, в том числе «отроками» и «отроковицами». Эти закавказские владения подвергались со стороны соседей набега, грабежам, поборам и являлись объектом работорговли. Их внутреннее положение характеризовалось внутренней нестабильностью, беспорядками, вооруженными конфликтами в условиях смешанного деспотично-аристократического правления ([Статистическое описание..., 1835](#)).

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. по Кючук-Кайнарджийскому трактату 1774 г., подписанному Россией и Османской империей, последняя отказалась от притязаний на Грузию, признала независимость Грузинского царства, а также Имеретии, Мингрелии и Гурии.

В 1801 году мингрельский владетель князь Григорий, поссорившись с царем Имеретии Соломоном II за обладание Лечкумом, обратился с просьбой о покровительстве к России. В результате переговоров владетель был принят в российское подданство и в декабре 1803 года со всем своим народом был приведен к присяге. Григорий остался полным господином во внутреннем управлении, но отказался от политической независимости и права на жизнь своих подданных ([Утверждение русского владычества..., 1901](#)).

В 1804 году царь Имеретии Соломон II вступил в подданство России. В 1810 году он взбунтовался, был разбит и бежал в Турцию. С марта 1810 года Имеретия как область стала числиться русской провинцией ([Статистическое описание..., 1835](#)).

Таким образом, в 1803–1804 гг. в состав России вошла Западная Грузия, включая Имеретию и Мингрелию.

В мае 1811 года главноуправляющим Тормасовым было составлено Положение для управления Имеретией. Оно предусматривало создание в области присутственных мест, как в Грузии. Уголовные дела предписывалось рассматривать и решать по законам Российской империи, а гражданские – по грузинским законам ([АКАК, 8: 486](#)).

Однако это положение, по сути, не было введено. Сначала помешали эпидемия чумы и голод, а затем возражения начальника штаба русских войск в Грузии маркиза Ф.О. Пауллуччи и главнокомандующего в Грузии и Главноуправляющего по гражданской части генерала Н.Ф. Ртищева.

В июле 1812 года Ртищев сообщал в Министерство полиции о том, что управление Имеретией должно совершенно отличаться от российских порядков. Горцам необходимо «совсем особое правление», приспособленное к их характеру и обычаям, которые у них святы, как законы ([АКАК, 8: 91-92](#)).

Крайнюю противоречивость петербургской политики на Кавказе отмечал историк Я.И. Гордин. Он констатировал, что, с одной стороны, признавалась неизбежность ориентации на особенности горцев, их традиций и быта. С другой – постоянно декларировалась неизбежность «введения между горцами гражданского порядка», то есть общей для России системы управления ([Гордин, 2005: 563](#)).

Созданное временное управление Имеретией утратило свою роль с началом новых волнений в 1811 году. Позже Имеретией управляли военные лица и чиновники, которых назначал грузинский военный губернатор. Такая система управления сохранялась до преобразования гражданского управления Закавказьем по Закону 1840 года ([Утверждение русского владычества..., 1901: 93, 95](#)).

В систему управления Имеретии, где в 1832 году была введена должность управляющего, вошли Абхазия, Мингрелия, Гурия. При этом данные области сохранили своих владетельных князей. Например, в Абхазии был владетельный князь Михаил Шервашидзе ([Cherkasov et al., 2016: 59](#)). Однако внешние сношения и уголовные дела на их территориях рассматривались управляющим Имеретией ([АКАК, 8: 430](#)).

Еще в 1829 году командующий отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющий в Грузии (1827–1830 гг.) князь И.Ф. Паскевич доносил Николаю I о положении на подведомственной территории: «Наружный вид благоустройства только прикрывает беспорядки и злоупотребления, ...которые укоренились издавна». Паскевич, критикуя существующее управление, представил проект разделения Закавказья на губернии и уезды с учреждением в них присутственных мест по образцу российских. В 1831 году высочайшим повелением проводилась ревизия Закавказского края и подготовка соображений по проекту Паскевича об учреждении российского гражданского управления на его территории. Проект был принят и впоследствии после дополнений и редакции вошел в закон 1840 года ([АКАК, 8: 1, 285-286](#)).

В апреле 1830 г. Паскевич предписал собрать секретно сведения о прежних правах князей и дворян и разделении их на степени в Имеретии, Мингрелии и Гурии.

Здесь с древних времен князья пользовались своим достоинством наследственно. Что касается дворян, то свое достоинство они получали от владетелей за усердную службу. И князья, и дворяне получали от владетелей землю, крестьян, оружие, лошадей. Князья делились на три степени. Первая присваивалась тем, кто имел крестьян до 1200 дворов, вторая – до 200, третья – до 15 дворов. Дворяне первой степени должны были иметь до 100 крестьянских дворов, второй – до 30, третьей – до 15 дворов ([АКАК, 8: 432-433](#)).

Сословиями в Имеретии, Мингрелии и Гурии являлись князья (тавади), дворяне (азнаури), христианское духовенство, крепостное крестьянство. В 1835 году дворяне в Имеретии были объявлены независимыми от князей, то есть освобождены от податей и повинностей в их пользу. Крестьяне делились на крестьян владельцев, княжеских, дворянских, церковных и платили оброк и исполняли разные повинности ([Статистическое описание..., 1835: 35-37](#)).

Народонаселение Имеретии, по данным на 1782 год, составляло около 113 тыс. душ обоего пола. Эпидемия чумы и голод в начале XIX века привели к значительному его сокращению. В 1817 году насчитывалось около 76 тыс. человек. К 1835 году численность жителей превысила 100 тыс. человек. Население состояло в основном из имеретинцев, а также осетин и небольшого количества армян и евреев ([Статистическое описание..., 1835: 157](#)).

Иной была трансформация управления в Гурии. В 1810 году генерал-майор русской службы, владелец Гурии Мамий Гуриэли вступил в подданство России.

После его смерти в 1827 году наследником остался восьмилетний сын Давид. По представлению генерала А.П. Ермолова до его совершеннолетия был учрежден Совет из числа князей под председательством супруги покойного и матери наследника княгини Софьи. Вскоре княгиня вошла в сношения со Стамбулом. Опасаясь дальнейшего нежелательного развития событий, управляющий Имеретией генерал-майор Гессе ввел в Гурию войска. После этого София вместе с сыном бежала в Турцию, где умерла в 1829 году ([АКАК, 8: 440-441](#)).

Управление Гурией осталось за Советом, где стал председательствовать подполковник Кулябки при непосредственной зависимости от управляющего Имеретией. С началом 1830 года Гурия была окончательно присоединена к России, а Совет стал управлять ею от имени российского правительства ([Утверждение русского владычества..., 1901: 259](#)).

Процесс включения Закавказья, как и в целом всего Кавказского региона, в политико-правовое и экономическое пространство России оказался сложным и долгим, в отдельных частях имел свои особенности.

Вхождение Имеретии, Мингрелии, Гурии в состав России требовало решения вопроса о том, как будет осуществляться процесс трансформации власти местных владельцев от административной автономии к ее ограничению и, в конечном счете, к упразднению. В Мингрелии, в отличие от ее соседей, этот процесс затянулся во времени и имел свои исторические особенности.

До грузинского царя Александра I Мингрелия являлась составной частью Грузии, входя в состав Имеретинского царства. Затем Мингрелия отделилась и образовала автономное владение, ее владелец носил титул дадиана (дадиани), его жена именовалась дедопали, а дети и другая близкая родня – батонишвили ([Утверждение русского владычества..., 1901: 165](#)). Вплоть до 30-х гг. XIX века в официальных документах владелец именовался дадианом.

В 1769 году в ходе русско-турецкой войны при мингрельском владельческом князе Кация Дадиане, который был данником Турции, впервые вошли русские войска. В 1774 году, как отмечалось выше, по договору между Россией и Турцией Мингрелия стала самостоятельным владением.

В 1804 году сын Кация Дадиани Георгий Дадиани вступил в подданство России, сохранив все права владельца княжества.

В Мингрелии христианская религия, обычное право – адаты, феодально-сословный строй и поземельные отношения были такими же, как в Грузии, Имеретии, Гурии с некоторыми особенностями. Так, тавады делились на два разряда: высший составляли тавады, подвластные самому владельцу, а низший – тавады, причисленные к уделам членов владельческого дома и обязанные им личной службой. Все тавады получали землю и крестьян от владельца, которому были обязаны военной службой. К одному рангу с низшими тавадами причислялись лица дворянских фамилий (сапатово-каци). Затем шли полусвободные азнауры, обязанные личной службой за дарованные им земли владельцу, своим князьям, епископу. Зависимое сословие составляло крестьянство. Значительную часть составляли крепостные крестьяне самого владельца, остальные принадлежали тавадам, азнаурам, монастырям. Все крепостные делились (как и в Грузии) на разряды, которые различались размерами податей и повинностей и видами условно почетной службы. В тяжелом положении находились рабы (маджалабе), приобретенные военным пленом или покупкой. Их имущество и труд принадлежали владельцу. Рабами имели право владеть все, не исключая крепостных крестьян ([Утверждение русского владычества..., 1901: 524](#)).

Высшее монашеское духовенство (архимандриты и епископы) пользовались большим авторитетом, а монастыри располагали значительными населенными землями. Главный монастырь – Мартвильский – владел уделом, имевшим более 3-х тысяч крестьянских домов. Белое же духовенство находилось в жалком положении. Почти все священники являлись крепостными и несли повинности своим владельцам ([Утверждение русского владычества..., 1901: 482](#)).

В Мингрелии в начале 30-х гг. XIX века количество жителей составляло 68600 душ обоего пола. Народонаселение состояло из мингрельцев, абхазов, сванов и незначительного количества армян и евреев ([Статистическое описание..., 1835: 168](#)). И.Ф. Бларамберг полагал, что сваны, относящиеся к Мингрелии, насчитывали до 5 тысяч человек ([Бларамберг, 1834: 265](#)). Владетельный князь Мингрелии генерал-лейтенант русской службы Леван Дадиани считал, что ему принадлежит часть земель, населенных сванами ([Статистическое описание..., 1835: 168](#)).

Что касается политического статуса Мингрелии, то эта территория, как и Абхазия, управлялась своими владетельными князьями. При этом Мингрелия, Абхазия и Совет Гурии находились в зависимости от управляющего Имеретией.

Если в Имеретии и Гурии по сути функционировала российская система управления и русский закон, то Мингрелия оставалась своеобразным кавказским анклавом с автономной системой управления.

Вместе с тем русские власти проводили политику ограничения автономий. Так, в связи с обращением в 1829 году кабардинских князей и узденей, желавших возобновления в судопроизводстве норм шариата, И.Ф. Паскевич в своем сообщении в Главный штаб отмечал, что у всех владельцев, признавших себя вассалами России – мингрельского, гурийского и прочих, отнято право «самоуправлено» наказывать их подвластных, а виновные в преступлениях судятся нашим военным судом (Гордин, 2005: 292).

В 1842 году в управление Мингрелией вступил князь Давид Дадияни. Его управление было ознаменовано строительством в центре Мингрелии в Зугдиди дворца и появлением дворовой знати из числа молодых князей. Для управления двором и удельными имениями был назначен сахлтухуцес. Для руководства исполнительной частью поставили бакаултухучеса. Все священники вместе с их детьми, рожденными после 1841 года, были освобождены от крепостной зависимости. Рожденным до этого года дали право выкупиться на свободу (Утверждение русского владычества..., 1901: 487).

Устроив свое внутреннее управление, владетель князь Давид направил силы на увеличение своих удельных имений и приумножение своих доходов. По мнению русских властей, вступая на этот путь, Давид «отлично понимал, что автономия Мингрелии не может продолжаться слишком долго» (Утверждение русского владычества..., 1901: 487).

Ревностная политика Давида, направленная на обогащение своей семьи, имела следствием подражание в среде князей и, с другой стороны, рост недовольствия и возмущения среди населения. Крестьяне удельных имений, привлекаемые к строительству княжеских дворцов, вопреки обычаям, обязывались работать, питаясь собственным продовольствием.

Примеры усиления эксплуатации и поборов получили продолжение у остальных помещиков. Так, 6 тысяч крестьянских дворов, принадлежащих азнаурам, были обложены денежной податью якобы на общественные нужды. Но введение этой подати не сопровождалось постройкой школ (кроме монастырских), мостов, ремонтом дорог и т.п. (Утверждение русского владычества..., 1901: 488; АКАК, 12: 268).

Некоторые члены владетельного дома, считая себя обделенными, в особенности сыновья князя Николая, двоюродного брата Давида, отстраненные от меркантильных дел, затаили ненависть к владетелю (Утверждение русского владычества..., 1901: 489).

В августе 1853 года князь Давид умер, возможно, отравленный. Его сыну Николаю, наследному владетелю, было 7 лет. С учетом его малолетства правительницей Мингрелии, по предложению Кавказского Наместника князя М.С. Воронцова была назначена дедопали – княгиня Екатерина Александровна Дадияни, в помощь которой был придан образованный Совет, состоящий из братьев покойного и епископа (Утверждение русского владычества..., 1901: 489).

В октябре 1853 года началась Крымская (восточная) война, в которой Мингрелия оказалась ареной военных действий, имевших тяжелые последствия для народа.

В августе 1856 года княгиня была приглашена в Москву на коронационные торжества нового императора Александра II. Обласканная императорским семейством Екатерина Александровна прогостила потом в Санкт-Петербурге до апреля следующего 1857 года. Во время ее отсутствия на родине управлял князь Григорий Циковани без права вмешательства в дела удельных имений, что было возложено на сахлтухучеса.

Уже осенью 1856 года, после отъезда княгини из Мингрелии, начались первые волнения крестьян. Зимой 1856–1857 гг. восстание крестьян приобрело значительный размах под лозунгом: «Сословия княжеское и дворянское не должны существовать, ибо все люди братья» (Отечественная история..., 1994: 513).

Ко времени возвращения правительницы почти вся Мингрелия была охвачена крестьянским бунтом, основанном на клятве восставших не исполнять никаких требований господ, пока те не откажутся от различных поборов. В ходе восстания князья и дворяне несли огромные убытки, но не сумели остановить народное движение. Часть из них злорадствовала, предрекая конец владельческого дома (Лемонджава, 1989).

Более того, среди членов высшего мингрельского общества образовалась так называемая «русская партия», в которую вошли Елизбар Дадияни, князья Пагава, Микадзе, Мхеидзе, Дгебуадзе и др. Воспоминания К.А. Бороздина содержат утверждение, что эта партия стремилась к упразднению мингрельской автономии (Бороздин, 1885: 61).

16 мая 1857 года Екатерина Александровна обратилась к Кутаисскому военному губернатору Н.П. Колюбакину с просьбой прислать под ее начало несколько рот солдат, а также приглашение приехать к ней для совета. Тем временем Колюбакин размышлял о юридических основах автономного статуса Мингрелии в системе российского государственного управления. Еще в 1856 году Н.П. Колюбакин в письме начальнику гражданского управления В.О. Бебутову писал, что указание о

законном вмешательстве русских властей в дела Мингрелии должно быть определено документом – особой инструкцией. Но такой инструкции Колюбакин не получил ([Утверждение русского владычества..., 1901: 493-494](#)).

Просьбу княгини Дадиани Колюбакин выполнил, прибыв с войсками в Сенаки. До встречи с княгиней Колюбакин 20 мая встретился с толпой восставших во главе с их лидером кузнецом Микавой. Сочтя требования восставших относительно ограничения произвола князей и дворян справедливыми, Колюбакин пообещал, что доведет все жалобы до правительницы и высших властей. Посредником между народом и его владельцами, по одним источникам, обещал выступить сам Колюбакин, по другим – назначить двух чиновников, а не местных помещиков ([Утверждение русского владычества..., 1901: 495; Отечественная история..., 1994: 513](#)).

Княгиня Дадиани, узнавшая о встрече Колюбакина с бунтовщиками и его обещаниях, сочла себя оскорбленной той ролью, которую он сыграл без ее ведома. Княгиня сетовала на действия Колюбакина, говоря: «Вместо того чтобы подавлять восстание, он занимается исследованием его причин» ([Утверждение русского владычества..., 1901: 496-497](#)).

Между тем Колюбакин 15 июня 1857 г. докладывал Барятинскому, что причину волнений он тоже видит в безусловном произволе властей, а также высказывал мнение о необходимости отмены крепостного права ([АКАК, 12: 268](#)).

Жалуясь русским властям, княгиня заявляла, что опыты эмансипации незачем начинать с Мингрелии; сначала надо восстановить порядок, принудив чернь к повиновению помещикам. Вследствие этих жалоб Колюбакин был отозван из Мингрелии. Вместо него прибыл член Совета при наместнике Кавказа И.А. Дюкруаси ([Утверждение русского владычества..., 1901: 496-497](#)).

Прибывшим в Мингрелию Кутаисскому военному губернатору князю А.И. Гагарину и Дюкруаси было предписано арестовать главных зачинщиков восстания. В итоге были произведены аресты около 30 человек, включая Микаву. К началу октября 1857 года восстание было подавлено ([Отечественная история..., 1994: 513](#)).

23 июля 1857 года княгиня Дадиани обратилась с письмом к Наместнику Кавказа князю Барятинскому. Она писала, что с приездом Дюкруаси выявилась основательность ее мнения, а именно, восстание крестьян не дело черни и не вызвано их угнетением, а результат деятельности лиц, которые более 25 лет постоянно составляют оппозицию владетелям и выступают как враги общественного порядка. Более 1500 князей и дворян Мингрельского владения, движимые чувством мести к этим лицам, указали Дюкруаси на этих лиц ([АКАК, 12: 292](#)).

В тот же день княгиня написала генерал-лейтенанту В.О. Бебутову аналогичное по содержанию письмо, в котором утверждала, что «беспорядок в Мингрелии происходит не от мужиков..., а от врагов владетельного дома», злонамеренных 5–6 лиц, которых вы хорошо знаете ([АКАК, 12: 293](#)).

В этом отношении примечательно прошение, поданное Барятинскому князьями и дворянами Мингрелии от 27 июля 1857 года. Это прошение, возможно заказное, не что иное, как апология позиции княгини Дадиани. В нем говорится, что в период выезда Екатерины Александровны на коронацию Александра II несколько непорядочных лиц побудили народ к восстанию, мечтая уничтожить владетельный дом. Прощение утверждает, что восстание против помещиков и властей не является целью мужиков. Это подтверждается тем, что крестьяне находятся в порядке, который существовал в Мингрелии веками. И далее откровенная неправда: «при этом порядок этот улучшился против прежнего». Прощение четко излагает идеологию крепостников-помещиков: «с искони не слыхано, чтобы власть помещика или владетеля когда-либо поругана была крестьянами, даже и тогда, когда ...крестьяне находились в строжайшем стеснении». Прощение заканчивалось просьбой к государю изгнать врагов общества и защитить малолетнего владетеля, и дом его, и мать его. Просьбу подписали 166 князей и 849 дворян Мингрелии ([АКАК, 12: 294-296](#)).

26 июля 1857 года княгиня Дадиани пригласила Дюкруаси приехать к ней с сообщением о его изысканиях. На следующий день Дюкруаси прибыл в Горди и при встрече с княгиней заявил, что им выявлено «расстройство в делах Мингрелии» и «неудобство управления владетельного дома» ([АКАК, 12: 296](#)).

Княгиня в свою очередь сообщила о получении известия о пересылке князем Нико Микадзе своим родственникам князьям Георгию и Петру Дадиани трех ящиков с порохом. Сам Георгий разъезжал в горной части Мингрелии и вместе со своими людьми «именем правительства» убеждал жителей продолжать восстание и неподчинение до тех пор, пока эти действия не принудят владетельницу покинуть Мингрелию ([АКАК, 12: 296](#)).

Дадиани также изложила свое видение решения возникших проблем. Княгиня считала, что успокоение умов высшего сословия и усмирение крестьян будет возможно только тогда, когда из Мингрелии будут удалены главные виновники беспорядков, список которых передан Дюкруаси ранее. В конечном счете княгиня заявила, что ее пребывание на родине «не только не мешает спокойствию, как утверждает Дюкруаси, а напротив, заставляет князей и дворян удерживать крестьян от более серьезных беспорядков, что, без сомнения, надо ожидать при моем выезде» ([АКАК, 12: 296](#)).

Дюкруаси убедился, что княгиня Дадиани не собирается выезжать из Мингрелии. Более того, возмущенная выводами Дюкруаси, княгиня пообещала привлечь его к ответственности. Встреча не дала ожидаемых результатов, и Дюкруаси, не простясь, выехал из Горди ([АКАК, 12: 297](#)).

После поездки Дюкруаси подал рапорт Барятинскому от 30 июля 1857 года, отмечая, что «волнения крестьян в Мингрелии произошли от нетерпимого правления». Там же напомнил, что 15 июля 1857 года кутаисский генерал-губернатор сообщал, что причину волнений в Мингрелии видит в безусловном произволе владетелей (АКАК, 12: 268). В подтверждение говорилось, что правление Мингрелии, собирая налоги, увеличивало их. Один и тот же крестьянин платит подать своему помещику, своему князю, а также владетельному дому (АКАК, 12: 268). Дюкруаси также доносил, что княгиня Дадияни довела вопросы освобождения от крепостного права до весьма опасной черты. Ее агенты, разъезжая по населенным пунктам, распространяют нелепый слух о том, что русское правительство желает уничтожить в Мингрелии права помещиков. По этой причине князья и дворяне находятся в критическом состоянии, уповая на покровительство правительства (АКАК, 12: 297). Что касается критики княгиней действий оппозиции, то Дюкруаси сообщил о получении им от указанных князей обвинений в адрес самой княгини и ее сторонников. Рапорт содержал вывод Дюкруаси: «ненависть между двумя враждующими партиями может дойти до крайних пределов» (АКАК, 12: 297).

Жалобы и указания княгини на действия враждебной ей партии, а также заключение Дюкруаси по этой проблеме не остались без последствий. Оппозиционные владельческому дому князья были высланы из Мингрелии.

К этому времени Барятинский уже был убежден в необходимости введения в Мингрелии нового управления. 20 июля 1857 года Барятинский испросил высочайшего разрешения на введение в Мингрелии нового управления и получил согласие Александра II (Утверждение русского владычества..., 1901: 497).

31 июля 1857 г. Барятинский предписал Дюкруаси остановить его исследования о причинах крестьянского восстания и объявил о назначении Дюкруаси председателем временного Совета для управления Мингрелией. Были определены функции Временного Совета: 1) Совет получал право требовать и рассматривать отчеты по опеке, учреждаемой над имениями владетельного дома; 2) председателю Совета давалось право по своему усмотрению замещать его членов другими лицами. В Совет входили четыре человека: двое – из правительства, двое – из мингрельцев. Возможно было дополнительно ввести в его состав мингрельского епископа (АКАК, 12: 299-300).

В августе 1857 года фигурирует записка (без указания ее автора), рассматривающая поземельное право Мингрельского владетельного дома. Сообщалось, что по распоряжению Кавказского наместника на учрежденный в Мингрелии Временный Совет возложена обязанность отделить частные интересы владельческого дома от общего управления краем. Далее говорилось, что исполнение этого указания представляет большие затруднения, поскольку вся территория Мингрелии веками является потомственной собственностью владетельного дома и никто из жителей не имел и не имеет права собственности. От ничем не ограниченной воли владетеля зависело жаловать или отбирать всякого рода собственность. При таком традиционном поземельном праве любое отступление от него приведет к неизбежному ущербу интересам владельческого дома (АКАК, 12: 309). Есть основания считать, что анонимный автор записки выражал владельческие интересы, косвенно предупреждая о возможных протестах дома Дадияни при реализации плана Кавказского Наместника.

В соответствии с введением в Мингрелии новой системы управления, предусматривающей ограничение владельческих прав, Барятинский переслал княгине Дадияни письмо, а также подготовил обращение к жителям Мингрелии, размноженное в количестве 1 тысяча экземпляров. В письме Наместник убеждал княгиню отказаться от управления Мингрелией. При этом Барятинский предусматривал в случае отказа княгини объявить обращение жителям. Как и ожидалось, Екатерина Александровна и слышать не желала о добровольном отказе от своих прав правительницы (Утверждение русского владычества..., 1901: 497).

С учетом этого Барятинский выполнил свой замысел и 2 сентября 1857 года обратился к князьям, дворянам, духовенству и крестьянам Мингрелии. Текст обращения гласил, что до совершеннолетия владетеля Николая учреждаются новые власти, которые обязываются вникать во все народные нужды, наказывать самоуправство и творить суд по совести и законам. Указывалось, что крестьяне могут переходить от одного владельца к другому только по актам, совершенным в присутственном месте. При этом любое неповиновение крестьян своим помещикам будет строжайше преследоваться. Поземельная собственность остается в положении, которое застанет ее вводимое ныне правление. Завершалось обращение сообщением о том, что все интересы жителей Мингрелии передаются попечению генерал-майора Колюбакина (АКАК, 12: 315).

Позже в связи с проведенными изменениями в управлении Мингрелией Барятинский направил в Военное министерство письмо от 28 августа 1858 года. В нем уведомлял, что прежнее управление, в котором княгине Дадияни представляли звание правительницы, упразднено и заменено новым, где княгиня не имеет никакого участия. Звание правительницы не существует с 1 августа 1857 года. Управляющим Мингрелией и председателем учрежденного для управления Советом 11 октября 1857 года назначен генерал-майор Колюбакин 2-й. С 4 декабря княгине Дадияни сохранено только право попечительницы и опекуны над имением, принадлежащим ее детям, без всякого участия в управлении (АКАК, 12: 327).

Следует констатировать, что судьба княгини была решена в сентябре 1857 года. 7 сентября Александр II направил княгине Дадиани свой рескрипт. Обращаясь к Екатерине Александровне, император сообщал, что в связи с возмущением спокойствия Мингрелии Наместник Кавказа был поставлен в необходимость изменения в установленной администрации. При этом княгине сохраняется главное участие в опекуном управлении имениями владетельного дома. Эти меры Барятинского были высочайше одобрены. Александр II приглашал княгиню временно переселиться в Санкт-Петербург для воспитания там детей. Для пребывания в столице княгине назначено содержание в 30 тыс. рублей серебром в год до совершеннолетия владетеля (АКАК, 12: 316).

Доходы владетеля в Мингрелии, по информации Барятинского, составляли: с собственных крестьян, с помещичьих крестьян, с городов, с повинностей торговцев, с лодочников на р. Риони, с дворовых людей и др. в общей сумме 80 тыс. рублей (АКАК, 12: 339).

После препирательств 25 октября 1857 года княгиня Дадиани с детьми покинула Мингрелию и переселилась по приглашению императора в Санкт-Петербург (Отечественная история..., 1994: 513). В конце своей жизни княгиня Екатерина Александровна вернулась в Мингрелию и жила там как частное лицо. Умерла 25 августа 1882 года в возрасте 64 лет.

Еще при присутствии княгини в Мингрелии Барятинский 8 сентября 1857 года утвердил Положение об управлении Мингрелией во время малолетства владетеля. Мингрелия передавалась в состав Кутаисской губернии и подлежала главному управлению Наместника Кавказского и подчинялась кутаисскому генерал-губернатору. Непосредственное управление над Мингрелией вверялось русскому сановнику со званием управляющего и правами военного губернатора, который вместе с тем председательствовал в Совете. Совет в своем составе обладал властью и обязанностями губернского правления и палаты гражданского суда. Три округа Мингрелии (Сенакский, Лечкумский, Зугдидский) передавались в управление окружным начальникам. Сельское управление составляли избирательные хелосаны – полицейские служащие (АКАК, 12: 316-317).

Положение зафиксировало фактическую ликвидацию автономии Мингрелии при формальном ее сохранении до 1867 года. При этом многие унижительные и обременительные крестьянские повинности были отменены (Отечественная история..., 1994: 514).

Формальная автономия Мингрелии пришла к концу, когда в 1867 году по достижении совершеннолетия владетель Николай отрекся от своих прав на мингрельское владение, получив от русского правительства компенсацию в сумме 1 млн рублей (Кавказский календарь..., 1868: 114). Таким образом, введенное в 1857 году русское правление не было прервано (Утверждение русского владычества..., 1901: 498).

В июле 1861 года князь Барятинский представил императору Александру II краткий обзор своей деятельности в Мингрелии в период его наместничества с 1856 года. Барятинский сообщает, что с началом исполнения своей главной цели – умиротворения Кавказа и полного слияния его с остальными частями империи – обратил внимание на положение Абхазии и Мингрелии, которые являлись единственными автономными владениями с исключительными правами. В них царствовало самовластие владетелей, ограничиваемое лишь чувством личного самосохранения. Такое положение владетелей, по убеждению Барятинского, не соответствовало «ни с какими понятиями человечества».

В 1857 году в Мингрелии произошло большое волнение, так как народ не мог далее переносить тягот, происходивших от произвола на местах. По просьбе княгини Дадиани было предпринято русское вмешательство в положение в Мингрелии. В переписке мать малолетнего владетеля настаивала на сохранении своих неограниченных прав на основе местных обычаев, а именно: никто, кроме владетелей, не имеет собственности, и только владетель вправе давать или отнимать ее по своей прихоти. Барятинский указывает, что оставлять такие основы для дальнейшего управления страной означало бы сохранять источники новых постоянных волнений. С учетом этих обстоятельств княгиня Дадиани и малолетний владетель были удалены из Мингрелии, а управление краем основано на новых началах. Наконец, Наместник изложил свое видение будущего: при достижении владетелем Николаем совершеннолетия правительство не позволило бы изменить установившийся порядок в управлении Мингрелией (АКАК, 12: 365).

Принимая во внимание мотивы политики и конкретных действий русских властей в Мингрелии, изложенные князем Барятинским, должно заметить, что проведенное нами исследование выявило гораздо большую сложность исторического фона, на котором осуществлялось вовлечение Мингрелии в политико-правовое пространство Российской империи.

4. Заключение

Отмеченная противоречивость планов российских властей относительно введения в Закавказье русской системы управления, помимо доктринарских суждений официальных лиц, плохо знакомых с особенностями кавказских народов, была обусловлена сложностью и своеобразием различных частей края. Ситуация в Мингрелии, отличавшаяся от соседних Имеретии и Гурии, во многом предопределила продолжительное время установления новой системы управления в автономии, которая почти до конца 50-х годов XIX века оставалась своеобразным кавказским анклавом.

Стремление российских властей реорганизовать традиционно сложившуюся форму владельческой власти в Мингрелии путем ограничения, а затем ее упразднения, с заменой на русское

управление и законы, сопровождалось нарушениями исторически сложившихся традиций и норм жизни населения. Положение в Мингрелии осложнялось появлением и действиями оппозиции правящему дому со стороны отдельных влиятельных князей. Существенным фактором, ускорившим результат русской политики, явилось мингрельское крестьянское восстание, подавленное русскими войсками. Драматизмом был окрашен процесс удаления из Мингрелии ее правительницы, княгини Е.А. Дадияни.

В конечном счете, царское правительство сумело реализовать в Мингрелии свои планы без социальных потрясений.

Литература

- АКАК, 12 – Акты Кавказской археологической комиссии в 12 т. Т. 12. Тифлис, 1904.
 АКАК, 6 – Акты Кавказской археологической комиссии в 12 т. Т. 6. В 2 ч. Часть 1. Тифлис, 1874.
 АКАК, 8 – Акты Кавказской археологической комиссии в 12 т. Т. 8. Тифлис, 1884.
 Бларамберг, 1834 – Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. 1834.
 Бороздин, 1885 – Бороздин К.А. Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. СПб., 1885.
 Гордин, 2005 – Гордин Я.А. Россия на Кавказе: поиски решения / Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
 Кавказский календарь..., 1868 – Кавказский календарь на 1869 год. Тифлис, 1868.
 Лемонджав, 1989 – Лемонджав Д.М. Краткий очерк истории крестьянского движения в Мегрелии под предводительством Уту Микава. Сухуми, 1989.
 Отечественная история..., 1994 – Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 3. М., 1994.
 Статистическое описание..., 1835 – Статистическое описание Закавказского края. Сост. Орест Евецкий. В 2-х частях. Ч. 2. СПб., 1835.
 Утверждение русского владычества..., 1901 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Том XII. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Вел. Князя Михаила Николаевича. Истор. очерк. Сост. В.Н. Иваненко. Тифлис, 1901.
 Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the aristocratic abkhazia in 1800-1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.

References

- АКАК, 12 – Akty Kavkazskoi arkheologicheskoi komissii v 12 t. [Acts of the Caucasian archaeological commission in 12 v.]. T. 12. Tiflis, 1904. [in Russian]
 АКАК, 6 – Akty Kavkazskoi arkheologicheskoi komissii v 12 t. [Acts of the Caucasian archaeological commission in 12 v.]. T. 6. V 2 ch. Chast' 1. Tiflis, 1874. [in Russian]
 АКАК, 8 – Akty Kavkazskoi arkheologicheskoi komissii v 12 t. [Acts of the Caucasian archaeological commission in 12 v.]. T. 8. Tiflis, 1884. [in Russian]
 Blaramberg, 1834 – Blaramberg I.F. (1834). Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. 1834. [in Russian]
 Borozdin, 1885 – Borozdin K.A. (1885). Zakavkazskie vospominaniya: Mingreliya i Svanetiya s 1854 po 1861 g. [Transcaucasian memories: Mingrelia and Svaneti from 1854 to 1861]. SPb. [in Russian]
 Gordin, 2005 – Gordin Ya.A. (2005). Rossiya na Kavkaze: poiski resheniya [Russia in the Caucasus: Finding a Solution]. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. SPb. [in Russian]
 Kavkazskii kalendar'..., 1868 – Kavkazskii kalendar' na 1869 god [The Caucasian calendar for 1869]. Tiflis, 1868. [in Russian]
 Lemondzhava, 1989 – Lemondzhava D.M. (1989). Kratkii ocherk istorii krest'yanskogo dvizheniya v Megrelii pod predvoditel'stvom Utu Mikava [A short essay on the history of the peasant movement in Megrelia under the leadership of Utu Mikawa]. Sukhumi. [in Russian]
 Otechestvennaya istoriya..., 1994 – Otechestvennaya istoriya: entsiklopediya [National history: encyclopedia]. V 5 t. T. 3. M., 1994. [in Russian]
 Statisticheskoe opisanie..., 1835 – Statisticheskoe opisanie Zakavkazskogo kraya [Statistical description of the Transcaucasian region]. Sost. Orest Evetskii. V 2-kh chastyakh. Ch. 2. SPb., 1835. [in Russian]
 Uтверждение russkogo vladychestva..., 1901 – Uтверждение russkogo vladychestva na Kavkaze [Approval of russian domination in the Caucasus]. Tom XII. Grazhdanskoe upravlenie Zakavkaz'em ot prisoedineniya Gruzii do namestnichestva Vel. Knyazyia Mikhaila Nikolaevicha. Istor. ocherk. Sost. V.N. Ivanenko. Tiflis, 1901. [in Russian]
 Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). Demographic characteristics of the aristocratic abkhazia in 1800-1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.

Политика царских властей по вовлечению Мингрелии в политико-правовое пространство Российской империи (1774–1857 гг.)

Владимир Гаврилович Иванцов ^{a, *}, Юрий Николаевич Макаров ^a,
Людмила Григорьевна Зимовец ^a, Наталья Александровна Шевченко ^{b, c}

^a Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе опубликованных документов и материалов, являющихся основными источниками по теме исследования, изысканий и воспоминаний очевидцев происходивших событий, а также материалов научной литературы анализируется процесс вовлечения Мингрелии в историко-правовое пространство Российской империи. Важное место заняло выявление особенностей указанного процесса в Мингрелии в сравнении с соседними Имеретией и Гурией. Внимание обращается на причины временной протяженности и сложности трансформации системы управления в Мингрелии от ее административной автономии к ее ограничению и упразднению.

Ключевые слова: Мингрелия, Имеретия, Гурия, Грузия, князья, дворяне, крестьяне, владетель, автономия, поборы, подати, восстание, управление.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Г. Иванцов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1028-1036. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1028
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reasons for Leaving the Church Service by Clergy in the second half of the XVIII – early XIX centuries (on the Example of the Tobolsk diocese)

Alexandra V. Spichak ^{a, *}

^a Nizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the actual problem of regional history of the Russian Orthodox Church. The main source of the research is the materials of the state archive in Tobolsk. On the basis of archival materials the author first described the most common reasons for leaving a Church service of the clergy in the second half of XVIII – early XIX centuries the article presents the most interesting case, revealing the process of removal of the clergy from their posts. Analysis of the documents of the Tobolsk spiritual Consistory reveals two types of dismissal of the clergy: by personal desire and by order of the diocesan authorities. The initiators of leaving the Church Department could be themselves clerics, their colleagues, superiors, parishioners. The source documents were the petitions of the clergy and laity, reports and Donostia colleagues, deans, and spiritual boards. According to archival documents, most of the clergy were dismissed in old age, that is, they retired. Other reasons for leaving the service were poor health, misconduct, widowhood, mismatch of position, unwillingness to serve the Church, lack of funds for family support. Petitions of clerics often combined two requests-about dismissal and about appointment to the vacant place of their son or grandson. Thus, the conclusion of a number of modern historians about the frequent consolidation in the Synodal period of the clergy in one parish is confirmed.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk diocese, Tobolsk spiritual Consistory, clerics, abandonment of Church service, dismissal from the spiritual Department, old age, illness, misconduct, widowhood.

1. Введение

Развитие российской государственности неразрывно связано с историей Русской православной церкви (далее – РПЦ), которая играла огромную, до сих пор еще недостаточно изученную и даже неосознанную во всей ее полноте роль. Изданным после кончины патриарха Адриана указом от 16 декабря 1700 г., содержащим предписания об организации высшего церковного управления, открывается новый этап отношений между церковью и государством в России, который именуется историками церкви синодальным периодом (1700–1917 гг.). В то время правительство своими нормативно-правовыми актами контролировало все стороны жизнедеятельности РПЦ, в том числе решение в духовных консисториях кадровых вопросов и соответствующее делопроизводство. Изучение рассмотрения таких вопросов, в частности назначения к местам служения, перемещения между ними, награждений и увольнений, представляется актуальной задачей. Цель настоящего исследования – анализ причин увольнения с церковной службы духовных лиц во второй половине XVIII – начале XIX вв. на материалах Тобольской епархии, являвшейся в указанный период одной из самых обширных в России.

* Corresponding author

E-mail addresses: spichak-89@mail.ru (A.V. Spichak)

2. Материалы и методы

Выявление материалов по избранной теме велось в ГБУТО ГАТ. Объектом изучения в этом архиве стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория», в частности документы об увольнении членов причта от их должностных мест. Всего было обнаружено почти 2000 таких дел за 1757–1912 гг., выполнен анализ 24 из них за 1757–1909 гг. (сохранилось лишь несколько документов за первую половину XVIII в. по ряду объективных и субъективных причин).

Изучение проблемы проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методы историзма и сравнительно-исторического анализа дали возможность раскрыть причины и особенности процесса отстранения членов причта от их мест служения в Тобольской епархии на протяжении второй половины XVIII – начала XX вв. Системный и сравнительно-исторический анализ применялся в целях изучения комплекса документации, сопровождавшей процедуру увольнения духовных лиц, что позволило представить целостную картину процедуры их увольнения, осуществлявшейся в Тобольской духовной консистории (далее – ТДК). При исследовании формуляров источников применялся метод формулярного анализа, унификации и стандартизации документов.

3. Обсуждение

Документы, фиксирующие трудовые отношения, являются ценными источниками для историко-биографических и историко-социологических исследований, в связи с чем издавна находятся в сфере пристального внимания архивистов и источниковедов (Елпатьевский, 1978: 132). Однако изучение документации, отражающей историю трудовых отношений в институтах РПЦ, только начинается: известны единичные работы на эту тему. Так, признанным специалистом в области ставленнического делопроизводства в Сибири считается Н.Д. Зольникова (Зольникова, 1977). А.А. Липчак и А.В. Спичак занимаются изучением ставленного делопроизводства и документального оформления назначения на должность духовенства в Тобольской епархии в синодальный период истории РПЦ (Липчак, Спичак, 2018). А.Н. Лушин и Н.С. Каримова проанализировали практику награждений за служение Церкви высочайшими (государственными) наградами священнослужителей (Лушин, 2013; Каримова, 2015). Хотя увидели свет труды практически по всем кадровым аспектам деятельности РПЦ, такой важный кадровый вопрос, как увольнение членов причта с их должностных мест, до сих пор не нашел своего исследователя, что делает изучение данной темы особенно важным.

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. принадлежат американскому историку Г.Л. Фризу (Freeze, 1983: 450–480).

Клирики могли отказаться от своего должностного места не только для перехода на пенсию или в светское ведомство. Существовали пожелания, удовлетворить которые можно было и посредством перехода в другое место служения. А.И. Конюченко выделил причины, по которым представители духовенства снимались с мест и отправлялись в дорогу: желание получить более доходное место; обострение отношений с прихожанами, помещиком, сослуживцами; стремление быть поближе к родственникам, к городу (если там предстояло учиться детям) или транспортным коммуникациям; престарелый священник менялся местами с сыном или кем-либо из родственников, оставляя свой приход более молодому, здоровому и энергичному (Конюченко, 2005: 74). Причины подачи прошений о кадровых перемещениях духовных лиц в XVIII – начале XX вв. (на примере церквей Тобольской епархии) изучила А.В. Спичак, поставив на первое место тяжелое финансовое положение. Другими причинами перевода были следующие: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей, переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования, желание уйти в монастырь (например, с наступлением вдовства), для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники (Spichak, 2017).

Следует отметить, что в историографии последних двух десятилетий значительно возросло внимание к региональному аспекту церковной истории. Работы на эту тему создают новую, более точную, насыщенную фактическими деталями картину развития приходского духовенства на протяжении синодального периода в различных по своим характеристикам губерниях Российской империи и содержат необходимый материал для сравнения. Включение в исследовательское пространство данных о положении причта Тобольской епархии становится, таким образом, особенно актуальным.

4. Результаты

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. существовало несколько причин оставления членами причта их должностных мест. В начале XVIII в. за штатом оказалось немало клириков. В 1717 г. Петр I ограничил численность духовенства: на 100–150 дворов полагался один священник, один дьякон и один псаломщик. При одном храме нельзя было иметь более 2 дьяконов и

псаломщиков. Оказавшиеся «лишними» священнослужители лишались сана и записывались в податные сословия ([Русская православная церковь..., 2010](#)). Еще одна причина увольнения, которую указывают ученые, – это совершение преступлений. Церковное законодательство предусматривало несколько видов наказания, которые включали и увольнение от места служения: лишение священнослужителей сана с исключением из духовного ведомства; лишение священнослужителей сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях; отрешение от места ([Руководство..., 1914: 35–36](#)). Если представители духовенства осуждались вторично за содеянные проступки, то их отрешали от чина и направляли в гражданское ведомство для избрания нового рода деятельности в жизни ([Матвеева 2012: 51](#)).

Существовали и другие причины ухода членов причта с занимаемой в церкви должности, причем некоторые из них были добровольными. Основания увольнения представлены нами в последовательности от наиболее часто встречающихся до тех, которые употреблялись гораздо реже. Кроме того, иногда духовные лица покидали места служения как по решению епархиального начальства, так и по собственной инициативе. Рассмотрим более подробно дела ТДК, посвященные увольнению клириков.

По старости

Инициатива увольнения духовного лица часто исходила от его начальства, например, благочинного. Однако в отдельных случаях благочинный наоборот, несмотря на очевидные причины к увольнению, желая помочь подчиненному, мог просить об обратном. Подчас такая помощь оборачивалась против клирика. Так, благочинный Сургутского уезда священник Яков Кандалов 1 августа 1808 г. подал рапорт архиепископу Амвросию (Келембету) об отстранении священника Христорождественской церкви с. Верхнелумпокольского Сургутского ведомства Иоанна Кайдалова от должности из-за старости и болезни: «за старостию своих лет к чтению божественных книг с трудом видеть может, в церкви еле службу и божественное пение совершаемое ... слышит», при этом назвал его достоинства: «таинства церковные исправляет с подобающим рачением, состояния и поведения хорошего, прихожане оной церкви всегда такового священника желают иметь, хотя и одержим старостию лет и примерами слабого чувствия». Яков, которому было 62 года, желал «жизнь свою до смерти при вышеописанной церкви препроводить». Преосвященный велел Сургутскому духовному правлению (далее – ДП) направить священника на медицинское освидетельствование, которое подтвердило его слабое здоровье, а именно плохое зрение и слух, и его все же уволили решением от 18 декабря 1808 г. Священник, недовольный таким решением, просил преосвященного оставить его при церкви 4 января 1809 г. (на тот момент ему было уже 63 года), но безрезультатно ([ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 473. Л. 14](#)).

5 февраля 1815 г. ТДК узнала из доношения Тюменского ДП о том, что запрещенный за пьянство священник Вознесенской церкви с. Велижанского Тюменского ведомства Артемий Поляков ввиду престарелого возраста (ему было 60 лет), слабости зрения, плохой памяти и «частовременной падучей болезни» не смог в дальнейшем находиться в должности дьячка. В тот же день преосвященный приказал ТДК уволить Полякова и отправить его к сыну – священнику тобольской Петропавловской церкви Алексею «на пропитание», причем выдавать ему дьяконские доходы, то есть из духовного ведомства священник не был изгнан ([ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1385. Л. 10](#)).

Добровольный уход по старости

Учреждение духовных консисторий повлияло на кадровую политику РПЦ в епархиях – назначение, увольнение и перевод священнослужителей. Несмотря на то, что архиерей выносил окончательное решение в своей резолюции, он уже не имел, как прежде, единоличной власти и некоторые вопросы были переданы на рассмотрение консисторий, например, назначение пенсии после увольнения по старости ([Федоров, 2003](#)). Когда клирики чувствовали, что больше «не в состоянии отправлять священнослужение» «по старости лет», причем началом старости считалось наступление «дряхлости», с которой связывали отсутствие сил и появление склонности к «частым болезням» (слабое зрение, слух, боли в руках и ногах), то подавалось прошение об увольнении либо в богадельню, либо к родственникам, обычно к сыновьям (при их наличии). Вместе с тем могла излагаться просьба об определении сына или внука духовного лица на его место, а также о назначении пенсии. Прощение подавалось на имя преосвященного или же через ДП.

Если священники не могли обеспечить себя в старости, то их определяли в богадельню. Многие священнослужители, иногда даже пристроив детей, оканчивали свои дни в приютах, так как эти дети, обремененные семьями, были столь бедны, что не могли содержать престарелых родителей ([Белоногова 2007: 70](#)). Так, прослужив в Христорождественской церкви с. Ирюмского Тюменского заказа 19 лет, дьячок Александр Попов 9 октября 1763 г. просил митрополита Павла II (Конюсевича) об увольнении по старости и плохого зрения в богадельню ([ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 656. Л. 6](#)). 65-летний священник Троицкой церкви Куноватской волости Березовского заказа Савва Булатников добивался 10 августа 1770 г. через Березовское ДП отставки «по старости лет», чтобы быть «на своем пропитании при сыне ... той же церкви дьячке Гавриле». В ТДК дело заслушивалось значительно позже – 24 января 1771 г., а рапорт о получении положительного решения составлен ДП ровно через три месяца ([ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 2624. Л. 5](#)).

Священник Василий Агафонов, прослужив при тобольской Спасской церкви 30 лет, 3 октября 1816 г. в возрасте 70 лет подал прошение благочинному об отставке «по слабости своего здоровья и тугости зрения» и зачислении за ним дьяконского места для содержания семьи, о чем получило рапорт епархиальное начальство. ТДК уже на следующий день решила дьякона указанной церкви назначить священником, чтобы освободить место для просителя и взять с нового священника подписку о том, что он будет выдавать Агафонову дьяконский доход. Однако преосвященный 31 декабря в резолюции велел определить Василия «по вдовству и по показанным причинам» в число братии Абалакского монастыря. Таким образом, причина увольнения могла меняться в ходе производства дела. От причины увольнения зависела и судьба духовного лица (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1854. Л. 16). 72-летний дьячок Успенской церкви с. Демьянского Тобольского ведомства Стефан Наумов попросил в июле 1823 г. об увольнении «по преклонным летам, глухоте и слепоте глаз» и определении на освободившееся место с посвящением в стихарь его внука Петра, который получил свидетельство об окончании высшего отделения уездного училища. Просьба была удовлетворена до конца того же месяца (ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 1637. Л. 3).

71-летний священник с. Ялымского Курганского ведомства Иоанн Машанов, отчетливо понимая, что больше не может совершать богослужения и требы, 12 сентября 1906 г. просил епископа об увольнении его за штат и назначении пенсии. Решение преосвященного последовало через две недели, а «прочее» «предлагалось» «на рассмотрение консистории». 12 октября 1906 г. преосвященный рапортовал в Синод о назначении священнику пенсии, прилагая подготовленный ТДК послужной список, составленный на основе выписи из клировой ведомости (ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 277. Л. 13).

«Ввиду преклонных лет» и «слабости здоровья» псаломщик Вознесенской церкви с. Горюновского Ялуторовского ведомства Павел Петухов 9 февраля 1909 г. просил епархиальное начальство уволить его за штат с назначением пенсии за 45-летнюю службу. Как и в предыдущем деле, решение архиепископа об увольнении последовало достаточно скоро – 15 февраля, а «остальное» отдавалось «на рассмотрение консистории». Псаломщик не дождался решения по своему вопросу и подал повторное прошение 10 сентября того же года. Кроме послужного списка П. Петухова, к рапорту епископа от 30 октября 1909 г. прилагался «список сведений, ... кому испрашивается пенсия». Копию указа Синода о назначении пенсии просителю выслали через благочинного 11 декабря 1909 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 666. Л. 18).

По причине болезни

Уже в XVIII в. «наследственность духовного служения стала обычаем», — отмечал П.В. Знаменский. Однако приходы (особенно на Севере) продолжали еще вести долгую борьбу за свое бывшее право избрания приходских священников (Федоров, 2003). Решение об отстранении члена причта могли принять и прихожане. В таком случае они подавали коллективное прошение в ТДК. К Тобольской городской Михаило-Архангельской церкви «по обширности прихода» было определено два священника, но священник Матвей Лапин на момент составления документа уже в течение года и трех месяцев не совершал священнослужения и не исправлял мирских треб, ссылаясь на плохое самочувствие. Второй священник Стефан Попов, «при всей своей ревности и деятельности по многочисленности прихожан» не мог «удовлетворить справедливым и законным ... требованиям» прихожан, поэтому они просили осмотреть через медицинскую управу Лапина, и если он, действительно, окажется серьезно больным и не выздоровеет в ближайшее время, то назначить на его место священника Стефана Андреева. Врачебная управа в январе 1815 г. установила, что причина болезни священника состоит в «излишнем употреблении горячих напитков», его признали «умалишенным». С. Андреев отказался переходить в другую церковь, и в приходе остался один священник С. Попов (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 925. Л. 16).

Дьякон Духосошествовской церкви Томского железного завода 50-летний Макарий Мухин 18 апреля 1822 г. за «чрезмерное пьянство» был послан в Томский монастырь «в черные труды». Впоследствии владыка собирался определить его в с. Гутовское на должность дьячка; таким образом, Мухин лишался сана. Он, как выяснила ТДК, в семинарии не обучался, за пьянство находился в 1810 г. в тобольском Знаменском монастыре, в 1818 г. дьякону запретили священнослужение. Из доношения преосвященному настоятеля томского Алексеевского монастыря архимандрита Иеронима мы узнаем, что Мухин прибыл в обитель в августе 1824 г., но по причине «несносной болезни» «не только не занимался никакими ... трудами, но и не был даже никем из жителей Томска принимаем на квартире», так как все боялись его заразной болезни. Макарий не имел возможности лечиться в городской больнице, сутки пребывания в которой стоили 75 копеек, поэтому его отпустили 6 октября 1824 г. для излечения в с. Гутовское. 22 января следующего года он вернулся, однако болезнь только усилилась. В итоге Мухина послали для «освидетельствования ... о качестве его болезни» в Томскую врачебную управу и в феврале 1829 г. отпустили в с. Гутовское для излечения с увольнением из духовного ведомства (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 174. Л. 13).

30 марта 1834 г. архиепископ Афанасий (Протопопов) решил уволить пономаря томской городской Богоявленской церкви Даниила Шихова из духовного ведомства, потому что «сомнительно ему позволять входить в святой алтарь», имея неизвестную, «опасную» болезнь.

В итоге Томское ДП забрало ставленную грамоту Шихова и отправила ее в ТДК 11 мая 1834 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 412. Л. 22).

Добровольный уход по причине болезни

Исполнявший пономарскую должность в Успенской церкви с. Карматского Тюменского заказа священник Дмитрий Анпенов в прошении ТДК от 29 марта 1757 г. подробно описал свои болезни, которые не позволяли ему продолжать церковную службу: священник практически не видел, не мог долго стоять и петь (ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2302. Л. 3).

Священник тобольской Введенской Николаевской церкви Иван Лаврентьев по указу из ТДК от 4 мая 1764 г. исповедовал, причащал колодников и занимался погребением погибших осужденных в тюремном остроге в г. Тобольске, где, по всей видимости, и испортил свое здоровье. 16 марта 1770 г. «по слабости здоровья» он просил «с той должности увольнения». ТДК через месяц отправила в Сибирскую губернскую канцелярию промеморию с приказом относительно исполнения воли просителя (ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 2337. Л. 3).

Дьячок Спасской церкви с. Пышминского Тюменского ведомства Алексей Космаков в прошении тюменскому ДП высказал желание уйти на покой по причине «болезненных припадков и слепоте». Дьячку на тот момент было 56 лет, в должности дьячка он находился в течение 39 лет. Архиепископ Амвросий (Келембет) 4 мая 1814 г., получив доношение из ДП вместе со свидетельством штаб-лекаря о состоянии здоровья А. Космакова, уволил его от должности и из духовного сословия на пропитание к его братьям, письменно подтвердившим обязательство содержать его до конца жизни (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1024. Л. 11).

Прогрессирующая «болезнь в ногах» дьячка Петропавловской церкви с. Черемуховского Курганского ведомства Григория Родионова 27 сентября 1815 г. стала препятствовать ему проводить священнослужения и вынудила его просить архиепископа Амвросия об увольнении от должности; сказывался и возраст – дьячку было 52 года. Он также просил определить на его место («для пропитания») шести остальных членов семьи, включая сына Ивана, учившегося в Тобольской духовной семинарии) 13-летнего сына Петра, обученного чтению и отчасти нотному пению, но не поступившему еще в семинарию. В тот же день преосвященный написал разрешительную резолюцию, которая была исполнена 15 ноября 1815 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1581. Л. 10).

Таким образом, если у священно- или церковнослужителя обнаруживалась какая-либо тяжелая болезнь, не позволявшая ему проходить службу в церкви, то ТДК могла на время отстранить его от работы и отправить на лечение. Если оно не помогало либо, если кроме болезни, клирик был замечен уже ранее в пьянстве или других проступках и не желал исправляться, то его увольняли в светское ведомство с изъятием ставленной грамоты.

Из-за совершения проступков

В качестве наказания за совершение правонарушений (в основном из-за пьянства) клириков отлучали от их места служения, а священнослужителей также лишали священнического сана. Добровольное лишение сана было большим исключением, и в делах ТДК ни один случай такого рода не зафиксирован. В § 91 Устава духовных консисторий 1844 г. о снятии священнического сана говорится следующее: «Снятие священнослужительского сана ... по прошению производится не иначе, как после увещания, с разрешения Святейшего Синода, на основании особых на то постановлений» (ПСЗРИ, 1842: 233). Иерей тобольского Софийского собора Михаил Карпинский 28 декабря 1783 г. обвинил священника Петра Топоркова в том, что последний, «будучи пьян, поносил» его «ругательными словами», называл «мерзостью, свиньей и негоднейшим, относя то до учительской должности», в которой проситель находился уже около 15 лет, «плутом и канальей, относя то до судейской должности». В ответ ему было сказано, что «у его преосвященства таковых худых людей здесь в консистории определенных не имеется». В свою защиту потерпевший указал, что имел свидетельства ТДК, «одобряющие» его «состояние» как учителя. Свидетелями оскорбления Карпинского были несколько человек. Когда он вышел из квартиры, то Топорков, «гонясь» за ним «до самых ворот» дома учителя, «непрестанно ругал» его «матерной бранью»; Михаил «на то ни единого слова не отвечал», причем это произошло при свидетеле. Епископ в резолюции разрешил П. Топоркову остаться на своем должностном месте только в том случае, если они с М. Карпинским примирятся, а если первый «впредь будет ссориться, то непременно от места отрешен будет»; это и произошло. Уволенный священник дважды просил вернуть его к церкви, во втором прошении от 22 января 1784 г. он заявил о примирении с Карпинским (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2855. Л. 4).

Лишенного ранее священства пономаря омской городской Воскресенской церкви Никиту Андреева архиепископ Амвросий 20 апреля 1814 г. определил «на пропитание» к сыну, который служил дьяконом в с. Кодском Ялуторовского ведомства, при этом Н. Андреев обязывался предоставить в ТДК подписку «жить честно и трезво». В 1810 и 1811 гг. пономарь уже давал подобное обещание, но не сдержал своего слова, поэтому на этот раз его уволили из духовного ведомства (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1016. Л. 9).

По причине вдовства

Со смертью жены у духовных лиц было два пути: или уход в монастырь, что происходило чаще всего, или увольнение в светское ведомство (для вступления во второй брак); так или иначе они отстранялись от церковной службы. В своем прошении на имя императора (что впервые встречается

среди кадровых дел) 31-летний священник томского Благовещенского собора Никифор Большенин сообщал, что до смерти жены 20 июля 1826 г. он «должность свою проходил с должным благовением и всегдашней осторожностью». После трагического события, несмотря на то, что он старался вести себя так же, «но за всеми мерами», которые он употреблял в течение года, «никак не мог укротить сильно действующего ... по молодости лет плотского вожделения». «Сей внутренний враг» вынудил Никифора признаться «в неспособности проходить далее ... звание». Выходом из такого положения священник считал вступление во второй брак, но раз по церковным правилам не мог этого сделать, занимая прежнюю должность, то просил уволить его в светское ведомство (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 51. Л. 22).

По неспособности

Несоответствие образовательного уровня занимаемому в причте положению часто вело к разногласиям между членами причта и взаимным подозрениям (Конюченко, 2005: 75). Дьячка Покровской церкви с. Покровского «за неумением грамоте и за нерадением своей должности» епископ Варлаам отправил в военную службу резолюцией от 19 декабря 1780 г. Решение было принято быстро, всего за 9 дней после поступления доношения из Омского ДП в ТДК (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2113. Л. 16).

Священник Иоаннобогословской церкви Ямышевской крепости Матвей Переберин был признан Омским ДП не заслуживающим своей пономарской должности, так как за время служения не смог научиться грамоте: читать, писать и петь, о чем было сообщено владыке 23 марта 1783 г., и уже 7 апреля последний приказал «отослать в светскую команду для определения в военную службу» «за малоумением грамоте пономаря» (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2625. Л. 15).

Признание себя недостойным

Иногда сам клирик находил себя недостойным духовного звания, понимая, что не справляется с возложенными на него должностными обязанностями. Возможно, таким образом прикрывалось нежелание быть членом причта. Пономарь Святительской церкви с. Аяшенского Томского ведомства Николай Каменщиков в 1825 г. находился под следствием за соучастие вместе с крестьянином в краже у священника, 31 декабря 1827 г. Томский земский суд освободил его и 10 марта 1827 г. ТДК своим указом велела Каменщикову избрать «новый род жизни», о чем ему и объявили в присутствии ДП. Однако 2 мая из-за недостатка духовенства в епархии преосвященный решил не увольнять Каменщикова. Ему предлагалось два варианта: «выучиться ноте» либо быть определенным в сторожа в ДП; при этом считалось, что «лучше рекомендовать учиться ноте». Сам Николай просился «немедленно» в светское ведомство, признавая себя «быть в духовном звании неспособным». Согласно клировым ведомостям, пономарю было 28 лет, он был холост, в семинарии не обучался, читал посредственно и Катехизис знал только отчасти, прослужил в церкви 11 лет (с 1 мая 1817 г.). Просьбы пономаря остались без внимания, и поэтому 15 августа 1828 г. он вновь подал прошение, но уже о желании вернуться на свое должностное место, так как ему нужно было содержать мать, сестру и бабушку (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 150. Л. 7).

По причине отсутствия желания к церковной службе

Встречаются и эмоционально окрашенные прошения об увольнении из духовного ведомства. В прошении (от 14 февраля 1821 г.) 18-летнего дьячка Бийской городской Успенской церкви Дмитрия Знаменского, чья церковная служба продлилась меньше года, говорилось: «... Но как по собственной моей бедности, медление ректора архимандрита Евгения в отдаче мне свидетельства, продолжающееся не менее месяца ... и наконец многие другие несчастья, скопившись в слабом неопытном моем сердце, нанесли ему чувствительный удар и ввергнули в жестокую горячку, продолжавшуюся через месяц и лишившую дара петь, непременно нужного сословию духовному. И как я в самой высочайшей степени чувствую склонность к продолжению жизни в роде канцелярских служителей ... прошу уволить меня в число канцелярских служителей по губернскому правлению». Через 4 месяца ТДК уведомила отца просителя священника Петра Знаменского об увольнении сына и отсылке его в Тобольское губернское правление. Скорее всего, именно отец и отправил Дмитрия в церковную службу, а он сам не чувствовал склонности к ней (ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 672. Л. 26).

По причине отсутствия средств на содержание семьи

Основной причиной перехода в другой приход в синодальный период являлось желание получить более выгодное место, позволяющее обеспечить семье достаточный жизненный уровень. Среди причин увольнения из духовного ведомства это основание можно поставить на одно из последних мест, такие дела встречаются крайне редко. Пономарю Святительской церкви с. Аяшинского Томского ведомства Николаю Каменщикову, состоявшему в этой должности с 1 мая 1814 г., указом ТДК от 9 октября 1828 г., объявленным Томским ДП 1 ноября, велели подать прошение епархиальному начальству об увольнении из духовного ведомства и «избрании рода жизни», т.е. выбора новой профессии в светском ведомстве. Простение было подано 2 ноября 1828 г. Из справки ТДК выяснилось, что пономарь «заклучался в краже», однако дело о воровстве уже было прекращено, и он освобожден. Преосвященный в своей резолюции от 4 декабря 1830 г. указал, что если бы Н. Каменщиков был оправдан, то его не пришлось бы отправлять по делу о воровстве в светское ведомство, но так как данное дело «не было приведено в ясность» и пономарь показывал «средственное» поведение, то следовало «по мнению ТДК учинить». Во втором своем прошении

(от 29 марта 1830 г.) Николай в свою защиту писал, что был «оговорен напрасно», улик не нашлось. Все время затянувшегося следствия он проживал при церкви без дохода, не имея возможности кормить семью. Пономарь просил архиерея посвятить его в стихарь, а если это невозможно, то уволить, чтобы он «не смог ... прийти в крайнее разорение и бедность». В итоге Каменщикова уволили (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 261. Л. 9).

Хотя до конца XVIII в. за прихожанами и сохранялось право выборности священников, но реально оно все более и более утрачивало свое значение. Даже при формальном соблюдении выборности священнические места передавались по наследству, из поколения в поколение, и епархиальный архиерей учитывал не только подготовленность кандидата на священническое место, но и его наследственные права. В 1797 г. Павел I уже официально отменил право приходов избирать себе священников (Федоров, 2003). Отмененное в 1867 г. «бронирование» церковно-священнослужительских мест еще долго негласным образом сохранялось в интересах сословной благотворительности. Сложившаяся и долгое время сохранявшаяся наследственность приходов имела и положительное значение, способствуя закреплению духовенства на одном месте служения (Конюченко, 2005: 70, 79). Духовенство Тобольской епархии не составляло исключения. Прошения об увольнении от церковной службы часто содержат также просьбу о назначении на место сына или внука.

Введение наследственности духовных должностей и прочих ограничений при поступлении в духовное сословие, а также выхода из него привели к тому, что «духовенство превратилось в группу населения, наиболее изолированную от других» (Федоров, 2003).

5. Заключение

Материалы Государственного архива в г. Тобольске об увольнении священно-и церковнослужителей от церквей позволили выявить его причины и проследить процедуру ухода членов причта с мест их служения. Как свидетельствуют архивные документы, большая часть духовных лиц увольнялась по старости, то есть они уходили на пенсию, причем решение об отстранении от должности принималось владыкой очень быстро, порой даже в день подачи прошения, а вопрос о назначении пенсии передавался на рассмотрение духовной консистории. Другими причинами ухода со службы были слабое здоровье, проступки, вдовство, несоответствие занимаемой должности, нежелание нести церковную службу, нехватка средств на содержание семьи. Анализ архивных документов приводит к выводам о том, что прошения членов причта об увольнении оформлялись традиционно на имя преосвященного, однако в виде исключения встречается адресат – Тобольская духовная консистория. Примечательно, что дела ТДК об увольнении духовных лиц, когда речь шла об исключении из духовного сословия, решались очень быстро, в отличие, например, от дел о награждении. Даже дела о переводе в другое место служения рассматривались дольше. Прошения клириков нередко объединяли две просьбы – об увольнении и о назначении на освободившееся место их сына или внука. Таким образом, подтверждается заключение ряда современных историков о частом закреплении в синодальный период родов духовенства в одном приходе.

6. Благодарности

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) (МК-3701.2018.6).

Литература

Белоногова, 2007 – Белоногова Ю.И. Служба и материальное обеспечение приходского духовенства Московской епархии в начале XX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та. Серия II: История. История Русской православной Церкви*. 2007. Вып. 3 (24). С. 54–78.

ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

Зольникова, 1977 – Зольникова Н.Д. Ставленнические дела как источник по социальным проблемам XVIII в. (по материалам Тобольской епархии) // *Источниковедение и археография Сибири*. Новосибирск, 1977. С. 14–40.

Елпатьевский, 1978 – Елпатьевский А.В. Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР // *Труды ВНИИДАД. Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные и технические вопросы архивного дела*. 1978. Т. VII. Ч. I. С. 94–133.

Каримова, 2015 – Каримова Н.С. Награждение клириков и мирян в Екатеринбургской епархии в XIX – начале XX вв. // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2015. Вып. 3 (11). С. 44–56.

Конюченко, 2005 – Конюченко А.И. Между долгом и поиском лучшей доли (Служебные переходы православного приходского духовенства России во второй половине XIX – начале XX веков) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2005. Вып. 1. Т. 1. С. 69–84.

Липчак, Спичак, 2018 – Липчак А.А., Спичак А.В. Документальное оформление назначения на должность священнослужителей в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. // *Шатиловские*

чтения: материалы XVII краеведческой конференции 23 апреля 2018 г. Нижневартовск: ПолитграфИнвест-сервис, 2018. С. 18–21.

Лушин, 2013 – Лушин А.Н. Приобретение дворянства лицами духовного звания в Российской империи в XVIII – начале XX веков: историко-правовой аспект // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2013. № 21. С. 37–39.

Матвеева, 2012 – Матвеева Е.С. Особенности церковного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России в первой половине XIX века // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2012. № 4. С. 49–55.

Полное собрание законов..., 1842 – Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 1842. СПб.: III Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцелярии. 924 с.

Руководство для производства дознаний..., 1914 – Руководство для производства дознаний и следствий по делам о проступках священно-церковно-служителей и Справочная книжка по предметам церковно-епархиального суда / Сост. П. Колыбалов, столонач. Екатеринбургской духовной консистории. Екатеринбург: Тип. Ершова, 1914. 213 с.

Русская православная церковь..., 2010 – Русская православная церковь в синодальный период. Церковная реформа Петра I. 2010. Серафимов скит. URL: http://sima-schiet.ucoz.com/publ/istorija_i_khristiane/istorija_khristianstva/russkaja_pravoslavnaja_cerkov_v_sinodalnyj_period_cerkovnaja_reforma_petra_i/4-1-0-75 (дата обращения: 10.05.2018).

Spichak, 2017 – Spichak A.V. The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 785–793.

Федоров, 2003 – Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М.: «Русская панорама», 2003. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1045911/5/Fedorov_-_Russkaya_Pravoslavnaya_Cerkov_i_gosudarstvo._Sinodalnyy_period_%281700-1917%29.html (дата обращения: 10.05.2018).

Freeze, 1983 – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth – Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University. 1983. 546 p.

References

Belonogov, 2007 – Belonogov, Yu.I. (2007). Sluzhba i material'noe obespechenie prikhodskogo dukhovenstva Moskovskoi eparkhii v nachale XX v. [Service and financial support of the parish clergy of the Moscow diocese at the beginning of the XX century]. *Vestnik Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gos. un-ta. Seriya II: Istorija. Istorija Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, issue. 3 (24), pp. 54–78. [in Russian]

Elpat'evskii, 1978 – Elpat'evskii A.V. (1978). Kratkii ocherk istorii dokumentirovaniya trudovykh otnoshenii v dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR [A short history of the documentation of labor relations in pre-revolutionary Russia and in the USSR]. *Trudy VNIIDAD. Aktual'nye problemy arkhivovedeniya i dokumentovedeniya. Estestvennonauchnye i tekhnicheskie voprosy arkhivnogo dela*, vol. VII, P. I, pp. 94–133. [in Russian]

Fedorov, 2003 – Fedorov V.A. (2003). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period. [Russian Orthodox Church and state. Synodal period]. 1700–1917. М.: "Русская панорама". URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1045911/5/Fedorov_-_Russkaya_Pravoslavnaya_Cerkov_i_gosudarstvo._Sinodalnyy_period_%281700-1917%29.html (date accessed: 10.05.2018). [in Russian]

Freeze, 1983 – Freeze G.L. (1983). The Parish Clergy in Nineteenth–Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University, 546 p.

Full collection of laws..., 1842 – Full collection of laws of the Russian Empire (CCLRE), coll. 2, vol. XVI, p. 1, 1842. SPb. III Otd. Own. His Uti. Conducted. Offices, 924 p. [in Russian]

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [The State Archive in the city of Tobolsk]. [in Russian]

Karimova, 2015 – Karimova N.S. (2015). Nagrazhdenie klirikov i miryan v Ekaterinburgskoi eparkhii v XIX – nachale XX vv. [Awarding of clergy and laity in the diocese of Yekaterinburg in XIX – early XX centuries]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, is. 3 (11), pp. 44–56. [in Russian]

Konyuchenko, 2005 – Konyuchenko A.I. (2005). Mezhdru dolgom i poiskom luchshei doli (Sluzhebnye perekhody pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka) [Between duty and looking for something better (Service transitions Orthodox parish clergy in Russia in second half XIX – early XX century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, ussue 1, vol. 1, pp. 69–84. [in Russian]

Lipchak, Spichak, 2018 – Lipchak A.A. Spichak V.A. (2018). Dokumental'noe oformlenie naznacheniya na dolzhnost' svyashchennosluzhitelei v Tobol'skoi eparkhii v XVIII – nachale XX vv. [Documenting the appointment of clergy in the Tobolsk eparchy in the XVIII – early XX centuries]. *"Shatilovskie chteniya": materials of the XVII regional conference 23 April 2018*. Nizhnevartovsk: Polygraphinvest-SERVIS, pp. 18–21. [in Russian]

Lushin, 2013 – Lushin A.N. (2013). Priobretenie dvoryanstva litsami dukhovnogo zvaniya v Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX veka: istoriko-pravovoi aspekt [Acquisition of nobility by persons of a spiritual rank in the Russian Empire in XVIII – the beginning of the XX century: historical and legal aspect]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, No. 21, pp. 37–39. [in Russian]

Matveeva, 2012 – *Matveeva E.S.* (2012). Osobennosti cerkovnogo sudoproizvodstva po delam o prestuplenijah, sovershaemyh duhovnymi licami v Rossii v pervoj polovine XIX veka [Features of Church proceedings in cases of crimes committed by clerics in Russia in the first half of the XIX century]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, No. 4, pp. 49-55. [in Russian]

Rukovodstvo dlja proizvodstva doznaniy..., 1914 – Rukovodstvo dlja proizvodstva doznaniy i sledstvij po delam o prostupkah svjashhenno-cerkovno-sluzhitelej i Spravochnaja knizhka po predmetam cerkovno-eparhial'nogo suda [Guide for the production of inquiries and investigations on cases of misconduct of the Holy Church-Ministers and Reference book on the subjects of the Church-diocesan court]. Stronach. Ekaterinburg spiritual Consistory. Ekaterinburg: Type. Ershov, 1914, 213 p. [in Russian]

Russkaya Pravoslavnaya tserkov'..., 2010 – Russkaya Pravoslavnaya tserkov' v sinodal'nyi period. Tserkovnaya reforma Petra I [Russian Orthodox Church in the Synodal period. Church reform of Peter I]. 2010. Seraphim skete. URL: http://sima-schiet.ucoz.com/publ/istorija_i_khristiane/istorija_khristianstva/russkaja_pavoslavnaia_cerkov_v_sinodalnyj_period_cerkovnaja_reforma_petra_i/4-1-0-75 (date accessed: 10.05.2018). [in Russian]

Spichak, 2017 – *Spichak A.V.* (2017). The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese) [The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese)]. *Bylye Gody*, vol. 45, is. 3. pp. 785–793. [in Russian]

Zolnikova, 1977 – *Zolnikova N.D.* (1977). Stavlennicheskie dela kak istochnik po sotsial'nym problemam XVIII v. (po materialam Tobol'skoi eparkhii) [Stavlenniku business as a source of social problems of the XVIII century (on materials of Tobolsk diocese)]. *Istochnikovedenie i arkheografiya Sibiri*. Novosibirsk, pp. 14–40. [in Russian]

Причины оставления церковной службы духовными лицами во второй половине XVIII – начале XIX вв. (на примере Тобольской епархии)

Александра Владимировна Спичак ^{a, *}

^a Нижневартковский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме региональной истории Русской православной церкви. Главный источник исследования составили материалы Государственного архива в г. Тобольске. На основе архивных материалов автором впервые рассмотрены самые распространенные причины ухода с церковной службы духовных лиц во второй половине XVIII – начале XIX вв. В статье представлены наиболее интересные дела, раскрывающие процесс отстранения клириков от занимаемых должностей. Анализ документов Тобольской духовной консистории обнаруживает два вида увольнения священно- и церковнослужителей: по личному желанию и по приказу епархиального начальства. Инициаторами ухода из церковного ведомства могли быть сами духовные лица, их коллеги, начальство, прихожане. Исходными документами при этом являлись прошения клириков и прихожан, рапорты и доношения коллег, благочинных и духовных правлений. Как свидетельствуют архивные документы, большая часть духовных лиц увольнялась по старости, то есть они уходили на пенсию. Другими причинами ухода со службы были слабое здоровье, проступки, вдовство, несоответствие занимаемой должности, нежелание нести церковную службу, нехватка средств на содержание семьи. Прощения клириков нередко объединяли две просьбы – об увольнении и о назначении на освободившееся место их сына или внука. Таким образом, подтверждается заключение ряда современных историков о частом закреплении в синодальный период родов духовенства в одном приходе.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, духовные лица, оставление церковной службы, увольнение из духовного ведомства, старость, болезнь, проступки, вдовство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spichak-89@mail.ru (А.В. Спичак)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1037-1045. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1037
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

General Ermolov and His Role in the Evolution of Public Health Service in the Caucasus

Ivan A. Ermachkov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Natalia V. Svechnikova ^d, Jasmin Gut ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article considers the role of general Ermolov in the organization of public health service in the Caucasus. Emphasis is given to the characteristic features of the epidemiological situation in Imereti and other coastal areas of the north-western Caucasus.

There are used as materials the archival sources of the central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia), as well as scientific and reference literature. "Acts collected by the Caucasian archaeological commission" are of great significance in the work.

While solving the tasks there were used the general scientific methods (system analysis, concretization, generalization). The specification of particular aspects is of particular importance in the study, namely the detailing of historical episodes allow authors to model a complete picture of events. For example, this refers to the complex process of establishing the russian military presence in the Caucasus, which in turn made it possible to choose the location of troops, taking into account the climatic situation.

The authors come to the conclusion that by the time of the announcement of general Ermolov – the commander-in-chief of russian troops in the Caucasus, the russian sanitary service has accumulated a wealth experience in the region. This practice has been gained in terms of epidemics of plague and a number of other diseases and allowed to take more effective and timely measures to minimize losses. And actively anti-epidemic measures were carried out thanks to the position of general Ermolov. However, it is necessary to understand that in many respects the concern of general Ermolov about the personnel of the russian troops was due to the fact that the formation of the russian military presence in the region had already been completed and the troops had more freedom to choose the cantonment sites.

Keywords: sanitary service, Caucasus, Georgia, Imereti, General Ermolov, epidemics.

1. Введение

Практически на протяжении всей первой половины XIX века эпидемиологическая ситуация на Кавказе была сложной. В первые полтора десятилетия значительной сложностью было отсутствие оперативного маневра для расквартирования войск. В это время русское присутствие только укреплялось, поэтому войска были вынуждены занимать невыгодные в климатических условиях позиции. Долгое время с климатическими особенностями старались бороться (корчевали деревья, осушали болота), не имея возможности изменить позиции, и только после установления твердого военного присутствия войска получили большую мобильность. Разумеется, такая мобильность совершенно не распространялась на русские войска, которые находились в крепостях на территории

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

враждебных племен. Ситуация 1800–1815 гг. осложнялась для русских на Кавказе еще и тем, что в это время происходила одна из крупнейших вспышек чумы ([Ermachkov et al., 2018](#); [Ermachkov et al., 2018a](#)).

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» ([АКАК, 6](#)).

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно конкретизация и детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это относится к сложному процессу установления русского военного присутствия на Кавказе, что в свою очередь позволило выбирать места расквартирования войск с учетом климатической обстановки.

3. Обсуждение

Как уже неоднократно отмечалось ранее ([Gvarliani et al., 2017: 40](#); [Ermachkov et al., 2017: 429](#)), тема врачебной деятельности на Кавказе является одной из слабоизученных в кавказской проблематике. Эта тема перекликается с изучением эпидемиологических процессов на территории Кавказа. Так, например, упоминания об эпидемиях на Кавказе мы обнаруживаем в трудах А.А. Черкасова и авторского коллектива ([Cherkasov et al., 2016](#); [Cherkasov et al., 2017](#); [Cherkasov et al., 2017a](#)), особенно это касается периода русско-турецких и русско-персидских войн. Также эта тема затрагивалась Е.С. Котеневым с авторским коллективом в общем контексте истории эпидемий чумы на Кавказе ([Котенев и др., 2016](#)). Помимо этого данному вопросу в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. уделил внимание Т.Ф. Хайдаров ([Хайдаров, 2017](#)).

4. Результаты

Главным местом расквартирования русских войск в Имеретии с 1804 года служил древний столичный город Кутаис, который находился в верхней части долины Риона. Город занимал незначительное пространство в низине. Небольшие, одноэтажные, по большей части деревянные домики, вымазанные глиной и выбеленные известью, были распланированы довольно правильно, улицы же содержались неопрятно и изобиловали пылью, которая тучами носилась по городу во время частых, сильных и продолжительных восточных ветров. Климат Кутаиса не принадлежал к числу здоровых. Заболеваемость среди нижних чинов, и в особенности между рекрутами, была велика. Преобладающей болезнью являлась лихорадка. Среднее годовое отношение больных лихорадкой к здоровым было 1:18, но в разное время года частота лихорадочных заболеваний варьировала. Наиболее благоприятными в этом отношении были весна и зима, когда 1 больной лихорадкой приходился на 22–26 человек здоровых. Повышение числа заболеваний резко начиналось с июля, и летом в среднем из 14 здоровых был 1 больной лихорадкой. Особенно же сильны были лихорадки осенью, когда среднее отношение больных повышалось до 1:8 ([ЦИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 73](#)). Самыми нездоровыми месяцами были август и сентябрь.

Также довольно распространенной среди солдат была цинга, вероятно, в зависимости от проживания в землянках и недостаточного употребления огородных овощей, которых не разводили ни в Грузии, ни в Имеретии. Чтобы как-нибудь компенсировать недостаток их, весной для приготовления солдатского борща употребляли черемшу, дикую крапиву, редьковник, щерицу (род лебеды) и даже жирную траву, хотя последняя из-за неприятной горечи и остроты делала борщ довольно невкусным. Ни капусты, ни бураков достать было нельзя, и на зиму вместо них заготавливали чахал. Во время поста борщ приправляли соленой рыбой – таранью, сулюю или балыком, которые имелись в продаже в достаточном количестве. Квас готовился без солода и по недостатку погребов для хранения скоро скисал и портился, почему неоднократно делались попытки заменить хлебный квас фруктовым из башмалы (порода груш).

Большое количество больных цингой доставляла Черноморская береговая линия, где едва ли не половина войск болела ею.

Значительно хуже было положение казаков. По роду своей службы они не имели общей артели и никакими потребностями зимнего времени обыкновенно не запасались да притом на отдаленных постах весьма редко доставали мясную пищу. В связи с этим и заболеваемость между ними была выше, чем в регулярных войсках. Упорные лихорадки, изнурительные поносы, горячки и цинга были сильно распространены среди казаков и уносили немало жертв, особенно в приморской полосе.

Береговая приморская линия со стороны Рионской долины, там, где Россия, последовательно подчинив своему влиянию Имеретию, Мингрелию и Гурию, скорее всего вышла к Черному морю, имела крайне нездоровый климат. Жертвы, понесенные там при военных операциях, как, например,

при овладении турецкой крепостью Сухум-кале в 1810 году¹, были немногочисленны по сравнению с тем, что в последующие годы забрала эта неблагоприятная в климатическом отношении область. Белевский пехотный полк, на долю которого выпало первое расквартирование вдоль Черноморского побережья, нес значительные санитарные потери больными. «Коликое число в Поты и Редут-кале ежегодно в Белевском пехотном полку бывает больных, коликое число из оных умирает, а остающиеся как медленно и трудно выздоравливают», – рапортовал Симонович генералу Тормасову летом 1811 года (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 74).

На Поты постоянно указывалось как на чрезвычайно нездоровую местность, хотя город лежал на морском берегу и продувался бризом с открытого моря. Это зависело от постоянной сырости, которая развивалась благодаря разливам реки, лесам и обширным кустарникам, загромаждавшим почву вплоть до самой крепости. Предпринятое обезлесение окрестностей Поты с целью оздоровления не привело ни к чему, потому что лес вырубил узкой полосой по левому берегу Риона, да и вырубил только деревья, заросли же кустарника оставили, и таким образом почва по-прежнему осталась прикрытой и недоступной влиянию свободных воздушных течений.

Редут-кале благодаря культурным работам, предпринятым жителями вокруг своих домов, впоследствии стал менее нездоровым, а в 1830-х гг. это было даже наиболее здоровое место из всех русских поселений Черноморского побережья.

Растительность с вечнозелеными древесными породами, плодородная почва, сторицею вознаграждавшая и малый труд, теплый климат долин, почти не знающих зимы – все это создавало условия, по-видимому, весьма благоприятные для благоденствия местного населения, а между тем едва ли где-либо на Кавказе экономическое положение жителей было более плачевным, чем здесь. Особенно бедно жили имеретинцы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 74об.). Отчасти это зависело от их беспечности, но в гораздо большей степени обуславливалось образом правления имеретинских царей. Народ веками приучался к тому, чтобы ничего не считать своей собственностью, и, естественно, в силу этого он и не хотел трудиться больше того, сколько требовалось для удовлетворения насущнейших нужд.

Полуголодное, едва прикрытое кое-какой одеждой население не обладало, разумеется, достаточной стойкостью для противодействия различным болезнетворным влияниям и жестоко страдало от эндемической болезни края – малярии, весьма упорной и проявлявшейся в тяжелых формах. Тиф, дизентерия, оспа и корь также хорошо были знакомы местным жителям, однако острозаразные болезни в Имеретии не имели такого широкого распространения, какого можно было бы ожидать. К счастью населения, разбросанность жилищ, плохие дороги и трудные переправы через реки ставили весьма большие препятствия для быстрого и широкого распространения эпидемий. Да и сами жители, несмотря на всю свою беспечность, были довольно осторожны и осмотрительны по отношению к таким больным. Если предпринятое эмпирическое лечение не помогало,² то здоровые члены семьи уходили из жилища, оставив там больного, и лишь издали присматривали за ним, с большой осторожностью доставляя ему пищу и питье. При возрастании числа больных одной и той же болезнью, а тем более, когда последняя оканчивалась быстрой смертью, зараженные сакли покидались совсем, и оставшиеся в живых, похоронив своих покойников, расходились по разным местам. Разнос заразной болезни по большим площадям был характерен практически для всего Кавказа (Ermachkov et al., 2018: 122).

В общем, Имеретия и Мингрелия были по климатическим условиям нездоровыми территориями, главным образом вследствие весьма высокой влажности воздуха и большого количества атмосферных осадков, чему в сильной степени содействовали морской ветер и обширные леса. Иностранец Моренас, который был командирован в Закавказье в 1829 году по высочайшему повелению для обозрения края с промышленной точки зрения, и Шарден, посетивший Закавказье еще в 1672 году (Шарден, 1902), следовательно на 150 лет раньше Моренаса, вполне сошлись в оценке вредного влияния климата Рионского бассейна на здоровье не только пришельцев, но и коренных жителей. Шарден говорит, что первые, прожившие с год в этом краю, желтеют и худеют, а туземцы редко доживают до 60 лет. Моренас, объезжая Имеретию и Мингрелию, сам заболел жестокой лихорадкой и умер в Мингрелии 25 октября 1830 года (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 75об.–76).

Нельзя здесь обойти взгляд Моренаса на кавказские лихорадки, тождественность которых с тропическими лихорадками западно-европейских колоний долгое время не признавалась врачами. Не состоя в числе патентованных представителей медицины, Моренас еще в 1830 году высказал довольно верный взгляд на характер и лечение этих лихорадок и большую смертность от них поставил в вину врачам. В письме к графу Паскевичу он писал³: «Имея достаточный опыт в жарких

¹ Потери состояли из 109 человек – 23 убитых и 86 раненых – и составляли 1/6 десанта, штурмовавшего крепость 10 июля после двухдневной бомбардировки ее эскадрой судов Черноморского флота. В работе «Сборник сведений о потерях кавказских войск» штурм Сухум-кале не отражен (Сборник сведений о потерях, 1901).

² В Имеретии лечением занимались деревенские старухи. Практиковавшиеся ими способы лечения составляли семейную тайну и передавались по наследству.

³ Подлинное письмо по-французски. Здесь приведена выдержка из него в переводе.

странах и судя по тому, что я видел на Кавказе, я убедился, что лихорадки юга Кавказа не так отличны от лихорадок колоний, как об этом говорят. Мой личный опыт показал мне, что при них рвотные, слабительные и меркуриальные средства более вредны, а самое верное средство состоит в диете и приемах хины. С уверенностью можно сказать, что более половины больных лихорадками заболели вследствие несоответствующего режима, плохого питания и непосильной работы, большинство же смертей следует приписать недостаточным знаниям врачей».

Как трудно было акклиматизироваться в Закавказье пришлому элементу, подтвердил также опыт колонизации края иностранными поселенцами, предпринятой генералом Ермоловым с целью удовлетворения некоторых нужд заезжего русского населения, ощущавшего большую потребность в разного рода мастеровых, огородниках и фермерах. В 1818 году в Грузию прибыло 500 вюртембергских колонистов (АКАК, 6: 4), которые были поселены в 8 колониях в окрестностях Тифлиса и Елисаветпольском округе. Они начали сильно болеть уже вскоре по прибытии в Закавказье, так что на одни медикаменты для них казне пришлось издержать 4397 руб. 31 1/2 коп., то есть почти по 88 руб. на каждого, а по водворении их на места смертность в некоторых колониях оказалась настолько значительной, что многие семейства потеряли почти всех работников. Так, в колонии Анненфельд (в 20 верстах от Елисаветполя) в 1819 году поселилось 91 семейство из 426 душ, а через 10 лет осталось в живых только 48 семейств в составе 160 душ (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 76об.). Следовательно, погибло 62,4% населения колонии. Немного менее, чем Анненфельд, пострадали две другие колонии – Еленендорф и Екатериненфельд. В ближайших к Тифлису колониях дело обстояло несколько лучше, благодаря особым заботам инспектора Грузинской врачебной управы доктора Прибиля, но и тут многие колонисты были отправлены для лечения в военные госпитали. За выздоровевших и умерших в госпиталях впоследствии требовалось уплатить за лечение и содержание по 100 руб. ассигнациями и более за каждого.

Странно только то, что в этом вымирании обвинили прежде всего самих же немцев колонистов, указав как причину этого «невоздержанность в пище, особенно фруктах, упрямство и ослушность лекарским приказаниям касательно приема лекарств и диеты». В официальной записке «О состоянии 8-ми Вюртембергских колоний, в Грузии поселенных», говорилось: «Начинающие заболеть оставляли всякое движение, ложились в постели, советы лекарские не имели никакого действия; принимая лекарства, они ели самые вредные фрукты, усмотреть за всеми было невозможно, и многие умирали не от смертности болезней, но от невоздержанности и упрямства» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 77).

Если уже так плохо пришлось в Закавказье немцам колонистам, переселение которых стоило правительству больших денег и за которыми было много всякого надзора, то как же было избежать той же участи русскому солдату, с которого много спрашивалось и мало давалось. Среди такого населения, какое было, например, в Имеретии, благосостояние армии являлось практически недостижимым. Можно было только заботиться о возможном уменьшении числа жертв, и эта забота проявилась во время управления Кавказом генерала Ермолова.

1817-й год ознаменовался необыкновенным разливом рек Терека и Кубани, оставивших после спада воды много заболоченных мест, вследствие чего резко поднялась заболеваемость и смертность на Кавказской линии (АКАК, 6: 6). А тут как раз предстояло предпринять работы по основанию Сунженской линии, которая выдвигала русскую границу к югу и должна была удерживать чеченцев от постоянных нападений и разбоев. Построенная в 1818 году крепость Грозная была оплотом новой Линии.

Вернувшись из Персии, генерал Ермолов прежде всего обратил внимание на печальное санитарное положение войск на северном Кавказе. «Кавказская Линия расположена в местах знойных, производящих в войсках болезни и смертность необычайная», – доносил он всеподданнейшим рапортом 28 июля 1822 года, а начальнику Главного штаба князю Волконскому в то же время писал, что «улучшение старой Линии, чрезвычайно порочной, потребовало бы умножения укреплений в местах до чрезвычайности нездоровых» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 77об.). Находя самым радикальным и единственно целесообразным средством избавления войск от значительной смертности вывод их в новые, удобные и здоровые по климату места расквартирования и, доказывая пользу перенесения пограничной черты с Терека на Сунжу, Ермолов главным образом упирал на санитарные выгоды новой Линии.

Возможно, что в стремлении Ермолова создать Сунженскую линию играли большую роль стратегические, а не санитарные соображения, но несомненно и то, что Ермолов, ценя солдата, сокрушался о тех напрасных жертвах, которые приносились как должная дань за почти полное игнорирование санитарных условий жизни (Зайцев, 2010). И до генерала Ермолова все главнокомандующие в Грузии и на Кавказской линии сознавали необходимость улучшения санитарного быта войск, но каких-либо серьезных мер в этом направлении никто не принимал, отчасти по кратковременности своего начальствования, а отчасти потому, что санитарные мероприятия в то время отождествлялись с лечением. Ермолов взглянул на дело прямо и сохранение солдатских жизней, поставил одной из своих главных задач. Бесповоротно решив не рисковать солдатами там, где можно обойтись без этого, он приказывал выводить войска из тех мест, где заболеваемость и смертность достигали больших цифр. «Видя из рапорта в. пр-ва, – писал он

генерал-майору Грекову (первому), – что те же самые болезни, как и в прошлом году, не взирая на более продолжавшееся холодное время, свирепствуют в крепости Неотступный Стан и в несколько дней число больных умножилось до чрезвычайной степени, я предлагаю вам оставить совсем крепость». Не менее решительно распорядился Ермолов и с Елисаветполем, климат которого давно уже вызывал серьезные жалобы. Еще в 1807 году граф Гудович, приказав Тифлисскому мушкетерскому полку собраться в Елисаветполе, расположил его в окрестностях города, что и объяснил во всеподданнейшем рапорте тем обстоятельством, что «в самом Елисаветполе весьма вредное нездоровое место, где войска наиболее умирают и заболевают, не взирая на то, что о сохранении их прилагаются всевозможные старания» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78). Ермолов же совершенно вывел войска из Елисаветполя, донеся об этом следующее: «В Елисаветполе иметь запасов невозможно по причине чрезвычайной смертности, коей подвергаются там войска от убийственного климата в летнее время, что с давнего времени понудило меня оставить город» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78). В июле 1823 года был выведен из Елисаветполя также и военный госпиталь. Больных разместили в ближайших к городу армянских селениях, жители которых уступили свои жилища, новый же госпиталь предполагалось построить вне города.

Случаи оставления войсками вредных в климатическом отношении местностей были и до Ермолова, но это делалось после того, как там вымирало несколько смен гарнизона. Так, при генерале Ртищеве в Карабагском ханстве было занято и укреплено местечко Мигри, в котором расположили батальон 17-го егерского полка с некоторыми другими менее значительными командами. Не прошло и двух лет, как из этого батальона умерло до 400 солдат. Местечко бросили, и Ртищев, донося об этом, назвал его «совершенно для нас бесполезным» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 78об.).

Самым блестящим из санитарных мероприятий Ермолова было перенесение управления Северным Кавказом из Георгиевска в Ставрополь. С этим были связаны крупные денежные затраты, и мера эта не находила должного сочувствия в высших административных сферах. Хотя переименование Кавказской губернии в область с назначением Ставрополя областным городом состоялось в 1822 году, но администрация оставалась в Георгиевске под тем предлогом, что в Ставрополе не было достаточно пригодных зданий для ее размещения (АКАК, 6: 5). Стали строить там казенные дома, строили их весьма медленно, и если бы не настойчивость Ермолова, перевод состоялся бы не скоро. Потеряв надежду ускорить достройку казенных зданий, Ермолов во всеподданнейшем рапорте 6 сентября 1824 года донес Государю: «В нынешний проезд мой на Кавказскую Линию, пробыв в Георгиевске не более одного дня, в то самое время, когда там обыкновенно свирепствуют болезни, я имел случай лично удостовериться о необыкновенно вредном влиянии тамошнего климата. В самое короткое время из 190 человек чиновников статской службы и канцелярских служителей, там находящихся, умерло 11 и заболело 83, так что осталось способных заниматься делом не более половины, но и те, поверженные в уныние несчастными примерами своих товарищей и изнуренные прежними болезнями, едва могут отправлять свои обязанности» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 79). Картина, нарисованная в этом рапорте, была такого удручающего свойства, что ходатайство Ермолова о ежегодном отпуске 10000 рублей на наем помещений для администрации впредь до окончания постройки казенных домов было немедленно удовлетворено, и в конце 1824 года Ставрополь стал административным центром Северного Кавказа не по названию только, а в действительности. Военный госпиталь в Ставрополе уже существовал в то время,¹ и гарнизон города был вполне обеспечен врачебной помощью, которая, однако, и не требовалась в сколько-нибудь широких размерах, так как Ставрополь был одним из лучших в климатическом отношении поселений Кавказской линии.

Постепенно стягивавшиеся в Закавказье войска составляли Отдельный грузинский корпус. Это не вполне удачно выбранное название продержалось недолго, и в 1820 году Корпус был переименован в Отдельный кавказский. В состав его входили 19-я и 20-я дивизии и гренадерская бригада, всего 15 полков: 8 пехотных, 4 егерских, 2 гренадерских и 1 карабинерный – по 3000 человек в каждом² (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 79об.). Высшей военно-медицинской властью в корпусе, а следовательно и в Закавказье, являлся штаб-доктор Отдельного кавказского корпуса. На эту должность был назначен в 1820 году лекарь 2-го класса коллежский советник Зубов,³ бывший

¹ Первое указание на Ставропольский госпиталь относится к 1819 году, когда Ермолов приказал больных из 8-го егерского полка, предназначавшегося в поход, отправить в этот госпиталь.

² 19-ю дивизию составляли полки Кабардинский, Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, 43-й и 45-й егерские, а 20-ю дивизию – полки Апшеронский, Ширванский, Куринский, Тифлисский, 41-й и 42-й егерские.

³ Савин Иванович Зубов из духовного звания, воспитывался в Казанской духовной академии и в 1799 году поступил учеником в Петербургский госпиталь. В 1803 году по экзамену в Медико-хирургической академии признан кандидатом 1-го отделения с назначением в Петербургский адмиралтейский госпиталь и в том же году пожалован в младшие лекаря. В 1806 году произведен в лекаря 1-го класса. В 1807 году командирован в Рижский военный госпиталь, где за отличие по службе получил чин коллежского ассесора и назначен оттуда старшим лекарем 2-го класса в

дивизионным доктором 14-й дивизии, который и стал ближайшим помощником Ермолова по военно-санитарному делу. Штаб-доктор Зубов был довольно энергичным, но он был не из кавказских служаков и не знал ни местных условий края, ни быта солдат на Кавказе, так что в этом отношении его роль, по крайней мере в первые годы его службы здесь, не могла быть сколько-нибудь видной. Ермолову самому пришлось ко всему присматриваться, и от него, как боевого генерала, жившего одной жизнью с вверенными ему войсками, и опытного администратора, не укрылись довольно крупные санитарные недочеты кавказских войск.

Прежде всего он чуть ли не первый обратил внимание на полную непригодность обмундирования солдат Отдельного кавказского корпуса к местному климату. Русский солдат пришел в Закавказье в том же, что он носил во внутренних областях России. Предметы обмундирования его в 1804 году были следующие: 1) гренадерская или мушкетерская шапка с прибором, 2) суконная (белая) шинель, 3) мундир с 23 пуговицами, 4) сюртук нестрелецкой, 5) зимние и летние панталоны, 6) сумка патронная, 7) телячий ранец с пряжками, 8) сухарный мешок с ремнями и 9) водоносная фляга (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80). Впоследствии шапки были заменены лакированными киверами (Karataev et al., 2017: 848). Такая одежда солдата еще годилась в зимнее время, но для теплого периода она была тяжела и совершенно не соответствовала климатическим условиям края. По этому поводу Ермолов писал барону Дибичу: «Кивера в здешнем климате совершенно неспособны, и можно с меньшею издержкою заменить оные гораздо удобнейшим головным убором, не подвергая солдата зною, который, раскаляя на голове лакированный кивер, обращает его в род некоторой пешки. Также можно в Кавказском корпусе кожаные краги вовсе отменить и отпускать панталоны без оных. На китель, по образцу мундира, и на панталоны отпускать равендук, и легкую одежду сию войска Кавказского Корпуса удобно могут носить 5 месяцев в году» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80). В этих строках определенно выражена мысль Ермолова о том, как следует одеть кавказского солдата. Мысль эта впоследствии осуществлялась понемногу, хотя и спустя сто лет нельзя сказать, чтобы войска на Кавказе были одеты вполне применительно к здешнему климату. Реформа обмундирования совершенно не коснулась обуви. В то же время на Кавказе в среде солдат, и особенно офицеров, считалось особым шиком в течение некоторого времени носить одежду убитого врага. Чаще всего это были черкески, чукьяки, папахи, бурки и т.д. (Стреллок, 1870).

Тяжелый войсковой обоз во время походов был значительной обузой и составлял большие проблемы для эшелонов, двигавшихся чаще всего совсем без дорог и переваливавших через горные перевалы иногда по глубокому снегу, людям на себе приходилось перетаскивать орудия по кручам и через пропасти. Исключения в этом отношении не составляли громоздкие по конструкции и неуклюжие санитарные повозки-каretы для перевозки больных и раненых и аптечные ящики с медикаментами и перевязочными средствами. Кареты для больных могли ездить только по дорогам с широкой колеёй и сравнительно малым уклоном, для горных же аробных дорог они были и тяжелы, и неудобны по малой устойчивости. Об утилизации их чаще всего не приходилось даже и думать, транспортировка же больных и раненых в лечебные заведения производилась разными импровизированными способами в зависимости от находчивости заведовавшего этим делом и умения пользоваться местными наличными перевозными средствами. Больных возили на арбах, вьючных лошадях или быках; раненые ехали верхом и шли пешком. Аптечный ящик полагался один на полк, а так как из состава полка часто выделялись отдельные батальоны, то в таком случае они оставались без нужного военно-врачебного запаса. Все это было весьма неудобно и нередко приводило к отрицательным последствиям. Для решения этих проблем генерал Ермолов инициировал ходатайство об облегчении войскового обоза: он предложил построить повозки для больных наподобие больших бричек по германскому образцу, аптечные же ящики сделать двухколесными с запряжкой в две лошади и каждый батальон снабдить таким ящиком. Медицинский Департамент военного министерства довольно тяжело поддавался воздействию разных новых веяний и не спешил с реформами в военно-санитарном деле.хлопоты Ермолова не увенчались успехом, и, к сожалению, все осталось по-старому (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 80об.-81).

Осматривая в 1818 году войска на Кавказской линии, Ермолов обратил особенное внимание на карантинные учреждения. Впечатление, вынесенное из осмотра их, было таково, что в письме министру полиции генералу-от-инфантерии Вязмитинову Ермолов откровенно высказал свое удивление, что «язва (чума) не избрала Кавказскую губернию вечным местом своего пребывания». С трудом верится теперь, до чего просто и незатейливо устраивались тогда эти оплоты от грозной чумы. В Усть-Лабинском карантине сомнительное отделение от чистого отделялось двумя перекидными, продетыми между двумя столбами. Константиногорский карантин (близ минеральных вод) помещался большею частью в плетневых постройках, а Наурский – состоял из одной землянки для окуливания и нескольких плетневых шалашей. И в других пунктах было все в том же роде.

Петровский мушкетерский полк. В 1809 году назначен дивизионным доктором 21-ой дивизии, а в 1816 году перемещен в 14-ую дивизию. В 1820 году получил должность штаб-доктора Отдельного кавказского корпуса и через 4 года произведен в статские советники.

Убежденным сторонником карантинной политики Ермолов никогда не был и неоднократно высказывал свое категорическое убеждение, что нет возможности оградить Кавказ от заноса чумы. «При всем неусыпном внимании попечительного правительства, смею утвердительно сказать, что нет возможности край сей оградить от бедствий заразы. Конечно, страшиться оной нельзя от караванов, проходящих большими дорогами, ибо доселе в малом числе удобные пути могут быть тщательно сохраняемы, но нет войск, могущих пресечь несчетное число малых и скрытых дорог, которыми соседственные народы производят воровство и имеют сообщение с жителями наших областей, не менее хищными, одного с ними вероисповедания и сверх того связанными узами родства. Такого положение границы нашей на всем пространстве прикосновения оной к землям обеих держав мусульманских» (ЦИАГА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 81об.). Такой скептицизм, однако, не проявлялся по отношению к рубежу внутренних губерний России и Кавказа. С 1818 года Россия отделилась от Турции и Персии тройной карантинной линией. Первая линия находилась в Грузии, вторая – на Кавказской линии и третья – на границе Кавказской губернии с землями донскими и астраханскими.

Кавказская линия была разделена на два карантинных отделения: 1) Екатеринодарское, простиравшееся от устьев Кубани до Усть-Лабинской крепости и состоявшее из Екатеринодарской карантинной конторы, Екатеринодарского карантина и двух карантинных застав: Бугазской и Усть-Лабинской. 2) Кизлярское, охватывавшее район от крепости Усть-Лабинской до устьев Терека и оттуда по берегу Каспийского моря до устья реки Кумы; его составляли Кизлярская карантинная контора, Кизлярский (бывший Лашуринский) карантин и две карантинные заставы: Моздокская и Сладко-Еричная (на берегу Каспийского моря) (ЦИАГА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 82).

По Высочайше утвержденному 21 августа 1818 года карантинному уставу карантинные учреждения получали более благопристойный внешний вид и более рациональное внутреннее устройство, но применение этого устава на Кавказской линии встретило весьма существенные затруднения. Прежде всего не было архитекторов, губернский же (Кавказской губернии) архитектор Мясников был не только неисполнительным человеком, но и неопытным в составлении смет, да к тому же он тогда был откомандирован на минеральные воды для наблюдения за постройками. Для возведения карантинных зданий не имелось хороших мастеров и нельзя было найти даже вольных рабочих. Ни белья, ни обуви, ни одежды в карантинах до того времени не полагалось, а все это требовалось заводить вновь. Понятно, что при таких условиях сразу наладиться дело не могло и налаживалось оно довольно долго из-за несочувствия со стороны главного начальника края.

Ясно, что Ермолов не по отрицательному отношению к карантинным мерам, а в интересах вверенного ему края должен был идти на компромиссы, облегчая тяжесть тройной карантинной политики игнорированием последней (третьей) из установленных карантинных линий, которая в таких случаях трактовалась как несуществующая, а при благополучном состоянии Кавказской линии и Грузии, ограничиваясь лишь карантинами одной первой линии. Но когда было нужно, он умел настаивать на строгом выполнении всех правил. При самом вступлении в управление Кавказом в 1816 году он получил сведения о том, что в Эрзеруме и других ближайших провинциях Турции, соседних с русскими владениями, свирепствует сильная моровая язва (чума). Тогда он тотчас же обратился к Карсскому и Ахалцихскому пашам с просьбой предупредить жителей подвластных им провинций, чтобы они проходили в русские владения только по большим дорогам, где поставлены карантинные пункты, и что все, прокрадывающиеся в объезд карантинных пунктов, будут под караулом выставляемы за границу, а в случае сопротивления с ними будут поступать как с противником. Ахалцихский паша высказал Ермолову свои соображения на созданные им затруднения в международной торговле и просил от имени всего ахалцихского общества об отмене карантинных пунктов. Ермолов ответил, что «турецкое правительство, не имеющее ни порядка, ни тех спасительных учреждений, какие существуют в европейских державах для предохранения от заразы и, допуская чрез то в своих владениях весьма часто появляться язве, обыкновенно в таких случаях продолжающейся долгое время, само подало повод к учреждению со стороны турецких владений строгих карантинных пунктов». Вполне согласившись с соображениями о крайней стеснительности карантинных пунктов, он тем не менее категорически отказался снять их и, снисходя к просьбе ахалцихского общества, уменьшил лишь карантинный срок с 22 на 10 дней (ЦИАГА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 83-83об.).

На Кавказской линии карантинный устав не соблюдался во всей строгости отчасти из «уважения» к местным владельцам из князей, которых не задерживали в карантинах, а отчасти вследствие казачьего своеволия. Казаки переходили через Кубань и Терек для набегов на черкесские или чеченские аулы и, возвращаясь домой, никакому карантинному контролю не подвергались. А между тем из таких походов они привозили награбленное в аулах имущество, пригоняли захваченный скот, а иногда приводили пленников. Об очистке добычи в карантинах не было и речи, и казаки, поделив ее, расходились по домам. Впрочем, пленников иногда отправляли в карантин, но и то на очень короткое время.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что к моменту объявления главнокомандующим русских войск на Кавказе генерала Ермолова русская санитарная служба в регионе накопила богатый опыт. Этот опыт был накоплен в условиях эпидемий чумы и ряда других заболеваний и позволил принимать

более действенные и своевременные меры для минимизации потерь. Активно противоэпидемиологические мероприятия проводились и благодаря позиции самого генерала Ермолова. Однако необходимо понимать, что во многом забота генерала Ермолова о личном составе русских войск происходила благодаря тому, что становление русского военного присутствия в регионе уже было завершено и войска получили большую свободу для выбора мест расквартирования.

Литература

- АКАК, 6 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 6. Тифлис, 1874.
- Зайцев, 2010 – Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 23–35.
- Котенев и др., 2016 – Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.
- Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказскогорской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Стреллок, 1870 – Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца // *Военный сборник*. 1870. №11.
- Хайдаров, 2017 – Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV – начале XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*. 2017. № 10. С. 304–309.
- ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Шарден, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902.
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382–391.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study // *Bylye Gody*. 2017. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study // *Русин*. 2017. № 4.
- Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.
- Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44, Is. 2, pp. 428–437.
- Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.
- Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.
- Karataev et al., 2017 – Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N. The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is. 3, pp. 847–852.

References

- АКАК, 6 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 6. Tiflis, 1874. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382–391.
- Cherkasov et al., 2017 – Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826–1828: The historical-statistical study. *Bylye Gody*. № 4.
- Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Valleau A. (2017). The losses of the Russian army in transcaucasia during the Russo-Turkish war (1828–1829): The historical-statistical study. *Rusin*. № 4. pp. 38–60.
- Ermachkov et al., 2018 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.
- Ermachkov et al., 2018a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.
- Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.
- Karataev et al., 2017 – Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N. (2017). The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45, Is. 3, pp. 847–852.

Khaidarov, 2017 – *Khaidarov T.F.* (2017). Epidemii chumy v Kaspiiskom regione vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv. [Plague epidemics in the Caspian region in the second half of XIV – early XV centuries]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. № 10. pp. 304–309. [in Russian]

Kotenev i dr., 2016 – *Kotenev E.S., Dubyanskii V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L.* (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremenniy epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Meditinskii vestnik Severnogo Kavkaza*. T. 11. № 4. pp. 612–616. [in Russian]

Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – *Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voyn Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg.* [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years]. *Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901.* 222 p. [in Russian]

Sharden, 1902 – *Puteshestvie Shardena po Zakavkaz'yu v 1672–1673 gg.* [Chardin's trip to Transcaucasia in 1672–1673.]. *Tiflis, 1902.* [in Russian]

Strellok, 1870 – *Strellok N.N.* (1870). Iz dnevnika starogo Kavkaztsa [From the diary of an old highlander]. *Voennyi sbornik*. № 11. [in Russian]

TsGIAG – *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central state historical archive of Georgia].

Zaitsev, 2010 – *Zaitsev A.M.* (2010). A.P. Ermolov: voennyi i politik [A.P. Ermolov: military and politician]. *History and Historians in the Context of the Time*. № 7. pp. 23–35. [in Russian]

Генерал Ермолов и его роль в эволюции санитарной службы на Кавказе

Иван Анатольевич Ермаков ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Наталья Викторовна Свечникова ^d, Ясмин Гут ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается роль генерала Ермолова в организации санитарной службы на Кавказе. Уделено внимание характерным особенностям эпидемиологической обстановки в Имеретии и на других прибрежных территориях северо-западного Кавказа.

В качестве материалов привлечены архивные источники Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), а также научная и справочная литература. Важное значение в работе имеют «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

В ходе исследования были применены общенаучные традиционные методы: системного анализа, конкретизации и обобщения. Важное значение в исследовании имеет конкретизация частных аспектов, именно детализация исторических событий позволяют смоделировать целостную картину происходящих событий. Так, например, это относится к сложному процессу установления русского военного присутствия на Кавказе, что в свою очередь позволило выбирать места расквартирования войск с учетом климатической обстановки.

В заключении авторы отмечают, что к моменту объявления главнокомандующим русских войск на Кавказе генерала Ермолова, русская санитарная служба в регионе накопила богатый опыт. Этот опыт был накоплен в условиях эпидемий чумы и ряда других заболеваний и позволил принимать более действенные и своевременные меры для минимизации потерь. Активно противоэпидемиологические мероприятия проводились и благодаря позиции самого генерала Ермолова. Однако необходимо понимать, что во многом забота генерала Ермолова о личном составе русских войск происходила благодаря тому, что становление русского военного присутствия в регионе уже было завершено и войска получили большую свободу для выбора мест расквартирования.

Ключевые слова: санитарная служба, Кавказ, Грузия, Имеретия, генерал Ермолов, эпидемии.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: eia07sochi@yandex.ru (И.А. Ермаков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1046-1060. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1046
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Petersburg Historical School» XVIII – early XX century: Historiographical Context and Research Methods

Andrei Yu. Dvornichenko ^{a, *}, Evgenii A. Rostovtsev ^a, Dmitrii A. Barinov ^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The phenomenon of so-called St. Petersburg historical school has long attracted the attention of researchers. The main sources of the formation of this scholastic discourse date back to the first decades of the XXth century (texts of P.N. Milyukov, A.E. Presnyakov, S.F. Platonov). It was on them that the subsequent historiographic tradition of the Soviet and post-Soviet period was based. Meanwhile, the researchers interpreted the concept of the «St. Petersburg Historical School» differently, singling out various factors of its formation. In this context, the work of S.N. Valk, A.N. Tsamutali, V.M. Paneyakh, B.V. Anan'ich, S.O. Schmidt, V.S. Brachev, a number of other researchers can be analyzed. It is noted in the article that in the last decade historians have distanced themselves from the dogmatic, categorical descriptions of the phenomenon of the «St. Petersburg school», paying more attention to the problems of the anthropology of science, the study of communications in the scientific community of the second half of the XIXth and early XXth centuries.

In this article, the authors represent some results of a research project designed to take a new step in studying the problem of the St. Petersburg historical school. Basing on the extensive biographical database, the researchers attempted to consider the collective portrait of the school through the prism of prosopographical analysis. Its results not only made it possible to demonstrate clearly the distribution of the hull of St. Petersburg historians of the nineteenth and early twentieth centuries between various scientific departments and institutions, but also enabled the authors to put forward a number of well-reasoned hypotheses that overcome the usual historiographic clichés associated with the description of the St. Petersburg historical school of the pre-revolutionary period.

Keywords: the history of higher education, the history of science, the St. Petersburg University, historical science, the St. Petersburg Historical School

1. Введение

Актуальность. Тема истории научных школ занимает важное место в современном науковедении и истории науки. Обращение к этой проблематике связано со стремлением понять и объяснить механизмы функционирования научного сообщества в разные эпохи, в различных социально-политических и культурных условиях. Основная цель данной статьи – проанализировать феномен «петербургской исторической школы» дореволюционного периода. Важно, что столичные историки эпохи императорского С.-Петербурга не только вырабатывали правила научной работы («исторического метода»), но и играли важную роль в конструировании исторического прошлого и исторической памяти российского общества с позиций новой «европейской культуры», а также внесли весомый вклад в мировую историографию в целом ряде областей. Среди них, помимо истории России, следует указать византинистику, антиковедение, синологию и даже историю Европы

* Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko),
e.rostovtsev@spbu.ru (E.A. Rostovtsev), d.barinov@spbu.ru (D.A. Barinov)

Средневековья и Нового времени. В этой связи вполне объяснимо, почему тема петербургской исторической школы этого периода рассматривается в разных контекстах более ста лет. В числе задач настоящей статьи – критическое осмысление предшествующей научной традиции и разработка новых подходов к анализу проблемы.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи включает в себя как совокупность *историографических источников*, связанных с темой исследования, так и биографическую базу данных, подготовленную в рамках проекта «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс» (петербургская историческая школа, 2018). Анализ историографических нарративов включает в себя историографическую рефлексию (с элементами контент-анализа). Работа с биографической базой данных связана с инструментарием просопографии.

3. Обсуждение (историография проблемы)

Анализ историографического контекста, связанного с проблематикой «петербургской исторической школы», присутствует в целом ряде текстов последних десятилетий, в том числе в работах А.Н. Цамутали (Цамутали, 1986), С.Н. Погодина (Погодин, 1998), Г.П. Мягкова (Мягков, 2000: 7–108), С.И. Михальченко (Михальченко, 1996: 3–16), А.Н. Шаханова (Шаханов, 2003: 392–414), В.П. Корзун (Корзун, 2012; Корзун, Мягков, 2013), А.В. Свешникова (Свешников, 2016: 13–42), В.В. Тихонова (Тихонов, 2010) и других авторов. Подробный анализ литературы 1990-х – начала 2000-х гг. по этой проблематике уже проводился одним из авторов настоящей статьи. Он, в частности, пришел к выводу о внутренней противоречивости концепта «петербургской исторической школы» и в то же время попытался показать возможность его инструментального использования для объяснения процессов, протекавших в отечественной исторической науке в последней трети XIX – начале XX в. Хотя в последнее десятилетие поток научных нарративов, использующих конструкт петербургской школы, стал особенно массовым, четкого осмысления этого понятия в литературе, с нашей точки зрения, не произошло, что дает нам дополнительные основания для обращения к этой теме.

4. Результаты

В наших предшествующих исследованиях, в частности, было показано, что дискуссии вокруг понятия «петербургская историческая школа» в историографии позднего советского и постсоветского времени восходят к нескольким историографическим источникам конца XIX – начала XX вв., принадлежащим перу известных историков, относящихся как к «петербургской», так и к «московской» исторической школе, – прежде всего, П.Н. Милюкову (Милюков, 1892; Трибунский, 2001; Милюков, 1990, Милюков, 2002), А.Е. Преснякову (Пресняков, 1920; Пресняков, 1922; Присяжников, 1922а), С.Ф. Платонову (Платонов, 1918), С.Н. Валку (Валк, 1948). При всей разности позиций этих авторов суть научного дискурса, сформированного в этих текстах, сводится к следующему:

Петербургская историческая школа – школа «восстановления прав источника и факта» «вне зависимости от историографической традиции», придающая первостепенное значение методологическим процедурам, связанным с историческим источниковедением, в противоположность московской исторической школе, уделявшей большее внимание задачам исторического синтеза, построению общей схемы исторического развития России и мира. В связи с этим московская школа была более подвержена влиянию философских и социологических доктрин (гегельянство, позитивизм, марксизм) и идеологии (либерализм и коммунизм), а петербургская – носила более эмпирический характер и была более консервативна в политическом смысле.

Разумеется, этот дискурс являлся некоторым искажением и упрощением историографической ситуации рубежа XIX–XX вв., особенно в части интерпретации политических воззрений представителей московской и петербургской исторических школ. Стоит напомнить, в частности, о том, что К.Н. Бестужев-Рюмин, считающийся основателем направления петербургской школы в области русской истории, – выходец из Московского университета (Малинов, 2005: 8–37). Не менее ярким примером фигуры, объединившей две школы, был Г.В. Вернадский, окончивший Московский университет, подготовивший под руководством С.Ф. Платонова магистерскую диссертацию в Петрограде и основавший ведущую школу русистики в США (Дворниченко, 2017). Тем не менее, этот концепт имел долгую жизнь в российской историографии, поскольку позволял с разных позиций объяснять ход историографического процесса. Так, в годы сталинского режима С.Н. Валк, по существу, выступал с текстами, реабилитирующими «безыдейную», но «профессиональную» петербургскую историческую школу (прежде всего направление его учителя А.С. Лаппо-Данилевского), противопоставляя ей московскую традицию, в которой буржуазно-идеалистические установки предопределили историческое построение (Валк, 1931). Разумеется, эти «выходки» ученого не оставались без ответа со стороны официальной историографии (вспомним, например, известные тексты М.М. Цвибака или Л.В. Черепнина) (Цвибак, 1931; Черепнин, 1949; Черепнин, 1950).

Активно в разных контекстах этот дискурс использовался в постсоветскую эпоху. Так, С.О. Шмидт и С.В. Чирков связывали научный пафос и строгость петербургской историографической

традиции с культурной антитезой «Москва – Петербург», где последний выступал как носитель «европейского начала», ученой рациональности и в этом смысле «аполитичности» (Чирков, 1990; Шмидт, 1999). В.М. Панеях и Б.В. Ананьич проводили концепцию петербургской исторической школы, противостоявшей социологической по своему характеру московской школе, которая, в свою очередь, породила школу М.Н. Покровского, сыгравшую зловещую роль в разгроме дореволюционной историографии. Впрочем, научные традиции школы поддерживались ее новыми поколениями и в трудные годы советского тоталитарного режима (М.Д. Приселков, Б.А. Романов, С.Н. Валк и их ученики) (Ananich, Paneyah, 1999; Ананьич, Панеях, 2000). В такой постановке вопроса, возможно, определенную роль сыграло позиционирование «школы Романова» в качестве носителя «научных традиций» петербургской школы (Вовина-Лебедева, Лебедев, 2017: 76; Piankevich et al., 2016). Иначе смотрел на петербургскую историческую школу В.С. Брачев, противопоставляя ее «патриотическое» начало либеральным концепциям московской исторической школы. Разумеется, как правило, авторы построений о «петербургской школе» не отрицали факта сближения между школами (показательны в этом отношении работы А.Н. Цамутали (Цамутали, 1993а; Цамутали 1993b, Цамутали, 1995; Цамутали, 1996) или М.Б. Свердлов (Свердлов, 1995), однако в целом их зависимость от господствующего концепта была очевидной. Не случайно в историографии звучали голоса, призывавшие полностью отказаться от этого понятия как надуманного (в частности, укажем работы Т. Эммонс (Эммонс, 1990) и С.Н. Кистерева (Кистерев, 2003)).

В книге «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» (2004) один из авторов настоящей статьи предпринял попытку дать новое понимание феномена школы, подчеркнув, что в книге «дискурс “петербургской школы” используется не только для обозначения той ученой корпорации, в которую входил А.С. Лаппо-Данилевский, но и как основной инструмент для объяснения “научно-исследовательской программы” ученого, значения его творчества для исторической науки» (Ростовцев, 2004: 47).

Дискуссии второй половины 2000-х – начала 2010-х гг. развивали те точки зрения, которые были высказаны в литературе ранее, однако, как правило, с меньшей категоричностью. Разумеется, оставались некоторые историки старшего поколения, отстаивающие некие законченные конструкции школы. Так, В.М. Панеях и Б.В. Ананьич развивали схолярную проблематику со своей точки зрения. В их рассуждениях был синтезирован «методологический» и «либеральный» дискурс (Ананьич, Панеях, 2006). В.С. Брачев, в свою очередь, продолжал конструирование школы с патриотических позиций, объединив в своем дискурсе две национальных школы русской истории разного времени – школу С.Ф. Платонова и И.Я. Фроянова (Брачев, 2010).

Между тем нельзя не отметить, что под влиянием новой ситуации «постклассической историографии» понятие «школы» все больше стало восприниматься не в смысле конкретной академической/корпоративной группы, «существовавшей на самом деле», а как историографический дискурс, результат корпоративной саморефлексии, что привело к снижению накала дискуссий по схолярной проблематике рубежа XIX–XX вв., хотя и не повлияло на интенсивность обсуждения проблемы школы в научной литературе. Действительно, в последние 15 лет, обращаясь к теме «петербургской исторической школы», большинство исследователей занимали «отстраненную» позицию, работая скорее в режиме аналитического описания, дистанцируясь от категоричных оценок. Это касается как текстов, посвященных ведущим представителям петербургской школы, так и более общих историографических построений. В этом контексте ценными можно считать работы С.О. Шмидта (Шмидт, 2010), А.Н. Цамутали (Цамутали, 2013), С.Н. Погодина (Погодин, 2017), Б.С. Кагановича (Каганович, 2007), Д.А. Цыганкова (Цыганков, 2005), Н.И. Приймак (Приймак, 2015), Н.Н. Алеврас (Алеврас, 2006), Э.Д. Фролова (Фролов, 2015), П.А. Трибунского (Трибунский, 2011), А.В. Антощенко (Антощенко, 2010), А.И. Алексеева (Алексеев, 2007), В.В. Митрофанова (Митрофанов, 2011), О.Б. Леонтьевой (Леонтьева, 2015), М.А. Мамонтовой (Мамонтова, 2011), Ю.С. Афанасьевой (Афанасьева, 2015), К.В. Бамбизовой (Бамбизова, 2007), Н.В. Гришиной (Гришина, Белик, 2017), Е.Ф. Зданович (Зданович, 2016), А.Ю. Дворниченко, Н.В. Штыкова (Дворниченко, Штыков, 2017), А.М. Скворцова (Скворцов, 2010), Г. Хамбурга (Hamburg, 2011) и многих других авторов. В определенной степени к ним примыкают и работы авторов настоящей статьи (Брачев, Дворниченко, 2004; Дворниченко, 2013а; Дворниченко, 2013б; Ростовцев, 2006; Даудов и др., 2014). Можно выделить несколько ключевых проблем, поднимаемых в этих текстах: антропология научной школы; преемственность «школьных традиций», выработанных в дореволюционный период, в советской науке; эволюция тематики научных исследований; влияние социально-политического контекста; востребованность текстов историков последующей историографией (в том числе попытки использовать инструменты современной наукометрии в оценке влияния тех или иных ученых для историографической традиции) (Ростовцев, Потехина, 2013).

Такое смещение поля историографических дискуссий связано, с нашей точки зрения, с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с тем, что в значительной степени ушли в прошлое те политические и академические актуальные контексты, которые вызвали дискуссии 1990-х – начала 2000-х гг. Во-вторых, вопросы, связанные с миром науки и с практиками организации научной жизни цеха историков, вышли на первый план, став, по крайней мере, не менее важной темой, чем философская или концептуальная историографическая позиция изучаемых персонажей. Наконец, в-

третьих, стало совершенно очевидно, что феномен петербургской школы не укладывается в рамки каких-либо простых и «схематичных» объяснений, а требует раскрытия на конкретном биографическом материале. Важно учитывать и общие тенденции современной историографии, ориентированные на методы просопографического анализа в реконструкции истории высшей школы и научного сообщества (Алеврас, Гришина, 2011; Kostina, Koupryanov, 2016; Maurer, 2016; Куприянов, 2017; Грибовский, 2018).

Понимание этих обстоятельств способствовало началу работы ряда историков СПбГУ над проектом «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс» (рук. А.Ю. Дворниченко). В его задачу входило ответить на те вопросы, которые по существу еще не ставились в историографии: как институционально была устроена «петербургская историческая школа», каков был удельный вес в ней представителей различных ученых корпораций, как менялся социальный/коллективный портрет ученого сословия (происхождение, образование, научный ценз и т. п.), как строилась карьера ученого-историка в разное время, как менялась тематика исследований и многие другие вопросы. Для поиска ответов на них в рамках проекта формируется обширная база данных, посвященная историкам, работавшим в Петербурге в XVIII – начале XX в., организованная на портале СПбГУ (петербургская историческая школа, 2012). По структуре эта база данных аналогична (и продолжает) серию исследований по истории науки в Петербургском/Петроградском/Ленинградском университете, работа над которыми началась в 2012 г. (Даудов, Дворниченко, 2013; Сидорчук, 2016; Ростовцев, 2016; Потехина, 2016; Сосницкий, 2017).

Хотя проект носит пилотный характер и в настоящее время еще не завершен, предварительные результаты уже ясно показывают некоторые тенденции в развитии «школы». На основании формальных критериев (работа в научных/высших учебных заведениях Петербурга и наличие в этот период печатных работ, относящихся к области исторической науки) в базу данных было включено 822 персонажа. С точки зрения мест службы в целом по периоду ожидаемо лидирует Петербургский университет (49 %), за ним следуют Публичная библиотека (11 %), Бестужевские курсы и Академия наук (по 10 %), Императорский Эрмитаж и Археографическая комиссия (по 7 %) и остальные учреждения.

В настоящее время наибольшую репрезентативность имеют данные по столичному университету, где составление базы данных по персоналиям практически завершено. Помимо историко-филологического факультета, исторические исследования активно велись еще на юридическом факультете и факультете восточных языков, несколько преподавателей относились даже к негуманитарному физико-математическому факультету (Dvornichenko et al., 2019). С момента возобновления университета в 1819 г. и до 1917 г. в нем трудилось более 400 человек, которых в той или иной степени мы вправе отнести к корпорации ученых-историков. Данная группа, таким образом, составляет примерно 47 % от преподавательской корпорации университета. Этот результат неожиданен и сам по себе красноречиво показывает высочайший уровень исторической ориентированности всего социального и гуманитарного знания XIX – начала XX в.

Материалы подготовленной базы данных позволяют проследить характер научных интересов ученых-историков и их эволюцию. Так, диаграммы 1 и 2 наглядно показывают как общий рост числа историков в Петербургском университете, так и изменение их специализации.

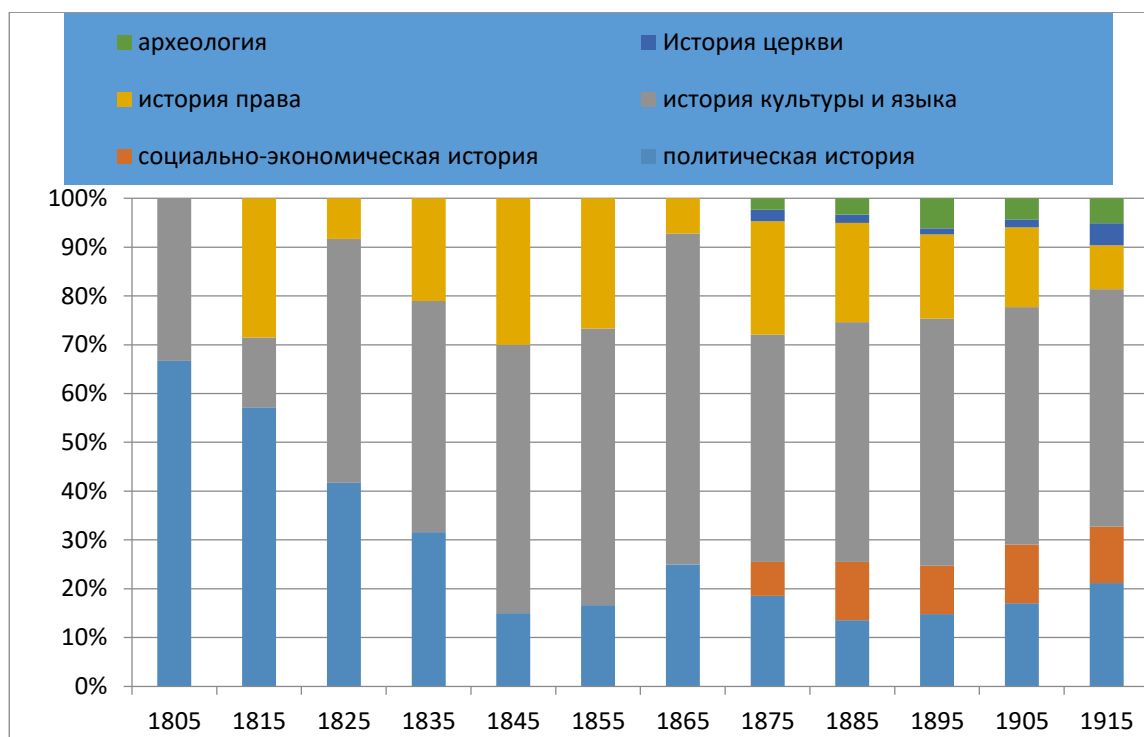
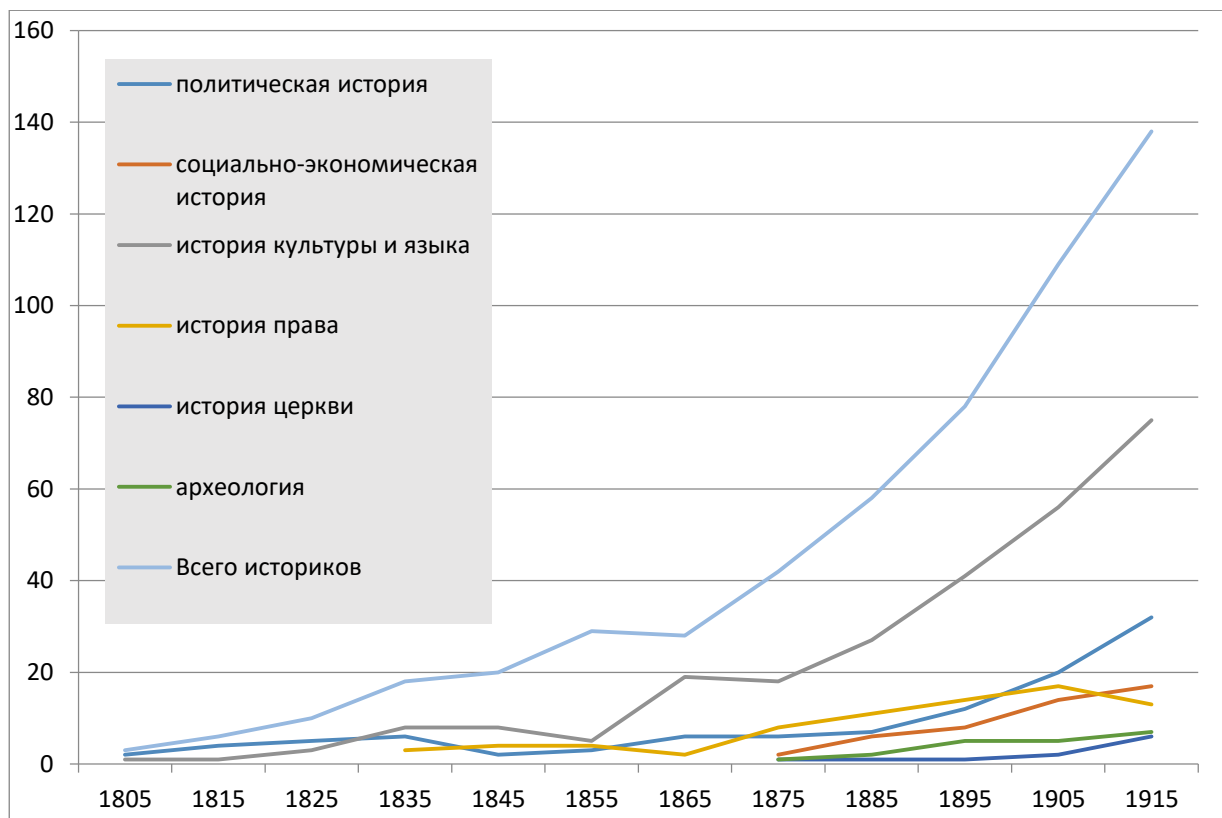

Рис. 1 и рис. 2. Тематическая специализация историков Петербургского университета в 1805–1917 гг.

Наиболее важным выводом, опровергающим традиционные историографические установки, является тот факт, что, начиная со второй четверти XIX в. и до 1917 г., не менее половины ученых занимались проблемами исторического языкознания, истории культуры и литературы. С одной стороны, это обстоятельство наглядно подтверждает связь истории и филологии (и тезис о расцвете историко-филологической школы), с другой – показывает периферийный характер исследований в области политической истории. Действительно, политическая история в чистом виде постепенно сдавала позиции, зато горизонты историков, начиная с 70-х гг. XIX в., расширялись за счет

социальной и экономической проблематики. Интересно, что историки права с этого десятилетия также постепенно уступали свои позиции, сначала в процентном отношении, а затем и в численности.

Важной характеристикой научных изысканий университетских историков являлось распределение тематики их работ относительно исторических периодов и регионов. Исходя из установок историографической традиции, а также специфики изучения того или иного периода, все темы были разбиты нами на следующие блоки: отечественная история (до и после XVIII в.), история античности, всеобщая история (история западных стран от средних веков до XX в.), а также история Востока, специалисты по которой являлись группой, обособленной и тематически, и институционально, и поэтому были выделены нами в отдельную категорию. Статистически полученные данные нашли отражение на рисунке 3.

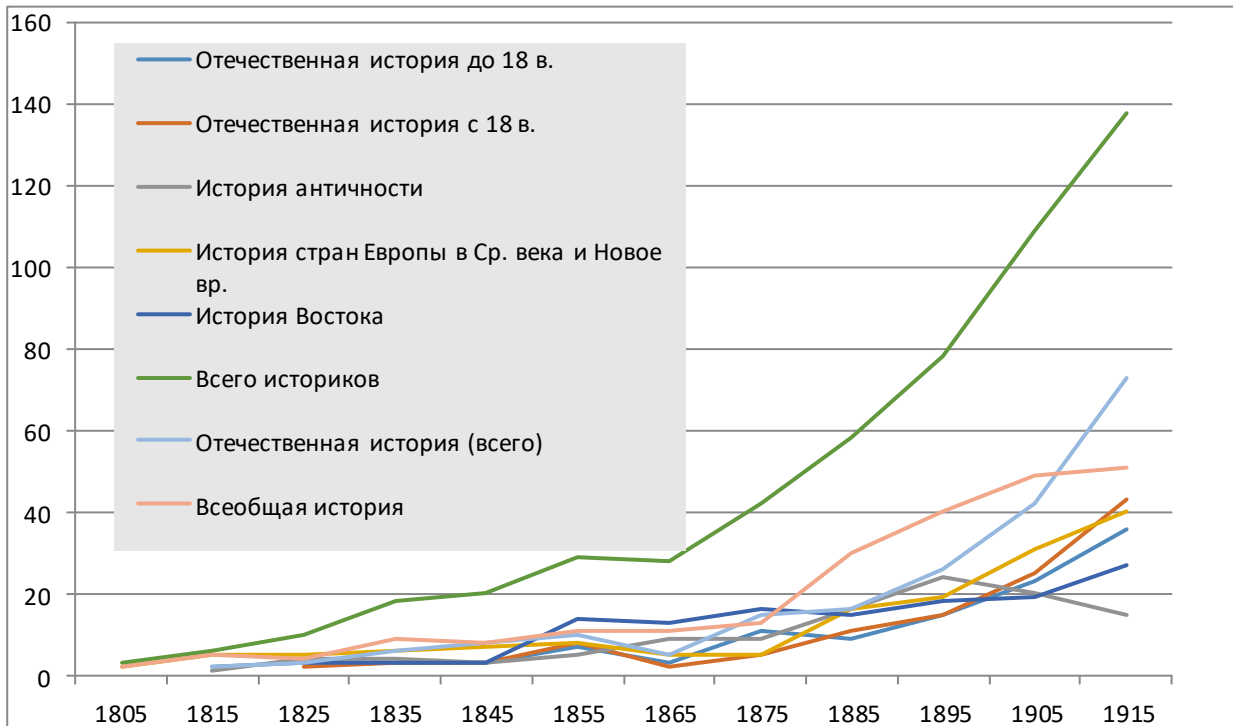

Рис. 3. Специализация историков Петербургского университета в 1805–1917 гг. по историческим периодам

Как показывают наши данные, историки-специалисты по истории России всех периодов имели серьезное численное превосходство над остальными темами и периодами. Между тем по подсчетам, имеющимся в литературе, «в Московском университете по всеобщей истории было защищено 30 работ, по русской – 37, в Петербургском – по всеобщей истории – 50, по русской – 40», из чего делается вывод о «повышенном интересе петербуржцев к проблемам всеобщей истории» (Алеврас и др., 2016: 38). Однако такие выводы кажутся весьма спорными не только по той причине, что, например, российские антиковеды (диссертации которых также шли по разряду «всеобщая история») защищались преимущественно в Северной столице, но и потому, что не учитывают исторических диссертаций историко-филологического, историко-правового и историко-культурного характера. Между тем наши данные показывают, что, по крайней мере, со второй четверти XIX в. наблюдается количественный паритет между историками-древниками (специалистами по допетровской Руси) и историкам России Нового времени. Более того, последние в начале XX века получили некоторое преимущество, это обстоятельство, кстати, наглядно опровергает традиционные предположения, существующие в литературе, о том, что работа, защищенная в Петербургском университете в 1910 г. и посвященная первой половине XVIII в., носила по определению «инновационный характер» (Алеврас, 2016: 147). Как показывают результаты нашего исследования, проведенного в отношении сравнительно узкой группы преподавателей по кафедре русской истории, из 28 преподавателей, работавших по этой кафедре в период с 1897 по 1917 гг., сюжетами Новой истории России (XVIII–XIX вв.) занимались в годы работы на кафедре 15 человек, т.е. примерно половина (из них шестеро – сюжетами XIX столетия) (См. подробнее: Dvornichenko et al., 2016). В то же время, если рассматривать весь срез исторических исследований, проводившихся в университете в начале XX в., становится очевидным, что поле, связанное с актуальной национальной политической историей «новой России» (XVIII–XX вв.), было действительно очень невелико (10–15 % исследований). Эти обстоятельства наглядно показывают, с одной стороны, высокую культурную актуальность ученых занятий

университетской корпорации в области истории, с другой – их значительную оторванность/независимость от директивных форм социального заказа и высокий уровень академической автономии исторических изысканий. Иными словами, университетские историки в большей степени вносили вклад в формирование пространства и горизонтов исторической культуры России, чем в конструирование собственно национальной истории нового времени («на злобу дня»). Таким образом, даже самый общий и предварительный обзор первых результатов просопографических изысканий, проводимых в рамках проекта, показывает перспективность таких исследований с точки зрения преодоления устоявшихся историографических представлений и постановки ключевых вопросов, связанных с направленностью и социальной ролью научных исторических штудий.

4. Заключение

Дискуссии по проблематике «петербургской исторической школы» ведутся в научной литературе много десятилетий. В их основе обсуждение концепта петербургской исторической школы, сформулированного на рубеже XIX–XX вв. Историографические штудии 2000–2010-х гг. демонстрируют поворот к изучению феномена школы в контексте антропологии науки и социальной истории. Дальнейшим логичным шагом в этом направлении является попытка создания коллективного социального и академического портрета школы. Первые результаты исследовательского проекта, связанного с созданием и анализом базы данных об историках петербургской школы, наглядно показывают перспективность избранного подхода, позволяющего преодолеть ряд привычных историографических представлений.

5. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», проект №16-06-00528.

Литература

- Алеврас, 2016** – Алеврас Н.Н. Василий Иванович Веретенников: историк петербургской школы как актер науки и диссертационной культуры // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 2. С. 144–157.
- Алеврас, 2006** – Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сборник статей*. Челябинск, 2006. С. 117–126.
- Алеврас, Гришина, 2011** – Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 36. С. 221–247.
- Алеврас и др., 2016** – Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М. К созданию коллективного портрета историков-соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX вв.: разработка базы данных и предварительный анализ // *Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI вв.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции* / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Силицын. Казань, 2016. С. 32–40.
- Алексеев, 2007** – Алексеев А.И. Санкт-Петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье // *Региональные школы русской историографии* [сборник докладов Международной конференции, организованной Центром русистики Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, 29–30 мая 2006 г.] / Отв. ред. Д. Свак. Budapest, 2007. С. 33–44.
- Ананьич, Панях, 2006** – Ананьич Б.В., Панях В.М. Историческая наука в Академии и академических учреждениях Петербурга // *Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и культурному наследию 2005*. СПб., 2006. С. 15–47.
- Ананьич, Панях, 2000** – Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // *Отечественная история*. 2000. № 5. С. 105–114.
- Антощенко, 2010** – Антощенко А.В. «Вы по-прежнему относитесь ко мне дружественно и благожелательно». Из писем П.Г. Виноградова И.М. Гревсу и А.С. Лаппо-Данилевскому // *Исторический архив*. 2010. № 1. С. 118–136.
- Афанасьева, 2015** – Афанасьева Ю.С. Научная школа Н.И. Кареева по новистике: проблема идентификации // *Ceteris Paribus*. 2015. № 4. С. 63–65.
- Бамбизова, 2007** – Бамбизова К.В. Методологическая лаборатория медиевиста И.М. Гревса (по материалам семинариев, практических занятий и лекций) // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Томск, 2007. С. 146–154.
- Брачев, 2001** – Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. 246 с.
- Брачев, 2010** – Брачев В.С. Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. 762 с.

- [Брачев, Дворниченко, 2004](#) – Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. 383 с.
- [Валк, 1931](#) – Валк С.Н. Выступление [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // *Проблемы марксизма*. 1931. № 3. С. 114–115.
- [Валк, 1948](#) – Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук*. Л., 1948. С. 3–79. (Переиздание: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106).
- [Вовина-Лебедева, Лебедев, 2017](#) – Вовина-Лебедева В.Г., Лебедев С.К. Школа Б.А. Романова // *Труды объединенного Научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию РАН*. Ижевск, 2017. С. 76–89.
- [Грибовский, 2018](#) – Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX вв. // *Диалог со временем*. 2018. Вып. 62 (1). С. 144–163.
- [Гришина, Белик, 2017](#) – Гришина Н.В., Белик К.М. «Я же знаю, что Ваш труд уже готов...» или диссертационные поиски учеников С.Ф. Платонова в переписке с учителем // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 162–169.
- [Даудов, Дворниченко, 2013](#) – Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю. Изучение истории университета на историческом факультете // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 4–5.
- [Даудов и др, 2014](#) – Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А. Борьба за историю // *Родина*. 2014. № 10. С. 138–141.
- [Дворниченко, 2013а](#) – Дворниченко А.Ю. Г.В. Вернадский и петербургская историческая школа // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 88–91.
- [Дворниченко, 2017](#) – Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017. 723 с.
- [Дворниченко, 2013б](#) – Дворниченко А.Ю. С.Н. Валк и Санкт-Петербургский университет // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 126–129.
- [Дворниченко, Штыков, 2017](#) – Дворниченко А.Ю., Штыков Н.В. Выдающийся представитель петербургской исторической школы Юрий Георгиевич Алексеев // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 878–896.
- [Зданович, 2016](#) – Зданович Е.Ф. Е.Е. Замысловский и петербургская историческая школа // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 4. С. 40–45.
- [Каганович, 2007](#) – Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. 241 с.
- [Кистерев, 2003](#) – Кистерев С.Н. Вехи в историографии русского летописеведения // *Очерки феодальной России. Сборник статей*. М., 2003. Вып. 7. С. 5–28.
- [Корзун, 2012](#) – Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. 2012. № 16 (270). Вып. 51. С. 99–109.
- [Корзун, Мягков, 2013](#) – Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013. Vol. 6. P. 158–201.
- [Куприянов, 2017](#) – Куприянов А.В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Топос. Философско-культурологический журнал*. 2017. № 1–2. С. 111–137.
- [Леонтьева, 2015](#) – Леонтьева О.Б. Кризис в российской исторической науке рубежа XIX – XX вв. в понимании современной историографии // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Том 157. Кн. 3. С. 68–75.
- [Малинов, 2005](#) – Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических взглядов. СПб., 2005. 213 с.
- [Мамонтова, 2011](#) – Мамонтова М.А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX – XX веков // *Диалог со временем*. 2011. Вып. 36. С. 267–277.
- [Милюков, 1990](#) – Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. 445 с.
- [Милюков, 2002](#) – Милюков П.Н. Источники русской истории и историография // *Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки* / Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская. М., 2002. С. 332–361.
- [Милюков, 1892](#) – Милюков П.Н. [Рец.:] Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // *Русская мысль*. 1892. № 2. Библиографический отдел. С. 64–66.
- [Митрофанов, 2011](#) – Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск, 2011. Ч. 1. 234 с.; Ч. 2. 341 с.
- [Михальченко, 1996](#) – Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. 228 с.
- [Мягков, 2000](#) – Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. 295 с.

- Петербургская историческая школа...** – Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.): информационный ресурс. СПб., 2016 / *Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (руковод. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: Д.А. Баринев, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов и др. Режим доступа: <http://bioslovhist.spbu.ru/histschool.html> (01.03.2018).*
- Платонов, 1918** – Платонов С.Ф. [Рец.: соч. А.Е. Преснякова Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918] // *Международная политика и мировое хозяйство*. 1918. Кн. 8. С. 100.
- Погодин, 1998** – Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // *Клио*. 1998. № 2 (5). С. 14–26.
- Погодин, 2017** – Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб., 2017. 629 с.
- Потехина, 2016** – Потехина И.П. История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // *Клио*. 2016. № 8 (116). С. 14–21.
- Пресняков, 1922** – Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // *Русский исторический журнал*. 1922. № 8. С. 204–210.
- Пресняков, 1923** – Пресняков А.Е. [Рец.:] Вестник социалистической академии. 1922. № 1–3 // *Анналы*. 1923. С. 279–281.
- Пресняков, 1920** – Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920. 10 с.
- Приймак, 2015** – Приймак Н.И. Вопросы теории источниковедения в работах отечественных исследователей XIX – начала XX в.: Статьи разных лет. СПб., 2015. 87 с.
- Ростовцев, 2004** – Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 347 с.
- Ростовцев, 2005** – Ростовцев Е.А. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // *Фигуры истории или общие места историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории* / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005. С. 303–341.
- Ростовцев, 2006** – Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха* / [Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева]. СПб., 2006. С. 270–318.
- Ростовцев, 2016** – Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // *Новое прошлое*. 2016. № 3. С. 145–157.
- Ростовцев, Потехина, 2013** – Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // *Клио*. 2013. № 12 (84). С. 23–28.
- Свердлов, 1995** – Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995. 33 с.
- Свешников, 2016** – Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016. 415 с.
- Сидорчук, 2016** – Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // *Международные отношения и диалог культур. Сборник научных статей*. № 4 (2015). СПб., 2016. С. 224–235.
- Скворцов, 2010** – Скворцов А.М. Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М.С. Куторги // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб., 2010. Вып. 9. С. 451–468.
- Сосницкий, 2017** – Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // *Клио*. 2017. № 10 (130). С. 207–217.
- Тихонов, 2010** – Тихонов В.В. Дихотомия «Москва – Петербург» и отечественные историки конца XIX – начала XX вв. (к вопросу о московской и петербургской школах) // *Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции*. Липецк, 2010. С. 183–189.
- Трибунский, 2001** – Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // *История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сборник научных трудов кафедры Древней и средневековой истории Отечества*. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.
- Трибунский, 2011** – Трибунский П.А. С.Ф. Платонов – преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета // *Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы* / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 26–42.
- Фролов, 2015** – Фролов Э.Д. Петербургская историческая школа: традиции классицизма и последствия модернизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2015. № 4. С. 136–149.

- [Цамутали, 2013](#) – Цамутали А.Н. А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников // *Клио*. 2013. № 12 (84). С. 37–40.
- [Цамутали, 1986](#) – Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. 336 с.
- [Цамутали, 1995](#) – Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // *Ключевский. Сборник материалов* / Отв. ред. С.О. Шмидт. Пенза, 1995. С. 282–289.
- [Цамутали, 1996](#) – Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // *Историки России. XVIII – начало XX вв.* М., 1996. С. 538–552.
- [Цамутали, 1993a](#) – Цамутали А.Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX – начале XX вв. // *Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26–28 октября 1993 г.* Ижевск, 1993. Ч. I. С. 166–168.
- [Цамутали, 1993b](#) – Цамутали А.Н. Петербургская историческая школа // *Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга*. СПб., 1993. Ч. 1. С. 138–142.
- [Цвибак, 1931](#) – Цвибак М.М. Заключительное слово [на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // *Проблемы марксизма*. 1931. № 3. С. 122–125.
- [Цыганков, 2005](#) – Цыганков Д.А. Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // *История мысли. Русская мыслительная традиция*. М., 2005. Вып. 3. С. 66–77.
- [Черепнин, 1949](#) – Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // *Вопросы истории*. 1949. № 8. С. 30–51.
- [Черепнин, 1950](#) – Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // *Исторические записки*. М., 1950. Т. 33. С. 201–231.
- [Чирков, 1990](#) – Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX вв. // *Археологический ежегодник за 1989 г.* М., 1990. С. 19–27.
- [Шаханов, 2003](#) – Шаханов А.В. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. 417 с.
- [Шмидт, 1999](#) – Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург – Москва» // *Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения*. М., 1999. С. 533–537.
- [Шмидт, 2010](#) – Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (к 150-летию со дня рождения). М., 2010. 147 с.
- [Эммонс, 1990](#) – Эммонс Т. Ключевский и его ученики // *Вопросы истории*. 1990. № 10. С. 45–61.
- [Ananich, Paneyah, 1999](#) – Ananich B.V., Paneyah V.M. The St. Petersburg school and its fate // *Historiography of Imperial Russia*. London, 1999. P. 146–162.
- [Dvornichenko et al., 2016](#) – Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2016. Issue 3. P. 45–56.
- [Dvornichenko et al., 2019](#) – Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. Historians of St. Petersburg University: the experience of collective biography // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64. Issue 1. (в печати).
- [Hamburg, 2011](#) – Hamburg G.M. S.F. Platonov, P.N. Miliukov and the Theory of «Two Schools» in Russian Historiography // *Journal of modern Russian History and Historiography*. 2011. No. 4. pp. 223–248.
- [Kostina, Kouprianov, 2016](#) – Kostina T.V., Kouprianov A.V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2016. Issue 3. pp. 31–45.
- [Maurer, 2016](#) – Maurer T. Russian women in German universities – pioneers of female higher education? // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2016. Issue 3. pp. 68–84.
- [Piankevich et al., 2016](#) – Piankevich V.L., Tot Yu.V., Florinskii M.F. Boris Vasilyevich Anan'ich (1931–2015): sketches for a portrait // *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*. 2016. Issue 3. pp. 154–161.

References

- [Afanas'eva, 2015](#) – Afanas'eva Yu.S. (2015). Nauchnaia shkola N.I. Kareeva po novistike: problema identifikatsii [N.I. Kareev Scientific School of the New History: the problem of identification]. *Ceteris Paribus*, No. 4. pp. 63–65. [in Russian]
- [Alekshev, 2007](#) – Alekshev A.I. (2007). Sankt-Peterburgskaia i moskovskaia shkoly v istoricheskoi nauke o russkom srednevekov'e [St. Petersburg and Moscow schools in the historical science of the Russian Middle Ages]. *Regional schools of Russian historiography* [a collection of reports of an international conference organized by the Center for Russian Studies of the Budapest State University in honour of Lorand Etvosh, May 29–30, 2006]. Ed. by D. Svak. Budapest. pp. 33–44. [in Russian]
- [Alevras, 2006](#) – Alevras N.N. (2006). Problema liderstva v nauchnom soobshchestve istorikov XIX – nachala XX veka [The problem of leadership in the scientific community of historians of the XIXth – early XXth century]. *A historian in the changing space of Russian culture: Collection of articles*. Chelyabinsk. pp. 117–126. [in Russian]

Alevras, 2016 – *Alevras N.N.* (2016). Vasiliy Ivanovich Veretennikov: istorik peterburgskoi shkoly kak aktor nauki i dissertatsionnoi kul'tury [Vasily Ivanovich Veretennikov: historian of the St. Petersburg school as an actor of science and dissertational culture]. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, No. 2. pp. 144–157. [in Russian]

Alevras, Grishina, 2011 – *Alevras N.N., Grishina N.V.* (2011). Rossiiskaia dissertatsionnaia kul'tura XIX – nachala XX vekov v vospriatii sovremennikov: k voprosu o natsional'nykh osobennostiakh [Russian thesis culture of the XIXth – early XXth centuries in the perception of contemporaries: the problem of national characteristics]. *Dialogue with Time*, vol. 36. pp. 221–247. [in Russian]

Alevras et al., 2016 – *Alevras N.N., Grishina N.V., Skvortsov A.M.* (2016). K sozdaniiu kollektivnogo portreta istorikov-soiskatelei uchenykh stepenei v Rossii XIX – nachala XX vv.: razrabotka bazy dannykh i predvaritel'nyi analiz [To the creation of a collective portrait of historians-applicants for academic degrees in Russia in XIXth – early XXth centuries: database development and preliminary analysis]. *A history teacher in the sociocultural space of Eurasia at the end of the XXth – early XXIst century: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Eds. G.P. Miagkov, O.V. Sinitsyn. Kazan. pp. 32–40 [in Russian]

Anan'ich, Paneyakh, 2006 – *Anan'ich B.V., Paneyakh V.M.* (2006). Istoricheskaya nauka v Akademii i akademicheskikh uchrezhdeniyakh Peterburga [Historical Science in the Academy and Academic Institutions of St. Petersburg]. *Proceedings of the Joint Scientific Council on the Humanitarian Problem and Cultural Heritage 2005*. St. Petersburg, pp. 15–47. [in Russian]

Anan'ich, Paneyakh, 2000 – *Anan'ich B.V., Paneyakh V.M.* (2000). O peterburgskoi istoricheskoi shkole i ee sud'be [On the St. Petersburg Historical School and Its Destiny]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5. pp. 105–114. [in Russian]

Anan'ich, Paneyakh, 1999 – *Anan'ich B.V., Paneyakh V.M.* (1999). The St. Petersburg school and its fate. *Historiography of Imperial Russia*. London. pp. 146–162.

Antoschenko, 2010 – *Antoschenko A.V.* (2010). «Vy po-prezhnemu otnosites' ko mne druzhestvenno i blagozhelatel'no». Iz pisem P.G. Vinogradova I.M. Grevsu i A.S. Lappo-Danilevskomu [«You still treat me kindly and sympathetically». From the letters of P.G. Vinogradov to I.M. Grevs and A.S. Lappo-Danilevsky]. *Historical archive*, No. 1. pp. 118–136. [in Russian]

Bambizova, 2007 – *Bambizova K.V.* (2007). Metodologicheskaya laboratoriya medievista I.M. Grevs (po materialam seminariev, prakticheskikh zanyatii i lektsii) [Methodological laboratory of medievalist I.M. Grevs (on materials of seminars, practical sessions and lectures)]. *Methodological and historiographical questions of historical science*. Tomsk, pp. 146–154. [in Russian]

Brachev, 2001 – *Brachev V.S.* (2001). «Nasha universitetskaya shkola russkikh istorikov» i ee sud'ba [«Our University School of Russian Historians» and its fate]. St. Petersburg, 246 p. [in Russian]

Brachev, 2010 – *Brachev V.S.* (2010). Sluzhiteli istoricheskoi nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.Ya. Froianov. [Ministers of Historical Science. Academician S.F. Platonov. Professor I.Ya. Froianov.]. St. Petersburg, 762 p. [in Russian]

Brachev, Dvornichenko, 2004 – *Brachev V.S., Dvornichenko A.Yu.* (2004). Kafedra russkoi istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004). [Department of Russian History, St. Petersburg University (1834–2004)]. St. Petersburg, 30 p. [in Russian]

Cherepnin, 1949 – *Cherepnin L.V.* (1949). A.S. Lappo-Danilevskiy — burzhuaznyi istorik i istochnikoved [A.S. Lappo-Danilevsky — a bourgeois historian and source researcher]. *Questions of History*, No. 8. pp. 30–51. [in Russian]

Cherepnin, 1950 – *Cherepnin L.V.* (1950). Ob istoricheskikh vzgliadakh A.Ye. Presnyakova [On the historical views of A.E. Presnyakov]. *Historical Notes*. Moscow, vol. 33. pp. 201–231. [in Russian]

Chirkov, 1990 – *Chirkov S.V.* (1990). Arkheografiya i shkoly v russkoi istoricheskoi nauke XIX – nachala XX veka [Archaeography and schools in Russian historical science of the XIXth – early XXth century]. *Archaeographic yearbook*, 1989. Moscow. pp. 19–27 [in Russian]

Daudov, Dvornichenko, 2013 – *Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu.* (2013). Izucheniye istorii universiteta na istoricheskom fakul'tete [Studying the history of the university at the historical faculty]. *Klio*, No. 10 (82), pp. 4–5. [in Russian]

Daudov, 2014 – *Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A.* (2014). Bor'ba za istoriiu [The struggle for history]. *Rodina*, No. 10. pp. 138–141. [in Russian]

Dvornichenko, 2013 – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). G.V. Vernadskii i Peterburgskaya istoricheskaya shkola [G.V. Vernadsky and Petersburg Historical School]. *Klio*, No. 10 (82). pp. 88–91. [in Russian]

Dvornichenko, 2017 – *Dvornichenko A.Yu.* (2017). Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviya v mire liudei, idei i sobytii [Russian historian Georgy Vernadsky. Traveling in the world of people, ideas and events]. St. Petersburg. 723 p. [in Russian]

Dvornichenko, 2013 – *Dvornichenko A.Yu.* (2013). S.N. Valk i Sankt-Peterburgskii universitet [S.N. Valk and Saint-Petersburg University]. *Klio*, No. 10 (82). pp. 126–129. [in Russian]

Dvornichenko, Shtykov, 2017 – *Dvornichenko A.Yu., Shtykov N.V.* (2017). Vydaiuschiisia predstavitel' peterburgskoi istoricheskoi shkoly Yurii Georgievich Alekseev [An outstanding representative of St. Petersburg historical school Yuriy Georgievich Alekseev]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, vol. 62, issue 4, pp. 878–896 [in Russian].

- [Dvornichenko et al., 20169](#) – *Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2016). The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, issue 3. pp. 46–56.
- [Dvornichenko et al., 2019](#) – *Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A.* (2019). Historians of St. Petersburg University: the experience of collective biography. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, vol. 64, issue 1 (accepted for printing).
- [Emmons, 1990](#) – *Emmons T.* (1990). Klyuchevskii i ego ucheniki [Klyuchevsky and his students] *Questions of History*, No. 10. pp. 45–61. [in Russian]
- [Frolov, 2015](#) – *Frolov E.D.* (2015). Peterburgskaia istoricheskaia shkola: traditsii klassitsizma i posledstviia modernizatsii [Petersburg Historical School: Traditions of Classicism and the Consequences of Modernization]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, No. 4. pp. 136–149. [in Russian]
- [Gribovskii, 2018](#) – *Gribovskii M.V.* (2018). Professorskii gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX – nachala XX v. [Professorial fee as a mirror of the university issue of the late XIXth – early XXth century]. *Dialogue with time*, vol. 62 (1). pp. 144–163. [in Russian]
- [Grishina, Belik, 2017](#) – *Grishina N.V., Belik K.M.* (2017). «Ya zhe znaiu, chto Vash trud uzhe gotov...» ili dissertatsionnyie poiski uchenikov S.F. Platonova v perepiske s uchitelem [«I know indeed that your work is already ready...» or the dissertational searches of S.F. Platonov's students in correspondence with the teacher]. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, No. 2, pp. 162–169. [in Russian]
- [Hamburg, 2011](#) – *Hamburg G.M.* (2011). S.F. Platonov, P.N. Miliukov and the Theory of «Two Schools» in Russian Historiography. *Journal of modern Russian History and Historiography*, No. 4, pp. 223–248.
- [Kaganovich, 2007](#) – *Kaganovich B.S.* (2007). Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka [Russian medievalists of the first half of the twentieth century]. St. Petersburg. 241 p. [in Russian]
- [Kisterev, 2003](#) – *Kisterev S.N.* (2003). Vekhi v istoriografii russkogo letopisevedeniia [Milestones in the Historiography of Russian Chronicle]. *Essays on Feudal Russia. Digest of articles*, issue 7. pp. 5–28. [in Russian]
- [Korzun, 2012](#) – *Korzun V.P.* (2012). Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisanii (iz lektсионного опыта) [Scientific communities of Russian historians: the practice of an anthropological description (from the lecture experience)]. *Vestnik of the Chelyabinsk State University, History*, No. 16 (270), issue 51. pp. 99–109. [in Russian]
- [Korzun, Myagkov, 2013](#) – *Korzun V.P., Myagkov G.P.* (2013). Nauchnye shkoly v rossiiskoi istoricheskoi nauke (opyt istoriograficheskogo osmysleniia poslednikh desiatiletii) [Scientific schools in Russian historical science (the experience of historiographical comprehension of the last decades)]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, vol. 6. pp. 158–201. [in Russian]
- [Kostina, Kouprianov, 2016](#) – *Kostina T.V., Kouprianov A.V.* (2016). Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884). *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, issue 3. pp. 31–45.
- [Kouprianov, 2017](#) – *Kouprianov A.V.* (2017). Ot prosopografii universitetskoi professury do tsifrovogo sleda filosofskogo parokhoda: «srednie dannye» i formal'nye podkhody v istorii nauki [From the prosopography of the university professors to the digital trace of the philosophical steamer: «average data» and formal approaches in the history of science]. *Topos. Philosophical and cultural journal*, No. 1–2. pp. 111–137. [in Russian]
- [Leont'eva, 2015](#) – *Leont'eva O.B.* (2015). Krizis v rossiiskoi istoricheskoi nauke rubezha XIX–XX vv. v ponimanii sovremennou istoriografii [Crisis in Russian Historical Science at the Edge of XIX–XX Centuries in the opinion of modern historiography]. *Proceedings of Kazan State University. Series: Humanitarian Studies*, issue 157, vol. 3. pp. 68–75. [in Russian]
- [Malinov, 2005](#) – *Malinov A.V.* (2005). K.N. Bestuzhev-Riumin: ocherk teoretiko-istoricheskikh vzgliadov [K.N. Bestuzhev-Ryumin: an outline of theoretical and historical views]. St. Petersburg. 213 p. [in Russian]
- [Mamontova, 2011](#) – *Mamontova M.A.* (2011). Kommunikativnoe prostranstvo otechestvennoi istoricheskoi nauki na rubezhe XIX–XX vekov [Communicative space of national historical science at the edge of the XIX–XX centuries]. *Dialogue with time*, issue 36. pp. 267–277. [in Russian]
- [Maurer, 2016](#) – *Maurer T.* (2016). Russian women in German universities — pioneers of female higher education? *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, issue 3. pp. 68–84.
- [Mikhal'chenko, 1996](#) – *Mikhal'chenko S.I.* (1996). Kievskaya shkola v rossiiskoi istoriografii: (shkola zapadno-russkogo prava) [Kiev School in Russian Historiography: (School of West-Russian Law)]. Bryansk, 228 p. [in Russian]
- [Milyukov, 2002](#) – *Milyukov P.N.* (2002). Istochniki russkoi istorii i istoriografiia [Sources of Russian History and Historiography]. *Milyukov P.N. Ocherki istorii istoricheskoi nauki* [Essays on the history of historical science]. Moscow. pp. 332–361. [in Russian]
- [Milyukov, 1892](#) – *Milyukov P.N.* (1892). [Review] Seredonin S.M. Sochinenie Dzhil'sa Fletchera «Of the russe common wealth» kak istoricheskii istochnik. [Gils Fletcher's «Of the russe common wealth» as a

- historical source]. St. Petersburg, 1891. *Russian thought*, No. 2. Bibliographic section. pp. 64–66. [in Russian]
- Milyukov, 1990** – *Milyukov P.N.* (1990). *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Vol. 1. 445 p. [in Russian]
- Mitrofanov, 2011** – *Mitrofanov V.V.* (2011). Rol' S.F. Platonova v razvitií rossiiskoi istoriografii v kontse XIX – pervoy treti XX v.: svyazi s nauchno-istoricheskimi obschestvami tsentra i provintsii [The role of S.F. Platonov in the development of Russian historiography in the late XIXth – first third of the XXth century: ties with the scientific and historical societies of the center and the province]. Chelyabinsk. Part 1. 234 p.; Part 2. 341 p. [in Russian]
- Myagkov, 2000** – *Myagkov G.P.* (2000). Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke [Scientific community in historical science]. Kazan. 295 p. [in Russian]
- Petersburg Historical School...** – Petersburg Historical School (XVIII – early XXth century): Information resource. St. Petersburg, 2016 / Eds. T.N. Zhukovskaia, A.Yu. Dvornichenko, E.A. Rostovtsev; Authors: D.A. Barinov, A.Yu. Dvornichenko, T.N. Zhukovskaia, I.P. Potekhina, E.A. Rostovtsev, I.V. Sidorchuk, D.A. Sosnitskii, I.L. Tikhonov et al. Access mode: <http://bioslovhist.St.Petersburg.ru/histschool.html> (01.03.2018). [in Russian]
- Piankevich et al., 2016** – *Piankevich V.L., Tot Yu.V., Florinskii M.F.* (2016). Boris Vasilyevich Anan'ich (1931–2015): sketches for a portrait. *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, issue 3. pp. 154–161.
- Platonov, 1918** – *Platonov S.F.* (1918). Rets.: Sochinenie A.E. Presniakova *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva*. Ocherki po istorii XIII–XV st. Pg., 1918 [Review: A.E. Presnyakov's *Opus The formation of the Great Russian state. Essays on the history of XIII–XV centuries*. Pg., 1918]. *International Politics and the World Economy*, vol. 8. p. 100. [in Russian]
- Pogodin, 1998** – *Pogodin S.N.* (1998). Nauchnye shkoly v istoricheskikh naukakh [Scientific schools in the historical sciences]. *Klio*, No. 2 (5). pp. 14–26. [in Russian]
- Pogodin, 2017** – *Pogodin S.N.* (2017). Ocherki russkoi istoriografii (konets XIX – nachalo XX veka) [Essays on Russian historiography (late XIX – early XX century)]. St. Petersburg. 629 p. [in Russian]
- Potekhina, 2016** – *Potekhina I.P.* (2016). Istoriia Sankt-Peterburgskogo universiteta kak predmet kollektivnykh issledovatel'skikh proektov [The history of St. Petersburg University as a subject of collective research projects]. *Klio*, No. 8 (116). pp. 14–21. [in Russian]
- Presnyakov, 1920** – *Presnyakov A.E.* (1920). Rech' pered zashchitoi dissertatsii pod zaglaviem «Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva» [Speech before the defense of the thesis under the title «The Formation of the Great Russian State»]. Petrograd. 10 p. [in Russian]
- Presnyakov, 1923** – *Presnyakov A.E.* (1923). [Rets.]: Vestnik sotsialisticheskoi akademii. 1922, №1–3 [Review: Herald of the socialist academy. 1922. No. 1–3]. *Annals*. pp. 279–281. [in Russian]
- Presnyakov, 1922** – *Presnyakov A.E.* (1922). V.O. Klyuchevsky (1911–1921). *Russian Historical Journal*, No. 8. pp. 204–210. [in Russian]
- Priimak, 2015** – *Priimak N.I.* (2015). Voprosy teorii istochnikovedeniia v rabotakh otechestvennykh issledovatelei XIX – nachala XX v.: Stat'i raznykh let [Questions of the theory of source study in the works of researchers of our country of the XIXth – early XXth century: Articles of different years]. St. Petersburg. 87 p. [in Russian]
- Rostovtsev, 2004** – *Rostovtsev E.A.* (2004). A.S. Lappo-Danilevskii i peterburgskaia istoricheskaiia shkola [A.S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg Historical School]. *Ryazan*. 347 p. [in Russian]
- Rostovtsev, 2005** – *Rostovtsev E.A.* (2005). Diskurs «peterburgskoi istoricheskoi shkoly» v nauchnoi literature [Discourse of the «Petersburg Historical School» in the scientific literature]. *Figures of history or «common places» of historiography. Second Saint-Petersburg readings on theory, methodology and philosophy of history*. St. Petersburg. pp. 303–341. [in Russian]
- Rostovtsev, 2006** – *Rostovtsev E.A.* (2006). Dnevnik N.N. Platonovoi (Shamoninnoi) kak istochnik po istorii istoricheskoi nauki [Diary of N.N. Platonova (Shamonina) as a source on the history of historical science]. *Times and Fates: a collection of articles in honor of the 75th birthday of Victor Moiseevich Paneyakh*. St. Petersburg. pp. 270–318. [in Russian]
- Rostovtsev, 2016** – *Rostovtsev E.A.* (2016). Problematika proektov po universitetskoi istorii i istorii vysshei shkoly (Sankt-Peterburgskiy universitet) [Problems of projects on university history and the history of higher education (St. Petersburg University)]. *The New Past*, No. 3. pp. 145–158. [in Russian]
- Rostovtsev, Potekhina, 2013** – *Rostovtsev E.A., Potekhina I.P.* (2013). A.S. Lappo-Danilevskii v sovremennom nauchno-informatsionnom prostranstve [A.S. Lappo-Danilevsky within the Modern Scientific Information Environment]. *Klio*, No. 12 (84). pp. 23–28. [in Russian]
- Shakhanov, 2003** – *Shakhanov A.V.* (2003). Russkaia istoricheskaiia nauka vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Moskovskii i Peterburgskii universitety [Russian historical science of the second half of the XIXth – early XXth century. Moscow and St. Petersburg universities]. Moscow. 417 p. [in Russian]
- Shmidt, 2010** – *Shmidt S.O.* (2010). Istorik S.F. Platonov – uchenyi i pedagog (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia) [Historian S.F. Platonov is a scientist and teacher (on the occasion of the 150th anniversary of his birth)]. Moscow. 147 p. [in Russian]
- Shmidt, 1999** – *Shmidt S.O.* (1999). Zhizn' i tvorchestvo istorika S.F. Platonova v kontekste problemy «Peterburg – Moskva» [Life and work of the historian S.F. Platonov in the context of the «Petersburg –

Moscow» problem]. *Russia in the XIXth – XXth centuries. Problems of history, historiography and source study*. Moscow, pp. 533–537. [in Russian]

Sidorchuk, 2016 – *Sidorchuk I.V.* (2016). Biografika v kontekste sovremennykh issledovaniy po istorii Peterburgskogo universiteta [Biographic research in the context of modern studies of the history of St. Petersburg University]. *International Relations and Dialogue of Cultures. Collection of scientific articles*, No. 4 (2015). St. Petersburg, pp. 224–235. [in Russian]

Skvortsov, 2010 – *Skvortsov A.M.* (2010). Podgotovka i zaschita masterskikh dissertatsii v XIX v.: opyt uchenikov M.S. Kutorgi [The Preparation and the defense of master dissertations in the XIXth century: experience of the M.S. Kutorga's pupils]. *Mnemon. Studies and publications on the history of the Ancient world*. St. Petersburg, issue 9, pp. 451–468. [in Russian]

Sosnitsky, 2017 – *Sosnitsky D.A.* (2017). Osnovnye napravleniia izucheniia istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [The main directions of studying the history of the St. Petersburg University in contemporary Russian historiography]. *Klio*, No. 10, pp. 207–217. [in Russian]

Sverdlov, 1995 – *Sverdlov M.B.* (1995). O «peterburgskoi shkole istorikov», korrektnosti istoriograficheskogo analiza i retsenzii V.S. Brachova [About the «St. Petersburg School of Historians», the correctness of the historiographic analysis and review of V.S. Brachev]. St. Petersburg, 33 p. [in Russian]

Sveshnikov, 2016 – *Sveshnikov A.V.* (2016). Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva [Ivan Mikhajlovich Grevs and the Petersburg medievalist school of the beginning of the XX century. Scholar community fate]. Moscow; St. Petersburg, 415 p. [in Russian]

Tikhonov, 2010 – *Tikhonov V.V.* (2010). Dikhotomiia «Moskva – Peterburg» i otechestvennye istoriki kontsa XIX – nachala XX vv. (k voprosu o moskovskoi i peterburgskoi shkolakh) [Dichotomy «Moscow – Petersburg» and domestic historians of the late XIX – early XX centuries (to the question of Moscow and St. Petersburg schools)]. *Russian statehood in the faces and destinies of its creators: IX–XXI centuries. Materials of the International Scientific Conference*. Lipetsk, pp. 183–189. [in Russian]

Tribunsky, 2001 – *Tribunsky P.A.* (2001). P.N. Miliukov o peterburgskoi istoricheskoi shkole [P.N. Milyukov about the St. Petersburg Historical School]. *History of pre-revolutionary Russia: thought, events, people: Collection of scientific works of the Department of Ancient and Medieval History of the Fatherland*. Ryazan, issue 1, pp. 5–12. [in Russian]

Tribunsky, 2011 – *Tribunsky P.A.* (2011). S.F. Platonov — preemnik E.E. Zamyslovskogo na kafedre russkoi istorii imp. Sankt-Peterburgskogo universiteta [S.F. Platonov, the successor of E.E. Zamyslovsky at the Department of Russian History of the Imperial St. Petersburg University]. *In the memory of Academician Sergey Fedorovich Platonov: research and materials*. Eds. A.Yu. Dvornichenko, S.O. Shmidt. St. Petersburg, pp. 26–42. [in Russian]

Tsamutali, 2013 – *Tsamutali A.N.* (2013). A.S. Lappo-Danilevskii v krugu istorikov-sovremennikov [A.S. Lappo-Danilevsky among Contemporary Historians]. *Klio*, No. 12 (84), pp. 37–40. [in Russian]

Tsamutali, 1986 – *Tsamutali A.N.* (1986). Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma [Struggle of directions in Russian historiography in the period of imperialism]. Leningrad, 336 p. [in Russian]

Tsamutali, 1995 – *Tsamutali A.N.* (1995). V.O. Kliuchevskii i peterburgskie istoriki [V.O. Klyuchevsky and St. Petersburg historians]. *Klyuchevsky. Collection of Materials*. Ed. S.O. Shmidt. Penza, pp. 282–289. [in Russian]

Tsamutali, 1996 – *Tsamutali A.N.* (1996). Glava peterburgskoi istoricheskoi shkoly: Sergei Fedorovich Platonov [The Head of the St. Petersburg Historical School: Sergei Fedorovich Platonov]. *Historians of Russia. XVIII – the beginning of the XX century*. Moscow, 1996, pp. 538–552 [in Russian].

Tsamutali, 1993 – *Tsamutali A.N.* (1993). Osobennosti razvitiia russkoi istoriografii v kontse XIX – nachale XX veka [Features of the development of Russian historiography in the late XIX – early XX century]. *Historical knowledge: tradition and innovation. Abstracts of the International Theoretical Conference*. Izhevsk, October 26–28, 1993. Izhevsk, 1993, vol. I, pp. 166–168. [in Russian]

Tsamutali, 1993 – *Tsamutali A.N.* (1993). Peterburgskaia istoricheskaja shkola [Petersburg Historical School]. *Intellectual elite of St. Petersburg*. Part 1. St. Petersburg, pp. 138–142. [in Russian]

Tsvibak, 1931 – *Tsvibak M.M.* (1931). Zakliuchitel'noe slovo [na ob'edinennom zasedanii Instituta istorii i Obschestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] [Concluding remarks [at the joint meeting of the Institute of History and the Society of Marxist Historians in February 1931]]. *Problems of Marxism*, 1931, No. 3, pp. 122–125. [in Russian]

Tsygankov, 2005 – *Tsygankov D.A.* (2005). Issledovatel'skie traditsii moskovskoi i peterburgskoi shkol istorikov [Research traditions of the Moscow and St. Petersburg schools of historians]. *History of thought. Russian Thought Tradition*. Moscow, issue 3, pp. 66–77. [in Russian]

Valk, 1948 – *Valk S.N.* (1948). Istoricheskaja nauka v Leningradskom universitete za 125 let [Historical science at Leningrad University for 125 years]. *Proceedings of the Jubilee session of Leningrad State University. Section of Historical Sciences*. L, pp. 3–79. [in Russian]

Valk, 1931 – *Valk S.N.* (1931). Vystuplenie [Speech]. *Problems of Marxism*, No. 3, pp. 114–115. [in Russian]

Vovina-Lebedeva, Lebedev, 2017 – Vovina-Lebedeva V.G., Lebedev S.K. (2017). Shkola B.A. Romanova [School of B.A. Romanov]. *Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and the Historical and Cultural Heritage of the Russian Academy of Sciences*. Izhevsk. pp. 76–89. [in Russian]

Zdanovich, 2016 – Zdanovich E.F. (2016). E.E. Zamyslovskii i peterburgskaia istoricheskaia shkola [E.E. Zamyslovsky and St. Petersburg Historical School]. *Vestnik of the Kemerovo State University*, No. 4. pp. 40–45. [in Russian]

«Петербургская историческая школа» XVIII – начала XX вв.: историографический контекст и методы исследования

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Евгений Анатольевич Ростовцев ^a, Дмитрий Андреевич Баринов ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Феномен так называемой петербургской исторической школы давно привлекал к себе внимание исследователей. Основные источники формирования схоларного дискурса относятся еще к первым десятилетиям XX в. (тексты П.Н. Милюкова, А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова). Именно на них основывалась последующая историографическая традиция советского и постсоветского времени. Между тем исследователи по-разному интерпретировали понятие «петербургской исторической школы», выделяя различные факторы ее формирования. В этом контексте рассмотрены работы С.Н. Валка, А.Н. Цамутали, В.М. Панеяха, Б.В. Ананьича, С.О. Шмидта, В.С. Брачева, ряда других исследователей. Отмечается, что в последнее десятилетие историки дистанцируются от догматических, категоричных описаний феномена «петербургской школы», все большее внимание уделяя проблемам антропологии науки, изучению коммуникаций в научном сообществе второй половины XIX – начала XX вв. Стало очевидно, что феномен петербургской исторической школы не укладывается в рамки традиционных и схематичных объяснений.

В настоящей статье авторы представляют некоторые результаты исследовательского проекта, призванного сделать новый шаг в изучении проблемы петербургской исторической школы. Основываясь на обширной биографической базе данных, исследователи предприняли попытку рассмотреть коллективный портрет школы через призму просопографического анализа. Его результаты не только позволили наглядно показать распределение корпуса петербургских историков XIX – начала XX вв. между различными научными учреждениями и институтами, но и дали возможность авторам выдвинуть ряд аргументированных гипотез, преодолевающих привычные историографические штампы, связанные с описанием петербургской исторической школы дореволюционного периода.

Ключевые слова: история высшей школы, история науки, Санкт-Петербургский университет, историческая наука, петербургская историческая школа.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), e.rostovtsev@spbu.ru (Е.А. Ростовцев), d.barinov@spbu.ru (Д.А. Баринов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1061-1073. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1061
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

State Youth Policy in Pre-Revolutionary Russia: from Social Stratification of Society to Full Social Regulation

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Anatolii L. Eliseev ^a, Dmitrii V. Aronov ^b

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

^b Orel State University named after I.S. Turgenev, Russian Federation

Abstract

In the history of the formation of the state youth policy in Russia a special role belongs to the XIX century. This century, which included several epochs in the history of the country, became decisive for the formation and development of such an important regulator as the state youth policy. At the beginning of the twentieth century it was one of the secondary directions of social regulation, bearing all the signs of the varieties in social policy. As a result of the systemic reforms of Alexander II, the state youth policy received a powerful boost for renewal in the society, developing at a faster pace in all spheres of social, political and economic life. Eventually, Russia entered into a full-fledged state youth policy in the twentieth century. I see it as a unity of the three basic elements – youth, as a separate social group identified by the state, a specialized legal and regulatory framework and a system of interrelated government bodies (for the 19th century general competence). Analysis of all three components of the state youth policy of Russia until 1917 allows us to work out the criteria for its periodization, as an integral part of the social policy of the state as a whole. It shows the existence of a clear goal-setting in the activities of the state authorities in shaping the regulatory and administrative-management component of the youth policy with respect to the student, working and other categories of youth, to trace the dynamics of changes in the context of the general political situation in the country.

Keywords: state youth policy, the class policy of the Russian State before 1917, the history of the regulatory and legal framework formation of the youth policy in pre-revolutionary Russia.

1. Введение

Значение изучения государственной молодежной политики как общественно-политического феномена сегодня признано представителями различных отраслей научного знания и в академическом, и политико-прикладном значении. Первые попытки его теоретического осмысления отмечены еще в дореволюционной России и получили мощный импульс в связи с изучением советского опыта, основанного на создании интегрированного в партийно-государственные структуры унитарного молодежного союза (ВЛКСМ) (Цветлюк, 2001).

Отказ отечественной исторической науки от жестко детерминированных идеологических оценок исторического прошлого привел к обращению внимания исследователей на дореволюционный период истории страны, в том числе и с позиций оценки присутствия в нем такого вида управленческой деятельности, как государственная молодежная политика. К настоящему времени единого подхода к решению данной проблемы не сложилось.

В данной статье ответ на этот вопрос дается на основе авторской методологии, предлагающей понимать государственную молодежную политику как единство трех системообразующих элементов:

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), eliseev.anatoly@gmail.com (A.L. Eliseev), aronovdv@mail.ru (D.V. Aronov)

молодежь, выделяемая государством в качестве особой социальной группы, нормативно-правовая база молодежной политики, а также наличие органов управления общей и/или специальной компетенции, реализующих комплекс соответствующих мер управления (Меркулов, 2005). Еще одним базовым основанием работы выступает исследовательская гипотеза о наличии ряда форм политики государства, предшествующих полномасштабной молодежной политике, таких, как социальная и сословная молодежная политика, выступающих ее предтеч.

2. Материалы и методы

В качестве базовых источников по изучению государственной молодежной политики в России в дореволюционный период ее существования привлечены различного рода архивные документы, корпус которых сформировался в процессе делопроизводства государственных органов управления, в чью компетенцию входили выработка и проведение государственной молодежной политики, которые подразделяются на две большие группы.

К первой следует отнести управленческие и нормативно-правовые документы общего характера, относящиеся к тому периоду истории российской государственности, когда молодежная политика государства находится в стадии формирования и может быть охарактеризована как «сословная молодежная политика» (Российское законодательство, 1984: 241–439), характеризующая период, когда основное внимание государства сосредоточено на молодежи из правящего сословия (дворянства), социализация которой признается значимой. В последующем круг социальных групп, чьи члены признаются субъектами, имеющими по отношению к государству (личности государя) не только обязанности, но и права, круг сословий, чья молодежь становится объектом внимания со стороны государства (священнослужители, военнослужащие, студенчество и т.п.), постоянно расширяется. В этот период формируется вторая группа материалов государственного делопроизводства, которая охватывает все три составляющие государственной молодежной политики (ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 77. Д. 373; Оп. 119. Д. 29242; 82888; 86419; ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2729; 3296).

Внутри каждой из этих групп можно провести дополнительную внутреннюю классификацию материалов на нормативно-правовые материалы и распорядительные документы (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 13, 15, 17, 26, 27; Оп. 2. Д. 3032). На определенном этапе появляются документы концептуального характера, претендующие на официальное закрепление приоритетов и целей государственной молодежной политики (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 2511, 2512). С переходом дореволюционной России к парламентским формам организации политической жизни начинается формирование соответствующего корпуса документов Государственной Думы и Государственного Совета, отражающих новый алгоритм формирования нормативно-правовой базы (Журнал министерства народного просвещения, 1908; Свод законов Российской Империи, 1912: 18–19, 164–179) с участием представителей политически активной части общества, представлявших в лице парламентских фракций Государственной Думы весь спектр точек зрения на цели и задачи молодежной политики государства.

С расширением круга субъектов, непосредственно участвующих в системе социального управления, а речь прежде всего идет о политических партиях и в несколько меньшей степени о возникающих в начале XX в. многочисленных общественных организациях (скауты, «сокольство» и др.) начинает формироваться совокупность партийных программ и иных генерируемых ими документов, в том числе и связанных с парламентской активностью документов законотворческого характера (Документы первого всероссийского съезда, 1915; Жуков, 1916).

Третью группу материалов составляют собственно научные публикации, появление первых из которых относится к дореволюционной эпохе. В основной массе они были посвящены социологическим аспектам формирования государственной молодежной политики, а корпус статей, находящихся на грани научных трудов и политической публицистики, ориентирован на проблему ее текущего правового регулирования. Публицистические материалы связаны в массе своей с рабочим законодательством, в том числе с вопросами регулирования труда детей и подростков, а также формированием корпуса нормативно-правовых актов в области образования. Определенное внимание в них уделяется и формированию общественных, в том числе и молодежных организаций (Туманова, 2008, 2014).

Традиционно к источникам по формированию всех видов государственной политики, в том числе и молодежной, следует отнести и многочисленные мемуары государственных деятелей, в той или иной степени связанных с реализацией государственной молодежной политики. При всей специфике мемуаров как источника, имеющего априорно субъективный характер, они позволяют показать не отразившиеся в иных источниках скрытые механизмы и движущие силы формирования государственной молодежной политики в конкретные исторические периоды.

Анализ информации, содержащейся в указанных источниках, позволяет создать фактологическую базу, наглядно показывающую существование государственной молодежной политики в дореволюционный период российской истории, позволяющую выявить и проследить эволюцию предшествующих ей форм социальной политики.

Помимо общенаучных методов исследования, выступающих основой любой научной работы, принципиально важными для решения исследовательских задач развития методологии изучения государственной молодежной политики выступает принцип историзма, предполагающий, что каждый исторический период, связанный с формированием определенного этапа государственной молодежной политики (сословной политики), предопределяет ее сущностные черты, становясь, в свою очередь, объектом воздействия со стороны этого вида социального управления. Неотъемлемым признаком реализации этого принципа выступает комплексность в изучении конкретного исторического периода, не исключающего по любым основаниям ни одного из имеющегося в распоряжении авторов источника информации об изучаемом явлении. Для нашей проблематики это нашло свое выражение в обращении как к материалам органов государственной власти, где в концентрированном виде отражен официальный подход к молодежной политике, так и к работам оценочного характера, вышедшим из-под пера политических деятелей различной степени оппозиционности.

Не менее важным исследовательским методом выступает применяемый метод компаративистского исследования, связанный, прежде всего, с выявлением в нормативно-правовой базе, на которой основано проведение государственной молодежной политики в различные периоды ее существования как сходных, так и отличных черт, характеризующих различные исторические периоды реализации государственной молодежной политики, степени ее самостоятельности по отношению к иным видам управленческой деятельности государства в социуме. Применение данного метода позволило выделить молодежную политику как самостоятельный вид государственной политики и проследить ее эволюцию на различных стадиях развития в дореволюционный период.

В связи с изучением нормативно-правовой базы государственной молодежной политики широко применялись такие специальные методы изучения явлений юридической действительности, как социологический и юридический позитивизм. Первый из них позволил установить связь между социальными отношениями в обществе на определенных этапах развития и генерируемой в этот же период нормативно-правовой базой государственной молодежной политики. Что же касается юридического позитивизма, то он выступил в качестве основы для анализа текстов нормативно-правовых актов, что обеспечило выявление взаимосвязи между массивами законодательства в данной сфере, установление степени преемственности, рецепции, имплементации и т.д.

Исследовательская позиция авторов состоит в том, что в рамках конкретно-исторического исследования, в основе которого лежит широкий круг разнообразных источников, использование междисциплинарного методологического исследовательского инструментария, результатов, полученных представителями иных отраслей гуманитарного знания, мы можем говорить о формировании феномена государственной молодежной политики в дореволюционный период отечественной истории. При этом она возникает как результат длительной эволюции социальной политики государства, одной из стадий которой была так называемая «сословная молодежная политика».

3. Обсуждение

К настоящему времени сложилась весьма солидная отечественная и зарубежная академическая традиция изучения государственной молодежной политики, которая отражена в трудах представителей различных научных направлений: истории (Соколов, 2002), истории права (Полищук, 2011), юриспруденции (Шашенков, 2004; Нехаев, 2006; Тимофеева, 2006), социологии (Криворученко, Родионов, Татаринов, 1997; Зубок, Чупров, 2008; Социология молодежи, 2005), политологии (Кострова, 2008; Радченко, 2008) и др.

Как показывает анализ работ, посвященных историографии государственной молодежной политики (Гыргенова, 2008; Морозов, 2002), так и методологии ее изучения (Касьянов, 2010; Меркулов, 2005, 2013а), несмотря на весьма высокий достигнутый уровень изучения проблемы, обнаруживаются определенные пробелы по ряду вопросов, представляющих нам на настоящем этапе исследования вполне значимыми.

Одним из примеров подобного рода выступает изучение дореволюционной молодежной политики в России в целом, в том числе и дискуссионный, вплоть до настоящего времени, вопрос о ее хронологических рамках и прежде всего о том, с какого момента мы можем говорить о появлении в дореволюционной России полноценной государственной молодежной политики. Если по отношению к советскому периоду отечественной истории само наличие государственной молодежной политики как самостоятельного направления государственного управления признается практически всеми исследователями (Криворученко, 1986), то в отношении самого факта наличия данного вида управленческой деятельности в дореволюционный период единого подхода не сложилось (Полищук, 2011; Соколов, 2002).

Вместе с тем факт присутствия элементов государственной молодежной политики в России в форме сословной молодежной политики можно отметить, начиная еще с XVI–XVII вв. (Тихомиров, Елифанов, 1961). Внимание государства к вопросам воспитания молодежи, социально принадлежащей к правящему сословию, отмечается в реформаторской деятельности Петра I (Юности честное зерцало, 2013). В последующий период элементы молодежной политики встречаются прежде

всего в системе образования, и в первую очередь военного ([Высочайше утвержденное Положение о кадетских корпусах, 1845](#)). Однако потребность государства в специалистах с высшим образованием вызвала рост числа гражданских высших учебных заведений как религиозного ([Павленко, 2008а, 2008б; Полищук, 2010](#)), так и светского характера ([Иванов, 1991](#)).

Собственно научное обращение к проблемам истории теории и практики государственной молодежной политики началось еще до революции, но в полной мере получило свое развитие в постсоветский период. Это связано с тем, что дореволюционный период был исключительно кратким, характерным для него была острая политическая борьба, толкавшая авторов, даже принадлежащих к миру науки, на путь публицистики, что во многом наложило отпечаток на труды того периода.

Советский период изучения государственной молодежной политики был ориентирован на изучение исторического опыта советского периода, связанного с доминированием комсомола как, по сути, единственной молодежной организации, входившей в качестве составной части в политическую систему СССР.

Ряд специальных вопросов изучения отдельных аспектов дореволюционного периода истории отечественной молодежной политики присутствует в работах отечественных историков. Вопросы изучения молодежных организаций антиправительственной направленности нашли свое отражение в работах Е.Н. Полищука ([Полищук, 2011](#)). Специфика государственной политики в отношении слушателей духовных учебных заведений рассматривается в работах Т.А. Павленко ([Павленко, 2008а; 2008б](#)). Ряд общих вопросов развития молодежного движения в дореволюционной России и политики государства в его отношении как специальной сферы управления отражен в работе В.И. Соколова ([Соколов, 2002](#)), однако он рассматривает молодежное движение лишь с середины XIX в.

4. Результаты

Одним из первых нормативных актов, где можно выделить элементы, потенциально относящиеся к государственной политике по отношению к молодежи, можно считать Соборное уложение 1649 г. В нем можно отметить законодательное закрепление такого принципиально важного формального критерия определения молодежи, как возраст, с которым связано наступление дееспособности и правоспособности. Уже с возраста 15 лет молодой человек считался способным выполнять обязанности, связанные с государственной службой, что, в свою очередь, вызывало у государства обязанность наделить его поместьем, принимать на себя кабальные обязательства и т.д. По достижении им возраста 20 лет он получал право выступать в суде в качестве свидетеля (после принятия крестного целования). В семейном праве действовали нормы, которые в качестве наставлений были сформулированы в период Домостроя ([Домострой; 1994](#)).

Своеобразным этапом становления в России нормативно-правовой базы государственной молодежной политики стало появление документа известного как «Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (таково полное название этого документа, чаще упоминаемого по начальным словам как просто «Юности честное зеркало»), подготовленное по указанию Петра I. Для нас наибольший интерес представляет вторая часть, само «Зеркало», т.е. правила поведения для юношества или, как сказано в тексте, «младых отроков» а также девушек, относящихся к дворянскому сословию. На наш взгляд, важным является то обстоятельство, что реформы Петра I среди своих многочисленных функций, выступали еще и в качестве «социального лифта», поднимающего в правящее сословие представителей иных сословий.

Отражение этих традиционных институтов социализации молодежи нашло свое выражение и в системной кодификации российского права в начале XIX в. и в первую очередь в сфере гражданского права. Характеризуя его раздел, говорящий о «родительской власти в личных отношениях» ([Свод законов Российской Империи, 1912: 18–19](#)), следует отметить, что его содержание изложено в Главе II «О власти родительской в личных отношениях» правами (ст. 164–171) и обязанностями (ст. 172–176) родителей. В родительские обязанности были включены обязанности по воспитанию и образованию детей. С ними корреспондировались обязанности детей (ст. 177) по оказанию родителям почтения, послушания, покорности и любви.

В уставы учебных заведений от 5 ноября 1804 г. была включена норма, указывающая, что «даже по отношению воспитания детей, отданных на воспитание в общественные училища, власть родительская не безусловно заменяется властью начальства этого заведения». В ст. 43 говорилось о том, что «благоразумие требует того, чтобы учитель совокупным трудом и советом с родителями старался о наилучшем воспитании детей», ибо учителя, «занимая, однако же, место родителей ... не должны почитать себя за самовластных судей над детьми и управлять ими по своему усмотрению без всякого сношения с родителями» ([Аненков, 1905: 222](#)).

Гражданское законодательство также интересно и сложившейся точкой зрения законодателя на возраст тех, кто составлял социальную группу молодежи. Раздел «О возрасте несовершеннолетних и о праве их на имущества» в первой части «О возрасте несовершеннолетних» ст. 213 содержал положение о том, что в несовершеннолетии выделяют три возраста: 1) от рождения и до 14 лет, 2) от 14 и до 17 лет и 3) соответственно от 17 и до 20 лет. Это было результатом длительной практики нормативного закрепления 1785, 1816, 1826, 1830 и 1842 гг. Две категории первые называли малолетними, а третью – несовершеннолетними ([Свод законов Российской Империи, 1912: 21](#)).

К наиболее заметно формализуемым институтам, в деятельности которых проходил процесс реализации элементов государственной молодежной политики, в полной мере можно отнести военные учебные заведения с их собственной субкультурой. В них нормативные акты, определявшие статус воспитанников и специфику педагогического и воспитательного процесса, проявляются в большей степени. Эта сфера получила весьма подробное, тщательно проработанное нормативно-правовое регулирование, развивавшееся, начиная еще с учебных заведений петровской эпохи ([Высочайше утвержденное Положение](#)).

В отношении военных учебных заведений можно говорить о наличии целенаправленного формирования нормативно-правовой базы этой сферы государственной молодежной политики, реализуемой на протяжении длительного этапа в рамках военных структур, испытывающей все присущие им достоинства и недостатки.

Гражданские учебные заведения также были в процессе реформирования, цели которого были определены в совокупности нормативно-правовых актов. К числу системных документов можно отнести материалы, возникающие в первые десятилетия XIX в. Впоследствии они ложатся в основу будущей комплексной системы правовой регламентации государственной молодежной политики в области общего высшего образования. Позднее они переживают целый ряд трансформаций, особенно частых в период «Великих реформ», а также преобразований, связанных с событиями Первой русской революции 1905–1907 гг.

По аналогии с университетами Германии была разработана структура университета, которая совмещала особенности устройства и функционирования государственного учреждения с элементами автономии, присущими университету. Данные положения реализуются уже с введением в действие университетского Устава 1804 г. ([Университетский Устав 5 ноября 1804, 2012](#)). В 1835 г. был утвержден новый устав, ограничивающий автономию университетов и открывший возможность замены внутренней процедуры надзора за студентами полицейским надзором ([Посохов, 2006](#)).

Соответственно, можно говорить о том, что в России в указанный период сложилась нормативно-правовая база реализации молодежной политики, главной чертой которой была фрагментарность. Она сформировалась в тех сферах социального управления, в которых государственная власть столкнулась с большим количеством представителей молодежи, выделяемой по признаку принадлежности к профессии и/или корпорации. Эта ситуация характерна для гражданских и военных учебных заведений, а также молодежи, призванной на военную службу. Молодежь в сельской местности в основной массе была полностью вне каких бы то ни было целенаправленных действий органов государственного управления по части ее социализации, оставаясь в сфере действия традиционных институтов социализации в рамках большой крестьянской семьи и сельской общины.

Начиная с середины, но главным образом с конца XIX в. аналогичная тенденция была представлена в сфере так называемого фабричного законодательства, регулирующего правовой статус связанных с фабричным производством детей и подростков. Но основные усилия были направлены на регулирование отношений в студенческой среде. В соответствии с новой редакцией «Студенческих правил...» 1861 г. сходки и собрания были запрещены, а студенческие корпорации объявлены несуществующими. Впоследствии сходки библиотеки, кассы взаимопомощи и другие внеучебные объединения были упразднены ([Соловьев, 1913: 91](#)).

Эти решения вызвали резко отрицательную оценку со стороны студенчества, что и предопределило его резко негативную позицию. В Московском, Санкт-Петербургском, Киевском университетах отмечался массовый и резкий рост выступлений российского студенчества. Итогом всплеска протеста в студенческой среде было решение высших органов государственной власти о начале системной разработки проектов нормативно-правовых актов. По указанию Императора вновь назначенный министр Народного просвещения А.В. Головин, который в Правительстве считался представителем либерального направления российской бюрократии, дал указание о начале разработки проекта нового устава российских университетов.

После покушения на Александра II была активизирована негативная составляющая молодежной политики как в отношении подпольных организаций, так и против любой самостоятельности студенческих корпораций. В Положении, утвержденном Александром II 26 мая 1867 г., отмечалось, что «в устранение потери времени для учения и исправного посещения лекций запрещалось учащимся устройство концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний» ([РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 2](#)).

Несмотря на определенную дискуссию в высших кругах правительства касательно допустимой степени студенческой автономии в конце 70-х гг. XIX в., в целом преобладала тенденция охранительная. Министерство народного просвещения 29 августа 1879 г. приняло Правила для студентов, которые запрещали и, соответственно, преследовали подачу адресов, жалоб, прошений (п. 3); публичные выступления и студенческие сходки (п. 4), организацию собраний и спектаклей (п. 6).

Но по итогам борьбы во властных сферах Особое совещание от 5 января 1881 г. идеи доклада не поддержало. Причина крылась в опасении, что это воспримут как слабость правительства, что приведет только к росту аналогичных антиправительственных акций. В итоге было решено, что

окончательное решение вопроса следует отложить на неопределенный срок, отметив, что практика правоприменения не должна мешать организации студенческих столовых, читален, а также реализации иных форм поддержки нуждающихся студентов. Ответственность за соответствие этих форм студенческой самостоятельности действующему законодательству была возложена на руководство университетов (Щетинина, 1976: 84).

Еще одним эпизодом формирования нормативной базы молодежной политики было принятие правительством нормативно-правового акта, который ограничивал поступление в светские учебные заведения (в первую очередь в университеты) лиц, закончивших семинарии (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 495. Д. 2779). Разрешение на поступление уже привело к дефициту священнослужителей в регионах. Избранный государственной властью способ регулирования отношений с молодежью носил присущие обществу, находящемуся на этапе системного реформирования, характерные черты формально-юридического регулирования, в целом присущие духу «Великих реформ».

Несмотря на гибель Александра II 1 марта 1881 г., практика определенной либерализации продолжалась. В январе 1882 г. был утвержден устав первого, ставшего легальным, студенческого научного общества в России. Это было созданное при Санкт-Петербургском университете Студенческое научно-литературное общество.

Формирование законодательной базы молодежной политики в основном шло в сфере студенчества, там эти процессы получили наибольшее распространение. Однако следует помнить о той нормативно-правовой базе, которая определяла положение молодежи в ведомственных учебных заведениях. Это связано преимущественно с кадетскими корпусами и учебными заведениями системы Русской православной церкви. Анализируя соответствующую нормативно-правовую базу, можно говорить о том, что регламентация как учебной, так и внеучебной жизни учащихся была гораздо выше, чем в светских. И если в военных учебных заведениях это объяснимо традиционной приверженностью к воинской дисциплине и соответствующим методам его обеспечения, то в семинариях отмечаются попытки формирования системы практически тотального контроля за учащимися.

Этапными в развитии законодательства о молодежной политике в России можно считать изменения, которые были внесены университетским Уставом 1884 г. Они заметно сократили права корпорации профессоров, упразднили институт выборности деканов и ректора. В отношении студенчества устав не содержал положений о возможности создания студенческих обществ, свободы в сфере корпоративной деятельности. Усиливался контроль в отношении студенчества, который реализовывался специальным органом управления – университетской инспекцией. Указанный орган можно считать одним из первых органов специальной компетенции, реализующих возникающие элементы законодательства, определяющего государственную молодежную политику.

Конкретизация данного запрета была реализована в таком документе, как «Правила для студентов во время прохождения университетского курса». Министр просвещения И.Д. Делянов утвердил их 16 мая 1885 г. (Правила для студентов, 1885). В параграфах 13–16 Правил был выражен базовый принцип молодежной политики правительства по отношению к студентам. Смысл его состоял в квалификации студентов в качестве «отдельных посетителей университета», соответственно, не допускались никакие действия, имеющие корпоративный характер. «Правилами...» конкретизировался запрет о том, что «безусловно воспрещается устройство студенческих читален, столовых, кухмистерских, театральных представлений, концертов, балов и других публичных собраний, не имеющих научного характера». Одновременно запрещались публичные речи, сходки, денежные сборы. Важной частью «Правил...» стала система наказаний, начинавшаяся с выговоров и арестов (последний мог быть как с помещением в карцер или без такового) и заканчивавшаяся исключением из университета без права последующего восстановления.

Еще одним источником студенческих волнений стало введение подписки, подтверждавшей обязательства студентов «не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства, не вступать в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе». Указанная норма была введена в специальном циркуляре министра народного просвещения № 1202 от 21 января 1887 г., в котором недвусмысленно были указаны причины его издания. «Воспитанники разных учебных заведений, – указывалось в циркуляре министерства, – весьма часто увлекаются политическими агитаторами к участию в преступных сообществах, причем потребные для преступных целей средства добываются через воспитанников учебных заведений путем образования последними различных, по-видимому, полезных или дозволенных законом обществ, денежные вклады которых и служат нередко средствами для достижения противозаконных целей» (РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 53).

Ограничение доступа к образованию стало базовым принципом корректировки реформ времен Александра III. Решение он принял, узнав о наличии среди студентов-заговорщиков, так называемых «вторых первоапрельцев», многочисленных выходцев из низших социальных слоев. Соответственно, была предпринята попытка вернуть студенчеству по преимуществу привилегированный, в основном дворянский состав. Этой проблеме посвящен документ, изданный министром народного просвещения И.Д. Деляновым в июле 1887 г. Он был направлен на то, чтобы «урегулировать» в правильную сторону социальный состав учащихся в системе российского образования. Этот документ, доклад «О сокращении гимназического образования», известен в основном под таким названием, как

«циркуляр о кухаркиных детях». Им предписывался порядок, согласно которому не принимали в гимназию (а соответственно, эти категории населения теряли возможность поступить в университет) «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п.». Регулировала социальный состав студенчества и высокая, применительно к уровню доходов населения, плата за обучение. Следует отметить, что за время правления Александра III этим способом пользовались активно, повышая плату за обучение неоднократно.

Важной реперной точкой в становлении российского законодательства молодежной политики стали результаты расследования студенческих волнений 1899 г. в Санкт-Петербургском университете, изложенные в докладе комиссии под председательством генерала П.С. Ванновского. Официальный итог работы комиссии содержится в сообщении правительства от 25 мая 1899 г., ставшего своеобразным, в духе эпохи, документом, содержащим руководящие начала для последующего развития законодательства, регламентирующего положение студенческой молодежи в России.

Еще одним нормативным документом в сфере государственной молодежной политики, касающейся студенчества, стал циркуляр № 17287 от 21 июля 1899 г. Министерства народного просвещения. В отличие от «Временного положения...», где в целом доминировал карательный уклон, он предполагал нормативное закрепление некоторых традиционных для университетов академических свобод. Им предусматривались студенческие права на создание научных и литературных сообществ ([Сборник постановлений, 1904: 707–711](#)).

После убийства Н.П. Боголепова на пост министра народного просвещения был назначен П.С. Ванновский, пребывавший в этой должности сравнительно недолго. За это время была форсированно создана нормативно-правовая база образования студенческих корпораций и внутриуниверситетских сообществ. Были разрешены выборы старост, организация факультетских сходов. Однако, как и ранее, запрещались сходы в университете в целом, а также создание студенческие организаций. На прежнем уровне остался и размер оплаты стоимости обучения в университете.

Эти правила были утверждены 22 декабря 1901 г. в период министерства П.С. Ванновского. Оценка данного нормативного документа в отечественной историографии практически полярна. На протяжении длительного времени его оценивали как попытку отвлечь студентов от участия в революции. Современные подходы к оценке правил основаны как на анализе содержания документа, так и с учетом общих тенденций соответствующей эпохи и базовых социально-политических процессов, происходивших в российском социуме. Такие авторы, как Д.А. Завьялов и Е.Н. Полищук, оценивают их как новую эпоху в становлении нормативно-правового регулирования порядка создания и деятельности студенческих корпораций ([Полищук, 2011; Завьялов, 2006](#)).

Высочайшим повелением, которое последовало в сентябре 1906 г. Правительствующему сенату, были предоставлены расширенные академические права в части автономии вузовской жизни и управления внутренними делами собственно университетской корпорации на первом этапе советам университетов, а несколько позднее и иным высшим учебным заведениям ([Высочайшее повеление, 1906: 32](#)).

Правительство под руководством П.А. Столыпина ввело новый вариант «Временных правил о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений» практически сразу после такой знаковой даты, как 3 июня 1907 г., известной в отечественной истории как «Третьеиюньский государственный переворот». В действие они были введены через неделю, 11 июня 1907 г., в Положении, которое принял Совет министров под названием «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах учебных заведений» ([ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10194. Л. 80](#)). В нем власть вновь вернулась к идее о максимально возможном контроле за созданием и функционированием студенческих объединений корпоративного типа.

Следующий шаг, усиливающий правительственный контроль за проведением государственной молодежной политики в сфере высшего образования, это решение, принятое новым министром народного просвещения А.Н. Шварцем о тотальном контроле над студенческими организациями. Если ранее правительство шло по пути ликвидации студенческих организаций, возникших явочным порядком в период революции, а также запрета регистрации противоречащих законодательству уставов студенческих обществ, то отныне планировалось тотально проверить все студенческие организации.

Во исполнение министерского циркуляра 16 мая 1908 г. была проведена проверка на предмет соответствия действующему российскому законодательству всех уставов студенческих обществ. Руководству университетов предписывалось обеспечить приведение уставов в соответствие законодательству, а деятельность обществ вернуть исключительно в рамки академизма. В целях контроля исполнения требований циркуляра уставы всех студенческих обществ было приказано направить непосредственно в Министерство народного просвещения.

Эта политика продолжилась и в период министерства Л.А. Кассо. Более того, в отношении студенческих организаций она была еще больше ужесточена. Совет министров 11 января 1911 г. принимает решение о запрете в вузах собраний, которые не носят академический характер. Дополнительно министром народного просвещения был издан циркуляр, во исполнение которого руководству вузов предписывалось категорически исключить организацию собраний, носящих не

только публичный, но и частный характер. Исключение было сделано для собраний, которые имели исключительно научный характер (РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 93. Л. 287).

Неотъемлемым направлением развития нормативно-правовой базы государственной молодежной политики является парламентский период политической истории России, связанный с деятельностью Государственной Думы и Государственного Совета по преимуществу в сфере народного образования. Революционные потрясения начала XX века, осознание частью правящей элиты необходимости обеспечить стране догоняющие темпы развития привели к тому, что одним из основных вопросов в парламентской дискуссии стал закон о введении в России всеобщего начального образования. Первый проект, представленный министром народного просвещения П. фон Кауфманом, поступил на рассмотрение Третьей Государственной Думы ([Подготовительные работы, 1908](#)). Ряд его положений Третья Дума приняла 3 мая 1908 г. Эти положения в первую очередь были посвящены увеличению объемов государственного финансирования Министерства народного просвещения. Важнейшей нормой, содержащейся в законе, было бесплатное начальное образование. Однако базовый для концептуальной идеи законопроекта раздел, предполагавший введение всеобщего обязательного начального образования, думскую парламентскую процедуру не преодолел.

Законопроект о всеобщем начальном образовании вернулся на обсуждение в Государственной Думе уже в 1912 г., который стал завершающим для Думы Третьего созыва, а 6 июня того же года Государственный Совет отклонил законопроект, предполагавший введение всеобщего обучения.

Следует также отметить, что дореволюционное законодательство не ограничивалось исключительно регулированием отношений в сфере народного образования. К периоду 80-х гг. XIX в. можно отнести появление системного правотворчества в формировании законодательства, регламентирующего труд несовершеннолетних. Принципиально важен сам факт выделения государством отдельной категории населения именно по возрастному принципу. В первую очередь эта сфера нормотворческой деятельности связана с ликвидацией сформировавшихся в России крайних форм эксплуатации, которые воспринимались обществом как явные пережитки прошлого.

5. Заключение

Проведенное исследование истории становления государственной молодежной политики в России позволяет сделать вывод о том, что законодательство в сфере защиты молодежи в промышленности шло по пути ограничения работы несовершеннолетних на производстве с вредными условиями труда и в ночное время, сокращения продолжительности рабочего дня. При этом государство не просто запрещало явные формы избыточной эксплуатации, но одновременно защищало право молодежи на труд, а также право на получение начального образования. Последнее обстоятельство следует квалифицировать как явное указание на признание необходимости повысить степень влияния государственной власти на процессы социализации молодежи, реализуемые в процессе обучения. Аналогичные тенденции отмечаются и в процессе реформирования системы общего образования России.

В качестве общего вывода представляется возможным говорить о том, что в указанный период государственная молодежная политика дореволюционной России прошла путь от сословной молодежной политики к полноценному социальному управлению по отношению к ряду социальных групп молодежи (учащаяся, армейская, рабочая). Эта политика регламентировалась в нормативных документах различного уровня и характера, начиная от отдельных положений в нормативных актах универсального характера до узкоспециализированных нормативных актов отраслевых органов управления. Последние определяли порядок реализации государственной молодежной политики в подведомственных отраслевым органам сферах управления.

Таким образом, в последней трети XIX в России окончательно сложились все три системообразующих элемента государственной молодежной политики. Это обстоятельство позволяет нам рассматривать данный период как точку трансформации сословной молодежной политики, начало которой относится к периоду средневековой истории России, в полноценную государственную молодежную политику, которая в своих базовых элементах является неотъемлемой частью современного типа социального управления.

Литература

[Аненков, 1905](#) – Аненков Н. Система русского гражданского права. Т. 5. Права семейные и опека. СПб., 1905.

[Высочайшее повеление..., 1906](#) – Высочайшее повеление Правительствующему сенату 14 сентября 1906 г. // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1906. № 12.

[Высочайше утвержденное Положение...](#) – Высочайше утвержденное Положение о кадетских корпусах // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. VI. 3517.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[Гыргенова, 2008](#) – Гыргенова Б.С. Историография государственной молодежной политики в России // *Власть*. 2008. № 3. С. 56-59.

- Документы первого Всероссийского съезда, 1915 – Документы первого Всероссийского съезда инструкторов и лиц интересующихся скаутизмом. Пг., 1915.
- Домострой, 1994 – Домострой. М.: Наука; 1994.
- Жуков, 1916 – Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916.
- Журнал Министерства народного просвещения, 1908 – Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России // Журнал Министерства народного просвещения. В двух выпусках. Март 1908. Апрель 1908. СПб., 1908.
- Завьялов, 2006 – Завьялов Д.А. Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. 2006. № 1. С. 105–111.
- Зубок, Чупров, 2008 – Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 108–117.
- Иванов, 1991 – Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991.
- Ильинский, 2001 – Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 696 с.
- Касьянов, 2010 – Касьянов В.В. Методология изучения исторического опыта разработки и реализации российской молодежной политики. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2010/history/kasyanov.pdf> Дата обращения: 25.07.2016.
- Кострова, 2008 – Кострова А.А. Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России. М., 2008.
- Криворученко, 1986 – Криворученко В.К. Комсомол в советском обществе. М.: Знание, 1986. 170 с.
- Криворученко, 2012 – Криворученко В.К. К вопросу теории о молодежи будущего // Наша молодежь. 2012. № 5. С. 33–35.
- Криворученко и др., 1997 – Криворученко В.К., Родионов В.А., Татаринцев О.В. Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории. М., 1997.
- Луков, 2012 – Луков В. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
- Меркулов, 2005 – Меркулов П.А. К вопросу о содержании дефиниции «государственная молодежная политика» / Государство и общество. Проблемы и перспективы взаимодействия. Сборник научных статей. Орел: ОрелГТУ, 2005. С. 48–53.
- Меркулов, 2012 – Меркулов П.А. Методология изучения государственной молодежной политики – приглашение к дискуссии // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 4 (23). С. 79–82.
- Меркулов, 2013а – Меркулов П.А. Государственная молодежная политика России – исторические этапы формирования. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. 515 с.
- Меркулов, 2013б – Меркулов П.А. О новых концептуальных подходах к изучению исторического опыта формирования государственной молодежной политики // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 3–4.
- Меркулов, Елисеев, 2015 – Меркулов П.А., Елисеев А.Л. Сословная молодежная политика: к вопросу об исторических предпосылках формирования механизмов государственного регулирования в молодежной сфере // Власть. 2015. № 7. С. 115–119.
- Морозов, 2002 – Морозов Н.И. Историография молодежного движения в России, февраль 1917 г. – начало 1930-х гг. М., 2002.
- Нехаев, 2006 – Нехаев В.В. Правовое обеспечение государственной молодежной политики России: середина 1980-х – 1993 годы. М., 2006.
- Павленко, 2008а – Павленко Т.А. Бунты семинаристов в 1905–1907 гг.: традиционный протест в условиях революции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 36 (77): Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб., 2008. С. 139–144.
- Павленко, 2008б – Павленко Т.А. Семинаристы и церковная власть: вопрос о реформировании духовного образования во время революции 1905–1907 гг. / «Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории»: Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб.: Олеариус Пресс, 2008. С. 191–200.
- Подготовительные работы..., 1908 – Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России // Журнал Министерства народного просвещения. В двух выпусках. Март 1908. Апрель 1908. СПб., 1908.
- Полищук, 2010 – Полищук Е.Н. Движение учащихся духовных семинарий на рубеже XIX–XX вв. и его роль в борьбе российской молодежи с самодержавием // Юридическая мысль. 2010. № 6.
- Полищук, 2011 – Полищук Е.Н. Молодежное движение России в дореволюционный период. СПб.: Изд-во Юридического института, 2011.
- Посохов, 2006 – Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX в. в оценках современников и потомков // Вопросы образования. 2006. № 1.
- Правила для студентов..., 1885 – Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов. СПб., 1885.
- Радченко, 2008 – Радченко А.Ф. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: особенности становления и развития. М., 2008.

- Родионов, 1998** – Родионов В.А. Теория и политика советского государства и общества в отношении молодого поколения и юношеского движения. 1917–1941 годы. М.: Социум, 1998. 273 с.
- Российское законодательство, 1984** – Российское законодательство X–XX веков. М., 1984 г. Т. 2. С. 241–439.
- Сборник постановлений..., 1904** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. СПб., 1904.
- Сборник постановлений..., 1905** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Т. 7. СПб., 1905.
- Свод законов Российской империи, 1912** – Свод законов Российской империи (Издание неофициальное в 5 книгах). СПб., 1912. Т. X.
- Соколов, 2002** – Соколов В.И. История молодежного движения России – СССР с середины XIX века по XXI век. Рязань: Узорочье, 2002. 626 с.
- Соловьев, 1913** – Соловьев И. Университетский вопрос в шестидесятых годах // *Вестник воспитания*. 1913. № 9.
- Социология молодежи, 2005** – Социология молодежи: Учебник / Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005.
- Тимофеева, 2006** – Тимофеева Р.И. Конституционно-правовые основы государственной молодежной политики. Челябинск, 2006.
- Тихомиров, Епифанов, 1961** – Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. 414 с.
- Туманова, 2008** – Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008.
- Туманова, 2014** – Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Университетский Устав 5 ноября 1804, 2012** – Университетский Устав 5 ноября 1804 / Сайт МГУ // URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 23.11.2012).
- Цветлюк, 2001** – Цветлюк Л.С. Политический контроль в молодежной среде. 1920–1930-е годы. М.: Социум, 2001. 122 с.
- ЦГАМ** – Центральный государственный архив Москвы.
- ЦГИА** – Центральный государственный исторический архив.
- Шашенков, 2004** – Шашенков А.А. Конституционно-правовое положение молодежи в Российской Федерации. М., 2004.
- Щетинина, 1976** – Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.
- Юности честное зеркало, 2013** – *Юности честное зеркало*. URL: <http://gorenka.org/index.php/sunduchok/6363-yunosti-chestnoe-zertsalo> Дата обращения: 22.11.2013.
- Merkulov et al., 2017** – Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V. The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 43, Is. 1, pp. 257-264.

References

- Anenkov, 1905** – Anenkov N. (1905). Sistema russkogo grazhdanskogo prava. [The system of Russian civil law]. Т. 5. Prava semejnye i opeka. SPb. [in Russian]
- CGAM** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvy [Central State Archive of Moscow]
- CGIA** – Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Central State Historical Archive]
- Cvetlyuk, 2001** – Cvetlyuk L.S. (2001). Politicheskij kontrol' v molodyozhnoj srede. 1920-1930-e gody [Political control in the youth environment. 1920-1930s]. М.: Socium. 122 p. [in Russian]
- Dokumenty pervogo vserossijskogo s"ezda..., 1915** – Dokumenty pervogo vserossijskogo s"ezda instruktorov i lic interesuyushchihskya skautizmom [Documents of the first all-Russian Congress of instructors and individuals interested in scouting]. Pg. 1915. [in Russian]
- Domostroj, 1994** – Domostroj. М.: Nauka; 1994. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of Russian Federation]
- Gyrgenova, 2008** – Gyrgenova B.S. (2008). Istoriografiya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii [Historiography of the state youth policy in Russia]. *Vlast'*. № 3. pp. 56-59. [in Russian]
- Il'inskij, 2001** – Il'inskij I.M. (2001). Molodyozh' i molodyozhnaya politika [Youth and youth policy]. М.: Golos. 696 p. [in Russian]
- Ivanov, 1991** – Ivanov A.E. (1991). Vysshaya shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Higher School in Russia in the late XIX – early XX centuries]. М. [in Russian]
- Kas'yanov, 2010** – Kas'yanov V.V. (2010). Metodologiya izucheniya istoricheskogo opyta razrabotki i realizacii rossijskoj molodezhnoj politiki [Methodology of studying the historical experience of the development and implementation of Russian youth policy]. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-1-2010/history/kasyanov.pdf>. [in Russian]
- Kostrova, 2008** – Kostrova A.A. (2008). Publichnaya molodezhnaya politika: process stanovleniya i realizacii v sovremennoj Rossii [Public Youth Policy: The Process of Formation and Realization in Modern Russia]. М. [in Russian]

- [Krivoruchenko, 1986](#) – *Krivoruchenko V.K.* (1986). Komsomol v sovetskom obshchestve [The Komsomol in Soviet society]. M.: Znanie. 170 p. [in Russian]
- [Krivoruchenko, 2012](#) – *Krivoruchenko V.K.* (2012). K voprosu teorii o molodyozhi budushchego [On the theory of the youth of the future]. *Nasha molodyozh'*. № 5. pp. 33-35. [in Russian]
- [Krivoruchenko et al., 1997](#) – *Krivoruchenko V.K., Rodionov V.A., Tatarinov O.V.* (1997). Molodezhnoe dvizhenie v Rossii i Sovetskom Soyuze: uroki istorii [Youth Movement in Russia and the Soviet Union: Lessons from History]. M. [in Russian]
- [Lukov, 2012](#) – *Lukov Val. A.* (2012). Teorii molodyozhi: mezhdisciplinarnyj analiz [Theories of youth: interdisciplinary analysis]. M.: Kanon+ROOI «Reabilitaciya». 528 p. [in Russian]
- [Merkulov et al., 2017](#) – *Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V.* (2017). The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1. pp. 257–264.
- [Merkulov, 2005](#) – *Merkulov P.A.* (2005). K voprosu o soderzhanii definicii «gosudarstvennaya molodyozhnaya politika» [To the question of the content of the definition of "state youth policy"]. *Gosudarstvo i obshchestvo. Problemy i perspektivy vzaimodejstviya. Sbornik nauchnykh statej. Orel: OrelGTU*. pp. 48–53. [in Russian]
- [Merkulov, 2012](#) – *Merkulov P.A.* (2012). Metodologiya izucheniya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki – priglashenie k diskussii [The methodology of studying state youth policy is an invitation to discussion]. *Vestnik Associacii vuzov turizma i servisa*. № 4 (23). pp. 79–82. [in Russian]
- [Merkulov, 2013a](#) – *Merkulov P.A.* (2013a). Gosudarstvennaya molodyozhnaya politika Rossii – istoricheskie ehtapy formirovaniya. [State Youth Policy of Russia – Historical Stages of Formation]. SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef–Press». 515 p. [in Russian]
- [Merkulov, 2013b](#) – *Merkulov P.A.* (2013b). O novyh konceptual'nyh podhodah k izucheniyu istoricheskogo opyta formirovaniya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki [About new conceptual approaches to the study of historical experience in the formation of state youth policy]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. № 1. pp. 3–4. [in Russian]
- [Merkulov, Eliseev, 2015](#) – *Merkulov P.A., Eliseev A.L.* (2015). Soslovnaja molodezhnaja politika: k voprosu ob istoricheskikh predposylkah formirovaniya mehanizmov gosudarstvennogo regulirovaniya v molodezhnoj sfere [Estimated youth policy: to the question of the historical preconditions for the formation of mechanisms of state regulation in the youth sphere]. *Vlast'*. № 7. pp. 115–119. [in Russian]
- [Morozov, 2002](#) – *Morozov N.I.* (2002). Istoriografiya molodezhnogo dvizheniya v Rossii, fevral' 1917 g. – nachalo 1930-h gg. [Historiography of the youth movement in Russia, February 1917 – the beginning of the 1930s.]. M. [in Russian]
- [Nekhaev, 2006](#) – *Nekhaev V.V.* (2006). Pravovoe obespechenie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossii: Seredina 1980-h – 1993 gody [Legal support of the state youth policy of Russia: Mid-1980s-1993]. M. [in Russian]
- [Pavlenko, 2008a](#) – *Pavlenko T.A.* (2008). Bunty seminaristov v 1905-1907 gg.: tradicionnyj protest v usloviyah revolyucii [Riots of seminarians in 1905-1907: traditional protest in the conditions of revolution] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. № 36 (77): Aspirantskie tetradi: Nauchnyj zhurnal. [№ 36 (77): Postgraduate notebooks: Scientific journal]. SPb. pp. 139–144. [in Russian]
- [Pavlenko, 2008b](#) – *Pavlenko T.A.* (2008). Seminaristy i cerkovnaya vlast': vopros o reformirovanii duhovnogo obrazovaniya vo vremya revolyucii 1905-1907 gg. «Rossiya i revolyuciya 1917 g.: opyt istorii i teorii»: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 12-13 noyabrya 2007 g. [Seminarists and church authorities: the question of reforming spiritual education during the revolution of 1905-1907]. SPb.: Olearius Press. pp. 191–200. [in Russian]
- [Podgotovitel'nye raboty..., 1908](#) – Podgotovitel'nye raboty po vvedeniyu vseobshchego obucheniya v Rossii [Preparatory work for the introduction of universal education in Russia]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. V dvuh vypuskah. Mart 1908. April' 1908. SPb., 1908. [in Russian]
- [Polishchuk, 2010](#) – *Polishchuk E.N.* (2010). Dvizhenie uchashchihsya duhovnykh seminarij na rubezhe XIX–XX vv. i ego rol' v bor'be rossijskoj molodezhi s samodержaviem [The movement of students of theological seminaries at the turn of the XIX–XX centuries. and his role in the struggle of Russian youth with the autocracy]. *Yuridicheskaya mysl'*. № 6. [in Russian]
- [Polishchuk, 2011](#) – *Polishchuk E.N.* (2011). Molodezhnoe dvizhenie Rossii v dorevolucionnyj period [Youth movement of Russia in the pre-revolutionary period]. SPb.: Izd-vo YUridicheskogo institute. [in Russian]
- [Posohov, 2006](#) – *Posohov S.I.* (2006). Ustavy rossijskikh universitetov XIX v. v ocenках sovremennikov i potomkov [Statutes of Russian universities of the XIX century. in the assessments of contemporaries and descendants]. *Voprosy obrazovaniya*. № 1. [in Russian]
- [Pravila dlya studentov..., 1885](#) – *Pravila dlya studentov i storonnih slushatelej imperatorskikh rossijskikh universitetov*. [Rules for students and third-party students of imperial Russian universities]. SPb., 1885. [in Russian]

- Radchenko, 2008** – *Radchenko A.F.* (2008). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossijskoj Federacii: osobennosti stanovleniya i razvitiya [State Youth Policy in the Russian Federation: Peculiarities of Formation and Development]. M. [in Russian]
- Rodionov, 1998** – *Rodionov V.A.* (1998). Teoriya i politika sovetskogo gosudarstva i obshchestva v otnoshenii mladogo pokoleniya i yunosheskogo dvizheniya. 1917-1941 gody. [The theory and policy of the Soviet state and society with respect to the younger generation and the youth movement. 1917-1941]. M.: Socium. 273 p. [in Russian]
- Rossijskoe zakonodatel'stvo, 1984** – Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. M., 1984 g. T. 2. pp. 241-439. [in Russian]
- Sbornik postanovlenij..., 1904** – Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya T. 7. [Collection of decrees on the Ministry of Public Education]. SPb., 1904. [in Russian]
- Sbornik postanovlenij..., 1905** – Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya T. 7. [Collection of decrees on the Ministry of Public Education]. SPb., 1905. [in Russian]
- Shashenkov, 2004** – *Shashenkov A.A.* (2004). Konstitucionno-pravovoe polozhenie molodezhi v Rossijskoj Federacii [Constitutional and legal status of youth in the Russian Federation]. M. [in Russian]
- Shchetinina, 1976** – *Shchetinina G.I.* (1976). Universitety v Rossii i ustav 1884 g. [Universities in Russia and the Charter of 1884]. M. [in Russian]
- Sociologiya molodezhi, 2005** – Sociologiya molodezhi: Uchebnik. Pod red. V.N. Kuznecova [Sociology of Youth: A Textbook]. M. 2005. [in Russian]
- Sokolov, 2002** – *Sokolov V.I.* (2002). Istoriya molodyozhnogo dvizheniya Rossii - SSSR s serediny XIX veka po XXI vek [The history of the youth movement of Russia – the USSR from the middle of the XIX century to the 21st century] Ryazan': Uzoroch'e. 626 p. [in Russian]
- Solov'ev, 1913** – *Solov'ev I.* (1913). Universitetskij vopros v shestidesyatykh godakh [University issue in the sixties]. *Vestnik vospitaniya*. № 9. [in Russian]
- Svod zakonov Rossijskoj Imperii, 1912** – Svod zakonov Rossijskoj Imperii (Izdanie neoficial'noe v 5 knigah) [Code of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1912. T. H. [in Russian]
- Tihomirov, Epifanov, 1961** – *Tihomirov M.N., Epifanov P.P.* (1961). Sobornoe ulozhenie 1649 goda. [Cathedral Code of 1649]. M.: Izd-vo MGU. 414 p. [in Russian]
- Timofeeva, 2006** – *Timofeeva R.I.* (2006). Konstitucionno-pravovye osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Dissertation topics: Konstitutsionno-legal bases of the state youth policy]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Tumanova, 2008** – *Tumanova A.S.* (2008). Obshchestvennye organizacii i russkaya publika v nachale XX veka [Public organizations and the Russian public at the beginning of the 20th century]. M.: Novyj hronograf. [in Russian]
- Tumanova, 2014** – *Tumanova A.S.* (2014). Obshchestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. M.: Politicheskaya ehnciklopediya. [in Russian]
- Universitetskij Ustav 5 noyabrya 1804, 2012** – Universitetskij Ustav 5 noyabrya 1804. Sajt MGU [University Charter November 5, 1804]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327>. [in Russian]
- Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie...** – Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie o kadetskikh korpusah [The highest approved Statute of the Cadet Corps]. PSZRI. Sobr. 3-e. T. VI. 3517. [in Russian]
- Vysochajshee povelienie..., 1906** – Vysochajshee povelienie Pravitel'stvuyushchemu senatu 14 sentyabrya 1906 g. [The highest command to the Government Senate on September 14, 1906.]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1906. № 12. [in Russian]
- Yunosti chestnoe zercalo, 2013** – Yunosti chestnoe zercalo [Youth honest mirror]. URL: <http://gorenka.org/index.php/sunduchok/6363-yunosti-chestnoe-zertsalo>. [in Russian]
- Zav'yalov, 2006** – *Zav'yalov D.A.* (2006). Vremennye pravila organizacii studencheskih uchrezhdenij 22 dekabrya 1901 g. [Temporary rules for the organization of student institutions December 22, 1901]. *Klio*. № 1. pp. 105-111. [in Russian]
- Zhukov, 1916** – *Zhukov I.N.* (1916). Russkij skautizm. Kratkie svedeniya o russkoj organizacii yunyh razvedchikov. [Russian scouting. Brief information about the Russian organization of young scouts]. Pg. [in Russian]
- Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1908** – Podgotovitel'nye raboty po vvedeniyu vseobshchego obucheniya v Rossii [Preparatory work for the introduction of universal education in Russia]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. V dvuh vypuskah. Mart 1908. April' 1908. SPb., 1908. [in Russian]
- Zubok, Chuprov, 2008** – *Zubok Yu.A., Chuprov V.I.* (2008). Stanovlenie i razvitie otechestvennoj sociologii molodezhi [Formation and development of the national sociology of youth]. *Sociologicheskie issledovaniya*. № 7. pp. 108-117. [in Russian]

Государственная молодежная политика в дореволюционной России – от сословности к полноценному социальному регулированию

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Анатолий Леонидович Елисеев ^a,
Дмитрий Владимирович Аронов ^b

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

^b Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация

Аннотация. В истории формирования государственной молодежной политики России особая роль принадлежит XIX веку. Этот век, вместивший в себя несколько эпох в истории страны, стал определяющим и для формирования и развития такого важного регулятора, как государственная молодежная политика. Будучи в начале XIX в. одним из второстепенных направлений социальной регуляции, несшим на себе все признаки одной из разновидностей сословной социальной политики, она, в результате системных реформ Александра II, получила мощный импульс к обновлению в социуме, развивающемся опережающими темпами во всех сферах социально-политической и экономической жизни. В итоге в XX в. Россия вступила, имея полноценную государственную молодежную политику как единство трех базовых элементов: молодежь как идентифицируемая государством отдельная социальная группа, специализированная нормативно-правовая база и система взаимосвязанных органов управления (для XIX в. общей компетенции). Анализ всех трех составляющих государственной молодежной политики России до 1917 г. позволяет выработать критерии ее периодизации как составной части социальной политики государства в целом, показать наличие четкого целеполагания в деятельности государственной власти по формированию нормативно-правовой и административно-управленческой составляющей молодежной политики в отношении учащейся, рабочей и других категорий молодежи, проследить динамику изменений в контексте общеполитической ситуации в стране.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, сословная политика Российского государства до 1917 г., история формирования нормативно-правовой базы молодежной политики дореволюционной России.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов),
eliseev.anatoly@gmail.com (А.Л. Елисеев), aronovdv@mail.ru (Д.В. Аронов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1074-1083. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1074
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Confessional State Policy of Alexander I

Veronika S. Khizhnyak ^{a, *}, Maria A. Lipchanskay ^a, Marina N. Laydasheva-Ilicheva ^a

^a Saratov State Law Academy, Russian Federation

Abstract

Freedom of religion is considered a fundamental human right in the modern world. In Russia, this right has arisen long time ago, but earlier it was significantly different in content from the modern one. Moreover, it had its specifics in different eras. Confessional policy is a part of the state policy, which under the conditions of the absolute monarchy largely depended on the views of the head of state.

Public policy of Alexander I, including the policy on issues of religion, bear the imprint of the distinctive worldview of the Emperor and of the political background of that time: the revolution in France and the Patriotic war of 1812, which caused some changes in the further development of society and law.

Based on the study of legislative acts adopted during the reign of Alexander I and some legislative acts of his predecessors, as well as taking into account new theoretical and methodological approaches, the article deals with the development of state policy on religious issues in Russia in the period from 1801 to 1825.

The article uses normative legal acts on religious matters adopted during the period under review, the opinions of scholars and public figures of the past in relation to the content of these acts, as well as the opinions of modern researchers. The results of the state policy pursued by Alexander I were discussed, the main characteristic features of his state confessional policy, its principles and objectives were highlighted. The paper presents previously unpublished data from the State archives of the Saratov region.

Keywords: state policy, legislation, freedom of religion, Alexander the 1st, Russian Empire.

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что отношения церкви и государства на протяжении многих веков представляли особо значимую разновидность общественных отношений. Государственная политика по вопросам свободы вероисповедания существовала всегда и в любом государстве, а церковь рассматривалась в качестве опоры существования государства, обеспечивающей легитимность государственной власти. Принцип государственной религии был сильнее принципа свободы совести на протяжении почти XV столетий (Рейснер, 1905: 2–3). При этом свобода вероисповедания была одним из важнейших прав личности. От вероисповедания часто зависел правовой статус человека и его отношения с государством.

Первоначально государственную политику было принято определять как идею, и это не случайно, ведь изначально у законодателя возникает представление о том, как следует регулировать тот или иной вопрос, и, исходя из той цели, которую необходимо достигнуть, он выбирает оптимальный вариант, закрепляя его в нормах права. Все это на практике воплощается в общественной системе через деятельность государственных органов. В условиях абсолютной монархии основным субъектом любой государственной политики является монарх. Проводником данной государственной политики при Александре I являлся, по мнению Священного Правительствующего Синода, князь А.Н. Голицын. Об это свидетельствует содержание докладов и узаконений «Высочайше утвержденных Императором» и Синодальных указов, утверждавших

* Corresponding author

E-mail addresses: veronika_h@mail.ru (V.S. Khizhnyak)

доклады министра А.Н. Голицына по вопросам управления духовными делами и свободы вероисповедания в Российской империи.

На современном этапе культурно-исторического (цивилизационного) развития данная тема актуальна для изучения полиэтнического и мультиконфессионального российского общества.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников при написании статьи использованы узаконения, принятые в эпоху правления императора Александра I и систематически изложенные в XXVI–XL томах Полного собрания законов Российской империи 1830 г. (далее – ПСЗ РИ). В их содержании усматривается динамика развития государственной политики в отношении к Русской православной церкви (далее – РПЦ) и другим религиозным объединениям в различных губерниях Российской империи. В узаконениях приводилась практика деятельности прежде всего губернского начальства, призванного защищать интересы РПЦ, семьи, общества и государства.

В качестве дополнительных источников исследования были использованы воспоминания, переписка и оценки выдающихся деятелей высших и местных органов государственной власти, имевших непосредственное отношение к обсуждению и законодательному регулированию вопроса свободы вероисповедания в России первой четверти XIX в. Исследованные материалы свидетельствуют об официально выраженной позиции императора Александра I к вопросам свободы вероисповедания в Российской империи.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципах историзма, объективности, а также сочетания научно-биографического, системного, проблемно-хронологического и междисциплинарного подходов к осмыслению правовых основ взаимодействия церкви и государства, а также вопросов управления РПЦ и другими религиозными объединениями в контексте развития самодержавной монархии в России эпохи Александра I.

В работе использовались такие методологические приемы, как сравнение и обобщение, анализ и синтез. Комплексное изучение узаконений на предмет осмысления государственной политики императора в отношении веротерпимости в Российской империи проведено на основе историко-правового метода.

3. Обсуждение

Историография по теме исследования обширна, она включает в себя историко-правовые и догматические оценки вопросов веры и веротерпимости в российском законодательстве первой четверти XIX века (ПСЗРИ, 1830), в котором содержатся сведения о правовом регулировании свободы вероисповедания, а также управления РПЦ и другими религиозными объединениями. Императора Александра I интересовали вопросы веротерпимости, просвещения верующих различных конфессий, их сословной принадлежности и имущественного состояния, проблемы несения ими государственных повинностей.

Сведения о реализации конфессиональной политики в России первой четверти XIX века содержатся в фондах Государственного архива Саратовской области. В частности, документы Ф. 2 Саратовского Губернского правления, Ф. 180 Саратовской конторы иностранных поселенцев, Ф. 1166 Херсонской римско-католической духовной консистории содержат неопубликованные материалы официального делопроизводства по согласованию вопросов управления РПЦ, колониями и сектами. Официальная переписка велась между Губернскими правлениями с Министерством внутренних дел, епархиями и т.д., если этого требовали узаконения императора, Священного Правительствующего Синода и Правительствующего Сената. В соответствии с политикой императора местные органы государственной власти (например, Губернские правления, магистраты, конторы опекунов иностранцев и др.), призваны были взаимодействовать с епархиями, колониями иностранцев и прочими религиозными объединениями (ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 289. Л.1–3).

В таких периодических изданиях, как «Сын Отечества», «Русский архив», а также «Вера и разум», были опубликованы воспоминания и оценки чиновников и высшего духовенства РПЦ, принимавших участие в разрешении духовных дел в отношении конфессиональной государственной политики.

О личном отношении Александра I к вопросам вероисповедания писали В.В. Антонов, А.В. Кобак, В.Ф. Благовидов, В.К. Надлер, В.А. Федоров, Г. Флоровский, отмечавшие особенности его мировоззрения, связанные с полученным им воспитанием (Антонов, Кобак, 1994; Благовидов, 1900; Надлера, 1886; Федоров, 2003; Флоровский 2009).

О государственных органах, действовавших во время правления Александра I, в сферу компетенции которых входили вопросы конфессиональной политики, говорится в работе Т.В. Барсова (Барсов, 1896).

Государственная конфессиональная политика Александра I была предметом анализа в работах В.Ф. Благовидова, И.С. Бердникова, А. Ельчукова, В.К. Надлера, В.А. Федорова, которые особо отмечали принцип веротерпимости, положенный в ее основу (Благовидов, 1900; Бердников, 2013; Ельчуков, 1907; Надлера, 1886, Федоров, 2003).

Воспоминания чиновников и представителей высшего духовенства о борьбе с сектантами, масонами, иезуитами и Библейским обществом, нарушавшими принцип свободы вероисповедания и веротерпимости, были опубликованы в периодических изданиях М.Я. Морошкиным, Л.Н. Трефолевым (Морошкин, 1868a, 1868b; Трефолев, 1896).

Собственные высказывания Александра I приводятся по его письмам, собранным и опубликованным его внучатым племянником Николаем Михайловичем Романовым (Великий князь Николай Михайлович, 2010).

Об отношении государства и церкви во времена правления династии Романовых в целом писали как дореволюционные ученые, например М.А. Рейснер, так и современные, к примеру Н.А. Иванова и В.П. Желтова (Рейснер, 1905; Иванова, Желтова, 2009).

4. Результаты

Отношение Александра I к религии не раз становилось объектом исторического исследования. Тем не менее, существуют различные мнения о его религиозных убеждениях и характере его конфессиональной политики. С одной стороны, можно встретить упоминания о его симпатиях к католицизму, иезуитам, масонам и даже о его членстве в масонской ложе, с другой – есть мнение, что император был глубоко верующим православным христианином. Существуют и точки зрения, согласно которым он исповедовал «смешанное христианство экуменического толка», но, несмотря на это, проводил довольно лояльную политику по отношению к православной церкви (Антонов, Кобак, 1994: 14) или выработал для себя свою религию без определенных догматических убеждений – универсальную религию церкви, одинаково мирившуюся со всеми вероисповеданиями и ни к одному из них не принадлежавшую, близкую более к протестантскому мистицизму, чем к православию (Благовидов, 1900: 373–374).

В.К. Надлер отмечал, что Александр I вступил на престол с возвышенными, но неясными намерениями. Под влиянием идей эпохи Просвещения он провозгласил принцип законности и стремился подчинить ему все, в том числе и неограниченность своей самодержавной власти. Намереваясь освободить и просветить русский народ, он мало обращал внимания на ту значительную нравственную и образовательную силу, которая заключается в русской церкви и духовенстве. В основу его отношения к церкви была положена идея веротерпимости. В равной степени он заботился и о русской православной церкви, и о представителях иных конфессий (Надлер, 1886: 33–34, 39).

Веротерпимость Александра I была широкой, но это не означает, что он был готов к необдуманным действиям в своей конфессиональной политике или питал особое расположение к какой-то конкретной инославной религии. Как отмечает В.А. Федоров, «Александр I лично не был расположен к иезуитам, но не препятствовал их деятельности» (Федоров, 2003: 203). Несмотря на тот факт, что масоны «видели в Александре I «своего человека», сам он особых симпатий к ним не питал» (Федоров, 2003: 207–208). Его увлечение мистицизмом также возникло не под их влиянием. Как писал Г. Флоровский, причиной было то, что Александр I «был воспитан в началах сентиментального гуманизма» (Георгий Флоровский, 2009: 136–137). Попытка Александра I привлечь к «Священному союзу» римского папу преследовала цель укрепления российских позиций в католической Польше (Федоров, 2003: 210), т.е. это был политический шаг, не свидетельствовавший о его особом расположении к католикам.

Безусловно, внутренние религиозные убеждения Александра I не могли совсем не отразиться на его конфессиональной политике, и все же нельзя забывать, что эту политику он проводил в целях сохранения государственного единства Российской империи. Задачами государственной важности были недопущения напряженности в межконфессиональных отношениях и сохранение приоритета за православием. При этом он был глубоко верующим человеком. В своих письмах Александр I отмечал: «Никогда боязнь общественного мнения не была для меня помехой; я только заботился о судилище собственной души, которая вся в Боге» (Великий князь Николай Михайлович, 2010: 245).

Кроме того, конфессиональная политика Александра I развивалась в условиях революционных и военных потрясений в Европе, и это не могло не отражаться на ней, исходя из здравого смысла, он не мог излишне притеснять православие, являвшееся опорой государства, и давать слишком большие вольности иным конфессиям. Следует отметить, что в России Романовы осуществляли свои суверенные полномочия на территории всего государства, в том числе данной Поместной церкви, но влияли лишь на внешнее церковное право, призванное регулировать отношения церкви и государства (Иванова, Желтова, 2009: 236–237).

В эпоху царствования Александра I было принято достаточное количество нормативно-правовых актов по различным вопросам, чтобы сделать вывод о его конфессиональной политике. Например, в них регламентировались вопросы управления духовными делами, правовым положением духовенства, относившегося к различным исповеданиям. Так, 22 мая 1801 г. священники и диаконы были освобождены императором от телесного наказания по уголовным делам с целью дать народу пример уважения к священному сану (ПСЗРИ-1. Т. XXVI: 655).

Отношение к раскольникам в эпоху правления Александра I было снисходительным и определено указом от 21 февраля 1803 г., а затем от 11 апреля 1820 г. Это способствовало быстрому распространению идей раскольников (Бердников, 2013: 252).

В Высочайше утвержденном докладе Синода о духовном управлении в Грузии от 30 июня 1811 г. было указано, что в связи с признанием в 1783 г. над собой верховной власти и покровительства Российского Императорского Престола Ираклием Вторым, Царем Карталинским и Кахетинским, 12 сентября 1801 г. Александр I издал манифест с приложением постановления о внутреннем управлении в Грузии и с указанием штатов назначенных чиновников. Кроме того, Главноуправляющий в Грузии генерал-лейтенант Книринг получил указание о приведении в соответствие духовной части этого края в порядок, чтобы «обращение горских язычников в веру Христианскую производимо было посылкою миссионеров из Грузии, нежели из России, как происходило сие до того» (ПСЗРИ-1. Т. XXXI: 767). В докладе подчеркивалось, что духовенство можно было использовать «для обращения в Христианскую веру соседствующих с Грузией Горских идолопоклонных народов» (ПСЗРИ-1. Т. XXXI: 769).

Император Александр I объявил манифестом объединение старой и новой Финляндии в одно гражданское управление. Духовное ведомство церквей и монастырей православного греко-российского исповедания было оставлено во всем на прежних их основаниях под управлением Св. Синода и их Епархиального начальства. Все православные греко-российские церкви в Финляндии были присоединены к этому ведомству (ПСЗРИ-1. Т. XXXI: 1024).

В 1813 г. в Санкт-Петербурге было образовано Библейское общество, император разрешил ему распространять Священное Писание среди иноплеменных народов, населявших Россию (Сын Отечества, 1813. С. 199). В то время Александр I возлагал на него большие надежды. В своем письме князю А.Н. Голицыну он писал: «Да ниспошлет Всевышний благословение на это учреждение; я предаю ему величайшее значение» (Великий князь Николай Михайлович, 2010: 185).

24 октября 1817 г. было учреждено Министерство духовных дел и народного просвещения (Барсов, 1896: 326). В манифесте было указано, что подобные действия власти вызваны желанием сохранить Христианское благочестие в качестве основания «истинного просвещения». С этой целью император признал полезным объединить дела по Министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе одного управления. Соответственно, в манифесте было подчеркнуто, что Министерству были переданы дела Священного Правительствующего Синода с тем, чтобы он находился по этим делам в таком к Синоду отношении, как министр юстиции к Правительствующему Сенату, кроме дел судебных (ПСЗРИ-1. Т. XXXIV: 814).

В связи с созданием данного министерства Священный Синод стал возглавлять князь П.С. Мещерский. Эта реформа привела к тому, что обер-прокурор представлял в Священном Синоде министра, а не царя и помазанника Божия, как это было указано в Духовном регламенте. В этих условиях митрополит Амвросий столкнулся с покровительством всех сект со стороны А.Н. Голицына. Ситуация усугубилась назначением А.Н. Голицына министром. Учреждение Министерства духовных дел и их соединение в одном управлении привело к сопоставлению в одном ряду православной церкви не только с христианскими вероисповеданиями, но и с магометанством, иудейством и язычеством. Этот конфликт в системе управления привел к уходу митрополита Амвросия от управления. Его преемником стал митрополит Михаил, который продолжил борьбу. Ситуация изменилась только при митрополите Серафиме (Барсов, 1896: 334–335).

По мнению Т.В. Барсова, несмотря на упразднение Министерства духовных дел и народного просвещения, в духовной среде не были искоренены традиции, заложенные и воспринятые под влиянием заключенного 14 сентября 1815 г. в Париже Священного союза. Министерство было призвано сочетать веру и науку, объединить церковь со школой, стремилось привести «к строгому, как бы органическому единству все существующие в государстве вероисповедания и религии, не полагая между ними различия и поставляя наряду со всеми прочими и господствующую церковь с ее особым иерархическим устройством». Это должно было выразить воспринятые государством идеи Священного союза (Барсов, 1896: 336–337).

В 1822 г. последовал разгром всех масонских лож и всех тайных обществ. При поступлении чиновников на службу они должны были дать расписку в том, что не состоят ни в какой масонской ложе или тайном обществе в империи или вне ее (Трефолов, 1896: 153–154).

В письме митрополита Серафима к императору Александру I от 11 декабря 1824 г. сообщалось о широком распространении среди простого народа секты духоносцев, идей свободы действия согласно желаниям и страстям. Эта секта распространяла среди народа явное противление православной церкви и ложные представления о намерениях императора. В письме приводились и иные примеры вреда данной секты, а также говорилось о необходимости в связи с этим принять меры для защиты православия (Морошкин, 1868а: 940–942). По тому же вопросу митрополит Серафим написал императору 28 декабря 1824 г. и просил прекратить деятельность Библейских комитетов по всей Российской империи. Однако все действия Российского Библейского общества были остановлены только Высочайшим рескриптом от 12 августа 1826 г. императора Николая I (Морошкин, 1868b: 943–945).

5 августа 1824 г. император Высочайше утвердил доклад Синода о правилах обращения кочующих в Архангельской губернии самоедов в христианскую веру и о назначении ежегодной суммы на содержание священников с причетниками. Гражданскому правительству предписывалось способствовать проповедникам всеми нужными мерами. Были приняты правила, содержащие

описание способов и средств, необходимых для реализации планов обращения самоедов в христианскую веру. Священный Синод одобрил вышеуказанные правила и предписал епархиальному начальству пользоваться ими при обращении самоедов в христианскую веру (ПСЗРИ-1. Т. XXXIX: 470–471).

10 марта 1825 г. император Высочайше утвердил правила для управления калмыцким народом, проживавшим в Астраханской губернии и Кавказской области. Областное управление было призвано следить за степенью власти духовенства и его влиянием на дела народа (§ 28). Дела по духовным разбирательствам подлежали рассмотрению по древнему Калмыцкому уложению, обычаям и обрядам (§ 57) (ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 155–161).

Следует отметить, что деятельность по распространению православия при Александре I велась преимущественно на территории России, новых миссий за рубежом в отличие от своих предшественников или преемников он не открывал (Федоров, 2003: 159–174).

Представители РПЦ и многие исследователи часто упрекали Александра I в том, что его либеральная конфессиональная политика наносила ущерб православию. Например, Ф.В. Благовидов считал, что принцип самой широкой веротерпимости и полной равноправности всех исповеданий, проведенный в учреждении нового министерства, не только поставил господствующую веру в один ряд с инославными вероисповеданиями, но и приравнял ее к нехристианским религиям (Благовидов, 1900: 378).

Конфессиональная политика Александра I зачастую негативно воспринималась представителями РПЦ, которые видели в его действиях угрозу их положению, что было обоснованно, так как его либеральное отношение к другим вероисповеданиям создавало «идеологическое многообразие», которое могло повлечь за собой отпадение верующих от православной веры. Даже деятельность Библейского общества по переводу Библии на языки народов, населявших Российскую империю, несло угрозу, так как само общество было создано протестантами и могло способствовать распространению их идей.

«Священный союз» между европейскими державами, возникший по благородному почину императора Александра Благословенного, получил дурную славу в общественном мнении. Одни историки и публицисты воспринимали его в качестве не имевшего практического смысла, а другие, более либеральные, воспринимали его как преступную попытку остановить естественное развитие европейцев. В основу Священного союза были положены христианские принципы (Надлер, 1886: 4).

По мнению В.К. Надлера, русское правительство этой эпохи гораздо больше соблюдало интересы лютеранских пасторов, католических ксендзов и татарских мулл, нежели интересы православного духовенства, что вытекало из принципа веротерпимости, лежавшего в основе мировоззрения императора Александра I и его советников (Надлер, 1886: 49–50).

На наш взгляд, это мнение нельзя назвать справедливым. Например, еще при Екатерине II немецким колонистам в Поволжье была представлена свобода вероисповедания при условии, что это не будет ущемлять интересы РПЦ. Колонистам нельзя было обращать в свою веру православных, но разрешалось привлекать к ней мусульман (манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.). Александр I этих норм не отменял. Следует отметить, что часть немцев приняла православие, чтобы сделать карьеру в России. При этом В.К. Надлер пишет, что религия, по мнению Александра I, должна была служить государственным и образовательным целям. Поэтому особым покровительством пользовались те церковные учреждения и общества, которые обладали наибольшей образовательной силой и соответствовали его просветительским стремлениям (Надлер, 1886: 49–50).

Александр I непосредственно принимал участие в решении конфессиональных вопросов немецких колонистов, а следовательно, вмешивался в дела католической и лютеранской церквей. Причиной такого вмешательства были многочисленные жалобы самих верующих, преимущественно лютеран. Именным указом, объявленным Римско-Католической духовной коллегией департамента, Главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий было указано на необходимость посвящения в духовный сан только людей примерного поведения (ПСЗРИ-1. Т. XXXI: 904).

Как серьезная проблема воспринимался переход колонистов в другую веру без одобрения со стороны высшего духовенства. Как свидетельствуют документы официального делопроизводства, хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области, был зафиксирован случай обращения колонистов в другую веру. Так, в Краснянской колонии несколько женщин приняли римско-католическое вероисповедание. Несмотря на то, что женщины дали подписку о том, что изменили веру добровольно, пастор евангельского прихода Вагнер требовал их возвращения в лютеранство. В материалах дела было указано, что подобные решения должны были выноситься только по согласованию с высшим духовенством соответствующих вероисповеданий. Одного желания человека и священника изменить вероисповедание было недостаточно (ГАСО. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 26. Л.1–1 об., 19).

Александр I также предпринял меры по ограничению деятельности иезуитского ордена, который во времена его правления стал оказывать слишком большое влияние на российское дворянство. Еще Екатерина II в 1782 г. повелела ордену иезуитов, чтобы их правила были согласованы с государственными постановлениями.

Находясь в Санкт-Петербурге с 1800 г., иезуиты нарушили закон от 12 февраля 1769 г., т.к. стали принимать в созданное при римско-католической церкви училище юношей не только своего вероисповедания. Более того, вопреки коренным государственным узаконениям они осмелились внушениями привлекать в свое вероисповедание людей, относившихся к греко-российской церкви. В 1801 г. был установлен факт насильственного обращения в католичество «детей еврейских», которые в итоге были изъяты из монастыря силой губернского начальства. В Витебске были установлены факты обращения иезуитами в свою веру военнослужащих, принадлежавших к греко-российской церкви ([ПСЗРИ-1. Т. XXXVII: 115](#)).

Факты обращения простолюдинов иезуитами в свою веру вскрылись в Сибири и в Саратовской губернии. Более того, иезуиты вели деятельность по обращению в свою веру российского дворянства. Действия ордена противоречили действовавшему законодательству, например, содержанию Именного Высочайшего указа от 21 августа 1801 г., в котором говорилось о нетерпимости христианской веры к насилию. Если господствующая вера не позволяла себе никаких понудительных средств к лицам других вероисповеданий, то тем более вера терпимая не могла их употреблять ([ПСЗРИ-1. Т. XXVII: 115](#)).

Кроме того, был нарушен Высочайший указ от 4 июля 1803 г., в котором был провозглашен принцип терпимости, заставивший правительство не прикасаться к убеждению совести в делах веры, что должно было послужить правилом духовным католическим властям в их общении с униатами и воспрепятствовать им всякое «совращение» народа из унии в обряд Римско-католический. По российскому законодательству «подговор и обольщение» в другую веру были строго наказуемыми ([ПСЗРИ-1. Т. XXXVII: 722–723](#)).

Своими действиями иезуиты обременили церковь дополнительными долгами, поэтому именным указом Императора 1815 г. они были высланы из Санкт-Петербурга, им было запрещено пребывать в обеих столицах. Выдворены они были и из других городов. Так, 13 марта 1820 г. Саратовской канторой опекунке иностранных был получен доклад Министерства духовных дел и народного просвещения о высылке из России иезуитов, в котором указывалось, какие меры должна принять кантора в связи с этим. В частности, говорилось о необходимости принять от них церковное имущество: если в Саратове есть их библиотеки, то изъять книги, а также выдать им паспорта и сообщить о них все сведения Министерству внутренних дел ([ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Ед.хр. 117. Л. 191–195](#)).

В указе от 16 февраля 1825 г. император Высочайше утвердил мнение Государственного совета о десятинном сборе в пользу Римско-католической церкви и духовенства в присоединенных губерниях Польши, поскольку следовало учитывать интересы не только Римско-католической церкви, но и защитить интересы греко-российского духовенства ([ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 70](#)). Таким образом, подчеркивался приоритет интересов РПЦ.

14 мая 1825 г. Св. Синод утвердил предложение Преосвященного Серафима, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского изъять по всем учебным заведениям духовных ведомств некоторые книги, напечатанные в частных типографиях без соответствующего разрешения. В Синодском указе была обозначена необходимость предупреждения вреда от продаж и распространения в народе подобных книг, оказывающихся действительно противными вере и правительству. Это решение основано на Высочайшем указе, данном Синоду 28 июля 1787 г., подтвержденном императором Александром I 9 февраля 1802 г. и 17 ноября 1824 г., где он четко и неоднократно высказал свое мнение о необходимости соблюдения запрета печатать духовную литературу в частных типографиях. Подобная литература должна была публиковаться только с разрешения Священного Синода. По мнению министра народного просвещения, указанные книги породили вредные толкования, разрушавшие священную связь между Церковью, Престолом и Отечеством, что в свою очередь вводило людей в соблазны, развращало их нравы, нарушало спокойствие, законы и благоденствие народа. Соответственно, на основе Высочайшего указа министр обратился за помощью к Священному Синоду как к верховному блюстителю веры и благонравия.

Местным гражданским властям и епархиям было указано, что они должны обратить свое внимание на решение данного вопроса и своевременно доносить о наличии книг, указанных Священным Синодом. Копия этого документа подлежала рассылке по всем епархиям. Комиссии духовных училищ должны были предоставить в Священный Синод справки о наличии в обращении подобной литературы ([ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 269–272](#)).

Губернское правление интересовалось сословной принадлежностью, состоянием и имущественным положением иностранцев, претендовавших на проживание в различных частях Российской империи. Вопросы веры и религиозной принадлежности в большей степени относились к духовной сфере, поэтому решались по согласованию только с высшим руководством религиозных организаций ([ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 260. Л. 1–12](#); [ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 308. Л. 7–10](#)).

По жалобам и просьбам раскольников Владимирской губернии, Меленковского уезда, селения Домнина, сельца Сенжан и сельца Левенды император повелел удалить из этих селений главных распространителей раскола, назначив им жительство там, где поселены раскольники одной с ними секты. Священному Синоду император поручил обратить внимание на священников в селениях, где проживало наибольшее число совращенных от Православия. По указанию Синода приходские

священники должны были быть благочестивыми, испытанными в благоразумии и кротости, искусными в обращении с прихожанами, совращенными по их невежеству (ПСЗРИ-1. Т. XXXIX: 419).

29 июля 1825 г. Синодом был вынесен указ по Высочайше утвержденному положению Комитета министров о мерах для препятствия распространения «жидовской секты» – субботников, т.к. министр внутренних дел неоднократно докладывал в Комитет министров о размножении в разных губерниях их сект. Подобные примеры отпадения от христианской веры в Закон еврейский, по мнению Кабинета министров, недопустимо терпеть правительству, обязанному «охранять господствующую Веру и соблюдать членов ее от обольщения, пагубных как для них самих, так и для общества», и поэтому считалось необходимым принять соответствующие меры. По запросу Комитета министров император рассмотрел и утвердил соответствующее положение. В свою очередь, по жалобе субботников на притеснения в Воронежской губернии император поручил разобраться в этом деле министру духовных дел и народного просвещения. По результатам проверки граф Кочубей предоставил в Комитет министров 25 февраля 1823 г. все собранные документы по указанному делу и выразил подробное мнение о необходимости переселения лиц, возглавлявших субботников и пытавшихся распространять свое учение. Строгое наблюдение за сектантами должна была, с его точки зрения, осуществлять гражданская власть на местах (ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 397–398).

Синодальный обер-прокурор предложил на основании сообщения управляющего Министерством внутренних дел о донесении Саратовского гражданского губернатора о решительных мерах губернского начальства, принятых на основании вышеуказанного «положения Комитета гг. министров» в отношении начальников данной секты и их помощников.

На основании сообщения управляющего Министерством внутренних дел о донесении Саратовского гражданского губернатора о решительных мерах губернского начальства, принятых на основании вышеуказанного «положения Комитета гг. министров» в отношении начальников данной секты и их помощников, обер-прокурор уточнил, что применение указанных мер «произвело влияние над малаканами, называющими себя воскресниками», которые в значительном количестве проживали в Саратовской губернии. В результате подобных мер 11 из них присоединилось к православной церкви, а 13 человек намерены последовать их примеру, поэтому «Саратовский гражданский губернатор заключает, что успех в таком случае будет конечно значителен, если епархиальное начальство озаботится срочным помещением в те приходы, где существуют субботники и воскресники, таких священников, которые поведением своим, кротостью и твердым познанием в законе Божьем, соответствовали столь важному предначертанию своему» (ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 400).

Субботники в Воронежской губернии распространяли среди православных людей шести селений вредные идеи. В частности, они критически относились к христианству, отвергали посты, допускали заключение брака даже родственниками, нарушали порядок заключения брака, призывали уклоняться от Церкви и т.д. Под их влияние попало более 1500 душ из казенных и помещичьих селений. Ссылаясь на Высочайший указ императора от 8 января 1807 г., в котором было определено отправлять скопцов в военную службу, бывший Воронежский губернатор Дубенский применял подобную меру в отношении субботников, а негодных к воинской службе ссылал на поселение. С проблемой распространения влияния сект среди христиан столкнулись в Орловской епархии и Тульской губернии (ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 401–408).

15 сентября 1825 г. император утвердил доклад Священного Синода о дополнительных постановлениях в отношении распространения секты субботников, где было уточнено, что их ссылали на военную службу в Грузию и не возвращали впоследствии на прежнее место жительства. Эта мера, по утверждению Священного Синода, была связана с незнанием сектантами грузинского языка, что затрудняло их проповеди среди христиан. По требованию епархиальных архиереев миссионерам, проповедовавшим в местах проживания подобных отступников, из государственной казны выделялись денежные средства на проезд и для ежедневного там пребывания (ПСЗРИ-1. Т. XXXX: 465–467).

На основании этих фактов можно согласиться с мнением проповедника архиепископа Феофилакта Русанова, что Александр I, его правительство и лучшие члены общества в разрешении основного вопроса о возможности земного счастья не преступали должных границ и с этой целью заимствовали у Запада только идею просвещения, однако подчиняли ее христианским началам любви и самоотречения. Некоторые западные теории признавали просвещение главным источником земного счастья (Ельчуков, 1907: 450–451).

Исследователи отмечают тот факт, что император стал уделять большее внимание проблемам РПЦ ближе к концу своего правления, когда в нем проснулся интерес к православию. В то же время, если расположить нормативно-правовые акты, выражающие его конфессиональную политику в хронологическом порядке, можно заметить, что документы, касавшиеся защиты православия, основных принципов конфессиональной политики, ограничения деятельности сект, принимались в течение всего периода его царствования. Возможно, к концу правления Александра I их стало несколько больше, т.к. в том числе усилилась роль Священного Синода как органа государственной власти. Губернское начальство, как гражданское, так и военное, выполняло функции надзора и контроля в вопросах политических настроений, межконфессиональных отношений, просвещения и воспитания верующих различных вероисповеданий. Также к концу царствования Александра I

политика по отношению к иным вероисповеданиям стала менее либеральной, что выразилось в высылке иезуитов, запрещении масонских лож и тайных обществ. Причиной этого явилось нарушение ими существовавшего государственного законодательства.

5. Заключение

Несмотря на идеи императора Александра I об объединении церквей, создание Священного союза и существовавшее какое-то время либеральное отношение к масонам, иезуитам и другим иностранным вероисповеданиям, конфессиональная политика в его правление начинает развиваться в русле установления союза православной церкви и государства. Как законодательные, так и иные меры, принятые в период его царствования, свидетельствуют о том, что, несмотря на свое мировоззрение, мечтательность и увлечение мистицизмом, Александр I как государственный деятель понимал, что РПЦ – институт государства, объединяющий большинство населения. Ее существование в качестве такового было одним из факторов сохранения государственного единства. Еще одним таким фактором была веротерпимость, так как конфессиональный состав населения всегда был неоднородным. Кроме того, Россия широко использовала привлечение иностранных специалистов, и отсутствие веротерпимости могло создать проблемы в развитии торговли, промышленности, науки, культуры и международных отношений. Веротерпимость в совокупности с идеей о равенстве религий в чем-то созвучна идеям Великой французской революции о свободе, равенстве и братстве.

В целом соблюдалась генеральная линия в отношении РПЦ как одной из основ государственности. В пользу этого говорит миссионерская деятельность среди язычников, населявших Россию. Примечательно то, что в период царствования Александра I не было открыто новых православных миссий за рубежом, как это делалось при многих его предшественниках и преемниках. Даже для обращения в христианство язычников, проживавших на сопредельной с Грузией территорией, посылали священников грузинской церкви. На наш взгляд, это связано с идеей Александра I о равенстве всех христианских церквей.

Борьба с сектантством была важным элементом конфессиональной политики. Речь шла, прежде всего, о тех сектах, которые своей деятельностью могли нанести ущерб государству и нарушали законодательство. Например, распространение иезуитского учения среди знати способствовало возрастанию прозападных и антироссийских идей. «Жидовствующие» распространяли идеи, разрушавшие морально-этические устои в семье, обществе и критиковали церковь, что приводило к нарушению российского законодательства, а значит противоречило воле Его Императорского Величества. Кроме того, местное население жаловалось епархии и губернскому начальству на попытки «сращения» православных людей и их насильного обращения в секты.

Таким образом, в конфессиональной политике Александра I явно прослеживаются несколько принципов: приоритет православия как государственной религии, либеральное отношение к инославным конфессиям, не нарушавшим российское государственное законодательство и не создававшим угрозы для государства; оказание им необходимой поддержки; запреты на насильственное обращение в другую веру, на подговор и обращение в нее; предотвращение деятельности сект, создававших угрозу для государства.

Литература

- Антонов, Кобак, 1994 – Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Спб.: Изд-во Чернышева, 1994. Т. I. 288 с.
- Барсов, 1896 – Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1896. 446 с.
- Благовидов, 1900 – Благовидов В.Ф. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетий. (Отношения обер-прокуроров к Св. Синоду). Опыт церковно-исторического исследования. Второе, переизданное издание. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. 454 с.
- Бердников, 2013 – Бердников И.С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений. М.: Изд-во «ФИВ», 2013. 512 с.
- Великий князь Николай Михайлович, 2010 – Император Александр I: биография. М.: Захаров, 2010. 344 с.
- Ельчуков, 1907 – Ельчуков А. Архиепископ Феофилакт Русанов, русский проповедник-философ эпохи конца XVII в. и нач. XIX в. // Вера и разум. Журнал богословско-философский. 1907. Т. 16. Август – книга вторая. С. 427–456.
- ГАСО – Государственный архив Саратовской области.
- Иванова, Желтова, 2009 – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф 2009. 752 с.
- Морошкин, 1868а – Морошкин М.Я. К истории библейских обществ. Письмо митрополита Серафима к Императору Александру 1-му, от 11-го декабря 1824 г // Русский архив. 1868. № 6. С. 940–942.

Морошкин, 1868b – *Морошкин М.Я.* К истории библейского общества. Второе письмо митрополита Серафима к Императору Александру о том же предмете, от 28-го декабря 1824 г // Русский архив. 1868. № 6. С. 943–945.

Надлер, 1886 – *Надлер В.К.* Александр I и идея священного союза. В 2-х т. Рига: Издание книгопродавца Н. Киммеля в Риге, 1886. Т. 1. 378 с.

PSZRI, 1830 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. SPb., 1830. Vols. XXVI, XXXI, XXXIV, XXXVII, XXXVII, XXXX.

Reisner, 1905 – *Reisner M.A.* (1905). Pravo svobodnogo ispovedaniya the [The right of free confession]. *State and religious identity. Collected papers.* SPb., 1905. pp. 1–16. [in Russian]

Сын Отечества, 1813 – Смесь. Библейское Общество // Сын Отечества, исторический и политический журнал. СПб., 1813. Ч. 3. С. 197–199.

Трефолев, 1896 – *Трефолев Л.Н.* Ярославская старина. Отречение от масонства // *Русский архив.* 1896. № 5. С. 153–155.

Федоров, 2003 – *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917 г. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

Флоровский, 2009 – *Флоровский Г.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

References

Antonov, Kobak, 1994 – *Antonov V.V., Kobak A.V.* (1994). Svyatyni Sankt-Peterburga [Sacred objects of Saint Petersburg]. SPb.: Izd-vo Chernysheva, Vol. I, 288 p. [in Russian]

Barsov, 1896 – *Barsov T.V.* (1896). Svyateishii Sinod v ego proshlom [Holy Synod in its past]. SPb.: Tovarishchestvo “Pechatnya S.P. Yakovleva”, 446 p. [in Russian]

Blagovidov, 1900 – *Blagovidov V.F.* (1900). Ober-prokurory Svyateishego sinoda v XVIII i v pervoi polovine XIX stoletiya. (Otnosheniya ober-prokurorov k Sv. Sinodu). Opyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya [Prosecutors-in-Chief of the Holy Synod in the eighteenth and the first half of the nineteenth century. (Relationship of the Prosecutor-in-Chief to the Holy Synod). Experience of church-historical research]. 2nd ed. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 454 p. [in Russian]

Berdnikov, 2013 – *Berdnikov I.S.* (2013). Tserkov' i Imperiya. Istoriya Pravoslavnoi simfonii otnoshenii [The Church and the Empire. The history of the Orthodox Symphony relations]. М.: Izdatel'stvo “FIV”, 512 p. [in Russian]

Velikii knyaz' Nikolai Mikhailovich, 2010 – *Imperator Aleksandr I: biografiya* [The Emperor Alexander I of Russia: biography]. М.: Zakharov. 2010. 344 p. [in Russian].

El'chukov, 1907 – *El'chukov A.* (1907). Arkhiyeiskop Feofilakt Rusanov, russkii propovednik – filosof epokhi kontsa XVII v. i nach. XIX v. [Archbishop Feofilakt Rusanov, Russian preacher – philosopher of the age of the end of the XVII century and beginning of the XIX century]. *Faith and reason. Journal of theology and philosophy.* Vol. 16. August. Book 2. pp. 427–456. [in Russian]

GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region. [in Russian]

Ivanova, Zheltova, 2009 – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* (2009). Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Class society of the Russian Empire (XVIII – the beginning of XX century)]. М.: Novyi Khronograf, 752 p. [in Russian]

Moroshkin, 1868a – *Moroshkin M.Ya.* (1868). K istorii bibleiskikh obshchestv. Pis'mo mitropolita Serafima k Imperatoru Aleksandru 1-mu, ot 11-go dekabrya 1824 g. [To the history of biblical societies. The letter of Metropolitan Seraphim to the Emperor Alexander 1st, of 11 December 1824. *Russian archive.* No. 6. pp. 940–942. [in Russian]

Moroshkin, 1868b – *Moroshkin M.Ya.* (1868). K istorii bibleiskogo obshchestva. Vtoroe pis'mo mitropolita Serafima k Imperatoru Aleksandru o tom zhe predmete, ot 28-go dekabrya 1824 g. [To the history of biblical society. The second letter of Metropolitan Seraphim to Emperor Alexander on the same subject, dated December 28, 1824]. *Russian archive.* No. 6. pp. 943–945. [in Russian]

Nadler, 1886 – *Nadler V.K.* (1889). Aleksandr I i ideya svyashchennogo soyuza. [Alexander I and the idea of the Sacred Union]. In 2 Vols. Vol. 1. Riga: Izdanie knigoprodavtsa N. Kimmelya v Rige. 378 p. [in Russian]

PSZRI, 1830 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. SPb., 1830. Vols. XXVI, XXXI, XXXIV, XXXVII, XXXVII, XXXX.

Reisner, 1905 – *Reisner M.A.* (1905). Pravo svobodnogo ispovedaniya the [The right of free confession]. *State and religious identity. Collected papers.* SPb. pp. 1–16. [in Russian]

Syn Otechestva, 1813 – Смесь. Bibleiskoe Obshchestvo [Mixture. Biblical Society]. *Son of the Fatherland, historical and political magazine.* 1813. Part 3. pp. 197–199. [in Russian]

Trefolev, 1896 – *Trefolev L.N.* (1896). Yaroslavskaya starina. Otrechenie ot masonstva [Yaroslavl antiquity. Renunciation of Freemasonry]. *Russian archive.* No. 5. pp. 153–155. [in Russian]

[Fedorov, 2003](#) – *Fedorov V.A.* (2003). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period 1700–1917 g.* [The Russian Orthodox Church and the state. The Synodal period 1700-1917]. M.: Russkaya panorama, 480 p. [in Russian]

[Florovskii, 2009](#) – *Florovskii G.* (2009). *Puti russkogo bogosloviya.* [Ways of Russian theology]. M., Institut russkoi tsivilizatsii. 848 p. [in Russian]

Государственная конфессиональная политика Александра I

Вероника Сергеевна Хижняк ^{a, *}, Мария Александровна Липчанская ^a,
Марина Николаевна Лядащева-Ильичева ^a

^a Саратовская государственная юридическая академия, Российская Федерация

Аннотация. Свобода вероисповедания считается одним из основных прав человека в современном мире. В России это право возникло довольно давно, но существенно отличалось по своему содержанию от современного. Более того, оно имело свои отличия и в разные эпохи. Конфессиональная политика является частью государственной политики, которая в условиях абсолютной монархии во многом зависела от взглядов главы государства.

На государственную политику Александра I, в том числе и на политику по вопросам вероисповедания, наложили свой отпечаток особенности личностного мировоззрения императора, а также политические события того времени: революция во Франции и Отечественная война 1812 г., внесшие определенные изменения в дальнейшее развитие общества и права.

На основе изучения законодательных актов, принимавшихся за время правления Александра I и некоторых законодательных актов его предшественников, а также с учетом новых теоретико-методологических подходов в статье рассматривается развитие государственной политики по вопросам вероисповедания в России в период с 1801 по 1825 годы.

В статье использованы нормативно-правовые акты, принимавшиеся в рассматриваемый период по вопросам вероисповедания, мнения ученых и общественных деятелей прошлого по отношению к содержанию этих актов, а также мнения современных исследователей. Обсуждены результаты государственной политики, проводимой Александром I, выделены основные характерные черты его государственной конфессиональной политики, ее принципы и цели. В работе приводятся ранее не публиковавшиеся данные из Государственного архива Саратовской области.

Ключевые слова: государственная политика, законодательство, свобода вероисповедания, Александр I, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: veronika_h@mail.ru (В.С. Хижняк)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1084-1091. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1084
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX century: the Geopolitical Interests of the Parties

Evgeniy V. Kryzhko ^{a, *}, Petr I. Pashkovsky ^a, Sergey I. Natalevich ^a

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the problem of geopolitical interests of the British and Russian empires in the process of the «Great Game» in Turkestan in the first half of the XIX century. It is established that the UK's approaches were based on the principle of freedom of one's own actions in the international arena, maintaining the balance of power, understanding of India's strategic importance and the need to protect against the Russian expansion of the Central Asian region that borders with India and is important in the military-strategic and trade-economic aspects. It is substantiated that the Russian empire proceeded from an understanding of its geopolitical characteristics of the largest land power, which determined the imperative of territorial expansion in order to prevent possible attacks from outside. Strengthening of Russian positions in Central Asia allowed to limit and control the influence of Great Britain in the region, and subsequently – gave an opportunity to gain access to the Indian Ocean. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, it is revealed that the methods of realizing of the geopolitical interests of the parties coincided in many respects, which was manifested at the beginning of the XIX century in the form of diplomatic missions of both empires to the Central Asian region in order to gather information about the moods of the local population and elites. It is shown that the result of the strengthening of Russia's position as a major supplier of industrial goods to Turkestan becomes activation of the British penetration into the region. At the same time, competition between empires took the form of an open military-diplomatic confrontation. Strengthening Britain's expansion in Central Asia in the early 1840s threatened Russian interests in the region, which actualizes the need for Russia to use military-political methods of rivalry.

Keywords: Russia, Great Britain, «Great Game», Central Asia, Turkestan, geopolitics.

1. Введение

Соперничество Британской и Российской империй в Центральной Азии в XIX – начале XX вв., вошедшее в историю под названиями «Большая игра» или «Турнир теней», было обусловлено необходимостью реализации их геополитических интересов в регионе (Bebeshko et al., 2017). Учитывая стратегическое значение Индии, частично находящейся под британским влиянием, Лондон в первой половине XIX в. прилагал усилия для недопущения русской экспансии на подступах к ней – в Средней Азии (Гаджиев, 2012: 18–19). В целом, геополитические интересы Великобритании в этот период определялись спецификой восприятия ее элитой сущности проблем безопасности империи, которая «считала себя застрахованной от всего, за исключением катастрофических сдвигов и перемен». При этом британские лидеры не усматривали во всеобщем распространении представительных институтов ключ к миру, поскольку «их вовсе не беспокоило существование внутренних установлений, отличных от их собственных» (Киссинджер, 1997: 83).

* Corresponding author

E-mail addresses: jeyson1030@gmail.com (E.V. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P.I. Pashkovsky), sereganati@yandex.ru (S.I. Natalevich)

Что касается геополитических интересов Российской империи, то таковые были обусловлены пониманием ее элитой особенностей географического положения и статуса крупнейшей в мире сухопутной державы. Так, английский геополитик Х. Маккиндер писал о «страхе» России перед вторжением с суши, который, в частности, способствовал ее продвижению вглубь Европы, чтобы противостоять Франции в XIX и Германии в XX вв. Российская империя была заинтересована в Афганистане (и в целом в Центральной Азии), чтобы остановить британцев в Индии и получить выход к теплому Индийскому океану (Каплан, 2016: 176).

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из следующих групп материалов. К первой группе можно отнести воспоминания свидетелей и участников описываемых событий: британских дипломатов, путешественников и исследователей А. Конолли (Conolly, 1834; Conolly, 1834), А. Бернса (Burnes, 1834; Burnes, 1834), М. Элфинстона (Elphinstone, 1842), отечественных военных и дипломатов И. Бларамберга (Бларамберг, 1978), В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов, 1856), Н. Муравьева (Муравьев, 1822), Ф. Назарова (Назаров, 1821) и ученого П. Небольсина (Небольсин, 1856), венгерского востоковеда и путешественника А. Вамбери (Вамбери, 2003). Вторая группа источников представлена данными отчетов российского офицера, востоковеда и путешественника И. Виткевича и российского филолога-ориенталиста и исследователя Туркестана П. Демезона (Халфин, 1983), а также трудом российского ученого-ориенталиста Н. Ханькова (Ханьков, 1843). Отдельно следует отметить биографический словарь Ч. Бакланда (Buckland, 1906), ставший ценным источником в процессе восстановления жизненных путей резидентов и путешественников.

Методологической основой исследования является системный подход, позволивший связать определенные тенденции в общую картину, характеризующую геополитические интересы Великобритании и России в ходе «Большой игры» в Туркестане в первой половине XIX в. Системный подход обусловил применение следующих исследовательских методов. Историко-генетический метод способствовал изучению событий в последовательном временном развитии и определению связей между разными этапами геополитической конкуренции в центрально-азиатском регионе. Выявление общего и особенного в геополитических подходах Британской и Российской империй осуществлялось с помощью сравнительного метода. Функциональный метод способствовал определению зависимости между разными сферами общественной жизни и государственными институтами в процессе формирования и реализации политики империй. Анализ источников и научных публикаций позволил определить первопричины конкретных событий в рамках исследуемого этапа «Большой игры».

3. Обсуждение

Отмечая высокий уровень абстракции научных дискуссий, историографический анализ выявил практическое отсутствие исследований, раскрывающих сущность геополитических интересов Британской и Российской империй в рамках «Большой игры» в первой половине XIX в. Так, отечественный ориенталист Н. Халфин, изучавший проблемы истории Туркестана (Халфин, 1960) и Афганистана (Халфин, 1959), исследовал противостояние Петербурга и Лондона по вопросу распространения экспансии в Азии, поверхностно затрагивая особенности геополитического измерения данного соперничества.

Британский ученый П. Хопкирк (Hopkirk, 2006) охарактеризовал политику Великобритании в Азии, выделив ее константы. Но в процессе построения логических заключений основное внимание он уделит английским источникам, представленным мемуарами исследователей, путешественников и резидентов.

Отдельные статьи раскрывают особенности жизненного пути дипломатов, резидентов, ученых и политиков, внесших вклад в рассматриваемые события: И. Виткевича (Сапунов, 2004), П. Демезона, В. Перовского (Шкерин, 2012). Труды П. Пашковского, Е. Крыжко, С. Щевелева, Е. Бебешко (Bebeshko et al., 2017; Щевелев и др., 2018) затрагивают этно-национальную специфику региона, освещая систему внешнеполитических взглядов населения и элит, формировавшуюся на протяжении нескольких веков, а также генезис указанной геополитической конкуренции.

Исследования, касающиеся противостояния разведывательных служб России и Великобритании в Туркестане (Сапунов, 2004), способствуют комплексному изучению «Большой игры». В этом контексте важно упомянуть ставшую классической работу генерала Дж. Эванса (Evans, 1828), которая способствовала нагнетанию русофобских тенденций в Лондоне, внося соответствующие изменения во внешнюю политику Великобритании.

Различные аспекты (в том числе особенности геополитических интересов сторон) российско-британского соперничества в Центральной Азии и на Кавказе в рассматриваемый период в общих чертах освещаются в трудах американских исследователей Г. Киссинджера (Киссинджер, 1997) и Р. Каплана (Каплан, 2016), а также российских ученых К. Гаджиева (Гаджиев, 2012) и Е. Глущенко (Глущенко, 2010).

4. Результаты

В начале XIX в. дипломатические миссии Российской и Британской империй в центрально-азиатский регион с целью сбора информации о настроениях местного населения и элит, а также о сопернике возлагались, как правило, на военное сословие и содержали в себе элементы шпионажа, подкупа конкурентов и открытого противостояния оппонентов на различных уровнях.

Прямые дипломатические контакты между Российской империей и центрально-азиатскими ханствами отсутствовали. Со стороны Великобритании таковые также не наблюдались. Русско-хивинские и русско-бухарские отношения в первой половине XIX в. базировались на обменах торгово-дипломатическими миссиями, имея устойчивый мирный характер, за исключением провального военного похода оренбургского генерал-губернатора В. Перовского в Хивинское ханство в 1839 г. По-иному складывались отношения между Российской империей и Кокандским ханством. Казахские племена, принявшие русское подданство, подвергались систематическим набегам со стороны кокандских племен, которые стремились расширить свое влияние за счет соседей. Такая тенденция входила в противоречие с интересами Петербурга в Центральной Азии и способствовала военному столкновению сторон (Халфин, 1960: 16).

Военные успехи русской армии объяснялись низким уровнем подготовки войск Кокандского ханства. Отечественный путешественник, член Русского Императорского географического общества В. Вельяминов-Зернов в этом контексте писал: «Регулярной армии в Кокане не существует. Войско состоит большей частью из всадников, у которых лошади, хотя и аргамаки, довольно плохи, ценою от 2 до 4 червонцев. Всадники эти одеты и вооружены, как кому вздумается и придется» (Вельяминов-Зернов, 1856: 115).

В первой четверти XIX в. купцы и караванщики, помимо своей торговой миссии, являлись практически единственным источником информации о настроениях в центрально-азиатских ханствах. Получаемые из этого источника данные не отличались полнотой и достоверностью. Опрашиваемые зачастую пересказывали слухи, ходившие среди базарного люда, в их рассказах было много путаницы и противоречий, субъективного восприятия событий и дезинформации. Однако такой канал был эффективным поставщиком информации для разведки. Ко второй четверти XIX в. задачи разведки претерпевают трансформацию в связи с нарастанием британской активности в Центральной Азии. Приоритеты противодействия враждебно настроенным племенам отходят на второй план. Внимание фокусируется на деятельности английской резидентурной сети в регионе (Сапунов, 2004: 117).

Одна из первых попыток проникновения в Туркестан была предпринята англичанами. В период с 1819 по 1825 г. была осуществлена миссия в Бухарский эмират, возглавляемая британским ветеринарным врачом В. Муркрофтом. Миссия резидента заключалась в изучении новых пород лошадей для Британской Индии. Параллельно с этим велась этнографическая и географическая разведка местности. Достигнув Бухары, В. Муркрофт отмечал: «Мы оказались перед воротами города, который целых пять лет был целью наших путешествий, оправданием переносимых лишений и опасностей». Когда на следующее утро они вошли в город, их встретила возбужденная детвора, кричавшая «Орос... Опрор» – «Русские... Русские». В. Муркрофт понял, что соперники с севера его опередили (Bebeshko et al., 2017: 855).

Предшественниками В. Муркрофта были русские путешественник Ф. Назаров и дипломат, офицер российской армии Н. Муравьев, которые побывали в Туркестане в 1813–1814 гг. (Назаров, 1821) и 1819–1820 гг., а также в 1821–1822 гг. (Муравьев, 1822) соответственно. Основной задачей их миссий было изучение географических особенностей местности, этнографическое описание местного населения, систематизация полученных сведений о правящих элитах центрально-азиатских ханств, установление дипломатических отношений с правителями Бухары, Коканда и Хивы и поиск путей для расширения транзитной торговли на внешние рынки, в том числе и в Индию.

В условиях активизации экономической и военно-политической деятельности Российской империи в Туркестане Великобритания предпринимает попытки купировать деятельность «северного конкурента» в этом направлении. Выход в свет книги полковника Дж. де Ласи Эванса «Замыслы России» (Evans, 1828), на страницах которой красочно описывается возможная военная экспансия русских в отношении Индии, взбудоражил английское элитарное общество, вследствие чего происходит активизация обсуждений о целесообразности увеличения британского присутствия в Центральной Азии. Так, лорд Э. Лоу под влиянием донесений о решительных действиях русских в Туркестане и размещении ограниченных военных отрядов на торговых постах, которые возникали в направлении Индии, выдвинул идею об экономической войне с Россией в центрально-азиатском регионе (Hopkirk, 2006: 155).

Одной из первых британских миссий в Туркестан стало путешествие молодого офицера А. Конолли в 1829–1831 гг., который следовал из Москвы через центрально-азиатские ханства в Индию. В круг его задач входило изучение тактики русской армии в регионе, составление топографических карт и поиск оптимального маршрута для войск Британской короны в целях осуществления превентивного удара по интересам Российской империи в Туркестане. Однако в процессе путешествия А. Конолли в Хиву, с которой в этот период были самые «теплые» отношения у русских, он был раскрыт и ограблен, что вынудило его изменить маршрут следования в сторону

Герата. В 1831 г. А. Конолли добрался до Индии, где представил свой отчет, позднее опубликованный в двух томах (Conolly, 1834; Conolly, 1834).

Отсутствие информации о возможных транспортных путях в Туркестан из Индии способствовало переговорному процессу британцев с правителями Синда и Пенджаба, ответственность за который в 1830–1831 гг. была возложена на военного дипломата А. Бернса (Buckland, 1906: 62). Успех в Лахоре привел к переориентации данного резидента в 1831–1832 гг. на Бухарский эмират, прибыв из которого, он был удостоен чести лично передать свои разведывательные сведения королю Вильгельму IV и премьер-министру, лорду Ч. Грэю (Burnes, 1834; Burnes, 1834). Вследствие этого А. Бернс занимает пост главы британской миссии в Кабуле в 1836–1841 гг. (Buckland, 1906: 63).

Во время визита в Бухару А. Бернс, по собственному признанию, «верил, что счастливый исход нашего путешествия создаст более благоприятное впечатление об азиатском характере и многих воодушевит желанием посмотреть и посетить эти страны» (Burnes, 1834: XIV). При этом цели путешественника характеризовались прагматизмом. Углубленный анализ внутренних особенностей изучаемых стран, расположенных на пути следования резидентов, служил основным источником информации для британского правительства. Это позволяло выстраивать свою внешнюю политику с «будущими колониями» посредством поддержки различных сторон во внутриаполитической борьбе за власть.

В 1833 г. в рамках укрепления отношений с Бухарским эмиратом туда была направлена тайная миссия, возглавляемая русским офицером П. Демезоном. Основные задачи ее заключались в определении степени проникновения британцев в Бухару и укреплении торговых взаимоотношений между сторонами. Резидент был раскрыт, но ему позволили закончить свое путешествие, чтобы не обострять отношения с Российской империей, при этом ограничив передвижение, что повлияло на выполнения поставленных задач (Шкерин, 2012: 132). Повторную миссию возглавил И. Виткевич, который имел опыт подобных операций в киргизских степях (Бларамберг, 1978: 86). Он прибыл в столицу ханства 2 января 1836 г. и провел в этом городе почти полтора месяца. Свой визит поручик решил не скрывать и приехал в столицу эмирата в форме российского офицера. Ему удалось хорошо познакомиться с Бухарой и жизнью ее населения, встречаться и беседовать с Куш Беги, ханским министром, собрать много сведений о политике англичан в Туркестане (Bebeshko et al., 2017: 857).

Британские торгово-промышленные круги с особым интересом относились к возможности превращения Инда в важнейший канал для доставки английских товаров на рынки Среднего Востока. С точки зрения правящих кругов Лондона, трудности, которые наблюдались в экономике Великобритании, могли быть устранены путем расширения рынков сбыта британских товаров в странах Азии (Халфин, 1959: 9), в частности в Туркестане.

В этом отношении необходимо отметить показательное свидетельство современника тех событий, венгерского путешественника А. Вамбери, который упоминал, «что Россия поддерживает самые обширные и регулярные сношения со Средней Азией; поэтому русскую торговлю можно назвать самой старейшей и наиболее значительной; она постоянно растет, и, по крайней мере, в этой сфере русским трудно найти соперника. <...> Во всей Средней Азии нет ни одного дома и ни одной кибитки, где нельзя было бы найти какого-либо изделия из России. <...> Товары вывозятся из Бухары и Карши не только во все местности Туркестана, но даже в Меймене и Герат и дальше, в Кандагар и Кабул. Хотя последние два города находятся ближе к Пешавару и Карачи, предпочтение отдается все же русским товарам, несмотря на то, что они во многом уступают английским» (Вамбери, 2003: 187–188).

Российские купцы из Туркестана вывозили хлопчатую бумагу (которая являлась основной статьей импорта и сырьем для промышленных объектов Сибири), а также шелк, рис, сушеные плоды и т.д. Интерес центрально-азиатских рынков проявлялся к российским изделиям из металлов, ситцам, коленкорам, некоторым шелковым материям, сукнам и парчам. Товарооборот между Российской империей и Туркестаном в период с 1828 г. (1,2 млн. руб.) по 1840 г. (3,3 млн. руб.) увеличился почти в 3 раза (Ханыков, 1843: 168–179). Центральная Азия являлась и центром транзитной торговли с Персией, Афганистаном и северными районами Индии (Elphinstone, 1842: 384–385).

Преимущества торговых отношений центрально-азиатских государств с Российской империей охарактеризовал в своих записках в 1836 г. офицер русской армии И. Виткевич: «Во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии по причине отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет, золото все идет из России, серебро из Кашгара» (Халфин, 1983: 110).

Генерал-губернатор Оренбурга В. Перовский, изучив донесения о деятельности англичан в Туркестане, в 1836 г. отмечал в письме императору Николаю I, что «англичанам до Бухары останется один шаг; Средняя Азия подчинится их влиянию, азиатская торговля наша рушится; они могут вооружить против нас соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами» (Посланцы из Авганистана в Россию, 1880: 789–790). В качестве основного союзника против Великобритании в регионе он видел афганского эмира Дост Мухаммеда, который при получении финансовой помощи, предполагается, станет «фильтром» торговой экспансии англичан в Туркестан.

Для дальнейшей экспансии в Туркестан Великобритания начала концентрировать войска на афганской территории, часть которых в 1840 г. двинулась на север Афганистана, к Гиндукушским перевалам. Однако эти войска потерпели поражение от народного ополчения, созданного узбекским и таджикским населением левобережья р. Аму-Дарья при участии бежавшего от оккупантов эмира Афганистана Дост Мухаммеда (Халфин, 1959: 18–20). В это время политика Великобритании в Центральной Азии носила наступательный характер. Примечательно, что в ханствах по поводу этого сложилось стойкое мнение: «Англичане никогда не приходят в какую-либо часть Азии без особых целей и в конце концов становятся ее хозяевами». Живым примером в этом отношении служила политика Лондона в Индии (Глущенко, 2010: 35–37). В условиях увеличения напряженности на территории Афганистана Великобритания вынуждена была отказаться от прямой военной экспансии в Туркестан, прибегнув к тактике создания обстановки конфронтации в регионе дипломатическими методами, а также ведения экономической войны с Российской империей.

Индийский рынок удовлетворял англичан в условиях интенсивного развития текстильной промышленности, но центрально-азиатские ханства были своеобразным вакуумом, заполнить который своим присутствием стремились обе империи. Британцы в стремлении нивелировать русскую торговлю насытили рынки центрально-азиатских государств дешевыми и некачественными товарами. Как отмечал отечественный историк и этнограф П. Небольсин в беседе с бухарскими купцами, «англичане в желании совершенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 и особенно в 1842 годах в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (как говорят, в явный даже себе убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. <...> Бухарцы, успевшие вовремя произвести оптовый закуп целыми кипами английских товаров, открыли в них, не говоря уже про маломерность и недостаточную ширину, дурные линючие краски, гнилую, не держащуюся на нитке пряжу, дыря и все качества, делающие товар никуда негодным хламом» (Небольсин, 1856: 218–219).

Британская экономическая экспансия постепенно возрастала. Присоединение Синда к английским владениям в Индии в 1843 г. открывало возможности для использования р. Инд в качестве транспортной артерии в Центральную Азию, что существенно упростило доставку и снижало цену английских товаров в Туркестане. Это увеличивало вероятность ослабления экономических позиций Российской империи в регионе, потребовав от нее военно-политического вмешательства в ситуацию.

5. Заключение

В первой половине XIX в. в процессе британско-русского соперничества в Центральной Азии оформляются геополитические интересы сторон. Подходы Великобритании основываются на принципе свободы собственных действий на международной арене, поддержании баланса сил, понимании стратегического значения Индии и необходимости защиты от российской экспансии граничащего с ней и важного в военно-стратегическом и торгово-экономическом отношении центрально-азиатского региона. Российская империя исходила из понимания своих геополитических характеристик крупнейшей сухопутной державы, обуславливавших императив территориального расширения в целях предотвращения возможных нападений извне. В этом контексте укрепление российских позиций в Туркестане позволяло ограничить и контролировать влияние Великобритании в регионе, а впоследствии – давало возможность получить выход к Индийскому океану.

Методы реализации геополитических интересов сторон во многом совпадали, проявляясь в начале XIX в. в форме дипломатических миссий обеих империй в центрально-азиатский регион с целью сбора информации о настроениях местного населения и элит. Исполнителями этих миссий, характеризовавшихся элементами шпионажа, подкупа и открытого противостояния, были преимущественно представители военного сословия.

Российская империя в начале XIX в. укрепляла позиции основного поставщика промышленных товаров в Центральную Азию, вследствие чего в 1830-е гг. происходит активизация британского проникновения в регион, проявившегося в реализации ряда миссий. Во второй половине 1830-х гг. наблюдается увеличение влияния Великобритании в Туркестане. При этом конкуренция между империями приобретает форму открытого военно-дипломатического противостояния. Однако, не добившись значительных успехов в привлечении на свою сторону отдельных ханств, Лондон был вынужден сменить тактику открытой военной экспансии на создание конфронтационной ситуации дипломатическими методами и экономическую войну с Россией – основным торговым конкурентом в регионе.

Подобное не привело к переориентации центрально-азиатских государств на британские дешевые товары как по причине низкого качества последних, так и вследствие отсутствия среди них металлических и промышленных изделий, в которых нуждались местные потребители. Усиление экономической экспансии Великобритании в Центральной Азии в начале 1840-х гг. ставило под угрозу геополитические интересы Российской империи в регионе, убеждая ее в целесообразности применения военно-политических методов ведения «Большой игры».

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках Программы развития Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского на 2015–2024 гг. (ВГ21/2017).

Литература

- Бларамберг, 1978 – Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978. 357 с.
- Вамбери, 2003 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. 193 с.
- Вельяминов-Зернов, 1856 – Вельяминов-Зернов В.В. Сведения о Кокандском ханстве // *Вестник Императорского русского географического общества*. СПб., 1856. Ч. 18. Кн. 5. С. 107–152.
- Гаджиев, 2012 – Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012. 344 с.
- Глушченко, 2010 – Глушченко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. 608 с.
- Каплан, 2016 – Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного; Пер с англ. М., 2016. 384 с.
- Киссинджер, 1997 – Киссинджер Г. Дипломатия; Пер. с англ. М., 1997. 848 с.
- Муравьев, 1822 – Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М., 1822. 350 с.
- Назаров, 1821 – Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб., 1821. 98 с.
- Небольсин, 1856 – Небольсин П.И. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом: (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. 378 с.
- Посланцы изъ Авганистана въ Россию, 1880 – Посланцы из Авганистан въ Россию // *Русская старина*. 1880. Т. 28. С. 784–791.
- Сапунов, 2004 – Сапунов Д.А. Судьбой связанный с Востоком: И.В. Виткевич и русская разведка в Средней Азии // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2004. Т. 10. № 1 (4). С. 114–120.
- Халфин, 1959 – Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959. 210 с.
- Халфин, 1960 – Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- Халфин, 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича) / Под. ред. Халфина Н.А. М., 1983. 149 с.
- Ханыков, 1843 – Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. 300 с.
- Шкерин, 2012 – Шкерин В.А. Ян Виткевич и Оренбургский военный губернатор Василий Перовский // *Уральский исторический вестник*. 2012. № 2 (35). С. 131–137.
- Щевелев и др., 2018 – Щевелев С.С., Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Востоковед М.Ф. Силинкин: жизнь и труды // *Диалог со временем*. 2018. № 62. С. 312–328.
- Bebeshko et al., 2017 – Bebesko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S. The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 853–860.
- Buckland, 1906 – Buckland C.E. Dictionary of Indian Biography. L., 1906. 524 p.
- Burnes, 1834 – Burnes A. Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. I. 399 p.
- Burnes, 1834 – Burnes A. Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, 1834. Vol. II. 516 p.
- Conolly, 1834 – Conolly A. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. I. 367 p.
- Conolly, Vol. II, 1834 – Conolly A. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L.: Richard Bentley, 1834. Vol. II. 364 p.
- Elphinstone, 1842 – Elphinstone M. (1842). An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India. L., Vol. I. 422 p.
- Evans, 1828 – Evans G. On the designs of Russia. L., 1828. 265 p.
- Hopkirk, 2006 – Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y., 2006. 576 p.

References

- Bebeshko et al., 2017 – Bebesko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S. (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century. *Bylye Gody*, Vol. 45. Is. 3. pp. 853–860.
- Blaramberg, 1978 – Blaramberg I.F. (1978). Vospominaniya [Memories]. M. 357 p. [in Russian]

- [Buckland, 1906](#) – *Buckland C.E.* (1906). Dictionary of Indian Biography. L. 524 p.
- [Burnes, 1834](#) – *Burnes A.* (1834). Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. I. 399 p.
- [Burnes, 1834](#) – *Burnes A.* (1834) Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia; also, Narrative of a voyage on the Indus, from the sea to Lahore, with presents from the king of Great Britain; performed under the orders of the supreme government of India, in the years 1831, 1832, and 1833. London, Vol. II. 516 p.
- [Conolly, 1834](#) – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. I. 367 p.
- [Conolly, 1834](#) – *Conolly A.* (1834). Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. L. Vol. II. 364 p.
- [Elphinstone, 1842](#) – *Elphinstone M.* (1842). An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India. L., Vol. I. 422 p.
- [Evans, 1828](#) – *Evans G.* (1828). On the designs of Russia. L. 265 p.
- [Gadzhiev, 2012](#) – *Gadzhiev K.S.* (2012). «Bol'shaja igra» na Kavkaze. Vchera, segodnja, zavtra [The «Great Game» in the Caucasus. Yesterday, today, tomorrow]. M. 344 p. [in Russian]
- [Glushchenko, 2010](#) – *Glushchenko E.A.* (2010). Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Central Asia. Conquest and transformation]. M. 608 p. [in Russian]
- [Halfin, 1959](#) – *Halfin N.A.* (1959). Proval britanskoj agressii v Afganistane (XIX v. – nachalo XX v.) [The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century - early XX century.)]. M., 210 p. [in Russian]
- [Halfin, 1960](#) – *Halfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857 – 1868) [Russia's policy in Central Asia (1857 - 1868)]. M., 272 p. [in Russian]
- [Halfin, 1983](#) – *Halfin* (1983). Zapiski o Buharskom hanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P.I. Desmaisons and I.V. Vitkevich)]. M. 149 p.
- [Hanykov, 1843](#) – *Hanykov N.* (1843). Opisanie Buharskogo hanstva [Description of the Khanate of Bukhara]. SPb., 300 p. [in Russian]
- [Hopkirk, 2006](#) – *Hopkirk P.* (2006). The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y. 576 p.
- [Kaplan, 2016](#) – *Kaplan R.* Mest' geografii. Chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o grjadushhikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo [Revenge of Geography. What can tell the geographical maps of the coming conflicts and the battle against the inevitable]. M. 384 p. [in Russian]
- [Kissinger, 1997](#) – *Kissinger G.* Diplomatiya [Diplomacy]. M. 848 p. [in Russian]
- [Murav'ev, 1822](#) – *Murav'ev N.* (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820]. M. 350 p. [in Russian]
- [Nazarov, 1821](#) – *Nazarov F.* (1821). Zapiski o nekotorykh narodah i zemljah Srednej chasti Azii [Notes on some of the peoples and lands of the Central Asia]. SPb. 98 p. [in Russian]
- [Nebol'sin, 1856](#) – *Nebol'sin P.I.* (1856). Ocherki torgovli Rossii s stranami Srednej Azii, Hivoj, Buharoj i Kokanom: (so storony Orenburgskoj linii) [Essays on the trade of Russia with the countries of Central Asia, Khiva, Bukhara and Kokan: (from the side of the Orenburg line)]. SPb. 378 p. [in Russian]
- [Poslancy iz Avganistana v Rossiju, 1880](#) – *Poslancy iz Avganistana v Rossiju* (1880). [Messengers from Afghanistan to Russia]. *Russkaja starina*. T. 28. pp. 784-791. [in Russian]
- [Sapunov, 2004](#) – *Sapunov D.A.* (2004). Sud'boj svjazannyj s Vostokom: I.V. Vitkevich i russkaja razvedka v Srednej Azii [Fate associated with the East: I.V. Vitkevich and Russian intelligence in Central Asia]. *Evrasijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*. T. 10. № 1 (4). pp. 114-120. [in Russian]
- [Shchevelev et al., 2018](#) – *Shchevelev S.S., Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V.* (2018). Vostokoved M.F. Silinkin: zhizn' i trudy [Orientalist M. F. Silinkin: Life and Works]. *Dialog so vremenem*. № 62. pp. 312-328. [in Russian]
- [Shkerin, 2012](#) – *Shkerin V.A.* (2012). Jan Vitkevich i Orenburgskij voennyj gubernator Vasilij Perovskij [Yan Vitkevich and Orenburg military governor Vasily Perovsky]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. № 2 (35). pp. 131-137. [in Russian]
- [Vamberi, 2003](#) – *Vamberi A.* (2003). Puteshestvie po Srednej Azii [Journey through Central Asia]. M. 193 p. [in Russian]
- [Vel'yaminov-Zernov, 1856](#) – *Vel'yaminov-Zernov V.V.* (1856). Svedeniya o Kokandskom hanstve [Information about the Kokand Khanate. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. SPb. CH. 18. Kn. 5. pp. 107-152. [in Russian]

**«Большая игра» в Туркестане в первой половине XIX века:
геополитические интересы сторон**

Евгений Владимирович Крыжко ^{a, *}, Петр Игоревич Пашковский ^a, Сергей Игоревич Наталевич ^a

^a Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена проблема геополитических интересов Британской и Российской империй в процессе «Большой игры» в Туркестане в первой половине XIX века. Установлено, что подходы Великобритании основывались на принципе свободы собственных действий на международной арене, поддержании баланса сил, понимании стратегического значения Индии и необходимости защиты от российской экспансии граничащего с ней и важного в военно-стратегическом и торгово-экономическом отношении центрально-азиатского региона. Обосновано, что Российская империя исходила из понимания своих геополитических характеристик крупнейшей сухопутной державы, обуславливавших императив территориального расширения в целях предотвращения возможных нападений извне. Укрепление российских позиций в Центральной Азии позволяло ограничить и контролировать влияние Великобритании в регионе, а впоследствии – давало возможность получить выход к Индийскому океану. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлено, что методы реализации геополитических интересов сторон во многом совпадали, проявляясь в начале XIX века в форме дипломатических миссий обеих империй в центрально-азиатский регион с целью сбора информации о настроениях местного населения и элит. Показано, что следствием укрепления позиций России как основного поставщика промышленных товаров в Туркестан становится активизация британского проникновения в регион. При этом конкуренция между империями приобретала форму открытого военно-дипломатического противостояния. Усиление экспансии Великобритании в Центральной Азии в начале 1840-х гг. ставило под угрозу российские интересы в регионе, актуализируя необходимость применения Россией военно-политических методов соперничества.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, «Большая игра», Центральная Азия, Туркестан, геополитика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jeyson1030@gmail.com (Е. В. Крыжко),
petr.pash@yandex.ru (П. И. Пашковский), sereganat1@yandex.ru (С.И. Наталевич)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1092-1100. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1092
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

To the Issue of the Imam Shamil's Campaign to Kabarda in 1846 year

Dmitry V. Ovsjannikov ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reasons, the course and the results of the march of the detachments led by Imam Shamil to the territory controlled by Kabardian princes Anzorovs and naib Nur Ali to the vicinity of the Daryal canyon in April 1846. The social processes in the region launched in the Central Caucasus region in the 1820s by commander of the Separate Caucasian Corps A.P. Ermolov is also paid attention in addition to the military-tactical aspect.

The social nature of the ruling groups in Kabarda (princes Anzorovs and other aristocratic families) and the leaders of the movement for jihad in Chechnya and Dagestan (Imam Shamil and most of his naibs) is considered. The author comes to the conclusion that both the class distinctions and the basic characteristics of the social structure of Kabarda on the one hand, and of Chechnya and Upland-Dagestan, on the other, caused insuperable subject contradictions. The armed confrontation of the mountain people with Russia played a key role in shaping the prerequisites for Imam Shamil's efforts to unite with the Kabardian rulers, and also extend his influence to the mountain communities of the ghalghai and kists that are close to the Chechens. This attempt to unite the mountain peoples united and firm hand of the imam under the banners of Islam was not successful. The lack of mass support for the movement headed by Shamil from the side of ordinary Kabardians and Vainakh societies Aki and Tsori put Shamil and his naib in front of the prospect of being surrounded by Russian troops. Only the skillful tactical decisions of the mountain commanders and the relative passivity of the Russian command saved Shamil from the catastrophe. All this is understood on the basis of a wide range of materials, including unpublished archival sources.

Keywords: Russian Empire, Imamate, Kabarda, Kabardians, Caucasian War, Imam Shamil, Mohammed Mirza Anzorov, Nur Ali al-Haradarihi, aristocracy, dependent population categories.

1. Введение

Эпоха Шамиля в противостоянии горских народов Кавказа вхождению в состав Российской империи неизменно будет привлекать историков самого широкого профиля. Военные аспекты Кавказской войны, функционирование различных форм государственности на Кавказе, а также наличие исламского фактора в этих процессах предопределяет многосложность предмета исследования. Так, представляет интерес попытка включения территории Кабарды с сильным аристократическим социальным элементом в имамат, общественную основу которого составляли союзы сельских общин Чечни и Дагестана.

Представляется целесообразным выявить закономерность общественных и политических изменений в регионе к моменту кампании имама Шамиля в апреле 1846 г. Для реализации этой задачи необходимо проанализировать роль внешних и внутренних факторов, повлиявших, с одной стороны, на невозможность вхождения кабардинских земель в состав имамата, с другой – на ликвидацию суверенитета Кабарды, что, в свою очередь, продолжило дальнейшую интеграцию народов Кавказа в состав Российской империи. Отсутствие комплексного исследования,

* Corresponding author

E-mail addresses: d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

посвященного походу Шамиля в Кабарду весной 1846 г., делает данную работу актуальной с научной точки зрения.

2. Материалы и методы

В ходе исследования мы руководствовались принципами историзма и объективности, а также сравнительно-историческим и историко-типологическим методами, традиционными для русской исторической науки, сосредоточенной на истории сложных социальных систем (в данном случае Российская империя и горское общество в их взаимодействии).

3. Обсуждение

Поход Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г., будучи, казалось бы, локальным сюжетом в продолжительном военно-политическом противостоянии Российской империи с горскими народами Кавказа, оставался вне поля зрения дореволюционных исследователей. Исключение составляет труд генерал-лейтенанта А.Н. Лаврова. Военный историк привел интересные сведения солдат Тенгинского полка под командованием полковника Левковича о столкновениях с отрядами имама Шамиля, пытавшимися форсировать Терек и вторгнуться в Большую Кабарду в апреле 1846 г. (Лавров, 1900: 87–94).

Попытки имама Шамиля установить контакты с другими народами Кавказа получили отражение в работах советских историков М.Н. Покровского и С.К. Бушуева (Покровский, 2000; Бушуев, 1939). Некоторые обстоятельства похода содержатся в работе Т.Х. Кумыкова, посвященной экономическому и культурному развитию Кабарды и Балкарии в XIX в. (Кумыков, 1965), а также в коллективном труде по истории народов Северного Кавказа (История, 1988). В постсоветский период события похода Шамиля в Кабарду затрагивались в трудах М.М. Блиева, В.В. Дегоева (Блиев, Дегоев, 1994), А.Д. Панеша (Панеш, 2006; Панеш, 2007), Д. Хожаева (Хожаев, 1998), А. Мамхегова (Мамхегов) и более пристально рассматривались историками А.А. Урусовым (Урусов, 2014; Урусов, 2015) и З.М. Кешева (Кешева, 2014).

Заслуживает внимания современный исследователь А.Д. Панеш, в работах которого детально анализируются причины неудач Шамиля. Среди прочего автор отмечает тяжелые последствия политики А.П. Ермолова для кабардинцев в первой четверти XIX в., а также подробно рассматривает столкновение внешнеполитических интересов на Центральном Кавказе в целом (Панеш, 2006; Панеш, 2007).

К числу зарубежных исследователей стоит причислить потомка адыгских мухаджиров М. Кандура. Его докторская диссертация 1963 года была опубликована на русском языке лишь в 1996 году (Кандур, 1996). Данный труд не утратил актуальности, поскольку опирается на источники, которые долгое время были недоступны для отечественных исследователей. Также нельзя обойти вниманием израильского кавказоведа М. Гаммера, посвятившего свои работы истории Шамиля и мюридизма на Кавказе (Gammer, 1994; Гаммер, 1998). Несмотря на некоторую ангажированность и тенденциозную симпатию к горскому сопротивлению, автор подробно рассматривает интересующий нас сюжет в 16-й главе. В ней он описывает основные события, затрагивает характер и масштабы похода Шамиля, оценивает его результаты (Гаммер, 1998: 230–244).

Для полноты изображения стоит учитывать и корпус арабоязычных источников, содержащий работы горских авторов. Стоит выделить те труды, в которых поход в Кабарду нашел определенное отражение: «Сказание очевидца о Шамиле», составленное приближенным Шамиля Гаджи-Али из Чоха (Гаджи Али, 1873), а также «Хронику» Мухаммеда Тахира ал-Карахи, в которой содержатся некоторые сведения об обстоятельствах и условиях похода Шамиля в Кабарду в 1846 г. (ал-Карахи, 1941). Особое значение последнего источника заключается в том, что, будучи опубликованным уже при Советской власти, он не подвергся цензуре со стороны чиновников.

Неопубликованные архивные документы по изучаемому вопросу были извлечены из фондов Научного архива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (НА ИГИ КБНЦ РАН), в частности из Ф. 1 («История Кабарды в дореволюционный период»). В связи с вышесказанным данная проблематика продолжает требовать дальнейшего комплексного исследования.

4. Результаты

Еще в первой четверти XIX в. Россия прочно закрепила свое влияние в регионе Центрального Предкавказья. Заслуга эта принадлежит инициативе командующего Отдельным кавказским корпусом А.П. Ермолову, который был наделен чрезвычайными полномочиями сверху. Цепь укреплений, получившая название Кавказской линии, в 1820-е гг. продвинулась практически к подножью гор и позволила русской военной администрации контролировать сообщение равнинных территорий и горных ущелий. Эта стратегия ставила главной задачей обеспечить безопасность сообщения с Закавказьем по Военно-Грузинской дороге путем отсечения кабардинцев от соплеменников-закубанцев (Эсадзе, 1907: 32).

Территория Большой и Малой Кабарды стала полем внутренней политики России, а интересы правящих групп Кабарды (кабардинской аристократии и мусульманских богословов) в данном случае

стали расходиться с имперским курсом. Это выражалось в том, что ряд привилегий кабардинских князей ликвидировался, а попытки возмущения подавлялись военной силой. В свою очередь, учреждение Ермоловым в 1822 г. Кабардинского временного суда вместо мехкеме (Абазов, 2016: 47) («духовного суда» по шариату) и передача судебных функций в руки русских чинов выбивало почву из-под ног кабардинских факихов (исламских правоведов) и кадиев (судей по шариату) (Прокламации...). Отныне «духовное управление» и контроль за лояльностью мулл России был возложен на народного кадия, зачисленного на казенный счет и получавшего жалование (Из документальной..., 2000: 237, 239, 240), а внешние связи мусульманских подданных империи были прерваны через запрет паломничества к святыням ислама. Также запрещался въезд «в пределы наши всяким лицам духовного магометанского звания, ... даже и нашим подданным, ежели приняли духовное звание за границею» (Императорская..., 2006: 74).

В результате переселения части кабардинцев за Кубань, которых называли в русской официальной переписке абреками, сложилась откровенно враждебная России «Хажиретова Кабарда» (Из документальной..., 2000: 389). Переселенцы таким образом совершали исход (хиджру), подобно пророку Мухаммеду, и ислам становился маркером сопротивления России. Однако большинство влиятельных фамилий кабардинских владельцев не покинули свои земли и включились в процесс интеграции с Россией.

Тем временем на территории Чечни и Нагорного Дагестана к 1840-м гг. сложилось исламское государство во главе с имамом Шамилем. Легитимизация власти имама со стороны шейхов тариката Накшбандийа-Халидийа способствовала тому, что ислам стал императивом не только государственных устоев этой политики. Руководство имамата использовало положения Корана и Сунны для регламентации практически всех сторон жизни сложной социальной системы разрозненных до этого горских сельских общин Северо-Восточного Кавказа. С помощью повсеместного внедрения шариата (пусть порой из тактических соображений и делая уступку в пользу адатов) Шамиль старался объединить горские народы Кавказа под своей властью и в частности поднять Кабарду на борьбу с русскими. Вбитый Ермоловым клин в Центральном Предкавказье мешал соединиться Шамилю с адыгами Северо-Западного Кавказа. Однако, укрепив свои позиции после тяжелого поражения при Ахульго в августе 1839 г., в 1842 году имам посылает к черкесам наиба Хаджи-Магомета, а после его смерти в 1844 г. Сулеймана-Эфенди (Идрисов, Газимагомедов, 2010: 67–70). Вторжение Шамиля в Кабарду и развитие успеха движения за джихад в ней должно было способствовать объединению с черкесами, а заодно и перерезать русские коммуникации через Дарьял.

Подобный расчет имама диктовался всей логикой политико-географического характера (в свое время Мансур в к. XVIII века действовал в подобном направлении) и был очевиден для русского командования еще в 1841 году (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 10). Подкрепляли опасения русских чинов и многочисленные донесения о том, что в сопредельных с Кабардой районах Чечни собираются горские партии, на территории самой Кабарды замечаются посланники Шамиля, укрываемые кабардинцами, а на территорию имамата бегут кабардинские «абреки» (Кушхабиев).

Имамат позволял зависимым группам населения Кабарды уравниваться в правах с другими горцами. Это было весомым стимулом для кабардинских «абреков» из «неблагородных» сословий, бежавшим на территорию имамата, и фактором, который в свою очередь бил по интересам кабардинских аристократов. Согласно имеющимся сведениям, уже после описываемых нами событий, Шамиль проявлял заботу о переселившихся в имамат мухаджирах, а из казны имамата (байтул-мал) на содержание последних выделялись средства (Шарафутдинова, 1974: 164).

Однако даже раньше Шамиля «крепостническая Россия» в лице русской администрации на Кавказе в свою очередь весной 1825 г. основанием Вольного аула в окрестностях крепости Нальчик способствовала подобному процессу (переход из-под юрисдикции кабардинских владельцев зависимых категорий населения и их освобождение). Другое дело, что массовому переходу к русским препятствовали укоренившиеся мифы о том, что русские обязательно заставят креститься и запишут в казаки или забреют в рекруты (Кундухов, 2013: 57–58).

В период командования Отдельным кавказским корпусом генерала Е.А. Головина (1838–1842 гг.), несмотря на непростые личные отношения со военравными подчиненными (генерал П.Х. Граббе и др.), ситуация на левом фланге Кавказской линии оставалась в целом прогнозируемой. Крупные военные акции со стороны Шамиля не могли оказаться неожиданными. Шло дальнейшее закрепление русских сил на территории Кабарды, что затрагивало интересы кабардинской знати. Она уже не могла свободно распоряжаться землями. Так, в частности, во время встречи корпусного командира генерала Е.А. Головина в Тифлисе с кабардинскими депутатами Алахасом Мисостовым и Магомет-Мирзой Анзоровым генерал дипломатично отказал в утверждении за ними земель, через которые удобно перегонять скот на летние выпасы на Зольские пастбища («земли Золки и Этоко»), что послужило поводом для скрытого недовольства с их стороны (Кундухов, 2013: 13). Стоит обратить внимание на личность Магомет-Мирзы Анзорова. Он был взят в аманаты в 1822 г. и воспитывался вместе с другими горским юношами у русских. Затем он вернулся в родные края и, будучи офицером на русской службе, стал членом депутации представителей Кабарды в Санкт-Петербург, где не был обойден вниманием самого императора Николая I. Однако воспитание в аманатах и русская служба

не превратили его в послушного подданного. Как представитель знатной фамилии, владевшей большим количеством земли, он был заинтересован в укреплении своих прав, а не в поправлении оных (Мамхегов). Имперские интересы были ему чужды, а отсутствие взаимопонимания с русским командованием привело к роковому решению перейти на сторону Шамиля.

После катастрофической для русских войск Даргинской экспедиции летом 1845 г. наступательная инициатива была за имамом (Гаммер, 1998: 230). К весне 1846 г. созрело решение выступить в поход на Запад, воспользовавшись благоприятной ситуацией, в том числе и сочувствием со стороны кабардинских владетелей. Решено было ударить в центр Кавказской линии в стык подконтрольных начальству Военно-Грузинской дороги Эльхотовского аула, станицы Александровской и принадлежавших Магомет-Мирзе и его двоюродным братьям аулов при слиянии рек Терека и Уруха.

Для русского командования не осталось незамеченным оживление в стане Шамиля и в аулах, которыми владели Анзоровы (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 63). Командующие войсками в Северном и Южном Дагестане генерал-лейтенант В.О. Бебутов и генерал-лейтенант М.З. Аргутинский-Долгоруков, начальник Владикавказского округа генерал-майор П.П. Нестеров, генерал-лейтенант Г.Х. Гасфорд и генерал-лейтенант Р.К. Фрейтаг буквально накануне выступления Шамиля сообщали корпусному командующему генералу от инфантерии М.С. Воронцову о военных приготовлениях горцев в районе Шали (АКАК, 1885: 421–422, 579). Оставалось решить, где ждать атаки, что было нелегкой задачей. Обыкновенно горцы обходились без обоза и тяжелой артиллерии, что делало их акции молниеносными. Лишь когда конница имама прошла мимо Константиновского укрепления, то для генерала Фрейтага стало очевидным направление похода – Большая Кабарда (АКАК, 1885: 579). Эти сведения Фрейтага согласуются и с данными Н. Горчакова (Горчаков, 1879: 21).

В Малой Кабарде по пути следования чеченские наибы Саадулла, Дуба и Атабай выселяли и увлекали за собой население кабардинских аулов (АКАК, 1885: 580; Горчаков, 1879: 20). Основные же силы Шамиля двигались к переправе через Терек вблизи Эльхотово (переправа у Татартупского минарета) (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 53), где в горно-лесистой местности он расположился лагерем, прикрывшись имеющейся артиллерией. Для русского командования не было окончательно ясным: будет ли продвижение Шамиля за Терек в Кабарду продолжаться, или, встретив препятствие, он сумеет совершить отступление и ударит по незащищенной Кумыкской плоскости. При этом атаковать лагерь Шамиля у Эльхотово Фрейтагу было бессмысленно. Это сулило большие потери ввиду чрезвычайно выгодной позиции, занятой горцами.

17 апреля Шамиль спешно покинул лагерь. Фрейтаг (узнавший об этом лишь 18 апреля) предположил, что, несмотря на крепость позиции Шамиля при перспективе боестолкновения, он утрачивал возможность быстрого отступления и вынужден был сменить позицию (АКАК, 1885: 581). В ночь на 17 апреля войско Шамиля форсировало Терек. Партия состояла преимущественно из конных отрядов численностью порядка 10 тыс. человек при трех артиллерийских орудиях. В результате маневренного боя на открытой местности превосходящие силы имама сумели оттеснить русские части под командованием полковников Левковича и Ильминского и завершить переправу (Документы..., 2011: 123).

Горские партии разместились в аулах Анзоровых. Здесь Шамиль стал дожидаться подкрепления и поддержки со стороны кабардинских владетелей. Тем временем в ночь с 18 на 19 апреля отряды Левковича и Меллера-Закомельского, посланного Фрейтагом, соединились в станице Урухской. Фрейтаг планировал, дождавшись генерала Нестерова с подкреплением из Назрани, ударить на Шамиля с трех сторон. Но 19 апреля горцы снялись с места и покинули лагерь. Учитывая нахождение в горных районах по течению Армхи еще одной партии горцев под командованием наиба Нур Али из Харадариха (ал-Харадарихи), Фрейтаг решил не обнажать Назрановское укрепление. В то время как мюриды разместились в аулах Магомет-Мирзы и Кучука Анзоровых, русские военачальники отказались от дальнейшего преследования более крупных и скорых в передвижении сил Шамиля, решили занять выжидательную позицию и стали действовать «вторым номером». Недостаток сведений о дислокации противника затруднял эту задачу (Горчаков, 1879: 26).

В это время упомянутый выше наиб Шатоя и Чеберлоя Нур Али с преимущественно пешими отрядами, насчитывавшими до 8 тыс. человек, стоял в верховьях Ассы и создавал оперативную «вилку». Угрожая с одной стороны перерезать русские коммуникации по Военно-Грузинской дороге в районе Ларса или через Джейрахское ущелье, а с другой стороны мог двинуться по течению Сулжи на Назрань, если бы Нестеров или генерал-лейтенант Гурко, возглавивший гарнизон Владикавказа, вышли на подмогу Фрейтагу. По сведениям, приводимым М. Гаммером, 27(13) апреля 1846 г. Нур Али вошел в земли горных обществ Аки и Цори (Гаммер, 1998: 236), где простоял несколько дней, пытаясь склонить на свою сторону их жителей. Однако, не получив искомой помощи от галгаев и мецхальцев, 2 мая (18 апреля), по другим сведениям – 20 апреля (Хожаев, 1998: 155), Нур Али вышел частью отрядов к Джейраху, откуда развернулся и, сделав петлю, вышел к верховьям Камбилеевки и в среднее течение Армхи в Тарскую долину («Тарс») (Гаммер, 1998: 236).

Поддержка Нур Али со стороны влиятельного тагаурского алдара Кази-Магомеда Дударова (потомка сподвижника Мансура Ахмеда Дударова, которого В.С. Толстой характеризовал как

«скрытого истого мюрида, ненавидящего русских и установленное правление») (Толстой, 1997: 39), имела больше моральный, нежели практический успех для чеберловского наиба, в то время как ингушские горцы избегали встреч с партиями наиба и удалялись либо в леса, либо под защиту русских укреплений. Видя это, Нур Али 22 апреля решил вернуться в Чечню (Гаммер, 1998: 236).

Тем временем Шамиль также безуспешно ожидал, что кабардинцы поднимутся против русских. Мухаммед Тахир (как апологет Шамиля) в своей хронике писал о том, что кабардинцы слали к Шамилю «посольство за посольством», выражая свою поддержку (ал-Карахи, 1941: 198). Однако стоит критически отнестись к этим сведениям, поскольку даже упомянутый выше Кучук Анзоров действовал во многом по неволе, подчинившись обстоятельствам, а именно военной силе мюридов (Документы..., 2011: 123). Многие кабардинцы, снятые со своих поселений чеченскими наибами, выказали большее сочувствие русским, чем войскам имама, от которых они понесли убытки (НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 12). А отправленное Шамилем 23 апреля к старшему князю Большой Кабарды и подполковнику русской службы Хаджи-Мисосту Атажукину письмо с призывом поддержать его во имя торжества ислама осталось без ответа (АКАК, 1885: 582).

Русские военные дожидались подкреплений и стягивали силы, а Шамиль терял время, ожидая ответа от адыгов. Приближение дополнительных сил во главе с начальником Правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенантом Н.С. Завадовским создавало ситуацию, когда блокирование горцев становилось вопросом времени. Последней каплей стало известие из-за Кубани об отказе адыгов поддержать Шамиля (Горчаков, 1879: 33–34). Отступая, он прислал абадзехам и кабардинцам письма, где объяснял причины своего отступления, а также призывал продолжать сопротивляться и подтверждал свою готовность помочь в этом (Шамиль, 1953: 279).

26 апреля имам Шамиль отказался от штурма незащищенного Налчика и скрытно начал отступление. Переправа через Терек, занятая отрядом Меллера-Закомельского, была освобождена для прохода атакой конницы, возглавляемой Хаджи-Муратом (Панеш, 2006: 72). Русские части ограничились перестрелкой и не вступали в ближний бой. Дальнейшее преследование горской кавалерии не имело успеха, и Шамилю позволили уйти в сторону Гехи (Горчаков, 1879: 37).

5. Заключение

Подводя итог, стоит отметить весьма скромные результаты, которые Шамиль сумел приобрести в результате этой кампании. Ожидаемого восстания адыгов не произошло. Начальник центра Кавказской линии генерал-майор В.С. Голицын в рапорте главнокомандующему корпусом Воронцову от 29 апреля 1846 г. писал: «Масса народа не принимала ни малейшего участия во временном возмущении двух княжеских фамилий» (Бейтуганов, 1993: 113). Кабардинцы в своем большинстве не стали вступать в отряды Шамиля, закубанские черкесы также не прислали войск для соединения с ним. Рейд наиба Нур Али из Харадариха также не произвел должного эффекта. Военно-Грузинская дорога осталась по большому счету под контролем русских, вытянуть на себя силы Нестерова (из Назрани) или Гурко (из Владикавказа) он также не сумел.

Стоит подвергнуть критике пренебрежительный тон и скепсис в адрес русских военных чинов, который содержится в монографии М. Гаммера. При сравнительно небольших потерях, имея противника, превосходящего количественно, к тому же обладающего артиллерией, и находясь в различных точках центра Кавказской линии, упомянутые выше военачальники смогли сорвать планы имама Шамиля и вынудить уйти его обратно в Чечню.

Следом за ним ушли и его сторонники из Кабарды. Магомет-Мирза Анзоров стал приближенным Шамиля и позднее был назначен вместо Атабая гехинским наибом на территориях, сопредельных с Кабардой.

Важным является выявить объективные причины, по которым планам Шамиля по расширению территорий имамата на Запад не суждено было воплотиться. Ключевым, на наш взгляд, является именно тот факт, что базовые характеристики социумов горцев Чечни и Нагорного Дагестана, с одной стороны, и Кабарды – с другой, существенно различались. Во-первых, не знавшие единовластия до имамата конфедерации сельских общин Чечни и Дагестана зиждились на социальной структуре, в которой аристократический элемент в определенный период был поставлен вне закона и частично ликвидирован физически. Коллективный социальный индивид представлял собой самоуправляемую общину с сильными родственными связями. Конечно, не стоит абсолютизировать демократизм горцев, поскольку социальное неравенство и сопряженные с ним различные формы эксплуатации имели место на Северо-Восточном Кавказе. Однако шариат, вводимый имамами и, что немаловажно, грамотное применение его норм на практике были способом нивелирования правового неравенства, укоренившегося в адатах, игравших на руку правящим группам в сельской общине. В Кабарде же была жестко структурированная сословная иерархия, где наряду с аристократами были и зависимые сословия (включая рабов). Большие семьи (семейная община) не были самоуправляемы, а, как правило, поддерживались сверху сюзеренами-владельцами как залог их экономической состоятельности. В то время как аристократы не жили большими семьями. Это в корне отличало адыгов от восточных соседей.

Во-вторых, стоит учитывать культурные различия чеченцев и аваро-андо-цезцев с адыгами, включая кабардинцев. Более глубокая степень исламизации первых, а также наличие большого числа

народных обычаев, противоречащих исламу у последних, накладывали свой отпечаток на взаимоотношение этих народов. Свою роль играло и различие источников исламизации. Так, Дагестан и Чечня восприняли ислам с преимущественно арабского Ближнего Востока, в то время как Крымское ханство и Османская империя способствовали принятию ислама в Кабарде, в первую очередь аристократией. Это предопределило в частности и различие в исторически сложившейся правовой мусульманской традиции (фикх) у этих народов. Ортодоксальный шафиитский мазхаб в имамате и более терпимый к адатам ханафистский мазхаб у адыгов делали при ближайшем рассмотрении во многом непохожими друг на друга горцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Командировка для проведения совместной научной работы в Кабардино-Балкарскую Республику по теме «Трансформация идентичности народов Кавказа в имперский и советский период». Шифр: 5.42.658.2017 (2017).

Литература

- Абазов, 2016** – Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: «Печатный двор», 2016. 264 с.
- АКАК, 1885** – Акты кавказской археографической комиссии. Т. X. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1885. 938 с.
- ал-Карахи, 1941** – *ал-Карахи Мухаммед*. Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.-Л.: АН СССР, 1941. 336 с.
- Бейтуганов, 1993** – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик: «Эльбрус» 1993. 556 с.
- Блиев, Дегоев, 1994** – *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
- Бушуев, 1939** – *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л.: АН СССР, 1939. 184 с.
- Гаджи Али, 1873** – *Гаджи Али*. Сказание очевидца о Шамиле // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. VII. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1873. С. 1–76.
- Гаммер, 1998** – *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
- Горчаков, 1879** – *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // *Кавказский сборник*. Т. IV. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1879. С. 19–38.
- Документы..., 2011** – Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в.: по материалам ЦГА КБР. Нальчик: Издательский центр КБИГИ, 2011. 201 с.
- Идрисов, Газимагомедов, 2010** – *Идрисов М.М., Газимагомедов Х.М.* Деятельность наибов Шамиля среди горцев Северо-Западного Кавказа // *Современные исследования социальных проблем*, 2010, № 3(03). С. 67–70.
- Из документальной..., 2000** – Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик: Эльбрус, 2000. 477 с.
- Императорская..., 2006** – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. М.: Наталис, 2006. 479 с.
- История, 1998** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: «Наука», 1988. 670 с.
- Кандур, 1996** – *Кандур М.* Мюридизм. История кавказских войн (1819–1859). Нальчик: «Эль-Фа», 1996.
- Кешева, 2014** – *Кешева З.М.* Поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г. в контексте военно-политической ситуации в Центральном Предкавказье в 30–40-е гг. XIX в. // *Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания)*. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 101–116.
- Кумыков, 1965** – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. 420 с.
- Кундухов, 2013** – *Кундухов М.А.* Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
- Кушхабиев** – *Кушхабиев А.В.* Черкесия в борьбе за независимость (1763–1864). [Электронный ресурс]. (URL: <http://intercircass.org/?p=1925> дата обращения: 13.07.2018)
- Лавров, 1900** – *Лавров А.Н.* Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Его Императорского величества Великого князя Алексея Александровича полка (1700–1900). Тифлис: Тип. канц. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1900. 157 с.
- Мамхегов** – *Мамхегов А.* Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201> (дата обращения: 13.07.2018).
- НА ИГИ КБНЦ РАН** – Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

- Панеш, 2006** – Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: ОАО «Полиграфиздат Адыгея», 2006. 124 с.
- Панеш, 2007** – Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп: Издательство МГТУ, 2007. 250 с.
- Покровский, 2000** – Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 535 с.
- Прокламации...** – Прокламации Ермолова. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/?p=3587> (дата обращения: 13.07.2018).
- Толстой, 1997** – Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гасиева, 1997. 131 с.
- Урусов, 2014** – Урусов А.А. Политические и социально-экономические последствия похода имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 181–196.
- Урусов, 2015** – Урусов А.А. Вторжение Шамиля в Кабарду и столкновение с российскими военными отрядами 17–18 апреля 1846 г. / *Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX вв.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.)*. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 109–121.
- Хожаев, 1998** – Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный – СПб.: Седя, 1998. 250 с.
- Шамиль, 1953** – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, Сектор полит. лит. 1953. 557 с.
- Шарафутдинова, 1974** – Шарафутдинова Р.Ш. Арабский документ из архива академика Б.А. Дорна (Материалы к истории освободительного движения горцев на Северном Кавказе в 20–50-х годах XIX в.) // Письменные памятники Востока. 1971. М.: Наука. 1974. С. 162–170.
- Эсадзе, 1907** – Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис: тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.
- Gammer, 1994** – Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass & Co, 1994. 452 p.

References

- Abazov, 2016** – Abazov A.H. (2016). Narody Central'nogo Kavkaza v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v. [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. Nal'chik: «Pechatnyj dvor», 264 p. [in Russian]
- AKAK, 1885** – Akty kavkazskoj arheograficheskoj komissii [Acts of the Caucasian Archaeological Commission]. T. X. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1885. 938 p. [in Russian]
- Bejtuganov, 1993** – Bejtuganov S.N. (1993). Kabarda v familiyah. [Kabarda in surnames]. Nal'chik: «El'brus», 556 p. [in Russian]
- Bliev, Degoev, 1994** – Bliev M.M., Degoev V.V. (1994). Kavkazskaya vojna [The Caucasian War]. M.: Roset, 592 p. [in Russian]
- Bushuev, 1939** – Bushuev S.K. (1939). Bor'ba gorcev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya. [The struggle of the mountaineers for independence under the leadership of Shamil]. M.-L.: AN SSSR, 184 p. [in Russian]
- Dokumenty..., 2011** – Dokumenty po istorii adygov 20-50-x gg. XIX v.: po materialam CGA KBR. [Documents on the history of Adygys 20-50-ies. XIX century: on the materials of the State Archive of the KBR.]. Nal'chik: Izdatel'skij centr KBIGI, 2011. 201 p. [in Russian]
- Esadze, 1907** – Esadze S.S. (1907). Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical note on the management of the Caucasus]. T. 1. Tiflis: tip. «Guttenberg», 616 p. [in Russian]
- Gadzhi Ali, 1873** – Gadzhi Ali. (1873). Skazanie ochevidca o Shamil'e. [Legend of an eyewitness about Shamil]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Vyp. VII. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, pp. 1–76. [in Russian]
- Gammer, 1994** – Gammer M. (1994). Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass & Co, 452 p.
- Gammer, 1998** – Gammer M. (1998). Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie czarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana [Shamil. Muslim resistance to tsarism. The Conquest of Chechnya and Dagestan]. M.: KRON-PRESS, 512 p. [in Russian]
- Gorchakov, 1879** – Gorchakov N. (1879). Vtorzhenie Shamilya v Kabardu v 1846 g. [The invasion of Shamil in Kabarda in 1846]. *Kavkazskij sbornik*. T. IV. Tiflis: Tipografiya okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okrug, pp. 19–38. [in Russian]
- Hozhaev, 1998** – Hozhaev D. (1998). Chechency v Russko-Kavkazskoj vojne [Chechens in the Russian-Caucasian War]. Groznyj – SPb.: Seda, 250 p. [in Russian]
- Idrisov, Gazimagomedov, 2010** – Idrisov M.M., Gazimagomedov H.M. (2010). Deyatel'nost' naibov Shamilya sredi gorcev Severo-Zapadnogo Kavkaza [The activity of the Shamil naibs among the mountaineers

of the North-Western Caucasus.]. *Sovremennyye issledovaniya social'nyx problem*, №3(03). pp. 67-70. [in Russian]

Imperatorskaya..., 2006 – Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.) [Imperial Russia and the Muslim world (the end of the XVIII – early XX century.). *Sbornik materialov*. M.: Natalis, 2006. 479 p. [in Russian]

Istoriya..., 1998 – Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (end of the XVIII century – 1917)]. M.: «Nauka», 1988. 670 p. [in Russian]

Iz dokumental'noj..., 2000 – Iz dokumental'noj istorii kabardino-russkikh otnoshenij [From the documentary history of Kabardino-Russian relations.]. Nal'chik: El'brus, 2000. 477 p. [in Russian]

Kandur, 1996 – *Kandur M.* (1996). Myuridizm. Istoriya kavkazskih vojn (1819–1859). [Muridism. The history of the Caucasian wars (1819-1859)]. Nal'chik: «El'-Fa». [in Russian]

Kesheva, 2014 – *Kesheva Z.M.* (2014). Pohod imama Shamilya v Kabardu v 1846 g. v kontekste voenno-politicheskoj situacii v Central'nom Predkavkaz'e v 30-40-e gg. XIX v. [The campaign of Imam Shamil to Kabarda in 1846 in the context of the military-political situation in the Central Ciscaucasia in the 30-40's. XIX century]. Kavkazskaya vojna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya). Nal'chik: Izdatelskij otdel KBIGI RAN. pp. 101-116. [in Russian]

Kumykov, 1965 – *Kumykov T.H.* (1965). Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v. [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 420 p. [in Russian]

Kunduhov, 2013 – *Kunduhov M.A.* (2013). Memuary [Memoirs]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V. Gassieva, 92 p. [in Russian]

Kushkhabiev – *Kushkhabiev A.V.* Cherkesiya v bor'be za nezavisimost' (1763–1864) [Circassia in the struggle for independence (1763-1864)]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://intercircass.org/?p=1925> [in Russian]

Lavrov, 1900 – *Lavrov A.N.* (1900). Kratkoe opisanie boevoj zhizni i deyatel'nosti 77-go pehotnogo Ego Imperatorskogo velichestva Velikogo knyazya Alekseya Aleksandrovicha polka (1700–1900) [A brief description of the combat life and activities of the 77th Infantry of His Imperial Majesty the Grand Duke Alexei Alexandrovich of the Regiment (1700-1900)]. Tiflis: Tip. kancz. Glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze, 157 p. [in Russian]

Mamxegov – *Mamxegov A.* Pochemu Magomet-Mirza pereshel k Shamilyu [Why Mohammed Mirza moved to Shamil]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201> (Data obrashheniya: 16.05.2018) [in Russian]

NA IGI KBNC RAN – Nauchnyj arhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN [Scientific Archive of the Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Science Center of the Russian Academy of Sciences].

Panesh, 2006 – *Panesh A.D.* (2006). Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.). [Muridism and the struggle of the Circassians of the North-West Caucasus for independence (1829-1864)]. Majkop: OAO «Poligrafizdat Adygeya», 124 p. [in Russian]

Panesh, 2007 – *Panesh A.D.* (2007). Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodejstviya Rossii s Turciej, Anglij i imamatom Shamilya v XIX v. (do 1864 g.) [Western Circassia in the system of interaction of Russia with Turkey, England and imam of Shamil in the XIX century. (until 1864)]. Majkop: Izdatelstvo MGTU, 250 p. [in Russian]

Pokrovskij, 2000 – *Pokrovskij N.I.* (2000). Kavkazskie vojny i imamat Shamilya [Caucasian wars and Imamat of Shamil]. M.: ROSSPE N, 535 p. [in Russian]

Proklamacii... – Proklamicii Ermolova [Ermolov's proclamations]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.constitutions.ru/?p=3587> [in Russian]

Shamil', 1953 – Shamil' – stavlennik sultanskoj Turcii i anglijskih kolonizatorov [Shamil is a protege of the Sultan Turkey and the British colonialists. Collection of documentary materials]. *Sbornik dokumental'nyh materialov*. Tbilisi: Gosizdat Gruz. SSR, Sektor polit. lit. 1953. 557 p. [in Russian]

Sharafutdinova, 1974 – *Sharafutdinova R.Sh.* (1974). Arabskij dokument iz arhiva akademika B.A. Dorna (Materialy k istorii osvoboditel'nogo dvizheniya gorcev na Severnom Kavkaze v 20-50-x godax XIX v.) [Arabic document from the archives of academician B.A. Dorn (Materials on the history of the liberation movement of the mountaineers in the North Caucasus in the 20-50s of the XIX century.)]. Pis'mennyye pamyatniki Vostoka. 1971. M.: Nauka. pp. 163-170. [in Russian]

Tolstoj, 1997 – *Tolstoj V.S.* (1997). Skazanie o Severnoj Osetii. [Legend of North Ossetia]. Vladikavkaz: RIPP im. V.A. Gasieva, 131 p. [in Russian]

Urusov, 2014 – *Urusov A.A.* (2014). Politicheskie i social'no-ekonomicheskie posledstviya pohoda imama Shamilya v Kabardu v aprele 1846 g. [Political and socio-economic consequences of Imam Shamil's campaign to Kabarda in April 1846]. Kavkazskaya vojna: aktual'nye problemy istoricheskogo diskursa (k 150-letiyu okonchaniya). Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI RAN, pp. 181-196. [in Russian]

Urusov, 2015 – *Urusov A.A.* (2015). Vtorozhenie Shamilya v Kabardu i stolknovenie s rossijskimi voennymi otryadami 17-18 aprelya 1846 g. [Shamil's invasion of Kabarda and clash with Russian military detachments April 17-18, 1846]. *Social'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nachale XX v.: napravleniya i dinamika integracionnyh processov*. *Sbornik*

nauchnyh statej po materialam regional'noj nauchnoj internet-konferencii (g. Nal'chik 19–30 oktyabrya 2015 g.). Nal'chik: Izdatel'skij otдел KBIGI, pp. 109-121. [in Russian]

al-Karahi, 1941 – al-Karahi Muxammed (1941). Hronika Muxammeda Taxira al-Karahi o dagestanskih vojnah v period Shamilya. [Chronicle of Mohammed Tahir al-Karahi about the Dagestani wars in the Shamil period]. M.-L.: AN SSSR, 336 p. [in Russian]

К вопросу о походе имама Шамиля в Кабарду 1846 г.

Дмитрий Владиславович Овсянников ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются причины, ход и итоги похода отрядов, возглавляемых имамом Шамилем, на территории, подвластные кабардинским князьям Анзоровым и наибу Нур Али в окрестности Дарьяльского ущелья в апреле 1846 года. Помимо военно-тактического аспекта внимание также уделяется общественным процессам в регионе, запущенным в регионе Центрального Кавказа в 1820-е гг. командующим Отдельным кавказским корпусом А.П. Ермоловым.

Рассматривается социальная природа правящих групп в Кабарде (князья Анзоровы и другие аристократические фамилии) и руководителей движения за джихад в Чечне и Дагестане (имам Шамиль и большинство его наибов). Автор приходит к выводу, что как сословные различия, так и базовые характеристики общественного уклада Кабарды, с одной стороны, и Чечни и Нагорного Дагестана – с другой, обуславливали непреодолимые субъектные противоречия. Вооруженное противостояние горцев с Россией сыграло ключевую роль в формировании предпосылок для усилий имама Шамиля объединиться с кабардинскими владетелями, а также распространить свое влияние на близкие чеченцам горные общества галгаев и кистов. Эта попытка по сплочению горских народов единой и твердой рукой имама под знаменами ислама не была успешной. Отсутствие массовой поддержки движения во главе с Шамилем со стороны рядовых кабардинцев и вайнахских обществ Аки и Цори поставило Шамиля и его наиба перед перспективой попасть в окружение русскими войсками. Только умелые тактические решения горских командиров и относительная пассивность русского командования спасли Шамиля от катастрофы. Все это разбирается на основе широкого материала, в том числе и неопубликованных архивных источников.

Ключевые слова: Российская империя, имамат, Кабарда, кабардинцы, Кавказская война, имам Шамиль, Магомет-Мирза Анзоров, Нур Али ал-Харадарихи, аристократия, зависимые категории населения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.ovsiannikov@spbu.ru (Д.В. Овсянников)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1101-1110. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1101
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Crown Gypsies of Bessarabia and Russia's State Policy (1828–1836)

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

In the early 19th century, Russia incorporated Bessarabia that was home to both sedentary and nomadic Gypsies. By the 1810s, Russia already had accumulated its own experience of sedentarizing Gypsies. In 1828, the territory of the Bessarabia Region became the target of another campaign launched to bind Gypsies to land. The experience obtained could be later leveraged in other regions of the Russian Empire. The government allocated land to Gypsies, provided them with money to buy seed grain, agricultural tools and implements, timber to construct housing and farm buildings. However, the campaign failed. In the paper, we will review the campaign in terms of its key events, identify the role of the central government and local authorities in the way they put the campaign into operation and formulate the outcomes of the effort. The primary material for the paper includes documents of the Russian and Moldovan historical archives, which are introduced for the scholarly use for the first time.

Keywords: Gypsies, Russian Empire, state policy, settled life, Bessarabia, crown Gypsies, Faraonovka, Kair.

1. Introduction

In the early 19th century, the Russian Empire had the Gypsy population of 14-15 thousand people who were registered by the local police (Shaidurov, 2017: 1212). Later, the size of the group increased both through its natural growth and as a result of the newly added territories and near-border migration.

In 1812, under the terms of the Treaty of Bucharest, concluded by Russia and Turkey, the Bessarabia Region was ceded to Russia. The consequence was a large group of nomadic and sedentary Gypsies in South Russia, which were owned by local landlords and monasteries or were personally free individuals.

Beginning in the 1780s, the government took various steps to end vagrancy among Gypsies. In a relatively short period (1780s–1810s), it tested different approaches to address this issue. However, neither liberal nor military and police methods had any positive effects.

The next campaign initially comprised only the Bessarabia Region. The implementation process involved both the central authorities in St. Petersburg (Senate, Ministry of Finance) and Bessarabia's local government (Chancery of the Novorossiysk and Bessarabia Governor General, Bessarabian Civil Governor, Regional Council of Bessarabia, Office for Crown Gypsies). In the late 1820s and the first half of the 1830s, officials for the first time acted based on pragmatic considerations useful for the state – not only they required that Gypsies abandon their migration traditions and shift to settled lifestyles, but also created conditions favorable for this move (allocated land plots, tax preferences, cash benefits). By implementing the campaign, the authorities gained new knowledge in dealing with the issue, and the insights were harnessed in the activities carried on by Count Kiselev since 1839.

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

2. Sources and Methods

This paper will analyze the process of peasantizing the Gypsy community in Bessarabia between the 1820s and 1830s.

The history of Bessarabian Gypsies was reflected in a wide array of written sources of the 19th century. These are some legislative acts that regulated the situation of Gypsies in Bessarabia after its accession to the Russian Empire in 1812. These documents were published in the “Complete Code of Laws of the Russian Empire” (Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii) and are well known to researchers. It is these sources that are mainly referred to in the works on the Gypsy history (Crowe, 2004: 151–161). We cannot also reject the published historical sources. But they do not allow for a complete and realistic picture of what happened in Russia in the historical period under review. Handling this obstacle requires identifying and analyzing archival historical sources.

In our research work, we focus mainly on archival documents. To explore the history of Bessarabian Gypsies, we utilized documents preserved by the Russian State Historical Archive, St. Petersburg, in its fond collections. The fond of the Executive Police Department contains correspondence maintained by officials on the activities of the commissions established by Novorossiysk and Bessarabia Governor General M. Vorontsov to provide settlement arrangements for Bessarabian Gypsies. Documents from the State Council’s Department of State Economy enable a restoration for the views adopted by ministers and other public figures engaged in the decision-making process related to Gypsies’ living conditions in Bessarabia. The surviving documents in the Department of State Property of the Ministry of Finance gave us the opportunity to estimate the amount of financial aid and other support the Bessarabian Gypsies received from the state when they were settled down in state-owned settlements. Historical sources from these and other fonds of the Russian State Historical Archive complement each other and allow us to retrace of the actual history of Bessarabian Gypsies.

Researchers, who worked between the 1960s and 1970s, indicated the fact that there is no data on the ethnic composition of the Bessarabian population before 1835 (Grosul, Budak, 1967: 61; Kabuzan, 1974: 25). However, this gap can be filled in with statistical data from the files stored in the National Archives of the Republic of Moldova. For example, in the fond “Senators presiding in the Divans of Moldavia and Wallachia (1808–1812)” comprises several files that provide information on the ethnic composition (NARM. F. 1. Op. 1. D. 3246). Importantly, the fonds of this archive are a treasure chest of materials on the number of serf and free Gypsies in towns and villages of Bessarabia. The fonds also preserved census audits for Gypsy villages, such as Faraonovka and Kair as of 1835 (NARM. F. 134. Op. 2. D. 576), and the records provide an opportunity to identify not only what the size of the communities was, but also who and what the people were. A number of files can supply data on Gypsies from the Ottoman Empire, who moved to Russia and were registered as crown Gypsies (NARM. F. 134. Op. 3. D. 17).

Reconstructing the history of Gypsies in Russia requires harnessing a wide array of historical sources.

In terms of methodology, we aim to review the Gypsy history through the lens of the modernization theory, because we deal here with a typical example of (non-)transformation of a traditional society into a modern one. The leadership of the Russian Empire sought to build its activities on the statement by Emperor Nicholas I which read that “a well-organized state has no room for nomadism.” The paper uses various research methods such as a comparative and historical approach, historical and chronological method, quantitative methods, etc.

3. Discussion

The Russian historiography only offers a patchy history of Gypsies in Bessarabia. The existing limited historiography can be divided into three stages: 1) 1820s – 1917; 2) 1917 – 1991; 3) from 1992 to the present day.

First publications which had references to Bessarabian Gypsies, appeared in the mid-19th century. These were dedicated descriptions of the history and the contemporary state of the Bessarabia Region. The authors belonged to the military and government officials. Very few of them substantiate their accounts with documents and own observations. The most well-known material was collected by Captain A. Zashchuk (Zashchuk, 1862: 174–180), which would be widely used in the subsequent period. For example, the author of the almanac “Bessarabia,” P.A. Krushevan, noted: “As borrowed with minor changes from A. Zashchuk’s highly valuable work that has become a bibliographical rarity” (Krushevan, 1903: 193). Zashchuk provided useful information rather than simply stating the fact that Gypsies “are roaming the land and have only reached the earliest stage of development, no better than wild peoples” (Zashchuk, 1862: 177). He gave some data on the trends in the number of Gypsies in Bessarabia over time since its accession to Russia until 1858. Great historical and ethnographic significance can be attached to the information on the life of Gypsies. Zashchuk delivered a description of the Mikleshuan estate that was owned by the Căpriană monastery (Zashchuk, 1862: 177–176).

An attempt to transform Gypsies into Cossacks of the Danube (Novorossiysk) Cossack Host is described in A. Yegunov’s publication “On the Gypsies of Bessarabia” (Yegunov, 1864: 109–123). Being a member of the Regional Statistical Committee, he included reliable statistics related to Gypsies of Bessarabia in 1857–1858 (X census) in his work. In addition, he demonstrates knowledge of literature on Gypsies, quoting excerpts from a book by Richard Liebig “The Gypsies. Nature and Geography” (St. Petersburg, 1864), newly published in Russia (Yegunov, 1864: 112). However, further on, Yegunov provides quotations on

several pages from a colleague in the Statistical Committee, V.V. Gubkin, citing data on the Faraonovka and Kair Gypsies for the 1840s and 1850s, and in the end, he speaks to support those state and public figures who believed that Gypsies could be successfully socialized in Russia only by applying police methods.

In the early Soviet years, the Bolsheviks paid much attention to the situation of ethnic minorities and national borderlands. In 1918, L.S. Berg published his work “Bessarabia: country – people – economy” (Berg, 1918) in the “Native studies” [Rodinovedeniye] series, which devoted several pages to Gypsies. However, this information has predominantly a descriptive nature and covers only the period between the 1830s and 1850s (Berg, 1918: 146–147). In 1923, Berg published the book “The population of Bessarabia. Ethnographic composition and size.” The author retained the previous material on Gypsies in his newly released work, essentially enriching it with data on the size of the Gypsy population based on the First General Census of the Russian Empire of 1897. These works can be referred to the first period of research into the history of Bessarabian Gypsies (Berg, 1923: 37–38). These works can be referred to the first period of research into the history of Bessarabian Gypsies.

The second period features a strict scholarly approach to research. Authors of scarce works relied on known and accessible to them archival documents in their explorations. In the 1960s and 1970s, Gypsies of Bessarabia were spotlighted by Soviet historians, and the interest was linked to with the study of the forming ethnic structure, distinctions in the economic and demographic development of Bessarabia. We can emphasize the study by Ya.S. Grosul and I.G. Budak – “Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812–1861)” (1967). Here, the authors concentrated on the economic progression of Bessarabia. Based on previously published information (A. Zashchuk), they gave incomplete data on the number of Gypsies in Bessarabia (Grosul, Budak, 1967: 62). Analyzing the state policy, they emphasized the fact that serfdom in Bessarabia was only extended to Gypsies, and this situation was resulted from its peculiar status of a borderland region (Grosul, Budak, 1967: 38). Great value can be attached to the information on the amount of taxes that Gypsies had to pay.

Some aspects of the history of Bessarabian Gypsies are displayed in the monograph by V.S. Zelenchuk “The population of Bessarabia and the Dniester region in the 19th century. (Ethnic and socio-demographic processes)” (Naseleniye Bessarabii i Podnestrovyia v 19 v. (Etnicheskiye i sotsialno-demograficheskiye protsessy, 1979).

These historians made use of available sources to determine key areas in the study of Bessarabian Gypsies. The exploration into their scholarly heritage enables us to identify the aspects that they did not study for various reasons.

Currently, there are no dedicated research works that discover the history of Gypsies in Bessarabia. The search can identify general works which, as their predecessors, provide information on Gypsy population in the region. In most cases, their authors build their study on well-known published legal acts and statutory regulations, statistical materials, social and political essays (Smirnova-Seslavinskaya, 2014: 141–164). However, it is a very rare case today when scholars are introducing new archival documents into research and analysis (Shaidurov, 2017: 1207–2018).

4. Results

In the early 19 century, Bessarabia was the least populated part of the Principality of Moldavia with a total share of 50 % in its territory. Following the Russo-Turkish War of 1806–1812, the lands between the Prut, Dniester and Danube rivers were ceded to the Russian Empire under the Treaty of Bucharest. In 1818–1828, the Bessarabia Region received legislatively formalized administrative bodies, namely the Bessarabian Supreme (Regional since 1828) Council, Bessarabian Regional Government (1813–1828) and others.

Securing the new lands required that the Russian authorities facilitated their settlement and economic development. Bulgarians and Gagauzes began to move to Bessarabia from the border Moldovan counties. Beginning in 1814, Bessarabia saw the foundation of several German and Jewish agricultural colonies. At the same time, the government launched the resettlement of state peasants from central and Little Russian governorates. Migrations in Bessarabia resulted into a community of multi-ethnic population in the region. The approximate proportions of various ethnolocal groups can be demonstrated by the population of the Akkerman city (1817–1819) (see Table 1).

Table 1. The population of Akkerman by ethnic background (NARM. F. 5. Op. 2. D. 496. Our counting)

<i>ethnic group</i>	<i>no. of people</i>
Great Russians	255
Little Russians	1,795
Greeks	465
Armenians	600
Gypsies	97
Moldovans	871

Bulgarians	403
Jews	159
Total	4,645

We can see from the data above that the largest portion had the Ukrainian ethnolocal group, accounting for almost 40 % of the population. It was followed by Moldovans (19 %), Armenians (13 %) and Greeks (10 %). Gypsies were the smallest group that accounted for only 2 % of the city's population.

A closer look at the gender structure of the city population confirms that migrants formed a larger community (see [Table 2](#)).

Table 2. The population of Akkerman by gender ([NARM. F. 5. Op. 2. D. 496. Our counting](#))

<i>ethnic group</i>	<i>male settlers</i>	<i>female settlers</i>
Great Russians	171	84
Little Russians	1,161	634
Greeks	228	237
Armenians	299	301
Gypsies	44	53
Moldovans	519	352
Bulgarians	208	195
Jews	80	79
Total	2,710	1,935

The group of Russian, Ukrainian and Moldovan settlers was dominated by the male population – this category exceeded the female population by almost 1.4 to 2 times. On the other hand, the city's indigenous communities (Greeks, Bulgarians, Armenians and Gypsies) reveal a balanced gender structure.

It is evident that Gypsies were the smallest group at that time. Their share accounted for approx. 2 % of both the total number of residents and families. In the future, this trend would continue to exist.

One of the sources that contributed the growth the Gypsy population in Bessarabia was the resettlement of Moldovan Gypsies. The resettlement process typically proceeded in small groups. On the one hand, the groups consisted of fugitive Gypsy serfs. For example, in 1818, the Bessarabia Supreme Council heard a case where 40 Gypsies of Prince Alexander Kantakuzen, who fled from the Principality of Moldavia to Russia, were to be returned to the registration place ([NARM. F. 3. Op. 1. D. 30](#)). Once in Bessarabia, fugitive Gypsies were detained by local authorities ([NARM. F. 3. Op. 1. D. 30. L. 1](#)). A brief inquiry, conducted by the local police, revealed that they were subject to the possessory right, and this gave the grounds to return them to their lawful owner. We can suggest that some fugitive Gypsies managed to stay in Russia.

Another example of the resettlement of Gypsies from Turkish Moldavia to Bessarabia can be traced back to 1830–1831. This event at the time brought seven families consisting of 25 people to Bessarabia ([NARM. F. 134. Op. 3. D. 17. L. 4](#)). Initially, the responsibility for their fate was assigned to the Office of Foreign Colonists for the Southern Krai (territory), which cascaded the task of their settlement to the regional authorities in Kishinev. In late 1830, the Bessarabian Vice-Governor ordered that the arriving Gypsies be ranked in the category of crown subjects, which was done by the Regional Treasury Chamber.

Despite the continuously small size of the community, the Bessarabian Gypsies found themselves in the focus of the tsar's government and Russian administration of Bessarabia (Novorossiysk Governor-General, Civil Governor, Treasury Chamber). This was reflected both in fragmentary references to Gypsies in the legislative acts and in the release of special regulations and legal acts with regards to the ethnic group.

One of the first references to the Gypsies of Bessarabia can be found in the Charter of the Bessarabia Region dated April 29, 1818 ([PSZ RI-I. Vol. 35. No. 27357](#)). The section "On the rights and benefits of residents," among other groups, distinguishes Gypsies as belonging to the Crown and landlords. Managing crown (state-owned) Gypsies was the responsibility of the Regional Government. The Charter retained the existing taxation system. Crown Gypsies, like other tax-paying classes, had to pay the main state tax, so called *dazhdiya*, "on the basis of the certificates that they have" ([PSZ RI-I. Vol. 35. No. 27357](#)). Gypsies were deprived of the right to start any state military and civil service, as was the case with Bessarabian Jews ([PSZ RI-I. Vol. 35. No. 27357](#)). This incapacity survived in the reign of Emperor Nicholas I ([RGIA. F. 1286. Op. 5. 1833. D. 137](#)).

The situation of Gypsy serfs in Bessarabia differed fundamentally from that of serfs in the Russian Empire, where the monopoly to own serfs was recognized for the nobility already under Catherine II. In the Bessarabian Region, serf (house) Gypsies could be owned not only by the nobility, but also by the clergy,

boiernași¹, mazil² and merchants. Unlike crown Gypsies, serf Gypsies were exempted from paying state and public taxes and duties, performing work only for their owners (PSZ RI-I. Vol. 35. No. 27357).

In 1828, Nicholas I approved the “Statute on the administration of the Bessarabian Region” (PSZ RI-II. Vol. 3. No. 1834). Its preamble (§ 1) acknowledged that all classes in the Bessarabian Region, including crown and serf Gypsies, retained the rights and benefits that they previously enjoyed. One fact had crucial importance – the conscript obligation, one of the most serious natural duties for tax-paying classes, was not applicable to them (§ 2). As the government made efforts to prevent further proliferation of serfdom in Bessarabia, serf Gypsies could only be used “for personal and courtyard services, and not for settlement on land” (§ 4). To supervise crown Gypsies of Bessarabia, the law established the Office for State Gypsies in the Regional Board (PSZ RI-II. Vol. 3. Digest of Staff.: 97).

In 1820, Emperor Alexander I turned his attention to the situation of Bessarabian Gypsies. At the same time, acting through State Secretary Count Kapodistrias, the ruler instructed the Governor-General of Novorossia and Bessarabia, Count Mikhail Vorontsov, to collect complete information on Gypsies in Bessarabia to ensure their proper settlement (RGIA. F. 1152. Op. 1. 1828. D. 140. L. 8). This meant that the government again showed a desire to cultivate sedentary life styles among Gypsies.

Preparatory activities took several years. The administration created special commissions in three uyezds (districts) of the Bessarabian region to collect data on landlords’ and crown Gypsies. In other uyezds, which had small Gypsy population, this task was assigned to district police captains. In the same period, a census of landlords’ Gypsies was carried out, and further regulations were imposed to settle their situation. For example, the regulations stipulated that landlords did “not allow them (Gypsies – V.Sh.) wander about at will,” but used in domestic work and land cultivation (RGIA. F. 1152. Op. 1. 1828. D. 140. L. 8). At the same time, a ban was introduced prohibiting on selling Gypsies separately (RGIA. F. 1152. Op. 1. 1828. D. 140. L. 8). This measure was subsequently bolstered by the Senate’s Department of Laws that charged the Bessarabia Region Council with putting it into practice (RGIA. F. 1152. Op. 1. 1828. D. 140. L. 9-10).

With regard to crown Gypsies, the efforts by the Vorontsov administration were liberal. The commissions launched in the uyezds were to poll free Gypsies who led the nomadic life, for their desire to settle down in cities or villages. Vorontsov proposed those of them who expressed a desire to create a permanent farmstead, to provide a 15-year grace for taxes and duties (RGIA. F. 1152. Op. 1. 1828. D. 140. L. 9). However, the documents failed to clearly specify what this grace was supposed to look like – full or partial exemptions from monetary and in kind taxes.

Already in 1828, preparatory work was complete, and Governor-General of Novorossiysk and Bessarabia Count Mikhail Vorontsov executed a project to sedentarize Gypsies, which by its content was comparable to the projects to establish foreign colonies in Russia in Catherine II’s era and Jewish agricultural colonies under the reign of Alexander I. Vorontsov believed that granting land to nomadic Gypsies and giving them state financial support would enable the administration to “encourage these nomadic people into founding a solid settlement basis and solicit them with funds to build up farmsteads, as well as to convince them that the Government cares about their well-being” (PSZ RI-II. Vol. 4. No. 2665). This proposal was supported by Minister of Finance Count Yegor Kankrin and approved by Nicholas I on February 8, 1829, after it was discussed in the State Council.

As it became a legally binding instrument, the opinion of the State Council initiated a new attempt to transform Gypsies into a sedentary population. We can see a change in rhetoric as early as in the preamble, which indicated a turn in the government’s policy. Law-makers used new wording to determine the solution for issues related to the situation of the Gypsies, such as “encourage,” “take care,” or “provide some benefits” (PSZ RI-II. Vol. 4. No. 2665). This confirms that to achieve its goal, the bureaucracy rejected the forceful police measures that had been applied in previous years, and employed “soft power.” This shift was linked, among other things, to the fact that new officials came to power who had completed training, including rhetoric courses, in Russian institutions of higher education (Shchukina, Egorenkova, 2017: 376-384). The attempt stood very strong chances of success, because part of crown Gypsies already had settled homes in cities and villages in Bessarabia in the first third of the 19th century. What were the key provisions of the new campaign that the authorities planned to bring to life in Bessarabia?

Over almost 5 decades, no regulatory and legal acts were elaborated in such a detailed way as it was the case with the law of 1829. We should first pay attention to the fact that the government confined its implementation to the Bessarabia Region. The experience gained here could later be leveraged in projects throughout Russia. In addition, in case of Bessarabia, implementing the activities would require fewer material resources, which would help avoid their dissipation.

It was planned to allocate vacant state lands to provide arrangements for Gypsies’ settlement. A Gypsy family could receive a 30 dessiatine (dessiatine – a Russian unit of area equivalent to approximately 2.7 acres or 10,800 square metres) land plot whatever the size of the family was. Since the settlements were founded

¹ Boiernași is a social estate in the Principality of Moldavia, whose members were granted the personal nobility rights after Bessarabia was integrated into the Russian Empire.

² Mazil is a semi-privileged social estate in the Principality of Moldavia, whose members were equalized in rights with the Odnodvortsi class (those possessing only their own farmsteads) after Bessarabia was integrated into the Russian Empire.

from scratch, they were in need of resources for housing and farmstead construction. Instead of the timber required for this purpose, the Ministry of Finance offered to give each family 23 rubles 50 kopecks “just as all the settlers who moved to Bessarabia from internal provinces received” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 117). The dedicated state budget was supposed to buy “2 chetverts of different bread grains per each family” (chetvert – a measure of grain equivalent to about 210 l) (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 117). To lighten the financial situation of Gypsy farmsteads, the Ministry of Finance backed up Count Vorontsov’s initiative to grant Gypsies a 4-year exemption from state taxes and military service (PSZ RI-II. Vol. 4. No. 2665). These steps were to facilitate the fastest adaptation of Gypsies to a new way of life.

The evaluation and selection of vacant land plots by representatives of Gypsy communities dragged on for 2 years. In 1829, the process was hindered by the plague epidemic that spread Bessarabia. In 1830, they examined some of the plots, and it was not until September that they chose plot No. 12 with an area of approx. 5 thousand dessiatines of land suitable for tillage. The Senate, based on the recommendation from the Land Survey Department, legally attached this land plot, located in the Akkerman uezd, to Gypsies only on March 5, 1831 (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 118).

In 1831, Gypsies encountered new difficulties. The lands they chose were categorized over several years as obrok (taxed) land plots rented out by the Bessarabia Treasury Chamber. Its tenant in 1830-1831 was retired captain Bachev. The Treasury Chamber made all the appropriate arrangements already in 1830 to early terminate the lease agreement from the spring of 1831, which was permitted under the terms of the agreement (early termination, for example, might take place when status of the lands was changed from obrok plots to state-owned ones).

In July 1831, 40 Gypsies arrived in the former obrok land for haymaking. However, they managed to mow down “only 5 haystacks of a mediocre size... And that would do for only 5 farmsteads” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 123). By that time, the greater part of the grass had already been mown down by Bachev. The local administration ordered that the already mown hay should be divided between the former tenant and the Gypsies. The Gypsies also retained the whole harvest of bread, sown by Bachev. This position of the administration is explained not so much by its commitment to the task of supporting Gypsies in a new home, but rather by the intention to collect from Bachev the arrears in payment for using the obrok land.

By the autumn of 1831, plot No. 12 was inhabited by 65 families. By late October 1831, 55 Gypsy families plowed fields and sowed them with rye and winter wheat. To purchase seed grain, the Bessarabia Treasury Chamber, as agreed by the Ministry of Finance, allotted 749 rubles 40 kopecks to the Office for Crown Gypsies, which was responsible for supporting Gypsies. (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 126). Following the proposal submitted by Civil Governor of Bessarabia Pahlen, the State Council approved in 1831 the allotment of additional funds in the amount of 549 rubles to purchase plows and other necessary agricultural implements. (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 126).

Southern Bessarabia was an area lacking forest. Particularly urgent need was felt for timber. By late 1831, Gypsies had to construct mud huts instead of above-ground huts, because they were only able to buy timber for 10 houses (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 127).

Gypsies had to buy firewood at their expense. However, they were given support by the local administration. The Bessarabia Treasury Chamber instructed the forest ranger of Bendery uezd to sell firewood to Gypsies, which were cut in the state forests on the precipices of the Dniester, at the prices of firewood from solid wood (14 rubles 40 kopecks in assignments¹ per sazhen²). Despite the fact that Gypsies were allowed to defer payment for the firewood to the Treasury, they had to pay to 2 ruble 40 kopecks in assignments to each wood chopper (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 126).

The campaign of 1829 – 1831 resulted into first two state-owned Gypsy settlements, Faraonovka and Kair, in the Akkerman uezd. In total, they had been allotted almost 10 thousand dessiatines of land by 1835. Since 1831, the Treasury provided Gypsies with various types of support to the amount of 58,615 rubles 71 kopecks 1/4 of the kopeck, including 16,771 rubles 71 kopecks without repayment (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 173). According to the census of 1835, there were 184 families (385 men and 349 women) in Faraonovka, and 198 families (369 men and 312 women) in Kair (NARM. F. 134. Op. 2. D. 576. L. 1 – 38).

The census, carried out by officials of the Regional Treasury Chamber, recorded not only the total population of Gypsy settlements. The statistical information provided in the census documents allows us to speak of the size of families as well as the gender age structure of the Gypsy society.

Let us review the size of Gypsy families in the Faraonovka village (see Table 3).

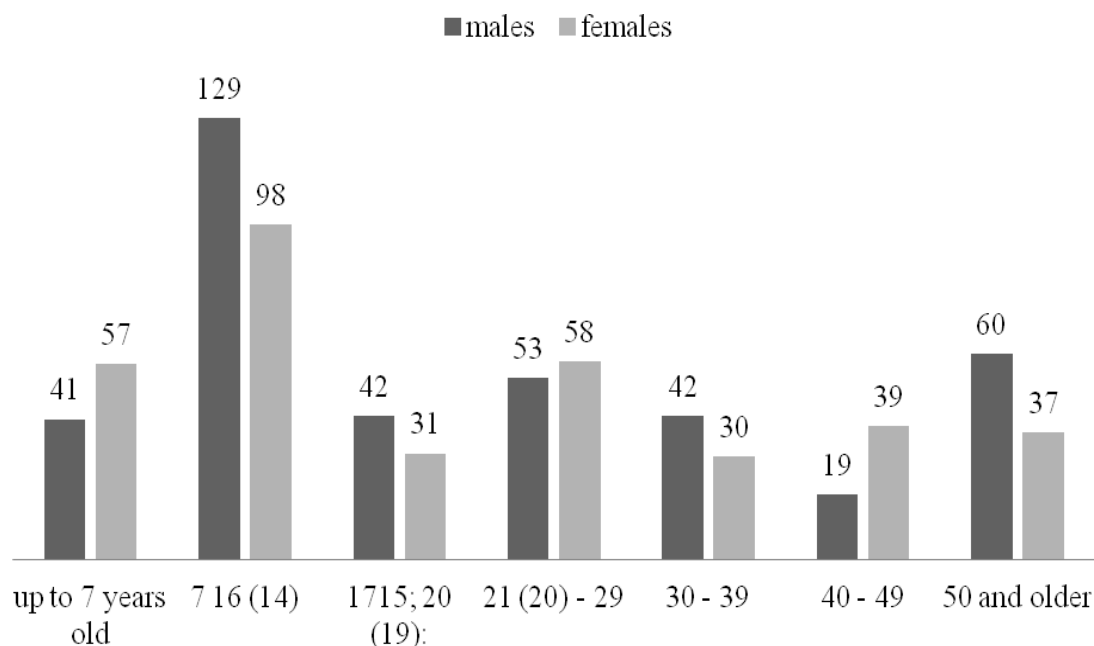
¹ In the Russian Empire, in the first half of the 19th century, prices were quoted in rubles in assignments (paper money) and silver (silver coins). The exchange rate of assignments to silver was never stable. In 1830, the exchange rate in Moscow was 4 rubles in assignments for 1 ruble in silver. A firm exchange rate was achieved as a result of the monetary reform of Ye.F. Kankrin.

² Sazhen – a Russian non-metric unit of measure, equivalent to 9.7127 m³

Table 3. The size of Gypsy families who lived in the Faraonovka village, Akkerman uezd, Bessarabia Region, 1835 (NARM. F. 134. Op. 2. D. 576. L. 1 – 38. Our counting.)

number of members in a family	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
number of families	5	25	43	30	26	18	14	11	2	1

As the table above suggests, small families predominate in this community – the percentage of families consisting of 3–4 people amounted to 42 % (25 and 17 % of the total number). On the other hand, large families with 8 or more members accounted for only 8 % of all families. This picture is not normal for a Gypsy community. Probably, it was the consequence of the preference policy pursued by the tsarist administration. A meaningful fact is that the land plot was allotted to a family no matter how many members it included. The same is true to the allocated money loans that Gypsies received to buy grain, agricultural implements and construction wood. This context tempted to divide a large patriarchal family into several small independent families and receive a larger amount from the government than the sum that a traditional multi-generation Gypsy family could count on.

Fig. 1. The gender and age structure of the Gypsy community in Faraonovka, 1835 (NARM. F. 134. Op. 2. D. 576. L. 1 – 38. Our counting).

The analysis of the data provided shows a slight predominance of the male population (about 52.4 %), which is particularly visible in the age group from 7 to 16 (14) years and over 50 years (see Figure 1). However, the age group between 40 and 49 had almost twice as fewer men as women. In general, the people in the Gypsy community, who were incapable of work, amounted to 13 % (children aged under 7) as of the period under review. The partially able-bodied population (44 %) includes age groups of men and women aged from 7 to 16 (14) and elderly people over 50. The percentage of the fully able-bodied population aged from 16 (14) to 49 was equal to 43 %. In general, the demographic conditions in the Gypsy community were favorable, as the dependency ratio¹ shows: the ratio of children under the age of 16 (14) to the adult able-bodied population was 1.04; the ratio of elderly people aged 50 and above to the adult able-bodied population was 0.31 (NARM. F. 134. Op. 2. D. 576. L. 1 – 38). The relatively small number of women and men aged from 30 to 49 (only 18 % of the total population) was the result of the plague epidemic that swept South Russia, including Bessarabia, in 1828.

Controversies arose among senior statesmen involved in the campaign to peasantize Bessarabian Gypsies, already in 1835. Governor-General of Novorossiysk and Bessarabia Mikhail Vorontsov, at the suggestion of Civil Governor of Bessarabia Pavel Fedorov, said in his proposal, addressed to the Minister of Finance, Yegor Kankrin, dated November 30, 1835, that “although this settlement (of Gypsies in Faraonovka and Kair – V.Sh.) showed some promise for the possibility of transforming this nomadic people, but the

¹ $k = n_1/n_2$, where n_1 – the population incapable of work (children, elderly people), n_2 – able-bodied population.

outcome did not meet the expectations of the Government” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 168). The root cause, as viewed by Vorontsov, was in the “ingrained inclinations (of Gypsies – V.Sh.) to a nomadic life that posed a major barrier to achieving the planned goal” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 168). However, he made a substantial reservation further in his letter, pointing out that harsh years of bad harvest ensued “shortly after the settlement was established. This circumstance greatly affected the Gypsies and almost completely disrupted this settlement campaign” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 168). With this phrase Vorontsov repudiated his own assertion about the causes of the failure to settle Gypsies in Bessarabia. The further content of Vorontsov’s letter reveals his true intentions: he needed land to accommodate parts of the newly formed Danube Cossack Host (1828–1868). As for Gypsies, he believed that they should be registered in the existing state-owned settlements of the Bessarabia Region, and the vacant lands should be given to the Cossacks. This approach to handle the situation can be explained solely by Vorontsov’s strategic and military aspirations – one of the challenges that he as Governor-General of a vast border region had to address was to ensure security at the borders. It was the Cossacks who, in the reign of Nicholas I, in accordance with the Provisions on Cossack Hosts, were liable for lifelong military service in the border regions from the Danube to the Pacific Ocean.

However, such an approach adopted by Vorontsov provoked a mixed reaction from Minister of Finance Yegor Kankrin, known for his thrifty ways regarding the state treasury. By allocating considerable sums, he sought to achieve a positive result. It was the above letter by Vorontsov that provided Kankrin with serious arguments that supported the continuing campaign to sedentarize Gypsies in Bessarabia. Expressing his opinion, he first pointed out that “the chief local authority admits that the modest success of effort to settle down crown Gypsies is linked not to the substance of the matter itself, but to the combination of accidental circumstances, namely to lean years, from which it can be seen that by overcoming these obstacles, with proper care and perseverance taken by the Government, we can hope that crown Gypsies will finally abandon this wild nomadism to choose a sedentary lifestyle” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 182).

Kankrin also rejected Vorontsov’s proposal to relocate Gypsies in existing state-owned settlements. He argued for this by saying that “the registration of crown Gypsies in state-owned settlements will only encumber agricultural village communities with the heavy burden of paying taxes for those Gypsies” (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 183).

At the same time, Kankrin, understanding the need to allot lands for the Danube Cossack Host, offered Vorontsov a compromise solution: to move Gypsies in the state-owned settlements of Bessarabia to the rank of Cossacks and transfer the lands they occupied to the disposal of the host administration.

It is important to take note of one significant reservation made by Kankrin: Gypsies living in Faraonovka and Kair to be allotted 30 dessiatines of land per family, as specified by the effective laws, and hand over the surplus of land to Cossack stanitsas (rural localities). Therefore, he actually shielded Gypsies from attempts by the local administration to strip them of the land. Vorontsov himself pointed out in his letter that there were about 150 families in the Gypsy settlements (RGIA. F. 379. Op. 2. D. 35. L. 170). It was a small number of Gypsy families settled in these localities that constituted his main argument for seizing the land in favor of the Cossack Host.

In all likelihood, Kankrin, who prepared his report on this issue for the Committee of Ministers in the second half of January 1836, had more reliable data recorded in the census documents on Faraonovka and Kair.

Already February 18, 1836, the Committee of Ministers approved the opinion of Minister of Finance Kankrin (PSZ RI-II. Vol. 11. No. 8883). This document opened a new page in the history of Gypsies in the Russian Empire – the government set out on a journey to “Cossackize” Gypsies.

5. Conclusion

The accession of the Bessarabia Region by the Russian Empire in 1812 contributed to a significant increase in the size of the Gypsy population. Being representatives of various ethnocultural groups, Gypsies led both sedentary and nomadic lifestyles. It was until the early 1820s that the authorities shifted focus on them and made a new attempt to modernize the Gypsy society.

The campaign of 1828 – 1836 differed from previous efforts as it had a limited area of implementation and received a detailed evaluation of all aspects. Its core was formed on the principles of state pragmatism, and their implementation was to turn Gypsies into an organic element of the “well-ordered state,” and the principles of paternalism – it was the first time that the state not only required that Gypsies move to a settled way of life, but also created all necessary conditions for the transformation: it allotted land, granted exemption from in kind and monetary taxes, allocated money to purchase agricultural implements and seed grains.

The campaign had a mixed result. A beneficial and practical result of the measures taken was the foundation of two Gypsy villages with the population of 1415 people by the middle of 1835. However, a range of objective (drought, poor harvest, epidemics) and subjective (bureaucratization, inability of local officials to deal with emerging problems, etc.) factors did not allow the government to accomplish the initiative.

Литература

- Берг, 1918** – *Берг Л.С.* Бессарабия: страна – люди – хозяйство. Петроград, Издательство «Огни», 1918.
- Берг, 1923** – *Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Петроград, б/и, 1923.
- Гросул и Будак, 1967** – *Гросул Я., Будак И.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1967.
- Егунов, 1864** – *Егунов А.* О цыганах в Бессарабии // *Записки Бессарабского областного статистического Комитета*. Т. 1 / Ред. А.Н. Егунов. Кишинев: печатано в типографии Областного Правления, 1864. С. 109–123.
- Защук, 1862** – *Защук А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Бессарабская область. Часть 1. Санкт-Петербург, 1862.
- Зеленчук, 1979** – *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в 19 веке (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, Штиница, 1974.
- Кабузан, 1974** – *Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. (Конец XVIII – первая половина XIX веков). Кишинев, Штиница, 1974.
- Крушеван, 1903** – *Крушеван П.А.* Бессарабия. Графический, исторический, статистический, экономический, этнографический, литературный и справочный сборник. Москва, Типография А.В. Васильева, 1903.
- НАРМ** – Национальный архив Республики Молдовы.
- Полное собрание законов Российской империи, 1830а** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.
- Полное собрание законов Российской империи, 1830б** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1830.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смирнова–Сеславинская, 2014** – *Смирнова–Сеславинская М.В.* К истории цыган-лингваров и кишиневцев в России // *Romii/Țigani din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională* (1414–2014). Chișinău: Academia de Științe a Moldovei Institutul Patrimoniului, Cultural Centrul de Etnologie, Secția "Minorități etnice", Grupul "Etnologia romilor", 2014. С. 141–164.
- Щукина, Егоренкова, 2017** – *Щукина Д.А., Егоренкова Н.А.* «Опыт риторики» И.С. Рижского (1796 г.) в горном университете: история и современность // *Записки Горного института*. Т. 225. С. 376–384.
- Crowe, 2004** – *Crowe D.M.* A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York, St. Martin's Griffin.
- Shaidurov, 2017** – *Shaidurov V.N.* On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century) // *Bylye Gody*. 46 (4): 1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207. p. 1212.

References

- Berg, 1918** – *Berg L.S.* (1918). Bessarabiya: strana – lyudi – khozyaystvo [Bessarabia: country – people – economy]. Petrograd, Ogni Publ. [in Russian]
- Berg, 1923** – *Berg L.S.* (1923). Naseleniye Bessarabii. Etnograficheskiy sostav i chislennost [The population of Bessarabia. Ethnographic composition and size]. Petrograd. pp. 37–38. [in Russian]
- Crowe, 2004** – *Crowe D.M.* (2004). A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York, St. Martin's Griffin.
- Grosul, Budak, 1967** – *Grosul Ya., Budak I.* (1967). Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii (1812–1861) [Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812–1861)]. Kishinev. [in Russian]
- Kabuzan, 1974** – *Kabuzan V.M.* (1974). Narodonaseleniye Bessarabskoy oblasti i levoberezhnykh rayonov Pridnestroviya (Konets XVIII - pervaya polovina XIX veka) [Population of the Bessarabian Region and Left-Bank Regions of Transnistria (The End of the 18th – First Half of the 19th Century)]. Kishinev, 1974. [in Russian]
- Krushevan, 1903** – *Krushevan P.A.* (1903). Bessarabiya. Graficheskiy, istoricheskiy, statisticheskiy, ekonomicheskiy, etnograficheskiy, literaturnyy i spravochnyy sbornik [Bessarabia. Graphical, historical, statistical, economic, ethnographic, literary and reference collection]. Moscow. [in Russian]
- NARM** – Natsionalnyi arkhiv Respubliki Moldovy [National Archives of the Republic of Moldova].
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, 1830a** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code I. St. Petersburg, 1830. [in Russian]
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, 1830b** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code II. St. Petersburg, 1830. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shaidurov, 2017** – *Shaidurov V.N.* (2017). On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye Gody*. 46(4): 1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.

Shchukina and Egorenkova, 2017 – Shchukina D.A., Egorenkova N.A. (2017). "Opyt ritoriki" I.S. Rizhskogo (1796 g.) v gornom universitete: istoriya i sovremennost' ["Rhetoric Practice" by I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: History and Contemporaneity]. *Zapiski Gornogo Instituta*. Vol. 225. pp. 376-384. DOI: <http://dx.doi.org/10.18454/pmi.2017.3.376>. [in Russian]

Smirnova-Seslavinskaya, 2014 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2014). K istorii tsygan-lingurarov i kishinevtsev v Rossii [To the History of Gypsies-Lingurary and Kishinyovtsy in Russia]. *Romii/Țiganiile din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională (1414 – 2014)*. Chișinău: 141-164. [in Russian]

Yegunov, 1864 – Yegunov A. (1864). O tsyganakh v Bessarabii [On the Gypsies in Bessarabia]. *Zapiski Bessarabskogo oblastnogo statisticheskogo Komiteta* [Proceedings of the Bessarabia Region Statistical Committee]. Vol. 1. Kishinev. pp. 109-123. [in Russian]

Zashchuk, 1862 – Zashchuk A. (1862). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo Shtaba. Bessarabskaya oblast [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Bessarabia region]. Part 1. St. Petersburg. [in Russian]

Zelenchuk, 1979 – Zelenchuk V.S. (1979). Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ia v 19 veke (Etnicheskie i sotsial'no-demograficheskie protsessy) [The Population of Bessarabia and the Dniester in the 19th century (Ethnic and socio-demographic processes)]. Kishinev: "Shtinica". [in Russian]

Коронные цыгане Бессарабии и государственная политика России (1828–1836)

Владимир Шайдуров ^{a, b, *}

^a Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В начале XIX в. в состав России была включена Бессарабия, где проживали оседлые и кочевые цыгане. К 1810-м гг. в России уже был собственный опыт перевода цыган к оседлости. В 1828 г. на территории Бессарабской области была начата очередная кампания по прикреплению цыган к земле. Полученный опыт мог быть в дальнейшем использован в других регионах Российской империи. Государство выделило цыганам землю, предоставило деньги для покупки семенного зерна, сельскохозяйственных орудий труда, леса для строительства жилья и хозяйственных построек. Но эта кампания провалилась. В статье мы рассмотрим основные события, выясним роль центральных и местных органов управления в ее реализации, определим результаты кампании. Основной материал для написания статьи – документы исторических архивов России и Молдовы, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане, Российская империя, государственная политика, оседлость, Бессарабия, коронные цыгане, Фараоновка, Каир.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В. Шайдуров)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1111-1118. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1111
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of Wedding Traditions and Rituals in the Territory Siberian Region in the XIX – Early XX Centuries

Yulia V. Putilina ^{a, *}, Oksana V. Ustinova ^b, Olga V. Natolochnaya ^{c, d}

^a Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

^b Tyumen Industrial University, Russian Federation

^c International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article deals with the peculiarities of wedding ceremonies typical for the territory of Siberia in the XIX-early XX centuries. It is established that at this time marriage was considered by the public as a duty of Orthodox Christians to get married in the Church when making a decision to create a family, and as a great mystery, and as a duty to parents and older relatives, and as a cherished goal and dream of the young. In addition, marriage was a severe necessity of that time, as it was a strong relationship with a large number of family members that allowed people to survive and maintain their own economy, despite the poverty conditions typical for many settlements of the country.

Wedding traditions in Siberia had their own characteristics. In the Siberian region, the grooms and their relatives, as a rule, did not "watch" potential brides, while in many regions of the Russian Empire, this ritual is still maintained. In Siberia, most often did not attach much importance to the bride's dowry. Each family gave on the condition and opportunities. As the main reference points in choosing a future wife in the Siberian region were the ability to farm, good health, gentle disposition and a good reputation of the young family.

Keywords: Siberia, wedding, ceremonies, rituals, handwriting, collusion, matchmaking, hen party, wedding, groom, bride, matchmaker, matchmakers, friend, tsysyatsky, songs, dances, treats, feasts, gifts, wedding train.

1. Введение

В XIX – начале XX вв. в сибирских поселениях свадьбы, как правило, начинали играть с осени, после окончания уборки урожая и начиная с православного праздника «Покрова». Чаще всего их играли на протяжении всей зимы, а иногда и весной, за исключением времени православных постов. Также старались не играть свадьбы в мае: считалось, если будет сыграна свадьба, молодые не будут счастливы вместе. В народе поговаривали на этот счет: «в мае жениться – весь век маяться» (Даль, 1879: 502).

Традиционные свадебные обряды складывались веками. В них входили устоявшиеся ритуалы, ролевые игры, застолья и определенный порядок. Однако в разных населенных пунктах имелись некоторые отличия и специфика тех или иных действий. В рамках статьи будут рассмотрены особенности свадебных обрядов, проводимых в исследуемый временной период на территории Сибирского края.

* Corresponding author

E-mail addresses: putilina-yulia@mail.ru (Y.V. Putilina), iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

2. Материалы и методы

Исследование построено на базе анализа исторических источников XIX – начала XX вв., запечатлевших те или иные сведения о свадебных обрядах и ритуалах, характерных для населенных пунктов Сибирского края.

В качестве методов исследования был использован следующий их комплекс:

- метод контент-анализа, при помощи которого было изучено и проанализировано содержание текстов различных исторических источников XIX – начала XX вв., в том числе опубликованных в это время книг и статей, затрагивающих вопросы свадебных обрядов населения Сибирского края;
- исторический метод, позволивший выявить специфику мировоззрения и семейных традиций сибиряков в XIX – начале XX вв., в том числе их ориентиров при выборе будущих жен и мужей, отношение к старшим родственникам, ритуалу венчания, самому браку и др.;
- нарративный метод, позволивший выложенные факты изложить в последовательном порядке.

3. Обсуждение

В качестве ключевых материалов были изучены исторические источники в виде книжных и периодических изданий, опубликованных в XIX – начале XX вв. Так, в рамках работы над статьей был проанализирован ряд трудов, посвященных исследованию традиций, обрядов, мировоззрения, особенностей жизни и быта населения, проживающего на территории Российской империи в интересующий нас временной период (Паллас, 1786; Русский..., 1880).

Кроме того, были исследованы книжные издания, где эти же аспекты раскрывались уже с учетом региональной специфики Сибирского края (Авдеева, 1837; Головачев, 1905; Гуляев, 1848; Народный..., 1898; Понамарев, 1896); статьи, заметки и очерки, посвященные традициям и обычаям населения Сибири, размещенные в периодических изданиях XIX – начале XX вв. (Исаев, 1891: 53–89; Капустин, 1883: 27–39).

Помимо прочих исторических источников, были проанализированы немногочисленные сборники этнографического характера, авторы которых ездили по сибирским селам и деревням, слушали и записывали тексты свадебных песен и причитаний, рассказы о свадебных обрядах и ритуалах из уст самих сибиряков, проживавших в XIX – начале XX вв. на территории региона. Особая ценность трудов данного типа представляется в том, что именно в них свадебные обряды сибирских поселений описывались наиболее красочно, непредвзято и одновременно подробно (Каффа, 1905).

Особый интерес в рамках исследования представляют сборники пословиц, поговорок, устойчивых выражений и словооборотов, распространенных на территории Российской империи, в том числе и Сибири, в XIX – начале XX вв. (Даль, 1879; Иллюстров, 1915).

Кроме исторических источников, вышедших в свет в исследуемый период, нами были изучены и современные работы, затрагивающие те или иные аспекты интересующей нас тематики (Елизарова, 1992a; Елизарова, 1992b).

Стоит также отметить практическое отсутствие современных трудов, всецело посвященных исследованию свадебных обрядов на территории Сибирского края в XIX – начале XX вв. В связи с этим заявленная тема является достаточно актуальной и нуждается в углубленной научной проработке.

4. Результаты

Свадебные обряды в Российской империи в XIX – начале XX вв. отличались большим количеством ритуальных действий, ролевых игр, застолий и песен. Нередко свадьбу гуляли от трех дней до двух недель. Началом самого свадебного празднования считался день, когда совершалось таинство венчания. Однако этому дню предшествовало множество подготовительных и предпраздничных действий и ритуалов.

Если невеста, «приглянувшаяся» отцу и матери жениха, не нравилась молодому, то жених мог ее выбрать самостоятельно, но только с согласия своих родителей. Со стороны самого жениха и его родителей к этому времени в Сибири считали главным, чтобы невеста была работящая, умеющая вести хозяйство, хороша собою, а ее семья имела бы добрую репутацию.

В числе прочего, подтверждением данной тенденции являлось и то, что во многих сибирских поселениях было распространено выражение: «Лучше брать девицу без приданого, но из доброй семьи» (Иллюстров, 1915: 87; Авдеева, 1837: 35–36).

Также при выборе будущей жены важное значение имел и характер девушки. В идеале – он должен быть кротким, покладистым, молодая должна иметь хорошее воспитание, почтительно относиться к старшим. Особенно это было важным в то время, потому что молодую жену мужчина чаще всего приводил жить в дом к своим родителям. Иногда в таком доме уже жили несколько его братьев со своими женами и детьми. Молодым женщинам приходилось уживаться с «новыми родственниками», многие из которых были старше их по возрасту и устоявшемуся положению или статусу в семье. Очевидно, что почтительность и «добрый нрав» невесты в таких случаях приобретали особо важное значение (Понамарев, 1896: 65–68).

Родственники со стороны жениха обращали внимание не только на характер потенциальной невесты, но также и на нрав ее матери. Считалось, что «скверный характер» и «сварливость» могут

передаваться женщинам по наследству (Русский..., 1880: 49–50). Не случайно во многих сибирских поселениях зачастую поговаривали: «Дочери сварливых баб пусть спокойно дома сидят, сваты их не потревожат», «не далеко от дерева яблоко падает», «каково деревце, таковы и яблочки», «кто волком родился, тому лисой не бывать» и т.д. (Даль, 1879: 671–672; Народный..., 1898: 126).

Однако не только на характер будущей избранницы и ее матери обращали внимание жених, его родственники и сваты. В некоторых сибирских селениях и деревнях предпочтение отдавалось «плечистым», с крупными и сильными руками «бабам». Считалось, что именно из таких женщин получатся наиболее хорошие хозяйки и работающие жены. Некоторые родители женихов советовали своим сыновьям брать в жены женщин «с бедрами покрупнее», полагая, что именно такие будут рожать больше, а их потомство будет сильнее и здоровее (Пономарев, 1896: 87–89).

При этом часто предпочтение при выборе невест отдавали не младшим сестрам (в семьях, где росло несколько девушек), а самым старшим из них. Предполагалось, что именно старшая сестра, выйдя замуж, будет особенно почтительна к родственникам мужа; именно она, вероятнее всего, станет хорошей хозяйкой и матерью, так как уже с малых лет привыкла вести хозяйство, водиться с детьми, заботясь о своих младших сестрах и братьях (Авдеева, 1837: 36–37).

С целью проверить молодую, насколько хорошей хозяйкой она будет в будущем, родственники и друзья жениха нередко прибегали к различным ухищрениям. Так, приходя в гости к семье девушки, просили потенциальную невесту саму накрыть им на стол, подать чай или какое-то угощение. Сваты хотели увидеть ее в работе. Зачастую с этой же целью они подолгу рассматривали заслонку печи: чиста ли она, чтобы судить о хозяйственных способностях потенциальной невесты (Елизарова, 1992. №1: 15).

Величине приданого девушки в простых крестьянских семьях сибирских поселений часто не придавалось особого значения. Более того, в ряде населенных пунктов Сибири считалось даже зазорным проявлять какой-либо видимый интерес к данному вопросу (Пономарев, 1896: 126).

Многие жители Сибири полагали, что именно муж должен преимущественно содержать и обеспечивать жену. В этом отношении были характерными следующие пословицы и выражения, распространенные среди жителей ряда населенных пунктов Сибири: «не с большими хорами с частыми переходами, а с человеком жить»; «жена не скрипка, на ней не поиграешь да на спичку не повесишь» (Иллюстров, 1915: 38; Авдеева, 1837: 35–36; Народный..., 1898: 45–49).

Смысл последней пословицы заключался в том, что жену нужно постоянно кормить, одевать, заботиться о ней. Однако на практике нередко женщины проделывали не меньше, а зачастую и намного больше работы, чем мужчины. Из исторических источников известно, что они, как правило, поднимались очень рано, регулярно пекли пироги, готовили по мере возможностей и достатка различные блюда для своих больших семей, шили одеяла, одежду, занавески, постельное белье, водились с многочисленными детьми, прибирались в доме, поддерживая его в чистоте (чистота убранств была особенно характерной для сибирских домов), ежедневно доили коров, ухаживали за скотом, птицей, огородом и т.д. (Пономарев, 1896: 76–79).

В исследовании А. Пономарева приводятся данные о том, что в XIX в. к 30–35 годам многие крестьянские жены выглядели намного взрослее своих мужей, которые были их ровесниками либо старше на несколько лет (Пономарев, 1896: 82).

Рассматривая семейные традиции и особенности свадебных ритуалов, характерных для населения Сибирского края, хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность. Исторические источники свидетельствуют, что в этих местах не принято было делать официальных открытых и явных «смотров» (или «смотрин») потенциальных невест, что тем не менее в это время активно практиковалось во многих населенных пунктах Российской империи. В сибирских семьях могли посчитать за великую обиду и оскорбление, если кто-нибудь предложил бы такую «невежливость» (Авдеева, 1837: 36–37).

Девушек можно было видеть на сговорах у подруг, в гостях у знакомых, в церкви во время праздничных и воскресных богослужений, на обеде и др. Иногда будущих жен присматривали тайно, когда специально приглашали потенциальную невесту к каким-нибудь общим знакомым в гости, где был сам жених, однако родители девушки и она сама не знали об этом. Когда предварительно все было уже улажено, сват направлялся в дом потенциальной невесты и делал от имени жениха официальное предложение.

Обычно родители и невеста с первого раза не решались дать конкретный ответ и просили предоставить время подумать, даже если на самом деле были рады поступившему предложению. Если жених им не нравился, также отказывали не сразу и очень вежливо, дабы не обидеть его родителей и остальную родню. Обычно в таких случаях ссылались на ранний возраст девушки или иные причины. Иногда говорили о «дальности женихова дома от источника воды», поясняя, что девушке будет тяжело ходить ежедневно с тяжелыми ведрами с водой до этого дома. Назывались и иные причины. Самолюбные родственники жениха пытались никак не затронуть и не оскорбить (Гуляев, 1848: 2–3).

Если же родители потенциальной невесты считали союз приличным, то в этом случае они приглашали ближайших родственников посоветоваться, после чего назначали день «рукобитья» (примечание авторов: ритуал, название которого является производным от выражения «ударить по рукам» или окончательно договориться о чем-то).

Что касается «мнения невесты», то, как отмечается в исследовании Е.А. Авдеевой, опубликованном в 1837 году, к этому времени оно уже учитывалось так же, как и мнение жениха. Как пишет Е.А. Авдеева, раньше никогда не спрашивали согласия у невесты: во всем она должна была слепо повиноваться воле родителей, но «теперь это уже вывелось» (Авдеева, 1837: 38).

В выбранный день приезжал сват. Сам обряд рукобיתья заключался в том, что зажигались свечи у образов, присутствующие молились Богу, а мать и отец невесты давали руку свату. После все пили вино либо иные напитки за здоровье помолвленных. Сами же невеста и жених, как правило, на этом обряде не присутствовали (Гуляев, 1848: 3).

На другой день также приезжал сват. Назначался день сговора. До этого времени молодым возбранялось видеться вообще. В день сговора родители, жених, сват и ближние родственники приезжали в дом невесты. Невеста в нарядном одеянии сидела в окружении своих подруг в специальной комнате (Паллас, 1786: 79–81).

В другом помещении ставили стол, накрывали его скатертью, обвешивали лентами, по углам прикалывали банты. Весь стол уставляли конфетами и вареньем, которых иногда ставили «до сорока тарелок». Если же семья была более бедной, то на стол ставили ягоды, пряники и орехи. Невесту выводила близкая родственница, отец или мать. Она здоровалась с приезжими и вставала на свое место. К ней подходил жених и тоже здоровался. Потом подходили приехавшие с ним мужчины: друзья, хорошие знакомые и родственники. Жених одаривал невесту подарками, а она в свою очередь – жениха.

Наконец, он брал избранницу за руку и вел ее к столу. Приехавшие с женихом гости тоже усаживались за него. Девушки начинали петь песни в следующем порядке: сначала для жениха и невесты, затем для гостей по их старшинству. Между тем гостям раздавались вина, кофе, чай и пунш. Когда всем приезжим гостям уже были пропеты специальные песни, одна из девушек ставила на стол поднос или тарелку, на которые каждый из приезжих клал какие-то деньги (Гуляев, 1848: 4–7).

Посидевши в гостях около двух часов, гости начинали собираться домой. Однако чаще всего гостеприимные хозяева их удерживали, предлагая посидеть подольше. После отъезда жениха оставшиеся начинали танцевать. Иногда жених со своими приятелями и другими мужчинами приходили танцевать на следующий день. Утром он отсылал через назначенное лицо невесте чай, конфеты и сахар, а вечером являлся вновь со сватом и несколькими из родственников. Тут назначался конкретный день свадьбы. До этого события жених, как правило, регулярно ездил к невесте, дарил ей разные подарки, а ее подругам и сестрам – конфеты (Гуляев, 1848: 8).

Примерно за два дня до свадьбы (а в обрядах некоторых сибирских селений – и в день самой свадьбы) невесте расплетали ее косу, а девиц одаривали бантами из лент. В этот же день невесту водили в баню. Вечер накануне свадьбы назывался девичником или девичьим вечером.

При этом в доме жениха незадолго до свадьбы выбирали свадебные чины: дружка или подружье, тысяцкого, больших и меньших бояр. Дружку чаще всего выбирали из числа женатых родственников со стороны жениха, обладавшего расторопностью и ловкостью, хорошо знавшего особенности свадебного обряда, имевшего лидерские навыки, способность управлять всем свадебным процессом. Именно он становился главным распорядителем свадебных процессов и церемоний.

Еще один чин, к настоящему времени ушедший в прошлое, – это тысяцкий. Роль тысяцкого, как правило, доставалась крестному отцу либо родному дяде жениха. «Должность» сводилась к правлению свадебным кортежем. При этом большими боярами часто именовали близкую родню молодых и особо почетных гостей, в то время как малыми – дальних родственников и гостей «попроше» (Елизарова, 1992. №1: 15).

Как правило, в доме жениха готовился «свадебный поезд», который представлял собой до семи и более повозок, украшенных бубенцами и лентами (Елизарова, 1992. №2: 14).

Во время девичника в дом невесты ненадолго приезжал жених со свахой, тысяцким и боярами. Бояр было четверо или трое, двое из них были меньшие или младшие бояре. Во время девичника все опять садились за стол, пели песни. Но тут уже садилась невестина сваха, которую выбирали из числа родных. Во время девичника посещение было непродолжительным. После отъезда жениха невесту, как правило, усаживали за стол вместе с ее подругами. Девушки опять пели песни. В это же время приезжало двое младших бояр, которые привозили с собой особый ларец. Девушки пели специальную песню и к этому случаю. Боярам подносили вина и их одаривали. Исходя из уровня достатка семьи невесты, в качестве подарков могли быть преподнесены перчатки, жилетки и платки (Понамарева, 1896: 139).

В ларце или коробке, в зависимости от уровня благосостояния жениха и его семьи, могли находиться более или менее дорогостоящие подарки. Чаще же всего туда клали перстни, перчатки, серьги, ленты, румяна, белила, мыло, шпильки, булавки, помаду, веер, духи, гребенку, платки ручные, цветы, одну или две пары чулок и башмаков, в каждый из которых иногда клали по соболиной шкуре (Народный..., 1898: 59–63).

Приданое невесты обычно отправляли в дом жениха утром в день самой свадьбы. Когда все было приготовлено, родители и другие родственники девушки обычно присаживались «на дорожку», молились, благословляли невесту образом (иконой), который отправляли вместе с ее приданым в дом жениха. Как правило, оставляли только ларец, подаренный ранее женихом. Ларец отправляли уже

тогда, когда невесту везли на венчание. С приданным в дом жениха ехала женщина, которая готовила по всем «правилам» и устоявшимся к этому времени традициям спальню будущим супругам.

Как отмечалось в исследовании Е.А. Авдеевой, кровать должна была быть жениховой, а на постель «надевали шелковую наволочку, клали простыню сверх нее, а если была зима, то теплое одеяло: лисье, песцовое или даже соболье; сверх него одеяло канфовое ..., вышитое в узор; шесть подушек с кисейным наволочками, обшитыми оборкой». Занавес был также вещью необходимой. Богатые семьи вешали у кровати китайские занавесы, вышитые или «рисованные», бедные – светлые однотонные из ситца (Авдеева, 1837: 41–43).

После отправления приданого начинали наряжать невесту, одевая каждую вещь, она крестилась. Когда невеста была наряжена, ее благословляли образом. Она прощалась с матерью, отцом и своими подругами. Ее сажали за стол, вокруг которого усаживались и другие девушки. Стол, как правило, был «укрыт кушаньями и пирожным; посреди стола ставили большой хлеб, а на него серебряную солонку с солью» (Авдеева, 1837: 43).

В это же время у ворот караулили жениха. Как только показывался его «поезд», то в доме невесты сразу же давали об этом знать. Девушки вставали из-за стола, а возле невесты усаживали маленькую девочку или мальчика «продавать косу». Жених приезжал со свахой, тысяцким и боярами.

«Поезд невесты» чаще всего составляли провожавшие молодые женщины, сваха, трое мужчин и маленький мальчик с иконой (образом). Тысяцкий давал мальчику деньги, что называлось «купить косы». Затем все усаживались за стол. Посидевши за ним немного, когда были пропеты все полагающиеся к этому случаю песни, все поднимались из-за стола, а мать и отец брали руку невесты, отдавали ее жениху, прося в кратких выражениях лелеять и любить их дочь. Помолвившись, «женихов поезд» трогался с места, он ехал впереди, за ним следовали невеста со свахой и провожавшими их лицами (Авдеева, 1837: 43–44; Гуляев, 1848: 12–17; Понамарев, 1896: 77–79).

В церкви во время венчания иногда специально по этому событию пели певчие. После венчания новобрачных встречали с солью и хлебом на крыльце уже мать и отец жениха, которые также благословляли молодых образом (иконой).

После этого все заходили в дом жениха. Гостей и новобрачных в очередной раз усаживали за стол и подавали им чай, потому как молодые часто по несколько дней до венчания постились. Затем начиналось застолье, гостям подносили вина, а во дворе выставляли большое кадило с пивом.

После веселого и плотного застолья опять подавали кофе, чай и десерты. Многие провожатые разъезжались по домам, но оставалась сваха, тысяцкий и некоторые другие родственники. Тогда тысяцкий брал образы, подаренные родителями невесты и жениха, зажигались свечи и в сопровождении почетных гостей новобрачных вели в подготовленную заранее спальню. Выпивши еще раз за их здоровье, сопровождавшие покидали горницу. Почти всю эту ночь в доме молодых пели, плясали, «и хотя пить вообще было в большом зазоре, в таких случаях все разрешалось, и кто не хотел пить, тех обливали вином» (Авдеева, 1837: 45).

Утром молодая одаривала подарками свекра, свекровь, тысяцкого, бояр, родственников и «домашних служителей». После молодой с тысяцким и боярами ехал в дом тестя и тещи, кланялся им в ноги, благодарил их за хорошее воспитание жены. Как правило, у них уже к этому событию был заранее подготовлен и накрыт стол, на котором среди других угощений стояло большое блюдо с тонкими молочными блинами. Наконец, и молодые звали тестя, тещу и других родственников жены к себе в гости. Снова начиналось застолье.

В целом, можно констатировать, что такие «праздничные мероприятия», начиная с дня венчания, длились от трех дней до двух недель. Основное веселье переходило в «визитную часть», когда молодые посещали с визитами всех родных и знакомых, которые были у них до этого на свадьбе (Авдеева, 1837: 45–46; Понамарев, 1896: 58).

В ряде исследований, вышедших в свет в XIX – начале XX вв., можно встретить описания общих свадебных традиций и ритуалов, в том числе характерных для Сибирского края. При этом еще одно подробное и красочное описание свадебного обряда, характерного для конкретного населенного пункта Сибири – села Кривошеино Николаевской волости Томского округа Томской губернии – встречается в очерке известного этнографа С.П. Каффки. Описание свадебного обряда было произведено им со слов жителя села Кривошеино – Ивана Непомнящего (Каффка, 1905).

В указанном труде повествуется, что свадьбу в селе Кривошеино обычно играли с раннего утра. Невеста ехала в одной повозке с женихом, за ними – тысяцкий, бояре и затем прочие «поезжане». Дружка ехал впереди всех, приветствуя встречных прохожих следующими возгласами: «К нашему князю новобрачному меду пить, сахару есть» (примечание авторов: слово «князь» здесь использовалось не в прямом, а в ролевом смысловом выражении – именно так было принято называть в позапрошлом и начале прошлых столетий новобрачных: «князь и княгиня», вне зависимости от их реального сословного происхождения).

Встречный отдавал честь жениху. Приглашение это делал дружка для того, чтобы прохожий не «испортил свадьбы: не обратил бы поезжан в волков или свиней, не испортил бы жениха и невесту» (Каффка, 1905: 3–4).

Когда венчальный обряд уже был окончен, а дружка поздравил молодых, он спешил к родителям жениха. Входя в их дом, произносил: «Приехал я, дружка, с подружьем про Ваше здоровье спросить, а про свое сказать. Здравы ли наш князь новобрачный с княгиней? Здравы ли батюшка и матушка?» Те, в свою очередь, отвечали, что «здравы».

«А мы здравы со всем княжеским поездом», – продолжал дружка.

Затем он спешил встретить свадебный поезд, которому раньше приказывал двигаться к дому как можно медленней. Встретив «поезд», дружка слезал с повозки и, обращаясь ко всем участникам «поезда», говорил: «Стоять! ... Был я у батюшки и у матушки, про их здоровье спросил, про свое сказал: здравы ли вы князь новобрачный с княгиней новобрачной и со всем княжеским поездом? Здравы ли Вы?» – «Здравы!» – «Ну, погоняй за мной!»

«Поезд» далее ехал к родителям жениха, которые встречали молодых у порога с хлебом и солью. Хлеб держал за один конец отец, а за другой – мать. Новобрачные лизали трижды соль с солонки, а после все участники «поезда», начиная с дружки, проходили «под хлебом» и следовали в горницу. Здесь гостям подавали чай и вино. Выпивши чаю и закусивши, гости выходили в сени, где мужчины раскуривали трубки. Хозяева в это время убирали со стола оставшиеся яства. Затем весь свадебный поезд снова «заходил» за стол.

Далее свахи расплетали невесте одну косу, а затем – заплетали две. Мальчишки при этом нараспев кричали: «Ручки горят, мальчишку катят, девчонку катят». После того как невесте заплетали две косы, мальчишек одаривали конфетами, мелкими подарками и отпускали. Затем весь свадебный «поезд» провожал молодых до «брачной горницы».

Здесь дружка всем подавал вина, приговаривая: «NN (имя отчество)! Кланяется князь новобрачный добром и медом, сверх того буйной головой. Есть у вас ноженки, подойдите; есть у вас крылышки, полетите; есть рученьки, чарочку примайте, медку выпейте...!» (Каффка, 1905: 4–5).

Когда все уже угостились, дружка просил «покорно всех поезжан уходить». В комнате оставались лишь молодые, дружка и свахи. Дружка, обращаясь к молодым, произносил: «Ложитесь со Христом со Богом на постелю!» – давал новобрачным различные наставления и советы о том, что делать дальше, пил «щедро» вино и уходил вместе со свахами из горницы молодых (Каффка, 1905: 5).

Спустя некоторое время дружка подходил к двери, где «опочивали» новобрачные и произносил: «Господи, Иисусе, Сыне Божий». Если новобрачный отвечал в ответ «Аминь», то дружка шел «поднимать молодых», если же ответа не слышалось, то он уходил, чтобы через некоторое время вернуться и переделать то же самое.

Когда же слышал долгожданное «Аминь», дружка входил в брачную комнату, неся с собой ведро воды и платье новобрачного. Свахи «обмывали и осматривали молодую». Это же делал дружка и с новобрачным.

Если «молодуха» оказывалась «честною», то она, когда ее поднимали, произносила: «Все слава Богу!». Если же «нечестною», то она винулась перед дружкой: «Грешна пред Господом Богом, грешна пред дружкой, что обесчестила его, грешна пред поезжанами!»

В первом случае дружка выносил в горницу к гостям рубашку новобрачной и, показывая ее, говорил: «Все слава Богу, хорошо нашему князю новобрачному». Гости, как слышат это, начинали бить посуду. Заботливые хозяева для этого случая (если знали наперед, что на свадьбе все окажется благополучным) припасали старую посуду.

Если же дружка выходил без рубашки, то гости некоторое время молчали, а затем, чтобы не смущать особенно родителей, произносили: «Нам чеством не глаза мазать, давайте-ка пить вино!»

Вскоре выходили новобрачные и одаривали подарками «поезжан».

Основная часть свадебной церемонии на этом заканчивалась. Дружка благодарил Господа Бога, что удалось ему все совершить «без греха». Его хорошо «напаивали». После чего, как отмечается в исследовании Каффки, начиналась «гульба дня на 3–4». Если новобрачная оказывалась «честною», то лошадь, на которой катались «поезжане», украшали дорогой шалью и лентами, иногда на дугу вешали рубашку молодой. Соседи, видя такую свадьбу, приговаривали: «Хорошая свадьба удалась» (Каффка, 1905: 6).

5. Заключение

Таким образом, уходящие своими корнями в глубокую древность свадебные традиции состояли из сватовства, рукобיתья, сговора или «запоя», девичника, «продажи невестиных кос», «свадебного поезда», венчания, окручивания, «молодухина стола», «посудобитья», дарения, сорения и ряда других специальных ритуалов и действий.

Все свадебные обряды были насыщены многочисленными песнями, плясками, ритуальными приговорами и плачами, разносолами и угощениями, пирами и подарками, без которых не мыслилась ни одна свадьба.

Литература

Авдеева, 1837 – Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. Москва, 1837.

Головачев, 1905 – Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь. Москва, 1905.

- [Гуляев, 1848](#) – Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. Т. 90. СПб., 1848.
- [Даль, 1879](#) – Даль В.И. Пословицы русского народа (2-е изд.). Т. 2. М., 1879.
- [Елизарова, 1992a](#) – Елизарова П. Отдавала меня маменька ... (начало) // *Томская старина: краеведческий альманах*. 1992. № 1(3). С. 14–15.
- [Елизарова, 1992b](#) – Елизарова П. Отдавала меня маменька ... (окончание) // *Томская старина: краеведческий альманах*. 1992. № 2(4). С. 14–15.
- [Иллюстров, 1915](#) – Иллюстров В.Н. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Изд. 3. М. 1915.
- [Исаев, 1891](#) – Исаев А.А. От Урала до Томска: Из путевых заметок // *Вестник Европы*. 1891. № 5. С. 53–89.
- [Капустин, 1883](#) – Капустин С. Зеркало России // *Русская мысль*. 1883. № 1. С. 27–39.
- [Каффка, 1905](#) – Каффка С.П. Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа. Екатеринбург, 1905.
- [Народный..., 1898](#) – Народный быт Великого Севера. СПб., 1898.
- [Паллас, 1786](#) – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть вторая. Книга вторая. СПб.: Изд-во Императорской академии наук, 1786.
- [Понамарев, 1896](#) – Понамарев А. Обзор народного быта, традиций и суеверий населения Сибирского края. СПб, 1896.
- [Русский..., 1880](#) – Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собрано М. Забылиным. М., 1880.

References

- [Avdeeva, 1837](#) – Avdeeva E.A. (1837). Zapiski i zamechaniya o Sibiri [Notes and comments on Siberia]. M. [in Russian]
- [Golovachev, 1905](#) – Golovachev P.M. (1905). Sibir': priroda, lyudi, zhizn' [Siberia: nature, people, life]. M. [in Russian]
- [Gulyaev, 1848](#) – Gulyaev S.I. (1848). Etnograficheskie ocherki Yuzhnoi Sibiri. [Ethnographic sketches of southern Siberia]. Biblioteka dlya chteniya. T. 90. SPb. [in Russian].
- [Dal', 1879](#) – Dal' V.I. (1879). Poslovitsy russkogo naroda (2-e izd.). [Proverbs of the Russian people]. T. 2. M. [in Russian]
- [Elizarova, 1992a](#) – Elizarova P. (1992). Otdavala menya mamen'ka ... (nachalo) [Gave me my mother... (start)]. *Tomskaya starina: kraevedcheskii al'manakh*. №1(3). pp. 14-15. [in Russian]
- [Elizarova, 1992b](#) – Elizarova P. (1992). Otdavala menya mamen'ka ... (okonchanie) [Gave me my mother ... (end)]. *Tomskaya starina: kraevedcheskii al'manakh*. №2(4). pp. 14-15. [in Russian]
- [Ilyustrov, 1915](#) – Ilyustrov V.N. (1915). Zhizn' russkogo naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh. [The life of the Russian people in his Proverbs and sayings]. Izd. 3. M. [in Russian]
- [Isaev, 1891](#) – Isaev A.A. (1891). Ot Urala do Tomsk: Iz putevykh zametok. [From the Urals to Tomsk: from travel notes]. *Vestnik Evropy*. №5. pp. 53-89. [in Russian]
- [Kapustin, 1883](#) – Kapustin S. (1883). Zerkalo Rossii. [Mirror Of Russia]. *Russkaya mysl'*. №1. pp. 27-39. [in Russian]
- [Kaffka, 1905](#) – Kaffka S.P. (1905). Svadebnyi obryad, pesni i zagovory Tomskogo okruga [Wedding ceremony, songs and conspiracies of the Tomsk district]. Ekaterinburg. [in Russian]
- [Narodnyi ..., 1898](#) – Narodnyi byt Velikogo Severa [People's life Of the great North]. SPb, 1898. [in Russian]
- [Pallas, 1786](#) – Pallas P.S. (1786). Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo Gosudarstva. Chast' vtoraya. Kniga vtoraya [Travel to different provinces of the Russian State]. SPb: Izd-vo Imperatorskoi akademii nauk, 1786. [in Russian]
- [Ponamarev, 1896](#) – Ponamarev A. (1896). Obzor narodnogo byta, traditsii i sueverii naseleniya Sibirskogo kraia [Review of national life, traditions and superstitions of the population of the Siberian region]. SPb. [in Russian]
- [Russkii..., 1880](#) – Russkii narod. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya. [Russian people. His customs, rituals, traditions, superstitions and poetry]. Sobrano M. Zabylinym. M., 1880. [in Russian]

Особенности свадебных традиций и обрядов на территории Сибирского края в XIX – начале XX вв.

Юлия Викторовна Путилина ^{a, *}, Оксана Вячеславовна Устинова ^b, Ольга Васильевна Натолочная ^{c, d}

^a Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

^b Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^c Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности свадебных обрядов, характерных для территории Сибири в XIX – начале XX вв. Установлено, что в это время вступление в брак рассматривалось общественностью одновременно и как обязанность православных христиан венчаться в церкви при принятии решения о создании семьи, и как великая тайна, и как долг перед родителями и старшими родственниками, и как заветная цель и мечта молодых. Кроме того, вступление в брак было и суровой необходимостью того времени, так как именно крепкие родственные отношения с большим количеством членов семей позволяли людям выживать и вести собственное хозяйство, несмотря на условия бедности, характерные для многих населенных пунктов страны.

Свадебные традиции на территории Сибири имели свои особенности. В Сибирском крае женихи и их родственники, как правило, не проводили «смотрины» потенциальных невест, тогда как во многих регионах Российской империи этот ритуал еще сохранялся. В Сибири чаще всего не придавали большого значения и приданому невесты. Каждая семья давала по своему состоянию и возможностям. В качестве главных ориентиров в выборе будущей жены в Сибирском крае выделяли умение вести хозяйство, хорошее здоровье, кроткий нрав и добрую репутацию семьи молодой.

Ключевые слова: Сибирь, свадьба, обряды, ритуалы, рукобיתье, сговор, сватовство, девичник, венчание, жених, невеста, сваха, сваты, дружка, тысяцкий, песни, пляски, угощения, пиры, подарки, свадебный поезд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина),
ustinovaov@tyuiu.ru (О.В. Устинова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1119-1124. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1119
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Plague in the Caucasus, 1835–1839: Features of Detection and Counteraction

Goran Rajović ^{a, b, *}, Dmitry O. Ezhevski ^c, Alla G. Vazeroва ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the outbreak of plague in the Caucasus, which took place in 1835-1839. The attention is paid to the circumstances of its occurrence, localization and adoption of anti-epidemic measures.

The archival documents of the state archive of the Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation) served as materials for the preparation of the study. The special literature and scientific publications reflecting these issues were also used.

The methodological basis of research were the principles of objectivity and historicism, assuming an unbiased approach to the analysis of the problems, critical attitude to the sources, making judgments as a result of the analysis of a set of facts or phenomena in the development context and the historical setting. For example, the analysis of a set of facts revealed the reasons for traders' interest in hiding information about the presence of plague in their regions.

The authors conclude that the plague in the Caucasus in 1835-1839 had a pronounced local character. Almost non-stop plague in Turkey and Persia was brought with smuggled goods to Abkhazia and Cherkessia. The anti-epidemic measures of the Russian administration in the Caucasus made it possible to quickly detect the source of infection and take measures to prevent the spread of plague to other territories, including the internal regions of the Russian Empire. However, the preservation of the plague foci in the neighboring Russian territories is not allowed until January 1839 to remove the strict quarantines at borders and within the territory of the Caucasus.

Keywords: Caucasus, plague, Persia, Turkey, anti-epidemic measures, 1835–1839.

1. Введение

В XIX веке чума на Кавказе являлась наиболее тяжелым эпидемиологическим заболеванием, которое сопровождалась значительными человеческими жертвами. В качестве примера отметим, что опустошительная эпидемия чумы в Кабарде весной 1809 г. привела к тому, что население там сократилось на 80 % (Ermachkov et al., 2018: 126). Очевидно, что русская администрация на Кавказе принимала значительные усилия, чтобы предотвратить повторение этих печальных событий. Медицинской службой были разработаны регламенты по обнаружению и выявлению вспышек заболеваний, созданы карантинные пункты для проверки всех прибывающих в Россию из Турции и Персии, налажен постоянный сбор информации о заразных болезнях. Источниками информации о появлении чумы были обращающиеся на меновые дворы горцы, представители русской агентуры из числа

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao404@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazeroва)

черкес, бежавшие или выкупленные из Черкесии пленники, представители русских миссий в Турции, а также русские офицеры, находящиеся при мирных черкесских князьях на территории Закубанья (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 682. Л. 4). Именно при помощи сбора информации и были выявлены факты появления чумы на Кавказе в 1835 году.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки исследования послужили архивные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Использована также специальная литература и научные публикации, в которых нашли отражение данные вопросы.

Интересно также отметить, что в томе 8 «Актон Кавказской археографической комиссии», в котором рассматривался период 1831–1837 гг. информация о чуме в 1835 г. не представлена. Здесь уделено внимание только состоянию карантинных (АКАК. 8: 123–185). По всей вероятности, это было связано с тем, что документы отложились только в городе Екатеринодаре и далеко не все документы дублировались в Тифлис.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Так, например, анализ совокупности фактов позволил выявить причины заинтересованности торговцев в скрывании информации о наличии чумы в их регионах.

3. Обсуждение

Чума на Кавказе в силу своей специфики не получила значительного научного освещения в историографии. Тем не менее в документах русской военной администрации имеются упоминания вспышек чумы, датируемых с XVIII века. Так, например, группа авторов в составе Е.С. Котенева и других в работе под названием «История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы» отмечала, что в течение XVIII века были зафиксированы как минимум три эпидемии чумы – в 1706, 1760 и 1790 гг. (Котенев и др., 2016: 613). Помимо этого имелись и локальные вспышки, например, у крепости Св. Креста в 1720-е гг., в Моздоке в 1772 и 1798 гг., а также в Черкесии в 1796 г. (Gvarliani et al., 2017: 41; Котенев и др., 2016: 613; Туренко, 1887: 41).

В 1800–1815 гг. эпидемия чумы практически не прекращалась, вспыхивая в разных регионах. Причиной этому были как проведение боевых действий в регионе (Ermachkov et al., 2017: 1257), так и традиции поведения населения в условиях чумы. Известно, что во время вспышки население стремилось покинуть зараженную территорию, разнося чуму на значительные пространства. Этой теме уделил внимание И.А. Ермачков в составе авторского коллектива (Ermachkov et al., 2018; Ermachkov et al., 2018a). Имеются упоминания о чуме на Кавказе в это время и в работах А.А. Черкасова и др. (Cherkasov et al., 2016).

В то же время изучением чумы на территории Персии занимались такие исследователи, как А. Hashemi Shahraki, Е. Carniel, Е. Mostafavi. Авторы отмечали, что многочисленные эпидемии чумы фиксировались на протяжении всей истории Ирана. Тем не менее, несмотря на давнюю историю чумы в Иране, трудно получить точный обзор истории (Hashemi Shahraki, 2016).

4. Результаты

Первые упоминания о чуме в 1835 г. поступили русской администрации 8 февраля от абхазцев, которые свидетельствовали, что в селении Субаше, находящемся между Гаграми и Геленджиком, появилась чума, которая была занесена туда турками из Трапезунда (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13). Вскоре от владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе поступило уточнение, что чума появилась не в Субаше, а в большой черкесской деревне Цуку-Рутца, куда была завезена будто бы из Константинополя, в Субаше же свирепствует только оспа. Поступала и другая информация на этот счет. Так, от приверженных России горцев стало известно, что к черкесской пристани Шимитукадже, находящейся недалеко от Сухум-Кале, прибыло из Турции купеческое судно, спустя несколько дней на покупателях появились признаки чумного заражения, от которой более трех абазинских семейств скоростно скончалось. В связи с этим население аула с целью недопущения распространения болезни оцепило зараженные и сомнительные дома, а вещи и имущество было предано огню (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 170б.-18). По всей вероятности, вспышка чумы произошла в Убыхии. Это подтверждается еще одним свидетельством. Так, 10 февраля на Екатеринодарский меновый двор прибыл армянин Аванес Асланов, который сообщил, что в урочище Чуху действительно есть чумная болезнь, от речки, называемой Убыхи, в 40 верстах, в прочих же местах состоит совершенное благополучие (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 31).

28 февраля в Анапу из ближайшего к крепости аула Сукко прибыли два известных натухайских старейшины, которые рассказали, что у пристани Шуматукадже Сашше, куда завезена одним турецким судном чума, погибли от этой болезни «более 7-ми абазинских семей» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 85). Старейшины также пояснили, что убыхи приняли самые строгие меры, чтобы

сообщение с этим местом полностью прекратились и чума не распространялась. Аналогичные строгие меры предприняли и их соседи шапсуги и натухайцы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 85об.).

Практически одновременно русская администрация получила уведомление и от русского генерального консула в Трапезунде Герси, что в городе Иризе и на одном судне, остановившемся в гавани близ Трапезунда, открылась чумная болезнь (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13-13об.).

Вследствие этого были сразу же приняты соответствующие меры предосторожности. Так, на сухопутной границе России с Турцией, на абхазских и мингрельских берегах, а также со стороны черкес, между которыми и появилась эпидемия, были ограничены связи с горцами и всякое сношение дозволялось только после карантинного очищения (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 13об.). При этом карантинное очищение применялось максимального срока, то есть – 14 дней карантина (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 18об.).

В конце февраля 1835 г. эти ограничения коснулись и русской агентуры из числа черкес. Так, администрация Кавказской области 28 февраля 1835 г. сообщала Екатеринодарской карантинной конторе, что приверженные России черкесы, которые до получения известий о чуме, проходили всегда мимо карантинного кордона, отныне обязаны пропускаться на русскую территорию только после карантинного очищения (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 25).

Карантинное очищение осуществляли на Кавказе карантинные конторы, которые подразделялись на пограничные и внутренние. По состоянию на 1834 г. к первым относились: 1-й Дербентский, 2-й Бакинский, 3-й Сальянский, 4-й Ленкоранский, 5-й Джевадский, 6-й Джебраильский, 7-й Ордубатский, 8-й Джульфинский, 9-й Шарурский, 10-й Игдырский, 11-й Гумринский, 12-й Джембазский, 13-й Дигвирский, 14-й Озургетский, 15-й при крепости св. Николая, 16-й Редут-Кальский и 17-й Сухум-Кальский. К вторым относились 1-й Ортачальский, 2-й Тифлиссский, при почтовой конторе, 3-й Ананурский, 4-й Пиразинский, 5-й Куракчайский, 6-й Гергерский, 7-й Цалкский и 8-й Сурамский (АКАК. 8: 137).

Меры предосторожности принимала и сама Екатеринодарская карантинная контора, которая 10 февраля запрашивала разрешения у руководства Кавказской области на прекращение меновой торговли с черкесами на меновых дворах по Черноморской линии, кроме Екатеринодарского и Усть-Лабинского. Помимо этого карантинная контора уточняла, подвергать ли карантинному очищению военные суда, прибывающие в Анапу из Геленджика (в Геленджике не было собственного карантина) (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 27). Практически незамедлительно был получен ответ, что во всех меновых дворах, где строгий карантинный надзор как за горцами, так и за их товарами создать не удастся, в тех местах торговля должны быть приостановлена (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 27об.). Тем не менее многое в работе меновых дворов зависело от местных администраций. Так, администрация Усть-Лабинского менового двора сама выступила за прекращение мены с горцами (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 28). Что же касается кораблей, то за основу были взяты инструкции министра внутренних дел от 12 марта 1829 года, которыми предписывалось «в Анапский порт не допускать судов, следующих от всех сомнительных берегов Абхазии, Мингрелии и прочих» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 28).

В работе карантинных контор необходимо было учитывать и возможности проведения боевых действий русскими войсками за рекой Кубань. Так, в феврале и марте 1835 г. Екатеринодарская карантинная контора запрашивала администрацию Кавказской области о необходимости подвергать на общих правилах карантинного очищения воинские отряды и команды, следующие из Закубани на русскую территорию. На этот запрос администрация области отвечала, что «принимая в соображение отдаленность места, в котором открылась у горцев в настоящем году чумная зараза и которая, как сообщил геленджикский комендант, по уверению горцев, уже прекратилась, не нахожу надобности воинские команды и отряды, следующие из Закубани в пределы области, подвергать карантинному очищению, на будущее время в подобных опасных случаях будет снабжена сия контора особым предписанием и руководством» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 53-53об.).

Уже в марте начали поступать сообщения о прекращении чумы у убыхов. Так, например, приходящие на меновой двор у крепости Геленджик черкесы свидетельствовали, что «существовавшая в местечке Хызе чума совершенно прекратилась и более сего никаких повальных и заразных болезней в горах нигде не имеется» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 105). Об аналогичном говорили черкесы, прибывающие в Анапу (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 115).

Важно понимать, что черкесы, а в особенности натухайцы, были заинтересованы в торговле с Россией. Введение 14-ти дневного карантина сильно подрывало их торговлю. Поэтому черкесы готовы были свидетельствовать об окончании чумы, даже если бы она еще не кончилась. В качестве примера приведем следующие данные. В конце марта 1835 г. на территорию Усть-Лабинского карантина прибыли мирные черкесские князья, которые просили русскую администрацию пропустить их на ярмарку в Екатеринодар вместе с подвластными людьми с выдержанием карантина в одни сутки (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211. Л. 152). Однако до лета 1835 г. разрешение на сокращение карантина так получено и не было.

30 марта 1835 г. в Феодосийский порт прибыло из Константинополя австрийское купеческое судно «Ангарежи» под управлением шкипера Николая Якузы с 9 матросами и 2 пассажирами. Судно, на котором была привезена хлопчатая бумага и часть бакалейных товаров, имело плавание около

14 дней. По освидетельствовании в Феодосийском карантине в обнаженном виде людей у одного из пассажиров, татарина Шикий-Айвец Оглу, была обнаружена рана под мышкой левой руки от бывшего чумного бубона, приходящая в заживление, но еще имеющая материю, а ниже кисти на той же руке снаружи прыщ с краснотой, величиною в горошину. Хотя пассажир показал, что он 7 месяцев назад при возвращении из Мекки в Константинополь с прочими паломниками, из числа которых умерло три человека, получив в пути чумный бубон, от которого не чувствовал никакой боли, пробыл в Константинополе около пяти месяцев. Тем не менее карантинное правление поместило больного в особое отделение и приняло все меры осторожности, предписанные карантинным уставом (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 78-78об.). Ввиду появившегося нового факта уже 6 апреля было дано указание усилить меры карантинной осторожности в Анапском карантине над судами, которые прибывали из-за границы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 79).

В июне 1835 года русской администрации начала поступать информация о появлении вспышек чумы в Персии, а именно в Урмии и городе Тавризе. Вскоре эта информация была официально подтверждена и персидским правительством (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 95). В результате оперативного вмешательства был резко усилен контроль и за российско-персидской границей. Тем временем чума в Персии продолжала распространяться. Так, в конце июня управляющий Талышинским ханством подполковник Луценко 25 июня доносил главноуправляющему в Грузии, что «по полученным им из Персии сведениям, чумная зараза появилась и в городе Ардебиле» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 101). В августе чума фиксировалась в Ардебиле. В октябре в Тевризе вспыхнула еще одна болезнь, схожая с холерой, от которой скорострительно умирали от 20 до 30 человек (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 139-139об.). Неблагополучно обстояла обстановка и в Турции. По данным русского консула в Трапезунде в августе 1835 г. ежедневно умирало от чумы по 9–10 человек. В окрестностях же города чума не наблюдалась (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 210. Л. 140).

Относительно спокойно прошли зима и весна 1836 г. Однако в конце июля 1836 г. вспышки чумы вновь начали фиксироваться в прибрежной и горной Черкесии. Так, прибывший 29 сентября на Екатеринодарский меновый двор закубанский армянин Мелкон Хачедуров сообщил, что чума появилась два месяца назад в убыхском владении на реках Шаше и Вае, а также у шапсугов на реке Неджепсухо. За это время вымерло от чумы 9 семей, но, сколько именно человек, ему неизвестно (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1). Армянин пояснил, что чума и сейчас продолжается и более всего свирепствует у шапсугов. Существование этой болезни подтвердили и другие черкесы, находившиеся на меновом дворе (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1-1об.).

Большой проблемой было то, что река Неджепсухо находилась в 70 км от Екатеринодара, то есть шансы вспышки чумы на русской территории резко возрастали. Проблемой был и недокомплект личного состава служащих в карантинах. Так, например на Ольгинской карантинной заставе наблюдалась нехватка рабочих, которые отвечали за чистоту (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 1-1об.). Для сбора более точной информации была привлечена русская агентура из числа черкесов. Так, 10 октября 1836 г. на Екатеринодарский меновый двор прибыл черкес Бек Мирза Джантемиров, он сообщил, что «за Кубанью в известных уже карантину местах действует и теперь чумная зараза, только слабее противу прежнего; но, по сколько именно душ из оной болезни умирает в сутки или в недели, ему неизвестно. В другие же соседственные места она болезнь не распространяется» (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 271. Л. 3-3об.).

По всей вероятности, и эту вспышку чумы удалось локализовать, так как другой информации об этом деле не было найдено. Тем не менее на границах с Кавказом и после этого времени продолжали вспыхивать чумные очаги. Известно, что в Турции на смежном с Грузией Ачарском санджаке в мае 1838 года произошла вспышка чумы (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 3). В августе чума в слабой степени была в городе Ахалцых и трех окрестных деревнях (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 14). Получение этой тревожной информации не позволяло ослабить строгий карантинный досмотр и очищение, что приводило к сложностям в торговле. Ситуация изменилась только к концу 1838 г.: чума в Турции практически прекратилась.

Русская администрация, убедившись, что чума в Турции и Персии завершилась, приняла решение на снятие 14-ти дневного карантина. 19 января 1839 г. администрацией Кавказской области было предписано всем карантинам и заставам Кавказской линии, учрежденным по Тереку, Малке и Кубани, в связи с прекращением эпидемии чумы в Ахалцыхской провинции карантинную обсервацию снять (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 353. Л. 14).

5. Заключение

В заключение важно отметить, что чума на Кавказе в 1835–1839 гг. носила ярко выраженный локальный характер. Практически не прекращавшаяся чума в Турции и Персии была занесена с контрабандными грузами в Абхазию и Черкесию. Противоэпидемиологические мероприятия русской администрации на Кавказе позволили быстро обнаружить источник заражения и принять меры к нераспространению чумы на другие территории, в том числе на внутренние области Российской империи. Тем не менее, сохранение очагов чумы на сопредельных с Россией территориях не позволяло до января 1839 г. снять строгие карантинные на границах и внутри территории Кавказа.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

[АКАК, 8](#) – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 8. Тифлис, 1881.

[ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.

[Котенев и др., 2016](#) – *Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л.* История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // *Медицинский вестник Северного Кавказа*. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.

[Туренко, 1887](#) – *Туренко А.М.* Исторические записки о войске Черноморском. Киев, 1887.

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2), pp. 382–391.

[Ermachkov et al., 2017](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4, pp. 1252–1260.

[Ermachkov et al., 2018](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.

[Ermachkov et al., 2018a](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.

[Gvarliani et al., 2017](#) – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.

[Hashemi Shahraki, 2016](#) – *Hashemi Shahraki A., Carniel E., Mostafavi E.* Plague in Iran: its history and current status // *Epidemiology and health*. 2016. Vol. 38. pp. e2016033.

References

[АКАК, 8](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeographic commission]. V 12 t. T. 8. Tiflis, 1881. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The demographic characteristics of the tribes of the Black sea region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 382–391.

[Ermachkov et al., 2017](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2017). Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1252–1260.

[Ermachkov et al., 2018](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part I. *Bylye Gody*. Vol. 47, Is. 1. pp. 120–129.

[Ermachkov et al., 2018a](#) – *Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.* (2018). The Plague in the Caucasus in 1801–1815 years: Part II. *Bylye Gody*. Vol. 48, Is. 2. pp. 558–569.

[ГАКК](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archives of the Krasnodar territory].

[Gvarliani et al., 2017](#) – *Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.* (2017). The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. Vol. 43, Is. 1, pp. 39–47.

[Hashemi Shahraki, 2016](#) – *Hashemi Shahraki A., Carniel E., Mostafavi E.* (2016). Plague in Iran: its history and current status. *Epidemiology and health*. Vol. 38. pp. e2016033.

[Kotenev i dr., 2016](#) – *Kotenev E.S., Dubyanskii V.M., Volynkina A.S., Zaitsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L.* (2016). Istoriya epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyyi epidemicheskii potentsial prirodnykh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural foci of plague]. *Medical News of North Caucasus*. T. 11. № 4. pp. 612–616. [in Russian]

[Turenko, 1887](#) – *Turenko A.M.* (1887). Istoricheskie zapiski o voiske Chernomorskom [Historical notes on the army of the Black Sea]. Kiev. [in Russian]

Чума на Кавказе 1835–1839 годов: особенности выявления и противодействия

Горан Райович ^{a, b, *}, Дмитрий Олегович Ежевский ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматриваются вспышки чумы на Кавказе, которые происходили в 1835–1839 гг. Уделено внимание обстоятельствам их появления, локализации, принятию противоэпидемиологических мероприятий.

Материалами для подготовки исследования послужили архивные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Использована также специальная литература и научные публикации, в которых нашли отражение данные вопросы.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Так, например, анализ совокупности фактов позволил выявить причины заинтересованности торговцев в скрытии информации о наличии чумы в их регионах.

В заключении авторы отмечают, что чума на Кавказе в 1835–1839 гг. носила ярко выраженный локальный характер. Практически не прекращавшаяся чума в Турции и Персии была занесена с контрабандными грузами в Абхазию и Черкесию. Противоэпидемиологические мероприятия русской администрации на Кавказе позволили быстро обнаружить источник заражения и принять меры к нераспространению чумы на другие территории, в том числе на внутренние области Российской империи. Тем не менее, сохранение очагов чумы на сопредельных с Россией территориях не позволяло до января 1839 г. снять строгие карантинные меры на границах и внутри территории Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, чума, Персия, Турция, противоэпидемиологические мероприятия, 1835–1839 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежевский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1125-1139. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1125
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East

Tatiana I. Troshina ^{a, *}, Natalia S. Avdonina ^a, Maksim Yu. Zadorin ^a

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article is based on the large amount of archival materials dealing with the problem of preserving the borders of Russian territories in the context of state crisis. The object of the study is the European Russia northwestern territories, which attracted the interest of the nearest neighbors having their fishing resources. Ethnic groups living in the western part of the area, retaining their cultural identity, were gradually included in the Russian super-ethnos, which was accompanied by the governmental policy. The economic development and settlement of the western part by immigrants from neighboring states created the danger of a gradual separation of these territories – first of all, cultural and economic, and then political separation from the Russian state.

Governmental activities were aimed primarily at protecting political boundaries. At the same time, the first decades of the twentieth century gave many examples of the loss of the state border territories by the weakened state formations on the basis of various «plebiscites». Therefore, the preservation in the «disputed territories» of the representatives of the titular nation, their economic independence and sovereignty became the most important factor of the state integrity. In the article, this thesis is confirmed by comparing the economic situation of the population of the northern territories of the Arkhangelsk Gubernia in the relatively prosperous period of the second half of the 19th and the beginning of the 20th century, and in the extreme conditions of the potential destruction of statehood, (taking as an exploratory «site» the events of the military revolutionary era (1914) -1920) and the early stage of the «New Economic Policy»).

Keywords: borders of the Western Sector of the Russian Arctic, border areas of the Arctic Ocean, economic policy, pomor trade, Arkhangelsk Province

1. Введение

«Легче захватить, чем удержать» – эту фразу Н. Макиавелли можно интерпретировать в различных аспектах. Другие государства, относительно легко завоевав территории, немало сил тратили для покорения населяющих их народов. Для России особым «врагом», создающим сложности при освоении вновь «приращенных», обычно безлюдных или малозаселенных земель был природно-климатический фактор, создававший специфические трудности для жизни и деятельности русских людей. «Сберечь население», которое своим повседневным трудом, направленным на удовлетворение основных жизненных потребностей, осваивало и делало эти земли поистине «русскими», было труднее, чем построить крепости и «запереть» внешнюю границу.

Тема данной статьи – рассмотреть проблему сохранения Крайнего Севера Европейской России в рамках политической границы с точки зрения сохранения здесь автохтонного, «укорененного» русского населения, а значит, и легитимации «прав» государства на эти территории. Риски потерять население возникли в период интенсивной модернизации и индустриализации, и были связаны с

* Corresponding author

E-mail addresses: t.troshina@narfu.ru (T.I. Troshina), n.avdonina@narfu.ru (N.S. Avdonina), m.zadorin@narfu.ru (M.Yu. Zadorin)

конкуренцией опасных для жизни и со временем малопродуктивных промыслов с более надежными и гарантированными фабрично-заводскими заработками.

Расширение Русского государства на территории, казалось бы, совершенно неприспособленные для жизни и деятельности носителей аграрной культуры, происходило усилиями «пассионариев». Ставшие русскими, новые земли в различные периоды истории оказывались то источником необходимых ресурсов, то досадной обузой для государства. Но «сбрасывать» такую «обузу» государство не спешило, неся определенную историческую ответственность за непривлекательные в климатическом отношении земли и проживавшие здесь народы.

Побережье морей Северного Ледовитого океана (СЛО – далее) русские освоили в связи с тем, что отдельные группы пришедших сюда в раннесредневековую эпоху «ватажников» осели и занялись несвойственными носителям аграрной культуры занятиями – промыслом морского зверя и рыбы. Так Русское государство обзавелось огромными и слабо заселенными территориями; 72 % всех границ Российской Империи были морскими, из которых «около 58 % - только проходимые воды Северного Ледовитого океана» (ГАРФ. Ф. Р6764. Оп. 1. Д. 80. Л. 10).

Ценность для государства территорий, выходящих в открытый океан, была осознана в годы Первой мировой, а затем и Великой Отечественной войн, поскольку местные порты оказались единственными, через которые возможно было осуществлять товарообмен с союзниками. В годы «холодной войны» арктические территории приобрели особое стратегическое значение: в публичном дискурсе можно было встретить фразу «Кто владеет Арктикой – владеет миром!».

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе комплекса источников, прежде всего неопубликованных документов, хранящихся в архивах Российской Федерации, аналитических и информационных публикаций в газетах и журналах, выходящих в первые десятилетия XX века в Архангельске, и записок чиновников и путешественников. Эти источники отражают ситуацию с заселением и освоением прибрежных территорий Северного Ледовитого океана Европейской России. Природные условия создали здесь своеобразную хозяйственную культуру русских поморов; традиционными видами деятельности занимались коренные народы, проживавшие на этих территориях. В условиях истощения природных ресурсов, а также последствий модернизации возникла проблема потери и без того малочисленного русского населения, замены его колонистами из соседних стран и постепенным присоединением этих территорий на основании этнического фактора.

Сравнительный диахронный анализ, построенный на изучении архивных документов и других источников, отражающих социально-экономический контекст политических событий второй половины XIX – первой четверти XX веков, показывает неуспешность сохранения на северных территориях русскоподданного населения путем предоставления льгот и различных видов экономической поддержки. Экстремальные исторические обстоятельства, сокращающие патерналистские усилия властей, вкупе с экономической необходимостью, требующей восстановления традиционных и достаточно архаичных способов поддержания жизнедеятельности, создают более прочный фундамент для сохранения населения на этих территориях. В результате, снимаются и опасения экономического и культурного поглощения приграничных районов со стороны соседей.

3. Обсуждение

Экономическая непривлекательность прибрежных территорий Северного Ледовитого океана Европейской России способствовала развитию потенциальной опасности потерять население в этой местности, что ставило задачу сохранить данные территории в границах России политическими методами (Попов, 2012; Федоров, 2017). «Подталкивали» власти к действиям не только государственные интересы, но и общественная инициатива. Эти стороны вопроса изучал и один из авторов данной статьи, придя к выводу о низкой результативности предпринимаемых властью мер (Трошина, 2015; Трошина, 2011; Zaikov, Troshina, 2017).

Представленные в данной статье материалы показывают, что стремление государства оказать поддержку населению отдаленных и теряющих экономическую перспективу регионов «цивилизованными способами» (путем льгот, оказания различного вида консультативной помощи, финансирования разнообразных программ) вело лишь к развитию иждивенчества и потребности в патернализме со стороны власти. И напротив, экстремальные обстоятельства способствовали самоорганизации населения, возвращению к экономическому самообеспечению территорий, в результате чего вопрос об их государственной принадлежности снимался сам собой.

4. Результаты

Так называемые «поморские промыслы», когда-то сделавшие северную окраину России относительно населенной и при этом зажиточной, стали терять свое значение уже в первой трети 19 века. В предыдущие два-три века здесь сложилась своеобразная культура, совмещавшая элементы аграрной: деревни, как правило, располагались в лесной части Русского Севера, и значительная часть населения – женщины, отошедшие от промыслов старики и подростки – занимались земледелием и

скотоводством) и промысловой культур, при которой мужчины направлялись на побережье на время поморских занятий. На побережье Белого моря, при устьях впадающих в заливы рек, обеспечивавших население пресной водой, появилось несколько относительно больших поморских сел, жители которых занимались преимущественно промыслами, а хлеб и сырье для изготовления тканной одежды закупали в центральных районах страны.

На восточном побережье Белого моря поморы занимались преимущественно рискованным, но достаточно прибыльным промыслом морского зверя.

Наиболее удобное для занятий морским рыболовством Мурманское побережье для круглогодичного проживания было мало удобным, поэтому сюда промысловики, совершая длительные переходы, приходили только весной. По словам финского путешественника, встреченные им во время путешествия в 1839 году по Мурманскому берегу промышленники представляли собой «полчища странствователей к Ледовитому морю ... [которые] шли толпами в 20, 30 и даже 50 человек - мужчин, женщин, стариков, молодых парней и девушек. ... Толпы эти шли с песнями и криком, а лица большей части выражали удаль и отвагу» (Кастрен, 1999: 122). Примерно такую же картину описывали и архангельские губернаторы, встречавшие во время объездов вверенных им северных уездов поморские «ватаги». Совершая в 1840 году ревизию «Кемского, Кольского и северной части Онежского уездов, которые по суровости климата хлебопашеством заниматься не могут и содержатся одним рыбным промыслом», на пустынном Мурманском побережье губернатор П.В. Степанов «нашел до 600 человек, кочевавших на открытой равнине и ... нуждавшихся в продовольствии, потому что более чем на сто верст кругом от этого места не существует ни одного селения» (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 189. Л. 8, 60б.-7).

Командированного на Мурман чиновника «поразили поморы... Какой рост, сила, какие красивые лица и стройные фигуры! Настоящие русские богатыри... До Лапландии промышленники идут на своих или нанятых дома лошадях, а дальше идут пешком. В... лопарских деревушках... иные пьянствуют и безобразничают, как новобранцы. На Мурмане их ждет суровая жизнь, полная трудов и лишений» (Ломберг, 1911: 31, 33-36).

Чтобы хоть немного облегчить поморам долгий путь к промысловым районам, на государственные средства были выстроены ночлежные дома. С 1875 годов при поддержке центральных и губернских властей стали осуществляться регулярные пароходные рейсы вдоль побережья, что существенно облегчило и удешевило доставку рабочих на промыслы.

Однако эти меры не остановили падения доходности промыслов к середине 19 века. Количество желающих участвовать в них стало сокращаться; многие жители поселений, традиционно занимавшихся морскими промыслами, нашли возможность зарабатывать на фабрично-заводских предприятиях, на рубке и сплаве леса. Причин упадка было достаточно много, но особо следует выделить конкуренцию со стороны северных норвежцев, которые оказались предприимчивее русских. Обладая более совершенными промысловыми судами и снастью, имея возможность благодаря проходящему возле их побережья Гольфстриму выходить на промысел раньше, они «перехватывали» идущую косяками рыбу, фактически не оставляя добычи русским промышленникам. Как отмечалось, Мурман, не имея оседлого русского населения, «совершенно беспрепятственно эксплуатируется промышленниками-норвежцами», которые начали здесь расселяться с середины 19 века и «хищнически распоряжались здесь китовыми и звериными промыслами, наживая крупные состояния» (Сосновский, 1909: 7-8).

Высылаемое с Балтики на летний сезон в северные моря судно «Бакан» не могло обеспечить полную сохранность русских территориальных вод, куда заходила треска, и норвежцы почти безнаказанно занимались здесь незаконным промыслом, лишая дохода русских поморов.

В первую очередь беспокойство вызывала северо-западная часть российской территории, слабо заселенной, экономически, а иногда и культурно тяготеющей к небогатым соседям, норвежцам и финнам (последние, хотя и входили в состав Империи, но обладали широкой автономией и имели тенденцию к расширению своей территории за счет российских земель), которые были жизненно заинтересованы в получении доступа к промысловым ресурсам Русского Севера (Zaikov, Tamitskiy, 2016; Zaikov, Tamitskiy, 2017).

«Внимание высшей архангельской администрации было обращено на Мурманский берег лишь после Крымской войны», когда появилась мысль «о пользе заселения Мурман в видах развития там земледелия выходцами из Норвегии» (Ануфриев, 1913: 154-155). Норвежская колонизация была остановлена и заменена на преимущественно русскую только серией законов 1874-1876 годов.

Определенную опасность постепенное проникновение на территорию Архангельской губернии было связано с тем, что Русское государство потеряло контроль над частью своих северо-западных территорий, которые в 1826 году вошли в состав объединённого королевства Швеции и Норвегии (Зайков, 2018; Зайков, 2018a; Zaikov, 2016; Карелин, Зайков, 2016; Goldin et al., 2015; Нильсен, Зайков, 2012).

Со второй половины XIX века Шпицберген (русский «Грумант») фактически контролировался и осваивался норвежцами, что де-юре было закреплено в 1920 году. После Революции 1917 года вставал вопрос о передаче части Кольского полуострова Финляндии, на том основании, что здесь проживали «этнографически близкие» финнам народы; на протяжении почти всего 19 века финские

исследователи занимались историческими и лингвистическими исследованиями, находя доказательства «финского» присутствия на северных территориях России. (Отметим, что им не удалось увидеть «финский след» в культуре самоедов – ненцев, поэтому претендовать на богатые ресурсами восточные территории Европейского севера России и север Западной Сибири оснований у них не было). Но среди других народов, которых они считали себе близкими (саамы-лопары и особенно корелы), проводилась большая культурная и образовательная работа, которая и стала причиной ряда эксцессов в постреволюционный период.

Создавшаяся угроза «культурной» потери западного побережья Кольского полуострова и опасение потерять контроль над удаленными и островными территориями Северного Ледовитого океана, которое прежде всего высказывали архангельские губернаторы, выполняя таким образом наложенную на них ответственность «начальников губернии», привело к программам по привлечению сюда русскоподданных колонистов. Норвежцам и другим иностранцам разрешалось селиться на Мурмане и пользоваться всеми предоставляемыми льготами при условии получения ими русского гражданства (при этом знание русского языка было не обязательным, в результате чего новоселы только формально становились «русскими подданными»).

Поскольку «пограничная окраина ... требует предпочтительно заселение русскими элементом» (Сосновский, 1909: 7-8), потенциальным колонистам с 1860-х годов выделялись деньги на переезд, строительство дома и обзаведение хозяйством; они освобождались от воинской службы и получали возможность беспоплатной рубки леса. Однако все эти льготы не сделали Мурман привлекательным для русских крестьян. «Лучшие места» были уже заняты иностранцами, перешедшими в русское подданство и на этом основании пользовавшимися теми же льготами. Нередки были случаи, когда крестьянин из южных уездов Архангельской губернии оформлял «колонистом» своего сына, который, получив льготу от призыва, продолжал жить у себя дома. В связи с этим в 1895 году по распоряжению губернатора и МВД была проведена своеобразная «чистка» колонистов (ГААО. Ф. 51. Оп. 18. Т. 1. Д. 944).

Предложение губернатора И. В. Сосновского усилить привилегии для русских и отменить их для иностранцев, которых при этом ограничить в праве выбора места проживания, предоставив назначение земельных участков властям (Сосновский, 1909: 11-12), услышано не было. Можно предположить, что правительство не желало по такому, на первый взгляд, незначительному поводу вступать в конфликт с более слабым северо-западным соседом, но у общественности было другое мнение. Поддержка государством экспедиций для изучения в первую очередь привлекательных для иностранных промысловиков территорий Русского Севера (западное побережье Мурмана, архипелаг Новая Земля и др.) рассматривалось профессором Московского университета зоологом Н.Ю. Зографом как действия в интересах иностранных предпринимателей. Например, построенная вдоль мурманского побережья телеграфная линия, которая позволяла максимально быстро передавать информацию о движении рыбы, больше была затребована норвежскими и английскими моряками, чем местными промысловиками, занимавшимися традиционными формами рыбной ловли (Зограф, 1909: 19-20, 23-24).

Правительственные органы особое внимание уделяли заселенности и экономическому развитию приграничного Мурманского побережья и так называемого Летнего берега (западного побережья) Белого моря. Как уже указывалось, эта политика началась после Крымской войны, выявившей проблемы обороны практически незаселенного побережья. В связи с падением промыслов и потерей традиционных заработков к началу 20 века основным занятием населения западной части Беломорья была разрешенная правительством беспоплатная торговля с норвежцами, а именно: обмен сибирского хлеба на выловленную северными соседями (нередко в русских территориальных водах) треску.

Экономическая поддержка требовалась населению и восточной части арктического побережья Европейской России.

Причинами наметившегося во второй четверти – середине 19 века упадка звериных промыслов, в том числе в районе островов СЛО, называли удаленность от Гольфстрима российских портов, в результате чего русские промышленники опаздывали с выходом в море на полтора-два месяца, все более и более уступая промыслы предприимчивым иностранцам. Великий князь Алексей Александрович, посетив архипелаг Новая Земля в 1870 году, выделил личные средства для строительства здесь избы, в которой русские промышленники могли бы остаться на зимовку, чтобы раньше выходить на промысел.

Эта идея оказалась малоперспективной, и уже через несколько лет встал вопрос об упразднении зимовья, затраты на которое были слишком велики: предполагалось содержание нескольких ненецких семейств, которые присматривали за строениями; финансирование специальных паромных рейсов, доставлявших на Новую Землю необходимые для промысловиков и для ненцев припасы. Тогда вопросы поддержания промысловиков на Новой Земле взяла на себя губернская администрация. Было решено создать здесь постоянное поселение; при этом русские жители губернии не рисковали зимовать на острове даже за большую материальную поддержку. На острова стали переселять ненцев, при этом решалось две задачи: создание постоянного поселения из

подданных русской Империи и изоляция ненцев от разоряющих их контактов с русскими и коми торговцами.

Несмотря на ряд сложностей, связанных как с природно-климатическим (например, с 1898 году периодически возникали природные катаклизмы: из-за отсутствия ветра не подгонялся лед, а значит, не было и зверя ([Остров..., 1909](#)), так и политическим факторами (в годы Первой мировой войны возникали сложности из-за опасности немецких мин и подводных лодок, с направлением на Новую Землю пароходов со снабжением; в годы революции и гражданской войны эта ситуация еще более усугубилась), на островах сложилось немногочисленное, но относительно устойчивое население, увеличивавшееся в период промыслов за счет охотников с материка.

В 1880-е годы, во многом благодаря деятельности архангельского губернатора, а впоследствии сенатора Н. М. Баранова, который инициировал ряд долговременных мер по развитию производительных сил края, центральные власти обратили внимание на северные окраины. В 1881 году Кабинет министров принял «Положение» по вопросу колонизации Мурмана и Новой Земли. Переселенцам предоставлялись различные пособия на обустройство и льготы. К примеру, новоземельские колонисты на 10 лет освобождались от всяких налогов. Введенное в качестве «опыта», это положение продлевалось каждые пять лет вплоть до Революции ([ПСЗРИ. Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 277](#)). Интересно, что Н. М. Баранов начал созывать своеобразные «съезды поморов», чтобы услышать их мнение о развитии промыслового хозяйства. Такие съезды собирались до 1917-1919 годов.

Местные власти не только стремились создать условия для русской колонизации отдаленных приморских районов, но и предпринимали другие организационные усилия. В частности, по обеспечению транспортного сообщения с побережьем, что удешевляло бы доставку рабочих на промыслы и вывоз продукции в центральные губернии. С этой целью местному пароходству предоставлялось оплачиваемое из казны «государственное задание» по организации срочных рейсов вдоль побережья и к островам СЛО; планировалось строительство мурманской железной дороги (впрочем, осуществленное только в годы Первой мировой войны).

Возникает закономерный вопрос – почему все предпринимаемые усилия и затратные меры не приносили ожидаемых результатов?

Исследователи русской культуры вообще и поморской в частности отмечают гибкость последней на ранних этапах ее формирования, способность «к усвоению и даже прогрессивному развитию навыков ведения хозяйства в новой для себя ландшафтно-климатической ситуации» ([Культура русских поморов..., 2005: 10](#)). Со временем для населения стали важнее консервативные формы, и в результате – если в других регионах модернизация вела к отмиранию архаических традиций, то на Севере она имела не-стереотипные последствия, а именно, воспроизводство устоявшейся уже и проверенной временем культурной традиции ([Культура русских поморов..., 2005: 10, 35](#)).

Архангельские губернаторы были склонны видеть причину такого консерватизма некогда отличавшихся особой предприимчивостью и склонностью к инновациям поморов в «тупости и негодности административного элемента», что создает особые сложности для народной инициативы. При этом, по словам губернатора А. Г. Казначеева (1866), «воскресить и поднять на Севере промыслы, торговлю, мореходство – это такие задачи, которые испугают ... самого гениального администратора. ...Администрации в этих делах приходится только стараться не мешать – порою помогать, а творчество принадлежит народу» ([Жилинский, 1919: 248](#)). Губернатор кн. С. П. Гагарин, отдавая должное труду северного крестьянина, отмечал, что «Нигде результат труда не соответствует столь мало затраченным усилиям» ([Козмин, 1913: 1045](#)).

В эпоху Великих реформ внимание властей стало особенно активно обращаться к положению крестьян в самых отдаленных районах государства. Возможно, под влиянием общего «народолюбия» той эпохи все беды населения стремились объяснить бездеятельностью чиновников на местах и давлением «кулаков». Это касалось и «малых» народов – самоедов (европейских ненцев), лопарей (саами), карелов, которым стремились предоставить новые льготы и одновременно максимально изолировать от предприимчивых соседей. В записке Архангельского губернатора «Об устройстве крестьян и крестьянского управления (1870)» отмечается, что «в числе причин бедности лопарей, самоедов и вообще недостаточных крестьян служит давление монополистов-кулаков, которые, пользуясь нуждой, приобретают труд рабочих за бесценок, и вследствие этого заработка недостаточна для удовлетворения самых необходимых потребностей» ([ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 267. Л. 71-73](#)). При этом природные богатства края, в частности, Кемского уезда, позволили бы местному населению жить зажиточно, обеспечивая свои потребности и уплачивая подати; однако «почвенные и промысловые богатства не разработаны ... Громадные залежи болотной железной руды..., значительные пространства медной руды – ...все пока не приносит населению пользы вследствие отсутствия капиталов и предпринимателей. Кораблестроение и каботажное плавание развито слабо, выварка соли производится допотопными способами с громадным потреблением дров, соленье рыбы не удовлетворительное и рыбные промыслы находятся в руках монополистов; вывозка и сплав леса тоже; изделий из лесных материалов не существует; а также нет попыток к открытию новых

промыслов или вообще новых источников для заработков; школы пусты ...; а пьянство и леность развиваются заметно» (ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 267. Л. 71-73).

Более близко находящиеся к поморам чиновники видели причину в склонности населения к традиционным, проверенным временем экономическим и социальным формам. Отмечая усилия губернских и центральных властей, «инициативу, идущую свыше», причину неудач всех начинаний они объясняли пассивностью самого населения («Целое десятилетие рядовые промышленники-поморы жаловались, что им нет помощи для обзаведения хорошим судном, как у норвежцев, что они охотно обзавелись бы моторами, если бы правительство помогло им, но как только желание их приблизилось к реальному осуществлению, они спасовали, испугались перспективы самостоятельности и артельной солидарности, и один по одному начали отказываться от помощи..., ссылаясь на обременительные условия, выставляемые Госбанком, и вообще нежеланием иметь дело с банком как учреждением формально-сухим, не вникающим в нужды промышленника ...») (Мухин, 1913: 977).

Несмотря на все усилия правительства, в начале XX века на Мурмане проживало всего 235 семейств русских колонистов. Губернский чиновник и активный исследователь северных богатств В. Држевецкий рисовал безрадостную картину их жизни: «Не желая и отчасти не имея возможности заниматься морскими промыслами, колонисты представляют собой, за единичными исключениями, никуда не годный элемент отбросов общества, не способными ни к какой созидательной работе»; «большинство влачат жалкое существование нищих, полуголодных, больных цингой, закабаленных экономически местными фактористами выходцев из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Единицы из них ... поддерживают сносное человеческое существование». Их поселения - «полуразвалившиеся лачуги, а иногда и низкие донельзя грязные землянки и дырявые карбаса около них», что производило особенно гнетущее впечатление по сравнению «с чистенькими, а иногда и богатыми строениями западных колонистов-норвежцев и финнов» (Држевецкий, 1910: 7, 10). По мнению Држевецкого, меры, предпринимаемые правительством для подъема экономики русских переселенцев на Кольском полуострове, были недостаточны.

Особое внимание к русским колонистам не было ими использовано для повышения собственного благосостояния, но создавало дополнительные сложности для иностранцев. К примеру, в 1895 году статистикой отмечалось, что из 12 выбывших семейств колонистов шесть «бежало» (как указано в документе) в Америку (ГААО. Ф. 51. Оп. 18. Т.1. Д. 779).

Бедность русского населения пытались объяснить и влиянием «кулаков», которые экономически закабалили население, применяя традиционные формы зависимости («Крепкие хозяева так же крепко держатся за своих людей, как держались их деды и прадеды, и дух времени мало коснулся их»), и не желали их изменять, «несмотря на сильную конкуренцию с запада в промысловом деле...» (Мухин, 1913: 977). Вместе с тем, именно «кулаки», то есть предприниматели, как правило, из местных промысловиков-судовладельцев, поддерживали хозяйственную деятельность в поморских территориях, что показали события 1917–1920-х гг.

Ретроспективный взгляд на колонизацию северных окраин создает другое впечатление: чем больше льгот предоставляло государство, тем меньше население стремилось самостоятельно поднимать свою экономику, предоставляя (не без помощи различных «народолюбцев» и по совместительству критиков любых действий правительства) все новые версии причин своих бедствий – от происков иностранных колонистов и своих «мироедов» до недостаточной поддержки со стороны государства.

Следует учитывать и то, что конъюнктура складывалась не в пользу «севера». Быстрые темпы индустриализации давали населению относительно надежные, не связанные с такими рисками заработки; внимание государства было направлено на, как казалось, более перспективные территории юга и запада страны.

Внимание к северу и его перспективам не уставали подчеркивать архангельские губернаторы; периодически, прежде всего в связи с патриотическими порывами, такие настроения охватывали и местную общественность (подробнее см.: Федоров, 2015). Понимание, что просто расширением льгот для воспроизводства поморами традиционных экономических форм помочь им невозможно, присутствовало у общественности. Отмечалось, что важнее создать условия для модернизации флота и самих способов лова, опираясь на пример норвежцев, которые в худших промысловых условиях добились больших результатов (Несколько слов..., 1911).

Многие идеи общественности получили шанс реализоваться с связи с Революцией 1917 года. Однако ей предшествовало три года войны, резко изменив приоритеты государства в отношении «отдаленных окраин».

Безлюдный Кольский полуостров стал заселяться рабочими, прибывшими сюда для строительства Мурманской железной дороги и нового незамерзающего порта. «Держали» их здесь возможность получения льготы от призыва в действующую армию и приличный паек, который особенно в голодные 1918-1919 годы привлекал большое количество приезжих.

Поселки вдруг построенной в 1917 году железной дороги заселялись уголовниками, согласившимися на сокращение срока наказания в обмен на поселение вдоль северного участка Мурманской железной дороги (ГААО. Ф. 4097. Оп. 1. Д. 14).

Отток искусственно сформированного здесь населения начался сразу после Революции, приостановился в годы Гражданской войны, и особенно усилился после ее окончания.

И все же военный период подтолкнул решение самой болезненной для освоения края проблемы – транспортной.

Здесь следует сделать небольшой экскурс в историю. Неповоротливость государственной машины и при этом опасение местной самодеятельности вели к тому, что возможности для промыслов к началу XX века оказались хуже, чем за век и за два до этого. Например, важнейшей причиной экономической неразвитости Крайнего Севера и Сибири становилась слабая сеть путей сообщения, при том, что в 17-18 веках здесь было активное движение, которое пытались восстановить в 19 веке различные энтузиасты.

Так, ижемский крестьянин Акакий Артеев в 1853 году предложил соединить Печору с Обью через сеть небольших рек. Он лично убедился в возможности такого пути, когда «за неимением сухого пути направил по пути водному в тысячу верст своего сына на судне с 2 рабочими людьми» (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10); однако власти не заинтересовались этим проектом. Известный северный предприниматель М. К. Сидоров в 1876 году предлагал восстановить старинный торговый путь в Западную и Восточную Сибирь, для чего просил разрешения устроить на свои личные средства канал, соединивший бы реку Таз с бассейном Енисея. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков «ответил, что если бы канал был нужен, то построили бы его и без господина Сидорова. А так как канал совершенно не нужен и проводка его на севере невозможна», резолюция была – «отказать» (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10). Мотивация противников подобных проектов была, как ни странно, связана с заботой о местном населении, которое и без того страдало от различного пришлого элемента, высылаемого на Север и в Сибирь. Новые транспортные пути облегчат бродягам проникновение в отдаленные территории, которые будут терроризировать немногочисленных местных жителей (ГАРФ. Ф. Р3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

С одной стороны, пришлый элемент, действительно, создавал для населения неудобства (к примеру, крестьяне вдоль линии строительства Мурманской дороги стали запирают свои дома от «лихих людей», чего прежде никогда не делали). Но с другой – транспортное строительство создало населению новые возможности для реализации продуктов своих промыслов, соединив более быстрым способом промысловые районы с центральным потребительским рынком.

В связи с политическими обстоятельствами происходило и восстановление заброшенной в предыдущие годы транспортной системы. Оказались затребованными заросшие каналы и забытые в связи со строительством в конце XIX века Архангельской железной дороги сухопутные дороги. Например, зимой 1915/1916 годов, когда речные и железнодорожные пути использовались для вывоза из Архангельского порта военных грузов, была реанимирована старая гужевая доставка по столичным трактам, позволившая разгрузить порт от гражданских грузов и создавшая возможности местным промысловикам для реализации своей продукции на внутренних рынках. В период Гражданской войны заработала устроенная за несколько лет до этого, но почти не эксплуатировавшаяся «зимняя» дорога Мезень – Архангельск, поскольку это был прямой путь по территории Северной области, без соприкосновения с «красными» волостями. Оказался задействован уже забытый путь через Печору за Урал; им пользовалось белое правительство в Архангельске для контактов с А. В. Колчаком. После восстановления в Архангельске советской власти не только морской, но и сухопутный путь в Сибирь продолжал использоваться для доставки хлеба и других целей. Так, весной 1920 года этой дорогой отступили вытесненные сибирскими повстанцами («белобандитами») в пределы Архангельской губернии члены Северного партизанского отряда с семьями (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1262. Л. 12); обратно они возвращались уже более комфортным морским транспортом.

Итак, транспортная доступность к рынкам сбыта во время войны улучшилась. Но возник ряд других трудностей для занятий промыслами.

Значительное сокращение промыслов произошло в связи с мобилизациями людей и судов (последние использовались для траления мин), с опасностью плавания в северных водах в связи с действиями там немецких подводных лодок, а также – с появлением новых видов заработка для крестьян. Поморы, к примеру, сдавали трюмы своих стоящих у причалов судов под жилье для многочисленных приезжих рабочих.

Первая мировая война способствовала нарушению сложившегося товарообмена (когда промышленники реализовывали свою продукцию на российском рынке, а рыба, ловля которой лучше получалась у норвежских моряков, закупалась для внутреннего потребления в Северной Норвегии), а также складыванию новых форм промысловой деятельности. Как писал в своих воспоминаниях мурманский предприниматель Е. Могуций, в 1914 году на ярмарку, которая проходила в Архангельске в сентябре, «привезли много рыбы, жира. Но прежних покупателей из других губерний не было...». В результате, в следующую, 1915 года навигацию, несмотря на удачный для промыслов год, «промышленников съехалось на треть меньше обычного». Причина была и в мобилизациях, и в опасении, что не удастся вновь реализовать продукцию, и в тех рисках, с которыми сталкивались промысловики во время войны («В Норвегию за рыбой плавало около 150 поморских

судов, ... 2 судна подорвались на минах в гортле Белого моря») (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 12-14).

Однако изменившаяся продовольственная ситуация сделала промыслы затребованными. В навигацию 1916 года «подход тюленя к Мурману был небывалый. Но из Норвегии подвоз рыбы сократился» (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 12-14).

Причина сокращения обменной торговли с Норвегией заключалась в запрете на вывоз из страны хлеба и других видов товаров, которые выменивались поморами на рыбу. Норвежская рыба пользовалась спросом у немецких заготовителей, поэтому цена на нее возросла; из-за отсутствия бартерных грузов, поморы пытались получить деньги для закупок в банках, закладывая под немалый процент свои суда. Надежда на прибыль не оправдалась, так как в Архангельске были введены фиксированные цены на рыбу. К концу войны это привело к настоящему разорению средних и мелких судовладельцев (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. т. 5. Д. 1499. Л. 24; Ф. 4097. Оп. 1. Д. 16. Л. 3). В 1919 году вместо обычной в довоенный период ежегодной поставки более 30 тонн рыбы, из Норвегии поступило в 20 раз меньше (Шеговаров, 1920).

О том, как стали «падать» собственные промыслы, а также заготовка рыбы в Норвегии в результате «национализаций» и «социализаций» 1917 и 1918 годов, вспоминает Е. В. Могучий. Сбылась мечта социалистов – повсеместно стали организовываться кооперативы, которые свою первоначальную задачу видели в конкурентной борьбе с прежними «эксплуататорами»: «Внушали, что старые предприниматели раньше их обирали, цену на рыбу ставили очень низкую, а на свои товары высокую... У меня соль была хорошего качества, а у кооператоров плохая, но ниже в цене. Все промышленники покупали у них, а на меня опять озлились. Но потом поняли, т.к. рыба стала кислая. Но некоторые все время были враждебны ко мне» (ГАРФ. Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 14об. Л. 15). Обложенные «контрибуциями» и «чрезвычайными налогами», подвергаемые разграблением своими работниками, предприниматели начали «сворачивать» свои дела на Мурмане и уезжать кто куда. Без нормальной организации промыслы вскоре практически прекратились.

Вернемся к военной эпохе, которая здесь, на европейском Севере России затянулась до 1920 года. Норвежские промышленники переориентировались на другие рынки. После окончания войны, в условиях послевоенной разрухи восстановить промыслы оказалось непросто из-за отсутствия самого элементарного. Поморы (как наиболее «цивилизованная» часть местных промысловиков) нашла возможность получения иных заработков. Обитатели северо-восточных тундр европейской России и островов СЛО в значительной степени были предоставлены сами себе. При этом, в связи с осложнениями поставки необходимых припасов и реализации продукции промыслы стали сокращаться. Этим вновь воспользовались соседи, прежде всего норвежцы, которые почти беспрепятственно занимались промыслом в русских территориальных водах.

К 1920 году добыча рыбо-звериной продукции в Архангельской губернии снизилась по сравнению с довоенными объемами втрое (Селезнев, 1931: 162). Это было связано с войной, революционными «реквизициями» и «национализациями» (в результате чего фактически исчез слой предпринимателей, которые могли организовывать промыслы), с Гражданской войной, когда рынок сбыта продукции фактически прекратился, а обменная торговля с Норвегией, которой занималось со второй половины XIX века поморское население западной части Беломорья, практически остановилась по причине отсутствия товаров для обмена и неимением валюты для прямой покупки.

Вместе с тем, были созданы особо благополучные условия для возвращения населения к традиционным рыбо-звериным промыслам. Это объяснялось не только «архаизацией» экономической жизни, когда полузабытые занятия были необходимы для жизни. Война, как ни странно, создала новые возможности для модернизации промыслового дела. С одной стороны, к этому подталкивала изоляция поморов от их основных соперников – норвежцев, ставших в какой-то момент торговыми партнерами, с другой – военные обстоятельства заставили создать в северных морях большой ледокольный флот, который после прекращения военных поставок стали отдавать в аренду рыболовным и зверобойным артелям. Один из первых примеров – артель, организованная в 1918 году группой бывших морских офицеров, которая взяла в аренду ледокольный пароход «Харитон Лаптев» и занялась промыслом тюленя (впрочем, судно вскоре было затоплено немецкой подводной лодкой, и «офицерская артель» распалась).

Ледоколы позволяли подойти к местам лежки зверя, куда промысловики на своих лодках, которыми они пользовались до 1918 года, добраться бы не смогли. В период НЭПа владелец ледоколов «Северное государственное пароходство» заключал с промысловыми артелями договоры (из процентов или на паях); в 1925-1926 годах в таком промысле участвовало 400 человек, имея при этом весьма высокий средний доход (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 132, 134).

На отдаленных участках побережья и на островах были построены военные базы, и их помещения после окончания войны могли пользоваться промысловики. Была выстроена система маяков, радиотелеграфов (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269. Л. 59), что тоже стало существенным подспорьем для промысловиков.

Главное – появилось «волевое решение». Угроза голода была настолько велика, что уже летом 1920 года Архангельским губисполкомом была поставлена задача «удесатерить вылов рыбы» (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269. Л. 59). Как известно – «нет в мире крепостей, которые большевики не могли бы

взять» (Сталин, 1949: 58). Заставить промысловиков работать можно было «продовольственной разверсткой», неисполнение которой вело к серьезным последствиям для семьи. Это вынуждало промысловиков интенсивно трудиться, чтобы добыть необходимое для семьи, выполнить разверстку, для чего часть промыслов приходилось продавать в обмен на те предметы, которые сами они не производили и которые входили в разнарядку.

В период военного коммунизма (поскольку прибрежные районы Архангельской губернии находились в составе «белой» Северной области, эта политика стала здесь реализовываться только весной 1920 года) возникали конфликты между декретами центральной власти и местной администрацией, понимавшей специфику региона. В 1920 году часть волостей не выполнила продразверстку по рыбе в связи с отсутствием соли; в результате ее заменили маслом, что для неземледельческих волостей выполнить было нереально. Принцип продразверстки предполагал систему пайков, на которую перевели неземледельческое поморское население. Непонимание местной специфики привело к тому, что населению Терского берега выдали хлебный паек зерном, хотя здесь не было мельниц, что, естественно, усугубило недовольство жителей.

Направленные для решения вопроса о разверстке продукции промыслов инструкторы увидели плачевное положение, в котором оказалось население неземледельческих, промысловых районов: «Положение с продовольствием в [Онежском] уезде плохое, в некоторых волостях население буквально голодает. ...Население страшно страдает, глядя на них, видишь каких-то полумертвецов, а не живых людей. Были случаи голодной смерти. Население питается исключительно молотой соломой с примесью мелкой прибрежной рыбы, следствие чего – полнейшее истощение сил и желудочные заболевания. В случае непринятия мер населению грозит полное вымирание» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 129. Л. 235об.). «В приморских районах голодающих от 20 до 50%. Население питается в большинстве рыбой, в хлеб примешивают солому, мякину, мох» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 81); «в поморских районах... Мезенского уезда голодают свыше 10.000 человек, нищих сотни человек ходит по волости...» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 48).

Такая ситуация была связана с нарушением нормального товарообмена. В отличие от хлеба рыбу нельзя было долго хранить, тем более в условиях дефицита соли. Собранные по разверстке продукты промыслов хранились долгое время в неподходящих условиях и пропадали. Крестьяне лишались возможности обменять свою продукцию на нужные им товары, в первую очередь на хлеб.

Политические обстоятельства использовались колонистами для борьбы друг с другом, для вытеснения с удобных промысловых участков. Например, в годы Первой мировой войны напряжение и недоверие к иностранцам особенно усилилось, а главное – оно поощрялось властями; в результате регулярно поступали сведения, чаще всего не подтвержденные, о шпионаже норвежских колонистов в пользу Германии (ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1379. Л. 31). На волне Революции происходили откровенные грабежи более богатых соседей. Пользуясь безвластьем, колонисты прогоняли пришлых промысловиков: «На становищах Мурманского берега приезжим поморам-рыбакам местные колонисты создают разного рода конфликты и всячески притесняют их. Колонисты воспрепятствуют рыбакам ремонтировать рыбацкие избушки и вообще угрожают разрушить их, т.к. они колонисты, а приезжие рыбаки должны искать другие места промыслов» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л. 445).

В Первую мировую, и особенно в Гражданскую войну, отмечалось экономическое тяготение иноэтничного коренного населения Кольского полуострова к соседям. Русские саами (лопары) чаще вступают в деловые контакты с приграничным населением Северной Норвегии, поскольку в русских городах и селах уже сложно было приобрести необходимые им товары. Беломорские карелы, и до революции тяготившие к Финляндии, куда они уходили на заработки и для торговых операций, начиная с 1918 года активно включались в вооруженные столкновения с русскими властями – будь те «белыми» или «красными». Судя по всему, главной мотивацией к таким поступкам была возможность получения хлеба из Финляндии, а также нежелание служить в русских армиях. Терроризируемое карельскими повстанцами население (русские и лопары) были вынуждены спасаться бегством в соседней Норвегии (В Карелии..., 1920; В Печенге..., 1920).

Недовольство и антисоветские настроения населения приграничных волостей в 1920 году отмечалось повсеместно. В Печенгской волости это было связано с насильственным «переписыванием в финляндцев» в связи с передачей российско-норвежской границы Финляндии (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 186. Л. 160-172). Судя по сводкам ЧК, осенью 1920 года, «настроение населения (Ковдинской волости) крайне враждебное», Кузоменской и Умбской – «явно контрреволюционное»; на острове Кильдин «настроение неважное из-за отсутствия снабжения всем необходимым». В некоторых селениях переходили и к открытым действиям: в Койдокской волости Кемского уезда «выгнали на улицу всех сочувствующих советской власти» (ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67 Л. 77-84; Л. 90-91).

Предоставление населения самому себе, что особенно проявилось в начальный период НЭПа, способствовало некоторой самоорганизации, которая привела к решению ряда задач, которые пыталось, но неудачно решить царское правительство. Как отмечали энтузиасты, «на Севере условия для оживления местной хозяйственной самостоятельности, в силу оторванности его от центра и других местных условий, наиболее благоприятно» (Государственное объединение..., 1922: 64).

В начале 1920-х годов не было прежней имперской патерналистской политики, поскольку Советское государство не могло оказать помощь голодающим (в полном смысле этого слова) поморским волостям. Хлеб давали только в обмен на рыбу и продукцию звериных промыслов, что привело к восстановлению промыслов, при этом в достаточно примитивных формах.

До войны отхожий промысел давал крестьянам доход в два раза выше, чем поморские. Вместе с тем, падение фабрично-заводских заработков подтолкнуло жителей Архангельской губернии устремиться на побережье и принять участие в рыбной ловле и морской охоте. Эти промыслы были очень непостоянными, поскольку зависели от природных условий, и губернские власти осознавали, что с развитием лесной промышленности поморские промыслы вновь будут заброшены. Отдел рыболовства Архангельского губисполкома констатировал в 1925 году как большое количество безработных в поморских волостях, что было вызвано национализацией частных предприятий, в первую очередь флота, которые давали им работу, так и наплыв сюда «пришлых» рабочих. Превышение последних над местными было незначительно, но все же выше, чем до революции, но постепенно, с восстановлением лесной и других видов промышленности, баланс стал возвращаться (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30-27). «Забросив в свое время ради лучшего заработка родное дело – водные промыслы – теперь, оказавшись без работы, промышленники опять вернулись к ним... К зверобойному промыслу стали возвращаться население отдаленных волостей, ходившее когда-то на этот промысел в качестве покрученников, но давно забросившее его с упадком промысла» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30). По мнению авторов доклада, привлекательность поморских промыслов заключалась в том, что и цены на продукцию выросли до полутора раз по сравнению с довоенными, и то, что «зверобойный промысел... не требует [дорогостоящего] вооружения», чем и «привлек наибольшее число промышленников» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 30).

Наблюдалось возрождение примитивного судостроения и применение устаревших форм лова и промысла. «Недостаток и обветшание наличного промыслового флота» логично предполагал закупку судов («ёл») в Норвегии; тем более, что местное строительство оказывалось даже дороже. Однако «поморы очень тяготеют к покупке готовой ёлы и всемерно стремятся использовать взамен расхода денег свой собственный труд и строят ёлы, шняки, боты, карбасы сами, как умеют» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 170б.).

Предложение властей брать банковские кредиты на закупку норвежских судов, а также приглашать для собственного строительства инструкторов, вызывало у населения (как это отмечалось и до революции) полную апатию.

В период НЭПа неоднократно отмечалось, что «иногородний спрос на продукты местных промыслов (рыба тресковая, беломорская сельдь...) полностью не удовлетворен из-за недостатка предложения» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 740 Л. 2). Это вызывало беспокойство властей, и в 1925 году разрабатывался «Перспективный план прибрежных рыбо-зверинных промыслов», которым предусматривалось строительство консервного завода и верфи для строительства и ремонта малых поморских судов, организация при поддержке губернских организаций паевого общества по развитию рыбо-зверинных промыслов; «рыбачья школа» для подготовки квалифицированных кадров.

Значительно важнее было вернуть устоявшуюся за предвоенные годы систему поморских промыслов, в противном случае сохранялась угроза их прекращения. В частности, отмечая, что поморы все чаще «остаются по домам», не имея возможности добраться на Канинский полуостров для традиционного промысла наваги, указывалась причина: «за 20 лет они привыкли благополучно прибывать на пароходах», теперь же «некоторые пытаются добираться на карбасах, но проку от такой доставки мало» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л. 444).

Существовавшее до войны регулярное пароходное сообщение полностью восстановить не удавалось, оно поддерживалось только «в половинном размере», но промысловики и этими рейсами не пользовались: «население использует для сообщения карбасы, парусники, ждет случайных пароходов» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 418. Л. 241-242). Возможно, причина была в дороговизне проезда. Это удивляло и возмущало представителя транспортного отдела Губисполкома: «До сих пор у нас странным образом уживаются идеи 20 века с фактами 18, а то и более раннего столетия. До сих пор главными путями сообщения служат водные потоки. Прошлым (1925 г.) летом повышение тарифов на пароходные перевозки привели к тому, что люди ездили на лодках за десятки даже сотни верст...!» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 81).

Мезенские промышленники, добывавшие рыбу и зверя в отдаленных местах, для длительных переездов к местам промысла по огромным бездорожным тундрам, а затем для вывоза своей добычи нанимали оленеводов-ненцев, что в первые послереволюционные годы воспринималось как «эксплуатация» и преследовалась. НЭП открыл для этого определенные возможности, но также создавал некоторые ограничения по «классовому принципу», когда искусственно выгодные заказы предоставлялись только «бедноте» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 103).

Ликвидация прослойки «кулаков» привела к понижению промыслов, потому что этот труд не индивидуальный, необходим хороший организатор, имеющий к тому же дорогие орудия производства. Надежда на артели не всегда оправдывалась. По сведениям инструкторов, в поморских волостях они были «дикие» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 47), и требовали специального контроля и

оформления: «Принимая во внимание печальный опыт рыбацких объединений в прошлом (т.е. в 1918 году – *Авт.*), мы пришли к мысли о необходимости ... создать и проверить на опыте работы низовые артели, после чего создать мелко-районные объединения рыбацких артелей» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 1 об.).

Разрешение на беспощинный ввоз снастей и других товаров для промыслов выдавался только трудовым коллективам, что и позволяло властям осуществлять за ними «классовый контроль». Однако без налаженной организации рыболовецкие и зверобойные артели, даже приобретая «конфискованные» у «кулаков» суда и снасти и пользуясь предоставляемыми коллективам льготами, разваливались, или же возвращали «опытного» вожака. В период НЭПа такие артели стояли друг за друга, не допуская реализации политики «помощи беднякам». Так, зверобойной артели в поморском селе Майда уездными властями было предложено убрать «двойников», то есть вторых промысловиков от хозяйства, включив вместо них местных «бедняков». Члены коллектива заявили, что «мы включать таковые семейства не желаем, а если будет посягательство с вашей стороны, то мы расторгаем договор», на что уполномоченный не решился (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 547. Л. 84-85).

Сложнее восстанавливалась традиционная хозяйственная деятельность населения Западного Беломорья, давно отошедшего от собственно промыслов и занимавшегося обменной торговлей с норвежцами. Введенный после революции запрет на беспощинную «поморскую» торговлю поспособствовал тому, что безуспешно пытались внедрить в западном Беломорье во второй половине 19 века власти: развитие интереса поморского населения к земледельческим занятиям (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 263. Л. 61). Попытка восстановить здесь старые промыслы, не связанные с обменной торговлей, успехом не увенчались: так, в 1924 году отмечалось, что рыба ловится слабо, не окупается даже покупка промысловых билетов, поэтому у населения наблюдается ориентация на сельское хозяйство (ГААО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 80). Таким образом, уничтожение традиционной промысловой деятельности, явно наметившееся уже до революции, подходило к своему естественному итогу.

Для собственно поморских промыслов особую опасность, кроме хозяйственной разрухи, представляли норвежцы и англичане, которые почти беспрепятственно заходили в русские территориальные воды и создавали конкуренцию для русских. Как отмечалось в докладе Архангельского губисполкома, «После мировой войны норвежцы осмелели...» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 27).

Пограничная охрана была слаба, море практически не контролировалось. Сведения о браконьерстве получали от местного населения. В 1924 году был зафиксирован «случай хищнического нападения на стада. Обнаружено судно у берегов острова, которое на следующий день ушло, оставив на берегу головы, ноги и шкуры оленей. Убито 25 голов» (ГААО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 2. Л. 125-126).

Постоянно приходили непроверенные сведения о попытке норвежцев завязать за спиной у государственных органов торговые отношения с ненцами и русскими промысловиками.

Браконьерство норвежцев в российских территориальных водах приобрело широкие размеры. Даже в условиях практически отсутствия возможностей контроля за ними, были случаи, когда пограничники задерживали норвежцев. Летом 1921 года были «задержаны норвежские суда за добычу зверя в Российских водах. Конфискована добыча, наложен штраф по 30 тысяч золотых рублей. Капитаны категорически отказываются платить, мотивируя неимением такой суммы», а также «утверждают, ссылаясь на международные законы, что имеют право промысла даже в Белом море в трехмильном расстоянии от берега....» (Что, впрочем, не соответствовало законам ни Российской Империи, ни РСФСР) «Команды настойчиво требуют отправки в Норвегию». Архангельский губисполком высказывал по этому вопросу свою позицию: «Команды отправить, суда задержать» (ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 204. Л. 46; Д. 186. Л. 350).

Не в состоянии справиться с незаконным ловом иностранцев в открытом море, правительство решило узаконить «браконьерства в форме концессий», поскольку это было «единственным приемлемым выходом, позволяющим существенно ограничить браконьерство, и принудить норвежцев и англичан к признанию новых советских границ территориальных вод, считалось» (Репневский..., 2011: 22). С этим категорически были не согласны губернские власти, обвиняя норвежцев в «хищнических формах боя морского зверя» (ГААО. Ф. 352. Оп. 6. Д. 77. Л. 27), а также разработав программу «Будущее русского зверобойного промысла на Севере в связи с норвежскими зверобойными концессиями в горле Белого моря».

Эта программа во многом легла в основу последующей экономической политики в отношении промысловиков, вылившейся в создании рыболовецких колхозов, некоторые из которых до сих пор благополучно существуют в отдаленных поморских челах.

5. Заключение

Политическое, экономическое, военное усиление Советского государства сняло опасность потери территорий, в том числе на северо-западе страны. В послереволюционный период такая опасность существовала, и в значительной степени она не была реализована, потому что несмотря на все сложности коренное население не покинуло эти территории, своей хозяйственной деятельностью подтверждая статус Европейского севера как естественной части Русского государства.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-6382.2018.6 «Реконструкция символических и политических границ морских и островных пространств Западного сектора Российской Арктики в XIX – начале XX вв.).

Литература

- Ануфриев, 1913** – Ануфриев И. Мурманские промыслы и территориальная полоса океана. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 4. С. 154-155.
- Богораз, 1921** – Богораз В.Г. Новые задачи Российской этнографии в полярных областях. // *Труды Северной научно-промысловой экспедиции*. Вып. 9. Пг., 1921. С. 17.
- В Карелии..., 1920** – В Карелии. // *Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета*. 1920. 14 января
- В Печеньге..., 1920** – В Печенге. // *Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета*. 1920. 30 января.
- ГАОО** – Государственный архив Архангельской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАОО ОДСПИ** – Государственный архив Архангельской области, Отдел документов социально-политической истории.
- Государственное объединение..., 1922** – Государственное объединение «Северолес» // *Северный край*. 1922. Кн. 3. С. 64.
- Држевецкий, 1910** – Држевецкий Вс. Рыбные промыслы Мурман и его колонизация. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1910. № 21. С. 7, 10.
- Жилинский, 1919** – Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 248.
- Зайков, 2018** – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2018. №2. С. 27-39.
- Зайков, 2018a** – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // *Арктика и Север*. 2018. №30. С. 60-75.
- Зограф, 1909** – Зограф Н. Нужды нашего северного рыболовства. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 2. С. 19-20, 23-24.
- Карелин, Зайков, 2016** – Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века. // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 1. С. 32-41.
- Кастрен, 1999** – Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия. Сочинения. Т. 1. Тюмень, 1999.
- Козмин, 1913** – Козмин К. Былое: Из жизни Архангельского Севера. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 24. С. 1045.
- Культура русских поморов..., 2005** – Культура русских поморов: опыт системного исследования. М., 2005.
- Ломберг, 1911** – Ломберг М.П. Из воспоминаний о службе в Архангельской губернии. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1911. № 13. С. 31, 33-36.
- Мухин, 1913** – Мухин А.А. Рыбачко-мореходные школы на Мурмане. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1913. № 22. С. 977.
- Несколько слов..., 1911** – [С.З.] Несколько слов о мурманском промысле. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1911. № 12. С. 967-972.
- Нильсен, Зайков, 2012** – Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне. // *Арктика и Север*. 2012. № 5. С. 71-84.
- Остров..., 1909** – Остров Новая Земля и его колонизация. // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 3. С. 5-26.
- Полное собрание..., 1885** – Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ.). Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 277.
- Попов, 2012** – Попов Г.П. Роль архангельских губернаторов в закреплении за Россией западного сектора Арктики. Архангельск, 2012. 142 с.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Репневский, Репневский, 2011** – Репневский А.В., Репневский И.А. Поморы против зверобойной концессии «Винге и Ко» (по страницам журнала «Северное хозяйство», 1923) // VII Ушаковские чтения. Мурманск, 2011.
- Селезнев, 1931** – Селезнев С.А. Очерки хозяйства Северного края. Основные отрасли хозяйства. Архангельск, 1931.
- Сосновский, 1909** – Что нужно для колонизации Мурман? Мурман и его нужды (составлено по докладной записке губернатора И.В. Сосновского Министру внутренних дел). // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. № 2. С. 7-8.

Сталин, 1949 – Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949.

Трошина, 2015 – Трошина Т.И. «За Единую и Неделимую»: усилия государственных и общественных институтов Северной Области по противодействию территориальному раздроблению и экономической зависимости Архангельской губернии // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность. Архангельск, 2015. С. 229-244

Трошина, 2011 – Трошина Т.И. Проведение самостоятельной внешнеторговой политики Архангельским губисполкомом на последнем этапе Гражданской войны (1920-1921). // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сборник материалов международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 307-310.

Федоров, 2017 – Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии). // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53-75.

Федоров, 2009 – Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск, 2009. 388 с.

Федоров, 2015 – Федоров П.В. Кольский Север в общественной мысли Российской империи (вторая половина 19 – начало 20 в.). // Север России – один из источников ее развития и единения ее народов: мат-лы научно-практической конференции. Мурманск, 2015. С. 134-145.

Шеговаров, 1920 – Шеговаров Д. Экономическая жизнь области за 1919. // Возрождение Севера: Ежедневная областная общесоциалистическая газета. 1920. 1 января.

Goldin et al., 2015 – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // Bylye Gody. 2015. №37 (3). pp. 519-535.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. Local society between empire and Nation-state: The Russian–norwegian borderland in the context of bilateral international relations in the far North, 1855–1905. // Ab Imperio. 2017. №4. pp.139-175.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A. Lapp Crafts in the History of the Russian–Norwegian Borderland in 1855–1900. // Bylye Gody. 2017. № 45 (3). pp.915-927.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K., Tamitskiy A. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. // Bylye Gody. 2016. № 41 (3). pp.629-641.

Zaikov, 2016 – Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822-1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. // Bylye Gody. 2016. № 42 (4). pp.1164-1172.

References

Anufriev, 1913 – Anufriev I. (1913). Murmanskские промыслы i territorialnaya polosa okeana [Murmansk crafts and territory ocean line]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1913. № 4. pp. 154-155. [in Russian]

Bogoraz, 1921 – Bogoraz V.G. (1921). Novye zadachi Rossiyskoy etnografii v polyarnykh oblastiakh [The new tasks of the Russian ethnography in the Polar regions]. *Trudy Severnoy nauchno-promyslovoy ekspeditsii*. Vyp. 9. Pg. 1921. p. 17. [in Russian]

V Karelii..., 1920 – V Karelii [In Karelia]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1920. 14 yanvarya. [in Russian]

V Pechenge..., 1920 – V Pechenge [In Pechenga]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1920. 30 yanvarya. [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti [State archive of the Arkhangelsk region]. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State archive of the Russian Federation]. [in Russian]

GAO ODSPI – Gosudarstvennyy arkhiv Arkhangel'skoy oblasti, Otdel dokumentov sotsialno-politicheskoy istorii [State archive of the Arkhangelsk region, Department of the Documents Related to the Social and Political History]. [in Russian]

Gosudarstvennoe obedinenie..., 1922 – Gosudarstvennoe obedinenie «Severoles» [State association «Severoles»]. *Severnnyy kray*. 1922. Kn. 3. p. 64. [in Russian]

Drzhevetskiy, 1910 – Drzhevetskiy Vs. (1910). Rybnye промыслы Murmana i ego kolonizatsiya [Fisheries in Murmansk and its colonization]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 21. p. 7, 10. [in Russian]

Zhilinskiy, 1919 – Zhilinskiy A.A. (1919). Krayniy Sever Yevropeyskoy Rossii. Arkhangel'skaya guberniya [The Far north of the European part of Russia. Arkhangelsk province]. Petrograd. [in Russian]

Zaykov, 2018 – Zaykov K.S. (2018). Rossiysko-norvezhskoe pograniche v otechestvennoy istoriografii XIX – nachala XXI veka [Russian–Norwegian borderland in Russian historiography of the 19th – early 21st centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsialnye nauki*. №2. pp. 27-39. [in Russian]

- [Zaykov, 2018a](#) – Zaykov K.S. (2018). Rossiysko-norvezhskoe pograniche v zarubezhnoy istoriografii XX – nachala XXI vv. [Russian-Norwegian borderland in Russian historiography of the 20th – early 21st centuries]. *Arktika i Sever*. №30. pp. 60-75. [in Russian]
- [Zograf, 1909](#) – Zograf N. (1909). Nuzhdy nashego severnogo rybolovstva [The needs of our northern fishery]. // *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 2. pp. 19-20, 23-24. [in Russian]
- [Karelin, Zaykov, 2016](#) – Karelin V.A., Zaykov K.S. (2016). Problema saamskikh servitutnykh prav v pogranichnykh otnosheniyakh Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Sami easements in the history of Russian-Norwegian border relations in the early 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsialnye nauki*. № 1. pp.32-41. [in Russian]
- [Kastren, 1999](#) – Kastren M.A. (1999). Laplandiya. Kareliya. Rossiya [Lapland. Karila. Russia]. / M.A. Kastren. Sochineniya. T. 1. Tyumen, 1999. [in Russian]
- [Kozmin, 1913](#) – Kozmin K. (1913). Byloe: Iz zhizni Arkhangel'skogo Severa [The past: From the Arkhangelsk North life]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 24. p. 1045. [in Russian]
- [Kultura russkikh pomorov..., 2005](#) – Kultura russkikh pomorov: opyt sistemnogo issledovaniya [The culture of the Russian pomor people: practice of the system research]. M., 2005. [in Russian]
- [Lomberg, 1911](#) – Lomberg M.P. (1911). Iz vospominaniy o sluzhbe v Arkhangel'skoy gubernii [From memories of service in Arkhangelsk province]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo severa*. № 13. pp. 31, 33-36. [in Russian]
- [Mukhin, 1913](#) – Mukhin A.A. (1913). Rybatsko-morekhodnye shkoly na Murmane [Fishing and seaworthy schools on Murman]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. № 22. p. 977. [in Russian]
- [Neskolko slov..., 1911](#) – [S.Z.] Neskolko slov o murmanskoy promysle [A few words about the Murmansk trade]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1911. № 12. pp. 967–972. [in Russian]
- [Nilsen, Zaykov, 2012](#) – Nilsen Y.P., Zaykov K.S. (2012). Norvezhsko-rossiyskoe arkticheskoe pograniche: ot obshchikh okrugov k pomorskoy zone [The Norwegian-Russian Arctic Borderland: from the common districts till Pomor zone]. *Arktika i Sever*. № 5. pp.71-84. [in Russian]
- [Ostrov..., 1909](#) – Ostrov Novaya Zemlya i ego kolonizatsiya [Novaya Zemlya island and its colonization]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1909. № 3. pp. 5-26. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1885](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZRI). [The complete collection of the Russian Empire laws]. T. 1. Sobr. 3. SPb., 1885. № 277. [in Russian]
- [Popov, 2012](#) – Popov G.P. (2012). Rol arkhangel'skikh gubernatorov v zakreplenii za Rossiyu zapadnogo sektora Arktiki [The role of the Arkhangelsk governors in securing Russia for the Arctic western sector]. Arkhangelsk. [in Russian]
- [RGASPI](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii [Russian state archive of the social and political history]. [in Russian]
- [Repnevskiy, Repnevskiy, 2011](#) – Repnevskiy A.V., Repnevskiy I.A. (2011). Pomory protiv zveroboynoy kontsessii «Vinge i Ko» (po stranitsam zhurnala «Severnoe khozyaystvo», 1923) [Pomor people against the mammal concession «Winge and Co» (from the pages of the magazine «Northern economy», 1923)]. // VII Ushakovskie chteniya. Murmansk. [in Russian]
- [Seleznev, 1931](#) – Seleznev S.A. (1931). Ocherki khozyaystva Severnogo kraya. Osnovnye otrasli khozyaystva [Essays on the economy of the Northern Territory. The main economy branches]. Arkhangelsk. [in Russian]
- [Sosnovskiy, 1909](#) – Chto nuzhno dlya kolonizatsii Murmana? Murman i ego nuzhdy (sostavleno po dokladnoy zapiske gubernatora I.V. Sosnovskogo Ministru vnutrennikh del) [What does one need to colonize Murman? Murman and its needs (compiled according to the memorandum of Governor IV Sosnovsky to the Minister of Internal Affairs)]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1909. № 2. pp. 7-8. [in Russian]
- [Stalin, 1949](#) – Stalin I.V. (1949). Kochineniya [Essays]. T. 11. M. [in Russian]
- [Troshina, 2015](#) – Troshina T.I. (2015). «Za Yedinuyu i Nedelimuyu»: usiliya gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov Severnoy Oblasti po protivodeystviyu territorialnomu razdrobleniyu i ekonomicheskoy zavisimosti Arkhangel'skoy gubernii [«For the Unified and Indivisible»: the efforts of state and public institutions of the Northern Region to counteract the territorial fragmentation and economic dependence of the Arkhangelsk Province]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Yevropeyskom Severe i v Arktike v pervoy chetverti XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost*. Arkhangelsk: NArFU. pp. 229-244. [in Russian]
- [Troshina, 2011](#) – Troshina T.I. (2011). Provedenie samostoyatel'noy vneshnetorgovoy politiki Arkhangel'skim gubernskim komitatom na poslednem etape Grazhdanskoy voyny (1920-1921) [Carrying out an independent foreign trade policy by the Arkhangelsk Provincial Executive Committee at the last stage of the Civil War (1920-1921)]. // 1921 god v sudbakh Rossii i mira: ot Grazhdanskoy voyny k poslevoennomu

miru i novym mezhdunarodnym otnosheniyam: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Murmansk: MGGU. pp. 307-310. [in Russian]

Fedorov, 2017 – Fedorov P.V. (2017). O poyavlenii russkogo rubezha v Laplandii (po sledam odnoy diskussii) [About the appearance of the Russian border in Lapland (some of the results of the discussion)]. *Arktika i Sever*. № 26. pp. 53-75 [in Russian]

Fedorov, 2009 – Fedorov P.V. (2009). Severnyy vektor v rossiyskoy istorii: tsentr i Kolskoe Zapolyare v XVI-XX vv. [Northern vector in the Russian history: the center and the Kola Peninsula in the 16th-20th centuries]. Murmansk: MGPU. 388 p. [in Russian]

Fedorov, 2015 – Fedorov P.V. (2015). Kolskiy Sever v obshchestvennoy mysli Rossiyskoy Imperii (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 v.) [Kola North in the social thought of the Russian Empire (second half of the 19 – early 20 century)]. *Sever Rossii – odin iz istochnikov ee razvitiya i edineniya ee narodov: mat-ly nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Murmansk. pp. 134-145. [in Russian]

Shegovarov, 1920 – Shegovarov D. (1920). Ekonomicheskaya zhizn oblasti za 1919 [Economic life of the region for 1919]. *Vozrozhdenie Severa: Yezhednevnyaya oblastnaya obshchesotsialisticheskaya gazeta*. 1 yanvarya. [in Russian]

Goldin et al., 2015 – Goldin V., Zaikov K., Tamitskiy A. (2015). Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. №37 (3). pp. 519-535.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. (2017). Local society between empire and Nation-state: The Russian-norwegian borderland in the context of bilateral international relations in the far North, 1855–1905. *Ab Imperio*. №4. pp. 139-175.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K., Tamitskiy A. (2017). Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*. № 45 (3). pp. 915-927.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K., Tamitskiy A. (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 629-641.

Zaikov, 2016 – Zaikov K. (2016). The History of the Northern Frontier Delimitation (1822-1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems. *Bylye Gody*. № 42 (4). pp. 1164-1172.

«Последняя грань Российской цивилизации»: экономический и демографический аспекты территориальной целостности государства на крайнем северо-востоке

Татьяна Игоревна Трошина ^{a, *}, Наталья Сергеевна Авдонина ^a, Максим Юрьевич Задорин ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье на большом объеме архивных материалов рассматривается проблема сохранения приграничных российских территорий в условиях государственных кризисов. Объектом исследования являются северо-западные территории Европейской России, которые привлекали интерес ближайших соседей своими промысловыми ресурсами. Проживающие на западе ареала этнические группы, сохраняя свое культурное своеобразие, постепенно включались в русский супер-этнос, чему способствовала государственная политика. Экономическое освоение и заселение западной части ареала выходцами из соседних государств создавало опасность постепенного отделения этих территорий – сначала культурного и экономического, а затем и политического от Российского государства.

Правительственные мероприятия были нацелены прежде всего на защиту политических границ; при этом, первые десятилетия XX века дают немало примеров утраты ослабевшими государственными образованиями своих приграничных территорий на основе различных «плебисцитов». Поэтому сохранение на «спорных территориях» представителей титульной нации, их экономическая независимость и самостоятельность превращалось в важнейший фактор государственной целостности. В статье этот тезис подтверждается путем проведенного сравнения экономического положения населения северных территорий Архангельской губернии в относительно благополучный период второй половины XIX и начала XX века, и в экстремальных условиях потенциального разрушения государственности (взяв в качестве исследовательской «площадки» события военно-революционной эпохи (1914–1920 гг.) и раннего этапа «новой экономической политики»).

Ключевые слова: границы Западного сектора Российской Арктики, приграничные территории Северного Ледовитого океана, экономическая политика, поморские промыслы, Архангельская губерния.

* Corresponding author

E-mail addresses: t.troshina@narfu.ru (Т.И. Трошина), n.avdonina@narfu.ru (Н.С. Авдонина), m.zadorin@narfu.ru (М.Ю. Задорин)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1140-1148. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1140
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Financial Support of Gendarmerie Supervision over the Gold Mining Industry in Siberia in the Middle of the 19th Century

Peter P. Rumyantsev ^{a, *}

^a National Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the investigation of the financial provision of gendarmerie supervision over the private gold mining industry in Siberia in the middle of the 19th century.

In article such questions are also considered as identification of material needs of gendarmerie officials in the matter of financial support for their activities; to point the ways for solving that issue; to identify the relationship mechanisms between different levels of government officials in solving that issue.

The sources for the article were primarily the gendarmerie agency documents, which are stored in the central and regional archives of Russia.

The research is based on the application of such historical methods as narrative, historical-genetic and comparative-historical.

As a result of the research, the author came to the following conclusions. An analysis of the financial support of gendarmerie supervision over private gold mining industry in Western and Eastern Siberia demonstrates the interests of various departments that differently looked at the essence of that supervision and saw the tasks for the agents of that supervision in their specific way. The gendarmerie corps together with the general-governors of Western and Eastern Siberia saw gendarmes as the executives of the government policy of supervision over the gold mining industry in Siberia. They believed that the gendarmerie officers should not feel lack of support to carry out their direct official duties, and also should be independent of gold miners. The Ministry of Finance, on which the allocation of funds for travel expenses to the gendarmerie officials depended, did not consider that the latter fulfill the most important governmental task, so they do not need additional appropriation of funds. In the process of this confrontation between the departments, the position of gendarmerie won, because it was supported by the Tsar himself, and the gendarmes subsequently received enough money to travel around the gold mines. The result of these trips was a large gendarmerie documentation on the situation in the gold mining industry, which is an important historical source.

Keywords: the corps of gendarmes, gendarme supervision, police, Siberia, gold mines, finance, governor-general, A.K. Benkendorf.

1. Введение

На жандармский надзор за частной золотопромышленностью на сибирских землях правительственные круги возлагали большие надежды, рассчитывая, что с его помощью можно будет контролировать ситуацию на золотых промыслах, где находилась огромная масса рабочих, численностью не менее двух десятков тысяч человек, не допустить крупных выступлений приисковых рабочих, прокатившихся по золотым промыслам на рубеже 30–40-х гг. XIX в. В конечном итоге центральная имперская власть рассчитывала на рост добычи золота, что должно было привести к улучшению финансового положения, которое находилось в расстроеном состоянии из-за

* Corresponding author

E-mail addresses: petroom@mail.ru (P.P. Rumyantsev)

многочисленных трат в николаевское время правления. В связи с этим цель статьи – провести всесторонний анализ истории вопроса о финансовом обеспечении жандармского надзора за частной золотодобычей в Сибири, что должно способствовать выявлению взаимоотношений между различными уровнями власти как по горизонтали, так и по вертикали, а также выявить интересы всех, непосредственно участвовавших в решении этого вопроса, и их ожидания от этого надзора.

2. Материалы и методы

Источниковой базой для проведения исследования послужили материалы из фондов центральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ф. 109 – III отделение собственной Его Императорского Величества Канцелярии, ф. 110 – Штаб отдельного Корпуса жандармов) и Российского государственного исторического архива (ф. 37 – Горный департамент). Также в работе нашли применение материалы из регионального архива – Государственного исторического архива Омской области (ф. 3 – Главное управление Западной Сибири). Помимо архивных источников в работе оказались задействованы законодательные акты центральной власти относительно жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири, которые содержатся во втором собрании Полного собрания законов Российской империи.

В исследовании были использованы следующие методы: нарративный, историко-генетический и сравнительно-исторический. Нарративный метод позволил выявить историческую обусловленность появления жандармского надзора за частной золотопромышленностью на сибирских землях. Историко-генетический метод дал возможность проследить последовательность в изменениях рассматриваемого нами вопроса в процессе его исторического развития. И, наконец, последний метод, сравнительно-исторический, способствовал проведению сравнительного анализа особенностей и различий в изучаемом явлении – финансовом обеспечении жандармского надзора за золотопромышленностью в Западной и Восточной Сибири.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что о существовании жандармского надзора в сибирской золотопромышленности упоминалось еще в дореволюционный период отечественной историографии ([Семевский, 1898](#)), тем не менее, в советский период по этому вопросу специально не проводилось исследований. Вместе с тем следует отметить, что в зарубежной историографии получила отражение тема, связанная с изучением роли полицейских органов в надзоре за развитием золотопромышленного сектора экономики в тех странах, которые были в свое время охвачены так называемой золотой лихорадкой – США, Австралия и Южная Африка ([McDowell, 2004](#); [Baker, 2005](#); [Segal, 2009](#)).

Только с недавнего времени история появления и различные аспекты функционирования этого надзора стали попадать в поле интересов современных отечественных историков. Так, исследователи стали обращаться к жандармской документации в качестве источника по социально-экономической истории развития золотопромышленности ([Зиновьев, 2009](#)). Также их внимание привлекли обстоятельства появления жандармского надзора за частной золотодобычей в Сибири ([Бакшт, Бибииков, 2016](#)), история дальнейшего функционирования этого надзора ([Бакшт, Румянцев, 2016](#)), практика назначения жандармских чинов на должности по надзору за золотыми приисками ([Бакшт, 2017](#)). Однако существует множество еще не рассмотренных вопросов, сюжетов, связанных с функционированием жандармского надзора, исследование которых позволит лучше понять задачи, выполняемые офицерами Корпуса жандармов, определение места жандармерии в системе власти.

4. Результаты

Вопрос о финансовом обеспечении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири тесным образом был связан с разработкой должностной инструкции для жандармских чинов, на которых возлагалась обязанность осуществления этого надзора. Инициатива решения данных вопросов исходила от жандармского ведомства и лично от шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, который различным должностным лицам, прямо заинтересованным в создании этого надзора, рассылал отношения с предложением разработки проекта инструкции и определения суммы расходов на служебные разъезды жандармских штаб-офицеров.

Должностная инструкция с указанием всех обязанностей жандармского чина по надзору за золотопромышленностью, хотя и вызвала небольшую дискуссию среди различных должностных лиц, но все же в непродолжительное время была составлена с учетом мнения участников этой дискуссии. В итоге носящая секретный характер инструкция для жандармского штаб-офицера, находящегося на частных золотых приисках в Западной Сибири, получила утверждение 16 мая 1842 г., а аналогичная по характеру инструкция для штаб-офицера на золотых промыслах Восточной Сибири была утверждена ровно через полгода ([Бибииков, 2017: 167](#)). А вот вопрос об утверждении сумм расходов этих жандармов, прежде всего касающихся их разъездов по золотым промыслам, был решен не так быстро и просто.

Первоначально следовало решить вопрос о размере жалованья и содержания, выдаваемых жандармским офицерам на вновь открытых должностях. Согласно приказу по Корпусу жандармов

№ 32 от 16 мая 1841 г. следовало, что «в отношении жалованья, столовых денег, квартиры, суммы на канцелярские расходы, выдачи при определении к месту, годового не в счет жалованья и двойных прогонов и по прочим преимуществам сравнить этого штаб-офицера со штаб-офицерами 8-го округа Корпуса жандармов, согласно Штату № 5 [положения о Корпусе жандармов от 1 июля 1836 г. – П.Р.]» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 15). Согласно этому штатному расписанию губернскому жандармскому штаб-офицеру в звании подполковника или полковника полагалось в год: самого жалованья – 1 200 руб., столовых – 2 000, итого – 3 200 руб., соответственно на эту сумму и мог рассчитывать жандармский штаб-офицер, осуществлявший надзор за частными золотыми промыслами в Сибири. Для сравнения начальник 8-го (Сибирского) жандармского округа получал по штатному положению Корпуса жандармов 2 280 руб. жалованья и 6 000 руб. столовых, а всего – 8 280 руб. в год (ПСЗРИ-2. Т. XI. Отд. 2-е. № 9355. С. 338–339).

Острую дискуссию во властных кругах вызвал вопрос о сумме ассигнований на исполнение прямых обязанностей жандармского чина по надзору за деятельностью частных золотых промыслов в Сибири. В первую очередь, это касалось выделения ежегодной суммы на покрытие расходов по объезду золотопромышленных предприятий. Вопрос этот появился сразу же с момента принятия решения об учреждении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири. Так, шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф в отношении № 1340 от 10 апреля 1841 г. спрашивал западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова о его мнении по поводу определения основного круга обязанностей этого жандармского чина, а также каким расстоянием необходимо ограничить его поездки по приискам и какую сумму ему следует выдавать на прогоны. В своем ответе от 19 мая того же года Горчаков высказал мнение, что точное расстояние разъездов жандармского штаб-офицера определить затруднительно, но их стоит ограничить территорией Томской губернии, а на разъезды выдавать безотчетно «...по 300 рублей серебром в год из суммы государственного казначейства, ибо, обратив на золотопромышленников содержание чиновника, определяющегося не для непосредственной их пользы, по мне, было несправедливо» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 415–416, 418).

Однако региональное жандармское начальство выступило как за увеличение территории объезда золотопромышленных предприятий, так и выделенной указанной генерал-губернатором суммы. Начальник 8-го жандармского округа генерал-майор Н.Я. Фалькенберг еще в своем рапорте на имя Бенкендорфа № 37 от 24 марта 1841 г. приводил свои мысли о необходимости распространения жандармского надзора за золотыми промыслами, расположенными на территории Енисейской губернии, которые гораздо богаче по своему содержанию, чем разрабатывающиеся в Томской губернии. Таким образом, Фалькенберг предлагал золотые промысла Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии включить в сферу деятельности жандармского надзора за золотопромышленностью в Западной Сибири. Для осуществления подобной деятельности начальник округа предложил увеличить предлагаемую Горчаковым на разъезды сумму с 300 до 500 руб. серебром (сер.)¹ (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541. Л. 20–21).

А.Х. Бенкендорф прислушался к мнению Н.Я. Фалькенберга, что в итоге привело, во-первых, к учреждению в 1842 г. жандармского надзора за функционированием золотых промыслов Восточной Сибири (министр финансов Е.Ф. Канкрин также выступил с подобной идеей), следовательно, появлению еще одной должности жандармского штаб-офицера, который и должен был осуществлять этот надзор, а во-вторых, поддержал идею об увеличении суммы на разъезды жандармского чина по приискам в Западной Сибири до 500 руб. сер. В декабре 1842 г. шеф жандармов обращался к министру финансов Канкрину с предложением об увеличении этой суммы, с тем, «...чтобы отпуск помянутых денег удобнее производить в Томске в марте месяце, чтобы до наступления работы дать возможность штаб-офицеру приготовиться к отъезду на золотые прииски» (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 38–38 об.). Предложение это нашло отклик, и 31 декабря 1842 г. отношением № 32784 Департамент государственных казначейств Министерства финансов предписал Томской казенной палате отпускать по 500 руб. сер. ежегодно жандармскому штаб-офицеру на разъезды по приискам в Западной Сибири (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 43).

В дальнейшие годы именно такая сумма – 500 руб. сер. – выдавалась жандармским штаб-офицерам для объездов золотых приисков, расположенных в Западной Сибири. Так, например, в 1850 г. смета расходов по заведованию частными золотыми приисками в Западной Сибири, ассигнованных из Томской казенной палаты, содержит следующие статьи: на содержание полиции и воинской команды – 8 571 руб. 43 коп.; на содержании военно-судной комиссии в Томске для суждения за похищения и перевод золота с частных промыслов и на прибавку аудитору – 226 руб. 10 коп.; на разъезды жандармского штаб-офицера – 500 руб. Итого – 9 297 руб. 53 коп. (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2826. Л. 2).

Если вопрос о финансовом обеспечении жандармского надзора за золотодобычей в Западной Сибири не вызвал острой дискуссии во властных кругах и сумма расхода на него оставалась неизменной на протяжении длительного времени, то этого нельзя сказать о финансовом обеспечении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Восточной Сибири.

Практически сразу же с появлением этого надзора в восточной части Сибири было принято решение назначить для его осуществления находящегося в Енисейской губернии жандармского

подполковника Я.Д. Казимирского, которого хотели назначить еще в 1841 г. на прииски в Западной Сибири, но в силу различных обстоятельств это назначение так и не состоялось. Казимирский активно приступил к выполнению своих новых обязанностей, еще даже официально не заступив в новую должность. В рапорте № 7 от 15 августа 1842 г. на имя начальника жандармского округа Фалькенберга он указывал большое расстояние между золотыми промыслами в Енисейской губернии, что соответственно обернется большими расходами на объезды этих промыслов и необходимостью иметь во время этих объездов собственную жандармскую команду и достаточное количество лошадей на всех. В заключении Казимирский приводил мысль о том, что из четырехрублевого сбора, который платят золотопромышленники в казну с каждого добытого ими фунта золота «...на содержание казацких команд, чиновников и других предметов, что составляет в сложности около 200 тыс. руб. асс., а с увеличением добычи ежегодно должно надеяться и более. Из числа этой суммы ежегодно идет в расход менее одной трети, следовательно, весьма легко и весьма законно определить из этой суммы примерно тысячу рублей серебром ежегодно на все путевые издержки штаб-офицеру, в Восточной Сибири состоящему» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 26 об.).

Кроме своего жандармского начальства, Казимирский обращался к генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту (рапорт № 11 от 2 сентября 1842 г.), где также приводил свои мысли о тех трудностях, с которыми столкнется жандармский чин, объезжая золотые промыслы в регионе. Помимо прочего, Казимирский приложил свой расчет расхода на содержание жандармского штаб-офицера и его команды, а также путевые расходы на объезд приисков. Согласно им, всего понадобится 24 лошади: для штаб-офицера и его команды – 9, на случай заболевших и усталых – 3, для перевозки поклажи и канцелярии – 3, остальные 9 будут определены под перевозку поклажи. Однако Казимирский считал, что из-за больших расстояний переездов желательно иметь еще запасной комплект лошадей в таком же количестве, а всего понадобится 48 лошадей. Далее следовало, что для приобретения и содержания такого количества лошадей, а также закупки для них амуниции потребуется 4 060 руб. Ежегодно на содержание лошадей должно было уйти: на покупку сена – 513 руб. 60 коп., на ковку лошадей, поддержание сбруи и других вещей – 200 руб. Учитывался также ежегодный расход на потерю лошадей – 1 120 руб. Двум жокеям или конюхам из вольнонаемных крестьян, тунгусов или ясачных за полгода следовало заплатить 120 руб. На наем вольных крестьян, если будет необходимость пасти лошадей в одном из округов, – 100 руб. На прогоны для жандарма и его команды для проезда из одного округа в другой и обратно до тех мест, где находятся лошади, – 300 руб. Итого всех расходов по этим расчетам выходило 6 413 руб. 60 коп. асс. (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 64–67 об.).

Не удивительно, что после приведения этих расчетов Казимирский тут же выступил с предложением об увеличении прогонных денег на объезд приисков. Начальник жандармского округа Фалькенберг поддержал предложение Казимирского об ассигновании ежегодно на разъезды жандармского штаб-офицера по приискам Восточной Сибири по 1 000 руб., что нашло отражение в его рапорте на имя Бенкендорфа за № 81 от 19 октября 1842 г., где он также предложил сформировать при жандарме команду из 10 человек конвоя (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 56). В свою очередь, шеф жандармов 23 октября 1842 г. отношением № 4026 обратился к министру финансов Е.Ф. Канкрину, где поддержал идею об ассигновании на путевые расходы по 1 000 руб. сер., приводя доводы как своих непосредственных подчиненных, так и генерал-губернатора Руперта. Так началось довольно активное обсуждение этого вопроса между центральными ведомствами и их начальством, при анализе которого можно увидеть различные взгляды должностных лиц на саму суть жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири.

Министр финансов в своем ответе от 7 ноября 1842 г. за № 909 выступил против идеи ассигнования на разъезды жандармского штаб-офицера по 1 000 руб. сер., мотивируя свой отказ тем, что обоим находящимся в Восточной Сибири горным ревизорам ежегодно на объезды золотых приисков выдается по 300 руб. сер., а они по роду своей службы постоянно находятся в разъездах, на которые указанной суммы вполне достаточно. Соответственно, по мнению министра, жандармский офицер будет делать разъездов не больше, чем горные ревизоры. В итоге министр финансов Канкрин предложил некий компромисс: отпускать сумму на разъезды жандармскому чину не 1 000, а 600 руб. сер. в год, как обоим горным ревизорам одновременно (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 20).

Таким образом, можно предположить, что министр финансов Е.Ф. Канкрин не видел в деятельности жандармов на частных золотых приисках чего-то экстраординарного, настолько важного для Правительства, что заслуживающего увеличенного расхода по сравнению с другими должностными лицами, задействованными в горной промышленности, как упомянутые горные ревизоры. Такая позиция главы Министерства финансов вполне объяснима: в условиях постоянного дефицита бюджета в николаевскую эпоху он пытался сэкономить, как говорится, каждую копейку, стараясь как можно больше доходов от золотопромышленности сохранять в казне государства.

Однако у шефа жандармов Бенкендорфа была противоположная позиция по этому вопросу. Для него жандармский надзор являлся важнейшим средством, можно сказать, правительственным оком за состоянием дел в золотопромышленной сфере, способом предотвращать массовые волнения рабочих, выявлять злоупотребления со стороны владельцев предприятий, чтобы опять же не довести

рабочих до новых выступлений. Поэтому он не жалел для своих подчиненных средств на выполнение ими должностных обязанностей, считая, что они ни в коем случае не должны быть материально стеснены и не прибегали к помощи тех же золотопромышленников, за деятельностью которых они обязывались наблюдать. В своем ответе Канкрину от 12 ноября 1842 г. за № 4255 он продолжал настаивать на увеличении суммы на путевые расходы жандармскому штаб-офицеру в Восточной Сибири до 1 000 руб. сер., мотивируя это тем, «что горные ревизоры, отдельные заседатели и горные отводчики площадей сверх получаемых ими на разъезды денег пользуются пособием золотопромышленников, как уведомил меня о том генерал-губернатор Восточной Сибири, присовокупив, что без оных они лишены были бы всякой возможности совершать объезды, почему, принимая обстоятельство сие в соображение и признавая необходимым освободить штаб-офицера Корпуса жандармов от всякой зависимости для достижения ожидаемой пользы от сего назначения, я приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не изволите ли Вы признать возможным довершить уже оказанное Вами благосклонное внимание к ходатайству моему – назначить сему штаб-офицеру на разъезды по тысяче рублей серебром ежегодно» (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 21–21 об.).

В итоге Канкрин «сдался», возможно признав обстоятельными доводы Бенкендорфа либо не желая дальнейшим своим отказом ухудшать отношения с шефом жандармов, и в своем ответе от 30 ноября 1842 г. за № 966 согласился об увеличении суммы до 1 000 руб., прося назвать время и место, где, по мнению Бенкендорфа, желательно было бы получать эти деньги, «дабы я мог своевременно сделать зависящее от меня по этому предмету распоряжение» (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 31 об.). Шеф жандармов с искренним пониманием и уважением отнесся к такому согласию министра финансов, написав ему 5 декабря того же года, что удобнее всего было бы выдавать эти деньги в Красноярске в марте, т.е. в то же самое время, что и получал средства жандармский штаб-офицер, состоящий на приисках в Западной Сибири. Практически сразу же Канкрин сделал зависящее от него распоряжение, чтобы означенную сумму жандармскому чину в марте предстоящего 1843 г. выдали из средств Енисейской казенной палаты (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 35, 36).

Однако на этом история с ассигнованием средств на разъезды не закончилась. Достаточно скоро выяснилось, что для покрытия всех путевых расходов жандармского штаб-офицера суммы в 1 000 руб. сер. явно недостаточно и необходимо требовать от финансового ведомства ее увеличения. Снова заработала та же схема отношений между должностными лицами, заинтересованными в этом вопросе: жандармский подполковник Я.Д. Казимирский – генерал-губернатор В.Я. Руперт – шеф жандармов А.Х. Бенкендорф. Последний опять же напрямую 4 июня 1843 г. за № 1945 обратился отношением к товарищу (заместителю) министра финансов Ф.П. Вронченко, говоря, что, передвигаясь между приисками, разбросанными на большом расстоянии друг от друга, имея под своим начальством 8 человек рядовых жандармов и одного писаря, используя во время переездов минимум 15 лошадей, суммы в 1 000 руб. сер. явно мало, поэтому необходимо ее увеличить вдвое (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 44–45).

Ф.П. Вронченко уклонился от прямого ответа, посоветовав с этим вопросом обратиться напрямую к самому министру финансов, когда он вернется из своей заграничной поездки, что и было написано им в отношении на имя Бенкендорфа 28 июня 1843 г. Когда велась эта переписка, жандармский подполковник Казимирский приступил к своим обязанностям, объезжая расположенные в Енисейской губернии прииски и воочию столкнувшись с многочисленными трудностями на своем пути. Поэтому нет ничего удивительного, что Казимирский 18 июня 1843 г., рапортом № 82 обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Руперту, где привел информацию о тех трудностях, с которыми он столкнулся в тайге. Далее эта же информация дошла до Бенкендорфа, а тот 2 сентября 1843 г. снова обратился к товарищу министра финансов, где привел сведения об этих трудностях и в итоге просил увеличить сумму расходов уже до 3 000 руб. сер. (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 82–87). Вронченко опять предстояло отвечать за министра финансов, поэтому он снова уклонился от прямого ответа, заявив, что уже не сможет увеличить смету расходов на этот год, поэтому жандармский штаб-офицер получит в 1843 г., как обговаривалось раньше, 1 000 руб. сер. на свои разъезды, «что же касается до назначения по новой смете, то сие уже зависеть будет от соображения г. Министра финансов, которому и будет предложено помянутое отношение Вашего Сиятельства [т.е. Бенкендорфа. – П.Р.]» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542. Л. 90–90 об.).

К этому времени закончился первый год пребывания Я.Д. Казимирского в своей должности, именно в 1843 г. он впервые совершил объезды приисков в соответствии со своей должностной инструкцией. По истечении промысловой операции он, как того требовала опять же эта инструкция, составил годовой отчет о состоянии частной золотопромышленности в 1843 г. в Восточной Сибири. Отчет адресовался генерал-губернатору Восточной Сибири и начальнику Сибирского жандармского округа, а уже от них он поступил к А.Х. Бенкендорфу. Шеф жандармов очень высоко оценил проделанную работу и в своем отношении к Казимирскому от 31 января 1844 г. за № 449 написал, что Казимирский подтвердил правильность выбора его кандидатуры на известную должность и отметил, что сам «отчет изображает действия Ваши совершенно удовлетворяющие действиям Правительства; пользам для казны и выгодам золотопромышленников...». Более того, Бенкендорф представил этот

отчет императору и тот, «удостоив прочесть оный с любопытством, повелеть мне соизволил объявить Вам за этот полезный труд Высочайшую благодарность» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593. Л. 165).

Не будем подробно останавливаться на содержании этого отчета, лишь укажем один ключевой момент для нашего исследования. Из отчета следует, что Казимирский объездил все три золотоносные системы в Енисейской губернии – Бирюсинскую, Питскую и Удереискую. Сопровождала его команда из 8 жандармов и 1 писаря, т.е. всего вместе с Казимирским было 10 человек. Отчет его изобилует красочными описаниями многочисленных трудностей, с которыми они столкнулись на своем пути. Подводя итоги своих поездок, Казимирский указывает, что его команда проделала следующий путь: верховой езды по тайге и промыслам – около 1 350 верст, почтовым трактом – 1 740 верст, в лодках по Енисею и Тунгуске – 240 верст, что в общей сложности дает путь 3 330 верст, – и все это в течение одного лета в условиях необжитой тайги!

Одна из главных трудностей, по мнению жандармского подполковника, заключается в нехватке необходимого количества лошадей для таких объездов. И это несмотря на то, что некоторые золотопромышленники предоставляли команде Казимирского своих лошадей, чего так не хотело жандармское начальство, т.к. это вело к зависимости представляющей здесь интересы Правительства жандармской власти от золотодобытчиков. Резюмируя результаты своих поездок, Казимирский приходит к выводу, что для постоянных объездов необходимо содержать собственных лошадей, хотя покупка их и содержание обошлись бы в немалую сумму. По его подсчетам, жандармскому штаб-офицеру с командой необходимо иметь не менее 25 лошадей вместе с запасными, а их ежегодное содержание в таежных условиях выйдет в сумму 8 750 руб. асс. (РГИА. Ф. 37. Оп. 40. Д. 28. Л. 64–72).

Напомним, что за год, еще не приступив к выполнению своих обязанностей, исходя из теоретических расчетов, Казимирский писал, что для его команды потребуется два комплекта лошадей (один основной, один запасной), в каждом должно быть по 24 лошади, на покупку и ежегодное содержание всех 48 лошадей должно было бы уйти 4 060 руб. асс. Теперь же он пишет, что покупка и содержание 25 лошадей обойдется в 8 750 руб. асс., т.е. в два с лишним раза больше, чем первоначально планировалось, и это, не включая расхода на содержание жандармской команды. Такая цифра расхода и заставила всех заинтересованных в сохранении независимого положения жандармского надзора снова добиваться увеличения суммы расхода на путевые расходы жандарма на частных золотых приисках в Восточной Сибири. Последнее и объясняет появление в их требованиях цифры в 3 000 руб. сер.

Отстаивая необходимость увеличения расходов на разъезды, А.Х. Бенкендорф, как опытный сановник, пошел по проверенному пути – привлек на свою сторону Николая I, скорее всего, не случайно представив монаршему вниманию отчет Казимирского о развитии золотопромышленности в Восточной Сибири за 1843 г., знакомя царя с теми проблемами, с которыми столкнулся жандармский подполковник. В результате обширной межведомственной переписки и заседаний было принято следующее решение: 3 марта 1844 г. император высочайше соизволил удвоить сумму на разъезды по золотым промыслам Восточной Сибири, доведя ее до 2 тыс. руб. сер. в год за счет средств, получаемых с четырехрублевого сбора, уплачиваемого золотопромышленниками за каждый добываемый фунт лигатурного золота, и включить эту сумму на будущий год в смету расходов по надзору за золотыми промыслами в Сибири. При этом Министерство финансов все-таки «вставило свои пять копеек», преследуя цель сокращения расходов на содержание жандармской команды, и рекомендовало жандармскому подполковнику Казимирскому «иметь с собой во время разъездов по промыслам меньшее по возможности число жандармов, ограничиваясь в них существенной лишь надобностью» (РГИА. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314. Л. 63–65). Деньги эти, как и раньше, жандармскому чину следовало получать из средств Енисейской казенной палаты.

А.Х. Бенкендорф 13 марта того же года извещал об этой своеобразной победе своих «союзников» в данном вопросе – генерал-майора Н.Я. Фалькенберга и генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. Это достижение цели стало возможным, как уже говорилось, при поддержке царя, а также, возможно, по той причине, что Министерство финансов к этому времени уже фактически возглавил участвовавший в этом деле Ф.П. Вронченко, который, по многочисленным сведениям, не являлся предприимчивым сановником, а всего лишь слепо выполнял монаршую волю, и в этом вопросе он не стал перечить государю, в то время как его предшественник Е.Ф. Канкрин был более самостоятельной фигурой в высших эшелонах власти и вполне мог попытаться выступить против увеличения расходов на жандармский надзор в Сибири.

При этом необходимо отметить, что самому шефу жандармов, для которого крайне важным казалось добиться независимого положения подчиненных управляемого им корпуса от региональной власти и частных лиц, участие в этом вопросе стоило немало сил и хлопот. К тому времени он уже испытывал тяжелые проблемы со здоровьем, и, видимо, решение этого вопроса также отобрало у него достаточно сил. В сентябре того же 1844 г. А.Х. Бенкендорф скончался.

В следующие годы указанная сумма в 2 000 руб. сер. выдавалась ежегодно штаб-офицеру Корпуса жандармов для его объездов по частным приискам в Восточной Сибири. Однако в 50-е гг. XIX в. ситуация с жандармским надзором за золотодобычей на сибирских землях изменилась. В это время в тайге уже не было зафиксировано таких крупных выступлений рабочих, как это произошло десятью – пятнадцатью годами ранее. Тем самым исчезала здесь главная функция жандармского

надзора – пресечение выступлений рабочих через механизм наблюдения за положением дел на приисках, донесение своему начальству и генерал-губернаторской власти обо всех происходящих событиях, нарушениях, злоупотреблениях, оказание помощи в расследованиях происшествий. Поэтому нет ничего удивительного, что в 1850-е гг. различные должностные лица, в том числе и жандармские чины, стали выступать с инициативой о необходимости ликвидации должностей жандармских штаб-офицеров, находившихся на приисках в Западной и Восточной Сибири, и распределении их функций между губернскими жандармскими управлениями – Томским, Енисейским и Иркутским – с выделением им тех сумм на разъезды, которыми пользовались ранее жандармские офицеры, состоящие на золотых приисках. В итоге эта идея получила самую высокую поддержку, и 23 апреля 1858 г. вышел высочайший указ об упразднении должностей двух штаб-офицеров на золотых приисках в Сибири с их управлением и распределением их функций наблюдения за промыслами и денег на разъезды на жандармских штаб-офицеров в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях (ПСЗРИ-2. Т. 33. Отд. 1-е. № 33049. С. 492).

5. Заключение

Резюмируя все сказанное, можно сделать следующие выводы. Анализ вопроса о финансовом обеспечении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной и Восточной Сибири демонстрирует интересы различных ведомств, которые по-разному смотрели на суть этого надзора и, соответственно, по-своему видели задачи, возлагаемые на проводников этого надзора. Исследование данного вопроса демонстрирует механизм взаимодействия, отношений между различными уровнями власти в рассматриваемое время. Так, само жандармское ведомство в союзе с генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири видело в таких жандармах проводников правительственной политики надзора за сибирской золотопромышленностью. Соответственно, они считали, что жандармские чины не должны быть стеснены в средствах для осуществления своих прямых служебных обязанностей, а также не должны быть в зависимом положении от золотопромышленников и тем самым честно выполнять свою работу, имея объективный взгляд на события в золотопромышленном мире изнутри. Министерство финансов, от которого зависело выделение денежных средств на путевые расходы жандармским чинам, не видело, что последние выполняют важнейшую правительственную задачу, а следовательно, не нуждаются в дополнительном ассигновании средств и вполне могут обходиться теми суммами, которые выделяются на объезды горным ревизорам. Однако жандармское начальство в лице самого шефа Корпуса А.Х. Бенкендорфа смогло пролоббировать свой интерес об увеличении суммы на путевые расходы жандармским штаб-офицерам для объездов приисков в Восточной Сибири. При этом не обошлось без привлечения самого сильного административного ресурса того времени в лице императора Николая I, проявившего интерес к жандармскому надзору за частной золотопромышленностью и давшего добро на увеличение означенных расходов. Скорее всего, по-другому в то время нельзя было добиться достижения этой цели. Выделенные суммы вполне оказались достаточными для того, чтобы жандармские чины совершали объезды по приискам, разбросанным на огромном пространстве как западной, так и восточной части Сибири, по крайней мере, в дальнейшие годы вопрос об увеличении этих сумм больше уже не поднимался. Результатами этих поездок стал большой массив жандармской документации о состоянии дел в золотопромышленной сфере, являющейся важным историческим источником.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-2135.2018.6).

7. Примечания

¹ Необходимо напомнить, что в это время проводилась денежная реформа, получившая название в честь министра финансов Е.Ф. Канкрин, главного ее инициатора. Суть ее сводилась к выводу из обращения старых бумажных ассигнаций, курс которых постоянно подвергался колебаниям. Сама реформа началась в 1839 г. с введения кредитного рубля, приравненного к 1 рублю серебром. С 1843 г. начнется обмен старых ассигнаций на кредитные рубли из расчета 3,5 к 1.

Литература

Бакиш, Румянцев, 2016 – Бакиш Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 6 (44). С. 5–10.

Бакиш, 2017 – Бакиш Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 5–11.

Бибиков, Бакиш, 2016 – Бибиков Г.Н., Бакиш Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 3 (41). С. 16–24.

Бибиков, 2017 – Бибиков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // *Исторический архив*. 2017. № 2. С. 166–171.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.

Зиновьев, 2009 – Зиновьев В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке / *Документ в контексте истории: Материалы II Международ. науч. конф. Омск*, 2009. С. 28–33.

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1884.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Семевский, 1898 – Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 1.

Baker, 2005 – Baker D. *Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia*. Melbourne, 2005.

McDowell, 2004 – McDowell A. Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines // *Law & Social Inquiry*. 2004. No 4. pp. 771–818.

Segal, 2009 – Segal N. Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920 // *Labour History*. 2009. No 97. pp. 37–52.

References

Baksht, Rummyantsev, 2016 – Baksht D.A., Rummyantsev P.P. (2016). «Zhendarskij nadzor» za chastnoj zolotopromyshlennost'ju v Sibiri (1870–1880-e gg.): ego sushhnost', formy i problemy realizacii ["The Gendarme supervision" of a private gold mining in Siberia (1870–1880-ies): his essence, forms and problems of realization]. *Tomsk State University Journal of History*, 6 (44). pp. 5–10. [in Russian]

Baksht, 2017 – Baksht D.A. (2017). Praktika naznachenija oficerov korpusa zhendarsmov, upolnomochennyh po nadzoru za chastnoj sibirskoj zolotopromyshlennost'ju v pervoj polovine XIX v. [About the appointment of gendarmierie officers, authorized in supervision of the private Siberian gold mining in the first half of the XIX century]. *Tomsk State University Journal of History*, 50. pp. 5–10. [in Russian]

Bibikov, Baksht, 2016 – Bibikov G.N., Baksht D.A. (2016). Uchrezhdenie zhendarskogo nadzora na zolotykh priiskah Sibiri v 1841–1842 gg. [The establishing of gendarmierie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842]. *Tomsk State University Journal of History*, 3 (41). pp. 16–24. [in Russian]

Bibikov, 2017 – Bibikov G.N. (2017). «Chtoby rabochie ljudi, na promyslah nahodjashiesja, sostojali v nadlezhashhem povinovenii mestnym vlastjam». Instrukcii zhendarskim shtab-oficeram na zolotykh promyslah Zapadnoj i Vostochnoj Sibiri. 1842 g. ["So that the working people in the fields that are located are properly subordinate to the local authorities." Instructions to gendarme headquarters officers in the gold fields of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Historical archive*, 2. pp. 166–171. [in Russian]

ГАРФ – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of Russian Federation].

ГИАОО – Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [State historical archive of Omsk region].

Zinov'ev, 2009 – Zinov'ev V.P. (2009). Zhendarsmo-policejskaja otchetnost' kak istochnik po social'nomu obliku rabochih Sibiri v XIX veke [Gendarmes and police reports as a source of social appearance of the workers in Siberia in the 19th century]. *The document in the context of history: Proc. of the 2nd International Conference*. Omsk, pp. 28–33. [in Russian]

ПСЗРИ-II – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection]. St.-Petersburg, The printing house of the II Department of His Own Imperial Majesty's Office, 1830–1884. [in Russian]

РГИА – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Semevskij, 1898 – Semevskij V.I. (1898). Rabochie na sibirskih zolotykh promyslah [Workers in the Siberian gold mines]. S-Petersburg. Vol. 1. [in Russian]

Baker, 2005 – Baker D. (2005). *Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia*. Melbourne.

McDowell, 2004 – McDowell A. (2004). Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines. *Law & Social Inquiry*, Vol. 4, pp 771–818.

Segal, 2009 – Segal N. (2009). Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920. *Labour History*, Vol. 97. pp. 37–52.

Финансовое обеспечение жандармского надзора за золотопромышленностью в Сибири в середине XIX в.

Петр Петрович Румянцев ^{а, *}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса финансового обеспечения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в середине XIX в.

В статье также рассматриваются такие вопросы, как выявление материальных потребностей жандармских чинов в вопросе финансового обеспечения их деятельности, установление способов решения этого вопроса, а также выявление механизмов взаимоотношения между различными властными уровнями в решении данного вопроса.

Источниками для написания статьи стала, в первую очередь, документация жандармского ведомства, находящаяся на хранении в центральных и региональных архивах России.

Исследование основывается на применении таких методов исторической науки, как нарративный, историко-генетический и сравнительно-исторический.

В процессе исследования автором сделаны следующие выводы: анализ вопроса о финансовом обеспечении жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной и Восточной Сибири демонстрирует интересы различных ведомств, которые по-разному смотрели на суть этого надзора и по-своему видели задачи, возлагаемые на проводников этого надзора. Корпус жандармов вместе с генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири видели в жандармах проводников правительственной политики надзора за сибирской золотопромышленностью. Они считали, что жандармские офицеры не должны быть стеснены в средствах для осуществления своих прямых служебных обязанностей, а также не должны быть зависимы от золотопромышленников. Министерство финансов, от которого зависело выделение денежных средств на путевые расходы жандармским чинам, не считало, что последние выполняют важнейшую правительственную задачу, а соответственно, не нуждаются в дополнительном ассигновании средств. В процессе этого противостояния ведомств победу одержала жандармерия, позицию которой поддержал сам царь, и жандармы в дальнейшем получали достаточно средств для объездов золотых приисков. Результатами этих поездок стал большой массив жандармской документации о состоянии дел в золотопромышленной сфере, которая является важным историческим источником.

Ключевые слова: Корпус жандармов, жандармский надзор, полиция, Сибирь, прииски, финансы, генерал-губернатор, А.Х. Бенкендорф.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petroom@mail.ru (П.П. Румянцев)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1149-1158. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1149
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Features of the Land Policy of the Tsarist Administration in Semirech'ye in the second half of XIX century

Lyazzat A. Bissembayeva^{a, *}, Bakhytzhan S. Aimbetov^b, Berik T. Zhubanyshov^a, Bibijamal K. Omarova^c

^a Kazakh State Women Pedagogical University, Kazakhstan

^b Kazakh National University named after Al-Farabi, Kazakhstan

^c Medical University of Astana, Kazakhstan

Abstract

The article deals the features of the land policy of the tsarist administration in the Semirechensk region in the second half of the XIX century. Research the features of development of Kazakh nomadic land use in the period under review, the presence of tillage, the impact of the imposed administrative measures on the traditional culture of nomads. The reflected are main stages of the decision of the land device in the region, distinctive features of land use at semirechensky Cossacks. As a result of research was found out that the local population did not oppose the reforms of the land policy of the Russian authorities in the Semirechensk region. This was a decisive factor for the adaptation of migrants in new places. The administration planned the prosperity of agriculture at the expense of immigrants from Russia and Eastern Turkestan. This intention in some way met their expectations. The indigenous population, Kazakhs, were engaged in cattle breeding. It is not surprising that the Russians were skilled farmers compared to the indigenous population. The local administration made efforts to develop effective land use and attracted more Kazakhs in this direction. By the end of the XIX century there were appeared Russian-Kazakh settlements of peasants for the development of land management. The land policy of the tsarist administration to determine the nomadic routes of the Kazakhs did not cause much resistance, because it was carried out on the basis of equality and proceeded to solve this problem. For this reason, the situation in the region remained stable in inter ethnic issues. Semirechenskaya oblast differed from other regions of the Russian Empire in its multi-ethnicity, and it is known that the causes of ethnic conflicts lie in the lack of equality and justice of the current government.

Keywords: land policy, administration, the Cossacks, the peasants, the cultivating, the land, Semirech'ye, the Governor.

1. Введение

В отличие от степных областей и южных регионов Казахской степи решение вопроса о поземельном устройстве в Семиреченском крае имело свои особенности, обусловленные в немалой степени местными условиями. В силу природно-климатических условий традиционное кочевое хозяйство казахов в данном регионе издревле сочеталось с естественно орошаемым (богарным) земледелием. О наличии земледельческого хозяйства у казахов Старшего жуза еще в первой половине XIX в. указывали многие дореволюционные авторы, побывавшие в Семиречье.

В частности, в путевых записях лекаря Омского гарнизонного полка Ф.К. Зибберштейна, посетившего в 1825 г. долины рек Или и Чилик, говорится, что «места на оной избыточествуют хорошими травами и хлебопашеством, чему способствует упомянутая речка Чалек...» (Путевые

* Corresponding author

E-mail addresses: rusbek_1492@mail.ru (L.A. Bissembayeva), rusbek_1492@mail.ru (B.S. Aimbetov), Mr.berik1973@mail.ru (B.T. Zhubanyshov), omarova.bibizhamal@mail.ru (B.K. Omarova)

замечания лекаря..., 2007: 231). Свидетельства о развитии земледелия в регионе Семиречье в указанный период выявлены Н.К. Байбагатовой и в исследованиях С. Броневского и С.П. Семенова. Наряду с этим, историографический анализ осуществленных исследований последних десятилетий показал, что с середины XIX в. в жизнедеятельности казахов начали происходить значительные социально-экономические изменения. В структуре традиционного степного хозяйства намечаются существенные перемены, вызванные как административно-политическими, так и этнокультурными факторами.

Наблюдается трансформация традиционного скотоводческого хозяйства, отмеченная процессом постепенного оседания казахов кочевников, развитием сенокосения и земледелия. Более широкое распространение получают стационарные поселения на зимовках с наличием загонов для скота и сенокосными угодьями. Интенсивнее эти процессы происходят в Северном, Восточном и Южном Казахстане, в том числе Семиреченском регионе. И существенную роль в этом сыграла определенная административно-территориальная политика Российской империи, направленная на свободные перемещения местных жителей и упорядочение вопросов землепользования в Казахской степи в соответствии с запросами властей.

В данном исследовании авторами предпринимаются попытка проанализировать основные аспекты землеустройства в Семиреченском крае во второй половине XIX в. Исследуется воздействие административно-территориальных и правовых актов имперских властей на решение поземельного вопроса, влияние переселенческой политики на социально-экономическую ситуацию в указанном регионе.

2. Материалы и методы

2.1. Исходя из характера материалов, источники данного исследования, можно разделить на две группы:

- законодательные акты Царской власти («Указ об образовании Семиреченской области» 1867 г.; «Положение» об административном управлении Семиреченской области. 1868г.; «Приказ» о переселенческом фонде 1881 г. и т.д.);
- архивные документы (материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, материалы записей обычного права казахов, переписки между российскими и казахскими властями, документы личного характера).

2.2. Методологическая основа исследования состоит из современных методологических подходов и принципов, направленных на переосмысление процессов. Общенаучные методы исследования включают такие принципы, как историческое познание, историзм, объективность и др., а также теоретические выводы и положения ведущих ученых, сформулировавших основополагающие принципы исторического исследования. В определении роли царской администрации в управлении коренным населением мы применили сравнительно-исторический метод, методы анализа и синтеза; опираясь на архивные материалы, мы попытались охарактеризовать параметры межэтнических изменений, а также перемены социального уровня местных жителей.

3. Обсуждение

Говоря о степени разработанности данной проблемы, сразу же нужно отметить, что в русской историографии XIX – начала XX веков в советской исторической науке, в исследованиях независимого периода Казахстана были рассмотрены некоторые аспекты данной темы, но она не стала объектом специального изучения исследователей. Многие ученые наибольший интерес проявляли к другим областям Туркестанского генерал-губернаторства. Например, в дореволюционном периоде сведения о трудах В.В. Бартольда, Н.А. Аристова, и А.А. Кауфмана и других сыграли огромную роль в изучении истории Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. Но вышеуказанные авторы особо не упоминали об истории Семиречья в процессе вхождения в состав Российской империи. Среди них можно отметить сведения из труда Н.А. Аристова «Труды по истории и этническому составу тюркских племен» (Аристов, 2003а). Его работа о жизни региона носит ретроспективный характер, потому что автор некоторое время жил в Семиречье и занимал важные государственные должности. С 1 сентября 1871 по 22 февраля 1872 гг. он возглавлял Канцелярию по кульджинским делам, одновременно оставаясь в должности начальника отделения Семиреченского областного правления. Также непосредственно участвовал в штурме и взятии города-крепости Кульджа в 1871 году. Он в своем сборнике материалов подробно описал отношения местных племен к царской администрации, проанализировав результаты политических реформ местной власти.

Следует отметить труд Ч.Ч. Валиханова «Очерки Джунгарии» (Валиханов, 1985), который посвящен изучению исторических процессов края. Ч.Ч. Валиханов в своей работе достаточно четко характеризует начальный процесс освоения региона русской властью. Автор вкратце останавливается на своем путешествии в Кашгар, а затем описывает первый его этап – путь с кокандским караваном по территории Русской Джунгарии (Семиречья).

В раннесоветский период об административной политике царской власти в дореволюционном Семиречье не упоминалось, так как в национальной политике главенствовала идеология стирания национальных различий при большевизме.

Первые обобщающие публикации о русском переселенческом сообществе в Семиречье и земельной реформе местного управления появились довольно поздно, в 1980–1990-е гг. В данных работах воссоздается процесс освоения Семиречья русскими переселенцами и устройством переселенческих поселков, а также основное внимание уделяется проблемам землепользования, размежевания наделов между пришлым и коренным населением края. В современной исторической науке актуальным является исследование механизма вхождения Семиречья в сферу влияния Российской империи, в связи с чем актуальными становятся работы казахстанских авторов М.К. Койгелдиева, М.Р. Сатаевой, Р.О. Оразова и т.д.

Как отметил историк М.К. Койгелдиев в своем труде «Семиречье в период власти Российской империи (XIX в. – 1917 г.)», российская администрация при решении вопросов землепользования в Казахской степи придерживалась следующей схемы: 1) определение особенностей использования земельного фонда местным населением в повседневной жизни, форм собственности на землю и на основе этого анализа выявление основных принципов политики России по земельному вопросу; 2) система землепользования до вхождения региона в состав империи и решение земельного вопроса после введения новой системы управления краем (аул, волость, уезд и область); 3) проведение планомерной политики переселения крестьян из внутренних губерний Российской империи на данную территорию и создание «переселенческого фонда»; 4) по мере возможности создание условий перехода казахского населения к оседлому ведению хозяйства (Койгелдиев, 2004: 134). В представленной работе автор выявляет основные социокультурные характеристики первых русских переселенцев в дореволюционном Семиречье, опираясь на материалы о переселенческом деле в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Тем не менее, исследователи в меньшей степени анализировали социокультурные характеристики переселенческого сообщества, земельную политику царской власти в данном регионе, включая этнографические заметки о быте переселенцев, их взаимодействии с коренным населением региона.

Также имеется ряд зарубежных исследований по общим политико-экономическим процессам Туркестанского генерал-губернаторства. К числу работ зарубежной историографии можно отнести труды Дж. Аббота «Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism» (Abbott, 1884), Б. Жокелсона «Peoples of Asiatic Russia» (Jochelson, 1928), М. Холдсворта «Turkestan in the nineteenth century» (Holdworth, 1959) и т.д. В их работах частично рассматривается процесс вхождения Семиречья в состав империи и роль региона в российско-цинских отношениях. Одним из первых исследователей, рассмотревших историю Средней Азии в составе Российской империи в комплексе, является М. Холдсворт. В ее обобщающей монографии «Turkestan in the nineteenth century» (Holdworth, 1959) история региона рассмотрена во взаимосвязи с политической историей, с особенностями административной системы, земельной собственностью, с экономическим развитием и культурной жизнью.

4. Результаты

Одними из первых, ощутивших на себе влияние административно-территориальных реформ царской власти в Семиречье, оказались казахские роды Старшего жуза племени жалайыр. Так, в 1848 г. вследствие обострившихся территориальных споров, возникших между найманами Среднего жуза, подведомственными Аягузскому окружному приказу, и вступившими позднее в российское подданство жалайырами Старшего жуза, была учреждена особая комиссия под руководством пристава «при киргизах Большой орды» майора барона Врангеля и Аягузского заседателя Сухомлинова. Доказательства, изложенные найманами и жалайырами на право владения спорными землями, были представлены на благоусмотрение генерал-губернатору Западной Сибири князю В.Д. Горчакову. Жалайыры заявляли свои притязания на все земли, расположенные к северу от р. Каратал, вплоть до р. Лепсы. С другой стороны, найманы Среднего жуза, занявшие эти земли до р. Каратал считали их собственными владениями. Чтобы прекратить разногласия между указанными «разноордынцами», генерал-губернатор предписал «установить постоянную между их землями границу, сообразно действительным правам владения той и другой стороны» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 501. Л. 37). Основываясь на сведениях пограничного начальника полковника Клейста и пристава «киргизов Большой орды» майора барона Врангеля, генерал-губернатор Западной Сибири В.Д. Горчаков принял решение в пользу найманов, мотивируя этом тем, что казахи Среднего жуза «занимали эти кочевки с давнего времени и владели ими при открытии в 1831 году Аягузского внешнего приказа» (Аристов, 2003b: 320).

Было решено провести пограничную черту между кочевьями найманов и жалайыров: «от вершины речки Балыкты, по хребту Джон, чрез урочище Кум-Тюбе до сопки Ак-Тюбе, лежащей при устье р. Каратал». Таким образом, в результате произведенных разграничений земли, расположенные по правую сторону р. Каратал, отходили казахским родам племени жалайыр Старшего жуза. Однако часть кочевков жалайыров, располагавшихся на левобережье означенной реки,

перешли во владение найманов Среднего жуза. И как показывают осуществленные исследования, данный факт является лишь одним из эпизодов многолетних земельных споров, возникавших между найманами Среднего жуза и жалайырами и порой доходивших до вооруженных столкновений, выходивших далеко за рамки традиционной межродовой барынты (Далаева, 2012: 78).

На первых порах местная российская администрация вознаграждала казахское население, главным образом султанов и биев, за эффективное пользование землей. Так, Т.Т. Далаева указывает, что для решения таких вопросов западно-сибирская администрация создала специальную Комиссию, которая определяла размеры и местонахождение земельных участков для поселенцев, причем «...земли, удобной под хлебопашество, сенокосение, пастбищ, огородов, выгона скота» (Далаева, 2012: 99). К подобного рода постановлениям прилагались специальные акты с указанием отчуждаемых урочищ, какие и кому уступаются. Как правило, отвод земли для переселенцев должен был производиться посредством землемеров в присутствии доверенных лиц (депутатов) от казахов.

Так, при переселении весной 1860 г. в Заилийский край (Семиречье – С.М.) казаков 9-го Сибирского полка вместе с семьями начальнику Алатауского округа Колпаковскому было предписано обеспечить новоприбывших поселенцев сенокосными землями. В качестве доверенных лиц (депутатов) от родовых групп дулат и шапырашты присутствовали: от батыра Суранши – прапорщик Джентель Акымбетов и от Джайнака Караталова – его брат Байсутур (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 58. Л. 4).

Как уже сказано выше, сложность решения поземельного устройства в Семиреченском крае обуславливалась рядом немаловажных факторов. В частности, процесс присоединения земель Младшего и Среднего жузов к Российской империи, строительство на их территориях цепи оборонительных укреплений, порой глубоко вклинивавшихся в ареал местообитания казахских родов и племен, а также введение нового административно-территориального управления, в том числе создание округов, привели к тому, что многие казахские родо-племенные объединения вынуждены были сместить свои традиционные маршруты кочевания в сторону Южного Казахстана и Семиречья.

Не меньшую роль в обострении земельного вопроса в регионе сыграла и внешнеполитическая ситуация, сложившаяся на сопредельных с Семиречьем западно-китайских территориях. К примеру, вплоть до начала 60-х XIX в. казахские рода Старшего жуза племени албан и суан, управляемые старшим султаном Тезеком Аблайхановым, имели возможность беспрепятственно кочевать на пограничных землях как российских, так и китайских владений в Семиречье. Летние кочевки албан и суан находились на российской территории, а зимние располагались в пределах Китая. С началом процесса российско-китайского разграничения в 1860 г. и в связи с окончательным переходом означенных родов Старшего жуза в российское подданство они утратили часть своих кочевий, расположенных на китайской стороне, вследствие чего эти рода вынуждены были посягнуть на кочевья, принадлежащие другим родо-племенным группам Старшего жуза.

Основным аспектом земельной политики царской администрации края являлся отвод земель под устройство казачьих и крестьянских поселений. Однако прежде чем приступить к реализации данного плана российской администрации необходимо было упорядочить ситуацию с казахскими родами, определив им места для постоянного проживания. В ноябре 1861 г. начальник Алатауского округа Г.А. Колпаковский обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с представлением о командировании в Семиреченский край «четырех топографов при офицере, на которых возложить произвести при киргизских депутатах со всех трех главных родов Большой орды подробную съемку летних и зимних кочевьев киргиз и составить всем угодым описание» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 146. Л. 3). По окончании топографических замеров, по замыслу Г.А. Колпаковского, предполагалось создать из трех старших султанов и почетнейших биев при участии помощника начальника округа «особую комиссию, которая бы могла раз и навсегда определить каждому роду свои зимние и летние кочевья».

Представление начальника Алатауского округа было одобрено, но вместо офицера и четырех топографов в округ были командированы один топограф и офицер. При этом на предложение Г.А. Колпаковского «определить раз и навсегда каждому роду зимние и летние кочевки» начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Кройерус ответил, что «на предстоящее разграничение земель Большой орды можно смотреть не иначе, как на временное только распоряжение для прекращения междоусобных ссор киргиз, а отнюдь не как на формальное отделение земель в постоянное вечное и неприкосновенное пользование киргиз, и карты кочевьям каждого рода, которые составятся, не будут документами на владение» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 146. Л. 6).

Впоследствии с возобновлением переговоров России с Китаем по определению границ империй размежевание земель родов Старшего жуза не было осуществлено в полной мере, отложившись на неопределенный срок. А тем временем межродовые усобицы за право владения теми или иными кочевьями продолжились. Общеизвестно, что специфический характер кочевого скотоводческого хозяйствования не предусматривал частной поземельной собственности на землю. Экономическое и политическое превосходство представителей казахской знати основывалось, прежде всего, на праве распоряжения общинной землей. А поскольку в период внедрения российской административно-правовой и территориальной системы управления путем создания в казахских степях округов,

российская администрация в качестве посредников между кочевыми объединениями и имперской властью избрала местную аристократию в лице султанов – чингизидов.

С этой целью местные власти наделяли отдельных представителей султанского сословия определенными правами фактического монопольного владения некоторыми зимними и летними кочевками, формально находившимися в распоряжении всего подведомственного управлению родоплеменного объединения.

Но тем временем, к концу XIX в., российские власти, в достаточной степени укрепив свои позиции в казахских степях, приступили к полной ликвидации особых привилегий представителей бывшей степной аристократии – султанов, окончательно уравнивая их в правах с рядовыми казахами кочевниками. По причине уменьшения политического и экономического влияния султанского сословия российская администрация уже не считала нужным сохранять их наследственное право землевладения. Так, в последующих документах вышеуказанного архивного дела говорится, что «...потомство Тезека (султан), и без того своей заносчивостью, при отсутствии каких-либо заслуг, возбуждавшую всеобщую нелюбовь, делается ненавистно населению, которое поставило себе целью по возможности им вредить...» (Бекмаханов, 2005: 79). И поэтому администрация степного генерал-губернатора пришла к заключению, что «предоставление вдовам султана Тезека после решения чрезвычайного съезда и областной администрации всех земель, на кои они претендуют, поселит в них убеждение, что эти земли от них неотъемлемы, что может повлечь за собой немалые затруднения в будущем». И исходя из этих соображений, канцелярия степного генерал-губернаторства сочла необходимым «вдовам султана Тезека в ходатайстве их о предоставлении им урочища Синерли, Караходжур, Джаман Алтын-Эмель и Урюкты отказать; о чем и уведомить их чрез г. военного губернатора Семиреченской области...» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Кн. 2. Д. 146. Л. 64–65).

Следующим вопросом земельной политики царской администрации является переселенческая политика. Российская власть, опираясь на переселение казаков, стремилась создать хлебную базу в регионе. При этом все попытки российской администрации создать местную хлебную базу за счет казачьей запашки особо не увенчались успехом. Большинство исследований по данному вопросу, в том числе и российских авторов, отмечают, что казачье землепользование по производительности было экономически неэффективным и малопродуктивным. К тому же благосостояние населения казачьих станиц основывалось не на производительном труде и окультуривании хозяйства, а прежде всего – на высокой норме земельных наделов, поскольку значительную часть своих наделов казаки сдавали в аренду крестьянам-переселенцам и местным казахам. Подобная ситуация наблюдается и к концу XIX в.

Так, в отчете Семиреченского военного губернатора за 1895 г. указано, что казаки, получив в надел большие участки плодородной земли, большей частью предпочитали отдавать ее в аренду. «Такой легкий доход обеспечивает для них безбедную и праздную жизнь, ремеслами казаки также почти не занимаются; крестьяне, наоборот, весьма трудолюбивы...» (Абдиров, Ақтамбердиева, 2011: 113).

Тем не менее, как уже сказано выше, семиреченская администрация все же прилагала определенные усилия по стабилизации землепользования в регионе. Так, З.С. Ақтамбердиева пишет, что военный губернатор Г.А. Колпаковский и его помощник Н.А. Аристов, стремясь умерить аппетиты казаков, «вносили предложения о снижении в Семиречье казачьего надела с 30 десятин до 20 десятин на душу, об изъятии излишек казачьих владений, разрешении кочевникам после 15 октября пасти скот на пашнях, когда хлеб уже убран» (Бижигитова, 2008: 73). Г.А. Колпаковский способствовал тому, чтобы казахам Лепсинского уезда было возвращено около 100 тыс. десятин земли. Более того, туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман из опасений протестов казахов и русских крестьян с 1875 г. разрешил казахам пасти скот на казачьих землях после сбора урожая. Вместе с тем было санкционировано начало возврата определенного количества казачьих земель кочевникам.

В 1869 г. Г.А. Колпаковским было представлено на утверждение Туркестанскому генерал-губернатору «Положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений», в соответствии с которым: «1) на каждую мужскую душу отводилось по 30 дес. удобной земли, из коих 15 поступало в запас на случай естественного прироста населения. Поселенцам, основавшимся при почтовых трактах, надел увеличивался до 15 дес.; 2) новоселы освобождались от всех податей и повинностей на 15 лет, а те из них, которые селились на пикетах, на 25 лет; 3) ссуды допускались в размере не свыше 100 рублей на семью (в действительности они не выдавались вовсе или отпускались в значительно меньшем размере...)» (Ақтамбердиева, 2004: 8). Каждой крестьянской семье надлежало поселиться в установленном ей участке региона либо представить соответствующее «увольнительное свидетельство». Семьи, не проследовавшие к месту приписки, подлежали к принудительному выселению из области. При этом форма землевладения устанавливалась общинная, без указания на право выкупа участка в собственность.

Несмотря на то, что проект Г.А. Колпаковского не был утвержден в законодательном порядке, все же он был приведен в исполнение и действовал, с некоторыми незначительными отступлениями, до 1883 г. Впоследствии в связи с началом переселения мусульманского населения Илийского края (дунган и уйгур Западного Китая) норма крестьянского надела была уменьшена. В материалах

ревизии Туркестанского края, осуществленной в начале XX в. под руководством сенатора К.К. Палена, зафиксировано, что доля крестьянского надела в Семиреченском крае была снижена: в 1876 г. до 17 дес., а в 1883 г. до 10 дес. (Актамбердиева, 2004: 12).

Сложность решения поземельного вопроса в Семиреченском крае обуславливалась и тем, что по сравнению со степными областями Северного и Центрального Казахстана, здесь была значительно более высокая плотность населения. Вдобавок слухи о богатом крае с мягким климатом и плодородными землями привлекали сюда гораздо большее количество переселенцев, в том числе и крестьян, прибывавших в Семиречье самовольно, без разрешения на то российской администрации. Переселенцев-крестьян с европейской части России и Сибири не останавливали даже такие обстоятельства, как отсутствие удобных путей сообщения и определенная отдаленность края от внутренних губерний империи.

Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский писал, что «увеличение русских поселений будет содействовать обрусению края и постепенному слитию его с коренными русскими губерниями» (Актамбердиева, 2004: 13). А являясь прежде всего представителем на интеграцию края в общеимперское пространство, губернатор Г.А. Колпаковский полагал, что «постепенное соприкосновение с русскими поселениями и выгодами цивилизованной жизни, без сомнения, приведет со временем к переходу и киргизов к оседлой жизни.

Заселение Семиреченской области облегчит и освоению Сырдарьинской, отдаленной от остальных частей России обширными пустынями и приобретающей по заселению Семиреченской области удобный через эту последнюю путь для переселенцев» (Фомченко, 1983: 36). В этой связи вместо того, чтобы возвращать самовольных переселенцев на родину, чего требовали законы, местные власти стремились обустроить крестьян, прежде всего в Семиреченской области. Они получали по 7–10 дес. земли, материальную помощь – «подъемные», т.е. деньги на строительство дома, приобретение рабочего скота, инвентаря и посадочного материала, пользовались различными льготами (Центральная Азия..., 2008: 220).

Обращаясь к отдельным аспектам крестьянского землепользования, следует отметить, что прибывшие из европейской части России переселенцы и на новом месте придерживались тех же традиций выращивания сельскохозяйственных культур, как у себя на родине. Ознакомившись с методами ведения хозяйства у пришлого населения, П.П. Румянцев писал: «И казаки, и старожилы, и переселенцы последних годов ведут экстенсивное зерновое хозяйство по навыкам, усвоенным еще отцов и дедов в Европейской России и перенесенным затем – через Сибирь или непосредственно – в Семиречье» (Фомченко, 1983: 117).

Единственным нововведением, привнесенным в хозяйство переселенцев, по словам автора, является применение арычной системы полива пашен, да и то позаимствованное у «туземцев». Более того, согласно наблюдениям П.П. Румянцева, в большинстве случаев русские находили готовые «оросительные системы и распаханное поля» (Актамбердиева, 2004: 13).

На основе анализа ряда дореволюционных работ С.Н. Малтусынов приходит к выводу, что для русского земледелия как в Семиречье, так и в других регионах Казахстана характерным является использование залежной системы полеводства, «требующей распашки все новых и новых земель, полное отсутствие удобрений и севооборота при явном доминировании зерновых культур», свидетельствовавших о рациональном хозяйствовании переселенцев, передовых приемах сельского хозяйства (Малтусынов, 2006: 36). Получив возможность развивать свое хозяйство за счет расширения земельных угодий, крестьяне предпочитали идти по пути наименьших трудовых затрат, получая при этом достаточную доходность в будущем урожае.

Впрочем, как отметил П.П. Румянцев, такими же методами в земледелии руководствовались и коренное население Семиречья. Разница заключалась лишь в менее разнообразном составе производства сельскохозяйственных культур. Единственным заимствованием от русских, как утверждает автор, стало применение усовершенствованных орудий для обработки земли и сбора урожая. Подводя итоги статистического обследования Семиреченской области, П.П. Румянцев отмечает, что казахи вполне обладали определенными навыками поливного земледелия, позднее освоенного и пришлыми русскими земледельцами, которые внесли в нее своего, нового. А далее констатирует: «Точно так же у туземцев заимствовали русские переселенцы травосеяние, именно посевы многолетней туркестанской люцерны, местными жителями неправильно называемой клевером (Фомченко, 1983: 118–119).

О достаточном развитии земледельческого хозяйства жителей Семиречья свидетельствует и казахстанский исследователь Н.К. Байгабатова. Ею отмечено, что, несмотря на наличие богарного земледелия у казахов в начале XX в., доминирующая роль все же принадлежала орошаемому земледелию. В подтверждение своих слов автор приводит следующие цифры: к 1911 г. в Верненском уезде из всего объема посевных площадей 97,7 % были поливными, в Копальском уезде 87,5 % сеющих казахских хозяйств имели орошаемые посевы, 7,1 % на богаре, остальные 5,4 смешанные (Байгабатова, 2003: 174). При этом способы орошения были разнообразными, но все же предпочтение отдавалось регулярному поливу с помощью арычных систем. Подводя итоги проведения земельной политики в Семиреченском крае во второй половине XIX в., следует подчеркнуть, что в основе земельной политики Российской империи как в исследуемом регионе, так

и во всей Казахской степи лежали целенаправленные меры по интеграции переселенцев и коренного населения. Тем не менее, несмотря на все последующие административно-территориальные меры широких масштабов к казачьему, а затем и крестьянскому землепользованию, в своей совокупности значительно повлиявшие на традиционный уклад казахского социума, кочевые группы, как и прежде, продолжали представлять собой единый хозяйственный механизм. К примеру, о казахах Джаркентского уезда в исследованиях, представленных экспедицией П.П. Румянцева, говорилось, что «киргизы рода албан и суан кочуют то в китайских пределах, то в пределах вновь образовавшегося таранчинского султанства, то в пределах русских и вплоть до 1882 г. живут в зависимости от хода политических событий, втягиваясь постоянно в раздоры китайцев, дунган, таранчей и русских, фактически не признавая ничьей власти, то и дело меняя места своих кочевок и совершенно не имея пашен и сенокосов» ([Материалы по обследованию туземного..., 1913: 151](#)).

«Эти общие исторические события, – писал П.П. Румянцев, – оказали значительное влияние на характер землепользования джаркентских киргиз. Участие в борьбе соседних народов, естественно, заставляло албан и суан держаться сплоченными родовыми группами, киргизам этих двух родов долгое время было совершенно чуждо понятие о земельной собственности вне рода. Только принадлежность к роду или отдельной родовой группе давало право на совместную кочевку и право на пользование землей».

Исходя из этого, П.П. Румянцев приходит к выводу, что албаны и суаны, «как истинные кочевники, видя в административных мероприятиях только стеснение их веками сложившегося родового быта, не желая подчиниться своей власти и приспособляться к новым им формам управления», прибегали к испытанному уже не раз средству, т.е. к откочевке за пределы российской территории. Как писал исследователь Джаркентского уезда, албаны Старшего жуза, со временем будучи вынужденными принять «требование русской власти относительно административного деления на волости и аульные общества по “Степному положению” (1886–1891 гг., – С.М.), в то же время сохранили свое родовое деление» ([Материалы по обследованию туземного..., 1913: 152](#)).

5. Заключение

В начале 80-х гг. XIX столетия в результате завершения российско-китайских разграничений в Семиреченскую область хлынули десятки тысяч представителей мусульманских народов Илийского края, из опасения физического истребления вынужденные покинуть родные места, отошедшие по условиям Санкт-Петербургского договора 1881 г. Китаю. Согласно сведениям Н.Е. Бекмахановой, в Семиреченскую область переселилось 4682 дунгана и 45373 уйгура. Наряду с этим, с китайской территории переселилось приблизительно 25 тыс. казахов ([Бекмаханова, 1986: 107](#)). Не сумев добиться полной трансформации традиционного уклада казахского кочевого общества, тем не менее российские власти путем последовательного решения поземельного устройства все же существенно изменили социально-экономическую обстановку в Степи.

Остро вставший в конце 90-х гг. XIX в. переселенческий вопрос показал российским властям, как мало изучены казахские степи. В этой связи в 1909 г. Переселенческое управление приступило к широкомасштабному обследованию казахских земель, в том числе Семиреченской области с «целью выяснения норм земельного обеспечения киргиз и земельных, за этим обеспечением излишков, составляющих фонд для русской интеграции края» ([Материалы по обследованию туземного..., 1911: 3](#)). И в соответствии с расширением переселенческой политики Российской империи в начале XX столетия решение поземельного устройства в Семиреченском крае принимает новые обороты.

Литература

- [Абдиров, Актанбердиева, 2011](#) – Абдиров М.Ж., Актанбердиева З.С. Семиреченское казачье войско. Из истории Семиречья 1867–1917 гг. Алматы: КазНУ, 2011.
- [Актанбердиева, 2004](#) – Актанбердиева З.С. Особенности казачьего землепользования в Семиречье во второй половине XIX века // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2004. 3 (34): 71–76.
- [Аристов, 2003а](#) – Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Илим, 2003.
- [Аристов, 2003б](#) – Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек: Илим, 2003.
- [Байгабатова, 2003](#) – Байгабатова Н.К. К вопросу о состоянии земледельческого хозяйства казахов Жетысу в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2003. 4 (31): 173–176.
- [Бекмаханов, 2005](#) – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России // *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 3. Павлодар, 2005.
- [Бекмаханова, 1986](#) – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М: Наука, 1986.
- [Бижигитова, 2008](#) – Бижигитова К.С. Землепользование и землеустройство на территории Семиреченского казачьего войска (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2008. 2 (49). 2008: 89–93.
- [Валиханов, 1985](#) – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Алма-Ата, 1985.

[Далаева, 2012](#) – Далаева Т.Т. Земельная политика Российской империи в Южном Казахстане и Семиречье во второй половине XIX века / *История Казахстана: современные исследования и актуальные проблемы преподавания. Материалы Республиканской научно-практической конференции «Касымбаевские чтения»* (г. Алматы, 25–26 апреля 2012 г.). Алматы, 2012.

[Койгелдиев, 2004](#) – Койгелдиев М.К. Семиречье в период власти Российской империи (XIX в. – 1917 г.). Астана: Елорда, 2004.

[Малтусынов, 2006](#) – Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906–1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

[Материалы по обследованию туземного..., 1911](#) – Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Лепсинский уезд. Т. 1. Ч. 1. СПб, 1911.

[Материалы по обследованию туземного..., 1913](#) – Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Джаркентский уезд. СПб, 1913.

[Путевые замечания лекаря..., 2007](#) – Путевые замечания лекаря Омского гарнизонного полка Зибберштейна Ф.К. // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям (XVIII–XIX века)*. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

[Сыздыкова, 2005](#) – Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв.). М.: Реклама Мастер, 2005.

[Фомченко, 1983](#) – Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. (социально-экономический аспект). Ташкент: ФАН, 1983.

[Холдсворт, 1959](#) – Холдсворт М. *Turkestan in the nineteenth century*. Oxford, 1959.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Центральная Азия..., 2008](#) – Центральная Азия в составе Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2008.

[Abbott, 1884](#) – James Abbott. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism. London: W.H. Allen, 1884.

[Jochelson, 1928](#) – Jochelson B. Peoples of Asiatic Russia. New York: Del Rey Manga, 1928.

References

[Abbott, 1884](#) – James Abbott (1884). Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow, and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the court of Khiva and the kingdom of Khaurism. London: W.H. Allen.

[Abdirov, Aktamberdieva, 2011](#) – Abdirov M.Zh., Aktamberdieva Z.S. (2011). Semirechenskoe kazache voysko. Iz istorii Semireche 1867–1917 gg. [Semirechye Cossack army. From the history of Semirechye 1867–1917 years]. Almaty. [in Russian]

[Aktamberdieva, 2004](#) – Aktamberdieva Z.S. (2004). Osobennosti kazach'ego zemlepol'zovaniya v Semirech'e vo vtoroy polovine XIX veka [Features of Cossack land use in Semirechye in the second half of the XIX century]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. № 3 (34). pp. 71–76. [in Russian]

[Aristov, 2003a](#) – Aristov N.A. (2003). Trudy po istorii i jetnicheskomu sostavu tjurkskih plemen [Works on the history and ethnic composition of Turkic tribes]. Otv. red. akad. V.M. Ploskih. Bishkek: Ilim. [in Russian]

[Aristov, 2003b](#) – Aristov N.A. (2003). Trudy po istorii i etnicheskomu sostavu tyurkskih plemen [Works on the history and ethnic composition of Turkic tribes]. Bishkek: Ilim, 2003. [in Russian]

[Baigabatova, 2003](#) – Baigabatova N.K. (2003). K voprosu o sostoyanii zemledelcheskogo hozyajstva kazahov Semirechye v konce XIX – nachale XX vv. [Agrarian question in Kazakhstan and the state Duma of Russia 1906–1917 (socio-cultural approach)]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. 4 (31): 173–176. [in Russian]

[Bekmahanov, 2005](#) – Bekmahanov E.B. (2005). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii. Sbornik sochinenii v semi tomah. T. 3. [Collected works in seven volumes. V.3. Accession of Kazakhstan to Russia]. Pavlodar. [in Russian]

[Bekmahanova, 1986](#) – Bekmahanova N.E. (1986). Mnogonacionalnoe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epohu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.) [Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60-ies of XIX century – 1917)]. M: Nauka. [in Russian]

[Bizhigitova, 2008](#) – Bizhigitova K.S. (2008). Zemlepol'zovanie i zemleustroystvo na territorii Semirechenskogo kazachego voyska (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Land use and land management in the territory of semirechensky Cossack army (the second half of XIX – the beginning of XX centuries)]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. 2 (49): 89–93. [in Russian]

[Centralnaya Aziya..., 2008](#) – Centralnaya Aziya v sostave Rossiiskoy imperii [Central Asia as part of the Russian Empire]. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. [in Russian]

[Dalaeva, 2012](#) – Dalaeva T.T. (2012). Zemelnaya politika Rossiiskoy imperii v yuzhnom Kazakhstane i Semirechye vo vtoroy polovine XIX veka [Land policy of the Russian Empire in southern Kazakhstan and

Semirechye in the second half of the XIX century]. *Istoriya Kazahstana: sovremennye issledovaniya i aktual'nye problemy prepodavaniya. Materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoy konferencii «Kasymbaevskie chteniya» (g. Almaty, 25-26 aprelya 2012 g.)*. Almaty. [in Russian]

Fomchenko, 1983 – Fomchenko A.P. (1983). Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v konce XIX – nachale XX v. (socialno-ekonomicheskii aspekt) [Russian settlements in Turkestan in the late XIX – early XX century (socio-economic aspect)]. Tashkent. [in Russian]

Holdworth, 1959 – Holdworth M. (1959). Turkestan in the nineteenth century. Oxford.

Jochelson, 1928 – Jochelson B. (1928). Peoples of Asiatic Russia. New York: Del Rey Manga.

Maltusynov, 2006 – Maltusynov S.N. (2006). Agrarnyi vopros v Kazahstane i Gosudarstvennaya дума Rossii 1906–1917 gg. (Sociokulturnyi podhod) [Agrarian question in Kazakhstan and the state Duma of Russia 1906–1917 (socio-cultural approach)]. Almaty: Dayk-Press. [in Russian]

Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo..., 1911 – Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhil'cheskogo hozjajstva i zemlepol'zovaniya v Semirechenskoj oblasti. Lepsinskii uезд [Materials on the survey of native and Russian old-timers and land use in the Semirechensk region. Lepsinsk uезд]. T.1. Ch.1. Spb, 1911. [in Russian]

Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo..., 1913 – Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhilcheskogo hozyaistva i zemlepolzovaniya v Semirechenskoj oblasti. Dzharkentskii uезд [Materials on the survey of native and Russian old-timers and land use in the Semirechensk region. Jarkent uезд]. T.3. SPb, 1913. [in Russian]

Putevye zamechaniya lekarya..., 2007 – Putevye zamechaniya lekarya Omskogo garnizonnogo polka F.K. Zibbershteyna [Travel observations by the physician of the Omsk garrison regiment F. K. Silberstein]. Istoriya Kazahstana v russkikh istochnikah XVI–XX vekov: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnym kazahskim stepyam (XVIII–XIX veka). T.6. Almaty: Daik-Press, 2007. [in Russian]

SGA RK – Sentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [The central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Syzdykova, 2005 – Syzdykova E.S. (2005). Rossiiskie voennye i Kazahstan: (Voprosy socialno-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii Kazahstana XVIII–XIX vv.) [Russian military and Kazakhstan: (questions of socio-political and economic history of Kazakhstan XVIII–XIX centuries.)]. M: Reklama Master. [in Russian]

Valihanov, 1985 – Valihanov Ch.Ch. (1985). Sobranie sochineniy v pyati tomah [Collected works in five volumes]. T.3. Alma-Ata. [in Russian]

Koigeldiev, 2004 – Koigeldiev M.K. (2004). Semireche v period vlasti Rossiyskoy imperii (XIX v. – 1917 g.) [Semirechye during the power of the Russian Empire (XIX century – 1917).]. Astana: Elorda. [in Russian]

Особенности земельной политики царской администрации в Семиреченском крае во второй половине XIX века

Ляззат А. Бисембаева ^{a,*}, Бахытжан С. Аймбетов ^b, Берик Т. Жубанышов ^a, Бибижамал К. Омарова ^c

^a Казахский государственный женский педагогический университет, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

^c Медицинский университет Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проведения земельной политики царской администрации в Семиреченском крае во второй половине XIX века. Исследуются особенности развития кочевого казахского землепользования в рассматриваемый период, наличие хлебопашества, влияние вводимых административно-территориальных мер на традиционную культуру кочевников. Отражены основные этапы решения поземельного устройства в регионе, отличительные черты землепользования у семиреченских казаков. В результате исследовательских работ было выяснено, что местное население не выступало против реформ земельной политики российской власти в Семиреченском регионе. Это стало решающим фактором для адаптации переселенцев в новых местах. Администрация наметала процветание сельского хозяйства за счет переселенцев из России и Восточного Туркестана. Это намерение в некотором роде оправдало их ожидания. Коренное население, казахи, занимались в основном скотоводством. Не удивляет тот факт, что русские были искусными земледельцами по сравнению с коренным населением. Местная администрация приложила усилия к развитию эффективного землепользования и больше привлекла казахов в этом направлении. Уже к концу XIX века появились русско-казахские поселения из крестьян по освоению землеустройства. Земельная политика царской администрации по определению кочевых маршрутов

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rusbek_1492@mail.ru (Л.А. Бисембаева), rusbek_1492@mail.ru (Б.С. Аймбетов), Mr.berik1973@mail.ru (Б.Т. Жубанышов), omarova.bibizhamal@mail.ru (Б.К. Омарова)

казахов не вызвала особого сопротивления, поскольку она осуществлялась на основе равенства и стремилась к решению данной проблемы. Во многом по этой причине в регионе сохранилась стабильная ситуация по межнациональным вопросам. Семиреченская область отличалась от других областей Российской империи своей многоэтничностью, а всем известно, что причины межнациональных конфликтов лежат в отсутствии равенства и справедливости действующей власти.

Ключевые слова: земельная политика, администрация, казачество, крестьяне, хлебопашество, землепользование, Семиречье, губернатор.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1159-1165. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1159
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Development of Controlled Aerostats (Airships) in the XIX – early XX centuries

Vladimir B. Karataev ^{a, b *}, Polina Yu. Grosheva ^c, Ludmila V. Shkvarya ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with the history of development of controlled aerostats (airships) in the XIX – early XX centuries. Emphasis is given to three main modifications of airships: with a rigid, semi-rigid and semi-soft body.

There were used as materials the specialized literature on the history of airships, as well as reference and scientific literature.

The study applied a set of scientific methods: multifactority and integration, chronology, typology, comparison, etc., which together provide reliability of the results on the problem under study. So, for example, studying the experience of developing controlled balloons, the authors paid attention to the features of their designs, which allowed the airships to be used for civil and military purposes.

The authors concluded that the dynamic development of airships in the XIX – early XX century led to the creation of several types of products with a rigid, semi-rigid and semi-soft body. Each of the modifications had its pluses and minuses. If the product with a rigid body was more suited to the needs of civil aviation due to the need for stationary hangars, the balloons with semi-rigid and semi-soft shells were more practical and could be deployed in the field quickly. This predetermined a fairly wide use of the latest on the fronts of the First World War.

Keywords: controlled aerostats, airships, history of development, the XIX – beginning of XX centuries, Zeppelin, Lebedi.

1. Введение

Интерес к управляемым аэростатам возник практически сразу же после первых опытов братьев Монгольфье, которые в 1783 г. во Франции поднялись на воздушном шаре (Kashirin et al., 2018). Первые же опыты с попытками размещения на воздушных шарах парусов окончились неудачей. Требовалось решение, которое бы позволило воздушному шару двигаться против ветра. Такую задачу мог выполнить корабельный паровой двигатель, но вес его был настолько большим, что на подъем в воздух можно было и не надеяться.

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития дирижаблей, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev), p.grosheva@yandex.ru (P.Yu. Grosheva), destard@rambler.ru (L.V. Shkvarya)

обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития управляемых аэростатов, мы обращали внимание на особенности их конструкций, которые в последующем позволяли их использовать в гражданских и военных целях.

3. Обсуждение

Как известно, вопросы применения управляемых аэростатов начали активно обсуждаться еще в период XIX – начала XX вв. Как правило, это были публикации, посвященные разным аспектам военного воздухоплавания, в которых находили свое отражение и управляемые аэростаты. Среди таких работ можно отметить произведения офицеров русской армии, которые публиковались в центральном издании военного министерства Российской империи – журнале «Военный сборник» (Махров, 1914; Махров, 1914а; Грибоедов, 1900; К.В., 1912; Мильчевский, 1912; Шумков, 1912). Помимо этого в 1911 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет работа под названием «Воздухоплавание» (Воздухоплавание, 1911). В начале 1910-х гг. аэростаты как привязные, так и управляемые вытесняются широким распространением более динамичного вида воздушной техники – аэропланом. В 1920-е гг. управляемые аэростаты заняли важное место в гражданской авиации, осуществляя рейсы из Европы в Америку. Этой теме были посвящены исследования Е.А. Lehmann, Н. Mingos (Lehmann, Mingos, 1927), а также Н. Vissering ((Vissering, 1922). Что касается современной историографии, то, как правильно отметили в своем исследовании А.И. Каширин и другие, данная тема нашла отражение в контексте юбилейных дат со дня рождения авиаконструкторов, а также юбилеев военно-воздушных сил (Kashirin et al., 2018: 550). Помимо этого было некоторое количество работ, посвященных непосредственно дирижаблям. Среди таких авторов можно назвать Д. Алексеева (Алексеев, 1993), В.А. Обухович, С.П. Кульбака (Дирижабли, 2000).

4. Результаты

Специально для решения задачи управления аэростатом были спроектированы и созданы паровые двигатели малой мощности. Это и предопределило первый успешный полет управляемого аэростата (дирижабля) в 1851 году, созданного французским инженером Жиффаром (Воздухоплавание, 1911: 13). Опытный образец дирижабля имел емкость в 3,5 тыс. кубических метров. В качестве двигателя выступала паровая машина мощностью в 3 лошадиные силы. Скорость дирижабля в безветренную погоду составляла около 10 км в час, а вес около 160 кг.

Интересен опыт и другого французского инженера – Дюпюи де Лома, который приводил в действие винты дирижабля при помощи человеческой силы, а именно 8 пассажиров. Дирижабль развивал скорость около 8 км в час. Несмотря на более низкие показатели скорости в опытном образце было важное новшество: внутрь оболочки был введен мешок (баллонет), наполненный воздухом; это приспособление не давало аэростату возможности менять форму и обеспечивало устойчивость полета.

Несколько слов необходимо сказать и о дирижабле «Франция» Ренара и Кребса, который был построен в 1884 г., совершил значительное количество полетов и одним из первых поступил на военную службу. Емкость этого дирижабля была менее 2 тыс. куб. метров, длина 51 метр. Он имел электрический двигатель мощностью в 9 лошадиных сил, а скорость его достигала 22 километров в час. Она позволяла дирижаблю двигаться не только по ветру, но и против ветра (Воздухоплавание, 1911: 13).

Важным опытом в достижении управляемости аэростатов были работы Сантос-Дюмона, бразильца по происхождению. Конструктор знал, что сильным препятствием для управления была тяжесть двигателя, в итоге он поставил на свой аппарат газовый двигатель. В 1901 г. один из его дирижаблей вылетел из Сен-Клу в Париже, обогнул Эйфелеву башню и вернулся обратно, совершив 11 километров за 30 минут. Двигатель на этом дирижабле был в 12 л.с. и весом около 3 пудов. Скорость аппарата составляла около 25 км в час.

Практически одновременно с Сантос-Дюмоном работу начал и граф Фердинанд фон Цеппелин (Коннова, Руднев, 2017: 62). Он задался целью построить управляемое судно, которое могло бы перевозить до 20 человек. Важно отметить, что когда он представил правительству чертежи своего судна, то комиссия, рассматривавшая их, нашла невозможным осуществить постройку этого судна. В результате Цеппелин начал строительство на собственные средства. В июле 1900 г. опытный образец был представлен.

Остов аэростата был сделан из алюминия. Емкость равнялась 11 тыс. куб. метров; длина достигала 128 м., а ширина – 12. Аэростат имел две гондолы, в каждой из которых было по одному 16-сильному двигателю. Скорость – 25 км в час (Воздухоплавание, 1911: 14). По близким чертежам был создан и второй аэростат Цеппелина.

В 1906 г. во время бури был уничтожен второй аэростат, и Цеппелин приступил к строительству третьего образца. Сохранив размеры аэростата, конструктор снабдил его более сильными двигателями – 85-сильными. Это позволило резко увеличить скорость полета до 47 км в час. Данный образец брал на борт 11 человек и мог находиться в воздухе 2 часа. После небольшой модернизации дирижабль совершил полет на 350 км, проведя в воздухе 8 часов.

Четвертая модель Цепелина – «Ц 4», имевшая объем в 15 тыс. куб. метров и 136 метров в длину – в 1908 г. совершила полет над всей Швейцарией, находясь в воздухе 12 часов. Благодаря этим успехам и произошло признание эффективности дирижаблей военным ведомством. Кроме того, это послужило причиной создания в Германии общества постройки Цепелинов. К 1914 г. было построено несколько машин этого общества.

Тем временем работы по постройке дирижаблей велись и во Франции. Так, в 1902 г. инженером Жюлио по приглашению братьев Лебоди был построен дирижабль с полужесткой оболочкой с заостренными концами. Имея емкость в 2,3 тыс. куб. метров и двигатель в 40 л.с., дирижабль «Лебоди» совершил значительное количество успешных полетов, достигая скорости в 34 км в час ([Воздухоплавание, 1911: 15](#)).

Необходимо добавить, что фирма Лебоди выпускала дирижабли для нескольких стран: так, для России был построен дирижабль «Лебедь», а также для Австрии и Англии. Так же, как и в Германии, во Франции управляемые аэростаты были приняты на военную службу.

Управляемые аэростаты были нескольких модификаций: они отличались по объему (большие – в 10 тыс. куб. м., средние – 6–9 тыс. куб. м и малые – 2,5–5 тыс. куб. м) ([Махров, 1914: 57](#)), а также по жесткости (с жестким, полужестким и полумягким корпусом).

Если с объемом все более или менее понятно, то на различиях в жесткости необходимо остановиться подробнее.

К жестким моделям относились дирижабли Цепелина. Его аэростаты отличались значительной скоростью – до 55 км и продолжительным временем полета. Так, например, модель «Ц 2» пролетела 1,3 тыс. км за 36 часов. Новым технологическим решением было и то, что газ внутри размещался в 17 разных отсеках. Было зафиксировано несколько случаев, когда оболочка была повреждена и газ из одного-двух отсеков вышел, однако аэростат не только не падал, но и продолжал движение.

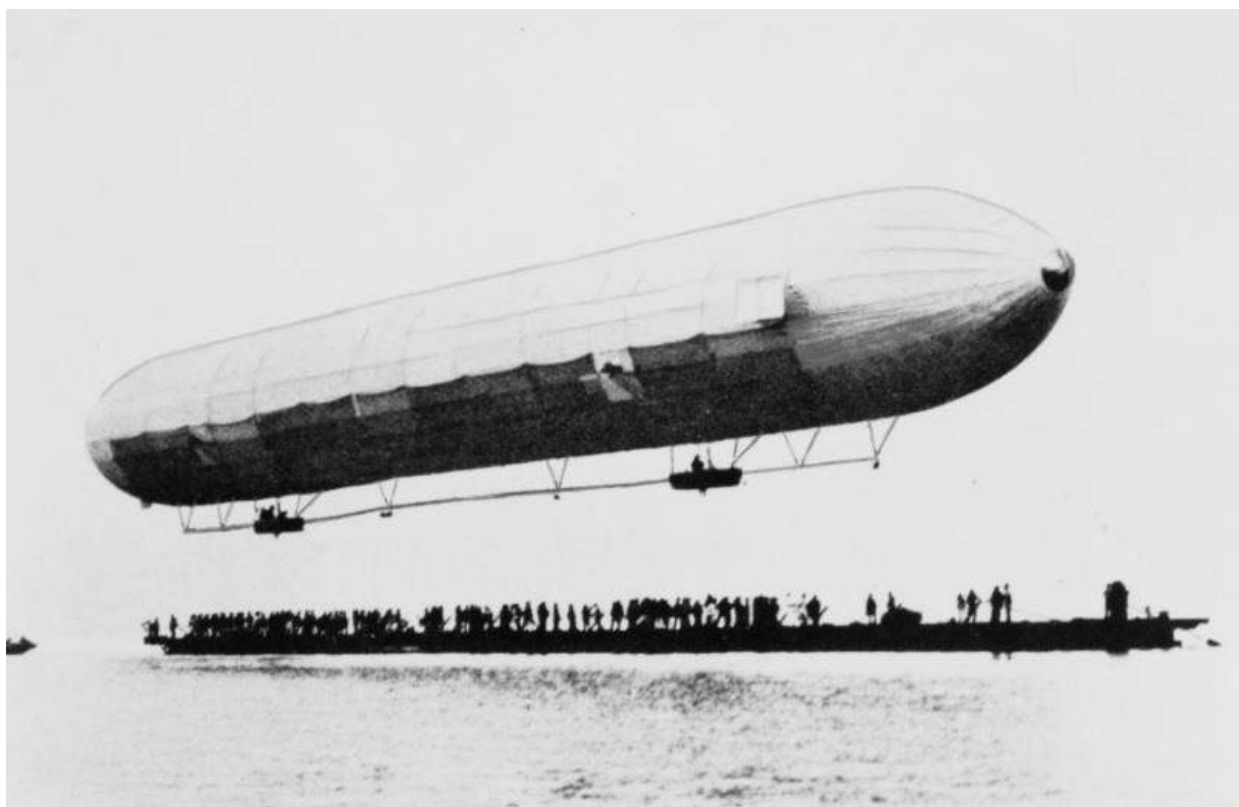

Рис. 1. Дирижабль с жесткой оболочкой. Цепелин. 1900 г. ([Vissering, 1922: 1](#))

Управляемые аэростаты Цепелина имели свои положительные стороны и недостатки. К сильным сторонам относилась твердая оболочка, позволяющая аэростату всегда сохранять свою форму, что позволяло удобно расположить винты и рули и в свою очередь обеспечивать более высокую скорость полета. Главным же недостатком дирижаблей Цепелина была его величина. Из-за твердого остова, который весил достаточно много, приходилось многократно увеличивать стоимость воздушного судна. Помимо этого из-за больших размеров аэростат был тяжел в управлении, а при сильном ветре спуск на нем был практически невозможен.

Большая величина дирижаблей приводила еще к одной проблеме: к созданию постоянного обслуживающего персонала. Так, для вывода дирижабля из эллинга перед началом действия и для

ввода по окончании работы требовалась команда в 100–400 человек. Для спуска и подъема была обязательна открытая ровная площадка, соответствующая величине воздушного судна. Для обслуживания дирижабля требовался обоз от 600 до 100 повозок (Махров, 1914: 60).

Тем не менее дирижабли Цепелина до Первой мировой войны приступили к перевозкам пассажиров. Всего было проведено более 1,6 тыс. рейсов и перевезено более 37 тыс. пассажиров (Lehmann, Mingos, 1927). Цепелин готовил даже путешествие на Северный полюс, но помешала мировая война.

К полужестким управляемым аэростатам относились дирижабли братьев Лебоди. К этой системе принадлежал и дирижабль «Лебедь».

Оболочка «Лебедя» была сигарообразной формы. Емкость 3,7 тыс. куб. м, длина – 61 м. Приводился в движение аэростат двигателем в 70 л.с. Он помещался в гондоле. Дирижабли системы Лебоди двигались со скоростью до 40 км в час и принимали на борт до 5 человек. К 1914 г. полужесткие аэростаты несколько увеличились в объеме, что позволило брать на борт до 8 человек с продолжительностью полета до 8 часов.

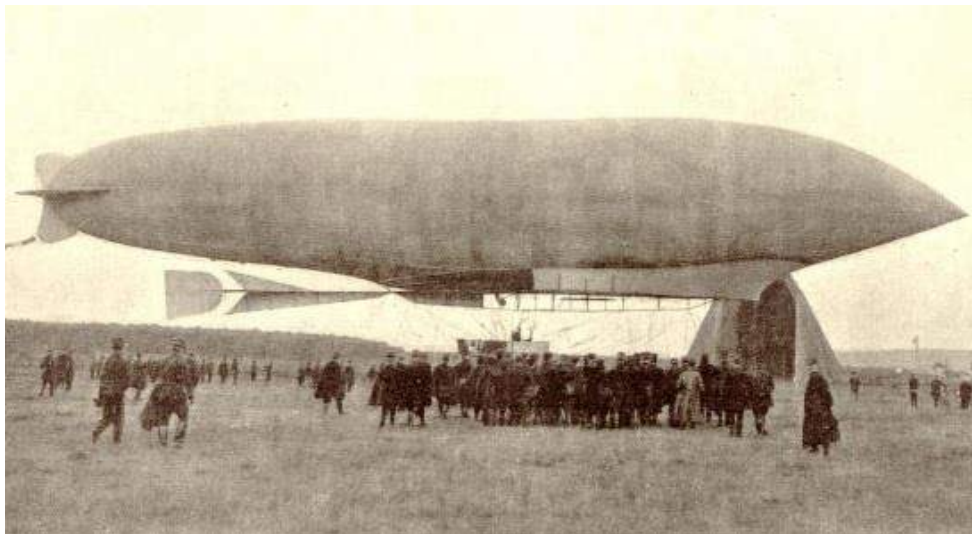

Рис. 2. Дирижабль с полужесткой оболочкой

Говоря о положительных качествах дирижабля Лебоди, необходимо отметить короткую подвеску гондолы, которая позволяла удобно хранить дирижабль в ангаре. Среди недостатков были: твердая и тяжелая платформа, затруднявшая управление судном; короткая подвеска гондолы – из-за нее невозможно было поставить более крупные винты, что сказывалось на скорости.

Важно отметить, что с полужесткой оболочкой выпускались дирижабли и в Германии, таким был проект системы Гросса, его дирижабль приводился в движение благодаря двум двигателям по 75 л.с. Опыты дали положительные результаты: первый раз дирижабль пробыл в воздухе 13 часов, преодолев 300 км, в другой раз – 16 часов. Третья версия дирижабля системы Гросса имела 4 двигателя по 75 л.с., и судно могло поднимать в воздух до 12 человек.

Значительно отличался от других полужестких дирижаблей итальянский военный дирижабль, построенный в 1909 г. Его оболочка имела твердую основу, к которой была подвешена гондола в виде лодки. Судно располагало двигателем в 120 л.с. и двумя винтами, укрепленными по бокам гондолы. Испытания дали хорошие результаты. Скорость достигала 53 км в час. Дирижабль совершил полет из Рима в Неаполь и обратно, пролетев 500 км за 14 часов.

К дирижаблям полумягкой системы относились такие воздушные суда, которые при совершенно мягкой оболочке имели особые приспособления, служащие для сохранения формы аэростата. В большей части аэростатов таким приспособлением бывает сама гондола. Оболочка подобного аэростата состояла из двойного слоя прорезиненной материи, емкость его равнялась 3,5 тыс. куб. м, а длина – 56 м. Гондола подвешивалась на стальных тросах, при этом такая подвеска обеспечивала аэростату неизменяемость формы. На аэростат ставился бензиновый двигатель в 105 л.с., который вращал 5-метровый деревянный винт. Такой дирижабль развивал скорость до 50 км в час. Плюсами подобных дирижаблей было то, что они легко складывались в случае необходимости, имели хорошую маневренность. Среди минусов был очень большой винт, который легко мог сломаться при спуске.

Из других дирижаблей этой системы необходимо упомянуть дирижабль французского воздухоплавателя Де Ла-Во. Его дирижабль отличался небольшими размерами (до 1,4 тыс. куб. м) и назывался «Зодиаком». Судно могло находиться в воздухе до 4 часов, двигаясь со скоростью до 40 км в час. Его удобство было в том, что он легко мог складываться.

Дирижабли мягкой системы имели совершенно мягкую оболочку, без каких-либо вспомогательных приспособлений для сохранения твердости аэростата (Воздухоплавание, 1911: 23).

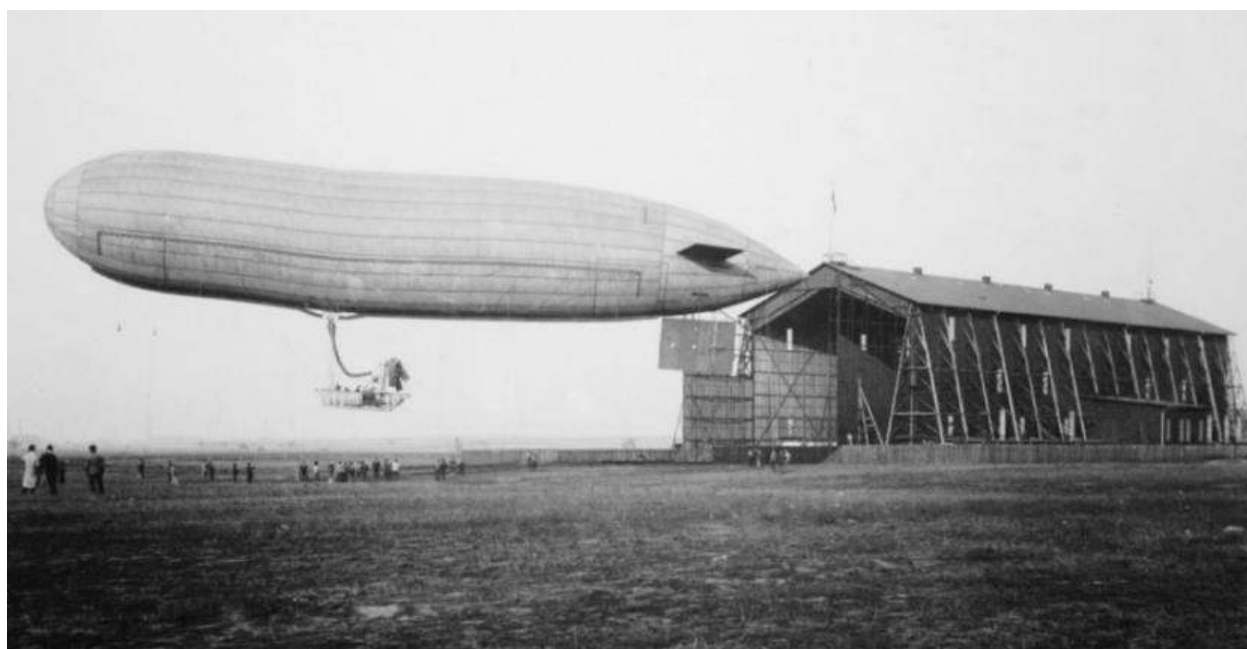

Рис. 3. Дирижабль с полумягкой оболочкой. Дирижабль Парсеваля

В начале XX века был создан проект дирижаблей германского офицера Парсеваля. Он задался целью построить дирижабль для военных целей, то есть воздушное судно должно было обладать следующими качествами: простотой управления, легкой транспортировкой и быстрым разворачиванием из сложенного состояния. И это ему в конечном итоге удалось. Труднее всего было установить приспособление, которое помогало бы оболочке сохранять определенную форму. Первые испытания прошли в 1906 г., и они продемонстрировали высокую эффективность проекта.

Опытный дирижабль совершил 7-часовой полет со скоростью до 40 км в час. Объем первого дирижабля составлял 2,8 тыс. куб. м и он имел двигатель в 65 л.с.

Следующий дирижабль – «Р – II» – был больших размеров, его объем составлял 3,8 тыс. куб. м. Приводился в движение дирижабль при помощи двигателя в 100 л.с. Пропеллера у него как такового не было, его роль выполняли 4 куска материи, аналогичной тому, из чего делалась оболочка дирижабля. Эти куски материи находились в свободном положении, когда двигатель не работал, и вращались в случае запуска. Для усиления движения в концы кусков материи зашивались куски свинца. Таким образом, приспособление работало как деревянный или металлический винт. Вес дирижабля составлял около 140 пудов. Количество пассажиров могло достигать 6 человек. Дирижабль развивал скорость до 50 км в час. Известно путешествие Парсеваля, во время которого он прошел 300 км за 11,5 часов.

Важно отметить, что дирижабли Парсеваля были очень удачны по сравнению с Цепелинами и в управлении, и в стойкости. К Первой мировой войне многие европейские страны имели собственные парки дирижаблей (Таблица 1).

Таблица 1. Количество дирижаблей в разных странах на 1913 г. (Махров, 1914а: 94)

государства	дирижабли		
	военные	частные	всего
Германия	15	9	24
Франция	14	3	17
Россия	14	-	14
Италия	10	1	11
Англия	5	2	7
Австрия	4	1	5
Япония	3	1	4 ¹

¹ В таблице опечатка. Указано значение – 3.

За последний предвоенный год, то есть за 1913 г., Россия увеличила свой авиационный парк до 18 воздушных судов. А с началом войны дирижабли приняли активное участие в боевых действиях: 14 августа 1914 г. немцы с дирижабля бомбили г. Антверпен, в результате чего было разрушено несколько тысяч зданий (Коннова, Руднев, 2017: 62).

5. Заключение

Завершая тему исследования, авторы пришли к выводу, что динамичное развитие дирижаблей в XIX – начале XX вв. привело к созданию нескольких типов изделия с жестким, полужестким и полумягким корпусом. Каждая из модификаций имела свои плюсы и минусы. Если изделие с жестким корпусом больше подходило для нужд гражданской авиации ввиду необходимости стационарных ангаров, то аэростаты с полужестким и полумягким корпусами были более практичными и могли оперативно разворачиваться в полевых условиях. Это и предопределило достаточно широкое использование последних на фронтах Первой мировой войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта No.26.1146.2017/4.6 «Разработка математических методов прогнозирования эффективности применения космических услуг в народном хозяйстве».

Литература

- Алексеев, 1993 – Алексеев Д. Конец эры воздушных гигантов // *Гражданская авиация*. 1993. № 7. С. 38–39.
- Арие, 1986 – Арие М.Я. Дирижабли. Киев: Наук. думка, 1986.
- Бойко, 1999 – Бойко Ю.С. Воздухоплавание в изобретениях. 1999. М.: Изд-во «Транспорт». 352 с.
- Воздухоплавание, 1911 – Воздухоплавание. Санкт-Петербург, 1911.
- Грибоедов, 1900 – Грибоедов. Полевые воздухоплавательные отделения, их деятельность и организация // *Военный сборник*. 1900. № 8. С. 369–382.
- Дирижабли, 2000 – Дирижабли на войне. Сост. В.А. Обухович, С.П. Кульбака. Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
- К.В., 1912 – К.В. Четвертый род войск // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 65–72.
- Коннова, Руднев, 2017 – Коннова Л.А., Руднев Е.А. Дирижабли – история развития и перспективы для спасательных работ в отдаленных и труднодоступных территориях страны // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2017. 4(37). С. 61–69.
- Махров, 1914 – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 11. С. 45–60.
- Махров, 1914а – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 12. С. 93–108.
- Мильчевский, 1912 – Мильчевский. Фотография на войне // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 115–124.
- Шумков, 1912 – Шумков Г. Психо-физическое состояние воздухоплавателей во время полета // *Военный сборник*. 1912. № 3. С. 67–78.
- Kashirin et al., 2018 – Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V. A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 549–557.
- Lehmann, Mingos, 1927 – Lehmann E.A., Mingos H. The Zeppelins. New York, 1927.
- Vissering, 1922 – Vissering H. Zeppelin. The Story of a Great Achievement. Chicago, 1922.

References

- Alekseev, 1993 – Alekseev D. (1993). Konets ery vozduzhnykh gigantov [End of the era of air giants]. *Grazhdanskaya aviatsiya*. № 7. pp. 38–39.
- Arie, 1986 – Arie M.Ya. (1986). Dirizhabli [Airships]. Kiev: Nauk. dumka.
- Boiko, 1999 – Boiko Yu.S. (1999). Vozdukhoplavanie v izobreteniyakh [Aeronautics in inventions]. M.: Izd-vo «Transport». 352 p.
- Dirizhabli, 2000 – Dirizhabli na voine [Dirigibles in the War]. Sost. V.A. Obukhovich, S.P. Kul'baka. Mn.: Kharvest; M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2000.
- Griboedov, 1900 – Griboedov (1900). Polevye vozdukhoplavatel'nye otdeleniya, ikh deyatel'nost' i organizatsiya [Field aeronautical offices, their activities and organization]. *Voennyyi sbornik*. № 8. pp. 369–382.
- K.V., 1912 – K.V. Chetvertyi rod voisk. *Voennyyi sbornik*. 1912. № 2. pp. 65–72.
- Kashirin et al., 2018 – Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V. (2018). A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 48(2): 549–557.
- Konnova, Rudnev, 2017 – Konnova L.A., Rudnev E.A. (2017). Dirizhabli – istoriya razvitiya i perspektivy dlya spasatel'nykh rabot v otdalennykh i trudnodostupnykh territoriyakh strany [Airships – the

history of development and prospects for rescue work in remote and hard-to-reach areas of the country]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*. 4(37). pp. 61–69.

[Lehmann, Mingos, 1927](#) – *Lehmann E.A., Mingos H.* (1927). The Zeppelins. New York.

[Makhrov, 1914](#) – *Makhrov P.* (1914). Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*. № 11. pp. 45–60.

[Makhrov, 1914a](#) – *Makhrov P.* (1914). Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*. № 12. pp. 93–108.

[Mil'chevskii, 1912](#) – *Mil'chevskii* (1912). Fotografiya na voine [Photo in the war]. *Voennyi sbornik*. № 2. pp. 115–124.

[Shumkov, 1912](#) – *Shumkov G.* (1912). Psikho-fizicheskoe sostoyanie vozdukhoplavatelei vo vremya poleta [Psycho-physical state of aeronauts during the flight]. *Voennyi sbornik*. № 3. pp. 67–78.

[Vissering, 1922](#) – *Vissering H.* (1922). Zeppelin. The Story of a Great Achievement. Chicago.

[Vozdukhoplavanie, 1911](#) – *Vozdukhoplavanie* [Aeronautics]. Sankt-Peterburg, 1911.

Из истории развития управляемых аэростатов (дирижаблей) в XIX – начале XX веков

Владимир Борисович Каратаев ^{a, b, *}, Полина Юрьевна Грошева ^c, Людмила Васильевна Шкваря ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история развития управляемых аэростатов (дирижаблей) в XIX – начале XX веков. Уделено внимание трем основным модификациям дирижаблей: с жестким, полужестким и полумягким корпусом.

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития дирижаблей, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития управляемых аэростатов, мы обращали внимание на особенности их конструкций, которые в последующем позволяли их применять в гражданских и военных целях.

В заключении авторы пришли к выводу, что динамичное развитие дирижаблей в XIX – начале XX века привело к созданию нескольких типов изделия с жестким, полужестким и полумягким корпусом. Каждая из модификаций имела свои плюсы и минусы. Если изделие с жестким корпусом больше подходило для нужд гражданской авиации ввиду необходимости стационарных ангаров, то аэростаты с полужестким и полумягким корпусами были более практичными и могли оперативно разворачиваться в полевых условиях. Это и предопределило достаточно широкое использование последних на фронтах Первой мировой войны.

Ключевые слова: управляемые аэростаты, дирижабли, история развития, XIX – начало XX вв., Цепелин, Лебоди.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев), p.grosheva@yandex.ru (П.Ю. Грошева), destard@rambler.ru (Л.В. Шкваря)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1166-1174. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1166
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"The Case of the Loss of the Russian Peasant Settlers in the Steppe Region of Religious and Moral and National Character": the Position of the Russian Orthodox Church (end of XIX – beginning of XX centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

In article on the basis of documents administration of the Orenburg, Omsk and Turkestan dioceses, as well as legal sources – decisions of the Holy Synod examines the position of the Russian Orthodox Church on the question of reducing the role of Orthodoxy in the everyday life of Russian peasants-immigrants. This social phenomenon emerged in the 80-90-ies of the XIX century and was connected with the beginning of mass migration of Russian peasants-settlers in the Steppe region. According to the Church, the reasons for the mass acculturation of the Kazakhs of Russian immigrants and their transition from Orthodoxy to Islam were: low level of religious literacy of immigrants, the absence in the region developed the parish and Church-school system, a small number of temples and churches, training priests, the presence of the region's largest old believer and sectarian centers. To prevent further acculturation of Russian immigrants Kazakhs and enhance their moral and religious level, by the diocesan authorities of the Steppe region was the complex of measures, approved by the Holy Synod. He suggested the formation of diocesan Committees for the Church of the life of immigrants, the activity of which was aimed at accelerating the establishment of the parish and the school system, monastic construction. An important area of work of the Russian Orthodox Church in solving the problem of increasing religious knowledge among the peasant population of the Steppe region was targeted religious propaganda related to the development of a network of parish libraries, conducting interviews, Liturgy and "polemical" talks, readings, distribution of religious literature of Orthodox subjects, opening Sunday courses for adults.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the Steppe region, Russians, Kazakhs, inter-ethnic relations, acculturation.

1. Введение

В современной российской историографии признается тезис о том, что аграрная колонизация являлась важным компонентом имперской политики России, а крестьянство – эффективным ее проводником (Лурье, 1997: 161–169; Шиловский, 2001: 14; Яковенко, 1999: 103). Политической элитой страны она воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии. Поэтому стихийный и хаотичный процесс крестьянского движения на Восток, начиная с XIX в., был поставлен под контроль государства: его потоки стали регламентироваться законодательно и направляться в нужное русло. Крестьянская миграция в Азиатскую Россию была призвана содействовать сохранению государственного единства посредством укрепления национальных окраин «русским элементом» и, таким образом, минимизации инонациональной угрозы. Второй, не менее важной задачей, признавалась необходимость создания общего цивилизационного пространства Российской империи,

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

которая актуализировалась с 1860-х гг. в связи с завершением формирования ее территории. Комплекс мероприятий, предпринятых государством и получивших название «политики русификации», был направлен на расширение коммуникационных возможностей российского общества и создание суперэтнуса – российской нации – на основе идеологемы «самодержавие, православие, народ». Русскому языку в ней отводилась роль языка модернизации и межэтнического взаимодействия, Русской православной церкви – духовной скрепы этнорегионов для «утверждения истинно христианского начала», русскому народу – роль культуртрегера, образчика русско-православного образа жизни. И как справедливо отмечал А. Ремнев, крестьянская колонизация являла собой «сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациестроительства, что должно было обеспечить России большую стабильность и дать ей национальную перспективу» (Ремнев, 2013: 98).

Степной край, как составная часть Азиатской России, стал рассматриваться политической элитой в качестве перспективного для аграрной колонизации региона с 70–80-х гг. XIX в. Цивилизаторская миссия русского крестьянства и связанные с ней русификаторские мероприятия государства были нацелены на оседание казахов-кочевников, приобщение их к земледельческому труду, заимствование ими культурно-бытовых норм и правил традиционной русской культуры и освоение русского языка. Идеологическое воздействие на этническое самосознание казахов должна была оказывать Русская православная церковь посредством развития миссионерской деятельности.

Однако подчеркнем, что в процессе хозяйственного освоения Сибири и Степного края на протяжении XVII–XIX вв. русское крестьянство оказалось в совершенно новой для себя экологической, экономической и социально-культурной ситуации. Адаптация и выработка новых форм системы жизнеобеспечения в инокультурной среде сопровождалась мощными процессами межэтнической коммуникации и объективно способствовали взаимной аккультурации, а в некоторых случаях – ассимиляции русских аборигенным населением. Классическим примером может служить этническая сепарация, приведшая к формированию нового «этнографического типа», «своеобразного народно-областного типа» русских – сибиряка. Его описанию уделялось огромное внимание в этнографической литературе конца XIX – начала XX вв. (Головачев, 1902: 147; Ядринцев, 2003: 97; Россия. Полное географическое..., 1903: 228–229). Уникальность ситуации определялась тем, что аккультурация русских в Сибири и на Дальнем Востоке проходила в условиях их численного преобладания над автохтонами: в регионе к концу имперского периода русские и украинцы составляли более 87 % населения. В Степном же крае они представляли этническое меньшинство: по данным Первой Всероссийской переписи населения, в конце XIX столетия в пределах Тургайской области проживало 37193 православных (8,2 %), Уральской – 107587 (16,7 %), Акмолинской – 167926 (41,3 %), Семипалатинской – 67620 (9,9 %), Семиреченской – 96741 (9,8 %). Это вызывало у светских и духовных властей опасение в возможности более масштабной аккультурации русских казахами. И действительно, начиная с 70–80-х гг. XIX в. в ежегодных отчетах Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий, распространявших юрисдикцию на территорию Степного края, и в отчетах Киргизских (казахских – *авт.*) православных миссий приводились многочисленные факты, свидетельствующие о начале данного процесса (Лысенко, 2010: 71–73). В представленной статье выявляются тенденции межэтнической коммуникации русских крестьян-переселенцев и казахов Степного края, их оценки Русской православной церковью и анализируется политика Церкви, направленная на предотвращение аккультурационного воздействия казахов на русских.

2. Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает теория межэтнической коммуникации, в рамках которой межэтническое взаимодействие понимается как разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп. Межкультурное взаимодействие может принимать различные формы: воздействие, то есть преимущественно одностороннее, однонаправленное влияние одной общности на другую; содействие, когда два или несколько этносов вступают в этническое взаимодействие на равных началах, оказывая помощь и поддержку друг другу; и, наконец, противодействие – блокирование позиций одного этноса другим, активное противостояние, вплоть до открытого конфликта. Вполне очевидно, что различные формы межэтнических контактов имеют различные результаты – от адаптации и ассимиляции до дискриминации и сегрегации (Крысько, 2002: 175).

Данный исследовательский подход актуален при изучении межкультурных процессов в полиэтнических регионах Российской империи, одним из которых являлся Степной край. На протяжении XVIII – начала XX вв. его территории, населенные преимущественно казахскими племенами, активно осваивались восточнославянским этносом. В результате здесь проходили мощные процессы межкультурной коммуникации, конкретное содержание которых корректировалось имперскими установками национальной/этнической политики. Среди конкретно-исторических методов, использованных в данной статье, – историко-генетический метод, позволивший определить причины и факторы направленности межэтнической русско-казахской коммуникации; историко-системный метод, в рамках которого анализ рефлексии РПЦ на характер и

формы межэтнического взаимодействия народов Степного края проводится во взаимосвязи с общегосударственными подходами к проблеме русской крестьянской колонизации азиатских окраин Российской империи.

Материалами для анализа политики Русской православной церкви в Степном крае, направленной на координацию форм межэтнического взаимодействия русского переселенческого и коренного казахского населения, в первую очередь, послужили материалы делопроизводства Синода и региональных православных епархий – Омской, Оренбургской и Туркестанской. Среди них: переписка Синода и региональных церковных структур как между собой, так и с местными органами государственной власти; ежегодные епархиальные отчеты о состоянии епархий; отчеты различных епархиальных организаций – Киргизских миссий, Комитетов по устройству религиозного быта переселенцев, общественных организаций религиозно-просветительской направленности. Основная часть делопроизводственной документации выявлена в РГИА и впервые вводится в научный оборот.

3. Обсуждение

В отечественной историографии значительное внимание изучению процессов межкультурной коммуникации в Азиатском регионе Российской империи уделяли дореволюционные исследователи (Головачев, 1902; Россия. Полное географическое..., 1903; Ядринцев, 2003). Крестьянскую колонизацию они оценивали как важный механизм выполнения Россией исторической миссии: приведение к состоянию цивилизованности посредством приобщения к европейской культуре «инородцев» Сибири и создание условий для их прогресса. На протяжении XVII – середины XIX вв. характер межэтнического взаимодействия русских переселенцев с аборигенным населением Сибири сопровождался, по мнению большинства исследователей, ассимиляционными процессами, связанными с формированием «нового этнографического типа» – сибиряка. Н.М. Ядринцев, например, был убежден, что попытки ограждения государством русского населения от метисации были фактически невозможны (Ядринцев, 2003: 97). По мнению В.П. Семенова-Тянь-Шанского, глубина этих процессов имела вариативность и была различной: «от сохранения многоподлинной народной старины до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый родной язык». К числу причин, приведших к ассимиляции русских, исследователи называли особенности новой для них экологической среды проживания и национального характера, менталитета русских, открытого для взаимодействия и взаимовлияния с иноэтничным окружением.

Дореволюционные исследователи считали, что массовая крестьянская миграция в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. значительно активизировала интенсивность межэтнических контактов, породила весьма разнообразные практики межкультурной коммуникации и изменила направленность ассимиляционных процессов. Среди последних стала преобладать аккультурация русскими коренного населения, что выразилось в трансформации традиционной системы жизнеобеспечения инородцев, переходу их к более «прогрессивным формам хозяйствования, связанным с ведением земледельческого хозяйства и развитием ремесленного производства» (Россия. Полное географическое..., 1903: 249). В контексте анализа межэтнической ситуации в Азиатской Российской империи значительный пласт дореволюционных исследований был посвящен изучению процессов русско-казахского взаимодействия (Катанев, 1904; Потанин, 1867; Потанин, 1884; Шмурло, 1995).

В советской историографии вопросам межэтнического взаимодействия народов Российской империи уделялось ограниченное внимание. Господствовавшая теория классовой борьбы как основы прогресса общества позволяла рассматривать различные аспекты взаимодействия народов России исключительно в контексте их совместной борьбы против самодержавия. В условиях провозглашенного атеизма многовекторная деятельность РПЦ в советской историографии также не стала предметом специального исследования.

В новейшей историографии преобладающими стали тенденции по актуализации исследований, посвященных деятельности Русской православной церкви. Значительный интерес вызывают вопросы, связанные с историей епархиального строительства, православного духовенства, внутриконфессиональных отношений, взаимоотношений РПЦ со старообрядчеством и сектантством, ее миссионерской деятельности (Зольникова, 1990; Малютина, 2001; Старухин, 1997; Устьянцева, 2003). Деятельность РПЦ по сохранению этнической идентичности русских крестьян-переселенцев в историографии фактически не освещалась. Представленная статья являет собой попытку восполнить существующий пробел.

4. Результаты

Вопрос об утрате русскими крестьянами-переселенцами Степного края религиозно-нравственного облика был поставлен Русской православной церковью в начале 90-х гг. XIX в. Именно в этот период ею были озвучены данные о результатах поездки по уездам Тургайской области священника Ф. Соколова, совершившего ее по поручению Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1892–1893 гг. Знание Ф. Соколовым казахского языка позволило ему в ходе поездки посещать казахские аулы, проводить опросы казахского населения и,

на наш взгляд, в конечном итоге достаточно объективно отразить в предоставленном отчете тенденции региональных межэтнических процессов.

Полученные Ф. Соколовым сведения свидетельствовали о массовой культурной и религиозной аккультурации православного переселенческого крестьянства казахами-мусульманами. Главной их причиной священник считал стихийность крестьянской миграции и нерешенность, в связи с этим, вопроса землеустройства переселенцев. Поэтому, по его мнению, в процессе адаптации переселенцы были вынуждены искать новые источники для существования – наниматься на работу к зажиточным казахам или арендовать у них земли, попадая, таким образом, в экономическую зависимость (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1426. Л. 72). Проживая по много лет в аулах и работая в казахских хозяйствах, они со временем утрачивали этническую идентичность и подвергались религиозной аккультурации.

В подтверждение своих выводов Ф. Соколов приводил в отчете о поездке многочисленные свидетельства «окиргизивания» русских крестьян-переселенцев, с указанием фамилий семей, мест и времени их проживания в казахских аулах, степени и глубины аккультурации. Помимо заимствований в культурно-бытовой сфере («дом их чисто мусульманский – впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел), и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной из пшеничной крупы, называемой по-киргизски «коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской»; «с бритой головой и в тюбетейке»), Ф. Соколов приводил данные о трансформации религиозного сознания переселенцев («не знали ни поста, ни среды, ни пятницы», «икону же, по их рассказам, еще во время жизни их у киргиза Батюки в Казан-Басах искололи киргизы..., когда все семейство Сухоруковых было на пашне»; «в комнате его нет икон и, садясь обедать, Богу не молится» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1426. Л. 640б–730б.)). По его мнению, наиболее уязвимыми в сложившейся ситуации оказались подростки и дети, которые, родившись и социализируясь в инокультурной среде, не только «росли в полном неведении своей веры родной, но и народности и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них, лет 16–17, не знаю молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках и вообще не отличаются от киргизят». Приводились им данные и об обучении русских детей у мулл «магометанскому вероучению» (ГАОР О. Ф. 175. Оп. 1 Д. 183а. Л. 200б–120б.)). Одним из массовых явлений межэтнической коммуникации русских переселенцев и казахов, по свидетельству Ф. Соколова, стали межэтнические браки. Русские женщины и девицы, «которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах, ... сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны» (ГАОР О. Ф. 175. Оп. 1 Д. 183а. Л. 2670б.)).

Информация, предоставленная священником Ф. Соколовым о падении религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев Тургайской области, подтверждалась аналогичными сведениями епархиальных властей Омской и Туркестанской епархий. В одном из номеров, например «Туркестанских епархиальных ведомостей», отмечалась «страшная развращенность туземцев, сравнительно богатая и беспечная жизнь у них, благодаря земельным и имущественным угодьям, бездеятельная гаремная жизнь, потому что туземные женщины ничего не делают, а все доставляют мужья – все это начинает нравиться русской женщине, и она чувствует себя прекрасно, забывая, что попала в губительный рай» (ТЕВ. 1913. 15 авг. № 15. С. 343).

Информация о религиозно-нравственном положении русских крестьян-переселенцев Тургайской области, представленная в отчете о поездке Ф. Соколовым, вызвала широкий резонанс среди епархиальных властей и членов Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Его отчет о поездке был заслушан на одном из заседаний Епархиального комитета с приглашением представителя региональной администрации. К этому времени в канцелярии военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша уже находилась докладная записка чиновника особых поручений Мацуревича, в которой сообщалось о том, что в казахских аулах Николаевского уезда Тургайской области проживает около 5000 русских крестьян-переселенцев, арендующих землю у казахов. В записке подчеркивалось, что живут они «в тесной связи с киргизами, благодаря чему жены и дочери их имеют детей от киргизов, сами же поселенцы бреют свои головы, носят киргизские халаты, ездят с ними за исключением некоторых, на баранту, воровство и разбой и, наконец, по утверждению местного духовенства, не выполняют обрядов христианской религии, как то: не приводят детей к таинству Святого крещения, к умершим не приглашают для отпевания священнослужителей и живут многие без совершения над ними Святого таинства бракосочетания» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 14 –140б.)).

Последовавшее в октябре 1893 г. расследование сложившейся ситуации, проведенное по поручению военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша, не подтвердило информации о массовой утрате русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального облика». В отчете о результатах проверки начальник Николаевского уезда Тургайской области доносил, что переселенцы «ведут совершенно самостоятельную жизнь, нисколько не зависящую от влияния киргиз, тем более совместная их жизнь составляет общий интерес в течение сравнительно очень короткого времени, т.е. тогда, когда русские занимаются у киргиз посевом и уборкою хлебов, по окончании же – все разъезжаются по русским селениям, где большинство из них имеют собственные дома и весьма немногие остаются зимовать в аулах, но и те, как мне известно, часто ездят в

ближайшие русские селения, имеющие церкви и молитвенные дома, для исполнения христианских обрядов» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 9–10).

Тем не менее региональные органы власти и Церковь не могли оставить без внимания пока еще не массовые случаи аккультурации русского переселенческого крестьянства казахами. Наметившаяся тенденция в межэтнических процессах, безусловно, рассматривалась как вызов, препятствующий реализации государственных задач аграрной колонизации Степного края. Проблема принимала существенную угрозу на фоне появившихся на рубеже XIX–XX вв. общественных обвинений в адрес казаков Сибирского казачьего войска в утрате ими «русскости» и неспособности к реализации культуртрегерских задач, оказании «русского влияния» на казахское население. Преосвященный Сергей, епископ Омский и Семипалатинский, в отчете о состоянии епархии за 1902 г., в частности, подчеркивал: «Сибирские казаки и крестьяне-старожила до сих пор к религии относятся холодно: они редко посещают богослужение, не чувствуют не только привязанности, но и даже расположения к Храму Божьему, они очень неохотно исполняют христианский долг исповеди и святого причастия, а к обрядам православной церкви относятся почти безразлично, ...большинство ходят в храм раза три-четыре в год». В доказательство приводились следующие данные: из общего числа православного населения епархии в 788094 человека в 1902 г. исповедь и святое причастие исполняли лишь 57 %, исповедовались, но не причащались 0,7 % (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 23–24).

Последующие несколько лет епархиальные власти Степного края занимались выявлением причин утраты русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального облика». Данный вопрос обсуждался на заседаниях Консисторий Оренбургской, Омской, Туркестанской епархий; так или иначе к анализу сложившейся ситуации обращались архиепископы в своих ежегодных отчетах о состоянии епархий; привлекались к ее обсуждению и приходские священники, которым предлагалось высказывать мнение по ряду аспектов развития церковно-приходской жизни епархий Степного края.

К началу XX в. епархиальными центрами Степного края были определены узловые факторы, оказывавшие отрицательное воздействие на религиозную составляющую жизни русского переселенческого крестьянства. К их числу они относили, прежде всего, незавершенность институционального оформления Омской, Туркестанской епархий, слабый охват ими уездов и областей региона церковно-приходской и церковно-школьной системой, незначительное количество православных храмов и профессионально подготовленных приходских священников. Проблемы социально-культурной адаптации крестьян-переселенцев усугублялись недостатками функционирования имевшихся церковно-приходских школ. Главными из них являлись смещение акцентов в преподавании с религиозной тематики на светскую, низкий уровень подготовки преподавательских кадров, слабая материально-техническая оснащенность школ.

В первые годы XX столетия к епархиальным властям Степного края пришло понимание того, что основная масса православного крестьянства, переселявшаяся из Европейской части Российской империи, уже имела низкий уровень религиозной грамоты, культурно-нравственного воспитания и потому демонстрировала полное равнодушие к религиозной составляющей своего быта. Начальник Киргизской православной миссии Омской епархии епископ Киприан в 1908 г. писал: «К великому удивлению переселенцы, киевские и черниговские крестьяне, эти выходцы из «святых» губерний, представляют из себя сырой материал едва ли не полной религиозной неразвитости: они не знают главных молитв, ... исповедоваться не умеют, ... в церкви стоять не умеют... К этому религиозному невежеству нужно прибавить общую умственную темноту» (ОЕВ. 1909. 15 мая. №10. С. 40–41). Данным фактом успешно пользовались старообрядческие и сектантские миссионеры, активно осваивавшие Степной край в период Столыпинской аграрной реформы.

Становилось очевидным, что необходима реализация комплекса мер, направленных на повышение религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев. В связи с этим решением Синода от 7 мая 1907 г. «О порядке учреждения новых приходов в Азиатской России» в азиатских епархиях Российской империи, в том числе Омской, Оренбургской и Туркестанской, учреждались Епархиальные комитеты по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев. В их состав входили как духовные, так и светские власти: в качестве председателя – епархиальный архиерей, членов – губернаторы областей, управляющие государственным имуществом, заведующие переселенческими районами, губернские архитекторы. Задачей данных Комитетов провозглашалось проектирование переселенческих участков с параллельным проектированием строительства церковно-приходских церквей и школ. Данный проект оказался беспрецедентным по времени реализации (1907–1916 гг.) и объему государственных инвестиций: Синод, учитывая экономическую несостоятельность крестьян-переселенцев, постановил открывать приходы в Азиатских епархиях «без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных для сего условий» и возложил финансирование проекта на государство (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–20б.).

Анализ протоколов заседаний Комитетов по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий позволяет сделать вывод о том, что их работа осуществлялась в нескольких направлениях, главным из которых было формирование новых приходов на территории областей, определение их границ, состава населенных пунктов. Этому предшествовала огромная подготовительная работа: собирались данные о численности населенных

пунктов, расстояние между ними, изучались возможности увеличения количества населения в них, перспективы и экономический потенциал, обыгрывались варианты объединения поселков в рамках того или иного прихода. Затем составлялся общий проект открытия новых приходов в области, который отправлялся в Синод на утверждение. В результате, например, в Туркестанской епархии с 1908 по 1914 гг. число приходов возросло с 78 до 161; в Омской епархии за этот же период их количество увеличилось с 92 до 288 (Лысенко, 2014: 387–391).

Параллельно с открытием новых приходов Епархиальными комитетами была организована работа по церковно-школьному строительству. Учитывая то обстоятельство, что объемы строительства предполагались масштабные, а финансовые возможности государства ограничены, было принято решение о вариативности строительства церквей и школ. Так, в приходах Семиреченской области предлагалось возведение помещений, функционально предназначенных сразу и для церковных мероприятий, и для организации церковно-школьного образования, так называемых церквей-школ. Местный Епархиальный комитет исходил из того, что со временем, когда переселенцы окрепнут экономически и смогут построить на свои средства новые, более просторные и дорогие церкви, церкви-школы в этих приходах станут использоваться только как школьные помещения. В приходах с незначительным количеством православного населения предлагалось сооружение молитвенных домов. Таким образом, стоимость проекта одного здания варьировала от 3 до 5 тыс. рублей.

Представить размеры государственных вложений на реализацию плана позволяют данные, например, за 1911 г. (в руб.) (ЦГА РК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8об.).

Таблица 1. Объемы финансовых вложений в церкви и школы Степного края

епархия	причтовые дома	церкви	молитвенные дома	школы	всего
Уральская область Уфимской епархии	16000	17500		22000	55500
Оренбургская епархия	4500			5000	9500
Омская епархия	42000		55000	33000	130000
Туркестанская епархия	11000	46000		5000	62000
всего	73500	63500	55000	65000	257000

Не менее важным направлением деятельности Русской православной церкви в Степном крае в начале XX вв. стала широкоформатная пропагандистская работа, направленная на возвышение в верующих «спасительных истин веры и нравственности», «пробуждение в казачестве и крестьянстве любви к вере путем раскрытия ему значения христианской нравственности для «устроения истинного счастья человека» (ОрЕВ. 1886. 1 мая. № 9. С. 272). Первостепенное значение в ней отводилось церковной проповеди как основной форме религиозно-нравственного воспитания. Епархиальные власти Степного края обязывали священников вводить в содержание проповеди рассмотрение теоретических вопросов богословия, следить за религиозно-нравственным состоянием клира и ежегодно предоставлять отчеты – клировые и исповедальные ведомости, указывать в них причину уклонения прихожан от проповеди и исповеди (ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3).

В рамках решения задачи повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Степного края в 1902 г. по указу Синода епархиальному начальству была поручена организация в приходах «в дни воскресные и праздничные после богослужений катехизических бесед» (ОЕВ. 1902. 1 апр. № 7. С. 1–2). В ходе внебогослужебных бесед прихожан знакомили с историей Российской империи, проводились лекции на естественнонаучные темы, дискуссионные вопросы богословия, разъяснялись богослужения, молитвословия, церковные посты. Эту же задачу были призваны решать и публичные или народные чтения, которые проводились, как правило, вне православных храмов: в помещениях городских дум, областных правлений.

В сельских приходах Степного края организация внебогослужебных лекций и публичных чтений встречали определенные трудности, связанные, прежде всего, с низкой посещаемостью и отсутствием помещений для их проведения. Беседы, проводившиеся на базе церковно-приходских школ, не носили систематического характера, а велись «эпизодически, случайно» – один-три раза в год. Несмотря на это, священники епархий подчеркивали значимость и эффективность проведения такого рода мероприятий, их популярность среди населения. Считалось, что внебогослужебные беседы необходимы для «защиты и укрепления в народе православия, преданности престолу», а также расширения общего кругозора населения, поскольку «он (народ – Ю.Л.) до сих пор еще убежден, что земля стоит неподвижно и, пожалуй, скажет, что и на трех китах. Он не знает, что такое солнце, звезды; он не знает «откуда пошла есть русская земля»» (ОЕВ. 1902. 1 авг. № 15. С. 16).

Важным воспитательным моментом в приходах Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий стало создание специальных библиотечных фондов, находящихся в открытом доступе, различных обществ и кружков на базе приходских храмов, распространение православной церковью религиозной литературы (Огурцова, 1999: 105).

Особое значение в вопросе повышения религиозно-нравственного уровня крестьян-переселенцев и их ограждения его от исламской пропаганды придавалось изданию оренбургских, омских и туркестанских «Епархиальных ведомостей». На страницах «Ведомостей», выходявших в разные годы с периодичностью два-четыре номера в месяц, публиковались материалы, обличавшие старообрядчество, сектанство и ислам, разъяснявшие внутреннее содержание православных обрядов, церковных служб, доказывающие необходимость посещения храмов и исполнения религиозных треб. «Епархиальные ведомости» публиковали также поздравительные речи епископов в связи с религиозными праздниками, графики православных праздников, постов, поездок епископов «с целью обозрения епархий».

5. Заключение

Таким образом, начало XX вв. стало периодом активной религиозно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Степном крае. Она была связана с работой Комитетов по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей русских крестьян-переселенцев, под руководством которых осуществлялось массовое церковно-приходское и церковно-школьное строительство, было организовано проведение внебогослужебных бесед, созданы религиозно-просветительские общества и сформированы библиотечные фонды при церквях и церковно-приходских школах.

Главной причиной активизации РПЦ в данном направлении выступали опасения, связанные с возможностью массовой ассимиляции казаками русских крестьян-переселенцев, составивших в результате миграции в Степной край этническое меньшинство. Фиксируемые религиозными и светскими властями региона случаи «утраты русскими религиозно-нравственного и национального облика» рассматривались как угроза реализации задач государственной крестьянско-аграрной колонизации азиатских окраин Российской империи и политике русификации. В то же время представляется, что епархиальные власти Степного края были далеки от глубинного/научного понимания тенденций и последствий межэтнического русско-казахского взаимодействия. Поэтому предпринимаемые Русской православной церковью усилия, направленные на корректировку процесса взаимной аккультурации, не могли дать положительного эффекта в условиях его объективности и закономерности. В большей степени религиозно-просветительская деятельность епархий Степного края способствовала институциональному закреплению позиций РПЦ в религиозном пространстве региона, и в меньшей степени – изменила направленность межэтнического диалога. Косвенно об этом свидетельствует делопроизводственная документация Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий начала XX в., сообщающая о продолжающемся процессе утраты русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального уровня», несмотря на все прилагаемые усилия со стороны РПЦ.

Литература

- Головачев, 1902 – Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М., 1902. 16 с.
- Головачев, 1902 – Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. 300 с.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области.
- Зольникова, 1990 – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. 291 с.
- Катанаев, 1904 – Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 201 с.
- Крысько, 2002 – Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002. 191 с.
- Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул, 2010. 193 с.
- Лысенко, 2014 – Лысенко Ю.А. Русская православная церковь в религиозном пространстве Казахстана: этапы и особенности институционального оформления (XVIII – начало XX вв.) // *Bylye Gody*. 2014. № 3. С. 387–391.
- Лурье, 1997 – Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998. 448 с.
- Малютина, 2001 – Малютина Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Тюмень, 2001. 248 с.
- Огурцова, 1999 – Огурцова Н.В. Система православной религиозной информации на территории Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Омского университета*. 1999. Вып. 3. С. 102–106.
- ОЕВ – Омские епархиальные ведомости.
- ОРЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости.

- Потанин, 1867** – Потанин Г.Н. Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863–1864 гг.) Григория Потанина // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1867. Т. 1. 483 с.
- Потанин, 1884** – Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11. 370 с.
- Ремнев, 2013** – Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX веков // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. 296 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Россия. Полное географическое..., 1903** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. 479 с.
- Старухин, 1997** – Старухин Н.С. Организация и деятельность противораскольнического братства Св. Дмитрия Ростовского (1884–1885) // Алтайский сборник. Барнаул, 1997. Вып. 18. С. 58–64.
- ТЕВ** – Туркестанские епархиальные ведомости.
- Устьянцева, 2003** – Устьянцева О.Н. Томская епархия и конце XIX – начале XX вв. Кемерово, 2003. 259 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шиловский, 2001** – Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе Русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. 230 с.
- Шмурло, 1995** – Шмурло Е. Русские и киргизы в долине верхней Бухтармы // Царская колонизация в Казахстане. (По материалам русской периодической печати XIX века). Алматы, 1995. С. 131–154.
- Ядринцев, 2003** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003. 555 с.
- Яковенко, 1999** – Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. 221 с.

References

- Golovachev, 1902** – Golovachev P.M. (1902). Vzaimnoe vliyanie russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri [Mutual influence of Russian and foreign population of Siberia]. Moscow, p. 16. [in Russian]
- Golovachev, 1902** – Golovachev P. (1902). Sibir`. Priroda. Lyudi. Zhizn` [Siberia. Nature. People. Life]. Moscow, p. 300. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvenny`j arxiv Omskoj oblasti [State archive of Omsk region]. [in Russian]
- GAORo** – Gosudarstvenny`j arxiv Orenburgskoj oblasti [State Archives of the Orenburg Region]. [in Russian]
- Zol`nikova, 1990** – Zol`nikova N.D. (1990). Sibirskaya prihodskaya obshhina v XVIII v. [The Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk, p. 291. [in Russian]
- Katanaev, 1904** – Katanaev G.E. (1904). Kirgizskij vopros v sibirskom kazach`em vojske. [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack army]. Omsk, p. 201. [in Russian]
- Kry`s`ko, 2002** – Kry`s`ko V.G. (2002). E`tnopsixologiya i mezhnacional`ny`e otnosheniya [Ethnopsychology and international relations]. Moscow, p. 191. [in Russian]
- Lysenko, 2010** – Lysenko Yu.A. (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, p. 193. [in Russian]
- Lysenko, 2014** – Lysenko Yu.A. (2014). Russkaya pravoslavnaya cerkov` v religioznom prostranstve Kazaxstana: e`tapy` i osobennosti institucional`nogo oformleniya (XVIII – nachalo XX v.). [Russian Orthodox Church in religious space of Kazakhstan: stages and features of institutional registration (XVIII – the beginning of the XXh century)] // Bylye gody. №3. p. 387–391. [in Russian]
- Lure, 1997** – Lure S.V. (1997). Istoricheskaya e`tnologiya. [Historical ethnology]. Moscow, p. 448. [in Russian]
- Malyutina, 2001** – Malyutina G.Sh. (2001). Missionerskaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Missionary activity of The Russian Orthodox Church in Northwest Siberia (XIX – beginning of XX century)]. Tyumen, p. 248. [in Russian]
- Ogurczova, 1999** – Ogurczova N.V. (1999). Sistema pravoslavnoj religioznoj informacii na territorii Omskogo Priirty`sh`ya v konce XIX – nachale XX veka [The system of orthodox religious information in the territory of the Omsk Priirtyshje at the end of XIX – the beginning of the 20th century] // Vestnik Omskogo universiteta, Vip. 3, pp. 102–106. [in Russian]
- OEВ** – Omskie eparxial`ny`e vedomosti [Omsk diocesan sheets]. [in Russian]
- OrEV** – Orenburgskie eparxial`ny`e vedomosti [Orenburg diocesan sheets]. [in Russian]
- Potанин, 1867** – Potанин G.N. (1867). Zimnyaya poezdka na ozero Zajsan (zimoy 1863–1864 gg.) Grigoriya Potanina [Winter trip to the lake Zaysan (winter of 1863–1864) of Grigory Potanin] // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. Sankt-Peterburg, T.1, p. 483. [in Russian]
- Remnev, 2013** – Remnev A. (2013). Vdvinut` Rossiyu v Sibir`: imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka [To move Russia into Siberia: the empire and the Russian colonization of the second half of XIX – the beginning of the 20th century] // Region v istorii imperii. Istoricheskie e`sse o Sibiri. Moscow, p. 296. [in Russian]

- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian state historical archive]. [in Russian]
- Rossiia. Polnoe geograficheskoe..., 1903** – Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkix lyudej [Complete geographical description of our fatherland. The reference and road book for the Russian people]. T. 18, Kirgizskij kraj. St. Petersburg, 1903, p. 479. [in Russian]
- Staruxin, 1997** – *Staruxin N.S.* (1997). Organizaciya i deyatel'nost' protivoraskol'nicheskogo bratstva Sv. Dmitriya Rostovskogo (1884–1885) [Organization and activity of antidissecting brotherhood of St. Dmitry Rostovsky (1884–1885)]. *Altajskij sbornik*. Barnaul, vyp. 18, pp. 58–64. [in Russian]
- TEV** – *Turkestanskije eparxial'ny'e vedomosti* [Turkestan diocesan sheets]. [in Russian]
- Ustyanceva, 2003** – *Ustyanceva O.N.* (2003). Tomskaya eparxiya i konce XIX– nachale XX v. [The Tomsk diocese and the end of XIX-the beginning of XX centry]. Kemerovo, p.259. [in Russian]
- CzGA RK** – *Central'ny' gosudarstvenny'j arxiv Respubliki Kazaxstan* [Centralna state archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Shilovskij, 2001** – *Shilovskij M.V.* (2001). K voprosu o kolonial'nom polozenii Sibiri v sostave Russkogo gosudarstva [Centralna state archive of the Republic of Kazakhstan]. *Evropejskie issledovaniya v Sibiri*. Tomsk, p. 230. [in Russian]
- Shmurlo, 1995** – *Shmurlo E.* (1995). Russkie i kirgizy v doline verxnej Buxtarmy. [Russians and Kyrgyz in the top Bukhtarma's valley]. *Czarskaya kolonizaciya v Kazaxstane. (Po materialam russkoj periodicheskoj pechati XIX veka)*. Almaty, pp. 131-154. [in Russian]
- Yadrincev, 2003** – *Yadrincev N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony]. Novosibirsk, p. 555. [in Russian]
- Yakovenko, 1999** – *Yakovenko I.G.* (1999). Rossijskoe gosudarstvo: nacionalnye interesy, granicy, perspektivy. [Russian State: national interests, borders, prospects]. Novosibirsk, p. 221. [in Russian]

«Дело об утрате русскими крестьянами-переселенцами Степного края религиозно-нравственного и национального облика»: позиция Русской православной церкви (конец XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документов делопроизводства Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий, а также законодательных источников – постановлений Святейшего Синода – анализируется позиция Русской православной церкви по вопросу снижения роли православия в повседневной жизни русских крестьян-переселенцев. Данное социальное явление обозначилось в 80–90-е гг. XIX в. и было связано с началом массовой миграции русских крестьян-переселенцев в Степной край. По мнению Церкви, причинами массовой аккультурации казаками русских переселенцев и перехода их из православия в ислам стали низкий уровень религиозной грамоты переселенцев, отсутствие в регионе развитой церковно-приходской и церковно-школьной системы, незначительное количество храмов и церквей, профессионально подготовленных кадров священнослужителей, наличие в регионе крупных старообрядческих и сектантских центров. Для предотвращения дальнейшей аккультурации русских переселенцев казаками и повышения их религиозно-нравственного уровня епархиальными властями Степного края был предложен комплекс мероприятий, утвержденный Священным Синодом. Он предполагал формирование епархиальных Комитетов по устройству церковного быта переселенцев, деятельность которых была направлена на ускоренное создание церковно-приходской и школьной системы, монастырское строительство. Важным направлением работы Русской православной церкви в решении проблемы повышения религиозного знания среди крестьянского населения Степного края стало проведение целенаправленной религиозной пропаганды, связанной с развитием сети приходских библиотек, проведением внебогослужебных бесед и «полемиических бесед», чтений, распространением религиозной литературы православной тематики, открытием воскресных курсов для взрослого населения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Степной край, русские, казахи, межнациональное взаимодействие, аккультурация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1175-1185. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1175
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russia and Austria-Hungary: Non-Political Dialogue of Two Empires in the last third of the XIXth – the beginning of the XXth century

Igor V. Kryuchkov^a, Natalia D. Kryuchkova^{a, *}

^aNorth Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The interaction between Russia and Austria-Hungary in the field of economics, tourism, science and education in the last third of the XIXth – the beginning of the XXth century is considered in the material. The migration flows between two neighbouring Empires are analyzed as a separate issue. The article touches upon the interest of Vienna and St. Petersburg in growing links in these areas.

The archive material, diplomatic documents, the contents of periodical press, statistic data and memoirs serve as historical sources for studying the given issue.

Finally, the authors come to the conclusion that regardless intense political conflicts erupted between Russia and Austria-Hungary, a cross-cultural dialogue, economic links and migration flows are being actively developed between two Empires. The priority growing links of Russia with the Austrian half of the Habsburg Empire that was ahead of Hungary in economic and cultural terms and where Slav population played a greater role in socio-economic, political and cultural life of the society is underlined in the article. Non-political contacts aren't being reduced after the Balkan crisis in 1908 that put Russia and Austria-Hungary in a difficult situation being a threat to the beginning of the war. The given fact was manifested with good reason in the first half of 1914.

Keywords: Russia, Austria-Hungary, tourism, foreign trade, cross-cultural dialogue, migration, the last third of the XIXth - the beginning of the XXth century.

1. Введение

В 60-е гг. XIX в. Россия и Австро-Венгрия пережили серьезные внутренние потрясения. В России начинается эпоха «великих реформ», изменившая многие сферы общественно-политической и социально-экономической жизни общества. Австрийская империя в 1867 г. преобразуется в дуалистическое государство – Австро-Венгрию, отказавшись от принципов централизма, проповедуемых частью политической элиты страны после подавления революции 1848 г. Оба государства имели много схожего в своем развитии. Они принадлежали к числу многонациональных империй, пытавшихся с помощью модернизации догнать в экономическом плане ведущие государства Европы. Обе империи вступили на путь построения конституционного общества, в чем Австро-Венгрия преуспела в большей степени. Не случайно, что в Австро-Венгрии и России внимательно следили за развитием друг друга. В частности, в России пристально изучали опыт империи Габсбургов в проведении конституционных преобразований и разработке социального законодательства (Страховая компания, 1913: 4). В Австро-Венгрии большой интерес вызвала финансовая реформа С.Ю. Витте, аграрные преобразования П.А. Столыпина и т.д. Отдельной точкой для изучения опыта стала политика России на Кавказе и Австро-Венгрии в Боснии-Герцеговине. В этих регионах империи столкнулись с традиционным восточным обществом – исламом – при попытках проведения модернизационной политики. Примечательно, что обе империи погибли в

* Corresponding author

E-mail addresses: igory5@yandex.ru (I.V. Kryuchkov), intisto8nk@yandex.ru (N.D. Kryuchkova)

горниле Первой мировой войны. В данной связи возникла оживленная дискуссия об их устойчивости, способности к серьезной трансформации под воздействием новых веяний, порожденных индустриальным обществом.

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой использовался широкий круг источников, включая материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи, Государственного архива Ставропольского края, дипломатические документы, материалы периодической печати и воспоминания.

В основе методологической базы исследования находятся принципы историзма и объективности. В процессе работы над темой использовались традиционные методы исторического познания. Историко-типологический метод позволил выявить основные тенденции развития неполитических контактов России и Австро-Венгрии и их классифицировать. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить развитие однотипных процессов во взаимоотношениях России и Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX вв. и выявить их специфику. Историко-генетический метод использовался при рассмотрении исторических явлений в динамике, в данном контексте – истории неполитических связей России и Австро-Венгрии и выявлении внутренних механизмов из развития. Одновременно определенную ценность для данного материала представляют теоретико-методологические подходы, заложенные в «публичной дипломатии».

3. Обсуждение

Традиционно в российской историографии, и отчасти в зарубежной, Австро-Венгрия и Россия рассматриваются как непримиримые противники на международной арене, и в частности на Балканах, стремившиеся закрепиться на полуострове, вытеснив оттуда конкурента. Острое противостояние между двумя империями подогревалось проблемой разделенных народов, проживавших на их территории (поляки, украинцы). Борьба между Веной и Санкт-Петербургом окрасивалась современниками и последующими авторами в яркие идеологические тона. Россия в Австро-Венгрии выступала в качестве авангарда панславистских сил, желавших создать мировую славянскую империю под эгидой Романовых за счет разрушения Австро-Венгрии. В России империя Габсбургов воспринималась в образе авангарда пангерманизма, направленного против России и славянских народов Европы. Акцентирование внимания на росте национальной борьбы внутри Австро-Венгрии и конкуренции двух империй на международной арене деформировали и игнорировали другие сферы развития контактов между Россией и Австро-Венгрией, в том числе в области экономики, культуры, туризма, межличностных связей. Только в последние годы российские авторы предпринимают попытки исследования проблем, выходящих за пределы политического противостояния Австро-Венгрии и России.

4. Результаты

Преодолевая границы истории политического противостояния Австро-Венгрии и России, в то же время следует отметить, что и в этом плане не было столь все однозначно. В 1897 г. Австро-Венгрия и Россия заключают соглашение о сохранении статус-кво на Балканах, и обе стороны его соблюдали вплоть до 1908 г. В годы Русско-японской войны и революции в России Австро-Венгрия сохраняла доброжелательный нейтралитет, предпринимая шаги по оказанию помощи Санкт-Петербургу в борьбе с революционной стихией.

Большое внимание в развитии двухсторонних отношений в последней трети XIX – начале XX вв. в обеих империях уделялось визитам представителей правящих династий. Российские и австро-венгерские императоры, наследники престолов не раз посещали Санкт-Петербург и Вену. В октябре 1901 г. Великий князь Михаил Николаевич посетил венгерскую половину империи, что вызвало большой резонанс среди общественности Венгрии, так как это был первый визит представителя дома Романовых в означенный период (АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 246). Важное место в налаживании диалога между Россией и Австро-Венгрией занимали различные символические жесты. В августе 1898 г. российский посол в Вене передал Венгерскому национальному музею саблю князя Ф. Ракоци, хранившуюся до этого в России (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 25).

Показателем набирающих силу контактов между империями становится увеличение численности дипломатических представительств. Кроме посольства в Санкт-Петербурге, Австро-Венгрия имела свои дипломатические представительства или резиденции дипломатов в Баку, Батуме, Бердянске, Гельсингфорсе, Измаиле, Киеве, Кронштадте, Либаве, Мариуполе, Москве, Николаеве, Новосельцах, Одессе, Ревеле, Риге, Ростове-на-Дону, Тифлисе и Харькове. Россия, располагавшая дипломатическим представительством в Вене, имела дипломатические учреждения в Будапеште, Праге, Львове Триесте, Фиуме, Черновцах и Сараево. На протяжении длительного времени между Австро-Венгрией и Россией действовал безвизовый режим. Однако в начале мая 1905 г. Вена вводит обязательную отметку в паспорте россиян в одном из дипломатических представительств в России перед посещением Дунайской империи (КС, 1909: 703).

Развитие двухсторонних отношений было невозможно без создания транспортной инфраструктуры, объединявшей две империи, и решения сложных проблем, касавшихся регулирования правовых вопросов, открывавших перспективы для активизации внешнеэкономической деятельности между Россией и Австро-Венгрией. В начале января 1867 г. Россия и Австро-Венгрия заключают соглашение о взаимном признании акционерных (анонимных) обществ, облегчавшее их деятельность на территории сопредельного государства, в том числе в вопросах вывоза капитала и учреждения представительств акционерных обществ (*Декларация, 1890: 225–227*). В феврале 1874 г. последовало новое соглашение о взаимном признании фабричных клейм с возможностью судебной защиты авторских и прочих прав предпринимателей. Россия предоставляла всю необходимую информацию по данному вопросу в Венскую и Будапештскую торговые палаты, а австро-венгерская сторона снабжала необходимыми сведениями Департамент торговли и мануфактур (*Сборник..., 1906: 257–258*). Одновременно подписывается декларация о покровительстве промышленным предприятиям поданных России в Австро-Венгрии и соответственно австро-венгерских в России (*Конвенция, 1874*).

Темой для отдельного регулирования становится почтово-телеграфная связь между Россией и Австро-Венгрией. Развитие экономических связей между двумя империями, туризма, миграционных потоков требовало налаживания стабильной связи. В мае 1873 г. Россия и Австро-Венгрия подписали почтовую конвенцию (*Почтовая конвенция, 1873*), в феврале 1891 приняли решение о развитии трансграничного телеграфного сообщения (*Сборник..., 1906: 461*). В июле 1898 г. они договорились об улучшении почтового сообщения, включающего регулярный обмен почтовой корреспонденцией, координацию тарифной политики и правовых норм (*Сборник..., 1906: 342–349*). Данное соглашение предоставляло возможность свободной подписки на российские и австро-венгерские периодические издания. В феврале 1904 г. разрешается вопрос об организации денежных почтовых переводов, столь востребованных в начале XX в. (*Сборник..., 1906: 349–362*).

Особое внимание в России и Австро-Венгрии уделялось развитию транспортного сообщения. Наиболее перспективным в этом отношении являлось соединение железнодорожной сети обеих империй. В 1869 г. стороны договорились о соединении железных дорог: Киево-Одесской с Львовско-Венской, в 1870 г. – Киево-Брестской с Кала Людвига, в 1893 г. – Юго-Западной с Львовско-Черновицкой (*Сборник..., 1906: 501–502*).

В мае 1882 г. обе стороны подписывают Декларацию о взаимном признании мерительных свидетельств торговых судов. Данная декларация существенно облегчала судоходство между портами империй (*Сборник..., 1906: 225–227*). Крупнейшая австрийская судоходная компания «Австрийский Ллойд» открывает представительства в Одессе, Тифлисе, Баку и Батуме, организовав регулярное сообщение Батума и Одессы с Триестом.

В России в конце XIX – начале XX вв. большое внимание уделяется активизации внешнеэкономической деятельности. Опыт Австро-Венгрии представлялся российским специалистам весьма ценным, особенно пример венгерской половины империи (*Донесение..., 1894: 42*). Австрийская половина империи Габсбургов достигла значительных успехов в развитии внешней торговли. Венгрии в этом отношении приходилось предпринимать отчаянные попытки для расширения рынков сбыта своей продукции за пределами Австро-Венгрии, отказываясь от монополии в экспорте сельскохозяйственной продукции, с чем столкнулась Россия на рубеже XIX–XX вв. Стороны проявляли интерес и к расширению взаимного экономического сотрудничества.

Торговые связи России с Австро-Венгрией, несмотря на все противоречия в конце XIX – начале XX вв., набирают оборот. Еще в 1860 г. империи заключили договор о свободной торговле. В 1866 г. Россия имела отрицательное сальдо в торговле с Австрийской империей. Она вывезла товаров на 6 млн. руб., а ввезла – на 6,5 млн. руб. Такая ситуация наблюдалась до 1876 г., когда российский экспорт, достигший 26,6 млн. руб. превысил импорт из Австро-Венгрии (23,6 млн. руб.). В конце XIX в. внешнеэкономические связи между двумя империями выходят на новый уровень развития. В мае 1894 г. Россия и Австро-Венгрия заключили торговое соглашение, предоставлявшее сторонам «принцип наибольшего благоприятствования». Австро-Венгрия пошла на введение низких пошлин на импорт из России зерновых культур, взамен Россия соглашалась на льготное обложение импорта из империи Габсбургов промышленных товаров (*Ламздорф, 1991: 62*). В 1894 г. Россия вывезла товаров из Австро-Венгрии на 39,8 млн. руб., а ввезла на 27 млн. руб. (*Статистические..., 1896: 55–57*).

В начале XX в. Россия и Австро-Венгрия увеличивают взаимную торговлю. Если в 1900 г. товарооборот между империями составил 53,6 млн. руб., то в 1913 г. он достиг 101 млн. руб. В 1913 г. Россия экспортировала товаров в империю Габсбургов на 65,3 млн. руб., а импортировала на 35,7 млн. руб. (*Птицын, 2009: 214–215*). Основой для развития экономического сотрудничества становится торговый договор, заключенный в феврале 1906 г. В целом он сохранял принципы, заложенные в договоре 1894 г. В то же время сторонам пришлось пойти на ряд уступок друг другу. Россия согласилась распространить принцип «наибольшего благоприятствования» на Архангельскую губернию и всю территорию Сибири, австро-венгерские коммивояжеры облагались таким же промысловым налогом, как и российские, получая право на посещение всей территории России, Санкт-Петербург пошел на снижение пошлин на сахар из Австро-Венгрии. Империя Габсбургов согласилась на беспошлинный вывоз из России яиц, ставший основой российского экспорта в Австро-

Венгрию, льна, пеньки, горчицы, сохранялись льготные тарифы на импорт из России лошадей, бобов, гороха и т.д. (АВПРИ. Ф. 155. Второй Департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 321–331).

Накануне Первой мировой войны за первое полугодие 1914 г. Австро-Венгрия экспортировала в Россию товаров на 20 млн. руб. (2,8 % от всего российского импорта), в том числе машин – на 3,1 млн. руб., продукции деревообрабатывающей промышленности – на 2,7 млн. руб., кокса – на 1,5 млн. руб. и сельскохозяйственного инвентаря – на 1,4 млн. руб. Россия экспортировала за аналогичный период товаров на 36,4 млн. руб. (5,4 % от всего экспорта России), в том числе – на 12 млн. яиц, 7,1 млн. руб. – зерновых культур (КХ, 1914: 12).

Представители Австро-Венгрии постоянно стремились знакомиться с достижениями российского народного хозяйства. Осенью 1900 г. сотрудники Министерства земледелия Венгрии посетили коневодческую выставку в Ростове-на-Дону, где они изучили последние достижения в этой области на юге страны (АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 213). Регулярно австро-венгерские дипломаты и предприниматели посещали выставки в Нижнем Новгороде, Харькове, Москве и других российских городах. В свою очередь российская сторона стремилась посещать все значимые экономические мероприятия в Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия инвестировала в российскую экономику 1 млн. 307 тыс. руб., занимая по данному показателю 10-е место (Донгаров, 1990: 20). Практически все инвестиции приходились на компании и банки австрийской половины империи Габсбургов. Значительная часть австрийских инвестиций направляется на строительство железных дорог и модернизацию порта Батум, через который осуществлялись поставки бакинской нефти в Австро-Венгрию. Австрийские инвесторы вкладывают средства в металлургию, военное производство, мебельные и деревообрабатывающие предприятия. Особый интерес для подданных Австро-Венгрии представляла пищевая промышленность. В Ставрополе они открыли несколько пивоваренных заводов (А. Груби, К. Префет, В. Салис, В. Стаицкий) и производство колбасных изделий (К. Новатний). В этническом отношении все они являлись чехами, часть их них принимала российское подданство. Вместе с подданными Австро-Венгрии на Северный Кавказ пришли первоклассные технологии производства пива, фруктовых и минеральных вод, колбасных изделий.

Крупнейший австрийский банк «Кредитанштальт» через свое венгерское подразделение предоставил заем в 80 млн. крон Владикавказской железной дороге (Исламов, 1972: 63). Банки Австро-Венгрии принимали участие в размещении российских ценных бумаг в годы Первой русской революции.

В течение первой трети XIX в. миграционные потоки между Австро-Венгрией и Россией постоянно увеличивались. Либерализация политической системы Австро-Венгрии, включая предоставление права выезда за пределы империи, упрощали эмиграцию. В России в годы правления императора Александра II смягчаются правовые нормы, регулирующие миграционные потоки через границы страны.

Из Австро-Венгрии уезжало больше эмигрантов, чем из России. Однако в начале XX в. ситуация меняется радикальным образом, и на этот раз количество покинувших Россию эмигрантов превышало численность приехавших в страну иммигрантов из Австро-Венгрии.

Развитие миграционных потоков между Россией и Австро-Венгрией предполагало регулирование возможных конфликтов, возникающих у подданных империй на территории соседа или по отношению к собственному государству. В 1874 г. Россия и Австро-Венгрия подписывают конвенцию о взаимной выдаче преступников (Сборник..., 1906: 563–573). В 1890 г. стороны договорились о взаимодействии Варшавского военно-окружного суда и военных судов, приграничных с Россией Галиции и Буковины (Декларация, 1890). Они, помимо всего, должны были наказывать за незаконное пересечение границы. Вена и Санкт-Петербург договорились об упрощенной процедуре пересечения границы для людей, проживавших в приграничной зоне.

Первые россияне приезжают в империю Габсбургов в XVIII в. Это были представители аристократии и старообрядцы. С 60-х гг. XIX в. увеличивается количество подданных России, постоянно проживавших на территории империи Габсбургов. В 1869 г. их численность составила 4,1 тыс. чел., в 1900 г. 21,0 тыс. чел. и, по данным последней переписи населения, проведенной в Австро-Венгрии в 1910 г., – около 41 тыс. чел. Значительная часть россиян сосредотачивается в Вене (Оболенский, 1928: 17). К началу 1912 г. их численность превысила 5,3 тыс. чел. (Птицын, 2011: 245). Крупные общины подданных России также формируются в Праге, Кракове, Львове, Леобене, Граце, где находились крупные университеты. Данное обстоятельство объясняется доминированием среди россиян, проживавших в Австро-Венгрии, учащейся молодежи. В австрийской столице российские студенты составляли от 60 % до 75 % от численности всей общины.

Большую часть подданных России, оказавшихся в империи Габсбургов, составляли евреи, стремившиеся выбраться из «черты оседлости», люди, напуганные еврейскими погромами, прокатившимися по России в конце XIX – начале XX вв. Часть евреев занималась предпринимательской деятельностью на территории империи Габсбургов, рассчитывая со временем получить подданство Австро-Венгрии. Евреи составляли значительную часть российской учащейся молодежи в университетах Австро-Венгрии. Многие из них допускали возможность возвращения в Россию. Евреев Австро-Венгрия привлекала либеральным политическим строем и демократичностью

системы образования. Часть российских евреев, не сумев обустроиться на новом месте, эмигрировала в США.

Поляки, подданные России, также составляли довольно большую группу иностранцев, проживавших на территории империи Габсбургов. Многие из них проживали в Галиции, где польская элита играла ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни данной коронной области, где располагалось два крупных университета (Краковский и Львовский). Активизация украинского национального движения привлекала украинцев России в Галицию и Буковину, в том числе для прохождения обучения в Львовском и Черновицком университетах, в которых начинают преподавать украинский язык и историю. Кроме отмеченных этнических групп, в Австро-Венгрии приезжали русские, немцы, жители Прибалтики, подданные России. Подавляющая часть россиян приезжала в австрийскую половину империи Габсбургов. Она импонировала наличием больших политических свобод, более высоким уровнем жизни и наличием значительного славянского населения. Кроме этого практически все жители России не владели венгерским языком, что создавало большие проблемы для их интеграции в Венгрии.

Особое место в миграционных потоках жителей России в Австро-Венгрии в начале XX в. играли сезонные рабочие, приезжавшие на заработки через Галицию и Буковину в империю Габсбургов. Частично они перебирались дальше, в Германию. Данная тенденция проявляется в начале XX в. Основную часть сезонных рабочих составили этнические поляки и украинцы. Отработав положенный срок в Австро-Венгрии, они возвращались в Россию до следующего года. В 1911–1912 гг. их численность достигла 87 тыс. чел. ([Полферов, 1914](#)).

В качестве отдельной категории подданных России, проживавших в Австро-Венгрии, следует отметить политических эмигрантов. В Вене в разные годы проживали представители ряда оппозиционных партий, в том числе большевиков (Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин и др.).

Во второй половине XIX в. нарастает приток подданных Австро-Венгрии в Россию, включая колонистов. Они в основном прибывали в Юго-Западный край, главным образом в Волынскую губернию, где колонисты получали различные льготы от российского правительства. Такая политика продолжалась до 80-х гг. XIX в. Основную массу колонистов составляли чехи, их колонии появляются в Северном Причерноморье и на Кавказе. По данным переписи населения 1897 г., в России проживало 121,6 тыс. подданных Австро-Венгрии ([Общий свод..., 1897: 116–117, 228](#)). В этническом отношении среди них преобладали чехи и словаки (50,4 тыс. чел.). Крупные этнические группы среди мигрантов также составляли поляки и украинцы.

Больше всего подданных Австро-Венгрии проживало в Волынской, Киевской, Подольской губерниях – 39,5 тыс. чел. (37 %), в Бессарабской, Херсонской, Таврической губерниях – 18,2 тыс. чел. (17 %), более 2,8 тыс. чел. (2,7 %) находилось в Санкт-Петербурге и Москве. На Кавказе проживало относительно небольшое количество подданных Австро-Венгрии, всего 2,6 тыс. чел. (2,4 %), в том числе 706 чел. – в Черноморской губернии, 593 чел. – в Кубанской области, 220 чел. – в Терской области и 110 чел. – в Ставропольской губернии. В основном подданные Австро-Венгрии размещались в сельской местности (77 %). В Ставропольской губернии украинцы работали на хуторах местных жителей в качестве сезонных рабочих, а румыны – чабанов ([ГАСК. Ф.101. Канцелярия Ставропольского губернатора. Оп. 4. Д. 1830. Л. 161–166](#)).

В городах самые крупные общины подданных Австро-Венгрии находились в Варшаве – 4,4 тыс. чел., Одессе – 2,5 тыс., Лодзи – 1,9 тыс. чел. и в Киеве – 1,4 тыс. В городах подданные Австро-Венгрии работали на промышленных предприятиях, занимались торговлей и предпринимательством, много среди них насчитывалось представителей интеллигенции.

Российское правительство довольно избирательно относилось к эмиграции подданных Австро-Венгрии на свою территорию. В конце XIX в. растет численность украинских крестьян Галиции, желавших ввиду бедности переселиться в Россию в поисках лучшей доли. В Санкт-Петербурге опасались увеличения численности сельского пролетариата в стране, являющегося основой для социальных и политических волнений ([АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514. Д. 376](#)). Поэтому российское правительство стремилось не допустить переезда в страну значительного количества малоимущих слоев населения из империи Габсбургов.

Со второй половины XIX в. большой популярностью среди россиян пользовались австрийские курорты, и прежде всего Карлсбад (Карловы Вары), Мариенбад (Марианске-Лазне), Франценсбад (Франтишкови-Лазне), Баден и другие. Российская публика с удовольствием приезжала для отдыха и лечения, в том числе с помощью минеральных вод. Только в 1911 г. Карлсбад посетила 71 тыс. курортников, в том числе 20 тыс. из России ([ЦС, 1915: 118](#)). На курортах к россиянам относились с особым почтением. Они тратили значительные средства во время отдыха и лечения. Это их отличало от представителей других государств. Многие медицинские светила специально приезжали из Вены, чтобы провести обследования состоятельных россиян. На рубеже XIX–XX вв. некоторые пансионаты и лечебницы начинают ориентироваться только на лечение и размещение россиян.

Российских курортников можно разделить на несколько категорий. Первыми на австрийские курорты приехали представители аристократии и высших слоев общества, затем ряды курортной публики пополняют представители новой деловой элиты, разбогатевшей в результате развития капиталистической экономики в России, затем к ним присоединяется средний класс. Австрийские

курорты манили нуворишей, стремившихся на отдыхе продемонстрировать свой высокий социальный статус и завести необходимые знакомства, их заветной целью являлось признание высшего общества. Нередко курорты австрийской половины империи Габсбургов привлекали различных аферистов из России.

На курорты приезжали и представители дома Романовых. В июне 1907 г. Великий князь Михаил Александрович вместе с Великой княжной Ольгой Александровной и ее мужем принцем П.А. Ольденбургским приехали в Карлсбад для лечения местными минеральными водами. В это время в Мариенбаде отдыхал герцог Ю.М. Лехтенбергский (Мордвинов, 2014). Высокопоставленные россияне встречались в Карлсбаде в кафе «Posthof».

Австрийские курорты становятся любимым местом отдыха для представителей творческой интеллигенции России. В Мариенбаде лечились Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, А.К. Толстой, Н.С. Лесков, К.С. Станиславский, М. Горький и др. В Карлсбад постоянно приезжал князь В.П. Мещерский, издававший газету «Гражданин» (Чичерин, 2010: 104). На курорте отдыхали И.С. Тургенев, Н.А. Островский, И.П. Павлов, Ф.И. Шаляпин, А.К. Толстой. В 1911 г. в Карлсбаде встречались К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко (Станиславский, 1960: 537). Именно в Карлсбаде Ф.И. Тютчев написал романс «Я встретил Вас – и все былое...» после встречи с одной из представительниц аристократии. Русские курортники любили организовывать поездки друг к другу в соседние города для проведения совместного досуга.

Постепенно набирают оборот туристические поездки учащейся молодежи в Австро-Венгрию. Летом 1911 г. группа гимназистов Батумской гимназии и сопровождающих их лиц посетила Венгрию, где им был организован прием на высшем уровне с участием представителей Министерства образования страны (АВПРИ Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 583. Л. 71). Российское министерство просвещения и благотворительные организации приводили экскурсии для учителей в городах Европы, в том числе и в Австро-Венгрии.

Поток туристов из Австро-Венгрии в Россию не был многочисленным. Он включал отдельные группы путешественников. Особое внимание для альпинистов из империи Габсбургов представляли Кавказские горы. С 80-х гг. XIX в. на Кавказе постоянно появляются группы альпинистов и туристов из Австро-Венгрии. Многие группы, помимо всего, преследовали цель научного изучения региона. Особо здесь хотелось бы отметить графа Е. Зичи.

Опыт и традиции становления курортов в Австро-Венгрии наложили отпечаток на развитие российских курортов. В 1823 г. доктор А.П. Нелюбин, изучая минеральные воды на Северном Кавказе, стремился их классифицировать, сравнивая с минеральными водами Карлсбада и Мариенбада (Пятигорские..., 1886: 205). Один из горячих сторонников превращения Кавказских Минеральных Вод в курорт мирового значения доктор С.А. Смирнов активно изучал зарубежный опыт развития курортного дела, в том числе посещая Австро-Венгрию. В конце XIX – начале XX вв. в России постоянно звучала критика по поводу развития отечественных курортов, в том числе на Кавказский Минеральных Водах. Курортники жаловались на дороговизну, необустроенность курортного хозяйства и скуку, приводя в пример зарубежные курорты (Пятигорские..., 1886: 73). В качестве образца для подражания приводился опыт довольно молодого по меркам империи Габсбургов курорта Закопане, где усилиями общественности и частного капитала город в кратчайший срок превращается в популярный курорт (Шепелевич, 1905: 99–100). Данный факт признавали и представители высшего государственного аппарата России. Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов подчеркивал важность при развитии курортов на Кавказе изучения полезного опыта создания в Карлсбаде за довольно короткий срок (вторая половина XIX в.) образцовой курортной инфраструктуры (Записка..., 1898: 12).

Особое место в развитии отношений между Россией и Австро-Венгрией занимали культурные связи. Между империями наметился своеобразный межкультурный диалог, отразившийся в восприятии и заимствовании лучших культурных достижений друг друга. В Австро-Венгрии большой интерес вызывало творчество Ф.И. Достоевского, А.П. Чехова, П.И. Чайковского. В свою очередь в России постоянно отслеживали последние новости из культурной жизни Вены.

Данная тенденция нашла отражение и в самом массовом, театральном искусстве. В Австро-Венгрии большой популярностью пользовались пьесы А.П. Чехова и других российских авторов. Творчество А.П. Чехова оказало влияние и на одного из самых известных австрийских драматургов этого времени А. Шницлера. В его произведении «Три пуда любви» прослеживается некая параллель со знаменитой «Чайкой» (Ищук-Фадеева, 2004: 498). А.П. Чехов трижды посещал австрийскую столицу (апрель 1891 г., декабрь 1900 г. и сентябрь 1894 г.). Уже в первый приезд город произвел на русского писателя самое положительное впечатление (Чехов, 1976: 199). В 1906 г. Московский художественный театр гастролировал в Вене и Праге. В Вене театр показал зрителям одни из лучших своих спектаклей – «Царь Федор Иоанович», «Дядя Ваня», «На дне». Искушенная венская театральная публика с большим восторгом восприняла спектакли МХТ, венская пресса опубликовала самые положительные рецензии (Немирович-Данченко, 1938: 253–254). В Вене русские актеры имели возможность познакомиться с известными австрийскими драматургами А. Шницлером и Г. Гуптманом. С 20 по 31 октября МХТ дал 12 спектаклей в Праге, а 2 ноября – концерт с участием К.С. Станиславского, О.Л. Книппер-Чеховой, И.М. Москвина, В.И. Качалова. В Праге российские

артисты встретили радушный прием. Все ведущие чешские газеты подробно описывали гастроль МХТ (Савичева, 2008: 95–101). С 1874 г., когда в одном из театров Будапешта состоялась постановка «Ревизора» Н.В. Гоголя, венгерские театры постоянно ставили спектакли по произведениям А.П. Чехова, И.С. Тургенева, М. Горького, и каждый раз они являлись событием в культурной жизни Венгрии (Якименко, 2016: 157). На М. Горького сильное впечатление произвела философская драма венгерского драматурга И. Мадича «Трагедия человека».

Взаимоотношения России и Австро-Венгрии нашли отражение в области живописи. На протяжении многих лет венгр М.А. Зичи являлся придворным художником при императорском дворе в Санкт-Петербурге вплоть до своей смерти в 1906 г. В 1881–1882 гг. он посетил Кавказ, который оказал на него неизгладимое впечатление, итогом поездки стало появление 26 иллюстраций к «Витязю в тигровой шкуре» (Будаи, 2014: 91). В живописи также наметился диалог между художниками двух империй. Творчество Г. Климта оказало большое влияние на многих русских художников, в том числе М.А. Врубеля (Киселев, 1997: 303–304). В 1883, 1886, 1898 гг. в Австро-Венгрии с большим успехом проходили выставки картин В. Верещагина (Верещагин, 1896: 234). Они повлияли на восприятие художниками Австро-Венгрии войны и ее последствий.

Тесные творческие связи объединяли двух великих музыкантов П.И. Чайковского и Г. Малера. П.И. Чайковский предоставил эксклюзивное право Г. Малеру на постановку оперы «Евгений Онегин» в Германии. В 1881 г. состоялся скрипичный концерт П.И. Чайковского в Вене, но публика его восприняла прохладно. Но как только Г. Малер становится главным режиссером Венской оперы, он в 1897 г. ставит на ее сцене «Евгения Онегина», в 1900 г. – «Иоланту» и в 1902 г. – «Пиковую даму». Данные постановки получили признание публики и критиков. В 1897 г. Г. Малер впервые посещает Москву, но его гастроль прошла малозаметно. Однако в 1902 и в 1907 гг. его поездки в Санкт-Петербург вызвали большой интерес среди публики и восторженные отклики критиков.

В Санкт-Петербург и Москву постоянно приезжали артисты и музыканты из Австро-Венгрии. В 1890 г. обе российские столицы посещает А. Дворжак, дирижировавший оркестрами, исполнявшими его музыку. В России с большой теплотой встретили чешского композитора. Музыканты и артисты из Австро-Венгрии приезжали в самые отдаленные регионы России. В начале 1914 г. в Ставрополе гастролеровал симфонический оркестр, состоявший из подданных империи Габсбургов (СК, 1914: 2).

В начале XX в. популярность российского балета выходит далеко за пределы империи Романовых. В феврале 1903 г. М. Кшесинская посетила с гастролью Вену, где ей был устроен ошеломляющий прием. На один из ее спектаклей пришел император Франц-Иосиф, приветствуя российскую балерину вместе с публикой после завершения представления (Кшесинская, 1992: 92–93). Вторая раз она приезжает в Вену в составе труппы С.П. Дягилева в феврале 1912 г., кроме австрийской столицы труппа посетила Будапешт, где русские артисты имели ошеломляющий успех, включая М. Кшесинскую и В. Нежинского (Кшесинская, 1992: 144).

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. многие россияне получали образование в университетах Австрии. В 1891–1892 гг. в Университете г. Грац посещал семинары австрийского социолога Л. Гумпловича известный впоследствии российский экономист, публицист и общественный деятель П.Б. Струве (Пивоваров, 2006: 320). Российский лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ обучался в Карловом университете в Праге и в Венском университете, в 1892–1893 гг. он посетил словенские земли с целью изучения местных диалектов, впоследствии ученый регулярно приезжал в данный регион австрийской половины империи Габсбургов. С 1893 по 1899 гг. он преподавал в Краковском университете. Несколько уроженцев Австро-Венгрии становятся профессорами ведущих российских университетов (И. Первольф, Д. Лямбль, И. Ягич), еще большее их количество становится учителями в гимназиях страны.

Известный российский историк, журналист и публицист М.П. Погодин отдал своих внуков на обучение в гимназию в Праге, так как его не устраивало качество образования в российских гимназиях (НИО РГБ. Ф. 332. Чижов. Кз. Д. 3. Л. 75). В России наблюдался большой интерес к изучению австро-венгерского опыта развития среднего образования. Известные российские педагоги О. Балабанова, О. Матафтина посещали Вену и Будапешт для знакомства с организацией учебного процесса в гимназиях и школах Австро-Венгрии (Балабанова, 1895: 324–342; Матафтина, 1895).

Значительных масштабов в конце XIX – начале XX вв. достигают научные контакты между Россией и Австро-Венгрией. На развитие российской экономической науки большое влияние оказали работы К. Менгера, Е. Бем-Баверка, Ф. Визера, Е. Филипповича, юриспруденции – А. Менгера, физике – Л. Больцмана и т.д. Массовое увлечение теорией психоанализа З. Фрейда отмечается в России в начале XX в. Работы австрийских и венгерских ученых постоянно публиковались в России. В Австро-Венгрии активно изучали работы микробиолога И.И. Мечникова, физиологов И.М. Сеченова, И.П. Павлова и др. И.М. Сеченов весной 1858 г. учился в Вене у известного психолога Карла Людвига, в 1867–1868 гг. он работал в университете г. Грац. В 1904 г. И.П. Павлов избирается членом Императорского общества врачей в Вене.

5. Заключение

Подводя итоги, следует признать нарастание сотрудничества России и Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX вв. в неполитической сфере в отличие от политических контактов, сопровождаемых «взлетами и падениями». Данная тенденция себя проявила и в последние предвоенные годы (1912 – первая половина 1914 гг.). Между империями наметился межкультурный диалог, оказывавший позитивное влияние на культуру, науку, образование. В экономической сфере отмечается не только обмен товарами, но и через границы проходили идеи организации производства, стандарты качества продукции, инвестиции, высококвалифицированные кадры. Туризм, миграционные потоки открывали империи друг для друга, что способствовало разрушению многих стереотипов и расшатыванию «образа врага».

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Балабанова, 1895 – Балабанова Е. Борьба католического духовенства и светской власти за австрийскую народную школу // *Образование*. 1895. № 4.
- Будаи, 2014 – Будаи Р.К. «Художник его императорского величества». Михай (Михаил Александрович) Зичи (1827–1906 гг.). Судьба венгерского художника в России // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории*. Вып. I. Ставрополь – Капошвар – М., 2014.
- Верещагин, 1896 – Верещагин А. У болгар и за границей. 1881–1893. Воспоминания и рассказы. СПб., 1896.
- ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
- Декларация, 1890 – Декларация, заключенная между Австро-Венгрией и Россией о сношениях между Варшавским военно-окружным судом и военными судами провинций Галиция и Буковина 18 февраля – 3 марта 1890 г. СПб., 1890.
- Донгаров, 1990 – Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.
- Донесение..., 1894 – Донесение Генерального консула в Будапеште К. Базили от 13 июля 1893 г. / Консульские донесения по вопросам, предложенным Высочайше утвержденною, при Министерстве внутренних дел Комиссии по вопросам падения цен на сельскохозяйственные произведения. Вып. 1. СПб., 1894.
- Записка..., 1898 – Записка министра земледелия и государственных имуществ к вопросу о переустройстве Кавказских Минеральных Вод в связи с общим положением бальнеологического дела в России и за границей. СПб., 1898.
- Исламов, 1972 – Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны 1906–1914, М., 1972.
- Ищук-Фадеева, 2004 – Ищук-Фадеева Н. А. Шницлер и А. Чехов. Концепция драматического героя / Модерн. Модернизм. Модернизация. Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX вв. Россия. Австрия. Германия. Швейцария. М., 2004.
- КС, 1909 – Кавказский сборник 1910 г. Тифлис, 1909.
- КХ, 1914 – Кавказское хозяйство. 1914. № 20.
- Киселев, 1997 – Киселев М.В. Густав Климт и русский модерн / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- Конвенция, 1874 – Конвенция о покровительстве мануфактурной промышленности русских подданных с одной стороны и австрийских и венгерских с другой 24 января – 5 февраля 1874 г. СПб., 1874.
- Кшесинская, 1992 – Кшесинская М. Воспоминания. М., 1992.
- Ламздорф, 1991 – Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991.
- Матафтина, 1895 – Матафтина О. Из Пешта в Вену (педагогические заметки) // *Образование*. 1895. № 4.
- Мордвинов, 2014 – Мордвинов А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. Т. 1. М., 2014.
- НИО РГБ – Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки.
- Немирович-Данченко, 1938 – Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М., 1938.
- Оболенский, 1928 – Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.
- Общий свод..., 1897 – Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905.
- Пивоваров, 2006 – Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. М., 2006.
- Полферов, 1914 – Полферов Я.Я. Насущный вопрос современной сельскохозяйственной жизни // *Торгово-промышленная газета*. 1914. 12 марта.
- Почтовая конвенция, 1873 – Почтовая конвенция, заключенная между Россией и Австро-Венгрией 9/21 мая 1873. СПб., 1873.
- Птицын, 2011 – Птицын А.Н. Российские переселенцы в Австро-Венгрии в последней трети XIX – начале XX вв. // *Науковий вісник Ужгородського університету, серія «Історія»*. Вып. 27. 2011.

- Птицын, 2009** – *Птицын А.Н.* Торгово-экономические связи России и Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4-4.
- Пятигорские..., 1886** – Пятигорские и смежные с ними минеральные воды. Сост. В.С. Богославский. М., 1886.
- Савичева, 2008** – *Савичева Т.С.* Пражские гастроли Московского Художественного театра в 1906 г. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки.* 2008. № 3.
- СК, 1914** – Северокавказский край. 1914. № 815.
- Статистические..., 1896** – Статистические сведения о внешней торговле России. СПб., 1896.
- Сборник..., 1906** – Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. II. СПб., 1906.
- Станиславский, 1960** – *Станиславский К.С.* Собрание сочинений. Т. 7. Письма. 1886–1917 гг. М., 1960.
- Страховая компания, 1913** – Страховая компания // *Торгово-промышленный Юг.* 1913. № 19.
- ЦС, 1915** – Целебная сила. 1915. № 6.
- Чехов, 1976** – *Чехов А.П.* Письма. Т.4 (январь 1890 – февраль 1892 гг.). М., 1976.
- Чичерин, 2010** – *Чичерин Б.* Воспоминания. Т. 2. Московский университет. Земство. Московская дума. М., 2010.
- Шепелевич, 1905** – *Шепелевич Л.* Из Галиции (Закопане) // *Образование.* 1905. № 9.
- Якименко, 2016** – *Якименко О.А.* Русская драма на венгерской сцене, венгерская драма на русской – парадоксы взаимодействия / Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. 2. Ставрополь, 2016.

References

- AVPRI** – Arhiv vneshnepolitiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- Balabanova, 1895** – *Balabanova E.* (1895). Borba katolicheskogo duhovenstva i svetskoy vlasti za avstriyskuyu narodnuyu shkolu [The struggle of the Catholic clergy and secular power for the Austrian people's school]. *Obrazovanie.* No 4. [in Russian]
- Budai, 2014** – *Budai R.K.* (2014). «Hudozhnik ego imperatorskogo velichestva». Mihay (Mihail Aleksandrovich) Zichi (1827-1906 gg.). Sudba vengerskogo hudozhnika v Rossii [«His Imperial Majesty Artist». Mihai (Mikhail Alexandrovich) Zichy (1827-1906). Destiny of the Hungarian artist in Russia]. *Rossiya i Vengriya na perekrestkah evropeyskoy istorii.* Issue. I. Stavropol-Kaposvár-Moscow. [in Russian]
- Vereshchagin, 1896** – *Vereshchagin A.* (1896). U bolgar i zagranicey. 1881-1893. Vospominaniya i rasskazy. [Among Bulgarians and abroad. 1881-1893. Memories and stories]. St. Petersburg. [in Russian]
- GASK** – Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya [State archive of Stavropol region]. [in Russian]
- Deklaraciya, 1890** – Deklaraciya, zaklyuchennaya mezhdru Avstro-Vengriey i Rossiey o snosheniyah mezhdru Varshavskim voenno-okruzhnym sudom i voennymi sudami provinciy Galiciya i Bukovina 18 fevralya-3 marta 1890 g. [Declaration between Austria-Hungary and Russia on the relationship between the Warsaw Military District Court and the military courts of the Galicia and Bukovina provinces from 18 February-3 March 1890]. St. Petersburg, 1890. [in Russian]
- Dongarov, 1990** – *Dongarov A.G.* (1990). Inostranny kapital v Rossii i SSSR. [Foreign capital in Russia and the USSR]. Moscow. [in Russian]
- Donesenie..., 1894** – Donesenie Generalnogo konsula v Budapeshte K. Baziliot 13 iyulya 1893 g. // Konsulskie doneseniya po voprosam, predlozhennym Vysochaysheutverzhdennoyu, pri Ministerstve vnutrennih del Komissii po voprosam padeniya cen na selskohozyaystvennye proizvedeniya. [General Consul K. Baziliot's report in Budapest from July 13, 1893]. Is. 1. St. Petersburg, 1894. [in Russian]
- Zapiska..., 1898** – Zapiska ministra zemledeliya i gosudarstvennyh imushchestv k voprosu o pereustroystve Kavkazskih Mineralnyh Vod v svyazi s obshchim polozheniem balneologicheskogo dela v Rossii i zagranicey [Note by the Minister of Agriculture and State Property to the issue of the reconstruction of the Caucasian Mineral Waters in connection with the general situation of balneological business in Russia and abroad]. St. Petersburg, 1898. [in Russian]
- Islamov, 1972** – *Islamov T.M.* (1972). Politicheskaya borba v Vengrii nakanune pervoy mirovoy voyny 1906–1914. [Political struggle in Hungary on the eve of the First World War 1906-1914]. Moscow. [in Russian]
- Ishchuk-Fadeeva, 2004** – *Ishchuk-Fadeeva N.* (2004). A. Shnicler i A. Chekhov. Konceptiya dramaticheskogo geroya [A. Schnitzler and A. Chekhov. The concept of dramatic hero]. *Modern. Modernizm. Modernizaciya. Normy i kazusy v evropeyskoy culture na rubezhe XIX-XX vv. Rossiya. Avstriya. Germaniya. Shveytariya.* Moscow. [in Russian]
- KS, 1909** – Kavkazskiy sbornik 1910 g. Tiflis, 1909. [in Russian]
- KH, 1914** – Kavkazskoe hozyaystvo. 1914. No. 20. [in Russian]
- Kiselev, 1997** – *Kiselev M.V.* (1997). Gustav Klimt i russkiy modern [Gustav Klimt and Russian Modern / Austro-Hungary: integration processes and national specifics]. *Avstro-Vengriya: integracionnye processy i nacionalnaya specifika.* Moscow. [in Russian]

- [Konvenciya, 1874](#) – Konvenciya o pokrovitelstve manufakturnoy promyshlennosti russkikh podannykh s odnoy storony i avstriyskikh i vengerskikh s drugoy 24 yanvarya – 5 fevralya 1874 g. [Convention about protection of the manufacturing industry of the Russian citizens on the one hand and the Austrian and Hungarian on the other January 24 – February 5, 1874]. St. Petersburg, 1874. [in Russian]
- [Kshesinskaya, 1992](#) – *Kshesinskaya M.* (1992). Vospominaniya. [Memories]. Moscow. [in Russian]
- [Lamzdorf, 1991](#) – *Lamzdorf V.N.* (1991). Dnevnik 1894-1896. [Diary 1894-1896]. Moscow. [in Russian]
- [Mataftina, 1895](#) – *Mataftina O.* (1895). Iz Peshta v Venu (pedagogicheskie zametki) [From Pest to Vienna (pedagogical notes)]. *Obrazovanie*. No. 4. [in Russian]
- [Mordvinov, 2014](#) – *Mordvinov A.* (2014). Iz perezhitogo. Vospominaniya fligel-adyutanta imperatora Nikolaya II. Vol. 1. [From the experience. Memories of aide-de-camp of the Emperor Nicholas II]. Moscow. [in Russian]
- [NIO RGB](#) – Nauchno – issledovatel'skiy otdel Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Research Department of the Russian State Library]. F. 332. Chizhov. K3. D. 3. [in Russian]
- [Nemirovich-Danchenko, 1938](#) – *Nemirovich-Danchenko V.I.* (1938). Iz proshlogo [From the experience]. Moscow. [in Russian]
- [Obolenskiy, 1928](#) – *Obolenskiy (Osinskiy) V.V.* (1928). Mezhdunarodnye i mezhkontinentalnye migratsii v dovoennoy Rossii i SSSR. [International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR]. Moscow. [in Russian]
- [Obshchiy svod..., 1897](#) – Obshchiy svod po imperii rezultatov razrabotki dannykh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya proizvedennoy 29 yanvarya 1897 g. [Common summary of the data development results of the empire of the First General Population Census, carried out on January 29, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg, 1905. [in Russian]
- [Pivovarov, 2006](#) – *Pivovarov Yu.S.* (2006). Dva vekarusskoy mysli [Two centuries of Russian thought]. Moscow. [in Russian]
- [Polferov, 1914](#) – *Polferov Ya.Ya.* (1914). Nasushchnyy vopros sovremennoy selskohozyaystvennoy zhizni [The essential issue of modern agricultural life]. *Torgovo-promyshlennaya gazeta*. 12 marta. [in Russian]
- [Pochtovaya konvenciya, 1873](#) – Pochtovaya konvenciya, zaklyuchennaya mezhdru Rossiei i Avstro-Vengriey 9/21 maya 1873 [Postal Convention, 1873 – Postal Convention concluded between Russia and Austria-Hungary on 9/21 May 1873]. St. Petersburg, 1873. [in Russian]
- [Pticyn, 2011](#) – *Pticyn A.N.* (2011). Rossiyskie pereselency v Avstro-Vengrii v posledney treti XIX – nachale XX vv. [Russian immigrants in Austria-Hungary in the last third of the XIX – early XX centuries]. *Naukoviy visnik Uzhgorodskogo universitetu, seriya «Istoriya»*. Is. 27. [in Russian]
- [Pticyn, 2009](#) – *Pticyn A.N.* (2009). Torgovo-ekonomicheskie svyazi Rossii i Avstro-Vengrii v konce XIX – nachale XX vv. [Russian and Austro-Hungarian trade and economic relations in the late XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4-4. [in Russian]
- [Pyatigorskies..., 1886](#) – Pyatigorskies i smezhnye s nim mineralnye vody. Sost. V.S. Bogoslavskiy. [Pyatigorsk, 1886 – Pyatigorsk and adjacent to them mineral waters]. Moscow, 1886. [in Russian]
- [Savicheva, 2008](#) – *Savicheva T.S.* (2008). Prazhskie gastroli Moskovskogo Hudozhestvennogo teatra v 1906 g. [Prague tours of the Moscow Art Theater in 1906]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 3. [in Russian]
- [SK, 1914](#) – Severokavkazskiy kray. 1914. No. 815. [in Russian]
- [Statisticheskie..., 1896](#) – Statisticheskie vedeniya o vneshney trgovle Rossii [Statistical information about Russia's foreign trade]. St. Petersburg, 1896. [in Russian]
- [Sbornik..., 1906](#) – Sbornik deystvuyushchih traktatov, konvency i soglasheniy, zaklyuchennykh Rossiei s drugimi gosudarstvami [Collection of existing treaties, conventions and agreements concluded by Russia with other states]. Vol. II. St. Petersburg, 1906. [in Russian]
- [Stanislavskiy, 1960](#) – *Stanislavskiy K.S.* (1960). Sobranie sochineniy [Collected works]. T.7. Pisma. 1886-1917 gg. Moscow. [in Russian]
- [Strahovaya kompaniya, 1913](#) – Strahovaya kompaniya [Insurance Company]. Torgovo-promyshlennyy Yug. 1913. No.19. [in Russian]
- [CS, 1915](#) – Celebnaya sila. 1915. No.6. [in Russian]
- [Chekhov, 1976](#) – *Chekhov A.P.* (1976). Pisma [Letters]. T.4 (yanvar 1890 – fevral 1892 gg.). Moscow. [in Russian]
- [Chicherin, 2010](#) – *Chicherin B.* (2010). Vospominaniya [Memories]. T.2. Moskovskiy universitet. Zemstvo. Moskovskaya дума. Moscow. [in Russian]
- [Shepelevich, 1905](#) – *Shepelevich L.* (1905). Iz Galicii (Zakopane) [From Galicia (Zakopane)]. *Obrazovanie*. No.9. [in Russian]
- [Yakimenko, 2016](#) – *Yakimenko O.A.* (2016). Russkaya drama navengerskoy scene, vengerskaya drama narusskoy – paradoksy vzaimodeystviya [Russian drama on the Hungarian scene, the Hungarian drama on Russian – the paradoxes of interaction]. *Rossiya i Vengriya na perekrestkah evropeyskoy istorii*. Is. 2. Stavropol. [in Russian]

**Россия и Австро-Венгрия: неполитический диалог двух империй
в последней трети XIX – начале XX вв.**

Игорь Владимирович Крючков ^а, Наталья Дмитриевна Крючкова ^{а, *}

^а Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В представленном материале рассматриваются взаимоотношения России и Австро-Венгрии в области экономики, туризма, науки и образования в последней трети XIX – начале XX вв. В качестве отдельной проблематики анализируются миграционные потоки между двумя соседними империями. В статье подчеркивается заинтересованность Вены и Санкт-Петербурга в расширении связей в указанных областях.

В качестве исторических источников для изучения представленной темы выступают архивные материалы, дипломатические документы, материалы периодической печати, статистические сведения, мемуарная литература.

В заключении авторы приходят к выводу, что, несмотря на острые политические конфликты, возникавшие между Россией и Австро-Венгрией, между двумя империями активно развиваются межкультурный диалог, экономические связи и миграционные потоки. В статье подчеркивается приоритетное расширение связей России с австрийской половиной империи Габсбургов, которая в экономическом и культурном плане опережала Венгрию и где славянское население играло большую роль в социально-экономической, политической и культурной жизни общества. Неполитические контакты не снижаются после Балканского кризиса 1908 г., поставившего Россию и Австро-Венгрию в сложную ситуацию, грозившую началом войны. Данный факт с полным основанием проявился и в первом полугодии 1914 г.

Ключевые слова: Россия, Австро-Венгрия, туризм, внешняя торговля, межкультурный диалог, миграция, последняя треть XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: igory5@yandex.ru (И.В. Крючков), intisto8nk@yandex.ru (Н.Д. Крючкова)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1186-1194. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1186
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Agriculture in the North Caucasus in late 19th – early 20th century: Evolutional Challenges

Valery N. Ratushnyak ^{a, *}, Tatyana V. Ratushnyak ^a

^a Kuban State University, Russian Federation

Abstract

North Caucasian region as integral part of the Caucasus is justly considered one of the most ancient world agricultural centers. The origins of the North Caucasian contemporary agriculture date back to late 19th century when crop farming had become strategic one in the regional agricultural output especially in its steppe part. However the agricultural progressive growth in the region wasn't carried in no uncertain terms that depended firstly on the socioeconomic conditions (possession of much land in steppe zone and land scarcity in the foothill, rent development etc.). Humus high content in the steppe plough layer predicated the long-term application of extensive agriculture systems and also systemless soil exploitation. But that entirely didn't cause slack period in development of capitalist production where hired labor and the newest technic were being used more widely. For that time using of fallow-swidden farming resulted from economic efficiency. Not high crop yield but on large land size was paid back by means of insignificant expenses of extensive farming. But while reducing field boundaries Kuban Cossacks and Stavropol peasants more often were passing on to more intensive systems of soil cultivation. In the foothills where crop farming was developing by means of higher labor efforts of manufacturer there was curtailing of several grain crops resulted from their growth in the steppe zone.

Keywords: North Caucasus, crop farming, agricultural systems, steppes, foothills, tobacco, grain, tilled crops, community, crop rotation.

1. Введение

Известно, что сельское хозяйство в дореволюционной России являлось важнейшим сектором экономики. Благополучие большей части населения Российской империи зависело от уровня развития земледелия, эволюция которого шла в целом поступательно, но по-разному, в зависимости от социально-экономических и природно-географических факторов, неодинаковых в различных регионах страны. Специфическими они были и на Северном Кавказе, который на рубеже XIX и XX вв. заявил о себе как о крупнейшем производителе сельскохозяйственных культур, особенно зерна. Задача статьи состоит в том, чтобы проследить, как развивалось земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв., выявить, что способствовало, а что тормозило это развитие.

2. Материалы и методы

2.1. Статья базируется, прежде всего, на хорошо апробированных в исторических исследованиях статистических источниках, таких, как статистика Российской империи, статистика табаководства, статистические сведения Екатеринодарского биржевого комитета. Дополняют источниковую базу аутентичные данные, извлеченные из архивохранилищ северокавказского региона. Широкая источниковая фактура содержится в исследованиях дореволюционных и советских историков.

* Corresponding author

E-mail addresses: ratushnyak_vn@mail.ru (V.N. Ratushnyak),
tatyana.ratushnyak@mail.ru (T.V. Ratushnyak)

2.2. Методологическую основу статьи составляют основополагающие принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма позволил учесть социально-экономическую ситуацию развития земледелия в конкретную историческую эпоху. Принцип объективности дал возможность учесть всю совокупность выявленных фактов с учетом степени их достоверности. Системный метод позволил увидеть земледелие как единую развивающуюся систему, несмотря на различия земледелия в разных районах и у разных сословных групп населения. Из специально-исторических методов применялись историко-генетический и историко-сравнительный. Первый позволил проследить генетическую связь развития земледелия во времени и пространстве. Второй метод дал возможность выделить специфические черты эволюции земледелия Северного Кавказа.

3. Обсуждение

Вопрос о специфике эволюции земледелия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. почти не изучен, хотя предпосылки для этого были (Ратушняк, 1973; Ратушняк, 1977; Ратушняк, 1985). Кроме того, есть близкие по тематике работы дореволюционных (Щербина, 1889; Колесников, 1909) и советских авторов (Скворцов, 1924; Ортабаев, 1979).

Особенно следует отметить оригинальную работу П.П. Раждаева, в которой автор, опираясь на географическое и хозяйственное районирование Северного Кавказа, оценил эволюцию казачьих, русских и горских крестьянских хозяйств большинства районов региона в начале XX в. В своей работе он детально проанализировал основные типы этих хозяйств, господствовавшие системы полеводства, причины их трансформации и консервации (Раждаев, 1925).

Привлекательна своими статистическими сведениями обстоятельная статья Л.М. Бобырь-Бухановского (Бобырь-Бухановский, 1913). В 1912 г. он путем выборки обследовал около десятка степных станиц Кубанской области, уделив особое внимание их земледельческому производству.

О формировании земледельческого капитализма в Северокавказском крае по мере расширения российского капитализма писал профессор МГУ А.В. Фадеев (Фадеев, 1959).

Земледельческим орудиям, системам земледелия и обрядам, связанным с сельскохозяйственным календарем, посвящена монография Б.А. Калоева (Калоев, 1981). К сожалению, автор не вник в научное понимание плодосменной системы земледелия и поэтому несколько исказил картину ее распространения на Северном Кавказе, тем не менее его книга и сегодня остается полезной для изучения северокавказского земледелия.

4. Результаты

Известно, что северокавказский регион – составная часть Кавказа, который по праву относится к одному из древнейших очагов мирового земледелия. При всем разнообразии природно-климатических условий регион в целом благоприятен для развития сельскохозяйственного производства. Почвенный покров Северного Кавказа в зависимости от природно-географического ландшафта отличается большой пестротой. Однако на обширных степных просторах края в основном преобладают черноземы – наиболее пригодные для зернового земледелия. На 117 тыс. кв. км протянулись они в степных районах Предкавказья, причем более половины из них приходится на правобережье Кубани, где черноземные почвы отличаются особенно высоким содержанием гумуса (перегноя) в пахотном горизонте. Это одни из лучших в стране «пшеничные» почвы.

Менее благоприятны для земледелия почвы горных районов Закубанья, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, где тонкий почвенный покров нередко нарушается снежными обвалами и ливнями. Еще в дореформенный период это вызвало к жизни создание искусственных террасных полей, требующих больших трудовых затрат. Они стали исчезать в горах лишь в конце XIX в. в связи с дальнейшей специализацией земледелия и растущим приоритетом земледельческого производства на равнине (Калоев, 1981: 34).

Малопродуктивными и засушливыми были земли кочевых народов Ставрополя, и почти совсем не отвечала условиям земледелия территория Карачая, где пригодная для пашни земля составляла всего лишь 4,2 тыс. дес. или 1,2 % его площади (Труды Комиссии..., 1908: 38–40).

Вопрос о качестве почвы при исследовании пореформенного российского земледелия является далеко не праздным, хотя, как правило, игнорируется историками. Даже при анализе систем земледелия о плодородии обрабатываемой земли нередко не упоминают, хотя формы земледелия и даже структура посевов зависели не только от социально-экономических факторов, но и в определенной степени от природно-географических условий.

В 1860–1880-е гг. на большей части равнинных земель северокавказского региона превалировала залежно-переложная система полеводства. Ее применение было обусловлено многоземельем и вольно-захватным землепользованием, что давало возможность земледельцам периодически заменять снизившие плодородие участки еще непаханными или отдохнувшими. В предгорнолесных зонах региона активно использовалась давно известная подсечная система полеводства. В высокогорных районах Северного Кавказа развивалось так называемое «террасное земледелие», при котором задействовались природные или искусственные земельные деланки, сооружались ирригационные системы, поддерживалось плодородие почвы внесением навоза. Искусственные поля нередко создавались за счет доставки качественной земли из отдаленных мест.

Но в конце XIX в. высокогорное полеводство уже не имело большого значения в деле снабжения его населения сельскохозяйственными продуктами. В степных же районах края, где в конце XIX в. продолжала господствовать залежно-переложная система земледелия, по мере ее усовершенствования допускались определенные отступления от ее классических образцов (сокращались сроки перелога, использовалась паренина, в структуру посевов вводились новые культуры – табак, бобовые). Но эти редкие отступления не меняли в целом основной сути данной формы земледелия. Поэтому трудно согласиться, даже с оговорками, с утверждением Б.А. Калоева о почти повсеместном распространении «плодосменной системы» на всей территории региона во второй половине XIX в. (Калоев, 1981: 62). Действительно, дореволюционные исследователи земледелия Северного Кавказа нередко оперировали таким понятием, как «плодосмен», но оно у них было далеко не адекватно научному пониманию «плодосменной системы», а выражало лишь севообороты с любой комбинационной сменой сельскохозяйственных культур во времени и пространстве, даже если эти культуры были исключительно зерновыми. По-видимому, и Б.А. Калоев имел в виду подобный плодосмен. Об этом свидетельствуют его ссылки на авторитетные данные таких, например, исследователей, как В.П. Христианович, который писал о чередовании зерновых посевов и даже о постоянном использовании залежи (Христианович, 1926: 62).

Между тем известно, что «плодосменная система земледелия» требует чередования зерновых культур не между собой, а с бобовыми и пропашными. Причем последние должны занимать не менее половины засеянной площади. При этом из севооборота начисто исключается не только залежь, но и чистый пар (незанятое паровое поле) (Коссинский и др., 1980: 150–152; Агрономия с основами ботаники, 1980: 156).

В то же время, как это подчеркнул и Б.А.Калоев, пропашные культуры (картофель и т.д.) до 1880-х гг. еще не входили в структуру полевых культур, их разводили в основном на огородах. Горох и фасоль высевались немного, и совсем не культивировались сахарная свекла и кормовые травы (клевер, люцерна и т.п.). Применение наиболее интенсивной «плодосменной системы земледелия» требовало не только больших затрат человеческого труда, но и капитала, использования усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и новейших агрономических знаний. Творческая мысль земледельца неустанно искала способы сохранения и повышения почвенного плодородия, нередко предвосхищая и используя отдельные элементы будущих интенсивных систем земледелия, в том числе и плодосменной.

С увеличением численности населения, ростом посевных площадей, переходом земледельцев от вольно-захватного землепользования к передельно-паевому, перебазированием части горского населения на более удобные равнинные земли, развитием торгово-предпринимательских отношений модифицировались и системы полеводства. Уже в конце XIX – начале XX вв. в северокавказском регионе встречались хозяйства, которые высевали сельскохозяйственные культуры по черному пару, использовали многопольный севооборот, применяли искусственное травосеяние, боролись за сохранение плодородия почвы, применяя пропашные культуры. Использование интенсивных систем полеводства, прежде всего, плодосменной, вставало на повестку дня земледельца (ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2980. Л. 169–170; Котов, 1900: 45, 68–85).

Конечно, высокая для своего времени культура земледелия была доступна не каждому, а прежде всего зажиточным хозяевам. И чем меньше был груз пережиточных форм общественных отношений, патриархальных порядков и традиций, чем лучше крестьянство было обеспечено землей и выше был общий социально-экономический уровень развития деревни, тем больше открывались возможности для внедрения более прогрессивных систем земледелия, экономически целесообразнее использовалось естественное плодородие почвы. Так, по данным А. Твалчрелидзе, в конце XIX в. в Ставропольской губернии до 30 % сел практиковали трехполье, почти столько же – плодосмен, до 17 % – залежную систему. В остальных селениях использовались как те, так и другие формы земледелия (Твалчрелидзе, 1897: 5–734). Прогресс, как видим, налицо, хотя, конечно, нельзя абсолютизировать эти данные. Применяемый плодосмен в большинстве случаев был тот, о котором писали многие дореволюционные авторы, а также и Б.А. Калоев. Однако не исключено, что использовалась и близкая к ее классическому типу плодосменная система. Но ее использование было возможно лишь в капиталистически поставленных хозяйствах. В остальных хозяйствах она в лучшем случае представляла собой ее суррогат.

В той же мере это относится и к паровой системе земледелия. Даже в 1913 г. старший инструктор по сельскому хозяйству Благодарненского уезда Ставропольской губернии С.Л. Сурмилов писал, что вроде бы многие сельские общества применяют трехпольный севооборот, но классического чередования культур (пар, озимые, яровые) у сельских хозяев он не заметил (ГАСК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 52).

Еще меньше прогресс в эволюции систем земледелия наблюдался в казачьих областях Северного Кавказа. Объезжая в 1903 г. Ейский отдел Кубанской области, его атаман, полковник А.Я. Кухаренко, отмечал, что из 39 посещенных им населенных пунктов, только в шести применялся трехпольный севооборот. «Обыкновенно, – писал он, – жители всю землю обращают под распашку и пашут ее из года в год, не давая перележать» (Ревизионный обзор, 1903: 83).

Борясь с этим, многие сельские общества принимали постановления о переходе всех пайщиков к трехполью. Однако этому решению подчинялись далеко не все. Корреспонденты

Екатеринодарского биржевого комитета сообщали, что постановление сельских сходов выполнялось в основном теми хозяевами, у которых было достаточно живого и мертвого инвентаря, позволявшего им на одну треть сократить засеваемую площадь, но при этом они тщательно ее обрабатывали, использовали лучшие семена и таким образом получали сборы зерна не меньше, чем прежде ([Екатеринодарский биржевой комитет, 1915: 8](#)).

Неэффективность указанных мер приводила к тому, что отдельные станичные общества стали сами брать на себя функции регулирования отдыха и эксплуатации паевой земли общинников. Так, в хуторе Балковском в 1902 г. вся предназначенная для казаков земля делилась на три клина, два из которых шли под пашню, а один под толоку (временный выгон для скота). В течение трех лет каждый клин два года пахался, а один был в кратковременной залежи. Несколько по-иному, но так же с периодическим предоставлением отдыха земле делился станичный юрт в станице Березанской ([Бобырь-Бухановский, 1913: 220–221](#)).

В 1913 г., как об этом можно судить по сведениям добровольных корреспондентов Екатеринодарского биржевого комитета, к так называемому трехполью перешло около 65 % кубанских земледельцев. Следует, однако, отметить, что в Кубанской области земля, которая отдыхала от посевов, как правило, предназначалась для выпаса скота (так называемая «толока») и почти никогда не была под «черным паром», т.е. предварительно не обрабатывалась для посевов. По сути, при такой системе настоящего отдыха земли и не было. Поэтому толочные земли не отличались высокими урожаями. В терских станицах, где еще в начале XX в. нередко практиковалась вольнозахватная форма землепользования, неупорядоченная эксплуатация земли была распространена еще больше, чем на Кубани. Анализируя положение так называемых малоземельных станиц, где по логике вещей должны были в первую очередь перейти к более рациональному землепользованию, младший агроном Терского казачьего войска писал в 1909 г. о том, что возможность для казаков вольно использовать свою землю приводила к тому, что ее хозяин пользовался ею до тех пор, пока она не превращалась в песок. А затем, совершив свое разрушительное по отношению к земле действие, переходил на новый участок ([ЦГА Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 261. Оп. 1. Д. 103. Л. 151](#)). Образно говоря, это была бессистемная «залежная» форма земледелия, которая по мере роста населения и расширения площади посевов постепенно эволюционировала в переложную, т.е. в такую, когда земледелец был вынужден возвращаться на старые пахотные участки через определенное время.

Противоречивой в этом отношении была и роль сельской общины. С одной стороны, она как бы содействовала унификации земельных порядков и даже проявляла заботу о сохранении плодородия почвы, а с другой – с каждым переделом сокращала сроки пользования паевыми участками и тем самым подрывала стимулы к их рациональному использованию и вложению капитала. Еще меньше было этих стимулов у многочисленных арендаторов надельных и частных земель, которые стремились выжать из арендованной на короткое время земли все, что можно было, при наименьших затратах. Лучшей иллюстрацией этому могут служить табачные плантации Черноморской губернии и Закубанья. Большая часть табаководов были турецкоподданными греками и русскими пришлыми крестьянами, арендовавшими у казаков и горцев небольшие участки земли под табачные плантации. Бессменно высевая табак несколько лет подряд, они приводили почву в непригодное состояние. Законоположение 1891 г., запрещавшее аренду казачьих паевых наделов более чем на год, не решало проблемы, да и имело в виду другие цели ([ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 11 \(1891 г.\). СПб., 1894. № 7782](#)). Однако аренда на короткий срок препятствовала рациональному использованию земель, не способствовала интенсификации сельскохозяйственного производства и в 1912 г. была заменена более долгосрочной ([ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 32 \(1912 г.\). Пг., 1914. № 37511](#)).

В горных районах Северного Кавказа мелкие наделы горских крестьян и в начале XX в. продолжали обрабатываться с затратой больших физических усилий. Как правило, они засеивались полностью, но подвергались тщательной обработке и унавоживанию. В некоторых селениях, например, в горной Ингушетии, использовалась паровая система земледелия с ее классическим трехпольным севооборотом и применением черного пара ([Раждаев, 1925: 55](#)). Однако возрастающее поступление сельскохозяйственных продуктов с плоскостных районов Северного Кавказа делало нерентабельным их производство в горах.

На плоскости, где у горских крестьян земли было больше, чем в горах, да и земля была по качеству лучше, особенно на Кабардинской, Осетинской и Чеченской равнинах, известных своими черноземами, была распространена переложная система земледелия. Последняя широко использовалась и в Калмыцкой степи Ставрополя оседлыми и полuosедлыми ногайцами и туркменами.

Как видим, одна из наиболее экстенсивных систем земледелия – залежно-переложная – и в начале XX в., вплоть до революции 1917 г., оставалась на Северном Кавказе одной из ведущих форм поддержания плодородия почвы. Ее продолжительное существование объясняется, прежде всего, относительным многоземельем и экономической целесообразностью. За счет большей площади незначительные урожаи с нее вполне окупали расходы земледельца, а незанятые земли медленно, но все же восстанавливали свое плодородие. Переложная система, хотя и отражала вместе с другими социально-экономическими явлениями определенную ступень в развитии земледелия, в то же время не может служить показателем застоя капиталистического производства (с учетом, разумеется,

конкретного времени и обстановки). Аграрная эволюция Северного Кавказа лишний раз убеждает в этом: капиталистические отношения здесь в конце XIX – начале XX в. развивались довольно быстро.

Капиталистическая специализация сельского хозяйства Северного Кавказа обусловила сокращение скота, особенно на Кубани и Ставрополье, рост посевных площадей за счет вовлечения в обработку непаханных земельных площадей и уменьшения земель, предназначенных под толоку там, где целины уже не сохранилось. Это приводило как к позитивным, так и негативным результатам. С одной стороны, шла интенсификация земледелия: внедрялись интенсивные системы полеводства (плодосменная, зернопропашная и др.), зажиточные хозяева культивировали многопольные севообороты, травосеяние, ирригацию. С другой стороны, шло использование однопольного севооборота, так называемой «вольной» системы полеводства, когда много лет подряд на одной и той же площади высевали одну и ту же культуру, имевшую наибольший рыночный спрос. В степных станицах такими культурами были обычно пшеница и ячмень, в горских аулах Кубанской и Терской областей – просо и кукуруза, в селениях Черноморской губернии – табак. К началу Первой мировой войны третья часть земледельцев Северного Кавказа, в первую очередь арендаторы, мало заботилась о сохранении плодородия своих земель, ежегодно распахивая их под одни и те же культуры. Бесперывные посевы дольше всего выдерживали кубанские почвы с большим содержанием гумуса, но постепенно и их пахотный горизонт разрушался, изменялась структура почвы. В 1913 г. Екатеринодарский биржевой комитет обратился к кубанским земледельцам с вопросом, наблюдалось ли на их землях истощение почвы? Большинство корреспондентов ответило утвердительно. (*Екатеринодарский биржевой комитет, 1913: 6–7, 14–15, 22–23, 30–31, 38–39, 46–47, 54–55*).

П.Н. Раждаев, наблюдая подобные явления в Ставропольской губернии, отмечал, что там окончательно исчезли целинные земли. Стремясь получить как можно больше продуктов со своего надела, его хозяева оставляли долю отдыхающей земли меньше одной трети, да и то без навозного удобрения. Практиковавшаяся система земледелия не способствовала восстановлению почвенного плодородия, о чем свидетельствовало снижение урожаев (*Раждаев, 1925: 125*).

Подобное стало наблюдаться и в плоскостных горских селениях. Тот же П.Н. Раждаев писал, что в плоскостной Ингушетии в отдельных аулах залежную систему полеводства заменило «беспарье». Поля стали ежегодно засеивать кукурузой, не давая им отдыха и не применяя парования. За счет своего естественного плодородия почва долгое время переносила одни и те же культуры, но постепенно начинала истощаться, все чаще давая небольшие урожаи (*Раждаев, 1925: 88*).

Как бы переключаясь с П.Н. Раждаевым, почти то же о предреволюционной Кабарде писал В.П. Христианович. Он, в частности, отмечал, что в ряде кабардинских сел землю засеивали непрерывно без всякой залежи. Объяснение этому он видел в земельной нужде и в том, что земледельцы не понимали, что почвенное плодородие исчерпаемо даже при неприхотливости разводимой ими кукурузы (*Христианович, 1926: 63*). Первая причина особенно примечательна, ибо отражает условия, порождавшие сокращение залежей в период бурного роста товарного производства.

Наличие той или иной формы землевоспользования обусловило в свою очередь особенности и структуру севооборотов. При залежно-переложной системе земледелия по мере роста зернового производства и сокращения сроков залежи по-прежнему высевались лишь злаковые культуры, но с чередованием во времени озимых и яровых хлебов. Залежные участки при этом не обрабатывались, а, как правило, служили выгоном для скота (толокой) (*ГАСК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 37 об.*). При паровой системе земледелия культивировался трехпольный севооборот, когда пар чередовался с озимыми и яровыми хлебами. Однако в большинстве случаев этот севооборот был далек от его распространения в центре страны классического типа, давшего, по сути, второе название этой системе земледелия. В степных районах Северного Кавказа при его использовании нередко, как уже об этом говорилось выше, нарушался порядок чередования культур, а участок, находившийся под паром, не подвергался периодической обработке в течение года. Однако преимущество «трехполя» по сравнению с переложной системой земледелия было очевидным, ибо оно давало возможность занимать под сельскохозяйственные культуры большую часть возделываемой земельной площади.

Еще больше отвечали потребностям времени многопольные севообороты при зернопропашной и плодосменной системах земледелия. В первом случае под чистые пары отводилось меньше площади, чем при трехполье, но они тщательно обрабатывались и удобрялись, а во втором – вместо чистого пара отдыхающие участки занимали кормовыми травами (клевером, люцерной и т.п.).

К развитию этих систем и многопольных севооборотов подталкивала не только истощенность почвы, но и распространение таких товарных пропашных культур, как кукуруза, табак, подсолнечник, а затем и сахарная свекла. Первыми такие севообороты заводили обычно аграрии-предприниматели – владельцы капиталистических экономий, а затем и зажиточные крестьяне, как это было, например, в Ольгинском и Романовском крестьянских селениях Ставропольской губернии. Здесь с 1897 г. был выработан следующий севооборот: 1-й год – черный пар, 2-й год – озимая пшеница, 3-й год – ячмень или яровая пшеница, 4-й год – кукуруза или однолетние кормовые травы. Кукурузу иногда заменяли другими культурами. Использование такого севооборота с сочетанием пропашных культур и пара значительно повышало урожайность сельскохозяйственных культур.

Однако степень распространения подобных севооборотов в хозяйствах Северного Кавказа была в начале XX в. весьма незначительной. Так, П.Н. Раждаев, один из немногих исследователей, кто

специально изучал условия и организацию крестьянских хозяйств в регионе накануне революции 1917 г., писал о полеводстве ставропольских крестьян, что у них не существовало однообразия в севооборотах: случалось, что после трехлетнего посева озимых хлебов три года поле засеивали яровыми или же после двух лет посевов озимых поле пускали под толоку, затем опять в течение трех лет его засеивали озимыми. А были случаи, когда после озимых хлебов поле более десяти лет засеивали яровыми (Раждаев, 1925: 124–125).

То же можно было наблюдать и в других районах Северного Кавказа. В 1915 г. Екатеринодарский биржевой комитет разослал анкету в станицы и селения Кубани, в которой, в частности, был поставлен вопрос о применяемых хозяевами севооборотах. 240 из 391 респондента, или 61,4 %, ответили об отсутствии в их сельских обществах правильных севооборотов. Лишь 38 анкетированных сообщили о применении четырехпольных и многопольных севооборотов в их станицах (Екатеринодарский биржевой комитет, 1916: 21).

В горских селениях Северного Кавказа, расположенных на плоскости, по свидетельству того же П.Н. Раждаева, в связи с господством залежной системы земледелия правильных севооборотов не наблюдалось. Но приверженность, например, чеченцев и осетин к посевам кукурузы создавала предпосылки для чередования пропашных и злаковых культур, а следовательно, к поддержанию более благоприятного режима почвы. Однако пшеничный ажиотаж не обошел стороной и горцев, что выразилось в стремлении горского населения заменять кукурузу посевами пшеницы. В горных аулах, где земельные участки были мизерными, севообороты не отличались большим разнообразием, но почва обрабатывалась более тщательно, больше внимания уделялось внесению естественного плодородия (Раждаев, 1925: 35–94).

Экстенсивное в основном полеводство Северного Кавказа обуславливало невысокую урожайность сельскохозяйственных культур. Прежде всего, это относилось к ведущей зерновой культуре региона – пшенице, которая на рубеже XIX и XX вв. занимала свыше половины посевов Северного Кавказа. Ее среднегодовая урожайность в 1896–1913 гг. составляла не более 54 пуд. с 1 дес. Даже в Европейской России она была выше (до 59 пуд.). Причем самая низкая урожайность в регионе была в Черноморской и Ставропольской губерниях (ниже 50 дес.), наиболее высокая – в Кубанской области, где она приближалась к уровню Европейской России (Статистика Российской империи, 1893–1914: 26–81). Более высокой, чем в центральной части страны, была урожайность яровой пшеницы, повыше – урожайность и других зерновых культур (ячменя, овса, проса). А вот урожайность картофеля и табака была намного ниже. Картофель выращивался главным образом для собственных нужд или для ограниченного одним селением местного рынка, поэтому его разводили на приусадебных огородах или на более плохих полевых участках, не занятых такими торговыми культурами, как зерновые, табак или подсолнечник. К тому же высокая и довольно сухая летняя температура Северного Кавказа отрицательно сказывалась на развитии клубней, снижала урожайность картофеля.

Что касается табака, то здесь следует, прежде всего, отметить, что на Северном Кавказе культивировались главным образом высшие сорта табака из турецких семян, урожайность которых в силу их природных данных была выше, чем низших сортов (махорки и др.), разводимых в большинстве губерний России. Однако, если мы сравним урожайность идентичных сортов табака на Северном Кавказе и в других районах страны (Таврическая, Бессарабская и другие губернии), то увидим, что на Северном Кавказе она была выше, составляя в среднем за 1911–1915 гг. 73 пуд. с 1 дес., а в указанных губерниях только 60 пуд. (Статистика табаководства, 1927: 6–7). И все же урожайность северокавказского табака следует признать невысокой. Главная причина этого состояла в том, что табаководством в основном занимались арендаторы, которые при наименьших затратах пытались получить наилучшие результаты. Между тем такая культура, как табак, обязательно требует использования правильных севооборотов, без чего почва под табаком буквально в течение нескольких лет очень истощается. Так, в наиболее крупном табаководском районе – на Кубани – в 1914 г. из 4 504 табачных плантаторов 3 904, или 86,6 %, были арендаторами, к тому же 2 930 из них были иностранноподданными (Отрыганьев, 1919: 20). В отличие от прогрессирующего роста урожайности табачной культуры в Европейской России на Северном Кавказе и, прежде всего, на Кубани, такого роста, как свидетельствуют данные урожаев, не наблюдалось.

Наконец, отметим и такой факт: урожайность сельскохозяйственных культур на наделных и частновладельческих землях была далеко не одинаковой. Как и в Европейской России, за редким исключением (на Северном Кавказе таким исключением был картофель) частновладельческие земли Северного Кавказа давали в среднем с 1 дес. более высокие урожаи, чем наделные. Это зависело не только от материально-производственной базы частновладельческих хозяйств, которая в целом была выше, чем в крестьянских и казачьих наделных хозяйствах, но и от качества земли, которое, как правило, было лучше.

5. Заключение

Изучение развития земледелия Северного Кавказа демонстрирует поступательную, но не прямолинейную его эволюцию. Причины этого коренились не столько в природно-географических условиях земледелия, что тоже нельзя игнорировать, сколько в социально-экономических факторах (рост населения, многоземелье в степных районах и малоземелье в горных, специфика

трансформации земельных порядков в общинах, рост товарного производства и т.д.). Тот же факт, что в степных, а отчасти и плоскостных районах Северокавказского края, наличествовали плодородные высокогумусные почвы, представлял возможность земледельцам долгое время применять экстенсивные системы земледелия, а кое-где и бессистемно эксплуатировать почву. Однако это вовсе не означало застоя в развитии капиталистического производства в земледелии, где все активнее внедрялись наемный рабочий труд и усовершенствованная сельскохозяйственная техника. Использование экстенсивных систем земледелия, прежде всего, залежно-переложной, диктовалось в то время экономической целесообразностью. Небольшая урожайность, но на значительной площади, вполне окупала предварительные расходы экстенсивного хозяйства. Но уже тогда в губерниях и областях Северного Кавказа встречались экономически крепкие частновладельческие хозяйства с использованием классических образцов плодосменной и других интенсивных систем полеводства. Причем их становилось все больше. Да и казаки, и крестьяне все чаще переходили к более рациональному способу ведения земледельческого хозяйства. Иногда этому способствовали сельские общества, выносившие решение об обязательном соблюдении трехпольного севооборота.

В горских селениях края, расположенных на плоскости, господствовали экстенсивные системы земледелия без правильных севооборотов. Однако внедрение в полевой клин посевов кукурузы создавало предпосылки для чередования непропашных и пропашных культур, а, следовательно, и поддержания более благоприятного режима почвы. В горных и предгорных зонах, менее удобных для расширенного товарно-зернового производства, в связи с ростом конкуренции более дешевых сельскохозяйственных продуктов степных и плоскостных районов Северного Кавказа, шло сокращение посевов ряда зерновых культур, делая невыгодным их производство. При всем том земледелие оставалось традиционным занятием горского населения.

Литература

- Агрономия...**, 1980 – Агрономия с основами ботаники. М., 1980.
- Бобырь-Бухановский**, 1913 – *Бобырь-Бухановский Л.М.* Условия развития и внутренний строй сельского хозяйства на Кубани // *Известия общества любителей изучения Кубанской области*. Екатеринодар, 1913. Вып. 6. С. 217–253.
- ГАСК** – Государственный архив Ставропольского края.
- Екатеринодарский биржевой комитет**, 1915 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай 1914 года и засоренность хлебов в Кубанской области в связи с общими условиями сельского хозяйства. Екатеринодар, 1915. 62 с.
- Екатеринодарский биржевой комитет**, 1913 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай хлебов в 1913 году. Екатеринодар, 1913. 60 с.
- Екатеринодарский биржевой комитет**, 1916 – Екатеринодарский биржевой комитет. Урожай 1915 года и засоренность хлебов в Кубанской области в связи с общим состоянием сельского хозяйства. Екатеринодар, 1916. 64 с.
- Калоев**, 1981 – *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. 249 с.
- Колесников**, 1909 – *Колесников В.П.* Казачье землепользование на Кубани и меры к его улучшению. Екатеринодар, 1909. 23 с.
- Коссинский**, 1980 – *Коссинский В.С., Рубанов А.М., Ткачев В.В., Сучилина А.А.* Основы земледелия и растениеводства. М., 1980. 423 с.
- Котов**, 1900 – *Котов П.Н.* Описание кубанского имения «Хуторок» барона В.Р. Штейнгеля, 1900 г. М., 1900. 196 с.
- Отрыганьев**, 1919 – *Отрыганьев А.Л.* Табаководство в Кубанском крае. Статистический обзор. Екатеринодар – Армавир, 1919. 48 с.
- Ортабаев**, 1979 – *Ортабаев Б.Х.* Земельные отношения и развитие капитализма в сельском хозяйстве Северной Осетии в конце XIX – начале XX вв. (1890–1917 гг.). Орджоникидзе, 1979. 182 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Раждаев**, 1925 – *Раждаев П.Н.* Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов на/Д, 1925. 260 с.
- Ратушняк**, 1973 – *Ратушняк В.Н.* Эволюция землепользования и систем земледелия на Кубани (конец XVIII в. – 1917 г.) // *Проблемы отечественной истории*. М., 1973. Ч. 1. С. 208–227.
- Ратушняк**, 1977 – *Ратушняк В.Н.* К вопросу о земельных отношениях в горском ауле Кубанской области в период капитализма // *Сборник статей по истории Адыгеи*. Майкоп, 1977. Вып. 1. С. 98–111.
- Ратушняк**, 1985 – *Ратушняк В.Н.* О некоторых спорных вопросах современной теории и исторической практики систем земледелия // *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Трудовые традиции крестьян*. Новосибирск, 1985. С. 7–20.
- Ревизионный обзор населенных пунктов...**, 1903 – Ревизионный обзор населенных пунктов Ейского отдела Кубанской области, произведенный в 1903 г. атаманом Ейского отдела, полковником А.А. Кухаренко. Ейск, 1903. 135 с.
- Скворцов**, 1924 – *Скворцов С.А.* Землевладение в Кубанской области: использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1924. 148 с.

- [Статистика Российской империи...](#) – Статистика Российской империи. Урожай 1892–1913. СПб., 1893–1914. 420 с.
- [Статистика табаководства...](#), 1927 – Статистика табаководства и табачного производства в дореволюционной России (1877–1916 гг.) // Сост. П.А. Нарден. М.; Л., 1927. 27 с.
- [Твалчрелидзе, 1897](#) – Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. 741 с.
- [Труды Комиссии по исследованию...](#), 1908 – Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908. 167 с.
- [Фадеев, 1959](#) – Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма вширь) // *История СССР*. 1959. № 6. С. 40–62.
- [Христианович, 1926](#) – Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды // *Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды*. Воронеж, 1926. Т. 2. Вып. 2. С. 20–165.
- [ЦГА РСО-А](#) – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания .
- [Щербина, 1889](#) – Щербина Ф.А. Земельная община кубанских казаков. Воронеж, 1889. 207 с.
- ### References
- [Agronomiya...](#), 1980 – *Agronomiya s osnovami botaniki* [Agronomy with botany principles]. М. [in Russian]
- [Boby'r'-Bukhanovskii, 1913](#) – *Boby'r'-Bukhanovskii L.M.* (1913). *Usloviya razvitiya i vnutrennii stroi sel'skogo khozyaistva na Kubani* [Conditions and internals of agriculture in the Kuban]. *Izvestiya obshchestva lyubitelei izucheniya Kubanskoï oblasti*. Ekaterinodar. № 6. pp. 217–253. [in Russian]
- [Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1913](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. *Urozhai khlebov v 1913 godu* [Ekaterinodar exchange committee. Grain harvest of 1913]. Ekaterinodar, 1913. 60 p. [in Russian]
- [Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1915](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. *Urozhai 1914 goda i zasorennost' khlebov v Kubanskoï oblasti v svyazi s obshchimi usloviyami sel'skogo khozyaistva* [Ekaterinodar exchange committee. Harvest of 1914 and grain dockage in the Kuban area due to general agricultural conditions]. Ekaterinodar, 1915. 62 p. [in Russian]
- [Ekaterinodarskii birzhevoi komitet, 1916](#) – Ekaterinodarskii birzhevoi komitet. *Urozhai 1915 goda i zasorennost' khlebov v Kubanskoï oblasti v svyazi s obshchimi usloviyami sel'skogo khozyaistva* [Ekaterinodar exchange committee. Harvest of 1915 and grain dockage in the Kuban area due to general agricultural conditions]. Ekaterinodar, 1916. 64 p. [in Russian]
- [Fadeev, 1959](#) – *Fadeev A.V.* (1959). *Vovlechenie Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu poreformennoi Rossii (k probleme razvitiya kapitalizma vshir')* [North Caucasus involvement into the economic system of post-reform Russia (on the problem of the capitalism development)]. *Istoriya SSSR*. № 6. 40–62. [in Russian]
- [GASK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraia [State archive of Stavropol Krai]. [in Russian]
- [Kaloev, 1981](#) – *Kaloev B.A.* (1981). *Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza* [Agriculture of the North Caucasus peoples]. М. 249 p. [in Russian]
- [Khristianovich, 1926](#) – *Khristianovich V.P.* (1926). *Sel'skokhozyaistvennye raiony Kabardy* [Agricultural regions of the Kabarda]. *Trudy po estestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy*. Voronezh. Vol. 2. № 2. 20–165. [in Russian]
- [Kolesnikov, 1909](#) – *Kolesnikov V.P.* (1909). *Kazach'e zemlepol'zovanie na Kubani i mery k ego uluchsheniyu* [The Cossack land tenure in the Kuban and its development measures]. Ekaterinodar. 23 p. [in Russian]
- [Kossinskii, 1980](#) – *Kossinskii V.S., Rubanov A.M., Tkachev V.V., Suchilina A.A.* (1980). *Osnovy zemledeliya i rastenievodstva* [Fundamentals of agriculture and crop farming]. М. 423 p. [in Russian]
- [Kotov, 1900](#) – *Kotov P.N.* (1900). *Opisanie kubanskogo imeniya «Khutorok» barona V.R. Shteingelya, 1900 g.* [Description of the Kuban estate «Khutorok» of baron V.R.Shteingel]. М. 196 p. [in Russian]
- [Narden, 1927](#) – *Narden P.A.* (1927). *Statistika tabakovodstva i tabachnogo proizvodstva v dorevolutsionnoi Rossii (1877–1916 gg.)* [Statistic of the tobacco farming and production in the prerevolutionary Russia (1877–1916)]. М.; Л. 27 p. [in Russian]
- [Ortabaev, 1979](#) – *Ortabaev B.Kh.* (1979). *Zemel'nye otnosheniya i razvitie kapitalizma v sel'skom khozyaistve Severnoi Osetii v kontse XIX – nachale XX v. (1890–1917 gg.)* [Land matters and capitalistic development in agriculture of the South Ossetia in late XIX – early XX century]. *Ordzhonikidze*. 182 p. [in Russian]
- [Otrygan'ev, 1919](#) – *Otrygan'ev A.L.* (1919). *Tabakovodstvo v Kubanskom krae. Statisticheskii obzor* [Tobacco farming in the Kuban krai. Statistical review]. Ekaterinodar – Armavir. 48 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian empire]. [in Russian]

- [Ratushnyak, 1973](#) – *Ratushnyak V.N.* (1973). Evolyutsiya zemlepol'zovaniya i sistem zemledeliya na Kubani (konets XVIII v. – 1917 g.) [Evolution of land tenure and agricultural systems in the Kuban (late XVIII – 1917)]. Problemy otechestvennoi istorii. M. Part 1. 208–227. [in Russian]
- [Ratushnyak, 1977](#) – *Ratushnyak V.N.* (1977). K voprosu o zemel'nykh otnosheniyakh v gorskom aule Kubanskoi oblasti v period kapitalizma [The question of land matters in highland aul of the Kuban area during the capitalistic period]. Sbornik statei po istorii Adygei. Maikop. № 1. 98–111. [in Russian]
- [Ratushnyak, 1985](#) – *Ratushnyak V.N.* (1985). O nekotorykh spornykh voprosakh sovremennoi teorii i istoricheskoi praktiki sistem zemledeliya [About some disputable points of modern theory and historical practice of the agricultural systems]. Zemledel'cheskoe osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX v. Trudovye traditsii krest'yan. Novosibirsk. 7–20. [in Russian]
- [Razhdaev, 1925](#) – *Razhdaev P.N.* (1925). Osnovnye cherty organizatsii krest'yanskogo khozyaistva na Severnom Kavkaze [Main features of the North Caucasus peasant agriculture organization]. Rostov-na-Donu. 260 p. [in Russian]
- [Revizionnyi obzor naselennykh punktov..., 1903](#) – Revizionnyi obzor naselennykh punktov Eiskogo otdela Kubanskoi oblasti, proizvedennyi v 1903 g. atamanom Eiskogo otdela polkovnikom A.Ya. Kukhareno [Revisional review of populated localities of the Eisk sector of the Kuban area in 1903 by the Eisk ataman A.Y.Kukhareno]. Eisk. 135 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1889](#) – *Shcherbina F.A.* (1889). Zemel'naya obshchina kubanskikh kazakov [Land community of Kuban Cossacks]. Voronezh. 207 p. [in Russian]
- [Skvortsov, 1924](#) – *Skvortsov S.A.* (1924). Zemlevladienie v Kubanskoi oblasti: ispol'zovanie zemel' obshchinami Kubani [Landowning in the Kuban area: land tenure by the Kuban communities]. Krasnodar. 148 p. [in Russian]
- [Statistika Rossiiskoi imperii...](#) – Statistika Rossiiskoi imperii. Urozhai 1892–1913 [Statistic of the Russian empire. Harvest of 1892–1913]. SPb., 1893–1914. 420 p. [in Russian]
- [TGA RSO-A](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania].
- [Trudy Komissii po issledovaniyu..., 1908](#) – Trudy Komissii po issledovaniyu sovremennogo polozheniya zemlepol'zovaniya i zemlevladieniya Karachaevskogo naroda Kubanskoi oblasti [Proceedings of the Commission for research of modern situation on the land tenure and landowning of the Karachai people of the Kuban area]. Vladikavkaz. 167 p. [in Russian]
- [Tvalchrelidze, 1897](#) – *Tvalchrelidze A.* (1897). Stavropol'skaya guberniya v statisticheskom, geograficheskom, istoricheskom i sel'skokhozyaistvennom otnosheniyakh [The Stavropol province within statistical, geographical, historical and agricultural background]. Stavropol. 741 p. [in Russian]

Земледелие Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: особенности эволюции

Валерий Николаевич Ратушняк ^{a, *}, Татьяна Витальевна Ратушняк ^a

^a Кубанский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Северокавказский регион, как составная часть Кавказа, по праву считается одним из древнейших очагов мирового земледелия. Истоки современного земледелия Северного Кавказа зародились в конце XIX в., когда полеводство стало приоритетным в сельскохозяйственном производстве региона, особенно в его степной части. Однако поступательное развитие земледелия в регионе эволюционировало противоречиво, что зависело в первую очередь от социально-экономических условий (многоземелье в степной зоне и малоземелье в предгорной, развитие аренды и т.д.). Высокое содержание гумуса (перегноя) в пахотном горизонте степей обусловило длительное применение экстенсивных систем земледелия и даже бессистемную эксплуатацию почвы. Но это вовсе не означало застоя в развитии капиталистического производства, где все шире и шире применялся наемный рабочий труд и новейшая сельхозтехника. Использование залежно-переложной системы земледелия диктовалось в то время экономической целесообразностью. Низкая урожайность, но на значительной площади, требовала небольших расходов, оправдывая экстенсивное ведение хозяйства. Однако по мере сокращения полевых наделов казаки и крестьяне все чаще переходили к более интенсивным системам обработки почвы. В предгорьях, где полеводство развивалось за счет повышенного напряжения сил производителя, шло сокращение отдельных видов зерновых культур, обусловленное их ростом в степной зоне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, полеводство, системы земледелия, степи, предгорья, табак, зерновые, пропашные культуры, община, севооборот.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: ratushnyak_vn@mail.ru (В.Н. Ратушняк), tatyana.ratushnyak@mail.ru (Т.В. Ратушняк)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1195-1202. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1195
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Salary as a Source of Material Security of Parish Clergy of the Central Black Earth in the second half of the XIX century – early XX century

Sergey A. Ikonnikov ^{a, *}

^a Voronezh State Agricultural University N. A. Emperor Peter the Great, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XIX – early XX century the problem of material security of parish clergy drew attention not only priests and bishops, but also representatives of the secular public. Orthodox priests played an important role in life of the Russian Empire. Meanwhile, materials of the Special commission on affairs of orthodox clergy had shown that the vast majority of priests was dissatisfied with the material security. The problem was that donations for private services were extremely unstable. Priests and deacons have been forced to be humiliated before parishioners, to demand a payment for commission of sacraments. Many priests considered that establishment of a salary could solve material problems. In the article on the basis of archival documents and published sources the state salary is considered as a source of material security of parish clergy. The state tried to enter a salary throughout Synodic period. However the author comes to a conclusion that government measures had superficial character and weren't real steps to improvement of a situation. The state had no financial resources and couldn't appoint a salary to all clergymen. The government allocated churches only small sums. In 1913 less than a half of parishes of the Central Black Earth's dioceses earned a salary. The problem of providing clergymen with salaries hasn't been solved.

Keywords: Orthodox Church, the Russian empire, dioceses of the Central Black Earth, parish clergy, material security of parish clergymen, salary.

1. Введение

Материальное обеспечение приходского духовенства являлось одной из наиболее значимых проблем в жизни Православной церкви всего синодального периода. Священнослужители выполняли важные функции не только по духовному окормлению паствы, но и в качестве проводников государственной идеологии, опоры самодержавной власти. На плечах клириков лежала ответственность за создание сети церковно-приходских школ и школ грамоты, просветительских братств, обществ трезвости. Нередко священнослужители были единственно образованными людьми в селе, что, безусловно, возвышало клириков в лице прихожан. К пастырям обращались как по духовным вопросам, так и с просьбой помочь в разрешении житейских проблем. Государство стремилось уделять социальному и материальному положению причтов определенное внимание, так как от этого во многом зависело благополучие и нравственное состояние общества. Однако в пореформенный период, несмотря на предпринимаемые меры, священно- и церковнослужители практически повсеместно выражали недовольство уровнем своего благосостояния.

Основной источник материального обеспечения приходского духовенства – требоисполнение – не отличался стабильностью, а приносимые им доходы могли существенно колебаться в зависимости от времени года и природно-климатических условий. Священноначалие и приходские клирики вынуждены были искать более надежные способы обеспечения. Во второй половине XIX – начале XX вв. наиболее стабильным и приемлемым источником содержания клириков считалось жалование.

* Corresponding author

E-mail addresses: ikonnikovsergey88@mail.ru (S.A. Ikonnikov)

2. Материалы и методы

Проблема обеспечения жалованьем духовенства рассматривается на примере епархий Центрального Черноземья, то есть Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской. Статья подготовлена на основе широкого круга архивных материалов и опубликованных источников. Основу источниковой базы составили материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Значительный интерес представляют дела фонда «Присутствие по делам православного духовенства» (Ф. 804), содержащего собранные в 1863 г. мнения приходских священно- и церковнослужителей по наиболее актуальным вопросам церковной реформы Александра II. Практически все причты Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий оставили свои отзывы, в частности высказывали соображения по поводу требоисполнения и его замены фиксированным государственным жалованьем.

Важное значение при написании статьи имели материалы фонда Канцелярии Святейшего Синода (ф. 796), в котором хранятся ежегодные отчеты правящих архиереев, в том числе о состоянии центрально-черноземных епархий.

При проведении исследования использовались такие классические для российской исторической науки методы, как сравнительно-исторический, историко-генетический и метод комплексного анализа источников и литературы. Сравнительно-исторический метод позволил проследить историю развития вопроса о назначении жалованья духовенству на протяжении синодального периода. Историко-генетический метод использовался при выявлении причин сложившихся трудностей в деле материального обеспечения причтов. С помощью указанного метода удалось установить, что основная причина недовольства священнослужителей своими доходами крылась не столько в их размерах, сколько в способе получения, сопряженном с необходимостью унижаться перед прихожанами и выпрашивать плату за совершение чинопоследований. Следует заметить, что объективную картину прошлого возможно восстановить только при комплексном рассмотрении данных источников и достижений исторической науки, что и послужило основанием для использования метода комплексного анализа источников и литературы.

3. Обсуждение

В современной исторической науке появляются исследования, посвященные изучению социальной истории духовного сословия, в которых затрагиваются проблемы материального обеспечения причтов. Большой интерес для специалистов, занимающихся историей духовного сословия, представляют работы Т.Г. Леонтьевой (Леонтьева, 2002), А.И. Конюченко (Конюченко, 2006), М.И. Лавицкой (Лавицкая, 2009), Ю.И. Белоноговой (Белоногова, 2010), С.А. Иконникова (Иконников, 2014), А.В. Шадринной (Шадрина, 2014), А.В. Мангилевой (Мангилева, 2015), Б.Н. Миронова (Миронов, 2015), А.В. Всеволодова (Всеволодов, 2016), Д.А. Беговатова (Беговатов, 2017). Следует заметить, что проблема материального обеспечения приходского духовенства на сегодняшний день недостаточно исследована и является дискуссионной. Ряд исследователей считает, что в пореформенную эпоху доходы духовенства росли и государство делало все возможное для улучшения материального положения клириков.

Однако существуют работы, в которых авторы придерживаются противоположной точки зрения, полагая, что уровень материального обеспечения духовенства в начале XX в. был крайне низок и проблемы экономического характера в Церкви только умножались. Подобной точки зрения придерживается, например, Т.Г. Леонтьева, совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечая, что бедность сельских причтов в Российской православной церкви являлась значимой проблемой не только в традиционно небогатых центрально-черноземных епархиях, но и в некогда благополучных регионах (Леонтьева, 2014: 104).

4. Результаты

Вопрос о назначении жалованья приходскому духовенству в Синодальный период поднимался неоднократно. Первая попытка ввести жалованье для клириков относится к правлению императрицы Екатерины II. 26 февраля 1764 г. вышел указ «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек», по которому все церкви и соборы делились на три класса в зависимости от размера отобранных государством вотчин. К первому классу относились лишь три московских собора, а именно: Архангельский, Благовещенский и Успенский. Им государство взамен отобранных вотчин назначало жалованье (Успенскому собору в 2 752 руб., а Архангельскому и Благовещенскому – по 1 558 руб. в год) (ПСЗ-1, т. 16, № 12060: 559).

Ко второму и третьему классу причислялись городские соборы и церкви, имевшие не менее 20 душ крестьян. В частности, ко второму классу относилось 22 собора, которым в год на шесть членов причта выделялось по 115 руб. годового жалованья. К третьему классу относились 110 городских церквей с причтами из трех человек каждая (священник и два псаломщика), которым государство назначало годовое жалованье по 50 руб. (ПСЗ-1, т. 16, № 12060: 559). Таким образом, закон от 26 февраля 1764 г. предоставлял жалованье духовенству 130 храмов, что составляло менее 1% церквей Российской православной церкви, а содержание ограничивалось незначительными суммами: протоиереи получали

по 30 руб., священники – по 20 руб., дьяконы – по 15 руб., а псаломщики – по 10 руб. в год. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3049. Л. 49–49 об.) Духовенство остальных приходских церквей должно было «довольствоваться своими приходами», то есть жить за счет приношений за требы.

В годы правления Николая I правительство вновь обратилось к проблеме обеспечения священнослужителей жалованьем. 4 апреля 1842 г. император Николай I высочайше утвердил штаты сельских причтов для Литовской, Могилевской, Минской и Полоцкой епархий, а также Ковельского и Овручского уездов Волынской епархии. По закону все приходы вышеозначенных епархий делились на 7 классов в зависимости от численности прихожан. Священнослужителям полагалось постепенно назначать жалованье в размере от 100 до 180 руб., дьяконам – 80 руб., псаломщикам – 40 руб. в год. В штаты 1842 г. попали лишь храмы, имевшие свыше 100 душ муж. пола. Бесприходные храмы, а также церкви с численностью прихожан менее 100 душ муж. пола не входили ни в один класс. Следует также заметить, что штаты 1842 г. изначально учреждались для западных епархий, их действие на территории остальных епархий Российской православной церкви распространялось во вторую очередь (Преображенский, 1897: 225).

В 1842 г. для введения в действие новых штатов из казны выделялась сумма в размере 415 000 руб. В последующем правительство регулярно увеличивало отпускаемые на содержание причтов суммы. Так, например, в 1843 г. на жалованье священнослужителям отпускалась дополнительная сумма в 1 000 000 руб., в 1844 и 1845 гг. было добавлено по 250 000 руб., а с 1846 г. по 1860 г. из казны расходовалось еще по 100 000 руб. ежегодно. По состоянию на 1862 г. на обеспечение приходских причтов жалованьем правительство выделяло сумму в 3 727 987 руб. 45 коп. (Объяснительная записка, 1913: 78). С 1861 г. государство перестало увеличивать ассигнования на выплату жалованья духовенству, что было связано с финансовыми затруднениями (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3049. Л. 49–49 об.).

Таким образом, к началу правления Александра II жалованье, выплачиваемое священно- и церковнослужителям, делилось на три основные группы: суммы, платившиеся по указу Екатерины II, вспомогательные оклады, отпускаемые по указу от 6 декабря 1829 г., и жалованье, назначенное духовным лицам в соответствии со штатами 1842 г.

Несмотря на предпринятые правительством меры, к моменту образования Присутствия по делам православного духовенства количество приходов в епархиях Центрального Черноземья, получавших жалованье, исчислялось единицами. Так, например, преосвященный Иосиф (Богословский) докладывал в Синод о том, что по состоянию на 1863 г. в Воронежской епархии жалованье получали лишь причты Троицкого кафедрального собора (на 4 штата из 20 человек – 1310 руб. 88 коп. в год), трех уездных соборов: Котороякского (на 2 штата – 30 руб. 74 1/4 коп. в год), Новохоперского (41 руб. 89 коп.) и Павловского (72 руб. 42 коп. в год), а также четырех церквей города Воронежа, состоявших при учебных и других казенных заведениях (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 58. Л. 2).

По докладу преосвященного Поликарпа (Радкевича), в Орловской епархии в 1863 г. жалованье получали 30 беднейших причтов. На их содержание государство постановило еще в 1833 г. отпускать сумму в размере 2 699 руб. 15 коп. в год, то есть в среднем по 90 руб. на причт. (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 43. Л. 6–6 об.).

В Тамбовской епархии к концу 1860-х гг. жалованье получали лишь причты Успенской церкви города Темников (31 руб. 44 коп. в год) и 53 сельских церквей (от 57 руб. 10 коп. до 144 руб. 20 коп. в год). Оклады им были назначены 6 декабря 1829 г. на основании Положения об улучшении быта православного духовенства (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 2. Д. 91. Л. 16).

Подобная картина наблюдалась и в Курской епархии, где в конце 1860 г. вспомогательные оклады из казны получали лишь 10 беднейших церквей (ежегодно на их обеспечение государство выделяло 1 101 руб.) (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 2. Д. 65. Л. 7).

Опрос священнослужителей, проведенный Присутствием по делам православного духовенства, показал, что приходские причты рассматривали жалованье в качестве наиболее приемлемой альтернативы требоисполнению и наиболее верного способа улучшения материального положения. В Курской епархии, например, из 958 опрошенных причтов 287 просили улучшить свое благосостояние путем установления жалованья (27 из них просили превратить в фиксированный оклад приходские сборы, остальные рассчитывали на средства из казны) (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 23. Ч. 1. Л. 59 об.–64). 518 причтов воздержались от указания способа улучшения материального положения, хотя по их отзывам становится понятно, что именно жалованье из казны воспринималось ими как верный способ к улучшению ситуации.

В Тамбовской епархии из 1 285 опрошенных причтов 867 высказались за выделение государством денежного пособия (517 из них указали сумму от 500 до 1 000 руб. на причт в год) (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 76. Л. 206).

Правящие архиереи также рассматривали жалованье как наиболее верное средство к изменению материального положения приходского духовенства. Архиепископ Воронежский Иосиф (Богословский) утверждал, что требоисполнение не соответствовало духу времени и стесняло священнослужителей в их приходской деятельности. Жалованье могло изменить ситуацию к лучшему. На причт достаточно было бы выделять от 300 до 500 руб. в год при сохранении епитрахильных доходов и увеличении земельных наделов. Архипастырь полагал, что для государства

выделение жалования не составило бы никаких затруднений, так как в западных епархиях многим причтам уже выплачивалось жалование от 150 до 200 руб., поэтому потребовалась бы лишь «прибавка незначительная» (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 58. Л. 10 об.).

По мнению преосвященного, государству в случае отказа от обеспечения духовенства жалованием следовало по крайней мере отменить действие 289 статьи 9-го тома Свода Законов Российской империи, запрещавшей приходским клирикам заниматься торговыми промыслами под угрозой причисления их к торговому разряду. Полный штат состоял из четырех человек, членам семей которых невозможно было использовать на свои нужды урожай с 33 десятин церковной земли. Как правило, у них оставался излишек. Но продать его духовные лица не могли, так как это запрещал закон. Владыка задавался вопросом, почему же священнослужителям нельзя было заниматься торговлей без причисления к коммерческому сословию? Подобный запрет от государства мог налагаться только в случае, если бы оно платило священнослужителям «приличное» годовое содержание, достаточное для обеспечения клириков и членов их семей (РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 58. Л. 21 об.–22.).

Тем не менее, несмотря на высказанные подавляющим большинством священно- и церковнослужителей пожелания о необходимости установления фиксированных окладов, государство после проведенного Присутствием по делам православного духовенства опроса не пошло по пути расходования средств на выплату жалования духовным лицам, а возымело намерение упорядочить местные источники материального обеспечения. Было принято решение оптимизировать число приходов, сократив те из них, которые находились рядом или имели незначительное число прихожан. За двадцать три года деятельности Присутствия в Российской православной церкви было сокращено свыше 3 000 приходов (Объяснительная записка, 1913: 79). Однако к повышению уровня материального обеспечения духовенства столь существенное их сокращение не привело, но способствовало целому ряду негативных последствий, в частности усилению расколо-сектанства и снижению влияния духовных лиц на народное образование.

В дальнейшем государство выделяло дополнительные суммы на выплату жалования духовным лицам лишь в частных случаях. Например, после Польского восстания 1863–1864 гг. правительство увеличило жалование духовенству западных епархий. Также в связи с воссоединением Холмской греко-униатской епархии с Православной церковью были выделены средства на выплату жалования бывшему униатскому духовенству (Объяснительная записка, 1913: 79).

По состоянию на 1893 г. в центрально-черноземных епархиях лишь 101 причт получал жалование из казны. В частности, в Воронежской епархии содержание выплачивалось 3 причтам, в Курской – 13, в Орловской – 30, в Тамбовской – 55 (Сведения, 1900: 3).

В 1870–1880-е гг. на страницах церковной и светской печати все чаще раздавались голоса о необходимости введения фиксированного жалования для духовенства. Так, например, корреспонденты газеты «Воронежский телеграф» в подтверждение своей позиции о важности обеспечения клириков жалованием приводили случай, произошедший в одном из приходов Россошанской волости Острогожского уезда Воронежской губернии в 1877 г. Бедная женщина принесла в храм к вечерне гробик с телом своего покойного младенца, желая, чтобы священник совершил отпевание. За труд прихожанка предложила иерею три снизки бубликов и 40 коп. деньгами, которые она с большим трудом заработала на поденщине специально для оплаты духовному лицу. Священник, обнаружив, что бублики сухие и не самого лучшего качества, пришел в крайнее негодование, раскидал их по храму, «стараясь подальше отшвыривать от себя ногами те, которые падали у ног его». То же самое клирик сделал и с деньгами, чем оскорбил женщину, и без того находившуюся в печальном положении. Корреспонденты газеты задавались вопросом, а не лучше ли было заменить требоисполнение строго определенным жалованием, ведь эта мера могла бы исключить подобные ситуации (ВТ, 1877: 2).

Преподаватель Курской духовной семинарии священник Я. Новицкий в статье «По вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства» за 1874 г. также высказывался о необходимости установления жалования для духовенства и полемизировал с теми авторами, которые утверждали, что введение фиксированных окладов взамен доходов за требоисполнение поставит священнослужителей в новую зависимость от прихожан, превратив пастырей в «наймитов». На страницах «Гражданина» была опубликована история, связанная с введением жалования причтам Таврической епархии. По предложению губернского отделения Присутствия по делам православного духовенства крестьянские общества составили приговоры с клириками, взяв на себя обязательства выплачивать ежегодные оклады священникам – по 600 руб., дьяконам – по 400 руб., псаломщикам – по 300 руб. Якобы после этого отношение прихожан к своим пастырям резко изменилось. Священники жаловались на то, что раньше верующие приветливо обходились с ними, а введение жалования привело к негативным последствиям: «Встретится бывало прихожанин со своим батюшкою, еще издали снимет шапку, почтительно поклонится и подойдет под благословение. Теперь – это за редкость». Миряне уже не просили совершить ту или иную требу, но повелительным тоном требовали от священников исполнения своих обязанностей, за которые им назначено фиксированное жалование от общества (Новицкий, 1874, № 15: 787).

Священник Я. Новицкий считал, что подобные истории не могли являться подтверждением позиции тех, кто ратовал за сохранение основным источником существования пастырей требоисполнения. Главная причина неуважения прихожан к пастырям лежала, по мнению курского

священника, не в назначении содержания, а в отсутствии живой связи между пастырями и пасомыми. Если бы авторитет клириков зиждился на их глубоком духовном влиянии, то изменение системы материального обеспечения никаким образом не повлияло бы на отношение к ним верующих мирян. Вместе с тем священник был убежден, что только введение жалования могло изменить материальное положение духовных лиц к лучшему ([Новицкий, 1874, № 18: 969](#)).

Кардинальный шаг к решению вопроса о наделении священно- и церковнослужителей жалованием был решен в годы правления императора Александра III. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев обратился в Государственный Совет с просьбой увеличить объем средств, выделяемых на содержание приходского духовенства. 23 апреля 1893 г. государь утвердил мнение Государственного Совета о ежегодном отпуске дополнительной суммы на обеспечение духовенства жалованием в размере 250 000 руб. Обер-прокурору предоставлялась возможность обсуждения с министром финансов вопроса о дополнительном увеличении указанной суммы по мере появления у государства средств. Святейшему Синоду давалась возможность из отпускаемых в его распоряжение сумм выплачивать причтам, исходя из местных условий и экономического состояния приходов, оклады в размере: священникам – от 100 руб. до 600 руб., дьяконам – от 80 руб. до 300 руб., псаломщикам – от 40 руб. до 200 руб. в год ([ПСЗ-3, т. 13, № 9524: 219](#)). Воспользовавшись предоставленной возможностью, Синод циркулярным указом от 3 июня 1893 г. установил так называемые средненормальные оклады: священнику – 300 руб., дьякону – 150 руб., псаломщику – 100 руб. в год ([РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3049. Л. 62](#)). Эта мера позволила церковным властям привести выплату жалования к единому знаменателю, постепенно выравнивая приходы по уровню доходов.

В указе от 26 апреля 1893 г. говорилось, что конечная цель предпринимавшихся усилий заключалась в том, чтобы все приходские причты Православной церкви в империи стали получать казенное жалование как можно скорее ([ПСЗ-3, т. 13, № 9524: 219](#)). Закон имел историческое значение, так как впервые провозглашал задачей государственной важности скорейшее решение вопроса о наделении жалованием всех священно- и церковнослужителей.

Таким образом, государство пошло по пути постепенного увеличения сумм, отпускаемых на содержание приходского духовенства. В 1893 г. правительство выделило дополнительно, как уже было сказано выше, 250 000 руб., в 1894–1900 гг. – 500 000 руб., в 1901 г. – 200 000 руб., в 1902–1904 гг. – 500 000 руб., в 1905–1908 гг. – 200 000 руб., в 1909 г. – 500 000 руб., в 1910 г. – 580 000 руб., в 1911–1913 гг. – 600 000 руб. ([Объяснительная записка, 1913: 80](#)).

В целом по Центральному Черноземью за 8 лет после подписания указа от 26 апреля 1893 г. число причтов, обеспеченных казенным жалованием, увеличилось в Воронежской епархии в 67,7 раза, в Курской – в 17,2 раза, в Орловской – в 6,7 раза, в Тамбовской – в 5,6 раза, а в среднем в Центральном Черноземье – в 9,2 раза.

С 1893 г. выросло не только количество причтов с государственным содержанием, но и размер выплачиваемых сумм. К 1 января 1893 г. в среднем в год правительство отпускало на обеспечение одного причта Воронежской епархии 45 руб. 32 коп., Курской – 98 руб. 88 коп., Орловской – 89 руб. 97 коп., Тамбовской – 80 руб. 30 коп. К 1 января 1901 г. эта сумма значительно возросла и составляла в Воронежской епархии – 451 руб. 80 коп., Курской – 460 руб. 56 коп., Орловской – 429 руб. 12 коп., Тамбовской – 449 руб. 28 коп.

Благодаря принятым мерам удалось не только увеличить содержание священно- и церковнослужителей, но и сравнять причты по суммам выплачиваемого жалования. Так, например, к началу 1893 г. средняя сумма жалования одного причта Курской епархии превышала оклад причта Воронежской на 118 %, Орловской – 9,9 %, Тамбовской – 24,4 %. В начале 1901 г. такого разрыва уже не наблюдалось. В среднем годовое содержание одного причта Курской епархии превышало годовое содержание одного причта Воронежской на 1,9 %, Орловской – 7,3 %, Тамбовской – 2,5 %.

Император Александр III на докладе, представленном Святейшим Синодом и содержавшем слова благодарности, написал слова, характеризовавшие его отношение к вопросу об обеспечении жалованием священнослужителей: «Буду вполне рад, когда мне удастся обеспечить все сельское духовенство» ([Объяснительная записка, 1913: 80](#)).

Однако до полного обеспечения всех сельских приходов содержанием было еще далеко. По состоянию на 1901 г. в Воронежской епархии жалование получали 203 причта из 1 037 (19,6 %), в Курской – 223 из 1 102 (20,2 %), в Орловской – 200 из 1 042 (19,2 %), в Тамбовской – 306 из 1 247 (24,5 %) ([Всеподданейший отчет, 1903: 7–8](#)).

Священнослужители и епархиальные архиереи продолжали заявлять о необходимости увеличения числа приходов, обеспеченных казенным жалованием. В Отчете за 1900 г. епископ Тамбовский Георгий (Орлов) писал, что самым лучшим способом улучшения материального положения священнослужителей и повышения их социального статуса являлось назначение казенного содержания ([РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1867. Л. 45](#)).

Епископ Орловский Никанор (Каменский) был убежден в том, что государству следовало идти по пути увеличения ассигнований на выплаты окладов приходскому духовенству. В епархиальном отчете за 1900 г. архипастырь отмечал низкую степень влияния священнослужителей на представителей высших слоев общества: образованных горожан, купечества и дворянского сословия. Так как духовные лица в большинстве своем не получали жалования, то вынуждены были уступать,

порой в ущерб собственному авторитету, богатым прихожанам, стараясь лишний раз не возвышать свой голос (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1852. Л. 53–53 об.).

В годы правления императора Николая II государство вновь подтвердило намерение проводить политику, направленную на улучшение материального положения сельского духовенства. В частности, в манифесте «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г. государь объявлял верноподданным о том, что продолжит «деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы» (ПСЗ-3, т. 23, № 22581: 114).

В ходе сбора мнений духовенства и епархиальных преосвященных в 1905 г. вопрос о наделении священно- и церковнослужителей жалованием вновь подвергся обсуждению. По данным «Отзывов», подавляющее большинство духовных лиц высказалось за необходимость обеспечения клириков казенным содержанием. Духовенство Воронежской епархии вместе с архиепископом Анастасием (Добрадиным) выступило за введение содержания от прихода за исполнение обязательных треб (Отзывы, ч. 1: 183). Епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) также считал важным введение фиксированного содержания, хотя бы по примеру инославного духовенства империи (Отзывы, ч. 2: 449). При этом архиереи и духовенство говорили не только об увеличении численности приходов, которым бы государство или прихожане назначали содержание, но и о целесообразности повышения суммы выплачиваемых окладов. Тамбовский преосвященный, например, писал в епархиальном отчете за 1905 г. о том, что священнослужители его епархии называли в качестве приемлемой сумму годового жалования в 1 200 руб. для священника, 800 руб. для дьякона, 400 руб. для псаломщика (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2118. Л. 124 об.).

Однако реальность была далека от ожиданий. В 1913 г. из 991 прихода Воронежской епархии средненормальные оклады жалования выплачивались в 423 (44 %), из 1 060 приходов Курской епархии – в 496 (47 %), из 890 приходов Орловской епархии – в 394 (44 %), из 1 141 прихода Тамбовской епархии – в 502 (44 %). В целом по Центральному Черноземью из 4 082 приходов жалование в 1913 г. получали священно- и церковнослужители в 1 815, то есть 44 %. Для того чтобы распространить жалование на все приходы центрально-черноземных епархий, государство должно было увеличить ежегодное расходование средств на 1 386 817 руб. 55 коп. Однако возможностей для этого не имелось.

5. Заключение

Архивные материалы и опубликованные источники показывают, что приходское духовенство Центрального Черноземья рассматривало государственное жалование как важный источник материального обеспечения. С течением времени количество приходов, которым государство выплачивало жалование, значительно выросло. Однако размеры окладов были слишком малы и не позволяли решить главную проблему – избавиться от необходимости поручной оплаты за совершение таинств. Плата за требы являлась основным источником материального обеспечения духовенства в пореформенный период. Указанный источник отличался нестабильностью, сезонностью, а главное, вынуждал пастырей подолгу выпрашивать у прихожан приемлемые суммы. Сложность заключалась в том, что законодательство не определяло размеры платы за требы. Необходимость духовных лиц унижаться перед мирянами серьезно подрывала авторитет Церкви. Именно поэтому архипастыри и рядовые священники со страниц епархиальных ведомостей и отчетов требовали введения достойного государственного жалования. Однако у правительства не имелось необходимых сумм, и к 1913 г. в Центральном Черноземье лишь 44 % причтов получали жалование, размеры которого были крайне недостаточны для обеспечения многодетных семей священно- и церковнослужителей.

Литература

Беговатов, 2017 – Беговатов Д.А. Городское православное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века: профессиональная деятельность и повседневная жизнь. Тверь: СФК-офис, 2017. 312 с.

Белоногова, 2010 – Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2010. 175 с.

Всеволодов, 2016 – Всеволодов А.В. Служба, доход и оклад в представлениях православного приходского духовенства и печати 1860-х гг. XIX в. (к постановке вопроса) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. научн. конф. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 195–201.

Всепопданнейший отчет, 1903 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 г. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1903. 488 с.

ВТ, 1877 – Воронежский телеграф. 1877. № 57.

Иконников, 2014 – *Иконников С.А.* Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX – начало XX веков). Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 396 с.

Конюченко, 2006 – *Конюченко А.И.* Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX веков). Челябинск : ЦНТИ, 2006. 210 с.

Лавицкая, 2009 – *Лавицкая М.И.* Орловское приходское духовенство второй половины XIX – начала XX вв. М.: Изд-во Прометей, 2009. 196 с.

Леонтьева, 2002 – *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.

Леонтьева, 2014 – *Леонтьева Т.Г.* Православное духовенство в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 104–119.

Мангилева, 2015 – *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX вв. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та : Унив. изд-во, 2015. 477 с.

Миронов, 2015 – *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1. С. 65–80.

Новицкий, 1874 – *Новицкий Я.А., свящ.* По вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства // Курские епархиальные ведомости. 1874. № 14. С. 720–727; № 15. С. 766–793; № 18. С. 951–970.

Объяснительная записка, 1913 – Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1914 год. Синодальная типография, 1913. 276 с.

Отзывы, 2004 – Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2 Москва: Общество любителей церковной истории; издательство Крутицкого подворья, 2004.

Преображенский, 1897 – *Преображенский И.В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб.: Типография Э. Арнольда, 1897. 236 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье.

РГИА – Российский государственный исторический архив

Сведения, 1900 – Подробные сведения о положении дела по обеспечению содержанием городского и сельского духовенства в Империи. СПб., 1900. 7 с.

Шадрина, 2014 – *Шадрина А.В.* Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века. Ростов-на-Дону: Антей, 2014. 364 с.

References

Begovatov, 2017 – *Begovatov D.A.* (2017). Gorodskoe pravoslavnoe duhovenstvo Tverskoy eparhii v pervoy po-lovine XIX veka: professionalnaya deyatelnost i povsednevnyaya zhizn. [City orthodox clergy of the Tver diocese in the first half of the XIX century: professional activity and everyday life]. Tver, 312 p. [in Russian]

Belonogova, 2010 – *Belonogova Y.I.* (2010). Prihodskoe duhovenstvo Moskovskoy eparhii i krestyanskij mir v nachale XX veka. [Parish clergy of the Moscow diocese and the peasant community at the beginning of the XX century]. M. 175 p. [in Russian]

Ikonnikov, 2014 – *Ikonnikov S.A.* (2014). [Parish clergy of the Voronezh diocese (the second half of XIX – the beginning of the XX century)]. Prihodskoe duhovenstvo Voronezhskoy eparhii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. Voronezh, 396 p. [in Russian]

Konyuchenko, 2006 – *Konyuchenko A.I.* (2006). Tona i polutona pravoslavnogo belogo dukhovenstva Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka). [Tone and halftone of orthodox clergy of Russia]. Chelyabinsk, 210 p.

Lavitskaya, 2009 – *Lavitskaya M.I.* (2009). Orlovskoe prihodskoe duhovenstvo vtoroj poloviny XIX nachala XX vv. [The Oryol parish clergy of the second half of the XIX – the beginning of the XX century]. M. 196 p. [in Russian]

Leont'eva, 2002 – *Leont'eva T.G.* (2002). Vera i progress: pravoslavnoe selskoe duhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka. [Belief and progress: orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – the beginning of the XX century]. M. 253 p. [in Russian]

Leont'eva, 2014 – *Leont'eva T.G.* (2014). Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoj mirovoj vojny. [Orthodox clergy in the years of The First World War]. Rossiya i sovremennyy mir, Nr 2 (83), pp. 104-119.

Mangileva, 2015 – *Mangileva A.V.* (2015). Sociokulturnyj oblik prihodskogo duhovenstva Permskoy gubernii v XIX - nachale XX v. [Sociocultural shape of parish clergy of the Perm province in the XIX – the beginning of the XX century]. Ekaterinburg, 477 p. [in Russian]

Mironov, 2015 – *Mironov B.N.* (2015). Zhiznennyj uroven' rossijskogo prihodskogo pravoslavnogo dukhovenstva v imperskoj Rossii [Living standards of the Russian parish orthodox clergy in imperial Russia]. Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya, Nr 1, pp. 65-80. [in Russian]

Novitskij, 1874 – *Novitskij YA.A., prist.* (1874). Po voprosu o material'nom obespechenii prihodskogo dukhovenstva [On material security of parish clergy]. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Nr 14, pp. 720-727; Nr 15. pp. 766-793; Nr 18. pp. 951-970. [in Russian]

Obyasnitel'naya zapiska, 1913 – Ob'yasnitel'naya zapiska k smete dokhodov i raskhodov vedomstva Svyatejshego Sinoda na 1914 god. [Explanatory note to the estimate of income and expenses of department of the Holy Synod for 1914]. SPb, 1913, 276 p. [in Russian]

Otzyvy, 2004 – Otzyvy eparkhial'nykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoj reforme. [Responses of diocesan bishops on the issue of church reform]. Ch. 1-2 M., 2004. [in Russian]

Preobrazhenskij, 1897 – *Preobrazhenskij I.V.* (1897). Otechestvennaya tserkov' po statisticheskim dannym s 1840-41 po 1890-91 gg. [Domestic church according to statistical data from 1840-41 to 1890-91]. SPb, 236 p. [in Russian]

PSZ-1 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. [in Russian]

PSZ-3 – PSZ-3 Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection]. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shadrina, 2014 – *Shadrina A.V.* (2014). Prihodskoe duhovenstvo Donskoj i Novoherkasskoj eparhii vtoroj poloviny XIX veka. [Parish clergy of the Don and Novoherkassk diocese of the second half of the XX century]. Rostov-na-Donu, 364 p. [in Russian]

Svedeniya, 1900 – Podrobnye svedeniya o polozhenii dela po obespecheniyu soderzhaniem gorodskogo i sel'skogo dukhovenstva v Imperii. [Detailed data on the provision of case on providing city and rural clergy with contents in the Empire]. SPb., 1900. 7 p.

Vsepoddanejsnij otchet, 1903 – Vsepoddanejsnij otchet ober-prokurora Svyatejshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The report of the chief prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on department of orthodox confession for 1900]. SPb. 1903. 488 p.

Vsevolodov, 2016 – *Vsevolodov A.V.* (2016). Sluzhba, dokhod i oklad v predstavleniyakh pravoslavnogo prihodskogo dukhovenstva i pechati 1860 gg. XIX v. (k postanovke voprosa). [Service, income and salary in representations of orthodox parish clergy and the press of the 1860th of the XX century (to formulation of the question)]. Material'nyy faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy Mezhdunar. nauchn. konf. SPb. pp. 195-201.

VT, 1877 – Voronezhskiy Telegraf, 1877, Nr 57.

Государственное жалованье как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX вв.

Сергей Анатольевич Иконников ^{a, *}

^a Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Российская Федерация

Аннотация: Во второй половине XIX – начале XX вв. проблема материального положения приходского духовенства привлекала внимание не только священнослужителей и правящих архиереев, но и представителей широкой общественности. Православные пастыри играли важную роль в жизни Российской империи. Между тем, как показал проведенный в 1863 г. Присутствием по делам православного духовенства опрос, практически все священно- и церковнослужители выражали недовольство своим материальным обеспечением. Проблема заключалась в том, что основным источником доходов причтов – требоисполнение – отличался крайней нестабильностью. Духовным лицам приходилось унижаться перед прихожанами, выпрашивать плату за совершение таинств. Единственный выход из сложившейся ситуации многим клирикам виделся в установлении строго фиксированного жалованья. В статье на основе архивных документов и опубликованных источников государственное жалованье рассматривается как источник материального обеспечения приходского духовенства. Попытки введения жалованья предпринимались неоднократно на протяжении всего синодального периода. Однако автор приходит к выводу о том, что предпринимавшиеся правительством меры носили поверхностный характер и не являлись реальными шагами к улучшению ситуации. У государства не имелось средств для единовременного назначения жалованья всем клирикам. Власти ограничивались лишь незначительными ассигнованиями. По состоянию на 1913 г. менее половины причтов епархий Центрального Черноземья получали жалованье, которое не только клириками, но и представителями светской общественности считалось крайне недостаточным. Приходское духовенство и священноначалие настаивало на значительном увеличении государственных ассигнований для решения проблемы по назначению жалованья духовным лицам. Однако проблема обеспечения фиксированными окладами клириков так и не была решена.

Ключевые слова: Православная церковь, Российская империя, епархии Центрального Черноземья, приходское духовенство, материальное положение духовенства, жалованье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ikonnikovsergey88@mail.ru (С.А. Иконников)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1203-1215. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1203
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reconstruction of the Order's Numbers of the Votkinsk Plant's Shipbuilding Workshop on 1865-1902

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, e, *}, Anatoly N. Loshkarev ^f, Dmitry V. Matveev ^g

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^d Moscow Economic Institute, Moscow, Russian Federation

^e Moscow Psychoanalyze Institute, Moscow, Russian Federation

^f Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

^g Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract

Based on the documentation of the Votkinsk plant, there was reconstructed the list of the vessels and the floating crafts, that were built by the shipbuilding workshop from 1865 to 1902. Then it was combined with a list compiled on the basis of merchant fleet registers and ship's rolls, and is superimposed on known order numbers. It turned out that the plant built more vessels and floating crafts than there are available rooms. This paradox can be explained by the following considerations. Several boats could have a common number, especially if they were delivered in the semi-finished products with final assembly in place (as was the case for the Aral Flotilla). There was a duplication of information and one vessel could under different names twice get on the list. The Kama Shipyard, which was built on Kama for a while, was built to avoid expensive alloys on Votka and Siva, could have its own order numbers.

Based on the analysis of the list obtained, the following conclusions are made about the functioning of shipbuilding in Votkinsk. In the indicated chronological framework, there is a reorientation of production from the Naval Department to private orders and orders from other government agencies. Despite the reorientation of production, the plant maintains approximately constant proportions between self-propelled and non-self-propelled vessels (approximately three to one). What, probably, was necessary for the modernization of production in the conditions of industrial revolution of the second half of the XIX century.

Keywords: Votkinsk plant, shipbuilding, steamer, economy, building number, shipbuilding shop.

1. Введение

Номера заказов судостроительного цеха Воткинского завода являются ценным историческим источником, позволяющим однозначно установить, что то или иное судно действительно строилось на заводе. Нередко суда, традиционно считавшиеся построенными в Воткинске, оказывается, к этому городу не имеют никакого отношения. К сожалению, список номеров заказов судостроительного цеха не является сплошным. Более или менее достоверно установить порядок постройки и номер удается лишь для первых судов, когда в год строили не более одного-двух объектов и последних, начиная с № 248, когда завод вынужден был работать на нескольких вынесенных площадках и номера стали фигурировать в делопроизводственной документации во избежание ошибок неверной отправки комплектующих. Ранее в основном на основе чертежной документации нами был реконструирован

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

список с № 248 (Mitiukov, 2017), а позднее на основе найденного в МИКВ списка построенных судов с 1900 по 1908 гг. (как оказалось неполного) был реконструирован примерный список с № 155 по № 247 (Митюков, 2017b). Задачей данного исследования является дальнейшая реконструкция списка заказов и продление его на интервал с № 80 по № 155, приходящийся на 1865–1902 гг.

2. Материалы и методы

Для решения поставленной задачи на основе историко-сравнительного метода был проведен анализ делопроизводственной документации судостроительного цеха Воткинского завода, содержащейся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР), Музея истории и культуры Воткинска (МИКВ) и архива музея Воткинского завода (АВЗ). В основном это касалось бухгалтерских и технических статистических отчетов, в которых сообщалось, по каким объектам на данный период работает завод. После этого в соответствии с методами системного анализа все указанные суда были сведены в единый список, который уточнялся и дополнялся на основе данных других источников, в первую очередь регистров и судовых списков. После этого составленный список был «наложен» на свободные номера заказов, относительно которых неизвестно, к какому объекту они относятся.

Систематизацией заказов судостроительного цеха Воткинского завода на научном уровне, вероятно, впервые начал заниматься В.Н. Ступишин. Судя по его рукописи (МИКВ, Д. 4826), он располагал какими-то заводскими списками, в настоящее время утерянными (Mitiukov, 2018). В старой описи архива Музея истории и культуры Воткинска в фонде В.Н. Ступишина имеется дело № 1554 (по старой нумерации), в настоящее время отсутствующее. В нем, кроме копий работ, использованных автором в своей книге (например, М. Блинова, И. Котляревского, И. Озерова и др.), имеются упоминания о документах явно делопроизводственного происхождения: Списке судов, построенных заводом в 1895–1904 гг. (Л. 9–10), Списке судов, построенных заводом в 1805–1907 гг. (Л. 11) и Списке нарядов, выданных техническому бюро для постройки судов (Л. 12). К сожалению, цифры, приводимые В.Н. Ступишиным, по анализу объемов судостроительного производства, не вошли в опубликованный вариант его работы (Ступишин, 1959).

Второй автор, пытавшийся систематизировать информацию о построенных судах, был А.З. Воротов. В отличие от Ступишина, Воротов более привлекал эксплуатационную информацию. В архиве музея Воткинского завода имеется специальная папка (АВЗ, фонд Воротова, папка «Судостроение»), в которой содержатся результаты переписки А.З. Воротова с пароходствами СССР относительно имевшихся в строю и списанных пароходов воткинской постройки. В этой же папке имеется рукописный список, вероятно, составленный им же. К сожалению, этот список далеко не полный и изобилует явными ошибками, поскольку в письмах, как правило, использовались устные свидетельства ветеранов пароходств, нередко не подтвержденные документально. К сожалению, эти сведения были им частично опубликованы, а потом некритично заимствованы другими авторами.

Вероятно, реконструкция объемов производства судостроительного цеха, проведенная нами на основе содержащейся в архивах заводской делопроизводственной документации, проводится впервые (Mitiukov, Kondratenko, 2017).

3. Обсуждение

10 ноября 1861 г. морской министр распорядился начать постройку в общей сложности 46 плавсредств для Петербурга и Кронштадта, в том числе четыре железных баржи для Санкт-Петербургского порта и для Кронштадтского: 14 плашкоутов, 4 барж для перевозки мачтовых деревьев и других грузов, 2 беспалубных и 2 палубных барж с большими люками для перевозки крупногабаритных грузов типа котлов, 5 18-весельных, 5 22-весельных барказов, 4 6-весельных, 3 12-весельных и 3 14-весельных катеров (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 9). Ни до, ни после завод не получал одновременный заказ на столь большое количество плавсредств (Матвеев, 2016). Во избежание путаницы в наименовании судов завод отступил от своей обычной практики, и плавсредства в документации фигурировали под номерами, совпадающими с заводскими заказами. Это дает хорошую возможность четко разграничить суда, которые завод построил до этого заказа и после, а значит провести более объективную идентификацию стапельных номеров.

10 ноября 1862 г. в присутствии Горного начальника генерал-майора Иоссы заложена железная баржа № 56 для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 29). 8 марта 1863 г. также в его присутствии заложена баржа № 57 для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 30). 22 августа 1863 г. в присутствии директора Горного департамента и Горного начальника заложены железная баржа № 58 и плашкоут № 59 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 37).

25 января 1864 г. спущены на воду и прошли швартовые испытания баржи № 56 и 57, одновременно на освободившиеся места были заложены беспалубная баржа № 62, плашкоут № 63 и железный маяк для Астраханского порта № 80 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 39). Виден пропуск в один номер (№ 61) – плавсредство, информация о закладке которого в деле отсутствует. С другой стороны, по-видимому, предполагаемые к исполнению заказы уже получили свои номера, и следующий по дате поступления маяк Астраханского порта получил № 80.

20 мая 1864 г. спущены на воду и прошли швартовые испытания баржа № 58, плашкоут № 59 и маяк для Астраханского порта. На освободившееся место заложены беспалубная баржа и семь плашкоутов, номера которых не сообщаются (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 43). Из дальнейшей переписки видно, что к июню 1864 г. завод приготовил к отправке на Балтику две палубные баржи и маяк для Астраханского порта, а к августу предполагал готовность еще одной беспалубной баржи (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 46). Далее становится понятным, что № 58 и 59 – это палубные баржи, а № 60 – беспалубная (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 102). Но в данном случае это переписка об отправке указанных барж на Балтику, так что вполне вероятно, что в ней могли ошибиться с номерами.

11 августа 1864 г. заложены плашкоуты № 63, 64, 65, 66, 67, 68 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 131). 8 октября 1864 г. заложены плашкоуты № 69, 70, 71 и 72 (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 127). К маю 1865 г. завод подготовил к отправке заказчику 13 плашкоутов, две кронштадтские баржи и одну беспалубную баржу (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7596. Л. 158).

В мае 1866 г. завод опубликовал объявление о доставке заказчику изготовленных на заводе 4 железных барж для Петербурга, 2 – для Кронштадта и 2 канонерских лодок для Астрахани. Видно, что это последние суда из заказа 1861 г., поскольку вместе с ними идут две канонерские лодки «Секира» и «Пищаль», заказанные позднее. Учитывая, что предыдущий заказ на астраханские баржи имел нумерацию № 50, 51, а № 80 уже относился к плавучему маяку, на заказ 1861 г. приходится номера с 52 по 79 (28 номеров). Указанное архивное дело имеет явно выраженное наложение. Л. 37 указывает, что № 59 – это плашкоут, но Л. 102 и следующий за ним Л. 103 под № 59 указывают палубную баржу. Но как видно из Л. 127 и 131, номера заказов на плашкоуты идут подряд, из-за чего уместно предположить, что номера заказов были распределены до закладки всех объектов. 28 указанных номеров – это 4 петербургские баржи, 14 плашкоутов, 8 кронштадтских барж, что дает в сумме 26 объектов. Остается еще 20 объектов – катеров и барказов. Но это все сравнительно мелкие объекты, и в рамки принятой гипотезы вполне может уложиться предположение, что их заказали одним или двумя номерами заказов, например, первый на десять весельных катеров и второй – на десять весельных барказов.

В указанную теорию не попадают пять барж, заказанных для Свеаборгского порта. Это одна баржа в 90 футов, две 75-футовые и две 70-футовые. На момент заказа они четко указаны как баржи для Свеаборгского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8154. Л. 9), однако далее о них говорится, как о «баржах для Свеаборгского и Петербургского порта», и документация по ним содержится вместе с вышеупомянутым большим заказом Морведа. А в документации за 1870 г. говорится о постройке пяти барж для Петербургского порта. Поэтому уместно предположить, что заказ на них был дан если не одновременно, то вскоре после заказа 1861 г.

Реконструкцию конкретных номеров пока можно оставить для последующих работ, а гораздо важнее, что № 80 (маяк для Астрабадского залива) проходит водоразделом, по которому четко можно определить, до или после Санкт-Петербургских барж был произведен заказ.

Из последующих работ можно выделить заказы, которым посвящены целые дела:

Канонерские лодки «Пищаль» и «Секира» заложены 1 августа 1865 г., спущены 2 июня 1866 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8098). Две железные баржи для сплава железа и чугуна по Чусовой и доставки на ижевский и воткинский заводы (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8099), 1865 г. Причем, из дела не понятно, были ли они построены или нет.

Паровая шхуна для черноморского флота «Анапа», заложённая в июле 1866 г., спущенная в апреле 1868 г., пароход для Каспийской флотилии «Тарки», заложен 23 июля 1866 г., спущен 16 апреля 1868 г. Кроме того, в 1867 г. построены три 80-футовые баржи для Петербургского порта (будущие № 19, 20 и 21) и пять барж для Свеаборгского: одна 90-футовая, две 75-футовые и две 70-футовые (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8100) – все из упомянутого выше заказа 1861 г. Две баржи (№ 8 и 9) и 4 шлюпки для Аральской флотилии были собраны в 1870 г., еще 4 шлюпки – в 1871 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8458).

Погодная документация завода упоминает о следующих работах.

С 1 мая 1865 г. по 1 мая 1866 г. завод изготовил (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8095) две 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, четыре 120-футовые баржи для Кронштадтского порта, канонерские лодки «Пищаль» и «Секира». Поскольку все шесть барж представляют собой остатки заказа 1861 г., канонерские лодки, вероятнее всего, шли под номерами № 81 и № 82. Баржи и канонерские лодки ушли заказчику в 1866 г., и в этот год завод начал заготовку материалов для следующих объектов: двух барж для Астраханского порта, двух барж для Аральской флотилии, четырех барж для Астраханского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8155).

В соответствии с годовым отчетом о работе завода в 1866 г. там производились работы на следующих объектах (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8161):

- 4 120-футовые баржи Кронштадтского порта (заказ 1861 г.),
- 2 80-футовые баржи Санкт-Петербургского порта (заказ 1861 г.),
- 2 канонерские лодки,
- 20 гребных барказов и катеров (заказ 1861 г.),
- 3 80-футовые баржи Санкт-Петербургского порта (заказ 1861 г.),

2 70-футовые баржи для Свеаборгского порта (заказ 1861 г.),
 1 90-футовая баржа для Свеаборгского порта (заказ 1861 г.),
 2 75-футовые баржи для Свеаборгского порта (заказ 1861 г.),
 пароход в 160 сил для Каспийской флотилии (будущий «Тарки»),
 паровая шхуна для Черного моря (будущая «Анапа»),
 паровой транспорт для Черного моря.

Отчет о действиях завода за 1867 г. говорит о работе по следующим объектам (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8154): 20 весельных катеров и барказов заказа 1861 г., а также три 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, две 75-футовые, две 70-футовые, одна 90-футовая баржа для Свеаборгского порта. Однако документация о приходе и расходе сырья (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8232), подтверждает вышеуказанные работы в период с 14 февраля 1867 г. по 8 декабря 1868 г., кроме них сообщает еще о построенных в январе 1867 г. двух железных лодках для собственных нужд.

Подводя итог деятельности завода в 1866–67 гг. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8255 Л. 50 и Л. 20), отметим, что в 1866 г. строятся 4 120-футовые баржи для Кронштадтского порта (заказ 1861 г.), две канонерские лодки «Секира» и «Пищаль», 2 70-футовые баржи для Свеаборгского порта, 1 90 футовые баржа для Свеаборгского порта, 3 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, 2 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, 20 весельных катеров и барказов (все заказа 1861 г.), пароход «Тарки», паровая шхуна, две железные лодки, 75-футовая баржа для Свеаборгского порта, паровой транспорт для Черного моря (будущий «Гонец»).

В 1867 г. строятся 20 весельных катеров и барказов, 3 80-футовые баржи для Санкт-Петербургского порта, 2 75-футовые баржи для Свеаборгского порта, 2 70-футовые баржи для Свеаборгского порта, 1 90-футовая баржа для Свеаборгского порта (заказ 1861 г.), пароход «Тарки» для Каспийского моря, паровая шхуна «Анапа» для Черного моря, паровой транспорт для Черного моря («Гонец»).

Таким образом, новые заказы – это пароход «Тарки», шхуна «Анапа» и паровой транспорт, а также две лодки для собственных нужд (они по аналогии заказов № 52-79 могли иметь один номер, если вообще его имели).

Достаточно подробный перечень всех работ, которые перекрываются по разным архивным делам, не упоминает о работах по баржам для реки Чусовой (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8099), что позволяет предположить, что данные объекты не закладывались. Кроме того, имеется информация о получении заказов на восемь барж для Аральской и Каспийской флотилий, но данные по их строительству отсутствуют (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8155).

Ведомости о получении нарядов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8306) сообщают также о строительстве на заводе в 1868–1871 гг. парохода в 35 л.с. для Аральской флотилии (заказан 1 мая 1870 г.) и железного плавучего маяка для Красноводского залива (Л. 69). В 1868 г. судостроительный цех вел работы по постройке парохода «Тарки», шхуны «Анапа», пароходов «Арал» и «Сырдарья» и парохода для елабужского купца Кусакина (Л. 103). Информация по безымянному паровому транспорту пропадает, зато появляется новая: «Арал» и «Сырдарья» – это пароходы, строившиеся не в Воткинске, но заводские мастера принимали участие в их перевозке и сборке. Пароход для Аральской флотилии – это «Ташкент», плавучий маяк – «Красноводский», пароход Кусакина – «Деятель». Этот пароход стал первым судном Воткинского завода, построенным по частному заказу (Матвеев, 2017).

Отчет о производительности завода (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8380) дает информацию о производстве в период с июня 1869 по июль 1870 г. Оно подтверждает данные о постройке парохода в 120 л.с. для частного заказа («Деятель»), а также говорит о строительстве (к лету 1870 г. не завершены) двух барж и четырех шлюпок для Аральской флотилии. Специальное дело об их постройке уточняет эту информацию: две баржи и четыре шлюпки заказаны в сентябре 1869 г. с готовностью к навигации 1870 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8386, Л. 2).

Отдельное архивное дело посвящено постройке парохода для купца А.Н. Груздева (14 марта 1869 г. – 29 декабря 1870 г.). В марте 1869 г. поступил заказ, а в мае 1870 г. его сдали заказчику, который стал его эксплуатировать под названием «Бельский» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8385).

Годовые ведомости о состоянии производства упоминают о строительстве в 1870–1873 гг. плавучего маяка для Красноводского залива, пяти судов для Кронштадтского порта (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8453. Л. 12), которые были готовы в 1872 г. В 1873 г. завод сдал Бакинскому порту два транспорта «Колпик» и «Аист» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8453. Л. 166).

Годовой отчет о производительности завода в ноябре–декабре 1870 г. имеет упоминание лишь о постройке объектов для Аральской флотилии: двух барж, четырех шлюпок, потом еще одной баржи (в будущем № 10), парохода в 30 сил (будущий «Ташкент») и еще четырех шлюпок (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8456. Л. 49). Возможно, поскольку все эти объекты до готового вида на заводе не доводились, а уходили на Аральскую флотилию в виде полуфабрикатов, проката и т.д., они имели один или два номера заказа: первая партия (две малые баржи и четыре шлюпки) и вторая партия (большая баржа, пароход и еще четыре шлюпки).

Отдельное архивное дело посвящено производству на заводе парохода для купца Четвергова (21 декабря 1870 г. – 14 января 1885 г.). Контракт на постройку заключен 15 марта 1871 г. В сентябре

того же года заказчик принял готовый пароход, включенный в регистры под названием «Приятель» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8462).

В 1872–1873 гг. Воткинский завод прекратил прием заказов по новым судам. Последними заказанными судами стали два плашкоута для Кронштадтского порта. Поскольку от морского ведомства в 1871 г. был получен заказ на два судна по 3000 пудов, а в наличии имелось лишь 4500 пудов железа, которое можно было использовать для строительства, было решено строить два плашкоута в 3000 пуд. и 1500 пуд. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8755). Эти суда вошли в строй в 1872 г. как плашкоуты № 74 и 75.

Приходно-расходная книга за 1872–1873 гг. говорит о постройке для Кронштадтского порта пяти барж (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8662. Л. 1006) (очевидно, идет достройка и сдача упомянутых выше барж для Свеаборгского порта), а также о ремонте парохода купца Трунова «Деятель» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8662. Л. 1206).

В сведениях о действии завода в 1874 г. сообщается о строительстве в 1874 г. шхуны для Каспийского моря «Лоцман». Судно предполагают закончить в 1875 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8845. Л. 50–51), постройке этой шхуны посвящено отдельное дело (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8853).

В 1881 г. после долгого перерыва Воткинский завод снова начал строительство судов. В этом году был заложен пароход для Каспийского моря «Геок-Тепе» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9245, Л. 16), делопроизводственная документация объясняет этот перерыв модернизацией производства (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9247. Л. 22).

В 1882 г. заводу выделен кредит для постройки четырех железных барж для сплава паровозов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9319, Л. 76). Это будущие заводские плашкоуты «Восток», «Запад», «Север» и «Юг». Достройка их завершилась в 1883 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9400, Л. 55).

В сентябре 1885 г. принят заказ на постройку четырех барж для общества «Лебедь», а поскольку заказчик за них не заплатил, завод начал работы на собственные средства (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9544, Л. 148). Судя по всему, контракт был пересмотрен, и в 1885 году на заводе в постройке имеются уже две баржи для общества «Лебедь» и одна шаланда (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9549 Л. 22). Это будущие баржа «Раиса» и шаланда «Счастливая». О второй барже сведения отсутствуют. Но ее также завод построил, о чем сообщают документы за 1885–1886 гг. (например, ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547).

В январе 1885 г. купец Кашин заказал заводу пароход «Матвей», принятый заказчиком в июне 1888 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9553).

Сведения о производительности завода за 1887 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9644) сообщают, что завод сдал две керосиновые баржи для общества Шибаева (одна – будущий «Толя»), а в постройке на заводе находятся товаро-пассажирский пароход в 120 л.с. для Кашина («Матвей») и шхуна без отделки для Грубишича (будущий «Воткинский завод») (Л. 28–29).

Однако статистические сведения о производстве завода (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9649) указывают на постройку парохода Кашина (в течение всего года) и двух барж для Износкова и Рихтера (с октября по декабрь). Баржи – это будущие наливные «Зинаида» и «Лариса».

Далее завод перешел к подробным месячным отчетам производства, благодаря чему можно видеть динамику производства работ (выложенные на стапеле за месяц пуды железа и вложенные в постройку суммы).

Статистические сведения следующего, 1888 года (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666), сообщают о постройке:

- парохода Кашина (январь – декабрь);
- шхуны Грубишича (январь – декабрь);
- барж Износкова и Рихтера (февраль – декабрь).

Статистические сведения 1889 года (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696) сообщают о постройке:

- барж Износкова и Рихтера (январь – декабрь);
- шхуны Гирша (апрель – декабрь);
- шхуны Грубишича (декабрь).

Шхуна Гирша, имеется в виду «Виктор Гирш», после покупки Гиршом шхуны Грубишича переименована в «Конрад Бонза», поскольку имя «Виктор Гирш» получила вновь заказанная шхуна.

Аналогичные месячные отчеты за 1890 г. говорят о постройке следующих судов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718):

- шхуны Гирша (январь – декабрь);
- пароход общества «Кавказ и Меркурий» (январь – декабрь);
- шхуны для Марка (август – декабрь).

Шхуна Гирша – это по-прежнему «Виктор Гирш» (будущий «Конрад Бонза»), пароход – «Великий князь Алексей», шхуна Марка – будущий «Виктор Гирш».

К сожалению, на этом завод перестал делать месячные отчеты или они в фонде ЦГА УР не содержатся, и далее снова идут годовые отчеты.

Следует отметить, что в упомянутых месячных отчетах отсутствуют пароходы, построенные для своих нужд. В 1887 году завод построил пароход «Воткинский завод» для работы на Сиве и Вотке, а в 1888 году – «Шаркан» для Воткинского пруда (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9694).

О действиях завода в 1891 г. можно судить лишь по перечню завершённых к 1892 г. работ (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9799). В этом году заказчиком сдали:

- пароход для Косова (будущий «Джамбай»);
- пароход и полубаржу для Рыбкина («Федор» или «Федора», а баржа для доставки этого парохода на Балтику);
- шхуну для Марка («Виктор Гирш»);
- паровой катер (имеется в виду «Первенец» для Омутнинского завода).

Отчет о действиях завода за 1892 год сообщает о следующих работах (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9788). Начаты и не окончены работы по судам:

- пароход для Ижевского завода (будущий «Иж»);
- баржа для фирмы «Григорий Стахеев и сыновья»;
- пароход для купца И.В. Юрганова (будущий «Иван»);
- шхуна для комиссионеров завода (потом «Вера»).

Еще по одной шхуне идет отделка (вероятно, «Виктор Гирш»).

Следующий, 1893 г., представлен также крайне поверхностно. И имеются лишь сведения о постройке в этом году шхуны для А.Н. Марковой и Г.В. Беззубикова (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9853). К счастью, имеется перечень судов, построенных заводом в 1889–1893 гг. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9956). Это четыре наливных шхуны (танкера): для Грубишича («Воткинский завод»), для Гирша («Виктор Гирш»), Марка («Конрад Бонза») и Померанцева («Вера»). Две баржи для Рихтера в 1889 г. («Зинаида» и «Лариса»), пароход для «Кавказа и Меркурия» в 1890 г. («Великий князь Алексей»), пароход для Омутнинского завода в 1891 г. («Первенец»), пароход для Косова в 1891 г. («Джамбай»), пароход для Шлиссельбургского пароходства Рыбкина в 1892 г. («Федор» или «Федора»), пароход для Юрганова в 1893 г. («Иван»), баржа для Стахеева в 1893 г. и пароход для Ижевских заводов в 1893 г. («Иж»).

Из этого же дела понятно, что в 1893 г. заложены еще две шхуны для Померанцева (будущие «Варвара» и «Любовь») – одна с готовностью в 1894 г., вторая – в 1895 г.

В 1894 г., кроме указанных шхун, завод ведет работы на следующих судах: пароход Орехова («Василий»), пароход Юрганова («Иван»), баржа Стахеева, пароход Марковой-Беззубикова, один пароход закончен постройкой (заводской пароход «Пережат»). Вероятно, задел по пароходу Марковой и Беззубикова пошел как задел для будущих работ, поскольку они приобрели готовый пароход для Орехова, переименовав его в «Василия Маркова».

В 1895 г. завод возобновляет практику месячных отчетов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10036). В этом году он строит:

- пароход для Ижевского завода (все тот же «Иж», который не могут сдать заказчику);
- шхуну Померанцеву (январь – декабрь);
- пароход для Мясникова и Карповой (апрель – декабрь);
- пароход для Кашина (июнь – декабрь).

Шхуна – имеется в виду последняя из трех шхун Померанцева – «Любовь», пароход Кашину – это «Мария», Мясникову и Карповой – «Славный».

К сожалению, дальнейшие такие же подробные отчеты о работе судостроительного цеха в ЦГА УР отсутствуют. Зато имеются дела о постройке отдельных судов и плавсредств. В связи с этим можно принять за основу таблицу судов (Таблица 1), произведенных на Воткинском заводе, имеющуюся в фондах МИКВ (МИКВ. Д. 4812, Л. 1-3), дополнив данными архивных дел ЦГА УР. По регистру 1926 г. (Регистр, 1926) и Судовому списку 1904 г. (Судовой список, 1904) можно уточнить имена безымянных в документации судов и плавсредств из таблицы. Три баржи без названия, построенные в 1900 г. для общества «Ока» – это «Галатhea», «Геба» и «Сирена». Баржа без названия, построенная в 1900 г. для Морского министерства, – это наливная баржа для Бакинского порта.

Таблица 1. Список судов и плавсредств, произведенных в Воткинске

Класс	Название	Заказчик	Год	Цена, тыс.
шхуна наливная	Любовь	Восточное о.	1895	300
п/х буксирный	Славный	Мясников	1896	85
п/х буксирный	Мария	Кашин	1896	117
п/х буксирный	Тихтем	Шилов	1897	90
п/х буксирный	Крым	Землянов	1897	65
п/х буксирный	Смыловка	Челышев	1897	8
шхуна наливная	Эдиссон	Бегляров	1898	302,5
п/х буксирный	Надежда	Землянов	1898	72,5

п/х буксирный	Коммерсант	Зырянов	1898	63
п/х буксирный	Николай	Невское о-во	1898	43,5
п/х буксирный	Павел Троян	Зырянов	1899	62,5
п/х буксирный	Воткинский завод	Раммерц	1899	65
п/х буксирный	Москва	Восточное о.	1899	236
п/х буксирный	Смоленск	Восточное о.	1899	236
баржа наливная	Ревекка	Мазут	1899	31,5
баржа наливная	б/н	Мор. мин.	1900	65
п/х буксирный	Мамадыш	Кузовкин	1900	62
п/х буксирный	Братья Стахеевы	Стахеев	1900	75
реч. нал. баржа	Агар	Мазут	1900	60
баржа наливная	Рахил	Мазут	1900	80
баржа наливная	3 шт.	Ока	1900	98
п/х буксирный	Дербент	МПС	1901	125
п/х бук.-раз.	Красноводск	МПС	1901	
баржа сухогруз.	2 шт	Кронш. порт	1901	21,312
плашкоут	5 шт	Кронш. порт	1901	44,362
п/х букс.-пасс.	Кизил-Агач	Валиеву	1901	110
п/х буксирный	Киев	Шувалову	1901	123
п/х букс.-пасс.	Бакинец	Валиев	1901	85
п/х буксирный	Владимир	Седов	1901	26,8
п/х пассажирский	Самодержец	По Волге	1901	223
землечерпалка		Бакин. порт	1902	42
шаланды		Бакин. порт	1902	
п/х буксирный	Никитин	Олонец. упр	1902	53
п/х служебный	А. Ермолов	Рыб промыс	1902	100
п/х служебный	Ловец Ревизор	Рыб промыс	1902	45
баржа сухогруз.	2 шт	Крон. порт	1902	23,032
п/х буксирный	Ориент	Валиев	1902	23
п/х буксирный	Маштага	Валиев	1902	42
шхуна наливная	През. Крюгер	Бегляров	1902	295
п/х пассажирский	Усердный (он же Колва)	Надымов	1902	47
баржа наливная		Ока	1902	42,5
реч. налив. баржа	Паллада	Мазут	1902	59,25
реч. налив. баржа	Юнона	Мазут	1903	59,25
водоналивной бот		Кронш. порт	1903	10,161
п/х буксирный	Астрахань Камышин	Восточное о-во	1903	225
п/х буксирный	Конс. Гуллет	Стахеев	1903	90
п/х буксирный	Бельск (ошибка – Бельский)	Груздев	1903	91,5
п/х пассажирский	Ильинец	Истомин	1903	62
п/х служебный	Красноводск	МПС	1904	62,5
барказ служебный	Тритон (ошибка – Сулак)	МПС	1904	15
п/х буксирный	Медик	Мазут	1904	91
п/х буксирный	Дербент (ошибка – Дельфин)	Понизовкин	1904	87
п/х товарно-пассажирский	Сухотин и Соколовский	Плещеев	1904	175
п/х пассажирский	Иван и Савин	Савин	1904	96
п/х пассажирский	Новик	Милютин	1904	48
п/х пассажирский	Амур	Якимова	1904	90
п/х буксирно-пассажирский	Надежда	Хасабов	1904	33,5
п/х буксирный	Ретвизан	Симонов и Сергеев	1904	45
баржа наливная	Кама		1904	66,175
п/х буксирный	Помощник	Стахеев	1904	72

Баржи для Кронштадтского порта, построенные в 1901 г. – это, вероятно, баржи № 19 и 20, однотипные баржи, построенные в 1902 г., – это № 24 и 25. Плашкоуты для Кронштадтского порта – это литерные «Ж», «З», «И», «І» и «К». Наконец, наливная баржа общества «Ока» 1902 г. – это «Вязовка».

Первое дополнение к таблице заключается в шхуне для гидрографии и лоции Каспийского моря. Имеются архивные документы, свидетельствующие, что шхуну заказали, и начали строить. Но нет информации, что ее закончили и сдали заказчику. С другой стороны, есть информация, что у Воткинского завода был плашкоут «Вотка» 1902 года постройки, который по делопроизводственной документации не строили. Из чего вероятно, что «Вотка» – это и есть достроенная и переделанная шхуна (Митюков, 2017а).

В 1903 г. частникам продана железная лодка (ЦГА УР Ф. 212. Оп. 1. Д. 10588), вероятно, речь идет о паровой лодке «Рыбка», изготовленной в 1898 г. для нужд Горного начальника. На 1905 г. известно, что завод изготовил по заказу Министерства земледелия, но до сих пор не может сдать барказы-теплоходы «Первый» и «Сторожевой» (ЦГА УР Ф. 212. Оп. 1. Д. 10619). Эти барказы заказали еще в 1901 г., но в итоге так и не смогли сдать, и завод использовал их для своих нужд как понтоны.

4. Результаты

Ранее нами была проведена реконструкция списка заказов Воткинского завода за 1902–1905 гг. с номерами заказов 155–247 (Митюков, 2017б). В его основу положен список построенных в Воткинске судов из архива МИКВ (МИКВ. Д. 4812. С. 4–21), дополненный делопроизводственной документацией из ЦГА УР. Остаток этого списка за 1900–1901 гг. приведен в Таблице 2.

Как видно, несмотря на то, что Таблица 1 и Таблица 2 взяты из одного документа, они не совпадают. Причины этого кроются в разных системах подсчета. Суда обычно строились несколько лет, и при сортировке одних и тех же судов по дате получения заказа, дате их готовности или, например, по дате спуска на воду получаются совершенно разные последовательности. Тем не менее, поскольку в основе предыдущего списка была положена Таблица 2, логичней было бы ее и взять за основу нового списка реконструированных заказов с № 80 по № 154 (Таблица 3).

Таблица 2. Список построенных в Воткинске судов (МИКВ. Д. 4812. С. 4–21), фрагмент

Год	Наименование	Заказчик	Лист дела
1900	Баржа железная морская	ГУКиС	5
	Пароход «Надежда»	Стахеев	5
	Пароход «Мамадыш»	Кузовкина	5
	Железная баржа	О-во «Мазут»	5
	Железная баржа		5
	Железная баржа	О-во «Ока»	6
	Железная баржа		6
	Железная баржа		6
1901	Баржа железная морская	ГУКиС	6
	Баржа железная морская		6
	Плашкоут железный	Морское министерство	6
	Плашкоут железный		6
	Плашкоут железный		6
	Плашкоут железный		6
	Плашкоут железный		6
	Пароход «Дербент»	Управление водных и шоссейных путей	7
	Пароход «Красноводск»		7
	Пароход «Самодержец»	О-во «По Волге»	7
	Пароход в 30 сил	Седов	7
	Пароход «Бакинец»	Велиев	7
	Пароход «Кизил-Агач»	Велиев	7

Таблица 3. Реконструированный список заводских заказов (цветом выделены «проблемные» заказы)

Номер	Год	Класс	Название	Заказчик
80.	1865	Плавучий маяк	Астрабадский	Мор. вед.
81.	1866	Канонерская лодка	«Пицаль»	Мор. вед.
82.	1866	Канонерская лодка	«Секира»	Мор. вед.
83.	1867	Шлюпки	2 шт.	Воткинский завод
84.	1868	Пароход	«Тарки»	Мор. вед.

85.	1868	Шхуна	«Анапа»	Мор. вед.
86.	1869	Транспорт	«Гонец»	Мор. вед.
87.	1869	Пароход	«Деятель»	Кусакин
88.	1870	Пароход	«Бельский»	Груздев
89.	1870	Плавучий маяк	Красноводский	Мор. вед.
90.	1870	Транспорт	«Колпик»	Мор. вед.
91.	1870	Транспорт	«Аист»	Мор. вед.
92.	1870	Баржи, шлюпки	–	Аральская флотилия
93.	1870	Баржа, пароход	«Ташкент»	Аральская флотилия
94.	1871	Пароход	«Приятель»	Четвергов
95.	1872	Плашкоут	№ 74	Мор. вед.
96.	1872	Плашкоут	№ 75	Мор. вед.
97.	1874	Шхуна	«Лоцман»	Мор. вед.
98.	1881	Пароход	«Геок-Тепе»	Мор. вед.
99.	1882	Плашкоут	«Север»	Воткинский завод
100.	1882	Плашкоут	«Юг»	Воткинский завод
101.	1882	Плашкоут	«Запад»	Воткинский завод
102.	1882	Плашкоут	«Восток»	Воткинский завод
103.	1886	Баржа наливная	«Раиса»	О-во «Лебедь»
104.	1886	Баржа наливная	?	О-во «Лебедь»
105.	1886	Шаланда	«Счастливая»	О-во «Лебедь»
106.	1887	Баржа наливная	«Толя»	Шибаев
107.	1887	Баржа наливная	?	Шибаев
108.	1887	Пароход	«Воткинский завод»	Воткинский завод
109.	1888	Пароход	«Матвей»	Кашин
110.	1888	Пароход	«Шаркан»	Воткинский завод
111.	1889	Баржа наливная	«Зинаида»	Рихтер
112.	1889	Баржа наливная	«Лариса»	Рихтер
113.	1890	Шхуна наливная	«Воткинский завод»	Грубишич
114.	1890	Пароход	«Вел. кн. Алексей»	Кавказ и Меркурий
115.	1891	Пароход	«Джамбай»	Косов
116.	1891	Барказ	«Первенец»	Омутнинский завод
117.	1892	Шхуна наливная	«Виктор Гирш»	Гирш
118.	1892	Пароход и баржа	«Федор»	Рыбкин
119.	1893	Шхуна наливная	«Конрад Бонза»	Марк
120.	1893	Пароход	«Иж»	Ижевские заводы
121.	1893	Шхуна наливная	«Вера»	Померанцев
122.	1894	Шхуна наливная	«Варвара»	Померанцев
123.	1894	Пароход	«Пережат»	Воткинский завод
124.	1894	Баржа сухогрузная	?	Стахеев
125.	1894	Пароход	«Иван»	Юрганов
126.	1894	Пароход	«Василий»	Орехов
127.	1895	Шхуна наливная	«Любовь»	Восточное о-во
128.	1895	Пароход	«Мария»	Кашин
129.	1895	Пароход	«Славный»	Мясников
130.	1896	Пароход	«Славный»	Мясников
131.	1896	Пароход	«Мария»	Кашин
132.	1897	Пароход	«Тихтем»	Шилов
133.	1897	Пароход	«Крым»	Землянов
134.	1897	Пароход	«Смыловка»	Чельшев
135.	1898	Шхуна наливная	«Эдиссон»	Бегляров
136.	1898	Пароход	«Коммерсант»	Зырянов
137.	1898	Пароход	«Николай»	Невское о-во
138.	1898	Барказ	«Рыбка»	Воткинский завод
139.	1898	Шхуна/плашкоут	«Вотка»	Воткинский завод
140.	1899	Пароход	«Павел Троян»	Зырянов
141.	1899	Пароход	«Воткинский завод»	Раммерц
142.	1899	Пароход	«Москва»	Восточное о-во
143.	1899	Пароход	«Смоленск»	Восточное о-во
144.	1899	Баржа наливная	«Ревекка»	Мазут
145.	1899	Пароход	«Братья Стахеевы»	Стахеев

146.	1900	Баржа морская	Бакинская	ГУКиС
147.	1900	Пароход	«Надежда»	Стахеев
148.	1900	Пароход	«Мамадыш»	Кузовкина
149.	1900	Баржа наливная	«Агар»	О-во «Мазут»
150.	1900	Баржа наливная	«Рахиль»	О-во «Мазут»
151.	1900	Баржа наливная	«Галатей»	О-во «Ока»
152.	1900	Баржа наливная	«Геба»	О-во «Ока»
153.	1900	Баржа наливная	«Сирена»	О-во «Ока»
154.	1900	Барказ	«Первый»	Мин.земледелия
155.	1900	Барказ	«Сторожевой»	Мин.земледелия
156.	1901	Баржа морская	№ 19 ?	ГУКиС
157.	1901	Баржа морская	№ 20 ?	ГУКиС
158.	1901	Плашкоут железный	Ж	Мор. вед.
159.	1901	Плашкоут железный	З	Мор. вед.
160.	1901	Плашкоут железный	И	Мор. вед.
161.	1901	Плашкоут железный	І	Мор. вед.
162.	1901	Плашкоут железный	К	Мор. вед.
163.	1901	Пароход	«Дербент»	УВиШП
164.	1901	Пароход	«Красноводск»	УВиШП
165.	1901	Пароход	«Самодержец»	О-во «По Волге»
166.	1901	Пароход в 30 сил	«Владимир»	Седов
167.	1901	Пароход	«Бакинец»	Велиев
168.	1901	Пароход	«Кизил-Агач»	Велиев

Таблица 3 продемонстрировала избыток плавсредств, получается, что произведено больше, чем было «свободных» номеров заказов. Последний номер № 168, тогда как для совместимости с данными, полученными нами ранее, он должен быть № 154 ([Митюков, 2017b](#)), т.е. лишних 14 позиций. Вполне вероятно расхождение в несколько номеров, но никак не полтора десятка!

Что это может значить? Очевидно, либо произошло дублирование и в таблицу какие-то объекты строительства вошли дважды, либо изменилась система присвоения заказов. В связи с этим можно сделать следующие предположения:

1. Рассмотренные выше баржи, строившиеся по заказу Астраханского порта и Балтийского флота, вероятно, выданы ранее, т.е. номер их заказа меньше № 80, и в период второй половины 1860-х гг. их лишь достраивали.

2. В работе ([Митюков, 2018](#)) нами было сделано предположение, что завод отправлял на Аральскую флотилию комплекты барж и шлюпок, партия которых могла идти под одним номером. Вероятно, так и получается.

3. Пять барж для Кронштадтского порта, проходящих в финансовых документах завода за 1870 г. – это доработка старых заказов (номер до № 80).

4. Плавучий маяк № 80 действительно построен для Астрабадского залива, а не Елагинский, который мог быть переоборудован из построенных ранее барж.

Для определения места наложения номеров заказов можно воспользоваться чертежной документацией Воткинского завода. На чертеже шхуны «Вера» в названии указан номер заказа – № 109 ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 92](#)). В левом нижнем углу чертежа изображены линии, по которым следует делать однотипные, но чуть отличающиеся шхуны № 111 и № 112 (будущие «Варвара» и «Любовь»). Как было показано выше, заказ на все три шхуны действительно был выдан практически одновременно – это шхуны Померанцева № 1, № 2 и № 3. Учитывая возможные «перемещения» номеров заказа по **Таблице 3** из-за разных способов группировки, получаем, что номера 121–122 – это и есть 109–112. Если эти номера поставить в **Таблицу 3**, то нижняя строчка получится около № 156, что практически идеально совмещается с ранее полученной нами таблицей номеров 155–247. Таким образом, «совмещение» номеров, вероятнее всего, приходится на промежуток от № 80 до 109, за счет чего может произойти сокращение номеров **Таблице 3**:

1. Поз. 83 – шлюпки для Воткинского завода возможно строились не судостроительным цехом, в связи с чем не получили номера заказа.

2. Поз. 92 и 93 – две партии полуфабрикатов для судов Аральской флотилии, вероятно, были под одним заказом.

3. Поз. 95 и 96 – плашкоуты для Балтийского флота, возможно, также шли под одним заказом.

4. Баржи Поз. 103 и 104, а также поз. 106 и 107 практически однотипные. Но в регистре 1926 г. ([Регистр, 1926](#)) даются лишь по одному названию для каждой из пары, в связи с чем следует допустить, что, заказанные как баржи о-ва «Лебедь», они в ходе постройки были перекуплены Шибаевым. Так что реально это две баржи (как они и фигурируют в регистре), а не четыре.

5. Пароход «Рыбка» фигурирует в заводской документации просто как «лодка». Но в регистре он значится как полноправное судно с местом постройки – Воткинский завод. В связи с этим можно

предположить, что судно построено не на Воткинском заводе, а в поселке Воткинский завод какими-то частниками. В этом нет ничего странного, поскольку, например, начальник судостроительного цеха З.В. Сумароков построил для перевозок по Воткинскому пруду два паровых барказа «Радуга» и «Мираж» (Гаевский, 2016: 78). Уместно предположить, что и «Рыбку» могли построить также.

Получается «экономия» номеров в шесть позиций. Возможно также, что воткинские плашкоуты для перевозки паровозов также шли одним заказом, а не четырьмя. Таким образом, получается расхождение номеров всего в 3–4 позиции, что вполне допустимо за такой большой период функционирования завода.

Кроме того, имеется еще одно объяснение. В 1910-х гг. функционировал Камский судостроительный завод, созданный специально для избегания дорогостоящего сплава по рекам Вотка и Сива. Ранее все построенные там суда и плавсредства были нами включены в общий список номеров. Но поскольку «свободных» номеров получилось меньше, логичней предположить, что Камский судостроительный завод мог присваивать свои номера.

Полученный список из реконструированных номеров заказов дает ценный материал для анализа эффективности воткинского судостроения.

Анализируя полученные данные по заказчику, можно сделать следующие выводы. В Таблице 4 представлена ведомственная принадлежность полученных заказов. Видно, что в период с 1865 по 1875 гг. львиную долю заказов составляют заказы Морского ведомства (81 %). В последнее анализируемое десятилетие – частники (65 %). Не считая период модернизации мощностей судостроительного цеха в 1870-х гг., неуклонно растет количество заказов: с 16 в период 1865–1875 гг. до 37 1896–1902. Прирост более чем на 200 %.

Таблица 4. Ведомственная принадлежность заказов

Заказчик	1865-75	1876-1885	1886-1895	1896-1902	Всего
Мор. вед.	13 (81%)	1 (20%)	0	8 (21%)	22 (26%)
Гос. структуры	0	0	2 (8%)	4 (11%)	6 (7%)
Частники	3 (19%)	0	20 (80%)	24 (65%)	47 (57%)
Свои нужды	0	4 (80%)	3 (12%)	1 (3%)	8 (10%)
Всего	16	5	25	37	83

Таблица 5. Качественная структура заказов

Заказчик	1865-75	1876-1885	1886-1895	1896-1902	Всего
Пароходы	12 (75%)	1 (20%)	19 (76%)	23 (62%)	55 (66%)
В т.ч. морские суда	0	0	7 (28%)	1 (27%)	8 (10%)
Несамоходные	4 (25%)	4 (80%)	6 (24%)	14 (38%)	28 (34%)
Всего	16	5	25	37	83

А вот качественная структура заказов кардинально не поменялась. Доля пароходов в заказах составляет примерно три четверти, доля несамоходных судов – четверть. Единственное нарушение этой пропорции приходится на десятилетие 1886–1895 гг. Поскольку резко возросла доля частных заказов, завод быстро понял, что объем полученной прибыли возрастает при переходе на крупные суда – морские пассажирские пароходы и нефтеналивные шхуны (танкеры). В связи с этим доля таких судов в структуре заказов составляет до четверти! Но особенность расположения Воткинского завода – трудоемкий сплав судов в Каму – привел к тому, что от весьма сложной процедуры сплава больших океанских судов по Сиве и Вотке в десятилетия 1896–1902 гг. практически отказались и снова вернулись на суда ограниченного тоннажа.

5. Заключение

В ходе работы на основе делопроизводственной документации Воткинского завода был реконструирован примерный список построенных судостроительным цехом судов и плавсредств в период с 1865 по 1902 гг. Далее он был совмещен со списком, полученным на основе данных регистров торгового флота и судовых списков военного флота, и наложен на свободные номера заказов. В итоге получилось, что завод построил объектов больше, чем имелось «вакантных» номеров. Указанный парадокс можно объяснить следующими соображениями:

1. Несколько плавсредств могли иметь общий номер, особенно если они поставлялись в виде полуфабрикатов с окончательной сборкой на месте (как это имело место для Аральской флотилии).
2. Произошло дублирование информации и одно судно или плавсредство могло под разными названиями дважды попасть в список (баржи общества «Лебедь» и баржи Шибаева).
3. Функционировавший на Каме одно время Камский судостроительный завод, построенный, чтобы избежать дорогостоящего сплава по Вотке и Сиве, мог иметь собственные номера заказов.

В итоге на основе полученного списка можно сделать следующие выводы об особенностях функционирования судостроительного производства в Воткинске в указанных хронологических рамках:

1. На указанный период приходится переориентация производства от Морского ведомства на частные заказы и заказы других государственных структур.
2. Несмотря на переориентацию производства, завод сохраняет примерно постоянные пропорции между самоходными и несамоходными судами (примерно три к одному), что, вероятно, было необходимо для развития и модернизации производства в условиях промышленной революции второй половины XIX века.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

- АВЗ** – Архив музея Воткинского завода.
- Гаевский, 2016** – Гаевский Э. Воткинский самородок // *Витиль*. 2016. № 5. С. 73–80.
- Матвеев, 2016** – Матвеев Д.В. Самый большой военный заказ Камско-Воткинского железоделательного завода // *Первый шаг в науку*. 2016. № 5–6 (17–19). С. 36–41.
- Матвеев, 2017** – Матвеев Д.В. Строительство парохода «Деятель» на Камско-Воткинском железоделательном заводе // *Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета*. 2017. № 1. С. 71–74.
- МИКВ** – Музей истории и культуры города Воткинска.
- Митюков, 2017b** – Митюков Н.В., Матвеев Д.В. Реконструкция номеров заказов судостроительного цеха Воткинского завода первого десятилетия XX в. // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2017. № 3 (11). С. 38–41.
- Митюков, 2017a** – Митюков Н.В. Загадка недостроенного транспорта // *Гангут*. 2017. № 99. С. 3–10.
- Митюков, 2018** – Митюков Н.В., Яровой В.В. Пароход Аральской флотилии «Ташкент» // *Судостроение*. 2018. № 3. С. 70–74.
- Регистр, 1926** – Регистр союза ССР. Список речных судов. М.: Транспечать, 1926. 503 с.
- Ступишин, 1959** – Ступишин В.Н. Воткинские были: исторические очерки, 1759–1959. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. 246 с.
- Судовой список, 1904** – Судовой список 1904 г. СПб., 1904. 412 с.
- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- Mitiukov, 2017** – Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S. Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye gody*. 2017. № 44 (2). pp. 644–652.
- Mitiukov, 2018** – Mitiukov N.W. Votkinsk Shipbuilding in the Works of Local Historians P. Luppov, F. Streltsov and V. Stupishin // *Russkii Arkhiv*. 2018. № 1 (6). pp. 4–19.
- Mitiukov, Kondratenko, 2017** – Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F. Networking in Scientific Projects on Naval History // *Bylye gody*. 2017. № 46 (4). pp. 1582–1590.

References

- AVZ** – Arhiv muzeya Votkinskogo zavoda [Archive of the Votkinsk Plant Museum].
- CGA UR** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic].
- Gaevskij, 2016** – Gaevskij E.H. (2016). Votkinskij samorodok [Votkinsk's nugget]. Vitol'. № 5. pp. 73–80. [in Russian]
- Matveev, 2016** – Matveev D.V. (2016). Samyj bol'shoj voennyj zakaz Kamsko-Votkinskogo zhelezodelatel'nogo zavoda [The largest military order of the Kama-Votkinsk Iron-Making Plant]. *Pervyj shag v nauku*. № 5–6 (17–19). pp. 36–41. [in Russian]
- Matveev, 2017** – Matveev D.V. (2017). Stroitel'stvo parohoda «Deyatel'» na Kamsko-Votkinskom zhelezodelatel'nom zavode [Construction of the steamship "Deatel'" at the Kamsko-Votkinsky Iron-Making Plant]. *Vestnik molodyh uchenyh Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*. № 1. pp. 71–74. [in Russian].
- MIKV** – Muzej istorii i kul'tury goroda Votkinska [Museum of History and Culture of Votkinsk].
- Mitiukov, 2017** – Mitiukov N.W., Matveev D.V., Semyonov A.S. (2017). Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders. *Bylye gody*. № 44 (2). pp. 644–652. [in Russian]
- Mitiukov, 2018** – Mitiukov N.W. (2018). Votkinsk Shipbuilding in the Works of Local Historians P. Luppov, F. Streltsov and V. Stupishin. *Russkii Arkhiv*. № 1 (6). pp. 4–19. [in Russian]

Mitiukov, Kondratenko, 2017 – Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F. (2017). Networking in Scientific Projects on Naval History. *Bylye gody*. 2017. № 46 (4). pp. 1582-1590. [in Russian]

Mityukov, 2017a – Mityukov N.V. (2017). Zagadka nedostroennogo transporta [Riddle of unfinished transport]. *Gangut*. № 99. pp. 3-10. [in Russian]

Mityukov, 2017b – Mityukov N.V., Matveev D.V. (2017). Rekonstrukciya numerov zakazov Sudostroitel'nogo cekha Votkinskogo zavoda pervogo desyatiletiya XX v. [Reconstruction of order numbers of the shipbuilding workshop of the Votkinsk plant of the first decade of the 20th century]. *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. № 3 (11). pp. 38-41. [in Russian]

Mityukov, 2018 – Mityukov N.V., Yarovoj V.V. (2018). Parohod Aral'skoj flotilii «Tashkent» [The steamer of the Aral flotilla "Tashkent"]. *Sudostroenie*. № 3. pp. 70-74. [in Russian]

Registr, 1926 – Registr soyuza SSR. Spisok rechnyh sudov [Register of the Union of Soviet Socialist Republics. List of river vessels]. M.: Transpechat', 1926. 503 p. [On Russian]

Stupishin, 1959 – Stupishin V.N. (1959). Votkinskie byli: istoricheskie ocherki, 1759-1959 [Votkinsk's true stories: historical essays, 1759-1959]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatelstvo. 246 p. [in Russian]

Sudovoj spisok, 1904 – Sudovoj spisok 1904 g. [Ship list 1904]. SPb., 1904. 412 p. [in Russian]

Реконструкция номеров заказов судостроительного цеха Воткинского завода за 1865–1902 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, e *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^f
Дмитрий Владимирович Матвеев ^g

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^d Московский экономический институт, Москва, Российская Федерация

^e Московский институт психоанализа, Москва, Российская Федерация

^f Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Ижевск, Российская Федерация

^g Удмуртский государственный университет, Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. На основе делопроизводственной документации Воткинского завода реконструирован примерный список построенных судостроительным цехом судов и плавсредств в период с 1865 по 1902 гг. Затем он совмещен со списком, составленным на основе регистров торгового флота и судовых списков военного флота, и наложен на известные номера заказов. Получилось, что завод построил объектов больше, чем имеется свободных номеров. Указанный парадокс можно объяснить следующими соображениями. Несколько плавсредств могли иметь общий номер, особенно если они поставлялись в виде полуфабрикатов с окончательной сборкой на месте (как это имело место для Аральской флотилии). Произошло дублирование информации и одно судно или плавсредство могло под разными названиями дважды попасть в список. Функционировавший на Каме некоторое время Камский судостроительный завод, построенный, чтобы избежать дорогостоящего сплава по Вотке и Сиве, мог иметь собственные номера заказов.

На основе анализа полученного списка сделаны следующие выводы о функционировании судостроительного производства в Воткинске: в указанные хронологические рамки приходится переориентация производства от Морского ведомства на частные заказы и заказы других государственных структур. Несмотря на переориентацию производства, завод сохраняет постоянные пропорции между самоходными и несамоходными судами (примерно три к одному), что, вероятно, было необходимо для модернизации производства в условиях промышленной революции второй половины XIX века.

Ключевые слова: Воткинский завод, судостроение, пароход, экономика, строительный номер, судостроительный цех.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1216-1223. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1216
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Coverage of the Siberian Theme on the Pages of Historical Magazines of the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the magazine "Russian Antiquity")

Irina V. Pivovarova ^a, Yulia V. Putilina ^{b,*}, Yulia V. Zubareva ^c, Anvar M. Mamadaliev ^{d,e}

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

^c Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russian Federation

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^e Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The specialized historical magazine "Russian antiquity", which was published from 1870 to 1918, regularly placed on its pages materials that in one way or another affect the Siberian theme. At the same time, the image of Siberia was often revealed through publications of materials about specific people or mythological characters – people from Siberia or living (actually or presumably) some important period of their life in the Siberian region. Decembrists, their wives, elders, historians, archivists, well-known statesmen, representatives of the clergy and even robbers, in one way or another glorified the Siberian region, often represented its peculiar symbol associated in the perception of the professional historical community, as well as a simple readership, with the image of Siberia.

In general, we can say that the editors and authors of the "Russian antiquity", judging by the frequency of placement of relevant materials, were in constant search of a certain ideal image – public, state, spiritual figure, who made a special contribution to improving the life and life of Siberians, coverage of regional issues and current problems, romanticization of the image of Siberia as a "remote" region and at the same time – rich in spiritual and material terms, the most important part of the country.

Keywords: Siberia, historical specialized magazines, printed press, "Russian antiquity" magazine, historical events, personalities, Decembrists, exiles, public figures, elders, Archbishop, mythical and epic characters, historians and archivists, Siberian Governor-General.

1. Введение

В рамках научного дискурса последних десятилетий о перспективах развития исторических знаний, отображающих научные изыскания представителей исторического сообщества, в числе прочих обсуждаются вопросы о роли и значении исторической науки в конструировании исторических представлений современников тех или иных временных эпох о различных исторических событиях, регионах или людях. В связи с этим особый интерес представляет исследование образа сибирского края, а также конкретных исторических личностей, его символизирующих, путем изучения специализированных исторических журналов, выходивших во второй половине XIX – начале XX вв. и влияющих на формирование ассоциативных представлений у читающей аудитории Российской империи исследуемого периода.

* Corresponding author

E-mail addresses: pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova), putilina-yulia@mail.ru (Y.V. Putilina), j_zubareva@mail.ru (Y.V. Zubareva)

2. Материалы и методы

Исследование реализовано на основе анализа специализированных периодических изданий исторической направленности, выходивших во второй половине XIX – начале XX вв. и освещающих вопросы, связанные с сибирской тематикой, в том числе посредством изложения воспоминаний, очерков, биографий известных исторических личностей, чья жизнь и деятельность была связана с сибирским краем.

В качестве методов исследования была использована их следующая совокупность: исторический метод, позволивший выявить особенности формирования исторических представлений читательской аудитории России о Сибири и конкретных исторических персонажах, символизирующих данный край в исследуемый временной период; метод контент-анализа, посредством которого были изучены и проанализированы материалы исторического журнала «Русская старина», выходившего с 1870 по 1918 гг.; биографический метод, с помощью которого были проанализированы биографии известных личностей исследуемого периода.

3. Обсуждение

В рамках работы над статьей в качестве основных исторических источников были изучены материалы специализированных исторических журналов, выходивших во второй половине XIX – начале XX вв. При этом особое внимание было уделено анализу публикаций, размещенных в журнале «Русская старина», выходившем с 1870 по 1918 гг. В данном периодическом издании достаточно ярко и наглядно отображены цели, приемы и методы, с помощью которых редакция и авторы материалов, публикуемых в журнале, конструировали представления профессионального исторического сообщества и читающей аудитории своей эпохи относительно образа сибирского края, а также проживающих там людей.

Кроме того, были изучены труды, посвященные исследованию особенностей развития печатной прессы в России в исследуемый период (Периодическая..., 1991; Есин, 2007; История..., 2004).

Тем не менее, несмотря на наличие перечисленных работ, вопросы о конструировании специализированными историческими журналами образа Сибири в исторических представлениях населения Российской империи в данных трудах практически не рассматривались.

4. Результаты

Одним из наиболее популярных специализированных периодических изданий исторической направленности, выходивших во второй половине XIX – начале XX вв., можно признать журнал «Русская старина», который начал издаваться с 1870 года под редакцией В.А. и М.И. Семевских. Редакцией журнала были сформулированы ключевые цели периодического издания, в качестве которых выделялись такие, как разработка исторических материалов; ознакомление читательской аудитории с историческими личностями России (Об издании..., 1870: 2–3).

В соответствии с целями была сформулирована программа журнала «Русская старина», которая включала в себя следующий комплекс разделов, предопределивших структуру периодического издания: а) исторические исследования; б) записки и воспоминания; в) семейные хроники; г) художественные рассказы и очерки; д) статьи по истории русского искусства и литературы; е) разные документы и челобитные, отражающие ключевые проблемы и принятый общественный уклад прошедших эпох; ж) дневники, заметки, автобиографии, письма замечательных лиц, тем или иным образом прославившихся в прошлое время; з) жизнеописания и дополнительные материалы к биографиям известных российских деятелей: художников, артистов и «государственных людей»; и) исторические рассказы, предания и бытующие мифы; к) народная словесность; л) иностранные рассказы и мемуары, тем или иным образом затрагивающие и освещающие некоторые вопросы русской истории; м) родословные замечательных людей и представителей отдельных фамилий; н) документы архивов (Объявление..., 1897: 4–5).

Представляется интересным критерий выбора материалов для опубликования, провозглашенный редакцией журнала, в соответствии с которым размещать в издании нужно было все, что могло бы послужить славе и чести прежних отечественных известных деятелей. Редакцией журнала регулярно подчеркивалось, что данная информация должна публиковаться с полнейшей беспристрастностью (Об издании..., 1870: 2).

Следует отметить, что упомянутый исторический журнал приобрел за годы своего существования стабильный и широкий круг подписчиков, в том числе на территории Сибири. Так, их существенная часть была представлена жителями Забайкальской области и Иркутской губернии. Тем не менее, ключевая читательская аудитория состояла преимущественно из лиц, проживающих в российских столицах, а также из жителей дворянских усадеб центральной части Российской империи.

В первые годы выхода периодического издания «Русская старина» сибирский край упоминался в опубликованных материалах преимущественно в качестве места, с которым были взаимосвязаны биографически известные деятели России, и прежде всего из числа декабристов. В «Русской старине» неоднократно размещались записки М.А. Бестужева, повествующие о его пребывании в сибирском регионе, написанные им еще в 1860 г. в Селенгинске; «Дневник поселенца», опубликованный под авторством В.К. Кюхельбекера; заметки и воспоминания Д.И. Завалишина, А.Ф. Фролова; письма

А.А. Бригена, А.П. Беляева, С.Г. Волконского, С.П. и Е.И. Трубецких; рассказы и очерки П.Е. Анненковой; переписка В.К. Кюхельбекера и В.А. Жуковского и др. ([Бестужев, 1881: 591–658](#); [Дубровин, 1902: 904–111](#); [Иванова, 1888: 567–604](#); [Кюхельбекер, 1891: 90](#)).

Необходимо подчеркнуть, что большая доля опубликованных материалов о сибирском крае была представлена историческими источниками личного происхождения, среди которых существенная часть принадлежала запискам, дневникам, воспоминаниям и письмам декабристов, пребывавших в ссылке, а также их жен, близких друзей и родственников.

Анализ наследия декабристов позволяет констатировать, что именно их мысли, мировоззрение и заметки формировали у читающей аудитории России образ края как места страдания за их ценности, убеждения и идеалы. Романтизация образа декабристов и их верных жен в сознании российской общественности усиливалась публикациями материалов, представленных источниками личного происхождения, о которых уже упоминалось ранее. Данным приемом удавалось сделать красочным и убедительным набор образов сибирского региона, порожденный восставшими и «инокомыслящими» героями страны. Описания «экзотической» специфики сибирского края, характерные для путевых очерков позапрошлого столетия, акцентировали особое внимание читателей на тяжелых климатических условиях Сибири, красочном изображении его населенных пунктов, подчеркивании их отличий от поселений и городов «внутренней» части Российской империи.

В одном из номеров «Русской старины» А.П. Беляев писал, что не знает, как сейчас, но тогда сибирский край был житницей, в которой, по словам некоторых крестьян, «по двадцать лет они не видели у своих сусеков и дна» ([Беляев, 1881: 803](#)).

Тем не менее, в соответствии с транслируемым посылом в публикуемых письмах и мемуарах сибирский край преимущественно был представлен в качестве территории изгнания. В журнале нередко размещались полные тексты или отрывки из писем и воспоминаний декабристов о жизни в ссылке. Издательством кропотливо и тщательно собирались сведения об узниках Сибири прошлых времен.

Публикация подобных материалов в специализированных исторических журналах, в том числе и в «Русской старине», закрепляла и усиливала в сознании населения России представления о Сибири как о месте ссылки лиц, «неудобных» для имперской власти. Кроме того, размещая источники личного происхождения, освещающие пребывание декабристов в сибирском крае, редакция «Русской старины» способствовала тем самым порождению особого интереса исследователей и многочисленной читательской аудитории к «сибирскому» периоду движения декабристов. По мнению исследователей, результатом данного этапа стало появление большого числа очерков, освещающих «сибирские» биографии его участников, которые наиболее долго и тщательно «поработали на пользу и во славу» местного населения сибирского края ([Брайловский, 1903: 541](#)).

Нередко авторы публикаций, размещаемых в «Русской старине», делали попытки сформулировать возможные направления для своих исследований и изысканий. Например, повествуя о поэтических строках Н.А. Некрасова, обращенных к женам декабристов, русский поэт, краевед и журналист Леонид Николаевич Трефолов подчеркнул, что одной поэзии для восхваления всех подвигов этих «доблестных женщин» будет явно недостаточно.

Л.Н. Трефолов предположил, что назрела необходимость в составлении полного собрания их писем и воспоминаний, так как в этом случае читатели и историки смогут получить более точное, непредвзятое и детальное представление об их личности, чертах характера и устремлениях. При этом поэт выразил убежденность, что такой сборник в случае его выхода в свет обречен на большой успех и популярность ([Трефолов, 1899: 560](#)).

Следует констатировать, что журнал «Русская старина» явился некой сценой для «борьбы воспоминаний» различных авторов, многие из которых совершенно по-разному воспринимали и оценивали события и явления, произошедшие с ними ранее на этапе изгнания.

Декабристы по-разному интерпретировали смысл поступков и действий своих товарищей по ссылке. Часто неоднозначно ими оценивались и отношения с представителями сибирской администрации. Большой резонанс в этом аспекте вызвала публикация материалов Д.И. Завалишина. В своих воспоминаниях он обвинил соратников в умолчании либо существенном искажении многочисленных фактов о жизни декабристов, обосновывая это явление тем, что их память «ослабилась» ко времени написания мемуаров в связи с опасением сказать правду о действиях со стороны сибирского начальства, нежеланием связываться с местным чиновничеством, а также сообщать «невыгодные явления», имевшие место и среди товарищества ссыльных декабристов ([Завалишин, 1881: 419–420](#)).

Ответом на воспоминания, заметки и очерки Д.И. Завалишина стало обнародование со страниц «Русской старины» воспоминаний А.Ф. Фролова, сопровождаемых хорошо аргументированным редакционным комментарием, представляющим читательской аудитории образ рассматриваемого периодического издания как непредвзятого журнала, всесторонне и с разных ракурсов рассматривающего одни и те же явления и исторические события ([Воспоминания..., 1882: 465–482](#)).

Помимо публикации воспоминаний и писем декабристов, на страницах журнала «Русская старина» также размещались статьи, повествующие о представителях чиновничества, ответственных за пребывание ссыльных декабристов в сибирском крае.

При этом в качестве ключевого критерия для оценки и интерпретации их профессиональных и личных качеств выступало отношение данных лиц к самим декабристам. Так, например, в одном из биографических очерков, посвященных деятельности в сибирском крае коменданта Нерчинских рудников С.Р. Лепарского, утверждения Д.И. Завалишина о том, что этот человек стремился к «уничтожению и умалению нравственного значения декабристов», подверглись серьезному оспариванию.

Автором данного очерка – В.В. Тимошук – транслировалась позиция о том, что лишь благодаря С.Р. Лепарскому, отличавшемуся гуманным отношением к декабристам, предоставленным им льготам для них (разрешение заниматься музыкой, рисованием, чтением, разнообразными «ремесленными делами», писать письма друзьям и родственникам), декабристы сохранили бодрость духа и здоровье ума, дожили до прошедшей в 1856 году амнистии, сохранили и преумножили верность своим моральным принципам и идеалам, отзывчивость, сострадание к бедам народа и всяким «явлениям общественной жизни» (Тимошук, 1892: 177–178).

Необходимо отметить, что обнаружение статей о поведении и деятельности декабристов в тяжелых условиях ссылки, прежде всего, несло функции воспитательного характера. Сама же история позиционировалась, с одной стороны, в качестве учителя жизни, предоставляя возможность осмысления различных поведенческих стратегий и установок в тяжелейших жизненных ситуациях, а с другой – наглядно показывала различные аспекты и точки зрения на одни и те же исторические процессы, исходя из идейных воззрений, мотиваций и личных особенностей восприятия разных участников исторических событий.

Образ Сибири как важного биографического периода «инакомыслящих» в России актуализировала и публикация статей о могилах А.И. Остермана и А.И. Меньшикова в Березове (Воропай, 1889: 133–134), а также о делопроизводственной документации, касающейся пребывания в ссылке А.Н. Радищева (Репинский, 1872: 436–437), писем Ф.М. Достоевского, адресованных его брату (Достоевский..., 1885: 511–520), очерков о пребывании в ссылке пастора Зейдера, сосланного туда в свое время Павлом I (Зубахина, 1878: 463–490) и др.

Опубликованные журналом «Русская старина» письма Ф.М. Достоевского легли в основу известной повести «Записки из Мертвого дома», воссоздающей реалии тюремной жизни, впечатления людей, находившихся в остроге, их психологическое и физическое состояние, воздействие каторги на характер и самооценку героев.

Помимо прочего, в письмах красочно и детально передавался портрет города Омска, каким его воспринимал известный писатель. Характеристики данного города, изложенные Ф.М. Достоевским, в дальнейшем активно распространялись и тиражировались краеведческой литературой сибирского края. Пребывая в Омске, писатель узнавал сотни различных историй о разных преступлениях, мотивах и психологическом состоянии лиц, их совершивших (Достоевский..., 1885: 516–517).

Публикации, размещаемые в «Русской старине» и затрагивающие вопросы о политической ссылке в сибирский край, подтверждают и наблюдения, сделанные Ю.М. Лотманом касательно русского романа XIX века. В частности, его идею о том, что образованными жителями Российской империи сибирский край соотносился с такими мифологическими моментами, как «смерть» и «схождение в ад». Попадая в Сибирь, герои событий как бы претерпевали воскресение и дальнейшее свое перерождение. Однако вместо реальной смерти описывалась каторга как смерть – политическая (Лотман, 1988: 325–327).

Анализ содержательной компоненты биографических очерков «изгнанных» в Сибирь узников позволяет сделать вывод о том, что авторы соответствующих материалов делали особый акцент на позитивной кульминации «сложного и тернистого пути», который виделся им в возвращении каторжан после драматичных событий из их сибирской жизни к активной общественной позиции, политической деятельности, направленной на борьбу за права соотечественников на территории европейской части Российской империи.

При этом И.И. Срезневским, публикующим переписку с сыном В.В. Пассека, делалось замечание о том, что сибирский край накладывал на жителей региона, долгое время проживавших в нем, особенный отпечаток, отличавший их от «провинциализма», характерного для европейской части России. По мнению Срезневского, сибиряк «не так мелок и пошл, он отличается большим здоровьем и лучшим закалом воли» (Срезневский, 1893: 379–380).

В связи с выраженной семантической и ассоциативно-смысловой нагрузкой, преимущественно вкладываемой в образ Сибири историческими журналами конца XIX в. (края, являющегося местом изгнания «инакомыслящих, но великих духом людей», а также символом «смерти и последующего воскрешения»), думается, что не случайно именно Сибирь стали рассматривать в качестве адресата известной в то время легенды о некоем прозорливом старце – Федоре Кузьмиче. Данная легенда была очень популярной в народном сознании и мнении общественности, бытовавшим в позапрошлом столетии.

Значительное число материалов на страницах «Русской старины» было посвящено исследованию именно этой персоналии (Лотман, 1988: 725–726). Пытаясь разобраться в широко распространенных на территории империи рассказах об этом старце, редакцией журнала неоднократно размещались многочисленные свидетельства современников той эпохи, чьи очерки отображали отдельные аспекты биографии и личности Федора Кузьмича: образованного, прозорливого, излечивающего от самых тяжелых заболеваний, помогающего людям при любом удобном случае старца (Епископ..., 1891: 233–240).

До сих пор неизвестно, был ли это реальный человек, о котором писалось в соответствующих материалах, либо он был вымышленным персонажем, основанным на представлениях россиян о достойном образце для всеобщего почтения и подражания. Кроме того, в одной из легенд о старце звучала мысль о том, что Федор Кузьмич – это не кто иной, как сам император Александр I, чья скоропостижная смерть в Таганроге способствовала порождению среди народа множества слухов (Шильдер, 1898: 183–184).

Редакция журнала «Русская старина» преподносила со своих страниц образ Федора Кузьмича в качестве человека, чья деятельность и жизнь ассоциировались в сознании читательской аудитории именно с сибирским краем, то есть его личность представляла собой своеобразный символ Сибири. Сам журнал выступал в качестве некоего активного субъекта мифотворчества, проецируя в массовом сознании некий идеализированный образ отшельника Сибири.

В целом можно сделать заключение, что информирование читательской аудитории журнала о сибирском регионе происходило, в первую очередь, посредством публикации разножанровых текстов, отображающих фрагменты биографий из жизни людей в Сибири.

При этом «Русской стариной» транслировалось большое количество различных «версий» образа края. Тем самым читателям предоставлялась возможность сделать собственный анализ различных точек зрения по одним и тем же историческим событиям, сформировать собственные убеждения относительно той или иной персоналии.

Делая вывод по исследованию, обозначим основные исторические личности, чья общественная деятельность и жизнь редакцией и авторами материалов исследуемого журнала наиболее часто соотносились с сибирским краем. Нами установлено, что особое внимание здесь уделялось описанию деятельности, жизни и отдельных фактов из биографий:

- Д.Н. Бантыш-Каменского – генерал-губернатора Западной Сибири;
- ссыльного М.А. Бакунина;
- ссыльного писателя-демократа М.В. Буташевич-Петрашевского;
- ссыльного и одновременно известного писателя Ф.М. Достоевского;
- Н.А. Бестужева – капитан-лейтенанта 8-го флотского экипажа, историографа флота, известного декабриста, писателя, критика и художника;
- М.А. Бестужева (брата Н.А. Бестужева), штабс-капитана лейб-гвардии Московского полка, писателя и декабриста;
- иркутского архиепископа Иринея Несторовича;
- иркутского архиепископа Нила;
- старца Федора Кузьмича;
- коменданта Читинского острога и Нерчинских рудников С.Р. Лепарского;
- генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского;
- ссыльного писателя А.Н. Радищева;
- генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского;
- А.Ф. Ядринцевой – активного общественного деятеля и жены одного из ключевых идеологов областничества Сибири – Н.М. Ядринцева;
- атамана Ермака Тимофеевича (по некоторым данным – Тимофеева) и др.

5. Заключение

Таким образом, по социальной, профессиональной либо мифологической принадлежности лиц, наиболее часто упоминаемых в журнале «Русская старина», их можно разделить на следующие группы: декабристы; жены декабристов; писатели; общественные деятели; старцы; яркие представители духовенства (епископы, архиепископы, проповедники, осуществлявшие свое служение (временное либо постоянное) на территории Сибири); разбойники, атаманы, мифические и былинные персонажи; историки и архивисты, внесшие существенный вклад в освещение тех или иных событий, поиск и систематизацию материалов по различным спектрам вопросов; сибирские генерал-губернаторы; иные должностные лица и общественные деятели, чья работа была тесно связано с сибирским краем.

Однако выявленные группы являются в некоторой степени условными, так как многих упоминаемых исторических личностей можно отнести к двум или нескольким категориям одновременно (например, писатель – декабрист – общественный деятель; мифический персонаж – старец и т.п.).

Публикации разножанровых текстов, отображающих фрагменты биографий людей, проживающих (в том числе ссыльных) в Сибири, воспроизводили большое количество различных

«версий» образа сибирского края. Тем самым читателям предоставлялась возможность сформировать собственные убеждения относительно того или иного события или личности.

Литература

- Беляев, 1881** – Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом // *Русская старина*. 1881. № 4. С. 803–804.
- Бестужев, 1881** – Бестужев М.А. Записки декабриста Бестужева М.А.: 1800–1871 годы // *Русская старина*. 1881. № 11. С. 591–658.
- Брайловский, 1903** – Брайловский С.Н. Из жизни декабриста // *Русская старина*. 1903. № 3. С. 541–542.
- Воропай, 1889** – Воропай И. Исторические могилы в городе Березове // *Русская старина*. 1889. № 7. С. 133–134.
- Воспоминания..., 1882** – Воспоминания и заметки А.Ф. Фролова // *Русская старина*. 1882. № 5. С. 465–482.
- Достоевский..., 1885** – Достоевский Ф.М.: его отправка в Сибирь и пребывание в городе Омске (1850–1854) // *Русская старина*. 1885. № 9. С. 511–520.
- Дубровин, 1902** – Дубровин Н.Ф. Жуковский В.А. и его отношение к декабристам // *Русская старина*. 1902. № 4. С. 94–111.
- Епископ..., 1891** – Епископ Петр. Федор Кузьмич – сибирский старец // *Русская старина*. 1891. № 10. С. 233–240.
- Есин, 2007** – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // *Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики*. М., 2007.
- Завалишин, 1881** – Завалишин Д.И. Декабристы в Петровске и Чите в 1827–1840 годы: Воспоминания // *Русская старина*. 1881. № 10. С. 419.
- Зубахина, 1878** – Зубахина М.Ф. Ссылка и страдания пастора Зейдера в 1800 году // *Русская старина*. 1878. № 4. С. 463–490.
- Иванова, 1888** – Иванова О.И. Рассказы Анненковой П.Е. // *Русская старина*. 1888. № 3. С. 567–604.
- История..., 2004** – История сибирской печати XVIII – начала XX веков. Иркутск, 2004.
- Кюхельбекер, 1891** – Кюхельбекер В.К. Дневник поселенца: 1837–1845 годы // *Русская старина*. 1891. № 10. С. 90.
- Лотман, 1988** – Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. М., 1988. С. 325–348.
- Об издании..., 1870** – Об издании с 1 января 1870 года исторического сборника «Русская старина» // *Русская старина*. 1870. № 1. С. 2.
- Объявление..., 1897** – Объявление о подписке на журнал // *Русская старина*. 1897. № 3. С. 4–5.
- Периодическая..., 1991** – Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): Указатель газет и журналов / Под ред. Э.И. Черняк. Томск: изд-во Томского ун-та, 1991. 96 с.
- Репинский, 1872** – Репинский Г.К. Рапорт в правительствующий Сенат от иркутского наместнического правления о ссылке в Илимский острог Радищева // *Русская старина*. 1872. № 9. С. 436–438.
- Срезневский, 1893** – Срезневский В.В. Вадим Васильевич Пассек и его письма к И.И. Срезневскому (1837–1839) // *Русская старина*. 1893. № 5. С. 379.
- Тимошук, 1892** – Тимошук В.В. Лепарский С.Р. – комендант Нерчинских рудников и Читинского острога // *Русская старина*. 1892. № 7. С. 177.
- Трефолов, 1899** – Трефолов Л. Отношение к декабристам иркутского архиепископа Нила // *Русская старина*. 1899. № 9. С. 560.
- Шильдер, 1898** – Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 томах. Т. 4. СПб: «Новое время», 1898.

References

- Belyaev, 1881** – Belyaev A.P. (1881). Vospominaniya o perechuvstvovannom i perezhitom [Memories of precious stone and experiences]. *Russkaya starina*. №4. pp. 803–804. [in Russian]
- Bestuzhev, 1881** – Bestuzhev M.A. (1881). Zapiski dekabrista Bestuzheva M.A.: 1800–1871 gody [Bestuzhev: 1800–1871 years]. *Russkaya starina*. №11. pp. 591–658. [in Russian]
- Brailovskii, 1903** – Brailovskii S.N. (1903). Iz zhizni dekabrista [From the life of the Decembrist]. *Russkaya starina*. №3. pp. 541–542. [in Russian]
- Voropai, 1889** – Voropai I. (1889). Istoricheskie mogily v gorode Berezove [Historical graves in the town of Berezov]. *Russkaya starina*. №7. pp. 133–134. [in Russian]
- Vospominaniya..., 1882** – Vospominaniya i zametki A.F. Frolova. [Memories and notes of A.F. Frolov]. *Russkaya starina*. 1882. №5. pp. 465–482. [in Russian]
- Dostoevskii..., 1885** – Dostoevskii F.M.: ego otpravka v Sibir' i prebyvanie v gorode Omske (1850–1854). [Dostoevsky F. M.: his sending to Siberia and stay in the city of Omsk (1850–1854)]. *Russkaya starina*. 1885. №9. pp. 511–520. [in Russian]

- Dubrovin, 1902** – *Dubrovin N.F.* (1902). Zhukovskii V.A. i ego otnoshenie k dekabristam [Zhukovsky V. A. and his attitude to the Decembrists]. *Russkaya starina*. №4. pp. 94-111. [in Russian]
- Episkop..., 1891** – *Episkop Petr* (1891). Fedor Kuz'mich – sibirskii starets [Fedor Kuzmich-Siberian elder]. *Russkaya starina*. 1891. №10. pp. 233-240. [in Russian]
- Esin, 2007** – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. *Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki*. M. [in Russian]
- Zavalishin, 1881** – *Zavalishin D.I.* (1881). Dekabristy v Petrovske i Chite v 1827-1840 gody: Vospominaniya [The Decembrists in Chita and Petrovsk in 1827-1840 years: Memories]. *Russkaya starina*. №10. p. 419. [in Russian]
- Zubakhina, 1878** – *Zubakhina M.F.* (1878). Ssylka i stradanija pastora Zeidera v 1800 godu [The exile and suffering of pastor Seider in 1800]. *Russkaya starina*. №4. pp. 463-490. [in Russian]
- Ivanova, 1888** – *Ivanova O.I.* (1888). Rasskazy Annenkovoi P.E. [Stories Annenkova, P. E.]. *Russkaya starina*. №3. pp. 567-604. [in Russian]
- Istoriya..., 2004** – *Istoriya sibirskoi pechati XVIII – nachala XX vekov* [History of the Siberian press XVIII-early XX centuries]. Irkutsk, 2004. [in Russian]
- Kyukhel'beker, 1891** – *Kyukhel'beker V.K.* (1891). Dnevnik poselentsa: 1837-1845 gody [Settler's diary: 1837-1845]. *Russkaya starina*. №10. p. 90. [in Russian]
- Lotman, 1988** – *Lotman Yu.M.* (1988). Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plot space of the Russian novel of the XIX century]. M., pp. 325-348. [in Russian]
- Ob izdanii ..., 1870** – *Ob izdanii s 1 yanvarya 1870 goda istoricheskogo sbornika «Russkaya starina»*. [On the publication from 1 January 1870 historic collection "Russkaya Starina"]. *Russkaya starina*. 1870. №1. p. 2. [in Russian]
- Ob'yavlenie..., 1897** – *Ob'yavlenie o podpiske na zhurnal* [The announcement of the subscription to the magazine]. *Russkaya starina*. 1897. №3. pp. 4-5. [in Russian]
- Periodicheskaya..., 1991** – *Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 goda): Ukazatel' gazet i zhurnalov* [Periodical press of Siberia (second half of XIX century – February 1917): Index of Newspapers and magazines]. Pod red. E.I. Chernyak. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1991. 96 p. [in Russian]
- Repinskii, 1872** – *Repinskii G.K.* (1872). Raport v pravitel'stvuyushchii Senat ot irkutskogo namestnicheskogo pravleniya o ssylke v Ilimskii ostrog Radishcheva [Report to the governing Senate from Irkutsk vicegeral Board on exile in Ilimskiy stockaded town Radishchev]. *Russkaya starina*. №9. pp. 436-438. [in Russian]
- Sreznevskii, 1893** – *Sreznevskii V.V.* (1893). Vadim Vasil'evich Passek i ego pis'ma k I.I. Sreznevskomu (1837–1839) [Vadim Vasilievich Passek and his letters to I. I. Sreznevsky]. *Russkaya starina*. №5. p. 379. [in Russian]
- Timoshchuk, 1892** – *Timoshchuk V.V.* (1892). Leparskii S.R. – komendant nerchinskikh rudnikov i Chitinskogo ostroga. [Leparskaya S. R. – commandant of the mines of Nerchinsk and Chita Ostrog]. *Russkaya starina*. №7. p. 177. [in Russian]
- Trefolev, 1899** – *Trefolev L.* (1899). Otnoshenie k dekabristam irkutskogo arkhiepiskopa Nila [The attitude of the Decembrists in Irkutsk Archbishop Neil]. *Russkaya starina*. №9. p. 560. [in Russian]
- Shil'der, 1898** – *Shil'der N.K.* (1898). Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie. [Emperor Alexander I. His life and reign]. V 4 tomakh. T.4. SPb: «Novoe vremya». [in Russian]

Освещение сибирской тематики на страницах исторических журналов второй половины XIX – начала XX вв. (на примере журнала «Русская старина»)

Ирина Валерьевна Пивоварова ^a, Юлия Викторовна Путилина ^{b, *}, Юлия Валерьевна Зубарева ^c, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{d, e}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

^c Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Российская Федерация

^d Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^e Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Специализированный исторический журнал «Русская старина», выходивший с 1870 по 1918 гг., регулярно размещал на своих страницах материалы, тем или иным образом затрагивающие сибирскую тематику. При этом образ Сибири часто раскрывался посредством

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pivovarova_irina@mail.ru (И.В. Пивоварова), putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина), j_zubareva@mail.ru (Ю.В. Зубарева)

публикаций материалов о конкретных людях либо мифологических персонажах – выходцах из Сибири либо проживающих (реально или предположительно) какой-то важный период своей жизни на территории сибирского края.

Декабристы, их жены, старцы, историки, архивисты, известные государственные деятели, представители духовенства и даже разбойники, тем или иным образом прославившие сибирский регион, нередко представляли собой его своеобразный символ, ассоциирующийся в восприятии профессионального исторического сообщества, а также простой читательской аудитории с образом Сибири.

В целом можно констатировать, что редакция и авторы «Русской старины», судя по частоте размещения соответствующих материалов, пребывали в постоянном поиске некоего идеального образа – общественного, государственного, духовного деятеля, внесшего особый вклад в улучшение жизни и быта сибиряков, освещали региональные вопросы и актуальные проблемы, романтизировали образ Сибири как «отдаленного» края и одновременно богатейшей в духовном и материальном плане, важнейшей части страны.

Ключевые слова: Сибирь, исторические специализированные журналы, печатная пресса, журнал «Русская старина», исторические события, персоналии, декабристы, ссыльные, общественные деятели, старцы, архиепископы, мифические и былинные персонажи, историки и архивисты, сибирские генерал-губернаторы.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1224-1236. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1224
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Persian-Citizen Population of the Terek region in the Socio-Economic and Cultural Processes of the second half of XIX – early XX centuries

Svetlana A. Khubulova ^a, Larisa Ch. Khablieva ^a, Zalina E. Dzottsoeva ^a, Supyan S. Magamadov ^{b, c, *}

^a North-Ossetian state University named after Costa Khetagurov, Russian Federation

^b Chechen state University, Grozny, Russian Federation

^c Institute of humanitarian studies, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russian Federation

Abstract

For the first time, the role of persian subjects in the socio-economic and cultural-demographic development of the Terek region in the second half of the XIX and early XX centuries was studied on the regional archival material. During the analysis, the main stages of the formation of the persian population in the region and their legal status are highlighted. The sex and age structure was reconstructed, the main activities of this category of foreigners were identified: economic, sociocultural; the contribution of the persian diaspora, as well as the patterns of its participation in the development of the region as a historical and cultural phenomenon, is shown. The reconstruction of these processes was carried out by introducing into the scientific circulation of previously unpublished archival materials. It was shown how, by creating conditions for social and economic modernization in the Terek region, foreign diasporas were formed, which became one of the driving forces for modernizing economic life and developing the social life of the region. The russian state understood the undoubted significance of the positive qualities that immigration gave, especially to the North Caucasus. As it was established, between the persian immigrants and the local population processes of interaction, integration and synthesis of different ethnic cultures and traditions took place. The territory of the region was open to immigrants from neighboring countries without restrictions on confessional or ethnic grounds.

The immigrants opted for the Terek region as a result of finding their niche. In the course of the study, the task was to study the general problems of citizenship, the legal foundations for the presence of foreigners within the Russian Empire, which made it possible to identify the peculiarities of the legal status of Persian subjects in the Terek region. The analysis of the material allows us to conclude that the activities of the persian population had a positive impact on the life of the region.

Keywords: persian subjects, migration, adaptation, cultural ties, ethnic confessional.

1. Введение

В последние десятилетия в связи с открытием границ и необходимостью привлечения иностранных капиталов, а также рабочей силы в Россию увеличилась иммиграция. Сходные процессы можно наблюдать и в российской истории второй половины XIX – начале XX вв., что придает особую актуальность изучению проблем миграции. Исторический опыт, накопленный Россией за все предшествующие годы, позволяет проследить, как решались эти проблемы в разное время, дает возможность извлечь уроки и не повторять ошибок. В этой связи Северный Кавказ второй половины XIX – начала XX вв., как регион со своеобразной социально-демографической структурой,

* Corresponding author

E-mail addresses: hubul@yandex.ru (S.A. Khubulova), lara6715@yandex.ru (L.Ch. Khablieva), zalina.dzottsoeva@mail.ru (Z.E. Dzottsoeva), directigi@yandex.ru (S.S. Magamadov)

включавшей в том числе большое количество иностранных подданных, задействованных во всех сферах экономики, представляет большой интерес для исследования процессов иммиграции.

2. Материалы и методы

Основой статьи послужили материалы ЦГА Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО-А), которые позволили реконструировать порядок пребывания иностранцев на территории России, а также изучить их участие в экономике и культуре Терской области. Полученные из фондов статистические сведения, а также материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. дополнили информацию о гендерном, возрастном и социальном состоянии персидско-подданного населения. Отложившийся корпус документов, включающий прошения персов о принятии в российское подданство, дает богатый материал о времени пребывания на территории Терской области, о месте рождения, занятиях, семейном составе. Еще один ценный вид источников – заявления в местные властные структуры с просьбой об открытии школ, храмов и негосударственных благотворительных обществ. Эти документы раскрывают большие возможности для изучения процесса формирования персидской диаспоры, а также ее роли в экономической и культурной жизни региона.

В работе были использованы общенаучные (анализ и синтез) и специальные методы (проблемно-хронологический, историко-генетический историко-типологический, метод фронтального обследования архивных фондов). Проблемно-хронологический метод позволил изучить иммиграцию персов в исторической перспективе, историко-генетический дал возможность выявить причинно-следственные связи в процессе расселения иностранцев на территории Терской области, применение историко-типологического метода позволило классифицировать мотивы въезда в регион, метод фронтального обследования архивных фондов дал возможность создать эмпирическую базу исследования путем систематизации выявленных документов.

3. Обсуждение

Проблема заселения и освоения Северного Кавказа имеет обширную историографию, при этом основное внимание уделялось переселенцам из внутренних районов России, а также европейским иммигрантам, которые имели в регионе свои колонии (Казначеев, 2005; Пасько, 2003; Малахова, 2001; Лазарян, 2002). Гораздо меньше информации об иммигрантах из Турции, Персии, их взаимодействии с другими этносами региона. Лишь в 2000-е гг. в связи с налаживанием отношений со странами Востока стал проявляться научный интерес к предшествующей истории этих контактов (Корноухова, 2010; Третьякова, 2016). По материалам Юга России также активно ведутся исследования различных аспектов большой темы (Пирова, 2018; Богатырев, 2009; Имашева, 2015).

Некоторые вопросы участия персидских переселенцев в социально-экономической и культурной жизни г. Владикавказа рассмотрены в работе З.В. Кануковой (Канукова, 2008). Приходится констатировать, что проблема формирования персидской диаспоры в составе населения Терской области и участия персидских иммигрантов в социально-экономическом и культурном развитии региона в историографии освещена фрагментарно, еще не стала предметом самостоятельного изучения. Комплекс исследований и выявленных источников дает возможность для объективного и всестороннего анализа процесса адаптации персидских иммигрантов в условиях Терской области второй половины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Итогом русско-персидских войн первой половины XIX в. стала перекройка границ некоторых государств и прежде всего азербайджанских земель, которые были поделены между Россией и Персией: северная часть земель доставалась Российской империи, а южная – с г. Тавриз отходила Персии. Как отмечают исследователи, в результате укрепления связей с Востоком ширилась торговля с Персией, которая включала также большие территории Закавказья, в том числе нынешний Азербайджан. По этой причине в торговых операциях участвовали персидские купцы, преимущественно этнические азербайджанцы (Пирова, 2016: 18). Сразу оговоримся, что под персидско-подданными мы будем понимать не только этнических персов, но и мигрантов по факту из подданства.

История политических и социально-экономических отношений между Россией и Ираном исследована достаточно глубоко, но на периферии научного поиска оказались проблемы миграции населения между двумя странами, а также процесс адаптации иммигрантов на новых землях.

Цель статьи – изучить влияние персидско-подданных жителей Терской области на социально-экономические и культурные процессы, происходившие в регионе во второй половине XIX – начале XX вв.

Миграция населения становится следствием экономических, политических и природных катаклизмов или результатом вооруженных конфликтов крупных держав. Касаясь первой причины, отметим, что российское правительство на протяжении столетий было заинтересовано в привлечении в страну иностранцев. Вызвано данное обстоятельство в основном потребностью в специалистах и рабочей силе. Для них создавались благоприятные условия переезда и обустройства на новых землях.

Перекройка территорий повлекла за собой целый ряд социально-экономических, политических и правовых проблем. В частности, если многие десятилетия население, проживавшее на ранее единых землях, могло беспрепятственно мигрировать в любое время, то с разделением территории такая возможность обставлялась целым рядом ограничений. Хотя, к примеру, для населения приграничных населенных пунктов существовали некоторые послабления. Так, для населения приграничных провинций Астара, Ардебиль, Уджаруд, Гергер, Маранд, Маку и Хой достаточно было иметь лишь национальные паспорта без визы российского консула для беспрепятственного нахождения в приграничных же русских районах (Шукюров, 2009: 213).

Во всех остальных случаях предусматривалось наличие паспорта, разрешительных документов правительства, если таковых при себе мигрант не имел, то мог быть задержан и передан консулу своего государства для отправки на родину (ПСЗ, 1844: 589). Позже иностранцам было дано право свободного пересечения российской границы по установленным документам (Законы о состояниях, 1903: 281). С 1902 г. установилось правило, в соответствии с которым все записи в паспортах иностранцев делались на русском языке (Николаев, 2008: 104).

Мигрант, который пересекал российскую границу легально, обязан был завизировать свой паспорт в любом губернском городе и получал вид на жительство. Как правило, вид на жительство иностранец мог получить сроком не более одного года, если по истечении этого времени возникала необходимость продлить документ, он получал новый документ опять на тот же срок. Но по разным регионам России эти законы могли меняться. Например, сельскохозяйственные рабочие-иностранцы могли получить паспорт на продолжительное время, но не более чем на 12 лет; персидско-подданные, которые приезжали на Кавказ, меняли на время нахождения в империи свои национальные паспорта на документы для жительства и возобновляли их в Канцелярии губернаторов или в полицейских управлениях (Устав о паспортах, 1903: 51). Если проситель находился вблизи места размещения Канцелярии, то мог лично поменять свой просроченный документ, уплатив гербовый сбор. Начальник Канцелярии поручал собрать необходимую информацию о жизни иностранца за истекший год и в случае положительного ответа мог распорядиться о выдаче нового паспорта. Если иностранец находился вдалеке от губернской столицы, то он мог подать письменную просьбу и внести гербовый сбор.

Новый документ не отличался от прежнего и содержал информацию о его владельце: фамилию, имя, место рождения, подданство, звание, семейное положение, приметы и вероисповедание. Если владелец паспорта родился не в России, то указывался документ, по которому он впервые пересек российскую границу. Паспорт подписывался начальником Канцелярии (Устав о паспортах, 1903: 50).

Законным был и национальный паспорт, он давал возможность перемещаться по России. Но прежде иммигрант должен был отметиться у местного начальства, которое указывало в национальном паспорте время пребывания в пределах страны, но не более полугода: «В видах облегчения пребывания в России персидско-подданных, прибывающих по торговым делам, которые желали бы продлить свое пребывание в крае по истечении срока паспорта, полученного ими от своего правительства, обращались для возобновления их установленным порядком к Персидскому Генеральному консульству, которое снабдило их краткосрочными засвидетельствованными билетами до получения новых национальных паспортов» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1252. Л. 17). В паспорте имелись все необходимые сведения: фамилия, имя, возраст, откуда переехал, род занятий и чем намерен заниматься в России.

Нахождение иностранцев на той или иной территории России регламентировалось специальными законами, которые могли облегчить или, наоборот, усложнить пребывание. Частая несогласованность в законодательстве давала возможность нерадивым чиновникам умело использовать это в свою пользу.

Организацией жизни диаспор на местах занимались Канцелярии губернаторов и начальников областей. С ростом количества мигрантов из Персии местные власти озаботились тем, чтобы организовать в рамках российского законодательства жизнь этих людей. Местной верхушке было предложено избирать из своей среды старост, которые вели бы все дела общины и имели контакты с российской администрацией.

Но с расширением торговых и дипломатических связей Россия и Иран стали устанавливать консульские отношения. В некоторых случаях мигранты перед поездкой получали разрешение в российском консульстве на территории своего государства; в остальных же – должны были уведомить своего консула уже по прибытии в Россию и быть внесенными в консульские реестры. Случалось, что волокита с выдачей паспортов сильно стесняла мигрантов в их существовании на территории империи: «О, Аллах, – восклицал азербайджанский поэт, – если у тебя нет наличных денег, тогда открой народу дорогу в Россию или же смягчи сердце консула, чтобы он выдал людям паспорта» (Шукюров, 2009: 215).

В 1840-х гг. остро встал вопрос об учреждении персидских консульств на Кавказе. Первые консульства были созданы в Астрахани и Петровске. После оформления Кавказского наместничества в Тифлисе было учреждено Персидское генеральное консульство, которое имело своих представителей в городах Телави, Александрополь, Кутаис, кроме них рекомендовалось «не входить

ни в какие сношения с другими и следить за тем, чтобы последние не снабжали персидско-подданных билетами на проживание» без ведома Наместника (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 839. ЛЛ. 6–7).

С ростом миграций из Персии появилась необходимость в организации консульства и в столице Терской области. В конце 90-х гг. XIX в. было принято решение об открытии консульства Его Величества Шаха Персидского во Владикавказе; специально для этих целей на одной из улиц города было обустроено здание консульства (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 17). За время деятельности консульства вице-консулами были Мирза Даут (Давуд)-Хан и Яхтя-Хан. В отличие от западных консулов, восточные не стали дипломатическими представителями в полном смысле. Прежде всего они должны были оказывать помощь и покровительство подданным Персии, при этом сами подпадали под юрисдикцию российского законодательства.

Осуществлять судебные функции консул не имел права. Весьма красноречиво в этом отношении дело владикавказского вице-консула Мирзы Дауд-Хана, который превысил свои полномочия и посадил под арест персидско-подданного Хасана Махмуда за уклонение от возврата долга в размере 28 руб. некому Ягудову. Владикавказский окружной суд в своем заседании рассмотрел дело, нашел, что консул совершил административное правонарушение и должен выплатить арестованному неустойку в размере дневного заработка Хасана Махмуда (Алиева, Дадаева, 2014: 16).

По истечении срока вида на жительство иностранец обязан был явиться к своему консулу и просить о продлении документа. Следовало своевременно обращаться в консульство, каждый день просрочки грозил немалым штрафом: «Иностранец обязан: 1. Предъявлять настоящий билет полиции того места, где будет иметь жительство, для соответствующей отметки, а также заявлять полиции при переезде из одной губернии в другую; 2. По истечении срока билета должен, нисколько не медля, просить другой билет у начальника той губернии, в пределах которой будет находиться, или подлежащего градоначальника, а при выезде за границу представить тому же начальнику свидетельство полиции о неимении препятствий к выезду...» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1191. Л. 15). За непродление паспорта полагался штраф в 5 рублей. Консул имел право обратиться в Канцелярию начальника области за помощью в поисках своих соплеменников для обновления паспортов.

Долгое время власть не ставила вопроса о переходе в российское гражданство мигрантов, однако в конце XVIII в. с увеличением количества иностранцев этот вопрос встал. Анализ законодательных актов позволяет выделить переселенцев, перешедших в российское подданство, и тех, кто оставался иностранно-подданным. Те из переселенцев, кто совершал переезд вне организованной миграции, в официальных документах именовались «иностранцы» (Устав о паспортах, 1903: 106).

Эти правила с некоторыми вариациями распространялись на мигрантов из Персии, поселившихся в пределах Терской области.

Главная причина активной миграции персов в пределы Кавказа связана с тяжелым социально-экономическим кризисом. Постоянные войны, которые вела Персия, привели к развалу местной экономики, поэтому часть населения вынужденно занималась отходничеством. Российское правительство благосклонно относилось к переселению в пределы страны персов, которые могли сослужить хорошую службу для укрепления добрососедских отношений между государствами.

В XIX в. коренным образом изменилось значение подданства. Вышла на первый план проблема лиц без определенного подданства и гражданства. В Россию в большом количестве прибывали люди, которые даже не имели национальных паспортов, но лишь разного рода увольнительные из тех государств, подданными которых они ранее были. Пребывая длительное время на территории Российской империи, они не имели желания стать ее подданными. Вот один характерный документ. Некто Асадулла Сейфулла-оглы, приехав в Россию 11-летним мальчиком, в течение 24 лет не принимал подданства, оставаясь апатридом, т.е. лицом, не имевшим подданства и гражданства. Лишь в 1914 г. он, уже будучи владельцем кирпичного завода и отцом семейства, заявил в Канцелярию начальника Терской области: «Живя постоянно среди русских, я настолько свылся с ними, что все мои интересы духовные и материальные связаны с интересами России, вследствие чего я решил перейти в русское подданство» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1201. Л. 3).

До этого времени мигранты, подобные Асадулле, числились иностранцами, что вносило массу неудобств в организацию дел других мигрантов, прибывавших в Россию. С завершением процесса колонизации для иностранцев, не принявших подданства России, создается комплекс воспретительных положений, которые негативно отражаются на их пребывании в стране. Так, Мешеди Хасан-оглы в своем прошении указывал: «Отец привез меня из Персии в Грозный, сам вскоре умер, оставив меня круглым сиротой... Одно меня стесняет – я не знаю, подданным какой страны являюсь. В России я живу 25 лет и считаю ее своей родиной. Не может не стеснять в известной степени и выполнение тех формальностей, с которыми сопряжено право жительство в России (подчеркнуто нами – Авт.), к которой я тяготеею как к своей родине» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1206. Л. 1).

Таких апатридов становилось все больше, выход из сложившегося положения стал возможен путем натурализации, которая освобождала от социально-политических цензов, как, например, вступление иностранцев в гильдии. Российское подданство могли принять все желающие, не нарушающие государственных законов. По прошествии установленного законом срока

пребывания на территории России иностранцы могли вступать в подданство Российской империи. Так, выдавая каждому переселенцу водворительное свидетельство, Правление обязано было объяснять, что по «истечении пятилетнего водворения в России, он может возбудить перед начальником Терской области ходатайство о принятии его в русское подданство» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1198. Л. 16).

Но не только личное желание иностранца могло стать основанием для положительного решения вопроса. Полицмейстер должен был собрать самые подробные сведения о личности претендента, как, например, в случае с Хаджи-Ага Хаджи Магомет Хусейном-оглы, который «занимается торговлей, имеет свою бакалейную лавку, поведения и образа жизни хороших, под судом и следствием не состоящего, в распространении противозаконных идей не замеченного» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1203. Л. 12).

До 1864 г. процедура принятия российского подданства была облегченной: от претендента требовалось лишь произнесение присяги, причем даже на своем языке. Но с введения в феврале 1864 г. Закона о гражданстве существовало ограничение в виде подачи прошения и пятилетнего срока. Когда срок заканчивался, проситель подавал заявление в Министерство внутренних дел с приложением актов состояния (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1204. Л. 8).

После вынесения положительного решения иностранец обязан был принести присягу в присутствии местного полицейского чина. Весьма примечателен текст присяги, которую приносили при принятии российского подданства: «Я клянусь Господом Всемогущим в присутствии Преславного Корана в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству моему августейшему владыке и Повелителю Николаю Александровичу и императорскому дому и им во всем повиноваться..., употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству...» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 79). Натурализация давала иностранцам все права и обязанности того сословия, к которому были причислены.

Реконструкцию социодемографических процессов позволяют осуществить данные Первой Всеобщей переписи 1897 г. Можно проследить половозрастную структуру, этнический, социальный, конфессиональный, профессиональный состав иностранно-подданного населения (Первая Всеобщая перепись, 1905). Прежде чем анализировать имеющиеся статистические данные, заметим, что численность персов и других иностранцев не совпадала с числом подданных соответствующих стран, но разница не существенная, поэтому с некоторой долей условности, возможно, распространить выводы на всю диаспору персов.

По официальным данным, с 1891–1905 гг. на Кавказе было зарегистрировано до 62 тыс. персов (Иванов, 1977: 97). Как указывает ряд исследователей, мигранты, к примеру, в Дагестан прибывали морем или через Закавказье (Алиева, Дадаева, 2014: 15). Уже оттуда они расходились по региону, часть их останавливалась в Терской области. Из 3786 иностранцев персидско-подданные в Терской области составляли примерно 52 %, тогда как германские граждане – 13,5 % (Первая Всеобщая перепись, 1905: 14).

Для сравнения: в Ставропольской губернии персидские подданные занимали второе место (18 %), уступая лишь турецким (Золотарева, 2006: 103).

Прежде всего, рассмотрим вопрос о размещении персидско-подданных на территории Терской области (Первая Всеобщая перепись, 1905: 23):

Таблица 1. Размещение персидско-подданных на территории Терской области

Округа и города	Из постоянного населения		Временно проживающие	
	м	ж	м	ж
Всего по области	2431	1277	56	22
Владикавказский округ	1081	505	16	4
Грозненский округ	277	164	1	4
Кизлярский отдел	204	93	11	-
Нальчикский округ	43	32	2	1
Пятигорский отдел	504	280	16	13
Сунженский отдел	145	97	2	-
Хасав-Юртовский округ	177	106	3	-

Данные Таблицы 1 позволяют установить, что в основной своей массе мужская часть примерно в два раза превосходила женскую, причем такая диспропорция была характерна для всех иностранцев в России. Стереотип о преобладании мужских трудоспособных когорт складывался из-за большого удельного веса среди иностранцев подданных восточных государств, для которых такое положение вещей было естественным. Среди персов-мигрантов более 80 % составляли мужчины, значительная часть которых состояла из рабоче-активных групп. Другой особенностью явилось вхождение

мигрантов в состав постоянного населения, т.е. подавляющая часть персов обосновывалась на территории области надолго.

Местом притяжения для мигрантов были Владикавказский, Грозненский округа и Пятигорский отдел. Неравномерное размещение на территории области не было явлением случайным и связано с большим количеством разных обстоятельств. Что влияло на выбор? Прежде всего, это выгодное географическое положение (пути сообщения), затем с развитием инфраструктуры появилось больше возможностей для получения работы и ведения бизнеса.

Прибывая в область, указанная группа мигрантов в качестве мест проживания предпочтение отдавала городам. Больше всего оседало во Владикавказе (58 %). Демографические законы проявлялись в том, что чем больше город, тем больше возможностей он давал для развития промышленности, торговли, бизнеса. Владикавказ, кроме людности, имел перед другими городами области и другие преимущества – административный центр, достаточно хорошо развитую городскую инфраструктуру, широкий рынок сбыта товаров. Грозный на протяжении второй половины XIX в. был вторым по численности городом области, но он отставал по численности иностранного (персидского) населения более чем в 4 раза. В остальных городах персов было и того меньше (15 %). Небольшие города и сельские населенные пункты персы для жительства выбирали реже ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 28](#)):

Персидско-подданное население было неравномерно распределено по возрастным группам ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 46](#)):

Таблица 2. Поло-возрастная структура городского персидско-подданного населения Терской области

возраст	мужчин	женщин	всего
До 1 года	43	33	76
1-9 лет	556	502	1058
10-19 лет	384	349	733
20-29 лет	535	281	816
30-39 лет	502	182	684
40-49 лет	295	160	455
50-59	182	93	275
60 и старше	108	39	147

Примерно половина иностранцев представлена трудоспособными когортами (20–49 лет) – 48 %, а с лицами, примыкающими к ним (10–19 лет и 50 и более лет) – 76 %, подавляющее большинство персидско-подданных. Доля детской когорты – 26 % составляла примерно четверть персидского населения в Терской области, что может говорить, с одной стороны, о высокой деторождаемости, с другой – о том, что часть мигрантов, особенно зрелого возраста, предпочитала переезжать на новое место вместе с семьей. Лишь люди старше 50-летнего возраста составляли примерно 10 % населения.

Характеризуя трудоспособные когорты, отметим, что на первом месте находится группа 20–29-летних, далее – 30–39-летних, остальные отстают с большим отрывом. В этих же группах заметно преобладание мужской части над женской. Примерно такое же соотношение в половозрастной структуре населения можно наблюдать в Ставропольской губернии: рабоче-активные группы (20–49 лет и примыкающие) составили 80 % персидского населения в крае ([Золотарева, 2007: 81](#)). Такое возрастное распределение говорит о том, что персидская диаспора формировалась не столько за счет притока извне, сколько за счет естественного прироста; кроме того, среди мигрантов доминировали мужчины в возрасте 20–40 лет, как наиболее мобильная часть населения.

Высокий уровень детской когорты свидетельствует об определенной стабильности и том, что выходцы из Персии выбирали Терскую область для постоянного пребывания.

Об этом же свидетельствуют данные о месте рождения указанной группы иностранцев. Из уроженцев иностранных государств, родившихся в Германии – 17,3 %, в Турции – 28,4 %, в Персии – 40,7 %, в других государствах – 6 %. Таким образом, в числе мигрантов в Терскую область прибыла примерно половинная часть рожденных в стране-реципиенте. Еще один показатель: мужчин-мигрантов, рожденных в Персии, было в 10 раз больше женщин-мигранток. По мнению исследовательницы Н.В. Золотаревой, изучавшей иностранных подданных на территории Ставропольской губернии, «персидские подданные, в основном последователи мусульманства, не рассматривали иное социокультурное пространство подходящим для постоянного пребывания» ([Золотарева, 2006: 87](#)) и поэтому возвращались на родину.

Для Терской области данный постулат не подходит по ряду причин. Во-первых, значительная часть населения области представлена последователями ислама. Несмотря на суннитскую и шиитскую ветви, было много общего в традициях и культуре всех коренных и пришлых мусульман. Во-вторых, приведенные выше данные о численности детей до 9 лет, и особенно детей до 1 года,

говорят о том, что мигранты обосновались в области надолго. Многократное преобладание мужского населения над женским, но большое количество детей позволяет предполагать, что персы могли жениться на представительницах других этносов, обзаводились семьями в условиях иммиграции.

Не менее важный, но плохо отраженный в статистических источниках, вопрос о формах семейной организации иностранного населения, составе и людности их семей. Одним из информативных источников являются материалы переписи 1897 г., которые дают представление о показателях семейного состояния и языковой принадлежности персидско-подданных в городах Терской области.

Первое, что бросается в глаза, это большое количество холостых мужчин, при незначительном количестве незамужних женщин. Даже если из числа неженатых вычесть детей и юношей до 19 лет, все равно по численному составу показатели мужчин и женщин не покрывают друг друга. Следовательно, определенная часть мужчин прибыла в Терскую область, не имея семьи либо оставив ее на родине.

Второй показатель – брачное состояние тоже имеет существенное расхождение по гендерному признаку. Состоящих в браке мужчин больше, нежели замужних женщин. Если предположить, что все женщины-персианки проживали вместе с мужьями, то опять подтверждается вывод о том, что часть женатых мужчин оставила свои семьи на родине ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 51](#)):

Таблица 3. Семейное состояние персидско-подданных граждан

	Владикавказ		Грозный		Пятигорск		Георгиевск	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
несемейных	429	71	429	71	88	39	37	-
состоявших в браке	932	719	209	84	73	47	6	2
вдовых	55	124	6	18	4	1	-	-

Иноокружение, трудности с выбором супруги, сложности с устройством на новом месте не лучшим образом отражались на заключении брака и рождении детей. Как правило, неженатые иммигранты не спешили вступать в брак на новом месте. Об этом говорит и подсчет лиц рабочего активного возраста, состоявших в браке и холостых. Как выявили исследователи, основная масса неженатых мигрантов вступала в брак в возрасте 29–35 лет ([Позняк, 2009: 120](#)), тогда как в своей стране они заключали браки в возрасте 25–30 лет. Не обремененные семьей, мужчины могли мигрировать по разным регионам в поисках лучшей работы. Получив хорошую работу и жилье, женатые персы позже перевозили семью и даже родственников в принимающее государство. В городах количество вдовых было ниже, чем в сельских районах. Видимо, в городе вдовье состояние среди мужчин преодолевалось быстрее. Последние могли обзавестись женой, выехав для этого на родину, могли найти себе пару в единоверческой среде и проч. Так, женой персидского вице-консула стала осетинка Аза Туганова. Женщинам реже удавалось создать новую семью, они оставались с детьми на территории принимающего государства. В архивах отложились сведения о разводах среди персидско-подданных граждан Российской империи. Так, только по данным за 1912 г. свидетельство о разводе получили 14 пар. Как явствует из протоколов, развод осуществлялся в присутствии двух-трех единоверцев и муллы, которые должны были засвидетельствовать, что не нарушались религиозные каноны ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 87](#)).

Интерес представляет также отраслевая структура занятости иностранных подданных в пределах Терской области: какие сферы деятельности были доступны, какие экономические ниши занимали и др.

Состав мигрантов из Персии был довольно разнообразен: крестьяне, которые хотели при незначительных затратах получить свой земельный надел; поденщики, занятые на сборе урожая; купцы, ведущие торговые операции; ремесленники, вытесненные с родины конкуренцией. В ЦГА РСО-А сохранился интересный документ – список персидско-подданных, прибывших в г. Владикавказ в 1900 г., среди них торговцы, башмачники, каменщики, чернорабочие ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 90](#)). Переселенцы из Персии заняли следующие ниши: наем в качестве прислуги, изготовление одежды, строительство, извоз, торговля. Эта тенденция характерна и для соседних регионов, где персы захватили примерно от 50 до 70 % торговли и сферы обслуживания ([Золотарева, 2006: 105](#)). В качестве вольнонаемных персидско-подданные были востребованы в торговле, в сфере обслуживания. Примерно 20 % персов Терской области занимались неквалифицированным физическим трудом на промышленных предприятиях области; 12 % мигрантов работали в качестве извозчиков и грузчиков; прислуга составила примерно четверть самостоятельных иностранцев-персов, столько же было занято в торговле и предпринимательстве. Последние были владельцами промышленных, торговых, ремесленных заведений. Часть из них прибывала в пределы Терской области, имея немного денег, здесь собирала нужную сумму и

основывала собственное дело. Значительный процент собственников говорит о том, что они были задействованы в торговле, ставшей их этнонациональной нишей.

Часть иностранцев, поселившись в пределах России, занималась предпринимательством. Начиная со времен Екатерины II, иностранцы в России могли заниматься своими хозяйственными делами: от хлебопашества до торговли. Государство проявляло в этом случае заботу при организации собственного дела. Иностранец мог приобретать недвижимость, содержать предприятия (фабрики, лавочки, мастерские). Часть персидско-подданных проживала и имела недвижимость в престижных районах гг. Владикавказ, Грозный, Пятигорск. Некоторые из персидско-подданных сколотили неплохое состояние. Так, житель Владикавказа Алиев был владельцем «Персидского магазина» с большим торговым оборотом, Асадулла Сайдулла-оглы – владельцем кирпичного завода; Джаба Афросиаба-оглы имел бакалейную торговлю на оживленном Александровском проспекте в центре г. Владикавказа. Персидские товары всегда были хорошего качества и пользовались спросом местного населения. Популярностью у владикавказских жителей пользовалась «Персидская баня». Среди владельцев кирпичных заводов во Владикавказе были и персидско-подданные граждане (Муштаба Исмаил-оглы, Абдула Расул-оглы, Машади Рустам Ахмед-оглы, Мамед Багир Аббас и др.), их ежегодный доход составлял от 2000 до 18000 руб. ([Список, 1906: 17–108](#)). Крупные собственники, они владели большими земельными участками и строениями в центральной части городов, размещали там свои магазины и лавки, квартиры. Роль персидских предпринимателей в торговле городов была столь значительной, что начальник области просил вице-консула заранее оповещать о предстоящих персидских праздниках, чтобы жители городов могли заранее закупить продукты, т.к. в дни национальных торжеств персы-торговцы прекращали торговлю.

Эти факты указывают на то, что выходцы из Персии оказались в Терской области, оценив ее потребительский рынок. Если подданные других стран равномерно распределялись по разным сферам деятельности, то персы заняли прежде всего сферу предпринимательства и торговли, а также услуг. Несмотря на свою малочисленность, персы-предприниматели были довольно крупными торговцами и промышленниками, годовой оборот их предприятий превышал 6–20 тыс. руб. в год. Другая часть диаспоры состояла из чернорабочих и ремесленников, которые с трудом сводили концы с концами. Среди них были водовозы, каменщики, строители, разносчики.

Для персидской диаспоры были характерны многие элементы диаспорной структуры. В конце XIX в. наиболее мощная городская мусульманская община сформировалась в г. Владикавказе. Она включала татар, ингушей, кабардинцев, осетин-мусульман, а также выходцев из Ирана и Азербайджана. Большая часть мусульман являлась суннитами, а выходцы из Турции, Северного Азербайджана и Персии были шиитами ([Дзеранов, 2014: 861](#)).

Наряду с хозяйственной деятельностью персидская диаспора активно занималась сохранением своих традиций, культуры и веры. По понятным причинам вопросы веры составляли основу общества. По российским законам иностранцы в России имели право на отправление своих религиозных обрядов и строительство молитвенных зданий. Еще в 1868 г. община персидско-подданных шиитов г. Владикавказа обратилась к начальнику области с просьбой разрешить строительство своего молитвенного здания, т.к. «терпит большие неудобства в исполнении религиозных обрядов и треб по случаю отсутствия приходского благоустройства» ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 1–1 об.](#)). Просьба была удовлетворена, и на правом берегу Терека усилиями шиитской общины вскоре было построено здание мечети, которую в народе называли «шиитская». Архитектор сооружения неизвестен, но оно вписалось в городской ландшафт и «является единственным в городе и редким вообще памятником архитектуры Востока» ([Хубулова, 2005: 61](#)). В годы атеистических пятилеток на это здание претендовали разные учреждения ([Хубулова, 2012: 21](#)).

Так как единственный мулла числился за Суннитской мечетью, то не мог охватить все мусульманское население города и его запросы. Это приводило к частым стычкам между суннитами и шиитами города. Поэтому в 1901 г. шиитская община вновь обратилась с просьбой о приглашении второго муллы, который бы заботился о них, и предложением о назначении на этот пост приходского муллы Гаджи моллы Исмаила Гасан-Заде ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 31](#)). В просьбе было отказано. Споры вокруг назначения муллы и здания мечети являются показательными, ибо религиозный храм был не только местом отправления духовных нужд, но и выполнял функцию внутриэтнической коммуникации, места общения конкретной диаспоры ([Канукова, Хубулова, 2006: 79](#)).

Следующим важным шагом стало создание русско-персидского учебного заведения «Навруз» в г. Владикавказе. Значительная часть персидско-подданного населения понимала важность получения образования и стремилась дать его не только своим домашним, но и остальным членам диаспоры. Поэтому зародилась идея создания учебного заведения для нужд персов. «Озабочиваясь введением русской грамотности в среде детей соотечественников, – писал в своем прошении персидский вице-консул, – на средства добровольных пожертвователей имею честь покорнейше просить не отказать в разрешении открыть в гор. Владикавказе русско-персидскую начальную школу» ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 68](#)). Прошение было удовлетворено, и мужское двухклассное училище открыто в кратчайшие сроки. Попечителем училища стал Давуд-Хан, заведующим – Адиль-Гирей Терегулов, преподавателем родного языка – персидско-подданный Мурза Хусейн-хан, основ шиитского

вероучения – Гаджи Мола Али Гаджи Магомед Али Заде, выпускник одного из духовных училищ Тавриза. Для своего времени это учебное заведение использовало передовую методику, включавшую преподавание на русском, татарском и персидском языках, кроме того, наряду с основами шиитского вероучения, ученики получали знания по географии, истории, арифметике (Канукова, 2009: 116). Училище существовало на частные пожертвования и членские взносы. Осенью 1903 г. был осуществлен набор воспитанников-мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет, в 1905 г. состоялся первый выпуск (ТВ, 1903, №253).

Рост национального самосознания мусульман, проживавших в пределах Российской империи к началу XX в. стал благодатной почвой для создания национальных организаций, которые способствовали консолидации мусульманских диаспор и решению вопросов культурно-просветительского движения (Пирова, 2017: 398). В 1917 г. в Терской области насчитывалось свыше 74 различных негосударственных благотворительных организаций, среди них было и Общество пособия бедным персидско-подданным «Химмат», открытое в 1907 г. (Туаева, 2010: 79–80).

У истоков его создания находились состоятельные персы и вице-консул, которые, по сути, руководили жизнью диаспоры. Целью Общества было оказание помощи неимущим соотечественникам, попавшим по разным обстоятельствам в трудное положение и могущим рассчитывать лишь на содействие земляков. Средства Общества формировались из ежемесячных взносов благотворителей, а также единовременных пожертвований. Те лица, которые обращались за помощью, должны были оставить о себе необходимые сведения, анализировавшиеся общим собранием, выносившим решение об объеме помощи. Помощь оказывалась одеждой, приютом, денежным пособием для поправки здоровья, определении бедных в богадельни, малолетних в сиротские дома, ремесленные и другие учебные заведения, обеспечении неимущих средствами для возвращения на родину (ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 103. Л. 138).

5. Заключение

Итак, анализ отложившегося архивного материала позволяет заключить, что персидско-подданные граждане принимали активное участие в жизни Терской области. Побудительным мотивом миграции в регион стало желание реализации своих возможностей.

В процессе оформления иностранного населения Терской области отчетливо проявились поликонфессиональность, полиэтничность. В этих процессах немалую роль играли иностранно-подданные персы, которые смогли интегрироваться в общественно-экономические процессы региона. Общественная деятельность диаспоры нашла реализацию в экономике, благотворительности, общественной работе.

Литература

- Алиева, Дадаева, 2014 – Алиева А.И., Дадаева Л.А. Персидско-подданное население в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: социально-экономический аспект // *Известия ДГПУ*. 2014. № 4. С. 13–16.
- Богатырев, 2009 – Богатырев В.С. Динамика развития торговли России и Персии через Астрахань в 80-х – первой половине 90-х годов XIX века. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 115. С. 39–43.
- Дзеранов, 2014 – Дзеранов Т.Е. Этноконфессиональные различия населения Северного Кавказа // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 3–4. С. 861.
- Законы, 1903 – Законы о состояниях. (Св. зак., т. 9): Офиц. текст по изд. 1876 г., испр. по прод. 1893 г. СПб, 1903 // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 10.01.2018)
- Золотарева, 2006 – Золотарева Н.В. Социально-демографическая характеристика иностранного населения Ставропольской губернии в XIX веке. Отечественная и зарубежная история проблемы, мнения, подходы // *Ученые записки кафедры Отечественной и зарубежной истории*. Вып. VI / Под общ. ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 103–117.
- Иванов, 1977 – Иванов М.С. История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. 497 с.
- Имашева, 2015 – Имашева М.М. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века // *Исламоведение*. Махачкала. 2015. № 1. С. 69–83.
- Казначеев, 2005 – Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2005. 513 с.
- Канукова, 2009 – Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 234 с.
- Канукова, 2008 – Канукова З.В. Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ: РИО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2008. 284 с.
- Канукова, Хубулова, 2006 – Канукова З.В., Хубулова С.А. Религия в истории и культуре полиэтничного города: Владикавказ в XIX – нач. XX вв. Владикавказ, 2006. 315 с.
- Корноухова, 2010 – Корноухова Г.Г. «Честность между ними так редка, как крупный алмаз в истощенных копьях»: к вопросу о российско-персидских торговых отношениях и деловой культуре

мусульманских предпринимателей во второй половине XIX – начале XX вв. // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX в.: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 44–53.

Лазарян, 2002 – Лазарян С.С. История становления предпринимательства в регионе Кавказских Минеральных Вод (конец XVIII – начало XX века): дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 204 с.

Малахова, 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 292 с.

Николаев, 2008 – Николаев В.Б. Подданство Российской империи: его приобретение и прекращение (историко-правовой анализ): Дисс... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2008. 205 с.

Пасько, 2003 – Пасько Е.А. Колонизационная политика России (Вторая половина XVIII – первая четверть XIX века): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

Первая перепись, 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Терская область. СПб, 1905. 262 с.

Пирова, 2016 – Пирова Р.Н. Астраханские купцы азербайджанско-персидского происхождения в общественной деятельности региона во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 4. С. 16–22.

Пирова, 2017 – Пирова Р.Н. Астраханское персидское культурно-просветительское общество «Энджумен-Хайирий» (1909–1911 гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 397–409.

Пирова, 2018 – Пирова Р.Н. Привилегированный характер персидского предпринимательства в Астрахани в XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1 (45). С. 21–29.

Позняк, 2009 – Позняк Т.З. Иммигранты, колонизация и межкультурное взаимодействие на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.). // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 118–124.

П.С.З., 1844 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание: т. XIX: Законы (1747–1857). 1734 г. Ст. 589. // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 14.06.2018)

Список, 1906 – Список недвижимых имуществ по городу Владикавказу и раскладки оценочного сбора. Владикавказ, 1906. 132 с.

ТВ, 1903 – Терские ведомости, 1903, № 253.

Третьякова, 2016 – Третьякова Е.С. Становление консульских отношений Российской империи с восточными государствами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 57–61.

Туаева, 2010 – Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 237 с.

Устав, 1903 – Устав о паспортах. Ст. 142. СПб., 1903. // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 12.04.2018)

Хубулова, 2005 – Хубулова С.А. Весь мир мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005. 181 с.

Хубулова, 2012 – Хубулова С.А. Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920–1930-е гг.). // Былые годы, 2012. Vol. 26. № 4. С. 18–23.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.

Шукюров, 2009 – Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ & глобализация. 2009. Т. 3. Вып. 2–3. С. 210–219.

References

Alieva, Dadaeva, 2014 – Alieva A.I., Dadaeva L.A. (2014). Persidsko-poddannoe naselenie v Dagestane vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov: social'no-ehkonomicheskij aspekt. [Persian-citizen population in Dagestan in the second half of XIX-early XX centuries: socio-economic aspect]. *Izvestiya DGPU*. №4. pp. 13–16 [in Russian]

Bogatyrev, 2009 – Bogatyrev V. S. (2009). Dinamika razvitiya trgovli Rossii i Persii cherez Astrahan' v 80-h–pervoj polovine 90-h godov XIX veka. [Dynamics of trade development in Russia and Persia through Astrakhan in the 80's-first half of the 90-ies of the XIX century]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. №115. pp. 39–43 [in Russian]

Dzeranov, 2014 – Dzeranov T.E. (2014). Ehtnokonfessional'nye razlichiya naseleniya Severnogo Kavkaza. [Ethnic and religious differences of the population of the North Caucasus]. *Fundamental'nye issledovaniya*. № 3–4. P. 861 [in Russian]

Zakony, 1903 – Zakony o sostoyaniyah. (Sv. zak., t. 9): Ofic. tekst po izd. 1876 g., ispr. po prod. 1893 g. SPb, 1903 [The laws of the States. (Ne. Zak., vol. 9): Ofit. text on ed. 1876, ISPR. prod.] // Elektronaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya: 10.01.2018) [in Russian]

- Zolotareva, 2006** – *Zolotareva N.V.* (2006). Social'no-demograficheskaya harakteristika inostrannogo naseleniya Stavropol'skoj gubernii v XIX veke. Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriya problemy, mneniya, podhody. [Socio-demographic characteristics of the foreign population of the Stavropol province in the XIX century. Domestic and foreign history, problems, opinions, approaches]. *Uchenye zapiski kafedry Otechestvennoj i zarubezhnoj istorii*. Vyp VI. Pod obshch. red. V.P. Ermakova. Pyatigorsk: PGLU, 2006. pp. 103–117. [in Russian]
- Ivanov, 1977** – *Ivanov M.S.* (1977). Istoriya Irana. [History Of Iran]. M.: Izd-vo MGU. 497 p. [in Russian]
- Imasheva, 2015** – *Imasheva M.M.* (2015). Deyatel'nost' musul'manskoj nacional'no-konfessional'noj blagotvoritel'noj organizacii v Astrahanskoj gubernii v nachale XIX veka. [The activities of Muslim national-religious charitable organizations in the Astrakhan province in the early twentieth century]. // *Islamovedenie*. Mahachkala. №1. pp. 69–83 [in Russian]
- Kaznacheev, 2005** – *Kaznacheev A.B.* (2005). Razvitie severokavkazskoj okrainy Rossii (1864–1904 gg.). [The development of the North Caucasus border regions of Russia (1864–1904).]: diss. ... d-ra ist. nauk. Pyatigorsk. 513 p. [in Russian]
- Kanukova, 2009** – *Kanukova Z.V.* (2009). Diaspory v Osetii: istoricheskij opyt zhizneustrojstva i sovremennoe sostoyanie. [Diaspora in South Ossetia: historical experience of living arrangement and current status]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 234 p. [in Russian]
- Kanukova, 2008** – *Kanukova Z.V.* (2008). Staryj Vladikavkaz: istoriko-ehnologicheskoe issledovanie. [Old and historical and ethnological research. Vladikavkaz]. Vladikavkaz: RIO SOIGSI im. V. I. Abaeva, 284 p. [in Russian]
- Kanukova, Khubulova, 2006** – *Kanukova Z.V., Khubulova S.A.* (2006). Religiya v istorii i kul'ture poliehtnichnogo goroda: Vladikavkaz v XIX–nach. XX vv. [Religion in the history and culture of multiethnic cities: Vladikavkaz in the XIX – early XX centuries]. Vladikavkaz, 315 p. [in Russian]
- Kornouhova, 2010** – *Kornouhova G.G.* (2010). «Chestnost' mezhdu nimi tak redka, kak krupnyj almaz v istoshchennyh kop'yah»: k voprosu o rossijsko-persidskikh trgovykh otnosheniyah i delovoj kul'ture musul'manskih predprinimatelej vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. [“Honesty between them so rare, as a large diamond in depleted spears”: the question of Russo-Persian trade relations and the business culture of Muslim entrepreneurs in the second half of XIX–early XX century]. Sotrudnichestvo i svyazi Rossii i SSSR s narodami zarubezhnyh stran XIX v.: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu RUDN. M.: Izd-vo RUDN. pp. 44–53. [in Russian]
- Lazaryan, 2002** – *Lazaryan S.S.* (2002). Istoriya stanovleniya predprinimatel'stva v regione Kavkazskih Mineral'nyh Vod (koniec XVIII – nachalo XX veka). [The history of the formation of entrepreneurship in the region of the Caucasian Mineral Waters (the end XVIII – beginning of XX century)]: diss. ... kand.ist.nauk. Pyatigorsk. 204 p. [in Russian]
- Malahova, 2001** – *Malahova G.N.* (2001). Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. [The formation and development of Russian government in Northern Caucasus in the late XVIII–XIX centuries]. Rostov-na Donu. 292 p. [in Russian]
- Nikolaev, 2008** – *Nikolaev V.B.* (2008). Poddanstvo Rossijskoj imperii: ego priobretenie i prekrashchenie (istoriko-pravovoj analiz). [Citizenship of the Russian Empire: its acquisition and termination (the historical-legal analysis)]: diss. ...kand. yur. nauk. Nizhnij Novgorod. 205 p. [in Russian]
- Pas'ko, 2003** – *Pas'ko E.A.* (2003). Kolonizacionnaya politika Rossii (Vtoraya polovina XVIII–pervaya chetvert' XIX veka). [Colonization policy of Russia (Second half XVIII–first quarter of XIX century)]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu. 26 p. [in Russian]
- Pervaya perepis', 1905** – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 god. Terskaya oblast'.* [The first General census of the Russian Empire, 1897. Terek region]. SPb, 1905. 262 p. [in Russian]
- Pirova, 2016** – *Pirova R.N.* (2016). Astrahanskije kupcy azerbajdzhansko–persidskogo proiskhozhdeniya v obshchestvennoj deyatel'nosti regiona vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Astrakhan merchants, the Azerbaijani–Persian origin in the social activities of the region in the second half of XIX – early XX century]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. №4. pp. 16–22. [in Russian]
- Pirova, 2017** – *Pirova R.N.* (2017). Astrahanskoe persidskoe kul'turno-prosvetitel'skoe obshchestvo «Ehndzhumen-Hajirijya» (1909–1911 gg.). [Astrakhan Persian cultural and educational society "Anjuman-Hairia" (1909–1911)]. *Nauchnyj dialog*. №11. pp. 397–409. [in Russian]
- Pirova, 2018** – *Pirova R.N.* (2018). Privilegirovannyj harakter persidskogo predprinimatel'stva v Astrahani v XIX v. [The privileged nature of the Persian enterprise in Astrakhan, in the nineteenth century]. // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (45). pp. 21–29. [in Russian]
- Poznyak, 2009** – *Poznyak T.Z.* (2009). Immigranty, kolonizaciya i mezhekul'turnoe vzaimodejstvie na rossijskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Immigrants, colonization and cultural interaction in the Russian far East (second half of XIX – beginning of XX century)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. №2. pp. 118–124. [in Russian]

- P.S.Z., 1844** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie: t. XIX: Zakony (17472–18572). 1734 g. P. 589. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection: T. XIX: Laws (17472–18572). 1734. St. 589]. // Elektronnaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya: 14.06.2018). [in Russian]
- Spisok, 1906** – Spisok nedvizhimyh imushchestv po gorodu Vladikavkazu i raskladki ocenochного sbora. [List real estates in the city of Vladikavkaz and layout of the assessment fee]. Vladikavkaz, 1906. 132 p. [in Russian]
- TV, 1903** – Terskie vedomosti [Terek statements], 1903, №253. [in Russian]
- Tret'yakova, 2016** – *Tret'yakova E.S.* (2016). Stanovlenie konsul'skih otnoshenij Rossijskoj imperii s vostochnymi gosudarstvami. [The establishment of consular relations of the Russian Empire with the Eastern States]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. № 3 (62). pp. 57–61 [in Russian]
- Tuaeva, 2010** – *Tuaeva B.V.* (2010). Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoj i obshchestvennoj zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX vekov. [Local history: cultural and social life of the cities of the North Caucasus in second half XIX – first third XX centuries]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 237 p. [in Russian]
- Ustav, 1903** – Ustav o pasportah. St. 142. [The Charter about passports]. SPb., 1903. Elektronnaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 12.04.2018). [in Russian]
- Khubulova, 2005** – *Khubulova S.A.* (2005). Ves' mir moj hram: polikonfessional'nyj Vladikavkaz v XX veke. [The whole world is my temple: multi-religious Vladikavkaz in the twentieth century]. Vladikavkaz, 181 p. [in Russian]
- Khubulova, 2012** – *Khubulova S.A.* (2012). Sovetskaya vlast' i repressii protiv svyashchenstva g. Vladikavkaza (1920–1930-e gg.). [Soviet power and the repression of the priesthood in Vladikavkaz (1920–1930s)]. *Bylye Gody*. Vol. 26. № 4. pp. 18–23. [in Russian]
- CGA RSO–A** – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia–Alania].
- Shukyurov, 2009** – *Shukyurov K.* (2009). Migraciya naseleniya mezhdru Rossiej i Iranom v XIX–nachale XX vekov (politiko-pravovye voprosy). [Migration between Russia and Iran in the XIX – early XX centuries (legal and policy issues)]. *Kavkaz & globalizaciya*. T. 3. Vyp. 2–3. pp. 210–219. [in Russian]

Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начале XX веков

Светлана Алексеевна Хубулова ^a, Лариса Черменовна Хаблиева ^a,
Залина Ермаковна Дзотцоева ^a, Супьян Султанович Магамадов ^{b, c, *}

^a Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Российская Федерация

^b Чеченский государственный университет, Российская Федерация

^c Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Российская Федерация

Аннотация. Впервые на региональном архивном материале исследована роль персидско-подданных в социально-экономическом и культурно-демографическом развитии Терской области во второй половине XIX – начале XX вв. В ходе анализа выделены основные этапы формирования персидского населения в регионе, их правовой статус. Была реконструирована половозрастная, семейная структура, выявлены основные направления деятельности этой категории иностранцев: экономическая, социокультурная; показан вклад персидской диаспоры, а также закономерности участия ее в развитии региона как историко-культурное явление. Реконструкция указанных процессов осуществлена путем введения в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов. Было показано, как с помощью создания условий для социально-экономической модернизации в Терской области формировались иностранные диаспоры, ставшие одним из движущих сил модернизации экономической жизни и развития общественной жизни региона. Российское государство понимало несомненную значимость тех положительных качеств, которые давали иммиграции, особенно на Северный Кавказ. Как было установлено, между иммигрантами-персами и местным населением происходили процессы взаимодействия, интеграции и синтеза разных этнических культур и традиций. Территория региона была открытой для иммигрантов соседних государств без ограничений по конфессиональному или этническому признакам.

* Корреспондирующие авторы

Адреса электронной почты: hubul@yandex.ru (С.А. Хубулова), lara6715@yandex.ru (Л.Ч. Хаблиева), zalina.dzotsoeva@mail.ru (З.Е. Дзотцоева), directigi@yandex.ru (С.С. Магамадов)

Иммигранты остановили свой выбор на Терской области в результате поиска своей ниши. В ходе исследования решалась задача изучения общих проблем подданства, юридических основ нахождения иностранцев в пределах Российской империи, что позволило выявить особенности правового статуса персидско-подданных в Терской области. Анализ материала позволяет заключить, что деятельность персидского населения положительно сказалось на жизни региона.

Ключевые слова: персидские подданные, миграции, адаптация, культурные связи, этноконфессиональность.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1237-1247. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1237
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Volga Germans: Famous and Influential People in the Saratov Region of the early XX century

Irina N. Litvinova ^{a, *}, Oksana A. Karagodina ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the material about famous people – the Germans of the Volga region, who have achieved major success in social and entrepreneurial activities, which became the property of regional and Russian history. Similar material about the Volga Germans was collected by agents of the publishing company "I. Brendel and P. Zinner" (Germany) in the Saratov province in the summer of 1914 for the future almanac. In due time because of events of World War I the book didn't appear in Russia. However information on the influential territorial and city public figures, representatives of the intellectuals, merchants, honourable citizens and large handicraftsmen of the German nationality who have made a powerful contribution to development of economy and socio cultural life of Lower Volga area is of interest and today. Authors analyze documentary data on personnel from the position close to agents of the German publishing house. In article bases of private enterprise and individual undertakings of the former colonists in the Saratov region of the beginning of the 20th century reveal. The diligence and thorough approach to economic activity the Russian Germans actively contributed to the development of flour-grinding, manufactory, oil milling, brewing industries in the region, also innovative types the practician for representatives of the business world of Volga German are revealed. The names of the first former colonists who deserved recognition of the state in the form of appropriation of hereditary honorary citizenship were determined.

Keywords: Germans of the Volga region, famous persons, noblemen, merchants, handicraftsmen, firms, entrepreneurship.

1. Введение

Сегодня наблюдается повышенный интерес к истокам вопросов влияния представителей этнических групп на процессы экономической и общественной жизни в провинциальных регионах империи, определению места своих земляков в распорядительных органах – городских думах, земских собраниях гласных. Значительное внимание к документам Саратовского госархива проявляется со стороны потомков бывших немецких колонистов, в большей степени проживающих за рубежом. Данный интерес связан с генеалогическими корнями своих деятельных предков, освоивших различные виды ремесленного производства, добротн поставивших коммерческое, промышленное дело в городах и селах Нижнего Поволжья. Анализ частной инициативы выходцев из немецких колоний Саратовской губернии показал их позитивный вклад в процессы торгово-промышленного развития нижеволжского региона. Успехи немцев-дворян и представителей категории почетного гражданства в структурах земского и городского самоуправления способствовали повышению социокультурного и образовательного уровня развития в крае, улучшению архитектурного облика Саратова, уездных и волостных центров.

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina)

2. Материалы и методы

2.1. Наиболее ценными источниками в изучении вопросов этнического и сословного состава предпринимателей товарищеского типа и единоличного хозяйствования являются вышедшие в начале XX в. сборники и указатели с официальными данными о действовавших в России торговых домах, паево-акционерных компаниях, фабриках и заводах. Научный интерес представляют материалы адрес-календарей и памятных книжек, содержащих сведения о списках гласных городских дум, земского собрания, представителей губернских властных структур, о крупных землевладельцах. Материалы фонда ГАВО № 6 – «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде» позволили ознакомиться с уникальными документами по надзору жандармов за представителями немецкого издательского дома, собиравших материалы о влиятельных немцах в Саратовском крае накануне Мировой войны. Анализ документов фонда ГАСО № 28 – «Саратовская губернская казенная палата» предоставил возможность исследовать гильдейские списки купечества, прошения купцов о вступлении в гильдии. Ценные сведения для выявления первых почетных граждан городов из бывших колонистов, исследования заслуг поволжских немцев в сфере благотворительности и коммерции содержатся в делах фонда № 1343 «Департамент герольдии Сената» (РГИА).

2.2. В основе исследования лежат принципы исторической науки (объективности, истинности), позволяющие раскрыть научную проблему становления влиятельных кланов и отдельных представителей из группы поволжских немцев начала XX в., характеризующихся неоднородностью, принадлежностью к разным сословиям и вероисповеданиям. Принцип объективности позволил собрать фактологические документальные доказательства, избежать односторонности в исследовании заслуг и отличий представителей дворянства в сфере просвещения и культурной жизни региона; представителей деловой среды – в коммерческой деятельности и благотворительности. Принцип истинности подразумевает получение в результате исследования полноценной и адекватной картины деятельности агентурных контор по экспорту зерна накануне войны, о следах шпионии при сборе материалов немецким издательством о выдающихся немцах. Специальный историко-биографический метод позволил проследить генеалогию отдельных семей из немцев-дворян, также из бывших поселян-собственников, достигших влияния в предпринимательском мире и высокого положения в провинциальном обществе.

3. Обсуждение

Автором ряда источниковедческих, историографических трудов о немцах Поволжья, в том числе раскрывающих причины их эмиграции из России в Южную и Северную Америку, является И.Р. Плеве – член-корреспондент научной комиссии по изучению немцев в России и СНГ (Плеве, 2008). Монография А.А. Германа посвящена комплексному исследованию сфер жизни российских немцев досоветского, советского и начала постсоветского периодов (Герман, 1992). Не остались без внимания историка культурные традиции, темы образования, религии и, конечно, репрессий в годы мировых войн (Герман, 2002). Изучением документальных источников по вопросам генеалогии эмигрировавших семей в США занимается специализирующееся на данной проблеме «Американское историческое общество немцев из России», которое издает журнал (Journal ANSGR) и научные труды. В журнале публикуются известные ученые из Германии, России, Америки, Франции (например, Pleve, 2001). Работа немецкого исследователя В. Дённингхауса посвящена анализу традиционного жизненного и экономического уклада бывших колонистов на фоне кардинальных политических изменений в российском государстве (Дённингхаус, 2008). В исследованиях А.Е. Парфенова анализируется экономическое развитие Сарепты – самой южной немецкой колонии в крае (Парфенов, 2016). Тема нашей работы прежде всего связана с персонификацией представителей поволжских немцев разных сословий и родов занятий, оставивших о себе социальную память потомкам. Подобное исследование накануне начала Первой мировой войны проводили представители немецкого издательского дома «И. Брендель и П. Зиннер и К^о», собиравшие сведения о бывших соотечественниках – «влиятельных» немцах в Поволжье для выпуска юбилейного альманаха к 150-летию образованию колоний в Саратовской губернии. Празднование в связи с основанием немецких колоний в Поволжье началось 29 июня 1914 г., в течение года планировались мероприятия в Саратове, Камышинском уезде, Царицыне, Сарепте. Однако 19 июля (старый стиль) началась самая страшная война в истории человечества, сломавшая не только планы издательства, но и судьбу и мирную жизнь многих государств.

4. Результаты

Накануне начала Первой мировой войны, в июне 1914 г., в Москву из г. Бремен прибыли агенты издательского товарищества «И. Брендель и П. Зиннер и К^о» для сбора материалов о бывших немецких колониях. Согласно информации из сопроводительного письма Генерального представительства Германии для командировки доверенных лиц издательства, в 1915 г. намечалось большое торжество к 150-летию юбилею поселения колоний в Поволжье, население которых «только по одной Волге» в то время насчитывало более 600 тыс. «немцев разных положений и профессий» (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 371. Л. 33). Далее поездка агентов – подданного Германии Эрнста-

Густава Цейссига и австрийского подданного Здислава Сточкиевича – была совершена в Саратов. В губернском центре, на улице Немецкой, 44, имелось отделение книжного магазина «Союз» товарищества «И. Брендель и П. Зиннер и К^о». Цель командировки агентов – собрать как можно больше «полезного» материала о конкретных лицах из поволжских немцев, известных, влиятельных особ, достигших высокого положения в российском обществе. Наибольший интерес для юбилейного альманаха издательства представляли материалы о людях дела, особо проявивших себя в торгово-промышленной сфере: коммерсантах, промышленниках, удачливых представителях кустарных промыслов. В сопроводительном письме для доверенных лиц фирмы в России так и сообщалось: должное место в книге будет отведено купцам немецкой национальности «в интересах купечества для ознакомления германской публики с местной промышленностью» (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 371. Л. 33). Альманах планировалось издать для читателей Германии, Австрии, США и России. «Книга будет выпущена по общедоступной цене и в роскошном издании, заказы принимаются уже сегодня» (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 371. Л. 33об).

Помимо Саратова поездки агентов издательства были запланированы в южные районы губернии – Камышинский и Царицынский. Самые многочисленные поселения немцев находились в городах Саратове, Камышине и их уездах. В губернском центре в 1914 г. бывших колонистов (без учета купцов и дворян) проживало 9993 человека, в уезде – 21223, поселян-собственников в г. Камышине значилось 7300 человек, а в уезде – 195038. (Ведомость, 1915, посчитано: Ведомость № 6).

Однако лето 1914 г. – тревожное время для командировки представителей немецкой фирмы в Россию по сбору информации. В этой связи нахождение Э. Цейссига и З. Сточкиевича в российских городах сопровождалось надзором жандармерии. Для исследователей представляют интерес архивные источники в виде депеш начальника Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) полковника М.С. Комиссарова за июнь–июль 1914 г. своему помощнику, подполковнику И.Е. Тарасову в Царицыне. В частности, губернский начальник пишет подчиненному о своих опасениях и предупреждает о том, что представители данной фирмы могут собирать не только материалы об известных немцах к юбилейному выпуску альманаха, но и сведения военного характера. В посланиях Тарасову И.Е. содержались конкретные указания начальника о необходимости проявлять особую бдительность со стороны жандармерии Царицына в наблюдениях за потенциальными шпионами. Собранные к этому времени заметки к книге были запрошены у авторов в СГЖУ, переведены на русский язык и проверены на наличие «недозволительной» информации (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 371. Л. 31–31об).

Существенную помощь агентам фирмы «И. Брендель и П. Зиннер и К^о» в сборе интересующей информации представляли не только записи опросов «известных немцев», но и материалы губернских справочных, статистических изданий, местной прессы, в том числе рекламные разделы адрес-календарей и газет с частными объявлениями торговцев и промышленников. Например, согласно сведениям Памятной книжки Саратовской губернии на 1914 г., было установлено, что в городской думе г. Саратова из 75 гласных – 10 человек являлись немцами по происхождению, что составляло 13 % от состава думцев. Назовем их имена и сословную принадлежность: поселянин-собственник Федор Францевич Иордан, почетный мировой судья, дворянин Александр Александрович Минх, поселянин-собственник, фабрикант Адольф Иванович Шевалье, купец Александр Фердинандович Витман, присяжный поверенный (адвокат) Эмилий Васильевич Геммерлинг, дворянин, действительный статский советник Константин Николаевич Гримм, купцы Отто Петрович и Федор Петрович Шмидты, потомственные почетные граждане Михаил Иванович и Федор Михайлович Паули (Памятная книжка, 1914: 314).

Сравнение этих данных с подобными же из справочника более позднего издания за 1916 г. выявило некоторые удивительные факты: количественный состав Саратовской думы по национальной принадлежности изменился в сторону увеличения немцев на двух гласных – мещанина Эдуарда Францевича Иордана и дворянина, юриста по профессии Петра Августовича Нордена. Несмотря на разгар военных действий, прибытие вагонов с беженцами и военнопленных в Саратовский край и возрастание антинемецких настроений в обществе, в 1916 г. из 82 гласных городской думы – 12 человек (14 %) являлись немцами по происхождению (Весь Саратов, 1916: 5).

Далее, рассматривая «известных и влиятельных особ» немецкой национальности в губернии с позиции агентов германской издательской фирмы, можно отметить, что руководителем канцелярии Саратовского губернатора А.А. Ширинского-Шихматова в 1914 г. являлся коллежский секретарь Николай Августович Шульце. Г-н Шульце сохранил свой пост и в 1916 г. уже при другом губернаторе – С.Д. Тверском (с 1915 г.) (Весь Саратов, 1916: 5).

Анализируя данные состава губернского земского собрания за 1913–1916 гг., также можно отметить, что наряду с гласными – дворянами русской национальности – в состав земства, конечно же, входили и немцы-дворяне (около 25 %). Это были представители от пяти из десяти уездов губернии, имевшие поместья в Аткарском, Камышинском, Саратовском, Сердобском и Хвалынском уездах.

По мнению исследователя А.А. Германа, как единая группа немцы Поволжья окончательно сформировалась лишь к началу XIX ст. (Герман, 1992: 10). Известно, что с 1871 г. поволжские колонии, относившиеся к категории сельских жителей, лишились прежних привилегий, а колонисты получили статус поселян-собственников. Такой же статус имели крестьяне после освобождения от

крепостного права. Однако в отличие от русских крестьян процессы развития капиталистических отношений в Саратовском крае более существенно отразились на социально-экономической стороне жизни бывших колонистов.

Ведущие позиции в промышленности бывших колоний занимали сарпиночное и мукомольное производства. Именно две эти сферы деятельности послужили основой для массового включения поселян-собственников в процесс коммерциализации и, как следствие, накопления состояний как средней, так и крупной величины.

По нашим подсчетам, в источниках содержатся сведения о 21 сарпиночном заведении, единоличными владельцами которых являлись немцы-поселяне в бывших колониях Камышинского уезда ([Фабрично-заводские, 1914: 765–786](#)). Назовем некоторых из них – это братья Яков и Константин Штрекеры, Яков Ленц, Андрей Конради, Христиан Михель, Яков Мейер, братья Фридрих и Карл Эрлихи и другие.

Тем не менее для немецкого издательства мелкие и средние коммерсанты из бывших колонистов не представляли особого интереса. Кустари среднего звена оказались в общей статистической документостроке материалов по мануфактурной промышленности губернии. Другое дело – владельцы крупных торгово-промышленных товариществ, сосредоточившие в своих руках кустарное сарпиноткацкое производство и мукомольную сферу деятельности в Саратовском крае – Шмидты, Борели, Бендеры, Рейнеке. Все основатели этих семейных фирм, то есть представители старшего поколения будущих сарпиночных и мукомольных «королей», являлись выходцами из немецких колоний и по сословной принадлежности прежде относились к поселянам-собственникам. Рассмотрим более подробно деятельность некоторых фирм и персоналии, представлявшие значительный интерес для представителей издательства «И. Брендель и П. Зиннер и К^о».

Первые позиции в сарпиночно-мануфактурной отрасли занимало товарищество «Андрей Бендер и Сыновья» с главной конторой в Саратове. К началу XX ст. фирма настолько окрепла, что ее продукция имела спрос в Москве (два склада готовой продукции), Петербурге, Коканде, Баку и других городах империи. С 1900-х гг. ежегодно пестротканой сарпинки производилось на 650 тыс. руб., количество постоянных рабочих, занятых в производстве в 1913 г., составляло 1200 чел. ([Фабрично-заводские, 1914: 766](#)). Подобные параметры фирмы, как у А.И. Бендера и его наследников, являются весьма серьезными показателями для российского предпринимательства того времени. Согласно принятой Министерством торговли и промышленности градации величины промышленных предприятий, одним из критериев являлась именно численность рабочих на фабрично-заводских производствах. Предприятие с количеством рабочих до 100 чел. считалось мелким, от 100 до 200 – средним, от 200 до 500 – крупным ([Бессолицын, 2004: 61](#)).

Личность Андрея Ивановича Бендера, несмотря на давний научный интерес к его торгово-промышленной деятельности, до сей поры не дает оснований для «закрытия вопроса» о предпринимателе. Авторами статьи были выявлены новые сведения о том, что фабрика сарпинок Бендеров с июля 1913 г. являлась поставщиком императорского двора (двор № 2) великой княгини Марии Павловны ([РГИА. Ф. 472. Оп. 44. Д. 10](#)). Данный факт свидетельствует о признании продукции товарищества на высшем уровне и обладании его владельцами одним из почетных званий торговых марок в Российской империи. Было выявлено, что в состав торгового дома «Бендер и Сыновья» входил также крупный магазин готового платья в Саратове ([Весь Саратов, 1916: 117](#)). Продукция двух аппретурных фабрик Бендера была хорошо известна не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. В начале 1900-х гг. были учреждены еще два торговых дома «Андрей Бендер и Сыновья и Роберт Робертович Иргат», а внуками Бендера по линии сына Ивана – заведение сарпиночной раздаточной культуры «Ивана Андреевича Бендера Наследники» ([Фабрично-заводские, 1914: 770](#)).

Следует обратить внимание на тот факт, что А.И. Бендер после реформы промыслового налога 1898 г. более не вступал в купеческую гильдию, остался верным своему изначальному сословному статусу поселянина-собственника. Только сын Бендера, Иван, состоял во второй гильдии саратовского купечества, ежегодно выбирал гильдейское свидетельство и входил в состав Саратовского биржевого комитета ([ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 359. Л. 10](#)).

Помимо предприятий Бендеров, в губернии насчитывалось всего четыре крупных компании поволжских немцев, работавших в сарпиночной отрасли под фирменной маркой «торговый дом», причем собственники товариществ более известны по мукомольному производству – братья Петр и Андрей Ивановичи Шмидты и Эммануил Борель. Основные сарпиночные заведения владельцев находились на территории Камышинского уезда. Годовое производство тканей на предприятии братьев Шмидтов составляло 260 тыс. руб. ([Указатель, 1905: 225](#)).

В 1899 г. известные немецкие предприниматели объединили свои капиталы, зарегистрировали Акционерное общество «Саратовской мануфактуры Бумагопрядильная фабрика» с основным капиталом в 2 млн. руб. и выпустили 8 тыс. акций номиналом по 250 руб. Основными акционерами являлись представители семейств Борелей, Бендеров и Шмидтов. Например, дивиденды Общества на основной капитал в 1913 г. составили 5 % ([Сборник, 1914: 42](#)).

Следует заметить, что интересовавшие агентов немецкого издательства статистические и индивидуальные сведения о купцах немецкой национальности в Саратовском крае нигде не

публиковались, т.к. относились к внутренней документации саратовской Казенной палаты, ныне – это материалы фонда № 28 Саратовского госархива. Разумеется, выборка купцов или дворян по национальному признаку Казенной палатой и Статистическим комитетом не проводилась, поскольку представители всех категорий поволжских немцев являлись подданными Российской империи. Как отмечалось ранее, адрес-календари и торгово-промышленные справочники могли дать некоторое представление командировочным лицам о сословной и национальной принадлежности не только товариществ, но и состава органов местного самоуправления в губернии. С конца XIX в. поволжские немцы в городах стали принимать самое активное участие в экономической, а также общественной и культурной жизни провинциального общества. Однако за полтора предвоенных месяца собрать объективную информацию для альманаха о выдающихся людях из разносословной группы поволжских немцев не представлялось возможным.

Мы располагаем отдельными документальными свидетельствами о переходе некоторых немцев-поселян и мещан в статус купеческого сословия и потомственного почетного гражданства. Например, Эммануил Борель, Кондратий Рейнеке, Михаил и Федор Паули и другие выходцы из немецких колоний имели высшее городское звание потомственных почетных граждан г. Саратова, что являлось на ступень выше купеческого звания. Вормсы стали потомственными почетными гражданами г. Вольска, Вааги – посада Дубовка, Бауеры из Сарепты – почетными гражданами Царицына.

Первым представителем потомственного почетного гражданства из бывших колонистов стал купеческий брат второй гильдии Франц Осипович Шехтель в апреле 1854 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39 ч. 2. Д. 5516). В 1850–60-х гг. коммерсант совместно с братом владел сарпиноткацкой фабрикой и тремя магазинами в Саратове. Однако почетное звание им было получено за заслуги в сфере культурного просвещения купечества Саратова, т.к. Ф. Шехтель стал учредителем первого в городе Литературно-музыкального общества, основой которого являлась деятельность Немецкого танцевального кружка (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39 ч. 2. Д. 5516. Л. 207–208). Его племянник по линии брата Осипа – Франц Осипович Шехтель – впоследствии стал самым известным архитектором и проектировщиком зданий в стиле модерн в Москве и Петербурге, этот стиль особо пришелся по нраву в купеческой среде.

Вторым почетным гражданином из поволжских немцев в 1871 г. стал саратовский купец первой гильдии, мукомол Давид Богданович Зейферт (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39 Ч. 1. Д. 1697). Гораздо позднее, будучи владельцем портландцементного завода в Вольске, он возглавил правление акционерного общества «Железо-бетон» (Устав, 1912: 3). В статус потомственных почетных граждан г. Саратова семейство купцов второй гильдии Паули было возведено в 1873 г. за заслуги «на поприще благотворения» (Ф. 1343. Оп. 39 ч. 2. Д. 3566. Л. 69). Купцы первой гильдии Рейнеке получили звание почетного гражданства в 1901 г. (Ф. 1343. Оп. 40. Д. 4317. Л. 176).

Федор Иванович и Федор Петрович Шмидты приобрели высокие и престижные в среде коммерсантов звания мануфактур-советников за заслуги в мануфактурно-сарпиноточном бизнесе, а также за усердный труд в вексельно-учетном отделении банка (ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 359. Л. 9).

Относительно дворянского происхождения немцев, проживавших на территории Саратовской губернии, известно, например, что некоторые этот титул получали на службе российского государства еще при Екатерине II и Павле I, а часть немцев принесла его с прежней родины. Дворянская группа немцев пополнилась и за счет присоединения к государству остзейских провинций Прибалтики. Яркими представителями остзейских немцев являлись потомственный почетный гражданин г. Вольска Вильгельм Христианович Вормс, предпоследний городской голова г. Царицына (с 1913 г.) врач, барон Алексей Иосифович Остен-Сакен. Однако в условиях военного времени А. Остен-Сакен был переизбран, и с лета 1915 г. последним городским головой Царицына стал купец Василий Викторович Кленов (Царицын, 2014: 14). Прибалтийские немцы, обосновавшиеся в волжских городах, также стали частью неоднородной группы поволжских немцев.

В дворянские родословные книги Саратовской губернии были внесены десятки лиц немецкого происхождения, многие из которых в различные годы являлись членами дворянских депутатских собраний, занимались решением локальных вопросов, касавшихся нужд сословия: Бергены, Берхольцы, Гардеры фон, Гриммы, бароны Дельвиги, Кирхнеры, Клейнеры, Минхи, Мейеры, Мильферды, Мунты, бароны Остены, Фельдгаузен, Филлеры, Фрейдманы, бароны Ховены фон-дер и другие. Следует отметить, что представители дворянства превосходно интегрировались в российское общество, многие сделали карьеру, имя и состояние. Некоторые из немцев-дворян перешли в православие. Например, к православному вероисповеданию принадлежали потомственные дворяне Саратовской губернии Гриммы, Минхи. Действительный статский советник Константин Николаевич Гримм являлся попечителем Саратовских высших сельскохозяйственных курсов и председателем их Совета (Памятная книжка, 1914: 317). Генеалогию рода Гриммов проследил Яков Егорович Дитц – адвокат и исследователь истории поволжских немцев-колонистов, сам являвшийся уроженцем колонии Кратцке Камышинского уезда. Автор многолетнего труда о поволжских немцах, талантливый журналист Я. Дитц также намеревался опубликовать свою рукопись к 150-летию юбилею колоний на Волге, но не в Германии, а в России (Дитц, 2000: 3). Однако в силу различных обстоятельств книга была издана только в постсоветское время, когда

судьбою «русских» немцев заинтересовались их потомки и исследователи Германии, России, США (Дитц, 2000: 3). Отдельные статьи автора публиковались в саратовских газетах, например о 150-летнем юбилее первой колонии в Нижней Добринке Камышинского уезда (Первая немецкая, 1914). Согласно сведениям Я. Дитца, род Гриммов идет от первого форштегера немецкой колонии Гримм (Лесной Карамыш) Генриха Ульриха Готфрида. Его правнук Филипп является родоначальником линии Константина Гримма – неизменного председателя земской управы Саратовской губернии в 1906–1908 гг., 1910–1917 гг. и крупного землевладельца Сердобского уезда (Дитц, 2000: 405).

Мировым судьей по Аткарскому, затем Саратовскому уездам губернии являлся Александр Николаевич Минх, а его близкий родственник Александр Александрович Минх – гласным городской Саратовской думы в 1913–1917 гг. (Адрес-календарь, 1916: 5, 7). Оба они были членами Саратовской ученой архивной комиссии, исследователями и авторами работ о крае. Самым известным трудом А.Н. Минха является историко-географический словарь южных уездов Саратовской губернии, в котором содержатся подробные сведения о населении, конфессиях, культовых зданиях, хозяйстве, постройках, бытовом укладе, образовании и прочих сферах жизни немецких колоний Камышинского и Царицынского уездов, причем с их основания до 1901 г. (Минх, 1901).

Не менее известной персоной в Саратове являлся Минх Алексей Петрович (племянник А.Н. Минха). В 1900 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1902 г. был избран городской думой старшим врачом городской больницы (на 100 коек), и руководил ею вплоть до 1924 г. Здесь же доктор заведовал отделением экстренной хирургической помощи (К истории, 2017: 47).

Дворяне Минхи, как и Гриммы, занимались благотворительностью, являлись почетными попечителями учебных учреждений и различных общественных структур в городах Саратове, Аткарске, Сердобске, в различные годы состояли членами и председателями многих комиссий Саратовского губернского земского собрания (К истории, 2017: 48).

Немецкое население в городах стало неуклонно расти на рубеже XIX – XX вв., так как бывшие колонисты по причине «земельного голода» или низкого качества земельных наделов покидали традиционные места проживания и перебирались в уездные центры, губернскую столицу. Например, в 1914 г. общая численность поселян в городах губернии составляла 20409 человек (Ведомость, 1915, посчитано: Ведомость № 6). В города устремлялись и представители дворянского сословия. Согласно результатам анализа справочной литературы, можно констатировать, что дворяне из обрусевших немцев заполняли доходные места в органах городского и земского местного самоуправления, также служили в адвокатуре, занимали судебные должности. Поселяне же в городах старались реализовать свой потенциал в предпринимательском деле. В этой связи городское население края пополнялось, прежде всего, за счет поселян-собственников и русских крестьян, приходивших на заработки. Общая численность немецкого населения в губернии в 1913 г. составляла 244 953 человека (ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 10.).

Анализ справочной литературы за 1911–1916 гг. позволяет утверждать следующее: среди фабрикантов по производству колбас, макарон; собственников оптических, механических, переплетных мастерских и инженерно-технических контор, а также магазинов «мельничных принадлежностей», магазинов готового женского и мужского платья, по нашим наблюдениям, около 2/3 персоналий являлись поволжскими немцами. Например, только в Саратове из 26 агентурно-комиссионных контор 11 заведений принадлежали немцам-купцам и поселянам-собственникам (Весь Саратов, 1916, посчитано: 116). Наибольших успехов бывшие колонисты достигли в крупчато-мукомольном производстве и мучной торговле.

Например, товарищество «Братья Шмидт» занимало лидерские позиции в мукомольно-крупяном производстве во всем Поволжском регионе, главная контора фирмы и две крупных мельницы находились в Саратове. Шмидты были выходцами из бывшей колонии Мессер Камышинского уезда. Торговому дому Андрея и Петра Ивановичей Шмидтов принадлежало множество складов на территории губернии, помимо этого имелись отделения компании в Москве, Петербурге, Астрахани и Рыбинске. Согласно источникам, в 1913 г. распорядителями и совладельцами товарищества являлись сыновья основателей дела – Петр Петрович, Иван Андреевич и Федор Петрович Шмидты (Сборник сведений, 1915: 18). Делопроизводство в фирме велось на немецком языке, предпочтения при выборе специалистов и рабочих оказывались немцам. Фирма Шмидтов первой в губернии заявила о себе под маркой «торговый дом» в 1888 г., а после его преобразования в паевое общество заявленный капитал вырос до 3 млн. руб. (Сборник, 1914: 52). К 1913 г. производство муки товарищества «Братья Шмидт» составляло 7,7 млн. пудов, помол отрубей – 7,9 млн. пудов (Фабрично-заводские, 1914: 2217). В состав торгово-промышленной компании входил еще лесопильный завод в Камышинском уезде и мельница в г. Вольске.

Интересным фактом является то, что в годы Первой мировой войны Федор Петрович Шмидт – немец по происхождению, был председателем Саратовского биржевого Комитета, а в октябре 1915 г. делегирован в Совет Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства (ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 359. Л. 9). Данное обстоятельство означает следующее: к заслугам предпринимателя в деловых кругах относились с большим почтением, несмотря на рост антинемецких настроений в обществе.

Мануфактур-советник Петр Петрович Шмидт и члены его семейства занимались благотворительностью в пользу неимущих студентов университета, слушателей Высших сельскохозяйственных курсов и других учащихся. Конечно, особое покровительство оказывалось лицам немецкой национальности. В годы Мировой войны старшина биржевого комитета Ф.П. Шмидт вместе со старшим врачом городской больницы А.П. Минхом входили в состав управления саратовского Российского Общества Красного Креста, деятельность которого была направлена на оказание помощи раненым воинам, организацию местных лазаретов (Весь Саратов, 1916: 91).

В довоенное время саратовские мукомольные фирмы «Кондратий Рейнеке и Сыновья» и «Эммануил Иванович Борель в Саратове» немногим уступали компании Шмидтов. Первое из перечисленных производств было заявлено в 1899 г. с основным капиталом в 1,8 млн. руб. К 1913 г. на предприятиях К. Рейнеке размол пшеницы составлял 4 млн. пудов и ржи – 1 млн. пудов (Фабрично-заводские, 1914: 2217).

Члены семейств потомственных почетных граждан Саратова Шмидтов, Борелей, Рейнеке и многих бывших колонистов, достигших успехов в торгово-промышленной и общественно-государственной деятельности, принадлежали к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию. Более того, представители перечисленных выше семейств и адвоката Гимерлинга входили в церковный совет лютеранской Церкви Св. Марии в Саратове (Весь Саратов, 1916: 93). В этой же церкви в декабре 1890 г. состоялось венчание детей двух влиятельных саратовских кланов Петра Шмидта и Конрада Рейнеке – Александра Рейнеке и Амалии Шмидт (РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 4317. Л. 6). Жены успешных поселян-собственников и дворян, в том числе М.Ф. Ульрих, М.Ю. Ламберт являлись организаторами евангелического дамского благотворительного общества.

Поселянин А.И. Бендер, также исповедовавший лютеранство, оставался личностью более закрытой для социума. Несмотря на его влиятельные позиции в торгово-промышленной сфере, нами не установлены факты общественной и благотворительной деятельности членов семейства Бендеров.

Помимо перечисленных фирм мукомольной отрасли в Саратовском крае, на солидном счету находилось товарищество «Бурасовские мукомолы И. Кобер, И. Пестман и К^о», занимавшееся производством и торговлей муки разных сортов. Торговый дом был зарегистрирован в Саратове, его количественные параметры свидетельствуют о средней для региона величине: капитал – 150 тыс. руб., количество рабочих – 100 чел. Годовой объем перемола ржи превышал 1200 тыс. пудов (Сборник сведений, 1915: 16). В составе товарищества значились поселяне-собственники Елизавета Бор, Иван Кобер и Иван Пестман.

Крупным мукомольным производством являлось Акционерное общество «Братьев Гергардт в Царицыне», с основным капиталом в 1,5 млн. руб. Гергардты – поселяне-собственники, выходцы из колонии Сарепта. Например, дивиденды на основной капитал за 1913 г. семейной фирмой были получены в размере 7 % (Сборник, 1914: 313). Паровая мельница ежедневно производила 8 тыс. пудов муки (Царицын, 2014: 20).

Сведения о немцах – владельцах крупных и средних мукомольных товариществ Саратовского края – представляли существенный интерес для агентов издательского дома «И. Брендель и П. Зиннер и К^о», но не только для них. Мукомольные фирмы, закупавшие зерно для помола, а посреднические конторы – для его экспорта, уже в тревожное лето 1914 г. находились под надзором СГЖУ. С самого начала военных действий правительством было воспрещено продавать иностранным фирмам российскую пшеницу, представлявшую собой зерновой запас государства. Более подробно проблема спекулятивной деятельности предпринимателей и «черного» рынка в военные годы на Юго-Востоке страны исследованы К.С. Беркутовым (Беркутов, 2016: 6-7).

Операции посреднических и комиссионных контор, активно скупавших зерно, муку на волжских пристанях и железнодорожных станциях, широко распространились в губернии с начала 1910-х гг. Результаты документального анализа показали: первое место по количеству подобных контор в крае принадлежало коммерсантам еврейского происхождения, а вторую позицию занимали бывшие колонисты. В Саратове и Царицыне работали иностранные общества, специализировавшиеся на зерновом экспорте, в том числе такая крупная французская компания, как «Луис Дрейфус и К^о» (ГАСО. Ф. 6. Д. 383. Л. 261). В канун Мировой войны фирма оказалась под негласным надзором СГЖУ, а в октябре–ноябре ее отделения в губернии подверглись тщательной негласной проверке жандармами на наличие германских, австрийских подданных в штате служащих, а также евреев (ГАСО. Ф. 6. Д. 383. Л. 261–26106). Интерес представляли документы и сведения о работающих сотрудниках, а также уволившихся лицах до начала военных действий. Подозрения были связаны с тем, что, «имея широкие связи в торговом мире и в Ведомости путей сообщения, компания широко занимается шпионажем, скупкой и отправкой хлеба в Германию через нейтральные государства» (ГАСО. Ф. 6. Д. 383. Л. 261). В царицынском отделении хлебного экспертного дома «Луис Дрейфус и К^о» по рекомендации жандармерии из штата сотрудников фирмы были уволены трое: подданный Великобритании Дербишер П.К., крестьянин Тамбовской губернии Выгловский А.П. и крестьянин Воронежской губернии Коломейцев И.М. (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1 Д. 383. Л. 263).

Депортации в июле 1914 г. подверглись кустари-плантаторы – подданные Болгарии, выращивавшие овощи на полях под Царицыном. Негласному надзору СГЖУ подлежали иностранные граждане, входившие в состав местных компаний, например, торгового дома «Наследники И.К. Глич

в Сарепте». Это относительно крупное маслособойное производство было основано в 1889 г., с капиталом в 150 тыс. руб. (*Сборник сведений, 1915: 31*). Семейная фирма ежегодно производила 10–20 тыс. пудов горчицы и до 4-х тыс. пудов горчичного масла на 70 тыс. руб. Численность рабочих на предприятии составляла около 70 человек (*Парфенов, 2016: 103*). В составе товарищей семейной фирмы Глича значились граждане, подданные Швейцарии, – это Альберт Фердинандович и Фердинанд Фердинандович Гличи, Ольга Глич, Адельгейд Бернулли, также гражданка Пруссии – Луиза-Елена Ахтних (*Сборник сведений, 1915: 31*). Исследователь А.Е. Парфенов отмечает, что именно И.К. Гличу и его наследникам удалось занять лидирующие позиции на российском рынке горчицы, создав известную торговую марку «Сарептская горчица». Продукция фабрики находила сбыт в разных городах европейской части России, включая Москву и Петербург, некоторое количество экспортировалось (*Парфенов, 2016: 103*).

Самый крупный маслособойный завод, принадлежавший поволжским немцам, входил в состав саратовской торгово-промышленной фирмы «Блессиг и К°» (*Фабрично-заводские, 1914: 3229*). Фирма выпускала горчичного порошка и масла на 1 млн. руб. в год.

В Саратовском крае бывшие колонисты уверенно занимали передовые позиции в пивоварении – старинном и успешном деле для немецкой буржуазии. В данной сфере поселяне-собственники предпочитали старые формы коммерции – единоличные хозяйства. Лишь отдельные предприниматели объединяли свои капиталы, что давало им больше возможностей для деловой активности. Товарищество «Клейменовский паровой пивоваренный завод В. Вормс и К°» действовало в уездном центре Вольске, с основным капиталом в 96 тыс. руб. (*Сборник сведений, 1915: 235*). Основателем семейной фирмы являлся Вильгельм Христофорович Вормс – остзейский немец из мещан, впоследствии потомственный почетный гражданин г. Вольска. Помимо завода фирма В.Х. Вормса владела сетью пивных лавок в Вольске и уезде. Имя сына Вормса – химика, доктора медицины Владимира Васильевича (Адольф Владимир Вильгельм) – можно найти в любом справочном издании губернии за 1911–1917 гг. в составе профессуры Саратовского университета.

В Царицыне и соседних уездах хорошо была известна продукция поселянина Вильгельма Рексера – хозяина пивного завода, солодовни и заведения фруктовых вод. Основной капитал предприятия был заявлен в 180 тыс. руб., а ежегодная реализация напитков различных видов составляла более 80 тыс. руб. (*Фабрично-заводские, 1914: 7175*).

Частная предприимчивость поволжских немцев распространялась и на транспортно-судоходную сферу. В собственности поселянина имела крупная компания «Ахтубинское пароходство», организованная в 1892 г. в Царицыне. В 1908 г. это было уважаемое пароходство, преобразованное в товарищество на паях и располагавшее 21 паровым судном. В состав данного общества входило 15 совладельцев, причем 10 из них являлись поселянами-собственниками: Франц Эсман, Борис Берг, Франц Аксельсон, Иван Линдберг, Альбин Норен, Карл Нильсон, Никандр Блюммер и другие (*Указатель, 1905: 235*).

Солидные фирмы мукомолов имели собственный судоходный транспорт, чтобы не зависеть от расценок сторонних компаний на перевозку зерна, скота, лесоматериалов, а также собственной продукции в другие регионы. По мнению А.А. Германа, больше всего в судоходной сфере предпринимательства преуспела компания братьев Шмидтов: в состав их пароходства входили 32 баржи, 2 плавучих элеватора и 5 пассажирских пароходов (*Герман, 2002: 41*). Двумя десятками речных судов располагала и фирма Борелей (буксиры, баржи, шаланда, пассажирские пароходы).

Подводя итог, следует обозначить проблему, которая не была решена представителями немецкого издательства «И. Брендель и П. Зиннер и К°». Им не удалось собрать как можно больше материала о бывших соотечественниках, – «влиятельных» немцах, купцах в Поволжье. Отдельные уцелевшие страницы рукописи на немецком языке для юбилейного альманаха, собранные «шпионами» Э. Цейсигом и З. Сточкиевичем, ныне хранятся в фонде СГЖУ Саратовского госархива. Книга не вышла в свет в России и Германии ввиду объективных причин, связанных с началом Первой мировой войны, в которой немцы и русские оказались в конфронтации и жестоком противостоянии.

При всем том сами объекты исследования, предки которых были приглашены на жительство в Россию для осуществления экономико-культурной миссии (за 150 лет до рассматриваемых событий), выполнили ее достойно.

5. Заключение

Поволжские немцы даровали российской провинции великое множество выдающихся и «влиятельных» граждан, значительно дополнив этнически и конфессионально разбавив категории региональной деловой элиты, дворянства, интеллигенции. Многие из них достигли крупных успехов в торгово-промышленной деятельности, в сфере общественного городского и земского самоуправления. Заслуги энергичных людей дела ценились и поощрялись на государственном уровне посредством возведения их в потомственное почетное гражданство, присвоения званий мануфактур- и коммерции-советников. Тем не менее, именно поволжским немцам в переломную эпоху российской истории и в последующие долгие годы выпала доля особо тяжелых испытаний.

Литература

- Акционерно-паевые, 1914** – Акционерно-паевые предприятия в России. Пг., 1914.
- Беркутов, 2016** – Беркутов К.С. Торговые преступления в практике делового мира в годы Первой мировой войны // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. 2016. № 1. Серия Гуманитарные и социальные науки. С. 5–12.
- Бессолицын, 2004** – Бессолицын А.А. Становление предпринимательских организаций в Поволжье (конец XIX – начало XX вв.). Волгоград, 2004. 274 с.
- Ведомость, 1915** – Ведомость № 6 / Статистический обзор Саратовской губернии. Приложение к Верноподд. Отчету саратовского губернатора за 1915 год. Саратовский губернский статистический комитет. Саратов: Губернская типография, 1915.
- Весь Саратов, 1916** – Весь Саратов. Адресно-справочная книга на 1916 г. Сост. А. Майзульс. Саратов, 1916. 132 с.
- ГАВО** – Государственный архив Волгоградской области.
- ГАСО** – Государственный архив Саратовской области.
- Герман, 1992** – Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. Саратов: изд-во Саратовского университета: Ч. 1, 1992; Ч. 2, 1994.
- Герман, 2002** – Герман А.А. История немцев Поволжья. Саратов: изд-во Саратовского университета. 2002. 124 с.
- Дёнингхаус, 2008** – Дёнингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи / Под ред. проф. А.А. Германа. Саратов: изд-во «Наука», 2008. 248 с.
- Дитц, 2000** – Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика, 2000. 496 с.
- К истории, 2017** – К истории названия урочища Минух, возле села Широкое // *Татищевский край. Историко-краеведческий журнал*. Татищево, Вып. 1. С. 46–52.
- Минх, 1901** – Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов: Типография Губернского земства, 1901. Том 1, вып. 1. 207 с.
- Памятная книжка, 1914** – Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 г. Саратовский губернский статистический комитет. Саратов: типография губернского правления, 1914. 405 с.
- Парфенов, 2016** – Парфенов А.Е. Экономическое развитие Сарептской волости Царицынского уезда в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 102–108.
- Первая немецкая, 1914** – Первая немецкая колония в Поволжье // *Саратовский листок*. 1914. № 58.
- Плеве, 2008** – Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 3-е изд. Москва: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. 400 с.
- РГИА** – РГИА. Российский государственный исторический архив.
- Сборник сведений, 1915** – Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915.
- Сборник, 1914** – Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1914.
- Указатель, 1905** – Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов / Под ред. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. Т. 2.
- Устав, 1912** – Устав Акционерного общества Вольского портланд-цементного завода Д.Б. Зейферта. Саратов, 1912.
- Фабрично-заводские, 1914** – Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Изд. второе. Пг., 1914.
- Царицын..., 2014** – Царицын. Сталинград. Волгоград. Вехи истории. Альманах. Волгоград, 2014. 80 с.
- Pleve, 2001** – Pleve Igor R. The German in the Volga: The Second Half of the Eighteenth Century. Saratov (Russia): *American Historical Society of Germans from Russia*, 2001. 474 p.

References

- Aktionerno-paevye, 1914** – Aktionerno-paevye predpriyatiya v Rossii [Joint-stock companies in Russia]. Petrograd, 1914. [in Russian]
- Berkutov, 2016** – Berkutov K.S. (2016). Torgovyye prestupleniya v praktike delovogo mira v gody Pervoy mirovoy voyny [Trade crimes in practice of the business world in the years of World War I]. *Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. pp. 5-12. [in Russian]
- Bessolitsyn, 2004** – Bessolitsyn A.A. (2004). Stanovlenie predprinimatel'skikh organizatsii v Povolzh'e (konets XIX – nachalo XX v.) [Formation of the enterprise organizations in the Volga region (the end of XIX – the beginning of the 20th century)]. Volgograd. 274 p. [in Russian]
- Denningkhaus, 2008** – Denningkhaus V. (2008). Revolyutsiya, reforma i voyna: nemtsy Povolzh'ya v period zakata Rossiiskoi imperii [Revolution, reform and war: Germans of the Volga region in the period of a decline of the Russian Empire]. Pod red. prof. A.A. Germana. Saratov: izd-vo «Nauka». 248 p. [in Russian]

- Ditts, 2000** – *Ditts Ya.Ye.* (2000). Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov. [History of the Volga region German colonists]. 3-ye izd. M.: Publishing house "Gothic". 496 p. [in Russian]
- Fabrichno-zavodskie, 1914** – *Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii* [Factory enterprises of the Russian Empire]. Edition second. Petrograd, 1914. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoy oblasti [State Archives of the Volgograd region].
- German, 1992** – *German A.A.* (1992). Nemetskaya avtonomiya na Volge [The German autonomy on Volga]. Saratov: izd-vo Saratovskogo universiteta: Ch. 1, 1992; Ch. 2, 1994. [in Russian]
- German, 2002** – *German A.A.* (2002). Istoriya nemtsev Povolzh'ya. [History of the Germans in the Volga region]. Saratov: izd-vo Saratovskogo universiteta. 124 p. [in Russian]
- K istorii, 2017** – *K istorii nazvaniya urochishcha Minukh, voze sela Shirokoye* [To the history of the name of the tract of the Minukh, near the village of Shirokoe]. *Tatishchevskii krai. Istoriko-kraevedcheskii zhurnal*. 2017. Vol. 1. pp. 46-52. [in Russian]
- Minkh, 1901** – *Minkh A.N.* (1901). Istoriko-geograficheskiy slovar' Saratovskoy gubernii. Yuzhnyye uyezdy: Kamyshinskiy i Tsaritsynskiy [Historical and geographical dictionary of the Saratov province. Southern counties: Kamyshin and Tsaritsyn]. Saratov: Tipografiya Gubernskogo zemstva. Vol. 1, Nr 1. 207 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1914** – *Pamyatnaya knizhka Saratovskoy gubernii na 1914 g.* [The memorable book of the Saratov province for 1914]. Saratov: printing house of provincial board, 1914. 405 p. [in Russian]
- Parfenov, 2016** – *Parfenov A.E.* (2016). Ekonomicheskoe razvitie Sareptskei volosti Tsaritsynskogo uyezda v kontse XIX – nachale XX veka [Economic development of the Sarepta volost of the Tsaritsyno County at the end of XIX – the beginning of the XX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 21. Nr. 4, pp. 102-108. [in Russian]
- Pervaya nemetskaya, 1914** – *Pervaya nemetskaya koloniya v Povolzh'ye* [The first German colony in the Volga region]. *Saratovskii listok*. 1914. Nr. 58.
- Pleve, 2001** – *Pleve I.R.* (2001). The German in the Volga: The Second Half of the Eighteenth Century. Saratov (Russia): American Historical Society of Germans from Russia, 474 p.
- Pleve, 2008** – *Pleve I.R.* (2008). Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka [The German colonies on Volga in the second half of the 18th century]. – 3rd edition. Moscow: "International union of the German culture". 400 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sbornik svedenii, 1915** – *Sbornik svedenii o deistvuyushchikh v Rossii torgovykh domakh (tovarishchestvakh polnykh i na vere)* [The collection of data on the trading houses operating in Russia (associations full and on belief)]. Petrograd, 1915. [in Russian]
- Sbornik, 1914** – *Sbornik svedenii o deistvuyushchikh v Rossii aktsionernykh obshchestvakh i tovarishchestvakh na payakh* [The collection of data on the joint-stock companies and joint-stock companies operating in Russia]. St. Petersburg, 1914. [in Russian]
- Tsaritsyn, 2014** – *Tsaritsyn. Stalingrad. Volgograd. Vekhi istorii. Al'manakh.* [Tsaritsyn. Stalingrad. Volgograd. History milestones. Almanac]. Volgograd, 2014. 80 p. [in Russian]
- Ukazatel', 1905** – *Ukazatel' deistvuyushchikh v imperii aktsionernykh predpriyatii i torgovykh domov* [The index of the joint-stock enterprises and trading houses operating in the empire] / Under the editorship of Dmitriyev-Mamonov. St. Petersburg, 1905. Vol. 2. [in Russian]
- Ustav, 1912** – *Ustav Aktsionernogo obshchestva Vol'skogo portland-tsementnogo zavoda D.B. Zeiferta* [Charter of Joint-stock company Volsk Portland cement works of D.B. Zeyfert]. Saratov, 1912. [in Russian]
- Vedomost', 1915** – *Vedomost' № 6 / Statisticheskii obzor Saratovskoy gubernii. Prilozheniye k Vernopodd. Otchetu saratovskogo gubernatora za 1915 god.* [Statement № 6/ Statistical Review of the Saratov Gubernia. Appendix to loyal the report of the Saratov governor for 1915]. Saratov Provincial Statistical Committee. Saratov: The Provincial Printing House, 1915. [in Russian]
- Ves' Saratov, 1916** – *Ves' Saratov. Adresno-spravochnaya kniga na 1916 g.* Sost. A. Mayzul's [All Saratov. The address reference book for 1916]. Saratov, 1916. 132 p. [in Russian]

Поволжские немцы: известные и влиятельные персоны в Саратовском крае начала XX века

Ирина Николаевна Литвинова ^{а, *}, Оксана Александровна Карагодина ^а

^а Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен материал об известных персонах – немцах Поволжья, достигших крупных успехов в общественной и предпринимательской деятельности, ставших достоянием региональной и российской истории. Подобный материал о поволжских немцах собирался агентами издательской фирмы «И. Брендель и П. Зиннер и К^о» (Германия) в Саратовской губернии летом 1914 г. для будущего альманаха. В свое время из-за событий Первой мировой войны книга не вышла в России. Однако информация о влиятельных земских и городских общественных деятелях, представителях интеллигенции, купцах, почетных гражданах и крупных кустарях немецкой национальности, внесших весомый вклад в развитие экономики и социокультурной жизни Нижнего Поволжья, представляет интерес и сегодня. Авторы анализируют документальные сведения о персоналиях с позиции, близкой агентам немецкого издательского дома. В статье раскрываются основы частной предприимчивости бывших колонистов в Саратовском крае начала XX в. Своим трудолюбием и основательным подходом к хозяйственной деятельности российские немцы активно способствовали развитию мукомольной, мануфактурной, маслобойной, пивоваренной отраслей промышленности в крае. Выявлены также новационные виды практик для представителей делового мира поволжских немцев. Определены имена первых бывших колонистов, заслуживших признание государства в виде присвоения им потомственного почетного гражданства.

Ключевые слова: немцы Поволжья, известные персоны, дворяне, купцы, кустари, фирмы, предпринимательство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова),
karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1248-1257. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1248
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Musical and Educational Activity of E.G. Gorodetskaya in Irkutsk in the Context of Development of the National System of Musical Education (1901–1917)

Ivan A. Kolokolnikov ^{a, *}, Yuri A. Petrushin ^b

^a Irkutsk State University, Russian Federation

^b Irkutsk State University of railway engineering, Russian Federation

Abstract

In the period before the revolution of 1917 the system of musical education in Russia was still in the stage of formation. In this regard, a huge role in its formation was played by the activities of musicians–enthusiasts. Most of them worked in the organizations, subordinated to the Imperial Russian Musical Society (IRMO). At the same time, private music schools played very important role in the development of music education in the regions of Russia. Their role in the peripheral regions was especially great. A good example of true asceticism in the field of music education of this era is a multifaceted activity of E. G. Gorodetskaya in 1901-1917. Staying in Irkutsk province and having developed the musical classes of IRMO and later her own music school, she trained a considerable number of high quality musicians. Educational activity of E.G. Gorodetskaya made the invaluable contribution to the development of musical culture of Siberia.

Keywords: Eastern Siberia, Irkutsk, the Imperial Russian Musical Society, the private music school, E.G. Gorodetskaya.

1. Введение

История развития музыкального образования в дореволюционной России советскими исследователями нередко освещалась однобоко, поскольку преследовалась цель показать ее ущербность в отношении советской трехступенчатой системы. В качестве наглядного примера можно привести обширную работу Г.А. Трелина «Ленинский лозунг «Искусство – народу!» и становление советской музыкальной культуры», где, несомненно, проведен ценный анализ качественных изменений, произошедших в музыкально-образовательной системе страны в советское время, но вместе с тем представлены заниженные показатели по дореволюционному периоду. Так утверждается, что до революции на территории Сибири работало всего 1 музыкально-образовательное заведение (Трелин, 1971: 162), что не соответствует действительности. В этом можно убедиться, ознакомившись с фактическим материалом, приведенным во 2-й части 2-го тома фундаментального труда «Музыкальная культура Сибири» (Роменская, 1997: 383–431), подготовленного и изданного Новосибирской государственной консерваторией им. М.И. Глинки.

Отказ современной науки от идеологических установок советского периода позволяет иначе оценить степень эффективности музыкально-образовательной системы дореволюционной России. В первую очередь следует отметить, что государственный сегмент данной системы, представленный учреждениями Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), имел достаточно четкую структуру. К данным учреждениям относились несколько консерваторий центра страны, ряд музыкальных училищ и музыкальные классы ИРМО, возникшие во многих городах Российской империи. Деятельности названных организаций посвящено диссертационное исследование и ряд печатных работ Т.Ю. Зима. В статье «Императорское Русское Музыкальное общество в

* Corresponding author

E-mail addresses: ivan-ars_k@mail.ru (I.A. Kolokolnikov)

образовательном пространстве российских провинций (конец XIX – начало XX века)» представлен материал, показывающий исключительную важность их работы для развития музыкально-образовательной системы страны, в частности на удаленных от центра территориях (Зима, 2014: 94–99). Кроме того, нельзя умолчать о важной роли, которую сыграл частный сегмент данной системы. Он был представлен, в первую очередь, частными музыкальными школами, деятельность которых охарактеризована в статье «О специфике частных музыкальных учебных заведений дореволюционной России» К.А. Филимонова (Филимонов, 2017: 34–53). Квалификация и количество педагогов в данных учреждениях были различны. Но в ряде случаев в качестве создателей подобных структур выступали высокообразованные музыканты, получившие образование в столичных консерваториях. Это, несомненно, задавало высокую планку работы организованных ими школ.

Важно отметить, что музыкально-образовательные заведения ИРМО и частные музыкальные школы давали познания отнюдь не в объеме, в котором они даются в современных детских музыкальных школах. В отдельных случаях учащиеся получали познания, соответствующие тем, что даются на первых курсах консерватории. Несомненно, эта неоднородность образовательных программ имела немало отрицательных сторон, поскольку из-за нее в стране не было цельной системы подготовки квалифицированных музыкантов. Тем не менее, в тех случаях, когда планка работы названных учреждений была достаточно высокой, результаты были исключительными.

В описанных условиях исключительную важность имела деятельность энтузиастов музыкального просветительства. Немало подобных людей собралось в штатах музыкально-образовательных структур ИРМО. Многообразие их деятельности прослеживается в ежегодных отчетах различных отделений данного общества. С их участием музыкально-образовательные структуры не только плодотворно вели свою работу по основному профилю деятельности, но и организовывали ученические концерты. Причем это касалось не только консерваторий, но и некоторых музыкальных классов в регионах страны. Образцом может быть Иркутск, что наглядно показывают отчеты местного отделения ИРМО, выходявшие в 1903–1907 гг. и сохранившиеся в РНБ (Санкт-Петербург). Вместе с тем частные музыкально-образовательные структуры иногда обеспечивали данным энтузиастам еще более широкую сферу для применения способностей и воплощения смелых идей.

Ярким примером широчайшей подвижнической деятельности музыканта дореволюционной России является Е.Г. Городецкая, работавшая в Иркутске и сыгравшая неоценимую роль в развитии музыкальной культуры Сибири. Выпускница Санкт-Петербургской консерватории, она добилась важных результатов, работая как в государственных структурах, так и в собственной Частной музыкальной школе, открытой в Иркутске в 1905 г. и воспитавшей многих ярких музыкантов, некоторые из которых смогли добиться известности на уровне страны. При рассмотрении деятельности просветительницы особенную значимость имеет работа именно этой школы, где совладельцами и соруководителями Е.Г. Городецкой были еще два талантливых музыканта – музыковед и композитор Р.А. Иванов, а также скрипач М.Н. Синицын (Харкеевич, 1987: 251–253).

Педагогическая и организаторская активность Е.Г. Городецкой, несомненно, принадлежит к числу явлений особого масштаба. В городах, удаленных от центра Российской империи, к каковым относится Иркутск, деятельность подобных энтузиастов имела важнейшее значение, оказывая мощное воздействие на прогресс в культурной сфере.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы материалы, обнаруженные в государственных архивах Москвы и Иркутска. Следует отметить первостепенную значимость материалов иркутских архивов – Государственного архива Иркутской области и Государственного архива новейшей истории Иркутской области. В первом из них, в фонде Иркутского института благородных девиц имени Императора Николая I (Ф. 64), отложились личные дела Е.Г. Городецкой и нескольких ее ближайших сподвижников в деле музыкального просветительства. Во втором архиве, в фонде Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б), отложились материалы о музыкальном образовании дореволюционного Иркутска, собранные в 1930-е гг., среди которых особую значимость представляет автобиография Е.Г. Городецкой, отличающаяся крайней независимостью суждений. В Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) были найдены материалы о ряде людей, сотрудничавших с героиней статьи, что также некоторым образом дополняет представления о ее работе.

Наряду с этим анализировались материалы дореволюционной периодической печати как центральной, так и местной. Особую ценность среди печатных источников представляют отчеты Иркутского отделения ИРМО, издававшиеся в 1903–1907 гг. в виде небольших книжек и сохранившиеся в Российской национальной библиотеке (РНБ). В данных изданиях можно найти подробнейшую информацию о преподавательском составе Музыкальных классов ИРМО, существовавших в Иркутске, а также о концертах, которые проводились силами учеников и педагогов.

Кроме того, рассматривались труды авторов, ранее обращавшихся в своих работах к личности Е.Г. Городецкой и ее работе в дореволюционный период. Необходимо выделить работы И.Ю. Харкеевич (Харкеевич, 1987: 108, 112, 117–123, 157, 251–253), Л.А. Дьябелко (Дьябелко, 1989: 32,

33, 172), Л.Н. Шевчука и И.А. Боровского (Шевчук, Боровский, 1970: 59–60), Н.Е. Морозовой и Л.П. Робустовой (Морозова, Робустова, 2013: 70–77), а также 2-ю часть 2-го тома уже названного выше труда «Музыкальная культура Сибири» (Роменская, 1997: 400, 420–423).

При анализе материалов авторы статьи руководствовались принципами историзма и стремились провести системный анализ разноплановых источников. Кроме того, была поставлена задача подготовки исследования, отвечающего принципу объективности, т.е. выявляющего как положительные, так и отрицательные моменты, отличавшие развитие региональной музыкально-образовательной системы в изучаемый период.

3. Обсуждение

О необходимости детального изучения истории музыкальной культуры регионов нашей страны было заявлено еще в 1960-х годах. Тем не менее, до сих пор многие ее страницы изучены недостаточно, в связи с чем при проведении комплексного анализа данных, касающихся истории музыкальной жизни Российской империи или СССР в целом, возникают определенные неточности. Следует подчеркнуть, что современная историческая наука не ограничивается лишь проведением анализа развития той или иной сферы, а ставит своей целью выявление и развитие личностного вклада, внесенного в данное развитие тем или иным деятелем. Данный подход чрезвычайно важен при рассмотрении культурной сферы.

Имя Е.Г. Городецкой в разнообразной литературе упоминалось многократно. В большинстве случаев – при освещении биографии выдающейся отечественной певицы, Народной артистки РСФСР Н.А. Казанцевой (1911–2000), в юности жившей в Иркутске и учившейся у прославленного педагога уже в советский период (Яковенко, 2004: 14–15).

Что же касается непосредственного рассмотрения деятельности Е.Г. Городецкой, то одним из первых исследований, где был дан краткий материал о специфике ее работы в иркутских музыкально-образовательных структурах, явилась статья Л.Н. Шевчука и И.А. Боровского «Из истории музыкальной культуры Иркутска до Великой Октябрьской социалистической революции» (Шевчук, Боровский, 1970: 59–60). Следует заметить, что Л.Н. Шевчук, в период подготовки данной работы являвшийся ректором Новосибирской государственной консерватории, в юности некоторое время жил в Иркутске и учился в скрипичном классе Частной музыкальной школы свободных художников Е.Г. Городецкой, М.Н. Сеницына и Р.А. Иванова (Роменская, 1997: 423). Однако статья отличается фрагментарностью освещения работы иркутских музыкальных учреждений, а также большим количеством фактических ошибок и искажений имен. Тем не менее данные особенности не снижают важности этого исследования как одной из первых попыток освещения истории музыкальной культуры Восточной Сибири.

Первым исследователем, собравшим обширнейший материал о дореволюционном периоде деятельности Е.Г. Городецкой, стала И.Ю. Харкеевич. В своей монографии «Музыкальная культура Иркутска» и ряде статей она подробно осветила специфику развития иркутской музыкальной жизни с XVIII в. до 1930 г. (события 1930–1970-х гг. даны в монографии уже в виде краткой хроники). Данным автором была проанализирована работа Музыкальных классов Иркутского отделения ИРМО, Иркутской частной музыкальной школы и Иркутского института благородных девиц им. Императора Николая I, где протекала педагогическая деятельность Е.Г. Городецкой. В конце монографии И.Ю. Харкеевич поместила краткие справки о ведущих музыкальных деятелях города, в том числе о Е.Г. Городецкой (Харкеевич, 1987: 251–253). В дальнейшем эта справка в переработанном виде была включена ее автором в методическое издание «Выдающиеся музыкальные деятели города Иркутска» (Харкеевич, 1997, 21–23). Также невозможно не отметить важности материала, собранного Т.А. Роменской для вышеуказанного труда «Музыкальная культура Сибири» (Роменская, 1997: 400, 420–423). Кроме того, самостоятельный сбор материала по фортепианной культуре Восточной Сибири проводился Л.А. Дьябелко – автором диссертации «Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока», в которой также уделено большое внимание заслугам Е.Г. Городецкой (Дьябелко, 1989: 32, 33, 172).

Тем не менее следует отметить, что в работах всех вышеперечисленных исследователей предметом изучения являлось развитие музыкальной культуры и отдельных ее областей. Однако для проведения подробного анализа, показывающего, насколько успешно Е.Г. Городецкая смогла реализовать свои возможности в условиях функционирования музыкально-образовательной системы дореволюционной России, необходимо детально рассмотреть непосредственно ее творческую биографию на фоне событий, происходивших в сфере музыкального образования страны в данный период. Эту проблему попытались решить в своей статье Н.Е. Морозова и Л.П. Робустова (Морозова, Робустова, 2013: 70–77), которая ценна тем, что раскрывает некоторые детали творческой деятельности героини через призму аспектов фортепианной педагогики, но с точки зрения исторических сведений авторы фактически ограничились обобщением материала, приведенного в монографии И.Ю. Харкеевич.

Для детального рассмотрения биографии Е.Г. Городецкой в контексте развития музыкально-образовательной системы Российской империи, несомненно, требуется привлечение дополнительных данных: в первую очередь, архивных источников и материалов дореволюционной периодической

печати. Данная статья является попыткой решить названную задачу, дополнив ранее известные факты о жизни яркого музыканта-просветителя новыми сведениями.

4. Результаты

История развития музыкальной жизни городов дореволюционной России, в особенности удаленных от центра страны, показывает, что ее интенсивность во многом зависела от наличия либо отсутствия в городе энтузиастов музыкального просветительства. Достаточно ярко это проявилось в сибирских городах. Именно активность неустомимых подвижников распространения музыкальных знаний привела к тому, что уже в конце XIX – начале XX вв. в Томске, Иркутске и некоторых других сибирских городах появились музыкально-образовательные учреждения. Однако среди музыкальных деятелей тогдашней Сибири сложно найти столь активного подвижника музыкального просветительства, как Е.Г. Городецкая. В развитии культурной сферы в Восточной Сибири ей принадлежит исключительная роль.

Е.Г. Городецкая появилась на свет 8 декабря 1865 г. (по новому стилю – 20 декабря). Как позволили установить документы дореволюционного периода, она была дочерью коллежского асессора (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 130б.), хотя в советское время писала, что отец был бухгалтером (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 23). Рано потеряв родителей, девушка с 16 лет вынуждена была зарабатывать себе на жизнь собственными силами (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 23). В 1884 г. она окончила Витебскую женскую гимназию. В этот период во многих гимназиях ученицы углубленно занимались музыкой. Успешный результат мог дать право в дальнейшем обеспечивать себя путем ведения частных занятий. Гимназию Е.Г. Городецкая окончила со свидетельством на звание домашней учительницы музыки (Харкеевич, 1987: 251).

Несмотря на то, что число людей с высшим музыкальным образованием в Российской империи в эти годы еще было невелико, бесспорные способности позволили девушке поступить в Санкт-Петербургскую консерваторию и успешно завершить обучение. В дальнейшем ученики Е.Г. Городецкой в качестве ее педагога по специальности называли двух видных пианистов того времени – К.К. Фан-Арка и Ф.Ф. Штейна. Вероятно, она некоторое время обучалась у кого-либо из них, но при этом документально подтвержденным фактом является то, что Е.Г. Городецкая окончила консерваторию в 1890 г. по педагогическому классу А.В. Рейхардта (Харкеевич, 1987: 252). Ею был получен диплом с присвоением звания «свободного художника» за №525 (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 130б.). Достоинно замечания и то, о чем героиня нашей статьи всегда с гордостью рассказывала ученикам: одним из ее консерваторских педагогов был выдающийся русский композитор А.Г. Рубинштейн, в то время занимавший в консерватории пост директора (Яковенко, 2004: 14).

По данным служебных документов Е.Г. Городецкой, окончив консерваторию, она была «предложением Г[осподина] Могилевского губернатора, Попечителя Могилевской женской гимназии от 14 декабря 1890 года за №7012 назначена учительницею музыки при пансионе Могилевской женской гимназии». По всей вероятности, работа протекала довольно успешно. Молодой педагог был отмечен медалью в память царствования Императора Александра III и знаком в ознаменование отмечавшегося в 1897 г. юбилея Ведомства Императрицы Марии (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 130б.), которому подчинялись женские учебные заведения (памятным знаком данного ведомства Е.Г. Городецкая награждалась и в иркутский период своей работы). Необходимо отметить, что одной из ее учениц в Могилевской гимназии была М.С. Неменова-Лунц, в дальнейшем окончившая Московскую консерваторию и ставшая одной из известнейших отечественных пианисток (Неменова-Лунц, 1965: 5–6). Очень важно, что, став авторитетным музыкантом, профессором Московской консерватории, о своей первой наставнице она сохранила исключительно высокое мнение (Харкеевич, 1987: 252).

Переломным моментом в жизни Е.Г. Городецкой следует считать 1901 г., когда она переехала в Иркутск. Причины, несомненно, могли быть различными. Но авторам данной статьи представляется, что основной являлась перспектива карьерного роста. Талантливому педагогу не могло не быть тесно в рамках работы в женской гимназии, тогда как в Иркутске была возможность поступить на службу в Институт благородных девиц, что, несомненно, было престижнее. Кроме того, решение о переезде в Сибирь могло быть обусловлено причинами материального характера: известно, что в 1900 г. Е.Г. Городецкой урезали годовую заработную плату на 50 рублей – она стала получать 900 руб./год вместо прежних 950 (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 130б.). Так или иначе, получив на дорогу 291 руб. 90 коп., летом 1901 г. она выехала в Иркутск (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 8).

Также следует отметить, что Иркутск в этот период пользовался репутацией культурного города. Показательно мнение видного сибирского ученого Г.Н. Потанина, который в аналитическом очерке «Города Сибири» (1908 г.), характеризуя их состояние в начале XX века, отмечал: «... Ни один сибирский город не имел такой оперы, как Иркутск, что сделало Иркутск самым музыкальным городом в Сибири в смысле разборчивости вкуса» (Потанин, 1908: 243). Поскольку подобных культурных очагов в стране было еще немного, в 1900–1910-х гг. на работу в город, несмотря на огромное расстояние, регулярно приезжали музыканты из центра страны. Несомненно, в этом играла большую роль железная дорога, пришедшая в Иркутск в 1898 г. (Романов, 1993: 385). Правда, следует признать, что срок работы большинства приезжих специалистов был незначителен, и лишь немногие, подобно героине статьи, оставались в Сибири.

В Иркутском институте благородных девиц имени Императора Николая I преподавание музыкальных дисциплин всегда находилось на высоком уровне. Еще в XIX веке ученицы института выказывали немалые успехи в фортепианной игре, что наглядно показано в воспоминаниях их музыкальной наставницы В.П. Быковой, работавшей в институте в 1858–1878 гг. (Быкова, 1899: 316–317, 320–322, 327, 352–353).

Тем не менее, на рубеже веков институт испытывал нехватку педагогических кадров: по словам начальницы данного учебного учреждения Е.К. Кисель-Загорянской, в 1-й половине 1901 г. на 117 воспитанниц, занимающихся музыкой, приходилось лишь 6 штатных педагогов. Именно это побудило пригласить в институт Е.Г. Городецкую. Свою работу она начала в должности «преподавательницы музыки», а с 1904 г. стала уже «старшей преподавательницей музыки» (Харкеевич, 1987: 252). В данной должности героиня статьи проработала вплоть до ликвидации института в 1920 г. (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 48) с незначительным перерывом на несколько месяцев в 1916 г. (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 384. Л. 21, 38). Благодаря ей в институте стали проводиться не только фортепианные занятия, но и занятия по камерному ансамблю. Также она принимала живейшее участие в организации ученических концертов (в т.ч. в пользу необеспеченных учениц) и подготовке силами воспитанниц литературно-музыкальных вечеров и спектаклей (Роменская, 1997: 463).

Пока что не обнаружено сведений, кто именно из учащихся занимался с Е.Г. Городецкой в институте. Однако в числе ее учеников в Частной музыкальной школе (ГАИО. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 33. Л. 2), а затем в Музыкальном университете, действовавшем в 1920–1922 гг. (ГАИО. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 33. Л. 3), была И.Х. Петелина, ставшая затем одной из лучших пианисток города. При этом в архивных документах также отражено, что ранее она окончила Девичий институт (ГТРК «Иркутск». Ф. Иркутского радиокомитета. Л/д № 510. Л. 5, 7), в связи с чем резонно предположить, что занятия с Е.Г. Городецкой начались именно там.

Необходимо отметить, что в год приезда Е.Г. Городецкой в Иркутск в музыкальной культуре города произошло событие исключительной значимости: 4 февраля 1901 г. Главной дирекцией Императорского русского музыкального общества было принято решение об открытии Иркутского отделения данного общества. В качестве главной цели работы отделения было провозглашено открытие Музыкальных классов (Местная хроника // ИГВ. 1902. 13 марта. С. 2). Процесс комплектования преподавательского штата был осуществлен в конце лета. Одним из первых 6 музыкантов, влившихся в его состав, явилась Е.Г. Городецкая, ставшая педагогом фортепианного класса (От дирекции Иркутского отделения Императорского Русского музыкального общества // ИГВ. 1902. 29 августа. С. 1).

Следует отметить, что наряду с ней в числе первых педагогов Музыкальных классов Иркутского отделения ИРМО оказались сильнейшие специалисты. Педагогом по классу виолончели был назначен И.А. Сац, в дальнейшем получивший всероссийскую известность как автор театральной музыки. Правда, в иркутский период своей творческой деятельности музыкант работал под псевдонимом Аннин (Попов, 1989: 73, 74; ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 11). Педагогом по теоретическим дисциплинам и по классу фортепиано стал Р.А. Иванов – выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу композиции Н.А. Римского-Корсакова (Харкеевич, 1987: 254). Скрипичной игре стал обучать М.Н. Сеницын – выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу П.А. Краснокутского (Харкеевич, 1987: 255). Все перечисленные педагоги Музыкальных классов сочетали педагогическую деятельность с исполнительской.

Руководство Иркутским отделением ИРМО осуществлялось Дирекцией под председательством супруги иркутского генерал-губернатора, большой любительницы музыки А.В. Пантелеевой. Подобный факт обеспечивал классам значительную поддержку со стороны местных государственных органов, что, однако, не в полной мере решало финансовые проблемы. В связи с этим концерты были для ИРМО важным средством пополнения бюджета. Активной участницей этих программ была Е.Г. Городецкая.

Исключительно важным событием стало то, что в 1903 г. директором Музыкальных классов стал выпускник Санкт-Петербургской консерватории С.Г. Румшійский, заявивший о себе и как о дирижере. Его активность позволила собрать на базе ИРМО оркестр численностью 40 человек, объединивший профессионалов и любителей. Силами этого коллектива было проведено 2 концерта (Харкеевич, 1987: 112). Но их организация была связана с колоссальными издержками: первый из данных концертов дал дефицит в 76 руб. 2 коп., второй – в 472 руб. 29 коп. (Отчет Иркутского отделения ИРМО, 1904: 2). Этот факт можно объяснить тем, что проведение симфонических концертов в сибирских городах, включая даже музыкально развитый Иркутск, еще не было налажено и в должной мере не привлекало публики, тогда как требовало немалых издержек. И все же важно подчеркнуть, что программа концертов была представительной. Среди солистов, выступивших с оркестром, была и Е.Г. Городецкая. В рамках 2-й концертной программы она исполнила 2-ю и 3-ю части 2-го фортепианного концерта Ф. Шопена (Харкеевич, 1987: 112). Этот факт имеет исключительную важность, поскольку для Сибири в тот период исполнение симфонических сочинений крупных форм, в т.ч. фортепианных концертов, было еще достаточно редким явлением.

Также трудно переоценить тот факт, что педагоги Музыкальных классов готовили масштабные концерты силами учеников, причем они являлись бесплатными. Например, в сезоне 1903/04 состоялось 3 таких концерта (Отчет Иркутского отделения ИРМО, 1904: 2). Традиция проведения

больших ученических концертов пошла из Санкт-Петербургской консерватории, где подобные мероприятия еще с XIX века были неотъемлемой частью работы и важным средством стимулирования творческой активности учащихся. Поэтому Е.Г. Городецкая, Р.А. Иванов, М.Н. Сеницын и С.Г. Румшиский как выпускники данной консерватории, несомненно, являлись активными продолжателями традиции. Тем более что М.С. Неменова-Лунц вспоминала, как еще в период работы в Могилеве Е.Г. Городецкая даже в женской гимназии сумела наладить регулярное (2 раза в год) проведение ученических концертов (Харкеевич, 1987: 252).

К сожалению, в конце 1904 г. у ряда ведущих сотрудников Музыкальных классов Иркутского отделения ИРМО обострились отношения с директором классов – С.Г. Румшиским. В результате этого Е.Г. Городецкая, М.Н. Сеницын и Р.А. Иванов с начала нового календарного года уволились из данного учебного заведения и решили открыть собственную музыкальную школу (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24). Причины их разрыва с недавним союзником сегодня установить сложно. Вероятно, они носят личный характер, поскольку, например, известен следующий факт: С.Г. Румшиский изъявил осенью 1903 г. желание параллельно с руководством классов работать в Институте благородных девиц, где уже не первый год преподавали все трое вышеупомянутых музыкантов, но в отличие от них получил из Санкт-Петербурга отказ в данной просьбе (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 491. Л. 1). Возможно, неблагоприятная ситуация в классах возникла и в связи с отъездом в столицу А.В. Пантелеевой, способной разрешить спорные вопросы.

В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области сохранился уникальный машинописный очерк об истории музыкального образования в Иркутске, написанный в 1936 г. неизвестным автором. Между тем не возникает сомнения, что в очерке были использованы сведения, предоставленные непосредственно Е.Г. Городецкой, автобиография которой подшита в том же архивном деле, что и очерк. Материал последнего документа важен для воскрешения полноценной картины событий, связанных с открытием Частной музыкальной школы Е.Г. Городецкой, М.Н. Сеницына и Р.А. Иванова. Приведем фрагмент очерка: «Открытие новой школы грозило подорвать материальное благосостояние классов ИРМО, а потому дирекция этих классов прилагала все усилия, вплоть до политических доносов, к тому, чтобы открытие школы разрешено не было. Однако вследствие службы Е. Городецкой, Р. Иванова и М. Сеницына в институте Императора Николая I и личного знакомства их с А.В. Пантелеевой, проживавшей тогда в Петрограде (это ошибка, т.к. в 1905 г. столица еще именовалась Санкт-Петербургом – И. К. и Ю. П.) и принявшей деятельное участие в положительном разрешении вопроса об открытии школы, происки дирекции успехом не увенчались» (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 11).

Частная музыкальная школа свободных художников Е.Г. Городецкой, М.Н. Сеницына и Р.А. Иванова (ЧМШ), создание которой было утверждено Министерством внутренних дел, начала свою работу с 1 сентября 1905 г., причем в ее состав перешло еще несколько бывших педагогов Музыкальных классов Иркутского отделения ИРМО (Музыкальная школа Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова, М.Н. Сеницына // ИГВ. 1905. 14 августа. С. 1). Кроме того, как отмечал впоследствии Р.А. Иванов, в новое учебное заведение перешла и часть учащихся классов (Иванов, 1914: 792–794). Достаточно долго ЧМШ и Музыкальные классы ИРМО конкурировали между собой, поскольку каждое учебное заведение имело представительный педагогический штат и немалое количество одаренных учеников. Данная конкуренция продолжалась до того момента, когда в 1914 г. Иркутское отделение ИРМО полностью прекратило свое существование. Несомненно, причиной стало неблагополучие в работе Музыкальных классов, а именно они были «визитной карточкой» и основным источником доходов отделения. И.Ю. Харкеевич называет в качестве главных причин закрытия Классов материальную нестабильность и болезнь председателя дирекции Иркутского отделения ИРМО П.П. Никольского (Харкеевич, 1987: 116–117), который мечтал превратить Классы в музыкальное училище, как в 1912 г. произошло в Томске (Роменская, 1997: 399). Но он не воплотил своего проекта из-за тяжелого состояния здоровья (Иванов, 1914: 792–794). Если последний пункт не требует каких-либо разъяснений, то финансовое неблагополучие Классов в значительной степени было вызвано конкуренцией с ЧМШ. Сама Е.Г. Городецкая пишет о школе в автобиографии: «... Вследствие ее успешной деятельности классы ИРМО должны были прекратить свою работу за отсутствием средств, учащихся и не будучи в состоянии конкурировать со школой Городецкой, Сеницына и Иванова» (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24).

Анализируя особенности работы ЧМШ, в первую очередь следует отметить исключительный демократизм данного учреждения. Проявлялся он в двух ключевых принципах работы. Во-первых, все преподаватели включались в состав художественного совета школы с целью равнозначного учета их мнений. Во-вторых, владельцы школы в лице Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова и М.Н. Сеницына преследовали благородную цель привлечь к обучению музыке как можно большее количество молодых дарований. Если полный курс обучения в Музыкальных классах ИРМО стоил 150 руб. в год, частичный – 120 руб., а льготный курс для учащихся игре на духовых инструментах – 90 руб., то в ЧМШ была установлена фиксированная плата в размере 100 руб. в год (Харкеевич, 1987: 118). При этом одаренные ученики, не имевшие средств для оплаты, обучались в школе совершенно бесплатно (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24). В отличие от Музыкальных классов, данное учебное заведение совершенно не имело финансовых проблем в связи с большим наплывом желающих получить музыкальное образование.

Е.Г. Городецкая, будучи одновременно одним из владельцев, руководителей и педагогов ЧМШ, проявила себя как человек, в первую очередь стремящийся к воплощению просветительской задачи. Не случайно в автобиографии она усиленно подчеркивала, что ее школа никогда не преследовала «цель наживы», а стремилась «передать музыкальные сведения самым широким слоям общества» (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24).

Анализ данных о ЧМШ, ежегодно публиковавшихся в «Памятных книжках Иркутской губернии», позволяет сделать вывод о том, что с первых дней существования школа имела представительный штат педагогов и особую роль в ней играли выпускники Санкт-Петербургской консерватории. Кроме трех руководителей школы, к их числу принадлежали виолончелист А.Ф. Вербов, известный успешными выступлениями в России и за рубежом; пианистка Т.Н. Афанасьева (Харкеевич, 1987: 247, 260) и еще несколько преподавателей. Выпускницей филиала этой же консерватории была В.П. Томиловская – педагог вокального класса (ГТРК «Иркутск». Ф. Иркутского радиокомитета. Л/д № 289. Л. 3). Наряду с ними в школе объединилось еще немало ярких представителей местного музыкального сообщества. Так, с момента открытия школы в ней работали педагог вокального класса Б.И. Вульпе (выпускница Дрезденской консерватории), известный в городе педагог фортепианной игры М.Г. Вильмонт, капельмейстер С.М. Гершкович (Музыкальная школа Е.Г. Городецкой, Р.А. Иванова, М.Н. Сеницына // ИГВ. 1905. 14 августа. С. 1). Наличие у ЧМШ представительного педагогического штата обусловило разнообразие и высокое качество преподавания специальных дисциплин. Подробные сведения о данных предметах приводятся в монографии И.Ю. Харкеевич (Харкеевич, 1987: 118–121).

Важнейшим показателем результативности работы ЧМШ является тот факт, что ее выпускники, желавшие продолжить образование в консерваториях страны, в ряде случаев принимались уже не на первый, а на последующие курсы. Этот факт отмечался в хронике центрального журнала «Музыкальный современник» (Его, 1916: 42). Изученные материалы позволяют сделать вывод, что одним из самых успешных отделений в школе было фортепианное. Несомненно, в этом определяющую роль играли усилия Е.Г. Городецкой. Кстати, помимо руководства фортепианным классом после преждевременной смерти Р.А. Иванова, до 1917 г. она вела и теоретические дисциплины (Харкеевич, 1997: 22).

Из числа ее учеников по данному учебному заведению нельзя не выделить П.М. Берлинского. Он учился в ЧМШ параллельно по двум специальностям – в фортепианном классе Е.Г. Городецкой и скрипичном классе М.Н. Сеницына. В дальнейшем, уже в советский период, одаренный юноша окончил фортепианное и композиторское отделения Ленинградской консерватории. Проживая в Иркутске, Улан-Удэ и, наконец, Москве, он приобрел немалую известность как композитор (Бернандт, Должанский, 1957: 75–76). Однако известно, что в иркутских концертах конца 1920-х гг. он выступал и как пианист. Так, например, в концерте от 29 апреля 1929 г. исполнял сочинения Ф. Шуберта, Ф. Листа, А. Казеллы и музыку собственного сочинения (Кузбассовец, 1929: 4).

Наряду с упомянутой выше И.Х. Петелиной, из числа иркутских пианистов, воспитанных в ЧМШ, необходимо выделить еще одну ученицу Е.Г. Городецкой по данному учебному заведению – Е.К. Ларионову. Окончив школу, она в 1908–1920 гг. и сама преподавала здесь (Харкеевич, 1987: 120). Параллельно с 1915 г. была педагогом Института благородных девиц. Важно подчеркнуть, что Е.Г. Городецкая принимала живое участие в судьбе своих учеников. Так, в 1916 г. она хлопотала о том, чтобы Е.К. Ларионова, первоначально служившая в институте по «вольному найму», была переведена в число штатных педагогов «ввиду успешных занятий и добросовестного отношения к делу» (ГАИО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 439. Л. 1, 3).

Важно также отметить, что ЧМШ, как и Музыкальные классы ИРМО, взяла на себя миссию проведения концертов силами преподавателей и учеников. В автобиографии героиня данной статьи подчеркивает, что главной их целью была пропаганда сочинений русских и иностранных классиков «среди широкого населения города» (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24). Необходимо отметить, что в данных концертах, обыкновенно проводившихся 6 раз в год (Харкеевич, 1987: 122), Е.Г. Городецкая участвовала в трех ипостасях: организатора; педагога, готовящего своих учеников; исполнителя.

В вышеупомянутом очерке 1936 г. об истории музыкального образования в Иркутске приведена достаточно интересная статистика количества учащихся ЧМШ в течение всего периода ее существования: 1905/06 – 90 человек, 1906/07 – 61, 1907/08 – 73, 1908/09 – 97, 1909/10 – 95, 1910/11 – 112, 1911/12 – 127, 1912/13 – 127, 1913/14 – 138, 1914/15 – 182, 1915/16 – 185, 1916/17 – 216, 1917/18 – 276, 1918/19 – 379, 1919/20 – 576 (ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 12). Эти данные дают возможность сделать вывод, что в целом дела школы шли успешно, причем даже в самые последние годы. Данный факт особенно важен в связи с тем, что в 1915 г. скончался Р.А. Иванов (Сеницын, 1915: 3), а в 1916 г. отбыл в Вятку М.Н. Сеницын, организовавший там Музыкальные классы Вятского отделения ИРМО (Касанов, 2013: 195). В связи с этим в 1916–1920 гг. Е.Г. Городецкая была единственным руководителем школы, успешно справляясь с этой нелегкой работой, несмотря на то, что с 1917 г. по известным причинам ЧМШ была вынуждена работать в крайне сложных условиях. По воспоминаниям Е.Г. Городецкой, коллективу школы приходилось усиленно бороться со «многими безответственными посягательствами на расхищение ее имущества». Тем не менее ЧМШ удалось сохранить в неприкосновенности инструменты, нотную библиотеку и весь служебный инвентарь

(ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 389. Л. 24). Но в 1920 г. школа, как частное учебное заведение была закрыта, а имущество перешло уже к новому советскому учреждению – Иркутскому государственному музыкальному университету, действовавшему в течение 2 лет (Харкеевич, 1987: 170).

К изложенному выше материалу необходимо добавить, что Е.Г. Городецкая выступала не только в концертах, организуемых учебными заведениями, в которых она работала. Наряду с ними важно отметить вечера по истории музыки, с 1908 г. организовывавшиеся обществом «Иркутские общедоступные курсы». В них Е.Г. Городецкая исполнила немало произведений различных стилей и форм. Современники по-разному отзывались о ее исполнительских пробах. Однако в деле знакомства широких слоев публики с разнообразными, в первую очередь, классическими, произведениями, этот вид деятельности Е.Г. Городецкой также играл немаловажную роль.

Уже к моменту приезда Е.Г. Городецкой в Иркутск город, бесспорно, являлся культурным центром Восточной Сибири. Тем не менее деятельность этой уникальной просветительницы в качестве педагога, исполнителя, организатора и руководителя Частной музыкальной школы, инициатора и участника концертов вызвала заметный прогресс в сфере городской музыкальной культуры. В дальнейшем ей пришлось преодолеть немало трудностей, связанных с приходом к власти большевиков, последующей национализацией учебных заведений и достаточно сложными отношениями с местными органами власти, однако ее задумки нашли отражение в формировании государственной системы музыкального образования в советском Иркутске.

5. Заключение

На основании вышеприведенного материала можно видеть, что энтузиасты, подобные Е.Г. Городецкой, представляют исключительное явление в истории культуры дореволюционной России. Важнейшая их заслуга в том, что, получив блестящее образование в столичных учебных заведениях, они плодотворно прививали свои навыки на периферии, оказывая тем самым позитивное влияние на культурную жизнь регионов.

Пример Е.Г. Городецкой показывает, что музыкант-подвижник в дореволюционной России мог успешно реализовать свой потенциал как в государственных, так и частных музыкально-образовательных структурах. Кроме того, деятельность этой неутомимой энтузиастки и ее сподвижников дает возможность по-новому взглянуть на специфику работы частных учебных заведений дореволюционного периода. На основании вышеприведенных фактов можно видеть, что частные учебные заведения были выгодной площадкой для проведения творческих экспериментов, и при умелом управлении результаты могли быть исключительными. Именно это наблюдается в случае с Частной музыкальной школой, открытой в Иркутске Е.Г. Городецкой, Р.А. Ивановым и М.Н. Синицыным. Тот факт, что ученики данного учебного заведения могли блестяще выдерживать испытания в ходе приема в столичные консерватории, является важнейшим показателем качества подготовки музыкальных кадров в ЧМШ. Следует также подчеркнуть немалый демократизм многих культурных деятелей дореволюционной России (в т.ч. Е.Г. Городецкой), позволявший добиваться значимых результатов в деле распространения их благотворного влияния на достаточно широкие массы.

Все это оказало заметное воздействие не только на музыкальную культуру Иркутска, но и Сибири в целом. Если же учесть, что подобные энтузиасты жили и в некоторых других регионах страны, то можно сделать вывод, что именно их вклад в дело распространения музыкальных знаний являлся важнейшим движущим рычагом развития музыкально-образовательной сферы страны в период, предшествующий появлению советской трехступенчатой системы специального образования.

Литература

- Бернандт, Должанский, 1957 – Бернандт Г.Б., Должанский А.Н. Советские композиторы: краткий биограф. справочник. М.: Советский композитор, 1957. 695 с.
- Быкова, 1899 – Быкова В.П. Записки старой смолянки: в 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Типогр. Е. Евдокимова, 1899. 396 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
- ГТРК «Иркутск» – Государственная телерадиокомпания «Иркутск». Текущий архив.
- Дьябелко, 1989 – Дьябелко Л.А. Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Ленинградская гос. консерватория. Л., 1989. 233 с.
- Зима, 2014 – Зима Т.Ю. Императорское Русское Музыкальное общество в образовательном пространстве российских провинций (конец XIX – начало XX века) // *Образование и общество*. 2014. № 2 (85). С. 94–99.
- Иванов, 1914 – Иванов Р.А. Иркутск // *Русская музыкальная газета*. 1914. № 44. Столбцы 792–794.
- ИГВ – Иркутские губернские ведомости: газета.
- Касанов, 2013 – Касанов А.С. Музыкальные общественные организации в Вятско-Камском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // Вторые Шаляпские чтения: Материалы Всероссийской конференции (Киров, 14–15 марта 2013 г.). Киров: Герценка, 2013. С. 185–198.
- Кузбассовец, 1929 – Кузбассовец. Музыкальный праздник // *Власть труда*. 1929. 1 мая. С. 4.

- [Морозова, Робустова, 2013](#) – *Морозова Н.Е., Робустова Л.П.* Музыкально-педагогическая и просветительская деятельность Евгении Григорьевны Городецкой в Иркутске // Педагогика искусства: Межвузовский сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых и международным участием. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. И. Г. Петровского, 2013. С. 70–77.
- [Неменова-Лунц, 1965](#) – *Неменова-Лунц М.С.* Памятные встречи // *Музыкальная жизнь*. 1965. № 10. С. 5–6.
- [Новоселова, 1989](#) – *Новоселова О.П.* Музыкальная жизнь Восточной Сибири второй половины XIX века: диссертация ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 1989. 291 с.
- [Попов, 1989](#) – *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. 384 с.
- [Потанин, 1908](#) – *Потанин Г.Н.* Города Сибири // *Сибирь, ее современное состояние и нужды*. СПб.: Издание А.Ф. Девреина, 1908. С. 234–259.
- [Романов, 1993](#) – *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Под ред. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. 544 с.
- [Роменская, 1997](#) – Музыкальная культура Сибири: в 3-х томах. Том 2, книга 2 / Т.А. Роменская. Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория им. М.И. Глинки, 1997. 509 с.
- [Синицын, 1915](#) – *Синицын М.Н.* Памяти товарища // *Сибирь*. 1915. 25 янв. С. 3.
- [Трелин, 1971](#) – *Трелин Г.А.* Ленинский лозунг «Искусство – народу!» и становление советской музыкальной культуры. М.: Музыка, 1970. 188 с.
- [Филимонов, 2017](#) – *Филимонов К.А.* О специфике частных музыкальных учебных заведений дореволюционной России. Научный вестник Московской консерватории. 2017. № 1. С. 34–53.
- [Харкеевич, 1987](#) – *Харкеевич И.Ю.* Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1987. 280 с.
- [Харкеевич, 1997](#) – *Харкеевич И.Ю.* Выдающиеся музыкальные деятели Иркутска. Иркутск: Изд-во ИГПУ, 1997. 58 с.
- [Шевчук, Боровский, 1970](#) – *Шевчук Л.Н., Боровский И.А.* Из истории музыкальной культуры Иркутска до Великой Октябрьской социалистической революции // Научно-методические записки Новосибирской гос. консерватории. Новосибирск: Изд-во Новосибирской гос. консерватории, 1970. Вып. 5. С. 50–60.
- [Яковенко, 2004](#) – *Яковенко С.Б.* Надежда Казанцева в искусстве и жизни. М.: Изд-во Фонда Ирины Архиповой, 2004. 174 с.

References

- [Bernandt, Dolzhanskij, 1957](#) – *Bernandt G.B., Dolzhanskij A.N.* (1957). Sovetskie kompozitory: kratkij biogr. Spravochnik [Soviet composers: short biographic encyclopedia]. Moscow: «Sovetskij kompozitor». 695 p. [in Russian]
- [Bykova, 1899](#) – *Bykova V.P.* (1899). Zapiski staroj smolyanki: v 2-h ch. [Notes of the old schoolgirl of Smolny Institute: in 2 parts]. Part 2. St. Petersburg: Printing house of E. Evdokimov. 396 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of the Irkutsk region].
- [GANIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti [State archive of the contemporary history of the Irkutsk region].
- [GTRK «Irkutsk»](#) – Gosudarstvennaya teleradiokompaniya «Irkutsk». Tekushchij arhiv [State TV and radio company «Irkutsk». Current archive].
- [D'yabelko, 1989](#) – *D'yabelko L.A.* (1989). Fortepiannaya kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka: dissertaciya ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02 [Piano culture of Siberia and the Far East: the dissertation for the degree of the candidate of art criticism: 17.00.02]. Leningrad conservatory. Leningrad. 233 p. [in Russian]
- [Zima, 2014](#) – *Zima T.Yu.* (2014). Imperatorskoe Russkoe Muzykal'noe obshchestvo v obrazovatel'nom prostranstve rossijskih provincij (kon. XIX – nach. XX vv.) [Imperial Russian Musical society in the educational space of the Russian provinces (the end of XIX – the beginning of the XX century)] // *Obrazovanie i obshchestvo*. 2014. № 2 (85). pp. 94–99. [in Russian]
- [Ivanov, 1914](#) – *Ivanov R.A.* (1914). Irkutsk [Irkutsk]. *Russkaya muzykal'naya gazeta*. №44. Columns 792–794. [in Russian]
- [IGV](#) – Irkutskie gubernskie vedomosti: gazeta [Irkutsk provincial sheets: newspaper].
- [Kasanov, 2013](#) – *Kasanov A.S.* (2013). Muzykal'nye obshchestvennye organizacii v Vyatsko-Kamskom regione vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Musical public organizations in the region of Vyatka and Kama in the second half of XIX – the beginning of the 20th centuries.]. Second Shalyapisky readings: materials of the All-Russian conference (Kirov, 14.03 – 15.03.2013). Kirov: «Gercenka». pp. 185–198 [in Russian]
- [Kuzbassovec, 1929](#) – *Kuzbassovec* (1929). Muzykal'nyj prazdnik [Musical celebration]. *Vlast' truda*. May, 1. P. 4 [in Russian]
- [Morozova, Robustova, 2013](#) – *Morozova N.E., Robustova L.P.* (2013). Muzykal'no-pedagogicheskaya i prosvetitel'skaya deyatelnost' Evgenii Grigor'evny Gorodeckoj v Irkutске [Activity by E. G. Gorodetskaya in Irkutsk in respect of the musical pedagogics and enlightenment]. Art pedagogics: Collection of scientific articles by students, postgraduate students and young scientists with international participation. Bryansk: Publishing house of the Bryansk State University of I. G. Petrovsky. pp. 70–77. [in Russian]

- [Nemenova-Lunc, 1965](#) – *Nemenova-Lunc M.S.* (1965). Pamyatnye vstrechi [Memorable meetings]. *Muzykal'naya zhizn'*. №10. pp. 5-6. [in Russian]
- [Novoselova, 1989](#) – *Novoselova O.P.* (1989). Muzykal'naya zhizn' Vostochnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX veka: diss. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02 [Musical life of Eastern Siberia in the second half of the 19th century: the thesis for the degree of the candidate of art criticism: 17.00.02]. Novosibirsk. 291 p. [in Russian]
- [Popov, 1989](#) – *Popov I.I.* (1989). Zabytye irkutskie stranicy: zapiski redaktora [The forgotten Irkutsk pages: editor's notes]. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 384 p. [in Russian]
- [Potanin, 1908](#) – *Potanin G.N.* (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. Siberia, its current state and needs. St. Petersburg: A.F. Devrein's publishing house. pp. 234-259. [in Russian]
- [Romanov, 1993](#) – *Romanov N.S.* (1993). Letopis' goroda Irkutsk za 1881-1901 gg. [The chronicle of Irkutsk for 1881-1901]. Under edition of N.V. Kulikauskene. Irkutsk: East Siberian book publishing house. 544 p. [in Russian]
- [Romenskaya, 1997](#) – *Muzykal'naya kul'tura Sibiri* [Musical culture of Siberia]. In 3 parts. Part 2, book 2. T.A. Romenskaya. Novosibirsk: Novosibirsk state conservatory of M.I. Glinka. 1997. 509 p. [in Russian]
- [Sinicyn, 1915](#) – *Sinicyn M.N.* (1915). Pamyati tovarishcha [In memory of the friend]. *Sibir'*. 1915. January, 25. P. 3 [in Russian]
- [Trelin, 1971](#) – *Trelin G.A.* (1970). Leninskij lozung «Iskusstvo – narodu!» i stanovlenie sovetskoj muzykal'noj kul'tury [Lenin slogan "Art – to the People" and formation of the Soviet musical culture]. M.: «Muzyka». 188 p. [in Russian]
- [Filimonov, 2017](#) – *Filimonov K.A.* (2017). O specifikhe chastnyh muzykal'nyh uchebnyh zavedenij dorevolucionnoj Rossii [About specifics of private music schools in Russia before revolution of 1917]. Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii . 2017. № 1. pp. 34-53 [in Russian]
- [Harkeevich, 1987](#) – *Harkeevich I.Yu.* (1987). Muzykal'naya kul'tura Irkutsk [Musical culture of Irkutsk]. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk state university. 280 p. [in Russian]
- [Harkeevich, 1997](#) – *Harkeevich I.Yu.* (1997). Vydayushchiesya muzykal'nye deyateli Irkutsk [Outstanding musical figures of Irkutsk]. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk state pedagogical university. 58 p. [in Russian]
- [Shevchuk, Borovskij, 1970](#) – *Shevchuk L.N., Borovskij I.A.* (1970). Iz istorii muzykal'noj kul'tury Irkutsk do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii [From history of musical culture of Irkutsk before the Great October socialist revolution]. Nauchno-metodicheskie zapiski Novosibirskoj gosudarstvennoj konservatorii. Release 5. pp. 50-60. [in Russian]
- [Yakovenko, 2004](#) – *Yakovenko S.B.* (2004). Nadezhda Kazanceva v iskusstve i zhizni [Nadezhda Kazanceva in art and life]. Moscow: Publishing house of the found by Irina Arhipova. 174 p. [in Russian]

Музыкально-просветительская деятельность Е.Г. Городецкой в Иркутске в контексте развития отечественной системы музыкального образования (1901–1917 гг.)

Иван Арсеньевич Колокольников ^{a, *}, Юрий Александрович Петрушин ^b

^a Иркутский государственный университет, Российская Федерация

^b Иркутский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация

Аннотация. В дореволюционный период система музыкального образования в России еще находилась в стадии формирования. В связи с этим исключительную роль в ее становлении сыграла деятельность музыкантов-просветителей. Большая их часть работала в учреждениях, подведомственных Императорскому Русскому музыкальному обществу (ИРМО). Вместе с тем большую роль в развитии музыкального образования регионов страны играли частные музыкальные школы. Особенно велика была их роль в губерниях, удаленных от центра страны. Наглядным примером подлинного подвижничества в сфере музыкального образования этой эпохи является многогранная деятельность Е.Г. Городецкой в 1901–1917 гг. Проживая в Иркутской губернии и развивая там необычайно активную деятельность сначала в Музыкальных классах ИРМО, затем в собственной частной школе, она обеспечила подготовку немалого числа высококлассных музыкантов. Просветительская деятельность Е.Г. Городецкой внесла неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры Сибири.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Иркутск, Императорское Русское музыкальное общество, частная музыкальная школа, Е.Г. Городецкая.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ivan-ars_k@mail.ru (И.А. Колокольников)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1258-1269. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1258
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"We Have Not Done Anything": The First Stage of Work on the Official History of the Don Cossacks (1902-1908)

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the realization of the all-Russian project of the official history of the Cossacks in 1902-1908 on the Don. The author shows that this project, which is considered unsuccessful and which is almost forgotten, in fact allowed the creation of books that have become regional scientific classics. But it did not happen on the Don. The main obstacle for the study was the necessary for preparatory work to collect historical sources. The note "About the Organization of Historical Works in Cossack Hosts" required such work, but it was not clearly regulated in this document. As a result, I.P. Popov, who was originally charged for writing the Don history, and a commission of members of the Don statistical committee, which tried to draw up a work plan later, failed to effectively organize the collection and systematization of documents. And in 1908 the general meeting of the committee decided to attract professional historians for this work. It referred to the fact that nothing had been done at last six years. The author comes to the conclusion that, despite all the shortcomings of the government project, it created certain prerequisites for writing the first full-fledged history of the Don army, but these premises were missed because of mistakes by the local administration and those amateur historians who were involved in her work.

Keywords: problems of historiography of the beginning of XX century, the Don Host, official history of the Cossacks, P. O. Scherbov-Nefedovich, K.K. Maksimovich, I.P. Popov.

1. Введение

В последние годы интерес донских историков неоднократно привлекала попытка написания официальной истории казачества, предпринятая Военным министерством в 1899–1912 гг. Вероятно, первым обратил на нее внимание А.А. Волвенко, посвятивший данной тематике статью «Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.)» (Волвенко, 2006). Как мы недавно узнали, в 2014 г. вышла еще одна небольшая заметка на этот счет – «Новые факты о составлении «Истории донского казачьего войска за 1812–1815 гг.» З.А. Чумаковой (Чумакова, 2014). Оба этих исследования представляют безусловный интерес, однако в них наиболее подробно раскрыты последние этапы работ, начиная с 1908 г. Между тем решение о создании официальной истории казачества датируется 1899 г., когда военный министр А.Н. Куропаткин отдал соответствующее распоряжение Главному управлению казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1). В настоящее время в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» готовится к печати наша статья о том, как в 1899–1902 гг. в Санкт-Петербурге создавалась общая программа для официальной истории казачества и разрешались (нужно сказать, очень неудачно) общие организационные вопросы. Однако остается непроясненным, как в рамках правительственного проекта продвигалось исследование прошлого донского казачества в период 1902–1908 гг., когда подготовленная в Военном министерстве программа реализовывалась уже на

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

Дону. И А.А. Волвенко, и З.А. Чумакова в своих статьях ограничиваются простым упоминанием того, что в 1904 г. работы по составлению истории донского казачьего войска были возложены на секретаря местного статистического комитета И.П. Попова, который умер в 1906 г. (Волвенко, 2006: 118; Чумакова, 2014: 213). Но почему И.П. Попов получил это задание только в 1904 г., более чем через год после того, как Главное управление казачьих войск распорядилось начать исторические исследования? Почему после его смерти другое лицо для ведения этих исследований начали искать снова более чем через год, в 1908 г.? Наконец, почему наработки И.П. Попова по правительственному проекту оказались не востребованы?

Чтобы получить ответы на эти вопросы мы обратились к материалам Государственного архива Ростовской области (далее ГАРО). Из них мы обнаружили, что в предыдущих статьях нами была допущена серьезная ошибка: мы полностью доверились утверждению А.А. Волвенко о «неудаче, которой завершилась попытка написать официальную историю казачьих войск» (Волвенко, 2006: 124). Но в материалах, связанных с деятельностью И.П. Попова, обнаружились ссылки на позитивный опыт Кубанского и Терского войск (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306). Продолжив изыскания в данном направлении, мы поняли, что две известнейших работы, «Два века Терского казачества» В.А. Потто и «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины, формально представляли собой как раз официальные истории этих войск, заказанные Военным министерством. Таким образом, попытка написать официальную историю казачества способствовала появлению классических текстов о его прошлом, хотя, как мы покажем ниже, книги В.А. Потто и Ф.А. Щербины и не стали в итоге частями единого правительственного проекта. Нам показалось, что сравнение опыта трех различных казачьих войск в деле написания их истории также будет очень интересным и позволит понять, почему именно на Дону работы продвигались хуже всего.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования будут два дела, хранящиеся в фонде известного донского краеведа Х.И. Попова в ГАРО. Первое из этих дел, в котором отражена собственно работа И.П. Попова над официальной историей донского казачества, несколько многоречиво называется «Копии распоряжений Военного министерства о составлении очерков по истории казачьих войск и сообщения войскового наказного атамана о поручении бывшему секретарю статистического комитета И.П. Попову собирания материалов и составления истории войска Донского; программа, составленная И.П. Поповым» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442). Второе дело содержит информацию о событиях, последовавших после смерти И.П. Попова, и носит название «Доклад членов Областного статистического комитета о ходе работ по собиранию материалов для составления «Истории Войска Донского»» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631). Большое значение для нашего исследования будет иметь также биографический очерк о И.П. Попове, составленный вскоре после его смерти его коллегой А.А. Кирилловым (Кириллов, 1907). Наконец, ход работ в других казачьих войсках описан как в предисловиях к первым изданиям «Двух веков Терского казачества» В.А. Потто (Потто, 1912) и «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины (Щербина, 1910: I-IV), так и в исследованиях современных авторов, из которых мы бы выделили статью В.К. Чумаченко «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины: от замысла к воплощению. Книговедческий аспект» (Чумаченко, 2004).

Поскольку оба упомянутых нами выше дела впервые вовлекаются в научный оборот, мы будем широко применять историко-описательный метод, уточняя, как на самом деле шли работы над официальной историей донского казачества в 1902–1908 гг. Историко-сравнительный метод будет использоваться нами при сопоставлении хода работ над официальными историями в различных казачьих войсках, а историко-биографический метод потребуется для характеристики личности И.П. Попова.

3. Обсуждение

19 ноября 1902 г. начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович обратился к атаману Войска Донского К.К. Максимовичу со служебной запиской «Об организации исторических работ в казачьих войсках» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 9). Как следует уже из названия, данный документ был разослан во все казачьи войска и должен был стать основополагающим для правительственного проекта. В принципе, он почти полностью соответствовал «Докладу военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», подготовленному в том же 1902 г. историком-любителем, генерал-лейтенантом Н.А. Маслаковцом (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4), однако крайне многоречивый и водянистый текст данного доклада был максимально ужат и сокращен. Как и предлагал Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 370б-38), в качестве обязательных к освещению были предложены следующие вопросы:

- «1) Казачество как колонизатор;
- 2) Казачество как охранитель государственных границ;
- 3) Казачество как охранитель православной веры;
- 4) Казачество как вооруженная сила» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б-10).

Было выделено, также в полном соответствии с «Докладом военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 39-390б), семь дополнительных вопросов, не обязательных, но рекомендуемых к изучению:

- «1) Самобытно ли развилось казачье войско или образовалось по распоряжению правительства;
- 2) Однороден ли племенной состав казачьего войска;
- 3) Чем обуславливалось обложение казачьего войска государственными повинностями;
- 4) Чем обуславливалось образование одного, двух или трех родов оружия в каждом войске;
- 5) Чем обуславливался порядок землевладения;
- 6) Чем обуславливалось образование отдельных казачьих областей или включение территории казачьего войска в состав губернии;
- 7) Чем обуславливалось распространение на казачье население новых правительственных или местных хозяйственных учреждений» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б-10).

Наконец, было принято и предложение Н.А. Маслаковца о том, что общая программа официальной истории казачьих войск должна быть составлена так, чтобы «избежать излишней регламентации в плане работ» и «стеснения производителей трудов этих» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 10). В записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» значилось дословно следующее: «составители исторических исследований при подробной разработке программы (истории своего казачьего войска – А.П.) отнюдь не должны стесняться перечисленными вопросами, ибо в каждом казачьем войске при разработке программы, несомненно, могут возникнуть, сообразно местным условиям, и другие вопросы, да и наименованные вопросы могут разрешиться далеко не одинаково в каждом из войск в отдельности» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 10-100б). А как раз разработка программы для истории Донского Войска должна была стать приоритетной задачей К.К. Максимовича: ему вменялось в обязанность найти какого-то исследователя, чтобы тот «безотлагательно приступил к составлению программы, которая должна быть представлена на усмотрение военного министра» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Пожалуй, только тут П.О. Щербов-Нефедович несколько скорректировал идеи Н.А. Маслаковца. Именно последний предложил, чтобы история каждого казачьего войска писалась в самом этом войске лицом, избранным атаманом, а не в Главном управлении казачьих войск, как предполагалось изначально (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1-3, 41). Однако Н.А. Маслаковец требовал еще больше сократить роль центральных органов в написании официальной истории казачества, сведя ее к утверждению лиц, предложенных атаманами для проведения исследований, и представлению этим лицам «общих руководящих начал и указаний по исполнению работ» (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 41). П.О. Щербов-Нефедович, как мы видим, считал за лучшее несколько подстраховаться и потребовать от избранных атаманами историков хотя бы представить на утверждение программу предполагаемых исследований. Кроме того, начальник Главного управления казачьих войск, изначально бывший сторонником масштабных подготовительных работ по сбору материалов для истории казачества, против чего выступали Военный Совет и Н.А. Маслаковец (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2-20б; 6-9), включил в записку «Об организации исторических работ в казачьих войсках» требование, отсутствовавшее в «Докладе военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», о том, чтобы на местах безотлагательно приступили не только к составлению программ для своих текстов, но и к поиску соответствующих архивных и опубликованных материалов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Как мы покажем ниже, здесь П.О. Щербов-Нефедович допустил серьезную ошибку: во-первых, он не упомянул о том, что споры о необходимости подготовительных работ уже велись в Военном министерстве, причем в итоге было принято решение подобные работы максимально сократить, а во-вторых, он не уточнил, как должны будут соотноситься подготовительные и основные работы в ходе написания историй отдельных казачьих войск. Все это в итоге породило серьезную неразбериху, замедлившую написание историй Терского и Кубанского войск и ставшую фатальной для истории донского казачества.

Обратим внимание на еще один важный момент. В записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» не были четко прописаны критерии выбора авторов для историй отдельных казачьих войск, не регламентировались и сроки работ, а вопрос об их оплате был отдан на откуп самим атаманам, которые должны были изложить свои мнения на этот счет Военному Совету напрямую, в обход Главного управления казачьих войск (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 90б). Вообще эта записка была крайне невелика по объему, и выше мы пересказали ее содержание фактически полностью. Однако это было связано с теми организационными ошибками, которые были допущены на предыдущем этапе работ, прежде всего с решением Н.А. Маслаковца «не стеснять» производителей исследований на местах. Как нам кажется, правительственный проект был уже обречен к этому времени, и в лучшем случае Военное министерство могло получить в итоге набор случайных книг по истории казачества, не связанных ни идейно, ни содержательно. Однако в рамках данной статьи нас интересует не столько правительственный проект в целом, сколько то, как велись работы по нему в отдельных казачьих войсках, и поэтому мы не будем подробно останавливаться на событиях, предшествовавших написанию записки «Об организации исторических работ в казачьих

войсках», и допущенных тогда ошибок. Даже программу предстоящих исследований, изложенную в этой записке, мы привели не для того, чтобы проследить, насколько соответствовали ей начатые на Дону, Тереке и Кубани исследования, но потому, что, как мы покажем ниже, эта программа была одним из факторов, затормозивших написание официальной истории Донского Войска.

Сразу оговорим, что донские военные власти в ходе исторических работ допустили не меньше ошибок, чем имперские, и даже если бы Н.А. Маслаковец и П.О. Щербов-Нефедович подготовили для них максимально удачное руководство к работе, именно на Дону официальная история местного казачьего войска все равно имела бы все шансы так и остаться ненаписанной. Для начала, К.К. Максимович всеми силами пытался оттянуть начало исполнения полученных распоряжений. 24 марта 1903 г. он отправил в Санкт-Петербург рапорт, в котором фактически предлагал отложить исторические исследования на неопределенный срок. Атаман писал, что все имеющиеся в распоряжении местной администрации научные силы заняты подготовкой исторических очерков, выпуск которых планировалось приурочить к ожидаемому в 1904 г. прибытию на Дон Николая II, и поэтому до завершения этих очерков якобы не могло идти и речи о начале реализации нового масштабного проекта (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1). Однако на самом деле нежелание атамана начать работу над официальной историей было связано не с объективными, но с субъективными факторами, возможно, с простым незнанием того, на какое лицо можно возложить столь важную и ответственную миссию. Во всяком случае, ответной бумагой от 11 мая 1903 г. П.О. Щербов-Нефедович напоминал К.К. Максимовичу, что, согласно его предыдущим отчетам, исторические очерки к прибытию Николая II на Дон были уже в основном окончены, а сам император принял решение отложить визит в Новочеркасск на 1905 г. Исходя из этого, начальник Главного управления казачьих войск просил, наконец, дать ход делу о составлении официальной истории Донского войска (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106).

Понуждаемый к действию, К.К. Максимович пошел по достаточно традиционному пути, обратившись за помощью в научном исследовании к местному статистическому комитету. Атаман поручил секретарю этого комитета, И.П. Попову, сообщить свои «краткие соображения по данному вопросу» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106), и тот в 1903 или 1904 гг. представил атаману небольшой доклад (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 1-206). Большую часть текста этого доклада составляют пересказ событий, описанных нами выше, и объяснение К.К. Максимовичу вещей, достаточно очевидных для профессиональных историков, но далеко не очевидных для военных. В частности, И.П. Попов подчеркивал, что написание официальной истории Донского Войска потребует обширных работ, предполагающих как архивные изыскания, так и изучение специальной литературы, в том числе и иностранной (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 106). Возможно, К.К. Максимович первоначально предлагал вовсе обойтись без работы в архивах, но его своеобразный научный консультант отдельно оговаривал следующее: «Считаю долгом заметить, что без подобных архивных данных некоторые моменты жизни донского казачества не могут быть достаточно выяснены, да и самая история без новых архивных данных не будет носить характера солидного научного труда» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Для нас же наиболее интересны три тезиса, которые И.П. Попов обозначил в конце своего текста. Во-первых, он заявил, что написание истории Войска Донского займет не меньше пяти лет, а в том случае, если потребуется собирать дополнительные архивные и опубликованные материалы, то даже больше (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Во-вторых, ни разу не упомянув о тех вопросах, которые предлагало для рассмотрения в истории Главное управление казачьих войск, секретарь статистического комитета предложил уделить «значительное место» в исследовании «характеристике бытовых условий данной эпохи Донского Войска, на что в изданных до настоящего времени исторических трудах обращалось очень мало внимания» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2). Наконец, в третьих, он призывал полностью освободить избранного для ведения работ историка от других занятий по службе, дав ему сконцентрироваться на научной работе (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 2-206).

И К.К. Максимович, видимо, вполне удовлетворенный данным докладом, 28 июня 1904 г. сообщил П.О. Щербову-Нефедовичу, что избрал И.П. Попова в качестве автора предполагаемой официальной истории Войска Донского. Едва ли этот выбор можно было назвать удачным. Правда, на начало XX в. профессиональных и авторитетных историков, специализирующихся на изучении прошлого донского казачества, не было вовсе. Попытки привлечь российских знаменитостей к исследованию подобной тематики не увенчались успехом: самая известная из них была предпринята в 1877 г. донским краеведом А.А. Карасевым, который пытался договориться с атаманом Н.А. Краснокутским о предоставлении заказа на написание истории Войска Донского Н.А. Костомарову. Однако атаман, сперва благожелательно отнесшийся к данной идее, позже от нее отказался, сообщив А.А. Карасеву, что «Военное министерство, наверное, не согласится тратить войсковые суммы на литературное предприятие». Возможно, сыграла роль сумма, в которую Н.А. Костомаров оценил свой труд: он требовал 5 000 руб. в год на одно собирание материалов, не указывая на начальном этапе переговоров стоимости самой работы (Карасев, 1898: 593-594). Да и в дальнейшем, когда к написанию официальной истории казачества попытаются привлечь В.О. Ключевского, Д.И. Эварницкого и В.И. Потто, переговоры к успеху не приведут (Волвенко, 2006: 118-120). Таким образом, попытка К.К. Максимовича опереться на силы донских историков-

любителей была вполне логична и оправдана. Как мы покажем ниже, в Кубанском войске подобный подход позволил добиться серьезных успехов. Но именно кандидатура И.П. Попова на роль автора официальной истории донского казачества была как минимум не очевидной.

Разумеется, И.П. Попов не имел никакого специального исторического образования (он окончил юридический факультет Харьковского университета (Кириллов, 1907: 2)). Но более важным было то, что на 1904 г. им не было создано ни одного по-настоящему значительного исторического труда. А.А. Кириллов в качестве крупнейших работ своего коллеги сумел назвать только такие тексты, ныне забытые даже профессиональными историками, как «В старом гнезде казачества», «Казнь Грузиновых», «История сооружения Новочеркасского собора». Кстати, все они печатались не в авторитетных столичных изданиях, вроде «Русского Архива» или «Русской Старины», но в газетах и журналах, где сам И.П. Попов был редактором-издателем (Кириллов, 1907: 5). Мы бы не хотели принизить вклад этого достойного человека в становление донской исторической науки, но считаем, что этот вклад был чисто организационным: так, именно он предложил издавать «Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета», первый на Дону регулярно выходящий сборник краеведческих статей (Кириллов, 1907: 6). А секретарство И.П. Попова в статистическом комитете было настолько успешным, что после ухода с должности секретаря этого органа в 1897 г. он был возвращен на нее в 1901 г., причем некоторое время ему, в нарушение общепринятых правил, было разрешено одновременно занимать секретарские должности в статистическом комитете и областном по крестьянским делам присутствии (Кириллов, 1907: 3).

К.К. Максимович мог найти куда более авторитетных и оставивших более серьезное научное наследие авторов. Наиболее очевидной была кандидатура Х.И. Попова, основателя Новочеркасского музея. Как раз в интересующий нас период, в 1900-х гг., в Новочеркасске была опубликована книга «Донцы XIX в.», в которой он позиционировался как человек, чьи труды по истории казачества уступали только В.Д. Сухорукову (Донцы, 2003: 407). Авторитетнейшим исследователем был и А.А. Карасев, чьи работы неоднократно публиковались в крупнейших российских исторических журналах (Карасев, 1896; Карасев, 1898; Карасев, 1899; Карасев, 1900). Правда, оба этих краеведа находились в преклонных годах, зато И.П. Попов отличался слабым здоровьем, что не было секретом для его окружения (Кириллов, 1907: 1) (любопытно, что в итоге и Х.И. Попов, и А.А. Карасев пережили своего младшего коллегу). Подводя итог, можно сказать, что в 1904 г. не было никаких предпосылок для того, чтобы избрать именно И.П. Попова автором официальной истории Войска Донского, и, остановившись на его кандидатуре, К.К. Максимович исходил, скорее, из формального признака, из того, что выбранный им исследователь много лет был секретарем, т.е. фактическим главой местного статистического комитета (его номинальным председателем был сам атаман).

И.П. Попов и сам не до конца понимал, как он будет решать возложенную на него задачу. Он рассчитывал воспользоваться чужими наработками и планировал в первую очередь ознакомиться «с теми данными, которые представлены в Главное управление казачьих войск атаманами других казачьих войск» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4). И.П. Попов прямо писал, что таким образом ему удастся выяснить хотя бы «условия, на которых можно начать работу» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4). Однако этому мешали служебные обязанности. К.К. Максимович не торопился полностью освобождать от них донского краеведа: правда, 12 июня 1904 г. И.П. Попов был снят с должности секретаря статистического комитета, однако за этим последовало его назначение на должность члена областного присутствия по воинской повинности (Кириллов, 1907: 3). И в итоге даже на двадцатидневную командировку в Санкт-Петербург он должен был испрашивать разрешение у атамана (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4).

Прошение о командировке в Санкт-Петербург И.П. Попов подал 12 ноября 1904 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 4), а 26 апреля 1905 г. П.О. Щербову-Нефедовичу была, наконец, передана на утверждение программа для истории Донского Войска (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649. Л. 215-215об). Нужно сразу сказать, что далее мы сталкиваемся с историографической загадкой. В архивном деле, посвященном написанию И.П. Поповым официальной истории войска Донского, содержатся целых три схожих программы, однако далеко не факт, что П.О. Щербов-Нефедович оценивал одну из них. Эти программы предназначались для неких «Статистических очерков области войска Донского» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5), и теоретически мы можем предположить, что в деле оказались тексты, связанные с совершенно другим проектом донского исследователя. Более того, один из них подписан «Областного войска Донского Статистического Комитета Членом-Секретарем Ив. Поповым» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 8) и, следовательно, должен быть датирован временем до июня 1904 г. Однако, как мы уже отмечали, интересующее нас архивное дело находится в личном фонде упомянутого выше Х.И. Попова, бывшего к тому же родственником И.П. Попова. Мог ли он допустить настолько грубую ошибку и включить в него совершенно посторонние документы?

Нам кажется, что все-таки нет, и та программа, которая была передана на утверждение П.О. Щербову-Нефедовичу, имела сходство с проектами программы так и не написанных «Статистических очерков области Войска Донского». Для окончательного ответа на этот вопрос нужны дополнительные изыскания, на сей раз в Российском государственном военно-историческом архиве, где мог сохраниться отправленный И.П. Поповым в Санкт-Петербург текст. В любом случае, обнаруженные нами программы представляют собой памятник донской историографии 1900-х гг., и

мы позволим себе привести те разделы, из которых состояла первая из них (остальные отличаются от нее, но не слишком значительно): 1) Народонаселение, 2) Народное здравие, 3) Народное образование, 4) Преступления, 5) Земля, 6) Реки, 7) Климат, 8) Пути сообщения, 9) Леса, 10) Земледелие, 11) Огородничество, 12) Виноградарство и виноделие, 13) Садоводство, 14) Табаководство, 15) Скотоводство, 16) Коневодство, 17) Рыболовство, 18) Пчеловодство, 19) Горный промысел, 20) Заводская промышленность, 21) Кустарное производство, 22) Ремесла, 23) Судоводство, 24) Торговля, 25) Войсковые капиталы, 26) Общественные, городские и другие капиталы (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5-60б). Эта программа любопытна еще и тем, что напротив многих из этих разделов на полях стояли фамилии членов донского статистического комитета, на которых, по-видимому, предполагалось возложить их написание. 1 и 16 разделы предназначались для самого И.П. Попова, 5 и 6 для Н.П. Решетовского, 11-14 для Ф.К. Траилина, 15 – для П.И. Сербинова, 25 – для П.А. Павлова, а 26 – для Х.И. Попова. 7, 8 и 10 должен был написать просто «Попов», и не ясно, шла речь о И.П. Попове или Х.И. Попове (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5-60б). К сожалению, фамилии в тексте документа написаны крайне неразборчиво, и в остальных случаях мы не смогли соотнести помету на полях с конкретным членом донского статистического комитета. Возможно, планировалось привлечь к написанию очерков и посторонних лиц. Как бы там ни было, замысел этих очерков совершенно не соответствовал даже той «не стесняющей производителя трудов» программе, которая была предложена Н.А. Маслаковцем в «Докладе военному министру Алексею Николаевичу Куропаткину о разработке принципов исторического исследования о казачьих войсках в России», а затем повторена П.О. Щербовым-Нефедовичем в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках». Из четырех предложенных в данных текстах обязательных вопросов программа И.П. Попова раскрывала только один, о казачестве как о вооруженной силе, причем ему даже не посвящалось отдельного раздела (краткая характеристика казачьей системы службы должна была войти в раздел о народонаселении) (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1442. Л. 5). Казачество же как колонизатор, как «охранитель государственных границ» и как «охранитель веры православной» вовсе остались за пределами найденных нами в архивном деле программ. И мы можем констатировать, что даже если П.О. Щербов-Нефедович на утверждение был отправлен какой-то неизвестный нам текст, он не сильно отличался от рассмотренных выше в лучшую сторону: Военное министерство только «условно утвердило» его, фактически вернув обратно на Дон для доработки и особо подчеркнув его неполноту (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 3-30б).

И.П. Попов скончался в феврале 1906 г. (Кириллов, 1907: 1), официально – в разгар сбора материалов для официальной истории Войска Донского и в процессе переработки программы для предполагаемого исследования. А.А. Кириллов в своей биографии донского краеведа выражал сожаление, что последний так и не успел написать своего «действительно серьезного и капитальнейшего труда» (Кириллов, 1907: 6). Однако, судя по всему, И.П. Попов застрял на самой ранней стадии работ. Текст А.А. Кириллова, написанный вскоре после смерти секретаря статистического комитета, не мог не носить несколько панегирического характера из уважения к покойному. А в служебных документах коллеги И.П. Попова выражались куда более жестко. В частности, в докладе членов статистического комитета о процессе составления официальной истории донского казачества в 1908 г. было написано предельно четко: «у нас ровно еще ничего не сделано по этому предмету» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 30б). В другом документе, датированном 1910 г., прямо значилось, что «И.П. Попов, не успев приступить к исполнению возложенного на него поручения, в 1906 г. умер, и дело осталось без всякой подготовки к предстоящему труду (курсив наш – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 649. Л. 215-215об). Не имеющий ни соответствующего образования, ни опыта написания исторических исследований, краевед решил начать работу с задачи, очевидно выходящей за пределы возможностей одного человека: он попытался составить всеобъемлющий указатель текстов по истории донского казачества, включающий в себя не только книги и статьи, но и «журнальные заметки» и «газетные сообщения» (зато, очевидно, не учитывающий архивные источники) (Кириллов, 1907: 6). Так, в первый раз с донскими историками сыграло злую шутку отсутствие в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» четких указаний о том, как следует вести подготовительные работы. И.П. Попов попытался взяться за дело с дилетантским размахом и в итоге потерял время без какого-либо результата: за два года он так и не успел ни написать удовлетворительной программы для истории донского казачества, ни, тем более, составить всеобъемлющего указателя всех имеющихся опубликованных материалов для нее. Но, на наш взгляд, большую часть вины за это несет даже не он лично, а К.К. Максимович, не только затянувший с началом работ и избравший для их проведения крайне неподходящее лицо, но и даже не потрудившийся создать соответствующие условия для этого лица: как И.П. Попов мог заниматься совершенно необходимым для его исследования архивным поиском в столичных архивах, если по долгу службы он должен был находиться в Новочеркасске, и просить разрешения на каждую командировку у атамана? При этом сам донской краевед, как явственно следует из его разобранного выше доклада, вполне понимал и важность архивных работ, и важность свободы от служебной деятельности для историка казачьего войска.

И.П. Попов умер, если можно так выразиться, в очень неудачное время. Россию разрывала революция, и едва ли для Военного министерства написание официальной истории казачества

оставалось приоритетной задачей. С другой стороны, в 1905 г. К.К. Максимович, которому в прежние, более спокойные годы неоднократно указывали на важность организации исторических работ, убит с Дона, и его преемником был назначен Н.Н. Одоевский-Маслов (Петровский, 1916: 26). Новый атаман тоже не проявлял личной заинтересованности в исторических исследованиях, и, судя по документам, на какое-то время ведение работ по правительственному проекту оказалось полностью в руках донского статистического комитета, в дела которого больше не вмешивались ни атаман, ни Главное управление казачьих войск. Именно общее собрание комитета 24 марта 1907 г. решило фактически начать работы заново, причем отбросив те организационные принципы, на которых настаивали Н.А. Маслаковец и П.О. Щербов-Нефедович. Вместо избрания одного лица автором официальной истории донского казачества была создана специальная комиссия, которая должна была переработать составленную И.П. Поповым программу и подготовить план дальнейших работ (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306). Очевидно, исходя из неудачного опыта, планировалось, что еще неизвестный автор официальной истории донского казачества станет исполнителем четко прописанной программы, а не лицом, «не стесненным» подобной программой.

Доклад комиссии был подготовлен только к заседанию статистического комитета 19 января 1908 г. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306), на котором в очередной раз камнем преткновения стала непрописанность в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» принципов подготовительной работы по сбору исторических материалов. Члены комиссии, разумеется, не знали, что в Военном министерстве хотели свести эту подготовительную работу к минимуму, зато им было прекрасно известно, что И.П. Попов не смог начать своего исследования именно из-за неразработанности печатных и архивных источников. И поэтому они пришли к выводу, что «составлению истории должно предшествовать собиание требуемых для этого материалов» и «определили на такой труд не менее пяти лет, так как для того, чтобы привести в известность и систему весь материал, не только имеющийся уже в печати, но еще в большей части и не изданный, придется работать, кроме местных, во всех столичных и многих губернских архивах и библиотеках» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Вот только общее собрание статистического комитета не одобрило подобной идеи, настаивая на том, чтобы, как и предполагалось в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках», для написания истории донского казачества было немедленно избрано одно лицо (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Именно на заседании в январе 1908 г. были предложены кандидатуры трех подходящих для этого, по мнению членов комитета, историков: В.О. Ключевского, Д.И. Эварницкого и В.И. Потто (Волвенко, 2006: 118-120; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Нам представляется, что решение привлечь к руководству исследованиями профессиональных ученых не казачьего происхождения было вынужденным, иначе статистический комитет не стал бы пытаться создавать специальной комиссии и начал поиск подходящего автора сразу после смерти И.П. Попова. Перемену в настроениях комитета мы связываем с крайним неудовлетворением всем предыдущим ходом работ: как было сказано в одном из докладов статистического комитета в 1908 г., создание официальной истории «не допускало отлагательства» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 3), а между тем за целых шесть лет, прошедших с момента получения приказа о ее создании, почти ничего не было сделано. И в этих условиях приглашение, даже за большие деньги, авторитетного историка, который взял бы дело в свои руки, могло показаться лучшим выходом, чем отсрочка начала собственно исторического исследования еще на пять лет подготовительных работ. Нетрудно подсчитать, что, если бы предложение комиссии было принято, к шести годам задержки добавилось бы еще пять и приступить к написанию официальной истории донского казачества удалось бы не раньше 1913 г.

Однако уже через несколько месяцев многие члены статистического комитета начали раскаиваться в принятом решении. 24 и 26 мая 1908 г. они представили на рассмотрение общего собрания комитета свои доклады, первый из которых был не подписан, а второй принадлежал И.М. Сулину и авторитетнейшему исследователю экономики Дона И.В. Тимощенкову (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 1-406) (о значении последнего говорит уже то, что в 2016 г. вышла посвященная ему и его коллеге Ф.К. Трайлину монография известного ростовского ученого Н.А. Мининкова (Мининков, 2016)). За прошедшие с января 1908 г. четыре месяца ни один историк не дал согласия взять на себя составление официальной истории Войска Донского. И раздраженные этим донские краеведы писали: «Таким образом, комитету предстоит вновь озабочиваться отысканием подходящего лица, а дорогое время все будет идти и идти» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). Поэтому И.В. Тимощенков, И.М. Сулин и их сторонники просили заново рассмотреть доклад от 19 января 1908 г., и попытаться найти компромиссный вариант. По их мнению, этот вариант мог выглядеть следующим образом: статистический комитет продолжил бы поиск профессионального историка для написания официальной истории казачества, но при этом были бы, наконец, начаты хотя бы подготовительные работы по систематизации материалов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 4). И.В. Тимощенков шел еще дальше, утверждая дословно следующее: «Составителю истории, конечно, удобнее направлять это дело (поиск печатных и архивных материалов – А.П.) по его усмотрению. Но для большего успеха, полноты и ускорения собиания материала, казалось бы, и особая комиссия не помешала бы составителю истории в его трудах, а, напротив, пользуясь при работе своей его указаниями, она

помогла бы историку и полнее совершить свой труд, и скорее его окончить» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 106).

Мы бы хотели обратить внимание на еще один важный момент. Именно сторонники И.В. Тимошенко и И.М. Сулина приводили в качестве примера войск, где исторические работы были организованы наилучшим образом, войска Кубанское и Терское. Они отмечали, что там к 1908 г. работы уже шли полным ходом (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 631. Л. 306). Неужели в этих войсках не столкнулись с теми же проблемами, что и на Дону? Или их удалось как-то быстро решить?

Обратившись к опыту этих войск, мы увидели, что в каждом из них был избран особый путь написания официальной истории казачества. В Терском войске сразу была сделана ставка на поиск историка-профессионала. Атаман С.Е. Толстов, получив записку «Об организации исторических работ в казачьих войсках», незамедлительно обратился к упомянутому выше В.А. Потто с просьбой приступить к составлению истории терского казачества. Уже в 1903 г. В.А. Потто ответил согласием, после чего... немедленно столкнулся с теми же проблемами, что и И.П. Попов на Дону (Потто, 1912). Никто прежде не пытался систематизировать материалы по истории Терского войска, и даже в предисловии к «Двум векам терского казачества» данный фактор был назван «трудноодолимым препятствием». Опытный историк В.А. Потто, в отличие от любителя И.П. Попова, сумел его преодолеть, однако на это у него ушло около семи лет, и только в 1910 г. он приступил к написанию собственно книги (Потто, 1912).

В Кубанском войске события развивались совершенно иначе. Прежде всего идея написания его истории возникла у местного атамана Я.Д. Маламы еще в 1901 г., причем изначально он тоже пытался привлечь к работам историка-профессионала, Д.И. Эварницкого, который, впрочем, отказался (Щербина, 1910: I). В итоге уже 10 января 1903 г., т.е. тоже почти сразу после получения кубанским атаманом записки «Об организации исторических работ в казачьих войсках» проведение исторических исследований на основании «указаний военного министра» было поручено местному историку Ф.А. Щербине (Щербина, 1910: I). Однако Ф.А. Щербина, в отличие от И.П. Попова, имел и опыт написания серьезных исторических сочинений, и опыт поиска в архивах и дальнейшей систематизации необходимых для подобных сочинений материалов (Щербина, 1910: II). Тем не менее и для него процесс подготовительных работ оказался очень сложным, поскольку он недооценил объем архивных текстов, которые необходимо было систематизировать. Однако, в отличие от В.А. Потто, Ф.А. Щербина работал не один: он откровенно заявил, что сбор архивных материалов по истории целого казачьего войска «непосилен для единичных лиц и частных начинаний», и сумел добиться предоставления ему ассигнований на содержание целой группы помощников (Щербина, 1910: II). Таким образом, идея И.В. Тимошенко и И.М. Сулина о особой комиссии, помогающей автору истории казачьего войска, была фактически реализована на Кубани, и только с ее помощью Ф.А. Щербина сумел достигнуть успеха в своем труде. Тем не менее и он смог приступить непосредственно к работам над книгой только в 1907 г., когда был завершен сбор архивных материалов (Чумаченко, 2004: 224-251).

Почему же мы считаем, что правительственный проект потерпел неудачу и в Терском, и Кубанском казачьих войсках, если в них работы развивались так успешно? Дело в том, что книги В.А. Потто и Ф.А. Щербины вошли в историографию как совершенно независимые тексты, а не части официальной истории казачества. Очень важно то, что это произошло не случайно: их предисловия, на которые мы ссылаемся, были порождены внешними обстоятельствами (В.А. Потто умер по ходу работ, из-за чего возникла необходимость объяснить незавершенность его сочинения (Потто, 1912), а Ф.А. Щербина оправдывался за промедление с изданием своей книги (Щербина, 1910: V), а больше никак принадлежность этих исследований к правительственному проекту в их текстах не была отражена¹. Если учесть еще и то, что исследование В.А. Потто было доведено только до 1801 г., а Ф.А. Щербины до 1860 г., что прямо противоречило первоначальному плану как самих исследователей (Потто, 1912; Чумаченко, 2004: 224-251), так и Военного министерства (ОР РНБ. Ф. 1055. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1), то можно констатировать: и в Кубанском, и в Терском войсках фактически были созданы не части официальной истории казачества, но независимые авторские

¹ Подробный разбор книг В.А. Потто и Ф.А. Щербины выходит за пределы нашего исследования. Поэтому отметим только, что во введениях этих книг, в отличие от предисловий, непосредственно связанных с текстом, правительственный проект никак не упоминался. Книги были написаны по совершенно разному плану: в работе Ф.А. Щербины есть обширный раздел о географии Кубанского края (Щербина, 1910: 1-124), а в тексте В.А. Потто подобный раздел отсутствует и поднимаются только исторические вопросы. Если В.А. Потто фактически начал свое исследование с XVI в., очень кратко охарактеризовав до этого связи русских с Кавказом в предыдущие столетия (Потто, 1912: 1-4), то Ф.А. Щербина подробно и развернуто писал даже о «мифологических временах» Прометея и амазонок (Щербина, 1910: 125-165). Наконец, эти две книги совершенно различаются по объему: оба тома В.А. Потто не составляют и половины одного тома педантичного исследования Ф.А. Щербины. Поэтому в работах современных авторов, специально посвященных этим произведениям, вообще не указывается, что они представляли собой официальные истории казачьих войск и должны были образовать единую серию (Синицина, 2014; Чумаченко, 2004)

исследования его прошлого. И это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что при условии отсутствия четкой программы и контроля над исполнителями работ со стороны Главного управления казачьих войск такой неудачный для Военного министерства результат реализации его проекта был неизбежен даже при удачном стечении обстоятельств на местах.

Однако нельзя не согласиться с членами донского статистического комитета: Кубанское и Терское войска куда лучше воспользовались представившейся им возможностью, сумев эффективно потратить ресурсы, выделенные правительством на написание официальной истории казачества. Хотя в каждом из этих войск был избран свой путь исполнения правительственного проекта, их опыт объединяло одно: и там, и там уже в 1903 г. был найден историк, обладающий большим опытом как архивной, так и самостоятельной исследовательской работы. В то же время этот опыт еще больше подчеркивает, насколько ограниченным был выбор кандидатов: как мы видим, и В.А. Потто, и Д.И. Эварницкого попытались привлечь к исследованию нескольких казачьих войск. При этом прямого отношения прежние работы этих авторов не имели ни к Донскому, ни к Кубанскому, ни к Терскому войску: В.А. Потто был историком Кавказской войны и, разумеется, описывал участие в ней казачьих частей (Захаревич, 2005: 81-83), а Д.И. Эварницкий в 1890-х гг. выпустил трехтомник по истории запорожских казаков (Эварницкий, 1892; Эварницкий, 1895; Эварницкий, 1897). Таким образом, в 1900-х гг. не только в Донском войске, но и во всех казачьих войсках не было авторитетных и профессиональных историков, специализирующихся на изучении их прошлого. И донской статистический комитет, только в 1908 г. озаботившийся поиском автора для своей официальной истории не из среды местных краеведов, имел минимум шансов найти его в профессиональной среде.

С другой стороны, и предложение И.В. Тимощенкова, И.М. Сулина и их сторонников к 1908 г. сильно запоздало. Фактически уже было потеряно шесть лет, за которые можно было бы завершить как минимум значительную часть подготовительных работ к исследованию. Как мы видим, у В.А. Потто они заняли около семи лет, а у Ф.А. Щербины – около четырех, так что комиссия из членов донского статистического комитета вряд ли сильно ошибалась, отводя на такие работы пять лет. Однако в 1912 г. проект написания официальной истории казачьих войск будет свернут, как требующий слишком больших финансовых затрат (Волвенко, 2006: 124) (не был выпущен даже запланированный третий том исследования Ф.А. Щербины, который должен был описывать события после 1860 г. (Чумаченко, 2004: 224-251)). И.В. Тимощенков и И.М. Сулин, конечно, не могли этого знать, но, очевидно, предполагали нечто подобное, призывая максимально ускорить работы. И в итоге им пошли навстречу: пока статистический комитет продолжал поиск профессионального историка, Х.И. Попов получил задание начать сбор материалов для официальной истории казачества (Волвенко, 2006: 119). И, таким образом, на Дону были, наконец, начаты подготовительные работы к написанию официальной истории казачества.

4. Заключение

Как видно из всего вышеизложенного, в Донском, Кубанском и Терском войсках в начале работ по написанию официальной истории казачества столкнулись со схожими проблемами, порожденными организационными ошибками Военного министерства. Начальник Главного управления казачьих войск П.О. Щербов-Нефедович в записке «Об организации исторических работ в казачьих войсках» ни словом не упомянул об отказе Военного министерства от проведения масштабных подготовительных работ по поиску и систематизации исторических источников. В то же время он не только не запретил подобные работы, как предлагал разработавший программу официальной истории казачества Н.А. Маслаковец, но и прямо написал об их необходимости, с той, однако, оговоркой, что они должны были идти параллельно с составлением программы для истории каждого казачьего войска, а затем и с самим написанием этой истории. К сожалению, данное решение оказалось крайне неудачным: и на Дону, и на Кубани, и на Тереке все равно были вынуждены начать с работ по собиранию и систематизации документов, но эти работы оказались никак не регламентированы и не ограничены в сроках. Собственно же, к написанию исторических исследований смогли приступить только по завершении этих работ.

Другой проблемой стал поиск авторов для предполагаемых книг, который приходилось осуществлять в условиях, когда в России фактически не было профессиональных историков-казаковедов (возможно, за исключением Д.И. Эварницкого, если считать его русским, а не украинским казаковедом). Только в Терском войске удалось найти профессионального историка, взявшегося за разработку новой для него чисто казачьей тематики. В Кубанском войске работы были возложены на историка-любителя, тем не менее уже имеющего опыт проведения серьезных исторических исследований. Выбор этот оказался удачным, однако, на наш взгляд, тут не обошлось и без определенного везения, о чем пишет и В.А. Чумаченко (как раз в 1903 г. Ф.А. Щербина был выслан из Воронежа на Кубань под гласным полицейским надзором (Чумаченко, 2004: 224-251)). А на Дону в качестве автора официальной истории казачества был избран секретарь местного статистического комитета И.П. Попов, прежде не занимавшийся ни серьезной архивной работой, ни написанием крупных исторических сочинений. Во многом это было связано с тем, что донской атаман К.К. Максимович отнесся к правительственному проекту безо всякого энтузиазма: если на Кубани и на Тереке авторы для истории местных казачьих войск были найдены еще в 1903 г., то в

Донском войске дело затянулось до 1904 г. и затянулось бы еще больше, если бы не прямые обращения П.О. Щербова-Нефедовича с требованиями ускорить ход работ.

Именно из-за неудачного выбора автора для исторического исследования работы над историей Донского казачьего войска быстро приобрели свою специфику, не характерную для исследований истории Кубанского и Терского войск. Эта специфика заключалась в непоследовательности и случайности предпринимаемых действий, а также в общей неэффективности хода работ. Для И.П. Попова оказалось непосильной задачей даже составление программы предполагаемой книги, при том, что Военное министерство старалось «не стеснять» исследователей в казачьих войсках жесткими требованиями к такой программе. Тот ее вариант, который был создан к 1905 г., был «условно утвержден», т.е. фактически возвращен на Дон для доработки. Возможно, донской краевед пытался использовать для правительственного проекта программу задуманных им ранее «Статистических очерков области войска Донского», носящих, в соответствии с названием, статистический, а не исторический характер. С другой стороны, И.П. Попов не сумел нормально организовать и подготовительной работы к написанию своего труда, пытаясь собирать и систематизировать даже газетные заметки по истории донского казачества, но не приступая к архивному поиску. И в итоге, когда И.П. Попов скончался в 1906 г., его немногочисленные наработки оказались абсолютно бесполезными.

Назначенный в 1905 г. новым донским атаманом Н.Н. Одоевский-Маслов тоже оказался равнодушен к написанию официальной истории казачества, и в итоге с 1906 г. руководство ходом работ начал осуществлять местный статистический комитет. Остаток 1906 и 1907 гг. ушел на создание специальной комиссии из членов этого комитета и подготовку ими доклада о плане дальнейших работ. Однако идеи, легшие в основу этого доклада, противоречили указаниям Военного министерства и тоже оказались невостребованными, поскольку предполагали, что написание официальной истории донского казачества начнется с пяти лет подготовительных работ по сбору исторических источников. Подобный вариант категорически не устроил даже общее собрание комитета, считавшее недопустимым такое затягивание работ, и поэтому, наконец, с опозданием на шесть лет было предложено обратиться к профессиональным историкам. Однако, как мы показали выше, число ученых, чьи работы имели хотя бы косвенное отношение к истории донского казачества, было крайне невелико, причем Д.И. Эварницкий уже отказался от участия в правительственном проекте, а В.А. Потто был занят написанием истории другого казачьего войска. И в этих условиях, по настоянию авторитетного донского экономиста И.В. Тимошенко и И.М. Сулина, комитет пошел на отчаянные меры: он решил начать архивную работу параллельно с поиском подходящего автора для истории донского казачества. Таким образом, только в 1908 г., с опозданием на шесть лет, на Дону были начаты какие-то реальные работы по реализации правительственного проекта, а весь предшествующий период был потрачен впустую: в 1902–1904 гг. К.К. Максимович затягивал начало исследований, 1904–1906 гг. заняла деятельность И.П. Попова, оказавшаяся абсолютно бесполезной из-за его неподготовленности к решению задач такого масштаба, а в 1906–1908 гг. проблемы, связанные с написанием истории донского казачества, изучала комиссия статистического комитета, чьи предложения затем были отвергнуты общим собранием того же комитета.

Литература

- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115–125.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Захаревич, 2005** – Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.
- Карасев, 1896** – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569–591.
- Карасев, 1898** – Карасев А.А. История донской истории // Русский Архив. 1898. Кн. 12. С. 593–599.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167–174.
- Кириллов, 1907** – Кириллов А.А. Памяти Ивана Петровича Попова // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Вып. 7. Новочеркасск, 1907. С. 1–7.
- Мининков, 2016** – Мининков, Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимошенко и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью Войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.

- [Потто, 1912](#) – *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. Владикавказ, 1912. 130 с.
- [Синицина, 2014](#) – *Синицина Е.В.* В.А. Потто как исследователь терского казачества // *SCI-ARTICLE.RU*. 2014. № 8. С. 44–47.
- [Чумакова, 2014](#) – *Чумакова З.А.* Новые факты о составлении «Истории донского казачьего войска за 1812–1815 гг.» // *Донской временник*. Вып. 23. Ростов-на-Дону, 2014. С. 213–215.
- [Чумаченко, 2004](#) – *Чумаченко В.К.* «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины: от замысла к воплощению. Книговедческий аспект // *Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность*. Краснодар, 2004. С. 224–251.
- [Щербина, 1910](#) – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. 734 с.
- [Эварницкий, 1892](#) – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. I. СПб, 1892. 636 с.
- [Эварницкий, 1895](#) – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. II. СПб, 1895. 629 с.
- [Эварницкий, 1897](#) – *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. III. СПб, 1897. 654 с.

References

- [Chumachenko, 2004](#) – *Chumachenko V.K.* (2004). «Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska» F.A. Shcherbiny: ot zamysla k voploshcheniyu. Knigovedcheskii aspekt [«History of the Kuban Cossack Host» by F. A. Shcherbina: from conception to realization. Bibliological aspect]. *Nauchno-tvorcheskoe nasledie Fedora Andreevicha Shcherbiny i sovremennost'*. Krasnodar. pp. 224-251. [in Russian]
- [Chumakova, 2014](#) – *Chumakova Z.A.* (2014). Novye fakty o sostavlenii «Istorii donskogo kazach'ego voiska za 1812-1815 gg.» [New facts about writing the «History of the Don Cossack Host at 1812-1815»]. *Don vremennik*. Vol. 23. Rostov-na-Donu. pp. 213-215. [in Russian]
- [Evarnitskii, 1892](#) – *Evarnitskii D.I.* Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. I. SPb, 1892. P. 636 [in Russian].
- [Evarnitskii, 1895](#) – *Evarnitskii D.I.* (1895). Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. II. SPb. P. 629. [in Russian]
- [Evarnitskii, 1897](#) – *Evarnitskii D.I.* (1897). Istoriya zaporozhskikh kazakov [History of Zaporozhye Cossacks]. Vol. III. SPb. P. 654. [in Russian]
- [GARO](#) – State archive of the Rostov region.
- [Karasev, 1896](#) – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591. [in Russian]
- [Karasev, 1898](#) – *Karasev A.A.* (1898). Istoriya donskoi istorii [History of Don History]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 593-599. [in Russian]
- [Karasev, 1899](#) – *Karasev A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. pp. 106-116. [in Russian]
- [Karasev, 1900](#) – *Karasev A.A.* (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. pp. 167-174. [in Russian]
- [Kirillov, 1907](#) – *Kirillov A.A.* (1907). Pamyati Ivana Petrovicha Popova [In memory of Ivan Petrovich Popov]. *Sbornik Oblastnogo Voiska Donskogo Statisticheskogo Komiteta*. Vol. 7. Novocherkassk. pp. 1-7. [in Russian]
- [Mininkov, 2016](#) – *Mininkov N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Researchers of Don region Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. *Rostov-na-Donu*. P. 164. [in Russian]
- [OR RNB](#) – Department of manuscripts of Russian national library.
- [Petrovskij, 1916](#) – *Petrovskij A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlenным. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. *Novocherkassk*. P. 40. [in Russian]
- [Potto, 1912](#) – *Potto V.A.* (1912). Dva veka Terskogo kazachestva (1577-1801) [Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801)]. Vol. I. Vladikavkaz. P. 130. [in Russian]
- [Shcherbina, 1910](#) – *Shcherbina F.A.* (1910). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack Host]. Vol. I. Ekaterinodar. P. 734 [in Russian]
- [Sinitsina, 2014](#) – *Sinitsina E.V.* (2014). V.A. Potto kak issledovatel' terskogo kazachestva [V.A. Potto as a researcher of the Terek Cossacks]. *SCI-ARTICLE.RU*. № 8. pp. 44-47. [in Russian]
- [Volvenko, 2006](#) – *Volvenko A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902-1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902-1912)]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. SPb. pp. 115-125. [in Russian]
- [Zakharevich, 2005](#) – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voyny [Don Cossacks in battles with

mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-na-Donu. P. 220. [in Russian]

«У нас ровно еще ничего не сделано»: первый этап работ над официальной историей донского казачества (1902–1908 гг.)

Артем Юрьевич Перетятко ^{а, *}

^а Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^б Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реализации общероссийского проекта официальной истории казачества на Дону в 1902–1908 гг. Автор показывает, что этот проект, считающийся неудачным и почти забытым, на самом деле позволил создать книги, ставшие региональной научной классикой. Однако на Дону этого не произошло. Главным препятствием для исследования стала необходимость подготовительных работ по сбору исторических источников, которая предполагалась запиской «Об организации исторических работ в казачьих войсках», но не была в ней четко регламентирована. В итоге и И.П. Попов, которому было первоначально поручено составление донской истории, и комиссия из членов донского статистического комитета, которая пыталась составить план работ в дальнейшем, так и не сумели эффективно организовать сбор и систематизацию документов. И в 1908 г. общее собрание комитета приняло решение привлечь для работ профессиональных историков, ссылаясь на то, что за шесть лет фактически не было сделано ничего. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все недостатки правительственного проекта, он создавал определенные предпосылки для написания первой полноценной истории Войска Донского, однако эти предпосылки были упущены из-за ошибок местной администрации и тех историков-любителей, которые привлекались ею для работы.

Ключевые слова: проблемы историографии начала XX в., Донское Войско, официальная история казачества, П.О. Щербов-Нефедович, К.К. Максимович, И.П. Попов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatto@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1270-1277. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1270
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Intelligentsia's Search for New Forms of Creative Expression during the Inter-Revolutionary Period (1905-1917)

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This work focuses on the activities of the Russian and Siberian artistic intelligentsia in the inter-revolutionary era (1905-1917). It particularly highlights the influence of socio-economic and political aspects on the nature of the intelligentsia's creative work. Its ignorance of day-to-day realities, its complete detachment from life resulted in Russia's artistic elite living in a self-created world. Misunderstanding of the people led to its idealization, the belief that after passing through the cleansing furnace of the revolution, it will come out spiritually renewed, capable of perceiving beauty. The defeat of the revolution and the realization that even in the case of its victory, the spiritual rebirth of society could hardly have come overnight, plunged the intelligentsia into a state of despondency, lethargy and pessimism. This state found its expression in decadence as a special kind of mindset. An analysis of the reasons underlying the changes that occurred at that time shows that these changes were predetermined by a failure to understand the essence of events, inability to explain them and adapt to them. The socio-political and socio-economic events in central Russia could not but affect the Siberian artistic intelligentsia's creative life. Here, however, the search for new forms and means of artistic expression was not so profound. Their fascination with modernism was more often than not transient or accidental. Both artists and spectators preferred to adhere to realistic traditions in art. A sober, realistic view of life helped the Siberian intelligentsia to relatively quickly overcome the moods of decadence and pessimism in their creative work. This article analyses some examples of how decadence influenced the work of the most prominent figures of the Russian art.

Keywords: intelligentsia, creativity, revolution, decadence, symbolism, acmeism, futurism, culture, Siberia.

1. Введение

Начало нового века принесло России глубокий социокультурный разлом и общественные потрясения. При разгроме революционных сил в 1905–1907 гг. царская администрация в целях самосохранения применяла жесткие меры, в том числе и террор. «Правительство как будто победило. Однако в глубине народных масс, в особенности крестьянских, бродили все-таки опасные пары придушенного недовольства», – писал об этом времени в своих воспоминаниях Ф. Шаляпин (Шаляпин, 1991: 148).

Трансформации в общественно-политической сфере явились катализатором изменений в художественной жизни страны. Осознание бесперспективности насилия как формы борьбы за лучший мир обусловило разнообразное реагирование интеллигенции на поражение революции. Немногие из ее представителей смотрели в будущее с оптимизмом, большинство было повергнуто в уныние и отчаяние, занялось богоискательством и мистикой. Такое мировосприятие нашло свое отражение в декадентстве как особой форме умонастроения российского общества. Разочарование,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), turilak@yandex (D.N. Gergilev), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

постигшее интеллигенцию, осознание ею своего бессилия явились следствием реакции, последовавшей после поражения революции. В этой связи декаданс можно рассматривать как явление социально-психологическое, господствовавшее в среде русской интеллигенции постреволюционной эпохи. Индивидуализм и пессимизм определяли отношение к человеку и в целом взгляд на мир. Декадентские настроения затронули многих представителей модернистских течений. Общность мировосприятия с позиций эстетизма и мистицизма обеспечивала слияние декадентства с символизмом, вплоть до того, что эти явления рассматривались иногда как тождественные. Символическое искусство должно было преобразовать мир, найдя более совершенные жизненные формы. В русском эстетическом сознании утверждалось представление о приоритете творчества над познанием, что и предопределило, в конечном счете, пути художественного развития России в целом.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе работы над статьей были использованы архивные источники РГАЛИ, государственных архивов Омской и Иркутской областей, Красноярского края, воспоминания и мемуары творческой интеллигенции рубежа веков, материалы периодических изданий.

2.2. В основу исследования проблемы были положены методы анализа, синтеза и обобщения. Материал, представленный в статье, рассмотрен через призму социальных, экономических и политических процессов, что отвечает принципу историзма. Сравнительно-исторический метод дал возможность проанализировать процессы, параллельно происходившие в России и Сибири, в статье они рассмотрены в их последовательном развитии, что соответствует проблемно-хронологическому методу.

3. Обсуждение

Российская творческая интеллигенция на рубеже веков генерировала и укрепляла веру в свою мессианскую роль в процессе переустройства страны. Выполнить поставленные перед собой задачи она надеялась посредством искусства. Поэтому интерес к характеру и результатам творческой деятельности художественной интеллигенции в межреволюционный период был высоким всегда. Особую ценность в исследовании данной проблемы представляют свидетельства современников той эпохи. Они включают в себя журнальные статьи, газетные публикации, мемуары, воспоминания, дневники. Через призму своих отношений с различными представителями творческой элиты дают оценку общественно-политическим и художественным процессам, происходившим в России, К. Чуковский ([Чуковский, 1958](#)), А. Белый ([Белый, 1990](#)), А. Бенуа ([Бенуа, 1998](#)), А. Блок ([Блок, 1989](#)), В. Брюсов ([Брюсов, 1987](#)), К. Станиславский ([Станиславский, 1990](#)).

А. Бенуа не только писал о своеобразии русского искусства, но и обосновывал позиции художника, с которых он подходил к восприятию действительности ([Бенуа, 1998](#)). Ценные сведения о жизни и деятельности представителей творческой интеллигенции, рассмотренные в контексте общественно-политических событий, происходивших в стране, освещены в монографиях Н. Абалкина ([Абалкин, 1954](#)), А. Соловцова ([Соловцов, 1969](#)), Д. Когана ([Коган, 1970](#)), В. Орлова ([Орлов, 1980](#)). Большой интерес для исследования проблемы представляет труд К. Мочульского ([Мочульский, 1997](#)), посвященный жизни и творчеству А. Блока, А. Белого, В. Брюсова. Книга, написанная в эмиграции, свободна от идеологических штампов.

Важные материалы для изучения культурной жизни сибирского региона дают монографии И. Давыденко ([Давыденко, 1978](#)), Г. Порхунова ([Порхунов, 1993](#)), П. Мешалкина ([Мешалкин, 1998](#)), О. Громовой ([Громова, 1998](#)), Н. Артамоновой ([Артамонова, 2000](#)), И. Девятьяровой ([Девятьярова, 2000](#)).

Зарубежные исследователи проявляли интерес к исследованию культуры и интеллигенции в России. Отражение символизма во всех видах искусства стало предметом рассмотрения коллективом французских авторов ([Кассу и др., 1998](#)). Несомненный интерес для анализа художественных течений представляет работа Дж. Кристиана ([Кристиан, 2000](#)). Современные иностранные ученые касаются в своих исследованиях судеб сибирского областничества ([Pereira, 1993](#)), языка и религии в Сибири ([Graber, Murrar, 2015](#)), интеллигенции России ([Finkel, 2003](#)).

Современные ученые внесли весомую лепту в изучение творчества русской интеллигенции в межреволюционный период. Они обогатили имевшиеся материалы о художественной жизни России. Однако неоднозначность и противоречивость эпохи Серебряного века в культурном плане постоянно требует переосмысления имеющихся фактов и методологических новаций в их исследовании.

4. Результаты

Результатом изменившегося в ходе потрясений начала XX в. миропонимания интеллигенции явился поиск новых тем для творчества, центральными из которых становятся темы России и ее народа. Для развития новых идей в результате художественного формотворчества появились новые модернистские течения, возникшие в послереволюционный период. «1907 год – ознаменован победой модернизма в мелкобуржуазных кругах; до 1907 года мы – отщепенцы; читатели наши – оторванцы разных классов, несколько десятков эстетов типа Мамонтова», – отмечал А. Белый

(Белый, 1990: 172). Изживал себя, заканчивая свою недолгую двадцатилетнюю историю, символизм. Попытки В. Иванова и Г. Чулкова организовать новую литературную школу, основанную на «мистическом анархизме», не нашли понимания у В. Брюсова и привели к расколу течения. Оппозиционно настроенные по отношению к символизму молодые поэты организовали «Цех поэтов». Лидерами течения стали Н. Гумилев и С. Городецкий. С 1912 г. новое течение стало называться акмеизмом. У акмеистов было свое представление о гармонии и красоте, которым они хотели поделиться с миром. Однако, переходя к миру материальному от мира идеального, они продолжали отстаивать позиции эстетизма. Основными принципами акмеизма являлись отказ от решения социальных проблем и от борьбы за изменение мира (Гумилев, 1992: 405–409). Акмеисты пытаются размежеваться с символизмом. Однако В. Брюсов утверждал, что «акмеизм – родное дитя символизма» и что «их новаторские теории не вязались с практикой, а практика ранних акмеистов была чисто символическая» (Брюсов, 1987: 272, 287).

Ниспровергая классиков и критикуя современных поэтов, футуризм высокомерно надеялся на мировое господство. Лидеры течения заявляли: «Только мы – лицо нашего времени» (Бурлюк и др., 1989: 193). Культурологический нигилизм футуристов выливался в отрицание заслуг прошлых поколений, неприятие современных достижений и даже здравого смысла. В. Брюсов отмечал, что футуристы «не только избегали в своих стихах мысли, но прямо любовались бессмысленностью их» (Брюсов, 1987: 262). Главным в творчестве футуристов была непохожесть на все сущее в культуре при доминировании процесса творчества над его результатом.

В. Маяковскому, который чуть позже волился в круг футуристов, стало тесно в узких рамках нового течения с его масштабом творческой и человеческой натуры. М. Горький вообще полагал, что футуризм в его стихах отсутствует. И. Репин после знакомства с его поэмой «Облако в штанах» не считал Маяковского футуристом и захотел писать его портрет (Михайлов, 1988: 131). В силу своей социальной и философской ограниченности футуризм не мог решить общественных задач или сформулировать новые морально-нравственные ориентиры социума. «О модернистах я боюсь, что у них нет стержня, а только – талантливые завитки вокруг пустоты», – писал в своем дневнике А. Блок (Блок, 1989: 140).

Однако не все представители новых течений отрицательно относились к уже зарекомендовавшей себя реалистической школе. Несомненное уважение и почтение к корифеям русской живописи испытывали «мирискусники». А. Бенуа в своих воспоминаниях писал «о том престиже, которым пользовался в нашей компании, и особенно у меня, наш неоспоримо великий художник». А. Бенуа имел в виду И. Репина (Бенуа, 1998: 49). Но понимание нового у представителей старой школы имело свои пределы. Когда на одном из балов появилась Анна Бенуа в белом шелковом платье и большой соломенной шляпе, оба художника, А. Бенуа и К. Сомов, восхищенные ею, решили «увечковечить» ее в этом наряде. К. Сомов первоначально решает «просто и реально передать видимость». Но в процессе работы под влиянием поэзии Гофмана за спиной Анны вырос старинный, погруженный в сумерки сад, а в глубине на темном фоне изображались фигуры в одеяниях XVIII в. По мнению Бенуа, «все это вместе создавало очень нежную поэтичность». Произведение имело успех. Однако И. Репин своим учеником был недоволен, его возмущала сама затея, «отступление от реализма». По воспоминаниям Бенуа непонимание Репиным новомодных течений привело к их резкому и возмущенному «отвержению» с его стороны (Бенуа, 1998: 85).

Сибирь искусство модернизма задело лишь по касательной. «Провинция мало интересовалась нами», – отмечал в своих мемуарах А. Белый (Белый, 1990: 172). Сибирские писатели, не проявляя творческой самостоятельности, часто подражали авторскому стилю своих российских коллег. В. Шишков, к примеру, заимствовал сказочный стиль изложения у Ремизова в своем произведении «Кедр» (Русские писатели, 1990: 413). Сибирские поэты Г. Вяткин и П. Драверт в начале творческого пути были под большим влиянием Бальмонта. Однако позже Г. Вяткин выступал против декаданса, заявляя, например, что творчество З. Гиппиус и К. Бальмонта – «бред извращенной души, извращенного разума» (Вяткин, 1905: 193). Недолгим было увлечение символизмом писателя А. Сорокина. Он быстро отошел от символизма, называя его в одной из статей «суррогатом для дураков» (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 35. Л. 13). Мотивы одиночества и отчаяния практически постоянно присутствовали в послереволюционный период в творчестве поэта И. Тачалова. Это мироощущение поэта являлось результатом влияния декаданса и тяжелых личных жизненных условий. Однако в целом творчество И. Тачалова можно оценить как реалистическое. Пожалуй, единственным адвокатом модернизма среди представителей сибирской литературы был томский писатель И. Иванов, который сам занимался новаторским стихотворчеством. Он защищал модернизм и в интеллигентских дискуссиях, и в газетных статьях.

В 1912 г. с критикой модернизма и футуризма выступала томская газета «Утро Сибири». В редакторской статье «Модернизм и сибирские поэты» В. Воложанин в 1912 г. заявил об уродливости новых течений в искусстве и констатировал, что модернизм не находит питательной среды в Сибири. Выступление В. Воложанина с докладом о футуризме в литературе, в котором критиковался модернизм, было активно поддержано собравшимися на одном из творческих собраний (Вибе и др., 1994: 26). Через четыре года В. Воложанин резюмировал: «Сибирской интеллигенции далеко до самодовлеющей красоты. Она занята новой переоценкой общественно-политических ценностей.

Устами своей прессы она единодушно отрицает и декадентство, и символизм, и футуризм» (*Сибирская жизнь*, 1916, 12 окт.).

Изменения в общественно-политической обстановке в послереволюционной России привели к возникновению противоречивых явлений в изобразительном искусстве. Художники «Бубнового валета» по творческому кредо были близки к поэтам-футуристам. Насмехаясь над устоявшимися вкусами, «Бубновый валет» эпатажировал общество. На скандальных выступлениях художников в Политехническом музее часто присутствовал В. Маяковский. Свою первую выставку они организовали в 1910 г. в сарае, развешивали картины без рам, разрушая, как им казалось, преграды между зрителями и искусством. Это вынесение искусства в народ, на улицу приветствовал М. Горький. И некоторую уродливость этих новаций можно простить, потому что «они молоды... молоды. Их породила сама жизнь», – писал М. Горький (*Горький*, 1915: 3). На выставке в Томске в 1911 г. реакция зрителей на картины «бубнововалетцев» была неоднозначной. О выставке много спорили, ее посещали, но более консервативное по сравнению с центром общественное мнение сибиряков не спешило безоговорочно признавать модернистское искусство. В столицах же новое художественное направление было признано публикой относительно быстро, и его эпатажные методы борьбы за место в творческом пространстве становились излишними. Объединение «Бубновый валет» было распущено в 1916 г. после прощальной выставки.

Нужно отметить, что никогда еще русское искусство не было столь декларативным и противоречивым, как в межреволюционный период. Художники как будто сами не вполне осознавали, что же им нужно. Эта неопределенность в своих позициях и исканиях нашла отражение в деятельности художников русского авангарда, идеи которого воплотились в произведениях авторов художественных объединений «Голубая роза» и «Ослиный хвост». Двойственность позиции членов этих объединений состояла в том, что художники, демонстрируя творческий эгоизм и пренебрежение к публике, желали постоянно выставляться и разъяснять смысл своих картин посетителям, т.е. выказывали свою зависимость от публики, мнение которой им было небезразлично.

Художественную жизнь Сибири модернистские поиски затронули незначительным образом. Сибиряки традиционно придерживались реалистических взглядов на жизнь. «Главной проблемой для них оставался поиск средств новой художественной выразительности, выработка оригинальной традиции, основанной на своем самобытном восприятии мира» (*Gryaznukhina et al.*, 2017). Но все же влияние модернизма не могло не коснуться творческой интеллигенции Сибири. Увлечение писателя и талантливого художника А. Сорокина символизмом ограничивалось в основном использованием аллегорий. Одна из его символистских картин называется «Там, где были мысли». На ней изображены цветы, вырастающие из человеческого черепа (*ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 227. Л. 94*). В. Эттель при оформлении сборника писателей Омска «Жертвам войны» и иркутского журнала «Багульник» взял за образец рисунки журнала «Золотое руно», стоявшего на позициях символизма. Символистский характер носили работы скульптора-самоучки из Иркутска И. Жукова. Сюжеты его работ имели явные параллели с произведениями Ф. Сологуба. Героями его скульптур были сказочные существа из иных миров, которые являлись воплощением темных качеств души человека. Философско-художественное осмысление темы смерти предпринял Жуков в скульптуре «У обрыва жизни», в которой люди представлены в ожидании конца земного пути. Но страшна не только смерть, но и жизнь. Этот тезис он утверждает скульптурной композицией «У жизни в лапах», в которой девушка пытается вырваться из объятий жизни, аллегорически представленной в виде страшного монстра. Однако путь у нее один – к смерти (*ГАОО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 18*). Позитивные сюжеты в его творчестве связаны лишь с детьми, чистыми и безгрешными существами (*ГАОО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 20*).

Глубокое осмысление жизненных коллизий было характерно для талантливого самоучки из Красноярска А. Попова. Свое творчество он совершенствовал, используя советы В. Сурикова во время приездов признанного мастера на родину. Большую роль в своем творчестве А. Попов отводил портрету, в котором рельефнее можно было отображать внутренний мир человека, особенности его характера. Он создал скульптуры Л. Толстого, Н. Пирогова, апостола Петра, мраморную голову Христа (*ГАОО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356*). Любопытна его глиняная скульптура «Ищу человека». Художник изобразил греческого философа Диогена с фонарем в руке. Среди людского моря он ищет человека чистосердечного, искреннего, духовно прекрасного. Красноярский художник Д. Каратанов, напротив, стоял на позициях реализма. Писал он в основном пейзажи и портреты сибирских аборигенов, с которыми встречался во время своих многочисленных путешествий.

Новый тип художественного осмысления действительности нашел свое воплощение и в неопримитивизме. Это направление, начавшее свое развитие в межреволюционный период, было основано на фольклорном искусстве. Наиболее яркое отражение неопримитивизм нашел в творчестве М. Ларионова и Н. Гончаровой. А. Лентулов пытался соединить кубизм с фольклором и лубком. Центральной темой его творчества становится русская архитектура прошлых веков.

В стиле лубка на выставке в Иркутске в 1915 г. представили свои работы сибирские футуристы. Но, по свидетельству историка И. Серебренникова, на выставке было мало посетителей, которые с наибольшим интересом посещали другие экспозиции, в которых были выставлены трофеи с полей Первой мировой войны. Видимо, художественный уровень представленных футуристами работ не

попал в резонанс с интересами общества, поэтому реакция на новомодные произведения была достаточно вялой.

Внутренние метания художественной интеллигенции межреволюционного периода экстраполировались и на характер их творчества, и на оценку новых креативных подходов в создании произведений. В 1906 г. В. Мейерхольд поставил в гротесково-мистическом стиле с элементами классической драмы и площадного искусства «Балаганчик» Александра Блока. Мнения публики и коллег по цеху разделились. Режиссер Ф. Комиссаржевский заявлял: «...Натуралистический театр я отрицаю, так как ... театр создан перестраивать жизнь, вести за собой к прекрасному». А. Загаров, режиссер театра Корша, отвергая новации Мейерхольда, полагал, что театр должен показывать «не отражение жизни, а саму жизнь на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3457. Л. 35). Блока удручала модернистская манера постановок новатора театра, он называл ее «мейерхольдией», больше симпатий у него вызывал МХТ и «здоровый реализм» Станиславского. Однако поставленные основателем Художественного театра пьесы А. Блока успеха не имели (ЦГАЛИ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

В театрах Сибири модернизм часто воспринимался как наносная пена столичных творческих батальи. Газета «Омский вестник» в 1909 г. отмечала: «Провинция далеко стояла от исканий «нового театра» с его теориями модернизма, стилизации, упрощения, «смерти быта», «оголения идеи в символе» и т.д. Она стояла вне битвы «за» и «против» режиссерской диктатуры» (Омский вестник, 1909, 31 мая). Сибирское искусство отражало мировоззрение и мироощущение местной интеллигенции. «В Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017). Конкретно-предметное восприятие жизни обуславливало сохранение за реализмом главенствующего положения в искусстве Сибири. Театральные постановки коллективов П. Медведева, С. Брагина, М. Каширина, А. Аярова, З. Ковалевой игрались по несколько сезонов с неизменным успехом благодаря именно тому, что базировались на реалистических позициях.

Самоустранение от общественной жизни стало реакцией на итоги революционных событий 1905 г. со стороны российской интеллигенции. Многие из ее представителей занялись религиозной философией, мистицизмом. В оккультизм и теософию окунулся А. Белый. С. Рахманинов в 1906–1907 гг. написал романс о мире, залитом слезами и кровью, на слова Д. Мережковского. Тяготеющий к греческой архаике Л. Бакст в 1908 г. создал картину «Древний ужас», особо популярную у символистов. Ощущение вселенской катастрофы передают грозное небо и бушующее море, освещенные молниями. Загадочная улыбка коры, представленной на фоне разыгравшейся стихии, не предвещает ничего хорошего. Не случайно, что именно образ метущейся над грозным морем чайки становится символом настроения интеллигенции того времени. Под впечатлением этого образа красноярский художник Д. Каратанов в 1910 г., оформляя художественно-этнографический вечер, тоже использовал этот интеллигентский символ (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356. Л. 100).

Сибирская театральная интеллигенция отреагировала на послереволюционный кризис драмами Л. Андреева, Ф. Сологуба, носившими мистический характер. Однако глубинные реалистические корни театров Сибири дали соответствующую сценическую поросль. В сезоны 1908–1912 гг. почти на всех сценах ставился классический репертуар. Осваивают сибиряки в это время и новый для себя оперный жанр. П. Иванов в Красноярске создал веселую оперу для детей «Царевна-земляничка», имевшую успех у зрителей. Понимание нужд и запросов народа, деятельное начало сибирской интеллигенции позволили ей быстрее, чем в столицах, преодолеть упаднические настроения, состояние безнадежности и пессимизма.

5. Заключение

В межреволюционный период у российской творческой интеллигенции обострилось ощущение своего мессианского предназначения по формированию и укреплению нравственных основ российского общества. Причем революцию интеллигенция рассматривала как инструмент очищения и избавления от отживших свой век социокультурных элементов. Интеллигенция с оптимизмом и надеждой смотрела в послереволюционное будущее, которое будет освобождено свежим потоком революции от язв и пороков прошлого и настоящего. Однако мечтам не суждено было сбыться.

Первая русская революция восхитила и испугала российскую интеллигенцию своими тектоническими социальными подвижками и стихийной народной мощью, вырвавшейся из-под имперского гнета. Революция привела к трансформации позиции творческой интеллигенции относительно роли народа в судьбе России, что вызвало значительное увеличение количества произведений гражданской и патриотической тематики.

На творчество сибирской интеллигенции в межреволюционный период накладывали свой отпечаток имевшиеся особенности социально-экономических и этно-культурных процессов региона. В отличие от центрально-русской интеллигенции, сконцентрировавшейся на глубинном осмыслении происходивших социальных трансформаций, деятельность сибирской интеллигенции локализовалась на прагматических задачах по сохранению и увеличению материальной базы развития местной культуры. В приоритете было становление и расширение художественного образования, организация творческих учебных заведений, создание оркестров и оснащение их

музыкальными инструментами.

Новые течения в искусстве, накрывшие своей волной творческую интеллигенцию центральной России, доносили до Сибири лишь скудные ручейки, довольно быстро иссякавшие. Непокосимости реализма в творчестве сибирской интеллигенции помогала специфика сибирского менталитета, отличавшегося прагматической направленностью и трезвым оцениванием людей и ситуаций. Реалистический метод изложения художественного материала в понимании сибиряков был более доступен для восприятия, чем символистические, акмеистические и футуристические изыски.

Творческая интеллигенция в межреволюционный период, воодушевившись преобразовательными идеями революции, предложила обществу эстетическую программу его переустройства. Однако в отрыве от решения всего комплекса проблем, стоявших перед страной, задача оказалась неразрешимой априори.

Литература

- Абалкин, 1954 – Абалкин Н. Система Станиславского и советский театр. М.: Иск-во, 1954. 393 с.
- Артамонова, 2000 – Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М.: Прометей, 2000. 237 с.
- Белый, 1990 – Белый А. Между двух революций. М., 1990. 670 с.
- Бенуа, 1998 – Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1998. 448 с.
- Блок, 1989 – Блок А.А. Дневник. М., 1989. 512 с.
- Брюсов, 1987 – Брюсов В.Я. Смысл современной поэзии. В Политехническом «Вечер новой поэзии». Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 254–269.
- Вибе и др., 1994 – Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.
- Вяткин, 1905 – Вяткин Г. Библиография // *Сибирский наблюдатель*. 1905. № 1–2. С. 188–193.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Гордович, 1997 – Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 1997. 320 с.
- Горький, 1915 – Горький М. О русском футуризме // *Журнал журналов*. 1915. № 1. С. 3–4.
- Громова, 1998 – Громова О.В. Из истории театральной жизни г. Красноярска (1874–1917). Красноярск. 1998. 13 с.
- Гумилев, 1992 – Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм. Стихи. Проза. Иркутск. 1992. С. 405–409.
- Девятьярова, 2000 – Девятьярова И.Г. Художественная жизнь Омска XIX – первой половины XX века. Омск. 2000. 144 с.
- Кассу и др., 1998 – Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.
- Ковалевская, 1983 – Ковалевская Т.М. Русский реализм и проблема идеала. М., 1983. 304 с.
- Коган, 1970 – Коган Д.З. Мамонтовский кружок. М., 1970. 220 с.
- Кристиан, 2000 – Кристиан Д. Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.
- Мешалкин, 1998 – Мешалкин П.Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Красноярск. 1998. 160 с.
- Михайлов, 1988 – Михайлов А. Маяковский. М., 1988. 560 с.
- Мочульский, 1997 – Мочульский К.В. А. Блок, А. Белый, В. Брюсов. М., 1997. 479 с.
- Орлов, 1980 – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- ОРЛС, 1982 – Очерки русской литературы Сибири 1982 – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск. 1982. 606 с.
- Порхунов, 1993 – Порхунов Г.А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск. 1993. 194 с.
- Рудницкий, 1981 – Рудницкий К. Мейерхольд. М., 1981. 423 с.
- Русские писатели, 1990 – Русские писатели: Библиографический словарь. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. 874 с.
- Соловцов, 1969 – Соловцов А. С.В. Рахманинов. М., 1969. 175 с.
- Станиславский, 1980 – Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 1989. 430 с.
- ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства.
- Чуковский, 1958 – Чуковский К.И. Из воспоминаний. М., 1958. 363 с.
- Шаляпин, 1991 – Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М., 1991. 319 с.
- Яневская, 1983 – Яневская С.В. Омский драматический. Омск. 1983. 192 с.
- Finkel, 2003 – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia // *Russian Review*, 2003, Vol. 62, Is. 4, pp. 589–613.
- Graber, Murray, 2015 – Graber K.E., Murray J.D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // *Slavic Review*, 2015, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.

Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. pp. 625 – 634.

Karchaeva et al., 2017 – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is.1. pp. 86–93.

Pereira, 1993 – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

References

Abalkin, 1954 – Abalkin N. (1954). Sistema Stanislavskogo i sovetskii teatr [The Stanislavsky system and the Soviet theater]. Moscow, 1954. 393 p. [in Russian]

Artamonova, 2000 – Artamonova N.Y. (2000). Intelligentsiya Vostochnoi Sibiri: opyt formirovaniya i deyatelnosti (konets XIX – seredina XX vv.) [Intelligentsia of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – XX centuries the middle)]. Moscow, 237 p. [in Russian].

Belyi, 1990 – Belyi A. (1990). Mezhdru dvukh revolyutsii [Between the two revolutions]. Moscow, 670 p. [in Russian]

Benua, 1998 – Benua A.N. (1998). Istoriya russkoi zhivopisi v XIX veke [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow, 448 p. [in Russian]

Blok, 1989 – Blok A.A. (1989). Dnevnik [Diary]. Moscow, 512 p. [in Russian]

Bryusov, 1987 – Bryusov V.Y. (1987). Smysl sovremennoi poezii. V Politekhnikheskom «Veher novo poezii». Stat'i. Manifesty. Vospominaniya [The Meaning of modern poetry // At the Polytechnic "an Evening of new poetry". Articles. Manifestos. Memory lane]. Moscow. pp. 254–269. [in Russian]

Vibe i dr., 1994 – Vibe P.P., Mikheev A.P., Pugacheva N.M. (1994). Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar' [Omsk state history dictionary]. Moscow. 320 p. [in Russian]

Vyatkin, 1905 – Vyatkin G. (1905). Bibliografiya [Bibliography]. *Sibirskii nablyudatel'*, № 1–2. pp. 188–193. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of the Krasnoyarsk territory].

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].

Gordovich, 1997 – Gordovich K.D. (1997). Istoriya otechestvennoi literatury XX veka [History of Russian literature of XX century]. Saint-Petersburg. 320 p. [in Russian]

Gor'kii, 1915 – Gor'kii M. (1915). O russkom futurizme [On russian futurism]. *Zhurnal zhurnalov*, № 1. pp. 3–4. [in Russian]

Gromova, 1998 – Gromova O.V. (1998). Iz istorii teatral'no zhizni g. Krasnoyarska (1874 – 1917) [From the history of the theatrical life of the city of Krasnoyarsk (1874 – 1917)]. Krasnoyarsk, 13 p. [in Russian].

Gumilev, 1992 – Gumilev N.S. (1992). Nasledie simvolizma i akmeizm // Stikhi. Proza [The heritage of symbolism and Acmeism. Poetry. Prose]. Irkutsk. pp. 405–409. [in Russian]

Devyat'yarova, 2000 – Devyat'yarova I.G. (2000). Khudozhestvennaya zhizn' Omska XIX – pervoi poloviny XX veka [Artistic life of Omsk of the XIX – first half of XX century]. Omsk. 144 p. [in Russian]

Kassu i dr., 1998 – Kassu Zh., Bryunel' P., Klodon F. i dr. (1998). Entsiklopediya simvolizma. Zhivopis', grafika i skulptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, graphics and sculpture. Literature. Music.]. Moscow. 429 p. [in Russian]

Kovalevskaya, 1983 – Kovalevskaya T.M. (1983). Russkii realizm i problema ideala [Russian realism and the problem of the ideal]. Moscow. 304 p. [in Russian]

Kogan, 1970 – Kogan D.Z. (1970). Mamontovskii kruzhok [Mamontov circle]. Moscow. 220 p. [in Russian]

Kristian, 2000 – Kristian D. (2000). Simvolisty i dekadenty [The Symbolists and decadents]. Moscow. 91 p. [in Russian]

Meshalkin, 1998 – Meshalkin P.N. (1998). Oderzhimye. O deyatel'nykh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX – XX vv [Obsessed. About the figures of culture of Krasnoyarsk at the turn of XIX – XX centuries]. Krasnoyarsk. 160 p. [in Russian]

Mikhailov, 1988 – Mikhailov A. (1988). Mayakovskii [Mayakovsky]. Moscow. 560 p. [in Russian]

Mochul'skii, 1997 – Mochul'skii K.V. (1997). A. Blok, A. Belyi, V. Bryusov. M. 479 p. [in Russian]

Muratov, 1974 – Muratov P. (1974). Izobrazitel'noe iskusstvo Tomsk [Fine arts of Tomsk]. Novosibirsk. 80 p. [in Russian]

Orlov, 1980 – Orlov V. (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [The Life Of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [in Russian]

ORLS, 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. T. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [in Russian]

Porkhunov, 1993 – Porkhunov G.A. (1993). Gorodskie demokraticheskie sloi naseleniya Sibiri v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii (1905 – 1914 gg.) [Urban democratic strata of the population of Siberia in the socio-political movement (1905 – 1914)]. Omsk. 194 p. [in Russian]

Rudnitskii, 1981 – Rudnitskii K. (1981). Meierkhol'd [Meyerhold]. Moscow, 423 p. [in Russian]

- [Russkie pisateli, 1990](#) – Russkie pisateli: bibliograficheskii slovar' [Russian writers: bibliography dictionary]. Ch. 2. Moscow, 1990. 874 p. [in Russian]
- [Solovtsov, 1969](#) – *Solovtsov A.* (1969). S.V. Rakhmaninov [Rachmaninov]. Moscow. 175 p. [in Russian]
- [Stanislavskii, 1980](#) – *Stanislavskii K.S.* (1980). Moya zhizn' v iskusstve [My life in art]. Moscow. 430 p. [in Russian]
- [TsGALI](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Central state archive of literature and art].
- [Chukovskii, 1958](#) – *Chukovskii K.I.* (1958). Iz vospominanii [From the memories]. Moscow. 363 p. [in Russian]
- [Shalyapin, 1991](#) – *Shalyapin F.I.* (1991). Maska i dusha [The Mask and the soul]. Moscow. 319 p. [in Russian]
- [Yanevskaya, 1983](#) – *Yanevskaya S.V.* (1983). Omskii dramaticheskii [Omsk drama]. Omsk. 192 p. [in Russian]
- [Finkel, 2003](#) – *Finkel S.* (2003). Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*, Vol. 62. Is. 4. pp. 589-613.
- [Graber, Murray, 2015](#) – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- [Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.* (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625–634.
- [Karchaeva et al., 2017](#) – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1. pp. 86-93.
- [Pereira, 1993](#) – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

Поиск новых форм творчества российской интеллигенцией в межреволюционный период (1905–1917 гг.)

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Денис Николаевич Гергилев ^a, Лариса Федоровна Малютина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе освещена деятельность художественной интеллигенции России и Сибири в межреволюционную эпоху (1905–1917 гг.). Отмечено влияние социально-экономических и политических аспектов на характер творчества интеллигенции. Незнание реалий, оторванность ее от жизни привели к тому, что художественная элита России жила в созданном ею мире. Непонимание народа привело к его идеализации, вере в то, что, пройдя через очищающее горнило революции, он выйдет духовно обновленным, способным к восприятию прекрасного. Поражение революции и осознание того, что даже в случае ее победы духовное перерождение общества едва ли наступило бы вдруг и сразу, повергло интеллигенцию в состояние уныния, апатии и пессимизма. Это состояние нашло свое выражение в декадансе как особой форме умоностроения. Анализ причин произошедших изменений показывает, что в основе их лежит непонимание сути событий, неумение их объяснить и адаптироваться к ним. Общественно-политические и социально-экономические события в центральной России затронули и творчество художественной интеллигенции Сибири. Здесь, однако, поиск новых форм и средств художественной выразительности не носил столь глубокого характера. Увлечение модернизмом зачастую было временным или случайным. И художники, и зрители предпочитали следовать реалистическим традициям в искусстве. Трезвый, реалистический взгляд на жизнь способствовал тому, что сибирская интеллигенция сравнительно быстро преодолела настроения упадка и пессимизма в своем творчестве. В статье рассмотрены примеры влияния декаданса на творчество наиболее известных мастеров художественного цеха.

Ключевые слова: интеллигенция, творчество, революция, декаданс, символизм, акмеизм, футуризм, культура, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), turilak@yandex (Д.Н. Гергилев), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1278-1286. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1278
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Development of Out-of-school Education in Western Siberia at the beginning of the XX century

Elena M. Redkina ^{a, *}, Alexander B. Khramtsov ^a

^aTyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

In article the main directions of development of out-of-school education in Western Siberia in 1905 – february, 1917 are considered. The contribution to this work of provincial and city managements, private (public) initiatives is noted. The forms of actions of out-of-school education which have gained development in Siberia are allocated, their group is given: lecture, library and publishing, museum and excursion, art and esthetic and sports. Out-of-school education has gained uneven distribution in the territory of the region: in the large cities (Tomsk, Novonikolayevsk, Tyumen, Tobolsk, Kurgan, Barnaul) various forms, in small settlements – only separate have been presented. Among characteristic features – not readiness special techniques, lack of accurate dominants of development of out-of-school activity which general direction can be considered developing. She has served as an auxiliary view of education and self-education of the population and also means of fight against addictions. Thanks to it leisure of youth was filled, the sociocultural horizons of semiliterate people were broadened.

Keywords: out-of-school education, education, education of library, theaters, sunday schools, national readings, Western Siberia.

1. Введение

В современных условиях жизнедеятельности и развития общественных процессов особое значение для духовного возрождения российских граждан имеет распространение и популяризация культурно-просветительных ценностей. Период конца XIX – начала XX веков характеризуется активным развитием в стране народного образования. Для закрепления и расширения знаний, полученных в школах, требовалось социокультурное просвещение, связанное с посещением библиотек и читален, театров и музеев, различных праздников и досуговых мероприятий. Это явление вошло в историю как «внешкольное образование». Проводниками внешкольного образования в Сибири, вследствие отсутствия земств, стали городские управления, культурно-просветительные общества и общественные деятели (учителя, врачи, чиновники, священники), деятельность которых была направлена на распространение просвещения и социально-культурных знаний среди населения, наполнение досуга молодежи организованными формами, что следует использовать и в настоящее время.

Цель данного исследования – рассмотреть роль, место и основные направления развития внешкольного образования в Западной Сибири (1905 – февраль 1917), раскрыть характерные особенности этой работы в регионе. Начальная граница работы обусловлена революционным процессом, активизировавшим сибирскую общественность, в том числе в деле просвещения, последняя граница – сменой государственного устройства и разрушением прежних основ внешкольной работы с населением.

* Corresponding author

E-mail addresses: redkina16@yandex.ru (E.M. Redkina), khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

2. Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу данной работы составляют взаимосвязанные принципы историзма и научной объективности. Принцип системности позволяет рассматривать внешкольное образование в развитии как целостную систему, составляющими которой являются просветительные общества, органы власти и управления, общественные деятели и население.

В ходе подготовки исследования применялся комплекс научно-исследовательских методов как теоретических (анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение), так и эмпирических (изучение архивных документов и публикаций современников, контент-анализ, статистический метод). Сравнительно-исторический метод позволил выявить особенности развития внешкольного образования на территории Западной Сибири. Проблемно-хронологический метод использован для определения проблем в развитии внешкольного просвещения в регионе, их эволюции и динамики.

Среди неопубликованных источников использованы материалы архивных фондов региональных архивов (Новосибирской, Томской и Тюменской областей), в которых сохранились донесения, постановления и рапорты городских властей об организации мероприятий в сфере внешкольного образования, доклады и прошения общественных учреждений, афиши и программы праздников, спектаклей и вечеров. Особый научный интерес представляют ежегодные отчеты дирекций народных училищ о внешкольном образовании, сметы доходов и расходов на проведение различных акций и др. Целый ряд архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Среди опубликованных источников следует выделить отчеты местных обществ и заметки периодической печати о культурно-просветительных акциях, которые извлечены из редких фондов областных научных библиотек: имени Д.И. Менделеева (г. Тюмень) и имени А.И. Пушкина (г. Томск).

3. Обсуждение

Несмотря на обилие работ по истории культурно-просветительной и благотворительной деятельности, специальных работ о развитии внешкольного образования в Западной Сибири, недостаточно. Это направление фрагментарно затрагивалось в общих исследованиях по истории сибирских городов ([Ермолаев, 2008](#)), народного образования и культурной жизни края ([Фадеев, 2005](#)).

Проблемы развития внешкольного образования отражены в работах досоветского периода. Пожалуй, первой теоретической разработкой стал труд В.П. Вахтерова, вышедший в 1896 г. Он считал, что «сила страны не в пространстве, даже не в числе людей, а тем менее в количестве войск, сила страны в числе просвещенных, энергичных, трудоспособных стойких деятелей, а это дело воспитания и образования» ([Вахтеров, 1896: 3](#)).

Отдельно можно назвать Е.Н. Медынского, обобщившего работы современников и создавшего свою систему взглядов на внешкольное образование, не потерявших значимость и в настоящее время. По его мнению, «внешкольное образование никакою школой заменено быть не может..., чем выше образование школьное, тем больше потребность во внешкольном образовании. Не может идти речи о замене и дополнении» ([Медынский, 1913: 8](#)).

Особый интерес представляет монография Е.А. Дегальцевой, где на примере Сибири показан процесс становления и развития общественных (неполитических) организаций в России. Автор исследует их деятельность, в том числе в социально-культурной сфере ([Дегальцева, 2002](#)).

Сегодня наблюдается интерес к изучению процессов становления и развития учреждений сферы внешкольного образования в Сибири: исследуется роль библиотек ([Зайцева, 2009](#)); (Никулина, Потупчик, 2017); обществ попечения о начальном образовании и яслей ([Юрочкина, 2007](#)); народных домов ([Ромм, 2004](#)); прослеживается вклад отдельных лиц и социальных групп в эту сферу, в частности социальная активность купечества в организации трезвенных, досуговых, профессиональных и культурно-просветительных объединений в регионе ([Зиновьев, Зиновьева, 2016](#)); роль студенчества в культурно-образовательной жизни региона ([Ustinova, Skifskaya, 2017](#)).

Следовательно, отдельные аспекты внешкольного воспитания сибирского населения нашли отражение в трудах современных авторов. В целом, пока отсутствуют крупные монографические работы по исследуемой проблеме.

4. Результаты

К началу XX века организация внешкольного просвещения отвечала насущным интересам различных слоев населения Сибирского региона, в особенности мещан и крестьян, в среде которых наблюдалось большое количество неграмотных. В городах и селах возникают различные культурно-просветительные общества, ставившие основной своей целью создание рационального досуга, содействие распространению образования и всестороннему развитию личности. В частности, согласно уставу Курганского общества внешкольного воспитания (1912 г.), цель общества – «практическое содействие внешкольному воспитанию детей, подготавливая их к жизни сообразно с их природными, душевными и умственными способностями и наклонностями» ([ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1020. Л. 10](#)).

О побудительных мотивах участия частных лиц в организации и финансировании внешкольных мероприятий существуют разные суждения. По мнению ряда исследователей,

сибирские купцы так исполняли перед городским обществом свой долг как по религиозным и патриотическим доводам, так и из-за расчета, в силу собственных пристрастий (Зиновьев, Зиновьева, 2016: 17). Вне зависимости от этого общественная инициатива значительно дополняла, а порой и заменяла деятельность губернских властей и органов местного самоуправления в этой сфере (Дегальцева, 2002: 5).

В начале XX века наблюдался процесс стабилизации и численного роста организаций внешкольной работы в регионе. В Сибири развивались те же формы внешкольного образования, что и в других районах страны. Однако необходимо заметить неравномерность их распространения: в крупных городах были представлены разные формы, в малых городах и селах – лишь отдельные.

Выделим сложившиеся формы внешкольных мероприятий на территории региона с группировкой по присущим им чертам:

Мероприятия лекционного характера: народные чтения, беседы, публичные лекции, воскресные школы и др.

Характерной особенностью этой работы является «живое слово» лектора, который любя и зная определенную область науки, способен заразить и других любовью к знанию, помочь им в познании нового. Народные чтения по обширной тематике быстро распространялись вследствие своей доступности по содержанию и небольшим расходам на их проведение, занимательности и практической пользе для всего населения. Врачи читали лекции о заразных болезнях, гигиене и медицине вообще, наставлении отцам и матерям. Чтения по русской истории, географии и этнографии собирали полные залы слушателей. Публику знакомили с произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ч. Диккенса и многих других. На организацию чтений не требовались большие затраты, а применение картинок как иллюстраций лекции усиливало эффект воздействия. Финансировались чтения губернскими и городскими властями и просветительными обществами.

Например, в г. Томске главным организатором публичных лекций с 1903 г. был А.Н. Гаттенбергер (мировой судья). Он приглашал лекторов, запрашивал разрешение у властей, заказывал объявления, билеты и т.п. Профессора охотно читали лекции по физике, ботанике, химии, геологии, а публика заполняла зал бесплатной библиотеки. Интересно, что по разным причинам с 1906 по 1909 гг. лекции не проводились. И возобновились уже на принципе платности: слушатель оплачивал от 5 до 60 коп., а лектор получал гонорар по 10 руб. за лекцию. После введения платности посещаемость лекций снизилась, а их организация не покрывалась платой слушателей (Город, 1912: 68).

В организации народных чтений не наблюдалось систематичности и планомерности. Директор народных училищ Тобольской губернии в отчете за 1915 г. указывал, что народные чтения не имели правильной организации и носили случайный характер как в отношении материала для чтений, так и количества. По его мнению, «желательно иметь постоянного заведующего чтениями, ... чтобы следил за более правильной постановкой чтений» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 10).

Воскресные школы в основном имели смешанный тип (для мальчиков и девочек) и содержались на средства просветительных обществ. В них бесплатно обучали грамоте, Закону Божьему и арифметике (Khramtsov, 2018: 352). В частности, в Новониколаевске с 1910 г. функционировали три воскресные школы, которые бесплатно обслуживали часть рабочей молодежи. Без вознаграждения в воскресные и праздничные дни работали в них учителя начальных школ (Юрочкина, 2007: 151).

Однако следует заметить тенденцию к сокращению воскресных школ как формы дополнительного образования населения в исследуемый период: если к 1905 г. они действовали в 35 % сибирских городов (Города России, 1904: 0421), то к 1912 г. – лишь в 15 % (Города России, 1910: 1059).

Мероприятия библиотечно-издательского характера: издание книг, журналов, газет, общие и специальные библиотеки, передвижные читальни.

В развитии библиотечного дела как формы внешкольного образования можно отметить ряд позитивных результатов: во-первых, библиотеки учреждались практически повсеместно. К 1905 г. библиотечных заведений не было лишь в двух городах Тобольской губернии (Сургут, Туринск) и одном городе Томской губернии (Колывань) (Города России, 1904: 0396). Скажем, просветительным обществом были открыты около 300 сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (на 1912 г.) с фондом более 83 000 книг и более 70 тыс. подписчиков (Очерк, 1912); во-вторых, в исследуемый период значительно увеличилась численность читателей; в-третьих, библиотеки стали центрами распространения книжной культуры, сыграли важную роль в приобщении к чтению и повышении грамотности жителей (Зайцева, 2009: 51).

В Сибири начали открываться частные типографии: на 1910 г. – 16 в Тобольской и 19 – в Томской губерниях (Города России, 1910: 1056). Заведения печати посредством издания книг, газет и журналов участвовали в просвещении населения. Например, в типографии С.И. Двойникова (г. Ишим) издавались программы концертов и вечеров. Согласно одной из программ, детский вечер состоял из 22-х разделов: чтений (стихи А.С. Пушкина, басни И.А. Крылова, былины А.К. Толстого); хороших пений (гимн «Боже, Царя храни» и «Славься, славься, наш Русский Царь») и др. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 83. Л. 22).

Мероприятия музейно-экскурсионного характера: музеи, экскурсии, стационарные и передвижные выставки.

Музейная инфраструктура в начале XX века была слабо развита: 5 музеев на 20 городов (Таблица 1). Характерной особенностью музейных акций являлась наглядность и конкретность. Постепенно интерес проявился к изучению истории, природы и культуры родного края. Этим занимались главные краеведческие общества: Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества (г. Омск) и «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», открытое в 1908 г. с отделениями в Тобольске, Ишиме, Москве и других центрах. В составе последнего общества насчитывалось 105 членов (среди них общественные деятели Н.Л. Скалозубов, В.И. Дзюбинский, П.М. Головачев), в нем действовало несколько комиссий: инородческая, земская, по торгово-промышленным и экономическим вопросам (СВ, 1909: 6).

Общества организовывали научные экспедиции, формировали музейные коллекции и выставки, издавали труды по краеведению и др. «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта» в г. Новониколаевске начало работать в 1913 г. с открытия музейной коллекции в зале Городского торгового корпуса, тем самым «было заложено начало общему городскому музею» (ГАНО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 117. Л. 8). Власти отдельных городов проявили заинтересованность в развитии музейного дела. В частности, Томская городская дума в собраниях 20 декабря 1910 г. и 9 февраля 1911 г. при рассмотрении вопроса о праздновании 50-летия освобождения крестьян от крепостного права постановила: 1) учредить в эту честь в г. Томске Областной Сибирский научно-художественный музей, 2) выделить на организацию музея 50 тыс. руб., 3) избрать специальный комитет по устройству музея (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2959. Л. 874, Д. 2960. Л. 86).

В Тюменском Николаевском приходском училище в 1910 г. на средства губернского земского сбора власти открыли Педагогический музей, заведующим которого стал учитель училища. Музей имел коллекцию картин исторического, географического и религиозного содержания для стереоскопа, 15 стереоскопов, небольшую коллекцию чучел животных и птиц, минералов. Эти коллекции с большим интересом рассматривались учащимися (ГА в г. Тобольске. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 94. Л. 10). Однако можно констатировать, что в регионе не было специально подготовленных музейных работников и экскурсоводов в исследуемый период. Эта форма внешкольного образования получила зачаточное развитие только в крупных сибирских городах (табл. 1).

Мероприятия художественно-эстетического характера: народные праздники и гулянья, театры, концерты, кинематограф и др.

После первой русской революции в городах Сибири наблюдалось заметное оживление в данной сфере. Среди внешкольных мероприятий эта группа имела мощную силу воздействия на широкие народные массы, приобщая их к величайшим произведениям культуры и искусства. В губернских, а позднее и уездных городах создаются литературные, драматические и музыкальные общества, организующие досуг населения, отвлекающие их от вредных пристрастий: карточной игры, калачных боев, распития спиртного.

В репертуаре сибирских театров ключевое место занимали пьесы, ставившиеся на сценах МХТа. Конечно, профессиональных театральных трупп в городах было крайне мало, в основном – любители. Скажем, в г. Мариинске музыкально-драматическое общество появилось осенью 1908 г. Местные актеры не имели специального образования, все они были любителями (Ермолаев, 2008: 504). В г. Ишиме действовал кружок любителей сценического искусства. Кружок устраивал концерты, литературные вечера, художественные выставки и праздники. В г. Тюмени, в театре А.И. Текутьева, переданном им городу, проходили важные общественные мероприятия (скажем, выборы в Государственную думу), на сцене устраивались драматические представления, оперетта, концерты, встречи, вечера и маскарады (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 16). В г. Ялutorовске у театралов своего помещения не было, а любительские спектакли ставились в Доме дамского комитета, с ценой билета от 30 коп. до 2-х руб.

Особо выделялись праздники. Например, в первый день празднования 300-летия Дома Романовых 21 февраля 1913 г. в городах был проведен торжественный молебен, после которого всем желающим были розданы юбилейные брошюры с портретами русских царей. В г. Мариинске состоялись народные чтения, оркестром вольного пожарного общества был исполнен гимн «Боже, Царя храни», священник И. Двинянинов прочел очерк из истории дома Романовых, стихотворение К.Ф. Рылеева «Подвиг Сусанина» – В.Г. Зеленская, отрывки из сочинений о К. Минине и Д. Пожарском – С.В. Авдюхина. Вечером в Мариинском общественном управлении силами самих жителей был поставлен спектакль «Жизнь за Царя» (Ермолаев, 2008: 543).

Зачастую просветительные общества устраивали праздники и народные гулянья, чтобы пополнить свой бюджет для реализации главных уставных целей. В частности, правление томского общества «Ясли» в 1911 г. обратилось в местную думу за разрешением устройства в городском саду платных гуляний для сбора средств, необходимых на содержание приюта. Дума дала свое разрешение (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2960. Л. 579 об.).

В городах формировалась художественно-эстетическая инфраструктура (Таблица 1 и Таблица 2). Ощутимый вклад в создание социальных объектов внесли просветительные общества. Например, Курганское общество внешкольного воспитания в соответствии с уставной целью

устраивало детские приюты, детские сады и клубы, библиотеки, читальни и другие учреждения. Среди главных достижений общества – учреждение «народного детского сада» (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1020. Л. 10).

Таблица 1. Театры, цирки, музеи в городах Западной Сибири. 1910–1912 гг. (Города России, 1910: 1057)

Тобольская губерния	Города	Театры	Клубы и сцены	Народные дома	Цирки	Музеи	Томская губерния	Города	Театры	Клубы и сцены	Народные дома	Цирки	Музеи
	Тобольск	1	2	-	-	1		Томск	1	-	-	1	1
	Березов	-	-	-	-	-		Барнаул	2	2	1	-	-
	Ишим	1	1	-	-	-		Бийск	1	3	-	-	-
	Курган	1	2	-	-	-		Каинск	-	1	-	1	-
	Сургут	-	-	-	-	-		Кузнецк	-	-	-	-	-
	Тара	-	-	-	-	-		Мариинск	1	1	-	-	-
	Турунск	-	-	-	-	-		Змеиногорск	-	-	1	-	-
	Тюкалинск	-	1	1	1	-		Колывань	1	-	-	-	-
	Тюмень	1	1	1	1	1		Нарым	-	-	-	-	-
Тобольская губерния	Ялуторовск	-	-	1	-	-	Томская губерния	Новониколаевск	1	3	-	1	2
	Всего	4	7	3	2	2		Всего	7	10	2	3	3

В 1910–1912 гг. в статистику вошли «клубы и сцены». Число их в 2-х губерниях было всего 18 в Тобольской и 25 в Томской губерниях. Интересно, что в Ялуторовске театра и музея не стало, зато театры открылись в гг. Тобольск, Ишим, Курган и Тюмень и один музей в – Тюмени. Театры действовали в 6 городах Томской губернии, кроме малых городов (Каинск, Кузнецк, Змеиногорск и Нарым), а музеи – лишь в г. Томске и г. Новониколаевске.

Таблица 2. Заведения сценического искусства и кинотеатры г. Тюмени. 1909–1910 гг. (ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 18 об., 27-30)

Наименование заведения	Общая сумма сбора (руб.)	Мест для публики	Стоимость билетов (от и до)	Число сеансов (в сезон или год)	Валовая доходность (руб.)
Театр А.И. Текутьева	805	993	40 коп. – 2 руб. 20 коп.	900 сеансов в 1910 г.	66 815
Клуб приказчиков	600	560	35 коп. – 2 руб. 30 коп.	1200 сеансов в 1910 г.	28800
Открытая сцена гостиницы «Эрмитаж»	35	70	50 коп.	7 платных спектаклей на 01.07.1910	490
Электро-театр «Прогресс»	80,80	420	10-50 коп.	83 спектакля в сезон 1909/1910 гг.	72770
Электро-театр «Рояль-Вио»	25	120	10-40 коп.	750 сеансов в сезон 1909/1910 гг.	18750
Электро-театр «Модерн»	73	300	10-40 коп.	48 спектаклей в сезон 1909/1910 гг.	87600
Народный дом	85	224	20 коп. – 1 руб. 5 коп.	30 спектаклей в зимний сезон 1909/1910 гг.	2550

Очевидно, что статистика не учла целый ряд временных социальных объектов и проводимых ими акций. Так, во многих поселениях для бедняков устраивались народные гулянья и развлекательные представления бесплатно или по заниженным ценам. Организаторами таких праздников являлись органы местного самоуправления и просветительные общества. Скажем, в г. Тюмени, как и в других центрах, любимой забавой жителей были кулачные бои «стенка на стенку» с

участием молодежи из двух частей города. Позднее местный Клуб приказчиков перенес данное развлечение на свою постоянную сцену, что возмутило широкую общественность (СЛ, 1906: 1). Наряду с этим, ряд культурных заведений имел комплексный характер. В частности, открытый в г. Бийске на частные пожертвования и средства города «Народный дом» имел театральные зал, библиотеку, музей, кинозал и аудитории для лекций и чтений (СЖ, 1912: 260).

В 1907–1908 гг. появляются первые электро-театры (табл. 2). Повышенный спрос способствовал развитию кинопредпринимательства, и к началу 1917 г. в каждом уездном городе работали стационарные кинотеатры и передвижные киноустановки во многих сельских пунктах. Кинематограф, по сути, произвел прорыв в мироощущении и сознании населения: в условиях повседневной жизни он дал возможность прикоснуться к новому, неизвестному миру, почувствовать обстановку в других странах, накал жизненных страстей, погрузиться в мир детективов и приключений (Фадеев, 2005: 202). Киносеансы приносили городам хороший доход. В этой связи мариинские власти приобрели кинематограф, который был установлен в зале общественного собрания (Ермолаев, 2008: 506).

Еще одним новым социально-культурным объектом, реализующим задачи внешкольного просвещения, стал цирк. Особенности цирка – производственное пространство (цирковой манеж), контрастность и многообразие жанров (люди, животные, спорт, техника, акробатика, жонглирование, эквилибр и др.). Скажем, Томская городская дума в заседании 28 сентября 1911 г. одной из первых признала возможным постройку временного деревянного цирка, уступив в аренду свободную площадь на Набережной реки Ушайки (всего 450 кв. саж. по 6 руб. за каждую). Кроме этого, в санитарных, противопожарных и эстетических целях все постройки должны были вестись под наблюдением городского архитектора (ГАТомО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2960. Л. 699–700).

Мероприятия физкультурно-спортивного характера: спортивные состязания, танцы, подвижные игры, гимнастика.

Данное направление внешкольной работы также получило развитие в начале XX века. Среди спортивных обществ отдельно следует назвать Общество содействия физическому развитию в г. Томске (1896 г.), учредитель которого врач и просветитель В.С. Пируцкий. По его мнению, досуг – это «основной фактор развития личности». Цель этого общества состояла в содействии улучшению как физического, так и нравственного здоровья городского населения, а также в осуществлении гигиенических мер (ГАТомО. Ф. 508. Оп. 1. Д. 58. Л. 3 об.). Бюджет общества составляли субсидии от города, частные пожертвования, членские взносы, доходы от спектаклей, лекций, концертов, выставок и вечеров. Несмотря на нехватку средств, общество систематически проводило целый ряд акций в отношении, прежде всего, детской аудитории: купальни, летние и зимние площадки, катки, манежи, летние детские колонии, а также колонии для взрослых. На детских площадках устраивались подвижные игры, спортивные соревнования, дети занимались гимнастикой, рукоделием, шитьем и вязанием (ГАТомО. Ф. 508. Оп. 1. Д. 8. Л. 1). В 1896 г. Обществом была открыта первая в Сибири детская колония (как оздоровительный лагерь), в дер. Кисловой, в 6-ти верстах от города. В 1912 г. в ней побывало 176 детей. Как видно, деятельность общества распространялась далеко за рамки только физического развития личности.

Летние детские площадки были устроены во многих сибирских городах. Скажем, в г. Новониколаевске Обществом попечения народному образованию такие площадки впервые были открыты в 1913 г. (Ромм, 2004: 116). Кроме этого, местная дума 20 марта 1914 г. заслушала доклад училищной комиссии об устройстве детской оздоровительной колонии. Согласно ее докладу, «многие из учащихся страдают малокровием, худосочию, рахитизмом..., это дети малосостоятельных жителей города. Их дети вынуждены постоянно жить в городе, даже летом... Природа во всей своей совокупности явилась бы радикальным целителем указанных детских болезней. Таким образом, назревает вопрос устройства детских летних колоний вблизи города». Дума постановила бесплатно выделить участок земли для устройства колонии, разведения там сада, огорода, древонасаждений и пр. (ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 162. Л. 114).

Курганское общество внешкольного воспитания для правильного физического развития детей открывало катки, горки, площадки, аллеи для игр, лесные колонии и пр. (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1020. Л. 10). Этому обществу в 1915 г. купец Ф.Д. Смолин безвозмездно предоставил помещение с громадной поляной для организации летней площадки. Были куплены крокет и другие игры, гимнастические приборы, бумага, карандаши, краски и т.п. Дети полюбили новую площадку, каждый день на нее в среднем приходило от 100 до 162 человек (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1526. Л. 3).

По свидетельству местных газет, в губернском Томске благодаря энтузиастам активно развивались разнообразные виды спорта: лыжный и конькобежный спорт, велоспорт, гимнастика, футбол, теннис, легкая атлетика, плавание, шахматы и др. Деятельное участие во внутренней организации спортивных мероприятий принимали студенты и учащиеся средних учебных заведений. Появление новых спортивных кружков дало толчок к развитию соревнований. Так, по легкой атлетике первые соревнования состоялись на Ярлыковской площади города в 1913 г. В целом в организации спортивных состязаний г. Томск не уступал городским поселениям европейской части страны (Мурфи, 1920). В других городах региона также открываются спортивные кружки и общества.

В г. Тюмени 30 апреля 1914 г. городская дума положительно рассмотрела ходатайство местного кружка любителей спорта об устройстве площадки для игры в футбол ([ГАТюмО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 79](#)).

Следует заметить, что начавшаяся Первая мировая война притормозила общественные инициативы в сфере внешкольного образования, многие идеи и проекты отошли на второй план или вовсе были забыты. В условиях войны возведение целого ряда объектов социально-культурной инфраструктуры власти приостановили. С другой стороны, война внесла оживление и подъем в деятельность любительских театров. Устройство спектаклей помогало поддерживать утвержденный в 1914 г. «сухой закон», занимало молодежь и взрослых, отвлекало их от вредных пристрастий.

5. Заключение

Таковы получившие развитие формы внешкольного образования в регионе. Очевидна их взаимосвязанность и взаимообусловленность. При этом в Сибири нельзя выделить преобладающее направление этой работы. Культурно-просветительные общества реализовывали широкую программу мероприятий без специальных методик, четких целей, задач и их научной подготовки. Их деятельность главным образом была направлена на гармоничное развитие личности. Без финансовой поддержки городов и меценатов развитие внешкольной деятельности было невозможно. Опыт в этой работе накапливался постепенно, в отдельных городах и уездах ряд форм социокультурного просвещения населения так и не получил развития в досоветский период. Одной из причин этого являлась постоянная опека (надзор) и «дозволение» со стороны правительственных органов на проведение акций. Губернские власти опасались распространения революционных идей через формы внешкольного образования и периодически накладывали запреты и ограничения на его учреждения, вводили цензуру в программы мероприятий.

Общественная инициатива подчас сталкивалась с большими трудностями: нехваткой денежных средств, отсутствием помещений, а на аренду зданий также необходимы были дополнительные затраты и усилия. К тому же требовались грамотные организаторы, лекторы, музейные работники, экскурсоводы, искусствоведы и спортсмены. Тем не менее, мероприятия по просвещению пользовались большой популярностью у сибирского населения, став ключевым фактором повышения их грамотности и культурного уровня.

Литература

- [Вахтеров, 1896](#) – *Вахтеров В.П.* Внешкольное образование народа. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1896. 380 с.
- [ГА в г. Тобольске](#) – Государственный архив в городе Тобольске.
- [ГАНО](#) – Государственный архив Новосибирской области.
- [ГАТомО](#) – Государственный архив Томской области.
- [ГАТюмО](#) – Государственный архив Тюменской области.
- [Города, 1904](#) – Города России в 1904 г. / Центральный статкомитет МВД. СПб., 1906. 0462 с.
- [Города, 1910](#) – Города России в 1910–1912 гг. / Центральный статкомитет МВД. СПб., 1914. 1074 с.
- [Город, 1912](#) – Город Томск. Томск: Изд. Сиб. Тов. печатного дела, 1912. 348 с.
- [Дегальцева, 2002](#) – *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.): Монография. Бийск: АГТУ, 2002. 288 с.
- [Ермолаев, 2008](#) – *Ермолаев А.Н.* Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. 743 с.
- [Зайцева, 2009](#) – *Зайцева Н.Е.* Библиотеки Томской губернии в становлении и развитии внешкольного образования в Сибири // *Педагогическое образование*. 2009. № 4. С. 47–52.
- [Зиновьев, Зиновьева, 2016](#) – *Зиновьев В.П., Зиновьева В.И.* Общественная деятельность купечества Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. // *Сибирский исторический журнал*. 2016. № 2. С. 9–20.
- [Медынский, 1913](#) – *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его организация, значение и техника. СПб.: изд. авт., 1913. 249 с.
- [Мурфи, 1920](#) – *Мурфи Т.* Спорт в Томске // *Знамя революции*. 1920. 13 июня.
- [Никулина, Потупчик, 2017](#) – *Никулина И.Н., Потупчик М.Н.* Роль библиотек Общества попечения о начальном образовании в культурном развитии Барнаула (80-е гг. XIX – начало XX вв.) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 2. С. 62–66.
- [Очерк, 1912](#) – Краткий очерк деятельности общества за время его существования и отчет общества за 1910–1912 гг. Томск, 1912. 45 с.
- [Ромм, 2004](#) – *Ромм Т.А.* Внешкольное образование в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // *Сибирский педагогический журнал*. 2004. № 2. С. 113–119.
- [Фадеев, 2005](#) – *Фадеев К.В.* Культурная жизнь Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков (на примере Томской губернии) // *Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Материалы Всерос. научно-практ. интернет-конф.* Красноярск: КГПУ, 2005. С. 192–202.
- [Юрочкина, 2007](#) – *Юрочкина И.Ю.* Сущность и особенности внешкольного образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Сибирский педагогический журнал*. 2007. № 1. С. 146–153.

- CB, 1909 – Сибирские вопросы. 1909. № 6.
 СЖ, 1912 – Сибирская жизнь. 1912. № 260.
 СЛ, 1906 – Сибирский листок. 1906. № 1.
 Ustinova, Skifskaya, 2017 – Ustinova O.V., Skifskaya A.L. The Siberian Students in Research, Cultural and Social Life of the Region in the Late XIX – Early XX centuries // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is. 1 pp. 153-161.
 Khrantsov, 2018 – Khrantsov A.B. Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880–1917) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 349-359.

References

- Degal'tseva, 2002 – Degal'tseva E.A. (2002). Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (1861-1917 gg.) [Public non-political organizations of Western Siberia (1861-1917)]: Monografiya. Biisk: AGTU, 288 p. [in Russian]
 Ermolaev, 2008 – Ermolaev A.N. (2008). Uezdnyi Mariinsk. 1856-1917 gg. [District Mariinsk. 1856-1917]. Kemerovo. 743 p. [in Russian]
 Fadeev, 2005 – Fadeev K.V. (2005). Kul'turnaya zhizn' Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Tomskoi gubernii) [Cultural life of Western Siberia at the end of XIX – the beginning of the 20th century (on the example of the Tomsk province)]. *Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'*: Mat. Vseros. nauchno-prakt. internet-konf. Krasnoyarsk: KGPU, pp. 192-202. [in Russian]
 GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske [The state archive in the city of Tobolsk]
 GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State archive of the Novosibirsk region].
 GATomo – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of the Tomsk region].
 GATyumo – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti [State archive of the Tyumen region].
 Gorod, 1912 – Gorod Tomsk [City of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sib. Tov. pechatnogo dela, 1912. 348 p.
 Goroda, 1904 – Goroda Rossii v 1904 g. [The cities of Russia in 1904]. Tsentral'nyi statkomitet MVD. SPb, 1906. 0462 p. [in Russian]
 Goroda, 1910 – Goroda Rossii v 1910-1912 gg. [The cities of Russia in 1910-1912]. Tsentral'nyi statkomitet MVD. SPb, 1914. 1074 p. [in Russian]
 Khrantsov, 2018 – Khrantsov A.B. (2018). Development of National Education in the Cities of Western Siberia: From Initial to General Education (1880-1917). *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 349-359. [in Russian]
 Medynskii, 1913 – Medynskii E.N. (1913). Vneshkol'noe obrazovanie, ego organizatsiya, znachenie i tekhnika [Out-of-school education, his organization, value and equipment]. SPb.: izd. avt., 249 p. [in Russian]
 Murfi, 1920 – Murfi T. (1920). Sport v Tomske [Sport in Tomsk]. *Znamya revoliutsii*. 1920. 13 iyunya.
 Nikulina, Potupchik, 2017 – Nikulina I.N., Potupchik M.N. (2017). Rol' bibliotek Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v kul'turnom razvitii Barnaula (80-e gg. XIX – nachalo XX vv.). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 2. pp. 62-66. [in Russian]
 Ocherk, 1912 – Kratkii ocherk deyatelnosti obshchestva za vremya ego sushchestvovaniya i otchet obshchestva za 1910-1912 gg. [Short sketch of activity of society during his existence and the report of society for 1910-1912]. Tomsk, 1912. 45 p. [in Russian]
 Romm, 2004 – Romm T.A. (2004). Vneshkol'noe obrazovanie v Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Out-of-school education in Siberia at a boundary of the XIX–XX centuries]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. № 2. pp. 113-119 [in Russian]
 SL, 1906 – Sibirskii listok. 1906. № 1.
 SV, 1909 – Sibirskie voprosy. 1909. № 6.
 SZh, 1912 – Sibirskaya zhizn'. 1912. № 260.
 Ustinova, Skifskaya, 2017 – Ustinova O.V., Skifskaya A.L. (2017). The Siberian Students in Research, Cultural and Social Life of the Region in the Late XIX – Early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1 pp. 153-161. [in Russian]
 Vakhterov, 1896 – Vakhterov V.P. (1896). Vneshkol'noe obrazovanie naroda [Out-of-school education of the people]. M.: Tip. T-va I. D. Sytina. 380 p. [in Russian]
 Yurochkina, 2007 – Yurochkina I.Yu. (2007). Sushchnost' i osobennosti vneshkol'nogo obrazovaniya v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Essence and features of out-of-school education in Western Siberia at the end of XIX – the beginning of the 20th centuries]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*. № 1. pp. 146-153. [in Russian]
 Zaitseva, 2009 – Zaitseva N.E. (2009). Biblioteki Tomskoi gubernii v stanovlenii i razvitii vneshkol'nogo obrazovaniya v Sibiri [Libraries of the Tomsk province in formation and development of out-of-school education in Siberia]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. № 4. pp. 47-52 [in Russian]
 Zinov'ev, Zinov'eva, 2016 – Zinov'ev V.P., Zinov'eva V.I. (2016). Obshchestvennaya deyatelnost' kupechestva Tomskoi gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. [Public work of merchants of the Tomsk province in 1880 – february, 1917]. *Sibirskij istoricheskij zhurnal*. № 2. pp. 9-20. [in Russian]

Развитие внешкольного образования в Западной Сибири в начале XX века

Елена Михайловна Редькина ^{a, *}, Александр Борисович Храмцов ^a

^aТюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления развития внешкольного образования в Западной Сибири в 1905 – феврале 1917 гг. Отмечается вклад в эту работу губернских и городских управлений, частных (общественных) инициатив. Выделяются формы мероприятий внешкольного образования, получившие развитие в Сибири, дается их группировка: лекционные, библиотечно-издательские, музейно-экскурсионные, художественно-эстетические и физкультурно-спортивные. Внешкольное просвещение получило неравномерное распространение на территории региона: в крупных городах (Томск, Новониколаевск, Тюмень, Тобольск, Курган, Барнаул) были представлены различные формы, в малых поселениях – лишь отдельные. Среди характерных черт – неразработанность специальных методик, отсутствие четких доминант развития внешкольной деятельности, общим направлением которой можно считать развивающее. Она послужила дополнительным видом образования и самообразования населения, а также средством борьбы с вредными привычками. Благодаря этому наполнялся досуг молодежи, расширялся социокультурный кругозор малограмотных людей.

Ключевые слова: внешкольное образование, просвещение, воспитание, библиотеки, театры, воскресные школы, народные чтения, Западная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eredkina16@yandex.ru (Е.М. Редькина),
khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмцов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1287-1295. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1287
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Little Speransky» of Siberia: on the Activities of Yakutsk, Yenisei Governor Ivan Kraft from 1906 to 1914

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Evgeny N. Garin ^a, Mikhail D. Severyanov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The contribution of the governor Ivan Kraft to the socio-economic, political and cultural development of the Yakutsk region, the Yenisei province and Siberia, as a whole, at the beginning of the 20th century was considered in the article. On the basis of a detailed analysis of literature, pre-revolutionary periodicals, as well as an array of archival material, often first introduced into scientific circulation and raised in the State Archives of the Krasnoyarsk Territory and the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia), a conclusion was made about the high degree of professionalism of I. Kraft, a manager who held a provincial post in Siberia at such a difficult time in Russian history. The comparison of the information from the literature with archival materials showed that at the end of the governor's term in the Yakut region this territory reached a new, more advanced level of civilizational development, the Yakut population and the Russian population became familiar with the benefits of modern society, the level and quality of life increased due to the development of education, health care, social security. Short life in the post of the Yenisei governor, compared with the Yakut governor, was no less successful for the history of the Yenisei province. From 1913 to 1914 Central Siberia had exemplary indicators on the policy of combating wholesale drunkenness among the inhabitants of Siberia and Russia as a whole, which was explained by the personal participation of the governor in organizing and carrying out concrete actions. I. Kraft's contribution to the solution of the alien issue in Siberia and the Central Asian Russian regions was assessed by the central government structures and the scientific community, which enabled him to become a member of the Imperial Russian Geographical Society and to earn a memory among grateful descendants.

Keywords: Ivan Kraft, governors of the Russian Empire, modernization, Siberian non-Russians, Turgai oblast, Yenisei province, Yakutsk region, Siberia.

1. Введение

Известный общественный и политический деятель, лидер «сибирского областничества» Г.Н. Потанин в 1914 г. сказал, что якутский и енисейский губернатор И.И. Крафт – это «маленький Сперанский» Сибири (Потанин, 1914: 1). Данная точка зрения близка нашему мнению, как современным историкам. Служебный и жизненный путь «еще малоизученного» Ивана Ивановича Крафта необходимо рассматривать с позиции комплексной оценки его профессиональной деятельности. Роль И.И. Крафта в развитии Приенисейской Сибири, Якутской и Тургайской областей, которыми он руководил в начале XX в., была огромна: развитие экономики, социальной инфраструктуры и вывод качества жизни населения на новый уровень. Вклад царского чиновника в улучшение сибирского общества значителен. Но до сих пор имя И.И. Крафта является мало известным российской, в том числе и сибирской общественности. Следовательно, детальное рассмотрение его деятельности предопределяет необходимость данного исследования.

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva),
kafedraistoriirossii@yandex.ru (E.N. Garin), vii@sfu-kras.ru (M.D. Severyanov)

2. Материалы и методы исследования

Источниковая база статьи включает делопроизводственные документы (формулярные списки, губернаторские отчеты, доклады в Министерства и др.), хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)); материалы местной и центральной периодической печати – статьи и хронику из дореволюционных газет «Сибирская жизнь», «Отклики Сибири», «Енисейские губернские ведомости», а также ранее не введенный в научный оборот сборник документов «Положение об управлении в степных областях. Сост. по изд. 1892 г. и продолж. 1893 и 1895 гг. с разъяснениями Правительствующего Сената и министерств. Составил старший советник Тургайского областного правления И.И. Крафт» ([Положение..., 1898](#)).

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализа, синтеза, сравнения) и специально-исторические (биографический, проблемно-хронологический, ретроспективный и метод периодизации), опирающиеся на принципы историзма и научной объективности, которые позволили определить роль енисейского губернатора И.И. Крафта в жизни сибиряков начала XX в.

3. Обсуждение

Современная историография исследуемого вопроса получила импульс для развития благодаря дореволюционному биографическому очерку (некрологу) под авторством известного «областника» Г.К. Потанина, описавшего достижения И.И. Крафта во время его губернаторства в Якутской области ([Потанин, 1914: 1](#)). Г.К. Потанин в публикации «К памяти Крафта» заявил о присутствии у чиновника благих целей и положительных результатов профессиональной деятельности, что в целом противоречило общественно-политическим взглядам «сибирского областничества», отрицавших централизованное управление и стремившихся привести Сибирь к автономии.

В советский период о жизни и деятельности И.И. Крафта отсутствовали какие-либо исследования описательного или проблемного характера. Только во второй половине 1990-х гг. благодаря усилиям краеведов и ученых-историков (Л.П. Бердников, Г.Ф. Быконя, П.Н. Машалкин, Ф.Г. Сафронов) было заявлено общественности, что и до «революции 1917 г.» среди царских чиновников были не только казнокрады, но и достойные люди, к которым стоит иметь уважение ([Бердников, 1999; Красноярск..., 1988; Сафронов, 1993](#)).

Важным событием в современной историографии вопроса и неким продолжением мероприятий по увековечиванию памяти И.И. Крафта стал фотоальбом «Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт, 1906–1913 гг.», подготовленный архивистами и историками Республики Саха (Якутия) ([Реформатор..., 2011](#)). Роль И.И. Крафта как ученого рассмотрена в ряде статей, посвященных тематике освоения Казахской степи и ее колонизации ([Васильев, 2015; Гергиев, 2017](#)).

В свою очередь, деятельность И.И. Крафта во время губернаторства в Енисейской губернии до сих пор еще не была темой какого-либо самостоятельного исследования. Заметим, что в 2017 г. вышла монография одного из авторов данной статьи, Т.Г. Карчаевой «Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.)», в которой обозначены основные биографические вехи И.И. Крафта как губернатора Енисейской губернии, при этом какие-либо конкретные действия его как чиновника в ней не упоминаются ([Карчаева, 2017](#)).

Следовательно, историографический обзор поставленного в статье вопроса показал, что тема исторического изучения И.И. Крафта как чиновника и общественного деятеля начала XX в. в контексте основных тенденций современной исторической науки отвечает требованиям научного исследования.

4. Результаты

4.1. Становление И.И. Крафта как чиновника

Иван Иванович Крафт детство и юность провел в селе Шушенском Енисейской губернии. Его отец Ян (Иван) Крафт (по происхождению витебский дворянин римско-католического вероисповедания) за разные должностные преступления в 1864 г. был осужден к лишению дворянского звания и ссылке на поселение в Сибирь с причислением в Вознесенскую волость Красноярского округа Енисейской губернии. Он ссылку отбывал с семьей: женой, дочерью Марией (пяти лет) и сыном Иваном (трех лет), т.е. будущим губернатором. Суть преступлений его отца была банальной для того времени. Как сказано в алфавите Экспедиции о ссыльных за 1865 г., Ян (Иван) Крафт – писарь Динабургской инженерной команды, унтер-офицер Витебского батальона внутренней стражи – был обвинен в «излишнем вытребовании контрамарок, кормовых денег и провианта на сумму 2400 руб.» ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 50. Л. 16-16 об.](#)).

Отец для сохранения за сыном дворянского звания отделил его от семьи, когда тому было только 12 лет. С этого времени Иван Иванович Крафт – поляк и дворянин по происхождению – служил внештатным писарем (занимался письмоводством) в разных присутственных местах Минусинского окружного управления. По достижении им 16-летнего возраста, позволявшего в то

время вступить в штат государственной службы, он начал писать прошения в Минусинское окружное полицейское управление, но получал отказ. Судимость отца сказывалась отрицательно на судьбе сына, впрочем, не считалась официальным препятствием. И.И. Крафт это знал и настаивал на справедливости, неоднократно обращаясь в Минусинское окружное полицейское управление, где намеревался служить: «Ваше Превосходительство, на основании примечания к 1267 статье III тома Устава о службе гражданской могут быть приняты на службу даже и поселенцы из дворян и чиновников, пробывшие в наказании не менее 10 лет, а я, сын дворянина, рожденный до конфирмации отца, не могу воспользоваться этим правом, несмотря на буквальный смысл 24 статьи Устава о наказаниях, где сказано, что дети, не участвовавшие в преступлении, рожденные до конфирмации родителей, хотя и последовавшие добровольно в ссылку, сохраняют все права состояния по рождению своему и могут именоваться прежним чином, титулом и званием своего отца. Если закон позволяет пользоваться мне прежним званием своего отца, то почему же невозможно пользоваться правами и преимуществами, этому званию присвоенными?» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 50. Л. 9).

Минусинское окружное полицейское управление приняло И.И. Крафта на службу в штат в 1877 г. резолюцией его начальника: «Разрешаю». После этого 17-летний И.И. Крафт был назначен секретарем гражданского стола в Минусинское окружное полицейское управление, затем столоначальником и, так как на службе проявлял незаурядные трудолюбие и способности, быстро пошел вверх по служебной лестнице, через 10 лет став советником Забайкальского губернатора Я.Ф. Барабаша, еще через 10 лет – начальником отдела по инородческим вопросам Министерства внутренних дел с проживанием в г. Санкт-Петербурге, имея к этому времени за плечами серьезные опубликованные труды, нацеленные на улучшение системы местного управления, с целью реализации которых в 1907 г. он и был возвращен в Сибирь на должность губернатора Якутской области, а в 1913 г. был назначен «для наведения порядка» в Енисейскую губернию (Реформатор..., 2011: 8).

4.2. И.И. Крафт как губернатор Якутской области и Енисейской губернии (1907–1914 гг.)

В Якутской области и Енисейской губернии не было такой отрасли, которой не коснулась бы рука их губернатора И.И. Крафта.

Якутским губернатором действительный статский советник Иван Иванович Крафт был назначен именным указом Его Императорского Величества 26 мая 1907 г. (НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 11. Д. 132. Л. 14). В начале XX в. данная территория представляла собой край, отдаленный от политического центра и имевший примитивное хозяйство, которое давало 86 % валовой продукции. Несмотря на ускоренную либеральными реформами модернизацию, Якутская область не имела промышленности, кроме нескольких кустарных предприятий по переработке кожи и древесины, якуты не имели фактической возможности учиться, а глазные болезни были «бичом» местных жителей (Статистико-экономические итоги, 1906: 12).

И.И. Крафт был первым из якутских губернаторов, взявшимся за научное исследование области с учетом перспективы разработки природных богатств и роста благосостояния населения Якутской области. По его инициативе было создано якутское отделение Императорского Русского географического общества (ИРГО), организованы геодезические экспедиции, собравшие ценный материал о природных богатствах, флоре и фауне Якутии.

Под личным контролем губернатора И.И. Крафта сельское хозяйство области получило новый импульс развития. В 1911 г. был открыт сельскохозяйственный склад, поставлявший якутским и русским крестьянам семена, инвентарь на льготных условиях, в 1912 г. была организована сельскохозяйственная выставка элитных пород домашнего скота, и в Якутске заработала бактериологическая лаборатория, открылся больничный комплекс на 80 мест, увеличилось в разы количество врачей, фельдшеров и акушеров, что значительно улучшило ситуацию по предотвращению повальных болезней (Реформатор..., 2011: 7–8).

И.И. Крафт был особо внимателен к просвещению. В городах и улусных центрах заработали школы-пансионы, кочевые и вечерние школы. Он добился ежегодного выделения 26 казенных стипендий для студентов-якутов, а также денежной помощи детям, обучающимся в реальном училище, духовной семинарии и женской гимназии, выстроенных в годы нахождения его губернатором в 1907–1913 гг. (Реформатор..., 2011: 6).

Так, образ Якутской области значительно изменился. И.И. Крафт оставил ее с банками, кооперативами, телеграфом, телефоном, кинематографом, электричеством. За годы его управления в Якутске были построены здания музея-библиотеки, общежития для рабочих, вступила в стадию реализации судебная реформа и др. (Забытая доблесть, 2014: 34).

На должность губернатора Енисейской губернии действительный статский советник Иван Иванович Крафт был назначен Высочайшим повелением Императора Николая II 5 августа 1913 г. Бывший якутский губернатор зарекомендовал себя на прежнем месте службы в качестве талантливого управленца.

Новый губернатор И.И. Крафт прибыл в уже знакомую для себя Енисейскую губернию 17 августа 1913 г. Красноярцы встречали его с большим радушием, и население Енисейской губернии восприняло его назначение как награду ([Хроника, 1913: 1](#)). Однако на этом посту он пробыл всего 15 месяцев.

Одним из первых распоряжений енисейского губернатора И.И. Крафта стал приказ о сохранении памятников и архивов. Благодаря его усилиям, во-первых, в городе Красноярске началось строительство Краеведческого музея, на что он пожертвовал 1000 руб., во-вторых, борьба с беспризорностью и безнадзорностью ребятишек стала более эффективной, в-третьих, по его инициативе и при его личном контроле в городах Енисейской губернии в середине 1914 г. были закрыты «дома терпимости» ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 236. Л. 2–12](#)).

В научной сфере имя Ивана Ивановича Крафта связано не только с Императорским Географическим обществом, но и заслугами в решении национального вопроса. Особый интерес его привлекала инородническая тема, и это не случайно. В сибирском Забайкалье, где по преимуществу проживали буряты, он овладел бурятским языком, пользовался у них уважением. В среднеазиатской Тургайской области он познакомился с культурой и бытом казахского народа.

По предложению Министерства внутренних дел И.И. Крафт стал составителем «Положения об управлении в степных областях», которое было издано в 1893 г. в Оренбурге и представляло собой систематизированный юридический справочник по инородническому законодательству, распространенному на области российской Средней Азии ([Положение..., 1898: 3](#)).

Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин в 1899 г. предложил И.И. Крафту, на тот момент делопроизводителю земского отдела министерства, разработать законопроект о преобразовании системы местного управления среди сибирских инородцев. Данный документ, который, впрочем, так и не вступил в силу, стал наиболее полным правительственным программным документом по данной теме со времени принятия «Устава об управлении инородцами» М.М. Сперанского, действовавшего без каких-либо значимых изменений после введения «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г. ([Гергилев, 2017: 129](#)).

4.3. И.И. Крафт – борец с повальным пьянством

Человечество на протяжении всей своей истории понимало пагубность алкогольных излишеств. В России целенаправленная борьба с проблемой чрезмерного потребления спиртных напитков развернулась только чуть более 100 лет назад – в конце XIX в., в Сибири – в начале XX в., конкретнее – в Енисейской губернии при губернаторе И.И. Крафте в 1913–1914 гг.

Маргинальная Сибирь, будучи местом каторги и ссылки преступников, массового водворения крестьян-переселенцев, вместе представлявших собой категорию населения, склонную к излишествах в употреблении спиртных напитков, характеризовалась незавидным положением в перечне территорий, структурированных по признаку наличия пьющих жителей. Казенная винная монополия С.Ю. Витте не принесла серьезной пользы в борьбе с алкоголизмом. По данным за 1908–1910 гг., среднее потребление спирта на одну душу населения в Сибири составляла 0,713 ведер водки, а в Европейской России – всего 0,595. При этом Западная Сибирь потребляла алкоголя несколько меньше, чем Восточная (Тобольская губерния и Акмолинская область – 0,619 ведра на человека, Томская губерния и Семипалатинская область – 0,633 ведра, Забайкальская область – 0,620 ведра, Енисейская губерния – 0,761, Иркутская губерния и Якутская область – 0,864). При этом городское население выпивало водки больше, чем деревенское. Так, за период 1904–1908 гг. пропивалось в среднем одним человеком 25 руб. 47 коп. в год, в уездах – 5 руб. 83 коп. ([Сафронов, 2017: 409](#)). Для сравнения, пуд пшеничного печеного хлеба (16 кг) стоил 1 руб. 60 коп., а фунт (0,4 кг) – 4 коп. ([Такса цен, 1913: 2](#)).

Повсеместное невыполнение правил казенной винной монополии и распространение пьянства среди населения Енисейской губернии требовало кардинальных мер, направленных на изменение ситуации.

Одним из самых успешно реализуемых направлений деятельности И.И. Крафта стала активная борьба с алкоголизмом населения. При его активном участии впервые в Красноярске и Минусинске прошли мероприятия в рамках Всероссийского праздника трезвости в сентябре 1913 г. и апреле 1914 г. Пропаганда здорового образа жизни при нем стала реальностью, а не мифической тенью казенной винной монополии. И в условиях военного времени (в период Первой мировой войны) повсеместно введенный «сухой закон» на территории Енисейской губернии получил наилучшее и всестороннее исполнение именно при губернаторе И.И. Крафте.

В конце лета 1914 г. повседневный образ жизни большинства жителей Енисейской губернии изменился. Антиалкогольные запретительные нововведения проводились в три этапа.

Первый этап. 2 августа 1914 г., согласно п. 3 ст. 26 «Положения о мерах к охранению государственного и общественного спокойствия», в пределах Иркутской, Енисейской и Якутской областей иркутским генерал-губернатором, егермейстером Князевым были запрещены продажа и употребление спирта, вина и водочных изделий вне торговых казенных заведений, имевших надлежащее разрешение и патент. Продажа спиртного с этого времени производилась только в посуде с ненарушенными печатями, пломбами, бандеролями, марками и т.п. Хранение алкогольной

продукции вне предназначенных для этого казенных магазинов и складов также считалось недопустимым ([Постановления..., 1914a: 2](#)).

Второй этап. 5 августа 1914 г. правила «сухого закона» были конкретизированы для сельчан:

«1. Воспрещается распитие крепких напитков на улицах, дорогах, площадях и в других открытых местах в черте усадебной оседлости селений и в помещениях крестьянского общественного управления.

2. Воспрещается появление в общественных местах в черте усадебной оседлости селений и на проезжих дорогах в состоянии явного опьянения.

3. Воспрещается хранение в селениях крепких напитков в помещениях частных лиц в количестве, явно превышающем потребности лиц, населяющих эти помещения.

4. Владельцам домов в черте усадебной оседлости селений вменяется в обязанность не допускать в принадлежащих им помещениях неразрешенной продажи крепких напитков и о производстве таковой продажи немедленно извещать полицию или сельские общественные власти.

Лица, виновные в нарушении настоящего обязательного постановления, вступающего в силу со дня его опубликования, будут подвергаемы в административном порядке аресту до трех месяцев или штрафу до пятисот руб.» ([Постановления..., 1914b: 2](#)).

Третий этап. 9 сентября 1914 г. вводились всесторонние запреты на всякого рода употребления и хранения спиртных напитков в городах, крестьянских, казачьих и инородческих селениях и всякого другого рода населенных пунктах. По сути, запретительные положения от 5 августа 1914 г. стали распространяться на все территории и виды населенных пунктов. Наказание при этом для правонарушителей было строгим – административная ответственность в форме ареста до трех месяцев или штраф до пятисот руб.» ([Постановления..., 1914c: 2](#)). 24 сентября 1914 г. Городская дума Красноярска приняла постановление «О закрытии навсегда в г. Красноярске заведений, торгующих спиртными напитками». Было дозволено решением сельских и городских обществ закрывать питейные заведения в населенных пунктах.

Местные газеты того времени пестрили объявлениями, сообщавшими о массовом закрытии питейных заведений, проводившихся под личным контролем енисейского губернатора И.И. Крафта. Так, например, после многих лет безуспешной борьбы были закрыты пивная лавка по Гимназическому переулку в доме Соколова, содержавшаяся владикавказским мещанином Иосифом Францевовичем П*, и питейные заведения в селениях и городах Енисейской губернии ([Постановления..., 1914d: 2](#)).

В период нахождения у власти И.И. Крафта официально нигде нельзя было купить и рюмки водки. Продажа ее велась либо секретно в отдельных кабинетах ресторанов, либо практически открыто в залах в замаскированной посуде под видом фруктовых вод, лимонада и пр. (для каждого алкогольного напитка устанавливались соответствующие тайные названия). В Красноярском общественном собрании, например, желавших выпить спиртные напитки сажали за определенные столики. Узнав об этом, енисейский губернатор И.И. Крафт лично приказал принять меры, согласно которым на буфетчика был наложен штраф в 3000 руб., который, однако, был выплачен вскладчину буфетчиком и постоянными его клиентами ([Сафронов, 2017: 416](#)).

Анализ архивных материалов и периодической печати показал, что чрезвычайно распространены в то время были аресты и штрафы в отношении крестьян, торговавших спиртосодержащими напитками в виде самогонки, вина, наливок и пр. Статистика показала, что по отношению к крестьянскому населению штрафы выписывались в посильных для них размерах – от 50 до 100 руб., а при невозможности их исполнения крестьяне подвергались арестам в течение от одной недели и до месяца ([Хроника, 1914: 3](#)).

Разветвленная сеть частных городских и сельских аптечных пунктов также была включена в перечень организаций, требовавших пристального контроля со стороны акцизного и полицейского управлений. Еще до введения «сухого закона» по циркуляру МВД № 827 от 22 августа 1912 г. городские и уездные врачи осуществляли надзор за продажей медикаментов, приготавливаемых на спирту или эфире, а их розничная продажа без рецепта была запрещена ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1203. Л. 1–48](#)). Проводившиеся проверки выявляли массу нарушений в аптечном деле. Архивные материалы свидетельствуют: «В г. Енисейске у аптекарского помощника Герша Мордуховича М* было найдено и изъято 10 флаконов «Аппетитных капель», 1 флакон «Гофманских капель»; у енисейского купца Лейвика Фишелева Ф* – 2 флакона «Подъемных капель», 37 флаконов «Киндер-бальзама», 55 флаконов «Аппетитных капель», 48 флаконов «Анисовых капель», 31 флакон «Гофманских капель», 23 флакона «Сложной настойки», 41 флакон эфирно-валериановых капель, 43 флакона мятных капель, 41 флакон валериановых капель» ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 1116. Л. 18–18 об](#)).

Во время губернаторства И.И. Крафта по личной его инициативе рядом с аптеками на постоянное дежурство выставлялись полицейские участковые приставы или их помощники. Так, например, 12 октября 1914 г. в г. Красноярске было зафиксировано сразу два случая покупки в аптеках «Киндер-бальзама», его распития и нахождения в пьяном виде на улице, что в то время считалось чрезвычайным происшествием. По показаниям арестованных, первый из них – крестьянин Сухобузимской волости Красноярского уезда Михаил Григорьевич Г* – купил «Киндер-бальзам» для

лечения в красноярской аптеке Общества врачей на ул. Воскресенской, его выпил и опьянел, затем он был арестован; второй – приезжий крестьянин с. Богусловки Расказовской волости Тамбовской губернии Иван Романович Л* – «по незнанию серьезности дел в Енисейской губернии, приобрел, видимо, фальсифицированный «Киндер-бальзам» в аптеке возле р. Кача и, выпив 1/2 флакона, опьянел без памяти». Затем был арестован» (ГАКК Ф. 595. Оп. 22. Д. 1116. Л. 138–138 об., 204).

Официальная продажа спирто- и эфирно-содержащих медикаментов позволялась крупным аптекам и «материалистам», т.е. крупным торговцам медикаментами.

Значительная доля винокуренных предприятий по документам и на практике изменила свой род деятельности. Так, например, Красноярское товарищество «Пивовар» осенью 1914 г. перепрофилировалось на производство и продажу прохладительных напитков – лимонада и фруктовых вод (ГАКК. Ф. 506. Оп. 22. Д. 1239. Л. 1). Другие предприятия (более мелкие) и вовсе закрылись.

На период правления в Енисейской губернии И.И. Крафта пришлось только первая фаза реализации «сухого закона». Во время поездки в Петербург И.И. Крафт умер 21 ноября 1914 г. После его кончины «сухой закон» реализовывался уже в неполном объеме своих положений.

С ноября 1914 г. и до конца имперского периода винокуренные заводы Енисейской губернии, перешедшие ранее в юридический статус складов, возобновили свою деятельность. «Леонидовский завод» наследников Г.В. Юдина, «Дмитриевский завод» и «Александровский завод» купцов Даниловых, предприятия купцов Яриловых, Некрасовых, Васильевых, Поляковых и др. продолжали производить спирт, реализовывая его почти по официальным торговым потокам.

Административные органы власти после ухода И.И. Крафта боролись с обходом запретительных правил «сухого закона» уже по-разному. Если высшие губернского и областного уровней структуры продолжали писать грозные циркуляры, то средние, например, уездные приставы, предпочитали уже решать вопросы по ситуации: или принимали решительные меры к закрытию тайных заводов и аресту самогонщиков, скупщиков, организаторов, или смотрели «сквозь пальцы». При этом административные власти на местах (урядники, стражники, городничие) старались не замечать самогонных дел либо из-за боязни озлобить население, либо из-за взяток. Так, например, в деревне Хаю Пинчутской волости Енисейского уезда стражник арестовал приезжего спекулянта спиртом, в результате вся деревня восстала, а стражника от расправы спас только приезд пристава из села Богучанского, что ликвидировало конфликт. В ответ возникла целая отрасль подпольного самогонноварения. Подобная ситуация была и в Сибири, где самогонноварение в глухих таежных глубинках, откуда «хоть тридцать лет скачи, ни до какого государства не доскачешь», достигло широкого распространения (Сафронов, 2017: 412).

В газете «Сибирская деревня» за 1914 г. сказано, что «пьянство среди инородцев Минусинского уезда процветает: каждое торжество, каждый праздник не проходит без приношения обильной жертвы пьяному богу веселья.... А в Туруханском крае кулаки, купцы и "охочие люди" все также спаивают коренные народы, обирая их и не считаясь с Богом и совестью» (Макаров, 1914: 14).

Несомненно, «сухой закон» – это не односторонне сугубо положительное явление. Отрицательным последствием его введения было сокращение налоговых поступлений в казну, которое не компенсировало даже повышение налогового бремени на спички, соль, дрова, лекарства и пр. Рост цен на товары народного потребления вызывал недовольство у населения, что провоцировало революционную ситуацию (Сафронов, 2017: 418–419). Кроме того, победить пьянство «сухому закону» вряд ли «под силу». В ответ на спрос появился целый ряд альтернативной продукции, продававшейся официально в аптеках и магазинах: одеколоны, «капли Иноземцева», «киндер-бальзам», ханжа, медаш, фруктовые наливки, пивные и «коньяцкие» порошки-концентраты и пр.

Однако исторический опыт внедрения «сухого закона» и его вполне успешная реализация при губернаторе И.И. Крафте, безусловно, привели к позитивным результатам.

5. Заключение

В заключение стоит сказать, что Иван Иванович Крафт, разумеется, был человеком и чиновником своего времени – с достоинствами и недостатками, среди которых огромное трудолюбие, умение посвятить себя всецело государственному делу, а также неумение снисходительно относиться к подчиненным ему государственным служащим, которым не были свойственны его волевые качества, оправдание репрессивных мер по отношению к кочевым хакасам, не желавшим переходить к оседлости, за что его методы работы получили в народе название «крафтоедство» (Gryaznukhina, 2017: 813–814). Однако, несмотря на противоречивые мнения о его деятельности и, не приукрашивая личность И.И. Крафта, следует отдать должное его заслугам. На страницах тогдашних газет можно найти такие отзывы о нем: «добросовестный чиновник, который служил и горел» («Сибирская жизнь»), «энергичный защитник местных интересов» («Енисейская мысль»), «личность незаурядная в бюрократическом мире» («Отклики Сибири»). Многим губернаторским начинаниям и задумкам, к сожалению, не суждено было осуществиться – и оттого, что грянула Первая мировая война, и оттого, что его жизнь оборвалась в ноябре 1914 г. в Петербурге.

Литература

- Бердников, Мешалкин, 1999** – Бердников Л.П., Мешалкин П.Н. Служил и горел // *Енисей*. 1999. № 4. С. 135–139.
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. 302 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Гергилев, 2017** – Гергилев Д.Н. Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX – начале XX веков: опыт и необходимые выводы // *Клио*. 2017. № 4 (124). С. 129–133.
- Забытая доблесть, 2014** – Забытая доблесть: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2014. 216 с. С. 34–35.
- Карчаева, 2017** – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Изд-во СФУ, 2017. 252 с.
- Красноярск..., 1988** – Красноярск: Очерки истории города. П.Н. Мешалкин, Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова и др. Красноярск: Кн. изд-во, 1988. 372 с.
- Коновалова, Федорова, 2016** – Коновалова О.В., Фёдорова В.И. В.М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // *Российская история*. 2016. № 1. С. 116–130.
- Макаров, 1914** – Макаров А. Пьянство среди инородцев Минусинского уезда // *Сибирская деревня*. 1914. № 20. С. 14.
- НА РС (Я)** – Национальный архив Республики Саха (Якутия).
- Положение..., 1898** – Положение об управлении в степных областях. Сост. по изд. 1892 г. и продолж. 1893 и 1895 гг. с разъяснениями Правительствующего Сената и министерств. Составил старший советник Тургайского областного правления И.И. Крафт. Оренбург: Типо-лит. П.Н. Жаринова, 1898. 282 с.
- Постановления..., 1914a** – Постановления генерал-губернатора // *Енисейские губернские ведомости*. 1914. № 89. 2 августа. С. 2.
- Постановления..., 1914b** – Постановления генерал-губернатора // *Енисейские губернские ведомости*. 1914. № 90. 5 августа. С. 2.
- Постановления..., 1914c** – Постановления генерал-губернатора // *Енисейские губернские ведомости*. 1914. № 104. 25 сентября. С. 1.
- Постановления..., 1914d** – Постановления генерал-губернатора // *Енисейские губернские ведомости*. 1914. № 113. 16 октября. С. 1.
- Потанин, 1914** – Потанин Г.К. Памяти Крафта // *Сибирская жизнь*. 1914, 14 дек.
- Реформатор..., 2011** – Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт, 1906–1913 гг.: фот., док. / Сост. А.А. Калашиников. Якутск: Медиа-Холдинг «Якутия», 2011. 376 с.
- Сафронов, 2017** – Сафронов С.А. Пьяный вопрос в России и сухой закон 1914–1915 годов. В 2 т. Т. 2. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 546 с.
- Сафронов, 1993** – Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: МГП «Полиграфист», 1993. 56 с.
- Статистико-экономические итоги, 1906** – Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск: Тип. обл. упр., 1906. 290 с.
- Такса цен, 1913** – Такса цен // *Енисейские губернские ведомости*. 1913. № 42. 22 апреля. С. 2.
- Хроника, 1913** – Хроника // *Енисейские губернские ведомости*. 1914. № 113. 16 октября. С. 3.
- Хроника, 1914** – Хроника // *Енисейские губернские ведомости*. 1913. № 83. 17 августа. С. 3.
- Graber, 2015** – Graber K. E., Murray J. D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74 (1). pp. 127–152.
- Gryaznukhina, 2017** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017, Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820.
- Lyubichankovskiy, 2018** – Lyubichankovskiy S.V., Akanov K.G. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. pp. 484–495.
- Pereira, 1993** – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*. 1993. Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

References

- Berdnikov, Meshalkin, 1999** – Berdnikov L.P., Meshalkin P.N. (1999). Sluzhil i gorel [Served and burned] // *Enisej*. № 4. pp. 135–139. [in Russian]
- Vasil'ev, 2015** – Vasil'ev D.V. (2015). Forpost imperii. Administrativnaya politika v Central'noj Azii. Seredina XIX veka [The outpost of the empire. Administrative policy in Central Asia. The middle of the XIX century]. M.: IBP, 302 p. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja.
- Gergilev, 2017** – Gergilev D. N. (2017). Administrativno-territorial'noe reformirovanie Sibiri v XIX – nachale XX vekov: opyt i neobhodimye vyvody [Administrative and territorial reform of Siberia in the XIX – early XX centuries: experience and necessary conclusions]. *Klio*. № 4 (124). pp. 129–133. [in Russian]

- [Zabytaya doblest', 2014](#) – Zabytaya doblest': Enisejskaya guberniya v gody Pervoj mirovoj vojny [Forgotten prowess: Yenisei province in the years of the First World War]. Krasnoyarsk, 2014. 216 p. [in Russian]
- [Karchaeva, 2017](#) – *Karchaeva T.G.* (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Enisei province administration: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 252 p. [in Russian]
- [Krasnoyarsk..., 1988](#) – Krasnoyarsk: Ocherki istorii goroda [The Krasnoyarsk: essays on the history of the city]. *P.N. Meshalkin, G.F. Bykonya, V.I. Fedorova*, dr. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1988. 372 p. [in Russian]
- [Konovalova, Fedorova, 2016](#) – *Konovalova O.V., Fyodorova V.I.* (2016). V.M. Chernov: ot terrorizma k pacifizmu. Ehvoluciya mirovozzreniya i realii Sovetskoj Rossii [V. M. Chernov: from terrorism to pacifism. Evolution of the world outlook and the realities of Soviet Russia]. *Rossijskaya istoriya*. № 1. pp. 116–130. [in Russian]
- [Makarov, 1914](#) – *Makarov A.* (1914). P'yanstvo sredi inorodcev Minusinskogo uezda [Drunkenness among non-Russians in Minusinsk district]. *Sibirskaya derevnya*. № 20. p. 14. [in Russian]
- [NA RS \(YA\)](#) – Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Yakutiya).
- [Polozhenie..., 1898](#) – Polozhenie ob upravlenii v stepnyh oblastyah. Sost. po izd. 1892 g. i prodolz. 1893 i 1895 gg. s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego senata i ministerstv. Sostavil starshij sovetnik Turgajskogo oblastnogo pravleniya I. I. Kraft [Provision on management in the steppe areas. Comp. by ed. 1892 and continued. 1893 and 1895 years. with explanations of the Governing Senate and ministries. Compiled by the senior adviser of the Turgai regional board II Kraft]. Orenburg: Tipo-lit. P. N. Zharinova, 1898. 282 p. [in Russian]
- [Postanovleniya..., 1914a](#) – Postanovleniya General-gubernatora [Decisions of the Governor-General]. *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1914. № 89. 2 avgusta. p. 2. [in Russian]
- [Postanovleniya..., 1914b](#) – Postanovleniya General-gubernatora [Decisions of the Governor-General]. *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1914. № 90. 5 avgusta. p. 2. [in Russian]
- [Postanovleniya..., 1914c](#) – Postanovleniya General-gubernatora [Decisions of the Governor-General] // *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1914. № 104. 25 sentyabrya. p. 1. [in Russian]
- [Postanovleniya..., 1914d](#) – Postanovleniya General-gubernatora [Decisions of the Governor-General] // *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1914. № 113. 16 oktyabrya. p. 1. [in Russian]
- [Potanin, 1914](#) – *Potanin G.K.* (1914). Pamyati Krafta [In memory of Kraft]. *Sibirskaya zhizn'*, 14 dek.
- [Reformator..., 2011](#) – Reformator zemli Yakutskoj gubernator Ivan Ivanovich Kraft, 1906–1913 gg.: fot., dok. [Reformer of the land of Yakutsk governor Ivan Ivanovich Kraft, 1906–1913]. *A.A. Kalashnikov*. Yakutsk: Media-Holding «Yakutiya», 2011. 376 p. [in Russian]
- [Safronov, 2017](#) – *Safronov S.A.* (2017). P'yanyj vopros v Rossii i suhoj zakon 1914–1915 godov [Drunken issue in Russia and the dry law of 1914–1915]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 546 p. [in Russian]
- [Safronov, 1993](#) – *Safronov F.G.* (1993). Dorevolucionnye nachal'niki YAkutskogo kraja [Pre-revolutionary chiefs of the Yakutsk region]. Yakutsk: MGP «Poligrafist», 56 p. [in Russian]
- [Statistiko-ehkonomicheskie itogi, 1906](#) – Statistiko-ehkonomicheskie itogi po Yakutskoj oblasti za 1906 g [Statistical and economic results for the Yakut region for 1906]. Yakutsk: Tip. obl. upr., 1906. 290 p. [in Russian]
- [Taksa cen, 1913](#) – Taksa cen [Price list]. *Enisejskie gubernskie vedomosti*. № 42. 22 aprelya. p. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1913](#) – Hronika [The Chronicle]. *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1914. № 113. 16 oktyabrya. P. 3. [in Russian]
- [Hronika, 1914](#) – Hronika [The Chronicle]. *Enisejskie gubernskie vedomosti*. 1913. № 83. 17 avgusta. p. 3. [in Russian]
- [Graber, 2015](#) – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*. Vol. 74 (1). pp. 127–152.
- [Gryaznukhina, 2017](#) – *Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 811–820. [in Russian]
- [Lyubichankovskiy, Akanov, 2018](#) – *Lyubichankovskiy S.V., Akanov K.G.* (2018). Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye Gody*. Vol. 48. Is. 2. pp. 484–495. [in Russian]
- [Pereira, 1993](#) – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

«Маленький Сперанский» Сибири: о деятельности якутского, енисейского губернатора И.И. Крафта в 1906–1914 гг.

Татьяна Геннадьевна Карчаева ^{а, *}, Евгений Николаевич Гарин ^а, Михаил Дмитриевич Северьянов ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен вклад губернатора Ивана Ивановича Крафта в социально-экономическое, политическое и культурное развитие Якутской области, Енисейской губернии и Сибири в целом в начале XX в. На основе детального анализа литературы, дореволюционной периодики, а также документов Государственного архива Красноярского края и Национального архива Республики Саха (Якутия), зачастую впервые введенных в научный оборот, сделан вывод о высокой степени профессионализма И.И. Крафта как местного управленца, занимавшего губернаторскую должность в Сибири в столь трудное время российской истории. Проведенное сравнение сведений из литературы с архивными материалами показало, что по завершении губернаторского срока в Якутской области данная территория вышла на новый, более развитый уровень цивилизационного развития, якуты и русское население приобщилось к благам общества того времени, повысились уровень и качество жизни за счет развития образования, здравоохранения, социального обеспечения. Непродолжительный срок службы в должности енисейского губернатора, сравнительно с якутским, был не менее успешным для истории Енисейской губернии. Так, Приенисейский регион Центральной Сибири в 1913–1914 гг. имел образцовые показатели по проведению политики борьбы с повальным пьянством среди жителей Сибири и России в целом, что объяснялось личным участием губернатора в организации и проведении конкретных действий. Вклад И.И. Крафта в решение инороднического вопроса в Сибири и среднеазиатских российских областях был оценен центральными правительственными структурами и научным сообществом, что позволило ему стать членом Императорского Русского географического общества и заслужить память среди благодарных потомков.

Ключевые слова: И.И. Крафт, губернаторы Российской империи, модернизация, сибирские инородцы, Тургайская область, Енисейская губерния, Якутская область, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева),
kafedraistoriirossii@yandex.ru (Е.Н. Гарин), vii@sfu-kras.ru (М.Д. Северьянов)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1296-1306. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1296
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Enlightening Activities of the Tsarist Government in Semirechye in the early XXth century (According to the Documents from the Fund of the Head of the Semirechye Region's Resettlement Administration)

Orazgul H. Mukhatova^a, Gulzhan B. Tleubekova^b, Nurgul N. Kurmanalina^{c, *}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b Zhetysay State University after Ilyas Zhansugurov, Kazakhstan

^c Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Kazakhstan

Abstract

In the late XIX – early XX century, Tsarist Russia actively pursued a policy of resettlement in the Kazakh steppes. A lot of work to improve the socio-economic status of resettled peasants was carried out by the authorities. One of such works is educational or educational activities. This fund contains the data reflecting the work carried out by the department in the field of education. On the basis of these documents, it is possible to determine the direction of the tsarist government's policy in the Semirechye.

The basis of the article is the documents of the head of resettlement department of the Semirechye region of the Main Directorate for Land Management and Agriculture (19th Fund), which are kept in the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan. The fund manages the documents of the state employees on the activities of the Semirechye resettlement institution. Among them there are: circulars, instructions, orders, journals, minutes, reports, reports, references, recommendations. The largest source base in the fund is reporting data and personnel documents.

The enlightening activity of the Russian Empire in the Semirechye began with the construction of schools and churches, as this work was associated with religious and educational affairs. Several institutions participated in this process: the Ministry of Public Education, Resettlement Department, Special Committee, Semirechye Regional Committee, Uyezd Committees, Turkestan Diocesan Committee, etc. The funding were also allocated by the Great Synod, Alexander III fund, and from the pocket of the common people. As a result, at the beginning of the XXth century in Semirechensk many schools, churches, parishes were built, in addition there worked mobile churches. Thus, the tsarist government strengthened its educational activities in this region.

Keywords: tsarist government, resettlement administration, Semirechye regional committee, enlightenment work, schools, churches.

1. Введение

Просветительская деятельность всегда играла важную роль в становлении и развитии общества, государства. Поэтому изучение процесса просветительской работы Российской империи в Семиречье в начале XX в. имеет своеобразную ценность в дореволюционной истории края. Просветительская деятельность правительства в Семиречье проводилась с помощью нескольких инстанций и учреждений, таких, как Семиреченское переселенческое управление, Семиреченский областной комитет, Специальный совет и др.

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя активно проводила политику переселения в

* Corresponding author

E-mail addresses: orazgul7@rambler.ru (O.H. Mukhatova), nurgulca@mail.ru (N.N. Kurmanalina), tleubekova@mail.ru (G.B. Tleubekova)

казахские степи, в том числе – немало работ с целью улучшения социально-экономического положения переселившихся крестьян. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан создан 19-й фонд, который содержит документы, отражающие проведенную работу переселенческого управления Семиреченской области в сфере образования. На их основе можно определить направление деятельности дореволюционного правительства в Семиречье.

2. Материалы и методы

Основу статьи составили документы заведующего переселенческим управлением Семиреченской области Главного управления землеустройства и земледелия (19-й фонд), которые хранятся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Фонд укомплектован документами о работниках Семиреченского переселенческого учреждения и отражает их деятельность. Среди документов имеются циркуляры, инструкции, приказы, журналы, протоколы, отчеты, доклады, справки, рекомендации. Самой объемной источниковой базой в фонде являются отчетные данные и документы по личному составу. Все дела, систематизированные в фонде, считаются ценными источниками дореволюционного периода, а их значимая часть является оригиналом.

В данной статье используются общенаучные и исторические методы исследования. Для раскрытия отдельных фактов по изучаемой тематике применялся метод анализа, для обобщения материалов – систематический метод и метод синтеза. Использование же статистических методов позволило избежать описательности и применить аналитический подход к выявлению и изучению основных аспектов и результатов просветительской работы царского правительства в Семиречье.

В историческом научном исследовании были учтены принципы историзма, объективности и социального подхода.

3. Обсуждение

Первые труды и информативные издания, связанные с переселенческим управлением в Семиречье, охватывали годы его работы и были опубликованы в начале XX века. Точнее, авторы данных трудов, написанных с 1905 по 1917 гг., были в основном чиновниками царского правительства. Их труды не являлись специальными научными работами, а были документами отчетного характера о результатах проделанных работ, предназначенных для Главного переселенческого управления. Труды С.Н. Велецкого, работавшего 8 лет заведующим Семиреченским переселенческим управлением, имеют высокую историческую ценность, поскольку они носят отчетный характер. В его работах «Семиреченская область и ее колония» (Велецкий, 1916), «Записка о положении и нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе к 1-му января 1913 года» (Велецкий, 1913) были использованы статистические документы Семиреченского переселенческого учреждения. Такое преимущество авторских работ способствует глубокому определению сути и значимости документов рассматриваемого фонда. В труде инженера Путей сообщений В.А. Васильева «Семиреченская область как колония, и роль в ней Чуйской долины» уделено особое внимание вопросу колонизации Семиреченской области (Васильев, 1915). В 1912 г. под авторством А.П. Купласта был издан справочник под названием «Семиреченская область» (Купласт, 1912). В данном труде дается общая информация о Семиреченской области. В июле 1909 года решением Главного переселенческого управления в Семиречье прибыл в командировку депутат Государственной Думы и религиозный деятель А.Л. Требугов. В ходе командировки он побывал в русских деревнях, казачьих станицах и ознакомился с жизнью поселенцев. А.Л. Требугов проводил духовные мероприятия по распространению религиозной проповеди, заключению браков молодоженов. В результате в 1910 г. была опубликована его работа «Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях» (Требугов, 1910).

В 1908 г. царская администрация направила в Туркестанское генерал-губернаторство сенаторскую ревизию под руководством К.К. Палена. В ходе ревизии проверялась деятельность всех государственных учреждений в крае, в том числе и переселенческого управления Семиреченской области. В результате работы в 1910 г. были опубликованы материалы ревизии – «Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом» (Пален, 1910).

Работы российских чиновников по колониальной политике царского правительства были опубликованы в начале XX века. К ним относится ряд работ Г. Гинса, посвященных переселенческому делу (Гинс, 1913; Гинс, 1912). Эта тема рассматривалась и в статьях казахской интеллигенции начала XX века: А. Букейханова (Кыр баласы, 1998; Бөкейханов, 1998), М. Тынышпаева (Тынышпаев, 2002), М. Дулатова (Азамат, 1995), А. Байтұрсынова (Байтұрсынов, 1995а), (Байтұрсынов, 1995b), которые публиковались в национальных неофициальных периодических изданиях. За годы независимости был опубликован ряд работ, посвященных политической истории казахов и Российской империи.

Ученый-историк М.К. Койгелдиев, изучая колониальную политику в Семиреченском крае, в своих исследованиях старался охватить разные ее аспекты. В этой связи стоит отметить монографию ученого «Российская власть в Семиречье (XIX в. – 1917 г.)» (Койгелдиев, 1995; Койгелдиев 2004). Некоторые из документов 19-го фонда, касающихся переселенческой политики царского

правительства в Семиречье были проанализированы в труде историка Ф.Н. Мийманбаевой (Мийманбаева, 2002).

Из англоязычной историографии стоит выделить работу исследователя А. Черкасова, посвященную образовательному процессу в России 1894–1917 гг. В статье на основе фактических и статистических данных проанализирована деятельность правительства в сфере образования. Автор смог показать общую картину динамики развития начального образования по всей стране (Cherkasov, 2011).

4. Результаты

Образовательная деятельность Российской империи в этом крае началось со строительства школ и церквей, которым в регионе до создания переселенческого управления в Семиреченской области занималась местная администрация. А с 1905 г. эта деятельность была возложена на чиновников переселенческого управления под руководством Главного управления земледелия и землеустройства. Переселенческое управление реализовывало это дело, скоординировав работу с местным епархиальным начальством и центральным управлением Святейшего Синода (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 185). Открытие церквей и приходов в новопостроенных поселках увеличило число русских крестьян. Кроме того, такие участки были ценны для ходоков.

С 1907 г. Российская империя начала работу по религиозной и образовательно-воспитательной деятельности. 31 августа 1907 г. был принят указ Синода. Данный циркуляр был отправлен епископам Туркестана, Ташкента и Семиреченскому переселенческому региону. Согласно содержанию указа, многочисленные мусульмане, буддисты и различные секты на переселенческих регионах оказывают большое влияние на православных русских крестьян. В результате переселенцы отдаляются от церквей, в связи с чем отмечалась необходимость принятия срочных мер по решению данной проблемы (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 68).

18 января 1908 г. по указу Императора в регионе под председательством обер-прокурора был создан Специальный совет. Задача Совета заключалась в определении финансовых средств, направляемых на религиозные нужды в переселенческих районах. Первое заседание Специального совета состоялось 30 марта 1908 г. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 136). По указанию императора 7 марта 1908 г. в каждом регионе, наряду с комиссией, должны быть созданы Специальные комитеты, которым поручалось оказание религиозных услуг переселенцам. Согласно предложению Специального комитета Туркестанскому епископу Дмитрию, необходимо было создать в каждой области специальный областной комитет, т.к. в Туркестанскую епархию входили пять областей и один комитет не мог заниматься всеми делами. Данное предложение было одобрено Синодом 7 мая 1908 г., в результате чего был создан Семиреченский областной комитет. В составе областного комитета были военный губернатор Семиреченской области, начальник областного управления Государственной собственности, заведующий Семиреченским переселенческим управлением и областной инженер.

13 июня 1908 г. состоялось первое заседание Семиреченского областного комитета, в котором участвовали Туркестанский епископ Дмитрий, военный губернатор генерал-лейтенант Покотило, заведующий Семиреченским переселенческим управлением Велецкий, региональный инженер Зенков и делопроизводитель Брызгалов (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 195). На заседании был заслушан доклад заведующего Семиреченским переселенческим управлением С.Н. Велецкого о поселении русских переселенцев в Семиреченском крае и предназначенных им участках. Главе Семиреченского переселенческого района было поручено подготовить карту Семиреченской области с указанием переселенческих поселков специально для Комитета. Схематическая карта Семиреченской области 1909 г. была подготовлена в соответствии с приведенным выше приказом (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 156): на карте указывались переселенческие поселения, созданные до 1910 г., и отмечались церкви и приходы русских деревень. В общей сложности в регионе насчитывалось 62 церкви и прихода в уездах: Лепсы – 12, Капал – 14, Жаркент – 5, Верный – 12, Пржевальск – 7, Пишпек – 12. До 1910 г. в Семиреченской области религиозные организации для русских переселенцев были открыты в основном в Капальском уезде.

На заседании также был рассмотрен вопрос о направлении специальных передвижных церквей для осуществления религиозных нужд населения в поселки, расположенные далеко от церквей. Следует отметить, что данный вопрос также обсуждался на собрании Специального совета под председательством Генерального обер-прокурора 7 марта 1908 г. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Лл. 133–134). В передвижные церкви назначались сотрудники, не состоящие в браке, и их годовая зарплата выплачивалась в двойном размере.

При областном комитете были созданы уездные комитеты по проведению религиозных мероприятий для переселенцев. Они были созданы во всех уездных центрах Семиреченской области. Инструкция уездных комитетов состояла из пяти подпунктов (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Л. 3–4). Согласно указу, постоянными членами райкома были религиозный представитель района, глава района, глава малого района и местные лесоводы. Председатель Комитета назначался Областным комитетом из числа местных религиозных представителей, но в некоторых случаях глава района назначался также председателем. Согласно 4-му подпункту указа, районный комитет рассматривал

все вопросы, связанные с религиозными и образовательными потребностями переселенцев. Комитет составлял список поселений, населенных русскими крестьянами, с указанием долей земельных участков, отмечал количество поселенцев и расстояние между новопостроенными селами и старыми поселками, имеющими церкви. Кроме того, он контролировал выделение участков, согласно указу в новопостроенных поселениях для постройки церкви и школы выделялось 120 десятин земель. План, подготовленный уездным комитетом, направлялся на рассмотрение в Областной комитет. После утверждения плана местный комитет занимался его осуществлением ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 618. Л. 1](#)).

Согласно Закону от 19 апреля 1909 г. сельские общины под руководством уездного комитета были уполномочены принять указ о выдаче безвозвратной ссуды и передаче бесхозных лесов Святейшему Синоду и переселенческому управлению для строительства школ и церквей или подавать заявление от имени жителей. Например, 7 декабря 1911 г. крестьяне села Отрадное в Пржевальском районе на сельском собрании приняли решение о необходимости выделить ссуду в размере пяти тысяч рублей на строительство церкви. В постановлении было написано: «1911 года Декабря 7 дня мы, нижеподписавшиеся крестьяне, переселенцы села Отрадного Графа Паленской волости Пржевальского уезда Семиреченской области, собравшись на сельском сходе в числе 144 домохозяев, имеющих право голоса на сходе 96 человек, имеем суждение о следующем: построить церковь в нашем селении на сумму не более 10000 рублей, то мы единогласно приговорили: просить подлежащее начальство исходатайствовать нам ссуду из сумм, предназначенных на общепольную надобность, всего 5000 рублей, которые мы обязуемся уплачивать в продолжение десяти лет равными взносами по 500 рублей в год» ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Л. 23](#)). Крестьяне деревни Отрадное попросили половину из необходимых 10 000 рублей для строительства церкви в виде ссуды, с условием, что они вернут эту сумму в течение десяти лет. Сельское решение было подтверждено печатью старосты. В законах об открытии школ жители села были обязаны обеспечить теплом и светом здание школы и жилищем учителя и предоставить охрану ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 126. Л. 56; Д. 2770. Л. 15](#)).

Уездный комитет ежемесячно публиковал постановления подчиненного сельского округа и предоставлял их на рассмотрение Областному комитету. В постановлении № 1 Пржевальского районного комитета от 21 января 1912 г. заявления сел Отрадное, Озерно-Фольбаумское, Богатырское, Валериановское и Михайловское были рассмотрены и направлены в Верховный комитет ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Л. 45](#)). Если в сельском запросе требуются средства для строительства церкви, этот документ направляется на рассмотрение, наряду с Областным комитетом, и Епархиальному комитету.

Деятельность Туркестанского Епархиального комитета по строительству церквей в регионе освещена в протокольной документации. Заседания комитета проводились под председательством епископа Туркестана и Ташкента Дмитрия, и в них участвовали военный губернатор Семиреченской области, глава Семиреченского переселенческого управления, епархиальный контролер, областной инженер, архитектор, религиозные деятели, делопроизводитель комитета. На заседании Туркестанского Епархиального комитета 23 января 1912 г. был рассмотрен проект церкви для переселенческих поселков ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Л. 250](#)), который был подготовлен региональным архитектором С.К. Тропаревским и А. Бонч-Осмоловским. На заседании проект был подтвержден, и было принято постановление о его распространении в окружные комитеты. Проект церкви представлялся сельским общинам, но по какому проекту будет проводиться строительство церкви, решала сама община.

С.К. Тропаревский и А. Бонч-Осмоловский подготовили проект церкви вместительностью 700 человек ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2770. Л. 15](#)). На нем показаны архитектурный облик церкви, схема и параметры. Проект объекта был подготовлен 13 января 1912 года областными архитекторами С. Тропаревским и А. Бонч-Осмоловским, инженером-гидротехником А. Корнеевым, секретарем А. Баймуловым и был утвержден на заседании Туркестанского Епархиального комитета 23 января 1912 г.

Стоит отметить, что в архивах хранятся фотографии школ, церквей и религиозных зданий Семиреченского региона, построенных для переселенцев. В докладе 1916 г. содержатся статистические данные и фотографии школ, церквей, религиозных жилищ, открытых в Семиреченском районе с 1904 по 1916 гг. Также есть фотодокументы строительства церкви в селе Алексеевка округа Верный, школы в селе Кастек-Прудки, церквей и школ сел Лепсинского округа – Покотиловка, Покровская, Ново-Надеждинская ([ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 618. Лл. 11–22](#)). В принципе, все школы и церкви были похожи друг на друга, т.к. их здания были одноэтажными. Можно сделать вывод, что школы и церкви в регионе построены по одному проекту.

На заседаниях Туркестанского Епархиального комитета Областной комитет утверждал бюджет на строительство школ и церквей, готовил план на определенный год. В плане строительства церквей и школ в переселенческих поселениях указывались средства, выделяемые Святейшим Синодом и переселенческим управлением. Настоящий документ утверждался обер-прокурором и руководителем Главного управления земледелия и землеустройства и заверялся подписью начальника Главного переселенческого управления. Согласно плану 1912 г., из средств Святейшего Синода были выделены на новые религиозные учреждения – 99 850, жилища религиозных служителей – 31 125, поездки по региону – 4500, технический контроль – 16 800, передвижные церкви – около 21 000, строительство

церквей и школ – 433169 рублей. Из средств переселенческого управления были выделены на строительство – 670483, на 25 передвижных церквей – 50000, на пастырские курсы – 12000, на расходы будущих запросов – 35000 рублей (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Л. 58). В соответствии с законом от 19 апреля 1909 г. средства для нужд переселенцев выделялись сельским общинам в виде займов или безвозвратных средств. Фиксированные кредиты по каждому региону представлены в плане в виде таблицы. В плане 1912 г. в Семиреченской области было выделено 76 150 рублей из фонда Святейшего Синода, 59 200 – из переселенческого управления (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2767. Лл. 50–61). Эти данные показывают, что Святейший Синод выделял на 16 950 рублей больше, чем управление переселения.

На строительство школ и церквей в переселенческих поселках постоянно выделялись средства от Святейшего Синода и управления по переселению. Специальный фонд имени императора Александра III также финансировал строительство школ и церквей на окраинах Российской империи. Согласно вышеупомянутому Указу императора от 31 августа 1907 г., в Сибири и киргизских степях было построено 200 церквей за счет средств фонда царя Александра III (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 68). 7 марта 1907 г. начальник Семиреченского переселенческого региона С.Н. Велецкий отправил рекомендательное письмо в канцелярию фонда имени императора Александра III в Санкт-Петербург (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 4). По словам С.Н. Велецкого, в Пишпекском уезде от управления казачьей армии переселенческому фонду был передан 6-й Чуйский участок, т.к. он находился на границах Сырдарьинской области и далеко от русских поселков, и поэтому нуждался в отдельной церкви, в связи с чем на строительство церкви и школы в 6-м Чуйском поселке были запрошены средства из фонда Александра III на безвозвратной основе.

Глава Семиреченского переселенческого района в служебном документе, направленном 24 ноября 1907 г. Туркестанской религиозной консистории, говорил о необходимости запроса средств на строительство школ и церквей в новых поселках из фонда императора Александра III (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2706. Л. 77).

С 1909 г. Царская администрация начала уделять больше внимания воспитательно-образовательной работе. Министерство народного образования и Главное управление по переселению проводили мероприятия, связанные с открытием начальных училищ и школ. В связи с этим на заседании Специального совета 10 января 1909 г. был рассмотрен вопрос об открытии начальных училищ и школ на территории Сибири и Казахстана (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 126. Лл. 3–4). На заседании совета присутствовали директор департамента народного образования С. Анцыферов, начальник Главного переселенческого управления Г. Глинка, делопроизводитель К. Денисов. Г. Глинка в своем докладе рассказал, что, начиная с 1908 г., Главное переселенческое управление и Святейший Синод пришли к соглашению об открытии церковно-приходских училищ. Они указывали, что в то время деятельность школ необходимо было организовывать совместно с Министерством народного образования. Рассматривая данный вопрос, совет принял решение о создании специальных областных комиссий для организации школ и училищ в каждом регионе. В задачи областных комиссий входили определение областей, нуждающихся в открытии школ и училищ, поиск арендных зданий для школ и училищ на первое время, приглашение учителей в планируемые учебные заведения.

Областная комиссия провела большую работу в регионе. После ее создания финансовые проблемы в строительстве школ региона стали быстрее решаться (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 599. Лл. 5–6). Только в 1915 г. в малом районе Верном были выделены кредиты и безвозвратные средства на строительство 6 школ.

Первое заседание Областной комиссии в Семиреченском крае состоялось 4 марта 1910 г. На нем присутствовали председатель, военный губернатор Семиреченской области М. Фольбаум, вице-губернатор Семиреченской области П. Осташкин, заведующий Семиреченским переселенческим управлением С. Велецкий, инспекторы училищ народного просвещения П. Якоб, В. Светлов, советник регионального правления Семиречья Е. Мартов и глава малого района Верный А. Голубев (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1981. Л. 46). Последний был назначен секретарем комиссии.

По сведениям заведующего Семиреченским переселенческим управлением С. Велецкого, в малых районах Пишпек и Верный возникла необходимость открытия школ в срочном порядке. Кроме того, заведующий сделал отчет об образовательном процессе в Семиреченской области. Одним из основных вопросов, поднятых в ходе встречи, было строительство школ. В частности, была рассмотрена необходимость строительства школ Министерством народного образования или церковно-приходских школ на землях переселенцев. Для организованного решения вопросов строительства школ и образовательной деятельности в крае комиссия приняла решение учредить в каждом районе специальные строительные комитеты.

На заседании областной комиссии 11 марта 1910 г. было принято решение построить 20 школьных зданий в уездах Верный, Пишпек, Пржевальский, Жаркент и организовать строительные комитеты к концу 1910 г. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 126. Л. 83). На заседаниях областного комитета в основном обсуждались вопросы, связанные с образованием в регионе и строительством школ и колледжей. Это говорит о том, что переселенческое управление уделяло особое внимание образовательной деятельности, всегда держало под контролем проблемы образования и обучения.

В инструкции Министерства народного просвещения, посланной генерал-губернатору Туркестана от 1 ноября 1912 г. представлены задачи областной комиссии (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1981. Л. 3). Следует отметить, что согласно инструкции, в состав комиссии также входил представитель религиозного ведомства. Из-за отсутствия связи между областными комиссиями и Епархиальными комитетами, Министерство народного просвещения включило в состав комиссии представителя религиозной организации (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 630. Л. 61). Отсюда замечаем, что религиозные организации также участвовали в учебном процессе.

Согласно поручению Министерства народного просвещения, 22 июня 1909 г. было утверждено «Положение об оказании материальной помощи для строительства школ» (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1827. Л. 3). Согласно 4-й статье положения, Министерство народного просвещения обязывалось выделять половину средств на строительство школ в виде безвозвратной ссуды сумма которой отражалась в отчетных документах.

9 августа 1914 г. военный губернатор Семиреченской области подготовил специальные инструкции для строительных комитетов областной комиссии и окружных комиссий. Она была напечатана в типографии г. Верный (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1075. Л. 24–35). Документ был утвержден военным губернатором Семиреченской области М. Фольбаумом. Инструкция состоит из 7 разделов и 59 подпунктов. В нем пристально изучались и детально рассматривались вопросы, связанные с властью региона и его администрацией, строительством учебных зданий, средствами, выделенными на них, и их будущим.

В соответствии с «Инструкцией местным строительным комитетам, учрежденным для постройки школьных зданий в переселенческих поселках Семиреченской области» строительство школьных зданий проводилось местными строительными комитетами. В составе Комитета по строительству были председатель – местный учитель или священный служитель, и члены – сельский старшина или староста, 4–5 местных жителей. Постановление о выборе членов строительных комитетов утверждалось Уездной комиссией и Областным комитетом.

Как отмечается в подпункте 13–14 Инструкции, строительство и открытие школ Министерства народного просвещения, деятельность строительных комитетов в районе и в небольших районах контролировалась уездной комиссией. Председателем комиссии был инспектор уездного народного училища, а членами – начальник уезда, налоговый инспектор, заведующий малым районом, уездный надзиратель церковно-приходских школ, местный лесовод (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1075. Л. 26).

Уездные комиссии действовали в соответствии с инструкцией. Например, на заседании Пржевальской уездной комиссии от 10 апреля 1915 г. были рассмотрены вопросы о строительстве школ в Пржевальском уезде и необходимых средствах на 1915–1916 гг. (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1090. Л. 24–25). В связи с этим в 1915 г. планировалось построить 5 школ в деревнях Барскаун, Соколовка, Тархан и в 1916 г. 7 школ в деревнях Светлая Поляна, Раздольное, Валерияновка, Рысок и Григорьевка. Сельские заявления и ведомость о ссуде в отношении строительства этих школ были направлены на рассмотрение Областной комиссии.

На заседании Лепсинской Уездной комиссии 20 октября 1915 г. был рассмотрен вопрос об открытии русско-туземной школы (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1079. Л. 18–19). В соответствии с решением сельской общины Саратова совместно с уездами Маканши-Садыр и Маканчи-Кастек для открытия русско-туземной школы просили выделить 3000 рублей у Министерства народного просвещения и 3000 рублей в виде займа у переселенческого управления. Следует отметить, что кочевые казахские волости сразу же отдали 1167 рублей 80 копеек и обязали каждый дом оказывать помощь по 20 копеек с 1916 г. до окончания строительства школ.

20 мая 1916 г. по приказу заведующего Семиреченским переселенческим управлением Бурыгина начальнику отдела межевания было дано задание распределить 3 десятины земли из свободных участков в киргизском отделе села Тархан Пржевальского уезда школьному участку (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 630. Л. 45). Как указано в распоряжении, от имени казахских жителей села Тархан Жакынбек Атаканов и Дикембай Адилев сделали запрос на выделение соответствующих участков для мечети и школы. Однако, согласно вышеупомянутой «Инструкции местным строительным комитетам, учрежденным для постройки школьных зданий в переселенческих поселках Семиреченской области», в новопостроенных поселках школьным участкам вместе с дворовой долей выделялись по 14 десятин земель. В старых населенных пунктах на долю школ было выделено по 4,5 десятин земель (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1075. Л. 25). Дворовые земли составляли школьные дворы, исследовательские участки.

После создания областной и уездных комиссий с 1909–1910 гг. школьная деятельность начала развиваться ускоренными темпами.

Таблица 1. Сведения о постройках церковно-приходских школ и школ Министерства народного просвещения в Семиреченской области (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 618. Л. 34).

Малый район	Церковно-приходские школы					Школы Министерства народного просвещения				
	Количество	Годы постройки	Финансовые затраты (в рублях)			Количество	Год постройки	Финансовые затраты (в рублях)		
			Переселенческое управление	Святейший Синод	Общественные средства			Переселенческое управление	Святейший Синод	Общественные средства
Верный	8	1910-1913	1200	2000	5200	3	1912-1913	800	-	3600
Пржевальский	7	1907-1913	-	-	общественные	-	-	-	-	-
Лепсинск	4	1913-1914	2000	-	964	2	1914	1700	-	154
Пишпек	6	1906-1914	Выделено 2 школы	-	общественные	7	1904-1915	Выделено 1 школе	-	общественные
Урджар	1	1912	-	-	общественные	-	-	-	-	-
Жаркент	1	1912	-	-	общественные	1	1913	-	-	общественные
Капал	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	27		Указанная сумма 3200	2000	Указанная сумма 6164	13		Указанная сумма 2500	-	Указанная сумма 3754

Как видно из вышеприведенной таблицы (Таблица 1), до 1915 г. в небольшом районе Капал не проводилось строительство церкви, церковно-приходской школы и школы Министерства народного просвещения. За 1906–1915 годы в Капале не строились школы и церкви (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 806. Л. 108), т.к. число русских сел в Капале было немного и не было необходимости стройки. В соответствии с «Положением об оказании материальной помощи для строительства школ» от 22 июня 1909 г. в случае нехватки собранных общественных средств на строительство школ выделялись ссуды из фонда переселенческого управления (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1827. Л. 3).

Среди учебных заведений, открытых в Семиреченском крае, были и сельскохозяйственные школы. 27 ноября 1913 г. Главное управление земледелия и землеустройства утвердило «Общий устав сельскохозяйственных училищ» (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 464. Л. 5–24). Согласно уставу, нижестоящие сельскохозяйственные школы открывались с разрешения Главного управления земледелия и землеустройства. Были контрольные комитеты, наблюдавшие за деятельностью каждого училища. Кроме того, в регионе были земледельческие и пастушьи училища. Например, на заседании Верненской городской думы 28 февраля 1912 г. был рассмотрен вопрос об открытии Верненского земледельческого училища (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 354. Л. 3–4). Представитель городского управления отмечал, что подготовка специальных профессионалов в училищах повлияет на переход местного населения к оседлому образу жизни. В результате заседания было принято решение о выделении мест учебному заведению из свободных земельных участках Государственным общественным управлением.

Открытие земледельческого училища планировалось на начало 1914 г. В ноябре 1913 г. губернатор Семиреченской области С.Н. Велецкий обратился с просьбой к генерал-губернатору Туркестана об открытии училища в начале нового года. Он предложил открыть земледельческие курсы в случае, если вышеназванное учебное заведение не откроется (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 354. Л. 35). Наряду с другими предметами, в школе также учили специальные предметы. Например, в

учебную программу 1910 г. земледельческого училища включали всего 17 предметов, из них специальными были такие предметы, как «Геодезия», «Законы межевания», «Космография», «Поверхность земли и растения» (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 354. Л. 39–62). Кроме того, во всех учебных заведениях в обязательном порядке проводился урок «Религиоведение».

В учебной программе (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 480. Л. 7–50), специально разработанной для Верненской садовой школы, было много специальных предметов, и в основном они преподавались в 2–3 классах. Следует отметить, что в ее программу был включен предмет «Бухгалтерский учет», в котором давали необходимые пояснения относительно движимого и недвижимого капитала, квитанций, векселей. Согласно рассмотренным программам, можно заметить, что в учебные заведения были внедрены все необходимые дисциплины. Кроме того, за 1913–1915 гг. в Семиреченской области было построено несколько церквей. Наиболее полные статистические данные представлены ниже (Таблица 2).

Таблица 2. Сведения о постройках церквей и молитвенных домов в Семиреченской области (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 618. Л. 6–48).

Малый район	Церковь					Молитвенный дом				
	Количество	Годы постройки	Финансовые затраты (в рублях)			Количество	Год постройки	Финансовые затраты (в рублях)		
			Переселенческое управление	Святейший Синод	Общественные средства			Переселенческое управление	Святейший Синод	Общественные средства
Верный	4	1913–1915	16500	16500	6800	6	1911–1915	500	-	3300
Пржевальский	1	1915	-	-	8000	7	1911–1915	2000	-	общественные
Лепсинск	2	1915	8000	3000	-	12	1910–1914	700	1300	12252
Пишпек	1	1915	-	5000	-	21	1908–1915	7500	-	17965
Урджар	1	1915	15000	-	1500	13	1911–1915	-	-	общественные
Жаркент	1	1915	-	5000	-	6	1913–1916	-	-	общественные
Капал	-	-	-	-	-	6	1913–1914	-	-	3400
Всего	10		39500	29500	16300	71		10700	1300	Указанная сумма 33617

Как правильно подытожил автор, на рубеже XIX–XX вв., т.е. в 1894–1917 гг. начальное образование в России сделало значительные успехи (Cherkasov, 2011: 148). Здесь, по нашему мнению, можно отметить особую роль Закона от 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования», в котором было предусмотрено выделение указанной суммы ежегодно с 1 января 1908 г. по смете Министерства народного просвещения сверх обычных ассигнований (Бызова, 2013: 236). О динамичном развитии просветительской работы по всей стране в начале XX в. также могут свидетельствовать вышеприведенные факты и цифры, которые даны по Семиречью.

5. Заключение

Просветительская деятельность Российской империи в Семиречье началась со строительства школ и церквей. Например, в 1910–1914 гг. было построено 40 школ. Выделенные на них средства составили 15618 рублей. К сожалению, в 19-м фонде не встречаются документы, отражающие

сведения об обучавшихся и их численности. Также в крае было открыто Земледельческое училище для обучения улучшенному хозяйству, где готовились специалисты. В Семиреченской области в 1913–1915 гг. было построено 10 церквей. На их строительство основное средство в объеме 39500 рублей было выделено переселенческим управлением. На строительство школ тратились в основном общественные средства. В 1908 на них в 1916 гг. в крае было возведено 71 молитвенный дом, большая часть их располагалась в Пишпекском малом районе. Молитвенные дома также в основном финансировались за счет общественных средств. Таким образом, царское правительство усиливало свою деятельность по просветительской работе в данном крае.

Литература

- Азамат, 1995** – *Азамат Алашұлы. Жер мәселесі* // Энциклопедия «Айқап». Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1995. 83–85.
- Байтұрсынов, 1995a** – *Байтұрсынов А. Қазақ пайдасындағы жерді алу турасындағы низамдар, бұйрықтар* // Энциклопедия «Айқап». Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1995. 76–79 бб.
- Байтұрсынов, 1995b** – *Байтұрсынов А. Тағы да жер жайында* // Энциклопедия «Айқап». Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1995. 58–61.
- Бөкейханов, 1998** – *Бөкейханов Ә. Қазақ һәм жер мәселесі* // «Қазақ» газеті. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1998. 93–95.
- Бызова, 2013** – *Бызова О.М. Строительство общеобразовательных учреждений в Москве в годы первой пятилетки* // *Вестник МГСУ*. № 6. 2013. С. 236–243.
- Васильев, 1915** – *Васильев В.А. Семиреченская область как колония, и роль в ней Чуйской долины*. Петроград, 1915. 278 с.
- Велецкий, 1913** – *Велецкий С.Н. Записка о положении и нуждах переселенческого дела в Семиреченском районе к 1-му января 1913 года*. СПб., 1913. 109 с.
- Велецкий, 1916** – *Велецкий С.Н. Семиреченская область и ее колония. Итоги работ по колонизации Семиречья за 8 лет (1906–1913 гг.)*. СПб., 1916. 62 с.
- Гинс, 1912** – *Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и выставка по переселенческому делу*. СПб., 1912. 58 с.
- Гинс, 1913** – *Гинс Г. Переселение и колонизация*. Вып. 1. СПб., 1913. 48 с.
- Купласт, 1912** – *Купласт А.П. Семиреченская область*. Полтава, 1912. 26 с.
- Қойгелдиев, 1995** – *Қойгелдиев М.Қ. Алаш қозғалысы*. Алматы: Санат, 1995. 365.
- Қойгелдиев, 2004** – *Қойгелдиев М.Қ. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ. – 1917 ж.)*. Астана: Елорда, 2004. 216.
- Қыр баласы, 1998b** – *Қыр баласы. Төртінші дума һәм қазақ* // «Қазақ» газеті. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1998. 45–47 бб.
- Мийманбаева, 2002** – *Мийманбаева Ф.Н. Русские переселенцы в Семиречье в к. XIX – н. XX вв.: Учебное пособие по спецкурсу*. Алматы, 2002. 50 с.
- Пален, 1910** – *Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Книга 1. Краевое управление*. СПб.: Сенатская типография, 1910. 30 с.
- Трегубов, 1910** – *Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях*. СПб., 1910. 78 с.
- Тынышпаев, 2002** – *Тынышпаев М. Киргизы и освободительное движение* // *История казахского народа*. Алматы: Санат, 2002. С. 20–28.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Cherkasov, 2011** – *Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones* // *Social Evolution & History*, Vol. 10. No. 2. 2011. pp. 138–149.

References

- Azamat, 1995** – Alashuly (1995). Zher maselesi [Land issue]. Ehnciklopediya «Ajqp». Almaty: «Qazaq ehnciklopediyasy» Bas redakciyası, pp. 83–85. [in Kazakh]
- Bajtursynov, 1995a** – *Bajtursynov A. (1995). Qazaq pajdasındagy zherdi alu turasyndagy nizamdar, bujryqtar* [Nizams and orders for seizure of lands belonging to Kazakhs]. EHnciklopediya «Ajqp». Almaty: «Qazaq ehnciklopediyasy» Bas redakciyası. pp. 76–79. [in Kazakh]
- Bajtursynov, 1995b** – *Bajtursynov A. (1995). Tagy da zher zhajynda* [Once again about the land]. Ehnciklopediya «Ajqp». Almaty: «Qazaq ehnciklopediyasy» Bas redakciyası, pp. 58–61. [in Kazakh]
- Byzova, 2013** – *Byzova O.M. (2013). Stroitelstvo obeobrazovatelnyh ýchrejdenu v Moskve v gody pervoi piatiletki* [Construction of General Educational Institutions in Moscow during the First Five-Year Plan Period]. Vestnik MGSÚ. №6. pp. 236–243. [in Russian]
- Bokejhanov, 1998** – *Bokejhanov A. (1998). Qazaq ham zher maselesi* [The Kazakh and the land problem]. «Qazaq» gazeti. – Almaty: «Qazaq ehnciklopediyasy» Bas redakciyası, pp. 93–95. [in Kazakh]
- CGA RK** – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & History*, Vol. 10. No. 2, pp. 138–149.
- [Gins, 1912](#) – Gins G. (1912). Voprosy kolonizacii Aziatskoj Rossii vystavka po pereselencheskomu delu [Issues of the Asian Russia colonization and resettlement activities exhibition]. SPb. 58 p. [in Russian]
- [Gins, 1913](#) – Gins G. (1913). Pereselenie i kolonizaciya [Resettlement and colonization]. Vyp. 1. SPb. 48 p. [in Russian]
- [Kuplast, 1912](#) – Kuplast A.P. (1912). Semirechenskaya oblast' [Semirechye region]. Poltava. 26 p. [in Russian]
- [Mijmanbaeva, 2002](#) – Mijmanbaeva F.N. (2002). Russkie pereselency v Semirech'e v k. XIX – n. XX vv. [Russian migrants in Semirechye in XIX – early XX centuries]: Uchebnoe posobie po speckursu. Almaty. 50 p. [in Russian]
- [Palen, 1910](#) – Palen K.K. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoj po vysocajshemu poveleniyu senatorom gofmejstrom graфом K.K. Palenom [Report on the audit of the Turkestan Territory, made by the highest order by the senator of the Chamberlain Count K.K. Pahlen]. Kniga 1. Kraevoe upravlenie. SPb.: Senatskaya tipografiya. 30 p. [in Russian]
- [Qojgeldiev, 1995](#) – Qojgeldiev M.Q. (1995). Alash qozgalysy [The Alash Movement]. Almaty: Sanat, 365 p. [in Kazakh]
- [Qojgeldiev, 2004](#) – Qojgeldiev M.Q. (2004). ZHetisudagy Resej biligi (XIX g.– 1917 zh.) [The power of Russia in Dzhetyysay (XIX-th century-1917)]. Astana: Elorda. 216 p. [in Kazakh]
- [Qyr balasy, 1998b](#) – Qyr balasy. Tortinshi дума ham qazaq [The Fourth Duma and the Kazakh]. «Qazaq» gazeti. Almaty: «Qazaq enciklopediyasy» Bas redakciyası, 1998. pp. 45-47. [in Kazakh]
- [Tregubov, 1910](#) – Tregubov A.L. (1910). Pereselencheskoe delo v Semipalatinskoj i Semirechenskoj oblasti [Resettlement activities in the Semipalatinsk and Semirechye regions]. SPb. 78 p. [in Russian]
- [Tynyshpaev, 2002](#) – Tynyshpaev M. (2011). Kirgizyi osvoboditel'noe dvizhenie [Kirghizes and the liberation movement]. Istoriya kazahskogo naroda. Almaty: Sanat, pp. 20-28. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1915](#) – Vasil'ev V.A. (1915). Semirechenskaya oblast' kak koloniya i rol' v nej CHujskoj doliny [Semirechye region as a colony and the role of Chui valley in it]. Petrograd. 278 p. [in Russian]
- [Veleckij, 1913](#) – Veleckij S.N. (1913). Zapiska o polozhenii i nuzhdah pereselencheskogo dela v Semirechenskom rajone k 1-mu yanvarja 1913 goda [A note on the situation and needs of the resettlement activities in the Semirechye district by January 1, 1913]. SPb. 109 p. [in Russian]
- [Veleckij, 1916](#) – Veleckij S.N. (1916). Semirechenskaya oblast' i ee koloniya. Itogi rabot po kolonizacii Semirech'ya za 8 let (1906-1913 gg.) [Semirechye region and its colony. The results of the works on the colonization of the Semirechie for 8 years (1906-1913)]. SPb. 62 p. [in Russian]

Просветительская работа царского правительства в Семиречье в начале XX века (по документам фонда заведующего переселенческим управлением Семиреченской области)

Оразгуль Хасеновна Мухатова ^a, Гульжан Булегеновна Тлеубекова ^b,
Нургуль Нурсултановна Курманалина ^{c,*}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^c Жетысуский государственный университет им. И. Жансугурова, Республика Казахстан

Аннотация. В конце XIX – начале XX вв. царская Россия активно проводила политику переселения в казахские степи, в том числе – немало работ с целью улучшения социально-экономического положения переселившихся крестьян. Среди них были меры по развитию образовательной и просветительской деятельности. В 19-м фонде Центрального государственного архива Республики Казахстан имеются данные, отражающие работу управления в области образования, на основе которых можно определить направление деятельности царского правительства в Семиречье.

Основу статьи составили документы заведующего переселенческим управлением Семиреченской области Главного управления землеустройства и земледелия (19-й фонд). В нем представлены документы о работниках Семиреченского переселенческого учреждения, а также об их деятельности. Среди них – циркуляры, инструкции, приказы, журналы, протоколы, отчеты, доклады, справки, рекомендации. Самой объемной источниковой базой в фонде являются отчетные данные и документы по личному составу

*Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова),
nurgulca@mail.ru (Н.Н. Курманалина), tleubekova@mail.ru (Г.Б. Тлеубекова)

Просветительская деятельность Российской империи в Семиречье началась со строительства школ и церквей, т.к. данная работа была связана с религиозными и воспитательными делами. В данном процессе участвовал ряд учреждений: Министерство народного образования, Переселенческое управление, Специальный комитет, Семиреченский областной комитет, уездные комитеты, Туркестанский епархиальный комитет и др. Средства выделялись Святейшим Синодом, из фонда Александра III, а также из кармана простого народа. В результате в начале XX в. в Семиреченске было построено значительное количество школ, церквей, приходов, кроме того, имелись передвижные церкви. Таким образом, царское правительство усиливало свою деятельность по просветительской работе в крае.

Ключевые слова: царское правительство, Семиречье, переселенческое управление, просветительская работа, школы, церкви, приходы.

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1307-1320. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1307
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Steamers of the Izhevsk's Plants on the 1910-s

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, e, *}, Svetlana L. Bautina ^f, Semen I. Adinyaev ^g

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^d Udmurt State University, Russian Federation

^e Moscow Economic Institute, Russian Federation

^f Moscow Psychoanalysis Institute, Russian Federation

^g Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

Izhevsk's lake in the XIX – first half of the XX century was an important transport artery to support the work of the Izhevsk's plants, primarily to connect the plants with Volozhka and Koltoma. To reduce the cost and to increase the speed of transportation in the late XIX century the first steamships appeared on the Izhevsk's lake.

Based on the documentation of the Izhevsk's and Votkinsk's plants, local literature and analysis of photographic materials, an attempt was made to establish the total number of Izhevsk steamships and their names. Despite the fact that in different periods there were only two actively used steamships on the lake, the total number of them was at least six. The most likely picture of the composition of the Izhevsk Shipping was follows. Steamer "Storm", probably, and remained on Kama. "Pchelka" a former ship merchant I.I. Bodalev, was used as a non-self-propelled boat. The motor boat, probably "Granata", was operated on the lake for a short time, in the early 1920-s was taken back to the Kama. In 1921, the two most actively used steamship "Izh" and "Shrapnel" were renamed the "Krasnaya Zvezda" and "Svoboda". And in the mid-1920's they were joined by the steam-ship "Krasnaya Zarya", just built in Votkinsk, renamed the "Krasny Splyavshik". In the late 1920's "Krasnaya Zvezda" returned to Votkinsk, where under the name "Azin" she worked on a local lake. The two remaining steamships served on the Izhevsk pond until the 1950-s.

Keywords: Izhevsk, Izhevsk's lake, Votkinsk's plant, Izhevsk's plants, history, shipbuilding, navigation, water transport.

1. Введение

Исторически сложилось, что Ижевский пруд играл значительную роль как главная транспортная артерия, обеспечивающая производство Ижевских оружейного и сталелитейного заводов. С Воложки на завод подвозили дрова (главный вид топлива для обеспечения производства), а из Колтомы – проживавших там рабочих. Промышленная революция в России привела к появлению на пруду первых пароходов, существенно удешевлявших и убыстрявших перевозки. Но, несмотря на важную роль в жизни завода, пароходы Ижевского пруда пока не были объектом комплексного исторического исследования. Отдельные аспекты этого вопроса поднимались в публицистике разных лет, а также нашли отражение в краеведческой и мемуарной литературе. Поскольку ижевские пароходы переименовывались и также имелось множество частных плавсредств, в указанной литературе нашли отражение свыше десятка различных наименований, а информация

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

нередко вступает в противоречие друг с другом. Тем не менее пока достоверно известны лишь сведения о двух пароходах Ижевских заводов – «Иж» и «Шрапнель». Поэтому задача данного исследования состояла в обобщении имеющихся данных о других ижевских пароходах 1910-х гг., возможная реконструкция их карьеры, позволяющей объяснить и увязать имеющиеся противоречия.

2. Материалы и методы

Основным историческим источником по ижевским пароходам стала делопроизводственная документация Ижевских заводов, содержащаяся в Центральном государственном архиве Удмуртской республики (ЦГА УР) Ф. 4. и Р-543. К сожалению, она систематизирована по принципу, не позволяющему выделить из всего объема информацию, непосредственно касающуюся пароходов. Она дает лишь определенные срезы, не создающие системной картины. Поскольку часть пароходов строилась на Воткинском заводе, полезным оказалось привлечение делопроизводственной документации этого предприятия, содержащейся в ЦГА УР Ф. 212. Оп. 1. Большое значение имела также графическая документация Технического бюро завода (ЦГА УР Ф. 212. Оп. 7к).

Публицистика и мемуары в качестве источника активно привлекались ижевскими краеведами С.А. Жилиным, С.Н. Селивановским, Е.Ф. Шумиловым и др. Ими опубликованы интересные факты по истории навигации на Ижевском пруду, но эта информация также не создает целостной картины. Кроме того, из-за специфики этого рода литературы, она почти полностью лишена библиографических сносок, что исключает как возможность перепроверки опубликованных фактов, так и понятие контекста, в котором сообщалась введенная в оборот информация.

Третий комплекс привлекаемых источников пока явно недостаточно применялся для решения подобных задач. Это фотоматериалы, запечатлевшие ижевские пароходы. Большая фотоколлекция имеется в архиве музея Воткинского завода (АВЗ, альбом «Судостроение»), музее истории и культуры города Воткинска (МИКВ), ЦГА УР, Центре документации по новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР) и частных коллекциях.

В качестве основной гипотезы принималась внутренняя непротиворечивость корпуса источников. При возникновении противоречия между самими источниками должно быть какое-то логическое объяснение этому. Реконструкция истории пароходов на Ижевском пруду строилась на основе делопроизводственной документации, после чего уточнялась и корректировалась другими источниками.

3. Результаты

Анализ архивных документов показал наличие на балансе Ижевских оружейного и сталелитейного заводов в дореволюционный период пяти пароходов.

Работы по первому ижевскому пароходу, будущему «Ижу», начались в 1892 г., в этот год Воткинский завод затратил на него 740 руб. 11 коп. при контрактной стоимости 8000 руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9798). В 1894 г. в документации завода «паровой катер» для Ижевска числится в незавершенных работах. За этот год завод затратил на него 2832 руб. 57 коп., доведя общую стоимость судна до 9425 руб. 83 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9959). Начиная с этого времени, пароход надолго застыл в незавершенном производстве с формулировкой «пароход приготовлен, перевезен в Ижевский завод, но окончательно не сдан». При этом неуклонно растет его заводская цена. На 1894 г. она уже составила 9621 руб. 54 коп. при общей массе конструкций 740 пудов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9958). Документы за 1895 г. утверждают, что зимой Воткинский завод осуществил перевозку построенного парохода на Ижевский пруд (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10037. Л. 17), из чего следует, что уникальная транспортировка, о которой много писали, в том числе и в художественной литературе, была осуществлена зимой с 1894 на 1895 год. И лишь в 1895 г. появляется запись «окончательно сдача произведена в августе 1895 г.» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10036). Из документов Воткинского завода известно, что на момент сдачи масса корпуса парохода составляла 740 пуд. 11 фунтов. Себестоимость постройки составила 10272 руб. 68 коп., стоимость транспортировки 763 руб. 99 коп. И таким образом, поскольку контрактная стоимость была 8000 руб., убыток Воткинского завода составил 3036 руб. 67 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10037. Л. 99).

Имеющаяся графическая документация Воткинского завода позволяет установить характеристики «Ижа». Чертеж «Общий вид парохода Ижевскому заводу» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 88) точную дату не имеет, на нем лишь в правом нижнем углу значится год «1892». Более поздняя приписка добавляет в название чертежа наименование парохода «Иж», так что в идентификации вопросов не возникает. На чертеже приведены и характеристики судна. Длина 16,8 м (55'), ширина без обшивки 2,9 м (9'6"), углубление с топливом до 0,61 м (2'4"), высота борта с ахтерштевнем 1,45 м (4'9"), с форштевнем 1,52 м (5'). Замеры на чертеже дают возможность определить, что ширина с колесами парохода составляла 6,1 м (20'2"). На чертеже машинного фундамента (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 382) имеется интересная надпись: «Машинный фундамент для парохода Ижевский завод», в которую внесено явно более позднее исправление: «Машинный фундамент для парохода на Ижевский завод». Чертеж утвержден 31.07.1892, из чего можно сделать вывод, что, вероятно, на эту дату пароход имел наименование не «Иж», а «Ижевский завод». Оба чертежа были опубликованы

нами в ранних работах (Лапшин и др., 2014: 97, 99; Mitiukov, Portseva, 2014). На судне стояла паровая машина мощностью в 20 номинальных лошадиных сил.

Вторым пароходом на пруду стала «Шрапнель».

Незадолго до Русско-японской войны предписаниями Главного артиллерийского управления (ГАУ) от 3 ноября 1902 г. и 9 августа 1903 г. Ижевские заводы были назначены для выполнения программы перевооружения полевой артиллерии русской армии. В ее рамках предусматривалась организация ежегодного производства шрапнельных снарядов к трехдюймовой пушке до 150 тысяч штук в год. Но с началом Русско-японской войны ГАУ дало задание довести годовой объем производства шрапнели до 550 тысяч штук. В результате 3 ноября 1904 г. хозяйственный комитет Ижевских оружейного и сталелитейного заводов составил смету необходимых расходов для организации производства, на следующий день ее одобрил исполняющий дела начальника заводов полковник Савостьянов. Среди прочих расходов имелось обоснование для приобретения буксирного парохода, необходимого для перевозки дров в летнее время, потребных на выполнение нарядов. На покупку буксирного колесного парохода, развивающего до 100 индикаторных сил с осадкой не более 0,71 м (16 вершков), запрашивалась сумма 23000 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3896. Л. 64-68).

К счастью для Ижевского завода, к этому времени в соседнем Воткинске имелось два парохода, забракованных заказчиком и потому выставленных на продажу по цене ниже себестоимости. В 1900 г. Управление рыбных промыслов предоставило заводу «Теоретический чертеж буксирно-разъездного парохода для работ в Каспийском море». Разработчик чертежа непонятен, но на нем стоит штамп «Казенные горные заводы. Комиссионеры г. Петербург» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 30). Характеристики проекта следующие: максимальная длина 32,32 м, длина по ватерлинии 30 м, ширина корпуса 5 м, водоизмещение 162 т. (так в оригинале, вероятно ошибка – 62 т.). Исходя из конструкции корпуса, понятно, что пароход колесный. На его основе завод разработал свой теоретический чертеж «Парохода в 20 номинальных сил для Управления рыбных промыслов 2 парохода “Ловец” и “Ревизор”» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 41). Дата утверждения чертежа – 16 марта 1902 г. В соответствии с ним длина корпуса составляла 30,5 м (100'), ширина 4,88 м (16'), осадка 0,61 м (2'), водоизмещение 64,9 т (2294,35 куб. ф. или 3946,28 пудов).

Следующий чертеж дает представление об общем виде «Парохода в 20 сил по заказу Управления рыбных промыслов» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 155). Он датирован 15 октября 1901 г., размеры и водоизмещение полностью соответствует только что упомянутому теоретическому чертежу. Следующий «Чертеж проекта переделки из буксирных в пассажирские двух пароходов “Ловец” и “Ревизор”» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 198) имеет дату утверждения 9 января 1903 г. Очевидно, что в период с 1901 по 1903 гг. оба парохода пытались безуспешно сдать заказчику, в результате чего и родился проект переделки их из чисто буксирного в буксирно-пассажирский. Размещения и водоизмещение на чертеже не указаны, но имеется масштабная линейка, позволяющая установить, что размещения корпуса остались прежние. Центральная надстройка продлена в нос и корму, где оборудованы пассажирские помещения. Вполне очевидно, что в результате возросло водоизмещение и осадка. Но поскольку и в этот раз пароходы заказчику сдать не удалось, Воткинский завод выставил их на продажу, и «Ревизор» ушел Ижевским заводам.

Относительно объема работ по переделке под требования Ижевских заводов можно судить по чертежу «Общий вид буксирного парохода в 20 сил для Ижевского завода» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 224), также впервые опубликованному нами (Mitiukov, 2014; Лапшин и др., 2014). Характеристики судна такие же, как у оригинального парохода до переделки в пассажирский, причем совпадает все, вплоть до водоизмещения. Пароход лишился пассажирских салонов, вернувшись к комплектации буксирного парохода.

Исходя из бухгалтерского отчета Воткинского завода, работа по двум барказам по заказу Управления рыбной промышленности началась в 1900 г., когда на их постройку было затрачено 3050 руб. 1 коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 10362. Л. 43). Всего при стоимости заказа 45000 руб. завод на их постройку до 1903 г. потратил 51034 руб. (МИКВ. Д. 4812. Л. 11). Двойная переделка в пассажирский и потом снова в буксирный еще более удорожила пароход.

Наличие «Ижа» и «Шрапнели» на Ижевском пруду не вызывает сомнений. Они фигурируют также и в архивной документации Ижевских заводов.

Уже 3 марта 1906 г. в журнале Хозяйственного комитета Ижевских заводов имеется запись о необходимости производства ремонтных работ на «Шрапнели»: исправление помятого привального бруса, строгание палубы перед окраской (поскольку пароход сдан Воткинским заводом с палубой в черновом виде), исправление дверок у кают, железного угольника в кормовом бруске и боковых поручней, исправление штурвальных рамок у румпеля, окончание работ по устройству ватерклозета, устройство искротушителя. К этому времени пароход еще не был окончательно принят, поэтому работы, хоть и производились своими силами, расходы по ним были удержаны из выплат Воткинскому заводу (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4020. Л. 12, 120б). 10 марта 1906 г. Хозяйственный комитет постановил произвести окраску «Шрапнели» по образцу производимой окраски парохода «Иж». Сейчас расходы легли в смету ГАУ (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4020. Л. 13, 130б). Исходя из этого, очевидным кажется предположение, что навигация 1906 г. стала первой навигацией «Шрапнели» на Ижевском пруду, поэтому, вероятнее всего, ее доставили на пруд зимой 1905/06 гг.

В навигации 1906 г. «Иж» и «Шрапнель» в основном занимались подвозкой дров из Колтоминского и Воложского складов к мастерским завода для создания запаса на складе заводского двора. Эта же задача планировалась на навигацию 1907 г. Для подготовки к ней должны были провести следующие работы: на «Шрапнели» после выморозки предполагалось очистить днище, покрасить весь пароход, проконопатить нижнюю палубу, заменив прогнившие места, исправить поврежденные в ходе навигации планширь, решетку на корме и выполнить множество других работ. На «Иже» также после выморозки планировалась окраска, выправление погнутых поручней и решетки, руля. Требовались большие работы по машине и колесам. Изготовление отдельных пришедших в негодность частей было произведено на самом заводе, а работы по пароходам выполнены хозяйственным способом в течение зимы 1906/07 гг. (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4020. Л. 47-49). 7 ноября 1906 г. заводу выдали наряд на изготовление необходимых узлов со сроком готовности к 1 февраля, чтобы оставалось время до навигации для их монтажа (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4020. Л. 51-52). Относительно парохода «Иж» первоначально предполагалось изготовить несколько плиц и других частей к его колесам. Но 22 декабря было решено выдать наряд на изготовление всех колес целиком (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4020. Л. 57).

В навигацию 1907 г. «Иж» и «Шрапнель» снова занимались подвозкой на завод дров. Если по результатам 1906 г. цена доставки одной квартирной сажени дров составляла 37 ⁷/₈ коп., то в 1907 г. – 45 коп. (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4124. Л. 306).

Как видно, заводская делопроизводственная документация довольно подробно описывает ремонт и работы на обоих пароходах, в связи с чем факт наличия какого-то третьего парохода в этот период представляется маловероятным. Расширение материальной части пароходства Ижевских заводов началась в 1912 г.

В этот год из-за боязни пожара лесопилка и склады пиломатериалов были перенесены из заводской черты на противоположный берег пруда, в район Колтомы, в результате затруднилась доставка пиломатериалов на завод. Поэтому в докладной начальнику завода техника при заведующем Техническими артиллерийскими заведениями имелось предложение заложить в план 1913 г. приобретение моторной лодки, которая *«облегчит сообщение с противоположным берегом, так и доставку пиломатериала»* (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4512. Л. 8406).

Документы Воткинского завода также упоминают о постройке моторной лодки для Ижевска. Цена ее составила 1500 руб. Длина по ватерлинии 8,23 м (27'), ширина 1,83 м (6'), высота борта 0,99 м (3'3"), осадка 0,53 м (1'9") (МИКВ. Д. 4812. Л. 22). На лодке предполагалось поставить двигатель с эффективной мощностью 10 л.с., но уже силами заказчика. Год постройки – 1913 г.

В заседании Хозяйственного комитета 9 июня 1914 г. фигурирует факт, что завод обладает на данный момент уже **четырьмя** пароходами (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4556. Л. 534). В этой связи интересен еще один документ. Как признавал Хозяйственный комитет, к 1914 г. «Иж» пришел в совершенную негодность. В результате 11 августа командированный в Нижний Новгород и Казань для закупки материалов подполковник Сорочинский получил задание подыскать подходящий пароход для замены «Ижа». Предпочтение отдавалось уже готовым пароходам, которые можно было бы в навигацию 1914 г. доставить в Гольяны и зимой по санному пути перевезти в Ижевск (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4544. Л. 102, 10206). 24 января 1915 г. начальник Ижевских заводов в рапорте в ГАУ докладывал, что ранее *«купленные два парохода уже на пути к Ижевцу. Один подвезен к селению, а другой скоро прибудет к Гольянам»* (ЦГА УР. Ф. 4, оп. 1, Д. 4556. Л. 321). Возможно, что цифра «четыре» имела в виду выделенные ассигнования на приобретение пароходов.

Наконец, имеется упоминание о пятом пароходе. 9 июня 1914 г. Хозяйственный комитет Ижевских заводов констатировал, что из практики работы на новом кирпичном заводе, построенном в Колтоме, подача воды в водонапорный бак производилась пароходными насосами. А поскольку все имевшиеся у завода четыре парохода использовались для других целей, баки кирпичного завода заполнялись крайне нерегулярно. Завод имел три бака объемом до 1000 ведер, при этом только один бак использовался как рабочий, а два другие содержали запасы на случай пожара. Так что нередко в нарушении правил противопожарной безопасности приходилось использовать противопожарные баки, чтобы не останавливать производство. Строительство насосной станции требовало времени и денег, и тогда Ижевское торгово-промышленное товарищество ввиду ликвидации пивоваренного завода, предложило ставший ненужным ему пароход «Пчелка» на пруду за относительно низкую цену в 1200 руб. Несмотря на слабость пароходных машин и насоса, их мощность оказалась вполне достаточной для закачивания воды в баки. При покупке парохода его эксплуатация обошлась бы недорого, поскольку ему не потребовался бы ни штурвальник, ни матрос и команду можно было ограничить лишь машинистом и кочегаром. Недостающие должности в случае пожара могли бы заменить служащие и рабочие кирпичного завода.

При обследовании парохода выяснилось, что, несмотря на ветхость деревянной надстройки, корпус машины и котел находятся в удовлетворительном состоянии. Впрочем, в случае продажи Товарищество гарантировало ремонт надстройки за свой счет. Дополнительная функция имевшегося парохода состояла в надзоре за пожарной обстановкой в близлежащих лесах, поскольку с Колтоминского мыса открывался широкий обзор практически до самой Воложки.

Исходя из этого, Хозяйственный комитет принял решение о приобретении парохода, а подполковнику Сорочинскому приказывалось нанять для обслуживания парохода механика и кочегара, а также организовать подачу воды и порядок караульной службы на акватории пруда (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 534-535).

15 июня 1915 г. вышел приказ о создании специальной приемочной комиссии, которая в своем рапорте 24 июня докладывала об успешной приемке «Пчелки» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 562). Согласно приемному акту, пароход имел длину 12,65 м (41'6"), ширину 2,13 м (7'), высоту борта 1,14 м (3'9"), осадку 0,64 м (2'1"). Корпус имел 20 шпангоутов и толщину листов корпуса 3,2 мм (1/8"). На пароходе располагался один котел диаметром 1,04 м (3'5"), длиной с топкой 1,90 м (6'3"), с поверхностью нагрева 1,64 м² (17,7 кв. ф.). Машина была одноцилиндровая с диаметром цилиндра 152 мм (6"), ходом поршня 152 мм (6") и давала 100 оборотов при максимальном давлении 20,4 атм. (300 фн./кв. дм) (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4556. Л. 563).

По информации Е.Ф. Шумилова, который ссылается на газету «Вятские губернские ведомости», 27 апреля 1897 г. там была опубликована информация: «Прошлым летом Бодалев выстроил малый пароход для перевозки дров. Пароход вышел неуклюжим, но зато машину с паровым котлом можно было вынимать для использования на лесопилке». 4 марта 1897 г. та же газета писала: «Говорят, местный благодетель [Бодалев] намерен с весны пожертвовать свой пароход, по крайней мере, на часы наоживленного движения», – имеется в виду для перевозки рабочих с завода. Наличие одноцилиндровой машины как раз и делает ее легкоъемной. Поэтому, вероятно, газета сообщает именно о «Пчелке».

4. Обсуждение

При анализе имеющейся архивной информации следует принять теорию, что из всего множества возможных решений следует искать вариант с минимальным числом возможных пароходов. Исходя из приведенной документации, не подлежит сомнению, что в 1914–1915 гг. на Ижевский пруд была доставлена винтовая лодка для перевозки пиломатериалов. К сожалению, в документации не названо ее наименование.

По данным Е.Ф. Шумилова (Шумилов, 2002), в 1916 г. на пруду появился винтовой пароход «Шторм». Анализ речных регистров как военного, так и предвоенного периода, показал, что имеется лишь один вероятный кандидат на ижевский пароход с таким именем.

Судя по регистру 1912 г. буксирный пароход «Шторм» построен на заводе М.Н. Журавлева (Рыбинск) для собственных нужд в 1903 г. Номер МПС 557/1. На пароходе стояли две паровые машины компаунд мощностью в 55 н.л.с. или 220 л.с., пар поставлялся от одного оборотного котла (номер по котловой книге № 506). Длина корпуса 29,28 м (96'), ширина 4,78 м (15'8"), осадка порожним 1,09 м (6 четв. 1/2 верш.), в полном грузу 1,24 м (7 четв.). Судно работало в Рыбинске на 12-футовом рейде (Список, 1914: 38-39). Судя по регистру 1917 года (Список, 1918: 8-9), в этом году хозяевами парохода числились К.В. Быховский и Л.М. Лейтес. Хотя их контора находилась в Петрограде, пароход по-прежнему ходил по Волге на 12-футовом рейде. Имеются небольшие расхождения в характеристиках судна по сравнению с регистром 1912 г., но номер МПС 557/1 не оставляет сомнений, что это тот же самый пароход. Интересно, что регистр показывает наличие капитального ремонта, проведенного в 1917 г., чем, вероятно, и объясняются небольшие несоответствия в характеристиках.

В списке дореволюционных акционерных предприятий Карл Викторович Быховский и Лев Моисеевич Лейтес числятся членами правления нефтепромышленного и торгового общества «Шихово», учрежденного в 1901 г. (URL: <https://www.ourbaku.com/index.php>). Кроме нефтяного бизнеса, они занимались посреднической торговлей. Поэтому наличие их в регистровых данных даже после покупки парохода Ижевскими заводами вполне вероятно, тем более если учесть прошедший в 1917 г. ремонт (отказ принять пароход, пока не будут ликвидированы выявленные недостатки). Пароходы на Ижевском пруду действовали во внутренней акватории, и потому их постановка на учет в регистры была просто бессмысленна. Ни один из пароходов Ижевского пруда в регистрах не значится. Что касается «Шторма», то резонно предположить, что новые хозяева не спешили вычеркнуть пароход из регистра, пока не перевезли его на пруд. Возможно также, что Быховский и Лейтес застраховали «Шторм» на длительный период, в течение которого пароход мог находиться в аренде заводов. В любом случае без обнаружения купчих документов это все будут лишь предположения. Но в данном случае более важно то, что имеющиеся сведения вполне укладываются в предложенную реконструкцию.

В ходе личной беседы с автором Е.Ф. Шумилов признался, что источником по «Шторму» стало интервью с ижевским краеведом и коллекционером Г.М. Кутдузовым. Дословно он сообщил следующее: «13 февраля 1916 г. с железнодорожной платформы на Старой улице сняли винтовой пароход «Шторм», доставленный из Гольян. Скорость его была выше всех на пруду. В 1921 г. пароход передан в Сарапул».

Можно предположить, что «Шторм» вместе с «Ижом», «Шрапнелью» и лодкой для перевозки пиломатериалов и составляют те четыре парохода, упоминаемые на заседании Хозяйственного комитета от 9 июня 1914 г., и для приобретения которого в Казань и Нижний Новгород был

командирован подполковник Сорочинский. Кстати, судя по датам, он, скорее, должен был его осмотреть и осуществить приемку, после которой могла последовать оплата. И вполне вероятно, это именно тот пароход, который в заседании Хозяйственного комитета 24 января 1915 г. упоминается, что он «*скоро прибудет к Гольянам*». В период ледостава сделать это было невозможно, так что прибыть он мог лишь во время навигации 1915 г. Но на пруд его, видимо, так и не доставили (это более вероятно, чем предположение, что его тащили сначала на пруд, а потом снова на Каму), поскольку пароходу требовался ремонт, заверченный, судя по регистру 1918 г., в 1917 г.

За предположение, что «Шторм» не покидал Камы, «работает» и тот факт, что 10 октября 1918 г. пароход «Шторм» в числе прочих судов в Гольянах видели баржевики со знаменитой «баржи смерти», впоследствии спасенные миноносцами Ф.Ф. Раскольников (Карманов, 2017: 147).

Среди документов Государственного архива Пермского края (ГАПК) имеется «Список сгоревших пароходов и барж 1 июля 1919 г.» (ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 510. Л. 194-197). Этот список был детально проанализирован А.В. Коробейниковым, который пришел к выводу, что его составители пытались искусственно завысить потери, причиненные пожаром (Коробейников, 2014). Но для тематики данной работы более важно то, что среди сгоревших судов под № 59 числится винтовой буксир «Шторм», принадлежащий Воткинскому заводу. Как он мог попасть на Воткинский завод, остается только догадываться, хотя вполне вероятно, что после захвата белыми Камы в 1919 г. все находящиеся на плаву суда были переведены в базу белой флотилии в Галево, а потом часть их них могла использоваться для нужд Воткинского завода.

В списке рабочего ядра 1923 г. имеется уже три «Шторма», но один из них колесный, а второй – товаро-пассажирский, так что под описание Ижевско-Воткинского «Шторма» подходит лишь один (Список, 1923: 21). Его характеристики более или менее совпадают с изложенными выше, а годом постройки значится 1917 г., как показано выше – год капитального ремонта. Биографию парохода немного дополняет документация Воткинского завода. Судя по ней, пароход находится на балансе Пермского рупвода и в 1922 г. он поступил на завод с требованием устройства нового котла, восстановления арматуры и деревянных конструкций (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154). Однако по другим документам выходит, что завод к ремонту так и не приступал, вплоть до своей консервации (Митюков, Матвеев, 2017), в связи с чем можно сделать вывод, что «Шторм» на Ижевский пруд так и не попал.

А вот катер для перевозки пиломатериалов, вероятно, на пруд попал. Это, скорее всего, про него 24 января 1915 г. Хозяйственный комитет пишет: «Один [пароход – Н.М.] уже подвезен к селению [Гольяны, или поселок Ижевский завод?]. То, что в январе 1915 г. на Ижевский пруд были доставлены пароход (или пароходы?) подтверждается информацией Ю.А. Ломаева: «В январе 1915 года на Ижевский пруд с реки Камы были доставлены 2 парохода Воткинского завода. Первый везли на 360 лошадей, второй – на 150» (Воткинский завод, 1999: 37). Если автор ничего не путает, выходит, что оба купленных парохода в январе доставили на пруд. В этой связи смущает два обстоятельства: во-первых, впрячь одновременно 360 лошадей в сани с пароходом весьма проблематично. Имеется информация, что для «Ижа» или «Шрапнели» это делали четыре десятка тяжеловозов. Хотя, возможно 360 и 150 – это общее число привлеченных лошадей. А поскольку «Иж» примерно в два раза меньше «Шрапнели», для его доставки потребовалось бы примерно в два раза меньше лошадей. Логичным видится, что автор свел воедино два разных факта: доставку в Гольяны двух пароходов в 1915 г. и доставку ранее на пруд «Ижа» и «Шрапнели». Если предположить, что это доставили лодку для перевозки пиломатериалов и «Шторм», то информация явно не стыкуется. Первая – легкое суденышко длиной всего 8 м, второй – крупное судно в 30 м.

А вот если вспомнить свидетельство Г.М. Кутдузова, что пароход доставили на железнодорожной платформе, то вероятная картина становится более определенной. Грузоподъемность обычного железнодорожного вагона составляет около 10 т. Масса «Шторма» превышает это значение в несколько раз. «Шрапнель», имевшая схожие размеры, имела водоизмещение свыше 60 т. Поэтому для транспортировки «Шторма» необходима специальная платформа плюс специальные грузоподъемные краны, что практически полностью исключает возможность данной операции. Если его и доставляли в Ижевск, то только на специальных санях, на которых до того доставили «Иж» и «Шрапнель». А вот для 8-метровой лодки стандартная платформа в самый раз. В связи с этим логично было бы предположить, что свидетельства Ломаева и Кутдузова относятся к доставке именно лодки для перевозки пиломатериалов в 1915-м году в Гольяны, а зимой 1916-го на пруд.

В 2007 г. ижевский краевед С. Жилин опубликовал воспоминания ижевского фабриканта Петрова. В числе прочего там имеется следующая фраза: «На Воложке заготавливали дрова для фабрики и дома. Эти дрова вывозили на большой барже, которую буксировал небольшой нефтяной катер «Садик»» (URL: <http://avi.udm.ru/history-izhevsk/798>). Поскольку двигатель для лодки по заказу Ижевского завода устанавливали вне Воткинского завода, логично предположить, что это был не паровой двигатель, а какой-то другой. «Нефтяными» по терминологии того времени называли дизеля. Среди построенных до ижевской лодки воткинских судов имелись некоторые, на которых также стояли дизельные двигатели не российского производства. В различных вариантах мемуаров наименование катера звучит либо как «Садик», либо как «Садык». Название довольно странное для

заводского парохода, поскольку ни топонимов, ни персоналий, в честь которых могло быть названо судно, не известно. Возможно, это имя капитана?

Однако имеются многочисленные свидетельства, что на Ижевском пруду находился пароход под названием «Граната» (Жилин, 2011, 2012, 2015; Гусев, 2005). Поскольку для четырех пароходов названия известны, уместно было бы предположить, что именно так могла называться лодка для перевозки пиломатериалов.

Таким образом, к 1917 г. на Ижевском заводе образовалась флотилия из пяти пароходов: «Иж», «Шрапнель», «Шторм», «Граната» и «Пчелка». Из них, по-видимому, «Шторм» так и не дошел до Ижевского пруда, «Пчелка» из-за проблем с машинами, вероятно, более использовалась как несамоходное плавсредство. «Гранату», если верить Кутдзуову, уже в 1921 г. отвезли в Сарапул. И таким образом, наиболее активно действовавшими на пруду остаются, как указывалось выше, два парохода – «Иж» и «Шрапнель».

Факт наличия на пруду именно двух пароходов, а не трех или большего числа, кроме указанных выше работ С. Жилина (в основу которых положены воспоминания старожилов Ижевска и периодическая печать), подтверждается также устными свидетельствами, например, рассказом старейшего работника МУП «Ижевская пристань» В.К. Лунышина (Лапшин и др., 2014: 96). По его данным, первый пароход («Красный сплавщик») в 1956 г. был переоборудован в нефтебазу и затонул у пристани из-за разошедшихся швов. Второй пароход – «Свобода» – с прибытием на пруд дизельных катеров типа «Москвич» вывели из эксплуатации в 1960-х гг. и позднее превратили в баржу. Ранее автор этих строк полагал, что указанные два парохода – это «Иж» и «Шрапнель» (Лапшин и др., 2012), а согласно имевшимся краеведческим данным, был еще и пароход «Граната», название которого было интерпретацией, как «прозвище» парохода «Шрапнель», так упоминающийся краеведами пароход «Ижонок» на поверку оказался прозвищем «Ижа». Исходя из этой гипотезы получалось, что «Иж» – это «Красный сплавщик», а «Шрапнель» – «Свобода» (Лапшин и др., 2012).

Однако недавно в оборот были введены уникальные фотографии ижевских пароходов, где запечатлены оба парохода сразу. Фотография из фотоколлекции А.К. Пекшуровой (Рис. 1), вероятно, сделанная известным ижевским фотографом Н.А. Арбузовым, изображает пароходный причал в районе ТЭЦ-1 в начале 1950-х гг. Один из пароходов, явно «Свобода», стоит справа бортом к фотографу, и очертания его надстроек видны довольно отчетливо. Второй пароход, по правилу исключения, получается «Красный сплавщик», расположен к фотографу под слишком острым углом, из-за чего непонятно, виден он с кормы или с носа. Судя по всему, это все-таки вид с носа, но на фотографии он выглядит явно крупнее «Свободы», несмотря на то, что находится ближе к фотографу. «Иж», исходя из приведенных размерений, меньше «Шрапнели» почти в два раза (длина 16 м и 30 м). Вывод напрашивался один: на пруду имеется третий пароход, не «Иж» и не «Шрапнель». Это предположение полностью подтверждается фотографией из фотоколлекции С.Н. Кошурникова (Рис. 2). Здесь также пароход без носовой надстройки зрительно больше парохода с надстройкой, но в отличие от предыдущей фотографии (Рис. 1) здесь на борту отчетливо читается «Красный сплавщик» (ближний) и «Свобода» (дальний).

Рис. 1. Водная станция (фото колл. А.К. Пекшуровой)

Рис. 2. Пароходы на Воложке 1938 г. (фото С.Н. Кошурникова, публикуется впервые)

Таким образом, фотодокументация 1930–1950-х гг. однозначно показывает наличие в Ижевске третьего парохода. И в этом отношении примечателен еще один факт, содержащийся в интервью Г.М. Кутдузова, данном Е.Ф. Шумилову. По его словам, в 1931 г. «Иж» передали в Воткинск. Эта точка зрения подтверждается фотографией, опубликованной в альбоме Воткинского завода, посвященном 65-летию Победы ([Воткинский завод, 2010: 138](#)). На фотографии, сделанной на Воткинском пруду, вероятно в 1940-х гг., изображены отдыхающие люди, за которыми находится пароход, имеющий поразительное сходство с бывшим «Ижом».

Таким образом, если предположить, что бывший «Иж» вывели из эксплуатации в конце 1920-х гг. и в начале 1930-х отправили в Воткинск, получается, что непродолжительное время (в конце 1920-х гг.) на Ижевском пруду все-таки имелось три парохода. Но многочисленные свидетельства, например, интервью В.К. Лунышина (данное автору перед изданием первой редакции работы «Удмуртские названия в морском и речном флоте России» в 2010 г.), утверждают, что оба ижевских парохода, имевшихся в 1950-х гг., построены в Воткинске.

Проблема заключается в том, что в годы Первой мировой войны Воткинский завод практически прекратил производство пароходов, сосредоточив свои усилия на баржах, шаландах и плавучих кранах. Исключение было сделано лишь для пароходов «Сплавщик» и «Сорванец», заложенных для собственных нужд, и нескольких пароходов для Астраханского порта (из которых в 1922 г. достроили лишь два – «Вперед» и «Красная заря»). Кроме того, в 1917–1918 гг. началась постройка парохода по заказу купца Михалева ([Mitiukov et al., 2017](#)). Судя по информации регистра 1926 г., все построенные в период с 1917 по 1924 гг. пароходы находятся на балансе различных предприятий и объединений, кроме «Красной зари» ([Регистр, 1926](#)). Но могла ли «Красная заря» стать ижевской «Свободой» или «Красным сплавщиком»?

Судя по документации Воткинского завода, 23 апреля 1921 г. однотипные пароходы «Вперед» и «Красная заря» были сплавлены для достройки в Каму ([ЦГА УР Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 128](#)). На этот момент их готовность оценивалась в 99 %, в частности, на «Красной заре» еще не закончили малярные работы и нарезку якорей. Получается, что судно окончательно сдали в 1921 г., возможно в 1922 г.

Документация Ижевского завода этого периода также упоминает о пароходах.

Распоряжением 8 августа 1920 г. исполняющего обязанности помощника машиниста парохода «Иж» А. Буркина за неисполнение распоряжения председателя Правления завода отправили в Дом штрафных команд на 7 дней ([ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 23. Л. 184](#)). Этот документ интересен также еще и тем, что, по данным краеведов, публикуемым в местных газетах, то ли в 1919 г., то ли в апреле 1920 г. имевшиеся на пруду пароходы переименовали. Как видно, еще в августе 1920 г. пароход имел свое старое название.

В навигации 1921 г. распоряжением по заводам от 27 мая с целью дать возможность рабочим и служащим бесплатно развлечься в дни праздничного отдыха поездками на пароходах по заводскому пруду и провести некоторое время в растущем по берегам лесе с 29 мая пароходы «Красная звезда» и «Свобода» (чередуюсь между собой) организуют два рейса в день до Воложки и обратно ([ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 29а. Л. 111 об.](#)). В названиях пароходов нет никакой ошибки, поскольку они же повторяются в дальнейших распоряжениях. Так, 11 ноября 1921 г. на основании предложения заведующего цехом от 21 октября объявляется благодарность командиру парохода «Свобода» Д. Бангурову и машинисту И. Клековскому за своевременную подачу тревожного сигнала во время пожара в Замочной мастерской 20 октября и своевременную подачу парохода к месту пожара. В свою очередь, машинист парохода «Красная звезда» И. Кузьмин и кочегар М. Юдин лишались четверти своего заработка за октябрь за спуск пара до нуля, из-за чего стало невозможным произвести подачу воды бортовыми насосами во время пожара. Командир парохода «Красная звезда» И. Суслов и его

помощник А. Масленников увольнялись с завода. Первый – за посадку парохода на мель, а второй – за хищение пуда ржи из кладовой парохода (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 28. Л. 31).

В 1922 г. в навигации на пруду снова участвовали два парохода (названия не указываются). На начало июля один из них выходит на Воложку в 10 часов утра, обратно – в 12 часов, второй уходит в 5 часов вечера, обратно – в 7 часов (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 38а. Л. 115). В сентябре из-за уменьшения светлого времени суток расписание было откорректировано: первый пароход ходил по прежнему расписанию, а второй выходил с Ижевского завода в 4 часа дня, от Воложки – в 6 вечера (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 38а. Л. 155об.). При этом есть четкое указание, что один из пароходов – «Свобода». 4 августа 1922 г. командиру парохода Бангурову объявили пролетарскую благодарность за спасение утопающего (ЦГА УР. Ф. Р-543. Оп. 13. Д. 38а. Л. 132).

Из приведенных документов можно сделать вывод, что по крайней мере до 1922 г. на Ижевском пруду находятся два парохода – «Красная звезда» и «Свобода». Это явно бывшие «Иж» и «Шрапнель», которые получили свои новые имена в период с августа 1920 г. по май 1921 г., вероятнее всего к началу навигации или к 1 мая 1921 г. Никаких упоминаний о «Красном сплавщике» до конца 1922 г. (до момента гипотетической готовности «Красной зари») не имеется.

На Рис. 3 приведен чертеж общего вида пароходов «Красная зари» и «Вперед», заложенных по заказу Астраханского порта. Характеристики парохода следующие: длина 32 м, ширина 5,5 м, высота борта 2,3 м, осадка 0,76 м, водоизмещение 106,3 т. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 76). Имеется одна из наиболее четких фотографий «Красного сплавщика», на которой он изображен практически в боковой проекции (URL: https://izhevsk.ru/forums/icons/forum_pictures/013254/13254334.jpg). При их совмещении (Рис. 4) видно практически полное совпадение пропорций. Правда, ось гребного колеса получается чуть сзади, чем это следует из чертежа, но это происходит из-за того, что на фотографии пароход находится под небольшим углом к фотографу, и при совмещении объектов, находящихся в диаметральной плоскости совпадение будет хорошее, но чем дальше от нее, тем больше несовпадение. А максимально отнесенной от диаметральной плоскости точкой как раз и является наружная обшивка кожуха колеса с сиянием. Кроме того, судя по чертежу, у «Красной зари» есть еще одна характерная особенность конструкции, присутствующая на фотоснимках (рис. 1, 2), – это навесная палуба, идущая вдоль всего борта и даже уходящая за корму. На Рис. 2 она простирается в виде тени, идущей вдоль борта под палубой. На Рис. 1 ракурс «Красного сплавщика» крайне неудачный, но и на нем видно, как палуба буквально «нависает» над бортами.

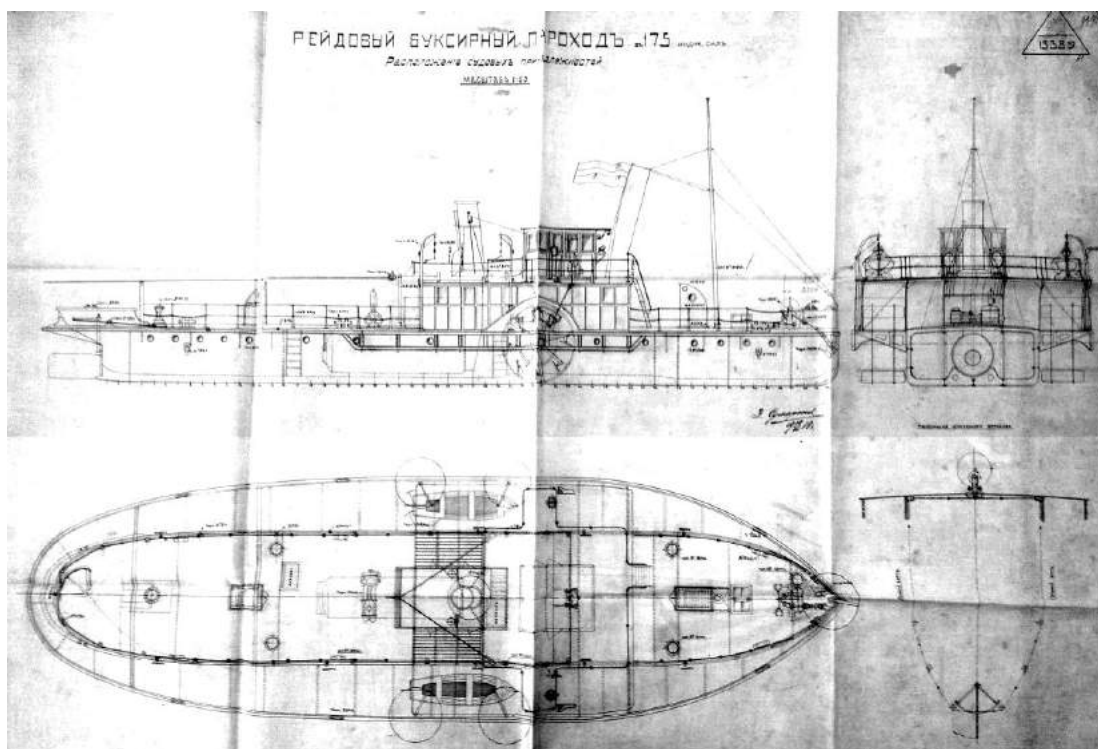

Рис. 3. Общий вид пароходов «Красная зари» и «Вперед» (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 7к. Д. 971), публикуется впервые

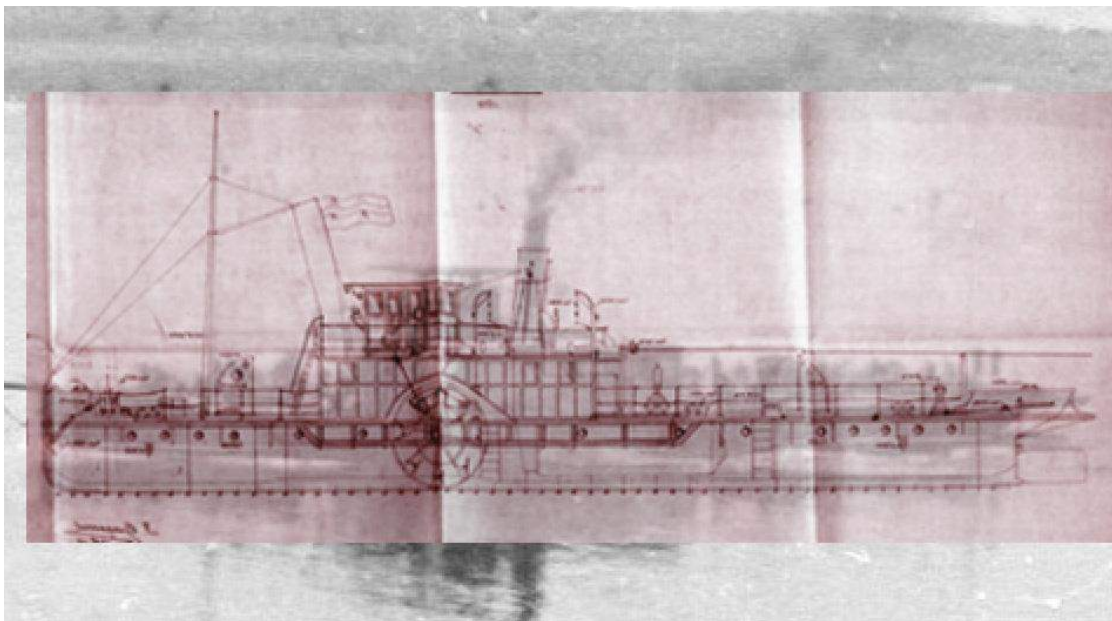

Рис. 4. Совмещение чертежа «Красной зари» и фото «Красного сплавщика»

Подобное совмещение для «Свободы» – «Ревизора» дает тоже наглядный результат. На Рис. 5 приведен начальный вид пароходов «Ловец» и «Ревизор» до их перестройки в пассажирские пароходы. На фотографии С.Н. Селивановского (Селивановский, 2014: 241, Фото № 366, URL: <http://db.gasur.ru/foto/cache/36249.jpg>) – практически боковой вид парохода «Свобода». При их совмещении (Рис. 6) также видно хорошее совпадение пропорций. При этом заметно, что мостик расширен и смещен в корму, очевидно, результат поздней перестройки. И даже наличие пассажирского салона в носу имеет вполне логическое объяснение. После постройки и перед продажей Ижевским заводам «Ревизор» имел реализованный вариант с пассажирскими салонами (чертеж: ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 198) (фото: АВЗ, альбом «Судостроение», фото № 60, URL: http://gasur.ru/activity/publications/pub_arh/2001/images/pub0401/1.jpg). Вполне вероятно, что на определенном этапе эксплуатации «Шрапнели» / «Свободы» о нем вспомнили.

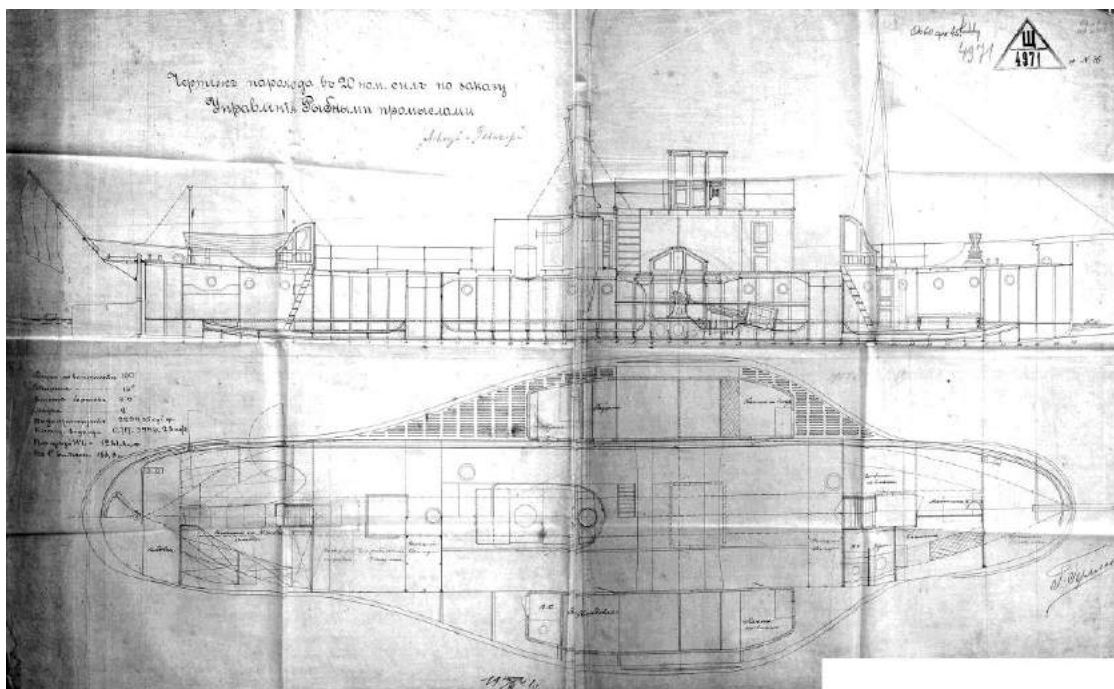

Рис. 5. Первоначальный вид пароходов «Ловец» и «Ревизор» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 155), публикуется впервые

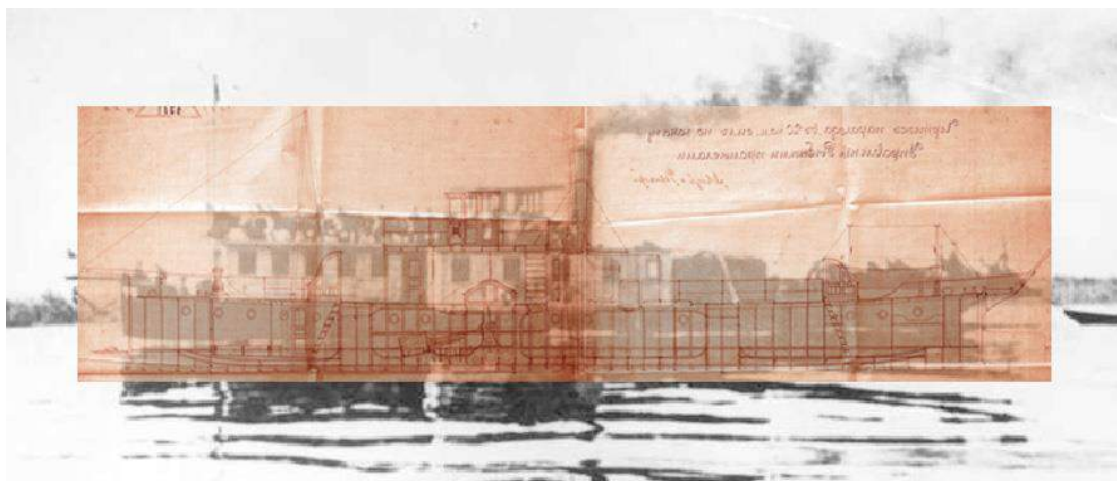

Рис. 6. Совмещение чертежа «Ревизора» и фотографии парохода «Свобода»

Время перестройки «Свободы» в буксирно-пассажирский пароход требует дальнейшего уточнения, но дореволюционные фотографии показывают, что он тогда был еще чисто буксирным. На первой фотографии (МИКВ Фото № 239, URL: <http://www.votmuseum.ru/node/85>, фото № 25) приведен вид «Ревизора», судя по подписи к снимку, на 1907 г. Но это исключено. К этому времени пароход, судя по вышеприведенной заводской документации, уже не первый год находился на Ижевском пруду под названием «Шрапнель». Вполне возможно, что эта дата вообще настолько ошибочная, что дает вид до переделки в буксирно-пассажирский пароход. На фотографии из фондов АВЗ (АВЗ, альбом «Судостроение», фото № 53), имеющейся также в фондах МИКВ (МИКВ Фото № 3613, URL: http://gasur.ru/activity/publications/pub_arh/2001/images/pub0401/2.jpg) приведен как раз вид на этот период. Ближний к фотографу пароход – «Ловец», что отчетливо читается на сиянии и пожарных ведрах перед рубкой, за ним – «Ревизор», что можно угадать по количеству пожарных ведер, на каждом из которых была написана одна из букв названия. Факт ошибочной датировки фото № 239, которое также, вероятно, 1902 г. (т.е. до перестройки в буксирно-пассажирский пароход) подтверждается фотографиями «Шрапнели» уже на Ижевском пруду: первой из фондов ЦДНИ УР (ЦДНИ УР. Ф. 4994. Оп. 3. Д. 59, URL: <http://db.gasur.ru/foto/cache/45416.jpg>) и второй из работы О. Никитина (Никитин, 2016: 68). Обе фотографии сделаны с носового ракурса, а поскольку в кадр попали мачта и сходный тамбур, фотограф явно находится у носового фальшборта, по высокорасположенному положению камеры можно даже предположить, что он стоит на шпигеле. Носовой ракурс доказывается также фактом, что рубка находится перед трубой. Но на кадрах видно, что стойки для пожарных ведер разделены пополам и разнесены к бортам: четыре с буквами «ШРАП» к правому, а еще четыре с буквами «НЕЛЬ» – к левому. Между ними висят спасательные круги. Перед мачтой имеется скамья. Все эти элементы отсутствуют на виде якобы 1907 г. А вот форма рубки на всех этих фотографиях одинаковая, так что ее, видимо, изменили вместе с пристройкой носовой каюты. Таким образом, перестройка, вероятно, произошла уже после Гражданской войны. Самое раннее изображение перестроенного парохода относится к 1937 г. (Удмуртская правда, 1937).

5. Заключение

Исходя из анализа делопроизводственной документации Ижевского и Воткинского заводов и имеющихся фотодокументов, можно сделать следующие выводы.

1. В период революции и Гражданской войны на балансе Ижевских заводов находилось как минимум пять пароходов: «Иж», «Шрапнель», моторная лодка для перевозки пиломатериалов («Граната?»), «Шторм» и «Пчелка».

2. Пароход «Красный сплавщик», вероятно, представлял собой построенный в 1921 г. в Воткинске пароход «Красная заря».

3. За исключением небольшого периода в конце 1920-х гг. на Ижевском пруду находилось два парохода, оба Воткинской постройки, что и указывается практически во всей краеведческой литературе.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

Воткинский завод, 1999 – Воткинский завод. История развития производства за 240 лет. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 1999. 338 с.

- Воткинский завод, 2010** – Воткинский завод. Нас объединяет Победа! Завод № 235 в Отечественной войне 1941–45 гг. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2010. 192 с.
- Гусев, 2005** – Гусев А. Ижевское озеро // *Луч*. 2005. № 5–6. С. 82–84.
- Жилин, 2015** – Жилин С. Вверх по Ижевскому пруду // *Деловой квадрат*. 2015. № 7 (115). С. 62–65.
- Жилин, 2012** – Жилин С. На берегах истории // *Деловой квадрат*. 2012. № 9 (84). С. 62–64.
- Жилин, 2011** – Жилин С. На Ижевском пруду // *Автотрибуна*. 2011. 12 сентября. С. 13.
- Карманов, 2017** – Карманов В. На барже от Сарапула до Гольян // Коробейников А.В. Ижевско-воткинское восстание: правда победителей. Ижевск: Иднакар, 2017. С. 143–159.
- Коробейников, 2014** – Коробейников А.В. О мартирологии Волго-Камского флота // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2014. № 6 (23). С. 168–193.
- Лапшин и др., 2014** – Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Порцева Л.П. Удмуртские названия в морском и речном флоте России. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. 104 p.
- Лапшин и др., 2012** – Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Порцева Л.П., Коробейников А.В. Пароходы Ижевских заводов // *Вестник Томского государственного университета. Сер. История*. 2012. № 3. С. 138–143.
- Митюков, Матвеев, 2017** – Митюков Н.В., Матвеев Д.В. Воткинское судостроение в начале 1920-х гг. // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017. № 2. С. 98–106.
- Митюков, 2015** – Митюков Н.В. Пароходы постройки Ижевских заводов // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2015. № 2. С. 95–99.
- Никитин, 2016** – Никитин О. Судостроение на Воткинском заводе в конце XIX – начале XX вв. // *Витиль*. 2016. № 5. С. 5–41.
- Регистр, 1926** – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. Под ред. инж. Н.Я. Волпянского. М.: Транспечать, 1926. 503 с.
- Селивановский, 2017** – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотоаппарата. Ч. 2. Ижевск: Книгоград, 2017. 380 с.
- Селивановский, 2014** – Селивановский С.Н. Старый Ижевск. События и люди в объективе фотоаппарата. Ижевск: Книгоград, 2014. 292 с.
- Список, 1914** – Список речных паровых судов Российской империи по переписи 1912 года. По речным бассейнам. СПб, 1914.
- Список, 1923** – Список судов рабочего ядра речного флота СССР. Ч. 1. Транспортный флот волжского бассейна. Под ред. инж. П.Е. Кульгана. М.: Центральное Управление Речного Транспорта НКПС, 1923.
- Список, 1918** – Список судов речного флота по переписи 1916–17 гг. Бассейн реки Волги. СПб., 1918.
- Удмуртская правда, 1937** – На Ижевском пруду // *Удмуртская правда*. 1937. 3 июня.
- Шумилов, 2002** – Шумилов Е.Ф. История Ижевского пруда и его плотины // *Ижевский пруд*. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. С. 9–35.
- ЦДНИ УР** – Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики.
- ЦГА УР** – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- МИКВ** – Музей истории и культуры города Воткинск.
- АВЗ** – Архив музея Воткинского завода.
- ГАПК** – Государственный архив Пермского края.
- Mitiukov et al., 2017** – Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S. Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders // *Bylye Gody*. 2017. № 44 (2). pp. 644–652.
- Mitiukov, Portseva, 2014** – Mityukov N.V., Portseva L.P. Ministerial Campaigns: The “Izh” and “Shrapnel” Steamers // *Russkaya starina*. 2014. Vol. 10. № 2. pp. 85–93.

References

- AVZ** – Arkhiv muzeya Votkinskogo zavoda [Archive of the Votkinsk's plant museum]. [in Russian]
- CDNI UR** – Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Udmurtskoy Respubliki [Center for Documentation of Contemporary History of the Udmurt Republic]. [in Russian]
- CGA UR** – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic]. [in Russian]
- GA PK** – Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya [State Archives of Perm Krai]. [in Russian]
- Gusev, 2005** – Gusev A. (2005). Izhevskoye ozero [Izhevsk's Lake]. *Luch*. № 5–6. pp. 82–84. [in Russian]
- Karmanov, 2017** – Karmanov V. (2017). Na barzhe ot Sarapula do Golian [On a barge from Sarapul to the Golian]. Korobeynikov A.V. Izhevsko-votkinskoye vosstaniye: pravda pobediteley. Izhevsk: Idnakar. pp. 143–159. [in Russian]
- Korobeynikov, 2014** – Korobeynikov A.V. (2014). O martirologe Volgo-Kamskogo flota [On the martyrology of the Volga-Kama fleet]. *Idnakar: metody istoriko-kulturnoy rekonstruktsii*. № 6 (23). pp. 168–193. [in Russian]

- [Lapshin et al., 2012](#) – *Lapshin R.V., Mityukov N.V., Portseva L.P., Korobeynikov A.V. (2012). Parokhody Izhevskikh zavodov [Steamers of Izhevsk's plants]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. № 3. pp. 138–143. [in Russian]*
- [Lapshin et al., 2014](#) – *Lapshin R.V., Mityukov N.V., Portseva L.P. (2014). Udmurtskiye nazvaniya v morskoy i rechnoy flote Rossii [Udmurt names in the sea and river fleet of Russia]. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 104 p. [in Russian]*
- [MIKV](#) – Muzey istorii i kultury goroda Votkinsk [Museum of History and Culture of Votkinsk].
- [Mitiukov, Portseva, 2014](#) – *Mityukov N.V., Portseva L.P. (2014). Ministerial Campaigns: The “Izh” and “Shrapnel” Steamers. Russkaya Starina. Vol. 10. № 2. pp. 85–93.*
- [Mitiukov et al., 2017](#) – *Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S. (2017). Votkinsk's shipbuilding during the First World War. Reconstruction and analysis of the structure of military orders. Bylye Gody. № 44 (2). pp. 644–652.*
- [Mityukov, 2015](#) – *Mityukov N.V. (2015). Parokhody postroyki Izhevskikh zavodov [Steamships built Izhevsk factories]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. № 2. pp. 95–99. [in Russian]*
- [Mityukov, Matveyev, 2017](#) – *Mityukov N.V., Matveyev D.V. (2017). Votkinskoye sudostroyeniye v nachale 1920-kh gg. [Votkinsk's shipbuilding in the early 1920's]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. № 2. pp. 98–106. [in Russian]*
- [Nikitin, 2016](#) – *Nikitin O. (2016). Sudostroyeniye na Votkinskom zavode v kontse XIX – nachale XX vv. [Shipbuilding at the Votkinsk's plant in the late XIX – early XX centuries]. Vitil. № 5. pp. 5–41. [in Russian]*
- [Registr, 1926](#) – Registr Soyuz SSR. Spisok rechnykh sudov. Sostavlen po dannym Mestnykh Byuro Registra Soyuz SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. M.: Transpechat. 1926. 503 p. [in Russian]
- [Selivanovskiy, 2014](#) – *Selivanovskiy S.N. (2014). Staryy Izhevsk. Sobytiya i lyudi v obyektive fotografov [Old Izhevsk. Events and people in the lens of photographers]. Izhevsk: Knigograd. 292 p. [in Russian]*
- [Selivanovskiy, 2017](#) – *Selivanovskiy S.N. (2017). Staryy Izhevsk Sobytiya i lyudi v obyektive fotografov [Old Izhevsk Events and people in the lens of photographers]. Ch.2. Izhevsk: Knigograd. 380 p. [in Russian]*
- [Shumilov, 2002](#) – *Shumilov E.F. (2002). Istoriya Izhevskogo pruda i ego plotiny [The history of the Izhevsk's lake and its dam]. Izhevskiy prud. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. pp. 9–35. [in Russian]*
- [Spisok, 1914](#) – Spisok rechnykh parovykh sudov Rossiyskoy imperii po perepisi 1912 goda. Po rechnym basseynam [List of river steam vessels of the Russian Empire according to the census of 1912. By river basins]. SPb. 1914. [in Russian]
- [Spisok, 1918](#) – Spisok sudov rechnogo flota po perepisi 1916–17 gg. Basseyn reki Volgi [List of ships of the river fleet according to the census of 1916–17. Basin of the Volga River]. SPb. 1918. [in Russian]
- [Spisok, 1923](#) – Spisok sudov rabochego yadra rechnogo flota SSSR. Ch. 1. Transportnyy flot volzhskogo basseyna [List of vessels of the working core of the river fleet of the USSR. Part 1. Transport fleet of the Volga basin]. M.: Tsentralnoye Upravleniye Rechnogo Transporta NKPS. 1923. [in Russian]
- [Udmurtskaya pravda, 1937](#) – Na izhevskom prudu [On the Izhevsk's lake]. Udmurtskaya pravda. 3 iyunya. [in Russian]
- [Votkinskiy zavod, 1999](#) – Votkinskiy zavod. Istoriya razvitiya proizvodstva za 240 let [Votkinsk's Plant. History of production development for 240 years]. Izhevsk: Izhevskiy poligraficheskiy kombinat. 1999. 338 p. [in Russian]
- [Votkinskiy zavod, 2010](#) – Votkinskiy zavod. Nas obyedinyayet Pobeda! Zavod № 235 v Otechestvennoy voyne 1941–45 gg. [Votkinsky plant. We are united by Victory! Factory number 235 in the Patriotic War of 1941–45]. Izhevsk: Izhevskiy poligraficheskiy kombinat. 2010. 192 p. [in Russian]
- [Zhilin, 2011](#) – *Zhilin S. (2011). Na Izhevskom prudu [On the Izhevsk's lake]. Avtovitrina. 12 sentyabrya. P. 13. [in Russian]*
- [Zhilin, 2012](#) – *Zhilin S. (2012). Na beregakh istorii [On the shores of history]. Delovoy kvadrat. № 9 (84). pp. 62–64. [in Russian]*
- [Zhilin, 2015](#) – *Zhilin S. (2015). Vverkh po Izhevskomu prudu [Up the Izhevsk's lake]. Delovoy kvadrat, № 7 (115). pp. 62–65. [in Russian]*

Пароходы Ижевских заводов 1910-х гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, e, *} Светлана Леонидовна Баутина ^f, Семен Ирсылевич Адиньяев ^g

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, Российская Федерация

^d Удмуртский государственный университет, Российская Федерация

^e Московский экономический институт, Российская Федерация

^f Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^g Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. Ижевский пруд в XIX – первой половине XX вв. представлял собой важную транспортную артерию для обеспечения работы Ижевских заводов, прежде всего для связи завода с Воложкой и Колтомой. Для удешевления и убыстрения перевозок в конце XIX в. на Ижевском пруду появились первые пароходы.

На основе делопроизводственной документации Ижевского и Воткинского заводов, краеведческой литературы и анализа фотоматериалов произведена попытка установить общее количество ижевских пароходов и их наименований. Несмотря на то, что в разные периоды на пруду имелось всего два активно использовавшихся парохода, общее количество их было не менее шести. Наиболее вероятная картина состава Ижевского пароходства следующая: пароход «Шторм», вероятно, так и остался на Каме. «Пчелка», бывший пароход купца И.И. Бодалева, использовался как самоходное плавсредство. Моторная лодка, вероятно «Граната», эксплуатировалась на пруду непродолжительное время, в начале 1920-х гг. увезена обратно на Каму. В 1921 г. два наиболее активно использовавшихся парохода «Иж» и «Шрапнель» переименовали в «Красную звезду» и «Свободу». А в середине 1920-х гг. к ним присоединился только что построенный в Воткинске пароход «Красная заря», переименованный в «Красный сплавщик». В конце 1920-х гг. «Красная звезда» вернулась в Воткинск, где под наименованием «Азин» работала на местном пруду. Оба оставшихся парохода служили на Ижевском пруду до 1950-х гг.

Ключевые слова: Ижевск, Ижевский пруд, Воткинский завод, Ижевские заводы, история, судостроение, навигация, водный транспорт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1321-1329. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1321
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Milan Štefaník and Formation of Czech and Slovak Legions in the USA

Boris V. Kolesnikov ^{a, *}, Olga Yu. Redkina ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

In 1916-1918 there is a peak of activity of the Czech and Slovak movement for independence and creation of their own state. During that period, political struggle was connected with military units' formation in the Entente countries and USA. There were Czech and Slovak emigre communities and prisoners of war contingents in these countries. This article is devoted to consideration of the Czech and Slovak national movement in the USA during the World War I. First of all, actions of M.R. Štefaník, member of the Czechoslovak National Council, when he visited USA, for activation of the national movement, are analyzed. Basic problems, which faced Czech and Slovak organizations in the USA before and after their joining the War, and difficulties on a way to military units' formation there, are studied. M.R. Štefaník's tactics on decision of military and national issues of Czechs and Slovaks in America is specified. The article shows the way how his activity assisted Czech and Slovak organizations in the USA to recognize the political line of T.G. Masaryk. It proves M.R. Štefaník managed to convince his American countrymen that future of Slovaks as a substantive nation was possible only if they would be allied with Czechs and through creation of common state of both nations. Furthermore, peculiar attention is drawn to problem of relations between the national organizations and federal government. It is concluded about specific features of volunteers recruitment process in the USA for the Czech-Slovak military units. These legions had to serve as a base of the Czechoslovak republic's army and earn international recognition.

Keywords: Czechs, Slovaks, émigrés, volunteers, USA, M.R. Štefaník, military units.

1. Введение

Милан Растислав Штефаник (21 июля 1880 г. – 4 мая 1919 г.) – выдающийся политический деятель, дипломат, генерал, его имя неразрывно связано с образованием Чехословацкой республики. Он организовал создание воинских частей из своих соотечественников в России, США, Италии, Румынии. Формирование легионов в каждой стране проходило в различных политических условиях, что нашло отражение в их специфике.

Личность этого выдающегося человека широко известна во всем мире, но, к сожалению, мало знакома россиянам, о чем свидетельствуют неоднократно проводимые автором статьи опросы школьников, студентов и различных категорий взрослого населения. Исследование имеет особую актуальность в связи со столетием образования Чехословацкой республики.

Цель исследования – выявить особенности деятельности М.Р. Штефаника по формированию чешско-словацких легионов в США.

2. Материалы и методы

В качестве источников использованы правительственные и административные документы, официальная дипломатическая документация (Šolle, 1994), документы общественных организаций, мемуарные (Janin, 1923, 1933, Жанен, 1927, Beneš, 1927–1928) и эпистолярные источники.

* Corresponding author

E-mail addresses: boryanVolg34@mail.ru (B.V. Kolesnikov), redou@mail.ru (O.Yu. Redkina)

К документам административных органов относятся материалы высших правительственных ведомств. Источники данного вида содержат сведения о взаимодействии М.Р. Штефаника с политиками и органами власти, о восприятии его деятельности в официальных кругах и о чехословацком движении в целом и в отдельных странах.

Официальная дипломатическая документация включает документы внешнеполитической деятельности Франции, Италии, России, США и других стран, а также меморандумы и декларации Чехословацкого национального совета (ЧНС), имевшие международное значение. Документы дипломатического характера опубликованы в сборниках по проблеме возникновения Чехословакии (*Vznik Československa, 1994*) и по истории советско-чехословацких отношений (*Документы по истории, 1973*). Кроме того, к дипломатическим документам можно отнести переписку Т.Г. Масарика и Э. Бенеша во время Парижской мирной конференции (*Šolle, 1994*). Источники, принадлежащие к данному виду, подробно рассказывают о процессе и результатах дипломатических миссий М.Р. Штефаника в разных странах в годы Первой мировой войны, его усилий по созданию чехословацких легионов. Документы данного вида позволяют определить международное значение деятельности М.Р. Штефаника.

Источники личного происхождения представляют собой личную переписку и мемуарную литературу. Письма рассказывают о характере взаимоотношений М.Р. Штефаника со своим окружением. К числу данного вида источников относятся письма М.Р. Штефанику журналистки Л. Вайс и письма самого М.Р. Штефаника своим коллегам по ЧНС. Мемуарные источники представляют собой воспоминания ближайших соратников М.Р. Штефаника и тех, с кем он непосредственно работал. Следует помнить, что мемуары пишутся спустя годы после описываемых событий, но при этом они очень ценны как целостный рассказ самих участников событий. Мемуары интересны также тем, что дают информацию о разных аспектах чехословацкого национального движения, действиях М.Р. Штефаника и оценку этих действий. Среди мемуарных источников следует назвать воспоминания начальника французской военной миссии в России генерала М. Жанена и генерального секретаря Чехословацкого национального совета Э. Бенеша.

К настоящему времени использованы далеко не полностью резервы имеющейся источниковой базы. Постепенно обнаруживаются совершенно неизвестные до сих пор архивные материалы, раскрывающие различные направления деятельности М.Р. Штефаника и его окружения.

В качестве методологии использована концепция «персональной истории», которая, восстанавливая историю одной жизни, направлена на выявление социального макроисторического контекста. Методологическая основа исследования базируется на принципе историзма. Были использованы классические методы исторической науки: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический.

3. Обсуждение и результаты

Создание армии Чехословацкого государства является малоизученной проблемой. Советские и российские историки обращали свое внимание на личность М.Р. Штефаника и его деятельность, главным образом, по поводу событий, связанных с чехословацким корпусом в Сибири. Работа М.Р. Штефаника по созданию воинских частей в других странах затрагивается только в исследованиях зарубежных историков, тем более нет научных статей, посвященных его деятельности в Соединенных Штатах Америки.

Милан Растислав Штефаник – человек удивительной судьбы, он прожил недолгую, но яркую и плодотворную жизнь. На формирование его общественно-политических взглядов большое влияние оказала семья, в которой у детей воспитывали национальные чувства. Родственники Милана были активными защитниками прав словаков, участвовали в вооруженном восстании 1848 года. М.Р. Штефаник был знаком с проблемами своего народа с раннего детства, он рос в среде, в которой сформировалась программа Словацкого национального совета. Уроком патриотизма для Милана были беседы его родителей с лидером словацкого национального движения Йозефом Гурбаном. Во время обучения в Праге М.Р. Штефаник оказался под сильным влиянием взглядов профессора Т.Г. Масарика, считавшего, что достижение независимости Словакии возможно лишь в объединении национального движения с Чехией. Милан стал активно пропагандировать позицию Т.Г. Масарика в молодежных общественных организациях. В молодые годы сформировались представления М.Р. Штефаника о том, в каком направлении необходимо развивать национальное движение, и они определили его будущее как деятельного борца за национальную свободу чехов и словаков.

До Первой мировой войны М.Р. Штефаник добился больших успехов в науке, стал выдающимся словацким астрономом, совершал многочисленные экспедиции, проводил наблюдения Солнца. В настоящее время астрономическая обсерватория в Праге носит имя М.Р. Штефаника. Он умел сочетать научные исследования с государственными интересами Франции, в чем проявились его незаурядные дипломатические способности, умел найти подход к самым высокопоставленным и влиятельным людям. Отправляясь в научные экспедиции, М.Р. Штефаник попутно успешно выполнял важные поручения французских официальных ведомств. В научных и дипломатических целях он совершил два кругосветных путешествия. М.Р. Штефаник никогда не терял связь со своими

соотечественниками, устанавливал контакты с ними по всему миру, что впоследствии ему помогло сплотить чехов и словаков, активизировать национальное движение.

С начала Первой мировой войны М.Р. Штефаник стал военным летчиком, совершал разведывательные полеты. Его выдающиеся личные и профессиональные качества способствовали быстрому продвижению по военной службе. Научные познания помогли ему во Франции, Италии и Румынии создать метеорологические станции для авиации. М.Р. Штефаник активно включился в политическую деятельность, проводил агитационную работу среди чехов и словаков, призывал к сплочению с целью создания Чехословацкого государства. Он организовал во Франции первую эскадрилью из чешских и словацких добровольцев. Она стала прообразом вооруженных сил будущей республики. Военные успехи М.Р. Штефаника благоприятствовали его дипломатической деятельности. Он устанавливал контакты со словацкими и чешскими политическими организациями и обществами, а также с видными политическими деятелями. С созданием Чехословацкого национального совета М.Р. Штефаник стал заместителем председателя.

Он трижды побывал в России: в первый раз для наблюдения полного солнечного затмения в Туркестане, второй и третий раз – с дипломатическими миссиями. В 1916–1917 гг. М.Р. Штефаник содействовал объединению российских чехов и словаков вокруг Чехословацкого национального совета. Его имя неразрывно связано с образованием чехословацкого корпуса в России.

Весь жизненный путь Милана Штефаника был связан с чешско-словацким национальным движением. Главную предпосылку достижения успеха он видел в создании чехословацкой армии, которая станет сильным аргументом в признании государства чехов и словаков на мирных переговорах (Musil, Biagini, 2012: 6).

М.Р. Штефаник добивался формирования легионов из военнопленных чехов и словаков, обсуждал эту идею в военных и дипломатических кругах Франции (Станков, 2012: 103). Задача эта была непростой. Чехословацкая армия формировалась с большими трудностями. Причина была не в недостатке добровольцев, их как раз было много. Международное право запрещало использование военнопленных против собственного государства. Согласно п. 6 приложения о правилах войны на суше Гаагской конвенции от 18.10. 1907 года, «государство имеет право использовать труд военнопленных, но их труд не может иметь никакого отношения к военным действиям» (Musil, Biagini, 2012: 8). Пленным дезертирам в случае ареста угрожала немедленная казнь. Дезертир вражеской армии считался потенциальным врагом и шпионом. Было также опасение, что войско из военнопленных будет ненадежным и при первой возможности убежит домой (Bartůšek, 1938: 69).

Однако во время Первой мировой войны происходили события вопреки международному законодательству: из военнопленных были сформированы воинские части. М.Р. Штефаник, доказывая правомочность таких действий, говорил, что «чехословацкая армия (относительно единая) будет привязана к государству, которое еще не существует и не является членом Гаагской конференции, значит в адрес союзников нельзя выдвинуть обвинения в нарушении конвенции» (Musil, Biagini, 2012: 8).

На военнопленных каждое государство смотрело как на ценный ресурс, который можно использовать в своих интересах. М.Р. Штефанику требовалось посетить все государства, где были пленные чехи и словаки, вести там переговоры с правительствами, верховными командующими, генеральными штабами и главами государств (Kováč, 1996: 66).

Если рассматривать создание воинских частей из чехов и словаков в разных странах как исторический процесс, который в результате привел к появлению боеспособной армии нового государства – Чехословакии, то действия М.Р. Штефаника в России, Америке, Италии, Франции, Румынии следует считать звеньями одной цепи.

В России благодаря миссии М.Р. Штефаника было положено начало формированию чехословацкого легиона. Этому способствовало освобождение военнопленных, которых в России по сравнению с другими странами было больше всего.

Созданные в России чешско-словацкие военные формирования позже показали свою высокую боеспособность на Восточном фронте Первой мировой войны. 1–2 июля 1917 г. в условиях неудачного для российской армии июньского наступления у Зборова недавно сформированная и еще недостаточно вооруженная Чешско-Словацкая стрелковая бригада (3500 человек) атаковала превосходящие позиции противника (5500 человек) и продвинулась вглубь неприятельских позиций на 5 км, захватив 3300 человек пленными. 8–13 марта 1918 г. у Бахмача наступавшие по всему фронту немецкие войска, не встречавшие сопротивления со стороны советских частей, были на время задержаны Чехословацким корпусом до прибытия армии Р.Ф. Сиверса, что выиграло время для эвакуации чешско-словацких эшелонов из неминуемого окружения.

Значительных успехов удалось М.Р. Штефанику достичь в этом направлении в Румынии. В конце 1917 г. Франция разрешила создать на своей территории чехословацкие боевые подразделения. Это были легионы, созданные, прежде всего, М.Р. Штефаником. Ему удалось сломить противодействие Италии, которая дольше всех препятствовала созданию армии из военнопленных.

Находясь в России в 1917 году, М. Штефаник предложил генералу М. Жанену план дальнейших действий. Он собирался побывать в США, где живут тысячи чешских и словацких эмигрантов, их нужно привлечь в национальное движение, объединить на основе политической программы

Чехословацкого национального совета. Кроме того, следовало в США продолжить работу по созданию чешско-словацких воинских частей. План понравился французскому Генеральному штабу ([Juríček, 1969: 124](#)).

В США словаки стали эмигрировать с конца XIX века в поиске работы. Исторически сложилось так, что наибольшее количество представителей этой национальности сосредоточилось в нескольких американских городах: это, прежде всего, Питтсбург, Кливленд, Нью-Джерси, Нью-Йорк и Иллинойс.

В канун мировой войны количество словаков-эмигрантов в Соединенных Штатах насчитывало около 700 тыс. человек. Они создали здесь разветвленную сеть обществ, которая имела свои печатные органы и информировала мировую общественность о притеснениях словаков в Венгрии. В 1907 г. была создана главная политическая организация эмигрантов – Словацкая Лига ([Боровец, 2013: 34](#)).

Несмотря на то, что к 1914 г. США являлись главным центром эмиграции чехов и словаков, число американцев, знавших о существовании этих народов, по выражению одного из первых исследователей чехословацкой истории и непосредственного участника событий профессора Герберта Миллера, можно было пересчитать по пальцам ([Miller, 1940: 71–72](#)).

Во второй половине XIX – начале XX в. чехи и словаки уезжали из Австро-Венгрии в основном не из-за политических, а социально-экономических проблем ([Mamatey, 1967: 226, 230](#)). В США они объединялись в небольшие группы по политическим, этническим, религиозным признакам ([Mamatey, 1967: 230](#)), во многом повторяя разделение на партии и группы, существовавшее в Богемии и Словакии. В марте 1915 г. на основе объединения нескольких региональных национальных организаций в США был создан Богемский национальный альянс (БНА) с штабом в Чикаго и Нью-Йорке, занимавшийся поиском средств для финансирования чешского освободительного движения и продвижением его лозунгов в политических и общественных сферах США ([Редькина, 2006: 31–41](#)). Лидерами БНА стали чехи Ч. Перглер в Чикаго и Э. Воска – в Нью-Йорке. Главной целью его создания являлись поиск финансовых ресурсов для обеспечения деятельности ЧСНС и привлечение внимания к проблеме создания чехословацкого государства американского общественного мнения и политических кругов страны ([Miller, 1940: 74](#)).

Председатель общества «Католическое единство» М. Янкола в письме от 11 декабря 1914 г. выдвинул характерные обоснования целесообразности объединения словаков с чехами: «Мы имеем почти одинаковый язык, предпринимательские качества чехов будут существенной помощью нашей экономической слабости. Образцом объединения может стать Австро-Венгрия» ([Dokumenty slovenskej identity, 1998: 439](#)). Практическим следствием такой позиции стало подписание между Словацкой Лигой и эмигрантским Чешским национальным союзом Кливлендского соглашения 22 октября 1915 г. ([Чехия и Словакия, 2005: 62](#)), в котором была закреплена идея вхождения Словакии в общее государство с чехами на правах широкой национальной автономии и создан чешско-словацкий комитет.

США не имели четкой политики ни относительно национального вопроса в Европе в целом, ни по отношению к Австро-Венгрии на протяжении всего 1917 г., предпочитая следовать за линией своих европейских союзников. Объявление войны венскому правительству последовало лишь спустя несколько месяцев после вступления в войну с Германией.

Тем не менее, вступление США в войну предоставило более широкие возможности для деятельности американских чехов и словаков. Не найдя понимания в среде исполнительной власти, БНА пытался привлечь на свою сторону членов Конгресса и американское общественное мнение ([Зорин, 2007: 139](#)).

М.Р. Штефаник был убежден, что за свободу должны активно бороться чехи и словаки не только в России и Европе, но и в Америке. 2 июня 1917 г. майор французской армии М.Р. Штефаник отправился в США и вплоть до 2 ноября 1917 вел переговоры об отправке чехословацких подразделений во Францию ([Ferenčuhová, 2008: 139](#)). Идея вербовки добровольцев возникла еще тогда, когда США были нейтральны. В то время речь шла о добровольцах из числа эмигрантов, которые еще не стали американскими гражданами. Их было более миллиона ([Kele, 2010: 108](#)). Однако, когда 20 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, ситуация изменилась. Многие чехи и словаки, официально ставшие гражданами страны, были призваны в армию. Земляческие ассоциации, не понимавшие значения создания собственного чехословацкого войска, призывали соотечественников, кто не имел американского гражданства, добиваться его получения. Это снижало количество потенциальных добровольцев.

М.Р. Штефаник понимал, что ему предстоит решение трудной задачи, но он, как ученый, привык в своих действиях руководствоваться правилом: «надо учесть все возможные непредвиденные препятствия не для того, чтобы оправдать ими свое отступление, но для того чтобы устранить их одно за другим» ([Kautský, 2004: 167](#)).

Лидеры чешских и словацких ассоциаций изначально не были склонны к созданию общих войск. В Америке М.Р. Штефаник встречался с представителями различных словацких и чешских объединений, добивался согласия между ними по вопросам, связанным с созданием после войны совместного государства чехов и словаков. У соотечественников М.Р. Штефаника, проживающих в Соединенных Штатах Америки были противоречивые представления о формах правления, характере чешско-словацкого государства, о его положении в Центральной Европе, организации

взаимоотношений с США и Западной Европой. Представители словацких землячеств высказывали опасения по поводу возможной чешской политической, экономической и культурно-языковой гегемонии. Доказательством этих опасений стали два договора, заключенные между чехами и словаками в США. В Кливлендском договоре от октября 1915 г. говорилось о федеративных отношениях чехов и словаков, в Питсбурге в мае 1918 г. было подписано соглашение, составленное Т.Г. Масариком, которое гарантировало словакам автономию в рамках будущего государства.

Доступ в высокопоставленные общества Нью-Йорка позволил М.Р. Штефанику воздействовать на влиятельных людей и американскую прессу. Словацкие организации в США предоставили значительную финансовую помощь парижскому ЧСНС. На страницах словацкой прессы в США постепенно стала красной линией проходить идея общего государства чехов и словаков при соблюдении взаимного национального суверенитета обоих народов.

Трудности, с которыми столкнулся М. Р. Штефаник, были связаны с тем, что Соединенные Штаты следовали политике монолитной нации и упорно возражали против создания войск из отдельных этнических групп и ранее выразили свое неприятие полякам, югославам и румынам (Musil, Biagini, 2012: 8). В марте 1917 г., за несколько месяцев до приезда М.Р. Штефаника, президент В. Вильсон отказал полковнику Т. Рузвельту в наборе добровольцев для французского фронта.

Очень сложной задачей оказалось объединение чехов и словаков в воинские легионы. Нелегко было получить согласие США, которые недавно вступили в войну, на набор добровольцев в чехословацкую заграничную армию. Однако М.Р. Штефанику удалось вступить в переговоры с советником, а затем с заместителем министра иностранных дел Фрэнком Полком. На основании достигнутых соглашений американское правительство обещало «закрывать глаза» на призыв чешско-словацких добровольцев, которые не были американскими гражданами или были гражданами США старше 30 и не моложе 20 (непризывного возраста). В конце концов разрешение Соединенных Штатов было распространено на всех новобранцев чешско-словацкого происхождения, которых не призывали в армию. Из соображений конфиденциальности М.Р. Штефаник представлялся агентом земляческой организации физического воспитания «Сокол» (Kautský, 2004: 167).

М.Р. Штефаник должен был убедиться, что нет никаких обстоятельств, которые привели бы Соединенные Штаты к компрометирующей ситуации. Еще одним доказательством его дипломатического искусства было то, что аналогичные проекты набора, начатые впоследствии сербами и румынами, были отклонены правительством США, прежде всего потому, что они не выполнялись достаточно осторожно (Musil, Biagini, 2012: 9). М.Р. Штефаник гарантировал конфиденциальность своей кампании через ассоциации эмигрантов. В их политической программе значилось, что вербовка добровольцев является лишь второстепенной деятельностью.

В США активную роль в освободительном движении играли словацкие переселенцы, которых там насчитывалось свыше полумиллиона (Gosioroský, 1969: 291–305). При их активной помощи и поддержке французских дипломатов М.Р. Штефаник получил одобрение президента В. Вильсона на набор добровольцев, которые будут перевезены в Европу как часть чешско-словацких легионов. Он получил поддержку в создании Чехословацкого государства со стороны многих видных американских политиков, таких, как Т.Д. Рузвельт (Fuska, 1999: 25).

В воскресенье 23 сентября 1917 г. М.Р. Штефаник завершил «Манифест Чехословацкого национального совета», которым провозглашалась всеобщая народная мобилизация (Kautský, 2004: 168). В этом манифесте он специально отождествил идею чехословацкой революции с идеалами американской революции и интересами всего цивилизованного мира. Уже на следующий день он отправился в Вашингтон на переговоры с государственным секретарем США Р. Лансингом для обсуждения этого документа.

Благодаря энергичным действиям М.Р. Штефаника все земляческие газеты опубликовали манифест одновременно – 4 октября 1917 г. Казалось бы, успех достигнут, но тут возникло препятствие: французское правительство А. Рибо изменило свою позицию. Из Парижа пришла телеграмма о недостатке судов для транспортировки добровольцев во Францию, которая в это время вела тайные переговоры с австрийцами о сепаратном мире.

М.Р. Штефаник созвал совещание французских представителей в Вашингтоне и убедил верховного комиссара А. Тардье отправить в Париж телеграмму с нотой протеста, так как задержки в перевозке чехословацких бойцов нарушают обещания. Австрофильские политики в Париже отступили. Первая группа добровольцев из США прибыла в центр сбора чехословацких легионов во Франции 23 ноября 1917 г. (Kautský, 2004: 168).

В результате деятельности М.Р. Штефаника из Соединенных Штатов прибыли во Францию 2304 человека, из которых 2089 словаков (Ferenčuhová, 2008: 140). Ему удалось учредить в США «Czechoslovak committee» – совместный орган американских эмигрантских организаций, который продолжил вербовку добровольцев, к концу войны их число достигло 4000 человек. В то же время в регулярной армии США воевали против центральных держав 26000 солдат словацкого и 15000 чешского происхождения (Ferenčuhová, 2008: 140).

М.Р. Штефаник не только преодолел противодействие американских правительственных кругов, он даже заслужил их восхищение. Французский военный атташе в Вашингтоне написал в своем личном дневнике о Милане Штефанике: «...Это большой патриот, полный пламенных, высоких

чувств. Его такт и благоразумие вызвали симпатии высоких сановников внешнеполитического ведомства США» (Kautský, 2004: 169). После выступления в Карнеги-холл он организовал праздничный ужин для дипломатов и видных журналистов. Этот вечер тоже способствовал его успеху (Kautský, 2004: 167). Франция признала заслуги М.Р. Штефаника и вручила ему офицерский Крест Почетного легиона.

В борьбе М.Р. Штефаника за статус чехословацких легионов во Франции в конечном итоге решающую роль сыграли балканские события и тот факт, что во Францию начали прибывать чехословацкие солдаты из России и добровольцы из США. 16 декабря президент Р. Пуанкаре и военный министр Ж. Клемансо утвердили декрет о создании чехословацкой армии во Франции, подготовленный М.Р. Штефаником и Э. Бенешем. В декрете говорилось, что «чехословаки, организованные в автономную армию и признающие в военной области наивысший авторитет французской военной власти, будут сражаться против центральных держав под собственным флагом». Второй пункт гласил, что в политических вопросах данная народная армия будет находиться под руководством Национального совета чешских и словацких земель, расположенного в Париже (Kautský, 2004: 178). 12 февраля 1918 г. для исполнения функций командующего чехословацкой армией и его заместителя выбрали дивизионного генерала Мориса Жанена и М.Р. Штефаника, как вице-президента Чехословацкого национального совета. Они направились во французский Генеральный штаб в Компьене к генералу А.Ф. Петену, где предотвратили включение чехословацких войск в Иностранный легион. Общая численность чехословацкой армии во Франции тогда достигла 11 264 солдат (Ferenčuhová, 2008: 141).

М.Р. Штефаник устранил противоречия во взглядах своих зарубежных соотечественников на национальное движение и будущее чехов и словаков в чехословацком государстве. Когда, приехав в США, Т.Г. Масарик подписал Питтсбургское соглашение, он пожал все плоды дипломатической миссии М.Р. Штефаника (Musil, Biagini, 2012: 8).

Руководители Словацкой Лиги 31 мая 1918 г. заключили с американскими чехами Питтсбургское соглашение, в котором было закреплено предоставление словакам в будущем чехословацком государстве собственной администрации, сейма, судов. Словацкий язык должен был стать официальным в образовательных заведениях, государственных учреждениях и общественной жизни (Dokumenty slovenskej identity, 1998: 485). Текст соглашения был составлен и подписан будущим президентом Чехословакии Т.Г. Масариком, который торжественно провозгласил: «Чешского большинства не следует бояться, оно будет в Чехии, в Словакии будет большинство словацкое. Каждая ветвь будет хозяином в своем доме» (Kronika, 1998: 85).

М.Р. Штефаник еще раз побывал в США по пути в Россию. Он прибыл в Америку 2 сентября 1918 г. и задержался до конца сентября (Kele, 2010: 110). В США он каждый день встречался с Т.Г. Масариком, после приезда М. Жанена они обсуждали состояние чешско-словацкого дела в США и других странах. Но главной проблемой было положение чехословацкого корпуса в России. 13 сентября вместе с генералом М. Жаненом и Т.Г. Масариком М.Р. Штефаник участвовал во встрече нью-йоркской чешско-словацкой диаспоры. Беседа с соотечественниками показала, что никаких разногласий между ними уже нет, все понимают цель ЧСНС и верят, что скоро будет создана Чехословакия. 17 сентября в Вашингтоне он нанес визит Р. Лансину и генералу П.К. Марчу. 21 августа в Сан-Франциско М.Р. Штефаника встретила с флагами делегация земляков. Там же состоялась его беседа с представителями отделения ЧСНС в России Шпачком и Гуском, которые познакомили М.Р. Штефаника с ситуацией в России (Juríček, 1969: 149). Из Америки М.Р. Штефаник отправлялся в Сибирь к чехословацким legionерам, которые оказались в очень сложных условиях гражданской войны.

4. Заключение

Таким образом, создание воинских частей из чехов и словаков в США имело ряд характерных особенностей. Во-первых, этому в значительной степени противодействовало правительство страны, которое рассматривало этнические группы как часть единой американской нации. Во-вторых, политику правительства поддерживали руководители земляческих обществ, которые призывали чешских и словацких эмигрантов получать американское гражданство. После вступления США в войну все они были призваны в армию. В-третьих, в Америке чешско-словацкое национальное движение по сравнению с Европой и Россией было слабым, неактивным, чехи и словаки в США были далеки от главных течений борьбы соотечественников за независимость, многие не верили в возможность создания собственного государства.

М.Р. Штефанику, благодаря своим дипломатическим способностям, удалось добиться формирования воинских отрядов из добровольцев и отправки их в Европу. В скором будущем они стали частью чехословацкой армии.

Заслугой М.Р. Штефаника во время его пребывания в США следует считать сплочение чехов и словаков на основе политики Чешско-Словацкого национального совета.

Литература

- Боровец, 2013** – Боровец И.И. Словацкий вопрос в годы Первой мировой войны // *Вестник Удмуртского университета*. 2013. Вып. 1. С. 33–38.
- Документы по истории, 1973** – Документы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1: ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М., 1973. 548 с.
- Жанен, 1927** – Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // *Сибирские огни*. 1927. № 4.
- Зорин, 2007** – Зорин А.В. США и борьба за создание Чехословакии // *Вестник Вятского государственного университета*. 2007. Вып. 19. С. 138–144.
- Редькина, 2006** – Редькина О.Ю. Социокультурные и экономические проблемы реэмиграции духоборцев из Канады в Россию в 1917–1920-х гг. // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. Вып. 11. С. 31–41.
- Станков, 2012** – Станко Н.Н. Рец. на кн.: Ferencuhova B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava, 2008. 490 s. // *Славяноведение*. 2012. № 1. С. 103–105.
- Чехия и Словакия, 2005** – Чехия и Словакия в XX в. Очерки истории. Кн. 1 / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005. 453 с.
- Bartůšek, 1938** – Bartůšek J. Milan Rastislav Štefánik. Jeho život a dílo // Milan Rastislav Štefánik. Zborníček o jeho živote, práce a oběti. Praha, 1938. pp. 49–73.
- Beneš, 1927–1928** – Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. 3 volumes. Praha, 1927–1928.
- Dokumenty slovenskej identity, 1998** – Dokumenty slovenskej identity a štátnosti. Zv. I. / Michal Barnovský; ved. red. Ján Beňko. Bratislava, 1998. 526 p.
- Ferenčuhová, 2008** – Ferencuhová B. Vizie a diplomacia: Štefánik medzi vojnou a mierom (1914–1919). Francúzsko a slovenská otázka 1789 – 1989. Bratislava, 2008. pp. 130–163.
- Fuska, 1999** – Fuska J. M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch. Bratislava, 1999. 131 p.
- Gosiouroský, 1969** – Gosiouroský M. Slovenská otázka za prvej svetovej vojny. Slováci a ich národný vývin. Bratislava, 1969. pp. 291–305.
- Janin, 1923** – Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha, 1923. 383 p.
- Janin, 1933** – Janin M. Ma mission en Sibirie. 1918–1920. Paris, 1933. 307 p.
- Juriček, 1969** – Juriček J. M.R. Štefánik. Životopisný náčrt. Bratislava, 1969. 172 p.
- Kautský, 2004** – Kautský E.K. Kauza Štefánik (Legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky). Martin, 2004. 299 p.
- Kele, 2010** – Kele F. Milan Rastislav Štefánik významný cestovateľ a jeho nasledovníci. Banská Bystrica, 2010. 192 p.
- Kováč, 1996** – Kováč D. Milan Rastislav Štefánik. Budmerice, 1996. 79 p.
- Kronika, 1998** – Kronika Slovenska 2. Slovensko v 20 storočí. D. Kováč a kol. Bratislava, 1998.
- Mamatey, 1967** – Mamatey V.S. The Slovaks and Carpatho-Ruthenians. The immigrants' influence on Wilson's peace policies. Lexington, 1967. pp. 225–249.
- Miller, 1940** – Miller H.A. What Woodrow Wilson and America meant to Czechoslovakia. Czechoslovakia: Twenty years of independence. Berkley, 1940. pp. 71–87.
- Musil, Biagini, 2012** – Musil M., Biagini A. Milan Rastislav Štefánik alla luce degli archivi italiani. Bratislava, 2012. 236 p.
- Šolle, 1994** – Šolle Zd. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919. Praha, 1994. 426 p.
- Vznik Československa, 1994** – Vznik Československa 1918. Dokumenty Československé zahraniční politiky. Praha, 1994. 439 p.

References

- Borovets, 2013** – Borovets I.I. (2013). Slovatskii vopros v gody Pervoi mirovoi voyny. [The Slovak question during the World War I]. *The bulletin of Udmurtia University*, Issue 1, pp. 33–38. [in Russian]
- Dokumenty po istorii, 1973** – Dokumenty po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii. T. 1: Noyabr' 1917 g.-avgust 1922 g. [Documents on Soviet-Czechoslovak relations. Vol. 1: November 1917 – August 1922]. Moscow: Nauka, 1973. 548 p. [in Russian]
- Zhanen, 1927** – Zhanen M. (1927). Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika [Fragments from my Siberian diary]. *Sibirskie ogni*. №4. [in Russian]
- Zorin, 2007** – Zorin A.V. (2007). SSHA i bor'ba za sozdanie Chekhoslovakii [The USA and struggle for creation of Czechoslovakia]. *The bulletin of Vyatka State University*, Issue 19, pp. 138–144. [in Russian]
- Redkina, 2006** – Redkina O.Yu. (2006). Sotsiokul'turnye i ekonomicheskie problemy reemigratsii dukhobortsev iz Kanady v Rossiyu v 1917–1920-kh gg. [Sociocultural and economic problems of dukhoborets remigration from Canada to Russia]. *The bulletin of Volgograd State University*. Edition 4. History. Region Studies. International Relations. Issue 11. pp. 31–41. [in Russian]
- Stankov, 2012** – Stankov N.N. (2012). Rec. na kn.: Ferencuhova B. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. Bratislava, 2008. – 490 s. [Review of the book Ferencuhova B. France and the Slovak question 1789–1989. Bratislava, 2008. – 490 s.]. *Slavyanovedenie*. №1, pp. 103–105. [in Russian]

- Chekhiya i Slovakiya, 2005** – Chekhiya i Slovakiya v XX v. Ocherki istorii. Vol. 1. [Czech and Slovakia in the XXth century. Historical sketches]. Ed. V.V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2005. 453 p. [in Russian]
- Bartůšek, 1938** – *Bartůšek J.* (1938). Milan Rastislav Štefánik. Jeho život a dílo [Milan Rastislav Štefánik. His life and deed]. Milan Rastislav Štefánik. Zborníček o jeho živote, práce a oběti. Prague: The Czechoslovak Red Cross Association. pp. 49–73. [in Czech]
- Beneš, 1927–1928** – *Beneš E.* (1927–1928). Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. 3 volumes [The world war and our revolution. Memoirs and reflections from the struggle for national freedom. 3 volumes]. Praha: Orbis a čin.
- Dokumenty slovenskej identity, 1998** – *Michal Barnovský*; ved. red. *Ján Beňko*. Dokumenty slovenskej identity a štátnosti. Zv. I. [Documents of Slovak identity and nationhood]. Bratislava: National Literary Center, 1998, 526 p. [in Slovak]
- Ferenčuhová, 2008** – *Ferenčuhová B.* (2008). Vizie a diplomacia: Štefánik medzi vojnou a mierom (1914–1919) [View and diplomacy: Štefánik between war and peace]. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. [France and the Slovak question 1789–1989]. Bratislava: VEDA, 2008, p. 130–163. [in Slovak]
- Fuska, 1999** – *Fuska J.* (1999). M.R. Štefánik v myšlienkach a obrazoch. [M.R. Štefánik in thoughts and images]. Bratislava: Elán. 131 p. [in Slovak, French and English]
- Gosiovroský, 1969** – *Gosiovroský M.* (1969). Slovenská otázka za prvej svetovej vojny [The Slovak question from the World War I]. Slováci a ich národný vývin. Bratislava. pp. 291–305. [in Slovak]
- Janin, 1923** – *Janin M.* (1923). Moje účast na československém boji za svobodu. [My participation in the Czech and Slovak struggle for freedom]. Prague: J. Otto, 383 p. [in Czech]
- Janin, 1933** – *Janin M.* (1933). Ma mission en Sibirie. 1918–1920. [My mission in Siberia. 1918–1920]. Paris: Payot. 307 p. [in French]
- Juriček, 1969** – *Juriček J.* (1969). M.R. Štefánik. Životopisný náčrt. [M.R. Štefánik. Biographical sketch]. Bratislava: Mladé letá. 172 p. [in Slovak]
- Kautský, 2004** – *Kautský E.K.* (2004). Kauza Štefánik (Legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky). [Case Štefánik (Legends, facts and questions about the appearance of Czechoslovak republic)]. Martin: Matica slovenská, 299 p. [in Slovak]
- Kele, 2010** – *Kele F.* (2010). Milan Rastislav Štefánik významný cestovateľ a jeho nasledovníci. [Milan Rastislav Štefánik famous traveler and his followers]. Banská Bystrica: R.G.T. Press, DALI-BB. 192 p. [in Slovak]
- Kováč, 1996** – *Kováč D.* (1996). Milan Rastislav Štefánik. [Milan Rastislav Štefánik]. Budmerice: RAK. 79 p. [in Slovak]
- Kronika, 1998** – *D. Kovač a kol.* Kronika Slovenska 2. Slovensko v 20 storočí [Chronicle of Slovakia 2. Slovakia in the XXth century]. Bratislava: Fortuna Print, 1998. [in Slovak]
- Mamatey, 1967** – *Mamatey V.S.* (1967). The Slovaks and Carpatho-Ruthenians. The immigrants' influence on Wilson's peace policies. Lexington: Univ. of Kentucky Press. pp. 225–249. [in English]
- Miller, 1940** – *Miller H.A.* (1940). What Woodrow Wilson and America meant to Czechoslovakia. Czechoslovakia: Twenty years of independence. Berkley: University of California Press. pp. 71–87.
- Musil, Biagini, 2012** – *Musil M., Biagini A.* (2012). Milan Rastislav Štefánik alla luce degli archivi italiani. [Milan Rastislav Štefánik in the light of Italian archives]. Bratislava: Nadácia pre záchranu kultúrneho dedičstva, 2012, 236 p. [in Italian]
- Šolle, 1994** – *Šolle Zd.* (1994). Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919. [Masaryk and Beneš in their letters from the period of the Paris peace conversations in 1919]. Prague: Archive of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 426 p. [in Czech]
- Vznik Československa, 1994** – *Vznik Československa 1918. Dokumenty Československé zahraniční politiky.* [The emergence of Czechoslovakia 1918. Documents of Czechoslovak foreign policy]. Prague: The Institute of International Relations, 1994, 439 p. [In Czech].

Милан Штефаник и формирование чехословацких легионов в США

Борис Валерьевич Колесников ^{a, *}, Ольга Юрьевна Редькина ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В 1916–1918 гг. движение чехов и словаков за независимость и создание собственного государства достигает своей самой активной стадии. В этот период политическая борьба сопровождалась формированием воинских частей во всех странах Антанты, где проживали чехи и словаки и находились чешско-словацкие военнопленные, а также в США. Данная статья посвящена рассмотрению чешско-словацкого национального движения в США в годы Первой мировой войны. В первую очередь анализируются действия члена Чехословацкого национального совета

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: boryanVolg34@mail.ru (Б.В. Колесников), redou@mail.ru (О.Ю. Редькина)

М.Р. Штефаника во время визитов в Америку по активизации национального движения. Изучены основные проблемы, стоящие перед чешскими и словацкими организациями в США до и после их вступления в войну, а также трудности на пути формирования там воинских частей. Выявляются особенности тактики М.Р. Штефаника в решении военных и национальных вопросов движения чехов и словаков в Америке. В статье показано, как его действия способствовали принятию чешско-словацким движением в США политического курса Т.Г. Масарика. Доказывается, что М.Р. Штефанику удалось убедить своих американских земляков в том, что будущее словаков как самостоятельной нации возможно лишь в союзе с чехами и через создание общего государства. Особое внимание также уделено проблеме взаимоотношений национальных организаций с федеральным правительством. В статье делается вывод об особенностях процесса набора добровольцев в США для чешско-словацких воинских частей. Эти подразделения должны были стать основой армии Чехословацкой республики и заслужить для нее международное признание.

Ключевые слова: чехи, словаки, эмигранты, добровольцы, США, М.Р. Штефаник, воинские формирования.